

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ОБРАЗОВАНИЯ
КОНГРЕСС ПЕТЕРБУРГСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРОФСОЮЗОВ

При поддержке Министерства иностранных дел Российской Федерации

ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ПАРТНЕРСТВО ЦИВИЛИЗАЦИЙ

VIII Международные Лихачевские научные чтения

22–23 мая 2008 года

*Данные Чтения (первоначальное
наименование — «Дни науки
в СПбГУП») — Шестнадцатые по счету
и Восьмые — в статусе Международных
Лихачевских научных чтений*

*Чтения проводятся в соответствии с Указом
Президента РФ В. В. ПУТИНА
«Об увековечении памяти
Дмитрия Сергеевича ЛИХАЧЕВА»
№ 587 от 23 мая 2001 г.*

Санкт-Петербург
2008

ББК 72
Д44

Научный редактор

А. С. Запесоцкий, председатель Оргкомитета VIII Международных Лихачевских научных чтений, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, член-корреспондент Российской академии образования, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный артист РФ

Ответственный редактор материалов секций

Л. А. Санкин, первый проректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, профессор

При реализации проекта используются средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с Распоряжением Президента Российской Федерации от 30 июня 2007 года № 367-РП

Рекомендовано к публикации
редакционно-издательским советом СПбГУП,
протокол № 1 от 22.09.08

Д44 **Диалог культур и партнерство цивилизаций: VIII Международные Лихачевские научные чтения, 22–23 мая 2008 г.** — СПб.: Изд-во СПбГУП, 2008. — 528 с.

ISBN 978-5-7621-0464-7

В сборнике представлены материалы VIII Международных Лихачевских научных чтений, прошедших 22–23 мая 2008 года в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов в соответствии с Указом Президента Российской Федерации В. В. Путина.

Очередные Лихачевские чтения, ставшие одним из самых представительных международных научных форумов по гуманитарной тематике, посвящены основополагающим аспектам развития современного глобального общества, испытывающего насущную потребность в диалоге культур и партнерстве цивилизаций.

В Пленарном заседании и десяти рабочих секциях приняли участие крупнейшие ученые и общественные деятели из различных стран мира, академики РАН и РАО, видные представители творческой интеллигенции, специалисты-практики мирового уровня.

Рассмотрены, в частности, проблемы личности и социума, европейской ментальности, современного права и экономики, роли СМИ в формировании картины мира, реформы образования в контексте глобализации.

Материалы Пленарного заседания и Круглого стола вышли отдельным изданием на английском языке.

Книга адресована широкому кругу академической общественности, специалистам, работающим в разных областях социально-гуманитарного знания, а также аспирантам и студентам.

ББК 72

СОДЕРЖАНИЕ

О Международных Лихачевских научных чтениях (Справка).....	19
Указ Президента Российской Федерации «ОБ УВЕКОВЕЧЕНИИ ПАМЯТИ Д. С. ЛИХАЧЕВА».....	21
Приветствия Президента Российской Федерации В. В. Путина участникам Международных Лихачевских научных чтений	22
Приветствия участникам VIII Международных Лихачевских научных чтений	23

Пленарное заседание

Диалог культур и партнерство цивилизаций	27
---	----

Выступающие	27
--------------------------	----

А. А. Гусейнов (сопредседатель), директор Института философии РАН, заведующий кафедрой этики МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАН, вице-президент Российского философского общества, доктор философских наук, профессор, почетный доктор СПбГУП

А. С. Запесоцкий (сопредседатель), председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, член-корреспондент Российской академии образования, доктор культурологических наук, профессор

М. Б. Пиотровский (сопредседатель), председатель Конгресса петербургской интеллигенции, директор Государственного Эрмитажа, член-корреспондент РАН, действительный член Российской академии художеств, доктор исторических наук, профессор

Ж. Сампайю (сопредседатель), Высокий представитель Генерального секретаря ООН по «Альянсу цивилизаций», Президент Португалии (1996–2006)

А. А. Акаев, академик Академии наук Республики Кыргызстан, иностранный член Российской академии наук, Президент Республики Кыргызстан (1990–2005), доктор технических наук, профессор

О. Т. Богомолов, почетный директор Института международных экономических и политических исследований РАН, академик РАН, доктор экономических наук, профессор

А. Е. Бусыгин, заместитель министра культуры РФ, доктор экономических наук, профессор

П. Бюль-Бюль оглы, Посол Азербайджана в РФ, доктор искусствоведения, профессор, народный артист Азербайджана

И. Валлерстайн, профессор социологии Йельского университета (США), доктор философии

Р. Герра, профессор Университета г. Ниццы (Франция)

Д. Ч. Капур, президент фонда «Капур Сурия», сопредседатель Мирового общественного форума «Диалог цивилизаций» (Индия), доктор философии, профессор

В. П. Козлов, руководитель Федерального архивного агентства, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор

А. А. Лиханов, писатель, председатель правления Российского детского фонда, академик РАО, президент Международной ассоциации детских фондов, почетный доктор СПбГУП

Н. Д. Никандров, президент Российской академии образования, академик РАО, доктор педагогических наук, профессор

В. Л. Рабинович, заведующий сектором «Языки культуры» Российского института культурологии, доктор философских наук, кандидат химических наук, профессор

Г. Рябых, священник, исполняющий обязанности секретаря по взаимоотношениям церкви и общества Отдела внешних связей Московского патриархата, кандидат политических наук

Э. А. Рязанов, кинорежиссер, народный артист СССР, почетный доктор СПбГУП

Л. А. Санкин, первый проректор СПбГУП, профессор

В. Е. Чуров, председатель Центральной избирательной комиссии РФ, профессор СПбГУП

В. Швиммер, член Национального собрания Австрии (парламента), председатель Мирового общественного форума «Диалог цивилизаций», доктор права, Генеральный секретарь Совета Европы (1999–2004)

Ю. С. Шемшученко, директор Института государства и права им. В. М. Корецкого Национальной академии наук Украины, академик Национальной академии наук Украины, иностранный член РАН, доктор юридических наук, профессор

А. В. Яковенко, заместитель министра иностранных дел РФ, доктор юридических наук, профессор

Е. Г. Ясин, научный руководитель Государственного университета — Высшей школы экономики, доктор экономических наук, профессор

ДОКЛАДЫ

ДАНИИЛ ГРАНИН , <i>соучредитель Конгресса петербургской интеллигенции, писатель, Герой Социалистического Труда, почетный гражданин Санкт-Петербурга, почетный доктор СПбГУП</i>	
РАЗМЫШЛЕНИЯ	60
ФЕДЕРИКО МАЙОР , <i>основатель и президент Фонда за культуру мира, доктор фармакологии, профессор (Испания), генеральный директор ЮНЕСКО (1987–1999)</i>	
ВМЕСТО КОНФРОНТАЦИИ ТРЕБУЕТСЯ ДИАЛОГ И ОБЪЕДИНЕНИЕ	63
Н. Н. СКАТОВ , <i>советник РАН, главный редактор журнала «Русская литература», член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор</i>	
ПРЕОДОЛЕНИЕ КРИЗИСА КУЛЬТУРЫ — РЕШАЮЩИЙ ФАКТОР ВЫЖИВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА	63
А. А. ГУСЕЙНОВ , <i>директор Института философии РАН, заведующий кафедрой этики МГУ им. М. В. Ломоносова, академик Российской академии наук, вице-президент Российского философского общества, почетный доктор СПбГУП</i>	
ДИАЛОГ КУЛЬТУР: ВОЗМОЖНОСТИ И ПРЕДЕЛЫ	65
А. В. СМЕРНОВ , <i>заместитель директора Института философии РАН, заместитель главного редактора «Философского журнала», член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор</i>	
КАК РАЗЛИЧАЮТСЯ КУЛЬТУРЫ?	70
В. В. ПОПОВ , <i>посол по особым поручениям Министерства иностранных дел РФ, кандидат исторических наук</i>	
РОССИЯ МОГЛА БЫ СТАТЬ СВЯЗУЮЩИМ ЗВЕНОМ МЕЖДУ ЗАПАДОМ И ИСЛАМСКИМ МИРОМ	73
СТИВЕН УАЙТ , <i>профессор политологии Университета Глазго, главный редактор научного журнала «Коммунизм и политика переходного периода», редактор журнала «Международная политика» (Великобритания)</i>	
РОССИЯ И ЗАПАД — КОНФЛИКТ ИЛИ ДИАЛОГ ЦИВИЛИЗАЦИЙ?	75
ФАБИО ПЕТИТО , <i>профессор международных отношений Университета Суссекса (Великобритания)</i>	
ДИАЛОГ ЦИВИЛИЗАЦИЙ КАК ОДИН ИЗ ВОЗМОЖНЫХ ПУТЕЙ РАЗВИТИЯ МИРОВОГО ОБЩЕСТВА	77
ЭБЕРХАРД ШНАЙДЕР , <i>профессор Германского института международной политики и безопасности, главный редактор еженедельного бюллетеня «Россия: актуальная внутренняя политика» (Германия)</i>	
ЕВРОПЕЙСКАЯ КУЛЬТУРА	78
ПЕТР ДУТКЕВИЧ , <i>директор Института европейских, российских и евразийских исследований при Карлтонском университете, профессор (Канада)</i>	
ПОСТГЛОБАЛИЗАЦИОННАЯ ПЕРЕСТРОЙКА МИРОВЫХ РЫНКОВ И СОГЛАШЕНИЕ МЕЖДУ СТРАНАМИ ЦИВИЛИЗОВАННОГО МИРА	80
В. В. НАУМКИН , <i>руководитель Центра арабских исследований Института востоковедения РАН, заведующий кафедрой региональных проблем мировой политики МГУ им. М. В. Ломоносова, главный редактор журнала «Восток-ORIENTS», доктор исторических наук, профессор</i>	
МИРОВАЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ СИСТЕМА И МИРОПОЛИТИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО	81
МЕГАВАТИ СУКАРНОПУТРИ , <i>Президент Индонезии (2001–2004)</i>	
НЕОБХОДИМО ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВСЕХ НАЦИЙ И ГОСУДАРСТВ	82
КИНХИДЕ МУСАКОДЗИ , <i>директор Центра азиатско-тихоокеанского партнерства Университета экономики и права, вице-ректор Университета ООН по региональным и международным исследованиям, профессор (Япония)</i>	
РОЛЬ АЗИИ В СОЗДАНИИ СОВРЕМЕННЫХ ПРОЕКТОВ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА (К вопросу о неокOLONIALной политике в эпоху войны с террором)	83
ГЕОРГИЙ РЯБЫХ , <i>священник, исполняющий обязанности секретаря по взаимоотношениям церкви и общества Отдела внешних связей Московского патриархата, кандидат политических наук</i>	
МЕЖРЕЛИГИОЗНЫЙ ДИАЛОГ: ЕГО ЦЕЛИ И ЗНАЧЕНИЕ	91
АЗАР ГАТ , <i>председатель Отдела политической науки Тель-Авивского университета, профессор военной истории, доктор (Израиль)</i>	
ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ ИСТОРИЧЕСКИХ РАЗЛИЧИЙ СТРАН ВОСТОКА И ЗАПАДА	93
Р. И. ХАИРОВ , <i>исполнительный директор Международного общественного фонда «За выживание и развитие человечества», кандидат философских наук</i>	
К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ ГЛОБАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ВЕЩАНИЯ	95
ГЕОРГИЙ ДЕРЛУГЬЯН , <i>адъюнкт-профессор Северо-Западного университета США, доктор</i>	
НОВАЯ ПАРАДИГМА ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ ДЛЯ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ	96
РЕНЕ ГЕРРА , <i>профессор Университета г. Ниццы (Франция)</i>	
НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ВСТРЕЧИ. Памяти Д. С. Лихачева	98

Круглый стол	
ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ПАРТНЕРСТВО ЦИВИЛИЗАЦИЙ	102
УЧАСТНИКИ	102
Секция 1. ЛИЧНОСТЬ И ОБЩЕСТВО	
В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ МИРЕ	119
В. П. БОРИСЕНКОВ , <i>главный редактор журнала «Педагогика» (Москва), академик РАО, доктор педагогических наук, профессор</i>	
ЗНАЧЕНИЕ СВОЕОБРАЗИЯ И ОРИГИНАЛЬНОСТИ В КУЛЬТУРЕ И ЧЕЛОВЕКЕ	
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	119
В. А. КОНЕВ , <i>заведующий кафедрой философии гуманитарных факультетов Самарского государственного университета, доктор философских наук, профессор</i>	
ПАРАДОКСЫ СОЗНАНИЯ И КУЛЬТУРА	120
Г. М. АНДРЕЕВА , <i>профессор факультета психологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, академик РАО, доктор философских наук</i>	
ЛИЧНОСТЬ В ПОИСКАХ ИДЕНТИЧНОСТИ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ	123
В. С. МУХИНА , <i>заведующая кафедрой психологии развития Московского педагогического государственного университета, академик РАО, доктор психологических наук, профессор</i>	
ИДЕНТИФИКАЦИЯ И ОБСОБЛЕНИЕ КАК ВЗАИМОСВЯЗАННЫЕ ПРОЦЕССЫ	125
Б. Д. ПАРЫГИН , <i>профессор кафедры социальной психологии СПбГУП, доктор философских наук, заслуженный деятель науки РФ</i>	
ГОТОВА ЛИ ЛИЧНОСТЬ К САМОИДЕНТИФИКАЦИИ?	126
Ю. М. РЕЗНИК , <i>главный редактор журнала «Личность. Культура. Общество», главный научный сотрудник Института философии РАН (Москва), заместитель директора Российского института культурологии по научной работе</i>	
ЛИЧНОСТЬ И СИСТЕМА В ПОСТТОТАЛИТАРНОМ ОБЩЕСТВЕ:	
ОТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ К ПАРТНЕРСТВУ?	128
С. Ю. ИВАНОВА , <i>заведующая кафедрой социальной философии Ставропольского государственного университета, доктор философских наук, профессор</i>	
РОССИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ГРАЖДАНСКИЙ ПАТРИОТИЗМ В КОНТЕКСТЕ	
ДУХОВНОГО ЕДИНСТВА	129
В. В. ПОРТНОВ , <i>главный редактор журнала «Студенчество. Диалоги о воспитании» (Москва)</i>	
ЧЕЛОВЕК СРЕДИ ЛЮДЕЙ	131
ААРО ПАККАНЕН , <i>магистр педагогики, лектор Института профессионального образования взрослых г. Котка (ЕКАКС, Финляндия)</i>	
ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ПАРТНЕРСТВО ЦИВИЛИЗАЦИЙ	133
ДОКЛАДЫ	
В. Н. БОЛЬШАКОВ , <i>первый заместитель председателя Уральского отделения РАН, директор Института экологии растений и животных Уральского отделения РАН, главный редактор журнала «Экология», доктор биологических наук, академик РАН, профессор;</i>	
Ф. В. КРЯЖИМСКИЙ , <i>заведующий лабораторией популяционной экологии и функциональной биоценологии Института экологии растений и животных Уральского отделения РАН, доктор биологических наук;</i>	
Н. Г. СМIRНОВ , <i>доктор биологических наук, член-корреспондент РАН</i>	
МИФЫ И РЕАЛИИ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ МИРЕ:	
НЕОБХОДИМОСТЬ ДИАЛОГА В ПАРТНЕРСТВЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ	135
С. И. ГОЛОД , <i>профессор кафедры культурной антропологии и этнической социологии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук</i>	
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛЮБОВНЫХ ЭТНОКУЛЬТУР	136
В. В. ГОРШКОВА , <i>профессор кафедры социальной работы СПбГУП, доктор педагогических наук</i>	
КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО	
ВОСТОЧНОГО И ЗАПАДНОГО ДИАЛОГА	138
В. А. ДМИТРИЕНКО , <i>заведующий кафедрой педагога-исследователя Института теории образования Томского государственного педагогического университета, член-корреспондент РАО, доктор философских наук, профессор</i>	
КОНЦЕПЦИЯ ДИАЛОГА КУЛЬТУР И РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ	140
П. М. ЗОЛИН , <i>профессор кафедры экономики СПбГУП, доктор исторических наук;</i>	
В. А. ЗОЛОТУХИН , <i>доцент кафедры экономики СПбГУП, кандидат экономических наук</i>	
КУЛЬТУРЫ ПОРОЖДАЮТ ЦИВИЛИЗАЦИИ	140

А. А. ИВАШИНЦОВ , сопредседатель-координатор Международной ассоциации «Русская культура» (Санкт-Петербург), доктор технических наук, профессор	
ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ МИРЫ КАК ФАКТОР СТАБИЛЬНОСТИ	141
Н. Н. КАЗАКОВА , доцент Вятского государственного гуманитарного университета, кандидат филологических наук	
ПИСЬМЕННАЯ РЕЧЬ В ОНЛАЙНОВУЮ ЭПОХУ: ЗЕРКАЛО КУЛЬТУРЫ	142
Е. М. КОКОРЕВ , президент-ректор Северного международного университета (Магадан), член-корреспондент РАО, доктор философских наук, профессор	
КОРЕННЫЕ МАЛОЧИСЛЕННЫЕ НАРОДЫ СЕВЕРА И ИНОНАЦИОНАЛЬНОЕ НАСЕЛЕНИЕ СЕВЕРО-ВОСТОКА РОССИИ: ДИАЛОГ КУЛЬТУР И СОВРЕМЕННОСТЬ	145
А. В. КУЛИКОВ , профессор факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор психологических наук	
ИДЕИ Д. С. ЛИХАЧЕВА В ПОНИМАНИИ ДУХОВНОСТИ КАК ИНТЕГРАТОРА ЛИЧНОСТИ	147
В. Н. ЛУКИН , проректор по научной работе Санкт-Петербургского им. В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии, профессор	
ОСНОВНЫЕ ТРАЕКТОРИИ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	148
И. А. МИРОНЕНКО , декан факультета культуры СПбГУП, профессор кафедры социальной психологии, доктор психологических наук	
ПОП-НАУКА В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ МИРЕ: ПОП-ПСИХОЛОГИЯ И КАК К НЕЙ ОТНОСИТЬСЯ	149
Т. В. МУСИЕНКО , начальник научно-исследовательского отдела Санкт-Петербургского им. В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии, доктор политических наук, профессор	
КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕКА КАК КЛЮЧЕВОЙ КОМПОНЕНТ ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ УЭЛЗЕЛА–ИНГЛЕХАРТА–КЛИНГЕМАНА	150
А. П. НАЗАРЕТЯН , главный редактор академического журнала «Историческая психология и социология истории», главный научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва), доктор философских наук, профессор Российской академии государственной службы при Президенте РФ	
КУЛЬТУРНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СОЦИАЛЬНОЙ УСТОЙЧИВОСТИ: ГИПОТЕЗА ТЕХНО-ГУМАНИТАРНОГО БАЛАНСА	151
Б. Д. ПАРЫГИН , профессор кафедры социальной психологии СПбГУП, доктор философских наук, заслуженный деятель науки РФ	
ЛИЧНОСТЬ КАК МИКРОКОСМ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ МИРЕ	152
М. Х. РАБАДАНОВ , ректор Дагестанского государственного университета, доктор физико-математических наук, профессор;	
Б. Ш. АЛИЕВА , ученый секретарь Дагестанского научного центра РАО, доктор педагогических наук, профессор	
ЭТНОПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ КУЛЬТУР В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ОБЩЕСТВЕ	153
А. А. РЕГУШ , заведующая кафедрой психологии развития и образования Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), доктор психологических наук, профессор	
ПРОБЛЕМНЫЕ ПЕРЕЖИВАНИЯ ЛИЧНОСТИ В ЗЕРКАЛЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ: КРОССКУЛЬТУРНОЕ СРАВНЕНИЕ	154
К. С. РОМАНОВА , старший научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения РАН (Екатеринбург), кандидат философских наук, доцент	
ТРАНСФОРМАЦИЯ ЛИЧНОСТИ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ МИРЕ	156
А. В. СМЕРНОВ , заместитель директора по научной работе Института философии РАН (Москва), заместитель главного редактора «Философского журнала», член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор	
ПОНИМАНИЕ КУЛЬТУРЫ КАК ПРЕДПОСЫЛКА ЭФФЕКТИВНОГО ДИАЛОГА	157
В. А. ЧЕРЕШНЕВ , председатель Комитета по науке и наукоёмким технологиям Государственной Думы, председатель Уральского отделения РАН, директор Института экологии и генетики микроорганизмов Пермского научного центра Уральского отделения РАН, академик РАН, доктор медицинских наук, профессор;	
В. Н. РАСТОРГУЕВ , заведующий кафедрой теоретической политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, профессор	
ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ВЫБОР: ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫЙ ПОДХОД И ГУМАНИТАРНОЕ ПРОЧТЕНИЕ	158
В. А. ЧЕРНЫХ , первый проректор Российской таможенной академии (Люберцы, Московская обл.), доктор политических наук, профессор	
ИДЕИ СОВРЕМЕННОГО МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА О МНОГООБРАЗИИ КУЛЬТУРНЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ	159

Секция 2. ЕВРОПЕЙСКАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ: ДУХ И ГРАНИЦЫ	161
КРУГЛЫЙ СТОЛ	161
ДОКЛАДЫ	
А. В. АГОШКОВ , главный редактор журнала «Вопросы культурологии», главный специалист Института научных исследований и информации Российской академии госслужбы при Президенте РФ (Москва), кандидат философских наук ЕВРОПЕЙСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ В СРЕДНИЕ ВЕКА И НОВОЕ ВРЕМЯ: ОТ ДОЛЬЧИНО ДО Ж.-Ж. РУССО	185
А. А. АКАЕВ , академик Академии наук Республики Кыргызстан, иностранный член Российской академии наук, Президент Республики Кыргызстан (1990–2005), доктор технических наук, профессор ДУХОВНОЕ ПРИТЯЖЕНИЕ РОССИИ	187
С. Н. ИКОННИКОВА , заведующая кафедрой теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, доктор философских наук, профессор ПОСТМОДЕРНИЗМ КАК НОВАЯ ПАРАДИГМА В КУЛЬТУРОЛОГИИ	189
И. Ф. КЕФЕЛИ , заведующий кафедрой культурологии и глобалистики Санкт-Петербургского государственного университета «Военмех», член редколлегии журнала «Геополитика», доктор философских наук, профессор СТРАТЕГИИ ГЕОЦИВИЛИЗАЦИЙ В ГЛОБАЛЬНОЙ ГЕОПОЛИТИКЕ	190
А. А. МЕЛЬНИКОВА , доцент кафедры психологии СПбГУП РОССИЯ И ЕВРОПА: ДУХ МЕНТАЛЬНОСТИ В СТРУКТУРЕ ЯЗЫКА	191
И. П. НИКИТИНА , профессор кафедры социально-политических наук Финансовой академии при Правительстве РФ (Москва), доктор философских наук ИРОНИЯ КАК ОСОБЕННОСТЬ ЕВРОПЕЙСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ	193
Л. И. ХАРЧЕНКОВА , заведующая кафедрой межкультурных коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета водных коммуникаций, доктор педагогических наук, профессор ДИАЛОГ КУЛЬТУР В СОВРЕМЕННОЙ НАУЧНОЙ ПАРАДИГМЕ	194
Ю. М. ШОР , профессор кафедры культурологии СПбГУП, доктор философских наук, профессор РОССИЙСКАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ И ПРОБЛЕМА ГУМАНИТАРНОСТИ КУЛЬТУРЫ	196
Секция 3. АКТУАЛЬНОЕ ПРОШЛОЕ: РЕАЛИИ И МИФЫ ИСТОРИИ	198
В. П. КОЗЛОВ , руководитель Федерального архивного агентства (Москва), член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор АКТУАЛЬНОЕ ПРОШЛОЕ: ОТ ПРЕОДОЛЕНИЯ МИФОВ ИСТОРИИ К ПОИСКАМ РЕАЛИЙ ПРОШЛОГО	198
М. А. ДАВЫДОВ , профессор Российского государственного гуманитарного университета (Москва), доктор исторических наук СТОЛЫПИНСКАЯ АГРАРНАЯ РЕФОРМА КАК РАЗРЫВ ПАТЕРНАЛИСТСКОЙ ТРАДИЦИИ	201
С. А. НЕФЕДОВ , старший научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН (Екатеринбург), доктор исторических наук МИФЫ И РЕАЛИИ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ	203
О. А. ДРАЧ , доцент кафедры истории и этнологии Украины Черкасского национального университета, кандидат исторических наук МЕНТАЛЬНОСТЬ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: ПОСТИЖЕНИЕ ИДЕИ ЖЕНСКОГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.	204
С. А. АЛЕКСИЕВИЧ , писательница (Белоруссия) ПРОБЛЕМЫ МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА НАШЕГО ВРЕМЕНИ	206
А. Ф. ИЗМАЙЛОВ , главный редактор журнала «Балтийский диалог» (Санкт-Петербург), кандидат исторических наук МУНИЦИПАЛЬНАЯ ГАЗЕТА КАК ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ АКТУАЛЬНОГО ПРОШЛОГО КРАЯ	208
Н. М. ИНЮШКИН , заведующий кафедрой мировой и отечественной культуры Пензенского государственного педагогического университета, доктор философских наук, профессор ЛЕРМОНТОВСКИЕ ТАРХАНЫ: ПРОСТРАНСТВО ДИАЛОГА ВРЕМЕН И КУЛЬТУР	209
А. РАР , политолог (Германия) ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РОССИИ И СТРАН ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА	211

Н. В. КОЛЫШНИЦЫНА , научный сотрудник Центрального государственного исторического архива (Санкт-Петербург) РЕАЛИИ РУССКОЙ ШКОЛЫ АНТИКОВЕДЕНИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА	214
И. В. ПАЛАГУТА , доцент кафедры искусствоведения СПбГУП, кандидат исторических наук МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОРНАМЕНТОВ ДРЕВНИХ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ ЕВРОПЫ	216
Т. Б. СИДНЕВА , проректор по научной работе Нижегородской государственной консерватории им. М. И. Глинки, кандидат философских наук, профессор ИСКУССТВО КАК ХУДОЖЕСТВЕННАЯ МЕТАФОРА СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА	218
Р. А. УРИЦКАЯ , сотрудник Международного мультидисциплинарного центра при Совете Европы «ЕВРОЭТНО», доктор исторических наук (Санкт-Петербург) ПАТРИОТИЧЕСКИЕ НАСТРОЕНИЯ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ ВО ФРАНЦИИ И ЕЕ СУДЬБЫ (1933–1948)	219

ДОКЛАДЫ

А. В. БЕЛОВИНСКИЙ , профессор кафедры музеологии Российского государственного гуманитарного университета (Москва), доктор исторических наук ИСТОРИЧЕСКИЕ МИФОЛОГЕМЫ — ПРЕПЯТСТВИЕ НА ПУТИ ДИАЛОГА КУЛЬТУР	221
В. С. ВАХРУШЕВ , профессор Балашовского филиала Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, доктор филологических наук ЖАННА Д'АРК: ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ И МИФЫ	223
Б. С. ИЛИЗАРОВ , ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва), доктор исторических наук, профессор СТАЛИН О ГИТЛЕРЕ, ГИТЛЕР О СТАЛИНЕ	225
С. Н. КОВАЛЕВ , начальник научно-исследовательского отдела военной истории Северо-Западного региона РФ Института военной истории Министерства обороны РФ, кандидат исторических наук ВЫМЫСЛЫ И ФАЛЬСИФИКАЦИИ ОЦЕНОК РОЛИ СССР НАКАНУНЕ И С НАЧАЛОМ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	227
Н. Б. ЛЕБИНА , профессор кафедры истории России и зарубежных стран Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов, доктор исторических наук ГОРОДСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ В XX ВЕКЕ: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ, МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ	230
А. А. МИХАЙЛОВ , заведующий кафедрой истории СПбГУП, доктор исторических наук, профессор ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ КИНЕМАТОГРАФ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX в. И ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ МИФОЛОГИИ	231
А. Д. САБОВ , политобозреватель «Российской газеты» (Москва) ПРОШЛОЕ ВСЕГДА АКТУАЛЬНО	234
А. И. ТУГУТОВ , старший научный сотрудник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН, кандидат искусствоведения, доцент УСТНАЯ ТРАДИЦИЯ В ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ (На материале русских летописей и средневековых монгольских хроник)	239
Н. С. ТУНТЕЕВ , заместитель директора по науке Музея жертв политических репрессий (Казахстан, Астана), кандидат исторических наук, доцент ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МУЗЕЯ ЖЕРТВ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ — НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ИСТОРИЮ ТОТАЛИТАРНОГО РЕЖИМА	240
Э. А. ШУЛЕПОВА , заместитель директора Российского института культурологии (Москва), доктор культурологии, профессор НАСЛЕДИЕ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ: ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ, СОХРАНЕНИЯ, ТРАНСЛЯЦИИ	241

Секция 4. ПРАВОВЫЕ КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННОСТИ: ОТ КОНТРАСТА ЦИВИЛИЗАЦИЙ К ЦИВИЛИЗАЦИОННОМУ ЕДИНСТВУ

243

Е. М. АСТАХОВ , профессор Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол МИРОВАЯ ПРАКТИКА КУЛЬТУРНОЙ ДИПЛОМАТИИ	244
--	-----

В. В. ЛАПАЕВА , ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН (Москва), доктор юридических наук, профессор	
ПРАВО КАК ФОРМА ДИАЛОГА ЦИВИЛИЗАЦИЙ	246
Х. БЕХРУЗ , профессор кафедры права Европейского союза и сравнительного правоведения Одесской национальной юридической академии (Украина), доктор юридических наук	
ДИАЛОГ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ В УСЛОВИЯХ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	248
Р. А. РОМАШОВ , профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, доктор юридических наук	
ПРАВОВЫЕ КУЛЬТУРЫ РОССИИ И ЗАПАДА: ПАРАЛЛЕЛИ И ПЕРЕСЕЧЕНИЯ	250
В. И. КРУСС , заведующий кафедрой теории права Тверского государственного университета, доктор юридических наук, профессор	
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И КОНСТИТУЦИОННЫЕ ДИСФУНКЦИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА	252
В. С. ГЛАГОЛЕВ , профессор кафедры философии Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД РФ, доктор философских наук, член Российского философского общества и Российского социологического общества	
ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПАРТНЕРСТВА ЦИВИЛИЗАЦИЙ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ КОММУНИКАЦИЙ	254
Л. А. НУДНЕНКО , профессор кафедры конституционного права Российской академии правосудия (Москва), доктор юридических наук	
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ГАРАНТИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ ПАРТНЕРСТВА ЦИВИЛИЗАЦИЙ	256
Е. М. ДОРОВСКИХ , заместитель главного редактора «Журнала российского права» (Москва), кандидат юридических наук	
РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ФАКТОР НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	258
И. Г. ДУДКО , заведующий кафедрой государственного и административного права Мордовского государственного университета им. И. П. Огарева (Саранск)	
ФЕДЕРАТИВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ	259
ДОКЛАДЫ	
Ю. Е. АВРУТИН , советник начальника Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист России, заслуженный деятель науки РФ	
КОНСТИТУЦИОННОСТЬ ЭКОНОМИКИ КАК ЭМАНАЦИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ РАЗВИТИЯ ЗАПАДНОЙ И РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ	260
Е. Е. АМПЛЕЕВА , заведующая кафедрой государственного права СПбГУП, кандидат юридических наук, доцент	
ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ И ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ В МУСУЛЬМАНСКОМ И МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ	261
Н. В. АФОНИЧКИНА , доцент кафедры теории государства и права и конституционного права Оренбургского государственного университета, доктор юридических наук	
РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР И ПАРТНЕРСТВЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ	262
В. А. БАЧНИН , главный научный сотрудник Социологического института РАН (Санкт-Петербург), доктор социологических наук, профессор	
ПРАВО И РЕЛИГИЯ В ПРОБЛЕМНОМ КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ОНТОЛОГИИ	264
А. А. БОГУСТОВ , старший преподаватель кафедры гражданского и международного права Гродненского филиала «БИП — Институт правоведения»	
ПРОБЛЕМЫ СБЛИЖЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СТРАН СНГ	265
Е. В. БОЛОТИНА , профессор кафедры государственного права СПбГУП, доктор юридических наук, доцент	
ЭКОНОМИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОРГАНОВ МУНИЦИПАЛЬНОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ И ФРАНЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ	267
А. И. ЗЯБКИН , профессор кафедры государственного права СПбГУП, кандидат юридических наук, доцент	
МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ	269

М. А. КАПУСТИНА , доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат юридических наук	
СООТНОШЕНИЕ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА В КОНТЕКСТЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПОДХОДА	270
В. Д. КУРГАНСКАЯ , ведущий научный сотрудник Института философии и политологии Министерства образования и науки Республики Казахстан (Алматы), доктор философских наук, профессор	
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВЫ ЛЕГИТИМНОСТИ НОРМ КАЗАХСКОГО ОБЫЧНОГО ПРАВА (АДАТА)	271
С. А. МАРКОВА-МУРАШОВА , профессор кафедры теории и истории государства и права Кубанского государственного университета (Краснодар), доктор юридических наук, доцент	
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ СОВРЕМЕННОСТИ КАК ОСНОВА ПОНИМАНИЯ ПРАВА: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ	272
В. Ф. МАРТЫНОВ , доцент кафедры теории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук	
ПРАВОВАЯ СИСТЕМА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: В ПОИСКАХ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ПАРАДИГМЫ	274
Г. Н. МУРТАЗАЕВА , советник Посольства Украины в РФ (Москва), докторант Института государства и права им. В. М. Корецкого Национальной академии наук Украины, кандидат экономических наук, доцент	
СООТНОШЕНИЕ ГОСУДАРСТВА И ЭКОНОМИКИ В УСЛОВИЯХ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ	275
Е. А. ПЕТРОВА , доцент кафедры теории и истории государства и права Ивановского государственного университета, кандидат юридических наук	
ПРАВА ЧЕЛОВЕКА КАК ОБЩЕЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ЦЕННОСТЬ (На примере экономических прав)	276
Г. И. РЕЗНИЧЕНКО , доцент кафедры гражданского и трудового права СПбГУП, кандидат исторических наук	
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В КОНТЕКСТЕ ПАРТНЕРСТВА ЦИВИЛИЗАЦИЙ	277
М. В. РЫБКИНА , доцент кафедры государственного права СПбГУП, кандидат юридических наук	
ВЛИЯНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ СИСТЕМЫ ПРАВА НА РАЗВИТИЕ СТРАХОВАНИЯ В РОССИИ В ПРОЦЕССЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	279
Г. А. ТОМЧИН , председатель совета Фонда поддержки законодательных инициатив, член Общественной палаты РФ	
ПОЧЕМУ РОССИЯ НЕ КИТАЙ? ОСНОВНОЙ КОНФЛИКТ XXI в.	280
И. Л. ЧЕСТНОВ , профессор кафедры общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры РФ, доктор юридических наук	
ДИАЛОГИЧНОСТЬ ПРАВА В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ	282
Секция 5. ЭКОНОМИКА В КОНТЕКСТЕ ПАРТНЕРСТВА ЦИВИЛИЗАЦИЙ	285
О. Т. БОГОМОЛОВ , почетный директор Института международных экономических и политических исследований РАН, академик РАН, доктор экономических наук, профессор	
ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ И ЭКОНОМИКА В ДИАЛОГЕ И ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ЦИВИЛИЗАЦИЙ	285
В. М. ПОЛТЕРОВИЧ , заведующий лабораторией математической экономики Центрального экономико-математического института, первый проректор и председатель Академического комитета Российской экономической школы, академик РАН, профессор	
ЭКОНОМИКА В КОНТЕКСТЕ ПАРТНЕРСТВА ЦИВИЛИЗАЦИЙ: СТРАТЕГИЯ ДОГОНЯЮЩЕГО РАЗВИТИЯ ДЛЯ РОССИИ	287
А. Ф. ЛЕБЕДЕВА , профессор кафедры международной экономики Государственного университета гуманитарных наук (Москва), руководитель Центра социально-экономических исследований и проектов ИСК РАН, доктор экономических наук	
СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО В ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ ЗНАНИЙ: МИРОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ	293

И. А. ЛЕБЕДИНСКИЙ , профессор Санкт-Петербургского государственного университета кино и телевидения, доктор экономических наук «НОЙДОРФ–СТРЕЛЬНА» — ПРИМЕР ПРОЕКТА НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО ПАРТНЕРСТВА	295
Ю. В. ЯКУТИН , президент Ассоциации главных редакторов и издателей России, главный редактор еженедельника «Экономика и жизнь», научный руководитель Издательского дома «Экономическая газета», академик Государственной академии управления (Москва), доктор экономических наук, профессор АКТУАЛЬНОСТЬ ИДЕЙ ЛИХАЧЕВА О ДИАЛОГЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ	297
М. С. МОТЫШИНА , декан экономического факультета СПбГУП, доктор экономических наук, профессор ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ КОНЦЕПЦИИ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ	298
Н. Н. ПОГОСТИНСКАЯ , профессор кафедры экономики СПбГУП, доктор экономических наук, заслуженный работник высшей школы РФ СМЕЩЕНИЕ ВЛАСТИ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ	300
Г. Ф. ФЕЙГИН , доцент кафедры управления СПбГУП, кандидат экономических наук СТАНОВЛЕНИЕ ГЛОБАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВЕННОГО МИРОПОРЯДКА: ИСТОРИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	301
Г. Г. СИЛЛАСТЕ , заведующая кафедрой социологии Финансовой академии при Правительстве РФ, председатель Московского отделения Российской социологической ассоциации (РоСА), доктор философских наук, профессор ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТОЛПА КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ	305
ДОКЛАДЫ	
В. Ф. БОГАЧЕВ , президент Балтийского инновационного фонда, доктор экономических наук, профессор НАЦИОНАЛЬНАЯ ИННОВАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ И ПАРТНЕРСТВА ЦИВИЛИЗАЦИЙ	308
А. С. БОЛЬШАКОВ , профессор кафедры управления СПбГУП, доктор экономических наук ПАРТНЕРСТВО И КОНФЛИКТНОСТЬ ЦИВИЛИЗАЦИЙ: КОНЦЕПЦИЯ ОПТИМАЛЬНОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ДУХОВНОГО РАЗВИТИЯ	309
В. К. ВОРОБЬЕВ , доцент кафедры экономики СПбГУП, кандидат исторических наук ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ И ПАРТНЕРСТВО ЦИВИЛИЗАЦИЙ: СУЩНОСТЬ И ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ МИРОВОГО РЫНКА ТРУДА	310
М. А. ГУСАКОВ , директор Института проблем региональной экономики РАН, доктор экономических наук, профессор ИННОВАЦИОННЫЙ ИМПУЛЬС РАЗВИТИЯ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ПАРТНЕРСТВА ЦИВИЛИЗАЦИЙ	311
С. Ф. ДАВИДЮК , профессор кафедры экономики СПбГУП, доктор экономических наук; Е. П. ДАВИДЮК , доцент кафедры управления СПбГУП, кандидат экономических наук «ЭКОНОМИКА ЗНАНИЙ» РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ПАРТНЕРСТВА КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ	315
Н. В. ЛАШМАНОВА , заведующая кафедрой управления СПбГУП, доктор технических наук, профессор; И. Г. БЫЧКОВ , директор по маркетингу ВО «РЕСТЭК», кандидат экономических наук ВЫСТАВОЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ — ЭФФЕКТИВНАЯ ФОРМА МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ В ПРОЦЕССАХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ	316
В. В. МЕТЛЮК , доцент кафедры экономики СПбГУП, кандидат экономических наук МИРОВАЯ ИНТЕГРАЦИЯ, ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ПАРТНЕРСТВА ЦИВИЛИЗАЦИЙ	318
В. И. МИХАЙЛОВ , профессор кафедры управления СПбГУП, доктор технических наук ОПЫТ ПАРТНЕРСТВА ЦИВИЛИЗАЦИЙ: ПРИМЕР РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В СФЕРЕ КАДРОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАУКОЕМКИХ ТЕХНОЛОГИЙ	319
Е. Я. МОРОЗОВА , доцент кафедры экономики СПбГУП, кандидат экономических наук ЭФФЕКТИВНАЯ ЭКОНОМИКА КУЛЬТУРЫ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ КАЧЕСТВА ПАРТНЕРСТВА ЦИВИЛИЗАЦИЙ	320

Секция 6. СМИ В СИСТЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ КАРТИНЫ МИРА.....	323
И. В. МЕЛИК-ГАЙКАЗЯН , директор Института теории образования Томского государственного педагогического университета, заведующая кафедрой истории и философии науки, заведующая лабораторией нелинейной динамики образовательных систем Института развития образовательных систем РАО, доктор философских наук, профессор	
КАРТИНА МИРА НОМО SIGNIFICANS	323
С. С. ЯРОШЕЦКИЙ , главный редактор журналов «Адреса Петербурга», «Адреса Москвы» и «Календарь недвижимости»	
СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЕ АУДИТОРИИ ГЛЯНЦЕВОЙ И КУЛЬТУРНО ОРИЕНТИРОВАННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ	324
О. А. ФЕДОТОВА , доцент кафедры истории СПбГУП, кандидат исторических наук	
ОБРАЗ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (Освещение выборов в Государственную Думу в интернет-СМИ)	325
В. Б. УГРЮМОВ , главный редактор Издательского дома «Кто есть кто» в Санкт-Петербурге	
«ГЛАМУРИСТИКА» И ЕЕ МЕСТО В МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ	326
О. О. САВЕЛЬЕВА , профессор кафедры теории и истории социологии Московского государственного педагогического университета, доктор социологических наук	
СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН ГЛАМУРА В МЕДИЙНОЙ РЕКЛАМЕ.....	328
Е. П. БОРЗОВА , декан факультета истории мировой культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, заведующая кафедрой межкультурных коммуникаций, доктор философских наук, профессор	
УПРАВЛЕНИЕ МИРОМ: РЕАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА, МИРОВАЯ КУЛЬТУРА И СМИ.....	329
В. Г. ЛУКЬЯНОВ , заведующий кафедрой философии СПбГУП, доктор философских наук, профессор	
СМИ И ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ РОССИЯН	330
П. Л. ВАЙЛЬ , писатель, журналист (Чехия)	
ЯЗЫК СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ	331
О. Ф. РУСАКОВА , заведующая отделом философии Института философии и права Уральского отделения РАН (Екатеринбург), доктор политических наук, профессор	
ШОУ-ПОЛИТИКА: ДИСКУРС-АНАЛИЗ	332
Ю. Б. БАЛАШОВА , заведующая кафедрой журналистики СПбГУП, кандидат педагогических наук	
ПРАЗДНИЧНАЯ ТРАДИЦИЯ И СМИ	333
И. О. ФОНЯКОВ , журналист, писатель (Санкт-Петербург)	
ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЖУРНАЛИСТА	335
М. В. ЕФИМОВ , генеральный директор Издательского дома «Коммерсантъ» в Санкт-Петербурге	
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ СМИ: ВЕКТОР РАЗВИТИЯ	336
В. Г. ЖЕЛТОВ , редактор отдела культуры газеты «Невское время»	
ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СМИ В СИСТЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ КАРТИНЫ МИРА	337
Секция 7. КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН ПЕТЕРБУРГА: ИСТОРИЯ, МЕТАФИЗИКА, МЕНТАЛЬНОСТЬ.....	339
С. А. ЛИШАЕВ , руководитель Центра философских и эстетических исследований Самарской гуманитарной академии, доктор философских наук, профессор	
МЕТАФИЗИКА ПРОСТОРА И ЭСТЕТИКА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА	339
И. П. САУТОВ , генеральный директор Государственного музея-заповедника «Царское Село» (Санкт-Петербург), профессор, лауреат Государственной премии РФ	
ПРОБЛЕМА ПОДГОТОВКИ РЕСТАВРАТОРОВ ДЛЯ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ВСЕМИРНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ — ПАМЯТНИКОВ АРХИТЕКТУРЫ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА И ЕГО ПРИГОРОДОВ (На примере Государственного музея-заповедника «Царское Село»)	341
К. Г. ИСУПОВ , профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор философских наук	
МИСТИКА И МЕТАФИЗИКА ПЕТЕРБУРГА	343
Н. А. СИНДАЛОВСКИЙ , писатель	
НАЦИОНАЛЬНОЕ МНОГОЦВЕТЬЕ ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОРОДСКОГО ФОЛЬКЛОРА.....	345
В. И. АДИШЕВ , заведующий кафедрой музыковедения и музыкальной педагогики Пермского государственного педагогического университета, кандидат педагогических наук, профессор	
МУЗЫКАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ЖЕНСКИХ ИНСТИТУТАХ И КАДЕТСКИХ КОРПУСАХ ПЕТЕРБУРГА (конец XIX — начало XX в.).....	348

Е. А. КАЙСАРОВ , доцент кафедры культурологии СПбГУП, кандидат исторических наук Д. С. ЛИХАЧЕВ О МЕСТЕ И РОЛИ ПЕТРА I В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР НОВОГО ВРЕМЕНИ И ДРЕВНЕЙ РУСИ	350
К. С. ПИГРОВ , заведующий кафедрой социальной философии и философии истории СПбГУ, доктор философских наук, профессор ГОРОД И «ОРГАНИЗАТОРЫ БОЛЬШОГО СТИЛЯ» (Санкт-Петербург и С. П. Дягилев — С. П. Королев)	351
Т. А. АПИНЯН , профессор кафедры общественных и гуманитарных наук Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова, профессор Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, доктор философских наук «БЫВШИЕ» И «НОВЫЕ» РОССИЯНЕ: СКЛАДКА ИСТОРИИ	353
М. Н. БАРЫШНИКОВ , заведующий кафедрой истории Российского государственного университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), доктор исторических наук, профессор ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ/ГРУППОВЫЕ ИНТЕРЕСЫ, ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕТЕРБУРГА	355
В. П. БОЛЬШАКОВ , профессор кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, доктор философских наук, заслуженный работник высшей школы РФ АКТУАЛЬНОСТЬ РАЗВИТИЯ ТРАДИЦИОННОГО ДЛЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА ЦЕННОСТНО-ГУМАНИСТИЧЕСКОГО ПОНИМАНИЯ КУЛЬТУРЫ	356
А. М. БУРОВСКИЙ , профессор кафедры философии Санкт-Петербургского государственного университета сервиса и экономики, доктор философских наук ЛОКУСЫ ПЕТЕРБУРГА: УРОЧИЩА В УРОЧИЩЕ	357
Т. В. ГОРБУНОВА , заведующая кафедрой искусствоведения и культурологии Санкт-Петербургской художественно-промышленной академии, доктор философских наук, профессор ПЕТЕРБУРГ КАК «ПРОИЗВОДЯЩИЙ ЛОГОС»	359
А. Б. ГУРКИН , заведующий кафедрой истории отечества, науки и культуры Санкт-Петербургского государственного технологического института (технического университета), кандидат исторических наук, доцент РОЛЬ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА В РАЗВИТИИ РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССИИ	360
Т. В. ЕФИМОВА , доцент кафедры социально-культурных технологий СПбГУП, кандидат культурологии ПЕТЕРБУРГСКИЙ ТЕКСТ КАК ВЫРАЖЕНИЕ ОСОБОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ	362
Л. К. КРУГЛОВА , заведующая кафедрой философии и культурологии Санкт-Петербургского государственного университета водных коммуникаций, доктор философских наук, профессор КУЛЬТУРА ПЕТЕРБУРГА: АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	363
Н. Н. МУТЬЯ , доцент кафедры искусствоведения СПбГУП, кандидат искусствоведения ДИАЛОГ КУЛЬТУР В АРХИТЕКТУРЕ ПЕТЕРБУРГА	365
В. В. СЕЛИВАНОВ , профессор кафедры философии и культурологии Российского гуманитарного института при СПбГУ, главный научный сотрудник, заведующий сектором Государственного Эрмитажа, доктор философских наук ФЕНОМЕН САНКТ-ПЕТЕРБУРГА	367
В. А. СЕРКОВА , профессор кафедры отечественной и зарубежной культуры Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, доктор философских наук ПЕТЕРБУРГ КАК КАМЕНЬ ПРЕТКНОВЕНИЯ	368
Секция 8. ЧЕЛОВЕК И КУЛЬТУРА В ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ XIX–XX вв.	370
А. А. АСОЯН , профессор кафедры искусствоведения СПбГУП, доктор филологических наук «РОМАН — ЭТО НЕ ЧТО ИНОЕ, КАК СПОСОБ РАССМОТРЕНИЯ ВРЕМЕНИ...»: ОБРЕТЕННОЕ ВРЕМЯ В ЭПОПЕЕ МАРСЕЛЯ ПРУСТА	370
В. В. ЕСИПОВ , журналист Вологодской государственной телекомпании, писатель, краевед, историк русской культуры, кандидат культурологии ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ ЛИХАЧЕВ И ВАРЛАМ ТИХОНОВИЧ ШАЛАМОВ: ДВА ЛАГЕРНИКА, ДВА РУССКИХ ИНТЕЛЛИГЕНТА	372
А. В. ИЛЬЧИЧЕВ , профессор кафедры литературы и русского языка СПбГУП, доктор филологических наук «БЕСЫ» А. С. ПУШКИНА В ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ XX в.: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОЭТИЧЕСКОЙ СИМВОЛИКИ	375

Ю. В. ЗОБНИН , заведующий кафедрой литературы и русского языка СПбГУП, доктор филологических наук, профессор	
ПОЧЕМУ АХМАТОВА НЕ ЭМИГРИРОВАЛА? (К вопросу о «миссии советской интеллигенции» в контексте «диалога культур»)	378
С. М. КЛИМОВА , доцент кафедры философии Белгородского государственного университета, доктор философских наук	
ПРОБЛЕМЫ ПОЭТИКИ ДОСТОЕВСКОГО — РОЗАНОВА — БАХТИНА. ИНДИВИДУАЛЬНАЯ АВТОРСКАЯ МИФОЛОГИЯ ПИСАТЕЛЯ КАК ИНВАРИАНТ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ	379
В. КОШКАРЯН , преподаватель кафедры славистики Университета Ниццы (Франция)	
КУЛЬТУРА РУССКОГО «ТЕАТРАЛЬНОГО ПАРИЖА» В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД («Интимный театр» Дины Кириной)	381
Р. С. ТУРЫСБЕК , профессор кафедры казахской литературы Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева (Казахстан), доктор филологических наук	
ВЗАИМОСВЯЗЬ КАЗАХСКОЙ И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ КАК ОБРАЗЕЦ ДИАЛОГА КУЛЬТУР	384
А. Ю. ЛИМАНСКАЯ , профессор кафедры всеобщей истории искусств Российского государственного гуманитарного университета (Москва), доктор искусствоведения	
К ВОПРОСУ О ПУТЯХ РАЗВИТИЯ ИСКУССТВА XX–XXI ВВ.: ИРОНИЯ И ЭПАТАЖ ИЛИ ЭСТЕТИКА ПОРЯДКА?	385
Г. А. МАРТИНОВИЧ , профессор кафедры литературы и русского языка СПбГУП, доктор филологических наук	
ЛЕКСИЧЕСКАЯ НОРМА В ВОСПРИЯТИИ ПИСАТЕЛЕЙ И ЛИТЕРАТУРОВЕДОВ КАК ФАКТОР ЭКОЛОГИИ КУЛЬТУРЫ (От А. С. Шишкова к Е. Н. Ширяеву)	386
Ю. Б. ОРЛИЦКИЙ , профессор Российского государственного гуманитарного университета (Москва), главный редактор журнала «Вестник гуманитарной науки»	
СТИХИ И СХЕМЫ: ФОРМЫ ВЫРАЖЕНИЯ СИНТЕТИЗМА РУССКОГО ПОЭТА-СТИХОВЕДА В ЕГО ТВОРЧЕСТВЕ	390
Н. И. ФАТИЕВ , профессор кафедры философии СПбГУП, доктор философских наук	
КАЗУС РИХАРДА ВАГНЕРА В ОЦЕНКЕ А. В. ЛУНАЧАРСКОГО (Советская культура 1930-х гг. и наследие Запада)	391
И. Е. ЕРЫКАЛОВА , доцент кафедры журналистики СПбГУП, кандидат искусствоведения	
КУЛЬТУРНЫЕ РЕАЛИИ ПЕТЕРБУРГСКОГО СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА В СТИХОТВОРЕНИИ О. Э. МАНДЕЛЬШТАМА «СОЛОМИНКА» (Опыт прочтения чернового варианта)	392
А. И. ФИЛАТОВА , профессор кафедры литературы и русского языка СПбГУП, доктор филологических наук	
РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК И РУССКАЯ КУЛЬТУРА В КНИГЕ В. С. РАСПУТИНА «СИБИРЬ, СИБИРЬ...»	395
А. В. УСПЕНСКАЯ , профессор кафедры литературы и русского языка СПбГУП, доктор филологических наук	
«ПРЫЖОК С СЕДЬМОГО ЭТАЖА...» («Литературоведение» А. А. Фета)	396
Секция 9. ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	399
КРУГЛЫЙ СТОЛ	399
ДОКЛАДЫ	
Б. А. ВУЛЬФСОН , главный научный сотрудник Института теории и истории педагогики РАО (Москва), член-корреспондент РАО, доктор педагогических наук, профессор	
СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПЕДАГОГИКА В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО НАУЧНОГО ЗНАНИЯ	429
Е. О. ГАЛИЦКИХ , заведующая кафедрой литературы и методики обучения литературе Вятского государственного гуманитарного университета, доктор педагогических наук, профессор	
ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ВОСПИТАНИЮ ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТИ У ВЫПУСКНИКОВ УНИВЕРСИТЕТА	430
Г. М. ГЕНДИН , заведующий кафедрой философии и социологии Красноярского педагогического университета, член-корреспондент РАО, доктор философских наук, профессор;	
М. И. СЕРГЕЕВ , профессор кафедры философии и социологии Красноярского педагогического университета, кандидат философских наук	
ЭВОЛЮЦИЯ ОРИЕНТАЦИЙ СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВУЗА НА ЦЕННОСТИ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ	432

А. Ю. ДАВЫДОВ , доцент кафедры экономической теории Пятигорского государственного лингвистического университета, кандидат экономических наук ВЫСШАЯ ШКОЛА РОССИИ: ВОЗМОЖНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВСТУПЛЕНИЯ В ВТО	433
В. А. ДИНЕС , ректор Саратовского государственного социально-экономического университета, доктор исторических наук, профессор; В. А. РУСАНОВСКИЙ , проректор по научной работе Саратовского государственного социально-экономического университета, доктор экономических наук, профессор БОЛОНСКИЙ ПРОЦЕСС И РАЗВИТИЕ АКАДЕМИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ	435
В. Ю. ДУНАЕВ , ведущий научный сотрудник Института философии и политологии Министерства образования и науки Республики Казахстан (Алматы), доктор философских наук СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ ТРАНСФОРМАЦИИ СФЕРЫ ОБРАЗОВАНИЯ	436
Б. А. ЕРЕМЕЕВ , профессор психолого-педагогического факультета Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), доктор психологических наук ОСОЗНАНИЕ РАЗВИТИЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ	437
Ю. П. ЗИНЧЕНКО , декан факультета психологии, заведующий кафедрой методологии психологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, президент Российского психологического общества, доктор психологических наук, профессор ПРОБЛЕМЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В АСПЕКТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ (На примере психологического образования)	439
Т. Б. КАЗАРЕНКОВА , доцент кафедры сравнительной образовательной политики Российского университета дружбы народов (Москва), кандидат социологических наук СОЦИАЛЬНО-ИННОВАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	442
Н. К. КАРПОВА , профессор кафедры педагогики Южного федерального университета (Ростов-на-Дону), доктор педагогических наук МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ СОВРЕМЕННОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ НАУКИ	443
Н. С. КИРАБАЕВ , проректор по научной работе Российского университета дружбы народов (Москва), доктор философских наук, профессор ДИАЛОГ ЦИВИЛИЗАЦИЙ: ОБРАЗОВАНИЕ В ПОИСКАХ ОБЩЕЙ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ НА ПУТИ К ИННОВАЦИОННОМУ ОБЩЕСТВУ XXI в.	444
В. И. КУПЦОВ , директор объединения «Гуманитарное образование» Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, академик РАО, доктор философских наук, профессор ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ	446
В. Я. РУШАНИН , ректор Челябинской государственной академии культуры и искусств, доктор исторических наук, профессор СОВРЕМЕННЫЙ ВУЗ КАК СУБЪЕКТ РЕГИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ	447
А. А. САНКИН , первый проректор СПбГУП, кандидат педагогических наук, профессор; С. В. ВИКТОРЕНКОВА , директор департамента программ и управления качеством образования СПбГУП, кандидат технических наук, доцент КАФЕДРА В ПРОСТРАНСТВЕ ДИАЛОГА	449
Е. И. СМИРНОВ , заведующий кафедрой математического анализа Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, доктор педагогических наук, профессор; В. В. АФАНАСЬЕВ , ректор Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, доктор педагогических наук, профессор НАУЧНОЕ ПОЗНАНИЕ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНОЙ КАРТИНЫ МИРА БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ	450
Л. И. ЯКОБСОН , первый проректор Государственного университета — Высшей школы экономики (Москва), доктор экономических наук, профессор МАССОВОЕ ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ЯДРО РОССИЙСКОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В XXI в.	451
Секция 10. ШКОЛА КАК ОБРАЗ ЖИЗНИ	453
О. Е. ЛЕБЕДЕВ , заведующий кафедрой теории развития образовательных систем Санкт-Петербургской государственной академии постдипломного педагогического образования, член-корреспондент РАО, доктор педагогических наук, профессор УРОКИ В ШКОЛЕ И УРОКИ ШКОЛЫ	453
Ю. В. СЕНЬКО , заведующий кафедрой педагогики Алтайского государственного университета (Барнаул), академик РАО, доктор педагогических наук ОБРАЗОВАНИЕ КАК ГУМАНИТАРНАЯ МОДЕЛЬ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ	455

А. В. ХУТОРСКОЙ , заведующий лабораторией методологии общего среднего образования Института содержания и методов обучения РАО (Москва), директор Центра дистанционного образования «Эйдос», член-корреспондент РАО, доктор педагогических наук	
КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД В ШКОЛЕ: ОТ ПРОЕКТИРОВАНИЯ К РЕАЛИЗАЦИИ	456
В. Г. АЛЕКСАНДРОВА , главный научный сотрудник лаборатории гуманной педагогики Московского городского педагогического университета, профессор факультета глобальных процессов МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор педагогических наук	
ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА КАК ДОМИНАНТА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЫ	458
А. М. ШИРУЛЬНИКОВ , заведующий лабораторией социокультурных проблем развития образования Института управления образованием РАО (Москва), член-корреспондент РАО, доктор педагогических наук, профессор	
ШКОЛА ИЗ ЖИЗНИ КАК КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ	459
Н. А. ЕРМАК , доцент кафедры социологии и психологии Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасск), руководитель общественной организации «Женская палитра», кандидат педагогических наук	
ШКОЛА — ОБРАЗ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ ЛЮДЕЙ «ТРЕТЬЕГО» ВОЗРАСТА	460
Е. И. КАЗАКОВА , профессор кафедры непрерывного филологического образования и образовательного менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета, директор Школы им. А. М. Горчакова, доктор педагогических наук	
О НЕКОТОРЫХ ПАРАДОКСАХ СЕГОДНЯШНЕГО ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ	461
М. Н. КУЗЬМИН , директор Центра национальных проблем образования Федерального института развития образования Министерства образования и науки РФ (Москва), член-корреспондент РАО, кандидат исторических наук	
ПОЛИЭТНИЧНОСТЬ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ДИАЛОГА КУЛЬТУР В СОДЕРЖАНИИ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ	463
О. И. АРТЕМЕНКО , руководитель Центра национальных проблем образования Федерального института развития образования Министерства образования и науки РФ (Москва)	
СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ШКОЛА: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО СТАТУСА ГОСУДАРСТВЕННОГО ЯЗЫКА	463
В. А. КОЛЕСНИКОВ , директор областного ГОУ СПО «Иркутский государственный педагогический колледж № 1», доктор философских наук	
ФИЛОСОФИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В XXI в.: ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ РАЗВЕРТЫВАНИЕ ЛИЧНОСТИ	465
М. Н. ФРОЛОВСКАЯ , доцент кафедры педагогики Алтайского государственного университета (Барнаул), кандидат педагогических наук	
ПОИСК СМЫСЛОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ. ДИАЛОГ КАК ГУМАНИТАРНАЯ ПРАКТИКА	466
М. В. ХОТИМСКАЯ , учитель Петровской средней школы (Петрозаводск)	
ОБ ОПЫТЕ ПЕТРОВСКОЙ ШКОЛЫ В ПЕТРОЗАВОДСКЕ	467
М. В. КАЛУЖСКАЯ , научный руководитель гимназии «Корифей» (Екатеринбург)	
ОБ ОПЫТЕ РАБОТЫ ГИМНАЗИИ «КОРИФЕЙ» г. ЕКАТЕРИНБУРГА	468
Т. А. СКОПИШКАЯ , методист, учитель права и обществознания (Санкт-Петербург)	
ОБ ОПЫТЕ РАБОТЫ КЛУБА УЧИТЕЛЕЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА И ПРОЕКТЕ «ШКОЛА ОБЩЕСТВЕННОГО ПРИЗНАНИЯ»	469
А. В. ВЕРХОВЦЕВА , заместитель декана факультета очного обучения Международного банковского института (Санкт-Петербург)	
ОБ ИЗМЕНЕНИИ ИСТОЧНИКОВ ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	469
С. В. ЛЕВКОВЕЦ , заведующая учебной частью Вальдорфской средней школы	
ОБ ОПЫТЕ РАБОТЫ ВАЛЬДОРФСКОЙ ШКОЛЫ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ	469
ДОКЛАДЫ	
С. Н. АРТАНОВСКИЙ , профессор кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, доктор философских наук	
НАДО ЛИ ИЗУЧАТЬ ИСТОРИЮ ПРАВОСЛАВИЯ В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ?	472
В. К. БАЛЬСЕВИЧ , профессор Российского государственного университета физической культуры, спорта и туризма (Москва), член-корреспондент РАО, доктор биологических наук	
ОСВОЕНИЕ ЦЕННОСТЕЙ СПОРТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ КАК СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ЗДОРОВЬЯ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ РОССИИ	473

Е. В. БОНДАРЕВСКАЯ , заместитель председателя Южного отделения РАО, заведующая кафедрой педагогики Ростовского государственного педагогического университета (Ростов-на-Дону), академик РАО, доктор педагогических наук, профессор	
ГУМАНИТАРНЫЙ ПОДХОД К ОЦЕНИВАНИЮ РЕЗУЛЬТАТОВ ВОСПИТАНИЯ	474
Л. В. ГОМБОЕВА , доцент Института устойчивого развития Восточно-Сибирского государственного технологического университета (Улан-Удэ), кандидат философских наук;	
Э. Ч. ДАРИБАЗАРОН , аспирант кафедры философии Бурятского государственного университета (Улан-Удэ)	
ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ ПОСТУЛАТЫ ДЛЯ ШКОЛЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА	475
Ю. А. ДАНИЛОВА , старший преподаватель кафедры теории развития образовательных систем Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования	
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ В ШКОЛЕ	476
А. Н. ДЖУРИНСКИЙ , заведующий кафедрой эстетического и трудового воспитания младших школьников Московского педагогического государственного университета, член-корреспондент РАО, доктор педагогических наук, профессор	
ПОЛИКУЛЬТУРНОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК ОТВЕТ НА ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ МНОГООБРАЗИЕ	477
И. В. ДУБРОВИНА , заведующая кафедрой Московского городского психолого-педагогического института, заместитель председателя бюро Отделения психологии и возрастной физиологии РАО, доктор психологических наук, профессор	
ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ШКОЛЫ	478
Э. В. ЕКЕЕВА , доцент кафедры экономической и социальной географии Горно-Алтайского государственного университета, кандидат педагогических наук	
ТРАДИЦИОННАЯ ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК ОСНОВА ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ	479
В. И. ЕРОШИН , директор Института управления образованием РАО (Москва), член-корреспондент РАО, доктор педагогических наук	
УПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЕМ ПОЛИКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ	480
С. В. ЛЕВКОВЕЦ , заведующая учебной частью Вальдорфской средней школы	
ОБРАЗ ШКОЛЫ. ПРЕОДОЛЕНИЕ СТЕРЕОТИПОВ (По материалам биографии Д. С. Лихачева)	481
Л. И. ЛУБЫШЕВА , профессор кафедры философии, социологии и теории олимпийского воспитания Российского государственного университета физической культуры (Москва), доктор педагогических наук	
СПОРТИЗАЦИЯ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ШКОЛ РОССИИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ СПОРТИВНОГО СТИЛЯ ЖИЗНИ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ	482
Т. А. СКОПИЦКАЯ , методист, учитель права и обществознания (Санкт-Петербург)	
НА ПУТИ К УСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ ЧЕРЕЗ ШКОЛЬНУЮ СИСТЕМУ ОБРАЗОВАНИЯ	483
Секция 11. ИДЕИ ДМИТРИЯ ЛИХАЧЕВА И СОВРЕМЕННОСТЬ (Лихачевский форум старшеклассников России)	485
А. А. ЛИХАНОВ , писатель, председатель правления Российского детского фонда, академик РАО, президент Международной ассоциации детских фондов, почетный доктор СПбГУП	
ВВЕРХ ПО ЛЕСТНИЦЕ, ВЕДУЩЕЙ К СОВЕРШЕНСТВУ	485
Л. Д. ГРИГОРЬЕВА , учащаяся 11-го класса школы № 550 Санкт-Петербурга	
САМАЯ БОЛЬШАЯ ЦЕННОСТЬ В МИРЕ — ЖИЗНЬ...	486
М. В. РУСИНОВА , учащаяся 10-го класса Политехнической гимназии (Нижний Тагил)	
РАЗМЫШЛЕНИЯ О СУЩНОСТИ КУЛЬТУРЫ	486
А. А. ИЛЬИНА , учащаяся 10-го класса лицея (Вольск)	
ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ НАСЛЕДИЕ И ВЛИЯНИЕ ИРАНОЯЗЫЧНОГО ОКРУЖЕНИЯ НА ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН	487

А. Э. ЯКОВЛЕВ , учащийся 10-го класса средней общеобразовательной школы (Вильнюс, Литовская Республика)	
ТО, БЕЗ ЧЕГО НЕВОЗМОЖНА ДОСТОЙНАЯ БУДУЩНОСТЬ (О сложном положении русских, русской культуры и русского языка в Прибалтике в начале XXI в.)	488
Н. М. ЛОМАЧЕНКОВА , учащаяся 11-го класса гимназии «Ювентос» (Вильнюс, Литовская Республика)	
ЯЗЫК — ОДНО ИЗ ГЛАВНЫХ ПРОЯВЛЕНИЙ КУЛЬТУРЫ (Русский язык и русская культура в Литовской Республике).....	489
Т. С. ВОЛОГИНА , учащаяся 11-го класса школы № 1 (пос. Маслянино, Новосибирская обл.)	
ЖИВИ НЕ НАПОКАЗ	490
С. КУНШИНА , учащаяся 10-го класса школы № 51 (Киров, Кировская обл.)	
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ СПАСКОГО СОБОРА ГОРОДА КИРОВА	491
А. А. ТАРАБАНОВА , учащаяся 10-го класса гимназии № 1 (Мончегорск, Мурманская обл.)	
«УМОМ РОССИЮ НЕ ПОНЯТЬ...» (Отражение «странностей» русской души в некоторых лексических единицах русского языка).....	491
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	493

О МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЯХ

Справка

Международные научные чтения в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов впервые состоялись в мае 1993 года и были приурочены к Дням славянской письменности и культуры. Инициаторами их проведения были академик Дмитрий Сергеевич Лихачев и профессора СПбГУП В. Е. Триодин, Р. С. Милонов и А. С. Запесоцкий. С тех пор Чтения проводятся каждый год. Д. С. Лихачев выступал на них дважды — с докладами «Декларация прав культуры и ее международное значение» (1996) и «Великая культура примирительна по своей сути» (1997).

После ухода из жизни Дмитрия Сергеевича Лихачева по предложению писателя Д. А. Гранина и профессора А. С. Запесоцкого чтения получили государственный статус Международных Лихачевских научных чтений, который был придан им Указом Президента РФ В. В. Путина «Об увековечении памяти Д. С. Лихачева» № 587 от 23 мая 2001 года.

Соучредителями Чтений являются Российская академия наук, Российская академия образования, Конгресс петербургской интеллигенции (организационно оформлен А. С. Запесоцким в 1999 году по поручению Д. С. Лихачева и Д. А. Гранина; в числе учредителей также Ж. И. Алферов, А. П. Петров, М. Б. Пиотровский, К. Ю. Лавров. Конгресс был создан с целью содействия реализации потенциала интеллигенции, для укрепления гражданского общества и защиты демократических ценностей, обеспечения постоянного диалога между обществом и властью, а также консолидации всех слоев населения для достижения общественного согласия).

В 2007 и 2008 годах Лихачевские научные чтения прошли при поддержке Министерства иностранных дел России.

В повестку дня Чтений по традиции включаются наиболее универсальные дискуссионные проблемы современности. А именно: в 2001 и 2002 годах тема Лихачевских чтений была «Мир гуманитарной культуры академика Д. С. Лихачева», в 2003 году — «Образование в условиях формирования нового типа культуры», в 2004-м — «Образование в процессе гуманизации современного мира», в 2005-м — «Культура и глобальные вызовы мирового развития», в 2006-м — «Гуманитарные проблемы современной цивилизации», в 2007-м — «Диалог культур и цивилизаций в глобальном мире» и в 2008-м — «Диалог культур и партнерство цивилизаций».

Год от года Лихачевские чтения приобретают все больший размах и становятся все более представительными. На конференцию съезжаются крупнейшие деятели российской и зарубежной науки, культуры и искусства, общественные и политические лидеры. В разные годы в Чтениях участвовали академики и члены-корреспонденты РАН: А. Г. Арбатов, Н. П. Бехтерева, О. Т. Богомолов, В. Н. Большаков, А. В. Брушлинский, Р. Ш. Ганелин, А. А. Гусейнов, И. И. Елисеева, Т. И. Заславская, Н. В. Карлов, А. А. Кокошин, И. И. Лукинов, В. А. Мартынов, С. В. Медведев, Н. Н. Моисеев, А. Д. Некипелов, А. М. Панченко, Н. Я. Петраков, Н. А. Платэ, Б. В. Раушенбах, Ю. А. Рыжов, Н. Н. Скатов, В. С. Степин, Ж. Т. Тощенко, А. М. Финкельштейн, В. А. Черешнев, А. О. Чубарьян, В. Л. Янин, Р. Г. Яновский и др.; академики и члены-корреспонденты РАО: Ш. А. Амонашвили, В. И. Андреев, Г. М. Андреева, А. Г. Асмолов, В. К. Бальсевич, А. П. Беляева, М. Н. Берулава, И. В. Бестужев-Лада, А. А. Бодалев, Е. В. Бондаревская, Г. А. Бордовский, В. П. Борисенков, А. П. Валицкая, Г. Н. Волков, Ю. Н. Гладкий, Ю. С. Давыдов, А. В. Даринский,

А. Н. Джуринский, Э. Д. Днепров, С. Ф. Егоров, В. И. Ерошин, В. Г. Кинелев, В. А. Кобылянский, И. С. Кож, А. С. Кондратьев, В. Г. Костомаров, В. В. Краевский, М. Н. Кузьмин, Н. В. Кузьмина, О. Е. Лебедев, В. Т. Лисовский, А. А. Лиханов, В. Г. Маранцман, Г. В. Мухаметзянова, Н. Д. Никандров, А. М. Новиков, А. А. Орлов, А. А. Реан, Ю. А. Сауров, Ю. В. Сенько, Н. А. Терентьева, А. В. Усова, Ю. У. Фохт-Бабушкин, А. В. Хуторской, Г. А. Ягодин, Е. А. Ямбург, В. Миттер (Германия); общественные и государственные деятели: А. А. Акаев, А. Е. Бусыгин, О. Г. Дмитриева, В. П. Козлов, А. А. Собчак, Е. С. Строев, В. Е. Чуров, М. В. Шмаков, В. А. Яковлев; деятели культуры и искусств: М. К. Аникушин, А. А. Вознесенский, И. О. Горбачев, Д. А. Гранин, Н. М. Дудинская, З. Я. Корогодский, К. Ю. Лавров, А. П. Петров, М. М. Плисецкая, М. Л. Ростропович, Э. А. Рязанов, Г. В. Свиридов.

Трижды — в 2001, 2004 и 2006 годах — организаторов и участников Чтений приветствовал Президент Российской Федерации, а в 2008-м — Председатель Правительства РФ В. В. Путин.

Ежегодно по итогам Международных Лихачевских научных чтений публикуются сборники докладов и выступлений их участников, тексты секционных дискуссий и круглых столов. Сборники конференций хранятся во всех крупных библиотеках России, стран СНГ, научных и образовательных центрах многих государств мира. Материалы Чтений представлены на специальном научном интернет-сайте «Площадь Лихачева» (www.Lihachev.ru).

УКАЗ
ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
«ОБ УВЕКОВЕЧЕНИИ ПАМЯТИ Д. С. ЛИХАЧЕВА»

Отмечая выдающийся вклад Дмитрия Сергеевича Лихачева в развитие отечественной науки и культуры, постановляю:

1. Правительству Российской Федерации:

учредить, начиная с 2001 года, две персональные стипендии имени Д. С. Лихачева в размере 400 рублей каждая для студентов высших учебных заведений Российской Федерации и определить порядок их назначения;

совместно с Правительством Санкт-Петербурга осуществить разработку на конкурсной основе проекта надгробия на могиле Д. С. Лихачева;

совместно с Российской академией наук рассмотреть вопрос о создании фильма, посвященного жизни и деятельности Д. С. Лихачева.

2. Рекомендовать Правительству Санкт-Петербурга:

присвоить имя Дмитрия Сергеевича Лихачева одной из улиц Санкт-Петербурга;

рассмотреть вопрос об установке на здании Института русской литературы Российской академии наук (Пушкинского Дома) памятной доски;

обеспечить в установленном порядке проведение работ по установке надгробия на могиле Д. С. Лихачева.

3. Принять предложения Российской академии наук об учреждении премии Российской академии наук имени Д. С. Лихачева для российских и зарубежных ученых за выдающийся вклад в исследование литературы и культуры Древней Руси, а также об издании собрания научных трудов Д. С. Лихачева.

4. Одобрить инициативу Конгресса петербургской интеллигенции о проведении ежегодно Международных Лихачевских научных чтений, приуроченных к Дню славянской письменности и культуры.

Президент Российской Федерации
ВЛАДИМИР ПУТИН

Москва, Кремль, 23 мая 2001 года

ПРИВЕТСТВИЯ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В. В. ПУТИНА УЧАСТНИКАМ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ

Приветствую участников Международной научно-практической конференции «Мир гуманитарной культуры академика Д. С. Лихачева».

Ваша конференция собрала элиту отечественной и мировой науки и культуры, видных общественных деятелей на ответственный разговор о научном и духовно-нравственном наследии выдающегося российского ученого, академика Дмитрия Сергеевича Лихачева. Верю, у него есть и будут достойные преемники, которые смогут развить его гуманные идеи и воплотить их в жизнь при созидании общечеловеческого дома в XXI веке.

Надеюсь, Лихачевские чтения в Санкт-Петербурге станут со временем важной традицией интеллектуальной жизни России.

Желаю вам, духовным наследникам Д. С. Лихачева, успешной плодотворной работы и всего самого доброго.

Президент Российской Федерации
В. ПУТИН
21 мая 2001 года

Приветствую организаторов, гостей и участников Международных Лихачевских научных чтений.

По традиции они объединили авторитетных представителей интеллигенции, видных ученых и деятелей культуры. Отраднo, что конференция приобретает все более широкий международный резонанс, а ее повестка наполняется значимыми и актуальными вопросами современности. В этом году вам предстоит обсудить такую фундаментальную проблему, как влияние образования на гуманизацию общества.

Проведение форума — это и дань памяти Дмитрию Сергеевичу Лихачеву, выдающемуся ученому, патриоту и гражданину. Его идейное наследие, труды, посвященные духовному развитию личности и нравственному воспитанию молодых поколений, имеют непреходящее значение. Желаю вам плодотворной работы и всего самого доброго.

Президент Российской Федерации
В. ПУТИН
20 мая 2004 года

Приветствую организаторов, участников и гостей VI Международных Лихачевских научных чтений.

На протяжении ряда лет ваш форум выполняет ответственную, благородную миссию сохранения, изучения и популяризации трудов Дмитрия Сергеевича Лихачева. Чтения стали признанной, авторитетной площадкой для содержательных и конструктивных дискуссий, для серьезного разговора по важнейшим вопросам современности. Творческое и идейное наследие Дмитрия Сергеевича Лихачева — неотъемлемая часть отечественной научной мысли, мирового научного наследия в целом. И потому 100-летний юбилей этого выдающегося ученого, гуманиста, патриота и гражданина так широко отмечается не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами. Желаю организаторам, участникам и гостям Чтений плодотворной работы, успехов и всего самого доброго.

Президент Российской Федерации
В. ПУТИН
25 мая 2006 года

ПРИВЕТСТВИЯ УЧАСТНИКАМ VIII МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ

Членам Организационного комитета, участникам и гостям VIII Международных Лихачевских научных чтений

Приветствую организаторов, участников и гостей VIII Международных Лихачевских научных чтений.

Проведение вашего научного форума стало важной и доброй традицией и помогает не только лучше осознавать значимость гуманистических идей Дмитрия Сергеевича Лихачева, его творческого наследия, но и понять актуальные вопросы современности.

Поэтому сегодня в повестке дня конференции такие важные для всех темы, как «Личность и общество в поликультурном мире», «Экономика и право в контексте партнерства цивилизаций», «Средства массовой информации в системе формирования картины мира», «Высшее образование: проблемы развития в контексте глобализации» и другие.

Уверен, что заинтересованное обсуждение, содержательные и конструктивные дискуссии в рамках Чтений послужат развитию гуманитарных наук, укреплению духовно-нравственных основ общества.

Желаю организаторам, участникам и гостям форума плодотворной работы и всего самого доброго.

Председатель Правительства
Российской Федерации
В. ПУТИН
22 мая 2008 г.

Участникам VIII Международных Лихачевских научных чтений

Приветствую участников VIII Международных Лихачевских научных чтений, которые стали традиционным и важным событием в научной и общественно-политической жизни Санкт-Петербурга и всей России!

Прибывшие в Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов ученые из разных университетов и научных центров России и зарубежных стран, а также политики и общественные деятели, представители органов государственной власти, деятели культуры и искусства будут обсуждать актуальные проблемы диалога культур и цивилизаций. Тематика VIII Лихачевских чтений обширна и касается сфер науки и образования, экономики и права. Это даст возможность участникам Чтений профессионально и всесторонне анализировать сложные процессы, происходящие в современном обществе.

В настоящее время все человечество сталкивается с новыми проблемами и новыми вызовами, которые требуют адекватных ответов и решений. Рассмотрение тем, запланированных в рамках Чтений, позволяет системно подойти к решению важнейших задач, имеющих глобальное значение. В этой связи особенно важно обеспечить дальнейшее развитие научного и духовного наследия академика Дмитрия Сергеевича Лихачева. Не сомневаюсь, что VIII Международные Лихачевские научные чтения станут важной вехой на этом пути.

Желаю участникам Чтений больших успехов и всего наилучшего!

Председатель Государственной Думы
Федерального собрания РФ
Б. В. ГРЫЗЛОВ
22 мая 2008 г.

**Председателю Оргкомитета
VIII Международных Лихачевских научных чтений,
профессору А. С. Запесоцкому, участникам и гостям Чтений**

*Уважаемый Александр Сергеевич!
Уважаемые участники и гости Чтений!*

Поздравляю вас с началом очередных Лихачевских чтений. На этом форуме мы рассматриваем культуру в ее широком, «лихачевском» понимании — как совокупность культуры поведения, культуры сохранения истории и исторических памятников, политической культуры, включая культуру выборов, культуры экономики и торговли (то, что когда-то определялось «купеческим словом»), культуры речи, культуры межнациональных отношений и т. д.

Только в таком широком смысле слова культура России может являться столпом, на котором держится государство. С этой точки зрения VIII Чтения — особые: они проходят сразу после избрания и вступления в должность нового Президента России, после формирования нового Правительства России. Как и раньше, научный потенциал отечественной интеллигенции востребован при создании планов дальнейшего развития суверенного демократического Российского государства. Названия секций свидетельствуют о точном следовании основным идеям и принципам академика Лихачева.

Желаю успеха работе форума!

Председатель Центральной избирательной комиссии РФ
В. Е. ЧУРОВ
19 мая 2008 г.

**Участникам VIII Международных
Лихачевских научных чтений**

Уважаемые коллеги!

Рад приветствовать всех участников и гостей Лихачевских научных чтений!

За годы проведения Лихачевские чтения стали крупным форумом, на котором обсуждаются актуальные вопросы развития человеческого капитала, в первую очередь в области образования и науки.

В настоящее время государство рассматривает проблему человеческого капитала в качестве ключевого элемента развития общества и модернизации экономики страны, поэтому те вопросы, которые будут обсуждаться в ходе Чтений, представляются весьма актуальными для выявления точек роста и развития человеческого капитала страны.

Уверен, что в ходе обсуждений произойдет конструктивный диалог, который не только поможет продвинуться в понимании целого комплекса научных и образовательных проблем, но и позволит благодаря тесному взаимодействию государства и научного сообщества оказать позитивное воздействие на общественное развитие.

Желаю всем вам успехов в творческом поиске, личных и профессиональных достижений, новых научных открытий на благо России.

Министр образования и науки РФ
А. А. ФУРСЕНКО
20 мая 2008 г.

**Организаторам, участникам и гостям
VIII Международных Лихачевских научных чтений**

От имени Министерства культуры Российской Федерации позвольте сердечно приветствовать организаторов, участников и гостей VIII Международных Лихачевских научных чтений.

Трудно переоценить значение личности Дмитрия Сергеевича Лихачева для России. Он открыл принципиально новый подход к культуре как смыслообразующей основе жизни государств, народов, каждой личности.

Имя академика Д. С. Лихачева неразрывно связано с историей и культурой Северной Пальмиры. В этой связи глубоко символично, что Чтения, посвященные его памяти, проходят в великом городе Санкт-Петербурге. Это событие — яркое свидетельство актуальности идей Д. С. Лихачева в наши

дни. Одновременно это и стремление развить его идеи, увидеть возможности их использования в новых исторических условиях.

Очень ценно, что в контекст Чтений вовлечено большое количество школьников из больших и малых городов и сел нашей страны. Им предстоит наследовать и развивать отечественную культуру, науку, экономику, и имя нашего великого современника Д. С. Лихачева будет для молодежи надежным ориентиром в мире культуры.

Желаю всем участникам научных чтений плодотворной работы, интересных встреч и всего самого доброго.

Министр культуры РФ
А. А. АВДЕЕВ
20 мая 2008 г.

Организаторам, участникам и гостям VIII Международных Лихачевских научных чтений

Приветствую организаторов, участников и гостей представительного гуманитарного научного форума — VIII Международных Лихачевских научных чтений.

Ежегодные научные встречи в городе на Неве, у истоков которых стоял выдающийся ученый Д. С. Лихачев, стали важной дискуссионной площадкой для представителей научной, политологической и интеллектуальной элиты из многих стран мира по актуальным международным проблемам и роли России в мировых делах.

Российская Федерация стремится содействовать демократизации международных отношений, усилиям по развитию всестороннего межкультурного и межцивилизационного диалога. Этот подход продиктован особенностями исторического пути России, который включает в себя многовековой опыт мирного сосуществования различных культурно-религиозных традиций в рамках единого государства. Именно поэтому мы, как никто другой, понимаем необходимость совмещения подходов к актуальным международным проблемам с базовыми духовно-нравственными ценностями всех мировых религий.

В МИД России прекрасно осознают важность проведения вашего форума, с каждым годом приобретающего качественно новый уровень и привлекающего все большее число зарубежных участников.

Мы готовы поддерживать и далее эту инициативу и участвовать как в регулярных сессиях, так и в новой дипломатической программе «Международный диалог культур», в течение года предоставляющей трибуну российским и иностранным дипломатам для освещения имеющихся в мире подходов к ключевым проблемам современности.

Хотел бы выразить надежду на успех предстоящих дискуссий ученых, государственных и общественных деятелей по проблемам диалога культур и партнерства цивилизаций.

В связи с этим хочу еще раз пожелать вам успешной работы, творческих дискуссий и всего самого доброго.

Министр иностранных дел РФ
С. В. ЛАВРОВ
19 мая 2008 г.

Участникам VIII Международных Лихачевских научных чтений

Президиум Российской академии наук поздравляет участников традиционных VIII Международных Лихачевских научных чтений с началом работы научного форума.

Чтения, которые проводятся уже восьмой год подряд, стали важным фактом научной жизни России. В этом году их тема «Диалог культур и партнерство цивилизаций» органично продолжает тематику предшествующих Чтений и в то же время творчески развивает те направления научного творчества и общественной деятельности нашего великого современника Д. С. Лихачева, которым он посвятил последние годы своей жизни. Годы, прошедшие со времени ухода из жизни нашего великого современника, убедительно подтвердили справедливость его мысли, что наука, техника, цивилизация вне культуры лишаются всякого смысла и превращаются в источник опасности для человечества.

Участие в VIII Международных Лихачевских чтениях отечественных и зарубежных ученых, работающих в самых различных областях знания, политиков, общественных деятелей, представителей творческой интеллигенции, журналистов — яркое воплощение многогранности научных

интересов и общественной деятельности Д. С. Лихачева, его постоянного стремления к интеграции научного знания, свидетельство широкого международного интереса к его наследию.

В связи с этим трудно переоценить значение вашего научного форума, посвященного актуальнейшей на сегодня проблеме осмысления путей, средств и содержания диалога культур и цивилизаций.

Желаю всем участникам VIII Лихачевских научных чтений успешной работы на благо образования и культуры России.

Президент Российской академии наук,
академик Ю. С. ОСИПОВ
20 мая 2008 г.

Участникам, гостям, членам Оргкомитета VIII Международных Лихачевских научных чтений

От имени Федерации независимых профсоюзов России приветствую и поздравляю вас с открытием восьмого Международного научного форума, носящего имя великого гуманиста и ученого Д. С. Лихачева.

Как учредитель Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, ФНПР выражает глубокое удовлетворение тем, что в этом году Лихачевские научные чтения привлекли внимание беспрецедентно большого числа участников из многих городов России, ближнего и дальнего зарубежья. В стенах Университета фактически собрался цвет отечественной и мировой гуманитарной науки, культуры, политики, образования. Во многом это обусловлено тем обстоятельством, что Дмитрий Сергеевич Лихачев был Почетным доктором нашего Университета. Большое значение имеет также та работа, которую на протяжении многих лет Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов ведет по пропаганде творческого наследия великого ученого.

Федерация независимых профсоюзов России, как самая массовая общественная организация в нашей стране, объединяет представителей различных профессий, носителей разных политических взглядов, ведет обширную международную работу. В связи с этим тема нынешних, VIII Международных Лихачевских научных чтений — диалог культур и партнерство цивилизаций — для нас крайне актуальна.

Являясь составляющей частью мирового профсоюзного движения, ФНПР вносит значительный вклад в развитие происходящих интеграционных процессов и ожидает, что и наука скажет свое веское слово, окажет реальную помощь на пути к взаимопониманию и сближению мирового сообщества.

Желаю плодотворной работы и больших успехов!

Председатель Федерации независимых профсоюзов России
М. В. ШМАКОВ
22 мая 2008 г.

Организаторам, участникам и гостям VIII Международных Лихачевских научных чтений

Приветствую участников, организаторов и гостей VIII Международных научных чтений в стенах Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов и поздравляю всех с открытием этого высокого мероприятия.

Проблематика Чтений отражает одно из самых актуальных направлений гуманитарной науки и в то же время предмет неустанных забот политиков, дипломатов, всех людей доброй воли — диалог культур и партнерство цивилизаций.

От того, насколько интенсивным будет это партнерство, каким содержанием наполнится диалог, во многом будет зависеть, в каком мире будем жить мы и наши дети.

Желаю участникам Чтений успехов в научном поиске, здоровья и личного счастья.

Заместитель Председателя Государственной Думы
Федерального собрания РФ
С. С. ЖУРОВА
22 мая 2008 г.

Пленарное заседание ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ПАРТНЕРСТВО ЦИВИЛИЗАЦИЙ

22 мая 2008 г. Театрально-концертный зал им. А. П. Петрова, СПбГУП

Сопредседатели:

- А. А. ГУСЕЙНОВ** директор Института философии РАН, заведующий кафедрой этики МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАН, вице-президент Российского философского общества, доктор философских наук, профессор, почетный доктор СПбГУП
- А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ** председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, член-корреспондент РАО, доктор культурологических наук, профессор
- М. Б. ПИОТРОВСКИЙ** председатель Конгресса петербургской интеллигенции, директор Государственного Эрмитажа, член-корреспондент РАН, действительный член Российской академии художеств, доктор исторических наук, профессор
- Ж. САМПАЙО** Высокий представитель Генерального секретаря ООН по «Альянсу цивилизаций», Президент Португалии (1996–2006)

Участники:

- А. А. АКАЕВ** академик Академии наук Республики Кыргызстан, иностранный член Российской академии наук, Президент Республики Кыргызстан (1990–2005), доктор технических наук, профессор
- О. Т. БОГОМОЛОВ** почетный директор Института международных экономических и политических исследований РАН, академик РАН, доктор экономических наук, профессор
- А. Е. БУСЫГИН** заместитель министра культуры РФ, доктор экономических наук, профессор
- П. БЮЛЬ-БЮЛЬ** оғлы Посол Азербайджана в РФ, доктор искусствоведения, профессор, народный артист Азербайджана
- И. ВАЛЛЕРСТАЙН** профессор социологии Йельского университета (США), доктор философии
- Р. ГЕРРА** профессор Университета г. Ниццы (Франция)
- Д. Ч. КАПУР** президент фонда «Капур Сурия», сопредседатель Мирового общественного форума «Диалог цивилизаций» (Индия), доктор философии, профессор
- В. П. КОЗЛОВ** руководитель Федерального архивного агентства, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор
- А. А. ЛИХАНОВ** писатель, председатель правления Российского детского фонда, академик РАО, президент Международной ассоциации детских фондов, почетный доктор СПбГУП
- Н. Д. НИКАНДРОВ** президент Российской академии образования, академик РАО, доктор педагогических наук, профессор
- В. Л. РАБИНОВИЧ** заведующий сектором «Языки культур» Российского института культурологии, доктор философских наук, кандидат химических наук, профессор
- Г. РЯБЫХ** священник, исполняющий обязанности секретаря по взаимоотношениям церкви и общества Отдела внешних связей Московского патриархата, кандидат политических наук
- Э. А. РЯЗАНОВ** кинорежиссер, народный артист СССР, почетный доктор СПбГУП
- Л. А. САНКИН** первый проректор СПбГУП, профессор
- В. Е. ЧУРОВ** председатель Центральной избирательной комиссии РФ, профессор СПбГУП
- В. ШВИММЕР** член Национального собрания Австрии (парламента), председатель Мирового общественного форума «Диалог цивилизаций», доктор права, Генеральный секретарь Совета Европы (1999–2004)
- Ю. С. ШЕМШУЧЕНКО** директор Института государства и права им. В. М. Корецкого Национальной академии наук Украины, академик Национальной академии наук Украины, иностранный член РАН, доктор юридических наук, профессор
- А. В. ЯКОВЕНКО** заместитель министра иностранных дел РФ, доктор юридических наук, профессор
- Е. Г. ЯСИН** научный руководитель Государственного университета — Высшей школы экономики, доктор экономических наук, профессор

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ¹: — Здравствуйте, глубокоуважаемые коллеги! Позвольте приветствовать вас от имени Организационного комитета данного форума. История наших Чтений берет свое начало с одного из самых трудных периодов в жизни страны — с 1993 г., когда научно-педагогическая общественность России мучительно искала свое место в отечественных реформах. И вот тогда выдающийся российский ученый-гуманитарий Дмитрий Сергеевич Лихачев, который стал первым Почетным доктором нашего Университета, выдвинул идею проводить Дни науки, приуроченные к Дням празднования славянской письменности и культуры, — 24 мая. Таким образом было положено начало данной традиции. В то время Чтения назывались просто Днями науки.

После ухода Дмитрия Сергеевича из жизни мы с Даниилом Граниным от имени Конгресса петербургской интеллигенции обратились к Президенту России Владимиру Путину с просьбой издать указ об увековечении памяти академика Лихачева. Замечу, что Конгресс был учрежден в 1999 г. по инициативе Гранина и Лихачева. Наряду с этими двумя выдающимися россиянами учредителями Конгресса стали Михаил Пиотровский, Жорес Алферов, Кирилл Лавров, Андрей Петров и ваш покорный слуга. С 2001 г. специальным Указом Президента России от 23 мая 2001 г. № 587 нашим Чтениям был придан государственный статус «Международных Лихачевских научных чтений».

Ежегодно на Чтениях традиционно обсуждаются самые актуальные из гуманитарных проблем современности. С 1993 г. мы постепенно переходили от животрепещущих и больных для нас внутрirosсийских проблем к проблемам глобальным, что отвечало изменениям ситуации в России. По мере решения внутренних проблем, стабилизации и развития жизни страны ученых-гуманитариев, профессуру, академическую общественность все больше и больше интересовали глобальные. С одной стороны, проблемы мирового развития сказывались на ситуации в нашем Отечестве. С другой стороны, и вклад России в международную жизнь становился все заметнее, значительнее.

С самого начала истории Чтений наряду с Конгрессом интеллигенции и Университетом их учредителями были Российская академия наук и Российская академия образования. И я благодарен многим присутствующим в этом

зале замечательным, выдающимся ученым, педагогам, государственным и общественным деятелям, которые участвовали в Чтениях с самого начала, с первой половины 1990-х гг. В эти дни в Чтениях участвуют свыше полутора тысяч человек. Сегодня здесь в основном присутствуют взрослые, а завтра в этом зале соберутся школьники со всей России, их будет более 700 человек.

Мы традиционно принимаем здесь участников и из регионов России, и, разумеется, из Москвы, Петербурга и из зарубежья. В последние годы Чтения собирают представителей примерно 60–70 регионов России и 30–40 стран. И сегодня здесь представлены практически все регионы мира.

Я рад приветствовать присутствующих гостей. Прошу прощения за то, что это будет не по протоколу, поскольку до последнего момента не был ясен полный состав прибывающих. Я с удовольствием приветствую почетных докторов нашего Университета: выдающегося кинорежиссера, народного артиста Советского Союза Эльдара Рязанова; замечательного российского писателя, академика Российской академии образования и главу Российского детского фонда Альберта Лиханова; выдающегося российского философа, которого мы будем завтра чествовать в качестве почетного доктора СПбГУП, академика Абдусалама Гусейнова — директора Института философии Российской академии наук. Сегодня с нами, и это стало доброй традицией, президент Российской академии образования, академик Николай Никандров.

Особо теплые слова мне хочется сказать в адрес присутствующего здесь члена-корреспондента Российской академии наук, главного редактора журнала «Русская литература», президента Фонда науки, культуры, искусства и образования, на протяжении многих лет возглавлявшего Пушкинский Дом, Николая Николаевича Скатова — человека, который необычайно много в Петербурге делает для развития науки, культуры, образования и стал одним из символов петербургской интеллигенции. Я особенно подробно говорю о Николае Николаевиче потому, что сам профессор Скатов испытывает сегодня некоторые проблемы с голосом и, к сожалению, не сможет выступить. Но я прошу, чтобы мы приветствовали аплодисментами этого замечательного человека, который с первых дней существования Лихачевских чтений вместе с Пушкинским Домом их поддерживает.

Вместе с нами в Чтениях участвуют сегодня: председатель Конгресса петербургской интеллигенции, директор Государственного Эрмитажа, член-корреспондент РАН Михаил Пиотровский; профессор нашего Университета, председатель Центральной избирательной комиссии России Владимир Чуров; заместитель министра иностранных дел России, профессор и доктор юридических наук Александр Яковенко; заместитель министра культуры и массовых коммуникаций России, доктор экономических

¹ Председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, член-корреспондент РАО, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный артист РФ, лауреат премии Правительства РФ в области образования (2007), лауреат Горьковской литературной премии (2007). Автор книг «Образование: философия, культурология, политика» (2002), «Культурология Дмитрия Лихачева» (2007) и свыше тысячи научных публикаций по проблемам культуры, образования, СМИ, социальной и молодежной политики; создатель культуроцентристской концепции образования, положенной в основу деятельности СПбГУП.

наук, профессор Андрей Бусыгин; целый ряд выдающихся зарубежных ученых, таких как Высокий представитель Генерального секретаря ООН по «Альянсу цивилизаций» («Альянс цивилизаций» — это организация, специально созданная ООН для развития нашей сегодняшней тематики — диалога культур) экс-президент Португалии Жоржи Сампайю, Вальтер Швиммер из Австрии — председатель мирового общественного форума «Диалог цивилизаций» и экс-глава Совета Европы; Иммануил Валлерстайн — доктор, профессор социологии Йельского университета (США); Генеральный секретарь Совета улемов Республики Индонезия и председатель индонезийской мусульманской общественной организации «Мухаммадия» (это многомиллионная общественная организация), профессор, доктор Дин Шамсутдин; посол Саудовской Аравии Мердад Джамиль бин Махмуд.

Из наших соотечественников должны быть названы: академик Российской академии наук, почетный директор Института международных экономических и политических исследований РАН, доктор экономических наук, профессор Олег Богомолов; священник Георгий Рябых; академик РАН, представляющий здесь Уральское отделение РАН, директор Института экологии растений и животных, главный редактор журнала «Экология», доктор биологических наук, профессор Владимир Большаков; академик РАН, президент Международного инженерного университета, доктор технических наук, профессор Юрий Рыжов; руководитель Федерального архивного агентства России, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор Владимир Козлов.

В этом зале — первый президент Республики Кыргызстан, почетный академик Российской академии наук, академик Академии наук Кыргызстана Аскар Акаев; Чрезвычайный и Полномочный Посол Азербайджанской Республики в Российской Федерации и любимый всеми нами артист, певец Полад Бюль-Бюль оглы; научный руководитель Государственного университета — Высшей школы экономики, доктор экономических наук, профессор Евгений Ясин; чешский писатель Петр Вайль; профессор Университета Ниццы Рене Герра, Джагдхи Чандра Капур — профессор, президент Фонда «Капур Сурия», сопредседатель общественного форума «Диалог цивилизаций» (Индия). Японию здесь представляет профессор Мусакодзи Кинхиде — директор Центра Азиатско-Тихоокеанского партнерства; здесь же выдающийся европейский правовед, директор Института государства и права им. Корейского Академии наук Украины, зарубежный член РАН, доктор юридических наук, профессор Юрий Шемшученко; профессор военной истории Тель-Авивского университета Азар Гат; Петр Дуткевич — профессор Университета Карлтон и директор Института европейских и российских исследований из Канады; профессор Германского института международной политики и безопасности Эберхард Шнайдер; директор Международного

института Центральноазиатских исследований под патронатом ЮНЕСКО Шаин Мустафаев; Стивен Уайт — профессор политологии Университета Глазго (Англия); доктор Муджани Али — полномочный представитель экс-президента Ирана.

В Чтениях по традиции участвует цвет научно-педагогической общественности нашей страны — около 30 академиков и членов-корреспондентов Российской академии образования. Прошу простить, что не назову всех поименно из-за ограниченности регламентом. Здесь же известные российские журналисты, представители дипломатического сообщества, учителя школ нашей страны, работники системы образования, крупные, выдающиеся деятели культуры.

От имени Оргкомитета Чтений благодарю вас всех за участие. Уверен, что в этом составе наша работа будет чрезвычайно плодотворной.

Прошу Михаила Борисовича Пиотровского открыть своим выступлением VIII Международные Лихачевские чтения.

М. Б. ПИОТРОВСКИЙ¹: — Добрый день, дорогие друзья! Я очень рад видеть вас всех здесь: и огромное количество знакомых лиц, и незнакомых ранее участников. Отрадно видеть много молодежи. Всегда очень радостно открывать наши Чтения, Чтения памяти Дмитрия Сергеевича Лихачева, которые давно уже перешли в поистине мировой формат. Дмитрий Сергеевич стал нашим символом культуры и знания.

Мне думается, что пришло время не только воспарить философски, но и обратиться к конкретным проблемам, о которых мы должны говорить более подробно. Есть смысл ставить вопросы о диалоге цивилизаций и культур более детально. Мы можем провести анализ не столько того, как на самом деле похожи цивилизация и культура, сколько того, каковы серьезные различия между ними и как с учетом этих различий строить диалог. Надо осмыслить и нашу практическую жизнь. В соответствии с традицией Дмитрия Сергеевича я хотел бы сейчас заострить внимание на некоторых вопросах, связанных с конфликтом и диалогом культур, существующих внутри отдельных обществ. В этом смысле Дмитрий Сергеевич является для нас оберегом, который позволяет говорить о многих вещах, вдохновляясь его именем. Мы должны продолжать заботиться о том, о чем так много беспокоился он.

Речь идет, с одной стороны, о культурном наследии и его развитии, с другой — об иной культуре, культуре экономики и денег. Эти две культуры сосуществуют сейчас по всему миру и везде

¹ Председатель Конгресса петербургской интеллигенции, директор Государственного Эрмитажа, член-корреспондент РАН, действительный член Российской академии художеств, доктор исторических наук, профессор, заместитель председателя Совета по культуре при Президенте РФ. Автор книг «Коранические сказания» (1991), «Сверхмузей в эпоху крушения империи (музей как фактор эволюции)» (1996), «Мусульманское искусство: между Китаем и Европой» (2008), более 200 научных работ по духовной и политической истории ислама и арабской культуры.

находятся в конфликте — в том числе и у нас в стране, и в Петербурге. Наш город живет в атмосфере явно выраженного конфликта этих двух культур. Сталкиваются культура наследия и культура денег. Культура наследия полагает, что культурное наследие является национальной идеей, смыслом жизни народов и цивилизаций. Для культуры денег смысл развития общества — деньги. Для культуры наследия наследие свято, а вот для культуры денег сверхдоход или, наоборот, дешевизна, удобство, комфорт — это самое главное, это и есть святое. В культуре наследия наследие является критерием — как различающим, так и сближающим людей. В культуре денег — эксплуатация наследия, которая противостоит наследию. Главное — доход как критерий успеха.

В культуре наследия есть экономика наследия — вполне развитая структура того, как экономические существуют наследие, как оно само себя содержит. В культуре денег существует эксплуатация наследия, которая может и уничтожить его ради выгоды. Что главнее: наследие или деньги? Это вопрос принципиальный, системообразующий. Там, где наследие главенствует, экономика развивается успешно. Там, где деньги берут верх, они действуют как разрушительная сила. Только культурное наследие создает подоплеку протестантской этики, которая может способствовать развитию экономики. В культуре наследия вырабатываются жесткие правила его сохранения, в культуре денег правила сохранения наследия постоянно меняются, приспособляясь под сиюминутную выгоду. Стилистика и этика культуры наследия — это смирение перед ним, перед будущим как продолжением прошлого, перед великими явлениями. В культуре денег стилистика и этика — как захочу, так и сделаю, если у меня есть деньги.

В нашем городе уже много символов победы той и другой культуры, много проявлений конфликта. А настоящего диалога не ведется. Между тем есть вполне нормальные рецепты диалога, которые могут привести к выходу из этой ситуации. Необходима дискуссия, сопоставляющая разные позиции, и попытка выработать решения, отлично понимая разницу между культом денег и культом культуры.

Совершенно ясно, что созданную в нашем городе прекрасную стратегию сохранения наследия, которая была разработана сторонниками разных позиций, надо реализовывать в рамках описания Петербурга как исторического центра, как памятника под охраной ЮНЕСКО. Тогда все нормально заработает, и мы будем сохранять город в целом, а не просто отдельные здания.

Напомню, что на днях Государственную премию России получил Музей Куликова поля. Исторические материалы музея и сохранение ансамбля культурного и природного наследия, восстановление ландшафта были высоко оценены. Существует система доверительного управления, применяющаяся уже и в России, которая позволяет сочетать экономику и контроль за тем, как используется наследие. Есть идея

создания «второго Петербурга», где современная архитектура будет сочетаться с экономическим «праздником», и это только поможет развитию исторической части города. Такой диалог нового и старого города и был бы решением проблемы, которую, к сожалению, пока решить не удается.

Это, на мой взгляд, некая матрица для обсуждения и других проблем. В рамках этой матрицы я мог бы говорить и на мою любимую тему — о взаимоотношениях мусульманской и христианской цивилизации, и о решении иных конфликтов, существующих на международном уровне.

Что касается Петербурга, то хотелось бы серьезных дискуссий, обсуждений. Если не будет диалога, то не будет понимания сути различия позиций, осознания того, что деньгам не нужно культурное наследие, но культурное наследие должно деньги приструнить. Если деньги станут для нации целью, а не средством, то сбудутся самые мрачные предсказания поэтов:

Прозрачная звезда, блуждающий огонь, —
Твой брат, Петрополь, умирает.

О. Мандельштам

Подводной лодкой пошел ко дну
Взорванный Петербург.

В. Маяковский

И еще у Маяковского:

Стоит император Петр Великий,
думает:
«Запирую на просторе я!» —
а рядом
под пьяные клики
строится гостиница «Астория».

1916

Спасибо.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется Высокому представителю Генерального секретаря ООН по «Альянсу цивилизаций», экс-президенту Португалии Жоржи Сампайю.

Ж. САМПАЙЮ¹: — Уважаемый господин ректор, дорогие гости и участники конференции!

Прежде всего, я хочу поблагодарить Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов в лице его ректора, профессора Запесоцкого за предоставленную возможность выступить перед многоуважаемой аудиторией. Также хочу поблагодарить его за теплые слова в мой адрес; я очень тронут.

¹ Высокий представитель Генерального секретаря ООН по «Альянсу цивилизаций», Президент Португалии (1996–2006). Сфера профессиональных интересов — проблемы прав человека и здравоохранения. Автор книг «A festa de um sonho» (1991), «Um olhar sobre Portugal» (1995), «Portugueses» (1997), а также многочисленных публикаций на темы политики и культуры.

Я счастлив и горд представить вам инициативную группу «Альянс цивилизаций», созданную при ООН. Особенно рад, что эта возможность выпала мне в вашем прекрасном городе, который во многих отношениях является главным символом того, что можно достичь благодаря плодотворному диалогу цивилизаций, культур, религий, их мирному сосуществованию и взаимопроникновению.

Всем нам известно, что история народов, религий, культур представляет собой череду темных и светлых полос. Периоды мира сменялись войной, противостоянием, конфликтами и нетерпимостью, но стремление к открытому и честному диалогу, признание общечеловеческих ценностей, терпимость к представителям других культур существовали всегда. Диалог цивилизаций, культур и религий возможен и необходим. Это лучшее средство от недоверия, изоляции, конфронтации, мощный стимул к взаимопониманию, терпимости, дружеским отношениям.

Мы можем судить как по истории мира, так и по многочисленным конфликтам современности, что начать этот диалог не так просто. К тому же, если не прикладывать усилий для его дальнейшего развития, он превратится в односторонние попытки, постепенно сходящие на нет. В таких условиях все чаще раздаются призывы фанатиков и организуются опасные экстремистские выходы.

Временами различные нации самоутверждаются на мировой арене путем столкновений и конфронтации. Культурные особенности, подкрепленные религиозными и этническими факторами, всегда служили поводом для конфликтов с целью установить свое господство.

Каждая нация, культура, религия должна проявлять терпимость по отношению к другим, должна признавать за другими право на самобытность. Те, кто выказывает непримиримость по отношению к представителям другой культуры и религии, могут не только навредить самим себе, но и породить нестабильную обстановку во всем мире. Такое неприятие существовало всегда, и на протяжении истории оно видоизменялось и приспособлялось.

Приходится признать: в мире существуют серьезный дисбаланс сил, многочисленные проявления неравенства и, как следствие, известные проблемы. На данный момент сложилась невероятно сложная ситуация многополюсного мира, что ведет к насилию, конфликтам и угрожает международной безопасности.

За последние несколько лет страх и подозрительность охватили мировое сообщество — из-за многочисленных войн, оккупаций, террористических актов. Некоторые политические деятели, СМИ и радикально настроенные организации пытаются обратить эти условия себе на пользу, культивируя образ цивилизации, обреченной на постоянные конфликты и противостояние разных религий.

Тревога и беспокойство по поводу теории «столкновения цивилизаций» только усилили и без того резко поляризованные мнения. Вдоба-

вок в корне неверная позиция неизбежного столкновения наций крепко засела в умах обывателей, и им кажется, что проблемы, которые можно было бы решить мирным диалогом, неминуемо ведут к межнациональной розни.

В связи с этим особенно острой стала необходимость установить дружеские отношения между народами и способствовать диалогу, взаимопониманию и сплочению политических усилий для установления баланса в мире. Вышеперечисленные задачи являются первоочередными для инициативной группы «Альянс цивилизаций».

Уважаемые господа, как вы, может быть, знаете, группа «Альянс цивилизаций» была образована по инициативе Генерального секретаря ООН в 2005 г., ее финансовое обеспечение предоставляют правительства Испании и Турции. Руководит работой группы президиум, назначаемый Генеральным секретарем. В задачи президиума входят исследование причин противостояния культур и цивилизаций в современном мире и поиск возможных путей решения этой проблемы.

Результаты этого исследования представлены в докладе ООН, где перечислен ряд конкретных практических рекомендаций для четырех областей деятельности: образования, воспитания молодежи, СМИ и миграции. С полным текстом доклада вы можете ознакомиться на нашем сайте www.unaocs.org.

В соответствии с одной из приведенных рекомендаций новый Генеральный секретарь ООН господин Пан Ги Мун назначил меня Высоким представителем ООН при группе «Альянс цивилизаций».

Хотелось бы заметить, что многие поначалу отнеслись к этой инициативе с недоверием и скептицизмом, хотя причины их пессимизма различны. Высказывались разные мнения: что Альянс, призванный бороться с теориями «конфликта цивилизаций», не сумеет преодолеть трудностей; что Альянс просто пополнит большой список аналогичных групп; что поставленные цели слишком объемны для имеющихся в распоряжении Альянса средств; что в условиях современной борьбы с терроризмом наша инициативная группа — просто утопия, не имеющая ничего общего с реальными жесткими требованиями политики.

Вы легко поймете, почему после моего назначения Высоким представителем ООН при Альянсе в мае 2007 г. моим девизом стало слово «осторожность». Однако я твердо убежден, что Альянс сможет приобрести политическое влияние, и его создание было вполне своевременным.

Такова вкратце история создания этой инициативной группы. Подробности вы можете найти на нашем сайте.

Далее мне хотелось бы обсудить два вопроса: во-первых, рассказать, что представляет собой Альянс и какова его точка зрения на проблему взаимоотношений культур, религий, государств. Во-вторых, описать принцип работы Альянса и рассказать, как можно принять участие в его деятельности.

1. Организация Альянса, его точка зрения на проблему взаимоотношений культур, религий, государств

В настоящее время основная проблема, стоящая перед Альянсом, которую он призван решить, — как построить добрососедские отношения в мире постоянных конфликтов и столкновений, когда культурные и религиозные различия раскололи общество? Следовательно, цель Альянса — противостоять все увеличивающимся трещинам в отношениях между нациями; определить принципы политики взаимоуважения народов разных культурных и религиозных традиций; оказывать содействие тем организациям, чьи усилия направлены на снижение напряжения в мире.

В нашей деятельности отражена воля большинства народов, их стремление покончить с экстремизмом в обществе, их преобладающее желание жить в мире, основанном на принципах уважения, равенства и человеческого достоинства.

У Альянса уже готова программа действий, предназначенная для того, чтобы построить добрососедские отношения между нациями и культурами, способствовать диалогу и взаимопониманию, выразить единую политическую волю тех народов, которые стремятся разрядить напряжение, противостоять резкому разделению на два полюса точек зрения на мировые культуры, бороться с возникновением источников экстремизма и конфликтов. Этот широкий ряд задач имеет мировой уровень, а основным приоритетом является проблема отношений Востока–Запада.

Из вышесказанного вытекают три положения:

- программа действий Альянса разработана для взаимопересекающихся областей политической деятельности — образования, воспитания молодежи, СМИ и миграции;

- основная задача Альянса — уменьшить культурные и религиозные противоречия, разделяющие общество;

- действия Альянса должны быть нацелены на достижение конкретных результатов по разрядке напряженности.

Следовательно, необходимы практические действия, чтобы изменить жизнь разных наций и повлиять на их взгляды. Наша инициативная группа может это сделать благодаря трем основным положениям Альянса: задачи, программы, действия.

Теперь позвольте перейти к вопросу о политических, религиозных и культурных различиях. Почему этот вопрос так важен? Потому что мы сейчас являемся (по крайней мере, в Европе) свидетелями того, что религия пронизывает все общество и под ее влиянием в нем происходят большие изменения.

По моему мнению, в современном мире, помимо новых технологий, научных открытий, информационного бума и глобализации, существует еще одно явление, обладающее большой значимостью, — практически повсеместное возрождение роли религии. Даже в Европе, где в ре-

зультате секуляризации (то есть отделения церкви от государства) вероисповедание стало личным выбором каждого жителя, религиозные движения набирают все большую силу. Люди повсеместно обращаются к религии, а число фундаменталистов всех видов (христиан, включая католиков, православных, различных сект и толков, мусульман, иудеев) постоянно растет. Они громогласно заявляют о своих требованиях и утверждают, что религия должна быть постоянным мерилем человеческого поведения.

Помимо этой характерной особенности европейских стран (причины которой еще до конца не ясны), по мере того как государства теряют власть, а гражданские общества набирают силу, мы можем заметить изменения в политике: гражданство, плюрализм, культурные различия подчинены демократической власти. Поэтому я считаю, что главным приоритетом международной, европейской, национальной политики необходимо сделать создание демократической системы власти, чтобы определить принципы многокультурного сообщества, обеспечить защиту прав человека и основных свобод, предоставить равенство возможностей для всех наций.

Разделение мира на два полюса и экстремистские проявления становятся все более выраженными и резкими, что угрожает безопасности человечества в целом, так как местные конфликты оказывают влияние и на международное положение. Чтобы разрешить эту проблему, необходимо избегать опасности, заключающейся в фундаменталистских умонастроениях общества. Иными словами, надо развить новые стратегии и принципы межкультурного и межрелигиозного диалога, основанные на признании общечеловеческих прав. Надежда на то, что влияние религиозно-политических движений уменьшится или сойдет на нет по мере глобализации и модернизации мирового сообщества, не оправдалась, поскольку в настоящее время эти тенденции получают сильную поддержку в ряде регионов и среди многих народов с разными культурными традициями. Поэтому нельзя больше закрывать глаза на острые проблемы: насколько законно влияние религии на правительства и как наладить отношения между светскими и церковными властями и движениями (внутри страны и на международной арене).

В связи с этим возникает ряд вопросов: каково значение взаимоотношений между политическими доктринами, основанными на принципах демократии или религии? Как преодолеть взаимное недоверие между государственными и церковными деятелями и достичь конструктивного диалога?

Политикам давно пора обратить пристальное внимание на различные инициативные группы, занимающиеся изучением, организацией и обеспечением процесса диалога между религиозными и политическими движениями разных стран. Это не только будет способствовать улучшению условий диалога, но и даст возможность политическим деятелям внести свой вклад в дело предотвращения конфликтов и разногласий между государствами.

Таким образом, огромное значение получает процесс межрелигиозного диалога. Открытое общение способствует взаимопониманию, а если мы перейдем от слов к делу, то сможем достичь нашей цели — всеобщей безопасности. Под всеобщей безопасностью я подразумеваю не только безопасность человечества, но и признание того, что человеческое достоинство (включая и право на достойную жизнь) лежит в основе любых действий, направленных на обеспечение мира. Более того, концепция всеобщей безопасности не ограничивается безопасностью отдельных граждан или государств, сюда входит также и понятие благосостояния самых низших слоев общества, так как все народы и страны взаимосвязаны. Поэтому безопасность подразумевает и способность соседних государств к сотрудничеству для обеспечения процветания. Важной особенностью этой концепции является то, что она подчеркивает коллективную ответственность в достижении всеобщей безопасности.

Суммируя сказанное, можно отметить, что для достижения мировой безопасности нам необходимо привлечь к этому процессу все слои и группы общества, в том числе молодежь, СМИ, религиозные организации. Также необходимо расширять международные связи путем межкультурного диалога — это задача первостепенной важности.

2. Принцип работы Альянса и возможность принять участие в его деятельности

Дамы и господа, позвольте теперь перейти ко второму вопросу: каковы принципы работы Альянса и каким образом можно принять участие в его работе?

Я полагаю, что главный вопрос, который вы себе сейчас задаете, — как Альянс, куда входит всего дюжина человек, включая представителя ООН, может справиться с поставленными глобальными задачами? Как может наша инициативная группа превратиться из благого намерения в весомую организацию?

На мой взгляд, нужны три условия, чтобы Альянс внес успешный вклад в дело консолидации и мира на Земле.

Во-первых, необходимо, чтобы страны выказали свою поддержку целям и задачам Альянса, прежде всего на национальном уровне. Поэтому я предложил членам группы друзей Альянса программу по развитию национальных стратегий межкультурного диалога, сфокусировавшись в ней на четырех сферах деятельности — СМИ, воспитании молодежи, образовании и миграции.

Во-вторых, Альянс должен играть ведущую роль в уменьшении поляризации культур и наций, выстраивая сеть партнерских отношений для международных и национальных организаций и структур. Это поможет скоординировать действия и обеспечить единообразие целей и задач.

В-третьих, негосударственные организации, частный сектор, добровольческие и гражданские общества, церковно-религиозные объединения и приходы должны действовать сообща,

так как они играют решающую роль в создании условий для мирного сосуществования на всех уровнях.

Говоря о блоке негосударственных организаций, позвольте подчеркнуть огромную роль, которую Альянс отводит университетам и другим образовательным учреждениям в двух основных направлениях своей деятельности — воспитании молодежи и образовании. Следует отметить также, что в рамках своей деятельности Альянс развивает международную сеть университетов, чтобы способствовать повсеместному улучшению отношений между различными культурами и религиями.

Ядро этой сети составляют 12 университетов и исследовательских центров. Впоследствии мы планируем увеличить ее по мере расширения наших интересов в сфере совместных исследований и научной деятельности. Особое внимание уделяется разного рода аналитическим программам, таким как религиоведение, изучение конфликтов, а также исследованиям в четырех основных областях деятельности Альянса.

Уверен, что совместными усилиями мы сможем достичь плодотворного сотрудничества, найти новые способы улучшить взаимопонимание, диалог и партнерство и нам удастся предотвратить или благополучно разрешить возникающие конфликты.

В случае выполнения трех упомянутых мной условий можно будет надеяться, что при правильном планировании и своевременных действиях Альянса в четырех основных областях (образовании, воспитании молодежи, СМИ и миграции) наша инициативная группа внесет большой вклад в поддержку условий мирного сосуществования. Хочу отметить, что Альянс — инициативная группа нового, особого рода и, как все новое, привлекает пристальное внимание общественности. Но это послужит только на пользу нам, так как ясность и открытость очень важны для мирового признания такого рода инициатив, как Альянс.

Дамы и господа, каждый день мы являемся свидетелями возрастающей напряженности между культурами и религиями, зачастую выливающейся в открытые столкновения. Дискриминация, проявления несправедливости, незаконные действия в отношении слабейшего способствуют росту подозрительности и разжигают пламя экстремизма. Предвзятости и дискриминация имеют разные формы проявления в обществе и поведении людей.

Уничтожить дискриминацию — вот задача борьбы за права человека, для этого необходимы политические действия и законодательные акты. Но чтобы устранить ее проявления в поведении и отношениях людей, необходимо участие всего гражданского общества. Чтобы сохранить связи между разными нациями и даже высокий уровень жизни, надо сделать уничтожение дискриминации всеобщей задачей. Правительства и международные организации могут сыграть важную роль в решении этих проблем и в снижении мировой напряженности.

В четырех главных областях деятельности Альянса (образовании, воспитании молодежи, СМИ и миграции) не существует одинаковых для всех путей решения проблем, но и в одиночку с этими проблемами не справиться. Нам нужна совместная программа действий по созданию прочных связей между партнерами в диалоге цивилизаций, чтобы культурные и религиозные различия не были средством разобщения наций. Конечно, «Альянс цивилизаций» не может сию минуту стать средством ООН по обеспечению мирного сосуществования во всем мире. Чтобы найти решение глобальных проблем, нам необходима поддержка граждан и национальных организаций. Поясню свою мысль: глобальные проблемы охватывают весь мир, и подход к их решению должен быть также глобальным, но конкретные шаги предпринимаются на национальном уровне. В связи с этим трудно переоценить роль местных органов власти, так как именно на местах происходят основные события по выстраиванию добрососедских отношений между разными группами общества.

Дорогие друзья, задачи, поставленные Альянсом, невозможно решить за короткий промежуток времени и даже на протяжении жизни целого поколения, так как, в общем, нашей целью является воплощение в жизнь мечты о мире во всем мире. Именно поэтому многие считают нашу группу утопией и недооценивают ее значение. Мы же, напротив, видим Альянс как символ идеи сплоченности наций, как совместную попытку улучшить условия существования человечества (например усилить защиту окружающей среды, решить проблему биологического различия и другие чрезвычайно важные проблемы международной политики). Но для того чтобы иметь возможность вести диалог, развивать сотрудничество, Альянс не должен стать еще одной комиссией или комитетом при ООН или Генеральной Ассамблеей в миниатюре. Члены Альянса должны быть партнерами в общих международных проектах, а не сторонами, проводящими военные действия. В задачи Альянса не входит создать замкнутую группу участников, не должен он и поощрять противоречия, основанные на различиях между культурами. Напротив, наша цель — сохранить общечеловеческие принципы общения, развить культурные традиции отдельных народов, не игнорируя различий, признать, что мы можем вести диалог, не всегда соглашаясь друг с другом, что мы можем работать сообща, не позволяя непониманию перерасти в конфликты и столкновения.

Позвольте мне, как умудренному опытом политику, напомнить вам, что в современном мире главной задачей является единение демократических организаций, создание толерантного общества, равных для всех прав, усиление плюрализма и признание культурных различий.

В заключение разрешите процитировать мудрые и вдохновляющие слова академика Лихачева, в чью честь проводится эта конференция (он мог бы стать почетным послом «Альянса цивилизаций»): «Человек — не только биологиче-

ское, но и духовное существо. Культурная среда нужна ему как воздух. Без нее будет происходить моральное вымирание человечества».

Спасибо за внимание.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Спасибо, господин Сампайю.*

Я хотел бы сделать одну ремарку. Процесс глобализации протекает, конечно, не только в экономике, но и в культуре. Мы особенно остро это почувствовали, познакомившись в середине 1990-х с работой о конфликте цивилизаций профессора Хантингтона из Гарварда, с которым многие из нас не согласны, но, тем не менее, его идеи нуждались в определенном осмыслении. Между тем уже в середине 1990-х гг. по инициативе Дмитрия Сергеевича Лихачева мы здесь, в Университете, разработали «Декларацию прав культуры». Над этим документом работала наша профессура, лидеры петербургской гуманитарной мысли, вот, например, и Михаил Борисович Пиотровский в этом участвовал. Центральной идеей «Декларации» стала мысль о необходимости защиты своеобразия всех мировых культур и обеспечения их взаимообогащающего диалога в эпоху глобализации. В этом же документе мы настаивали на особой ответственности государств за обеспечение охраны культурного наследия и полноценное развитие культур больших и малых народов. И сейчас мы видим, что очень активно идея диалога культур начинает овладевать умами мирового сообщества и, что очень важно, в этот процесс включились государства.

Полгода назад я встретился и познакомился с господином Сампайю на обеде в Посольстве Португалии в Москве и обратился к нему с доброжелательным упреком — почему чиновники, руководители государств, мировые лидеры так мало опираются на мнения ученых — обсуждают проблемы диалога цивилизаций только в своем кругу? И для меня очень важно, что господин Сампайю откликнулся на наше приглашение и сегодня участвует в дискуссии. Я уверен, что ученые и дальше будут идти в процессе развития диалога культур и цивилизаций рука об руку с мировыми лидерами.

Но сейчас позвольте подчеркнуть, что научная мысль — это не единственный путь к обретению истины, в том числе и в поиске, в утверждении в общественном сознании истинных ценностей. Художники делают это зачастую не хуже, а иногда лучше многих деятелей науки и общественных, государственных деятелей. Я хочу предоставить трибуну для краткого приветствия выдающемуся российскому творцу, художнику. Этот человек лучше многих других почувствовал дыхание, ритм, пульс жизни нашего народа и воплотил это ощущение в своих произведениях. Он позволил нам благодаря своим фильмам на многие важные явления жизни посмотреть совершенно иначе, чем мы на них смотрели до выхода в свет его работ. Народный артист Советского Союза, почетный доктор Санкт-Петербургского Гуманитарного

университета профсоюзов, кинорежиссер Эльдар Рязанов.

Э. А. РЯЗАНОВ¹: — Дорогие друзья! Должен вам сказать, что я не имею морального права приветствовать вас, потому что испытываю чувство преклонения перед людьми, облеченными такими высокими научными званиями, — докторами наук, профессорами, академиком. Ведь я всего лишь в некоторой степени кинорежиссер, в какой-то — писатель, а в какой-то — просто хороший парень.

Находясь здесь, я испытываю восхищение по целому ряду причин. Во-первых, этот зал носит имя моего близкого друга, замечательного композитора Андрея Петрова, и я благодарен Университету за это. Андрей Павлович был великим композитором и мелодистом и замечательным человеком. Я восхищен Дмитрием Сергеевичем Лихачевым, потому что это образец невероятной жизни: благородной, честной, талантливой. Он был великим ученым, замечательным руководителем Фонда культуры нашей страны и личностью огромного масштаба. Дмитрий Сергеевич жил так, как надо бы жить всем нам, а это очень трудно. Он был человеком, который являлся олицетворением совести.

Проблем в мире действительно много. Люди, которые пишут книги, картины, сочиняют музыку, чувствуют это. Может быть, они не могут сформулировать проблему так, как ученые, но выражают тревогу и боль в своих работах. Я могу сказать только о себе: все, что я делал, — это старался, чтобы мои фильмы служили возвращению добра и сближению между людьми: между мужчиной и женщиной, между людьми разных национальностей, разных социальных слоев и т. д. Потому что главная цель искусства, мне кажется, — это соединять людей добром, а не разъединять злом.

Хочу пожелать успеха всем вам — замечательным талантливым людям. Ситуация в мире сложная: и брацанье оружием со стороны самых разных государств, и нетерпимость, и национализм, который в последние годы стал, по сути дела, главной идеологией зла. Все это очень опасно. Поэтому необходимо искать точки соприкосновения и средства для сближения между государствами и нациями, между народами. Желаю всем вам и себе тоже, чтобы на этом пути мы добились хоть каких-нибудь успехов. Это очень важно, это самое главное сейчас в нашей жизни. Спасибо вам.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *От соучредителей Международных Лихачевских чтений и научно-педагогической общественности страны слово для приветствия предоставляется президенту Российской академии образования, академику Никандрову Николаю Дмитриевичу.*

¹ Кинорежиссер, народный артист СССР, президент Российской академии кинематографических искусств «НИКА», почетный доктор СПбГУП, лауреат Государственных премий СССР и РСФСР им. братьев Васильевых, лауреат международных кинофестивалей в Мадриде, Дели, Брюсселе и др.

Н. Д. НИКАНДРОВ²: — Уважаемый Александр Сергеевич, дорогие коллеги! Позвольте приветствовать всех вас и прежде всего тех, кто работает в этом замечательном Университете. Мы в Академии действительно вас очень ценим и любим. Это на разных уровнях заметно. На личном: Александр Сергеевич — член нашей Академии; на институциональном: мы много мероприятий проводим вместе. Сегодня здесь около 30 человек из Академии, и это, конечно, не случайно. Мы чтим ваш Университет, уважаем его традиции и вместе с вами занимаемся развитием гуманитарной культуры, которой стране сейчас очень не хватает.

Я внимательно выслушал предыдущие выступления — в связи со сказанным возникает много мыслей. Михаил Борисович говорил насчет культуры денег и культуры наследия. Это очень интересная идея: ведь на самом деле есть качество жизни и уровень жизни. Уровень жизни подразумевает, сколько мы потребляем, он связан с экономикой, производством. Это культура денег. Совсем другое — качество жизни. В это понятие не в последнюю очередь входит гуманитарная культура — то, что мы думаем, к чему стремимся, помимо хлеба насущного. И это особенно важно. Повторю вслед за Эльдаром Рязановым: Дмитрий Сергеевич Лихачев действительно был замечательным человеком — представителем высокой культуры. Так жить, как жил он, наверное, не всем доступно. Но стремиться к этому надо, и мы, и те, кто нас окружает, должны воспринимать и ценить высокую гуманитарную культуру.

Я слушал выступление господина Сампайю и заметил, что он употребляет целый ряд ключевых слов, которые мы знаем с разной степенью точности с давних времен. Я услышал слова *peaceful co-existence* — мирное сосуществование — и сразу мысленно перенесся почти на 50 лет назад, когда этот принцип был впервые сформулирован. Между прочим, именно Советский Союз много об этом говорил, мы ввели этот термин. А закончил свое выступление господин Сампайю другим тезисом — о великой надежде (*the dream of peace, eternal peace*³). Конечно, мысль о вечном мире действительно хорошая, но до него еще очень далеко. Чтобы он стал ближе, нужна гуманитарная культура. Ее сейчас не хватает на многих уровнях. Вот мы и работаем над этим — все вместе.

Еще не могу не сказать спасибо за то, что здесь, в Университете, все гости всегда могут найти для себя что-то интересное, хорошее, нужное, то, что говорит о гуманитарной культуре — и в простом, жизненном, бытовом, и в самом

² Президент Российской академии образования, академик РАО, доктор педагогических наук, профессор. Автор книг «Воспитание ценностей: российский вариант» (1996), «Россия: ценности общества на рубеже XXI века» (1997), «Воспитание и социализация в современной России» (2006) и др. Под его руководством подготовлены учебные пособия «Педагогика высшей школы», «Организация учебно-воспитательного процесса в педагогическом институте», «Введение в специальность».

³ Мечта о мире, о вечном мире.

высоком ее понимании. Я желаю, уважаемые коллеги, всем нам успехов именно в этом. Мы не только чтим память Дмитрия Сергеевича Лихачева, но, следуя его идеям и вспоминая о нем, не забываем, что живем, окруженные миром культуры. И чем больше высокой гуманитарной культуры будет (как в этом Университете), тем нам будет интереснее и приятнее жить.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Благодарю Вас, Николай Дмитриевич. На сцену приглашается господин Валлерстайн. Иммануил Валлерстайн — доктор, профессор социологии Йельского университета, наш гость из Соединенных Штатов.*

И. ВАЛЛЕРСТАЙН¹: — Все государства предоставляют территорию для проживания народам с разным культурным происхождением. Некоторые страны более единообразны в этом отношении, то есть в них одна группа населения представляет большинство, а другие культурные группы относительно малочисленны. В некоторых странах отсутствует такая многочисленная группа, и население состоит из небольших разнородных культурных групп. Политика государств с этими двумя типами демографического состава, конечно, различна. Но в каждой стране есть потенциальная возможность существования многонационального общества.

В современном мире каждая страна пытается стать страной единой нации. Это значит, что оно проводит политику национализма и оказывает давление на всех, кто не приемлет культуры доминирующего типа. Когда доминирующая культура — культура численного большинства, возникает много проблем, но еще больше проблем появляется, если это культура численного меньшинства.

Страна единой нации, безусловно, утопия, на практике ее невозможно достичь, и в мире таких стран не существует. Поэтому основной вопрос внутригосударственной политики можно сформулировать следующим образом: пытается ли правительство подавить культуры не доминирующих наций в угоду господствующей или же создает возможности существования подлинно многокультурного общества? Первый тип политики называется политикой якобинства, так как именно якобинцы во времена Французской революции сформулировали ее принципы и активно проводили их в жизнь. Они пытались искоренить языковые и культурные особенности национальных меньшинств и заявляли, что между госу-

дарством и гражданами не должно существовать никаких посредников. Второй тип в наше время называется «создание многонационального или многокультурного государства», что подразумевает признание культурных и политических прав всех народностей страны.

Что же происходит, когда сторонники политики якобинства сталкиваются с теми, кто стоит на принципах политики многокультурности? Если последние подвергаются репрессиям, не достигают поставленных целей, то народы могут начать политику сепаратизма для решения своих задач, считая, что гарантией существования их культуры может быть только создание отдельного государства, где традиции их нации будут доминирующими. Как мы можем наблюдать повсеместно, подобное развитие событий происходит регулярно, но с переменным успехом.

Для якобинцев сепаратизм — самое страшное. Они заявляют, что требования создать многокультурную форму общества рано или поздно приведут страну к расколу. Их противники придерживаются противоположной точки зрения: формирование многонационального общества есть панацея от всех проблем, так как народности, на которых ранее оказывалось давление, почувствуют удовлетворение от того, что государство пошло им навстречу, и впредь будут выдвигать умеренные сепаратистские требования.

Одним из последствий демократических движений, набирающих все большую силу, стало признание законным требования создать многонациональное общество в пределах одного государства. В последние 30 лет такие призывы подавались самым жестким образом, но влияние этих движений постоянно росло. Еще одним источником роста популярности идеи многокультурного общества стало значительное увеличение межгосударственной миграции населения, а особенно технические возможности перемещения людей на большие расстояния, что приводит к смешению сильно различающихся культур в пределах одной страны. Якобинцы выдвигают требование культурной интеграции мигрантов, сторонники многонациональной политики хотят официального признания прав мигрантов на культурную самобытность.

Кроме того, не следует забывать о главной геополитической проблеме — противостоянии Востока и Запада. В современном мире происходит смешение не относительно схожих, а диаметрально противоположных культур. Именно это заставляет некоторых аналитиков говорить о «столкновении цивилизаций». Одно дело рассуждать о культурных различиях каталонцев и испанцев, и совсем другое — о разнице культур христиан и мусульман в Испании.

Движущей силой таких столкновений является не только различие культур, но и разница во влиянии и силе. Одна из сторон в политическом и военном отношении превосходит другую, и, конечно, слабый всегда считает, что сильный его подавляет. В свою очередь, доминирующая сторона утверждает, что ее противник использует

¹ Профессор социологии Йельского университета (США), доктор философии. Сфера научных интересов — историческое развитие международного мирового порядка, современный кризис мировой экономики капитализма, принципы получения научных знаний. Автор исследований по проблемам глобализации и геополитики, в том числе “The Modern World-System” (in 3 v. — 1974, 1980, 1989), “Unthinking Social Science: The limits of Nineteenth Century Paradigms” (1991), “Utopistics, or Historical Choices for the Twenty-first Century” (1998) и ряда других. На русский язык переведены: «Анализ мировых систем и ситуация в современном мире» (2001), «Конец знакомого мира: Социология XXI века» (2003), «После либерализма» (2003), «Миротестирование: введение» (2006) и др.

незаконные политические приемы, и сегодня самое популярное обвинение — в участии в террористических актах. Политическая или военная борьба между этими двумя противниками включает еще и морально-этический аспект, что не только способствует усилению политических противоречий, но и позволяет искать поддержку у третьей, незаинтересованной стороны, исповедующей такие же этические принципы.

Диалог и партнерство возможны только при условии равенства во влиянии и силе. Но признание равного статуса с другой стороной снимает вопрос о моральном аспекте борьбы, и, следовательно, в игру вступают политические принципы. Не секрет, что соперники неохотно заключают альянсы. Почему тогда их все же заключают? Вероятнее всего, диалог и партнерство возможны в том случае, если в результате противостояния двух сторон выявляется равенство их политических и военных сил и другого выхода, кроме союза, просто не существует. Именно это произошло в ЮАР и Северной Ирландии.

Таким образом, подлинной причиной возможного диалога и партнерства является фактическое военно-политическое равенство противоборствующих групп, народов, культур, цивилизаций. Не лучше ли сфокусировать наше внимание на том, как этого равенства достичь?

Если одна из двух сторон, участвующих в конфликте, обладает большей силой, то она, скорее всего, не захочет добровольно отказаться от власти и не станет заключать серьезных политических союзов с другой. Общение на равных с более слабой стороной невозможно, разговор может вестись только с позиции силы. Это значит, что путь к партнерству и диалогу лежит через фактическое усиление мощи слабой стороны. И путь этот довольно долог. Он требует, во-первых, повышения политического самосознания. Нация должна сама счесть себя достойной диалога на равных и понять, что положение неравноправия препятствует решению политических и социальных задач, в то время как новые политические условия могут принести реальные изменения. Слабая сторона должна иметь уверенность, что ситуация неравенства может сдвинуться с мертвой точки.

Данный процесс можно назвать активизацией культурного влияния. Конечно, он пугает доминирующую сторону, которая пытается подавить его. Но это естественно, поскольку доминирующий не чувствует уверенности в своем праве, пока нет хотя бы приблизительного баланса сил с противником. В будущем взаимопонимание между разными нациями будет возможно только в многокультурном обществе. Диалог возможен только между равными, в противном случае он превращается в монолог. Аналогичным образом и партнерство возможно только между равными, иначе оно всего лишь маска, скрывающая господство одной из сторон. Без достижения равенства поиск взаимопонимания между культурами — безнадежная утопия.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, профессор Валлерстайн, за Ваше выступление. Я хотел бы пригласить на трибуну директора Института философии РАН, академика Гусейнова Абдусалама Абдулкеримовича. Российская академия наук на протяжении всей истории наших Чтений выступает их соучредителем. К сожалению, наши Чтения традиционно совпадают по времени с общим собранием Академии наук. Мы не можем перенести День славянской письменности, к которому приурочены Чтения, а наша знаменитая «большая» Академия, конечно, не может изменить своим традициям. В этот раз дело усложняется еще и тем, что в начале следующей недели Академии предстоят особо сложные выборы по новому Уставу, поэтому руководство просило Абдусалама Абдулкеримовича выступить от лица Академии.

А. А. ГУСЕЙНОВ¹: — Спасибо большое. Мы должны рассматривать тему диалога культур и цивилизаций как исключительно ответственную, которая касается самых основ нашего существования в современном мире и в качестве современных людей.

Совершенно ясно, что диалог культур предполагает, что между культурами, которые вступают в диалог, существует нечто общее, некие общие принципы, жизненные цели. В любом случае должно быть какое-то единое интеллектуальное и ценностное поле, на котором и осуществляется взаимодействие этих культур в форме диалога. В то же время совершенно ясно, что культуры различаются между собой. И различия этих культур также являются предпосылкой для диалога. Ведь культура всегда содержит в себе что-то особенное, она всегда в чем-то единственна, замкнута на какие-то конкретные вещи, исторические события, имена. В каждой культуре есть нечто такое, что непереводаемо на язык другой культуры. В этом смысле каждая культура равна самой себе. Культуры, когда вступают в диалог, они ведь как бы не снимают своих различий. Напротив, диалог в каком-то смысле является одним из усилителей этих различий, потому что само сопоставление — «мы и они», сравнение, выявление различий, является, как известно, одним из условий самосознания культуры, одним из путей обретения культурой ее самоидентификации.

Вот эти две стороны — единство разных культур и их различие — могут быть и реально являются исходным пунктом двух различных стратегий во взаимодействии между культурами. Одна

¹ Директор Института философии РАН, заведующий кафедрой этики МГУ им. М. В. Ломоносова, академик Российской академии наук, вице-президент Российского философского общества, доктор философских наук, профессор, почетный доктор СПбГУП. Сфера научных интересов — история и теория этики, социальная философия и др. Автор более 300 работ, в том числе: «Золотое правило нравственности» (1979), «Великие моралисты» (1995), «Язык и совесть» (1996), «Философия, мораль, политика» (2002), «Античная этика» (2003). Лауреат Государственной премии РФ. Награжден дипломом ЮНЕСКО с вручением медали Махатмы Ганди «За выдающийся вклад в развитие толерантности и ненасилия».

стратегия — это космополитическая, анонимный универсализм. Вторая — это шовинистическая, которая тоже имеет самые разные формы, но в наиболее опасном виде — это этноцентрированный шовинизм. Эти два пути противоречат природе культуры — в том смысле, что обязательно берут ее в каком-то одностороннем виде, урезают ее полноту. И они в современном мире являются гибельными. Диалог — это некая середина, куда мы приходим, когда убегаем от крайностей.

Здесь профессор Валлерстайн говорил, что диалог предполагает равенство между культурами. Это вне всякого сомнения. Ведь диалог — это не просто ситуация, когда одна культура относится к другой с пониманием, терпимо. Это нечто большее: когда одна культура нуждается в другой именно в качестве другой. Равенство культур, суверенность каждой из них в определении своих ценностных приоритетов, норм жизни является обязательным условием диалога между культурами.

Тут и возникает ряд проблем. Я их обозначу. Культуры ведь различны. Они отличаются по степени своей развитости, по внутренней дифференцированности, по масштабу, они различны по вкладу в общечеловеческую культуру, то есть по тому, как одна культура влияла на другие. То есть культуры многократно различны.

Казалось бы, как же возможно равноправное взаимодействие, сотрудничество между ними? Возьмем, скажем, мировые религии и какие-то отдельные религиозные секты или, допустим, языки великих наций, которые имеют богатую литературу и языки небольших этносов. Это же реально совершенно разные явления. Как возможно взаимодействие между ними?

Другой аспект: каждой культуре свойствен не только пафос истины и справедливости, но и претензия на исключительность, если хотите — на абсолютную истинность. Мусульманин считает свою религию единственно истинной, но точно так же считает и христианин. Как же при таком понимании им вступать в диалог друг с другом? Если каждый из них обладает абсолютной истинной, то о чем разговаривать друг с другом?

Я обозначил только две очевидные проблемы. Есть еще ряд других, связанных с различием культур. Диалог может превращаться, я здесь согласен с тревогой коллеги Пиотровского, из такого, знаете ли, приятного дела в некий вызов.

Когда мы говорим о диалоге культур, надо понимать, что это, конечно, фигуральное выражение, некая абстракция очень высокого уровня. Ведь культуры, цивилизации сами по себе субъектности не имеют. То есть они между собой не встречаются. Встречаются люди, которые принадлежат к тем или иным культурам. Встречаются группы людей, их объединения в виде государств и т. д. И они встречаются не по поводу культурных различий, а по поводу конкретных проблем, которые их взаимно волнуют. Проблемы эти их уже втянули в необходимость идеологического взаимодействия. Имея в виду это уточнение, я бы хотел сказать, что трудности и проблемы, которые встают в рамках диалога культур,

могут получить разрешение, если мы будем подходить к ним по модели межличностного диалога, межличностной коммуникации, межличностного общения. То есть, если мы будем рассматривать этот диалог, как если бы речь шла о взаимодействии отдельных людей, отдельных личностей. Тогда проблемы получают разрешение.

Ведь если мы возьмем людей, они же тоже различны: по социальному статусу, экономическому положению, по своим моральным качествам, по эстетическим предпочтениям. Тысячекратно различны. Но тем не менее все-таки цивилизация выработала некие условия того, как, несмотря на эти различия, люди могут сотрудничать друг с другом. Признается в равной степени моральное достоинство каждого человека, политические права в качестве граждан в рамках демократического сообщества и т. д. И уже это дает возможность взаимодействия, в рамках которого эти индивидуальные различия не оказываются препятствием. А, наоборот, условием для взаимного обогащения.

То же самое касается претензии культур на абсолютную истину. Люди тоже могут расходиться между собой в понимании, скажем, добра и зла. Расходиться так сильно, что то, что считают добром одни, другие считают злом. Но выработаны ведь механизмы, как вести себя в такого рода случаях. Тогда каждый должен отказаться от претензии быть судьей в этих вопросах. В противном случае, когда расхождения доходят до абсолютных, этически санкционированных оснований, следующий шаг — это только конфронтация, насилие, попытки решить разногласия силовым образом. Точно так же, я думаю, и культуры такого рода притязания должны оставить для себя, для внутреннего обращения. Никто не мешает мусульманам думать, что их религия самая истинная. Но тогда, когда речь идет о взаимодействии, о диалоге, то этот вопрос должен быть исключен из обсуждения. Диалог культур возможен по любым вопросам, кроме вопроса о ценностном статусе самих культур. Вот это не может быть предметом диалога. Здесь существует изначальная презумпция равенства. И спор о том, кто лучше, а кто хуже, является в этом смысле абсолютно бесперспективным.

И наконец, последнее замечание. Мы говорим о толерантности, связываем толерантность с взаимодействием культур. Но здесь возникает одна проблема: как далеко может простираться толерантность? Что нам делать в том случае, когда, скажем, некие люди отрицают саму идею толерантности? На уровне общей формулы здесь может быть такое решение: толерантность нельзя понимать только как терпимость к убеждениям других. Иначе мы попадем в тупик в случаях верований, которые сами являются нетерпимыми. Здесь продуктивной является негативная формула: не навязывать другим своих убеждений. Именно в этом, в том, чтобы не навязывать другим своих убеждений, состоит суть толерантности. Тогда у нас не будет логического тупика.

Общий пафос моего выступления состоит вот в чем: диалог культур предполагает внутреннюю

готовность человека к этому диалогу, желание человека вступать в этот диалог. Это выражается не в оценке другого, а в наличии определенных требований к самому себе. Диалог культур требует определенного уровня социально ответственного человеческого существования и развития. В завершение выступления я приветствую всех вас от имени нашего института, Российской академии наук. Спасибо большое.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Спасибо, Абдулкеримович. Глубокоуважаемые коллеги! Если позволите, я скажу несколько слов о приветствиях, которые поступили в адрес Международных Лихачевских научных чтений. Я не буду их зачитывать, но назову некоторые из них. Поступило приветствие от председателя Государственной Думы Федерального собрания России Бориса Вячеславовича Грызлова; президента Российской академии наук Юрия Сергеевича Осипова; председателя Федерации независимых профсоюзов России Михаила Викторовича Шмакова; министра иностранных дел России Сергея Викторовича Лаврова; министра образования и науки России Андрея Александровича Фурсенко; заместителя председателя Государственной Думы Федерального собрания России Светланы Сергеевны Журовой; губернатора Калининградской области Георгия Бооса; председателя Законодательного собрания Санкт-Петербурга Вадима Тюльпанова; депутата Государственной Думы, директора Института проблем международной безопасности, академика Кокошина; от Федерального агентства по образованию — Бутко Евгения Яковлевича, от Российского психологического общества — Юрия Зинченко и многие другие. Я не буду оглашать их и даже не смогу упомянуть все. Мы их, с вашего позволения, опубликуем. Но одно приветствие все же зачитаю:*

Приветствую организаторов, участников и гостей VIII Международных Лихачевских научных чтений.

Проведение вашего научного форума стало важной и доброй традицией и помогает не только лучше осознавать значимость гуманистических идей Дмитрия Сергеевича Лихачева, его творческого наследия, но и понять актуальные вопросы современности.

Поэтому сегодня в повестке дня конференции такие важные для всех темы, как «Личность и общество в поликультурном мире», «Экономика и право в контексте партнерства цивилизаций», «Средства массовой информации в системе формирования картины мира», «Высшее образование: проблемы развития в контексте глобализации» и др.

Уверен, что заинтересованное обсуждение, содержательные и конструктивные дискуссии в рамках Чтений послужат развитию гуманитарных наук, укреплению духовно-нравственных основ общества.

Желаю организаторам, участникам и гостям форума плодотворной работы и всего самого доброго.

Председатель Правительства Российской Федерации В. Путин.

Позвольте предоставить слово для доклада профессору Яковенко Александру Владимировичу. Александр Владимирович — заместитель министра иностранных дел России, доктор юридических наук. Прошу.

А. В. ЯКОВЕНКО¹: — Уважаемые дамы и господа! В своем выступлении я хотел бы затронуть тему религиозного фактора в мировой политике.

Культурно-цивилизационное многообразие человечества — фундаментальная характеристика нашей эпохи. Все значение этого фактора раскрывается только сейчас, когда глобальная конкуренция приобретает цивилизационное измерение. Залогом мирного сосуществования становится полноценная реализация потенциала культурных и религиозных традиций. Без уважения нравственных начал нельзя обеспечить права человека.

Россия содействует усилиям по демократизации международных отношений, делает все, чтобы каждое государство могло рассчитывать на достойное место в сообществе наций. Этот подход продиктован особенностями исторического пути России, который включает многовековой опыт мирного сосуществования различных культурно-религиозных традиций в рамках единого государства.

Наше концептуальное видение роли религиозного фактора в мировой политике связано с необходимостью сопрягать подходы к актуальным международным проблемам с базовыми ценностями основных мировых религий, составляющими духовно-нравственную основу общечеловеческой солидарности. Без учета этих принципов трудно добиться справедливого решения насущных вопросов мирового развития на подлинно коллективных и правовых началах, создать атмосферу доверия и взаимопонимания в отношениях между государствами в эпоху глобализации, в условиях нарастающей многополярности, когда конкуренция приобретает межцивилизационное измерение.

Опора на общий нравственный знаменатель, всегда существовавший в основных мировых религиях, помогает в укреплении межцивилизационного согласия (в том числе по линии «Альянса цивилизаций», действующего под эгидой ООН), выстраивании критериев соблюдения гражданских прав и свобод в контексте ответственности личности перед обществом. В этом русле идет, в частности, наша инициатива проведения «на полях» Совета ООН по правам человека семинара на тему «Православие и права человека».

¹ Заместитель министра иностранных дел РФ, доктор юридических наук, профессор, действительный член РАЕН, член Совета РАН по космосу, член Совета по внешней и оборонной политике при Президенте РФ. Автор учебника по международному праву и ряда книг, в том числе: «Прогрессивное развитие международного космического права» (1999), «Современные космические проекты: международно-правовые проблемы» (2000).

В условиях нарождающейся многополярности возрастает роль религиозного фактора в мировой политике. Большинству неангажированных экспертов очевидно, что модель светского либерализма с акцентом на рост потребления не дает реалистичных ответов на вызовы современности. Такие проблемы, как загрязнение окружающей среды, исчерпание ресурсов, глобальная бедность, лишь обостряются. Растет напряженность в межэтнических и межконфессиональных отношениях.

Наиболее ярко эта тенденция проявляется в Западной Европе, столкнувшейся с проблемой интеграции многочисленной общины иммигрантов-мусульман. Ожидается, что к 2020 г. мусульмане составят 10 % населения стран Евросоюза. Прогрессирующая секуляризация западноевропейского общества, культивирование веры в материалистические ценности выступают катализаторами трений между коренным населением и иммигрантскими общинами.

Проблема усугубляется тем, что светский либерализм европейских элит приобретает гипертрофированный характер. Это проявляется, в частности, в упорном нежелании признать ответственность СМИ за развязывание «карикатурного скандала», в недавнем размещении в Интернете антиисламского фильма нидерландского парламентария и других подобных эксцессах, затрагивающих религиозные чувства мусульман. Первые, достаточно робкие попытки на Западе осмыслить эту новую реальность пока не находят должного отклика в правящих кругах и общественном мнении.

Все эти факты подводят к выводу, что в мировой политике ощущается дефицит таких категорий, как самоограничение и солидарность, без которых не подступиться к решению многих проблем обеспечения управляемости мирового развития на современном этапе. Требуется подвести под международные отношения нравственное основание с учетом того общего нравственного знаменателя, который всегда существовал в основных мировых религиях, включая взаимное уважение и учет обычаев и религиозных традиций друг друга.

Важнейшую роль в этом процессе призваны сыграть межцивилизационный диалог и, прежде всего, его религиозная составляющая. В России это хорошо понимают. Президент Российской Федерации, выступая в ноябре прошлого года перед московским дипкорпусом, говорил о готовности России активно содействовать цивилизационной совместимости Европы, укоренению в ней терпимости, прежде всего к различным конфессиям. Мы просто предлагаем обратиться к тому, что составляет духовно-нравственные корни всей европейской цивилизации, включая США, Западную Европу и Россию. Сохранение лидерства европейской цивилизации в глобальных процессах требует синтеза имеющихся в мире подходов к ключевым проблемам современности.

Сознавая возрастающую роль религиозного фактора в международных отношениях, мы до-

бываемся его более полного учета в рамках проектов по линии «Альянса цивилизаций», Совета Европы и ОБСЕ, а также в наших контактах с Евросоюзом. В наших интересах — способствовать созданию благоприятных политико-дипломатических рамок для налаживания межрелигиозного диалога, в том числе с целью нейтрализации попыток политизировать религиозный экстремизм. Важным этапом в продвижении такого подхода стало проведение в июле 2006 г. в Москве Всемирного саммита религиозных лидеров. Россия является партнером трехстороннего Форума по межрелигиозному сотрудничеству на благо мира, объединяющего представителей государств, учреждений ООН и НПО. В рамках 62-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в октябре 2007 г. представители России, включая Русскую православную церковь, приняли деятельное участие в первом «Диалоге высокого уровня по поощрению межрелигиозного и межкультурного взаимопонимания и сотрудничества на благо мира».

В 2007 г. Россия выступила с инициативой создания под эгидой ООН Консультативного совета религий. Совет, по замыслу Отдела внешних церковных сношений Московского патриархата, мог бы объединить представителей христианства (католическую, протестантскую, древневосточные, православные церкви), ислама (суннизм, шиизм), иудаизма, дхармических религий (буддизм, индуизм), синтоизма. Этот Совет, будучи религиозным по сути, был бы светским по формам и методам деятельности. В сферу его компетенции входила бы экспертная работа по таким вопросам, как межрелигиозный диалог и диалог с нерелигиозными мировоззрениями; борьба с диффамацией религий, проявлениями нетерпимости и ксенофобии; защита мест религиозного поклонения и святынь; сохранение культурно-цивилизационного многообразия в условиях глобализации; содействие урегулированию региональных конфликтов, имеющих религиозную составляющую. Этот вопрос активно обсуждался в ходе визита в Москву Генерального секретаря ООН Пан Ги Муна в апреле этого года.

Важным направлением наших усилий является взаимодействие с Организацией «Исламская конференция» (ОИК). Россия воспринимается в ОИК как союзница исламского мира в решении приоритетных для мусульман проблем. В контактах с ОИК мы исходим из необходимости совмещать подходы к актуальным международным проблемам с базовыми духовно-нравственными ценностями мировых религий. В области популяризации опыта сосуществования ислама и христианства в России и других странах активно работает Группа стратегического видения «Россия — исламский мир».

В целом, грамотное задействование религиозного фактора могло бы помочь в урегулировании региональных и межэтнических конфликтов — через укрепление доверия и поиск согласия всех сторон на основе международного права при полном уважении роли ООН в мировых делах. Кроме того, это способствовало бы нейтрализации

попыток использования религиозных лозунгов в политической борьбе и выработке общеприемлемых толкований прав человека и гражданских свобод.

Думаю, что площадка «Альянса цивилизаций» — форума, который позволяет нам обсуждать эти темы в рамках ООН, создает хорошую основу для диалога равных. Это важно для обеспечения стабильности не только в отдельных странах, но и в международных отношениях в целом, — с тем чтобы конфликты, которые на сегодняшний день имеют серьезную религиозную составляющую, смогли бы быть урегулированы. Это является одним из приоритетов российской внешней политики и, разумеется, такая линия будет проводиться в дальнейшем. Спасибо.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Благодарю Вас. Слово для приветствия и выступления предоставляется доктору экономических наук, профессору, заместителю министра культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации Андрею Евгеньевичу Бусыгину.*

А. Е. БУСЫГИН¹: — Уважаемые дамы и господа, дорогие друзья, уважаемый президиум! Прошу разрешения огласить приветствие от министра культуры Российской Федерации Александра Алексеевича Авдеева: «Организаторам, участникам и гостям VIII Международных Лихачевских научных чтений. От имени Министерства культуры Российской Федерации позвольте сердечно приветствовать вас. Трудно переоценить значение личности Дмитрия Сергеевича Лихачева для России. Он открыл принципиально новый подход к культуре как смыслообразующей основе жизни государств, народов, каждой личности. Имя академика Лихачева неразрывно связано с историей и культурой Северной Пальмиры. В этой связи глубоко символично, что Чтения, посвященные его памяти, проходят в великом городе — в Санкт-Петербурге. Это событие — яркое свидетельство актуальности идей Дмитрия Сергеевича Лихачева в наши дни, одновременно это и стремление развить его идеи, увидеть возможности их использования в новых исторических условиях. Очень ценно, что в контекст Чтений вовлечено большое количество школьников из больших и малых городов и сел нашей страны. Им предстоит наследовать и развивать отечественную культуру, науку, экономику, и имя нашего великого современника Лихачева будет для молодежи надежным ориентиром в мире культуры. Желаю всем участникам Научных чтений плодотворной работы, интересных встреч и всего самого доброго. Министр культуры Российской Федерации Авдеев».

¹ Заместитель министра культуры РФ, доктор экономических наук, профессор. Автор книги «Регионы России 2004: социально-экономические показатели» (2005, в соавт.) и многих публикаций на тему сохранения культурного наследия России.

Александр Сергеевич, я вручаю вам это приветствие. Что касается меня лично, то позвольте включиться в обсуждение проблем диалога культур и цивилизаций, которое происходит сегодня в этом зале. С этой трибуны прозвучало много интересных мыслей. Мне бы хотелось высказать еще одну.

Действительно, как отметил академик Гусейнов, диалог цивилизаций и культур — это достаточно высокая абстракция, поскольку в реальности дискутируют между собой не культуры, а люди как носители определенной культуры — этнической, национальной, может быть, сверхнациональной. Как представляется, эти люди как носители культур должны быть готовы к диалогу. Но, к сожалению, зачастую в отношениях между культурами существуют определенные стереотипы, которые необходимо разбивать для того, чтобы подготовить людей к подобному диалогу.

Мне вспоминается, как два года назад в Москве проходил Всемирный газетный конгресс и господин Тимоти Болдинг — президент Всемирного газетного конгресса — давал интервью радиостанции «Эхо Москвы». И он сказал: «Возьмите две великие нации — англичане и французы. Англичане и знать ничего не хотят о французах, а французы думают, что все англичане ездят на велосипедах и носят котелки». Вот такое примитивное друг о друге представление он отметил.

Разбивание таких стереотипов важно, кстати говоря, не только в международной сфере. Это важно и для России, поскольку наша страна — многоэтническая, многонациональная. Данный вопрос приобретает особую актуальность сегодня, когда миграционные процессы значительно усилились. Если вы возьмете Среднее Поволжье (это, пожалуй, самый многонациональный район Российской Федерации), то там доля русского населения даже меньше, чем на Северном Кавказе, но даже в «турбулентные» 1990-е гг. в Поволжье не было никаких столкновений на этнической почве. Были там националисты, которые что-то кричали, митинговали. Но столкновений не было потому, что там представители различных национальных культур издавна, в течение столетий соседствуют друг с другом. Эти культуры взаимодействуют, взаимообогащаются и обладают соответствующим опытом диалога.

Совсем иная ситуация возникает, когда, к примеру, в какой-нибудь глубинный, чисто русский район Центральной России, скажем, на Смоленщину, приезжают представители народов Северного Кавказа, Средней Азии. Вот здесь и начинается неприятие иных культур. Сказывается непонимание и стереотипы, которые надо разрушать культурными же средствами.

Нам представляется, что в данном плане в стране пока еще делается недостаточно. И думается, что преобразуемое ныне Министерство культуры сосредоточит свое внимание и на этом тоже — на проведении определенной государственной политики по развитию диалога культур.

Толерантность, дружелюбное знакомство с иными культурами необходимо культивировать

буквально с детского возраста. Очень мощный фактор — знакомство с фольклором, со сказками. Я недавно зашел в один из крупнейших московских книжных магазинов «Библио-Глобус», решил посмотреть, сказки каких народов там продаются. Русские есть, украинские — и, пожалуй, это все. Я попросил: «Покажите мне, пожалуйста, а какие есть сказки народов России?» Продащица широко открыла глаза и говорит: «А это какие?» Я поясню: «Например, татарские, якутские, башкирские, чувашские, бурятские. Что-то есть?» «Нет, ничего». У нас издаются эти сказки. Скажем, в Калмыкии изданы, но они распространяются только в Элисте и в соседних районах, и ничего нет во всей остальной части России. Между тем диалог должен начинаться со знакомства, с интереса, с взаимного узнавания. Вспомните строки детской поэтессы Агнии Барто:

У москвички две косички,
У узбечки — сорок семь.

Вот, всего несколько слов сказано, и появляется взаимовнимание двух культур, взаимный интерес. Спасибо.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *И Вам спасибо. Сейчас я хотел бы заметить, что у нас в Университете работает свыше 100 докторов наук, профессоров, и среди них есть основоположники крупных научных направлений. Но когда проходят научные конференции, мы всегда между собой договариваемся отдавать преимущество гостям, чтобы максимальное количество гостей могло выступить, высказаться. Однако одного профессора Гуманитарного университета профсоюзов мы все же попросим сейчас выступить. Это председатель Центральной избирательной комиссии России Владимир Евгеньевич Чуров. Прошу Вас, Владимир Евгеньевич.*

В. Е. ЧУРОВ¹: — Дмитрий Сергеевич Лихачев понимал культуру в широком, практически универсальном смысле. В его трудах и записях бесед с ним можно встретить обсуждение культуры поведения, культуры производства, культуры торговли; политической культуры, включая и культуру выборов, и культуру выбора; культуру межгосударственных отношений, включая уважение к международному праву; историческую культуру и культуру сохранения и использования исторического наследия, о чем столь убедительно говорил сегодня профессор Пиотровский.

Культура в таком широком, практически универсальном смысле является опорой всякого демократического государства. Именно государства, потому что наша цивилизация по-прежнему развивается в рамках более или менее суверенных государств. К сожалению, как мне кажется, новые проблемы в области культуры

возникают быстрее, чем мы пытаемся их решить. Не успели мы приступить к обсуждению проблем в развитии культуры в связи с процессом глобализации, заговорить о создании глобальной демократии, как этот процесс оказался мифом, разлетелся на тысячу кусочков, и появились совершенно новые проблемы по сравнению с теми, что мы собирались обсуждать.

Приведу только два примера. Мы намеревались говорить о культуре свободной международной торговли, а оказалось, что более актуальная тема — новые и новые барьеры и постепенный процесс перехода к натуральному обмену в международной торговле. Мы собирались обсуждать развитие свободного обмена музейными коллекциями и допуска к ним максимального количества людей во всех странах в условиях глобального мира, а столкнулись с необходимостью рассматривать вопрос защиты музейных коллекций от посягательств с самых разных сторон. И так далее, и так далее. Но гуманитарная мысль должна опережать развитие событий и направлять его. В этом и есть предназначение наших Чтений.

Я знаю, что огромное количество важных для мира вопросов будет обсуждаться завтра на секциях. Пожелаю успеха нашему форуму — одному из самых представительных в гуманитарной сфере деятельности. Спасибо за внимание.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Спасибо, Владимир Евгеньевич. Уважаемые коллеги, первая часть Пленарного заседания подходит к завершению. Прежде чем объявить перерыв, я хотел бы организовать здесь небольшое, но очень приятное для нашего коллектива событие и сказать слова благодарности в адрес Президента России, теперь уже — премьер-министра страны Владимира Путина и аппарата Президента.*

Наша международная конференция — это независимое научно-общественное мероприятие, которое проводится не по инициативе властей. Но мы не можем не оценить то доброе отношение, то внимание и поддержку, которую нам на протяжении многих лет оказывает Владимир Владимирович и Администрация Президента Российской Федерации. Когда мы с Даниилом Граниным обратились к Владимиру Владимировичу с соответствующей просьбой, Указ Президента «Об увековечении памяти Дмитрия Лихачева» вышел за 3 дня. Это беспрецедентный случай для прохождения через инстанции и выпуска в свет государственного документа такого ранга. Так бывает обычно только в случае войны или стихийных бедствий, но здесь был поставлен совсем другой вопрос — нравственного долга. И петербургская интеллигенция, и российская научная общность не могли такое отношение не оценить. За время работы Чтений Президент России трижды обращался к нам со своими приветствиями. Это также беспрецедентный случай и беспрецедентное внимание.

В этой аудитории не принято говорить о деньгах, но нельзя не сказать, что когда наши

¹ Председатель Центральной избирательной комиссии РФ, профессор СПбГУП. Автор документальной повести «Тайна четырех генералов» (2005); книги «Голосует вся Россия: о правовых и организационных особенностях грядущих выборов» (2007).

Чтения приняли такой масштаб, такой размах, что финансировать их проведение одному нашему Университету было невозможно, мы обратились с просьбой о частичном финансировании наших мероприятий, и нам был выделен президентский грант. Власть не стремится командовать или руководить нами, но чрезвычайно внимательно и доброжелательно относится к Читениям — инициативе Конгресса петербургской интеллигенции.

Сегодня аппарат Президента представлен здесь в лице советника Гришина Игоря Александровича. Ему поручено выполнить решение Президента Российской Федерации Владимира Путина по награждению высоким орденом одного из наших коллег. Это Лев Абрамович Санкин, первый проректор, который работает в Гуманитарном университете профсоюзов около 50 лет. Лев Санкин вместе с Дмитрием Сергеевичем Лихачевым закладывал здесь в 1993 г. традицию майских научных чтений и с тех пор в качестве заместителя председателя Оргкомитета прилагает неоценимые усилия для того, чтобы Международные Лихачевские научные чтения проходили на должном уровне.

Конгресс петербургской интеллигенции не имеет своего технического аппарата для организационной работы, ее выполняют сотрудники Университета. То, что высоким орденом отмечен профессор Санкин, один из наших безусловных лидеров, — предмет нашей глубокой признательности руководству страны. Я прошу вручить этот орден, осуществить церемонию награждения орденом Почета.

(И. А. Гришин вручает орден Л. А. Санкину.)

Игорь Александрович, спасибо. Лев Абрамович, пожалуйста, Вам слово.

Л. А. САНКИН: — Трудно выразить благодарность за ту высокую награду, которой оценен мой скромный труд. Я считаю, что это оценка и труда нашего коллектива. Мне выпала высокая честь участвовать в организации всех Лихачевских чтений с 1993 года. Я благодарю всех участников Чтений, которые откликаются на наш призыв и участвуют в них. Думаю, мы вместе делаем нужное, полезное дело. Спасибо.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Спасибо Вам, Лев Абрамович, за Вашу многолетнюю работу на благо российской науки и образования.*

На сцену приглашается глава Мирового общественного форума «Диалог цивилизаций», экс-председатель Совета Европы Вальтер Швиммер (Австрия).

В. ШВИММЕР¹: — Дамы и господа, ваше превосходительство господин председатель! Когда

¹ Член Национального собрания Австрии (парламента), председатель Мирового общественного форума «Диалог цивилизаций», доктор права, Генеральный секретарь Совета Европы (1999–2004). Автор книги «Soziale Folgen der Inflation» (1987; в соавт.), «Мечты о Европе: Европа с XIX в. до рубежа третьего тысячелетия» (2003), переведенной на русский, английский, итальянский и другие языки.

в прошлый раз я был в Санкт-Петербурге (это было год назад), я увидел, что здесь существует много религий, службы в храмах проводятся на разных языках, и я поверил, что Петр I основал Санкт-Петербург как оплот цивилизации, что все это живо и это — история успеха. Поэтому я очень благодарен за то, что меня пригласили на Международные Лихачевские чтения. Все европейские страны сталкиваются с одинаковыми вызовами в быстро расширяющемся глобальном мире, и нам необходимо научиться отвечать на них. Существенно важным для общества представляется поиск верных решений.

Нашему будущему угрожает ряд проблем: мировой терроризм и его попытки подвести под свои действия религиозную основу, стремительный рост нищеты, ситуация, когда финансовые неурядицы одной страны могут иметь общемировые последствия, вопросы защиты окружающей среды и климатических изменений, а также рост миграции населения, который не поддается контролю. Решение всех этих проблем требует совместных усилий не только на уровне одного региона или страны, но в глобальном, международном масштабе.

Думаю, господин Запесоцкий был прав, когда заявил о том, что необходимо пересмотреть идею неизбежности столкновения цивилизаций. Мне, как и академику Гусейнову, думается, что сталкиваются не цивилизации, а люди, не желающие понимать друг друга. В этих условиях следует забыть о конфликте цивилизаций, а напротив, необходимо совместно противостоять угрозам. Терроризм — это не столкновение двух наций, но угроза всем существующим нациям. Такую же точку зрения мы имеем на проблемы бедности, развития мировой экономики, защиты окружающей среды, истощения природных ресурсов и миграции населения. Нам необходимо глобальное мышление и сплоченность всех цивилизаций.

Пытаясь найти решения глобальных проблем, мы действуем по-разному. Кто-то все еще поддается искушению обвинить во всем неких врагов, но этот путь ведет к эскалации ненависти и разного рода фобий. Нельзя забывать, что в решении этих проблем следует руководствоваться принципами поддержания мира, дальнейшего развития, человеческого достоинства, демократии, так как именно они являются ключом к успешному разрешению противоречий и конфликтов.

Бессспорно, терроризм является главной угрозой обществу, и с ним следует бороться всеми способами, но нельзя стремиться победить его любой ценой, забывая при этом о правах и достоинстве человека, уважении к культурным и религиозным различиям, законности и демократии: нельзя самим подрывать эти основополагающие ценности, тем самым способствуя террористам.

Необходимо помнить об основных причинах и истоках терроризма. В Совете Европы под моим руководством была начата Программа межкультурного и межрелигиозного диалога, и в рамках этой Программы мы стараемся противопоставить

развитие всеобщего образования и уверенности в будущем различным видам социального отторжения, нелегальной миграции и т. п. В частности, мы стараемся бороться с такими явлениями, как ксенофобия, антисемитизм, исламофобия, нетерпимость и дискриминация. Я уверен в том, что Европа не сможет решить этих проблем без поддержки остального мира.

Глядя на наши проблемы и возможности, мы понимаем, что имеем гораздо больше общего, чем кажется на первый взгляд. К сожалению, мы чаще замечаем то, что нас разделяет, чем то, что объединяет. Различия культур, существующие как между странами, так и в пределах одной страны, следует расценивать как положительные явления, а не наоборот. Мы должны учиться друг у друга.

В Европе насчитывается огромное количество различных наций, культур и религий, так как Европа — это 48 государств, 200 языков, такие религии и конфессии, как католицизм, протестантизм, православие и прочие христианские толки, мусульманство, иудейство, даже буддизм. И всегда европейские страны имели добрые отношения с соседями на востоке и на юге. Теперь, когда мы постоянно видим проявления ксенофобии и нетерпимости, нельзя забывать об этом положительном опыте общения разных наций, культур и религий. Я убежден, что именно различия способствовали созданию уникальной европейской культуры, достижению значительных результатов в науке и искусстве, а также развитию политических особенностей европейской жизни. Это неповторимое своеобразие европейцев подразумевает и умение наладить добрососедские отношения со всеми странами.

В ходе своей истории, временами трагичной, Европа научилась находить выходы из проблемных ситуаций, основываясь на принципах законности, демократии и уважения прав человека, то есть на общечеловеческих ценностях, зафиксированных в фундаментальных законах ООН, являющихся нашим общим достоянием. Не устану повторять, что многие проблемы современности — результат невежества, а не конфликта цивилизаций. Я твердо уверен, что вместе мы сможем найти решение всех проблем, в том числе противоречий между странами ислама и западными государствами. Начинать решение этих проблем надо в своих собственных странах.

Рост внимания общества к нерешенным конфликтам можно считать ключевым фактором в борьбе с терроризмом. Особое внимание следует уделять соблюдению законности и прав человека, что в свою очередь должно стать основой любых политических договоренностей во всех конфликтных областях.

Как мы убеждаемся каждый день, война в Ираке не окончена. Ежедневно тревожные вести приходят из Афганистана. ООН и Союз африканских стран все еще не могут разрешить проблему оказания гуманитарной помощи суданской провинции Дарфур.

Что касается Ближнего Востока, то хочется вспомнить стратегический план действий четверки стран, в результате которых мы видим возвращение к законности и правам человека, повиновение местным властям в Палестине. Это может служить демократической и мирной альтернативой насилию и терроризму. Вооруженный конфликт принес только страдания, но не решил проблему. Урегулировать и исчерпать конфликт может только взаимопонимание. Мы наблюдали стычки между властями и оппозицией в Зимбабве, Пакистане и Грузии. Как только причиной конфликта являются религиозные, расовые или национальные различия, становится ясно, что здесь происходит манипуляция в политических целях.

Какое позитивное решение этого огромного множества проблем мы можем найти, чтобы не предать наши идеалы? Одним из путей может стать пересмотр способов преподавания истории, что поможет преодолеть невежество и предрассудки. Также следует проанализировать, каким образом молодежь получает знания о различии культур, осознает ли она это различие как позитивный фактор при межкультурном и межрелигиозном общении в противовес конфликту цивилизаций. Только образование может привить базовые знания и позитивное отношение к религиозным различиям и принципам демократического общения. Представляется необходимым создать учебные программы и курсы, способствующие этому. Знание о том, что существуют другие верования, знание их основных принципов должно стать частью образования, и это поможет уменьшить предрассудки и враждебное отношение.

Замечательно, что этот форум организован Университетом. Вы, господин ректор, воспитываете молодежь в духе, достойном нашего времени. Ваши студенты учатся уважать друг друга, проявлять толерантность.

И религия, и демократия имеют общую цель — мир во всем мире, признание других и уважение к ним — без разделения или дискриминации. Ни европейский, ни международный проект диалога культур не может существовать без учета культурных, религиозных, исторических, географических, этнических особенностей людей всего мира.

Политический проект Европы должен основываться исключительно на принципах демократии, законности, прав человека, взаимного уважения, равенства и человеческого достоинства. На тех же принципах должен строиться и наш общий проект будущего мира. Понимание ценности различия между нациями, приверженность общечеловеческим ценностям есть ключ к стабильности в обществе, к отсутствию страха перед террором. Все люди рождены свободными и равными в правах и достоинстве. Мы должны защищать свободу, равенство, достоинство и права человека общими усилиями. Наш проект — сделать эту планету лучше. Конфликт цивилизаций — это вызов для всех нас, но мы с ним справимся. Спасибо.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Благодарю Вас, господин Швиммер. Мы приглашаем на трибуну одного из ведущих славистов современности, Рене Герра (Франция). Наш гость — профессор Университета Ниццы.*

Р. ГЕРРА¹: — Уважаемые дамы и господа, дорогие коллеги, друзья! Я очень признателен Александру Сергеевичу Запесоцкому за это приглашение. Для меня большая честь участвовать в Лихачевских научных чтениях. Я высоко чтю память Дмитрия Сергеевича и не без некоторого волнения стою у портрета этого великого русского человека, интеллигента и выступаю перед вами.

Для меня, как и для вас, Д. С. Лихачев прежде всего — воплощение именно диалога культур и цивилизаций, олицетворение этого взаимодействия — никто лучше не может! И потому эти Научные чтения лично меня тронули именно названием — «Диалог культур и партнерство цивилизаций». Я более скромно, в меру своих сил тоже много лет служу этому диалогу и верю в него. Особенно он необходим сегодня — и в России, и в Евросоюзе, в частности, во Франции. Я не занимаюсь политикой — это просто крик души.

Я здесь буду общаться со многими добрыми знакомыми и друзьями. Не стану перечислять всех, но хотелось бы прежде всего отметить близкого мне человека — Юрия Алексеевича Рыжова, который прекрасно представлял Россию, когда был послом — первым послом Российской Федерации во Франции. Приятно увидеть и другого человека, перед которым я тоже в долгу, Эльдара Рязанова, и его приветствовать. Так же как и друзей из редакции «Российской газеты».

Я рад, что могу здесь беседовать с образованными людьми и следовать заветам Дмитрия Сергеевича. Часто писали, что он последний русский интеллигент. Да, в этом есть правда. Но будем надеяться, что его дело продолжится. Это зависит прежде всего от тех, кто здесь присутствует. Надо, чтобы мы все были интеллигентами, чтобы этот диалог разнообразить — не просто продлить его, а еще и обогатить. Потому что это не «соцзаказ», а заказ истории, обязанность, возложенная на нас самой историей.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Спасибо, господин Герра. Слово предоставляется Акаеву Аскарму Акаевичу — первому президенту Республики Кыргызстан, почетному академику Российской академии наук, академику Республики Кыргызстан.*

А. А. АКАЕВ²: — Уважаемый председатель, уважаемые коллеги! Искренне признателен за приглашение на столь важное мероприятие и предоставленную мне возможность выступить

с этой трибуны. Это не первое мое участие в Лихачевских чтениях, но каждый раз меня охватывает глубокое волнение перед памятью великого сына русского народа Дмитрия Сергеевича Лихачева. Я преклоняюсь перед той ролью, которую он, как ученый, мыслитель, гуманист, подвижник духа и провидец, сыграл в жизни народов, населяющих огромное евразийское пространство. По традиции Лихачевские чтения посвящаются наиболее актуальным проблемам, которые возникают перед обществом на поворотных этапах его развития. Не стали исключением и нынешние Чтения.

Проблема отношений между цивилизациями и культурами давно интересует меня, не раз на эту тему я выступал на международных форумах, а также с трибуны ЮНЕСКО, и до сих пор задумываюсь, почему нам с такой настойчивостью приходится, оспаривая конфронтационные подходы, доказывать, казалось бы, аксиоматическую истину о существовании отношений партнерства и диалога между цивилизациями и культурами. Значит, в мире продолжают действовать силы, заинтересованные в навязывании концепций противоположного толка.

Применительно к нынешним временам речь идет прежде всего об идеях, исходящих от американского политолога профессора Самюэля Хантингтона, уже упомянутого здесь, который 12 лет назад выпустил получившую широкую известность книгу «Столкновение цивилизаций и переустройство мирового порядка». Подчеркиваю, симптоматична корреляция во времени между появлением этой книги и теми противоречивыми процессами в мире, которые были вызваны распадом Советского Союза и исчезновением его с мировой политической сцены. Вместо империи зла в лице СССР было вымышлено исчадие зла в лице исламской цивилизации. Стали насаждаться тезисы о наличии горячих фронтов, линии разлома и других нависающих над человечеством апокалипсических бед. Не хотел бы далее углубляться в теоретические дебри, однако не могут не вызывать тревоги конфронтационные метастазы, которые возникли и дают о себе знать в международной практике.

Насаждение конфликтных идей применительно к отношениям между цивилизациями является далеко не безобидным теоретическим упражнением. Подобные идеи, укоренившись в менталитете народов, особенно в условиях глобализации, в конечном счете могут привести к весьма опасным последствиям. Согласно русской поговорке даже незаряженное ружье раз в год да стреляет. Зловещим конфронтационным идеям мы можем и должны противопоставить свою линию здравого смысла и исторического оптимизма.

Призываю устранить термин «конфликт цивилизаций» из политического лексикона. Мировые Республики Кыргызстан (1990–2005), доктор технических наук, профессор. Почетный профессор и почетный доктор МГУ им. М. В. Ломоносова. Автор книг «Трудная дорога к демократии: памятное десятилетие» (2002), «История, прошедшая через мое сердце» (2003), «Думая о будущем с оптимизмом» (2004), а также более 80 научных работ и учебников по информационным технологиям.

¹ Профессор Университета г. Ниццы (Франция), издатель, коллекционер, обладатель крупнейшего в мире собрания произведений художников, поэтов и писателей русской эмиграции «первой волны». Автор книг «Они унесли с собой Россию... Русские художники-эмигранты во Франции в 1920–1970-е гг.» (пер. на рус. 1995), «Жаль русский народ» (пер. на рус. 1992) и др.

² Академик Академии наук Республики Кыргызстан, иностранный член Российской академии наук, Президент

цивилизации принадлежат к единому миру, изначально живут и развиваются в нем, хотя по ряду причин исторического характера это происходит в разном темпе. Выделение конфликтного начала в их жизненных циклах, конечно же, искажает реальную картину мироздания. Многоцивилизационное разнообразие украшает человеческое сообщество, делает его более ярким, привлекательным, сглаживает острые углы. Лихачевские чтения — прекрасная трибуна для развенчания злобных мифов в данной области.

Будучи киргизом по национальности, я много лет прожил в России и всегда с живым интересом и симпатией наблюдал и наблюдаю происходящие в этой стране процессы. Россия для меня как исследователя представляет собой мультицивилизационную систему, своего рода срез евразийского сообщества во всем его национальном многообразии. Как известно, взаимодействие на нашей планете между индивидами с внутренне присущим каждому из них феноменом неповторимости осуществляется в рамках семьи и этноса на основе общечеловеческой морали и нравственности. В геноме человека нет звеньев, предопределяющих антагонистическое начало в его отношениях с себе подобными. На более высоком уровне наций и многонациональных образований к этому добавляются нормы, являющиеся, по сути, общественным договором. Отличительная особенность России всегда состояла в том, что в коллективистский механизм ее внутренней жизни были изначально встроены надлежащие позитивные регуляторы межнациональных отношений. Дело восходит, похоже, к далеким историческим временам, когда в ответ на вызовы времени во имя государственного выживания возникла настоятельная потребность сплочения всех наций и народностей, проживавших на территории России, разумеется, при объединительной роли коренного русского народа.

Наиболее яркий пример тому в современной истории — Великая Отечественная война. Россия пережила не одно крупное внутреннее потрясение в виде крестьянских бунтов, пролетарских революций и кровопролитных гражданских конфликтов. Подлинным бедствием до сих пор считается Гражданская война 1917–1920 гг. Но не было в России, в российской истории случаев, чтобы общенациональные гражданские неурядицы вспыхивали на межнациональной почве, то есть, на нынешнем политическом языке, имели бы междоцивилизационную конфликтную природу. При моем глубоком отторжении идеологии большевизма я все же не могу не признать, что проводившаяся в советские годы линия на дружбу народов и интернационализм весьма положительно сказывалась на сфере межнациональных отношений. Веками Россия тем и притягивала, что, создавая внутри себя систему дружественных отношений между входящими в нее национальными группами, во внешнем плане выступала как защитник интересов соседей перед лицом чужеземных нашествий.

Именно поэтому в 1785 г. мудрые киргизские правители направили посольскую миссию к им-

ператрице Екатерине Великой с просьбой принять свой народ в российское подданство. В ту же эпоху с подобными просьбами к России обратились некоторые народы Закавказья и Центральной Азии. Встречным был интерес передовых общественных деятелей России, особенно ее научных кругов, к народам Востока. Выдающиеся ученые В. В. Радлов, В. В. Бартольд, А. Н. Бернштам и другие внесли крупнейший вклад в изучение киргизской истории. Российская культура открыла миру наше национальное поэтическое сокровище — героический эпос «Манас» с его более чем тысячелетней историей. Позднее эту благородную традицию в отношении народов Востока продолжил Лев Гумилев. Было бы чудовищно и несправедливо предположить, что отношения между Россией и Центральной Азией на каком-то этапе определялись конфликтом цивилизаций, хотя они в своей региональной основе, несомненно, относятся к разным цивилизационным генотипам.

Междоцивилизационное равновесие, как показал советский период, складывается не стихийно, а под влиянием целенаправленной политики по укреплению дружбы народов и интернационалистских тенденций. В современных условиях, когда нередко проявляются ксенофобия, расовая нетерпимость и другие негативные эксцессы, которые могут трактоваться как признаки междоцивилизационного противостояния, именно хорошо продуманная государственная политика в области межнациональных отношений, как на уровне отдельных стран, так и в целом на постсоветском пространстве, представляется особенно актуальной. В свое время в нашей республике огромную роль сыграла национальная идея «Кыргызстан — наш общий дом».

Уважаемые коллеги, законно задаться вопросом: откуда же берутся в мире конфликты, если отношениям между цивилизациями не присущ конфликтный характер? Какие факторы приводили к войнам и ныне порождают в мире конфликты? Анализ исторического процесса показывает, что крупных войн на междоцивилизационных разломах последние пару веков практически не наблюдалось. Две кровавые мировые войны XX столетия и другие события аналогичного плана происходили исключительно на внутрицивилизационной основе и имели межгосударственный и межблоковый характер.

И сегодня в мире есть немало острых конфликтных ситуаций, чреватых военными столкновениями, но вряд ли хоть одну из них можно назвать как имеющую междоцивилизационные корни. На междоцивилизационные разногласия ссылаются те, кто хотел бы подобным путем замаскировать или оправдать применение силы для реализации своих замыслов сугубо материального свойства, особенно в целях контроля рынков нефти, газа и другого стратегического сырья. К этому примыкает проводимая в тех же целях политика внешнего насаждения демократии, инициирование «цветных» революций без должного учета национальных интересов тех

стран, которые попадают под их поток. Где гарантия, что тревожные события в Ираке, проходящие под лозунгом демократизации, или опасная возня вокруг Ирана не выйдут за пределы региона? Вот уже семь лет ведутся Западом военные действия в Афганистане под теми же благородными демократическими лозунгами, конца этой войне все еще не видно и прогресса тоже.

Анализируя события в моем родном регионе — Центральной Азии — и за его пределами, я начинаю лучше видеть и выше оценивать гуманистическое духовное притяжение России для наших народов. Начну с того, что в общем советском доме порядки, конечно, были суровыми, чуть ошибись — и наказания не избежать, но в этом союзном, не всегда ласковом доме входившие в него республики окрепли. Когда пришла лихая пора и Союз предстал перед угрозой развала, Россия не стала удерживать союзные республики под своим административным подчинением, предоставив им право самим определяться со своей судьбой. А ведь, если вдуматься, могло быть и по-другому. В суровых советских условиях Россия выпестовала братские республики и выпустила их в 1991-м в самостоятельное плавание, убедившись, что они в состоянии сами строить жизнь в соответствии со своими национальными традициями и интересами. В постсоветские годы Москва никогда не навязывала партнерам свои сценарии организации политической и социально-экономической жизни, развития демократического процесса, хотя вкладывала, сама находясь в трудных условиях, немалые ресурсы в соседей с целью вывода их из постсоветского системного кризиса. В этом мы всегда видели и видим величие России.

Уважаемые коллеги, не могу не сказать сегодня о том духовном пространстве, которое неустанными усилиями многих народов под определяющим влиянием России веками складывалось на востоке Евразии. Мы всегда по праву гордились общим, неделимым по своей внутренней сути культурным достоянием, которое органично включило в себя культурные богатства республик, с полным основанием называвшихся братскими. В древнюю духовную сокровищницу наших народов наряду со славянским «Словом о полку Игореве», в исследование которого так много сил вложил Дмитрий Сергеевич Лихачев, входили киргизский эпос «Манас», грузинский «Витязь в тигровой шкуре», армянский «Давид Сасунский», азербайджанский «Китаби деде Коркут» и многие другие. Наши писатели, поэты, ученые, мыслители не изолировались по национальным квартирам. Александр Сергеевич Пушкин и Тарас Григорьевич Шевченко для меня, киргиза, были столь же близки, как для русских и украинцев.

Межгосударственное размежевание не означает духовного размежевания наших стран. Затрагиваю данную тему потому, что в последнее время возникает тревога за судьбу складывавшегося веками на востоке Евразии гуманитарного пространства. Самим своим существованием оно оказывало и продолжает оказывать одухотворя-

ющее воздействие на межцивилизационные отношения во всем мире. В этом смысле попытки втягивания Украины и Грузии в НАТО, приобщения их к чужой североатлантической секте могут привести к появлению трещин в нашем общем святилище духовности. Дмитрий Сергеевич Лихачев, будь он сегодня с нами, поднял бы свой голос против вандалистских попыток растащить и разрушить то, что было сделано нашими предками по единению культур, по возвышению гуманистических ценностей, навечно связавших наши народы. Его заветы для собравшихся в этом зале святы.

Уважаемые коллеги, единение постсоветских государств отвечает интересам всех участников этого процесса. Нужны целенаправленные усилия для возрождения единого экономического пространства, существовавшего в предыдущие десятилетия. Оно послужит материальным фундаментом духовной сферы, и наряду с этим нужны, конечно же, зримые проявления духовной общности наших народов в сфере образования, культуры и гуманитарного сотрудничества. В связи с этим я считаю, что надо было бы придать новое качественное измерение гуманитарной сфере в деятельности Содружества Независимых Государств. Возникает мысль о создании гуманитарного университета СНГ, допустим, в Санкт-Петербурге, где новое учебное заведение могло бы опираться на мощную университетскую инфраструктуру. Почему сегодня во всех странах СНГ есть американские и европейские университеты, но нет университета СНГ? Хотя стандарты и традиции университетского образования в России и в других странах СНГ высоки, конкурентоспособны по сравнению с лучшими западными университетами.

Я считаю, что не отработана также система взаимного обучения молодежи в высших учебных заведениях, обмена аспирантами, докторантами, учеными. В СНГ нет даже собственного культурного центра, хотя потребность в нем, я считаю, очевидна. Этот перечень можно было бы продолжить. Духовные связи развиваются не в вакууме, они требуют надлежащей подпитки. Москва, как всегда, остается в этом плане нашей надеждой.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Спасибо, Аскар Акаевич. Коллеги, позвольте пригласить к микрофону Олега Тимофеевича Богомолова — академика Российской академии наук, почетного директора Института международных экономических и политических исследований РАН, доктора экономических наук, профессора.*

О. Т. БОГОМОЛОВ¹: — *Спасибо, господин председатель, за возможность выступить в этом*

¹ Почетный директор Института международных экономических и политических исследований РАН, академик РАН, доктор экономических наук, профессор. Автор книг «Реформы глазами американских и российских ученых» (1996), «Реформы в зеркале международных сравнений» (1998), «Моя летопись переходного времени» (2000), «Размышления о настоящем» (2002), «Анатомия глобальной экономики» (2003), а также учебника для вузов «Мировая экономика в век глобализации» (2007).

уважаемом и авторитетном собрании и поделить-ся мыслями относительно роли демократических ценностей в диалоге культур и цивилизаций.

В век глобализации демократия стала преобладающей формой общественного и государственного устройства в мире, а диктаторские и авторитарные режимы воспринимаются скорее как исключение. И это позитивно сказывается на мировом социально-экономическом развитии, создает лучшие условия для взаимопонимания и сотрудничества народов.

Но мы знаем, что демократические ценности не одинаково понимаются многими и тем более отнюдь не всегда воплощаются в жизнь. Редкий политик сегодня не присягает в верности демократии, но на практике нередко за демократическими декорациями скрываются не демократические режимы, а скорее авторитарные или даже диктаторские. Но в ходе диалога между народами, между цивилизациями все же важно найти более согласованное понимание, что же мы должны вкладывать в понятие демократических ценностей и почему сама жизнь, экономика, политика, общественное развитие требуют мер по развитию демократических институтов и соблюдению демократических норм.

Я хотел бы согласиться с тем, что сегодня сказал Михаил Борисович Пиотровский: призвать к развитию диалога между цивилизациями мы, естественно, должны, но мы это делаем уже в течение многих лет. Очень важно искать более детальные формы обсуждения и нахождения согласия, не ограничиваться общими призывами, а вникать в суть многих сложных проблем, в том числе и в развитии демократии, которая нужна для развития экономики.

Демократического переустройства требует современная экономика, основанная на знаниях и результатах инноваций. Она нуждается в свободных, образованных и независимо мыслящих личностях. Демократия, претворяющая в жизнь свои основополагающие принципы, может стать серьезным фактором экономического роста стран и повышения национальной конкурентоспособности. Более того, она создает предпосылки для утверждения равноправия и справедливости в международных отношениях, способствует мирному разрешению конфликтов, облегчает сближение и взаимодействие цивилизаций.

В теории к главным атрибутам демократии обычно относят обеспечение свобод и прав человека, в том числе на выражение своих взглядов, критику властей, свободное волеизъявление на выборах руководящих лиц и органов, а также участие в контроле за их деятельностью. Это ядро представительной демократии. Ее осуществление предполагает наличие гласности в стране, доступность информации о положении дел в обществе и экономике, прозрачность деятельности избранных органов власти и высших руководителей. Одним из неперенных атрибутов демократии является разделение законодательной, исполнительной и судебной властей, независимость судов и наличие независимых СМИ. Эффективная демократия опирается на развитое

гражданское общество, многопартийную систему, наличие наряду с правящей партией или коалицией также оппозиционных партий, пользующихся равными правами. Развитое гражданское общество предполагает активную деятельность неправительственных организаций.

В международных отношениях к демократическим ценностям обычно относят равные права государств на защиту и обеспечение своего суверенитета и безопасности, мирное урегулирование споров путем приемлемых компромиссов, справедливое распределение преимуществ от экономической глобализации.

Все большее число людей в разных странах разделяют демократические ценности, хотя и остаются немалые различия в понимании и практическом претворении в жизнь этих ценностей. Поэтому важно развивать диалог разных культур и мировоззрений, отыскивая общую почву для сотрудничества демократического устройства в национальных и глобальных масштабах.

Специфические условия стран, исторические традиции, уровень экономического развития, культуры населения и другие обстоятельства не могут не отражаться на конкретных формах общественного устройства, полноте претворения в жизнь демократических начал. На практике имеют место большие или меньшие ограничения в их применении, а нередко демократические декорации служат лишь маскировкой авторитарного правления. Кроме того, современные средства массовой информации и коммуникаций, административные рычаги влияния на поведение людей позволяют манипулировать сложившимися демократическими институтами.

При низком материальном и культурном уровне жизни населения, наследии вековой несвободы попытки ускоренного перехода к демократическому устройству западноевропейского или американского типа могут обернуться извращением сути демократии. Непросвещенными и забытыми житейскими тяготами людьми легко манипулировать. В таких условиях свобода и гласность могут привести к торжеству беспаравия, вседозволенности, разгулу криминала, самоуправству, демагогии, расчистить путь наверх карьеристам и проходимцам.

Утверждение представительной демократии в незрелом обществе не может не быть поэтапным и достаточно длительным процессом, когда право избирать и быть избранным, свобода слова и волеизъявления, доступ к СМИ подвергаются контролю и ограничению со стороны властвующих верхов. Это может делаться, к сожалению, не только во имя поддержания стабильности и порядка в обществе в процессе его подготовки к подлинной демократии, но и с корыстной целью удержания верхами власти на возможно длительное время.

Сегодня и в цивилизованных западных обществах демократия не работает в соответствии со своими основополагающими принципами. Использование рычагов идеологического воздействия и властного давления позволяет направлять волеизъявление избирателей в желаемую сторону.

Кризис западной демократии констатируют многие политологи и политики в Европе и США. Выборы без подлинного выбора и честного учета мнения большинства избирателей, как они заявляют, не позволяют достичь оптимального государственного устройства, обеспечивающего гармоничное развитие общества и миролюбивую внешнюю политику.

Диалог интеллектуальных представителей мировых цивилизаций может способствовать отысканию путей и способов преодоления того, что сегодня выхолащивает смысл основных принципов демократии. Прежде всего, важно обеспечить представительство и защиту интересов основных слоев, классов и групп населения, способствовать нахождению консенсуса по жизненно важным вопросам, консолидации общества и гармонизации различающихся подходов в политике, в том числе и внешней. На общественном согласии основывается доверие к власти. Доверие в международных отношениях — важнейшая предпосылка сохранения мира и развития всестороннего сотрудничества.

К сожалению, во многих частях мира усиливается имущественная и идеологическая поляризация общества. Рыночные и конституционные реформы в переходных обществах сопровождаются имущественным расслоением и духовным разобщением населения. Крутая ломка привычного порядка вещей в России и во многих других странах породила водораздел в общественном сознании и поведении. Между тем не надо доказывать, насколько такое состояние препятствует устойчивому социально-экономическому прогрессу.

Одними призывами к консолидации ее не достичь. Далеко не всегда удастся обратиться в свою веру несогласных с помощью силового и идеологического воздействия на них. На мой взгляд, путь к консолидации идет через разрешение глубоких противоречий общественного бытия, которые так по-разному воспринимает массовое сознание. И не случайно ряд государств пытается смягчить опасные изъяны капитализма и рыночной экономики, усиливая социальную ориентацию государственной политики и демократизируя общественную жизнь. Устранение неоправданного неравенства рассматривается ими как основная предпосылка обеспечения социальной справедливости и гармонизации общественных отношений.

Выход из нарастающего конфликта общественных сил, их глубокого идейного разлада возможен двоякий: либо одна из противостоящих сторон берет верх и силой навязывает свою волю, либо удастся прийти к приемлемым компромиссам, необходимой степени согласия относительно того, что и как надо делать. К сожалению, вместо устранения причин, раскалывающих общество, и поиска путей к согласию и по сегодняшнему дню превалируют попытки дать отпор критикам, отодвинуть их в сторону, не допустить к участию в принятии решений.

Между тем в сегодняшнем мире достаточно примеров синтеза, взаимооплодотворения раз-

личающихся начал, достигаемого в результате компромиссов, или, как теперь часто говорят — конвергенции, а не отрицания одного другим. Можно называть это решением противоречий политическими средствами или сознательным добровольным согласием, или как-нибудь по-другому, важно, что прогресс сегодня становится возможным именно на такой основе, создаваемой введением демократии.

Сказанное в полной мере относится и к противоречиям в международных делах. Здесь использование военной силы, особенно при наличии средств массового поражения и высокоточного, высокотехнологичного оружия, способно привести к огромным человеческим и материальным потерям.

Насильственное насаждение демократии в современном мире, которое практикует американская администрация, приводит, как показывает пример Ирака, к неоправданным людским жертвам и дестабилизирует политическую и экономическую ситуацию в мире. Диалог цивилизаций по вопросам демократических ценностей нужен и для того, чтобы соблюдались нормы международного права и не было соблазна пренебрегать ими под надуманными предлогами.

Другой важной предпосылкой успешного развития экономики является поддержание связи, взаимодействия и взаимопонимания власти и населения, участие народа через демократические механизмы и институты в выработке и осуществлении политики. Важно, чтобы представительные органы, выбранные руководители, а также чиновники, нанятые на средства налогоплательщиков, несли ответственность за свои действия не только перед вышестоящим начальством, но и перед теми, кто за них голосовал и кого их деятельность затрагивает.

Экономика заинтересована в таком государственном устройстве, которое способно обеспечивать бесконфликтность смены высших органов власти и их лидеров, отбор наиболее компетентных, неподкупных и добросовестных руководителей, заслуживающих безоговорочного доверия большинства населения. Личность руководителей, деловые и нравственные качества политической элиты, как известно, решающим образом влияют на выработку политики и ее реализацию. Трудно представить сегодня лучший способ предотвратить ошибки и провалы в политической и управленческой деятельности, чем строгое разделение законодательной, исполнительной и судебной властей, учет мнений не только большинства, но и разумных возражений меньшинства. Нужны независимые контрольные органы в бюджетных и денежных делах, в рассмотрении жалоб граждан. Их выводы должны быть преданы гласности, а виновные в злоупотреблениях и несправедливых действиях привлечены к ответственности.

Российское руководство не раз заявляло о том, что страна будет неуклонно следовать по пути развития демократии, шаг за шагом претворяя в жизнь ее общепризнанные принципы. Но делать это необходимо с учетом национальной специфи-

ки, исторического наследия, состояния политической культуры населения и его элиты. Преодоление кризиса общественного сознания и поведения, нахождение национальной идентификации, обретение понимания общенациональных интересов, наконец, подъем общей культуры и нравственности народа — процесс трудный и постепенный, требующий немало времени. Хотелось бы избежать в нем даже временных поворотов вспять.

В конце концов, надо находить единство даже в противоположных суждениях и подходах. Вот здесь гегелевский принцип единства противоположностей, по-моему, применим. Нужна гармония отношений. Надо искать путем внимательного анализа, внимательного подхода к проблемам основы для взаимодействия. Спасибо за внимание.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Спасибо, Олег Тимофеевич. Среди участников Чтений и такой интереснейший отечественный экономист, как Евгений Григорьевич Ясин — научный руководитель Государственного университета — Высшей школы экономики, доктор экономических наук, профессор.*

Е. Г. ЯСИН¹: — Спасибо, господин председатель, спасибо, дорогие друзья, за возможность выступить перед вами. В особенности большая ответственность ложится на меня в связи с тем, что эти Чтения посвящены Дмитрию Сергеевичу Лихачеву. Я здесь не первый раз, и это связано с тем, что для меня Дмитрий Сергеевич — высший моральный авторитет. И не только для меня, но и для большинства граждан нашей страны и всех людей, которые хоть что-то о нем знают.

Самые важные персоны, которыми гордятся граждане страны, — это военачальники, политические деятели и так далее, но мне кажется, что сейчас наступают времена, которые делают для нас наиболее важными тех, кто способен играть роль морального авторитета, олицетворяет высокие нравственные начала, заставляет каждого человека думать об ответственности.

Известный американский ученый индийского происхождения Дипак Лал анализировал историю цивилизаций и обратил внимание на то, что в основе каждой из них, как ни покажется странным на первый взгляд, лежат категории стыда и вины. Это то, что склеивает человеческое общество, позволяет людям жить вместе и, более того, каким-то образом помогать друг другу улучшать свое благосостояние.

Я хотел бы обратить внимание на то, как складываются в настоящее время взаимоотношения между культурами в мире. Мы переживаем тур-

булентную эпоху, период тектонических сдвигов в мировой экономике, во взаимоотношениях между нациями и государствами, цивилизациями, крупными культурами. И это связано с объективными обстоятельствами. Всего 100–120 лет назад все узловые точки мировых противоречий концентрировались в так называемом «концерте европейских держав». Потом к ним присоединились Соединенные Штаты, Япония, и это всегда приводило к столкновению их национальных интересов.

Во что это обошлось человечеству в XX в., мы хорошо знаем. Но теперь, если мы посмотрим на европейский континент, то увидим, что он выглядит совершенно иначе. Вообще говоря, эти великие державы прошлого кажутся второстепенными игроками, хотя на них приходится значительная доля мирового валового внутреннего продукта и торговли. Все-таки основными игроками на мировой арене оказываются совершенно другие единицы. Во-первых, это Соединенные Штаты Америки и Европа в целом, во-вторых, Китай, далее Индия, исламский мир и, возможно, Латинская Америка. Каждая из этих единиц включает примерно по миллиарду человек населения или даже больше. Это совершенно другие единицы.

Что еще важно: если в Европе столкновения были между национальными государствами одной культуры, то здесь мы действительно имеем дело со взаимоотношениями разных культур. Картина, которую мы сейчас наблюдаем, выглядит примерно следующим образом: западный мир теряет долю в мировом населении и долю в мировом объеме производства. Многие по этому поводу расстраиваются. И я полагаю, что господин Хантингтон, когда выступил со своей книгой о столкновении цивилизаций, имел в виду это обстоятельство. Я напому еще одну, более давнюю книгу — «Закат Европы» Освальда Шпенглера.

Хантингтон предупреждал, что Западу надо бояться остальной части мира, потому что хотя на Западе и живет 13 % населения планеты, и они пока еще производят 40 % ВВП, неизвестно, что будет дальше. Подсчеты, скажем, компании «Голдман Сакс» говорят о том, что очень скоро страны БРИК (Бразилия, Россия, Индия и Китай) будут выпускать продукции больше, чем все страны «большой семерки». По этому поводу возникают многочисленные тревоги. Действительно, экономика Китая растет примерно на 10 % в год; Индия, которая имеет гораздо более низкие показатели сбережений, демонстрирует в последние годы 9 % и очень быстро поднимается, в том числе и по своим позициям в мировом рейтинге. Россия в настоящее время имеет неплохие результаты по сравнению с другими странами. Но даже если взять только Индию и Китай, то это 2,5 млрд человек населения — в 4 раза больше, чем население Европы по любым оценкам.

Возникает вопрос: что будет, когда центры мировых экономических решений переместятся в Пекин, в Дели? С моей точки зрения, опасения

¹ Научный руководитель Государственного университета — Высшей школы экономики, доктор экономических наук, профессор. Автор книг «Хозяйственные системы и радикальная реформа» (1989), «Как поднять экономику России» (1996), «Малое предпринимательство в России: прошлое, настоящее и будущее» (2003), «Приживется ли демократия в России» (2005), учебного пособия «Российская экономика: истоки и панорама рыночных реформ» (2002) и многих других.

преувеличены, и здесь тоже есть определенные противоречия. Я предпочел бы, чтобы мы поняли, о чем идет речь, когда мы слышим, что какие-то злые силы изобретают всякого рода угрозы во взаимоотношениях между народами или что надо решать все проблемы мирным путем. А речь идет вот о чем: в настоящее время Китай и Индия проходят фазу поздней индустриализации, они опираются на свои сильные конкурентные преимущества, прежде всего — на дешевую рабочую силу, причем, если брать Китай, довольно высокого качества, дисциплинированную, легко обучаемую. И они имеют возможность использовать западные технологии, которые массовым образом внедряют, причем в Китае — даже не заботясь о правах интеллектуальной собственности.

Значит, работу по подъему Китая, кроме самих китайцев, делают западные транснациональные корпорации, которые приходят туда потому, что это огромный рынок и дешевая рабочая сила. 2/3 китайского экспорта в Соединенные Штаты — это продукция предприятий, построенных с участием американского капитала, которые пользуются американскими лицензиями. И те же самые транснациональные корпорации являются лоббистами китайских товаров на американском рынке. Вот такая ситуация складывается. Тем, кто полагает, что развитые государства эксплуатируют развивающиеся страны, я должен сказать: посмотрите на современный мир. Вы наблюдаете ситуацию, когда крупнейшие развивающиеся страны поднимаются благодаря развитым.

Есть одно обстоятельство, которое до сих пор действовало в пользу Запада. С тех пор как в Европе началось Новое время и родился капитализм, приведший к современному экономическому росту, экономика была и остается инновационной. **Капитализм — это инновационная экономика.** Сейчас мы, россияне, говорим об инновационной экономике и полагаем, что это некое новое явление. В действительности оно не совсем новое, оно существует уже несколько веков. Вспомним хотя бы время промышленной революции в Англии. Это был поток инноваций, который коренным образом изменил ситуацию. Но это стало возможно только при одном условии — инновации оказались основаны на вовлечении в хозяйственный оборот огромных запасов полезных ископаемых, первичных ресурсов земли. А до того существовала аграрная цивилизация, которая базировалась на воспроизводимых ресурсах. Проблема заключается в следующем: сегодня у Запада нет тех преимуществ, которые он использовал раньше. Нет больше дешевой рабочей силы, нет возможности побивать по производительности индийских ткачей.

Но одно преимущество у Запада еще есть. Западная цивилизация, включая и Соединенные Штаты Америки, и Россию, обладает одним важным свойством — она способна производить инновации. Инновация — это не отдельные случаи изобретений, например атомной энергетики или космических ракет. Это означает, что в составе

внутреннего валового продукта должно быть по крайней мере 10–15 % продукции, которая является инновационной для рынка, которую замещают в других странах.

Мы должны понять следующее: европейская цивилизация серьезно изменилась за последние десятилетия. Практически все страны этой цивилизации относятся к числу демократических. Я присоединяюсь к тому, о чем говорил Олег Тимофеевич Богомолов, и считаю это исключительно важным. Демократия — это не просто благие пожелания. Это для нас жизненная необходимость — потому что инновационные каноны, инновационное общество становятся для России, единственной гарантией экономического роста. Нефть уже не является источником экономического роста. Начиная с 2004–2005 гг. добыча нефти в России не увеличивается. Растет стоимость добываемой нефти, но не добыча. Это относится и к газу. Есть другие источники, в частности рыночные реформы 1990-х гг., целый ряд иных факторов, которые нам благоприятствуют. В том числе и деньги, которые поступают из-за рубежа. Но это либо временные факторы, либо невозпроизводимые ресурсы. Их надо заменить. Мы — европейская цивилизация, для нас важно производить инновации. Тем более что свободных трудовых ресурсов не будет.

А для того чтобы производить инновации, нужны определенные условия, в том числе и прежде всего — демократическая система, позволяющая избавиться от коррупции и воспитывать свободных людей, у которых голова свободна для творчества и мысль не обременена никакими привходящими ограничениями. Мировая практика показывает, что это именно так. Вот ведь поразительные факты: среди лауреатов Нобелевской премии на сегодняшний день всего 9 китайцев — и те либо родились в Соединенных Штатах, либо получили там образование и прожили не менее 10–12 лет. Та же самая картина в Индии; правда, индийцы получают британское образование. Один индийский парламентарий в свое время обращался к Индире Ганди: «Госпожа премьер-министр, почему индийцы так успешно строят свою карьеру за границей и не могут сделать это в нашей стране?» Объяснение простое: Индира Ганди не виновата — это вопрос того, какие институты и какая культура сформированы в стране. И для России на сегодняшний день культура является первостепенным фактором развития, в том числе развития экономики. Перед нами культурный барьер — и в политической области, и в экономической, и в социальной. Нельзя с этими вопросами обращаться только к правительству. Мы должны обращаться к каждому, к самим себе. Это чрезвычайно важная задача для нас. И если бы мы решили эту задачу, Дмитрий Сергеевич Лихачев был бы счастлив.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *В работе VIII Международных Лихачевских научных чтений принимает участие замечательный писатель, председатель Правления Российского детского*

фонда, академик Российской академии образования, почетный доктор нашего Университета Альберт Анатольевич Лиханов. Альберт Анатольевич, Вам слово.

А. А. ЛИХАНОВ¹: — Уважаемые коллеги, я полагаю, что Лихачевские чтения в Петербурге — это тот форум, где надо поднять общий голос в защиту литературы в школе. Сам Дмитрий Сергеевич Лихачев — бесспорный проводник древнерусской литературы и культуры. Петербург — град Пушкина, и этим все сказано. Лихачев о Пушкине сказал так: «Нам необходимо пройти хоть немного вместе с Пушкиным по путям, оставленным им для нас в своей поэзии. Он служит нам и в любви, и в горести, и в дружбе, и в думах о смерти, и в воспоминаниях. Это первый поэт, который открывается нам в детстве и остается с нами до смерти».

Министерство образования и науки, не признавая литературу базовым школьным предметом, включило ее в так называемый гуманитарный цикл вкупе с иностранным языком, географией, историей, обществознанием и искусством. Базовым остается русский язык. Но ведь русский язык невозможен без литературы, как и русская литература без русского языка. Приведу статистические данные. Летом 2007 г. единый госэкзамен сдало 869 тыс. выпускников; из них только 909 получили наивысшие 100 баллов, а по литературе во всей стране — 0,001 %. Литература изгоняется из числа экзаменационных предметов. Учить наизусть стихи Пушкина учителя нынче советовать не решаются, министерских лицензий нет.

Я лично свидетельствую: во многих городах русские дети толком не могут связать и трех фраз о Пушкине. А Лихачев писал: «Русская классическая литература — это грандиозный диалог с народом, это обращение к совести читателей». Выходит, кто-то строит стену между литературой и совестью народа. Но кто спросил об этом народ?

Нынешней весной Детский фонд в рамках своего проекта, названного «Мир детства: грамотность, нравственность, творчество», провел в Белгородской области конкурс школьных сочинений «История моей семьи в истории моего края». В нем приняло участие 90 тыс. (!) детей с 5-го по 11-й классы. На первом межшкольном уровне объявлено 8 тыс. победителей, а в окончательном финале — 500. Я читал некоторые из этих сочинений. Сколько в них нежности к родителям, к бабушкам и дедушкам, к предкам дальним! И какой чистый родник детского

¹ Писатель, председатель правления Российского детского фонда, директор Научно-исследовательского института детства Российского детского фонда, академик РАО, президент Международной ассоциации детских фондов, почетный доктор СПбГУП. Сфера научных интересов — права ребенка и защита детства. Основные публикации по данной тематике: «Права ребенка», «Социальный портрет детства в России», «Охрана детей-сирот», словарь-справочник «Детство», «Белая книга детства в России», «Недетские заботы Детского фонда», «Драматическая педагогика», «Письма в защиту детства», «Страна детства: диалоги», «Философия детства», «Преддетство».

мира открылся мне! И ведь все это рядом с интернетовскими блогами, с вульгарным сленгом больших городов. Смее уверить, дети хотят читать, хотя страдают героям литературы, возвышаясь душой, но их хомутают, стреножат, как жеребят, и ржать-то даже научают не по-русски.

Дорогие единомышленники, без чистоты языка нет ясности помыслов. Без душевного раздумья, чем полна литература, душа пуста. Дебилизация всей страны должна быть приравнена к угрозе национальной безопасности. Как говорил Лихачев, нация, которая не ценит интеллигентность, обречена на гибель. Я предлагаю сформулировать обращение нынешних Лихачевских чтений к Президенту и главе Правительства России с протестом против исключения литературы из базовых предметов школьного курса.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Спасибо, Альберт Анатольевич. Я думаю, что голосовать мы не будем, но аплодисменты можно расценивать как согласие с Вашим предложением. Я вижу, что и учителя аплодируют тоже.*

В этом зале сегодня находится один из крупнейших европейских правоведов, академик Российской академии наук, академик Академии наук Украины, директор Института государства и права им. Корецкого Академии наук Украины Юрий Сергеевич Шемшученко. Юрий Сергеевич, предоставляю Вам слово.

Ю. С. ШЕМШУЧЕНКО²: — Уважаемый председатель, уважаемые участники нашего форума, я с большим удовольствием принял приглашение участвовать в этом мероприятии и хочу сказать, что гуманистические идеи, которые принадлежат Дмитрию Сергеевичу Лихачеву, имеют не просто национальное, всероссийское, но и широкое международное значение. Эти идеи хорошо известны в Украине. Одним из их сторонников является президент нашей Академии наук Борис Евгеньевич Патон. Он просил меня передать приветствие нашему форуму и пожелать плодотворной работы и успехов.

Мы сейчас готовимся к 90-летию Национальной академии наук Украины. Те дружеские связи между Российской Академией наук и Академией наук Украины, которые всегда были и сейчас продолжают, я убежден, будут развиваться, базируясь именно на гуманистических идеях и гуманистических традициях. Не народы производят конфликты, конфликты производят политики. Народы только пожинают негативные плоды соответствующих конфликтов. Нам, безусловно, надо причины этих конфликтов глубоко вскрывать, и я полагаю, что наш форум направлен именно на это. Что касается ученых, то мы не испытываем больших трудностей в контактах.

² Директор Института государства и права им. В. М. Корецкого Национальной академии наук Украины, академик Национальной академии наук Украины, иностранный член Российской академии наук, доктор юридических наук, профессор. Автор книг «Государственный и общественный контроль в области охраны окружающей среды» (1988), «Правовые проблемы экологии» (1989), «Природа и закон» (1991) и др.

Сейчас есть и определенные материальные условия для развития отношений. Я глубоко убежден, что на уровне ученых содружество будет продолжаться и далее.

Как ученый-юрист, я хотел бы затронуть некоторые из упомянутых здесь вопросов. Фихте в свое время писал, что мы живем в условиях пустой демократии. Это можно экстраполировать и на наше время, на условия, в которых живут наши бывшие союзные республики, а теперь — независимые государства. Демократия в значительной степени опустошена и служит прикрытием часто некорректных, скажем так, действий политиков. Вопрос состоит в том, чтобы вскрыть и показать глубинную сущность демократии в плане ее конкретной реализации. Насколько современная демократия служит интересам народа? Мы знаем, что демократия означает власть народа, но как это осуществляется в действительности? Это большая практическая проблема, и ее анализ — серьезная задача для теории. Я думаю, что этот вопрос будет обсуждаться на нашем форуме.

Конечно, проблема культуры, проблема единения народов в этом отношении довольно многогранна. Как юрист, я хотел бы отметить, что составной частью культуры является правовая культура. Уровень правовой культуры сегодня очень низкий, и это проблема не какого-то отдельного государства, а цивилизаций в глобальном масштабе. Я когда-то выдвигал идею (надеюсь, смогу ее осуществить): созвать Всемирный конгресс «Право и культура» — специальный конгресс, где можно было бы обстоятельно поговорить на эту тему, поскольку она действительно носит глобальный характер.

Мне представляется важным отметить, что в рамках Чтений предполагается дискуссия, в том числе и на тему права, в частности — на специальной секции, которая будет работать завтра. В области глобальных правовых проблем огромное количество нерешенных вопросов. Но особо требуется отметить вопрос об экологическом праве. Мне в свое время довольно много приходилось заниматься этой проблемой. В качестве примера хочу подчеркнуть, что на уровне сообщества юристов России, Белоруссии, Украины, Казахстана еще в рамках Советского Союза мы разработали идею о праве человека на благоприятную экологическую среду. Этот результат нашей совместной работы был потом воплощен в конституциях независимых государств.

Но, как ни странно, сегодня на глобальном уровне это право практически не закреплено в соответствующих конвенциях, соглашениях. Поэтому национальное законодательство в данном плане идет впереди международного права, хотя существует приоритет международного права по отношению к национальному. В связи с этим и в контексте нашего разговора актуальной представляется проблема разработки и принятия глобальной экологической конституции Земли (можно назвать ее Глобальным экологическим кодексом). В этой конституции на международном уровне целесообразно закрепить право человека на экологически безопасную,

здоровую окружающую среду. Это способствовало бы имплементации норм международного права в данной части внутреннего законодательства, а стало быть, решению тех сложнейших насущных вопросов, которые существуют в сфере экологии сегодня.

Полагаю также, что результаты работы нашего форума будут представлять интерес действительно для всех стран, и мы тоже соответствующим образом отнесемся к ним. Благодарю за внимание.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Юрий Сергеевич, спасибо. Работу вашей секции мы будем расценивать как первую репетицию грядущего Международного конгресса «Право и культура». Я думаю, что через два года мы проведем его в этом зале.*

Слово предоставляется Чрезвычайному и Полномочному Послу Азербайджанской Республики в Российской Федерации, одному из самых любимых артистов нескольких поколений советского народа Поладу Бюль-Бюль оглы.

П. БЮЛЬ-БЮЛЬ ОГЛЫ¹: — Я очень горд, что участвую в столь представительном научном форуме — Лихачевских чтениях. Мне посчастливилось лично знать Дмитрия Сергеевича, общаться с этим великим человеком.

По роду и характеру своей деятельности я участвую в этом высоком форуме и как композитор и певец, и вместе с тем как деятель культуры, около двух десятилетий возглавлявший Министерство культуры Азербайджана, а в последние годы работающий послом своей страны в Российской Федерации, являясь одновременно генеральным директором Международной организации ТЮРКСОЙ. Я понимаю, как сложно в переходные моменты истории не дать распасться национальным духовным ценностям. Еще труднее продолжать развивать их в русле диалога и партнерства. Я являюсь убежденным сторонником идеи самоценности и уникальности культуры каждого народа при обязательном сохранении общности и целостности культурного пространства Евразии и всего мира. Наше поколение помнит, как начиналась и чем ознаменовалась перестройка. Каждый из нас в отдельности и гражданское общество в целом до сих пор болезненно переживает ее последствия.

Вполне очевидно, что различные этнокультуры не могут развиваться изолированно от внешнего мира. Но, к сожалению, диалог культур и цивилизаций сегодня все больше подменяется декларативными заявлениями. Несомненно, в ходе наших дискуссий представители высокой академической элиты, наверное, смогут дать квалифицированное научное толкование самому понятию «диалог культур». Как творческий человек и функционер от культуры, лично я воспринимаю глобальный диалог культур и цивилизаций не

¹ Посол Азербайджана в РФ, доктор искусствоведения, профессор, народный артист Азербайджана. Автор книги «Культурная политика в Азербайджане» (2003; в соавт.) и ряда других публикаций.

как философскую субстанцию, а как нечто живое, вполне осязаемое и ощущаемое. На мой взгляд, этот термин подразумевает взаимопроницающее духовное общение между людьми, каждодневное и осознанное движение навстречу друг другу целых народов и региональных сообществ.

Думаю, что будет правильно рассматривать диалог культур в контексте геополитических, экономических, социальных реалий современности. При этом нельзя не учитывать происходящие в мире сложные межнациональные, межконфессиональные процессы, и даже, если хотите, наличие отдельных корпоративных интересов. В этом смысле хочу акцентировать ваше внимание на опыте своей страны и обзорно представить панораму современного азербайджанского общества, его подходы к насущным проблемам межнациональных отношений. Постараюсь сделать это на примере стремительно растущих двусторонних связей между Азербайджаном и Россией, имеющих для моей страны приоритетный характер.

Общеизвестно, что Азербайджан в силу своего географического положения на протяжении веков был перекрестком, где соприкасались этносы и религии, высокие идеи выдающихся мыслителей, поэтов и геополитические интересы различных держав. Все это предопределило характер той среды, в которой сложилась современная азербайджанская нация. XX столетие для Азербайджана — время сложных исторических катаклизмов на фоне нарастающего духовного прорыва национальной культуры. Буквально через пару дней — 28 мая — наша страна будет праздновать 90-летний юбилей Азербайджанской Демократической Республики. Эта дата играет большую роль в исторической судьбе всех тюркоязычных народов, потому что демократическая республика в Азербайджане была, по сути, первым на Востоке государством, основанным на широко декларируемых ныне принципах западной демократии. Исторический опыт этой республики, павшей под натиском большевиков, стал для последующих поколений примером приверженности открытому гражданскому обществу, ориентации на политическую взвешенность, толерантность, нравственным уроком преданности национальной идее.

Будет, кстати, нелишне вспомнить сегодня, что значительная часть когорты лучших сынов Азербайджана прошла школу духовного становления в России и выросла на высоких идеалах русского патриотизма. Анализируя духовно-нравственную атмосферу Азербайджана уже в составе СССР, нельзя не заметить, что в судьбе нашего народа отчетливо отразились как позитивные, так и негативные последствия коммунистического режима — мировоззренческие, духовные установки, идеологические перегибы этой формации. Стремительный экономический и индустриальный рост, развитие различных сфер социальной жизни, образования, науки, культуры и искусства были всего лишь показательно-парадной стороной общественной жизни той поры. Ведь большевистские гонения на людей по принципу их классовой

принадлежности и социального статуса, а затем устрашающие сталинские репрессии, репатриации по национальному признаку не обошли стороной и Азербайджан. Они привели к уничтожению лучших представителей национальной элиты. Но Азербайджан, и в первую очередь город Баку, по-прежнему находился на стыке цивилизаций, органически сопрягал в себе различные культурные традиции, выполняя функцию некоего «плавильного котла» для рождения новой поликультуры. Здесь элементы восточной культуры, особенности менталитета переплетались с классическим европейским наследием, новаторскими методами творческих исканий. Примечательно, что даже в это непростое время азербайджанская литература, поэзия, культура и искусство переживали период наибольшего творческого подъема.

Абстрагируясь от сугубо политических процессов, надо признать, что соотношение советского и национального в Азербайджане в духовной сфере хотя и имело ряд общих для всего СССР признаков, но характеризовалось некоторыми особенностями. Так, в XX в. Азербайджан вынужден был пережить три кардинальные реформы своего алфавита. В 1920-е гг. был осуществлен переход от арабской графики на латиницу, в 1939-м — перевод азербайджанской письменности с латиницы на кириллицу, а в 1990-е гг. — возвращение к латинице. При этом если алфавитная реформа перевода на латиницу характеризовалась наличием определенного переходного периода, то сталинская реформа отличалась жесткой директивностью и скоротечностью исполнения. Все это не могло не отразиться негативно на сохранении литературной и образовательной оболочки духовно-культурного континуума. Естественно, что именно литература, театр, кинематограф, а позже и телерадиовещание, являясь приоритетными и наиболее доступными составными духовной жизни народа, ощущали на себе наибольший прессинг тоталитарно-идеологического контроля.

Однако вопреки всем волюнтаристским перегибам, свойственным советской культурной политике, азербайджанская культура даже в эту сложную эпоху сумела избежать опасности полного нивелирования, сумев сохранить свою национальную идентичность. Во всех сферах художественного творчества создавались пронизанные общечеловеческими идеалами, отвечающие вызову времени произведения, самобытные по колориту, основанные на высоких образцах национальной классики. Особенно это было заметно в музыке. Я думаю, что все знают музыку нашего великого композитора Узеира Гаджибекова — основоположника национальной профессиональной школы, создателя первой на всем мусульманском Востоке оперетты «Аршин Мал Алан». По этой оперетте был снят популярный фильм, а песни из него пела вся наша страна. Что интересно, Узеир Гаджибеков является как автором гимна первой Демократической Республики, так и автором гимна, который звучал во времена советской Республики Азербайджан.

Мой отец Бюль-Бюль был очень популярным народным певцом, исполнял мугамы, народные песни, в 1930-е гг. он поехал в Италию, где 4 года учился в «Ла Скала» и прошел европейскую школу пения. Вернувшись в Азербайджан, он создал целую школу молодых талантливых певцов, которые сочетали в своем творчестве восточный и европейский стили пения. В моей памяти навсегда останутся музыкальные праздники, связанные с именем и гением великого маэстро, бакинца Мстислава Ростроповича. Вобрав в себя с детства особый колорит азербайджанской музыки, он сумел в дальнейшем стать ярким выразителем высокой духовности российской культуры, был как бы живым проводником между нашими культурами.

Баку подарил миру таких замечательных людей, как Лев Ландау, Рихард Зорге, Белла Давидович, Николай Байбаков. А без нашего легендарного земляка Фармана Салманова, который был первопроходцем в освоении нефтегазовых богатств Сибири, трудно представить сегодняшние успехи российских нефтяников.

Опираясь на эти примечательные факты, хочется еще раз констатировать: «Вот он, путь к подлинному диалогу культур». Определенная либерализация общественной системы, вошедшая в историю Советского Союза как период «оттепели», дала дополнительный стимул развитию творческой инициативы и активных художественных поисков. Можно сказать, что 1960–1970-е гг. были значимым периодом развития азербайджанской культуры. Появилась когорта азербайджанских литераторов. Некоторые из них свободно пишут свои книги сразу на двух языках — азербайджанском и русском. В своем творчестве они сочетали общее и специфическое, национальное. В начале 1990-х гг. становление новой культурной политики в Азербайджане характеризовалось большими трудностями, вызванными общим системным кризисом. Но даже в тех условиях в стране удалось сохранить накопленный культурный потенциал.

Определяя концептуальные основы новой культурной политики, Азербайджан остался верен многовековым традициям поддержания культурного многообразия. Особое место отводится развитию культурного сотрудничества на международном уровне, одним из приоритетных направлений которого является участие в гуманитарных проектах СНГ. Азербайджан стремится правильно осмыслить свое место и перспективы развития культуры и в глобальном масштабе. В связи с этим мы считаем себя ответственными за обогащение культурного многообразия современного мира, стараемся внести в него свою лепту. Все сказанное дает основание утверждать, что по-своему уникальный опыт нашей страны, открытой одновременно и Западу, и Востоку, является одним из интересных образцов практического решения проблем диалога культур и партнерства цивилизаций. Колоссальный опыт человечества, поставленный на службу идеям пассионарности и открытости социума, доказывает, что культура, а еще в большей степени искусство — одни из важнейших эмоционально окрашенных средств коммуникабельности. И толь-

ко от нас самих зависит, как мы распорядимся этим опытом — разумно или будем продолжать толкать наш мир к хаосу и конфронтации.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *На трибуну Лихачевских чтений приглашается Владимир Петрович Козлов — член-корреспондент Российской академии наук, профессор, руководитель Федерального архивного агентства России.*

В. П. КОЗЛОВ¹: — Спасибо. Уважаемые коллеги и дорогие друзья! В многогранном универсальном творческом наследии Дмитрия Сергеевича Лихачева есть целый блок работ, как научных, так и публицистических, посвященных нашему историко-культурному наследию, в первую очередь — его сохранению. Какое мужество надо было иметь, чтобы писать об этом в советские времена! Проблема сохранности историко-культурного наследия, поставленная Дмитрием Сергеевичем Лихачевым, сохраняет актуальность и сегодня, и не только применительно к нашей стране.

Что на сегодняшний день осталось от древних цивилизаций? От египетской — пирамиды и несколько сотен тысяч папирусов, от Вавилона — случайные таблички, от Древнего Рима — только сочинения, сохранившиеся в средневековой рукописной традиции. Современная цивилизация делает очень много для того, чтобы развивалась культура — разумеется, на новых основаниях и в новых формах. И она же одновременно, мне думается, создает огромные угрозы уничтожения историко-культурного достояния человечества. Мы являемся свидетелями событий последних лет, когда очень многие ценнейшие памятники историко-культурного наследия просто уничтожались: в силу человеческого невежества, в военных конфликтах, в результате техногенных катастроф. Тема сохранения историко-документального достояния нашей страны, человечества должна стать постоянной в Чтениях, посвященных Дмитрию Сергеевичу Лихачеву. Предлагаю в последующие Чтения обязательно включать секцию по обеспечению сохранности историко-документальных ценностей. Спасибо за внимание.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Слово предоставляется господину Джагдиш Чандра Капур (Индия).*

Д. Ч. КАПУР²: — Господин председатель, в связи с тем, что тема нашей сегодняшней дискуссии — диалог культур и партнерство цивили-

¹ Руководитель Федерального архивного агентства, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор. Направления научных исследований — история общественной мысли, археология, архивоведение. Автор научных работ «История государства Российского Н. М. Карамзина в оценках современников» (1989), «Российское архивное дело» (1999), «Кружок М. И. Мусина-Пушкина и “Слово о полку Игореве”»: новые страницы истории древнерусской поэмы в XVIII в.» (1988) и др.

² Президент фонда «Капур Сурия», сопредседатель Мирового общественного форума «Диалог цивилизаций», доктор философии, профессор. Автор работ “India: an uncommitted society” (1982), “The Human condition today: some new perspectives” (1988) и др.

заций, я хочу задать вопрос: какие культуры, какие цивилизации, собственно, мы собираемся ввести в состояние партнерства и диалога? С одной стороны, в мире есть культуры, которые существуют уже тысячи лет. Каждые поколения их развивают, возникают новые идеи и новые системы, происходит эволюция и развитие культур. С другой стороны, имеются культуры, в которых каждое технически существенное изменение или революция устраняют предыдущую культуру, и появляется новая. В основе цивилизации здесь — система производства. Культура выражается через то, в какие магазины вы ходите за покупками. Но разве магазины — это то, что мы называем культурой? Нет. Поэтому я хотел бы спросить: когда мы говорим о культуре, какие культуры мы имеем в виду?

И второе, что я хочу знать: когда мы говорим о цивилизациях, то о каких цивилизациях идет речь? Сегодня некоторые из них доминируют, другие хотят изменить ситуацию в мире. К чему пришел мир? Довольны ли мы тем миром, который сейчас видим вокруг себя? Мы видим величайший гуманитарный кризис, кризис психологии и психики, кризис экологии. Куда ни посмотрим — все находится в состоянии кризиса! Это не тот мир, в котором мы хотим жить и оставить его потомкам.

Но в каком мире мы хотим жить? Когда мы говорим о партнерстве цивилизаций — партнерство во имя чего, в каких целях? Партнерство для того, чтобы создать общечеловеческую цивилизацию или укрепить сегодняшнюю ситуацию? Мы собираемся создать партнерство, чтобы формировать новый порядок или все время развивать старый? Это фундаментальные вопросы, которые мы должны продумать. Что даст нам это партнерство?

Все многообразие современных культур развивалось на протяжении веков. Причинами этого многообразия были разные условия жизни, верования, этические и моральные принципы, уровень развития науки. Многие культуры уходят корнями в глубокое прошлое и имеют тысячелетнюю историю, особые религиозные взгляды на природу, единство и уникальность своей культуры, взаимосвязь всех явлений жизни. Процесс эволюции культур продолжается, и это помогает поддерживать баланс в развитии их многообразия.

На многие современные культуры большое влияние оказали технические, экономические и материальные факторы. Но культура не находится в прямой зависимости от науки и технологии. Научный прогресс не приводит к развитию общечеловеческих ценностей; да и сама современная наука достигла этапа дисбаланса и не сопряжена с духовными и моральными понятиями. Более того, в науке сейчас подвергается сомнению сам вопрос существования материального, так как считается, что все вещественное состоит из энергетических частиц. Но то, что материя всего лишь иллюзия, есть основное верование многих древних культур. Наука, потеряв руководящие этические принципы, либо должна перейти на новый

виток своего развития и выработать духовную составляющую, либо она вовлечет человечество в длительный кризис культур и цивилизаций во всех областях и сферах их существования.

Последствия глобализации и вооруженной защиты политики сверхпотребления есть проявления этого процесса и стремлений к мировому господству. Совокупность принципов такого общества направлена на поддержку системы вседозволенности. Глобализация потребительской культуры также подрывает распространение вечных человеческих ценностей. Создается иллюзия, что мы вступаем в новую эпоху развития человечества, тогда как на самом деле стремительно движемся к концу, истощая экологические, физические, человеческие и духовные ресурсы.

Понимание законов развития многовековых культур, основанных на пантеистических верованиях, осознание их духовного наследия, их отношения к окружающему миру поможет навести мосты между материальным и духовным, раскрыть причины экологических, социальных, моральных трагедий, разыгравшихся в XXI в. Некоторые культуры Востока, основанные на глубоко укоренившихся этических запретах и ограничениях (в отличие от принципов общества потребления), и иерархическая система конфуцианской религии дадут импульс к формированию нового образа жизни, основанного на сочувствии и сострадании, тем самым внося неопределимый вклад в развитие будущего человечества. Но возникает вопрос: позволит ли мировая политика агрессии и насилия перейти к мирному сосуществованию?

С колониальных времен укоренился принцип укрываться за красивыми словами о гуманистических целях, демократических свободах, правах человека, несении цивилизации отсталым народам. На деле же основной задачей было включение экономики развивающихся стран в финансовую систему, контролируемую небольшой группой людей. Системы, претендующие на мировое господство, обладая огромной военной мощью и считая себя непобедимыми, пытались остановить или запретить новые пути и способы развития человечества (примером могут служить их действия в отношении Советского Союза). Развитие цивилизации может протекать гармонично только в том случае, если человек осуществляет контроль и вмешательство мягко, как это было в доколониальную эпоху. Но когда начинают влиять внешние факторы — технологические, колонизаторские — гармония развития исчезает.

Многие нации и страны с высокоразвитой культурой вынуждены были отступить под таким могучим натиском потребительской цивилизации. Уровень экономического развития в таких странах напрямую зависит от того, насколько это выгодно господствующим государствам. Другими словами, произошел переход от культур с морально-этическими принципами ограничения и порядка к постоянному потреблению, проявлению низменных качеств, проповедуемых СМИ и защищенных военной мощью. Все это привело к росту нестабильности в мире.

Надо ли приспособлять духовные принципы древних культур к чуждым им взглядам технократической цивилизации? Такие высокие моральные понятия, как «нирвана», «Спаситель», «духовный потенциал человека», бесконечно далеки от мира, где почитают Маммону, где повсеместное развитие технологий и устройств намеренно ограничивает мыслительные способности человека, где идет постоянная «промывка мозгов» СМИ и существует врожденное неприятие религиозных принципов.

Массовые проявления нетерпимости, терроризма, геноцида, нищеты и войн есть следствия обесценивания высоких человеческих принципов. Этот путь ведет к социальным конфликтам и экологической катастрофе.

Развенчание фальшивых ценностей политики потребления невозможно без создания гуманистической замены. Необходимо защитить тысячелетнюю историю накопления духовного потенциала, культурных традиций и религиозных принципов. Следовательно, возникла потребность в новом восприятии мира.

Не надо забывать, что многие концепции XIX в. еще владеют умами, лишь несколько видоизменившись к XXI в. Например, в феврале 1835 г. британцы пытались получить контроль над всей Индией. Общий и политический деятель лорд Маколей произнес историческую речь в Британском парламенте, традиционно называемую «Индийские тезисы», в которой он обрушился на веками существующую в Индии систему образования. Вот что он сказал: «Я проехал вдоль и поперек по всей Индии и нигде не увидел нищих или воров. Я наблюдал такое благосостояние, такие высокие моральные ценности, таких достойных людей, что, думаю, мы никогда не сможем завоевать эту страну, если вначале не уничтожим ее культурное и духовное наследие, своеобразный спинной хребет этой нации. Для этого я предлагаю заменить ее древнюю систему образования и культуру. Если индийцы будут считать, что все иностранное и английское хорошо, лучше, чем их собственное, то они потеряют самобытность и самооценку и станут теми, кем мы хотим — полностью покоренной нацией».

Как могут народы спасти свое культурное наследие от все усиливающегося натиска разрушительных сил? Как можем мы сохранить потенциал и эффективность диалога культур как способа мирного сосуществования? В условиях иллюзорных фундаменталистских концепций развития общества, агрессивных намерений господствующих стран глобального мира готовы ли мы принять изменяющиеся условия реальной жизни и всгупить борьбу с теми, кто посредством социальных изменений пытается причесать весь мир под гребенку цивилизаторской модели, навязать свое видение демократии, прав человека, справедливости?

Мы стоим на распутье в этот важный момент истории человеческой цивилизации. Весь мир может пойти по пути унификации культур и глобального потребления, что приведет к духовной разобщенности, хотя и к экономической и финан-

совой близости. Каждое современное научно-технологическое достижение толкает мир в пропасть непонимания, невозможности выживания.

Поэтому наша единственная надежда на создание общечеловеческих ценностей — диалог цивилизаций. Кроме этого, необходимо снизить влияние потребительских ценностей, пересмотреть границы влияния свободной рыночной экономики и усилить значение морально-этических понятий в политике. А современные структуры власти именно этому пытаются противостоять.

Одной из причин распада социалистической системы можно считать материалистическую идеологию физического строения Вселенной и понятия сознания и декартовский принцип разделения духовного и материального. Эти две стороны восприятия мира существовали независимо друг от друга: духовное принадлежало области культуры, а материальное — цивилизации.

Система свободных рыночных отношений, развязавшая руки капиталу и забывшая, что капиталистические блага не существовали бы без труда, также избрала принцип декартовского разделения, существования тела без души, когда аппетиты завоевателей разжигаются поисками все более мощного оружия в мире возрастающей жестокости и конфликтов. Нам надо вдохнуть душу в это тело и попытаться найти новую концепцию дальнейшего развития при помощи синтеза двух вышеупомянутых видоизмененных систем: более ответственной и контролируемой рыночной экономики и более духовной социалистической системы.

Такая попытка создать смешанную экономику была предпринята в Индии, но в последнее время, после развала Советского Союза, все сильнее становится стремление помешать этой политике.

Политика любого государства, ставящего во главу угла только собственные интересы, превращается в гегемонию. Диалог же культур подразумевает плюрализм, поиск новых гармоничных и прочных возможностей сосуществования различных духовных и материальных концепций. Его цель — аккумулялировать не только внешнее, научное знание и опыт, но и внутреннее, духовное, так как культура — это ось, вокруг которой формируется цивилизация, и именно культурные различия служат причиной столкновения цивилизаций. Любая попытка принизить, запретить, удалить разнообразные древние пантеистические культуры приведет к хаосу, отсутствию устоев, стремительному переходу от вечных ценностей к преходящим.

Некоторые аналитики называли развал Советского Союза концом истории. На самом деле это может служить началом конца декартовского принципа разделения тела и души, материального и духовного.

Политика колониализма разрушила большое традиционное общество, способствовала углублению нищеты. Но если и его культурное наследие окажется в забвении, то все попытки создать гуманистический порядок будущего общества окажутся бесплодными. Мы уже стали свидетелями конфликтов, вызванных стремлением к

мировому господству, желанием контролировать все происходящее в мире. Это привело к нестабильности в обществе, науке, экономике, к кризису человечества и духовной жизни, к заранее спланированному и организованному хаосу, который начинает выходить из-под контроля.

Таким образом, два разных пути развития общества основаны на различных представлениях об окружающей действительности, разных системах ценностей, чувств и образа мысли. Один из этих путей ведет к саморазрушению, другой заключается в стремлении воссоединить культурное наследие прошлого с настоящими научными свершениями, в попытке создать новый образ жизни, основанной на высоких моральных устоях, в гармонии с природой. Чтобы не бояться за будущее мира, вернуть душевное равновесие и здравый смысл, надо начинать изменения с области культуры. Следует воссоединить понятия «культура» и «цивилизация», так как только через культурные духовные ценности гибнущее человечество может возродиться и создать условия для мирного существования. Чтобы многообразие наций, народностей, верований, культурных традиций, потребностей общества не исчезло, необходима новая форма цивилизации. Различие культур есть основа для добрососедских, дружеских отношений.

Человечество не сможет выжить, если культурные ценности будут подчинены требованиям небольшой группы людей, если превратить нации в потребителей, а принципы потребительства сделать основой жизни. Данная политика получает глобальное распространение и поддерживается военной мощью господствующих государств. С давних времен партнерство народов было и остается партнерством интересов. Сейчас население мира разобщено, и нации страдают от этого. Если мы восстановим здравый смысл в наших отношениях, принцип партнерства станет доминирующим. Спасибо.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Благодарю вас, господин Капур. Проблемы, которые господин Капур поднял сегодня, безусловно, очень важны. И они будут обсуждаться на заседании специальной секции под руководством профессоров Яковенко и Наумкина. Сейчас я предоставляю слово отцу Георгию Рябых, представляющему здесь Русскую православную церковь.*

Г. РЯБЫХ¹: — Уважаемый господин председатель, уважаемые друзья, благодарю за возможность поделиться с вами мыслями об одном из измерений межкультурного диалога — о межрелигиозном диалоге. Я разрабатываю эту тему в Отделе внешних церковных связей Московского патриархата, который проводит общецерковную линию в этом направлении.

¹ Священник, исполняющий обязанности секретаря по взаимоотношениям церкви и общества Отдела внешних связей Московского патриархата, кандидат политических наук. Автор научных работ «Состоится ли возвращение атеизма в российскую школу?» (2005), «Свобода как христианская категория» (2006) и др.

Нам порой кажется, что межрелигиозный диалог — это нечто изолированное от других сфер жизни общества, что религиозные деятели собираются и решают вопросы, важные только для них, что они стараются найти общий язык для того, чтобы не ссориться друг с другом, жить в мире. Понимая, что сегодня религиозный фактор играет большую роль, общество одобряет эти попытки, положительно относится к проведению межрелигиозного диалога. Но порой мы очень мало задумываемся над тем, как межрелигиозный диалог связан с общей проблематикой межкультурного диалога, до какой степени он является частью межкультурного диалога и насколько без него невозможно решить многие проблемы межкультурного диалога. И я хотел бы сегодня постараться развеять несколько мифов относительно межрелигиозного диалога.

Как правило, людям со стороны представляется, что у религиозных лидеров много таких пунктов, по которым они не могут сойтись, найти общий язык, что межрелигиозный диалог превращается в конфликт разных точек зрения. На самом деле сегодня, как никогда раньше, религиозные лидеры находят общий язык легко и просто потому, что они сходятся в одном общем взгляде, объединяющем их. Это понимание роли религии в современном обществе и в современной культуре как широком понятии, охватывающем материальную и духовную жизнь современного человечества. Религиозные деятели понимают, что сегодня религия должна в общественной сфере, в культуре играть значительно большую роль, чем та, которая ей отводится.

В XX в. на уровне международных отношений господствовал проект модерна, который, по сути, устраняет религию из активной публичной сферы. Сторонники этого проекта считают необходимым революционное исключение религии из общественной жизни или постепенное исключение, при котором религия как устаревшая форма сознания постепенно отомрет. В западном мире в течение XX в., скорее, придерживались второго направления. На религию не обращали особого внимания, полагая, что она сама по себе уйдет из общественной жизни. В России и в ряде других стран был принят агрессивный вариант модерна — изгнание, активная борьба с религией. Интеллектуальные корни этого подхода, собственно, общие — что для западного мира, что для нашей российской культуры. Мы до сих пор сталкиваемся с остатками этого подхода, который прошелся, можно сказать, тяжелыми шагами по отечественной культуре.

К сожалению, сегодня мы сталкиваемся с тем, что между представителями религиозных общин и деятелями культуры России возникают реальные конфликты, слышатся резкие заявления со стороны деятелей культуры или музейных работников относительно позиции тех или иных религиозных объединений.

Этот конфликт заложен не сегодня. Культура и религия не являются антагонистами, но старый подход, господствовавший во времена модерна, привел к тому, что многие люди просто

разучились иметь дело с религией в общественной жизни. Нам кажется, что присутствие религии — это всего лишь некая символика. Например, показ службы по телевидению или какого-то символа в публичном пространстве; сделанное на этот счет заявление. На самом деле связь культуры и религии, конечно же, намного глубже — на тех глубинах, где конфликта нет.

Я хотел бы проиллюстрировать это реальным примером. В одном из московских вузов я преподаю курс «Политика и религия». На днях принимал зачет по этому курсу, и один из студентов осторожно меня спросил: «Вот вы, как священнослужитель, ведете предмет, оцениваете наши знания, а в Евангелии сказано: не судите, да не судимы будете. Как же вы можете оценивать наши знания?» Я порадовался этому вопросу. Резюме моего объяснения состояло в том, что я оцениваю знания, а не студента как личность, как нравственную категорию. Поэтому здесь никакого столкновения с христианским принципом нет. Потом меня эта ситуация заставила задуматься: насколько наше современное общество, наша культура способны прочитывать этические нормы тех традиционных религий, на которых выросла, собственно, современная отечественная культура? До какой степени мы действительно понимаем, что религия проникает именно в область этики и прежде всего говорит об этических нормах, о том, как человек себя ведет в той или иной ситуации, как он должен поступать? Вот где происходит взаимодополняющая встреча религии и культуры.

Здесь может быть очень богатый диалог. Сегодня приводилась цитата из Лихачева о том, что человек — существо материальное и духовное. Значит, культура со своей стороны тоже занимается тем, чтобы развивать человека как духовное существо, и религия занимается тем же. Поэтому здесь имеется солидное основание для взаимодействия, для диалога. И наша сегодняшняя задача (я имею в виду людей нашего поколения), думается мне, — сделать творческое усилие, рывок и выстроить систему взаимоотношений публичной сферы с религиозными общинами, организациями. От этого во многом зависит будущее нашей страны и цивилизованного мира.

Один современный философ сказал, что для того чтобы Европа могла интегрировать исламские общины, меньшинства, ей надо опять обрести христианские корни. Когда Европа вспомнит о своих религиозных корнях, она сможет найти способы интегрировать исламскую общину в свое общество.

Вот, собственно, некоторые зарисовки, размышления, которыми хотелось с вами поделиться и обозначить те темы, на которые сегодня идет межрелигиозный диалог. Благодарю за внимание.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Выступление отца Георгия еще раз убеждает, что нет таких вопросов, на которые не было бы ответов у Русской православной церкви. Теперь, если позволите: слово для реплики попросил Вадим Львович Ра-*

бинович, доктор философских наук, профессор, представляющий здесь Российский институт культурологии.

В. Л. РАБИНОВИЧ¹: — Я пойду немного вразрез со всеми выступлениями, которые здесь слышал, и вот по каким причинам. Абдусалам Абдулкеримович Гусейнов сказал, что диалог между цивилизациями и культурами как несубъектами невозможен. И был, на мой взгляд, глубоко прав, потому что в диалогические отношения могут вступать только люди. Я бы назвал Лихачевские чтения скорее не Чтениями, а Слушаниями. Каждый выступающий хочет, чтобы его выслушали, и поэтому он предельно монологичен. Каждый автор хочет, чтобы его выслушали, и просит для этого слова. Мне вспоминается одна тюремная песня, которая начинается так: «Граждане, послушайте меня». Это глас вопиющего в пустыне, которого не хотят слушать. «Страшно, если слушать не желают, — продолжил эту мысль Евгений Евтушенко, — вдруг вся песня в целом-то мелка» и т. д. Но страшно и если слушать начинают! Что дальше сказать, как быть? И то и другое довольно рискованно, и это предполагает монологичность каждого культурного акта, творчества и каждой творческой личности. Таким образом, вся культура состоит из ряда монологов.

От меня это слышать, видимо, довольно странно, поскольку я тоже талдычил: «диалог, диалог» и воспевал толерантность. Теперь я воспеваю монолог. Хотя я ученик нашего великого философа Владимира Соломоновича Библера, который всю жизнь произносил монолог о диалоге, но произносил все-таки монолог, и этим он замечателен и прекрасен, и этим он — на века...

Таким образом, переведя проблему в монологическую плоскость, я утверждаю, что культура — это ансамбль монологов, такой оркестр, где все скрипки первые и каждая хочет, чтобы ее услышали. Иные отношения здесь невозможны, поскольку они, как говорил Бабель словами своего героя Бени Крика, «манную кашу по белому столу размазывают». Все остальное чепуха. Только монологическое сознание может быть донесено до другого человека.

И наконец, стихотворная цитата из Бориса Пастернака. Я ее люблю приводить, и вот почему: эта замечательная цитата была написана на третий год войны, когда люди были страшно разобщены, враждебны друг другу. Это стихотворение называется «В низовьях»:

Ах, как скучает по пахоте плуг,
Пашня — по плугу,
Море — по Бугу, по северу — юг,
Все — друг по другу!

Представим себе на минуточку, что пашня, скучая по плугу, сольется с плугом, север с югом,

¹ Заведующий сектором «Языки культур» Российского института культурологии, доктор философских наук, кандидат химических наук, профессор, член Союза российских писателей, член международного Пен-клуба и русского Пен-центра. Автор книг «Образ мира в зеркале алхимии: от стихий и атомов древних до элементов Войля» (1981), «Исповедь книгочея, который учил букве, а укреплял дух» (1991), «Языки культур: взаимодействия» (2002) и др.

соскучившись, соединятся в экстазе, и не останется ни того, ни другого — ничего. Юг должен оставаться югом, север — севером, монолог — монологом. И никаких диалогов! Тем более диалогов культур и диалогов цивилизаций, которых просто не бывает, как верно сказал Абдусалам Абдулкеримович Гусейнов.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Вадим Львович, спасибо огромное за Ваше выступление. Оно вроде бы пессимистичное по сути, а послушали мы Вас — и как-то приятно стало и легко на сердце. Не зря студенты Санкт-Петербургского государственного университета давным-давно сочинили песню «Бей профессоров, они гадюки!» Вадим Львович, если я дойду завтра до Вашей секции (трудность в том, что я хочу побывать сразу на всех), то все-таки выдвину встречный тезис: диалог состоит из монологов людей, которым есть что сказать и которые могут друг друга слышать. По-моему, тут все нормально. Но Лихачевские чтения — это все же именно Чтения, потому что мы публикуем по их итогам целые тома, которые люди потом читают, и это хорошо.*

У нас осталось только одно выступление. Выступить будет госпожа Григорьева Любовь Дмитриевна, ученица 11-го класса средней общеобразовательной школы № 550 Санкт-Петербурга, победительница Конкурса лихачевских работ этого года. Наш Университет уже второй раз проводит Всероссийский конкурс творческих работ старшеклассников «Идеи Лихачева и современность». В этом году на суд жюри поступило 359 работ из 20 регионов России и Литвы. Завтра 700 школьников России соберутся в этом зале, чтобы заслушать и обсудить десять лучших работ. Рецензенты дали высокую оценку работе Любви Дмитриевны. Госпожа Григорьева, пожалуйста, прошу вас.

Л. Д. ГРИГОРЬЕВА: — Спасибо большое. Честно говоря, я очень сильно волновалась, собираясь сюда. Сегодня прежде всего хочется сказать огромное спасибо за предоставленный мне шанс присутствовать на VIII Международных Лихачевских научных чтениях. Для меня участие в конкурсе стало настоящим праздником, это было одновременно познавательно и увлекательно. Имя Лихачева в моей жизни занимает

особенное место. Учителя в школе любят повторять, что мы можем найти ответы на все наши жизненные вопросы в его произведениях. И действительно, ответы на мои вопросы я нахожу в потрясающей книге, очень небольшой по объему, но емкой по содержанию. Это книга Лихачева «Письма о добром». 2006 год в нашей стране был назван годом Дмитрия Сергеевича Лихачева, и всевозможные организации проводили конкурсы, связанные с его именем. В одном из таких конкурсов я приняла участие и выиграла.

Это было началом моей работы, в процессе которой я, конечно, много читала Лихачева, искала информацию в Интернете. Тогда же познакомилась с сайтом «Площадь Лихачева» Гуманитарного университета профсоюзов, узнала об этом конкурсе и решила принять в нем участие. Мою работу высоко оценили члены жюри, за что я им очень благодарна.

Кроме того, конечно, хочется сказать большое-большое спасибо присутствующей здесь в зале моей любимой учительнице — Ирине Александровне и моей семье, которая научила меня любить литературу, любить домашнюю библиотеку, в которой одно из главных мест занимают книги Дмитрия Сергеевича Лихачева.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Спасибо, Любовь Дмитриевна. Слово Ирине Александровне Никифоровой.*

И. А. НИКИФОРОВА: — Мое выступление будет самым коротким. Когда у меня спрашивают: «Ирина Александровна, почему вы работаете в школе?», я всегда отвечаю: «Потому что там учатся такие дети, как Люба Григорьева».

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Ирина Александровна, спасибо за Ваш труд. Мы с Вами вместе делаем одно дело, потому что если школьники не будут читать Лихачева и думать о прочитанном, то вся наша работа бессмысленна. Такие дети, как Ваши ученики, внушают веру в будущее. Благодарю Вас.*

Уважаемые коллеги, Пленарное заседание VIII Международных Лихачевских научных чтений подошло к завершению. Завтра — второй день нашей работы. Я желаю всем нам успехов. Спасибо за участие.

ДОКЛАДЫ

Даниил Гранин¹

РАЗМЫШЛЕНИЯ

Мне симпатична идея Карла Поппера о том, что ход человеческой истории в значительной

¹ Соучредитель Конгресса петербургской интеллигенции, писатель, Герой Социалистического Труда, почетный гражданин Санкт-Петербурга, почетный доктор СПбГУП. Автор книг «Искатели», «Иду на грозу», «Эта странная жизнь», «Клавдия Вилор», «Блокадная книга» (в соавт. с А. Адамовичем), «Картина», «Зубр», «Бегство в Россию», «Вечера с Петром Великим», «Интеллегенды» и др.

степени зависит от роста человеческого знания. Знания, открытия непредсказуемы, поэтому непредсказуем ход истории. Непредсказуемой была эпоха информатики. Она создала коммуникативность мира, глобализацию. Историю движет не так идеология, не так религия, как наука и техника. Остановить это развитие невозможно, оно сопровождает человечество с момента появления

мышления. Какова тут роль культуры? Гуманитарных наук? Без них был бы человек — творцом? Можем ли мы жить без идеи, без богов, без музыки? Усмирение наук — необходимость? Как все же повлиял, допустим, Интернет на ход новейшей истории? Или освоение космоса? Мобильники? Телевидение и т. п.? Мир стал коммуникативен, он живет в режиме онлайн... И что все это может определять? Жизнь все меньше воспринимается чувствами, виртуальная реальность заменяет непосредственные эмоции, искусство живет без слез, восторгов, потрясений?

Я считаю, что самая большая ценность человеческой жизни, что придает ей какой-то смысл (ведь жизнь кажется совершенно бессмысленной; и сколько бы ни было попыток найти облегчающий смысл нашей жизни, облегчающий перед лицом смерти, полного исчезновения, ничего из этого не выходило), так вот, единственное, что как-то освещает и освящает человеческую жизнь, — это любовь. Один сделал научное открытие, другой написал книгу, третий снял фильм, сочинил пьесу — все это не поглощает человека. Единственное, что его поглощает полностью, — это чувство любви. В любви человек раскрывается наиболее полно. Все искусство рождалось и выросло из любви, причем любви самой разной — любви и восхищении перед женщиной, перед природой, перед чудом жизни. Любовь к этому миру и любовь к Богу — для многих одно и то же. Если чувство любви не посетило человека, у такого человека, мягко говоря, — неполная жизнь. Я не знаю, может быть, любовь — это дар свыше, а может быть, это способность человека, которая есть у каждого, но далеко не каждый может ее реализовать. Потому что есть много всяких заменителей, всякой фальши. Есть секс вместо любви, есть другие ценности, которые нам кажутся более существенными. Все они приносят быстрые разочарования. Но что характерно: из чего возникла поэзия? Из любви. Из чего возникла проза? Из любви. Из чего возникла живопись, скульптура? Мировая культура? Из любви. В основе лучших образцов культуры и искусства — любовь.

Новейшие авангардные течения, где отрицается реальность, нравственные основы, любовь, отрицается сюжет, отвергается нормальный язык, свергаются кумиры, меня не интересуют. Такое всегда было и, наверное, всегда будет. У меня есть твердые ценности, которые мне помогают, которыми я восхищен, они помогают мне верить в искусство, в его силу.

Приведу пример с Шолоховым. В течение многих лет идут яростные споры о том, Шолохов автор «Тихого Дона» или нет, как он мог написать такое многоплановое произведение в столь юном возрасте: мол, для этого у него не было ни жизненного опыта, ни знаний. Были и компьютерные исследования по поводу его авторства, вышло много книг на эту тему. Меня много раз про это спрашивали — мне это не интересно. То есть, конечно, любопытно, так же, как любопытно, кто был Шекспир на самом деле. Но Шекспир есть, мы имеем его пьесы. Есть «Тихий Дон», это

громадное, великолепное произведение, эта книга — лучшая книга о любви. Где еще так страстно и трагически рассказано о любви, как у Шолохова — о любви Григория и Аксиньи? Какая еще книга в русской литературе в этом смысле может сравниться с «Тихим Доном»? Даже романы наших гигантов Толстого и Достоевского не могут сравниться с шолоховским изображением любви. Меня очень трогает эта книга. Вот что дорого. А исследования, касающиеся того, кто написал эту книгу, меня не интересуют. Есть в культуре ценность — «Тихий Дон», от которой я не желаю отказываться, независимо от того, кто автор.

То же самое Шекспир. Человеческая история создала незыблемые ценности искусства, так же, как и наука создала законы, положенные в основу развития человечества. Эти законы могут расширяться, дополняться, но есть среди них основополагающие — закон сохранения энергии в науке, закон любви в искусстве. И никакой авангард меня не заставит от них отказаться. Литература — это не электрический ток, который должен непрерывно работать. Великую литературу заносит песком чтива, нет сегодня гениев в нашей русской литературе — появятся завтра. Например, достижения советской культуры кажутся не такими значительными, какими они казались для своего времени. Сегодня судить о них сложно. Надо понимать, что значили, допустим, Тендряков, или Твардовский, или Товстоногов в то время, когда они творили. Ныне же остается только текст или воспоминание.

Нынешний текст Евтушенко «Бабий Яр» не может так поразить читателя, как это было в семидесятые годы. Однако трагедию Софокла «Царь Эдип» можно посмотреть сегодня, сопереживая сильно, чуть ли не до слез. И читать стихи Пастернака, такие как «В больнице». Значит, есть в произведениях временная составляющая, а есть вечная, а какая из них важнее и нужнее, вопрос бессмысленный.

Человек со времен Архимеда и Диогена не изменился. Нет никакой разницы между человеком современным и прошлых веков. Человек не становится умнее, мудрее. И двести, и четыреста лет назад общество имело разумные традиции, мораль, свои правила и чести, и взаимоотношений.

Если нам интересно читать то, что написано Еврипидом или Софоклом, то, значит, никакой разницы между людьми того времени и нашего времени нет. В древнем мире еще до рождения Христа было много мудрейших и умнейших людей, великолепных художников, скульпторов. Мы по-прежнему любим их творениями. Никакие безобразия, которые случаются в современном искусстве, не могут умалить красоты Венеры. Художник должен быть свободным человеком, вне моды, вне течений, вне манифестов. Ему дан талант, неповторимый голос, который заменить никто не может. Он должен осуществлять себя, а не моду.

Возьмите список Нобелевских лауреатов за 100 лет: там много фамилий, которые сегодня совершенно никому не известны, но там много фа-

милый и замечательных писателей, которые остались для нас по-прежнему украшением мировой литературы.

Художник должен иметь собственное мнение. Так, «Собственное мнение», назывался один из моих рассказов, который не понравился Молотову. У художника всегда сложные отношения с миром и с властью. Я не знаю художника, который бы относился хорошо к власти. Художники старались как-то гуманизировать власть. Такое стремление было, допустим, у Державина, да и у Пушкина. Гёте был тайный советник в Веймаре, при маленьком дворе. У Эккермана в «Разговорах с Гёте» есть замечательная сцена: идут Гёте и Бетховен, беседуют. Навстречу им императорская фамилия. Гёте отошел в сторону и поклонился, а Бетховен двинулся в самую гущу сановой толпы. Поведение Бетховена мне всегда было симпатичнее. Но у Гёте была своя правда. Он старался что-то сделать и многого добился. «Чтобы что-то создать, надо чем-то быть», — говорил Гёте.

Наверное, в разные эпохи, в разные исторические моменты страна получает разную власть. Когда-то власть более справедлива, когда-то — менее. Когда-то она совершает больше ошибок, когда-то — меньше. Но «эра милосердия» пока остается лишь утопией. А это означает, что перед каждым новым поколением порядочных людей и перед каждым порядочным человеком в отдельности снова и снова будут вставать те же вопросы, примерные решения которых дал своей жизнью Дмитрий Сергеевич Лихачев.

«Даже в случаях тупиковых, — говорил Дмитрий Сергеевич, — когда все глухо, когда вас не слышат, будьте добры высказывать свое мнение. Не отмалчивайтесь, выступайте. Я заставляю себя выступать, чтобы прозвучал хоть один голос». Лихачев создал образ защитника культуры.

Все устроено, выстроено в этой Вселенной для человека, все физические постоянные приспособлены для существования человека, а он сам для чего? Ответа нет и не предвидится. Драма отсутствия общей идеи жизни. Например, Чехов не скрывал своего незнания этой идеи. «Не знаю», — признавался он, отказываясь от поверхностных ответов. После операции, которую мне делали, я спросил хирурга: «А что такое сердце? Вы столько сердец держали в руках! Что же такое сердце?» Он мне сказал: «Сердце — это насос, и больше ничего. Насос, клапаны». Я говорю: «А откуда же выражение “сердечный человек”, “бессердечный”?» Он говорит: «Это все ваша литература». Для врачей сердце — табу. Сердце — насос, и они обращаются с ним, как с насосом. И в этом их правда и сила. Им не надо все остальное, так как оно будет им мешать. «Сколько ни вскрывали, — говорят врачи, — никогда не видели, чтобы из человека вылетала душа». Есть вещи запредельные. Большой художник проникает дальше, чем обычные люди. Он видит такие вещи, каких мы не видим. Это его преимущество, свойство гения, его отличие

от таланта. Гений видит неоткрытые звезды. Искусству не надо бояться изображать безвыходные, ужасные ситуации, которых напрасно избегает литература, а жизнь то и дело упирается в них.

Школьников, студентов надо обучать искусству на его высочайших образцах. Для процесса образования из всей нашей литературы я бы выделил четыре произведения, наиболее значимых — «Станционный смотритель», «Шинель», «Тамань», «Студента» Чехова. В них сосредоточены и сила, и глубина русской литературы. Они выделяются неразгаданностью, любовью к человеку, красотой, чудом языка и тайной многозначности.

Проходить в школе «Войну и мир» невозможно, проходить «Идиота» невозможно. Проанализировать в школе можно маленькую вещь, чтобы ее почувствовать, понять, какие в ней тайны. Что такое «Студент»? Это рассказ на три страницы. И Чехов считал его лучшим своим рассказом. А что там? В чем его очарование, ведь там ничего особенного не происходит. Студент рассказывает бабам-крестьянкам историю того, как трижды апостол Петр отрекся от Христа, не устоял, отрекся и заплакал. Слушая студента, растроганные бабы тоже заплакали, потому что то, что происходило в душе апостола Петра, им было близко. Студент пошел дальше, думая о том, как прошлое связано с настоящим непрерывной цепью событий: дотронешься до одного конца, дрогнет другой. Это очень интересно.

Я думаю, что школьника и любого человека иногда надо ставить в тупик, чтобы он понял, что человек — это тайна. Мы сами не знаем, почему мы поступаем так или иначе. Многие в этом мире находятся вне логики, вне разума. Мы слишком преклоняемся перед рациональным, научным, научно объяснимым, мы не оставляем места чуду. Жизнь — это чудо, и надо, чтобы человек ощущал это чудо.

«Просвещение без нравственности идеала несет в себе отраву», — говорил Н. Новиков. В этой связи я должен сказать, что Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов — один из немногих, который соответствует самому названию «университет». Ленинградским (или петербургским) и многим московским университетам не хватает одного важного качества. Университет — это сообщество, сообщество от слова «общение». Ну что за университет наш петербургский, так сказать «большой», университет? Он очень хороший по качеству своих преподавателей, но факультеты там не имеют возможности общаться. А ведь университеты создавались исторически как возможность взаимодействия наук, научного общения. Это элементарно, это все знали, а вот получилось так, что нынешние университеты (Университет культуры, «большой» университет, ЛИТМО и прочие университеты) не имеют возможности общения. В СПбГУП эта возможность есть, и она прекрасно реализуется. А это, по-моему, и есть очень важное качество для университета.

Федерико Майор¹

ВМЕСТО КОНФРОНТАЦИИ ТРЕБУЮТСЯ ДИАЛОГ И ОБЪЕДИНЕНИЕ

Переходот от культуры силы, навязывания чужой воли и насилия к культуре диалога, взаимопонимания, урегулирования конфликтов и миру нашел отражение в следующих международных документах:

— Декларация принципов толерантности (ЮНЕСКО, 1995);

— Декларация и план действий в рамках «Диалога цивилизаций» (Генеральная Ассамблея ООН, 1998);

— Декларация и Программа действий в области культуры мира (Генеральная Ассамблея ООН, 1999).

Ключевое понятие во всех документах — обмен (опытом и знаниями).

Именно таким планировалось развитие по замыслам ООН: всеобъемлющим, эндогенным, устойчивым и... с человеческим лицом!

Пришло время действовать. На заре XXI в. человечество столкнулось со множеством кризисов: финансовым, экономическим, экологическим, кризисом культуры и, что самое опасное, с продовольственным кризисом, который требует незамедлительного решения. Провал экономической «глобализации» станет еще более очевидным, если люди, живущие за чертой бедности, мобилизуются перед лицом угрозы голода.

Решение заключается в переходе от экономики войны к экономике глобального развития (инвестициям в энергетические инфраструктуры на возобновляемом топливе, производство продуктов питания, водоснабжение и т. д.). Но это решение станет возможным только тогда, когда причина применения силы превратится в силу причины, когда сила будет заменена словом, конфронтация — диалогом и ее плодом — объединением.

Тем не менее произошло так, что гранты были заменены займами.

Наращивание мощностей происходит за счет эксплуатации (вспомним недавний пример на шахтах в Республике Конго). Общечеловеческие принципы справедливости, свободы, равенства и солидарности нарушаются законами рынка. Система ООН как «система международной демократии» подвергается ревизии со стороны стран «семерки» и «восьмерки» (G-7/G-8), международной плутокра-

тии, где Международный валютный фонд и Мировой банк не выполнили своей изначальной миссии, а ВТО была выведена за пределы системы ООН.

В 2000 г. все страны — члены ООН подписали Декларацию тысячелетия Организации Объединенных Наций. Но в связи с терактами в США (11 сентября 2001 г.) и вторжением в Ирак, что было в корне неправильно, не удалось начать осуществление этих «Целей».

В сентябре 2004 г. глава правительства Испании во время своего незапланированного выступления перед Генеральной Ассамблеей ООН призвал объединить усилия против бедности и создать «Альянс цивилизаций».

В 2005 г. на саммите по «Целям тысячелетия» 15 глав государств и правительств заявили: «Мы подтверждаем нашу позицию по Декларации и Программе действий по культуре мира так же, как и по Глобальной повестке дня «Диалога цивилизаций» и ее программе действий, принятой Генеральной Ассамблеей, и важность различных инициатив в сфере диалога культуры и цивилизаций, включая диалог по межконфессиональному сотрудничеству. Мы обязуемся сделать все возможное для продвижения культуры мира и диалога на местном, национальном, региональном и международном уровнях, а также обращаемся к Генеральному секретарю ООН с просьбой найти механизмы ускорения и доведения до конца этих инициатив. В этом отношении мы также приветствуем инициативу «Альянса цивилизаций», объявленную Генеральным секретарем ООН 14 июля 2005 г.».

13 ноября 2006 г. в Стамбуле в докладе Группы высокого уровня ООН — «Альянса цивилизаций», который был представлен Генеральному секретарю, определены практические меры и даны следующие рекомендации:

- преодоление различий;
- содействие встречам и диалогу;
- в отношении образования: содействие студенческому обмену и доступу в Интернет;
- в отношении СМИ: преодоление стереотипов и непонимания разных культур.

Особое внимание должно быть уделено работе с молодежью.

Н. Н. Скатов²

ПРЕОДОЛЕНИЕ КРИЗИСА КУЛЬТУРЫ — РЕШАЮЩИЙ ФАКТОР ВЫЖИВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Тема, заявленная на данное пленарное заседание, — «Диалог культур и партнерство цивилизаций». Но если вводятся понятия диалога,

партнерства, то, следовательно, должно быть обнаружено и основание для такого диалога и партнерства. Партнерство возникает, если возникает

¹ Основатель и президент Фонда за культуру мира, доктор фармакологии, профессор (Испания), генеральный директор ЮНЕСКО (1987–1999). Автор книг «Scientific Research and Social Goals: towards a new development model» (1982), «Letters to Future Generations» (1999), «L'enseignement supérieur au XXIe siècle» (2000), «La fuerza de la palabra» (2005) и др.

² Советник РАН, главный редактор журнала «Русская литература», член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор. Автор более 200 научных трудов по русской литературе, в том числе «Некрасов и русская лирика второй половины XIX — начала XX века» (1971), «Поэт и гражданин» (1982), «Кольцов» (1983), «Литературные очерки» (1985), «Пушкин. Русский гений» (1999) и др.

некий общий интерес. Диалог начинается тогда, когда появляется тема, интересующая всех его участников.

Тематика данного заседания глобальная: речь идет о «цивилизациях», то есть о масштабах, присущих бытию всего человечества в целом. Так есть ли основания для «партнерства» одной части человечества с другой, для диалога всех составляющих понятие человечества в данный момент его истории?

Как мне кажется, такое основание есть. Это общие угрозы, встающие перед всем человечеством в наши дни и, прежде всего, угроза ядерной и экологической катастрофы. С этими двумя «внешними» угрозами тесно связана и третья, «внутренняя»: — кризис культуры, также приобретающий сейчас «общечеловеческий», «общецивилизационный» характер. Не потому ли человечество предпринимает теперь судорожные, но не бессмысленные и не бесполезные усилия по спасению себя через спасение культуры, которое, вероятно, и явится решающим фактором выживания человечества?

Культура — это универсальный механизм, который осуществляет самоорганизацию человеческой жизни. Разлаживается этот «механизм» — разлаживается и «жизнь», вне зависимости от масштаба ее проявления — на личном, семейном, этническом или субэтническом уровне. Что такое культура? Культ, иерархия, система позитивных ценностей. И эта выстроенная тысячелетиями творческих усилий грандиозная «пирамида» беспрерывно рушится не только в России, но и в Западной Европе, и в Америке, даже на консервативном Востоке на протяжении предшествующего столетия и продолжает разрушаться сейчас. Существуют глубинные фундаментальные основы культуры, на которых и зиждутся меняющиеся экономические формации, и культурные традиции, которые проходят через столетия. Именно они «базисны», они определяют духовное здоровье или духовное нездоровье как отдельного человека, так и этноса, и всего человечества в целом. Игнорирование этого постулата равносильно нарушению законов природы.

Дело в том, что убывание культуры как в человеке, так и в человечестве предполагает умножение «бескультурья», а это умножение разрушительно. Можно сказать, что мера воли к творчеству как для человека, так и для этноса — мера его культуры. Но можно сказать и обратное: мера воли к разрушению — это мера бескультурья. И нет «абсолютно» культурных людей и народов, как нет людей и народов абсолютно «бескультурных». Это два полярных, все время борющихся друг с другом начала, как космос и хаос, добро и зло, жизнь и смерть. Победа «культуры» может быть временной — и культурный (относительно) человек, и культурный (относительно) народ могут утратить свои культурные ценности, «духовно одичать». И такой человек, и такой народ становятся опасными как для окружающих, так и для самих себя: на место воли к созиданию приходит воля к разрушению. Середины здесь нет. На

освободившееся от «культуры» место тут же приходит «антикультура».

Массовая, не народная, а именно «антинародная культура», «антикультура» — неизменная составляющая любого общества, но она еще никогда не была столь агрессивной, повторю — никогда еще в такой степени не претендовала на общекультурное представительство «в мировом масштабе». На мой взгляд, глобальное «духовное одичание» человечества и породило в XX–XXI вв. глобальные же угрозы человечеству — ядерного взаимоуничтожения и самоубийственной экологической безответственности.

Вот и повод как для «диалога», так и для «партнерства» любых «цивилизаций». Я думаю, что сейчас подобный диалог должен стать своего рода «обменом опытом» по сохранению культуры в собственной стране. Причем надо помнить, что это далеко не «отвлеченные» рассуждения «о высоком»: настоящая культура дорого стоит. Меценатство не случайно и не вчера возникло. Культуру содержат: система фондов, дотаций, побуждающая помогать культуре система налогообложения. Для поддержания должного культурного уровня необходима мощная общественно-государственная культурная программа — комплексная, сбалансированная, составленная с привлечением лучших и разнообразных сил страны. Необходима мобилизация всего духовного потенциала народа, его интеллигенции.

Что в таком диалоге могла бы сказать современная Россия — страна, где все три главных угрозы человечеству (ядерная и экологическая катастрофы и кризис культуры) сосредоточились и проявились на рубеже XX–XXI вв. с особой силой?

Во-первых, хочу повторить то, что я уже неоднократно говорил с этой трибуны. Говоря о «сохранении культуры» (или даже о «спасении культуры»), необходимо ясно понимать «тактику» подобного действия относительно каждого конкретного «этнического случая». У каждой нации есть свои, так сказать, «столпы» культуры, свои «несущие конструкции», которые поддерживают все здание. Если разрушить эти «столпы» — рухнет вся «кровля». Поэтому дело «сохранения культуры» можно рассматривать прежде всего как дело сохранения своих «столпов культуры», дело своего «культурного самоопределения».

Что касается нас, русских, то наши «столпы культуры» — это наша классическая литература. Мы — литературообразующая нация и не существуем без литературы. Русской классической литературе свойственно целостное восприятие бытия, формируемое на одном из самых великих явлений мирового искусства. Наша литературная классика — это наше прошлое. Великое, достойное, прекрасное, но прошлое, воспоминание. Однако это воспоминание о будущем. Отменяя или даже тесня русскую классику, мы лишаем доверенное нам молодое поколение не только прошлого, мы лишаем его и будущего. А что касается настоящего, то, конечно, наша классика вступает с ним в решительное противостояние.

Она провозглашает: «Не убий», «Не укради», «Не прелюбодействуй», а слишком многое в нашей жизни и в литературе учит обратному, славит содом, порой уже в гомерических масштабах. Вот где сейчас «русский фронт» в общем для человечества деле защиты культуры: в защите русской классической литературы, в популяризации ее традиций и ценностей.

Во-вторых, Россия должна сказать свое слово в современной педагогике. Последний и главный оплот культуры — это школа. Я думаю, что сейчас ни в одной стране так называемого «цивилизованного мира» нет более важного министерства, чем министерство образования, именно здесь все решается, и все будет зависеть от того, как пойдут достаточно сложные процессы в этой структуре. Вопрос о школе — это сейчас больной вопрос не только для нас, но и для всей Европы. А мы в последние десятилетия были в этом школьном деле, как и в других бесчисленных, только плохими копиистами чужой работы, учениками, списывающими у соседа. В тему, которую Европа задала своей школе, мы должны вдуматься самостоятельно, чтобы суметь сколько-нибудь успешно разрешить эту проблему. И хочу напомнить мудрые слова Д. И. Менделеева, о том, что «работу о подъеме нашего среднего образования начинать надо не с программ, а с подготовки надлежащих учителей». Какие бы хорошие «программы» не были у нас в наличии, вопрос в педагогике решает личность учителя. Нельзя иначе возвысить уровень учительского сословия, как создав лучшие условия для его существования, то есть притянув все активное, сильное, что

до сих пор избегало этих должностей, боясь нищеты и неуважения.

И, наконец, в-третьих, следует помнить, что универсальный характер человеческой культуры как всеобщей технологии человеческой деятельности давно нашел емкую форму для своего выражения, осуществления и актуализации — университет. Именно университет призван в максимальной степени реализовать такую особенность культуры, как ее динамический, «процессуальный» характер. Ведь и сама наука не есть просто упорядоченная система определенных положений, но процесс. Одно дело учебно-догматическое изложение знаний, другое — научно-критическое добывание их. Одно дело — обучение ряду истин, другое — поиск истины. Изучение истории становления и развития университетов в связи с глобальными процессами развития культуры было бы поучительным с этой точки зрения.

В завершение хотелось бы обратить внимание на то, что данный многолетний форум, посвященный вопросам современной культуры, проходит в стенах российского Университета, который стал воплощением и символом современного отечественного педагогического «модернизма» — в самом лучшем смысле этого слова, — Гуманитарного университета профсоюзов. Здесь отечественные культурные традиции, российская университетская педагогика и наука наполняются новым, современным содержанием. На пожелании успехов хозяевам форума в деле сохранения и преумножения культуры я и хочу закончить свое выступление.

А. А. Гусейнов

ДИАЛОГ КУЛЬТУР: ВОЗМОЖНОСТИ И ПРЕДЕЛЫ

Материальная сфера человеческой жизнедеятельности в современном мире становится все более интегрированной и единой в масштабе человечества. А этико-культурная, духовная сфера остается разделенной, более того: традиционные, прежде всего религиозные и национальные линии размежеваний обостряются. Таково фундаментальное противоречие нашей эпохи.

1. В качестве возможных способов разрешения противоречия между социально-экономическим глобализмом и культурно-цивилизационным партикуляризмом предлагаются два основных конкурирующих сценария.

Первый заключается в том, чтобы политико-экономическую глобализацию дополнить этико-культурной и вестернизировать все человечество. Он исходит из молчаливо подразумеваемой и лишь в редких случаях открыто прокламируемой презумпции, что лидирующая роль Запада в материальной сфере является выражением и следствием преимущества его образа жизни.

Второй сценарий ориентирован на диалог культур. В методологическом плане он подразумевает автономность культур (в смысле их независимости как друг от друга, так и от технико-

экономических аспектов общества), а в аксиологическом плане ориентирован на их равноценность.

Существует много аргументов против первого сценария. Он ведет к однообразию и тем самым — к обеднению совокупного культурного богатства человечества. На него, и это самое важное из возражений, не может быть получено согласие других — не западных — культур, не говоря уже о том, что и на Западе он также наталкивается на сопротивление с позиций демократии и гуманизма. Этот сценарий поэтому может реализоваться только насильственными методами с самыми непредсказуемыми последствиями, вплоть до апокалипсических.

Возражения против одного сценария не могут быть аргументами в пользу второго. Из утверждения об ошибочности установки на культурное доминирование Запада не следует заключение об истинности идеи диалога культур. Последняя сама по себе должна быть обоснована в своей принципиальной возможности и продуктивности. Диалог культур, рассмотренный в том обязывающем значении, которое вытекает из смысла понятий «диалог» и «культура» — отнюдь не

очевидная вещь. Он представляет собой драматически противоречивый процесс, является ответственным вызовом для каждой из культур, вступающей в режим диалога.

2. С одной стороны, диалог культур предполагает особого рода единство между ними. Он не сводится к их взаимной терпимости, контактам, узнаванию, даже если эти отношения не являются вынужденными и вытекают из внутреннего убеждения каждой из них. Диалог предполагает нечто большее: такую соотнесенность и связанность культур между собой, когда они, объединенные общностью конечных жизненных целей, взаимно дополняют друг друга, нуждаются друг в друге, не могут существовать друг без друга. Диалог культур предполагает общность основоположений, которые только и могут задать адекватное пространство такого диалога. Все большие культуры современности, за которыми стоят великие религиозные и философско-этические традиции, которые доказали свою жизненность в ходе многовекового опыта многих народов и которые столкнулись сегодня лицом к лицу, все они, несомненно, обладают такой общностью. Всем им свойствен пафос истины и справедливости. Более того, в своем предельно абстрактном выражении они одинаково понимают истину и справедливость, отождествляя их с золотым правилом нравственности. Так думал, например, Л. Н. Толстой. Такой же позиции придерживался Махатма Ганди, который пришел к выводу, что все религии едины в своих внутренних принципах и различны во внешних проявлениях. В том, что касается перспектив совершенствования человека и общества, все они нацелены на идеал ненасилия, являющийся, по их мнению, подлинным смыслом и действенной конкретизацией золотого правила нравственности.

С другой стороны, диалог культур возникает из их различий. Качественные различия культур не только предпосылка и основание диалога. Они являются также его результатом в том смысле, что диалог не снимает этих различий, а в известном смысле обостряет их. Каждая культура замкнута на саму себя и опирается на некую, всегда так или иначе индивидуализированную культурную основу («национальный эпос», «святое место», «исторические битвы», «легендарные личности» и т. д.). В каждой из них есть своя Илиада, своя Мекка, свой Пушкин, некое начало, которое обладает особенной ценностью только для нее и в этом смысле не переводимо на язык другой культуры. Каждая культура имеет свой символический ряд, свои схемы деятельности, поведенческие образцы, нормы, механизмы самодисциплины и т. д. Кроме того, культуры (в какой бы — этической, религиозной, социально-исторической — определенности мы их ни рассматривали) конституируют себя через противопоставление друг другу, через отношение «мы и они». Одна культура смотрит в другую не для того чтобы считаться с ней, найти себя в ней, а для того чтобы отличить себя от нее, противостоять ей, глубже осознать собственную идентичность. Диалог культур нельзя понимать

как процесс, в ходе которого создается некий новый универсальный синтез. Различия культур, неповторимая самобытность каждой из них являются его пределом и ограничением. К примеру, если человек свободно говорит на нескольких языках, что можно считать свидетельством его принадлежности к разным культурам, то это не придает его речи новое качество по сравнению с теми, кто говорит на каком-то одном из этих языков. Сколько бы языков человек ни знал, он не может пользоваться ими всеми одновременно. Он говорит каждый раз на одном из них, представляя от имени какой-то одной культуры. Культуры не просто партикулярны, единичны. Они единственны. Они не слагаются и не вычитаются. Каждая из них в конечном счете равна самой себе.

Сходство самых общих этико-гуманистических основоположений культур и различие конкретных форм их бытования являются исходным пунктом двух противоположных и равно деструктивных стратегий в вопросе об их отношении друг к другу. Эти стратегии можно обозначить как космополитическую и шовинистическую. Первая игнорирует различия культур, вторая абсолютизирует их. Обе они изначально исключают диалог. В случае космополитической стратегии диалог становится излишним, беспредметным, а в случае шовинистической — невозможным и ненужным. Эти опасные тенденции, однако, в одном отношении полезны: они обозначают края пропасти, уходя от которых только и можно достичь желанной золотой середины. Как справедливо пишут авторы выполненного под эгидой ООН международного интеллектуального проекта «Преодолевая барьеры», — «пространство между анонимным универсализмом и этноцентричным шовинизмом огромно и открыто. Оно стало той областью, на которой может и должен происходить междивизиционный диалог»¹.

3. Мудрость всякого диалога, диалога культур в особенности, состоит в соединении общезначимого (универсального) с самобытным. При этом очень важно точно определить, какая из этих двух составляющих является исходной основой диалога. Здесь вряд ли существуют единые рецепты для всех разновидностей диалога. В конкретном случае диалога культур, на наш взгляд, продуктивным может быть только движение, которое отталкивается от самобытности культур и тем самым проистекает из внутренних источников каждой из них в отдельности. Без взаимоуважительного отношения, основанного на признании изначального равенства культур по ценностному критерию, а следовательно, и суверенности каждой из них в формулировании собственных ценностных критериев и приоритетов, никакого диалога между ними быть не может.

Культуры притязают на то, чтобы быть самими собой, каждая из них считает себя как

¹ Преодолевая барьеры. Диалог между цивилизациями: пер. с англ. / под ред. С. П. Капицы. М., 2002. С. 59.

минимум не хуже другой, претендует на качественную полноту и завершенность. Как обнаруживаются эти притязания, каковы те индивиды и конкретные предметные сферы, в которых они проявляются наиболее выпукло, как складывается и какие формы имеет целостность той или иной культуры — все это важные и непростые вопросы, требующие специального изучения. Как бы, однако, на них ни отвечать, они не отрицают самих притязаний культуры. Даже если признать, что в фактическом отношении эти претензии необоснованны, тем не менее сам факт их наличия является существенным моментом межкультурной коммуникации. Диалог культур, конечно, не является спором их притязаний, но он также не может состояться и вообще лишается предметного смысла, если не учитывать эти притязания и не относиться к ним самым серьезным и ответственным образом.

Основные теоретические трудности и практические коллизии, связанные с диалогом культур и вытекающие из того, что каждая из них замкнута на саму себя и имеет исключительные притязания на адекватное понимание самой культуры в ее ценностных основаниях, получают, на наш взгляд, разрешение, если рассматривать (помыслить) его (диалог культур) по аналогии с межличностным диалогом. Эта аналогия, по крайней мере, позволяет преодолеть препятствия на пути продуктивного диалога, связанные: а) с несоизмеримостью (различием «весовых категорий») культур и б) с их притязаниями на исключительность.

а) Культуры существенно различаются между собой по степени внутренней дифференцированности, уровню развития, широте распространения, достижениям общечеловеческого масштаба (влиянию на иные культуры), не говоря уже о других, более частных параметрах. Возникает вопрос: насколько возможны и справедливы отношения между ними, не учитывающие указанные различия? Допустимо ли вообще и, если да, то в каком отношении столь разные культуры приравнивать друг к другу, без чего, разумеется, нельзя говорить о диалоге между ними? Чтобы представить себе серьезность проблемы, достаточно, например, соотнести между собой охватывающие миллиарды людей мировые религии и какие-нибудь локальные языческие культы или великие письменные литературы развитых наций и устный фольклор небольших этносов. Попытки игнорировать эти различия, как если бы культуры реально, по своему фактическому состоянию, были равновелики, оборачиваются снижением критериев, по сути, имеют антикультурный смысл.

Проблема приобретает особую остроту и человеческую напряженность благодаря тому, что, хотя культуры не равны (и очень сильно не равны) между собой, тем не менее все они претендуют на равенство — в тех случаях, конечно, когда они открыто не заявляют о своем превосходстве. Малые культуры, как правило, ни в чем не хотят уступать большим.

Межкультурная ситуация в рассматриваемом аспекте схожа с межличностной ситуацией, ко-

торая также характеризуется тем, что индивиды сильно различаются между собой по материальному и социальному положению, уровню образования, моральным и другим качествам. Тем не менее индивиды приравниваются друг другу с точки зрения их морального достоинства и политических прав, уравниваются в качестве личностей, что и делает возможным диалог между ними. Схожим образом и культуры могут быть приравнены друг другу — приравнены не по факту, а по потенциальным возможностям. Поэтому, если нельзя говорить о равенстве культур, то вполне можно говорить о «презумпции равенства» (С. Бенхабиб). Понятие презумпции равенства применительно к культурам может означать следующее: культуры передовые (продвинутое) и отсталые являются таковыми не в силу того, что первые изначально более совершенны, а вторые ущербны, и еще менее — в силу антропологических различий носителей этих культур. Они таковы только в силу обстоятельств, исторической судьбы. Первые вполне могли бы быть на месте вторых точно так же, как вторые — на месте первых. Следовательно, те культуры, которые по факту являются более отсталыми, заключают в себе потенциал, позволяющий подтянуться до уровня передовых. Имея перед глазами пример последних, и в особенности получая при этом их поддержку и помощь, они, возможно, могут сделать это быстрее и лучше. Тем самым задается диспозиция такого взаимодействия неравных культур, которое вполне может быть диалогическим, с обеих сторон нравственно приемлемым.

б) Каждой культуре свойствен пафос истины. А когда речь идет о больших культурах, заявляющих цивилизованные претензии, то пафос истины приобретает акцентированный, абсолютный характер. Самосознание таких культур становится (не может не становиться) сознанием своей исключительной миссии в мире. Если культуры в своих взаимоотношениях друг с другом будут руководствоваться присущей каждой из них убеждением, что именно она является носителем высшей истины, то эти отношения неизбежно приобретут характер перманентной и жесткой конфронтации. Вся история идейно (в том числе и даже прежде всего религиозно) мотивированных войн является подтверждением этого.

Диалог невозможен между людьми и группами людей в той мере, в какой они во взаимоотношениях друг с другом апеллируют к абсолютным истинам, говорят от имени Бога, правды истории и т. п. Или, выражая эту мысль иначе, для того чтобы открыть дорогу диалогу культур, надо исключить из тематики (повестки дня) диалога присущие каждой из них претензии на абсолютную истину.

Диалог культур может касаться любых вопросов, кроме вопроса об их собственном ценностно-эпистемологическом статусе. Скажем, приверженцы ислама считают, что их религия является единственно истинной. Христиане думают, что таковой является христианство. За каждым из этих убеждений стоит своя само-

достаточная правда — правда веры, которая потому и является верой, что хотя она и пользуется рациональными аргументами, тем не менее, ни в коей мере не ставит себя в зависимость от рациональной критики. И если мусульмане и христиане хотят жить в режиме диалога, то они не могут сделать это иначе, как оставив свои религиозные убеждения при себе, для внутреннего пользования.

Моделью в данном случае, как и при рассмотрении предыдущего вопроса о равенстве культур, является этика межличностных отношений. Когда люди расходятся между собой столь радикально, что добро для одних является злом для других и наоборот, то единственным условием того, чтобы их отношения не приняли форму насильственного конфликта, является взаимный отказ от претензий на исключительность права считаться носителем моральной истины.

4. Чтобы взаимодействия культур развивались в режиме диалога, надо заблокировать пути конфронтации между ними. Здесь можно назвать по крайней мере три взаимосвязанных запрета, которые являются несомненными и имеют безусловный, категорический смысл.

Первым запретом, блокирующим конфронтации культур, должен стать отказ от самой идеи конфронтации на культурной основе. Это означает, что культурные особенности и различия не могут быть оправдываемыми основаниями каких бы то ни было насильственных действий.

Далее, исходя из презумпции равенства культур, необходимо вынести за скобки диалога, вообще исключить из публичного дискурса сопоставление и в особенности противопоставление культур по ценностным критериям, наложить запрет на слова, действия, любые иные символически-знаковые проявления, которые могут восприниматься какой-либо культурой как оскорбительные. Включить какую-либо тему в повестку дня диалога — значит проблематизировать ее, подвергнуть сомнению, поставить под вопрос. Поэтому, в известном смысле утрируя, но тем самым обнажая суть проблемы, можно сказать: диалог культур может охватить все темы, кроме мировоззренчески-ценностных оснований самих этих культур.

Наконец, еще один категорический запрет является необходимым условием, дающим зеленый свет диалогу культур, — это отказ от абсолютистских претензий, от того, чтобы заявлять собственную культуру как адекватное или более полное, чем другие культуры, воплощение тех высших истин и целей, на постижение и достижение которых они ориентированы.

Очевидные в своей гуманистической направленности и общепризнанные в своей категоричности запреты создают лишь условия для диалога культур, но они не могут составить основы их взаимопонимания — и не только потому, что они являются запретами, а еще и потому, что они очерчивают только общие рамки межкультурной коммуникации.

Наблюдаемые нами сегодня культурный изоляционизм, зримое нарастание идейно-мотиви-

рованных групповых (родовых, этноплеменных, конфессиональных и др.) конфликтов нельзя считать случайными. Они свидетельствуют, с одной стороны, о том, что глобализация не может быть понята и не может состояться как сугубо внешнее, информационно-технологическое единство, без того, чтобы она не была одновременно внутренним сплочением человечества как единого публичного пространства и этико-культурной общности, а с другой — о том, что для такого социально-политического и духовно-нравственного сплочения в единую общность человеческого объединения, принадлежащих к разным культурам и цивилизациям, явно недостаточно совпадения исходных принципов этих последних и наряду с этим требуется еще единство внешних форм, конкретной символики духовной жизни и общественного поведения. Тем самым вопрос о путях глобализации, о возможностях трансформации информационно-технологических предпосылок единения человечества в его действительное единство существенным образом связан с вопросом о возможности глобального этоса, вырастающего на основе универсального культурного синтеза. Речь идет о том, способно ли человечество в целом выработать единый этос, подобно тому, как раньше его выработали отдельные народы и культуры, сможет ли оно общность основополагающих нравственных принципов дополнить общностью нравов, привычных форм повседневной жизни.

5. Понятие этоса, которое пришло к нам из греческой античности, не имеет широкого хождения в литературе и повседневной речи. Его можно кратко определить как сложившийся в процессе деятельного существования устойчивый нрав человека, а также общий нрав, характер той или иной группы людей, рождающийся в процессе их совместной общественной жизни. Этос обозначает ценностно заданное единство общественных нравов, характеризует человека и общественную группу с точки зрения единства ее ментальных установок, жизненных образцов, общественных привычек, которые проявляются в повседневной культуре. Можно говорить об этосе личности, национальном этосе, аристократическом этосе, буржуазном (мещанском) этосе и т. д. Возникает вопрос, можно ли в таком же смысле говорить о глобальном этосе, который был бы един именно как этос, не только в своих общих принципах, но и по своей символически-знаковой структуре, по конкретным нормам, механизмам функционирования, по стереотипам поведения.

В диалоге культур участвуют не только разные культуры, вступившие в диалог, там сверх того появляется еще одно действующее лицо — процесс самого диалога. Глобализация в сфере экономики, коммуникаций, политики создает такую сеть учреждений и связей, в рамках которой складываются человеческие отношения на сверхнациональной и сверхконфессиональной основе. В этом отношении показателен такой еще плохо изученный, но тем не менее в высшей степени реальный и действенный феномен, который

в литературе иногда маркируется в качестве «глобального города». Он состоит из транснационального капитала и обслуживается по преимуществу рабочими-мигрантами. Глобальные (наднациональные) формы общения складываются вокруг Интернета, разветвленной и стандартизированной в мировом масштабе сферы потребления (супермаркеты, макдональдсы и т. п.), центров досуга, разного рода международных организаций, всемирных форумов, крупных образовательных центров и т. д. Словом, речь идет об особом вполне поддающемся социологической фиксации глобальном мире, в который втянуты уже сотни миллионов людей и которые функционируют поверх национальных, государственных, конфессиональных, этнокультурных и других традиционных разделительных линий. Более того, он оказывается автономным также по отношению к существующей социальной структуре и задает новую основу для дифференции в обществе. Социологи говорят о глобальной элите, состоящей из международных деловых, менеджерских и интеллектуальных кругов; она не укоренена ни в какой национально-государственной среде и не стремится к этому, ее представители, подобно древнегреческому философу, могли бы сказать о себе, что они везде являются иностранцами.

Что же происходит на этих площадках межкультурной коммуникации, в том пространстве, куда силой глобальных процессов в сфере экономики, информации, политики и так далее стягиваются люди разных культур? Здесь действуют какие-то единые нормы поведения, свободные от привычных религиозных, мировоззренческих обоснований, в отрыве от них. И только благодаря такой эмансипации практической морали от метафизики и религии могут существовать современные мультикультурные образования — города, аэродромы, универмаги, крупные фирмы и так далее и тому подобное, даже городские жилища, где в одних подъездах, на одних лестничных площадках живут люди, исповедующие разные религии, принадлежащие к разным культурам, разным народам. Возникает новая культура поведения и общения, которая не привносится в человеческую коммуникацию извне, а возникает в ней самой и не нуждается в ином обосновании, кроме полноты и прочности самой этой коммуникации. Во всех этих внеконфессиональных, внеидеологических, вненациональных коммуникативных ситуациях люди обнаруживают высокую степень взаимоуважительности и нравственной сдержанности, даже более высокую, чем в отношениях между своими по вере, политическим убеждениям, национально-культурной принадлежности. Если присмотреться, как ведут себя люди на аэродромах, в супермаркетах, на других площадках «глобального мира», как они предъявляют себя друг другу, одеваются, здороваются, разговаривают и так далее, то нетрудно увидеть некую этическую (моральную) инфраструктуру, которую можно обозначить как глобальную (общепонятную, универсально значимую) по объему и коммуникативно целесооб-

разную по содержанию. Такого рода инфраструктура, являющаяся прообразом глобального этоса, складывается во всех странах и регионах, активно втянутых в глобальные процессы, а не только на Западе.

6. Глобальный этос — это не мечта или фантазия. Он реально произрастает в современном опыте международных, межкультурных взаимодействий, тогда, когда это взаимодействие приобретает форму диалога.

Существенно важно подчеркнуть, что глобальный этос возникает не вместо национальных форм бытия человека, а поверх них. Это показывает несостоятельность широко распространенного и на сегодняшний день едва ли не основного аргумента против глобализации в области культуры, будто она сравнивает разнообразие ландшафта культурной жизни и приведет к ее обеднению. Разумеется, глобализация в каком-то смысле всегда есть стандартизация, она сопряжена и воплощается в единстве оценок, символики отношений, схематизмов поведения и т. д. Речь в данном случае идет о таком единстве качественного состояния общественных нравов, которое не исключает ни индивидуальных, ни групповых различий. Ведь мы в пределах того или иного национального этоса тоже имеем массу различий. Но тем не менее это все-таки различия в рамках чего-то единого.

Нечто подобное можно предположить и в случае глобального этоса. Это — стандарт. Но в этико-культурном смысле. К примеру, существует русский национальный этос (национальный характер, если говорить в привычных словах). О нем прекрасно писал В. О. Ключевский, Н. О. Лосский и др. Но это же не исключает того, что внутри него, то есть внутри русского этоса, существует еще масса других этосов — сибирского, северного, московского или еще какого-то. Можно взять другой исторический пример. Когда-то люди жили племенами, племя состояло из родов, а род — это была семья или большая семья. Потом племенной быт людей сменился народным, кровнородственный способ организации общественной жизни — территориально-государственным. Но семьи не исчезли из-за того, что человеческий кругозор стал намного шире семейного. У каждого из нас есть семья, своя маленькая вселенная кровных связей, семья играет исключительно важную, даже первостепенную мотивирующую роль в жизни. Семейные ценности и сегодня — базовые ценности. И каждому, разумеется, дорога своя семья; покидая публичное пространство политики или экономическое пространство деловой активности, каждый уходит в свой дом. Многообразие семейных существований вполне сочетается с единством в рамках определенного этоса. Точно так же этническое многообразие не отменяет единства национально-государственной жизни. Глобальный этос допускает и даже предполагает многообразие национальных этосов, подобно тому, как в рамках национального этоса существует множество субэтосов — этнических, религиозных или семейных. Единый

глобальный этос внутри себя допускает огромное культурное многообразие, обладая при этом поведенческой цельностью. Он не исключает культурного плюрализма. Подобно тому, как астрономическое пространство не отменяет пространства географического, так глобальное культурное пространство не отменяет пространства национальных культур.

В тех элементах новых форм межчеловеческого общения, которые универсально (независимо от национальных, религиозных или иных традиционных различий) практикуются в настоящее время в пространстве глобального мира, в лучшем случае можно видеть только зачатки глобального этоса, некий намек на его возможность. И не только потому, что их мало. Для того чтобы они стали глобальным этосом, преобразо-

вались в такое нравственное качество, которое может стать самостоятельной мотивирующей основой общественного поведения, одной коммуникативной целесообразности и внешней заданности мало. Требуется еще и соответствующая духовно организующая основа деятельности. Человеческие нравы всегда помещены в ту или иную смысложизненную перспективу. Невыявленной, непонятно игнорируемой (в том числе и в философских дискуссиях) остается смысложизненная перспектива глобального мира, а следовательно, и глобального этоса как адекватного ему душевного строя и состояния общественных нравов. В данном пункте этическое исследование возможности глобального этоса прямо смыкается с философско-историческим исследованием будущего человечества.

А. В. Смирнов¹

КАК РАЗЛИЧАЮТСЯ КУЛЬТУРЫ?

Словосочетание «диалог культур», которое еще три-четыре десятилетия назад было необычным, сегодня превратилось в штамп. О диалоге культур говорят, как если бы его *принципиальная* возможность была несомненной и все дело заключалось в том, чтобы устранить разного рода досадные препятствия, в основном субъективного плана (нежелание сторон вступить в диалог и вести его конструктивно), на пути его осуществления.

Задача этого рассуждения — проблематизировать данное понятие и очертить подход к решению задач в этой области. Нумерация отдельных шагов рассуждения позволяет более объемно представить его ход и логику.

1. «Диалог культур» как понятие предполагает наличие культур и их различие. Эта констатация была бы тривиальной, если бы не был так труден ответ на два вопроса: 1) что такое культура и 2) как различаются культуры?

Если трудность ответа на первый вопрос очевидна, то не так обстоит дело со вторым. Обычно решение полагают само собой разумеющимся: культуры различаются в силу *содержательных* расхождений. Сравнивая две культуры по линии тех или иных элементов, структур или подструктур, мы указываем на различия содержательного плана между ними. Мне представляется, что такое решение недостаточно. Вот почему именно второй вопрос стал темой этого доклада.

Однако дело в том, что найти удовлетворительный ответ на второй вопрос («как различаются культуры?») можно, только ответив на первый («что такое культура?»).

2. Нет двух похожих культур, как нет двух похожих людей. Но само это утверждение означает, что культуры принципиально схожи, ина-

че не было бы смысла их различать: мы же не говорим, к примеру, что люди и камни различны (такое утверждение истинно, но имеет мало смысла).

Коротко говоря: различие культур предполагает их существенное совпадение как культур. Нам не обойтись без того, чтобы обратиться к вопросу о том, что такое культура «как таковая».

3. Можно говорить о двух стратегиях выстраивания ответа на этот вопрос. Обозначим их как универсалистскую и партикуляристскую.

С одной стороны, культура — это попросту все в том мире, который создает и в котором живет человек. Поэтому культуру трактуют как совокупность результатов материального и духовного производства.

Вместе с тем культуру понимают как только часть целостности, составляющей человеческий социум. Такое понимание связано с аксиологически нагруженным противопоставлением культурного-бескультурного (или высоко- и низкокультурного) внутри социума или между социумами.

Таким образом, любое явление человеческого социума принадлежит культуре (в том смысле, что оно «затронуто» культурой, культурно обусловлено) — и вместе с тем мы не можем все в человеческом мире отождествить с культурой.

4. Интересным представляется решение этой проблемы, которое разрабатывает академик В. С. Степин. Он предлагает считать культуру своеобразным «генетическим кодом» социального организма. Эта биологическая метафора удачна: она показывает, что все культуры — именно культуры (как и люди — люди благодаря общности генома), но вместе с тем различны (ведь один и тот же геном может быть «реализован» по-разному).

Вот почему все в человеческом мире принадлежит культуре, как и в организме человека все в конечном счете определяется генами, и в этом смысле культура — весь наш мир. Вместе с тем гены — только микроскопическая часть орга-

¹ Заместитель директора Института философии РАН, заместитель главного редактора «Философского журнала», член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор. Автор ряда монографий, в том числе: «Великий шейх суфизма» (1993), «Логико-смысловые основания арабо-мусульманской культуры: семиотика и изобразительное искусство» (2005).

низма, и в этом смысле культура — лишь часть человеческого мира.

Добавлю, что эта метафора удачно объясняет и органичную целостность культуры. Я имею в виду то, что было уловлено еще Н. Я. Данилевским и О. Шпенглером: очень тесная, удивительная связь и взаимная согласованность, «пригнанность» различных сегментов культуры, не объединяемых генетически и каузально. Эта идея была подтверждена и многочисленными исследованиями на материале так называемых «восточных» культур. Востоковедение достигло в прошедшем веке огромного прогресса, и немало его представителей присоединилось к названному выводу.

5. Итак, теоретические построения, основанные на понятии категорий культуры (А. Я. Гуревич), универсалий культуры (В. С. Степин), схватывают нечто существенное. Зададим теперь следующий вопрос: насколько хорошо эта интуиция (и соответствующая ей метафора) работает не в тех случаях, когда мы говорим об одной культуре (или, как мы считаем, о культуре «как таковой»), а тогда, когда перед нами стоит задача сравнительного исследования культур?

Мы таким образом попробуем примерить ответ, найденный для нашего первого вопроса («что такое культура?»), ко второму вопросу («как различаются культуры?»).

6. Может ли очерченная идея найти плодотворное применение в сравнительных исследованиях культур?

Основное соображение, не позволяющее безоговорочно дать положительный ответ на этот вопрос, заключается в следующем. Как свидетельствуют такие исследования, набор фундаментальных категорий, ключевых понятий в каждой культуре свой. Мы не можем а priori номинально задать такой список (неважно, закрытый или открытый) и с ним подходить к изучению культуры, наполняя его каждый раз, для каждой культуры своим содержанием.

Между тем такая стратегия сравнительно-культурных исследований настолько распространена, что представляется многим едва ли не самоочевидной. В самом деле, какие могут быть возражения против программы номинально-содержательного сравнения культур? Повторю, она сводится к априорному заданию номинального списка сравниваемых категорий или их сочетаний и выяснению содержательных различий между их «реализациями» в двух сравниваемых культурах. При этом непременно предполагается, даже если это не проговаривается явно, что такое сравнение выясняет *существенные* черты и *существенные различия* или *совпадения* сравниваемых культур.

7. Конкретизируем высказанное соображение.

Объектом сравнительных исследований выступают культуры, различающиеся между собой в большей или меньшей степени. Понятие «степень различия» вряд ли может быть строго задано в контексте данного рассуждения (но не в принципе!), однако для нас будет достаточно одного едва ли оспариваемого наблюдения. Суть его та-

кова: с наиболее кардинальными различиями мы столкнемся, сравнивая либо (1) какую-либо из «восточных» культур с «западной», либо (2) одну из «восточных» культур с другой. (Заметим в скобках, что из этого вытекает принципиальное и до сих пор не вполне осознанное значение востоковедения для выяснения вопроса о том, что такое культура и как культуры могут различаться.) Поскольку второй тип сравнительных исследований до сих пор не развернут, обратимся к опыту и результатам первого.

Суммирую их в следующих пунктах.

Первое. Изучая другую культуру, мы будем встречать в ней такую трактовку понятий, номинально как будто совпадающих с привычными нам, которая заставит признать за номинальным совпадением полное смысловое *расхождение*, — такое, которое поставит под вопрос саму возможность номинального их отождествления.

Второе. Мы будем встречать в других, изучаемых культурах *непереводимые* (а значит, не попадающие в этот список: он ведь всегда черпается из «фоновой» культуры, то есть той, к которой принадлежит исследователь и с которой сравнивается «чужая» культура) и вместе с тем *ключевые* понятия. Это означает, что лежащий в основе сравнения и априорно предпосылаемый ему номинальный список ключевых категорий культур принципиально неполон, и неизвестно, является ли такая неполнота лишь «шероховатостью» исследовательского процесса, которой можно пренебречь, или составляет фатальный сбой этого процесса.

Наконец, третье. Мы никогда не можем исключить опасность *незамечания* тех категорий, которые для исследуемой культуры существенны или даже фундаментальны, но «не видны» нам как представителям другой культуры и не каталогизируются нами, не попадают в нашу сетку категорий и потому в принципе не могут содержаться в нашем априорном списке.

Контрастное *расхождение* содержания ключевых понятий сравниваемых культур, их *непереводимость* и *незамечание* их терминологического статуса в изучаемой культуре — три главных подводных камня на пути безоглядно-оптимистичного утверждения о сравнимости культур.

8. Таковы принципиальные проблемы, свидетельствующие, что биологическая метафора культуры как «генома» социума работает лишь до определенной степени. Дело в том, что мы не можем положить социум под микроскоп и найти там искомый «объект» — его геном, культуру. Вопрос о его выделении (каталогизации) и интерпретации встает потому, что инструмент такого анализа (наш разум, наша аналитическая способность), играющий в данном случае роль микроскопа, *не нейтрален* в отношении рассматриваемого «объекта».

Микроскоп, с помощью которого мы открываем гены (в прямом, биологическом смысле этого слова), не является частью живого организма и не создан исследуемыми с его помощью генами. В отличие от этого, инструмент изучения

культуры и проведения сравнительно-культурного исследования принадлежит нашей (то есть одной из сравниваемых) культуре и определен ее «генами». Это воздвигает существенную границу применимости биологической метафоры (в других отношениях очень удачной).

9. Таково первое обстоятельство, побуждающее к дальнейшему продумыванию идеи культуры как «генома», то есть идеи более или менее исчерпывающей заданности культуры набором ее более или менее фундаментальных категорий. Оно связано с невозможностью задания списка таких категорий в общем случае, для культуры «как таковой».

Но есть и другое обстоятельство. Набор универсалий, или категорий, «генов» культуры должен быть определенным образом структурирован. Универсалии не просто рядоположены, они не просто каталогизированы или заданы списком, а культура — не просто разъяснение этих отдельных рядоположенных категорий (так толковый словарь разъясняет термины словника). Никак нет: такие категории «завязаны в узел», и узел этот выстроен по определенным законам взаимодействия.

Именно незнание законов взаимодействия категорий, незнание строения этого «узла» в другой культуре (в своей помогает интуитивное узнавание, поскольку здесь мы сами — часть ткани изучаемой культуры) и является источником трудностей в познании чужой культуры. Вот почему познание своей культуры и чужой — вещи принципиально разные: во втором случае мы не имеем подсказки интуиции, осуществляющейся незаметно для нас самих.

10. Главным вопросом сейчас является вопрос о том, *что* именно и *как* именно выстраивает этот узел.

Иначе говоря, что превращает набор универсалий (категорий) культуры в смыслопорождающий механизм; что заставляет этот набор *двигаться* по законам внутреннего взаимодействия? Что вдыхает жизнь в инертный набор (список) универсалий и делает его текстом (в семиотическом смысле) культуры?

11. Фундаментальную роль в этом играют два «механизма»: (1) противоположения-и-объединения и (2) соотнесения части-и-целого. Они «отвечают» за то, как различены и как сочленены, соотнесены категории культуры.

Здесь я могу только заявить этот тезис. Его подробная разработка и результаты применения в сравнительном изучении культур даны в других моих работах.

12. Таков первый принципиальный вывод: «набор» категорий культуры неоднороден (и уже в силу этого не является всего лишь «набором»). В нем имеются особые *категории высшего порядка*, отвечающие за целостную организацию всех категорий в некий функционирующий «механизм», завязывающие их в «узел». (Конечно, и «механизм», и «узел» здесь — не более чем метафоры.)

Такие категории я называю *метакатегориями культуры*. Они представлены понятиями,

задающими два отношения: противоположение-объединение и целое-часть.

13. Второй принципиальный вывод состоит в том, что эти «механизмы» противоположения-и-объединения, соотнесения части-и-целого вариативны. Их вариативность означает, что они могут функционировать по-разному в разных культурах. Сохраняя номинальное тождество, они оказываются, таким образом, несовместимыми.

Определение вариативности этих механизмов, раскрытие ее содержания и влияния на выстраивание смыслового тела культур дано в других моих работах.

14. Сказанное разъясняет причину отмеченных выше трудностей в сравнительном изучении культур (см. п. 6–7).

Различия между культурами могут быть вызваны разным содержательным наполнением одного и того же набора универсалий (категорий) культуры. Такое различие я называю *содержательным*.

С другой стороны, различия между культурами могут быть вызваны вариативностью названных двух «механизмов», то есть различием в их функционировании. Это более глубокий и интересный тип различия. Я называю его *логико-смысловым*. Это различие является более глубоким потому, что логико-смысловые механизмы «отвечают» за целостное функционирование смыслового тела культуры, они завязывают набор категорий культуры в особый «узел» и заставляют его работать как смыслопорождающую «машину».

Выделение и разведение этих двух типов различий позволяет достичь существенного прогресса в понимании культуры и, следовательно, в организации эффективного диалога с ней.

15. Заметим, что логико-смысловое различие влечет различие содержательное (но не наоборот). Логико-смысловое различие разделяет далеко не все культуры. Именно там, где речь идет о действительном *контрасте* (сравнение «восточных» культур между собой или их сравнение с «западной» культурой), мы имеем наибольшие шансы встретить именно этот тип различия.

Если между двумя сравниваемыми культурами имеется логико-смысловое различие, то его влияние скажется в содержательном наполнении *любых* категорий, понятий и терминов. Вместе с тем можно выделить основные сферы, в которых наиболее ярко проявится эффект логико-смыслового различия и где он будет, вероятно, наиболее заметен и весом. Это понимание отношения Я к Другому, а значит, этика, политика, организация власти и т. д., отношение к миру, понимание цели жизни, соотношения между земным и потусторонним. При исследовании философии и других областей знания, опирающихся на категориальные системы, логико-смысловое различие повлечет различие в выстраивании систем категорий и их содержательном наполнении.

Если две сравниваемые культуры различаются не только в содержательном, но и в логико-смысловом плане, их сравнение не может быть корректным без учета логико-смысловых различий.

В. В. Попов¹РОССИЯ МОГЛА БЫ СТАТЬ СВЯЗУЮЩИМ ЗВЕНОМ
МЕЖДУ ЗАПАДОМ И ИСЛАМСКИМ МИРОМ

Мы живем в быстро меняющемся мире, и его основные контуры пока еще не сформировались. Сейчас идет процесс перехода от системы, которая существовала во второй половине XX в., когда устоявшееся соперничество двух полярных сил в международных отношениях определяло ход мирового развития, к новой системе.

На мировой арене ныне происходят крупнейшие сдвиги. Запад постепенно сдает позиции в различных областях, причем этот процесс будет продолжаться стремительно на фоне экономического кризиса, иракской авантюры и особенно на фоне усиления роли Китая, Индии, ряда азиатских и латиноамериканских стран.

Постепенно снижается роль Запада в мировой экономике: в 2006 г. совокупный ВВП развивающихся стран впервые превысил совокупный ВВП развитых стран. Доля США в мировом производстве и экспорте падает. Так, доля валового внутреннего продукта США в мировом ВВП снизилась с 35,4 % в 1966 г. до 26,5 % в 1993 г. В середине 1990-х гг. доля ВВП, реинвестированная в экономику, — ключевая детерминанта будущего процветания — в США составляла 15 %, в то время как в Германии — 22 %, а в Японии — 31 %. А в 2005 г., по расчетам специалистов Всемирного банка, в США ВВП на душу населения составил 41,6 тыс. долл. при доле в мировом ВВП в 22,5 %.

Налицо системный кризис традиционных ценностей во многих западных странах: отмечается общее падение уровня нравственности. Все, даже Папа Римский, говорят о кризисе семьи, проблемах педофилии, наркотиков и т. п. Параллельно с дехристианизацией Европы поиски новой европейской идентичности принимают все более драматический характер. Все это происходит на фоне усиливающихся культурных различий. Более того, в последнее время наметились признаки упадка главного на настоящий момент «силового полюса» — Соединенных Штатов, которые постепенно утрачивают лидерство в мировой экономике. США, ставшие в результате геополитических изменений конца XX в. единственной сверхдержавой, не смогли справиться со своей новой ролью монополярной силы, ведущей мировой державы. В разных районах земного шара наблюдается значительный рост антиамериканизма. Стремительно растет недоверие к политике США, и даже такой «апологет-оптимист» Запада, как З. Бжезинский, признал, что «единственная сверхдержава» находится в глубоком кризисе.

Единственная область, в которой Соединенные Штаты пока сохраняют превосходство, — военная. Впрочем, даже это превосходство следует считать относительным, что наиболее рельефно проявляется в иракской драме.

Однако основным показателем наметившейся тенденции ослабления роли Запада является демографический фактор. Практически во всех без исключения европейских странах наблюдается отрицательный прирост населения. Всюду заметно увеличивается процент иммигрантского населения, которое, как правило, относится к иным цивилизациям. Наиболее ярко это было показано в книге американского политика П. Бьюкенена «Смерть Запада». По официальным американским прогнозам, к 2050 г. белые в США будут составлять порядка 46 % населения. На смену «старым» центрам силы постепенно, но все более уверенно приходят другие — Китай, Индия, а также мусульманские страны. Процесс перераспределения сил на земном шаре будет носить достаточно болезненный характер.

Противостояние между Западом и мусульманским миром в настоящее время становится одной из основных осей развития событий в современных международных отношениях. Вопреки некоторым пессимистичным прогнозам, ближайшие 5–10 лет не будут годами столкновения цивилизаций. Однако холодная война между Западом и исламским миром будет продолжаться и набирать силу. Это связано со многими факторами.

Во-первых, с сохранением нерешенных и неурегулированных региональных конфликтов, в первую очередь палестино-израильского. Он не просто отравляет всю систему международных отношений, но и является главным раздражителем между западным и исламским мирами. По-прежнему продолжается война в Ираке, и никаких оптимистических сценариев решения иракского кризиса нет. В хроническую горячую точку превратился афгано-пакистанский узел. Число терактов в мире не только не снижается, а, напротив, неуклонно растет (только в Ираке официально зарегистрировано около 2 тыс. смертников). Больше всего от террора страдают регионы Ближнего Востока и Южной Азии, а основными жертвами становятся мусульмане. По данным опубликованного в конце апреля 2008 г. очередного доклада Госдепартамента США о терроризме, за 2007 г. в мире было совершено 14,5 тыс. терактов, жертвами которых стали 22 тыс. человек.

Во-вторых, никто не отменял законов демографии, а демографические часы работают сейчас в пользу мусульман. По данным фонда Карнеги, к 2023 г. число последователей ислама в мире превысит число христиан, и ислам станет первой религией в мире по числу последовате-

¹ Посол по особым поручениям Министерства иностранных дел РФ, кандидат исторических наук. Автор публикаций «Персидский залив в планах и политике Запада» (1985), «Россия намерена присоединиться к Исламской конференции» (2003) и др.

лей. Если нынешние тенденции сохранятся, то в Европе, где каждый год становится на один миллион мусульман больше, к 2025 г. будут проживать уже около 40 млн человек, исповедующих ислам, через одно-два поколения европейцы-христиане станут в Европе меньшинством.

На этом фоне становится все более очевидной новая роль ближневосточного региона и всех мусульманских стран в целом. Это связано с целым рядом объективных факторов.

Во-первых, стремительно возрастает роль ислама в целом. Тому есть много причин. Это и общеполитическая солидарность. Организация исламской конференции (ОИК), которая является единственной межгосударственной организацией, созданной на основе религии, объединяет 57 государств и в последнее время принимает энергичные меры для повышения эффективности своей деятельности. По новому Уставу этой организации, исламу необходимо вернуть свою ведущую роль в мире.

В борьбе с исламофобией мусульмане — и мы видим это каждодневно на экранах наших телевизоров и читаем об этом в газетах — занимают все более энергичную и наступательную позицию.

Во-вторых, более двух третей запасов нефти и газа сосредоточено именно в мусульманских странах (кстати, большинство членов ОПЕК относится именно к этой категории). Причем себестоимость добычи «черного золота» в Саудовской Аравии более чем в 15 раз ниже, чем, скажем, в России. С учетом того, что один баррель нефти сейчас стоит около 117 долл. и нет никаких оснований надеяться на значительное сокращение цен на нефть в ближайшем будущем, можно прогнозировать дальнейший рост удельного веса мусульманских стран в мировой экономике. Зависимость развитых государств от нефтедобывающих и нефтеэкспортирующих стран будет возрастать.

В-третьих, самостоятельным фактором становится новая финансовая мощь упомянутых государств. По самым скромным подсчетам, в течение ближайших семи лет их доходы превысят 5 трлн долл. Это не говоря уже о накопленных ими колоссальных денежных средствах на счетах в различных фондах и банках (только совокупный капитал чисто исламских банков год тому назад превысил отметку 300 млрд долл.).

Наконец, в-четвертых, — демографический фактор. В настоящее время число последователей ислама во всем мире составляет порядка 1,5 млрд человек. Ислам стал самой молодой мировой религией как в прямом, так и в переносном смысле. В частности, в ближневосточных странах 60 % населения — молодежь в возрасте до 25 лет. Ни для кого не секрет, что на фоне стареющего населения Западной Европы мусульманские страны находятся в более выгодном и перспективном положении.

Логично предположить, что уход американских войск из Ирака не только станет формальным концом однополярного мира, но и приведет к усилению экстремистских сил, что чревато

серьезными пертурбациями как для Ближнего Востока, так и для всего мира в целом.

В этих условиях Россия с ее растущим весом в международных делах могла бы сыграть роль своеобразного связующего звена между Западом и исламским миром, принимая во внимание наши добрые отношения со многими мусульманскими государствами, а также членство России в ОИК на правах наблюдателя. В России проживает значительное количество мусульман. По различным подсчетам, мусульмане составляют более 10 % общей численности населения страны. Поскольку рождаемость в мусульманских регионах сравнительно высокая и все большее число мигрантов составляют выходцы из мусульманских стран, к 2020–2025 гг. численность мусульман в Российской Федерации может приблизиться к одной трети всего населения.

Между тем, на наш взгляд, политики не всегда адекватно понимают смысл происходящего, не всегда вовремя умеют разглядеть нарождающиеся тенденции, тогда как весь смысл руководства заключается именно в том, чтобы уметь предвидеть развитие событий. Именно недостаток стратегического видения является одной из самых слабых черт современных политиков. Ученые должны помочь им спрогнозировать вероятные варианты будущих событий.

Россия, расположенная и в Европе, и в Азии, является, по словам Н. А. Бердяева, своеобразным «Востоко-Западом» и, видимо, самостоятельной цивилизацией. И поэтому могла бы сыграть, говоря словами Д. И. Менделеева, своеобразную роль примирителя. При всех существующих сложностях в России никогда не было религиозных войн, а наш опыт решения конфликтов и налаживания добрососедских отношений между народами различных вероисповеданий (в силу исторических традиций православие всегда было ближе к исламу, нежели католичество и другие ветви христианства) может оказаться полезным для других.

Сегодня задача недопущения раскола мира по религиозно-цивилизационному принципу становится одной из наиболее актуальных. Не случайно в конце XX — начале XXI в. сначала Иран, а потом Испания предложили два мировых проекта «Диалог цивилизаций» и «Альянс цивилизаций». К сожалению, из-за оппозиции к этим предложениям со стороны США и ряда западных государств оба эти проекта пробуксовывают. Наша страна могла бы сыграть значительную роль в том, чтобы не допустить межцивилизационного разлома. Это связано с нашими историческими и географическими особенностями, а также с существованием у нас сильной научной школы, разрабатывающей проблемы цивилизаций и взаимодействия культур.

Поэтому мы создали Центр партнерства цивилизаций. Нам представляется, что этот термин более точно выражает необходимость построения такой парадигмы международных отношений, к которой мы должны стремиться.

Мы хотели бы, чтобы движение за партнерство цивилизаций набрало силу в России и затем приняло бы международный характер. В основу

этого движения должны быть положены новые принципы взаимоотношений государств. Некоторые из них я хотел бы кратко упомянуть.

Нет и не может быть «высших» и «низших» цивилизаций, как не может быть «высших» и «низших» культур, рас и народов. Все они должны считаться абсолютно равноправными партнерами. Только при соблюдении баланса интересов сторон возможен конструктивный подход к решению всех существующих вопросов в международных отношениях. Невозможно решение проблем только силовыми методами. Необходимо создать общемировые и региональные центры превентивной дипломатии, призванные предотвращать возможные конфликты, не дожидаясь новых кризисов. В условиях растущей нехватки ресурсов, в первую очередь энергетических, в условиях ужесточающейся конкурентной борьбы за пользование ими необходимо упрочить уже действующие, а также разработать новые механизмы решения этих проблем экономическими, финансовыми и договорно-правовыми методами. Необходимо сделать так, чтобы плоды научно-технического прогресса стали достоянием всего человечества. И наконец, задачей задач становится борьба с изменением климата, с глобальным потеплением.

Мы вместе должны создавать этот новый мир, приемлемый для жизни всех цивилизаций, и передать его грядущим поколениям в целостности и сохранности.

Мы не случайно говорим об этом именно сейчас и именно здесь, на Международных Лихачевских чтениях. Тема диалога культур, диалога цивилизаций — это и продолжение деятельности самого Дмитрия Сергеевича, и следующий этап того, что заповедал исследовать академик, считавший, что забота о культуре во всей ее целостности — это дело всего мира, поскольку развитие культуры есть не только движение вперед, но и отбор в мировом масштабе всего лучшего, что создано человечеством.

Еще Дмитрий Сергеевич полагал, что нынешний этап развития цивилизации породил необходимость выработки и принятия общих принципов, обеспечивающих дальнейшее сохранение и развитие культуры как достояния всего человечества. В разработанном им проекте «Декларации прав культуры» сформулирован принципиально новый подход к определению места и роли культуры в жизни общества. В его представлении культура является главным смыслом и ценностью человеческого существования, условием продолжения осмысленной жизни. Вне культуры бытие народов и государств лишается смысла. Право на культуру, по существу, поставлено в один ряд с правом на жизнь. Глобализацию, которая в своем нынешнем виде несет человечеству как несомненную пользу, так и не менее несомненное зло, академик понимал как процесс, движимый в первую очередь не экономическими, а культурными интересами. По Лихачеву, глобализацию надо осуществлять не только для «золотого миллиарда» жителей отдельных стран, а для всего человечества. Необходимо выстроить концепцию глобализации как гармоничного процесса мирового культурного развития при сохранении баланса между культурами огромными и культурами малых этносов, добиваясь как сохранения уникальности каждой из них, так и взаимообогащения друг от друга.

Наша культура на протяжении многих веков впитывала разнообразные зарубежные влияния, и это приносило огромную пользу России и российской культуре.

В сегодняшнем глобализированном мире, где особо острой становится проблема разрыва между богатыми и бедными, имущими и неимущими, особый акцент на культуру может стать тем объединяющим моментом, который позволит преодолеть кризис, прежде всего в духовной области, повлияет на умы и настроения и, соответственно, на действия людей.

Стивен Уайт¹

РОССИЯ И ЗАПАД — КОНФЛИКТ ИЛИ ДИАЛОГ ЦИВИЛИЗАЦИЙ?

Я очень рад находиться здесь, и для меня большая честь принимать участие в этой конференции. Имя Дмитрия Лихачева уже давно ассоциируется с принципами гуманизма и правами человека, принципами, которые утверждают: то, что объединяет нас, гораздо важнее того, что разъединяет. Сам Дмитрий Лихачев отстаивал эти принципы в очень тяжелое время, в трудных для себя обстоятельствах, и его поведение является примером для всех нас, живущих как в России, так и в других

странах. Шотландия, где я живу и работаю, не является исключением. Многие достижения Дмитрия Лихачева признаны не только Университетом города Эдинбурга, чьим почетным доктором он стал в 1964 г. В 1980-х профессор Лихачев посетил Эдинбургский университет, где работал в прекрасной научной библиотеке, и мне остается лишь сожалеть, что я не имел возможности встретиться и лично побеседовать с ним во время этого визита.

Наша встреча происходит в такое время, когда надежда профессора Лихачева на единое мировое сообщество находится под угрозой и когда обещание положить конец международной розни рушится. Ведущая мировая держава и Британское правительство воспользовались этими новыми обстоятельствами, чтобы найти повод нарушить рамки международного закона, и забыли принцип невмешательства, согласно которому внут-

¹ Профессор политологии Университета Глазго (Великобритания), главный редактор научного журнала «Коммунизм и политика переходного периода», редактор журнала «Международная политика». Сфера научных интересов — политические и общественные институты стран бывшего СССР, внешняя политика России, Белоруссии и Украины. Автор книг «Communism and its Collapse» (2001), «Politics in Europe» (2003, 2007 в соавт.), «Putin's Russia and the Enlarged Europe» (2006, в соавт.), статьи «Суверенная периферия Европы» (2006).

ренные события того или иного государства являются делом только этого государства (за исключением ряда случаев). Война в Ираке вновь показала нам, как опасно не соблюдать международные соглашения и как вмешательство во внутренние дела страны может привести к совершенно другим результатам, нежели те, на которые рассчитывали политики, развязывая военные действия. Конечно, мир сталкивался с угрозой терроризма и до вторжения в Ирак, и до терактов в Нью-Йорке и Вашингтоне в сентябре 2001 г. Но трудно предположить, что это обращение будет услышано, если забыть об уважении к другим культурам, ценности человеческой жизни, то есть тех принципах, за которые так ратовал профессор Дмитрий Лихачев. Кроме того, мы сталкиваемся с новыми проблемами, такими как истощение природных ресурсов, изменение климата, нехватка продовольствия и миграция населения.

Если нам необходимо выработать совместные действия, чтобы преодолеть угрозы, стоящие перед человечеством, то прежде всего надо поставить перед собой общую цель и понять необходимость защищать единые для всех ценности. Но понимаем ли мы все эту необходимость? Или мы имеем разные ценности, которые разделяют нас и дают повод к конфликтам, вместо того чтобы вести к сотрудничеству?

Как известно, существует по крайней мере одна авторитетная теория, утверждающая различие ценностей, что дает основание для конфликта цивилизаций, а не для сотрудничества и взаимопонимания. Согласно теории Самюэля Хантингтона, существует 7 (возможно 8) мировых цивилизаций. Принципами их выделения служат язык, религия и история. Наиболее остро противоречия проявляются между исламским и западным миром. Еще со времен Крестовых походов между ними существовал так называемый «рубеж кровопролитья». Гораздо реже вспоминают утверждение Хантингтона о существовании «славянско-православной» цивилизации, сильно отличающейся от западной христианской цивилизации и основанной на иной системе ценностей. В западном христианском мире церковь и государство отделились друг от друга очень давно. На Западе согласно установленному еще римским правом принципу частной собственности развивались торгово-капиталистические отношения, которые не зависели от церкви. Это явилось основанием для принципа личной свободы. Западные христианские течения, особенно протестантство и лютеранство, всегда отводили большую роль самим прихожанам в управлении церковью, и, как следствие, люди могли самостоятельно распоряжаться своей жизнью.

По утверждению Хантингтона, «славянско-православное» общество кардинально отличалось от вышеописанного. Православные страны основывались на традициях восточного, византийского христианства, где церковь и государство были нераздельны. В этих странах довольно продолжительными были периоды господства иноземцев. Кроме того, климат и географическое положение не способствовали развитию

независимых и полноценных капиталистических отношений. В результате возникло общество, «мало напоминающее общество Западной Европы из-за иных движущих сил, в котором мало возможным было развитие стабильных демократических политических систем». Для многих представителей славянских стран их общество не просто отличалось, а превосходило западный индивидуализм и материализм. Сегодня русские славянофилы черпают вдохновение в системе ценностей, отражающей различия в истории и культуре. Другие же, так называемые «западники», напротив, утверждают, что Россия может принять западный опыт развития без ущерба для собственных отличительных черт.

Перед лицом всех этих проблем в начале нового века мы гораздо ближе друг к другу, чем раньше. Официально холодная война закончена. Больше не существует двух военных лагерей, разделенных колючей проволокой, протянутой через всю Центральную Европу. Сегодня больше половины торговых соглашений России заключены с Европейским Союзом. Великобритания также производит большие инвестиции в российскую экономику. Увеличивается число российских владельцев недвижимости за пределами России (хотя только среди самых богатых): квартиры в Мейфер (фешенебельный район Лондона), виллы на юге Франции, футбольные команды. Миллионы граждан России проводят отпуск за границей: в Западной Европе, Турции, на Кипре. В России даже учатся играть в регби, правда, пока не учатся играть в крикет, я полагаю. Мы исповедуем единые христианские принципы, говорим на языках, которые входят в единую группу индоевропейских языков. Мы были союзниками в обеих мировых войнах. Царствующие дома России и Великобритании имели родственные связи.

Но не является секретом, что с приходом нового века эти тесные связи не привели к тесному сотрудничеству для достижения единых целей, на что мы какое-то время надеялись. До сих пор существует военный блок НАТО, членами которого уже являются несколько бывших республик Советского Союза. Как стало известно из недавнего саммита НАТО в Бухаресте, этот блок будет продолжать расширяться на восток, возможно, примет в свои члены Украину и Грузию. В Центральной и Восточной Европе к власти пришли новые правительства, сменив те, которые (по мнению российского правительства) не поддерживали стихийные общественные движения по присоединению этих стран к западному блоку. В свою очередь, Запад расценил позицию России по использованию энергетических ресурсов в ее отношениях с Украиной и Белоруссией как грубую попытку закабалить эти страны и предложил им как можно скорее вкладывать капитал в развитие собственных природных ресурсов. Другими словами, страны Запада продолжают крайне критически относиться к внутренней политике России и (как они называют это) к усилению авторитарной власти. Возможно, многие представители западных стран просто не видят возможности взаимопонимания, плодотворного сотрудничества между

западными и восточными странами. Возможно, наши системы ценностей слишком различны.

Я сам стою на другой позиции и хотел бы привести несколько примеров, подтверждающих мою точку зрения. Эти примеры взяты мной из результатов Международного исследования систем ценностей — проекта, начатого Университетом Тилбурга в начале 1980-х гг. и продолженного Университетом Мичигана и рядом международных ассоциаций. К настоящему моменту проведено четыре этапа исследований, каждый из которых проводился во все увеличивающемся количестве стран. Четвертый этап охватил 62 страны (в том числе Россию), в данный момент проводится пятый этап. В этом проекте участвовало 85 % населения мира.

Я не знаю более объективного и авторитетного исследования по проблемам ценностей, которые нас разделяют или объединяют. Информация об этой работе доступна в Интернете.

Исследование проводилось в форме опроса, в который были включены вопросы о разных сферах жизни — религии, семье, работе, окружающей среде и такой умозрительной категории, как счастье. В России и других восточноевропейских странах значение этой ценности сильно снизилось — к концу 1990-х только 6 % россиян сказали о себе «очень счастливы», по сравнению с 39 % американцев. Конечно, эти вопросы, взятые сами по себе, не могут дать представления о системе ценностей и не выделяют предпочтительные ценности. Но, проанализировав целый ряд ответов на все вопросы, мы увидим, что полученные результаты нельзя назвать простым совпадением.

Один из выводов, применимых к обсуждаемой теме, — различие. В некоторых смыслах система ценностей россиян отличается от других и может быть названа уникальной. Особенно это касается таких моральных ценностей, как неприятие наркотиков или самоубийства, а также признание сильной власти, закона и правопорядка — возможно, это стало реакцией на распад государства в 1990-х.

Но существует ряд ценностей, разделяемых только или почти только американцами. Напри-

мер, открытое выражение веры в Бога, посещение церковной службы. Поддержка частного владения бизнесом в Америке в 2–3 раза выше, чем среди опрошенных в Японии, России или Великобритании.

В то же время люди разных стран имеют единое мнение по ряду ценностей: например, многие согласились, что институт брака себя не изжил.

По многим вопросам Россия и Япония имеют одинаковое мнение по сравнению с другой парой: Великобритания–США. Один из таких вопросов — высказывание протеста в различных ситуациях. Первая пара гораздо менее поддерживает протесты, возможно, из-за того, что российское и японское общества более консервативны, чем американское и британское.

Надеюсь, все сказанное позволяет утверждать, что различие — самый логичный вывод из этих и подобных им примеров. Нас многое объединяет, но многое и разделяет. Но из того факта, что у нас много различий, еще не следует, что Россия резко контрастирует по своей системе ценностей с прочими странами мирового сообщества. Скорее, российская система ценностей ближе к европейской, например британской, но отличается от американской. Кроме того, система ценностей россиян очень близка системе ценностей граждан других высокоразвитых стран с совершенно иными культурными традициями, например с Японией.

По моему мнению, нам надо не только признать наши различия, но и гордиться ими, и уважать законность систем ценностей разных цивилизаций. Если мы будем уважать эти различия, то сможем и расширить сферы нашего сотрудничества. Кроме того, мы можем почерпнуть немало полезного для себя в других системах ценностей, в этом непрекращающемся «диалоге цивилизаций». Это основано на уважении общечеловеческих ценностей. Давайте признаем, что наш мир слишком мал и хрупок, чтобы заставлять кого-либо жить по нашим меркам.

Мне хочется думать, что если бы профессор Лихачев был жив, он согласился бы с последним утверждением.

Фабио Петито¹

ДИАЛОГ ЦИВИЛИЗАЦИЙ КАК ОДИН ИЗ ВОЗМОЖНЫХ ПУТЕЙ РАЗВИТИЯ МИРОВОГО ОБЩЕСТВА

Понятие «диалога цивилизаций» возникло на политической арене в 1990-х в связи с дебатами на тему мирового развития общества в противовес двум враждующим влиятельным концепциям: «конфликту цивилизаций» и «глобализации политики либерализма». В свете событий 11 сентября 2001 г.,

¹ Профессор международных отношений Университета Суссекса (Великобритания). Сфера научных интересов — проблемы взаимодействия факторов цивилизации, культуры и религии в международных отношениях. Автор более ста публикаций, в том числе: “The Global Political Discourse of Dialogue among Civilizations: Mohammad Khatami and Vaclav Havel” (2007), “The International Political Thought of Carl Schmitt: Terror, liberal war and the crisis of global order” (2007), “Civilizational Dialogue and World Order: the Other Politics of Cultures, Religions and Civilizations in International Relations” (2008) и др.

и спустя 5 лет после объявления ООН 2003 года Годом «диалога цивилизаций» это понятие сейчас воспринимается со смешанным чувством скептицизма и надежды. К сожалению, политическая теория международных отношений до сих пор не смогла сформулировать и дать четкое нормативное определение понятия «диалог цивилизаций», хотя это могло бы значительно способствовать развитию отношений между странами. В связи с этим мне хотелось бы схематически определить основные положения диалога цивилизаций как одного из возможных путей развития мирового сообщества.

В свете нормативного анализа концепций «конфликта цивилизаций» и «глобализации политики

либерализма», можно отметить, что они, с одной стороны, представляют собой два разнонаправленных течения международного порядка постсоветской эпохи, а с другой — в их основе лежит так называемый западнцентристский либерализационный принцип развития. Это две стороны одной медали, или резкая и смягченная формы одного пути дальнейшего развития общества: политического и идеологического доминирования проамериканского образа жизни. Диалог цивилизаций с позиций западнцентристских либерализационных идей ставит под сомнение моральное право на существование многокультурного международного общества. Однако принятие права на существование многих культур в современном мире не есть просто «золотая середина» при выборе между резкой формой политики мирового единства по западному образцу, занимающей прочные позиции в умах, и смягченной позицией либеральной этики мирного сосуществования культур. Напротив, принятие многокультурной формы развития общества требует решительного пересмотра позиций прозападного либерального пути, который на данный момент является нормативной основой современного международного сообщества. Иными словами, вопрос выбора состоит не в том, чтобы найти альтернативу между двумя формами западнцентристской либеральной политики, а как практически начать процесс диалога между нациями, чтобы создать «новые всеобщие действующие на законных основаниях альянсы, где принцип здравого смысла вновь будет услышан» (цит. по Г. Гадамеру).

С этой точки зрения призыв к диалогу цивилизаций — не абстрактное измышление, а реальное политическое требование. С его помощью можно создать духовные и материальные предпосылки для создания будущего международного права, основанного на многонациональном мировом порядке, первоочередной задачей которого является не создать «рай на Земле», а, скорее, не допустить, чтобы Земля превратилась в ад. Таким образом, основные положения концепции диалога цивилизаций как наиболее четкого и перспективного способа мирового развития определяются следующими политическими принципами: поддержкой диалога как стратегии ненасильственного развития на всех уровнях политической системы; со-

зданием альянса ведущих мировых религий, чтобы не допустить использования религиозного принципа «Мир — Имя Господне» в целях насилия; критическим анализом глобализации экономики и ее хищнических методов; призывом к международному обмену в культурной, духовной и религиозной сферах, чтобы определить новые тенденции развития гуманизма.

Если понятие мирового диалога цивилизаций подразумевает резкое неприятие политического и идеологического господства американской либерализационной политики развития мира, то не удивительно, что в последнее время критика идеи униполярного общества ассоциируется с этим понятием и все чаще высказывается мысль о том, что мы медленно, но верно движемся к многополярной цивилизации. Возникает вопрос: входит ли понятие многополярной цивилизации в политическую теорию международного диалога?

Высказывается опасение, что существование многих культур в мировом сообществе может привести к столкновениям и конфликтам между ними (в частности, Хантингтон видит в этом наибольшую угрозу миру во всем мире). Проблема многополярной модели цивилизации заключается в том, что она основана скорее на территориальных принципах организации, а нормативные положения ее структуры власти еще не определены.

Альтернативная модель развития общества, за которую выступаю я, имеет в своем основании как территориальный принцип многополярности, так и новые принципы международного права. Активное проведение политики диалога цивилизаций представляет собой сочетание двух вышеупомянутых принципов, что снижает риск доминирования одной культуры в первом случае и обеспечивает законность политики плюрализма во втором. Уточню, что предлагаемая мною многополярная межкультурная территориальная модель отличается от предложенной Хантингтоном по следующим аспектам: 1) в ее основе лежат не цивилизационные принципы, а диалог различных культур; 2) противоречия будут сглажены нормативными актами нового международного права, основанного на принципах подлинного единства; 3) целью ее является распространение межнационального взаимопонимания на всех уровнях.

Эберхард Шнайдер¹

ЕВРОПЕЙСКАЯ КУЛЬТУРА

Европейская культура как транскультурный феномен

Европейская культура принадлежит к области транскультуры. Это понятие означает множественную культурную идентичность, стоящую

выше национальной культуры. Европейская культура возникла в результате тесного соединения и переплетения различных культур европейского континента, таких как греческая, римская, французская, английская, итальянская, испанская, немецкая, русская и др. В основе европейской культуры не заложена какая-либо определенная национальная культура, она охватывает много национальных культур народов, являющихся географическими соседями, которые очень сблизилась в результате многовековой

¹ Профессор Германского института международной политики и безопасности, главный редактор еженедельного бюллетеня «Россия: актуальная внутренняя политика», член совета Центра Россия–ЕС в Брюсселе. Автор книг „Das politische System der Ukraine Eine Einführung“ (2005), „Das politische System der Russischen Föderation“ (2001), «Политическая система Российской Федерации» (пер. с нем. 2002).

истории на длительное время. Действенная продолжительная встреча этих культур была решающей.

Формирование европейской культуры в течение столетий не означало конца национальных культур. Наоборот, встреча с соседними культурами вела, с одной стороны, к осознанию особенности и ценности собственной национальной культуры, с другой — к познанию общих ценностей, что сделало возможным сосуществование с другими культурами европейского континента, если только шовинистические элементы не использовали их национальные различия для подкормки соперничающих властных и экономических интересов. В чем особенность европейской культуры, ее *differentia specifica*, в чем ее отличие от других культур?

Демократия

Сначала следует назвать демократию. Даже если это не может быть прямой демократией греческих городов-государств на основании большей численности населения, то основная мысль все же сохраняется: суверенитет исходит от народа, а исполнительное насилие является только временным и должно контролироваться народом же. То, что при этом разные демократии отличаются друг от друга, само собой разумеется. Французская демократия, например, отличается от британской, швейцарская — от немецкой. Эти суверенные проявления демократии следуют основным принципам демократии, которой свойственны политический плюрализм, свободные и корректные выборы, правовое государство и свобода слова. Апелляция к суверенной форме демократии не может вести к объявлению основных элементов демократии утраченными силу и к сбыту этой идеи с помощью прилагательного «суверенная» под видом демократии.

Права человека

Следующим элементом европейской культуры является принцип права человека, так как каждый человек обладает неповторимым достоинством и неприкосновенностью личности, что проистекает из его духовной природы. Права человека и политическая форма демократии триумфально шествуют по миру, они нашли отражение в Декларации прав человека ООН и обосновали создание Международного суда в Гааге. В основе прав человека заложен принцип естественного права, которое принадлежит ему от рождения, оно не может даваться ему, а также быть отнято у него государством. Даже если государство не соблюдает права человека, они все же имеют силу, и тогда вина за их несоблюдение ложится на государство. Государство имеет право издавать законы только на основании признания прав человека.

Христианство

Следующая составляющая европейской культуры — ее христианская религиозная традиция. В течение столетий христианство пережило два больших раскола, которые привели к сильным

культурным различиям, однако основные христианские убеждения остаются общими для трех христианских церквей. Секуляризация привела к отделению церкви от государства, но между тем основные христианские убеждения вошли в государственные законодательные акты без указания на них, в чем большинство не отдает себе отчет. Вследствие исторического развития и миграции ислам пришел в Европу. Иногда это создает проблемы — в случае если эта религия не признает принцип секуляризованного государства в Европе.

Социальное государство

Относительно новым элементом европейской культуры является социальная форма рыночной экономики. Во-первых, политическая демократия должна соответствовать экономической, так как обе обуславливают друг друга. Лишь сравнительно развитая рыночная экономика делает эффективной политическую конкурентную демократию как процесс реализации внутренних интересов. С другой стороны, демократизация — это предпосылка для экономической либерализации. Можно пытаться игнорировать эту связь, но лишь некоторое время и до определенной степени. Либо политика приспособится к экономической системе, либо экономическое развитие будет тормозиться. Если начнется развитие авторитарных тенденций, они могут легко выработать собственную динамику. *Кто* захочет их тормозить, когда развитие пойдет в направлении диктатуры, если не имеется никакого демократического корректива? *Кто* определит, *когда* и посредством *каких критериев*, что время авторитаризма прошло и что можно возвращаться к восстановлению демократии?

Во-вторых, европейская форма капитализма в отдельных государствах по-разному социально ориентирована. Между свободой и справедливостью должен существовать баланс. Стопроцентное проявление одного элемента означает соответственно стопроцентное отрицание другого. Абсолютная свобода принятия решения предпринимателя ведет к большой социальной несправедливости. Абсолютная социальная справедливость препятствует принятию предпринимательского решения. Государство должно заботиться о законодательном регулировании социальных, налоговых и других вопросов, так как сбалансированность этих ценностей на практике предотвращает социальные беспорядки.

Политический вывод

Осознание общей европейской культуры и стремление навсегда исключить вероятность войн между европейскими государствами привели к созданию Европейского Союза, который в настоящее время объединяет 27 государств с численностью населения почти полмиллиарда человек. В его состав входят большинство европейских стран. ЕС является сильным полюсом притяжения для государств, не принадлежащих к Союзу. После принятия в сообщество 12 новых стран-участниц в течение последних четырех

лет Союз оказался перед серьезной проблемой обязательного углубления интеграции, если только он не хочет стать одной из разновидностей ОБСЕ. Европейский Союз сможет сделать это, только следуя принципу субсидиаритета и единства в многообразии.

Какую перспективу может предложить ЕС России, внешняя торговля которой с ЕС составляет более 50 % ее торгового оборота с европейскими странами и которая поставляет ЕС 80 % своего энергоэкспорта и получает от Союза 75 % его иностранных инвестиций? Конечно же, не

перспективу членства, что изменило бы природу Европейского Союза. Этого не хочет и сама Россия. Возможным было бы партнерство в форме ассоциирования нового типа без перспектив членства. Такое ассоциирование было бы значительно больше, чем новое соглашение о партнерстве и сотрудничестве, по которому обе стороны должны вести новые переговоры. Элементами такого соглашения ассоциирования нового типа могло бы быть, например, постепенное создание зоны свободной торговли с ЕС и углубление политического диалога по важным темам.

Петр Дуткевич¹

ПОСТГЛОБАЛИЗАЦИОННАЯ ПЕРЕСТРОЙКА МИРОВЫХ РЫНКОВ И СОГЛАШЕНИЕ МЕЖДУ СТРАНАМИ ЦИВИЛИЗОВАННОГО МИРА

Власть в сфере глобальной экономики сдвигается от стран Старого Запада к вступающим в эту среду странам новых экономик. Глобализация дала начало позитивной экспансии экономической мощи Америки и позволила ей захватить мировые рынки, но со временем экономика США стала одновременно и «победителем» и «побежденной», сталкиваясь с усиливающимся влиянием растущих экономик. Радикальные изменения на мировых рынках сильно влияют на уровень сотрудничества различных макрорегионов.

Мы будем переходить от диалога между странами с новой экономикой к другой фазе — достижению договоренности между этими странами путем нахождения общей платформы, на которой мы можем построить дальнейшие политические и экономические отношения.

Что нового ожидает нас в постглобальный период? Здесь, по крайней мере, есть несколько ключевых моментов, которые характерны для последних двух десятилетий в связи с темпами процесса глобализации.

Последние 20 лет отмечены быстрым развитием процессов, которые, вместе взятые, получили название «глобализация». Движущей силой глобализации изначально были США, вносящие наибольший вклад в этот процесс в течение довольно длительного времени. Но США становятся жертвой того чудовища, которое они сами и породили — не в смысле корпоративной выгоды, которая была высочайшей в течение многих десятилетий, но в смысле национального социально-экономического развития.

Реконструктивный сдвиг в соотношении сил определил положение новых экономик как наиболее динамичной силы внутри мировой рыночной системы. С точки зрения населения (в существующих терминах — дешевого источника высококонкурентной и мобильной рабочей силы) и ресурса иностранной рабочей силы новые эко-

номики превосходят западную экономику. Можно доказать, что это просто реванш новых экономик, которые в историческом плане вплоть до XIX в. были намного сильнее своих западных конкурентов.

Статистические данные указывают на то, что новые экономики уже опередили экономики развитых стран по динамике роста их валового внутреннего продукта, и разрыв продолжает увеличиваться. Если мировая система продолжит развиваться согласно тенденции, установившейся в последние годы и если она не претерпит непредсказуемых драматических изменений, то «перестройка» экономических отношений сильно изменит существующий баланс экономических сил.

Это, очевидно, к середине XXI в. будет иметь геополитические и военные последствия. Новая ситуация изменит соотношение сил в современном мире, еще сильнее подорвет международные политические и экономические институты, создаст новые конфликтные зоны. Это заставит европейских политиков ответить на вопрос о том, что случилось с их экономикой, проверит способность новых лидеров, таких как Китай и Индия, нести ответственность за мировую систему, а также проверит американское лидерство вступлением в огромный «диалог цивилизаций» относительно разделения власти в мировом масштабе. Одним из уже очевидных результатов такой перестановки является изменение покупательной способности населения западных стран как итог давления конкуренции со стороны вновь созданной экономики, снижающей уровень доходов людей в западных странах. Иначе говоря, рабочие в развитых странах получают меньшие зарплаты и условия жизни среднего класса ухудшаются.

На рынках труда в Организации экономического сотрудничества и развития наблюдаются значительные последствия: в целом «хорошие» рабочие места становятся менее доступными, менее стабильными и менее оплачиваемыми (исключением является удивительный рост зарплат исполнительных директоров ведущих компаний, если не принимать во внимание их деятельность как лидеров). Кроме того, вновь

¹ Директор Института европейских, российских и евразийских исследований при Карлтонском университете (Канада), профессор. Автор книг «Problems of local development in Poland» (1989), «NATO looks East» (1998), статей «Вызовы демократизации: перспективы политической трансформации в Восточной Европе» (в соавт.), «Новая роль Канады в отношениях с Россией» (в соавт.) и др.

созданная экономика формирует материальные условия для социальной стабильности в странах Запада и в то же время подрывает их долгосрочный потенциал как лидеров мировой экономики.

Из всего сказанного можно сделать четыре вывода.

1. Гегемония Соединенных Штатов в мире уменьшается, а возможно, и заканчивается. В то же время господство США, благодаря объему и динамике роста экономики и, в частности, военной мощи, а также из-за сохранившейся силы доллара как мировой валюты, будет сохраняться по крайней мере еще одно-два десятилетия.

2. Во вновь появившейся экономике уже произошел сдвиг экономической мощи. В западных странах очевидны социальные и экономические последствия этого процесса. Проблемы в главных межнациональных институтах также служат доказательством данного процесса.

3. Еще не известно, до какой степени сможет Азия, включая Юго-Восточную и Восточную, построить более крепкую экономику и политические внутриазиатские отношения, которые придали бы азиатским странам статус главных социально-политических и экономических мировых игроков.

4. Мы вступаем в решающий период, когда Запад сталкивается с ниспровержением глобальной иерархии богатства и силы. Здесь возможны два сценария: первый — активно конкурировать и пытаться выиграть борьбу за власть; второй — участвовать в разделении власти и сотрудничестве с Азией, что, по крайней мере, обеспечило бы странам Запада стабильное место в глобальной структуре господства. Надеемся, что с помощью диалога цивилизаций Запад выберет второй сценарий, который избавит человечество от новых экономических и вооруженных конфликтов.

В. В. Наумкин¹

МИРОВАЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ СИСТЕМА И МИРОПОЛИТИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО

Цивилизационная система и мирополитическое устройство представляют собой два разных лика, два структурообразующих атрибута современного мира. Связывающие их отношения одновременно и исторически стабильны, и стадийно конфликтны. Мирополитическое устройство в своей скачкообразной эволюции все в большей степени стремилось приспособляться к цивилизационной системе, не допуская слишком опасного нарушения баланса. В далеком прошлом, когда основы общепринятого мирового порядка еще не сложились, цивилизационные гиганты-гегемоны часто бесследно исчезали как государства, но оставляли после себя культурное наследие, на многие века определявшее развитие человечества. Позднее мировые и иные сопоставимые с ними по масштабам войны, революции и колониальное порабощение чужих стран взрывали межцивилизационный баланс изнутри. Геноцид как крайнее проявление антицивилизационности политики ставил под угрозу сохранение даже культурно-цивилизационного следа ставших его жертвой народов. Распад империй в современную эпоху — явление одновременно и мирополитическое, и культурно-цивилизационное.

В наше время конвульсии мирополитического устройства, с одной стороны, оказались порожденными противоречиями между культурами и цивилизациями, с другой — оказывают на них мощное воздействие. В определенной мере политика впервые оказывается сильнее цивили-

лизации, но цивилизационность как носитель устойчивости в извечной борьбе последней с изменчивостью сопротивляется слишком сильному давлению со стороны политики.

В этих условиях использование цивилизационного инструмента для мирополитического конструирования становится все более привычным. Политически конфликтные отношения между исламским миром и Западом находят цивилизационное объяснение, понятие «цивилизация» (хотя его единого для всех понимания не существует) ставится по главу угла в политических теориях и международных политических проектах. При этом отношение к «модерности» рассматривается как своего рода водораздел. А религия (или отношение к ней) и этничность сохраняют свою роль не только как два наиболее значимых маркера в цивилизационной системе, но и как удобные орудия политической мобилизации. В этом контексте показателем появившийся в западном дискурсе тезис о существовании «мира веры», противопоставленного миру «модерности», светскости и свободы. В то же время религиозный «фрэйминг» политики применяется и секулярными государственно-политическими системами. Активизация негосударственных акторов используется как аргумент авторами апокалиптических предсказаний межцивилизационных войн. Она же в значительной мере усиливает состоятельность концепции отмирания традиционной национальной государственности и суверенности. Нерешенность вопроса о соотношении права наций на самоопределение и принципа сохранения целостности существующих государств — показатель конфликтности в каждом из двух рассматриваемых измерений современного мира. Гармонизации отношений между цивилизационной структурой мира и мирополитическим устройством, каждое из которых переживает се-

¹ Руководитель Центра арабских исследований Института востоковедения РАН, заведующий кафедрой региональных проблем мировой политики МГУ им. М. В. Ломоносова, главный редактор журнала «Восток-ORIENT», доктор исторических наук, профессор. Автор книг «Центральноазиатский фактор в отношениях России с Западом» (2002), «Исламский радикализм в зеркале новых концепций и подходов» (2005), «Центральная Азия в мировой политике» (2005) и др.

годня кризис идентичности, также мешают обреченные на неудачу попытки однополярного доми-

нирования в сочетании с затянувшимися родовыми схватками многополярности.

Мегавати Сукарнопутри¹

НЕОБХОДИМО ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВСЕХ НАЦИЙ И ГОСУДАРСТВ

Прежде всего, позвольте мне выразить благодарность за приглашение принять участие в VIII Международных Лихачевских научных чтениях. Для меня большая честь выступить на этой конференции по теме «Диалог культур и партнерство цивилизаций». Тема нашего форума имеет большое, я бы сказала, стратегическое значение по двум причинам. Во-первых, за последние несколько лет среди ученых, политиков, общественных деятелей было много дискуссий о причинах и последствиях конфликта цивилизаций. Толчком к обсуждениям и спорам стала книга Самуэля П. Хантингтона «Столкновение цивилизаций». Эта конференция может способствовать правильному решению данной проблемы и позволит найти пути снижения негативных последствий конфликта цивилизаций. Во-вторых, глобализация в сфере информации и коммуникаций помогла начать интенсивное взаимодействие и общение между народами и странами. Все мы сталкиваемся с положительными и отрицательными результатами глобализации, ставшей неотъемлемой частью нашей жизни.

Как уже было сказано ранее, в результате глобализации обмен информацией между нациями возрос многократно. Глобализация оказала сильное влияние на изменения в экономике, политике, стратегии развития. Один из главных вопросов, стоящих перед нами: насколько теперь глобализация повлияет на создание общественной системы, основанной на принципах справедливости, честности, сохранения мира? На данный момент существуют страны с богатыми природными ресурсами, но низким уровнем жизни населения. И наоборот, есть государства, где природные ресурсы истощены, но уровень жизни высок. Существуют и страны, занимающие промежуточную позицию по этим показателям. И все эти нации взаимодействуют в современном мире.

Неотъемлемой частью глобализации стала, с одной стороны, конкуренция. С другой — мы все ощущаем потребность в сотрудничестве. Конкуренция будет существовать еще долгое время, не обязательно в теперешнем виде, она может принимать разные формы. Но будем надеяться, что в будущем ее формы будут не столь жесткими и позволят создать условия для мирного сосуществования в обществе. Если мягкие формы конкурентной борьбы действительно будут существовать, это позволит смягчить и острый конфликт цивилизаций. Если же изменения в видах конкуренции приведут к ее резким и жестким формам, столкновение цивилизаций также усилится во много раз и проявит себя в еще большем числе сфер деятельности.

Точно так же дело обстоит с сотрудничеством. Взаимовыгодное сотрудничество между странами в будущем поможет укрепить мир во всем мире. Если же сотрудничество только увеличит разрыв между странами и усилит неравенство, то и потенциал столкновения цивилизаций возрастет.

Таковы причины конфликта цивилизаций.

Безусловно, каждая страна по-своему принимает участие во всемирном взаимодействии наций, возникшем в результате глобализации. Эти характерные для каждой страны особенности общения проистекают из культурных ценностей, присущих данной нации. Кроме того, ценности есть показатель уровня развития цивилизации. Например, в Индонезии нашими фундаментальными ценностями, законами национальной философии и идеологии являются пять принципов, называемых «Панчашила».

Вот эти принципы: вера в Бога; вера в справедливость; национальное единство Индонезии; политика умеренной демократии; всеобщая социальная справедливость. Эти пять принципов были определены и сформулированы одним из отцов-основателей нации и первым президентом доктором Сукарно, также известным как Бунг Карно.

Принципы «Панчашила» особенно ценны и важны для нас, если учитывать географическое и демографическое положение Индонезии. С географической точки зрения Индонезия представляет собой архипелаг, состоящий из более 22 тыс. больших и малых островов. Это самый большой архипелаг в мире. Демографической особенностью Индонезии является то, что мы представляем собой смешение разных культур, народностей, религий. Вышеупомянутые принципы являются нашими основными ценностями в условиях глобального мира. Президент Бунг Карно как-то заметил, что «Панчашила» есть вклад Индонезии в дело развития мирового сообщества и поддержания мира на планете. Тому есть две причины.

Во-первых, мы внедряем в жизнь систему пяти принципов, полностью осознав наше многообразие культур, этносов, наций, невзирая на нашу непохожесть друг на друга. Поэтому мы считаем, что и все страны мира могут успешно общаться и мирно взаимодействовать, несмотря на существующие различия. Одно из условий этого — продолжительный диалог и партнерство мировых культур и цивилизаций. Диалог и партнерство чрезвычайно важны, так как мы понимаем, что каждая страна и народ имеют как положительные, так и отрицательные стороны. Признание этого необходимо для успешного и плодотворного сотрудничества в мире.

¹ Президент Индонезии (2001–2004).

Во-вторых, «Панчашила» — открытая форма идеологии и философии. Пять принципов как система философских ценностей могут по-разному применяться в жизни общества, а особенно-сти их применения следует выработать путем диалога и партнерства.

Влияние глобализации сегодня огромно. Например, в результате создания биотоплива возникла нехватка пищевых продуктов. Полагают, что биотопливо есть альтернатива нефти, запасы которой стремительно сокращаются, а цены возрастают. Известно также, что истощение нефтяных запасов может стать причиной войн и трагедий. Однако уменьшение продовольственных запасов может вызвать более масштабные конфликты. Как глобальный мир, диалог и партнерство народов и стран могут решить эту проблему? Если продовольственный кризис будет длиться долго, культуры и цивилизации придут в упадок. Решать эту проблему можно только сообща, а именно поставив одним из вопросов диалога и партнерства возможность дальнейшего существования человечества. То же самое касается и эффекта глобального потепления, оказавшего сильное воздействие на все сферы человеческой жизни. Глобальное потепление влияет на производство пищи, а также на чистоту воздуха и воды.

В связи с этим диалог и партнерство культур и цивилизаций чрезвычайно востребованы. Следует отметить, что нехватка продовольственных и энергетических запасов и глобальное потепление — не просто экономические проблемы, но, что более важно, это проблемы существования человечества. Поэтому диалог между народами и партнерство между странами вовлечут в свой процесс и страны с богатыми природными ресурсами, но низким уровнем жизни населения, и государства, где природные ресурсы истощены, но уровень жизни высок, и страны, занимающие промежуточную позицию по обоим показателям.

Взаимодействие всех наций и государств необходимо, чтобы противостоять проблемам, касающимся всего человечества. Под взаимодей-

ствием я понимаю процесс, имеющий несколько аспектов: во-первых, признание и терпимость к различным формам культур, а также право каждой нации выбирать свой путь жизни и развития общества процветания и довольства. Право выбирать свой путь не означает отрицать или отвергать пути развития других наций. Каждый способ развития имеет право на существование и должен учитывать и соотноситься со способами развития прочих наций во всемирном масштабе. Признание и терпимость только усилят посредством диалога культур и партнерства цивилизаций. Во-вторых, постоянный процесс адаптации и изменения, так как каждая страна и народ имеют свои положительные и отрицательные черты. Постоянное изменение даст возможность каждой культуре способствовать развитию человечества и решать стоящие перед нами вопросы.

Адаптация же нужна, поскольку мир изменяется быстрыми темпами в связи с ростом населения, увеличением потребностей, усилением конкуренции и тому подобным, что требует способностей приспосабливаться к произошедшим изменениям.

В связи с вышеизложенным можно сделать вывод: чтобы существование мира было успешным, нациям необходимо иметь точки соприкосновения, то есть нужно взаимодействие. Диалог культур и партнерство цивилизаций не смогут проявить себя, если будет существовать разделение на высших и низших. Несмотря на разные экономические и социальные условия в мире, все мы сталкиваемся с одинаковыми проблемами. Сокращение продовольственных запасов, глобальное потепление, истощение запасов нефти, удорожание топлива и тому подобное касаются всех. Поэтому нам следует забыть о дискриминации, ведя диалог между странами. Равенство будет способствовать плодотворному партнерству. Если показать, что позитивные результаты взаимодействия реальны и достижимы, то нации и народы будут более восприимчивы к процессу диалога культур и партнерства цивилизаций.

Кинхиде Мусакоджи¹

РОЛЬ АЗИИ В СОЗДАНИИ СОВРЕМЕННЫХ ПРОЕКТОВ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА (К вопросу о неокOLONIALной политике в эпоху войны с террором)

1. Кризис мировой цивилизации и Азия

Несмотря на тенденцию всеобщей унификации, вызванную развитием глобальной экономики, Азия в своем экономическом, политическом и культурном развитии значительно отличается от западных стран. Исторически этот

регион всегда был притягателен для претворения в жизнь различных цивилизаторских проектов. Теперь, когда во всем мире понятия «модернизация», «индустриализация» и «западный образ жизни» стали синонимами, когда признаки кризиса мировой цивилизации достигли критического уровня, Азия может многое предложить, основываясь на творческой и интеллектуальной активности жителей этого региона. В данном докладе для обсуждения предлагается ряд подобных проектов.

Нашим основным предположением является тезис о том, что мир находится в состоянии кри-

¹ Директор Центра азиатско-тихоокеанского партнерства Университета экономики и права (Япония), вице-ректор Университета ООН по региональным и международным исследованиям, профессор. Автор работ "An Introduction to Peace Research", «Политическая и культурная подоплека конфликтов и глобальное управление», "Japanese Foreign Policy in a Multi-Polar World", "Behavioural Sciences and International Politics" и др.

зиса цивилизации, то есть кризиса, проявляющего себя в областях политики, экономики, социальной сфере и имеющего схожие причины во многих странах, так как современная западная цивилизация, распространившаяся по всему миру, вошла в фазу упадка и находится в кризисе. Современная модель цивилизации начала свое развитие на Западе со времен эпохи Возрождения, эпохи Просвещения, за которыми последовал период буржуазных революций в странах Европы. В своем развитии она сумела найти новые материальные, технические и промышленные возможности для увеличения благосостояния населения. Базой прогресса стали следующие экономические, политические и культурные достижения: капиталистические экономические отношения, современная международная политическая система правления, отделение церкви от государства.

Данная форма цивилизации распространилась по всему миру в результате колониальной экспансии развитых стран. Процесс деколонизации, начавшийся после Второй мировой войны, позволил колониям на Востоке самостоятельно приобщиться к промышленным, материальным и культурным ценностям, созданным странами Запада. Таким образом, конечной фазой развития западной цивилизации стало ее успешное глобальное распространение. Однако эта фаза стала фазой упадка, и все накопленные противоречия начали проявляться в самой резкой форме.

Капиталистические отношения подразумевают расширение рынков и конкуренцию и, казалось бы, гарантируют бесконечный рост, но на поверку они оказались несостоятельными, так как производительные силы снизились и капиталистические отношения превратились в мировой рынок финансовых спекуляций, где природные и человеческие ресурсы рассматриваются только как сырье для производства.

Вступая в эпоху глобализма, капитализм превратился из экономической системы постоянно обновляющегося производства в систему, где финансовые отношения доминируют над производственными, а рыночная конкуренция способствует росту спекуляции, но не эффективному производству. Это ведет к резкому усилению таких экономических противоречий в мировом обществе сверхпотребления, как разделение на богатых и бедных, рост и застой в развитии.

В современном обществе в странах Запада были созданы новые организации, обеспечивающие мир и безопасность, такие как Вестфальский договор. Но, в сущности, они были основаны на принципах жестокости, милитаризма, полицейского государства. Эти организации гарантировали безопасность и благосостояние только своим гражданам в обмен на их постоянную готовность защищать свои права с оружием, что позволило установить относительно мирное существование в западных странах, а их граждане сумели создать демократические общества, регулирующие деятельность государства.

Страны — участницы Вестфальского договора, особенно наиболее развитые, создали систему «баланса сил» и особый общественный порядок, по которому государство распределяло общественные блага согласно способу, избранному его гражданами. Система «баланса сил» была основана, однако, на принципиальной возможности экспансии за пределы границ Вестфальской системы и захвата колониальных рынков, что было представлено пропагандой как несение прогрессивных идей свободы и демократии малоразвитым странам.

Эти миссионеры цивилизации, конечно, способствовали развитию стран-колоний, однако стала видна пропасть между пропагандистскими лозунгами и реальностью, когда колонии подвергались дискриминации во имя исполнения этих лозунгов.

Эпоха глобализации характеризуется двумя основными противоречиями Вестфальской системы, скрывающимися за понятиями «демократия» и «международная безопасность». С одной стороны, двухполюсный баланс сил был уничтожен в результате развала Советского Союза. Хотя это и привело к окончанию холодной войны, но способствовало возникновению государства-гегемона, в результате мирового равновесия нарушилось. Господствующее государство развязало войну против терроризма, и началась она в странах бывшего соцлагеря. В этой войне культурные ценности западной цивилизации стали предлогом к вторжению в другие страны, и мы, по сути, вернулись к эпохе колониализма, с которой покончили в 1950-е гг.

Таким образом, система Вестфальского договора, где основным условием была власть государства над силами полиции и армии, стала несостоятельной, так как не смогла обеспечить безопасность человечества и привнесла раскол в общество, особенно в малоразвитых, бедных странах.

В этих обстоятельствах идея модернизации по образцу Запада, имевшая когда-то положительный эффект, больше не может вести мир к процветанию, и поэтому диалог между западной и восточной цивилизациями приобретает особое значение.

Это очевидно, так как западная форма развития общества больше не гарантирует прогресса, и так называемое «столкновение цивилизаций» привело к экономическим и политическим противоречиям и к «войне с террором». В западной цивилизации смешались как позитивные (демократия, признание прав человека, равенство, свобода), так и негативные черты (разобщенность, эксплуатация, разные формы колониализма, в том числе и глобального). Требуется вливание свежей крови, которое могут предоставить восточные страны, чтобы преодолеть доминирование негативных факторов, вызвавших кризис мировой цивилизации.

В связи с этим антиколониаторские культурные проекты стран Азиатского региона могут сыграть положительную роль в деле преодоления мирового кризиса цивилизации путем уси-

ления позитивных черт западной культуры и преодоления негативных причин упадка. Для азиатских стран не впервой выполнять роль посредника в подобном рода проектах: вспомним Конференцию Коалиции афро-азиатских стран против политики колониализма, проведенную в Бандунге по инициативе стран Азии. Бандунгская конференция явилась вехой 30-летнего (с 1950 до конца 1970-х гг.) периода расцвета и международного развития в результате деколонизации. В то же время в поддержку этого течения ООН сформировала такие организации, как Движение неприсоединения и «Группу 77». Вслед за этим на волне антиколониализма и демократизации 1960–1970-х гг. последовал проект Нового всемирного экономического порядка и ряд других аналогичных проектов.

Следует отметить, что процесс деколонизации охватил не только страны-колонии, но и все слои и социальные группы общества, так или иначе подвергшиеся дискриминации со стороны западных капиталистических стран Вестфальской политическо-экономической системы. Например, в 1960-х гг. движение в защиту гражданских прав в США повлекло за собой массовые выступления во всем мире в поддержку прав человека, антивоенные и экологические кампании, кампании против расизма и дискриминации женщин.

Однако процесс деколонизации и демократизации длился недолго. Вслед за финансовым кризисом в малоразвитых странах и застоём в экономике развитых стран последовал этап глобальной неолиберальной экономики. Все достижения 1960–1970-х гг. были поставлены под сомнение западными странами, и это явилось толчком для нового глобального кризиса, получившего название периода реставрации колониализма или ре-колониализма, по формулировке Михаэля (Микадо) Варшавски. Началом нового всемирного кризиса стал распад Советского Союза. Кризисная фаза продолжается до сих пор, и одним из ее проявлений стал проект Нового мирового порядка Джорджа Буша-старшего.

В 1980-х гг. социалистические государства исчезли с мировой арены, и новые проекты развития практически не появлялись в течение 20 лет. Затем, в начале XXI в., вступил в действие Всемирный социальный форум. Он был организован в противовес Всемирному экономическому форуму, пытавшемуся вновь объединить страны колониальной экспансии. Победа ВЭФ могла бы свести на нет усилия таких альтернативных проектов, как «Пятый интернационал» Самира Амина, образованный спустя 50 лет после Бандунгской конференции.

Из вышесказанного ясно, что страны Азии вновь стали инициатором диалога культур и цивилизаций. Однако в начале XXI в. под влиянием государства-гегемона Азия была объявлена рассадником терроризма, регионом повышенной опасности. Вдобавок, некоторые политические деятели Японии, пытаясь добиться экономического превосходства среди стран-колонизаторов, предложили свою программу, как превратить

Азию в регион процветания, пытаясь получить контроль над природными богатствами этого региона. Их основные цели — Индия и Китай (имеющие наибольший потенциал развития), а также богатые нефтью страны исламского мира.

И хотя в защиту проекта неолиберализации Азии выступают как национальные, так и крупные международные промышленники и предлагают свои программы развития этого региона, их поддержка зачастую существует лишь на словах, до тех пор, пока им это выгодно, а их программы служат дополнительным источником разобщенности мира, его разделения на господствующие и угнетаемые страны. Для нового витка в процессе деколонизации и демократизации странам Азии надо выработать собственные программы развития как альтернативу политике неолиберализма.

Подобные программы стали появляться еще в 1980-х гг. В качестве примера можно привести проект развития Сингапура «Конфуцианский капитализм» и малазийский проект «Взгляд на Восток». Однако западные страны объявили их пропагандой деспотизма и хищнической формы капитализма. Несколько лучше были приняты интеграционные международные проекты, такие как СААРК в Южной и АСЕАН в Юго-Восточной Азии. Последний хочется выделить особо. Это самый крупный (без участия США) международный проект восточноазиатских стран, куда также входят Индия и Австралия.

При всем интересе к проектам азиатских стран не следует забывать, что новые программы развития цивилизации, противостоящие западному типу развития, появляются не только в странах Востока. Наибольшую активность в этом вопросе проявляет Латинская Америка, где в поддержку антиколониаторской Программы боливариизма выступают все народности и государства. Кроме того, хочется отметить ряд международных антигегемонистских проектов, поддерживаемых ООН и мировым сообществом, таких как «Программа развития третьего тысячелетия», «Безопасность человечества» и «Программа устойчивого роста» (включающая и образовательные программы).

Не претендуя на главенство в антиколониаторских проектах развития общества, страны Азии были и остаются примером в решении подобных вопросов. Именно здесь появились два крупных антиколониальных проекта развития цивилизации: гандизм и маоизм, а претворение их результатов в жизнь может послужить началом новых антиколониаторских и антигегемонистских проектов.

Другой пример — страны ислама. Эта религия хоть и распространилась по всему миру, но, тем не менее, зародилась на Востоке. Она служит связующим элементом многих проектов, от так называемых фундаменталистских до современных неолиберальных. Ученые, мыслители и представители интеллигенции стран Азии играют немаловажную роль в мировой культурной и духовной жизни, принимая участие в таких программах, как «Глубинное развитие», разного

рода постмодернистских программах, движениях против дискриминации по половому признаку (включая движение неограмшианского феминизма) и многих других культурных проектах.

Сторонники вышеупомянутых антиколонизаторских проектов призывают критически переосмыслить прошлые и настоящие программы развития общества, проследить происхождение, истоки и причины дискриминации одних стран другими. Например, исследуя печальный опыт противоборства Расбихари и Чандры Боса японскому милитаризму, надо не просто принимать во внимание его негативные последствия, но диалектически изучить природу противостояния насилия и ненасилия, колониализма и антиколониализма, демократии и мирового господства одного государства.

Поставленная задача слишком широка и всеобъемлюща, поэтому мы ограничимся формулировкой вопросов для дальнейшего обсуждения проблемы по созданию антиколониаторского и антигегемонистского блока («Блоко Сторико», по определению Грамши). В данный момент этот блок находится в стадии формирования и основным принципом его организации, предложенным общественными и политическими деятелями Хатами и У Таном, стал диалог цивилизаций.

2. Азия как основа проектов развития общества и ее роль в диалоге цивилизаций

Представляется очевидным, что причиной современного мирового кризиса цивилизации является процесс реставрации колониальной политики, который, в свою очередь, вытекает из сформулированной государством-гегемоном программы развития общества. Как уже было сказано, общечеловеческие ценности западных стран — демократия, права человека, свободы — используются в пропагандистских целях как предлог для проведения политики реколонизации, в которой негативные характеристики цивилизации западного образца лишь усиливаются. В этих условиях азиатские программы общественного развития могут сыграть важную роль в преодолении кризиса цивилизации.

Бороться с реколонизаторской политикой государства-гегемона можно лишь сообща, единым фронтом. Одной из форм борьбы может стать образование исторического блока стран с новой альтернативной программой развития цивилизации. Цель подобной программы — построить мир взаимного сосуществования многих культур, где негативные черты прозападной цивилизации смягчены влиянием культурных ценностей Азии. При составлении альтернативной программы необходимо критически переосмыслить весь опыт и историю западной формы цивилизации, выделив и перенеся ее конструктивные черты, а именно либерализацию общества, начавшуюся еще в эпоху Просвещения, признание равенства полов и классов и культурной самобытности. Инициативная группа может быть сформирована из представителей стран, принимающих участие в проектах ООН, от саммита в Рио-де-Жанейро 1992 г. до Всемирной конфе-

ренции по вопросам расизма в 2001 г. В дальнейшем в эту группу войдут представители многих государств и народов, и увеличение числа участников произойдет уже без усилий ООН.

Единый фронт борьбы с политикой колониализма должен выражать позиции многочисленных наций и народов, так или иначе подвергшихся дискриминации и давлению со стороны стран Запада, особенно в эпоху их глобальной экспансии. Процесс экспансии стал клапаном, открыв который мы столкнулись с потоком противоречий западной формы цивилизации — между общечеловеческими ценностями и этическими принципами двух типов людей современного общества (мы назвали их «хомо экономикус» и «хомо политикус»), принципами, обеспечивающими новый мировой порядок или, лучше сказать, беспорядок.

Принципом «хомо экономикуса» стало тотальное потребление, а «хомо политикус» создает законы, оправдывающие силу и делающие ее гарантом прав.

Таким образом, развитие общества основывается на принципах оправдания жажды наживы и власти. И хотя основные мировые религии объявили эти принципы неэтичными, процесс секуляризации (отделения церкви от государства) дал возможность западным странам прикрывать свои пороки словами о всеобщем господстве прав человека.

Сочетание двух вышеупомянутых принципов поведения современного западного общества и секулярного этического принципа индивидуализма привело к созданию цивилизации потребления, не имеющей аналогов в истории. Процветание такому обществу обеспечила колониальная эксплуатация многочисленных народов, дискриминация по признакам пола, класса и принадлежности к другой культуре [1, 65–83]. Можно предположить, что подобная ситуация есть только переходная стадия в процессе постепенного или кардинального изменения общества, ведущая ко всеобщему равенству и наступившая после фазы «развития и модернизации».

Теперь, когда мировая экономика, основанная на принципах спекуляции, и мировое военное господство одной страны, развязавшей войну с террором, пытаются свести на нет наши позитивные чаяния, особенно необходимо развивать международный диалог культур, привлекая как различные политические и экономические движения западных стран, желающие восстановить равенство по принципу пола, класса и национального самосознания, так и движения стран Азии, направленные на создание проектов развития общества в условиях антиколониализма.

В процессе международного диалога культур и идеологий следует, во-первых, противостоять напору государства-гегемона и его попыткам принизить значение позитивных достижений западной цивилизации, завоеванных в упорной и длительной борьбе за свободу и равенство. Во-вторых, надо преодолеть негативные черты западного общества — ксенофобию, эксплуатацию, колониализм — влиянием культурных ценностей

Востока, так долго и несправедливо считавшихся «устаревшими» и преданных забвению. Пора о них вспомнить в международном диалоге наций и народностей с разными культурами и религиями. Этот диалог послужит средством общения наций и обмена культурными традициями и принципами, откроет путь к новой эпохе мирного сосуществования многих культур современного общества.

Диалог цивилизаций может способствовать их взаимопониманию. Но это не должно быть его единственной целью. В условиях мирового кризиса, вызванного доминированием одной страны на мировой арене, целью диалога культур должно стать создание коалиции стран для борьбы с глобальной политикой реколонизализма [1], проводимой государством-гегемоном. Как было уже доказано в этой статье, современный глобальный кризис есть следствие того, что западная цивилизация, сформировавшая принципы своего существования еще в XIV в., вступила в период упадка, а ее лучшее достижение — общечеловеческие ценности — служит прикрытием для претворения в жизнь принципов неоллиберализма и неоконсерватизма одной страны, защищающей общечеловеческие ценности лишь формально.

На современном этапе глобального неоллиберализма и неоконсерватизма нельзя сбрасывать со счетов недавнюю вспышку фундаменталистских движений в США, которые стали распространяться по всему миру. Их поддерживают многие представители среднего класса, бывшие свидетелями исчезновения ценностей «старого доброго времени» — патриархального уклада семьи и общества, централизации власти — под влиянием политкорректности и законности, всеобщих прав человека и равенства, принципов защиты окружающей среды и т. п.

Общественные круги, выразившие поддержку политике Джорджа Буша, потеряли влияние в США, но даже его более просвещенные преемники, проводящие не столь жесткую политику мирового господства, не могут отказаться от принципов реколонизализма и не желают признавать усилия Европейского Союза по созданию новых путей дальнейшего развития западной цивилизации (так как те не следуют американским правилам). США не принимают и антиколониаторские радикальные демократические проекты южных стран, так как те противостоят принципам их мирового господства. Кто бы ни стал преемником нынешнего президента Буша, ему придется смириться с существованием оппозиции, то есть фундаменталистских движений, даже если сам преемник и не поддерживает неоконсервативную политику. Всегда будет существовать часть американского общества, не приемлющая политику США в отношении стран ислама и их общественных течений, называемых на западе «фундаменталистскими».

Чтобы способствовать распространению своих фундаменталистских цивилизаторских проектов, США используют ООН как прикрытия своих неоконсервативных целей и подчиняют

себе различные всемирные организации, созданные под эгидой ООН после Второй мировой войны. В этих условиях мы должны поддержать политические силы (как признанные ООН, так и не признанные), объединяющие разные страны, и совместно с ними создать антигегемонистский блок для защиты и развития общечеловеческих ценностей, ущемленных в результате глобального столкновения.

Конфликт цивилизаций, однако, нельзя преодолеть только путем восстановления в правах общечеловеческих ценностей современной западной эпохи Просвещения. Это невозможно осуществить уже потому, что те же ценности провозглашены основополагающими для неоконсервативной политики государства-гегемона, объявившего целью своей войны с террором установление свободы и демократии по всему миру. Однако эти заявления утверждают несостоятельность и, более того, незаконность режимов многих государств, а их культурные и духовные ценности незаслуженно отброшены вместо того, чтобы активно использоваться для преодоления современного глобального кризиса цивилизации. Культурные ценности восточных стран могут во многом способствовать преодолению резких противоречий западной формы цивилизации.

Но прежде чем определить, оценить и дать новую жизнь культурным принципам стран Азии, необходимо освободиться от предрассудков их восприятия. Современное интеллектуальное общество зачастую несправедливо отторгает эти ценности. Это происходит под влиянием европоцентристских или америкоцентристских взглядов, заполонивших весь мир вследствие глобализации.

Отторжение культурных ценностей азиатских стран прикрывается понятием «модернизация». Но модернизация представляет собой тенденции потребительства и колониализма, как было показано ранее. Чтобы преодолеть прямое или неявное влияние этих двух тенденций (иначе говоря, двух основополагающих принципов неоллиберальной экономики и неоконсервативной политики) в малоразвитых областях мировой политико-экономической системы и их дестабилизационный эффект, необходимо возродить к жизни многие отвергнутые ценности стран Востока, заново их переосмыслить, особенно если на первый взгляд они не отвечают нашей задаче распространения общечеловеческих ценностей, которые, в свою очередь, потеряли истинное значение в ходе столкновения культур, вызванного государством-гегемоном [2].

Приведем несколько примеров творческой интеллектуальной работы в различных азиатских проектах развития цивилизации, которые можно использовать в диалоге культур для образования коалиции общественных сил против мирового господства одного государства. Выбор этих примеров достаточно произволен, но мы убеждены, что они показательны, и неоднократно использовали их в дискуссиях с учеными и исследователями, разделяющими наши взгляды

на концепции развития прозападной и восточной форм цивилизации. Понимание этих концепций поможет правильной оценке современного глобального кризиса, и они могут стать одним из вопросов для обсуждения в диалоге цивилизаций. Но эти концепции следует изучить, воспринимая их не только в негативном контексте — как патриархальные, феодальные или колониаторские.

Предложенный процесс диалога цивилизаций служит предпосылкой создания межкультурной антиколониалистской коалиции. Ее создание уже не бесплодная мечта, и, несмотря на начальную фазу ее формирования, коалиция уже была представлена на Международном общественном форуме, где представители мировой интеллектуальной элиты критически исследуют глобальные процессы политики неолиберализма и неоконсерватизма. Общественные силы различных стран смогут создать новый проект развития цивилизации, если сумеют осознать его цели, преодолеть трудности и прийти к взаимопониманию.

Рассмотрим конференцию в Бандунге как пример диалога культур и цивилизаций, не входящих в группу западных развитых стран. Город Бандунг был выбран местом для возобновления сотрудничества между народами и государствами, уже начавшими этот процесс на Международном общественном форуме. Конференция по вопросу единения афро-азиатских стран 50 лет назад стала эпохальным событием: впервые в истории человечества развивающиеся страны заявили о своем твердом решении противостоять евроцентристскому пути развития, поддерживаемому ООН [3, 141–156]. Политический и общественный деятель господин У Тан выразил уверенность в необходимости ввести в международные организации новых членов из числа развивающихся стран, предложил создать Университет Объединенных Наций в 1969 г., как отклик на повсеместные студенческие волнения 1968 г. Эти волнения он расценил как критику молодым поколением прозападного пути развития современного общества [1, 147–177]. Предложенный затем господином Хатами диалог цивилизаций продолжил процессы, начатые в Бандунге.

Напомним, что на конференции в Бандунге было утверждено 10 принципов развития общества. Основой для их формулировок послужили 5 принципов мирного существования («Панчашила»), принятых политиками Джавахарлалом Неру и Чжоу Энлаем, представителями двух крупных стран восточного региона — Индии и Китая. Особое значение в противоречивых условиях современного господства политики неолиберализма и неоконсерватизма приобрели два принципа, а именно «взаимовыгодное сотрудничество» и «мирное сосуществование». Последний диаметрально противоположен принципу усиления рыночной конкуренции в политике неолиберализма, где выживает сильнейший, процветают неравенство и эксплуатация, игнорируется взаимовыгодное партнерство. Эти два принципа обеспечат мирное существование культур и цивили-

заций, а не раскол на цивилизованные народы и общества террора, как это происходит в эпоху неоконсерватизма.

С исторической точки зрения соглашение, заключенное между Китаем и Индией, представляет большой интерес, так как оно было достигнуто между двумя древними культурами, превосходившими в развитии окружающие их страны. На протяжении их истории в обеих странах была создана иерархическая кастовая форма цивилизации: в Китае — государственный порядок центрального царства и вассальных варварских земель, находившихся под защитой императора, образуя концентрическую форму иерархии вокруг государя; в Индии — центральной фигурой был император, окруженный подданными ему царями и правителями, как это описано в трудах Каутильи. Обе страны в ходе развития отказались от традиционных форм организации общества.

Принцип взаимовыгодного партнерства и мирного сосуществования был принят Индией, Китаем и другими странами — участниками Бандунгской конференции, в том числе и такими древними империями, как Египет и Эфиопия. Интересно проследить истоки возникновения бандунгских принципов и то, как они появились в различных проектах развития цивилизации, например, в концепциях индийского политика Ганди, называемых «Сатьяграха» и «Ахимса».

В этом докладе мы не ставим целью подробное историческое обоснование истоков индийской и китайской концепций. Достаточно сказать, что бандунгские принципы были восприняты и многими западными культурами, но зачастую теряли свой подлинный дух и этические нормы взаимной помощи и общения (ср. концепции «мирного сосуществования» русского лидера Сталина или «взаимовыгодный обмен» в капиталистических странах).

Пример возникновения принципов мирного существования и взаимовыгодного сотрудничества помогает нам понять важную роль Азии в создании проектов развития общества. Мы видим, что две страны азиатского региона сумели найти общий язык и начали совместную борьбу против колониализма.

Спустя 50 лет после Бандунгской конференции в мире произошли значительные изменения. Получили повсеместное признание общечеловеческие ценности эпохи Просвещения — права человека, право народов на самоопределение, равенство по половому признаку, по признаку этнического происхождения, классовой и кастовой принадлежности. Теперь принципы мирного сосуществования и взаимовыгодного сотрудничества охватили все социальные группы, и их действие наблюдается не только в отношениях между государствами. Принцип «взаимовыгодного сотрудничества» можно применить в поддержку стабильности экономики, принцип «мирного сосуществования» должен использоваться в отношениях между промышленно развитыми и сельскохозяйственными районами стран, между

оседлыми гражданами и мигрантами (пусть и «нелегальными»). Широкое применение бандунгских принципов и западных ценностей (равенство полов, уважение прав меньшинств) стало основой в общей борьбе против глобального господства страны-гегемона и ее неоконсервативной политики. Это и есть основной вклад Индии и Китая в процесс создания многокультурного общества современности.

Обратимся к другим примерам того, как многие развивающиеся страны, включая Латинскую Америку, способны объединиться против тенденций прозападной цивилизации. Страны Латинской Америки представляют основной источник противостояния насаждению пути развития, одобренного государством-гегемоном. Рассмотрим проявления мирового кризиса цивилизаций в разных сферах и такие его последствия, как глобальный колониализм, глобальный милитаризм, вспышки антидемократических выступлений. Каков может быть вклад стран ислама, Индии, Китая, Латинской Америки, чтобы избавиться от этих негативных последствий и помочь самокритично настроенным западным течениям? Как было предложено политическим и общественным деятелем Грамши (на чьи работы мы уже ссылались), необходимо создать исторический блок стран против государства-гегемона. В этот блок должны войти различные социальные течения антиколониаторского и антигегемонистского толка. Новый проект многокультурного общества «Принц» должен стать поистине многогранным. Предложим несколько вопросов для обсуждения в диалоге цивилизаций, входящих в объединенный блок, чьей целью должен стать поиск альтернативного варианта развития общества, взамен европоцентристской или америкоцентристской системы.

Рассмотрим, как можно организовать усилия развивающихся стран и тех западных организаций, которые не приемлют засилья америкоцентристских ценностей. Со стороны западных организаций следует использовать результаты социологических исследований антигегемонистских течений. Эти критические исследования во многом могут способствовать взаимовыгодному процессу диалога и решить проблемы современности, связанные с доминированием одной страны на мировой арене и капиталистическим обществом сверхпотребления. Для этого требуется мобилизация всех сил прогрессивно настроенных организаций Запада и развивающихся стран. В связи с этим роль стран Латинской Америки (так называемых «задворок Запада»), ставших первыми на пути антиколониализма, и их политика либерализации приобретает большое значение. В совместном диалоге с западными странами мы должны найти союзника и для борьбы с политикой ориентализма, созданной политическими и идейными вдохновителями исламских стран Абдель-Малеком и Эдвардом Саидом.

Помимо критического переосмысления европоцентристских социальных исследований, социальным наукам развивающихся стран необхо-

димо исследовать задачи движения «Восточная мысль» («Донг Хак»), которое еще в XIX в. провозгласило равенство полов и уважение прав меньшинств в Корее [6, 230–231]. Существенным дополнением может стать и выраженная индийским общественным деятелем Ганди философия «Свадеша» и «Сатьяграха», в которой тот выделил этические принципы противостояния колониальной экспансии, неприятия капиталистического сверхпроизводства, принципы поиска истины и свободы не только со стороны угнетенных, но и со стороны угнетателей.

Нельзя игнорировать и тот факт, что страны Латинской Америки могут предложить конструктивные способы решения проблем современной цивилизации. Для многих коренных народов этого региона большую роль играет философско-этическая концепция «матери-земли», органично включающая в себя понятия «государственной территориальности» и «частной собственности» (понятия, в которых заключен как позитивный смысл ценностей Просвещения, так и негативные течения политики колониализма).

Что касается глобальной милитаризации, то здесь следует выделить богатые традиции пацифистских течений, сформировавшиеся в странах Запада. Идея пацифизма как мнения меньшинства постепенно получила свое признание, хотя она и противоречит основному западному принципу «безопасности государства». Однако право человека отказаться от участия в вооруженных столкновениях должно быть принято.

А в Латинской Америке концепция 1980-х гг. «безопасность народа» подчеркивала необходимость защищать себя от военной диктатуры, что кардинально отличается от принципов «безопасного государства» и «государственной безопасности» стран Вестфальской системы.

В развивающихся странах, помимо движения за право жить в мире, большое развитие получила концепция «безопасности народа» и вытекающая из нее концепция «общечеловеческой безопасности». Истоками этих двух концепций явилась японская философская система «Ва» («Совпадение противоположностей»). Не вдаваясь в подробные объяснения ее основных принципов, упомянем лишь, что аналогичные понятия встречаются в философии конфуцианства «Зонг» и «Хэ», чьей этической базой стало признание права людей на мир, признание общечеловеческих норм поведения, принятие различий как диалектического источника развития.

Искать решение проблемы глобальной милитаризации надо не путем государственных соглашений (как предусматривает Вестфальская система), а путем единения конфликтующих сторон, как это было сделано вначале в Южной Африке, затем в Центральной Америке и повсеместно. В этом и заключается концепция развивающихся стран «истина и примирение». Следует отметить, что и философия ислама призывает найти ненасильственные компромиссные пути решения конфликтов. Согласно догмам ислама, всемогущий Бог защищает справедливость и под-

держивает милосердие и сострадание. Эта сторона исламской религии игнорируется Западом, желающим завоевать мир с помощью военной силы.

Эти ценности противостоят принципам милитаризма, тотального контроля, эксплуатации человеческих и природных ресурсов, в них отражена вера в то, что во всех аспектах человеческой деятельности проявляют себя высшие силы, заботящиеся о нас, благодаря чему возможно равноправное существование всех в мире.

Позиция Грамши подскажет нам, как лучше всего организовать борьбу со всем, что угрожает человечеству в эпоху глобального колониализма. В связи с этим представляется необходимым вспомнить историю антифашистской борьбы, а также проанализировать труды исследователя Ибн Халдуна о процессе динамических изменений исламского мира, в которых тот вводит понятие «асбия» — чувство единства и приверженности своей общине. «Асбия» является основной характеристикой жителей пустыни в их борьбе за выживание на скудных землях и дает им силу противостоять влиянию цивилизации, несущему не только комфорт, но и противоречия [8]. Очевидно, что подобное чувство не встречается больше нигде, кроме как у бедуинских народов. Из анализа, проведенного Ибн Халдуном, можно извлечь немало полезной информации о роли масс в борьбе против общего врага.

Важность роли масс рассматривается и в концепции Ганди «Антиодайя» — «Восстание Угнетенных». Согласно этой концепции, берущей начало в религиозном течении джайнизма, «что хорошо для слабейшего из детей, живущих на земле, то хорошо для всего человечества». Таким образом, приоритет получает самый слабый, и этот этический принцип диаметрально противоположен идее неолиберализма и фашизма о расе господ и выживании сильнейшего [9, 56–58].

В борьбе против колониализма надо не только определить ее движущие силы, но и составить стратегический план и определить отношения «враги-союзники». В этом может помочь теория противоречий Мао, определяющая главные и второстепенные противоречия (вслед за ней последовала аналитическая работа Грамши о гегемонии и противниках гегемонии). Теория Мао — это практическое применение традиционных понятий «инь» и «ян» китайской философии, поэтому данную теорию нельзя рассматривать отдельно, а можно лишь в контексте традиционной китайской философской системы [10].

Однако для образования исторического блока наций недостаточно использовать только анализ понятий «инь» и «ян» китайской философии. Чтобы создать единый фронт борьбы с глобальными колониалистскими и фашистскими тенденциями¹ [1, 89–95] в условиях современ-

ного кризиса цивилизаций, надо использовать и наработанную за многие века странами Латинской Америки философско-этическую систему взглядов.

Мудрость их коренных племен и народностей, транскогнитивная духовная логика заключает в себе опыт многих поколений по оценке окружающего мира и роли в нем человека, не отделяет духовное от материального, а объединяет как субъективные понятия (познание мира), так и объективную реальность (окружающий мир).

Доминирование жажды власти, наживы и сверхпотребление современного общества можно преодолеть, только используя альтернативные духовные философские понятия, дошедшие до нас из глубины веков.

Вышеприведенные примеры были выбраны нами произвольно и не могут считаться показательными. С их помощью мы только хотели раскрыть возможности диалога цивилизаций для создания нового общества, где мирно уживаются различные культуры. Азия может послужить связующим элементом при организации мировых проектов по преодолению глобального кризиса, вызванного фазой реколонизации.

Литература

1. *Mushakoji K.* Global Issues and Interparadigmatic Dialogue: Essays on Multipolar Politics. Torino, 1988.
2. *Mushakoji K.* Multilateralism in a Multi-Cultural World: Notes for a Theory of Occultation // *The New Realism: Perspectives on Multilateralism and World Order* / Cox R. MacMillan, 1996.
3. *Mushakoji K.* Bandung Plusse 50: appel a un dialogue tricontinental face a l'hegemonie mondiale // *Alternatives Sud*. 2001. Vol. 8.
4. По вопросу постмодернистского проекта «Принц» ср.: *Gill S.* Power and Resistance in the New World Order, изд. Pelgrave, 2003. P. 211–221.
5. Критика ориентализма впервые была сформулирована Аноаром Абдель-Малеком. Ср.: *Abdel-Malek A.* La dialectique sociale. изд. Edition du Seuil, 1972. P. 79–113.
6. Культурные ценности и права человека: корейская перспектива // *Права человека в азиатской культуре: история и современность* / под ред. Дж. Р. Плантилья, С. Л. Рай. Осака, 1997.
7. По вопросу применения концепции «Ва» в Японии — ее применение было вызвано необходимостью создать сплоченную нацию, противостоящую давлению западных колонизаторских стран. Ср.: *Мусакодзи К.* Понятие «Ва» и происхождение прав человека // *Глобализация и парадоксы* / под ред. К. Миянага, изд. Ссекай Шисо Ша, 2007. С. 107–148.
8. По вопросу концепции «Асбия» ср.: *Ибн Халдун.* Введение в историю мусульманства / пер. с ар. Ф. Розеталю; под ред. Н. Дж. Давуд. Также см. исследования современного значения этого концепта — *Кокс Р. У., Синклер Т. Дж.* Движение к мировому порядку. Кембридж, 1996. С. 144–173.
9. По вопросу политики и концепции Ганди см.: *Котари Р.* Изменение и выживание: гуманный мировой порядок, изд. Аджната, 1988.
10. Рекомендуем изучить понятия китайской философии «инь» и «ян» по Книге Перемен / пер. с кит. К. Ф. Байнес, изд. Принстон, 1977.

¹ Религиозно-философские представления народов Латинской Америки не отделяют человека от мира реального и невидимого. Человек сам определяет свое место в мире и соотносит ход своей жизни с жизнью других людей. Это позволяет создать представления о мире будущего, отличные от представлений западной цивилизации, разграничивающие человека и окружающий его мир.

МЕЖРЕЛИГИОЗНЫЙ ДИАЛОГ: ЕГО ЦЕЛИ И ЗНАЧЕНИЕ

Межрелигиозный диалог не является чем-то изолированным от межкультурного и междивизицизионного диалогов, которые сегодня ведутся в мире. Одним из важных вопросов современного междивизицизионного диалога разных уровней является обсуждение роли религии в общественных процессах. На протяжении всей своей истории человечество стремилось выстроить надежные механизмы и изобрести эффективные средства противостояния разрушительным тенденциям и проявлениям насилия в обществе. В перспективе решения этой задачи одни считают, что религия способна только порождать нетерпимость и вести к насилию, другие полагают, что, наоборот, религия может предложить этические нормы и набор смысловых ориентиров, которые способны направить человечество на путь созидания. В зависимости от выбора того или иного подхода сегодня определяется роль межрелигиозного диалога, в том числе для политических и общественных процессов.

Негативный подход к религии — явление старое как мир. Однако только в Новое время он стал интегральной частью большого социального проекта — модерна. Но и внутри модерна обозначились два его варианта: революционное и эволюционное исключение религии из жизни общества. Существовала убежденность в том, что религия уйдет из жизни человека как устаревшая форма сознания, поэтому ей надо «помочь» уйти или дожидаться ее «естественного» отмирания. Если в западном мире в отношении религии делалась ставка на эволюционный путь, то в советской России и других социалистических странах пошлы по пути целенаправленной борьбы с религией.

Конец XX и начало XXI в. продемонстрировали, что в разных уголках мира происходит возрождение религиозности, в том числе в западных странах, считающихся образцом современности. В связи с этим возрастает роль религиозного фактора и в мировой политике. Однако за время господства секулярных теорий, свойственных модерну, ведущие страны мира, можно сказать, разучились иметь дело с религиозными общинами, стремящимися к активному присутствию в публичной сфере. К новым тенденциям порой прилагаются старые методы, которые оправдывали себя в условиях снижения общественной религиозности в эпоху модерна, но совершенно не подходят в мире возрождающейся религии. Как говорится в Новом Завете, в старые мехи не вливают новое вино (Мк. 2, 22).

Что же это за старые мехи? Это давнишняя позиция модерна, отстаивающая необходимость в условиях плюралистического общества еще более строго ограждать публичную сферу от присутствия религии. Это оправдывается необходимостью «сдерживания» ее негативного потенциала. В этой перспективе межрелигиозный диалог рассматривается исключительно как средство

принятия верующими секулярных правил построения общественных отношений в качестве некоей неоспоримой и спасительной данности. Укреплению этого подхода в обыденном сознании как политиков, так и обычных граждан служат ссылки на террористические акты, совершаемые во имя религиозных убеждений, и асоциальное поведение некоторых религиозных групп.

Однако сами религиозные деятели, как правило, видят цель межрелигиозных диалогов в том, чтобы преодолеть стереотипные взгляды эпохи модерна в отношении религии и выработать модель активного присутствия религиозных общин не только в частной, но и в публичной жизни с сохранением других позитивных наработок модерна. Они нередко констатируют, что большую ответственность за порождение насилия и деградацию нравов в мире несет сегодня система, которая отказывается от религиозного влияния на строительство общественных отношений. Самые большие человеческие жертвы прошлого столетия приходятся на счет нерелигиозных и даже откровенно безбожных режимов. В современном мире самые масштабные военные операции ведутся странами, объявляющими религиозную нейтральность главным элементом своей общественно-политической системы. Однако безрелигиозные системы не могут бороться с главной причиной насилия и беспорядка — склонностью человека ко греху.

По оценкам верующих различных религий, основным источником принуждения и насилия сегодня является либерально-секулярный подход, который стремится навязать свою монополию в публичной сфере как на национальном, так и на международном уровне. Для примера можно привести изъятие религиозных символов из общественных учреждений в западных странах, публичное издевательство над религиозными символами и верованиями, навязывание обществу стандартов этики, противоречащей религиозным взглядам. При этом общество не становится лучше. Сегодня многие говорят о девальвации человеческого достоинства, в том числе в странах, всегда стоявших на позициях его охраны. Страшно представить, что в цивилизованном западном мире вновь ведется торговля людьми, наблюдаются вопиющие случаи негуманного отношения к человеку в различных областях жизни. Увеличиваются показатели асоциального поведения и психического нездоровья людей.

Поэтому для представителей различных религиозных общин значение межрелигиозного диалога состоит прежде всего в необходимости объединения усилий по отстаиванию общего понимания роли религии в современном обществе. Однако речь идет не о разрушении системы светскости государственных институтов, но о корректировке ее содержания и реализации

на практике. Кстати, Русская церковь сегодня не отвергает принцип светскости, но интерпретирует его в Основах социальной концепции как функциональное и институциональное разделение государства и религиозных организаций. Это понимание имеет по духу и сути прямое преемство с православным принципом симфонии.

Проблема, поднимаемая представителями религий, более тонкая, чем ее порой пытаются представить их недруги, обвиняя религиозные круги, в частности в нашей стране, в попытках клерикализации общественной жизни, то есть в установлении монополии религиозного мировоззрения. Религиозные общины выступают за выстраивание механизма своего законного влияния на общественные процессы соразмерно своему присутствию в обществе. Именно в этом им порой отказывают как на национальном, так и на международном уровне.

Наличие проблемы признают серьезные ученые, которых нельзя заподозрить в пристрастности к религиозным кругам. Так, свой вклад в теоретическое осмысление этой проблемы и путей ее решения внес известный немецкий философ с мировым именем — Юрген Хабермас. В своих последних выступлениях и статьях он признает, что проект модерна эмансипировал различные сферы жизни, но при этом утвердил свою идейно-мировоззренческую нетерпимость, в частности, по отношению к религии. Чтобы быть верной собственным принципам, эта система должна расстаться с монополией и наделить религии правом адекватного влияния на общественно значимые процессы. По его мнению, светская модель имеет шансы на обновление, если она откажется от враждебности в отношении религии и предоставит ей возможность влияния на выработку общественно значимых решений согласно ее присутствию в обществе. Формула светскости должна перестать определяться в негативном плане как равноудаленность от всех религиозных организаций, но должна работать по формуле «равнодоступность для различных мировоззрений». Это звучит без каких-либо претензий на монополизацию мировоззренческой сферы со стороны религиозных общин.

При этом Хабермас выдвигает условия, приняв которые, религиозные организации могут быть интегрированы в современные демократические системы. Те из них могут оказывать влияние на публичную сферу, которые, по его мнению, «способны, исходя из собственных воззрений, добиться запрета на принудительное внедрение истин своей веры, воинственное насилие над совестью своих приверженцев и манипуляцию с целью доведения до самоубийства»¹. Эти требования звучат вполне резонно. Однако было бы законным, чтобы и религиозные организации выдвинули ряд положений, из которых должно исходить светское государство. Если требования Хабермаса учитывают природу демократии, то условия со стороны религий должны учитывать

саму природу религий. Во-первых, религия не может отказаться от права характеризовать свое учение как истину. Во-вторых, религия не может отказаться от права влиять не только на личную, но и на публичную жизнь людей. В-третьих, религия не может отказаться от признания первостепенности духовного мира перед земным.

После выдвижения условий с обеих сторон важно определить некоторые контуры той модифицированной системы светскости, которая может сложиться при воплощении этих взаимно выдвинутых условий. Поскольку государство играет сегодня ведущую роль в сфере общественных отношений, то необходимо прежде всего вести речь о выстраивании системы взаимодействия религиозных объединений и государства, а на мировом уровне — отношений религиозных общин и международных структур. Государство и религиозные организации должны оставаться административно и функционально независимыми друг от друга. Но они могут вести партнерскую деятельность в тех областях, которые представляют взаимный интерес. В Основах социальной концепции Русская православная церковь выделила сферы такого сотрудничества: миротворчество, воспитание, образование, социальная работа, культура, наука, СМИ и др. Кроме того, принцип партнерства предполагает, что каждая сторона вкладывает во взаимодействие те ресурсы и возможности, которыми она располагает.

Согласно классическому пониманию религиозной свободы все религии, зарегистрированные в данной стране, имеют одинаковые права и возможности для деятельности в общественной сфере. По логике вещей государство не должно отказываться от взаимодействия с любой зарегистрированной религиозной организацией. В то же время каждое общество сегодня сталкивается с экстремистскими группами или псевдорелигиозными подделками. Выясняется, что не все религиозные взгляды могут быть терпимы обществом и получать регистрацию. В разных странах существуют большие или меньшие списки асоциальных культов, которые угрожают безопасности и здоровью граждан.

Однако в отношении признанных организаций остается актуальным вопрос масштабов и форм сотрудничества с ними государства, то есть конкретных форм реализации формулы равнодоступности. При решении этого вопроса надо исходить из принципа уважения религиозного выбора всех граждан страны. Религиозная свобода не является всегда лишь потенцией. Переход от одних религиозных взглядов к другим редко бывает массовым. Как правило, религиозный выбор человека достаточно устойчив. В стремлении защищать права всех своих граждан без исключения государство неизбежно сталкивается с необходимостью осуществления больших действий по реализации прав большего количества людей. Значит, объемы сотрудничества государства с религиями, представляющими большинство, гораздо значительнее. Таким образом, действия по соблюдению религиозных прав осуществляются в том объеме, который соответствует присутствию различных религий в обществе.

¹ Хабермас Ю. Вера и знание [Электронный ресурс]. Электрон. дан. Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Haberm/Ver_Znan.php.

Разработка системы религиозно-государственного взаимодействия на основе принципа пропорциональности исключает нездоровую конкуренцию между религиозными общинами, а следовательно, практически сводит на нет возможность какого-либо межрелигиозного противостояния. Однако само по себе государство или международная структура согласно демократическим правилам не должны в одиночку выработать такую систему. Они призваны консультироваться с гражданским обществом. В этом случае опять же становится весьма важным межрелигиозный диалог. Здесь мы вступаем в тонкую сферу прояснения позиций и их формирования в обществе относительно тех или иных вопросов. Важная задача межрелигиозного диалога и шире — диалога вообще состоит в том, чтобы найти такие формы присутствия религии в публичной сфере, которые бы не нарушали свободу людей других взглядов и веры, но позволяли религии присутствовать в публичной сфере. Результаты этого диалога должны непременно влиять на политическую и общественную жизнь.

В России с 1997 г. действует Межрелигиозный совет, в который входят православные, мусульмане, иудеи и буддисты. По его примеру была организована и работа Межрелигиозного совета СНГ. Цель этих организаций состоит в том, чтобы обсуждать актуальные вопросы межрелигиозных отношений, которые преломляются через отношения с властью и обществом. Подобная система может быть выстроена и на международном уровне. Существует настоятельная потребность создавать структуры межрелигиозного диалога, которые могли бы консультировать международные организации по чувствительным для верующих людей вопросам. Прежде всего такой механизм нужен в самой крупной и всеобъемлющей организации мира — Организации Объединенных Наций.

В 2006 г. в Москве прошел саммит религиозных лидеров, в котором приняли участие около 200 высоких религиозных представителей из 49 стран мира. Они обратились к лидерам «Большой восьмерки» с посланием, одним из пунктов которого было предложение по выстраиванию диалога религиозных лидеров мира со структурами ООН. Один из членов «Большой восьмер-

ки» — Россия — откликнулся на этот призыв. Министр иностранных дел России С. В. Лавров на 62-й Генеральной Ассамблее ООН в прошлом году внес предложение по созданию консультативного Совета религий при ООН. С тех пор Русская церковь совместно с рядом авторитетных религиозных лидеров мира разработала видение этого совета. Целью совета не является выработка единой религии или ведение богослужбной деятельности. Будучи религиозным по сути своей работы, совет должен быть светским по форме и методам деятельности. В сферу компетенции совета могла бы входить консультативная и экспертная работа по следующей тематике: межрелигиозный диалог и диалог с нерелигиозными мировоззрениями; борьба с диффамацией религии, проявлениями нетерпимости и ксенофобии; защита мест религиозного поклонения и святынь; глобализация и сохранение различных национальных и культурных традиций; международная безопасность и миротворчество, содействие разрешению конфликтов, имеющих религиозный фактор.

Во время визита Генерального секретаря ООН Пан Ги Муна в Москву весной 2008 г. это предложение обсуждалось с председателем Отдела внешних церковных связей Московского патриархата митрополитом Смоленским и Калининградским Кириллом и Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием II. Со стороны Генерального секретаря прозвучала положительная оценка усилий Русской церкви и других религиозных общин мира по налаживанию межрелигиозного диалога. Сегодня продолжается работа по оттачиванию предложений и объединению усилий различных религиозных лидеров, которые могли бы быть представлены ООН.

На мой взгляд, сегодня значение межрелигиозного диалога для общественных отношений состоит в том, чтобы помочь им модернизироваться в соответствии с новыми реалиями подъема религиозности эволюционным путем без каких-либо революционных и экстремистских потрясений. Необходимо найти пути включения религии в публичную сферу без ущемления личной свободы как на национальном, так и на международном уровнях. Полагаю, что России в этом отношении есть что предложить миру из своего опыта межрелигиозного диалога.

Азар Гат¹

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ ИСТОРИЧЕСКИХ РАЗЛИЧИЙ СТРАН ВОСТОКА И ЗАПАДА

Начиная с Монтескье все выдающиеся историки, мыслители, общественные деятели (среди которых хочется выделить имена Вольтера, Хью-

ма, Адама Смита, Гердера, Гегеля, Маркса и Вебера) пытались сформулировать и объяснить различия между Востоком и Западом. Безусловно, эти «различия» относятся, в самом широком смысле, к области культуры и политики. Следует отметить, что многие ученые довольно скептически воспринимают столь масштабные обобщения, так как зачастую эти обобщения неточны и демонстрируют узость взглядов. Не следует безоговорочно доверять и попыткам объяснить

¹ Председатель Отдела политической науки Тель-Авивского университета, профессор военной истории, доктор. Автор книг и исследований по военной и военно-исторической тематике: "Fascists and Liberal Visions of War: Fuller, Liddell Hart, Douhet, and Other Modernists" (1998), "British Armor Theory and the Rise of the Panzer Arm: Revising the Revisionists" (2000), "War in a Changing World" (2001), "War in Human Civilization" (2006) и др.

эти различия с точки зрения географического положения. Такие объяснения можно отнести к предубеждениям, они не учитывают культурно-исторического развития и его местных особенностей либо возводят местные особенности развития в ранг универсальных, присущих всему региону.

Однако есть ряд работ, заслуживающих доверия. Это — исследования, проведенные основоположниками исторической школы. В них прослеживаются глубинные связи между географическими, климатическими, экологическими показателями местности и особенностями исторического развития общества за длительный период. Наш доклад опирается на эти работы и следует их традициям.

Не вызывает сомнения тот факт, что история любой страны и культуры уникальна. В истории Китая, Индии, Юго-Западной Азии, как и в истории Европы, прослеживаются тенденции многообразия и постоянного изменения местных культур, каждая из которых по-своему неповторима. Тогда возникает вопрос: каковы особенности и основные причины различия исторического развития Востока и Запада?

Сравним наиболее характерные черты истории Европы и трех вышеупомянутых регионов Востока с большой плотностью населения. Одной из таких черт является наличие крупных геополитических формаций — империй. В азиатском регионе от Ближнего Востока до Китая (за редким исключением) уже на ранних этапах истории существовали объединенные империи, простирающиеся на огромные расстояния и занимающие большие площади в пределах одной агроклиматической зоны. Даже в Индии (мы говорим о ее континентальной части и исключаем юг полуострова, где располагались государства Маурьев, Гуптов, Делийский Султанат и империя Великих Моголов) периоды раздробленности сменялись периодами объединения в империи, занимающие всю среднюю часть континента.

В истории Европы, в отличие от всех прочих регионов, один из наиболее очевидных, но редко упоминаемых фактов — то, что государства Европы никогда не были насильно объединены изнутри и никогда не были завоеваны врагами извне. Спорным примером в связи с этим является Римская империя, но и она была скорее средиземноморской, чем европейской, включая в себя только южную часть Европы. Можно сказать, что, хотя Римская империя и повлияла на ход истории Европы, все же несколько веков ее существования заняли лишь небольшой период европейской истории. Все прочие попытки создать единую империю (династий Каролингов, турок-османов, Габсбургов, Наполеона) были недолговечны и осуществлялись на довольно ограниченном пространстве.

Эта особенность Европы лучше всего была сформулирована Монтескье. Ученый первым указал на роль географических факторов: «Азия всегда породила великие империи, в Европе их существование было недолговечным. Тому есть много причин: пространства Азии шире, моря

прорезают ее реке, южные реки ее пересыхают чаще, горные вершины меньше покрыты снегом, реки ее неглубоки и не могут являться преградами. Поэтому власть в Азии всегда деспотична. В Европе же небольшие государства имеют естественные границы и их правительства озабочены торжеством закона, а не защитой территорий. Вот что способствует духу свободы и делает невозможным насильственное покорение европейских государств».

Юго-Западная и Восточная Азия, так же как и северная часть полуострова Индостан, представляют собой огромные открытые пространства, где нет препятствий продвижению войск и где есть все условия для развития инфраструктуры дорог. Для сравнения: Юго-Западная и Центральная Европа сильно изрезана естественными преградами из горных цепей и морей, кроме того, большая часть европейских стран имеет свой выход к морю, поэтому многочисленные небольшие государства, возникшие в пределах природных границ европейского ландшафта, смогли отстоять своей суверенитет гораздо успешнее, чем страны Азии.

В этом отношении показателен пример Греции. Территория Балканского полуострова наиболее раздроблена, вдоль и поперек его пересекают природные границы морей и гор, что послужило причиной государственно-политической раздробленности полуострова, и в миниатюре он представляет собой судьбу всего европейского континента. Недаром Греция и ее культурные традиции так прочно вошли в анналы истории Европы. Однако следует заметить, что Средиземное море, с одной стороны, являлось природной границей и давало свободный выход к океану многим народам, населяющим его берега, а с другой — могло послужить прекрасным средством для развития доступных и легких путей сообщения в случае возникновения и господства единого большого государства (ср. со степями и равнинами Азии). Таким государством стала Римская империя, установившая свое господство с середины III в. до н. э., захватившая италийский полуостров и крепость Карфаген. Именно в этом смысле можно считать Римскую империю средиземноморской, так как именно море послужило своеобразной дорогой, сделавшей возможной быструю связь в пределах империи, а следовательно, и существование самой империи.

Все сказанное не означает, что Европу в принципе невозможно объединить или присоединить силой, что ей предначертано быть раздробленной. Но наша позиция в этом вопросе такова: именно физико-географические причины могут служить препятствием для процессов консолидации.

Небольшие государства успешнее противостояли насаждению авторитарной власти, и неприятие тирании шло как со стороны аристократии, так и со стороны простого населения, в отличие от Азии, где единственной формой правления был деспотизм, получивший название восточного. Как отмечал Эдвард Гиббон, растущая тирания поздней Римской империи доказывала, что и европейские государства не были застрахованы от деспотизма.

Помимо географических факторов естественной раздробленности ландшафта, существует ряд других причин, объясняющих многообразие политических формаций в Европе.

Западная Европа не имела протяженных границ со степными племенами скотоводов-кочевников, в отличие от Китая или даже Северной Индии. Ее земли не были разделены на пахотные, бесплодные, не пригодные для возделывания, на зоны скотоводческих выгонов, как в Юго-Западной Азии, где набеги кочевников были постоянными на протяжении всей истории. В умеренном климате Европы количество осадков достаточно для ведения оседлого сельского хозяйства, и редко где можно было встретить народы и племена, занимающиеся исключительно скотоводством. Скотоводство в Европе дополняло посевное сельское хозяйство (их соотношение зависело от конкретной местности).

Более того, количество осадков в Европе обусловило бесполое «богарное» земледелие, а не интенсивно-ирригационное, как в Азии, и народы Европы равномерно расселялись по всей территории, в отличие от плотной концентрации населения в долинах рек на Востоке. Согласно статистическим данным, плотность населения Европы была в 3 раза меньше плотности населения восточных государств, а по сравнению с заселенностью непосредственно речных долин — в 10 раз меньше. Такой способ расселения имел важные политические последствия.

Как указано в работах Монтескье, Вебера и других, народы, ведущие ирригационное земледелие, больше других подвержены насаждению

авторитарной системы правления. Во-первых, строительство крупных ирригационных систем требовало большой концентрации населения, хорошей организации строительных работ, в то время как бесполое «богарное» земледелие давало возможность быть более независимыми. Во-вторых, народы «ирригационной схемы» были более уязвимы перед насильственным разрушением систем полива, а следовательно, и всего привычного уклада жизни. В-третьих, интенсивное возделывание скудно орошаемых почв не оставляло времени на прочие занятия, в отличие от бесполого земледелия. В результате всех перечисленных причин народы ирригационного хозяйства были более зависимы, чем другие.

Таким образом, по сравнению с народами Азии географические и климатические особенности Европы способствовали тому, что ее южная, центральная и западная части были раздроблены, в них возникали многочисленные небольшие государства, классовые и имущественные различия проявлялись не столь резко и гнет власти был не так силен. (Все сказанное не относится к истории Европы в XX в., где мы наблюдаем большие социально-экономические различия между странами и деспотические формы правления.) Исследования современных историков и социологов, подтвержденные работами их предшественников, таких как Монтескье и Адам Смит, показывают, что восточное общество более подвержено тирании и деспотизму и социально-экономические различия в нем более резкие по сравнению с прочими регионами.

Р. И. Хаиров¹

К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ ГЛОБАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ВЕЩАНИЯ

1. Вопросы междивизиационного и межрелигиозного диалога, перехода от «культы применения силы» к «культуре мира и взаимопонимания культур» давно привлекают внимание международной общественности и международных структур. (Декларация принципов толерантности, ЮНЕСКО, 1995 г., Декларация и план действий в рамках «Диалога цивилизаций», Генеральная Ассамблея ООН, 1998 г., Декларация и план действий по культуре мира, Генеральная Ассамблея ООН, 1999 г., «Альянс цивилизаций», 2005 г. и т. п.). Однако международная ситуация остается весьма тяжелой и перспективы ее развития отнюдь не безоблачные.

2. В последние годы мне довелось принимать участие в целом ряде крупных международных конференций с похожими названиями («Диалог цивилизаций и межрелигиозное сотрудничество», Н. Новгород, 2006; «Диалог цивилизаций. Поиск стратегии для III тысячелетия», Санкт-Петербург, 2007; «Альянс цивилизаций», Стамбул, 2007 и др.). На каждой из этих конференций

подчеркивалась необходимость перейти от теоретических дискуссий и обсуждений этой ключевой проблемы XXI в. к практическим шагам и созданию конструктивных механизмов реализации обсуждаемых идей.

3. В январе 2008 г. в Мадриде «Альянс цивилизаций» обсудил вопрос создания международной системы вещания (Rapid Response Media Mechanism) для продвижения идей толерантности, взаимопонимания и мира и противодействия пропаганде насилия и ксенофобии. Мне кажется, это очень интересное и перспективное предложение. Создание мощной международной системы вещания на различных языках, опирающейся на огромный материал по диалогу культур, накопленный в процессе многочисленных творческих встреч, с использованием современных PR-технологий открывает принципиально иные возможности влияния на массовое сознание.

4. Действительно, в современном мире «четвертая власть» активно меняет свой статус на более высокий. Технические возможности вещания стремительно развиваются. Процессы глобализации приобретают всеохватывающий характер. PR-технологии становятся все более

¹ Исполнительный директор Международного общественного фонда «За выживание и развитие человечества», кандидат философских наук.

изошранными и могущественными. Объем финансирования массмедиа превысил бюджеты многих стран. Можно сказать, что ответ на ключевой вопрос: «В какой цивилизации (культуре) предстоит жить будущему поколению?» — сегодня напрямую зависит от целей и доминирующего содержания массмедиа.

В связи с этим изменение «ценностного наполнения» мирового эфира, создание Глобальной системы вещания под эгидой «Альянса цивилизаций» является важнейшей и срочной задачей. Успешная борьба с терроризмом или СПИДом, наркоманией или ксенофобией немыслима без ее решения.

5. Есть ли такой шанс? Существуют ли в современном политическом контексте силы, заинтересованные в создании нового, морально-нравственного содержания СМИ? Могут ли они противостоять гигантским финансовым вложениям в массмедиа, ориентированным только на прибыль? Хочется верить, что да. И основанием для такой веры является сегодняшняя конференция в Санкт-Петербурге.

В своем докладе участник нашей конференции Федерико Майор говорит, что если сила будет заменена словом, а конфронтация — диалогом, то у человечества появится шанс преодолеть энтропию истории.

Георгий Дерлугьян¹

НОВАЯ ПАРАДИГМА ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ ДЛЯ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Диалог цивилизаций — несомненно, утопия. Однако утопии становятся актуальными, когда рушатся прочие утопии. Оглянемся вокруг: что осталось от великих утопий Нового времени? Так, может, прав Фукуяма?

Неолиберальная глобализация, как становится ясно, была последней великой утопией XX в. Она имела поразительного много общего со своим единоутробным собратом и заклятым соперником — марксизмом. В самом деле, марксизм и либерализм родились непосредственно из идей Просвещения. Великие умы той эпохи, от Ньютона до Огюста Конта, были потрясены открытием законов природы и собственной способностью объяснить, а значит, изменить мир. Если согласно знаменитой формуле тех времен Бог — механик и мироустройство постижимо так же, как устройство часового механизма, значит, возможно и необходимо отыскать те кнопки и рычаги, которые управляют нашим миром.

И либерализм, и марксизм постулировали, что все развитие человеческого общества идет по ступеням прогресса. Они лишь спорили с догматическим апломбом о количестве этих ступеней и их определении: рабство—феодализм—капитализм—социализм или аграрное—индустриальное—постиндустриальное общество. Главный же спор был о том, достигнута ли уже высшая ступень модернизации или еще предстоит революционный прыжок в светлое будущее, к социализму, когда история уже точно завершается и наступает окончательное воплощение исторической программы. Марксисты считали двигателем прогресса рабочий класс, либералы — средний. Для первых главным способом исторического движения была революция, для вторых — эволюционная реформа.

¹ Адъюнкт-профессор Северо-Западного университета США, доктор. Сфера научных интересов — историческая социология, этнические войны, анализ мировой системы. Автор монографии «Bourdieu's Secret Admirer in the Caucasus: A World-Systemic Biography» (2005) и ряда исследований по геополитике, в том числе «Questioning Geopolitics: Political Projects in a Changing World-System» (2000), «Крушение советской системы и его потенциальные следствия: банкротство, сегментация, вырождение» (2000), «Чеченцы: пояснительная записка» (2004).

Аналогии можно продолжать и дальше, что совершенно не случайно — обе идеологии выстраивали свои позиции в одном и том же интеллектуальном пространстве, только с противоположными знаками. Великий французский социолог Пьер Бурдьё иронизировал, что подлинно мощная догма является нам не сама, а в паре якобы взаимоисключающих антиномий.

Обе стороны марксистско-либеральной догматики достигли зрелого выражения в 1930–1960-е гг. Учебным катехизисом одного лагеря стал «Анти-Дюринг» Энгельса, другого — «Протестантская этика и дух капитализма» Макса Вебера. Обоих классиков при этом покрыли изрядным слоем мертвящей бронзы.

Обе стороны двойной догматики, марксистская и либеральная, были взорваны изнутри в бурный период 1968–1974 гг. Обычные объяснения всплеска молодежного инакомыслия и икоборчества тех лет страдают поверхностностью и излишним вниманием к внешним проявлениям: рок-музыка, переход от официальных костюмов и причесок к джинсам и длинным расстегнутым гривам, сексуальное раскрепощение, якобы стимулированное изобретением противозачаточных таблеток. На самом деле все было куда проще и серьезнее. В послевоенные годы начался колоссальный демографический бум, который в сочетании с массивным государственным инвестированием в науку привел к беспрецедентному развитию образования и исследовательской инфраструктуры. Времена были, конечно, хаотические, но в результате совершенно не случайно произошли прорывы практически на всем интеллектуальном поле — от киноискусства до естественных наук.

Теории хаоса, которые выдвинул нобелевский лауреат по химии, бельгиец русского происхождения Илья Пригожин, не случайно оказываются созвучны идеям многолинейной эволюции биологических видов, которые столь талантливо популяризовали американец (кстати, также русского и венгерского происхождения) Стивен Джей Гулд и эколого-антрополог Джаред Даймонд.

В общественных науках, находящихся между гуманитарным и естественно-научным знанием, произошла собственная, весьма основательная серия теоретических прорывов, начавшихся с сомнения в унаследованной догматике. Американец Чарльз Тилли и норвежец Стайн Роккан, чьи исследования стартовали еще в рамках модернизаторской парадигмы, восстали против собственных наставников и в результате коренным образом изменили наши взгляды на исторические истоки современных государств.

Благодаря Баррингтону Муру, Теде Скочполу и Джеку Голдстоуну совершенно по-другому стали исследоваться революции и истоки демократизации обществ. Никто более всерьез не говорит о том, что революции порождаются классово-борьбой либо массовым психозом толпы.

Новые экономические социологи из Франции, Германии и США, исходя из классических идей Шумпетера и Поланьи, сформулировали весьма перспективные подходы к анализу рыночной деятельности. Вопреки неоклассической модели, которая алгеброй поверяет идеологическую абстракцию свободных рынков, стремящихся к статичному равновесию, выдвинута гораздо более реалистичная теория монополистического соперничества между коалициями предпринимателей за поиск или создание новых рыночных ниш, относительно защищенных от конкурентного давления и поэтому дающих привилегированные нормы прибыли.

Подробное перечисление теоретических прорывов, очевидно, займет целую книгу — которую еще предстоит написать. И все-таки назовем еще несколько знаковых имен и новых теорий. Родившийся в Китае англо-ирландец Бенедикт Андерсон указал на новые подходы к рациональному пониманию феномена национализма.

Уже упоминавшийся француз Пьер Бурдьё отточил концептуальный инструментарий для анализа организации поля культуры и социального структурирования поведения человека в общественных сетях.

Работающий в Англии итальянский социолог Диего Гамбетта и его соотечественники Пино Арлакки, Фортуната Пизелли, а также Федерико Варезе и русский Вадим Волков показали, как рационально, без фобий и теорий заговора, анализировать феномен мафии в Петербурге (стоит ли тут удивляться итальянско-русскому приоритету?).

Теоретический археолог Чикагской школы Тимоти Эрл убедительно и доходчиво суммировал новые знания о долгосрочной эволюции человеческих обществ.

Наконец, американец Иммануил Валлерстайн и итальянец Джованни Арриги создали принципиально новую историко-географическую политэкономическую мировую системы. Список можно продолжать и развивать. Вполне может оказаться, что прав Рэндалл Коллинз, американский социолог исключительно широкой эрудиции и спектра интересов, который считает нашу эпоху самой продуктивной в идейном плане со времен классиков-первопроходцев (Маркса–Вебера–Дюрк-

гейма) и даже Золотым веком исторической макросоциологии.

Однако это всего лишь потенциальная возможность. После теоретических прорывов начала 1970-х наступила эпоха интеллектуальной засухи, длящаяся до сих пор. Причин тому, как всегда в случае сложных исторических колебаний, несколько и они разного порядка — от внутренней организации научного сообщества до политического климата эпохи.

Чтобы работать на уровне Валлерстайна или Тилли, требуются годы труда и проработка изрядного объема литературы. Куда хуже, что после всплеска эмоциональной энергии неизбежно наступает упадок той или иной степени. В последние 20–30 лет упадок эмоциональной энергии оказался весьма глубоким. В том, несомненно, повинно общее разочарование в любых больших идеях и наступление климата рыночного неолиберального эгоизма.

Поскольку данная вера целиком согласовывалась с унаследованным восприятием классики, большинству она казалась естественной и не требующей дальнейших доказательств. Возьмите на шумевший бестселлер Фрэнсиса Фукуямы, который, по сути, есть аспирантского уровня реферат о Гегеле и достижении венца истории. Как иначе объяснить мгновенное вознесение самого Фукуямы до статуса гуру, если не глубинным соответствием его тезиса собственному мироощущению западных элит в момент столь неожиданного для них избавления от угрозы коммунизма?

Здесь становится хорошо виден второй источник силы неолиберальных идей — мощная материальная и пропагандистская поддержка ведущих западных политиков и финансовых кругов, которые после кризисов 1960–1970-х гг. обрели второе дыхание.

И все-таки просто по заказу элит успешные идеологии не возникают, как бы хитроумные политтехнологи ни убеждали в обратном своих клиентов. Всплеск иконоборчества образца 1968 г. — как на Западе, так и в советском геополитическом блоке — был на деле первой мировой революцией не по Марксу, а, скорее, по Максиму Веберу. Восставали не пролетарии против буржуазии, а молодые образованные специалисты, более не желавшие покорно сносить бюрократический кретинизм и мелочную патерналистскую опеку боссов и начальников.

Отсюда и такой безудержный переклест в анархические проявления, нарушение всякой дисциплинарной субординации, а также уход в религиозную и квазирелигиозную романтику — в противопоставление обыденности. Обратите внимание, что основатели Аль-Каиды (если взять самое крайнее проявление) ведь тоже не из самых необразованных слоев общества. Это как раз и есть крайний фланг образованных элит исламского мира. Их безумно утопический и разрушительный вызов направлен в первую очередь против своих же правителей и только затем против покровительствующей им Америки.

Самонадеянно и пагубно отметать неолиберализм как простую идеологическую диверсию.

Это была именно последняя из великих утопий современности, равно как и марксизм, растущая из самих основ современной цивилизации — притом не только западной, но и других великих цивилизаций мира. Ценности, к которым взывал неолиберализм (как и марксизм), имеют общемировое значение. Иначе как объяснить притягательность идей либерализма и марксизма для стольких китайцев, индусов, турок, арабов, русских, наконец?

Беда с любой утопической верой не только в том, что она оправдывает насильственную ломку общественных отношений — во имя чего-то великого в будущем. Но не будем забывать: утопия еще и оправдывает власть тех, кто проводит ломку. Неолиберальная глобализация вполне закономерно вызвала такой рост антиамериканизма по всему миру именно потому, что и в самом деле вела к ломке политических и экономических структур прочих стран мира путем непосредственного предписания (как, скажем, в программах МВФ) и менее персонифицированного, но ничуть не менее жесткого конкурентного давления.

Речь вовсе не идет о революционном сломе неолиберального капитализма. Эта модель просуществовала уже почти три десятилетия и зашла в тупик вместе со своей несущей структурой — гегемонией США. Скорее, если воспользоваться афористичным выражением британского экономгеографа Дэвида Харви, встает вопрос о «спасении капитализма от неолиберализма», о стабилизации и о цивилизации мировых рынков, и о желательном безболезненном выходе США как основного элемента миросистемной архитектуры из режима мировой гегемонии.

Но все это останется благими пожеланиями, если социальные науки не смогут подкрепить цели серьезным и реалистическим анализом того, от какого начала и в каких вероятных направлениях развивается наш мир, как могли действовать механизмы социального (в самом широком смысле) воспроизводства отдельных народов и всей миросистемы.

Сегодня организация мировой науки такова, что непропорционально большие силы и ресурсы оказались сосредоточены именно в США. Это, конечно, одно из последствий голодных лет недофинансирования науки и образования, поразившего подавляющее большинство стран мира. В американские университеты в последние десятилетия переселялись целые научные школы, причем не только из бывшего СССР, но даже из Великобритании и Франции. Возможно — пока лишь в теории — что в ближайшие годы тренд будет разворачиваться в противоположном направлении. Отчасти это вопрос финансирования.

Известный русский экономист из Гарварда Александр Гершенкрон еще в 1950-е гг. сформулировал теорию «преимущества отставания». Представьте себе, что вы сзади приблизились к автомобильной пробке. Те, кто застряли в ней первыми, не могут видеть обходных путей, а если бы и увидели их, то слишком зажаты в голове пробки, чтобы совершить маневр. Отставшие герои, как учил Гершенкрон, всегда идут в обход.

Имена авторов теоретических прорывов, которые я перечислил ранее, конечно, хорошо известны на Западе. Если бы существовала Нобелевская премия по социологии, то в списке ближайших кандидатов на нее, несомненно, значились бы и Тилли, и Бурдые (увы, уже посмертно), и Валлерстайн, и Арриги, и Рэндалл Коллинз. Но все эти великие ученые остаются где-то вне ремесленного мейнстрима, куда их идеи с трудом умещаются. Куда важнее то, что теоретические прорывы в макроисторическом понимании общества никак не согласуются с неолиберальным видением мира как конкурентной арены атомистических индивидов. Поэтому хотя имена известны и почитаемы, продолжения исследовательских программ практически не наблюдается. Вот здесь и видится тот путь, по которому можно сманеврировать в обход затора. Возможно, тогда откроется выход из современного мирового тупика.

Рене Герра

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ВСТРЕЧИ

Памяти Д. С. Лихачева

Я приехал в Петербург, в город, где в 1906 г. родился Дмитрий Сергеевич. Приехал, чтобы отдать должное его памяти; иначе я навсегда останусь перед ним в долгу.

Волею судьбы я познакомился с Дмитрием Сергеевичем в конце августа 1992 г. в Венеции на выставке «Русский символизм и Дягилев». Эта выставка и эта встреча оказались для меня знаменательными и судьбоносными и предрешили многое. Расскажу вкратце, как это произошло.

Пригласила меня на выставку «Русский символизм и Дягилев» устроительница, Марина Бенцони, верный друг Дмитрия Сергеевича и моя добрая знакомая. На этой замечательной выставке были представлены работы великих изгнанников: А. Н. Бе-

нуа, Л. Бакста, К. Сомова, М. Добужинского, Д. Стеллецкого, Н. Гончаровой, М. Ларионова, Н. Рериха, С. Судейкина, К. Коровина, З. Серебряковой, Б. Григорьева, А. Яковлева. Присутствовал на празднике и выступал нобелевский лауреат Иосиф Бродский. И хотя держался он несколько обособленно, я смог с ним пообщаться (сохранились фотографии и две его книги с надписями).

Из России в Венецию прибыла целая делегация во главе с Дмитрием Сергеевичем. Сопровождали его вице-президент РФК (бывшего СФК) Владимир Нерознак, маститый искусствовед Д. В. Сарабянов, тогда еще член-корреспондент Академии наук. Прибыли и потомки В. Серова, Е. Лансере, коллекционеры.

Естественно, я много читал и слышал о Дмитрие Сергеевиче, прославленном академике и «совести» России, о его судьбе, научной и гражданской деятельности, о его роли защитника революционной культуры России. И тем не менее при первом знакомстве я был поражен его благородным обликом, изяществом, изумительным русским языком. Этим обликом настоящего петербургского потомственного интеллигента, аристократизмом, обаянием он напомнил мне ушедших русских друзей из первой волны эмиграции: Б. К. Зайцева, Г. В. Адамовича, В. В. Вейдле, Д. Д. Бушена, С. Р. Эрнста, М. Ф. Андренко...

Меня удивило и другое. Оказалось, что Дмитрий Сергеевич знал обо мне, о моей судьбе, моих «сложных», далеко не однозначных отношениях с советской властью и о том, как меня долгие годы не пускали в Москву, о том, что я стал «персоной нон грата» в СССР. Я по сей день храню каталог той русской выставки в Италии с благородными словами на титульном листе:

«Глубокоуважаемый господин Герра! Я надеюсь, что все недоразумения, возникшие по вине моих «соотечественников», Вы забудете». Д. Лихачев. 30.VIII.92.

Такая дарственная надпись о многом говорит.

И еще я был очень удивлен доверительным ко мне отношением. Тогда в застольной беседе Дмитрий Сергеевич заявил мне, малознакомому человеку, что я правильно поступал, не печатаясь в журнале СФК «Наше наследие». Позднее он рассказал мне много любопытного о деятельности СФК и о том, что пережил сам при советской власти: о Соловецком лагере особого назначения; о нападении на него в 1975 г. и о попытке поджога его квартиры в 1976 г. Добавлю, что контекст разговора был особым. Ведь еще и года не прошло после распада Советского Союза и конца советской власти, а наши встречи и беседы происходили в Италии, да к тому же в Венеции, на фоне праздника русской культуры. И мне стало ясно: наступают новые времена.

Вторая встреча состоялась уже в Северной Пальмире в начале января 1994 г. Дмитрий Сергеевич любезно пригласил меня к себе, прислал за мной черную «Волгу» с водителем. Мы вдвоем, с его супругой Зинаидой Александровной, пообедали, а потом мы с Дмитрием Сергеевичем долго сидели в его кабинете, заваленном книгами. Речь тогда шла о судьбах русской культуры в изгнании. И я почувствовал, насколько ему дороги и близки эти судьбы.

А третья встреча произошла в начале января 1995 г., и тогда же я попросил его написать текст для каталога моего собрания, частично выставленного в Москве. Каталог назывался «Они унесли с собой Россию...: Русские художники-эмигранты во Франции в 1920–1970-е гг.» (ГТГ, апрель–май 1995 г). Разумеется, я был очень тронут и горд тем, что Дмитрий Сергеевич сразу согласился и написал статью «Зарубежная русская культура XX века в собрании профессора Рене Герра». Позволю себе привести цитату из этого проникновенного текста.

«Выталкиваемые из России невежественным и реакционным государством, в Европу переезжают лучшие представители русской интеллигентной свободы оказываются лучшие культурные силы страны с тысячелетними культурными традициями — философы, богословы, художники, прозаики, поэты, театральные деятели, музыканты (композиторы и исполнители). В Париже издаются лучшие русские журналы (особенно подчеркиваю значение «Современных записок»), устраиваются выставки, создается Русская консерватория, осуществляются выдающиеся постановки русских балетов и опер. По существу, на Западе оказывается вторая русская культура...»

Трудно вообразить, насколько были поражены чиновники Минкульт! Как! Сам Лихачев согласился написать текст для моего каталога — и как написал! Не скрывая раздражения, сотрудница Министерства культуры Анна Сергеевна Колупаева выразила мне свое недовольство. Я тогда ей ответил, что она, как сотрудница этого министерства, должна, в сущности, радоваться, так как подобный текст за подписью Дмитрия Сергеевича, безусловно, является украшением для каталога, изданного ее министерством. И напомнил, что в это издание согласился написать статью и академик Д. В. Сарабьянов, с которым я тоже познакомился в Венеции.

Четвертая встреча неожиданно случилась в середине июля 1997 г. на юге Франции и отчасти в Италии. Официальным поводом для поездки за границу было вручение Лихачеву премии за книгу «Поэзия садов», которая годом раньше вышла в итальянском переводе в Турине в престижном издательстве Giulio Einaudi. Церемония вручения происходила 12 июля в Giardini Hanbury, знаменитых садах Лигурийского побережья, которые в 1867 г. создал Sir Thomas Hanbury. Получая премию в этих старейших и известнейших садах Средиземноморья, на границе Италии с Францией, Дмитрий Сергеевич сказал, что эта премия, может быть, самая приятная из тех, что ему вручали: *«потому что я не специалист по садам. Садами я стал заниматься только по велению души и сердца. Мне очень нравились русские сады под Петербургом. Они расширили мои представления о природе. Потом я стал изучать другие сады: Алупку, Никитский сад... Я решил, что не случайно Бог поселил человека в раю, посреди природы. У меня такое впечатление, что война, которая ведется сейчас с природой, это — от атеизма. То, что создал Бог, всегда прекрасно — даже очертания речных русел, берегов. Скажем, одно из самых красивых графических произведений — это очертания Южной и Северной Америки: береговая линия их представляет удивительную красоту. Не менее красивы Новозеландские острова, Сибирь, Байкал. Я думаю, что красивый парк, в котором соединились эстетические представления растений и эстетические представления человека — они одинаковы в своей сути, это то, что мы могли бы назвать молитвой к Богу. Ведь*

в молитве есть две стороны: просительная, когда человек просит у Бога милости или заступничества, и восхваляющая, поющая Ему славу. Так вот, сады — это молитва к Богу в той ее части, где она возносит хвалу Творцу. Лучшее, что может сделать человек, — это создавать сады, которые и питают его, и поддерживают его в вере в Бога, в красоту существующего».

Хочу еще процитировать его дарственную надпись на титульном листе этой книги: *«Сад — это союз Бога и человека; когда-нибудь мы вернемся в этот рай, дорогой Рене Герра!!!»*

По приглашению Дмитрия Сергеевича Лихачева мы после торжественной церемонии поужинали на берегу моря. За столом я познакомился с вдовой Н. А. Бенуа, и она поделилась с нами своей горечью относительно судьбы музея семьи Бенуа в Петергофе и отношения к ней самой дирекции, после того как она все им отдала.

Последующие дни уже на Лазурном берегу были для Дмитрия Сергеевича не менее насыщены. 13 июля — открытие памятника (бронзового бюста) императрице Александре Федоровне, вдове Николая I, в городке Вильфранш-сюр-Мер. Церемония происходила в присутствии местных властей, мэра города и его заместителя по культуре художника Минетти, российского Генерального консула, специально приехавшего на церемонию из Марселя, представителей местной русской диаспоры, журналистов. Дмитрий Сергеевич произнес большую речь, которую я синхронно переводил. В своем вдохновенном выступлении он напомнил собравшимся о той большой гуманистической и просветительской роли, которую играли русские императрицы в истории России, о создании их попечением благотворительных обществ, учебных заведений и т. п. Господин Минетти, большой русофил, особо подчеркнул, что для их города визит академика Лихачева, ставшего воплощенной совестью русской культуры, является большой честью. В местной газете «Утренняя Ницца» (от 19 июля) появилась статья-репортаж с большой фотографией, озаглавленная «Вильфранш: академик воздаст должное императрице». И на следующий день в той же газете была напечатана статья известной журналистки Сильви Бэаль под названием «Россия глазами Лихачева», написанная после встречи-беседы с Дмитрием Сергеевичем в моем доме в Ницце.

Он также любезно согласился посетить маленький горный городок Бер-лез-Альп, в 20 км от Ниццы — колыбель моих предков. Там мы с братом в 1992 г. открыли Франко-русский дом творчества для российских художников и писателей.

В то лето у нас гостили художник Оскар Рабин с супругой, художницей Валентиной Кропивницкой, которые устроили трогательный прием в честь Дмитрия Сергеевича, его внуכים Зины и правнучки Веры. Эта историческая встреча, проникнутая взаимным уважением и симпатией, была также отмечена статьей в газете «Утренняя Ницца» (от 22 июля 1997 г.). Там была опубликована большая фотография Лихачева перед Франко-русским домом. А после этой

теплой неформальной встречи Дмитрий Сергеевич нарисовал в моей Золотой книге шпиль Петропавловской крепости и оставил надпись: *«С этой “иглы” сейчас виднее конец Света, но конец может быть началом новой культуры».*

Тогда же на Лазурном берегу состоялась встреча Дмитрия Сергеевича с моим другом, прекрасным нью-йоркским художником и писателем Сергеем Львовичем Голлербахом, племянником Эрика Федоровича Голлербаха. Эта знаменательная встреча двух великих петербуржцев на берегу Средиземного моря была незабываема. Они сразу понравились друг другу, и С. Л. Голлербах, по моей просьбе, сделал акварелью очень удачный портрет Дмитрия Сергеевича, который я опубликовал со статьей-интервью под названием «На перекрестке культур: Д. С. Лихачев на Лазурном берегу». Статья появилась в парижском еженедельнике «Русская мысль» (от 28 августа 1997 г.), а в 2004-м я опубликовал ее в своей книге, изданной в Петербурге, «Они унесли с собой Россию...: Русские эмигранты — писатели и художники во Франции (1920–1970)».

В Петербурге произошли две наши последние встречи.

Первая — 19 февраля 1998 г. на его квартире, куда Дмитрий Сергеевич меня вновь пригласил на обед. Тогда же он подарил мне три свои книги с очень трогательными надписями:

«Дорогому Рене Юлиановичу на добрую память от любящего Д. Лихачева» (Воспоминания. СПб., 1995);

«Дорогому Рене Юлиановичу с любовью Д. Лихачев» (Избранное. Великое наследие. СПб., 1997);

«Дорогой Рене Юлианович! Надеюсь, верю, что мы будем еще встречаться». И нарисовал цветок.

К счастью, его и мое желание осуществилось.

Последняя встреча состоялась 3 апреля 1999 г., когда я с радостью преподнес ему каталог двух выставок, приуроченных мной к 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина — «Образы Пушкина» и «Портреты изгнания». Каталоги включали интервью с Лихачевым во французском переводе. В процессе подготовки своих выставок я обратился с просьбой к Дмитрию Сергеевичу, который сразу же откликнулся и очень скоро прислал свои ответы на мои вопросы. Это же интервью было напечатано мною по-русски в Нью-Йорке в июне 1999 г., в 215-м номере «Нового журнала».

В июле прошлого года, будучи в Москве, я зашел в редакцию журнала «Наше наследие» в 1-м Неопалимовском переулке, чтобы посмотреть на мемориальную доску Дмитрия Сергеевича, установленную на фасаде особняка в ноябре 2006 г. Тогда же я случайно встретился с главным редактором «Нашего наследия» В. П. Енишерловым, который подарил мне номер 79–80 своего журнала. Только вечером, вернувшись к себе в Переделкино, я увидел публикацию «Храните своих друзей...» (Письма Д. С. Лихачева В. П. Енишерлову). В письме от

22 августа 1997 г. я прочитал: *«Я перестал ездить за границу: был только 4 дня в Нице, где мне давали премию за «Поэзию садов»... Поездка была очень приятная в сопровождении внучки Зины и правнучки Веры. Сопровождение Герра было очень полезным. От него я узнал много интересного о русской администрации. Его не любят многие за злой язык, но я думаю, что он справедливо судит (и осуждает) о людях. С его*

оценками приходится считаться». Именно после этой публикации я понял смысл дарственной надписи на книге «Слово о полку Игореве» — героический пролог русской литературы», которую Дмитрий Сергеевич сделал 19.II.98: «Дорогой Рене Юлианович, я восхищаюсь Вашей деятельностью, Вашим умом и принципиальностью».

Рядом с надписью нарисованы два цветка.

Круглый стол ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ПАРТНЕРСТВО ЦИВИЛИЗАЦИЙ

23 мая 2008 г. Конференц-зал гостиницы «Рэдиссон SAS»

Ведущие:

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, член-корреспондент РАО, доктор культурологических наук, профессор

А. В. ЯКОВЕНКО заместитель министра иностранных дел РФ, доктор юридических наук, профессор

Участники:

В. АЛЬТАФ профессор физики (Саудовская Аравия)

И. ВАЛЛЕРСТАЙН профессор социологии Йельского университета (США), доктор философии

Г. М. ДЕРЛУГЬЯН адъюнкт-профессор Северо-Западного университета США, доктор

П. ДУТКЕВИЧ директор Института европейских, российских и евразийских исследований при Карлтонском университете (Канада), профессор

Д. Ч. КАПУР президент фонда «Капур Сурия», сопредседатель Мирового общественного форума «Диалог цивилизаций» (Индия), доктор философии, профессор

Р. В. МАРКАРЯН посол по особым поручениям Министерства иностранных дел РФ, кандидат исторических наук, генерал-майор

А. МУДЖАНИ полномочный представитель экс-президента Ирана

К. МУСАКОДЗИ директор Центра азиатско-тихоокеанского партнерства Университета экономики и права (Япония), вице-ректор Университета ООН по региональным и международным исследованиям, профессор

Ш. МУСТАФАЕВ директор Международного института Центральноазиатских исследований ЮНЕСКО (Узбекистан)

В. В. НАУМКИН руководитель Центра арабских исследований Института востоковедения РАН, заведующий кафедрой региональных проблем мировой политики МГУ им. М. В. Ломоносова, главный редактор журнала «Восток-ORIENTIS», доктор исторических наук, профессор

Ф. ПЕТИТО профессор международных отношений Университета Суссекса (Великобритания)

В. В. ПОПОВ посол по особым поручениям Министерства иностранных дел РФ, кандидат исторических наук

Г. РЯБЫХ священник, исполняющий обязанности секретаря по взаимоотношениям церкви и общества Отдела внешних связей Московского патриархата, кандидат политических наук

Ж. САМПАЙЮ Высокий представитель Генерального секретаря ООН по «Альянсу цивилизаций», Президент Португалии (1996–2006)

С. УАЙТ профессор политологии Университета Глазго (Великобритания), главный редактор научного журнала «Коммунизм и политика переходного периода»

Р. И. ХАИРОВ исполнительный директор Международного общественного фонда «За выживание и развитие человечества», кандидат философских наук

Д. ШАМСУТДИН Генеральный секретарь Совета улемов Индонезии, председатель индонезийской мусульманской организации «Мухаммадия»

В. ШВИММЕР член Национального собрания Австрии (парламента), председатель Мирового общественного форума «Диалог цивилизаций», доктор права, Генеральный секретарь Совета Европы (1999–2004)

Э. ШНАЙДЕР профессор Германского института международной политики и безопасности, главный редактор еженедельного бюллетеня «Россия: актуальная внутренняя политика»

А. В. ЯКОВЕНКО: — Я рад приветствовать здесь всех присутствующих. Сопредседатель нашей секции — профессор Наумкин Виталий Вячеславович. Надеюсь, что мы проведем очень полезный неформальный диалог, который позволит нам не только обменяться мнениями, но и обогатиться за счет идей, которые, я думаю, будут высказаны в ходе нашего обсуждения на тему «Диалог культур и партнерство цивилизаций». Для меня, как для практика, очень важно понять, как следует двигаться в этом направлении, что должно входить в повестку дня будущих международных встреч, контактов, как вообще должна выстраиваться линия диалога культур и партнерства цивилизаций.

Эта тема обсуждается уже давно, в частности в рамках ООН выдвигалось несколько инициатив. Сначала они назывались «Диалог цивилизаций» (вспомним иранского президента Хатами). Через некоторое время Испания и Турция провозгласили новую инициативу — под названием «Альянс цивилизаций». Постепенно это движение стало оформляться в площадку для рассмотрения серьезных вопросов. Надеюсь, что сегодня мы обсудим и идею о Консультативном совете религий, которая была выдвинута Россией на прошлой сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

В общем, сегодня перед нами стоит очень интересная задача: попытаться сформировать системный взгляд на то, как мы должны продвигаться в решении этой очень сложной, масштабной проблемы. Теперь я предоставляю слово Александру Сергеевичу Запесоцкому.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, Александр Владимирович. Здравствуйте, уважаемые коллеги. Я хочу еще раз поприветствовать вас от лица организаторов конференции, поблагодарить за то, что вы прибыли в Петербург для участия в нашей дискуссии. Переходя к теме встречи, я выскажу, безусловно, свое личное мнение. Но думаю, что оно во многом совпадает с мнением существенной части российского научного сообщества и взглядами широких слоев населения. По вопросу культурного диалога расхождений в позициях ученых и в общественном мнении России я не вижу. В России нет дискуссии: нужен диалог культур? каким он должен быть? Уважение к другим культурам, интерес к ним, желание обмениваться культурными ценностями для нас — нечто естественное, само собой разумеющееся.

Может быть, несколько неожиданным для нас был случившийся в середине 1990-х гг. переход к идее о главенстве культуры в жизни общества, в общественном развитии. Дело в том, что в СССР на протяжении 70 лет мы все были марксистами, причем совершенно искренними: мы были так образованы и воспитаны. А с точки зрения теории Маркса, как мы знаем, бытие определяет сознание, то есть экономические и материальные факторы определяют и оказывают решающее влияние на факторы духовные. Но уже примерно 15 лет назад мы начали понимать Маркса по-другому. Например, он говорил о том, что потребности производятся, так же как и продук-

ты, и, конечно, признавал, что культура, духовная жизнь оказывают огромное влияние на жизнь материальную.

С тех пор мы пошли намного дальше. И большая группа российских ученых полагает, что культура, а не экономика является стержнем развития, в том числе мирового. При коммунистическом строе наши обществоведы считали, что есть некий базис, *basement* — то, что лежит в основе. Это экономика. А есть надстройка; и культура — это как раз надстройка, которая покоится на основании экономики. Часть нашего правительства до сих пор придерживается этой точки зрения. И мы замечаем, что Министерство экономического развития России, Министерство финансов думают так же: что деньги определяют все. Но другие люди в России считают, что деньги не столь важны, важнее — мораль и культура.

И надо сказать, что если у существенной части российской элиты расходятся мнения с властью, то они расходятся как раз по этому поводу. Сейчас российская интеллектуальная элита пытается обратить внимание власти на то, что не деньги должны главенствовать в обществе. Вчера директор Эрмитажа господин Пиотровский уже затронул эту тему. Я также считаю, что сейчас это одна из болевых точек для нас.

Как бы то ни было, в советское время мы были уверены, что все культуры равны исконно — так же, как все люди от момента рождения обладают равными правами. Мы в России никогда не сможем понять тезис, что та страна, у которой более сильная экономика, или та, которая больше тратит на вооружение, имеет больше прав в культурном диалоге.

На протяжении всех лет советской власти у нас малым культурам уделялось намного больше внимания, чем общей культуре Советского Союза. Приведу пример, который для меня удивителен. Латвия, небольшая страна с небольшим населением и небольшой по объему оригинальных культурных символов собственной культурой, имела телевидение, где число работников составляло 1 человек на тысячу человек населения. Повторяю, Советский Союз уделял огромное внимание развитию небольших культур. Здесь можно много говорить о фестивалях, о поддержке национальных писателей, композиторов, театров и т. д. Для жителей Советского Союза мысль о необходимости поддержки культуры даже очень малых народов — часть нашего воспитания. Мы выросли на этом.

Человечество, придя к идее равенства людей, к идее прав человека (а это одно из важнейших достижений цивилизации, в первую очередь европейской), теперь должно прийти к мысли о равенстве культур и равном праве разных культур на диалог. Если мы положим в основу культурного диалога какие-то иные принципы, то рискуем быть вовлеченными в череду непрерывных конфликтов. Утверждение о том, что в культуре большое должно быть главнее, чем маленькое, — это та же идея, которая лежит в основе дикости, когда прав тот, кто сильнее. Но мировая цивилизация ушла от этого тезиса.

Мне показалось симптоматичным, что академик Гусейнов, участник нашей дискуссии, вчера обосновывал мысль о применении к диалогу культур тех правил, которые выработало цивилизованное человечество применительно к правам личности.

Неважно, богат человек или нет, имеет ли он власть, силу, оружие, — все люди должны быть равны в правах. Мне думается, что эти же принципы необходимо утверждать и в диалоге культур. Не должно быть государства, претендующего на монополию в области истины и считающего свои взгляды на культурные ценности единственно верными, а взгляды других стран — не заслуживающими внимания. Там, где какая-то страна или культура присваивает себе право быть лучшей, начинаются конфликты, которые оказываются губительными для человечества. Это мое убеждение и убеждение многих моих коллег из научного сообщества России.

Многие из вас специально изучают Россию, но не все видят ее изнутри. Я думаю, сейчас в России мы переживаем вторую трагедию за последние двадцать лет — в области идеологии, сознания. Первая трагедия произошла в момент, предшествовавший крушению Советского Союза, и способствовала его распаду. Тогда наше общество отказалось от коммунистических ценностей, решив, что Советский Союз шел по неправильному пути. Огромное значение в том, что произошло, имели идеи свободы, демократии, прав человека. Советский Союз распался, и его народ понес огромные издержки. Россия дорого заплатила за изменение своих взглядов, за то, что проявила открытость Западу, его влиянию.

Теперь мы спрашиваем себя: за что Россия заплатила эту высокую цену? И испытываем чувство огромного разочарования, потому что сейчас у многих общественных деятелей в нашей стране сложилось впечатление, что Запад Россию обманул. Мы видим, что Запад не являлся искренним приверженцем тех идей, которые декларировал: идеи прав человека, свободы, демократии и т. д. Это была всего лишь игра, направленная против Советского Союза. И это порождает у нас в стране новый идеологический кризис.

Еще раз скажу: нам очень трудно согласиться с мыслью, что деньги решают все. Если бы мы могли оправдать случившееся с Советским Союзом тем, что мы стали богаче, наверное, многие бы успокоились. Экономически многие ведь выиграли от тех перемен, которые здесь произошли. Российская элита выиграла, безусловно. Другой вопрос — выиграли рядовые граждане или нет? Граждане, на мой взгляд, очень много потеряли.

И сейчас Россия стоит перед проблемой повторной переоценки приоритетов тех идей, которые должны являться главными. Не думаю, что наша страна, наше общество откажутся от идей свободы, демократии, прав человека. Но полагаю, что для нас рядом с этими ценностями будет стоять идея культуры. Группа ученых нашего Университета во главе с академиком Лихачевым в середине 1990-х гг. не случайно поставила во

прос именно о правах культуры. Мы понимаем, что с юридической точки зрения этот вопрос не вполне корректен, потому что культура не является субъектом права. Такая же ситуация складывается, например, в экологии. Мы говорим о праве человека на здоровую окружающую среду, на необходимость защиты природы как величайшего блага для человека. Но мы полагаем, что идея защиты культуры как величайшего блага для человека не менее важна, чем идея защиты природы.

Культуре, на наш взгляд, суждено играть решающую роль в дальнейшем развитии человечества. В научном плане центральным для нас будет вопрос о механизмах диалога культур. И мы пытаемся сейчас в Университете выработать представление о том, как конкретно должны вести диалог разные культуры. В военной сфере, например, государства выработали правила диалога, существует серьезно развитая система отношений и правил поведения. Хотя теперь мы видим, что после крушения Советского Союза мир откатился назад и эта система не всегда используется. В международных отношениях снова начинает превалировать сила. Однако думается, что в ближайшие 15–20 лет технологии диалога культур будут разработаны не хуже, чем технологии регулирования военных конфликтов или какие-то иные технологии международных отношений.

Я убежден, что первая четверть XXI в. — это то время, когда огромное внимание международной общественности, мировой общественности будет приковано к проблемам культуры и взаимного существования различных культур. Не сомневаюсь, что вместе мы можем что-то сделать и далеко продвинемся по этому пути.

А. В. ЯКОВЕНКО: — Спасибо большое, Александр Сергеевич, за очень интересное установочное выступление, которое вытекает из той дискуссии, что прошла вчера. Я безоговорочно поддерживаю ваш основной тезис: диалог можно вести только на равных. Кстати, именно на этой основе, как представляется России, должны базироваться современные международные отношения. Именно такой подход лежит в основе Устава ООН. «Альянс цивилизаций», о котором вчера говорил господин Сампайю и все мы, также строится на этих принципах.

Это очень важный момент, потому что на сегодняшний день есть две школы мысли. Одна школа — это то, о чем говорил Александр Сергеевич: равный диалог, право всех быть равными и, соответственно, взаимное обогащение. И вторая школа мысли — это когда сильные государства начинают продвигать свои представления о мировом порядке и тем самым создают ситуацию неравенства: не учитываются позиции более слабых государств и, соответственно, интересы их культур.

Я полностью согласен с Александром Сергеевичем в том, что XXI век — это век, когда нам надо искать технологии диалога культур. Мы с этим сталкиваемся всюду: и в России, и в европейских странах, и во всех других. В условиях

глобализации происходят перемещения огромных масс людей. Во многие страны, регионы приезжают носители иной культуры, которые никогда там не жили. Это создает совершенно новую ситуацию.

В России в этот процесс вовлечен целый ряд регионов. Скажем, в Центральном регионе, где, например, представители центральноазиатских республик ранее никогда не проживали, создается новая ситуация, о которой мы вчера говорили. В Европе это резкий рост мусульманского населения, которое тоже приносит свои традиции.

Для обеспечения мирного сосуществования культур необходим диалог. Требуется создание условий для того, чтобы они могли, во-первых, быть услышанными и, во-вторых, адаптироваться к условиям, которые существуют в том или ином регионе. Поэтому разработка механизмов диалога культур действительно выдвигается на первый план как на уровне отдельных государств, так и на уровне международных отношений. Это новый элемент в повестке дня международных отношений, который постепенно начинают осознавать государства — члены ООН. В прошлом году впервые состоялась общая дискуссия на тему диалога культур, где могли выступить и государства — члены ООН, и представители религиозного сообщества. Раньше такого рода дискуссий — в рамках Организации Объединенных Наций, на высоком уровне — не проводилось. Подобные события сейчас являются индикатором того, куда движется современная международная мысль по созданию или, по крайней мере, по осознанию необходимости создания тех или иных механизмов диалога культур.

Хочу предложить коллегам в числе идей, которые они хотят высказать, затронуть и такую: какие механизмы диалога культур должны быть созданы в XXI в., чтобы обеспечить дополнительную стабильность и на уровне международных отношений, и на национальном уровне, в различных государствах. Тем более что мы в последнее время являемся свидетелями развития весьма негативных тенденций вследствие отсутствия подобных механизмов, которые позволяли бы налаживать диалог.

Слово имеет профессор Эберхард Шнайдер.

Э. ШНАЙДЕР: — Для меня было очень интересно то, что сказал господин Запесоцкий, и я сделал некоторые заметки.

Во-первых, культурный диалог цивилизаций — очень сложная вещь. Потому что идентичность народа — это и есть культура. Идентичность не определяется экономикой и политикой; культура — вот душа народа. Во-вторых, диалог культур, диалог цивилизаций — это всего лишь диалог, он не решает политических проблем, а может только помогать, создавать условия для лучшего их решения. Но там, где существуют крупные политические конфликты, по-моему, диалог культур невозможен. Нужна более или менее нормальная политическая ситуация — тогда мы можем вести диалог цивилизаций.

Большую роль, как мы уже вчера говорили, в диалоге культур играет религия. Представители каждой религии думают: «Моя религия самая правильная, самая лучшая. Я хочу всех облагодетельствовать, чтобы другие люди тоже имели это счастье. Я хочу, чтобы они тоже верили в то, что я говорю». Это проблема релятивизации религии. Все ценности мы до сих пор всегда получали из религий. Здесь тоже налицо проблема.

Теперь о России. Я хорошо понимаю ситуацию здесь, потому что сорок лет изучал русскую внутреннюю политику. Дорога коммунизма закончилась, люди ищут новую ориентацию. Демократия — это только механизм. Свобода, возможно, — это только условия жизни. Я понимаю — россияне ищут новую идею, новую цель: «куда мы идем, что надо делать?» Они не знают целей, вспоминают еще те обещания, которые президент Ельцин давал как призы для новой русской идеи. И теперь это сложно — Россия ищет новую национальную идею. Если вы будете ориентироваться на православную церковь (а православная церковь заинтересована в этом), то столкнетесь с трудностями, потому что в стране проживает много мусульман.

И в Европе есть острые проблемы. Перед нами тоже стоит вопрос: «для чего мы живем?» Об этом спрашивает молодежь, подобные же вопросы рассматривают религии. Что касается политики, то у нас есть идея, долгосрочная цель — создать единую Европу, Европейский Союз. Эта цель помогает найти смысл, поэтому часть людей придерживается этой ориентации.

А. В. ЯКОВЕНКО: — Благодарю вас. Я с вами согласен в том, что идентичность народа основана прежде всего на культуре. Думаю, что в каждом государстве на любом континенте все-таки есть некие системообразующие центры, в том числе и в области религии. Например, в Западной Европе это католицизм. В России, несмотря на то что у нас 20 млн человек мусульманского населения, преобладающей религией является православие; это системообразующая религия в нашей стране. Для нас главная задача состоит в том, чтобы обеспечить равные условия для всех вероисповеданий (в том числе и право выбора религий), чтобы люди были совершенно свободны в своем выборе.

Вместе с тем, с нашей точки зрения, очень важно то, о чем говорил Александр Сергеевич Запесоцкий: после распада Советского Союза во многом были утеряны идеи и ценности — то, на чем должна вообще строиться жизнь. В связи с этим происходит, конечно, и некоторое восстановление роли религии. В нашей стране религия отделена от государства, но при этом она играет важную роль в стабилизации общества, а главное — в формировании системы ценностей у людей. Нельзя отрицать, что религии имеют в своих основах очень мощные культурно-исторические компоненты, что является сердцевинной развития любой цивилизации. Я с вами полностью согласен, что диалог культур возможен

только в определенных условиях, каковыми на сегодняшний день, собственно, и являются свобода и демократия. Приглашаю выступить нашего гостя, профессора из Японии господина Кинхиде Мусакодзи. Прошу Вас.

К. МУСАКОДЗИ: — Спасибо, господин председатель. Мне хотелось бы оттолкнуться от того, о чем здесь уже шла речь сегодня, а также от того, о чем говорилось вчера.

Но позвольте прежде упомянуть тот факт, что я был здесь, в Ленинграде, в 1984–1985 гг. В ООН мы организовали сравнительное исследование трех стран — Советского Союза, Мексики и Японии — с точки зрения социальных преобразований в ответ на влияние Запада. Предметом нашего внимания были российская революция, мексиканская революция и японское восстановление династии Мэйдзи. Тогда нас интересовало даже не то, кто победил в этих революциях, а интеллектуальный созидательный потенциал, который был мобилизован в тот момент.

У вас ведь были не только политические потрясения, но был также, в позитивном смысле, «взрыв» различных форм искусства — ваш, можно сказать, новый Ренессанс. Все это основывалось на экспрессии. Новый языковой и культурный вокабуляр возник вместе с революцией, как и вокабуляр искусства, который впоследствии был забыт. Сегодня мы вновь рассматриваем культурную созидательность и ищем способы, как ее мобилизовать.

Здесь мне хотелось бы упомянуть три важных момента. Прежде всего это касается нынешнего кризиса цивилизации и, в частности, исторической ситуации в настоящее время. Мы, японцы, вообще очень дотошны. Еще мы стараемся многое перенять у других. Я, например, много почерпнул из работ израильского социолога Айзенштадта — специалиста по цивилизациям, который высказал мысли об осевых религиях и модернизации, пришедшей с Запада. Он утверждает, что основные черты современной цивилизации базируются на том, что монотеистические традиции обращали гетеродоксию в ортодоксию. Евреи стали христианами. Также римское инакомыслие обратилось в христианство; гетеродоксия русской религии, которую можно считать почти атеизмом, превратилась в главный двигатель революции октября 1917 г.

Для японских ученых все это очень интересно. Потому что у нас не было подобного опыта, когда «инакомыслящие» религии превращались в одну — ортодоксальную религию. Стали возникать новые течения — феминистические и пр. То есть гетеродоксия начала превращаться в новую ортодоксию.

К концу 1970-х гг. проявилась тенденция к деколонизации; возник также неолиберализм. Сейчас мы живем в эру повторной колонизации. «Горизонтальные идеи» были генерированы еще в 1960–1970-х гг., но сейчас они отвергаются как нечто такое, что противоречит развитию цивилизации. Однако мы должны, отталкиваясь от них, возвращаться к важным моментам, упомя-

нутым профессором Валлерстайном, касающимся равенства в диалоге. Нельзя допустить, чтобы это был диктат «сверху вниз». Это должно быть не навязывание, а действительно горизонтальный диалог, на равных.

В настоящий момент мы столкнулись с кризисом западной цивилизации, который имеет и позитивные моменты. Их надо сохранить, чтобы и дальше защищать права человека и другие универсальные идеи.

Посыл западного мира, как упоминалось вчера, основывается на трех типах ценностей, трех основных ипостасях человека: homo economicus — думающий о богатстве, homo politicus — жаждущий власти и homo ludens — тот, кто исповедует эпикурейскую философию, хочет наслаждаться жизнью. В наслаждении жизнью ничего плохого нет, но в настоящий момент homo ludens настолько коммерциализованы, что секс, насилие, разного рода спекуляции составляют суть нынешней западной цивилизации. Капитализм, однако, был прекрасной, революционной экономической системой, но он превратился уже не столько в систему производства, сколько в систему разного рода финансовых спекуляций.

Сейчас мы должны снова обратить внимание на то, что еще недавно рассматривалось как устаревшие идеи. Западная цивилизация была очень успешной, но теперь она вошла в новую стадию. Мы должны вернуться к опыту и идеям других цивилизаций, незаслуженно забытым. И положить на один и тот же стол достижения и проекты различных цивилизаций. Они были забыты, потому что их не воспринимали как ценные, но это именно то, что надо, чтобы демократизировать и модернизировать весь мир и продолжать развивать экономику.

Когда мы сталкиваемся с этими проблемами, нам следует не просто вернуться к духовности, а сделать это по-новому. Как упоминал Анри Бергсон, имеется два источника этики: религия и секуляризм, который появился в результате революции на Западе. Он институционализировался, и теперь мы должны вернуться к истории и посмотреть на различные виды и формы духовности. Здесь необходимо развивать новый исторический подход. Как говорил Антонио Грамши, нам надо опираться на историю. Исторический блок, начавшийся Ренессансом, привел к просвещению, к гуманизму. Это все восходит к Греции, к универсальным идеям. Но были национальные буржуа, которые настаивали на использовании только национального языка.

Теперь, по моему мнению, человечеству необходимо новое сотрудничество, новый пласт истории. И здесь мы должны опираться на тех людей в Европе, которые верят во всеобщность, универсальность прав человека. Я тоже в это верю. Вслед за тем, как говорил Иоганн Готтлиб Фихте, мы должны развивать нашу собственную культуру и национальную идентичность. Это именно та область, в которой мы уже начали работать в Бандунге и которая не относится к западному типу мышления. Мы развиваем горизонтальный

диалог культур, а в диалоге всегда участвуют как минимум две стороны. И они достаточно эгоцентричны. Индийский вариант мирового порядка — Мандала, где одно государство находилось «в центре мира», поэтому здесь присутствовал эгоцентризм. Но появился Джавахарлал Неру, потом Чжоу Эньлай. Они согласились установить равные отношения, чтобы достичь мира и обоюдной выгоды. Эти принципы выходят за пределы конкретных культур, и именно они, я надеюсь, помогут нам.

И еще скажу, что нам следует вернуться к традиционной эпистемологии, к традиционным этническим системам. Интересно, что во Франции я нашел молодых исследователей, которые обратились к Нагарджуне и постарались совместить свои идеи с индийскими, буддистскими теологическими и философскими системами. Для них была ясна необходимость выхода за рамки своего индивидуалистического подхода к жизни, к экологии, к правам человека.

Мы должны посмотреть на вещи в системах взглядов различных религий, обратить внимание также на природу человеческих существ. Не только аристотелевская логика здесь оказывается полезной. Вот китайская эпистемология — «Книга перемен»; она тоже очень важна. В ней нет противоречия между идеалом и реальностью, как это было в греческой традиции. Там просто порядок сменяется беспорядком, затем снова воцаряется порядок. Существует и экзистенциальный подход. Сейчас у некоторых политиков имеет место гигантомания в отношении собственных взглядов: они пытаются навязать другим права человека и демократию в тех формах, которые существуют на Западе. Но это — узкий взгляд, который мы должны преодолеть. Конечно, мы стоим за демократию, права и свободы человека, но я против того, чтобы насильно навязывать это другим странам. Мы должны смотреть глубже в суть, в культурные «колодцы» разных стран.

Диалог цивилизаций не должен быть мелким. Необходимо копать глубоко, исследовать глубины «колодцев» всех цивилизаций. И находить и другие варианты порядка, выявлять связи, которые соединяют различные скважины, или «колодцы» различных цивилизаций. И тогда мы выходим, например, на понятие «неприменения силы». Сейчас мы видим, что сила применяется и насилие торжествует, но в мировой культуре имеются традиции, которые отрицают насилие. В мире есть и приверженцы ненасилия. Это надо использовать, чтобы помочь развитию Европы.

А. В. ЯКОВЕНКО: — Я благодарю профессора Мусакоджи за интересное выступление. Один из тезисов господина Мусакоджи, касающийся так называемого «горизонтального диалога», подтверждает необходимость равенства при ведении такого диалога. Нельзя не согласиться и с тем, что современные модели экономического развития в мире различаются. Даже в Европе, например, есть большие различия между северными и

южными странами. Еще более существенно отличаются азиатские государства от того, что мы видим в Европе и даже в России. Идея многополярного мира, разных экономических систем, в основе которых лежат капиталистические отношения, учитывает ту широкую палитру, которая существует в мире.

Я полностью согласен с тем, что права человека — это сложная субстанция, которая зависит от условий конкретного региона и обычаев, принятых в странах. Не случайно только в Европе достигнута столь высокая стадия организации судебных решений в области прав человека, как Европейский суд по правам человека. Но, скажем, условия работы Совета ООН по правам человека значительно более либеральны. Уже в этой ситуации проявляется учет данной специфики. Навязывание со стороны отдельных государств своих стандартов в области прав человека тем обществам и культурам, которые имеют иные традиции, является контрпродуктивным.

Р. В. МАРКАРЯН¹: — Несколько коротких комментариев. И вчера, и сегодня мы говорили о необходимости диалога культур. Очень ярко сегодня выступил на эту тему Александр Сергеевич Запесоцкий. Но я в данном случае выступаю в роли пессимиста и разделяю точку зрения господина Шнайдера. Культура сама по себе не может конкурировать с политикой, в рамках которой производятся действия, имеющие осязаемые, материальные последствия, гораздо более значимые, чем результаты культурного взаимодействия. К сожалению, часто бывает так, что культура обслуживает политику, а также фобии, которые сеют рознь и подозрения. Тут и «карикатурный скандал», и видеофильм известного европейского парламентария. В этом — сложность ситуации, которую мы должны внимательно рассмотреть.

Теперь что касается второй части лозунга «Диалог культур и партнерство цивилизаций». Я думаю, мы далеко не дошли до той стадии, когда можем говорить о партнерстве цивилизаций. У нас, в общем-то, и реального диалога пока не получается.

Контракт цивилизаций предполагает, что обе стороны равны или опять же речь идет о том, что тот, кто сильнее, навязывает условия более слабому? Тогда это не диалог, не партнерство и не контракт.

Профессор Валлерстайн вчера говорил (и я с ним полностью согласен): чтобы был равноправный диалог цивилизаций, надо считать партнера по этому диалогу равным себе. И очень хорошо сказал господин Швиммер, что мы имеем не диалог цивилизаций, а диалог невежества между двумя сторонами.

Я давно занимаюсь ближневосточным конфликтом и начинаю сейчас глубоко вникать в тему межцивилизационного диалога. У меня такое

¹ Посол по особым поручениям МИД РФ, кандидат исторических наук, генерал-майор. Автор книги «Зона персидского залива: проблемы, перспективы» (1986).

впечатление, что и ситуация ближневосточного урегулирования, и ситуация межцивилизационного партнерства в целом одна и та же: все хотят этого добиться, но никто не знает как. Рецептов много. Каждый считает, что он предлагает самое хорошее решение. А ситуация на самом деле остается той, какая есть. Эти вопросы волнуют все человечество. Спасибо.

А. В. ЯКОВЕНКО: — Благодарю Вас. Здесь мы опять выходим на тему механизмов. Может быть, у нас появятся какие-то интересные идеи. Прошу Вас, господин Дуткевич.

П. ДУТКЕВИЧ: — Дамы и господа, мне хотелось бы начать с того, что я поддерживаю тезис Иммануила Валлерстайна, который вчера предположил, что диалог возможен только между равными сторонами. Моя позиция базируется на данных, которые представляет Владимир Попов — мой любимый экономист. Он демонстрирует, что равенство между цивилизациями и между экономиками уже становится фактом. Этот сдвиг экономического цунами произошел в последние 20 лет в результате глобализации. Мы сейчас понимаем, что различные цивилизации в экономическом плане становятся более схожими, чем были, например, 10 лет назад. Многие государства Азии являются хорошим тому примером. Есть убедительные доказательства этого выравнивания. Имеют место одновременно два процесса: идет эквализация, то есть экономическое выравнивание между цивилизациями, но она приводит к тому, что внутри цивилизаций увеличиваются экономические различия. Это имеет прямое отношение к вопросам диалога. Благосостояние Запада все больше зависит от тех товаров, которые поступают из других стран. То есть диалог идет не через культуру, а через экономические интересы.

Сегодня Запад рассматривает четыре типа различных сценариев развития этих процессов. Во-первых, это ограниченный тип существующего сегодня доминирования. Во-вторых, селективная кооперация различных наций и цивилизаций, сепаратное объединение. Я имею в виду, например, вариант Юго-Восточной Азии. В-третьих, опять же селективное, избирательное партнерство: мы рассмотрим наши ограниченные ресурсы и построим весьма избирательный диалог, для того чтобы достичь стабильности. И в-четвертых, просто разделение труда. Недавно Джованни Риччи предложил это в своей книге. В рамках разделения труда возможны рыночные подходы: экономическое разделение труда между державами, разделение между военными силами — и это тоже будет влиять на будущий диалог цивилизаций. Вероятно, можно обойтись без диалога и партнерства цивилизаций, потому что диалог становится все более и более вербальным. Может быть контакт цивилизаций, который базируется на национальных интересах. Это то, о чем сегодня упоминал господин Шнайдер. Тогда мы будем исходить из нашей национальной идентичности, националь-

ных интересов. И мы можем просто заниматься определенными видами бизнеса. Можно, конечно, обсуждать, на каких условиях будет налаживаться сосуществование и сотрудничество в области экономики и образования. Здесь мы придем к контакту цивилизаций в плане партнерства и институционально договоримся в отношении тех механизмов, которые продвинул этот диалог цивилизаций.

А. В. ЯКОВЕНКО: — Спасибо большое. Я просил бы продолжить нашу дискуссию Виталия Вячеславовича Наумкина на правах сопредседателя.

В. В. НАУМКИН: — Позвольте напомнить тезисы нашего японского гостя насчет роли религии и проблемы насилия в диалоге. Есть очень благожелательные и совершенно утопические, на мой взгляд, рассуждения по поводу ненасилия в межгосударственных, общественных, межличностных отношениях. На самом деле никто не призывает к полному отказу от насилия. Будем реалистами: ни в одной религии такого положения нет; есть даже авторитетные лингвисты, которые утверждают, что и христианская заповедь «Не убий» — результат неверного перевода. Верный перевод: «Не убий несправедливо». В любой религии есть те основания, которые разрешают убивать. К сожалению, масштабы насилия в современной жизни не уменьшились, хотя его пытаются вводить в рамки. Может быть, скорее надо говорить о табу, которые современные цивилизации в диалоге должны наложить на насилие, — думаю, это очень актуально. Было бы интересно в процессе нашего диалога получить предложения подобного рода, поскольку то, что мы сегодня видим в мире, — это, на мой взгляд, апофеоз совершенно несправедливых форм применения насилия, не соответствующих необходимому порядку. Другая сторона этого вопроса — в какой мере насилие может быть использовано для навязывания определенных ценностей, в том числе, как ни парадоксально, ценности ненасилия. Это связано и с насильственными формами распространения демократии.

Сегодня эксперты уже говорят о внедрении нового энергетического порядка в мире. То, что сегодня происходит с ценами, чудовищно. Но кто будет этот порядок предлагать, навязывать?

Утопично говорить также о том, что диалог может и должен быть только между равными. Но между субъектами тех порядков, которые существуют в мире, нет равенства! Всегда есть слабые и сильные. Значит, диалог невозможен — так считает профессор Валлерстайн. Или мы сначала в качестве *precondition*¹ создадим некое иллюзорное равенство между партнерами, а потом уже начнем диалог? Я считаю, что это тупикивая, совершенно непродуктивная постановка вопроса. Повторяю, есть сильные и слабые, и сильные всегда будут считать, что имеют большие права, чем слабые. Есть зоны влияния, глобальные

¹ Предварительное условие (англ.).

и региональные интересы, есть глобальные и региональные державы, существуют концепции вроде концерта наций. Есть ООН, которая тоже основана на градации держав. Зачем же мы будем обманывать самих себя, говорить о каком-то равенстве? Его нет.

Тогда что — контракт, как говорит мой друг Петр Дуткевич? Я думаю, что это разумное решение. Было бы интересно выявить мнение участников сегодняшней дискуссии по этому вопросу.

А. В. ЯКОВЕНКО: — Профессор Наумкин поставил вопрос жестко: существует ли равенство, возможно ли оно и будет ли всегда в диалоге сильная и слабая сторона? Конечно, будет. Вопрос только в том, разумно ли ведет себя сильный. Современная мировая цивилизация исключает многие вещи, которые были привычны для XIX–XX вв. Но возможности сильного не безграничны. Более того, с появлением средств массового уничтожения возможности сильного значительно уменьшились. Наличие одной ядерной бомбы у Северной Кореи лишает мощнейшую мировую державу возможности реализовать свои цели и намерения. Оказывается, и у силы есть некие ограничители. Когда мы говорим о диалоге цивилизаций, очень важно понять, в каких условиях сейчас происходит этот диалог и что собой представляют эти цивилизации. Мне кажется, здесь никто не попытался определить, что же такое цивилизация? Является ли цивилизацией сама по себе Россия, или Восточная Европа, или Европа в целом? Либо на самом деле существуют некие политические реальности, либо есть мнимые реальности, о которых все только говорят.

Когда разговор идет о диалоге цивилизаций, я вижу преобладание некоего нормативного подхода. Хорошо быть богатым и здоровым, хорошо бы разговаривать на равных. Реалии несколько сложнее. Разговор о диалоге и о ненасилии, как ни странно, — тактика слабых. Ненасилие, которое мы наблюдали в истории Индии, — мощное оружие в решении политической проблемы. Это было самой настоящей формой морального и иного насилия, которое в других формах при данном соотношении сил реализоваться не могло.

Что мы видим сегодня? Разделение мира на две системы сменилось ситуацией, когда две бывшие сверхдержавы переживают приблизительно одинаковые процессы. Им надо мягко отказываться от гегемонии. Проблемы сходные: Россия раньше потеряла доминирующее положение, раньше почувствовала это, но не всегда делала правильные выводы. Америка сейчас столкнулась с этой проблемой, и ей все равно придется мягко прощаться со своей гегемонией.

Несколько слов по поводу Восточной Европы и России. Пролонгирование имперской политики, которую мы наблюдали в течение 90 лет и, к сожалению, наблюдаем сегодня, приводит к тому, что все нации, которые ранее входили в СССР, отвергают диктат со стороны России. Это объективный и неизбежный результат формирования национальных государств, новых наций. Мы

практически испортили отношения по всему периметру постсоветской границы. Нельзя даже сказать, что с братской Белоруссией у нас безоблачные отношения. Почему Польша выигрывает у нас на постсоветском пространстве, в первую очередь на Украине? Потому что она относилась к Украине как к новой нации, новому государству. Мы получили сложности, которые имеют долгосрочные последствия. Самоидентификация наций на территории бывшего Союза идет по странной схеме: мы — не Россия! Концентрированное выражение этого — книга Кучмы «Украина — не Россия». Им важно как-то себя выделить из бывшего СССР и создать собственное лицо.

Россия не добьется успеха на постсоветском пространстве и вообще в формировании восточноевропейской цивилизации до тех пор, пока не откажется от наследия бывшего СССР. Лозунг «Мы — не СССР» должен стать, возможно, на какой-то период, лозунгом самоидентификации России. Мы большое, мощное европейское государство со своей историей, культурой, традициями. Мы никому не навязываем свою волю. Мы считаем, что единственный способ установить здесь порядок — это равноправный, нормальный диалог с бывшими республиками СССР.

Что касается Восточной Европы, то, как мне кажется, нам очень важно учитывать работы русского по происхождению философа гегельяно-марксистского направления — Александра Кожева. В свое время он был советником президента Франции Шарля де Голля, чьи идеи легли в основу формирования Европейского Союза. В своей записке 1945 г. об основах французской политики, адресованной де Голлю, он выражает важные фундаментальные взгляды. Он пишет, что эпоха национальных государств закончена. Национальное государство перестает существовать как политическая реальность. Последним национальным проектом был Третий рейх, и он бесславно провалился. Для того чтобы вести современную войну, Германии пришлось везти на свою территорию 10 млн человек из других стран и поставить себе на службу промышленность почти всей Европы. До формирования государств армию могла создать вотчина или город, затем наступила эпоха национальных государств. С появлением современных средств ведения войны началась эпоха империй.

В чем, по его мнению, гениальность Черчилля? Тот понял, что эпоха национальных государств окончена, и, имея огромный потенциал Британского Содружества Наций, на добровольных основах присоединился к новой Англо-Саксонской империи. В чем гениальность Сталина? Он осознал, что невозможно перескочить через эпоху империй, сразу объединить все человечество, реализовать идею мировой революции. И создал мощнейшую Славяно-Советскую империю. Далее следовал важный тезис: какова судьба Франции, находящейся между этими двумя империями? Она ничтожна. Франция не имеет исторического шанса, ее судьба — превратиться в историческую пыль. В чем же выход? В формировании,

как он называл это, Латинской империи. Идея Евросоюза вначале выглядела именно так. Цивилизация — это союз родственных наций. Очень важно, чтобы внутри такого союза не было насильственных перемен, в том числе и насилия над культурой, менталитетом народа. Собственно говоря, когда создавалась Российская империя, переход в Среднюю Азию уже создал огромное напряжение, нагрузку на центральные районы. Среднюю Азию мы вряд ли могли интегрировать. Скорее всего, начался бы обратный процесс. То же самое мы наблюдаем в Европе. Пока Европа была маленькая, объединяла близкие по уровню жизни, по истории, по культуре нации, Европейский Союз развивался по определенному графику как по часам. Как только они попытались присоединить страны Центральной Европы, возникли проблемы, и эти проблемы будут нарастать.

Заметьте, что Германия все еще не оправилась от своего воссоединения. Экономически, ментально интегрировать даже Восточную Германию представляется довольно сложной задачей, которая до сих пор не решена. Создание добровольного союза наций в рамках одной цивилизации — это проблема поиска наиболее рациональных конфигураций, конструирования этой цивилизации.

Идея создания равного, добровольного объединения наций (в противовес имперской схеме) на постсоветском пространстве — единственный способ консолидировать это пространство. И я уверен, что, если бы Россия смогла отступить от попыток диктатуры, она достигла бы гораздо большего, чем «лобовым» методом, пытаясь всех подстроить под свой диктат. Очень важно, как сильный разговаривает со слабым.

В. В. НАУМКИН: — Спасибо. Слово профессору Стивену Уайту.

С. УАЙТ: — Я представляю Университет Глазго, куда в 1960-е гг. приезжал Дмитрий Сергеевич Лихачев. Правовые рамки, определенные в международном законе, недостаточны для того, чтобы применять их в сфере цивилизаций и культур. Я не стремлюсь выступать «за» или «против» того или иного политического выбора, который может сделать для себя страна. Однако международное законодательство совершенно бессильно, если оно не смогло, например, предотвратить войну в Ираке. Конечно же, мы в Великобритании (и я тоже) считаем, что эта война незаконна.

Британское правительство консультировалось с международными юристами. В любом случае, когда война ведется на основании международного права, юрисконсульт Министерства иностранных дел, конечно, скажет, что это законно. Но если юрист говорит, что война противозаконна, то власти нанимают новых юристов. Так делает президент США Джордж Буш: прогоняет тех юристов, которые заявляют, что творится беззаконие, и нанимает других. Вы понимаете, что рамки ООН неэффективны. Наш нынешний министр иностранных дел в связи с

основными постулатами этой философии и вопросом легитимности подобных взглядов говорит, что, дескать, можно вести войну для того, чтобы расширить демократию. Под демократией понимается, конечно, западная форма управления, независимо от того, согласны ли с этим страны, которым она навязывается.

Эти политики хотят навязывать и экономическую свободу: ведь опять-таки экономическую свободу следует понимать так, как ее понимают в странах западного мира. Западные политики приводят аргументы за и против войны в целях насаждения каких-то ценностей. В чем же тогда роль международного права? Оно бывает неэффективно. Что мы можем сделать? Оказывается, почти ничего. После окончания холодной войны мы сейчас не можем ничего сделать для того, чтобы запретить какому-то государству вести войны, которые отбрасывают далеко назад культуры и цивилизации, не говоря уже о потере многочисленных жизней невинных людей. Мы не можем предотвратить и разрушения исторических объектов, памятников архитектуры, культурных и исторических ценностей. Международное право пока бессильно в этом смысле.

Какие еще проблемы нам мешают? Не реализуется право на национальное самоопределение. В Европе есть много стран, которые хотят независимости, но они, к сожалению, являются частью существующих суверенных государств. Тут в законодательстве заложено противоречие. В законе говорится, что все эти страны и народы имеют право добиваться национального самоопределения (и многие это успешно сделали). Но закон также гласит, что государства являются суверенными, а суверенитет надо уважать, нельзя вмешиваться во внутренние дела.

В Европе очень много конфликтов, и пока, насколько я вижу, международное право не помогает их решить. Во времена холодной войны тоже было много сложностей, но эти антагонизмы не были выражены так явно. А кому нужны ценности, если они насаждаются насильно? Международное право несовершенно. Мы должны сформировать рамки, которые помогут защищать наши культурные ценности, чтобы не возникали такие ситуации, когда великие державы могут делать все, что угодно, с малыми государствами, их культурой и религией.

А. В. ЯКОВЕНКО: — Решение есть. Оно было найдено в свое время, когда подписывался Устав ООН. Есть международное право, и в тех случаях, когда мы соблюдаем его, проблем не возникает. Случай с Ираком является классическим примером нарушения международного права. Соединенные Штаты проигнорировали Совет Безопасности, пошли на односторонние акции и в результате возникла ситуация, о которой вы говорите. Единственной защитой, единственной гарантией от произвола в международных отношениях для всех нас является соблюдение международного права, которое было разработано мировым сообществом. Других гарантий я просто не вижу.

В. ШВИММЕР: — Конечно, у нас есть международное право. Но была ли хоть одна война в истории, которая бы его не нарушала? Каждая война — это нарушение международного права. И даже если были договоры о ненападении, все равно они нарушались.

У меня другой вопрос. Иногда, может быть, у нас наблюдаются разногласия в терминологии, которые обусловлены разностью наших языков. Когда по-английски звучит слово «цивилизация», то и в немецком, и в русском, насколько я понимаю, подразумевается скорее культура. А четкого определения цивилизации нет.

Никто не сомневается в том, что Россия, как и Великобритания, принадлежит к европейской цивилизации. Но в то же время можно проследить, что британская цивилизация выходит за пределы Европы. В частности, до сих пор в какой-то мере к британской цивилизации принадлежит Индия. Когда Британия делает определенные оговорки относительно расширения Евросоюза, то многие думают, что у британцев возрождаются старые имперские амбиции. Существует и российская цивилизация, которая выходит за границы Европы. Если вы поедете в страны Центральной Азии, в Казахстан, то увидите, что общая с Россией история оказывает на них определенное влияние. В какой-то мере они все еще принадлежат к российской цивилизации. Экс-президент Кыргызстана, выступавший вчера, упоминал об этом. Цивилизации пересекаются, перекрещиваются.

Очень важный вопрос: кто же заинтересованные стороны в этом диалоге цивилизаций? Я могу дать четкий ответ: заинтересованные стороны этого диалога вовсе не государства. Государства никогда не вступали в диалог культур. Они ведут переговоры, у них есть национальные интересы, но у них нет задачи вступать в диалог, который должен привести к общему решению. Государства хотят добиться максимального успеха в соблюдении национальных интересов.

Между государствами никогда не будет равенства даже в рамках ООН. Эта организация была создана на основе идеи равенства государств, но (прошу прощения у российских участников, а также французских и английских) пять из государств — членов ООН «более равны», чем все остальные. Посмотрите, что происходит в СБ ООН: в международных отношениях нет равенства. Дальше, возьмем Европейский Союз — там другой баланс, но нет равных прав у каждого государства. Получается, что государства вовсе не являются заинтересованными сторонами в диалоге цивилизаций. Заинтересованные стороны — это активисты, представители гражданского общества, различные общественные организации.

Конечно же, равенство — одна из важнейших предпосылок диалога цивилизаций. Но диалог не может проводиться только между равными, а это означает, что надо иметь взаимное уважение по отношению друг к другу. Что касается политических предпосылок, то, я полагаю, важной

предпосылкой диалога цивилизаций является демократия. Я могу вступить в диалог только с тем, кто не боится говорить правду, высказывать свое подлинное мнение, а не будет вначале высказывать, подвергнется ли он опасности, если скажет правду, не посадят ли его в тюрьму за это. Таким образом, демократия — это настоящая предпосылка полноправного и полновесного диалога цивилизаций. Это не противоречит тому, что здесь говорили: демократию нельзя насаждать насильственно. Для диалога цивилизаций нужна демократия, соблюдение прав и достоинства человека, свобода личности, чтобы люди могли свободно вступать в диалог.

А. В. ЯКОВЕНКО: — В то время как вопрос равенства в рамках диалога ставится под сомнение целым рядом участников, в выступлении господина Швиммера появился новый элемент: уважительное отношение к партнеру по диалогу. Даже когда нет равенства, уважительность создает, может быть, то маленькое условие, которое могло бы быть положено в основу диалога. Это интересная идея — ведь уважать можно и слабого. Кстати, в рамках ООН, помимо Совета Безопасности, есть Генеральная Ассамблея, где каждое государство имеет один голос.

В. В. НАУМКИН: — Здесь говорилось о гражданском обществе. Но как быть с теми субъектами диалога, в которых гражданское общество недостаточно развито или контролируется тем самым государством, которое к диалогу не приспособлено? Мы говорим о смелости выражать собственное мнение. А если мы возьмем такое государство, как Бирма, где люди, смело выражающие мнение, может быть, в лучшем случае сидят дома? Но диалог-то надо вести и с таким государством, оно же не может быть исключено из диалога! Мне думается, что дискриминация даже по принципу отсутствия каких-то элементарных демократических основ для диалога неприемлема.

В диалог, по-моему, необходимо каким-то образом включать всех — за исключением, может быть, каких-то уж крайних форм режимов фашистского типа. Надо предусматривать и такие формы диалога, в которых принимают участие государства, далекие от демократии, — те, в которых гражданское общество находится в зачаточном состоянии. Мне хотелось бы знать мнение присутствующих.

И насчет неравенства. Часто тезис о неравенстве используется отдельными участниками диалога в своих интересах. Например, наши индийские друзья, когда хотели превратиться в ядерную державу, много говорили о несправедливом существовании пятерки в качестве ядерного клуба. А потом они непризнанно вошли в этот клуб, и этот аргумент уже как бы исчерпал себя. Сейчас, пожалуйста, Вам слово, доктор Фабио Петито.

Ф. ПЕТИТО: — Сегодняшняя дискуссия продвигает нас вперед. Мы рассматриваем ключе-

вые проблемы. Я полагаю, что на данный момент проявились две точки спора. Можем ли мы говорить о диалоге, если нет определенной степени равенства? Другими словами, если значение силы не сглажено, то нет смысла говорить о диалоге. Другая важная точка зрения: диалог цивилизаций — это маска, опасное средство, используемое и либеральными, и авторитарными правительствами, которые стараются легитимизировать этим красивым дискурсом свое стремление к власти и возврату воздействия силы.

Я с этим мнением не согласен. Буду говорить о центральном, с моей точки зрения, пункте — международном праве. Мы живем в период острого кризиса международных отношений. В то же время система международного права имеет цель — избежать конфликтов. Но мы видим, что сейчас движущей силой является только военная и экономическая мощь. Для использования силы формулируются юридические обоснования. Эта идея для международных отношений нереалистична.

Вот почему я не согласен с тем, что мы должны просто заключить контракт цивилизаций. Мы также не можем достичь баланса мощи между великими державами. Нам нужно новое видение, которое позволит объединить два фактора: наличие силы, о которой нельзя забывать, и новые правила, которые мы формулируем. Я думаю, что именно диалог цивилизаций может стать вдохновляющим моментом для создания новой модели. Есть идея многополярности, но также надо создать новую систему международного права. Должен быть сплав великих культурных традиций. Нам нужно сейчас новое межкультурное объединение. Одна из причин кризиса нашей системы международного права заключается в том, что она концентрируется вокруг западных идей, рассматривается как инструмент мощи стран Запада. Мы должны пересмотреть ее, учитывая разнообразные великие культурные традиции, в том числе исламских стран, Японии и др. Надо создать синтез и уже сейчас что-то для этого делать.

Хантингтон не столь упрощенно видит ситуацию, как мы нередко думаем. Он защищает движение к новой цивилизации, говорит о том, что мы должны продвигаться к новому миропорядку, чтобы предотвратить возможные столкновения цивилизаций. Сверхдержавы, которые сейчас имеют вес в макрорегионах, должны выйти на глобальный уровень, а все мы должны формировать многополярный порядок. Будем надеяться, что в итоге этих усилий мы найдем новую глобальную архитектуру.

В. В. НАУМКИН: — Слово имеет посол по особым поручениям МИД РФ Вениамин Викторович Попов.

В. В. ПОПОВ: — Я поддерживаю эмоциональное, яркое выступление профессора Петито. Действительно, пришло время как-то переосмыслить идею диалога цивилизаций, так

как за 10 лет она никуда не привела. К сожалению.

Сейчас мы находимся на серьезной исторической развилке. Если все будет продолжаться так, как сейчас, то мы придем к печальным результатам. Почему? Огромные, действительно тектонические сдвиги происходят на международной арене. Если 40 лет назад доля США в мировом ВВП составляла более трети, то сейчас — только пятую часть. Это говорит о том, что меняется соотношение сил. Есть и демографический фактор. Население Запада, и России в том числе, сокращается, особенно по сравнению с целым рядом других цивилизаций. Через 20 лет мировое развитие будут определять Китай и Индия — азиатские центры.

Сейчас в мире около 2 млрд христиан, и мы недооцениваем исламский мир. По данным Фонда Карнеги, через 15 лет ислам станет первой религией мира, опередив христианство. Исламский мир поднимается еще и потому, что в этих странах находится две трети мировых запасов нефти, и ее добыча там обходится в 15–17 раз дешевле, чем в России. Исламские государства накапливают огромные финансовые ресурсы. Это новый крупный мировой центр, с которым мы должны считаться.

Процесс переделки, перераспределения сил будет архиболезненным и может проходить в различных столкновениях. Мы должны сделать все, чтобы не допустить катаклизмов.

Идеи, которые высказали профессор Дуткевич и профессор Уайт, могут быть очень плодотворными. Вопрос заключается в том, чтобы изменить систему международного права. Верно. Видимо, мы пришли к такому положению, что уже не можем позволить произвольное применение силы каким бы ни было государством. Это приведет к катастрофическим последствиям не только для тех, кто применяет силу и против кого она направлена, но и для всего мира. А что будет дальше? Надо думать о новых механизмах сдерживания. Здесь, может быть, заслуживает внимания идея контракта.

Не случайно говорят, что новое — это хорошо забытое старое. В 1928 г. два человека — Фрэнк Келлог, государственный секретарь Соединенных Штатов Америки, и Аристид Бриан, министр иностранных дел Франции — выступили с идеей заключения пакта о том, чтобы исключить войну из жизни общества. Пакт включал всего три статьи. Он так и вошел в историю: как пакт Бриана–Келлога. Одного из авторов потом удостоили Нобелевской премии мира. К пакту присоединились 55 государств, в том числе Советский Союз. К сожалению, в Германии к власти пришли фашисты, и попытка была сорвана. Может быть, вернуться к этим идеям?

В мире многое меняется. Например, с 1996 г. работает телестанция «Аль-Джазира», прорвавшая монополию Запада на средства массовой информации. И в мусульманском мире уже воспитывается новое поколение, которое видело то, что случилось в тюрьме «Абу-Грейб», и то, что происходило в Ливане, как расстреливали палестинцев.

Это новое поколение газета «Монд» очень точно назвала «поколением “Аль-Джазиры” и Интернета». А ведь через 10 лет оно придет к власти...

В. В. НАУМКИН: — Спасибо. Посол Попов затронул новую тему. Действительно, в конечном счете вся история человечества состоит в изобретении неких механизмов для сдерживания агрессивных устремлений, амбиций, доминирования — на уровне человека, государства и на международном уровне. Сегодня действительно настало время подумать о каких-то новых амортизаторах для негативных тенденций, которые неизбежно появляются, для новых форм острого соперничества и конкуренции в международной жизни. Не ослабевает конкуренция из-за ресурсов, из-за контроля над средствами массовой информации и т. д. Проблем сегодня много, и идея новых амортизаторов, думаю, очень конструктивна.

Сейчас слово предоставляется господину Дину Шамсутдину.

Д. ШАМСУТДИН¹: — Уже высказано столько блестящих, замечательных идей, оценок проблем, которые сейчас обострились. Их называют «экономическим цунами», «коллапсом цивилизаций», «коллапсом окружающей среды». Действительно, проблемы, которые стоят перед нами, ведут к глобальному коллапсу. Негативные явления кумулятивно накапливаются, и их решение требует общих усилий. Сотрудничество цивилизаций необходимо, как и межрелигиозный диалог. В нашем Азиатско-Тихоокеанском регионе он уже ведется, имеются соответствующие организации. До сих пор этот диалог имел только форму разговоров, без реальных действий.

Что нам сейчас необходимо — это новая парадигма. Во-первых, диалог должен быть ориентирован на практические действия. Во-вторых, необходимо включить в него те силы, которые сейчас в нем не участвуют. Конечно, я не имею в виду фундаменталистов и экстремистов, тех, кто прибегает к насилию. Тем не менее мы видим широкую палитру религиозных сообществ, которые должны быть вовлечены в процесс диалога.

Диалог следует развивать и внутри культуры, внутри религии. Межрелигиозный диалог более труден, но и в сообществах тоже надо проводить внутренний диалог. Не так давно в Иране состоялась международная конференция, на которой я присутствовал, с участием суннитов и шиитов.

Мы должны искать то, что нас объединяет, находить общие ценности. И тогда мы увидим и нашего общего врага — «калимантан», как мы это называем. Нашим врагом будут те проблемы, с которыми сталкивается человечество, — пандемии, неграмотность, бедность, разрушения. Мы должны налаживать совместные действия для того, чтобы контролировать эти опасности.

К правам человека мы считаем возможным добавить идею ответственности. Абсолютный либерализм, стоящий «фоном» за правами человека, создает большие проблемы в мире. Необходимо разработать декларацию ответственности человека в дополнение к его правам. Надо создавать рулевую модель в контакте с мусульманским миром. Недавно в США прошел форум с участием самих США и мусульманских стран. В Японии подобный форум проходит уже в шестой раз. Здесь, в России, мы собрались на замечательную конференцию. Мы должны разработать стратегическую линию России, Евросоюза, Китая в мусульманском мире. Во многих частях мира мы можем выдвигать инициативы, чтобы на двусторонней основе показать, что здесь имеется новая примерная модель ведения диалога цивилизаций.

Д. Ч. КАПУР: — Дорогие друзья, я тоже должен сделать несколько замечаний. Я участвовал примерно в 20 международных форумах — в Латинской Америке, Африке, Азии, Европе. Большая часть таких конференций не предусматривает обсуждения фундаментальных проблем. Мы рассматривали те 5 стран, которые имеют атомное оружие. А я считаю, что должна быть ядерная энергия, но не ядерные вооруженные силы. Мы должны предупреждать возможность того, что одна нация скажет: «Я хочу быть супер-правой, хочу управлять вами». То есть необходимо прикладывать усилия в направлении к всеобщему миру.

Фундаментальной проблемой является бедность, нищета. Сегодня 40 млн человек находятся на разных уровнях лишения элементарных условий для существования. В Индии большая группа людей имеет в собственности более чем 52 % всех национальных богатств. У нас быстро растет экономика, ВВП увеличивается на 9 % в год. Но в результате за 10 лет в Индии появилось 500 миллиардеров, в то время как 90 % населения страны пребывает в нищете. Махатма Ганди — вождь, который дал нам свободу, работал в деревнях. Он обещал, что, когда Индия станет свободной, появится и благосостояние.

Если мы добьемся разоружения, то не будет войны за нефть, гонки ядерных вооружений, не будет смысла в терроризме. Все, чем занимаются в истории мира вооруженные силы, — защищают ситуацию, сложившуюся внутри страны. Каждый 15 дней и в Китае, и в Индии публикуется список миллиардеров, они объявляются героями. Эти новые миллиардеры основали свой журнал. Все новые структуры и даже международное право — все развивалось для того, чтобы поддерживать сильных и богатых.

Если мы возьмем и изменим это международное право, то существующая парадигма рухнет. Для того чтобы сформировать новую парадигму, надо создать новое международное законодательство.

В. В. НАУМКИН: — Слово предоставляется профессору Георгию Мартиросовичу Дерлугьяну. Пожалуйста.

¹ Генеральный секретарь Совета улемов Индонезии, председатель индонезийской мусульманской организации «Мухаммадия».

Г. М. ДЕРЛУГЬЯН: — Хотелось бы соотнести наш гуманистический разговор с реалиями политики и социальной власти. Здесь я выступаю как исторический социолог. Мы, в общем-то, технические инженеры социальных наук. Иногда, конечно, очень поэтично говорить о том, что человек хочет летать. Но, согласитесь, несколько другое дело — стоять за кульманом и чертить чертежи, чтобы это стало возможным. Это относится и к расчету возможностей для диалога цивилизаций.

Есть ли у нас прецеденты этого диалога, диалога целых культур? Хотел бы развить мысль, которые здесь высказывал уважаемый профессор Кинхиде Мусакодзи. Откуда вообще возникает толерантность в европейской цивилизации? Исследования моих коллег, прежде всего Рэндалла Коллинза, показывают, что веротерпимость и секуляризм есть дальнейший результат не диалога, а некогда кровавых столкновений эпохи Реформации. Каким образом это произошло? После 150 лет ожесточенной борьбы католиков и протестантов, нередко доходившей до резни друг друга, Запад вдруг резко успокаивается после Вестфальского мира 1648 г. Что или кто послужили причиной?

Типично превозносить (или винить) Вольтера, Дидро и других великих интеллектуалов эпохи Просвещения. Да, они отрицали религию, да, они были очень влиятельны — в том числе в Петербурге, при дворе Екатерины Великой. Но заметьте, титаны Просвещения пришли столетие спустя ПОСЛЕ того, как Европа охладела к религиозным конфликтам. Можно даже сказать, что атеистическая пропаганда не причина, а следствие. Но что же тогда случилось в Европе на заре Нового времени?

Такова обычная динамика длительного интенсивного конфликта: люди в итоге просто устают, убивая друг друга. Войны без победителей когда-то заходят в тупик, и тогда приходится вести переговоры. Причем переговоры ведут не самые честные и не самые последовательные представители противоположных сторон. В тупике конфликта возникают политики, которые циничнее всех остальных и именно потому готовы искать не самые красивые компромиссы. Только затем становятся эффективны призывы к разуму.

Я не верю в столкновение цивилизаций, потому что оно идет уже несколько столетий, с арабского завоевания Испании, со времен Крестовых походов, с падения Константинополя и, конечно, со времен Колумба и Васко да Гамы. Сегодня мы не в начале столкновения цивилизаций, а, по-видимому, уже ближе к концу. Нам предстоит увидеть немало политических маневров, конечно. Но задумаемся, а насколько моральными политиками были Ришелье или Вильгельм Оранский? Я не призываю сокрушаться или радоваться перспективе мира, залогом которого станет циничный политик. Я призываю подумать, как должна вести себя интеллигенция в этих условиях.

Наш коллега из Индонезии говорил о международном праве. Откуда оно произошло? Все

учебники утверждают — от Вестфальского мирного договора 1648 г. Этот договор делали прагматичные дипломаты, которым требовалось сократить издержки от войн, давно ставших бессмысленными. Они едва ли думали об этике, а были настоящими политиками своей эпохи. Слава богу, они оказались успешны. Войны прекратились либо превратились в вид королевского спорта. И в конечном счете это породило нормы международного права. Я ни в коем случае не утверждаю, что brutальные политики целенаправленно сконструировали право. Структурно они оказались обречены на диалог. Сегодня мы, надеюсь, тоже обречены на диалог — ибо какова этому альтернатива?

Что такое цивилизация? Это аграрные империи прошлого, такие, например, как Россия, которая построила прекрасный город, пожертвовав крестьянством. Китай, Иран, Индия или древняя Эфиопия — все это именно империи, которые очень сильно проиграли в столкновении с империализмом Запада на протяжении последних 250 лет. Аграрные империи старого образца проиграли капиталистической индустриальной экспансии. Сегодня у нас впервые за последние два-три века возникла ситуация, когда Запад, западный мир проигрывает вначале советской России, возрожденной Лениным и Сталиным, затем Китаю, возрожденному Мао и Дэном, вскоре и Индии Махатмы Ганди и, думаю, Ирану, мобилизованному Хомейни. Вот это и создает, может быть, некое равновесие в новом диалоге цивилизаций, делая его возможным в принципе. А пока продолжаются вспышки конфликтов. Бен Ладен пришел тогда, когда провалился Насер. И это страшно. Как и фундаментализм религиозных политиков Европы в эпоху варфоломеевских ночей. Уверен, однако, мы увидим конец этому насилию. Оно и так себя уже исчерпало в кровавом тупике Ирака и Афганистана. Наступает время новых Ришелье.

Итак, что же до нас, интеллигенции? Имеем ли мы вообще какое-то значение? Хочу призвать к определенной скромности — ибо здесь слишком много было уже сказано совершенно нереалистичного, хотя и приятного о великой роли интеллигенции.

Французский социолог Пьер Бурдьё говорил: «Интеллектуалы переоценивают значимость слов, потому что это их основное средство к существованию, их символический капитал». Да, это нам присуще. У нас нет денег, нет у нас оружия, у нас есть слова, и нам хочется верить, что поэзия, философия и красота правят миром. Что же первично: структурные, объективные силы или природа человека — субъективные причины? Учебники гласят, что точного ответа нет. А давайте переформулируем вопрос: в какие именно моменты истории человеческие умы действительно могут подвигать структуры? Ответ может быть такой: в те грозные моменты, когда структуры разваливаются. Вот тогда люди, человеческие агенты, могут войти и что-то изменить. Вспомните перестройку. Когда еще мог стать политиком ленинградский профессор

Собчак или наш уважаемый ректор Запесоцкий?

Много ведется дискуссий, и многие вполне бесплодны. Как и всегда. Но с точки зрения социологов, может быть, и есть какой-то выход. Не панацея от всех бед, нет, но какой-то выход. Сегодня утром мы немало говорили: нужна новая утопия-утопия-утопия. Диалог как великая утопия. Что ж, за дело, товарищи. Иногда, согласен, утопия может стать практичной, но все-таки надо рассчитать, как ее можно применить на практике.

В. В. НАУМКИН: — Спасибо. Господин Хаиров Рустем Ибрагимович, Вам слово.

Р. И. ХАИРОВ: — Я попытаюсь ответить на призыв профессора Яковенко по поводу создания механизмов, или, как хорошо сказал Виталий Наумкин, амортизаторов. Мне кажется, что надо использовать четвертую власть, то есть средства массовой информации. Может быть, все наши усилия следует сосредоточить на создании системы глобального вещания с использованием результатов, достигнутых за последние 10 лет в теоретических размышлениях всех, кто здесь присутствует? Сегодня СМИ скорее провокаторы.

Главный вопрос: в какой цивилизации предстоит жить будущему поколению? Ответ в значительной степени зависит от содержания массовой медиа сегодня. Спасибо.

А. В. ЯКОВЕНКО: — Очень интересное предложение. Я хотел бы отметить, что одним из четырех приоритетов «Альянса цивилизаций» является как раз работа со средствами массовой информации — попытка с помощью этого инструмента развивать диалог и формировать общественное мнение.

В. В. НАУМКИН: — Коллективные действия, которые предпринимаются в рамках «Альянса» и других инициатив, часто сталкиваются с определенными трудностями. Лидеры мировых средств массовой информации, и особенно крупных, корпоративных, очень чувствительно относятся к любым коллективным действиям, часто рассматривая их как посягательство на свободу слова. Это со всей очевидностью выявилось, когда в Дании были напечатаны скандально известные карикатуры. Сейчас слово имеет отец Георгий Рябых. Пожалуйста.

Г. РЯБЫХ: — Здравствуйтесь. Сегодня действительно нужны некие механизмы создания амортизаторов — разрушителей негативных тенденций. Может ли религия быть таким амортизатором, выполнять функцию сдерживания вражды и насилия?

Одни считают, что религия является источником насилия и может порождать только насилие и непримиримость; поэтому надо максимально изолировать религию от публичной сферы и вообще от общественных процессов. Приводятся соответствующие примеры из истории. Мы все хорошо их знаем. Люди верующие на это возра-

жают, что XX в. — век нерелигиозных идеологий коммунизма и фашизма — показал, что на самом деле нерелигиозные режимы могут быть более кровавыми, а схватки между ними — более опасными. Слова о том, что религия является источником насилия, для многих представляются совершенно неправильными.

Есть и другая точка зрения — что религия может быть созидательным фактором в общественных отношениях, может сформировать этику и нормы поведения, смыслы человеческой жизни, которые будут направлять человеческую энергию в созидательное русло.

Сегодня выстраиваются механизмы диалога религий в международных организациях. Но мы имеем негативный с точки зрения религиозных организаций опыт Совета Европы. Недавно был принят документ «Белая книга межкультурного диалога». В ней существует раздел, посвященный межрелигиозному диалогу. Вокруг этого документа шли серьезные дискуссии. Разработчики «Белой книги» выдвинули следующие условия: межрелигиозный диалог может состояться и проходить на полях Совета Европы только в том случае, если религиозные лидеры изначально принимают определенные ценности и правила. И только тогда им может быть дано слово...

Сегодня есть надежда, что система межрелигиозного диалога будет складываться при ООН. Она уже складывается, есть даже некоторый опыт. Ценность диалога между религиями в том, чтобы предложить некие выходы, новое видение ситуации.

В. В. НАУМКИН: — Профессор Мусакоджи, пожалуйста.

К. МУСАКОДЗИ: — Мне хочется напомнить о том, что в 1970-е гг. велось широкое обсуждение нового международного порядка коммуникаций; высказывалось мнение, что все средства массовой информации должны быть на равных, чтобы среди них не было доминирующих гигантов.

Хотелось бы еще коснуться проблемы, которую упоминал доктор Капур. Большинство людей земного шара живет в неподобающих условиях. Как же работать со средствами массовой информации и как вместе с ними сформировать эпистемологическое пространство, в котором каждый мог бы размышлять над проблемами бедности и безопасности для человека? Идея состоит в новом контракте. Но этот новый контракт должен заключаться не просто между гражданами, а между гражданами, которые защищены своим государством, и теми незащищенными людьми, которых, действительно, большинство на этой планете. Помимо прочего, речь идет об опасности для нелегальных мигрантов, которые проживают на территории другой страны, — они ведь не защищаются государством. Наверное, их тоже следует включить в сферу внимания, чтобы все эти люди могли разделять одно и то же эпистемологическое пространство.

В эпистемологическом сообществе очень важна экология — во всех частях мира. Она важна с позиций и бизнеса, и международных организаций, и правительства. Повсюду есть люди, которые свято верят в необходимость устойчивого экологического развития. Те, кто сейчас исключен из защитной, охранной политики государства, с политической и экономической точки зрения очень уязвимы.

Это возвращает меня к статье, написанной Робертом Коксом из Канады, который предлагал учиться у Ибн Халдуна концепции асбии. Асбия — это чувство общности, солидарности всех со всеми. Ведь у нас одна общая боль: опасность, которой мы подвергаемся в пустыне. В соответствии с Ибн Халдуном, Махди появится, и это будет исходить от бедуина, который будет знать истину, неведомую простым гражданам. Это очень интересное видение. Видение того, как диалог культур, диалог цивилизаций должен вовлекать в свои круги не только интеллектуалов, не только граждан государств, но и тех, на кого напрямую воздействует нынешняя нестабильная ситуация. Что касается ислама и исламистской эпистемологической Вселенной, то имеется шариат, есть также традиции суфиев. И это два очень важных постулата. Господь всемогущ, следует это признать. Можно сказать, что это отсылает нас к закону, к праву. Правовые организации необходимы. Правовые институты должны существовать во что бы то ни стало. Но Господь также и милосерден — это его другая ипостась. Тут возникает духовность, которая не ограничивается законом. Я полагаю, что очень важно для всех нас чему-то научиться у исламского эпистемологического пространства. Эта генеральная совокупность несет в себе гуманистический посыл будущей солидарности большинства с меньшинством, с обделенными и уязвимыми. Вот наша важная задача в диалоге цивилизаций.

В. В. НАУМКИН: — Спасибо. Сейчас слово предоставляется господину Шаину Мустафаеву. Пожалуйста.

Ш. МУСТАФАЕВ¹: — Нельзя, на мой взгляд, сводить понятие «диалог культур и партнерство цивилизаций» к международным отношениям и международному праву. Это не совсем одно и то же. В противном случае говорить о диалоге культур было бы бессмысленно. На мой взгляд, «диалог культур» — понятие более глубокое, и необходимо вычленив его основные составляющие, чтобы можно было продвигаться вперед.

Я согласен с господином Поповым в том, что в течение последних 10 лет диалог культур стимулируется прежде всего международными событиями. Это в первую очередь конфликты между исламским миром и Западом. Я особо подчеркиваю: не христианством и исламом, а именно между миром ислама и Западом. На мой взгляд, это конфликт не межрелигиозный, а прежде

всего цивилизационный, и в его основе лежит процесс модернизации, который охватил весь Восток в течение последних 150–200 лет. Негативный антизападный потенциал, который накопился в мусульманском мире, вызван прежде всего неудовлетворенностью результатами модернизации.

К термину «модернизация» можно относиться по-разному. Одни согласны с ним, другие считают, что этот термин не совсем корректен. Как бы то ни было, речь идет о превращении западной модели, западного образа жизни в некую универсальную модель.

Здесь были отмечены и «карикатурная война» в связи с публикацией в датских газетах, и выступление Папы Римского, и реакция мусульманского мира на эти события. В итоге проявился антизападный потенциал, накопившийся в мусульманских странах.

На мой взгляд, ситуация на Западе не лучше. Достаточно посмотреть некоторые евангелистские телеканалы в США, поговорить с англиканцами в Англии, чтобы понять: в целом на Западе сложился отрицательный стереотип ислама, не позволяющий западному обществу адекватно воспринимать эту модель цивилизации, эту культуру. На евангелистских телеканалах откровенно говорится об угрозе исламофашизма, который якобы навис над западной цивилизацией. Отстаивается необходимость христианского союза, чтобы противостоять этой угрозе.

Совершенно ясно, что подобные модели поведения как в мусульманском мире, так и в западных обществах ведут лишь к конфронтации. Есть ли возможность диалога культур? Чтобы понять, в каком направлении мы должны двигаться, прежде всего необходимо определить, существует ли в истории некая позитивная модель сотрудничества цивилизаций, партнерства культур.

Если сегодня постараться оценить результаты модернизации в мусульманском мире и вычленив все наиболее острые точки противоречий между исламом и западным миром, то мы заметим, что почти все они лежат вне той зоны, где происходило сотрудничество России и мусульманского мира. И Талибан, и Аль-Каида, и прочие радикальные течения возникли в той зоне исламского мира, где модернизация происходила непосредственно под влиянием западно-европейской и американской культуры. Даже Чечня, пример наиболее кровавого конфликта в российской зоне влияния, стала принимать наиболее страшные формы только тогда, когда туда стали проникать ближневосточные влияния.

Исламская революция в Иране, попытка исламизации Пакистана при Зия-уль-Хаке, распространение радикальных религиозных течений в арабском мире — все это формы отторжения мусульманскими народами тех моделей модернизации, которые осуществляются непосредственно под влиянием Запада. В российской зоне влияния мы не видим таких форм конфликта с мусульманским миром. Модернизация через русскую культуру, через российский опыт дала более продуктивные и позитивные результаты.

¹ Директор Международного института Центральноазиатских исследований ЮНЕСКО (Узбекистан).

Для этого есть несколько причин, поскольку русская цивилизация, русская культура достаточно синтетична. Она сама в свое время прошла опыт модернизации, восприятия западных ценностей. И борьба западников и славянофилов внутри русского общества в некоторой степени предвосхитила борьбу модернистов и традиционалистов во многих мусульманских странах.

Находясь в последнее время по долгу службы в Центральной Азии, я вижу, что центрально-азиатские народы стоят перед выбором своей идентичности и определением дальнейшего пути развития. Ситуация там сейчас не очень благополучная. Вера в то, что культурный потенциал Центральной Азии самодостаточен и некая культурная автаркия позволит этим народам развиваться дальше, оказалась неоправданной. Радужные надежды, которые мы питали в 1990-е гг., улетучиваются со стиранием последних следов социализма. Западное влияние воспринимается с большой опаской, поскольку эта культура не совсем понятна для данных народов. Возвращение к исламской субкультуре или ориентализация культуры в Центральной Азии сегодня рассматриваются как некое отступление от тех позиций, которые были достигнуты в ходе модернизации в течение последних ста лет. И очевидно, что ориентация на продолжение сотрудничества именно с русской культурой, с российской традицией начинает преобладать. Модернизация мусульманских народов через русскую культуру — опыт, достойный изучения. В области культурного сотрудничества этот опыт дает достаточно много материала для того, чтобы его можно было применить и в будущем. Спасибо.

А. МУДЖАНИ¹: — Обстановка на Среднем Востоке, исторической родине нашей цивилизации, где сосредоточены различные культуры, крайне нестабильна. Равновесие сил здесь очень хрупкое, много противоречий, и люди, представляющие различные общества, занимают противоположные позиции.

Сегодня проблемы Среднего Востока вызывают тревогу во всем мире. Чтобы исправить ситуацию, мы не можем применять военную силу, как это делают Ирак или Афганистан. Опыт этих стран показывает, что война только ухудшит наше положение. Великие идеи, выраженные в лозунгах «Средний Восток без ядерного оружия» или «Диалог культур и цивилизаций», не разрешают кризис.

Итак, чтобы понять, что еще можно сделать, нам следует вновь обратиться к этому вопросу.

В Иране и в международных организациях, цель которых — диалог культур и цивилизаций, мы стремимся добиться практического решения этих проблем в нашем регионе.

В. В. НАУМКИН: — Спасибо. Слово предоставляется профессору Иммануилу Валлерстайну.

И. ВАЛЛЕРСТАЙН: — Я сказал вчера, что диалог возможен только между равными. Но ра-

венство между культурами возникает тогда, когда тот, кто слабее, видит неравенство и сильный тоже видит и признает это. Важен диалог не только между государствами, но и внутри государства.

Проиллюстрирую это примерами. Сегодня было сказано, что происходит экономическое выравнивание в определенном масштабе, и это правильно. Если рассмотреть пять крупнейших стран — США, Бразилию, Россию, Индию, Китай, то совершенно ясно, что за последние 10 лет произошло относительное снижение экономической и политической роли США и относительное усиление Бразилии, Индии, России и Китая. Выравнивание имеет место на мировом уровне. Но если измерить величину внутреннего неравенства в этих странах за тот же период, то мы увидим его резкое возрастание, а также и то, что другие страны не охвачены этими изменениями.

Вот еще два примера — процессы, которые происходили в последние несколько лет. Один — диалог между государствами, другой — внутри государства. На международном уровне за последние два года провели переговоры 6 стран: обе Кореи, Китай, Япония, США и Россия. Это были шестисторонние переговоры по корейской проблеме. В итоге ничего не произошло, и в этом успех шестисторонних переговоров. Несколько лет назад ситуация казалась чрезвычайно напряженной — на грани возможных военных конфликтов. Но ничего не случилось, поскольку состоялся некий диалог. Он не привел к глубокому взаимопониманию, но, тем не менее, напряженность снизилась.

Почему это так? Ясно, что основным фактором усиления Северной Кореи стало не ядерное оружие, а усиление по другим направлениям. Страна старается преодолеть отрицательные явления, применяет различные формы новой политики, и это приводит к укреплению Северной Кореи. Именно это и повлияло на результаты диалога.

И возьмите другой случай — в Ливане, где произошел наиболее серьезный за последние 25 лет конфликт. В последние 2–3 недели, когда Хезболла стала участвовать в военных действиях в Бейруте, конфликт стал особенно острым. Результат: два дня назад было принято очень важное соглашение. В первый раз оно было заключено между всеми политическими силами. Вождь друзов, главный оппонент Хезболлы, сказал: «Мы вступаем в соглашение, которое нам не нравится. Но мы присоединяемся к нему, потому что альтернативы этого соглашения приводят к гражданской войне». Никто в Ливане сейчас не может выиграть в гражданской войне, потому что произошло усиление Хезболлы. Самые слабые политические группы в Ливане — шииты, но они тоже смогли получить определенную возможность влиять на решения, которые принимаются другими группами. Таким образом, мы видим укрепление, улучшение де-факто политической ситуации в Ливане. Я полагаю, что это достаточно долгосрочное политическое решение. После 30 лет нестабильности будет достигнута стабильность.

¹ Полномочный представитель экс-президента Ирана.

Оба этих случая иллюстрируют необходимость развивать международные и внутрисоциальные диалоги. Более слабая сторона набрала силу и вступила в диалог. И получила положительный результат.

В. АЛЬТАФ¹: — В последнее время мы участвуем в междивизиональном диалоге, но, с нашей точки зрения, в ходе его сильные страны стараются навязать свои ценности. Мы предпочли бы не конверсию культур, а межкультурный диалог. Вместо трансформации культуры нужен именно диалог культур. Мы видим, что либерализм имеет отрицательные стороны и наносит ущерб. Чтобы исключить все типы терроризма и насилия, ключевое требование — справедливость. И наконец, очень важную роль играют СМИ. Они находятся под управлением и контролем политиков. Пока СМИ не станут лучше помогать межкультурному диалогу, я думаю, будет очень трудно достичь прогресса.

В. В. НАУМКИН: — Слово предоставляется господину Жоржи Сампайю.

Ж. САМПАЙЮ: — С точки зрения «Альянса цивилизаций», который я здесь представляю, наша дискуссия была очень полезной. Влияние друг на друга культур и цивилизаций прослеживается везде. Те, кто действует, кто принимает решения, озабочены этим — на всех уровнях, от местного до глобального. Правительства могут вести различные варианты диалога, но уровень, где решается особенно много, — это уровень культуры. Конечно, мы должны учитывать, что на результаты диалога цивилизаций влияет недостаток политических решений. Это касается территориальных вопросов, проблем воды, природных ресурсов, окружающей среды. Но есть еще очень сложный вопрос — устойчивость нашего общества.

Мы должны жить вместе. Обязаны жить вместе, чтобы реализовать цели устойчивого развития. Большинство стран в Евросоюзе столкнулись с проблемой культурного разнообразия. Они совершенно не подготовлены к тому, чтобы

справляться с такой проблемой. Мы видим здесь миграцию и требование равенства и справедливости. Мигранты хотят, чтобы их считали не меньшинством, а гражданами. И мы должны, так сказать, решить вопрос с этим культурным разнообразием.

Необходимо сформировать многосторонние институты — те, что были созданы после Второй мировой войны, сейчас находятся в трудном положении: на них обрушилась гора проблем. Можно еще назвать проблемы двойных стандартов и взаимности — мы совершенно их не затронули. Мы обязаны пользоваться эквивалентными стандартами и понимать, что диалог должен происходить на различных уровнях. И здесь перед нами стоит проблема равенства. Но следует также видеть, что главным для мигрантов является поиск идентичности. Разобраться в этих вопросах — задача не только университетских профессоров, правительств и министерств — это проблема любого общества от низов до верхов.

И еще мы должны найти общественное пространство для религий и управлять всем этим культурным разнообразием, потому что это величайший вызов, который идет рука об руку с проблемами политическими, социальными, экономическими.

А. В. ЯКОВЕНКО: — У нас сегодня была плодотворная дискуссия. Она даст пищу для размышлений как ученым, так и политикам. Эти обсуждения укладываются в повестку «Альянса цивилизаций», и присутствие здесь господина Сампайю является тому свидетельством. Мы рады, что инициативу этого диалога взял на себя Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов. Этот вуз является одним из лидеров в осмыслении данной темы. Хочу выразить надежду (и это общее мнение), что такого рода обсуждения здесь продолжатся. Благо у нас есть хороший формат — Лихачевские чтения. Благодарю всех за активное участие в нашем обсуждении, а особенно — господина Запесоцкого за оказанное гостеприимство и блестяще организованное мероприятие.

¹ Профессор физики (Саудовская Аравия).

Руководители секции:

БОРИСЕНКОВ Владимир Пантелеймонович — главный редактор журнала «Педагогика» (Москва), академик РАО, доктор педагогических наук, профессор;

СМИРНОВ Андрей Вадимович — заместитель директора по научной работе Института философии РАН (Москва), заместитель главного редактора «Философского журнала», член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор

В. П. Борисенков

ЗНАЧЕНИЕ СВОЕОБРАЗИЯ И ОРИГИНАЛЬНОСТИ В КУЛЬТУРЕ И ЧЕЛОВЕКЕ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Вчера в выступлении академика А. А. Гусейнова совершенно правильно отмечалось, что взаимодействуют не культуры как таковые, а носители культур. И это во многом создает большие проблемы, поскольку культур существует много, вдобавок сегодня формируются новые культуры — например в связи с развитием Интернета, возникновением виртуальных сообществ по интересам. Наличие большого числа культур — это признак богатства мира, одна из его фундаментальных характеристик. Однако тот факт, что взаимодействие культур происходит через людей, через их сообщества, во многом служит источником проблем, так как люди тоже разные. Но ведь именно этим они интересны друг другу!

Кроме того, еще надо учитывать, что человек по своей природе амбивалентен. Об этом писал в свое время Лев Николаевич Толстой, отмечая, что многие заблуждаются, когда разделяют людей, говоря, к примеру, об одном человеке, что он «добрый», а о другом, что «злой». На самом деле человек амбивалентен — он может быть одновременно добрым и злым, мудрым, дальновидным и в то же время в чем-то наивным. Кроме того, одним из основных законов становления биологического вида *Homo sapiens* является неисчерпаемая наследственная гетерогенность человечества. Именно этим определяется актуальность задачи оказания педагогической помощи в деле раскрытия внутренних возможностей человека. По оценке выдающегося отечественного генетика В. П. Эфроимсона, в результате воздействия неблагоприятных биосоциокультурных факторов «реализуется лишь один гений из десяти тысяч потенциальных» [3, 14]. Поэтому для каждой страны задачей первостепенной важности является поиск талантов, оказание помощи развитию талантливых профессионалов в различных сферах деятельности — в науке, искусстве, техническом творчестве и т. д. И здесь особенно велика роль системы образования. Ф. М. Достоевский в свое время писал, что всегда есть опасность «потушить гения во младенчестве». Многие великие ученые (в том числе и Эйнштейн) отмечали, что школа и определенные формы обучения, в сущности, убивают любозна-

тельность ребенка и мешают развитию человека. На мой взгляд, сегодня эти опасности не только не ушли, а даже усугубились. Я связываю это с стандартизацией личности, наблюдающейся в настоящее время. В частности, введение ЕГЭ сильно способствует этому процессу. В этом смысле мы подвергаем опасности наше будущее, которое во многом зависит от талантливых, одаренных людей.

Для современного этапа развития человечества характерны разнонаправленные и во многом противоречивые, даже противоположные тенденции. С одной стороны, мир как будто сужается, превращаясь, по терминологии ЮНЕСКО, в «глобальную деревню», невероятно «сократились» расстояния, всякая актуальная информация становится доступной любому человеку, имеющему возможность войти в Интернет в любой точке земного шара, рушатся барьеры между странами и народами. На наших глазах происходит становление единой мировой экономики, единого рынка капитала и рабочей силы.

В то же время мир становится все более разнообразным и мозаичным за счет выхода на арену самостоятельного исторического творчества все новых участников в виде национально-государственных образований, многочисленных этнических и конфессиональных, а также социокультурных общностей, имеющих собственную культурную идентичность. Таким образом, диалектика современного этапа исторического развития состоит в том, что глобализации и интеграции неизбежно сопутствуют процессы дифференциации и самоидентификации, что нередко приводит к конфликтам и коллизиям, особенно когда в столкновение приходят разные срезы человеческой цивилизации.

Глобализационные процессы, являющиеся, по мнению многих ученых, основным содержанием эпохи, в которую вступило человечество, распространяются на все сферы жизнедеятельности людей. В последние десятилетия они проявились прежде всего в финансово-экономической области, где исчезли преграды между национальными рынками, но это не только не привело к смягчению противоречий между развитыми и развивающимися

государствами, но и, напротив, увеличило разрыв между самыми богатыми и самыми бедными странами как в экономическом отношении, так и в области знаний, что предопределяет все большее отчуждение бедных от центров динамического роста и их дальнейшее отставание. Об этом со всей определенностью сказано во Всемирном докладе о человеческом развитии за 2002 г. [1, 1].

Еще более неоднозначными и во многом негативными являются последствия глобализации в области культуры. Поскольку современные телекоммуникационные системы весьма дорогостоящи, они недоступны для многих стран мира, а огромные преимущества имеет тот, кто обладает контролем над ними. «Практически монопольное владение средствами производства информации в области культуры и распространения культурной продукции во всем мире, предназначенной для все более широкой аудитории, — говорится в докладе Международной комиссии по образованию для XXI в., — является мощным фактором эрозии культурной самобытности. Несмотря на то что подобная ложная “всемирная культура” является монотонной и зачастую бедной по содержанию, она тем не менее внедряет в сознание людей определенные нормы, которые могут во многих случаях привести к чувству депрессии или потере собственной самобытности» [2].

Трудно переоценить своевременность и актуальность данного предупреждения. На наших глазах происходит вытеснение и размывание оригинальных и самобытных культур усиленно распространяемой с помощью СМИ массовой коммерческой культурой, зачастую столь же однообразной, сколь и низкопробной. Вряд ли есть необходимость доказывать, что культурное разнообразие мира, являющееся его фундаментальной чертой, составляет бесценное богатство человечества, а унификация и стандартизация в этой области наносят непоправимый ущерб, в том числе и в деле воспитания подрастающего поколения, поскольку несут с собой опасность забвения уникального характера не только каждой культуры, но и каждой личности. Нельзя стать полноценным гражданином мира, не имея корней в собственной культуре. Ярчайшим примером непреложности этой истины является Дмитрий Сергеевич Лихачев. Неразрывная связь с родной культурой является одним из источников оригинальности и неповторимости каждой личности, ее притягательной силы для окружающих. Как принято говорить, мы — разные, тем и интересны друг

другу. В оригинальной мысли, оригинальном действии всегда есть нечто магнетическое, завораживающее и привлекающее других людей. Справедливо и обратное: копирувальщики и имитаторы гораздо лучше усваивают недостатки тех моделей, которые они берут за образец, нежели их достоинства, а главное — они неизбежно утрачивают веру в свои творческие силы и способности.

Следует отметить, что глобализационные тенденции все активнее охватывают и сферу образования. При этом предпринимаются попытки распространить на образование категории рыночной экономики, рассматривать его как коммерческую услугу, предмет купли и продажи. Такого рода идеи служат основанием для практических действий, направленных на расширение частного сектора образования за счет государственного и полную коммерциализацию образования.

Однако в мире нарастает движение против существующей тенденции подчинять законам рынка развитие культуры, науки и образования. С резкой критикой этой тенденции выступают многие видные государственные и политические деятели ряда европейских государств. Так, открывая 5 октября 1998 г. Всемирную конференцию по высшему образованию, тогдашний премьер-министр Франции Лионель Жоспен заявил: «Я отвергаю меркантильную концепцию, согласно которой высшее образование может определяться рынком... Рыночная экономика является реальностью, в которой мы действуем. Но она не может быть горизонтом общества... Не ради рынка утверждается демократия... Как и все европейцы, я приверженец государственной системы образования, следовательно, решающей роли государства — гаранта равенства возможностей — в финансировании» [4, 161]. Эти слова, равно как и выступления ряда других западноевропейских государственных деятелей, и не только левой ориентации, заставляют задуматься над тем, что происходит в высшем образовании России.

Литература

1. Rapport mondial sur le development humain 2002. Appfondir la democratie dans un monde fragmente. N. Y., 2002.
2. Делор Ж. Образование: сокрытое сокровище: доклад Международной комиссии по образованию для XXI в. ЮНЕСКО. 1997.
3. Эфроимсон В. П. Гениальность и генетика. М., 1998.
4. Цит. по: Тангян С. А. Неолиберальная глобализация. М., 2004.

В. А. Конев¹

ПАРАДОКСЫ СОЗНАНИЯ И КУЛЬТУРА

кой-либо текст, так как текст становится местом сознания тогда, когда мы его читаем, а не тогда, когда видим. Оно не может быть никак локализовано, но может быть всегда обнаружено. Поэтому сознание дано нам как наш сознательный опыт, опыт сознательности. Это особое понимание не является пониманием чего-то, что дано как содержание сознания, это понимание — наличие самого понимания чего-то, с чем я могу теперь иметь дело — изменять его, при-

Сознание парадоксально в своем существовании. То, что сознание есть как нечто обнаруживающее свое *есть*, это очевидно, но *есть* сознания не имеет топоса. Нельзя указать на место его существования. Таким местом не может быть, например, ка-

¹ Заведующий кафедрой философии гуманитарных факультетов Самарского государственного университета, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ.

нимать и т. д. Это *особое* понимание есть сама способность понимания, понимаемость, которая и есть опыт сознания, данный каждому человеку.

Первый парадокс сознания разрешается в том, что сознательный опыт (опыт понимаемости) может реализовываться только конкретным индивидом. Он совершается в «одиночестве душевной жизни» (Э. Гуссерль) и является достоянием этого человека. Опыт сознания — достояние индивида! Но индивид не хозяин сознания. Сколько бы я ни желал помыслить какую-нибудь значимую мысль, она не помыслится. И в то же время без моего желания и усилия она тоже не объявит себя. Так обнаруживается новый парадокс сознания.

Второй парадокс сознания разрешается тем, как свершается опыт понимания (понаимательности). Сознательный опыт, или опыт понимаемости, свершается не тогда, когда человек приближается к знанию, от него объективированному, — вот таблица умножения и ею следует овладеть, поэтому он заучивает ее и она оказывается «в его сознании». Но человек будет «в сознании» не тогда, когда он умножает, а когда понимает, что *надо* умножать. Вот это *надо!* — не интеллектуальная характеристика (не характеристика ума), это бытийная характеристика, это требование ситуации бытия, экзистенциальной ситуации. Поэтому быть «в сознании» и значит быть «в бытии», «в есть». В каком «есть»? В том, где бытие и сознание тождественны, где совершается откровение бытия.

Сознательный опыт свершается как опыт открытия, откровения бытия, и это откровение может быть только конкретным в конкретной ситуации данному конкретному человеку. Метод сознавания (то есть открытия для себя своего совпадения с бытием) — это не метод теоретического разума (метод познания), это метод практического разума — как свершается событие откровения. Но тогда, когда человек совершает действие на основе понимаемости, «из сознания», которое его озарило (наиболее яркий тому пример всякий акт вдохновения, результатом которого становится открытие, произведение), это деяние свершается на основе *a recipienti* (от *lat.* *recens* — свежее, настоящее, только что), а не на основе *a priori*. Здесь мы имеем дело не с возможным опытом, а с опытом, свершающимся по своим установлениям. Основание свершающегося опыта — сама конкретность, обнаруживающая свою значимость, открытость и смысл. Быть конкретным — это способ бытия всякого сущего, которое через отнесение к окружению устанавливается как бытийствующее. Я думаю, что можно и нужно принять онтологический постулат, утверждающий, что всякое сущее объявляет себя в ситуации, и это объявление становится основанием бытия сущего. Онтически для природного сущего это проявляется в том, что в диалектике природы называлось «всеобщей связью», а в кибернетическом видении мира получило определение как информационные отношения. Объявление себя и есть онтологически отнесение себя к окружению, в котором рождается необходимость данного существования. Сущее «привлекает» к себе, оно становится аттрактором, что и рождает *эту* ситуацию. Аттрактивность сущего делает его не просто сущим, а *этим* сущим, обладающим этостью (*haecceitas*, как говорил еще Дунс

Скот), принципом единичности и однозначности. Аттрактивность захватывает, втягивает, вовлекает в себя и становится основанием свершения, открывающего человеку смысл данного. Попасть в эту ситуацию захвата сознания открытостью бытия и есть мгновение судьбы. В это мгновение-ока, как в момент вспышки фотоаппарата, запечатлевается все то, что есть здесь-и-сейчас и дело человека сделать это своим достоянием, фактом своего сознания. Сознание озаряется смыслом в этот момент вдруг. И здесь обнаруживается *новый парадокс сознания* — оно возникает в определенный момент времени, имеет начало, появляется, но не имеет конца, оно преобразует время, останавливая его. Смыслы неуничтожимы, «рукописи не горят», идеи временны, они несут в себе время, несут *определенное* время, они *определяют* его. Этот, третий парадокс, как и все парадоксы существования сознания, получает свое выражение и разрешение в культуре.

Культура — хранилище опыта жизнедеятельности человека, и благодаря этой функции она преодолевает время, вбирая достижения мысли и действия, она изымает их из потока жизни для того, чтобы эти достижения стали *постоянно значимыми* ориентирами жизни. Но тогда культура ликвидирует «вдруг», а тем самым ликвидируется само основание возникновения сознания как открытия бытия, как постижения его неповторимости и однозначности, ликвидируется опыт сознательности. Культурные машины (образцы достижений), организуя жизнедеятельность человека, подчиняют его уже достигнутому, уже открытому, уже осмысленному. Это машины внушения, вменения. Человек под гипнозом не имеет сознания, он лишен сознательного опыта. Человек традиции — это человек под гипнозом, он мыслит так, как требуется, он оценивает так, как требуется, он чувствует так, как требуется. В него все вложено. Наиболее яркий тому пример — массовая культура и человек массовой культуры. Но и массовая школа действует так же, она убивает живую мысль. Смотрите, как талантливы и изобретательны дети, и что с ними происходит после их обработки системой образования! Школа увеличивает энтропию мысли, порождая средний уровень мысли, может быть, поэтому она и дает *среднее* образование? Однако в этой способности культуры — быть транслятором достижений — заключена и ее сила, благодаря которой обеспечивается цивилизационное развитие. Но культура может сохранять не только сами достижения, а и способность их продуцировать. В этом случае культура объективирует в себе опыт сознания, опыт откровения, опыт понимаемости. Это выражается, во-первых, в том, что культура не только мир традиций и достижений, но и мир значений и ценностей, а потому выборов и открытости. Во-вторых, культура — это мир интерпретаций, которые направляют сознание к скрытым, но ясным интуициям культуры, определяющим возможность существования интерпретаций. И в-третьих, культура — это мир тайн, вечных вопросов, перед которыми она ставит человека, тех «пунктов интенсивности» (М. К. Мамардашвили), попадая в которые человек *принуждается* к мысли. Объективируя опыт сознания (опыт откровения смыслов бытия), культура разрабатывает специфический язык — язык символов.

Символ пробуждает сознание, порождает работу сознания, вводит сознание в состояние открытости на понимание. Такими символами выступают мифологемы и архетипы, которые ставят членов определенного сообщества в ситуации понимания мира, к таким символам относятся различные сакральные вещи и сакральные символы и т. п. Крест, распятие не являются обозначением чего-либо, они вводят человека в мир определенных связей и отношений, тем самым организуя работу его сознания. Культурными символами становятся произведения искусства или образы, созданные художниками, — Дон Кихот, Гамлет, Печорин и др. К символическим образованиям могут быть отнесены культурообразующие тексты типа Библии, Корана, Ши цзин или даже менее значимые, которые приобщают человека к тайнам данной культуры. Эти тексты как колодцы, откуда бесконечно черпаются значимые смыслы, и гулкая темная прохлада которых вечно манит и тянет человека. Подобные символы требуют от человека определенной готовности к их восприятию, и эта готовность формируется не в образовании, а в живом непосредственном контакте с тем, кто уже видит и переживает эти символы. Символический язык всегда нуждается в живом носителе и передается только в непосредственном живом общении. Поэтому культура как объективация опыта сознания (опыта сознания и понимательности) всегда открывается через действие конкретного человека, ибо сознание, понимательность, опыт сознания неотчуждаем от человека. Нужно «рукоположение» в сознание! И оно совершается в ситуации «из рук в руки», «из уст в уста», поэтому культура сознания всегда имеет своего представителя. Такая возможность обеспечивается существованием особых символов, которые можно назвать категориальными. Они напрямую обеспечивают работу сознания как понимательной сферы. Суть их наиболее ярко иллюстрирует знаменитая фраза, придуманная академиком Л. Щербой: «Глокая куздра бодланула бокра...». Это «машинка» понимания смысла слов, а смысл существует только в их связях. Что такое «глокая» — неясно, но ясно, что это «какая-то», что это определение, свойство, причем эта содержательность сознания = понимание «быть определенным» встает в сознании сразу. Осваивая грамматические формы (а они осваиваются в непосредственном языковом общении, изучение языка по учебникам — исключительная ситуация), человек входит в мир смыслов, символизированных этими формами, спонтанно.

В культуре действуют свои культурные формы, становящиеся символами самых общих культурных смыслов, распознавание которых делает данного человека способным к существованию в культурном мире вообще и в данной культуре в частности. К таким формам относятся универсальные, свойственные каждой культуре способы передачи всякого культурного содержания — формы демонстрации (или остенсивные формы), императивные и аксиологические формы и формы-принципы. Эти формы не только используются культурой для трансляции определенного культурного опыта, например можно демонстрировать начертания букв или образцы поведения, но сама форма демонстрации значима и вводит индивида, осваивающего

культуру через остенсивные формы, в ситуацию отождествления себя с тем, кто ему дает образцы. Принимаемая культурные образцы, человек не только научается определенному содержанию, но одновременно отождествляет себя с определенным обществом, с культурой, дающей эти образцы. Он осваивает смысл «МЫ», вводится в «МЫ», остенсивность становится символом этого «МЫ». Когда индивид осваивает культурное содержание через императивные формы (предписания, нормы, инструкции и т. п.), он не только получает некое определенное содержание, но и идею «ОН», идею долженствования, так как императивность ставит его в ситуацию подчинения.

Аксиологические формы ставят индивида в ситуацию выбора, которая открывает ему его «Я» и смысл решительности. А действуя с содержанием, которое раскрывается формами и принципами, индивид постигает смысл «ТЫ» как идею другого, зависящего от его действия. Эти смыслы, условно представленные местоименными выражениями, являются формальными категориальными содержаниями, которые указывают на логику вхождения человека в культуру. Это ступеньки определения человека как субъекта культуры, как субъекта, способного действовать с любыми культурными содержаниями. И это категориальное содержание символизировано самими универсальными формами культуры. Категориальными символами, порождающими определенные состояния сознания и его понимающие способности, выступают философские категории и философские концепты, определяющие работу философской мысли (такие как *cogito*, абсолютная идея). Значение символического языка для работы с сознанием становится особенно очевидно, когда обращаются к символам особого рода, к символам единичным и индивидуальным. Это символы типа вороны на снегу, которая стала для Сурикова толчком в работе его художественной мысли. Известно, что художник, задумав картину о боярыне Морозовой, долго не мог найти художественное решение своего замысла, но однажды, увидев ворону на снегу, он вдруг ясно представил себе всю композицию будущей картины. Эта конкретная вещь (ситуация) пробудила мысль. Таким образом, символ как особая значимая вещь и разнообразная символика, входящая в культуру, становится одним из фундаментальных принципов жизни сознания. Опыт сознания, работа с сознанием требует языка символов.

Парадоксы сознания обнаруживают себя и в процессе педагогической деятельности. Педагог видит свою задачу в формировании сознания ученика, он намерен работать с сознанием своего подопечного. Но, исходя из приведенных рассуждений, следует, что с сознанием может работать только сам человек, только тот, кому оно дано. Другому этого не дано. Смыслы, понимательность не коммуницируются. Можно передать знание, выраженное в знаках, но нельзя передать понимание. А именно последнее — способность понимать, способность к откровению, озарению сознания — должно быть целью всякого педагогического дела. Как передать то, что не может быть передано? Способность сознания не передается, а дается. Она может быть взята мною, когда она представлена мне, когда она демонстриру-

ется на моих глазах. Способность к откровению — это дар, который объединяет дарящего и дар принимающего. И единение это возникает только при личном, живом контакте действующих людей. Вот почему культура жива только тогда, когда сохраняется традиция непрерывного живого общения ее представителей. Умирают научные школы, направления в искусстве, когда выпадают связующие звенья в цепи традиции. Дар сознания совершает-

ся в момент проникновения в *эту конкретную* ситуацию, которая открывается мне непосредственно. *Этот* данной ситуации, ее собственная тайна есть ее индивидуальность. А индивидуальность открывается индивидуальности, тому, кто сам несет в себе свою тайну. Отсюда следует парадокс действия педагогического акта — хочешь прояснить сознание своего ученика, не разъясняй, не разжевывай, а удиви непонятным, подари тайну.

Г. М. Андреева¹

ЛИЧНОСТЬ В ПОИСКАХ ИДЕНТИЧНОСТИ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Проблема идентичности личности — одна из центральных проблем социальной психологии. Острота ее обсуждения заметно возрастает в современном мире, с одной стороны, в связи с радикальными преобразованиями самого мира, с другой — в связи с изменениями в социальной психологии и поисками ею новой парадигмы. Тем более сложным вопрос представляется в рамках общей дискуссии современного обществоведения по поводу глобализации мирового процесса. Хотя и не существует единого определения сущности процесса глобализации, всегда фиксируется наряду с другими и такая характеристика глобального общества, как становление поликультурного общества. Последнее имеет непосредственное отношение к тому, как формируется идентичность личности в таком обществе. Традиционно социальная идентичность личности интерпретируется как осознание ею принадлежности к социальной группе и эмоциональная значимость такой принадлежности. В условиях радикальных преобразований, характерных для конца XX — начала XXI в., представление о социальной идентичности претерпело довольно существенные изменения. В современном социально-психологическом дискурсе возникли такие понятия, как «временная идентичность» (time identity) и «средовая идентичность» (place identity) личности, обозначающие соответственно осознание личностью своей принадлежности к определенному Времени и определенной Среде обитания². Другая сторона проблемы в новых условиях, что особенно важно для ситуации в России, — это признание *кризиса идентичности* как одного из последних быстрых социальных преобразований³. Проявление кризиса состоит, в частности, в том, что большинство категорий, посредством которых человек определяет себя и свое место в обществе, с которыми он отождествляет себя, оказываются устаревшими или утратившими четкость прежних границ. Так, в условиях российских трансформаций исчезли некоторые социальные группы (например «колхозное крестьянство»), рождаются новые социальные группы (например «средний класс»), исчезла такая привычная в прошлой жизни нашей страны идентификация, как

«советский человек». Противоречивые оценки приобрели категории, обозначающие некоторые политические ориентации («коммунисты», «демократы»). Таким образом, кризис идентичности в условиях радикальных социальных преобразований играет важную роль при поиске личностью идентичности в условиях глобализации. На уровне фундаментальной науки анализ существующих изменений в содержании проблемы идентичности порождает относительно новую концепцию так называемой «возможной идентичности» (Х. Маркус, П. Нуриус, М. Синирелла), в рамках которой обсуждается вопрос не только об умении личности «вписаться» в определенную группу и эпоху, но и рационально соотнести свое прошлое, настоящее и будущее. Такое понимание «связи времен», ценность которой была уже давно обозначена в культуре, особенно важно при своеобразном проектировании личностью своего будущего, когда возникновение новых социальных групп, темпов и моделей преобразований времени, модификация сред обитания человека будут требовать от личности решения практических вопросов. Естественно, что сложность такой задачи возрастает в условиях развития процессов глобализации, в частности становления поликультурного общества.

Можно выделить два аспекта возникающей здесь проблемы. Во-первых, это достаточно общий и принципиальный вопрос о том, что социальное поведение человека в усложненной системе новой социальной реальности обречено на принятие решений в ситуации высокого уровня *неопределенности*⁴. Связь проблемы идентичности личности и проблемы неопределенности общественной организации очевидна. Неопределенность порождена тем, что нарождаются новые социальные группы, природа которых пока не известна, обозначаются новые темпы и модели изменения времени, наконец, возникают особые среды обитания (новые типы поселений, формы транспортных связей между ними и пр.). Принятие решений в ситуации неопределенности — достаточно нетрадиционная проблема психологии и тем более — практического существования человека, и решение ее во многом зависит от того, как будет сформирована идентичность личности. Не случайно при обсуждении проблемы радикальных трансформаций в современном мире в научном дискурсе употребляется перенесенный

¹ Профессор факультета психологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, академик РАН, доктор философских наук.

² Андреева Г. М. Психология социального познания. М., 2005.

³ Ядов В. А. Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал. 1994. № 1.

⁴ Белинская Е. П. Человек в изменяющемся мире — социально-психологическая перспектива. М., 2005.

из медицины термин *травма*. По мнению П. Штомпки, *социальная травма* — это в первую очередь культурная травма, поскольку для рядового человека рушатся основания символов, смыслов и значений социальной реальности, обесцениваются накопленные предшествующим жизненным опытом правила социальных действий¹.

Во-вторых, это более узкий и конкретный вопрос о том, как в условиях глобального мира будет осуществляться личностью выбор той группы принадлежности, которая будет иметь для нее решающее значение. *Множественная идентичность* — феномен, известный и в традиционных обществах, поскольку и в них человек всегда принадлежит к определенному этносу, определенной профессии, выполняет определенные роли. В известной методике — тесте М. Куна и Т. Макпартленда «Кто я?» — выявлены четыре уровня распределения людьми себя по группам принадлежности: «физическое Я», «социальное Я» (социальная роль), «рефлексивное Я» (индивидуальный стиль поведения), «трансцендентальное Я» (абстрактная рефлексия вплоть до «Я — живое существо» или «Я — часть Вселенной»). Иными словами, существует определенная «иерархия» идентичностей, фиксируемая индивидом. В каждой конкретной ситуации одна из идентичностей может быть наиболее значимой («выпуклой») в зависимости от обстоятельств. Но в условиях принципиально новой организации мира глобальные процессы видоизменяют сами ситуации и обстоятельства, и соответственно изменяется *уровень значимости* различных групп принадлежности.

Если предположить, что все эти вопросы нужно решать в условиях неопределенности, то становится ясно, насколько проблема сложна и актуальна. Нельзя сказать, что предложенные вопросы не обсуждаются в различных ветвях современного обществоведения, в частности в *психологии социального познания* (social cognition), заявившей о себе как об особой науке с 1970-х гг., отдельные фрагменты проблемы получили значительную разработку. Прежде всего, это вопрос о специфике процесса познания социального мира, как его осуществляет не профессионал, а «рядовой» член общества. Ряд подходов, предложенных здесь, дают основу для решения и вышеобозначенных проблем. Один из таких подходов — выявление особого характера процесса *социальной категоризации*. Непосредственный жизненный опыт заставляет «рядового» члена общества определенным образом группировать, соотносить между собой различные социальные объекты. Ему могут быть неизвестны логические правила включения каждого нового встреченного объекта в группу аналогичных ему предметов. Но потребность ориентироваться в окружающем мире заставляет его эту операцию выполнять. Средством в данном случае является негласная договоренность, условная конвенция относительно того, «что чем считать», так называемый *социальный консенсус*.

Наличие таких условных конвенций неоднократно зафиксировано в различных культурах²:

¹ Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996.

² Гуревич А. Я. Представление о времени в средневековой Европе // История и психология. М., 1971.

они необходимы для того, чтобы люди могли взаимодействовать. В современных условиях решать вопрос о социальной категоризации приходится еще и в ситуации быстрых изменений, поскольку процесс глобализации предполагает и бурный рост технологических инноваций, что ускоряет «бег времени». В таких условиях «темп» категоризации отстает от темпа объективных изменений, происходящих в обществе, и неизбежно приобретает характер лишь «грубой настройки». Впоследствии это требует дополнительной когнитивной работы человека для уточнения положения в мире не только окружающих его объектов, но и самого себя. Логично предположить, что социальный консенсус необходим и в глобальном мире, хотя рамки его неизбежно будут расширены.

При этом проявят себя как минимум два направления формирования социальной идентичности. С одной стороны, «согласование» систем ценностей, осваиваемых каждым индивидом, то есть конвенция о ценностях, значимых для самоидентификации, должна быть заключена между представителями *разных культур*, наследующих разные традиции, что условно может быть названо «горизонтальным направлением» адаптации личности к новым условиям. С другой — возникнут и новые *уровни* идентичности, то есть расширение представлений о ее своеобразной «иерархии», встанет задача отнесения личностью себя не только к традиционным социальным группам, освоенным временными рамкам, привычным средам обитания, но и к глобальному обществу. Это условно может быть названо «вертикальным направлением» формирования социальной идентичности. Причем в «горизонтальном направлении» накоплен уже достаточный опыт существования в условиях поликультур: разработано средство для поддержания диалога культур — межкультурная коммуникация, позволяющая преодолевать культурный шок от встречи с «чужой» культурой и продуктивно рассматривать вопросы этнической идентичности³.

В этих подходах создана некоторая база для решения вопроса о «горизонтальных» связях идентичности и в глобальном обществе. Что же касается второго, «вертикального направления», то в его рамках формирование социальной идентичности содержит, по-видимому, еще большие трудности. Они связаны с такой стороной процесса глобализации, как соотношение глобальных и локальных процессов, например бюрократических институтов, приверженных глобальному рынку, международным организациям, и локальных элит, традиционно ориентированных на развитие национальной экономики. Впрочем, и в том и в другом случае процесс принятия решения личностью о включении в систему социальных связей усложняется, а количество неопределенностей еще более возрастает. Не случайно в современных социологических концепциях введено такое новое понятие, как «глоболокализм», призванное как раз определить соотношение глобальных и локальных процессов⁴.

³ Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М., 2003.

⁴ Покровский Н. Е. Глобализационные процессы и возможный сценарий их воздействия на российское общество // Социальные трансформации России: теории, практики, сравнительный анализ. М., 2005.

Особое внимание при этом привлекает ситуация в сфере культуры. Именно здесь акцент на многообразии и самобытности всегда рассматривался как выражение наибольшей ценности этой сферы человеческого творчества. Поэтому место ценностей культуры при построении социальной идентичности в глобальном обществе — вопрос особенно, если можно так выразиться, болезненный. Для России его сложность умножается и тем, что такая ценность глобального общества, как приоритет товарно-денежных, рыночных отношений вообще находится в довольно противоречивых отношениях с такой особенностью российского

менталитета, как привязанность к идее *духовности* и, следовательно, ориентация на такую систему ценностей, которая отвечает этой привязанности. Таким образом, очевиден вывод, что поиск личностью идентичности в условиях глобализации мира, основанный на принятии новых систем ценностей, — более сложная задача, чем простое осуществление диалога культур — относительно освоенного вида деятельности в современном обществе. Для России, по крайней мере, можно предположить, что процесс этот не будет простым, лишенным противоречий, и потребует значительного отрезка времени.

В. С. Мухина¹

ИДЕНТИФИКАЦИЯ И ОБОСОБЛЕНИЕ КАК ВЗАИМОСВЯЗАННЫЕ ПРОЦЕССЫ

Если бы я выступала позже, мне было бы еще сложнее. Прозвучало два выступления, заявлено две проблемы: «Парадокс и сознание» и «Идентичность». В рамках заявленных тем я и хочу продолжить дискуссию. Дело в том, что парадокс и сознание существуют всегда, они существуют и в рамках монокультуры, и в рамках поликультурных взаимодействий, когда человек оказывается в поле взаимодействия разных цивилизаций. Конечно, в нашем сознании происходят разнообразные (в зависимости от культурного уровня, от индивидуальных особенностей персоны) столкновения. Поэтому, безусловно, все многообразие воздействий, которое испытывает человек, в науке отображается с помощью некоторых понятий и закономерностей. Но очень правильно отметила Галина Михайловна, что проблема поиска собственной идентичности, идентичности определенных слоев, возрастов, гендеров и так далее — это серьезная проблема нашего времени именно потому, что время нас подавляет, условия меняются, и мы уже как бы выходим за пределы тех стереотипных отношений, в которых раньше находились.

Что касается идентичности и метода «Кто я?», то я всегда огорчаюсь, когда слышу, что это метод М. Куна, потому что Ф. Ницше, а потом Н. Бердяев гениально отвечали на вопрос: «Кто я?» Поэтому, я думаю, все-таки приоритеты нужно оставить за теми предтечами, которые задавали эти вопросы. И Ницше, и Бердяев глубоко рассматривали проблемы собственной личности, очень тонко рефлексировали и настолько откровенно рассматривали собственные сущности, что мне как читателю, потребителю их рефлексивных поисков было страшно, потому что я думала: хватит ли у меня смелости точно так же отрефлексировать саму себя? Это требует очень большой духовной смелости. Поэтому я считаю, что те рефлексии, которые сделали эти великие люди, должны лечь в основу нашего анализа. Только если на этом уровне мы будем рассматривать себя и друг друга, тогда мы сможем глубоко анализировать то, что с нами происходит, и те идентичности, которые мы собой представляем.

И Шпет в свое время замечательно говорил, что мы можем менять свои ценности, свои принадлежности к этносу, нации, если это происходит в нашей голове. Наука требует поиска закономерности, выявления тенденций. Безусловно, мы обязаны это делать. За какими-то пределами науки, еще в каких-то сферах мы должны находить те исключительные, индивидуальные пути к самим себе, которые тоже дают ответ на вопрос: «Кто я?» Думаю, что это очень сложное, бесконечно интересное дело, поэтому многие ученые могут заниматься в разных ракурсах — по вертикали, по горизонтали, по другим направлениям — поиском этой идентичности, которая, конечно, проявляется через парадоксы нашего сознания.

Когда мы говорим об идентичности, безусловно, требуется обращение и к ее обратной стороне — к обособлению. Моя идентичность может формироваться только в том случае, если я в это время свою обособить свои ценностные ориентации, свои особенные представления, сущностные особенности и защитить свое право быть собой. И это усложняет наше понимание, наше видение собственной человеческой сущности. Поэтому я всегда предлагаю идентификацию и обособление соединять и рассматривать их как единые взаимодействующие процессы, как некоторые наши сущности, когда мы предстаем перед другими в своей идентичности, обуславливая свою сущность и презентуя ее перед другими. Тогда мы не будем «разваливаться» в определенных обстоятельствах. Надо сказать, в 1991–1992 гг. я переживала состояние ужаса, когда многие люди на моих глазах отказывались от своей сущности, своих социальных ролей, от тех позиций, которые они до этого занимали в мире и которыми гордились. Я была потрясена, мне казалось, что наши ориентации более устойчивы. И когда один за другим люди стали «падать», как костяшки домино, я не могла себе представить, каким образом могу «укрепить» себя в этом мире, потому что многим из этих людей доверяла. Думаю, это наш опыт, наше несчастье, с одной стороны, а с другой — история предоставила нам уникальную возможность не только увидеть, но и осмыслить, что же мы собой представляем. Я никого не осуждаю — мы таковы. Живем в некой идентичности, которая презентует

¹ Заведующая кафедрой психологии развития Московского педагогического государственного университета, академик РАО, доктор психологических наук, профессор.

нас перед другими и иногда моментально исчезает. Этот процесс тоже надо изучить, проанализировать — ведь это относится к нашей сущности. Не надо никого критиковать — это наша природа, мы

* * *

В. П. БОРИСЕНКОВ: — Спасибо, Валерия Сергеевна. На мой взгляд, в условиях глобализации обостряется проблема локализации человека. Я думаю, величие Дмитрия Сергеевича Лихачева состо-

ит именно в этом: будучи укорененным в русской культуре, он стал ученым, имеющим общемировое значение. Локализация — очень важная сторона того процесса, который происходит сегодня в мире.

Б. А. Парыгин¹

ГОТОВА ЛИ ЛИЧНОСТЬ К САМОИДЕНТИФИКАЦИИ?

В предшествующих выступлениях очевиден акцент на возрастающей значимости идентичности, идентификации, будь то глобальная среда или локальная. Не случайно и то, что все более модной становится проблема парадоксальности личности как знак переживания кризиса во взгляде на человека в современном мире. Откуда это осознание кризисности?

Оно возникает потому, что идентификация и идентичность была вечным инструментом самозащиты личности перед лицом любых перемен, любых сложностей. Принадлежность к чему-то глобальному как бы гарантировала «защищенность». Применительно к нашей истории: ощущение кризиса связано с распадом нашей глобальности государственного масштаба. Конечно, это было колоссальным социально-психологическим потрясением. И произошла компенсация поисков себя в других вариантах и жанрах идентичности более скромного масштаба. Мне кажется, надо задуматься о том, почему же человек так парадоксален?

С одной стороны, он готов понимать, чувствовать и демонстрировать свою особую значимость и величие. Вспомним наши «марши энтузиастов»: «Нам нет преград ни в море, ни на суше». Вот такое ощущение. С другой — человек может легко утрачить уверенность в себе, в завтрашнем дне, когда пребывает в ситуации радикальных перемен и утраты привычной идентичности. В чем дело? А в том, что наше общество и человек как личность, да и гуманитарная наука тоже, оказались психологически не готовы к столь радикальным переменам. Мы привыкли и понимать и внушать себе и другим, что человек — это продукт, объект, прежде всего, всяческих детерминант — социальных и биологических, внешних по отношению к нему. Все психологические парадигмы, которые мы просматриваем, работают главным образом в одном направлении: внушении того, что человек — продукт-объект-результат внешних детерминант. А субъект — эта сторона человека как личности, как уникальной, неповторимой индивидуальности, — где она? Оказывается, она все-таки есть. Но о ней имеют право говорить преимущественно выдающиеся ученые.

Н. А. Бердяев, например, в воспоминаниях и переживаниях своей жизни говорит и выступает с позиции саморефлексии. А где у нас саморефлексия

как инструмент постижения себя как уникальной индивидуальности, как субъекта, как личности? Ее нет, она выкинута из науки как ненаучный метод. На смену ей пришел бихевиоризм и другие подходы, которые перевели восприятие и понимание человека из поисков себя внутри себя вовне, с позиций изучения поведения под влиянием факторов внешней среды. А с точки зрения самозащиты личности, душевного и физического комфорта идентификация, как и многие другие инструменты защиты, — самый надежный инструмент, который позволяет эту роскошь обеспечить. Поэтому глобализация, идентификация — это все инструменты адаптации и самозащиты человека, заданные извне. Когда меняется среда, они ставят человека в тупик, в ситуацию драмы. Он не знает, с какой все более многомерной и альтернативной средой идентифицировать себя. Он, оказывается, не способен искать себя в себе, а не во внешних рамках, гарантирующих его защищенность с позиций, понятных нам по этой системе, патриархального отношения власти к отдельно взятому индивиду, который есть вообще маленькая клеточка, почти ноль, если так можно выразиться.

Готов ли человек сегодня к внутренней перестройке, к переходу на позиции самоидентификации, что предполагает готовность к высокому уровню такой саморефлексии, образцы которой нам показывают на своем примере такие корифеи мысли, как Паскаль, Шопенгауэр или Бердяев?

Но, повторяю, не случайно роскошь позиции саморефлексии без идентификации мог позволить себе Н. А. Бердяев. Он начинает свои воспоминания с признания того, что даже родители не были для него примером для подражания или тем более идентификации. А что же он такое? Он отвечает: «Тайна. Непостижимая тайна личности». Об этом же говорили и другие. И. П. Павлов признавал, что чужая душа — потемки, сколько мы ни изучаем человека как личность. В чем же эта тайна, каков внешний признак ее парадоксальности?

Сейчас модно говорить о парадоксальности человека. Мы описываем различные виды идентификации. Этого хлеба хватит надолго: можно без конца описывать все виды возможных идентификаций — и глобальных, и локальных, каких угодно. Не меньший простор открывается для поиска ответов на сегодняшние вопросы и квалификации различных видов парадоксальности человека. Человек

¹ Профессор кафедры социальной психологии СПбГУП, доктор философских наук, заслуженный деятель науки РФ.

парадоксален в быту, в политике, в экономике — куда ни глянь, он везде парадоксален. Он везде необъяснимо, как-то противоречиво и даже бессмысленно выглядит, этот человек. С одной стороны, он великий, с другой — ничтожество перед лицом простых, казалось бы, вопросов, которые необходимо решать. Это тоже драма. Парадоксальна фиксация этой таинственной драмы, загадочность скрытой сущности души, непостижимой, непонятной для сегодняшней науки. А понять необходимо! Иначе не будет предмета для разговоров о личности. Ортега-и-Гассет, известный мыслитель, обратил внимание на то, что в периоды глобальных кризисов, когда власть или элита не видит способов решения проблем, растущих все быстрее, в массах может возникнуть ощущение самодостаточности, то есть чувство способности к власти. И тогда возникает феномен тирании масс, когда массы чувствуют в себе колоссальную силу и ищут того или другого лидера, который бы выразил их ощущения. Личность как уникальная индивидуальность беззащитна перед лицом таких испытаний, ориентированных на смену предмета идентификации. Она способна легко находить себя при смене ее предметной идентификации на идентификацию по предметному состоянию. В состоянии ажиотажа, энтузиазма, подъема, страсти (как болельщики на футбольном матче) массы успешно реализуют свой энергетический потенциал, потребность в действии. Эта идентификация очень нужна человеку. Потому что в условиях кри-

зиса предметной идентификации по целям или идеалам идентификация по ситуативному, временному состоянию важнее, чем идентификация по отдельным предметам, средам или сферам жизнедеятельности. Состояние здесь важнее!

В этих условиях проблема личности как уникального индивида снимается либо возникает как проблема суперличности, которая впитывает колоссальную силу массовых настроений и реализует ожидания масс. И вместе с этим личность — это микрокосм, потрясающая глубина, бездна непознанного, не осмысленного пока наукой. Детерминация, как биологическая, так и социальная, — конечно, важный фактор формирования личности в качестве прежде всего объекта, а не субъекта, продукта, а не уникальной, неповторимой индивидуальности. Но сегодня мы не можем ограничиваться этим взглядом на человека. Перед лицом испытания временем требуется другой подход. И даже популярность многообразных рассуждений об идентичности человека с факторами его формирования не открывает выхода к решению этой проблемы, как и многочисленные описания различных видов парадоксальности.

Почва богата, потому что везде мы выглядим парадоксально. А почему? Потому что не привыкли глубоко погружаться в свои безграничные возможности. В этом тайна человека. Возможности наши безграничны, но у нас нет навыков погружения в них, и наука нас не ориентировала на это.

* * *

В. С. МУХИНА: — Уважаемые коллеги, хорошо, что здесь речь идет о вещах, известных в психологии и философии. Человек — это продукт всяческих детерминант — генотипа, социальных условий и др. Бесспорно, в этом плане мы выглядим довольно жалко — как марионетки, следствия этих детерминант. Но и религия, и наука дают нам основания думать о себе более ответственно. Человек делает самого себя, у него есть внутренняя позиция, и наши философы и психологи об этом говорят. К сожалению, удерживать внутреннюю позицию — чрезвычайно тяжелая работа, для этого требуются постоянные усилия. Однако мы действительно парадоксально слабы, постоянно совершаем ошибки. Поэтому, воспитывая молодежь, надо говорить о внутренней позиции личности. Я, во всяком случае, делаю это на всех лекциях. И что каждый отвечает за себя, создавая ценностную картину мира, создавая себя в этом мире. В каких-то ситуациях, когда мы готовы к решению социальных и прочих вопросов и «вооружены», то это еще и внутреннее состояние, связанное с готовностью достойно решить проблему. Но когда она на нас обрушивается неожиданно, мы «разваливаемся». Я много работала в экстремальных условиях землетрясений, Беслана, Чернобыля и так далее — это еще одна из моих профессий. Что происходит с человеком в такой ситуации? Идентичность исчезает вообще. Когда мы были в Спитаке, то на наших глазах спасли, вытащили людей из-под завалов здания комитета коммунистической партии (там просели этажи). Это были не те люди, которые презентировали себя в жизни, а беспомощные создания, не знающие, что делать. И мы давали им указания

по поведению, и только таким образом они начинали выходить из состояния стресса. То есть личность каждого из нас — очень хрупкое образование, которое может разрушиться. Это тоже надо знать. Не стоит возноситься, когда у нас все хорошо и мы успешны, надо помнить, что случись что-либо — и все, меня как личности нет. Но есть у нас еще некоторая способность, которую тоже надо иметь в виду, — это способность к возрождению. Сущность наша и сила в том, что, упав, мы можем подняться, вернуться к исходным позициям и начать все заново.

Есть замечательная притча. Монах приходит к авве Сысою и говорит: «Отче, я пал». — «Встань», — сказал Отче. Монах опять приходит: «Я снова пал». — «Встань». В третий раз приходит: «Я пал». — «Встань». — «Доколе же мне то падать, то вставать?» — «Пока не умрешь». Собственно, я думаю, что сущность нашей жизни как личностей — вставать, доколе мы не умрем. Надо это «вкладывать» в голову нового поколения и самим себе всегда это говорить. Нужно в трудные моменты уметь обрести силы — в этом, наверное, заключается сущность, феномен человека как личности. Я считаю, что это тот путь, по которому мы должны двигаться. Но я хочу сказать и еще кое-что. Да, мы, безусловно, должны иметь установку на то, чтобы быть личностью. Но все же сегодня мы собрались по поводу идей великого Лихачева, который говорил: «Чем больше культура, тем сильнее личность». Чем более развита идеосфера, концептосфера, тем мы сильнее. Лихачев об этом думал, даровал нам эти идеи, писал об этом во многих книгах. Давайте всегда помнить об этом.

Ю. М. Резник¹

ЛИЧНОСТЬ И СИСТЕМА В ПОСТТОТАЛИТАРНОМ ОБЩЕСТВЕ: ОТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ К ПАРТНЕРСТВУ?

Несмотря на то что с момента развала прежнего политического строя прошло более 20 лет, мы все еще испытываем влияние тоталитарных тенденций. Ничто в обществе не уходит безвозвратно, а остается и мешает строить новую жизнь, налаживать систему отношений. Посттоталитарный режим, несмотря на внешние, чаще всего декоративные перемены, связанные с общей демократизацией страны, продолжает сохранять некоторые пагубные явления. Одно из них — неуважение к личности и ограничение пространства ее свободы. Социальная система в течение многих лет после развала прежнего режима реконструировала административно-командные рычаги регулирования общественных отношений, укрепила свою мобилизационную мощь за счет усиления «вертикали власти» и сосредоточения основных ресурсов общества в руках небольшой группы людей. Восстановления тоталитарного строя в полной мере не произошло, но он трансформировался в сеть анонимных и безличных отношений, в которых по-прежнему нет места свободному человеку, а взамен идеологического диктата и казарменного режима пришел бюрократический произвол, помноженный на коррумпированные схемы распределения общественного богатства. Глубинный конфликт современности, обросший идеологическими наслоениями и предрассудками, находится в сфере противостояния Личности и Системы (скорее квазисистемы), которые я рассматриваю здесь в условно-метафорическом смысле. Следовательно, на социальной сцене играют, с одной стороны, адепты и идеологи этих систем, использующие средства прямого контроля и манипуляции сознанием масс, с другой — личности, объединяемые в демократическом мире лидерами формирующегося гражданского общества.

Несколько слов о системе. В данном контексте я буду использовать понятие «система» не в традиционном смысле, как это делается в общей теории систем и системной теории общества, а для обозначения институционализированного воплощения насилия над индивидами. Это — любое организационно оформленное социальное единство, обладающее иерархически сложной властной структурой, материальными и символическими ресурсами, аппаратом насилия и стремящееся установить полный контроль над своими частями. Крайнее, абсолютное проявление так понимаемой системы — тоталитаризм в разных формах (политической, религиозной, экономической и пр.). Но между слабым системным единством и тоталитарной системой находится великое множество других системных или полусистемных образований, которые в той или иной степени стремятся контролировать поведение индивидов, формально относящихся к сфере их регуляции. Поэтому для обозначения так понимаемой системы можно употреблять и другой

термин — «квазисистема». Квазисистема обладает рядом существенных признаков, которые на данной стадии изучения я выделяю лишь условно:

- преимущественно целерациональная природа (тип рациональности зависит от сферы социальной жизни людей);
- анонимность и личностная отчужденность;
- нейтральность (аперсональность);
- формальный характер (в смысле следования логике формальных процедур — правил публично-дискурса, требований должностной инструкции, пунктов политической программы и т. д.);
- самопрезентативность (способность «системы» описывать и выражать себя средствами языка, вырабатываемого внутри нее);
- самоизолированность и закрытость (способность «системы» отделять себя от среды, поддерживать и воспроизводить границы между собой и другими системами или внесистемными объектами всеми допустимыми средствами);
- самореферентность (способность «системы» к соотношению с самой собой, к созданию «внутренней» точки отсчета или сети координат) и др.

Теперь о личности, противостоящей системе в условиях посттоталитарного строя. С позиций персонализма принципиальное отличие личности по сравнению с другими частями и целым вообще заключается в следующем:

- а) личность есть целое, а не часть (в силу того, что она не входит полностью ни в одну из существующих в мире целостностей, а представляет собой микрокосм);
- б) личность как целое следует рассматривать как образование, существующее наряду с другими целостностями;
- в) личность есть далее неделимое целое или незавершенная, но вполне самодостаточная часть универсума (если не вдаваться в дебри психоанализа); например: государство может существовать в условиях раздробленности, личность же не может быть раздроблена без нанесения ей физического, психического или морального ущерба;
- г) личность есть различимое и индивидуально-специфическое целое (даже у толпы или массы есть свое лицо или маска; личность же есть персонифицированное различие, различие целого и других целостностей или автономных частей, обусловленное его самостью (своеобразием, индивидуальностью, уникальностью и т. д.); в этом смысле личность — многогранник, стремящийся к бесконечности своих граней и углов;
- д) личность (сформированная личность) есть автономное целое, обладающее всеми необходимыми и достаточными ресурсами (потенциалом) для собственного существования в качестве личности; современное государство не может существовать как политическое целое без граждан, без их налогов и хотя бы формального участия в его делах; личность же может существовать без государства и других целостностей; единственное, без чего она не сможет полноценно существовать, так это без других

¹ Главный редактор журнала «Личность. Культура. Общество», главный научный сотрудник Института философии РАН (Москва), заместитель директора Российского института культурологии по научной работе.

личностей (чтобы стать и оставаться личностью, надо быть среди личностей).

Следовательно, Личность — это психокультурная целостность, существующая в единстве физического, ментального и социального тел как самодостаточный субъект, стремящийся к самореализации (посредством участия и служения) и преодолению системного насилия. В социальном мире Личности противостоит Система как конкретно-историческая целостность, возникающая на стадии модернизации общества и существующая за счет эксплуатации доступных ей ресурсов, прежде всего человеческих. Система есть форма организации целого, стремящегося установить контроль над своими частями и направлять поведение актеров — исполнителей предписанных нормами ролей. Она допускает и практикует институциональное насилие над личностью через государство, партии, бизнес, школу, церковь и др. Личность сталкивается с произволом Системы на

* * *

М. В. СИЛАНТЬЕВА¹: — Я хочу поддержать оппозиционера, который наконец перевел разговор в более дискуссионную плоскость. Я изучаю Бердяева, достаточно много читала у него текстов об этимологии слов «личность», «персона», которые есть, строго говоря, маска, болванка, система социальных ролей, которые кристаллизуются вокруг некоторых идей, позиций. Другое дело, что сам Бердяев

каждом шагу (в государственных учреждениях, банке, магазине и т. д.). Система (как рефлексорирующее себя единство) полагает, что она всеильна. Вовлекая в свой круговорот разные ресурсы, она постепенно выходит из-под контроля Личности. Поэтому Личность может противостоять Системе, лишь объединяясь с другими Личностями в добровольные и свободные союзы. На социетальном уровне такой формой самоорганизации Личностей выступает гражданское общество, которое стремится защитить жизненный мир Личности от посягательств Системы, создавая особые перегородки (своеобразный «буфер») между ними. Гражданское общество — это общество свободных и автономных Личностей, имеющих собственные источники существования и осуществляющих свою деятельность на основе конвенциональных соглашений. Я убежден, что только через формирование гражданского общества можно установить партнерские отношения между Личностью и Системой.

говорит, что эта идентификационная горизонталь обязательно должна дополняться экзистенциальным возрастанием — тем самым поиском, который выводит нас из положения болванки.

Б. Д. ПАРЫГИН: — Мне кажется немного странным заявление о том, что личность — это болванка, ну, матрица — это куда ни шло, это гораздо деликатнее. Но ведь не болванка же!

С. Ю. Иванова²

РОССИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ГРАЖДАНСКИЙ ПАТРИОТИЗМ В КОНТЕКСТЕ ДУХОВНОГО ЕДИНСТВА

Проблемы соотношения этнической и гражданской идентичности, формирования российского патриотизма стали особенно актуальны в условиях возрастания роли регионализма в современной России, обрели непосредственный социальный и практический смысл. Стихийные процессы после распада СССР, выразившиеся в массовой миграции, в том числе и нелегальной, и в депопуляции, привели не только к структурным, но и к качественным изменениям состава населения. Одной из его характерных особенностей стала резкая поляризация — от полной пассивности людей, равнодушно наблюдающих сцены насилия, до жестоких форм проявления агрессивности. Возник культурный разрыв не только между «старым» и «новым» населением, но и между носителями истинно советских традиций толерантности, образованности и культуры и выживающим населением, которое уже не способно поддерживать традиционный культурный статус, поскольку парализовано нуждой и грузом проблем общероссийского масштаба. Естественно, что весь этот груз нерешенных и нерешаемых проблем (эко-

номических, социальных и культурных) обрушился прежде всего на семью — ячейку общества, обеспечивающую его стабильность и развитие. Отсутствие социально позитивных жизненных перспектив привело к массовому росту числа брошенных родителями детей, беспризорности не только в прямом, но и в морально-психологическом смысле. При этом продолжается демонстрация сцен насилия в СМИ, нагнетание страха, ксенофобии, неприязни к «чужим», что в целом провоцирует поиски «врага», которого в современных условиях легче всего идентифицировать по этническому признаку.

Почему сегодня, невзирая на осознание значительной частью общества настоятельной необходимости в патриотизме, он до сих пор не сформировался в качестве важнейшего компонента общенациональной идеи, способной объединить, консолидировать большинство россиян в нечто целое, без которого не может быть и речи о великом народе?

Среди причин можно выделить следующие.

1. Размытость и девальвация важнейших ценностей, разрушение мировоззренческих основ, идеологии, упадок культуры, кризис воспитания и дисфункция осуществляющих его социальных институтов, отсутствие общезначимых идеалов, духовный и идеологический вакуум.

2. Аморфное, непоследовательное отношение к проблеме патриотизма со стороны руководства страны; безразличное, а нередко и скептическое —

¹ Профессор кафедры философии Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД РФ, кандидат философских наук, член Российского философского общества.

² Заведующая кафедрой социальной философии Ставропольского государственного университета, доктор философских наук, профессор.

со стороны значительной части правящей политической и интеллектуальной элиты, преимущественно негативное или нейтральное — в большинстве средств массовой информации.

Идея патриотизма остается для многих представителей политической элиты «козырной картой» в различных общественных баталиях, особенно в борьбе за власть. При этом лишь немногие известные политики обратились к патриотической идее в результате глубоко осмысленных, обоснованных и выстраданных размышлений, чувств, убеждений. Наличие причин, обуславливающих в совокупности депатриотизацию значительной части наших соотечественников, не означает, тем не менее, невозможности возрождения патриотизма и формирования на его основе позитивной гражданской идентичности. Российская идентичность и патриотизм в прошлом и в настоящем существуют в государственно-правовом контексте. Именно государство выступает структурирующим началом в российской идентичности. Власть может внедрять позитивный автостереотип россиян, используя различные медиапрактики — образование, литературу, ритуальные и церемониальные практики. Например, послание президента можно рассматривать как ритуальную практику, при помощи которой утверждается гражданская идентичность и определяются границы сообщества россиян.

В духовной сфере угрозы национальной безопасности связаны с утратой передовых позиций России в мировой культуре, падением культурного и образовательного уровня российских граждан, вестернизацией общественного сознания, забвением россиянами своего великого культурного и исторического прошлого, а также снижением роли нравственности как важного фактора, определяющего и межличностные отношения, и трудовую деятельность. Внешняя информационная экспансия, распространяющаяся и оказывающая активное воздействие на информационное пространство России, самым негативным образом влияет не только на нравственное, но и на психическое здоровье граждан. Большинство социологических опросов, проводившихся в России в последние годы, свидетельствуют о доминировании негативных психических состояний среди всех категорий россиян: тревожности, беспокойства, неуверенности. Это усугубляется и разрывом единого культурного пространства, искусственным форми-

рованием самых различных деформирующих истинную культуру субкультур. Экспонента роста пороков российского общества напрямую коррелирует с объемами низкопробной безнравственной и антигуманной информационной продукции. Не нужно голода, эпидемий, крематориев, войн, чтобы уничтожить будущее народа. Достаточно отравить сознание подрастающего поколения, заставить его забыть свою историю, навязать чужие взгляды, противные самой природе выживания этноса.

В настоящее время российское общество не имеет общепризнанного идеала, а его духовно-нравственные ориентиры отеснены на второй план приоритетами рыночной экономики. Государственная стратегия России должна опираться на историческое и духовное наследие народа. Воспитание гражданина и патриота, осознающего цели и задачи жизнедеятельности личности, общества и государства, их роли в культурно-историческом развитии, способного к сохранению и приумножению духовно-нравственных ценностей, традиций и достижений Отечества, является одной из приоритетных задач, без выполнения которой невозможно возрождение России. Истинный патриотизм невозможно сконструировать искусственно, в форме эффективной инновации, пусть даже и адаптированной к сложным реалиям российской действительности. Становится все более очевидным, что возрождающееся национальное самосознание, российский патриотизм могут развиваться только на глубокой естественно-исторической основе. Идея патриотизма может быть принята обществом в качестве консолидирующей, «поскольку она является интегрированным выражением ориентиров социально-экономического развития, содержит в себе смысл существования основных слоев и структур гражданского общества и государства»¹.

Осознание приоритета ценностей и интересов Отечества создает возможность гармоничного совмещения разнородных политических, идеологических и хозяйственных элементов капитализма и социализма, традиции и современности, демократии и авторитаризма, национальной самобытности и мировой цивилизации и является перспективной основой для идеологии российского возрождения². Оптимизм вызывает то, что население новой России имеет высокую степень социально-политического и историко-культурного единства.

* * *

Ю. М. РЕЗНИК: — Не кажется ли Вам, что формирование национальной патриотически ориентированной элиты противоречит формированию гражданского общества как многополярного пространства? Я вижу здесь некое противоречие между тем, что Вы говорили об общегражданской идентичности, и усилением одного консолидирующего центра.

С. Ю. ИВАНОВА: — В ситуации, когда выстраивается жесткая вертикаль власти, нужна политическая воля для того, чтобы реализовать механизмы гражданского общества. Например, в некоторых регионах гражданское общество представлено национально-культурными сообществами, различными союзами, переселенческими организациями. Им для успешной работы нужна эффективная местная власть, которая предоставит им помещение,

даст средства, понимая, что это необходимо. В этом плане у нас очень хорошая конституция (когда она выполняется). Я говорю о том, что нужна политическая воля.

Гражданское общество нуждается в создании необходимых условий. Мы работали с разными неправительственными организациями. Иногда приходится слышать, что гражданское общество исчезло. Но оно опять возникло! На мой взгляд, эмпирические наблюдения показывают достаточное количество пассионарных людей, которые работают в этих организациях. Просто эффектив-

¹ Крупник А. А. Патриотизм в системе гражданских ценностей общества и его формирование в воинской среде: дис... канд. филос. наук. М., 1995. С. 101.

² Зорькин В. Прощание с мифами // Наш современник. 1994. № 9. С. 140.

ность их работы возрастает, когда они получают поддержку, находят адекватного руководителя, что особенно важно в регионах. Сейчас эти организации в сложном положении, потому что ликвидированы все проектные организации, нет ре-

сурсов Фонда Сороса и т. д. Появилась Общественная палата, но она еще слабо представлена на местах институциональными структурами, с которыми этим организациям можно было бы взаимодействовать.

В. В. Портнов¹

ЧЕЛОВЕК СРЕДИ ЛЮДЕЙ

Все сущее в природе — и одушевленное, и неодушевленное — при всем своем разнообразии живет по единому вселенскому своду законов. Правда, далеко не все они известны людям, поэтому, придумывая свои законы, они часто выламываются из законов космического свода, а это приводит к различным трудностям и катаклизмам, которых люди не ожидали и которым потом очень удивляются. Но сейчас хотелось бы коснуться тех ситуаций, когда действия единых законов как раз хорошо прослеживаются.

Для того чтобы образовался жемчуг, нужно, чтобы песчинка попала в раковину моллюска. Моллюск заболевает, старается отторгнуть песчинку, но в результате он ассимилирует инородное тело и рождается прекрасная жемчужина. Нечто аналогичное, на наш взгляд, происходит с формированием крупной человеческой личности в недрах общества. Личность всегда продвигается сама к себе сквозь препоны общества. Заурядное общество поначалу воспринимает незаурядную личность как инородное тело и пытается ее отторгнуть. Правда, потом поздние современники и потомки будут восторгаться масштабом выдающейся личности и огромной сферой ее влияния. Это потом ее одарят признанием, а еще позже воздадут должное и даже начнут преклоняться.

Особенно знаменательно то, что так же, как вокруг песчинки образуется жемчужина, так вокруг личности образуется то особое драгоценное общественное пространство, которое, пропитываясь обаянием и идеями личности, несет и развивает их в будущем времени, даже прихода из жизни самой личности. Не так ли произошло и с выдающейся личностью Дмитрия Сергеевича Лихачева?

Но у жемчужин есть одно удивительное свойство, о котором лучше всего знают женщины: если украшение долго не носить, то без живого человеческого тепла жемчужина тускнеет. Вот почему так важно, чтобы Лихачевские чтения проходили регулярно.

Тема VIII Международных Лихачевских научных чтений — «Диалог культур и партнерство цивилизаций». Поставленная в соотнесении с именем Дмитрия Сергеевича Лихачева, эта тема расширяет и само понятие «выдающаяся личность». Сфера влияния выдающейся личности такова, что она, как правило, выходит не только за пределы своего региона, но и, преодолевая рубежи страны, становится всепланетной. *Выдающаяся личность по своей природе уже и есть диалог культур и диалог цивилиза-*

ций. Ведь знаками общения и взаимовлияния мировых культур и являются выдающиеся личности, выдающиеся представители той или иной культуры, того или иного народа. *Они — визитные карточки народа, дающие право «везда» в иную культуру.*

Только не надо путать культуру с массовой культурой и различными субкультурами.

Позволю себе еще одну аналогию. Всем известно: чем глубже и сильнее корни, тем крепче в земле держится дерево. Те, кому приходилось бывать в каких-либо лесах — подмосковных или в сибирской тайге, — наверняка видели деревья, вывороченные бурей. И, наверное, обратили внимание на то, что их корневища похожи на огромные плоские блюда, именно плоские. Значит, эти, а не другие деревья выворочены бурей потому, что их корни не пошли вглубь, были «поверхностными». С людьми происходит похожее явление.

Посмотрите, что нынче дают студентам и школьникам гуманитарные науки? Министерские чиновники от образования декларируют гуманитарное образование на фоне сокращения часов на литературу и историю. Знания в лучшем случае идут вширь, по близкому временному пространству, но никак не вглубь.

Я много лет занимаюсь с литературно одаренными школьниками и студентами. Я восхищаюсь их талантом и прихожу в уныние от их литературного невежества. Они знают литературу и историю не глубже, чем «сегодня» и в лучшем случае «вчера». Я называю их образование «плоскознанием» по аналогии с «плоскостопием». Между тем школьные программы упорно ориентируются на то, чтобы хоть и дилетантски, но дать представление о структуре того или иного произведения, о композиции, способах построения образа и т. д. Создается впечатление, что их готовят в литературные патологоанатомы или в будущие литературоведы. Между тем, на мой взгляд, уроки литературы должны иметь совсем другую цель — прививать любовь к отечественной словесности, к настоящей литературе, научить отличать истинное от подделки, чтобы потом людей не провели на дешевом чтиве. Не продолжать готовить «плоскознающих», а воспитать хороший литературный вкус — вот задача школьных уроков литературы.

В последнее время в связи с образованием мы все время слышим слова «инновация», «толерантность», «креативность» и т. п. Что ж, новые времена — новые слова. Но, увы, архаизмом стало слово «просвещение». О таком понятии, как «просвещение», у нас просто забыли, выкинули его. Уместно вспомнить, что гениальный Александр Сергеевич Пушкин мечтал: «И над отечеством свободы

¹ Главный редактор журнала «Студенчество. Диалоги о воспитании» (Москва), член Союза писателей России.

ПРОСВЕЩЕННОЙ взойдет ли, наконец, прекрасная заря?» Потому что «свобода просвещенная» — это демократия, непросвещенная свобода — это беззаконие и анархия, что сейчас и происходит.

«Плоскознание» не так уж безобидно. Один из московских чиновников, выступая два месяца назад в Санкт-Петербурге на одной из студенческих конференций, с лихостью кавалериста заявил, что в нынешних условиях подготовки вузов к вступлению в Болонский процесс нужно вообще отказаться от термина «воспитательная работа в вузе» и заменить его термином «оказание поддержки саморазвитию студентов». Что поделает, ведь молодой человек не знает, что еще в V в. до н. э. Сократ устами Платона (в «Диалогах») сказал: «Воспитание и образование — единственное средство, ведущее к идеалу человека разумного и добродетельного». Не читал он, видимо, и памятной доски на здании Царскоевского лицея — «Здесь воспитывался А. С. Пушкин». Обратим внимание: не учился, а воспитывался. Правда, возможно, об этом не знают и чиновники из высоких кабинетов Министерства образования и науки РФ. Многократно и повсеместно они заявляют о необходимости воспитательной работы в вузах. Но в весьма многочисленном штатном расписании министерства нет ни одного сотрудника, должностные обязанности которого включали бы курирование воспитательной работы в вузах. Нет для них такой работы — и все.

На упомянутой конференции мне пришлось выступать сразу после того молодого чиновника. И я попросил студентов, сидящих в зале, поднять руку, если они любят, когда их воспитывают. Конечно, никто не поднял руку. Тогда я попросил поднять руку тех, кто любит, когда его считают невоспитанным человеком. Тоже никто. Как же так? Значит, все дело в том, что студенты не любят, когда их воспитывают так, как это зачастую делается сегодня. Тут уже проблема для взрослых. Значит, что-то надо менять в методике, в подходе к воспитанию.

В педагогике существует много определений понятия «воспитание». Я же понимаю воспитание как **ВЗАИМОВЛИЯНИЕ**. Нам известно несколько случаев, когда человек по тем или иным причинам был принят волчьей стаей и долго жил в ней. И что получалось? Он практически переставал быть человеком потому, что был лишен влияния людей. Конечно, влиять можно по-разному: и в сторону созидания, и в сторону антисозидания.

Дмитрий Сергеевич Лихачев говорил, что можно притвориться культурным, умным, влюбленным и тому подобное, но нельзя притвориться интеллигентным. Я знаю концепции воспитательной деятельности многих вузов. Они декларируют подготовку успешных профессионалов, патриотов, социально адаптированных личностей, лидеров и т. п. И только в одном российском вузе — в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов — я увидел до формулы сжатую цель «воспитать нового русского интеллигента». А далее —

* * *

Б. Д. ПАРЫГИН: — Вы говорили о том, что нужно формировать литературный вкус, — правильно. А такой феномен, как литературоцентризм, как Вы думаете, чем вызван? Это, в общем-то, специфическое российское явление. В сегодняшней ситуации

более подробно о том, что вкладывается в понятие «новый русский интеллигент».

И вот я думаю: станет ли интеллигентный человек ломать деревья, загаживать реки, браконьерски убивать птиц и животных? Конечно, нет. Значит, тысячелетия назад люди были достаточно интеллигентны? Однако они были интеллигентны (если таковыми были) для другой, утраченной культуры. А разве культуры исчезают бесследно? Разве лучшие их черты не сохраняются в другой, более поздней культуре? Если это не так, то почему общество (хоть и почти бесполезно) призывает к охране природы, к защите от человека растений, рек, птиц и зверей? Разве так уж наивны народы Севера, которые уважительно, по-партнерски общаются с рекой, деревом, разговаривают с тигром и медведем, не чиня им зла?

Многие люди не задумываются над тем, что в этом мире все, а не только культуры и цивилизации, находится в постоянном взаимовлиянии, в постоянном диалоге — потому что мы все так или иначе зависим друг от друга. Если бы растения миллионы лет назад не научились поглощать углекислый газ и вырабатывать кислород, разве мог бы появиться на Земле человек?

Сутью, стержнем понятия «интеллигент» всегда были и есть законы нравственности. А вузы стремятся готовить, как уже говорилось, прежде всего успешных и социально адаптированных специалистов. Но разве успешные и социально адаптированные не могут быть мошенниками, ворами, взыскателями? Вопрос вопросов: во имя чего, для кого и для чего мы трудимся?

В связи с этим примечательна новелла писателя-фронтовика Эфенди Капиева. Старик-гончар везет на базар продавать свои изделия: глиняные горшки, кувшины, миски. Навстречу ему идут несколько молодых людей, решивших подшутить над ним.

— Старик, сколько стоит вся твоя посуда?

— Три рубля.

— Вот тебе три рубля, теперь посуда наша. Что хотим, то с ней и делаем?

— Конечно.

И молодые люди стали сбрасывать посуду в пропасть.

Старик бросился на обидчиков с криком:

— Возьмите свои три рубля! Я кувшины для людей, а не для пропасти делал!

Нравственная доля в продукте труда всегда была основой для деятельности интеллигентного человека.

Может быть, мои размышления, собранные в этот текст, оказались несколько «непричесанными», разнопрофильными, но мне показалось, что все они имеют прямое отношение к личности Дмитрия Сергеевича Лихачева. Ибо выдающиеся личности всегда многоемки, так как живут не по узким человеческим законам, а по своду законов высшего вселенского масштаба.

эта функция реализуется литературой или все несколько сложнее?

В. В. ПОРТНОВ: — Полагаю, что в школе надо давать наиболее общие сведения. Нужно, чтобы человек понял музыку, «сладость» текста, чтобы он

понял, что такое хорошо и что такое плохо. Он сам потом разберется, как строятся образы, композиция и т. д. Важно, чтобы уроки литературы не отбивали желание читать. Ведь, извините, в свое время меня заставляли читать «Обломова». А потом, когда мой сын учился и у него не было этого произведения в программе, он пришел ко мне с вытаращенными глазами и сказал: «Какую интересную книгу я прочел». Спрашиваю: «Какую?» — «Обломов». — «Не может быть». — «Да ты сам почитай!»

Б. Д. ПАРЫГИН: — Я, наверное, неудачно задал вопрос. Во-первых, литературоцентризм — это не течение, а статус литературы, который она имела в России на протяжении столетий. Писатель — «инженер человеческих душ» — считался учителем жизни. Это феномен значения литературы. А как сегодня? Вы считаете, литература реализует эту функцию или, может быть, нужны какие-нибудь другие, дополнительные источники?

В. В. ПОРТНОВ: — Во все времена, на мой взгляд, искусство, если оно искусство, возвышало человека. Читиво, которое сейчас популярно, пришло и ушло, но оно легче потребляется. Я работал в кино, по моим сценариям сняты фильмы. Мы с Юрием Поляковым обсуждали эти вопросы — тут он мой сторонник. Дело в том, что обязательно литература, искусство должны позитивно воздействовать на личность. Они могут быть полезны только в том случае, если мобилизуют положительное в человеке. В принципе писатель может выполнять функцию «инженера человеческих душ», но если литература не передает чего-то такого, от чего человек становится духовно богаче, то я не понимаю, зачем она нужна. Почему вообще искусство существует? По простой причине — оно живет потому, что мы умеем сострадать, сопереживать. Как только наше соучастие закончится, исчезнет и искусство. Поэтому, я думаю, что литература в школе должна учить соучаствовать, сопереживать.

В. С. МУХИНА: — Вы, Виктор Владимирович, сказали, что у нашего гостеприимного Университета есть позиция: «Воспитать нового русского интелли-

гента». В связи с этим у меня к Вам вопрос. Как Вы понимаете, зачем нам нужны слова «нового русского»? Во-первых, со словами «новый русский» у нас связаны определенные ассоциации. А во-вторых, я думаю, интеллигенты не бывают новыми. Всегда должна быть преемственность. Каково Ваше мнение?

В. В. ПОРТНОВ: — Спасибо за вопрос. В английском словаре, например, приводятся два понятия: «интеллигент» и отдельно — «русский интеллигент».

В. С. МУХИНА: — Надо говорить «русский интеллигент».

В. В. ПОРТНОВ: — Года два назад я интервьюировал Александра Сергеевича Запесоцкого, поэтому отвечаю его словами. Я задал ему этот же вопрос, и он ответил, почему «нового русского». В нынешних условиях интеллигент, как и любой человек, приобретает новые черты. Если раньше, например, в Пушкинском лицее, не требовалось говорить о том, что выпускник должен быть социально адаптированным и конкурентоспособным, то сегодня эти свойства необходимо формировать. В данном случае я отвечаю, почему я это принял. Посмотрите, что произошло. Мы используем массу новых терминов — «инновации», «толерантность» и прочие, а слово «просвещение» никто из нас не произнес, оно вышло из употребления.

В. С. МУХИНА: — В академии его постоянно употребляют.

В. В. ПОРТНОВ: — И слава богу, но за стенами академии — нет. Почему Пушкин писал о «свободе просвещенной»? Потому что это фактически демократия. Просвещенными людьми труднее управлять, помыкать ими. А непросвещенная свобода — то, что мы имеем сегодня, это беззаконие. Вот почему я обрадовался, услышав слово «интеллигент».

А. В. СМЕРНОВ: — Я думаю, что здесь есть противоречия. Дмитрий Сергеевич Лихачев говорил о пользе образования для общества, потому что образованными людьми легче управлять — не помыкая ими, а приходя с ними к взаимопониманию, поскольку они сознательно принимают какие-то решения.

Ааро Пакканен¹

ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ПАРТНЕРСТВО ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Уважаемые дамы и господа! Позиция, которую я занимаю на данной конференции, является типичной позицией финна. Мир, в котором мы живем, меняется так быстро, как никогда ранее. Ритм нашей жизни отражает огромные изменения и необходимые потребности развития. Все самые динамичные и удивительные перемены вокруг нас кажутся обыденными явлениями. Эти события не имеют прецедентов. Изменения жизни и рост благосостояния в течение следующих 10 лет будут значительно большими, чем в предыдущие 50 лет. Для современной жизни характерны быстрые финансовые, технические и политические изменения, которые, с одной стороны, означают нестабильность, а с другой — являются замечательными возможностями информационного общества.

¹ Магистр педагогики, лектор Института профессионального образования взрослых г. Котка (ЕКАКС, Финляндия).

Сегодня существует множество острых глобальных проблем, требующих обсуждения: во что обходятся в международном плане падение авторитета государств, последствия климатических изменений, коррупция в западных странах, наркотрафик и терроризм. Возможно, наиболее актуальной мировой проблемой в будущем станет недостаточно активная деятельность по борьбе с бедностью. Сегодня в азиатских странах наблюдается быстрый рост цен на продукты питания и бензин (особенно во Вьетнаме — 10 % в месяц) и, как следствие — постоянно растущая инфляция. Стремительное развитие Китая и Индии сокращает количество слаборазвитых стран, но самые бедные из них, например страны Экваториальной Африки, развиваются очень медленно. Разрыв между самыми богатыми и самыми бедными странами постоянно увеличивается. Все эти проблемы подчеркивают

потенциальное значение деятельности международных организаций.

Представляет интерес проблема так называемой «утечки мозгов». Конечно, наша первая реакция на это явление была негативной. Прекрасные специалисты, покидая родину, уезжают на работу в развитые страны на несколько лет, в основном из-за денег. Однако, возможно, утечка мозгов — это некий обмен опытом и позитивный фактор для ученых слаборазвитых стран? На западном побережье США в Силиконовой долине среди работающих там ученых было на 2 тыс. больше иностранных специалистов, чем американцев. Большая их часть была родом из Китая и Индии. Резкий подъем индустрии высоких технологий в Тайване произошел в основном благодаря работе китайских ученых в Силиконовой долине, такая же ситуация наблюдается в Шанхае (Китай), в Бангалоре (Индия) и в Израиле.

Немного расскажу об образовании в Финляндии. Государственное социальное и финансовое обеспечение Финляндии основано на принципе равных возможностей получения государственного образования для людей с разной дееспособностью. Каждый человек имеет право на высокий уровень образования независимо от возраста, культурного происхождения, местожительства, пола, родного языка, финансового положения. В Финляндии 83 % жителей в возрасте 25–29 лет имеют университетское образование, а для возрастной категории 55–59 лет эта доля составляет 55 %. Получение пост-университетского образования становится чрезвычайно популярным, и количество таких студентов постоянно растет. Правительство Финляндии ежегодно тратит миллионы евро на развитие такого рода образования.

В Финляндии существует особого рода профессиональный экзамен в старшей школе, называемый PISA (расшифровывается как «программа оценки уровня знаний студентов международных программ»). Этот экзамен для учащихся в возрасте 15 лет проводится каждые 3 года по следующим предметам: математика и решение задач, чтение, естественные науки. Как отмечается в статье «Отчего финские дети такие умные», опубликованной в «Уолл-стрит джорнэл» (США) 29 февраля 2008 г., «согласно международной статистике, финские подростки — одни из самых умных в мире. Они получили самые высокие результаты среди 15-летних школьников, проходивших тестирование в 57 странах мира. Около 400 000 школьников по всему миру проходили тесты с выбором ответов, которые оценивали критическое мышление и усвоение знаний. Типичная тема теста — обсуждение художественного значения граффити».

Отмечу, что на финском языке, кроме нашей страны, больше нигде в мире не говорят. И даже самые популярные англоязычные книги переводятся на финский намного позже их опубликования. Многие дети стараются прочесть последнюю книгу

о Гарри Поттере на английском языке, потому что опасаются, что она будет переведена на финский еще не скоро. Европейский союз — это 20 государств с различными культурами и языками и населением более 500 млн чел. Для общения и взаимного сотрудничества Европейский союз принял решение, что каждому жителю ЕС необходимо владеть тремя языками: родным, английским и еще каким-либо языком страны ЕС.

В 2000 г. в Лиссабоне (Португалия) ЕС принял решение стать наиболее конкурентоспособной и динамично развивающейся финансовой зоной в мире. Страны ЕС также отметили значение дистанционного онлайн-обучения, которое является одним из ключевых условий получения постуниверситетского образования. Дистанционное онлайн-обучение можно проводить в любом месте и в любое время. Такое общение должно быть двусторонним, чтобы сопоставлять различные точки зрения, а не только обмениваться одними и теми же идеями. В типичном дистанционном онлайн-обучении преподаватель и студенты находятся в разных местах. Процесс базируется на технологии интернет-связи, но в то же время использование этой технологии должно быть педагогически целесообразно. Например, в этом году финская школа из города Иматра и российская школа из Санкт-Петербурга начнут процесс дистанционного онлайн-обучения. Учащиеся будут осваивать русский и финский языки, математику и историю России. Преподаватели работают в своих школах и будут вести занятия через Интернет.

Хочу отметить, что Колледж профессионального образования Этело-Куменлааксо за последние 15 лет организовал множество совместных проектов: ИНТЕРРЕК, Тасис, проект имени Леонардо да Винчи, имени Яна Амоса Коменского, проект Адапт во многих странах — России, Греции, Испании, Венгрии, Эстонии, Швеции. Главные задачи данных проектов состояли в культурном взаимопонимании, обмене преподавателями и студентами, методами обучения, получении информации, нового опыта. Каждый имеет возможность изучить что-то новое.

Я лично участвовал в совместных проектах в России, Эстонии, Дании, Германии, Испании, Англии, Уэльсе, Франции. Мое хобби — футбол. В моей команде играют молодые люди из Кот-д'Ивуар, Конго, Марокко. Конечно, главное — это умение играть в футбол, но не менее важно быть членом команды наравне с остальными. Проживая за рубежом, люди обычно не концентрируют внимание на культуре этой страны, пользуются родным языком и придерживаются своих культурных традиций. Как правило, все они живут далеко от родных стран. Им требуется диалог, реальное партнерство; большинству необходимо, чтобы их уважали как личностей.

В конце своего доклада я хотел бы сказать, чем больше знаний мы приобретаем, тем больше имеем возможностей для общения друг с другом, овладения культурой других стран.

* * *

В. П. БОРИСЕНКОВ: — Большое спасибо. Подвожу итоги. Мы обсудили, на мой взгляд, многие интересные вопросы: идентификацию личности, важность саморефлексии в этом процессе. К сожа-

лению, некоторые проблемы остались вне нашего поля зрения. На мой взгляд, мы очень мало говорили о значении СМИ, например в развитии личности современного человека. Хорошо известно, что СМИ

распространяют массовую культуру, которая довольно монотонна и низкопробна. В какой-то степени СМИ способствуют эрозии самобытных культур, которые составляют бесценное богатство человечества. Мне кажется, эту тему можно было бы развить. И все же мало мы говорили о системах образования, о школе и о том, какую роль системы образования могут играть в становлении

личности, каковы в данном случае вызовы современности. Я полагаю, что за такое короткое время мы и не имели возможности обсудить все аспекты этой проблематики. Мне представляется, что, в общем, дискуссия была полезной и интересной. В заключение хочу поблагодарить всех участников за работу в нашей секции. До новых встреч!

ДОКЛАДЫ

В. Н. Большаков¹;
Ф. В. Кряжимский²;
Н. Г. Смирнов³

МИФЫ И РЕАЛИИ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ МИРЕ: НЕОБХОДИМОСТЬ ДИАЛОГА В ПАРТНЕРСТВЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

В современном мире на первые позиции в партнерстве цивилизаций выходят экологические проблемы, прежде всего потому, что без их решения невозможно функционирование и развитие человеческого общества. Анализ развития этой закономерности свидетельствует о все большем проникновении не только законов экологии, но и сугубо экологических терминов и понятий («популяция человека», «мониторинг» и др.) в культуру (например «экология литературы и т. п.).

Под мифом можно понимать либо проявление мифологического мировосприятия — одного из видов общественного сознания, способов объяснения мира, либо устоявшееся и неверное с научной точки зрения представление. Мифологический взгляд в первую очередь обслуживает духовные потребности человека и социумов в соответствии с исторически сложившимся культурным фоном. Тем не менее у мифологического и научного взглядов на мир существуют общие черты — они оба порождены потребностями людей. Таким образом, мифологическая и научная картины мира дополняют друг друга; они не антагонистичны. Мифы же в смысле неверного, но распространенного в общественном сознании представления обычно сами порождаются противоречиями в развитии научного осмысления действительности. Современное представление о научном взгляде на мир — порождение европейской цивилизации.

История XX в. полна поучительных примеров взаимодействия и взаимовлияния мифологических и научных взглядов на мир, появляющихся на фоне взаимодействия различных цивилизаций с их историческими традициями. Данное утверждение можно проиллюстрировать на примере экологии, кото-

рая бурно и разнообразно развивалась на протяжении XX в.

Экология как наука ведет отсчет с 1866 г., когда появилась работа Э. Геккеля «Общая морфология организмов». Геккель, по-видимому, был первым, кто обратил внимание на важность исследования взаимодействий как между разными организмами, так и организмов с неорганической природой, обозначив все это как «среда в самом широком смысле, частично органической, а частично неорганической природы».

В конце XIX — начале XX в. ученые-экологи, продолжая традиции экологии как порождения биологии, в основном склонялись к описательному подходу, хотя уже тогда были сделаны важные теоретические предположения, например появились представления о сукцессиях и климаксе в развитии природных комплексов.

В 1920–1930-х гг. в экологии получили развитие наметившиеся еще раньше тенденции к количественному рассмотрению изучаемых явлений и процессов. Однако в это же время в отечественной науке развивалась биогеохимическая концепция биосферы В. И. Вернадского, указавшая на неразрывную связь процессов, происходящих в живой природе, с геологическими процессами, то есть в неорганической природе.

Сложный, разветвляющийся путь развития экологической науки показал, что она постоянно впитывала и впитывает идеи, возникающие в других областях знания, имеющие обобщающую, холистическую направленность, — это общая теория систем, кибернетика, синергетика, термодинамика необратимых процессов и т. п. С другой стороны, прослеживается тенденция к дроблению экологии на разделы, часто имеющие утилитарную направленность. Подобный эклектический подход сближается с другим, «узким» пониманием экологии как науки и/или деятельности, связанной только с охраной природы, защитой человека от негативных последствий собственной активности во взаимоотношениях с окружающим миром. Данные направления развития экологической науки продолжают линию механицизма, а одна из причин «мифотворчества»

¹ Первый заместитель председателя Уральского отделения РАН, директор Института экологии растений и животных Уральского отделения РАН, главный редактор журнала «Экология», доктор биологических наук, академик РАН, профессор.

² Заведующий лабораторией популяционной экологии и функциональной биоценологии Института экологии растений и животных Уральского отделения РАН, доктор биологических наук.

³ Доктор биологических наук, член-корреспондент РАН.

науки — абсолютизация одного из возможных научных подходов (отсутствие диалога).

В общем же можно констатировать, что к концу XX в. экология из частной биологической дисциплины, изучающей взаимоотношения организмов со средой, превратилась не только в метанауку, но и в систему ценностей (в том числе и глобальных), орудие политики, идею общественных движений и т. п. Основная задача экологии как науки — построение теории функционирования экологических систем на Земле в условиях, обеспечивающих присутствие человека в составе биосферы. Такая сверхсложная задача не может быть решена простыми способами. Сложность предмета современной экологии затрудняет понимание ее границ и методов, а вера в результат без понимания метода его получения, как заметил К. Ясперс, — один из видов суеверия.

Весьма иллюстративные примеры устойчивых заблуждений, касающихся оценки воздействия на экологические системы, приводились сотрудниками Международного института прикладного системного анализа, занимавшихся исследованиями под руководством К. С. Холлинга. Это, например, распространенное убеждение, что чем больше параметров будет измерено, тем лучше можно управлять экологическими системами. Между тем наука состоит из моделей действительности. Если же сложность модели приближается к сложности действительности, то ее построение не имеет эвристического смысла.

Другой миф — это удобное для администраторов убеждение в том, что на основании научных исследований экологических систем можно принимать раз и навсегда сформулированные управленческие решения и следовать им долгое время. Уроком, иллюстрирующим, что такое убеждение — миф, может считаться судьба «зеленой революции». Изменения в агротехнических приемах поначалу привели к существенному успеху; в некоторых случаях урожайность увеличилась в десятки раз. Однако игнорирование воздействия новых технологий на экосистемы уже через 30–40 лет обернулось нару-

шением их устойчивости, ухудшением здоровья людей и социальными конфликтами.

Очень часто появление мифов, порожденных наукой, связано с мечтой о том, чтобы найти простое решение сложных проблем, и при этом с минимальными затратами (а лучше совсем без затрат). Разновидностью подобной иллюзии можно считать современную концепцию устойчивого развития. Термин «устойчивое развитие» противоречив по своей сути — например он не соответствует (в глобальном масштабе) фундаментальным положениям термодинамики. Провозглашение достижения устойчивого развития как главной цели человечества стало скорее результатом консенсуса политиков, нежели глубокого научного анализа. Как и все мифы, идея «устойчивого развития» порождена мечтой об удовлетворении растущих общественных потребностей в ресурсах и одновременном их сохранении.

Однако современные научные концепции (например теория хаоса или теория катастроф), показывают, что переход из одного динамического режима в другой может произойти при малейших изменениях внешних и внутренних факторов, как бы «неожиданно». Следовательно, вера в возможность точного прогноза (особенно долгосрочного) динамики сложных природных объектов может считаться проявлением научной мифологии.

Несмотря на все заблуждения, именно в познании столь комплексных объектов, каковыми являются экологические системы, может проявиться перспектива сближения двух основных мировоззренческих подходов — искусства и науки, или, согласно определениям И. Р. Пригожина и его последователей, «западного» (преимущественно рационально-механистического) и «восточного» (преимущественно эмоционально-холистического) стилей миропонимания. Науке предстоит долгий и трудный путь диалога и синтеза разных взглядов для коренного изменения стереотипов и способов взаимодействия с обществом, но другого выхода нет: общество не сможет развиваться без научного осмысления действительности.

С. И. Голод¹

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛЮБОВНЫХ ЭТНОКУЛЬТУР

Все цивилизации создали свои теории «сердечных чувств»: если иметь в виду, в частности, Европу, то будет достаточно назвать «Пир» Платона или «Две любви» Лукиана. Неиссякаемый интерес мыслителей к раскрытию смысла любви нетрудно понять. Любовь, несомненно, затрагивает экзистенциальный мир человека, она в известном смысле — стремление к совершенству. Как не без иронии отметил Х. Ортега-и-Гассет, «<...> только творчески бесплодные люди убеждены, что к науке, искусству и политике следует относиться серьезно, а любовные истории презирать как нечто низменное и пустое».

¹ Профессор кафедры культурной антропологии и этнической социологии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук.

Признание «вечности» любви не противоречит реальному плюрализму ее форм. Каждая эпоха, цивилизация или крупная этническая общность придает этим отношениям определенную форму и регулирует их при помощи обычаев, традиций, системы ценностей и идеалов, делая тем самым любовь элементом культурно-исторической реальности. Казалось бы, мысль о разнообразии любовных культур — банальна. И тем не менее аналитики и обыватели равным образом ориентированы лишь на одну из них — *романтическую*.

Я же выделю четыре этнически окрашенные любовные культуры — «романтическую», «прагматическую», «гедонистическую» и «интимную».

Принципы романтической (или куртуазной) любви, как известно, сложились в среде средневековых рыцарей в одной из южных провинций

Франции — Провансе. Рыцарскому этосу присущи стремление к воинской славе и гипертрофированное честолюбие: «Сражаться и любить» — таков девиз аристократа. Весь пыл и обожание доставались исключительно замужней аристократке. Неженатый мужчина — юноша — обращает внимание на такую женщину и загорается желанием. Достойн восхищения был тот из рыцарей, кто овладел женщиной своего круга.

По правилам игры «падение» дамы должно происходить «благородным» образом: им следовало учиться «держаться в руках». Исходя из сказанного, думается, не покажется неожиданным следующее резюме: «романтическая» любовь внебрачна, публична, предельно экспрессивна, жертвенна. Вместе с тем не стоит заблуждаться: со временем «любовная модель» старопровансальского рыцарства, выйдя за пределы элитарного круга, претерпела значительные перемены: она утратила возвышенный характер, упростилась. Однако, несмотря на это, ее краеугольные начала — спонтанность, манифестированность и чувственность — прочно укоренились в культурном коде. Пожалуй, и нынешнее поколение французов и других романских народов можно по праву считать наследниками этой манифестируемой любви, пылко переживаемой на людях.

На ином историческом фоне складывались любовные ценности, характерные для буржуазной, особенно американской, культуры. В отличие от рыцаря, который свой статус получал по наследству, буржуа всем обязан самому себе. Установка такого человека обусловлена посусторонностью его притязаний и трезвостью ума, критерием же добродетели в данном случае выступает полезность. Работать без усталости — ключ к успеху. Здесь как будто слышится голос М. Вебера. Жизнь, в том числе и приватная, должна подчиняться строго продуманному регламенту. По мнению общественного деятеля XVIII в. Б. Франклина, не нужно ни самоотречения, от которого никому нет пользы, ни бесполезного умерщвления плоти. Сексуальным утехам необходимо предаваться пореже — не более, чем этого требует здоровье или воспроизводство потомства. Сексуальности отводятся лишь прагматические задачи — прокреация и релаксация. Деторождение — функция института брака. Отсюда становятся понятными слова Франклина по поводу выбора жены: «Открывай пошире глаза до женитьбы, а после — прижмуривай». Принципиальные возможности релаксации широки, но практические соображения — не тратить лишней энергии! — ограничивают выбор между женой и проституткой.

Радикальные сдвиги второй половины XX в., по словам профессора Мюнхенского университета У. Бека, сопутствовали переходу к обществу «риска», то есть модернистскому, правда, при этом был сохранен его фундаментальный прагматический остов. Коммерциализация досуга способствовала открытию многочисленных мест для встреч и эмоциональных контактов молодежи. Мотивы такого рода общения (dating), несмотря на их «шаблонность», тонко отражают сочетания «традиционного» и «инновационного». На «свиданиях» возникла специфическая (рациональная) форма эротизма, получившая на молодежном сленге обозначение «петтинг»

(petting) — «ласки». Суть этого психоэмоционального эрзаца образно представил профессор Билефельдского университета Х. Шельский. Он, в частности, проводит аналогию с курильщиком табака. Сигарета как будто гарантирует наслаждение без риска. Аналогичная находка в области эротики — «петтинг». Эта форма сексуальности — компромисс между поисками эротического удовлетворения с внешним исключением риска для здоровья и соблюдением традиционных моральных требований.

Латиноамериканская любовная культура живет на двух переплетающихся принципах — гедонизме и мачизме. Первый из них образно представил чилиец О. Пас: «Традиционная американская кухня, — отмечал он, — не знает понятия (и чувства) удовольствия. Не удовольствие, а здоровье, не перекличка вкусов, а удовлетворение потребности — вот главные ценности». «Культ здоровья воплощается в “этике гигиены — этике деспотичной”: она правит всем — сексом, спортом, кухней. В отличие от этого, латиноамериканская сексуальная культура акцентирует в любви чувственное наслаждение, телесный изыск, “остроту приправ”, эпикурейство».

Другая важная специфичность этих стран — мачизм. Широко распространено мнение, что в Латинской Америке мужчине называют «мачо», когда хотят подчеркнуть некий набор его свойств — необразованность, грубость, откровенную сексуальность. Возводя любовь к самому себе и своим мужским достоинствам до уровня сверхценности, мачо автоматически «сбрасывает» с себя оковы нравственных обязательств. Мужчина, имеющий полноценную семью, детей и любовниц в придачу — идеальный образ мачо, доказывающий его независимость, высокий сексуальный потенциал и финансовую состоятельность.

Интимная любовная культура также отмечена этническим своеобразием. В славянской — истинной интимностью (задушевностью). Она, в частности, требует непрременного отъединения от *других* (курсив мой. — С. Г.), глубинно-личностного переживания. Как подчеркивал Л. Н. Толстой в «Крейцеровой сонате»: «Пока <...> человечество живет, перед ним стоит идеал и, разумеется, идеал не кроликов или свиней, чтобы расплодиться как можно больше, и не обезьян или парижан, чтобы как можно утонченнее пользоваться удовольствием половой страсти, а идеал, достигаемый воздержанием и чистотой».

И все же такая позиция — крайность, чаще «целомудрие» — не отождествляется с «девственностью», то есть нравственность не сводится к физиологии. В рамках интимной культуры вступление в сексуальную связь не ассоциируется с моральным падением. Вот что отмечал по этому поводу русский философ Н. А. Бердяев: «Вопрос о любви между мужчиной и женщиной есть вопрос личности и не касается общества. Если французу сказать о свободе любви, то он представляет себе прежде всего половые отношения. Русские же, менее чувствительные по природе, представляют себе совсем иное — ценность чувства, свободу и правдивость...»

Стремление российских мыслителей оттенить ценности собственной культуры не случайно. Романтизм, как отмечалось, окрашен в эротико-телесные тона, тогда как «интимность» — в агапейно-эротические.

И последнее. Наивно было бы полагать, что на протяжении XX столетия (а тем более в XXI в.) можно было в неприкосновенности сохранить обычаи, нравы и ценности этнической культуры. Средства массовой коммуникации и Интернет сделали это невозможным. Практически происходят глобализационные процессы, то есть обогащение и одновременно обеднение коренных нравственных принципов. Не является в этом смысле исключением и эмоциональная жизнь.

Психофизиологическая половая специфика (диморфизм), несомненно, влияет, однако жестко не предопределяет всю гамму эротического самовыражения. Так было, по-видимому, всегда, но к середине XX в. «разбалансированность» увеличилась. Механизм социализации, обуславливающий формирование половых субкультур, оказывается в одних случаях созвучным, в других — диссонирующим с психофизикой человека. Тем более что и сама психофизика «поплыла»: разрушаются перверсии, например *мазохизм* сегодня необязательно ассоциируется с дряхлой старостью, а *садизм* — с мачизмом; некоторые перверсии благополучно переродились в парафилию, скажем, *мастурбацию* или *фетишизм*. Определяющим в новой ситуации становится выбор актором, относительно автономным от социума, меры согласованности природного «каркаса» со становящимися социокультурными нравами. Не-

ординарность задачи нахождения сексуальной идентичности подтверждается многообразием гетеросексуального поведения нового поколения.

Не подлежит ни малейшему сомнению неизбежность природной дифференциации полов; одновременно эмпирически обнаруживается углубление сексуальной полифонии у женщин и эротической — у мужчин. Такое поведение в последние годы призывает не только прагматическую эмоциональную культуру, но стало не чуждо и «интимной». В России хорошо известна так называемая «эскалаторная» практика — юноши и девушки при спуске в метрополитен обнимаются и целуются врасплох, как на Елисейских Полях (как правило, партнерши).

Эмпирические наблюдения представляют картину либерализации сексуальности: с одной стороны, прорисовывается «традиционная» специфика каждого из полов, с другой — поведение обоих напоминает мужской — «мачистский» образец. Существование названных тенденций подпитывается тем, что в практиках одних (независимо от пола) сопрягается противоборство обычаям и устраняется наносное, исторически преходящее; другие (специально подчеркнуты — исключительно женщины) обожествляют патриархальные принципы с исторической случайностью («дьявольским наваждением»), отвергая принципиальную возможность вычленив в них общечеловеческое начало.

В. В. Горшкова¹

КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ВОСТОЧНОГО И ЗАПАДНОГО ДИАЛОГА

Развитие теории педагогического диалога происходит в интенсивном процессе творческой интеграции, включая имеющиеся достижения в других культурах. Так, культуры Востока и Запада познают себя друг в друге. Философы обращают внимание на преимущество культуры диалога Востока. Например, в культуре японского диалога уровень интеллигентности общающихся отличается тем, что нужно «меньше говорить», «больше думать», ибо общение происходит не столько на словесном, сколько на несловесном уровне. Не случайно в последнее время психология проявляет особый интерес к «молчаливой» стороне общения, как бы отражая объективную потребность в «дополнительности».

Выявляются различные способы ведения диалога: японские теоретики определяют свой способ как «коммуникацию минимального сообщения», в отличие от европейского, который называют «коммуникацией максимального сообщения».

Способ минимального сообщения предполагает, что информация не выстраивается в последовательном порядке в соответствии с законами формальной логики, а выделяется сразу, целиком и может быть правильно воспринята, если возбудится подкорка, интуиция.

Способ максимального сообщения предполагает правильную логическую выстроенность текста, в про-

тивном случае он не будет воспринят, успех и результат незначительно зависят от принимающей стороны, так как ей все дается в готовом виде.

Особенности диалогового обучения на Востоке. Учитель не учит ученика, а дает ему возможность учиться самому. В процессе общения предпочитает не искать возможность облегчить, упростить задачу ученика; не задавать наводящих вопросов, а говорить инсказательно или прямо «ткнуть ум» ученика в проблему, удивить (опарашить) его неожиданным вопросом, как бы «сбить скрепы», «очистить сознание» от клише, иллюзий и ментальных функций. Как правило, истина и знание не передаются, а естественно созревают и раскрываются в процессе деятельности ученика; поэтому научить нельзя, можно только раскрывать способности ученика и развивать его индивидуальный способ мышления.

Цель обучения: свободный ум, предоставленный самому себе, находит правильный ответ. Условие: высшее напряжение ума, дающее озарение (сатори), позволяет видеть вещи в их истинном виде. Взаимобусловленность способа и условия: реализация способа диалога (например «вопрос-ответ») предполагает не обусловленную логикой, мгновенную реакцию ученика на вопросы учителя, что возможно лишь при вере в совершенное сознание, «изначальную просветленность» (хонгаку), в духовные потенции, присущие каждому.

Определяя культуру диалога, особое значение придают более недосказанному, чем сказанному.

¹ Профессор кафедры социальной работы СПбГУП, доктор педагогических наук.

Существует убеждение, что «истина вне слов» и что можно передать мысль непосредственно «от ума к уму», чему, например, в Японии подчиняют искусство и этику. Преобладание «культуры молчания»: «явление в слове не есть истинное»; «кто говорит — не знает, кто знает — тот не говорит. Слово не может исчерпать явление, охватить неуловимое, пребывающее в пути» (дао).

Особенности диалогового обучения на Западе. Учитель учит ученика (модель лучшего образца) не столько думать, сколько рассуждать, спорить. Он как бы ведет за руку ученика, собеседника, задавая наводящие вопросы, направляя туда, куда считает нужным привести, к единственно правильному, с его точки зрения, ответу. Как правило, такие диалоги менее всего располагают к самостоятельному мышлению, оставляют рассуждения ученика в логике вопросов учителя, повторяют способ мышления последнего.

Цель обучения: развитие ученика в системе предлагаемых ему знаний о мире, природе, человеке. Условие: организованный педагогический процесс в системе образования и воспитания. Взаимобусловленность способа и условия: реализация способа общения учителя и ученика предполагает четкую запланированную логику их взаимодействия. Предпочтение отдается уму учителя, что предполагает «изначальное несовершенство» ученика и подчеркивает необходимость строить проекты его возможного потенциального развития.

Культура диалога заключается в доказательной убедительности, целенаправленной, рациональной логике, утверждении собственной точки зрения, достигнутого уровня понимания проблем, убежденности последующих действий и т. д. Преобладание «культуры слова»: в образовании «вначале было слово», которое должно убеждать другого человека в выборе правильного пути, прогнозировать действия, которые могут принести пользу, и заранее предупреждать возможные ошибки.

Таким образом, при признании единой цели — освобождение сознания от невежества — применяются принципиально разные пути и способы общения и обучения в диалоге.

Восточная модель диалога — точечна, здесь нет зависимости от рядом стоящего, причинно-следственной связи, но есть зависимость отдельного от постоянно меняющейся ситуации («ситуационная этика» Востока — «Не действуй всегда одинаково — разойдешься с путем» (Х. Юкава). Диалог в восточной культуре представляет собой не словесное «сражение» за утверждение какой-то одной позиции, а попытку найти совместную позицию, которая сближала бы позиции спорящих сторон, объединяла бы их в движении к более глубокой точке зрения.

Западная модель диалога — линейна, последовательна, в ней есть логическая соподчиненность частей. Она зависит не столько от ситуации, сколько от исходной идеи, поэтому постоянно отрицает саму себя, чтобы не замкнулось движение. Диалог в западной культуре преимущественно наделен на полемический спор, на достижение победы над оппонентом любыми возможными средствами. Прагматизм поиска истины уступает утверждению победившей точки зрения на нее.

В предлагаемой модели восточной культуры заключены бесчисленные варианты, когда каждому предоставляется возможность понимать информацию по-своему, выбирать то, что ему близко, доступно. Подход к содержанию информации в диалоге всегда личный и творческий, что дает возможность расширять познание, активизировать резервы. Исключается готовый, запрограммированный ответ.

Сознание западной культуры в значительной степени сводится к работе смысловых клише, заготовленных заранее и с опережением, что впоследствии есть лишь имитация сознания. А если «сознание есть акт осознания» (М. К. Мамардашвили), то акт осознания всегда происходит заново, «как бы в первый раз», то есть истинное восприятие — это умение видеть вещь каждый раз по-новому.

Очевидно, что первое условие диалога — *чтобы тебя слышал другой*. Несомненно, есть смысл опираться на общие принципы построения диалога в восточной культуре, чтобы не столько утверждать свою мысль, позицию, сколько понять другого, другую сторону. А значит, устранить собственные амбиции и только так остаться в «Я». Именно тогда можно услышать другого. В известном смысле это единственная, по-настоящему реальная идеальная форма диалога.

Итак, содержательный анализ **восточной модели** диалогового обучения охватывает культурно-образовательное пространство, в котором *цель* — развитие свободного ума; *способ* — общение, в котором учитель не учит ученика, а предоставляет ему возможность учиться самостоятельно; *средство* — «культура молчания»; *линия диалога* — дискретна, пунктирна, зависит от меняющихся обстоятельств; *результат* — совместная позиция в диалоге, сближающая противоположности в их глубинной точке зрения. Содержательный анализ **западной модели** диалогового обучения отражает культурно-образовательный контекст, в котором *цель* — развитие личности ученика под руководством учителя, *способ* — взаимодействие, в процессе которого учитель ведет ученика к правильному, по его мнению, ответу; *средство* — «культура слова», *движение диалога* последовательно, линейно, зависит не столько от ситуации, сколько от исходной цели; *результат* — возможность самоутверждения личности.

Движение и интеграция культур, выявление их гуманистических принципов предоставляют педагогике реальную возможность «сменить» субъектно-объектную (монологическую) методологию на субъектно-субъектную, диалогическую. В логике последней личность является носителем культурных моделей, в которых диалог не сводится к вербальным актам, включает определенные акты поведения, вариативность мышления, особенности поступков, позиций, изменений и др. Это практически расширяет возможности взаимодействия субъектов.

Педагогический смысл диалога культур и диалога людей — в преодолении *одной* методологии, *единой* для всех учащих логики развития, определено заданных содержания и форм общения. Учиться культуре диалога — значит иметь стремление к очищению сознания от предрассудков, стереотипов установленных истин, препятствующих достижению согласия.

В. А. Дмитриенко¹

КОНЦЕПЦИЯ ДИАЛОГА КУЛЬТУР И РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

От выяснения сущности и степени понимания объема и масштаба глобальных проблем современности человечество все более переходит к формированию научного понимания характера общемировых тенденций и закономерностей. Человечество прошло исторически длительный путь применения различных форм общественного единения (клановая семья, племя, народность, нация, народ как важнейшие элементы общности людей), доминирующих на различных стадиях развития общественных отношений. В сознании людей ныне все более явственно вырисовывается образ исторически высшей формы объединения — человечества как гармонической и развивающейся в направлении все большего углубления и расширения формы единства народов мира. Процесс этот сложен и противоречив, но общая тенденция к его установлению обречивается все более отчетливо.

Диалог как форма ненасильственного решения вопросов путем согласования ныне все более расширяет сферу своего применения во взаимоотношениях как между народами, так и между представителями различных областей культуры. Он является мощным средством конструктивного, гуманного и ответственного решения международных и национальных проблем и все более обретает черты доминирующей формы общения людей, особенно в разрешении различного рода конфликтов — как глобальных и региональных, так и локальных. Диалог культур, по-видимому, предполагает не только понимание его значимости в актуальном аспекте. Не менее важно его функциональное предназначение, которое заключается в формировании и проектировании будущего человечества.

Перед учеными-гуманитариями сегодня во весь рост встала проблема не только разработки общей концепции диалога, его «философии», но и (что не менее важно) выяснения его специфики и роли в различных областях культуры (политике, праве, науке, образовании и т. д.). Процесс соорганизации и самоорганизации человечества все больше требует выработки национальных, межнациональных и наднациональных проектов своего будущего. Проектов, которые касались бы не каких-либо отдельных сфер жизнедеятельности человечества, а предлагали бы комплексную, а еще лучше — системную модель ближайшей зоны исторического пути. Это осуществимо только на базе серьезного научно-

теоретического осмысления с применением всех современных достижений научной рефлексии.

Сегодня, к сожалению, кроме в значительной степени популистских представлений о будущем своего народа, трудно отыскать конструктивные проекты по решению стоящих перед человечеством проблем. В том числе и проблемы истоков и оснований диалога культур, которая, на наш взгляд, безусловно, заслуживает того, чтобы стать предметом серьезного научного обсуждения как в национальном, так и в мировом масштабах.

Духовная высота и калибр современного политического лидера в значительной степени определяются характером и уровнем его представлений о будущем своего народа и государства. Для лидера мирового масштаба эта задача еще осложняется, ибо требует от него в большей или меньшей степени продуманной рефлексии о будущем мирового развития. Воспитание и образование такого лидера требует радикальной перестройки сложившейся системы образования, важнейшей из задач которого стало бы воспитание и образование Гражданина мира.

В настоящее время большая часть национальных образовательных систем прочно связана с привычными традиционными представлениями отдельного народа о должном и ценном. К сожалению, еще очень редко ученые ставят перед собой задачу поиска оптимальных образовательных и педагогических задач, ориентированных на формирование планетарного мышления и личности носителя общемировой культуры, гумус которой еще весьма тонок в национальных формах культуры и образования.

Разработка проекта гуманного и гармонично развивающегося человечества на определенном этапе его исторического пути неизбежно приведет к возникновению целого ряда принципиальных проблем соорганизации — возможно, таких как создание единого мирового правительства, парламента, планетарного референдума по принципиальным вопросам развития человечества и т. д. Уже сегодня необходимо понимание того, что формирование ясного и отчетливого образа человечества, включающего социально-политическую, экологическую, экономическую, техническую, информационную, антропологическую и другие компоненты его существования, может стать реальностью лишь в результате широкого использования диалога культур и партнерства цивилизаций.

П. М. Золин³;
В. А. Золотухин⁴

КУЛЬТУРЫ ПОРОЖДАЮТ ЦИВИЛИЗАЦИИ

сопоставлять все 11 672 словарно-энциклопедические статьи с теми или иными определениями

Информационное общество и современная наука сегодня невозможны без Интернета. Не будем

¹ Заведующий кафедрой педагога-исследователя Института теории образования Томского государственного педагогического университета, член-корреспондент РАО, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ.

² Профессор кафедры экономики СПбГУП, доктор исторических наук.

³ Доцент кафедры экономики СПбГУП, кандидат экономических наук.

и упоминаниями «КУЛЬТУРЫ» и 1521 статью с разными аспектами понятия «ЦИВИЛИЗАЦИЯ», предложенные Яндексом в конце марта 2008 г. Но с учетом приведенных данных однозначно договориться будет явно трудно. Согласно Энциклопедии социологии культура (от *лат. cultura*) — система исторически развивающихся надбиологических программ человеческой деятельности, поведения и общения, выступающих условием воспроизводства и изменения социальной жизни во всех ее основных проявлениях.

Новейший философский словарь, по нашему мнению, сравнительно полно отражает разброс представлений о том, что такое цивилизация. Для автора энциклопедической статьи это в высшей степени эклектичное и многозначное понятие, могущее обозначать: 1) одно из разнокачественных состояний общества в его изменении в реальном историческом времени; 2) этап в эволюции человеческого общества, пришедший на смену «первобытному варварству» (Морган); 3) совокупность организационных средств (программ деятельности), посредством которых люди стремятся достичь тех общественных целей, которые заданы существующими универсалиями культуры и ее фундаментальными символами. В отличие от немецкого и русского языков, во французском понятия цивилизации и культуры жестко не разделены. Так как культура любого отдельно взятого общества является собой внутренне неразрывно взаимосвязанную, самоценную систему собственной науки (пусть даже в облике процедур колдовства), собственной литературы (пусть на уровне фольклора), собственных моральных и правовых норм (пусть в ипостаси табу) и тому подобного, это предопределило широкое распространение понятия цивилизации (А. А. Грицанов).

В условиях глобализации разворачивается мощное движение за партнерство цивилизаций — во имя всеобщего процветания народов и культур на планете. На интернет-странице <http://www.lihachev.ru/bibliografiya> можно найти немало работ Дмитрия

Сергеевича Лихачева, посвященных тем или иным цивилизационным аспектам. По оценке С. Н. Иконниковой, заведующей кафедрой теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, уже в «Декларации прав культуры» Д. С. Лихачев отмечал, что культура является духовной основой цивилизации, гуманистическим ориентиром, критерием ее самобытности и целостности. Общественные преобразования должны опираться на ценности культуры и национальное самосознание (http://www.liveinternet.ru/users/proto_a/post67473309).

Лихачевские чтения поддерживают многие сторонники партнерства цивилизаций, включая экс-президента Португалии Жоржи Сампайю, возглавившего «Альянс цивилизаций». Научные дискуссии по проблемам партнерства признаются одним из лучших способов увековечения памяти Дмитрия Сергеевича Лихачева. Помнить — это не только хранить пепел, но и поддерживать огонь, как справедливо отмечает вдохновитель этих чтений Александр Сергеевич Запесоцкий (<http://news.mail.ru/society/1643927/print>).

В мае 2007 г. был создан Центр партнерства цивилизаций и в составе Научно-координационного совета по международным исследованиям МГИМО (У). При этом констатируется, что в ближайшие несколько лет противостояние между Западом и исламским миром усилится, а межкультурный раскол углубится. Диалог цивилизаций переживает кризис, поэтому существует необходимость создания нового типа взаимоотношений Востока и Запада. Он и определяется как партнерство цивилизаций, где диалог необходимо вести на базе взаимного уважения и признания равноправия сторон, а в перспективе и формирования общей платформы интересов. Россия в силу своей истории и расположения лучше других подходит для того, чтобы стать «цивилизационным мостом» и сыграть ведущую роль в исламо-христианском диалоге и партнерстве цивилизаций. Это необходимо подкреплять институционально — включая системы экономики и права.

Д. А. Ивашинцов¹

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ МИРЫ КАК ФАКТОР СТАБИЛЬНОСТИ

Современность предлагает нам разнонаправленные тренды этнокультурных процессов, которые, по нашему мнению, формируют зоны повышенной напряженности. Один из таких трендов американский политолог Д. Хелд определил как отмирание национального государства в глобализованном мире². Справедливость такого прогноза подтверждается общими тенденциями создания безвизовых зон, наднациональных управляющих структур, развитием информационных сетевых сообществ, успешным осуществлением транснациональных научных

и бизнес-проектов, усилением миграционных процессов и многим другим.

Второй тренд имеет диаметрально противоположное направление, хотя косвенно является следствием первого. Он заключается в растущем стремлении малых народов к самоопределению, что в рамках существующих государств приводит к сепаратизму. Связь этих тенденций, с одной стороны, проходит по линии крушения крупных имперских структур, с другой — определяется противостоянием существующих национальных государств агрессивному давлению массовой культуры, связанной с глобальной вестернизацией. Противоположность этих тенденций состоит в том, что малые или разделенные этносы не видят другого способа самосохранения, кроме создания своего обособленного национального государства, естественным следствием

¹ Сопредседатель-координатор Международной ассоциации «Русская культура» (Санкт-Петербург), доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, почетный профессор ЮНЕСКО.

² Held D. Democracy and the Global Order. From the Modern State to Cosmopolitan Governance. Cambridge, 1995. P. 92.

чего являются военные конфликты большей или меньшей напряженности.

Третьей, до последнего времени не вполне очевидной тенденцией, является появление больших диаспоральных сообществ, не стремящихся к интеграции с национальной культурой государства, в рамках которого они существуют.

Опубликованные на сайте ООН данные говорят о значительном преобладании числа ведущихся гражданских войн над числом межгосударственных войн¹. При этом подавляющая часть из них велась и ведется на межнациональной и религиозной основах. Горячими точками в межэтнических отношениях в рамках отдельно взятого государства можно назвать: выбор официального языка; систему образования; отношения между государством и религией; миграционную политику; процедуры получения гражданства; использование природных ресурсов; экологические проблемы.

«В мире насчитывается около 200 государств, в которых проживает приблизительно 5 тыс. этнических групп. В 2/3 стран проживает более одной национальной или религиозной группы, которые составляют не менее 10 % населения. Во многих странах существует многочисленное коренное население, состоящее из этнических групп, вытесненных колонизаторами и иммигрантами²». С учетом всех этих фактов нахождение адекватных подходов к решению межэтнических проблем является одной из важнейших задач современности.

Усилия властей и общества чаще всего сводятся к двум следующим вариантам:

— усиленной ассимиляции мигрантов и меньшинств;

— неограниченному мультикультурализму.

Оба подхода имеют массу недостатков, которые ярко проявились в последние годы в целом ряде стран. В связи с этим заслуживает внимания Меморандум «Различие внутри единства», первоначальный вариант которого был написан в 2001 г. профессором университета Дж. Вашингтона Аматаи Этциони³.

Суть документа выражена в следующих четырех принципах:

— все члены определенного общества придерживаются тех основных ценностей и сохраняют верность тем общественным структурам, которые рассматриваются как базовые, общие для всех, как остов этого общества;

— любая группа внутри общества может свободно принадлежать к собственной субкультуре — в случае, если ее политика, обычай и структуры не вступают в конфликт с общим для всех групп ядром;

— различие внутри единства позволяет полностью обеспечить соблюдение основных прав, демократическое устройство жизни, сохранить как основополагающие ценности, так и те ценности меньшинств, которые не вступают с ними в противоречие;

— к какой сфере (единства или различия) принадлежат те или иные элементы, в большинстве наиболее важных случаев легко решить демократическим путем.

Снятию напряженности в этнических и межнациональных конфликтах может способствовать, по нашему мнению, и принцип «гражданства на основе культурной идентичности». Этот принцип тесно связан с пониманием этнокультурного мира как сетевой структуры⁴. В трактовке авторов этой идеи этнокультурные миры будущего, которые сохранят свою внутреннюю идентичность, будут базироваться на транснациональных связях обществ и отдельных индивидуумов, четко позиционирующих себя относительно культурной идентичности⁵.

Этнокультурные миры сетевого характера могут свободно пересекаться и накладываться друг на друга, расширяться и сужаться, не требуя изменения существующих геополитических границ. Условием такого их сосуществования может стать принятие на межгосударственном уровне (ООН и ЮНЕСКО) системы документов, определяющих базовые ценности общечеловеческого характера. К таким документам, по нашему мнению, следует отнести:

— *Всеобщую декларацию прав человека* (принята и провозглашена резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г.);

— *Всеобщую декларацию обязанностей человека* (проект подготовлен Советом взаимодействия в 1997 г.)⁶;

— *Всеобщую декларацию о культурном разнообразии* (принята ЮНЕСКО в 2001 г.);

— *Декларацию прав культуры* (автор первоначального текста — академик Д. С. Лихачев)⁷.

Кроме того, по нашему мнению, потребуются разработать *ноосферную этику*, уточняющую с сегодняшних позиций взаимоотношения человеческой цивилизации и окружающего мира.

Н. Н. Казакова⁸

ПИСЬМЕННАЯ РЕЧЬ В ОНЛАЙНОВУЮ ЭПОХУ: ЗЕРКАЛО КУЛЬТУРЫ

Размышления о письменной форме речи являются ключевыми в онлайн-эпоху. Среда для общения в режиме реального времени на расстоя-

нии — это пространство письменного взаимодействия. Следовательно, весь материал представлен в письменной форме. В этом его ограниченность, но в этом и его потенциал. Строго говоря, термин «пи-

¹ Доклад Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам (A/59/565 + Corr.1) [Электронный ресурс]. Электрон. дан. Режим доступа: <http://www.un.org/russian/secureworld/part4.htm>.

² Доклад UNDP о развитии человека-2004. Культурная свобода в современном многообразном мире [Электронный ресурс]. Электрон. дан. Режим доступа: http://www.hdr.undp.org/reports/global/2004/russian/pdf/hdr04_ru_chapter_2.pdf.

³ <http://www.antropotok.archipelag.ru/text/a057.htm>.

⁴ http://www.archipelag.ru/ru_mir/history/history02/ivashinsev-revolution; http://www.archipelag.ru/ru_mir/history.

⁵ http://www.archipelag.ru/ru_mir/history/history01/shedrovitsky-russmir.

⁶ <http://www.siac.com.ua/index.php>.

⁷ <http://www.lihachev.ru/deklaratsiya/123>.

⁸ Доцент Вятского государственного гуманитарного университета, кандидат филологических наук.

сать» может быть весьма условно применен к текстам, созданным при помощи современных технологий. В западной литературе чаще используют понятие «публиковать». Словарь иностранных слов дает определение: «Публикация — сообщение, извещение, помещенное в печати для всеобщего сведения». Этимологический словарь указывает, что в XIV в. «публиковать» означало «сделать публичным». Все, что отправлено с помощью компьютера, становится открытым, публичным. Действительно, электронное письмо можно сравнить с открыткой, пересылаемой без конверта: любое может быть прочитано лицами, у которых есть соответствующие права доступа.

Эпистолярный жанр XIX–XX вв. — образец письменной речи. Говоря современным языком, это асинхронная форма коммуникации, при которой отправитель сообщения может ожидать ответ в течение длительного времени. Сложность коммуникации в письменной форме состояла в том, что автор не имел возможности немедленно убедиться, насколько доступно выражена им мысль, насколько правильна форма, в которую эта мысль облечена. Нынешний письменный текст передается и получается мгновенно, а сетевой этикет определяет максимальный срок для ответа — 3 дня (учитывая занятость адресата, возможности доступа к электронной почте, возможные технические проблемы, разницу во времени и т. д.), хотя многие средства связи предполагают мгновенный ответ (синхронная коммуникация).

Собрания сочинений (старые бумажные тома) долгие годы хранят для потомков образцы эпистолярного жанра — личную переписку классиков, дневники. Электронная почта хранится в почтовом ящике несколько дней, а то и минут, а затем удаляется. Единицы архивируют свою переписку. Сообщения сиюминутны: создал — отправил — прочитал — удалил.

Данная статья — размышления об особенностях современной письменной речи, опосредованной средствами связи; о статусе адресатов и отправителей сообщений, о связи языка и культуры в коротких письменных сообщениях.

Постоянно ускоряющийся темп жизни диктует свои условия, в том числе и к письменному электронному сообщению: скорость, краткость, сжатость. Википедия, электронная энциклопедия, определяет создание коротких сообщений термином «текстинг» (text messaging или texting). Примечательно, что термин «письмо» все чаще заменяется термином «сообщение» или «текстовое сообщение», что подчеркивает его краткий характер.

На сайте «английский язык как иностранный», посвященном так называемым вторым языкам (то есть иностранным), мне встретилось следующее заявление: «На земном шаре появился новый язык — Texting» [9]. Автор Кеннет Бар утверждает, что, как и любым другим иностранным языком, «текстингом» следует овладевать, и сайт предоставляет ресурсы по его изучению: рекомендует, с чего начать, как употреблять, предлагает специальный словарь «текстинга» и т. д. Пользователей этого языка называют «поколение txt», где явно прослеживается аллюзия со словом «текст» и файловым расширением *.txt.

Нынешние 16–24-летние молодые люди — это демографическая группа, ориентированная на технологические новинки. Они являются самыми активными покупателями и пользователями компьютеров, мобильных телефонов, наиболее требовательными, циничными потребителями, но одновременно и ищущими.

Интернет завоевал несметное количество молодых поклонников благодаря возможности передачи информации за считанные секунды (даже на другой конец земного шара) и сегодня представляет собой не просто компьютерную технологию или средство общения, получения и передачи информации, а культурный феномен, уже сейчас изменивший мировоззрение миллионов. Это происходит в результате того, что стираются временные и пространственные ограничения, человек погружается в особый кибермир, полный информации и общения с другими обитателями этого мира. Общение с Интернетом создает новый тип личности.

Исследования показывают, что 70 % молодых людей пользуются компьютером ежедневно. Они также составляют самую большую группу пользователей Интернета. Как считают сами скринейджеры (screen — экран, teenager — подросток), они интересуются современной технологией, а «Интернет — ее революционная социальная платформа». Подростки лучше готовы к тому типу общения, который предлагает Интернет, — коммуникации-игре [4]. Виртуальное пространство обусловлено игровыми условиями, поэтому массовый пользователь ставит своей основной целью не информационную, а эмоциональную: «поколение txt» ищет новые контакты, ведет активный и интерактивный диалог (сайты «Одноклассники», «В контакте», ICQ).

Письменный текст — основной способ подачи электронной информации, которым «поколение txt» владеет, мягко говоря, не в совершенстве. Один из социологов назвал современную коммуникацию «общением с использованием высокой технологии, но низкой грамотности» [6]. Некоторые культурологи считают, что электронная почта, которую многие почитают высшим достижением в области систем коммуникаций, грозит гибелью грамотной письменной речи.

Причин тому несколько. Первая — недостаточное внимание к обучению письменной форме коммуникации в школе и вузе. Сочинения, которые пишут российские школьники, не могут считаться достаточным средством обучения всем видам письма. Большинство американских педагогов различают шесть видов письменной речи, которыми следует владеть в зависимости от ситуации. Personal Writing (описание личного опыта в частной переписке, дневниках, воспоминаниях); Subject Writing (передача информации в интервью, отчетах о событиях, людях, в свидетельских показаниях о происшествиях); Creative Writing (творческое письмо — рассказы, стихи, шутки); Reflective Writing (рефлексивное письмо — авторские эссе, статьи); Academic Writing (конспекты, выполнение учебных заданий); Business Writing (деловое письмо) [11].

Сталкиваясь в реальной жизни и общении с необходимостью использовать тот или иной вид письма, «поколение txt» оказывается в затруднительном положении. Подросткам сложно выражать свои

мысли, а особенно чувства на бумаге; их этому не учили совсем или учили недостаточно.

Другая причина кроется в снижении интереса к чтению литературы, особенно классической; в тех «образцах» речевой культуры, которые предлагают низкопробные передачи на телевидении; в появлении ненормативной лексики в СМИ и т. д.

Еще одной причиной, касающейся в основном грамотности, является наличие компьютерных программ, которые исправляют грамматику, орфографию и даже стиль высказывания. Специальные программы автоматически предложат готовые шаблоны писем, разновидности обращения, электронную подпись и пр. Пользователю остается лишь согласиться или не согласиться с компьютером, предлагающим варианты написания слова, сообщения. Современное письмо в виртуальном мире постепенно перестает быть фундаментальной средой общения и выражения с присущими только ей свойствами и характерными чертами и приобретает признаки устной речи.

По мнению писательницы Бренды Юланд (Brenda Ueland; 1891–1985), автор письма должен удерживать внимание читателя на протяжении всего текста, а это значительно сложнее, чем при разговоре, когда человек, не желая казаться невежливым, выслушивает говорящего до конца. Монологичный письменный текст разбивается графически, визуальнo дробится; он демократичен в лексическом отношении: в нем преобладают разговорные выражения, сленг, жаргон речевых субкультур. Сетевой этикет допускает возможность пошутить даже в серьезном тексте.

Письменная речь в форме «текстинга» не подвергается принятой в бумажных масс-медиа редакции или корректуре. В результате она напоминает стенограмму реального или воображаемого устного диалога. «Режим максимального приближения к устной речи поддерживает у читателя доверие к публикуемому тексту» [4].

Основными характеристиками письменной речи, опосредованной компьютером и мобильными средствами связи, являются сиюминутность и краткость, компрессия и экономия. Язык населения Интернета открыт воздействию окружающей среды, в основном англоязычной. По разным данным, от 70 до 80 % информации во Всемирной сети представлено на английском языке. Ведущая роль США в разработке и импорте информационных технологий, 60 млн американцев, пользующихся Интернетом, способствовали особой роли английского языка в интернет-общении. Однако зависимость от английского языка во Всемирной паутине парадоксально сочетается со свободой самовыражения российского автора.

Иноязычные заимствования — нормальное явление в речи молодых людей. Если разговор у подростков идет о высоких технологиях, не каждый сразу и поймет, о чем они говорят, поскольку диалоги пестрят такими терминами, как blue-tooth, driver, login, spam, а на письме они используют большинство слов без перевода. Аббревиатуры приводятся на языке оригинала (GPRS, USB). Справедливости ради надо заметить, что английские слова претерпевают ряд изменений, иноязычные вкрапления русифицируются: они приобретают суффиксы и окончания, которые делают лексику не такой

чужеродной: флешка (flash), сидишка/сидюшка (CD), ксерануть (xerox), эсмэска или смс-ка (SMS), смайлик (smile) и пр. Для обозначения новых реалий англоязычные термины трансформируются по фонетическому принципу: мирцать (пользоваться программой mIRC), мыло (e-mail — электронная почта), аська (ICQ).

Стремление к экономии и компрессии приводит к изобретению новых языковых явлений на графическом уровне:

FX (effects)	NRG (energy)	IMHO (In my humble opinion)
I (eye)	NV (envy)	2 (to, too, two)
LO (hello)	SA (essay)	4 (for)
NME (enemy)	Y (why)	8 (ate, hate)

Вот как выглядят фразы, написанные подобным языком: *MayB U SHD stop B4 it's 2 L8* (Maybe you should stop before it's too late) или *txng bcomes habbt afr 4 wks... ru n addick?* (Texting becomes a habit after 4 weeks... Are you an addict?).

Невозможность использования в письменной коммуникации невербальных средств — мимики, эмоций, жестов, интонации — делает популярными символы, называемые «смайликами» или «эмотиконами» (это последовательность символов, отражающих эмоциональное состояние отправителя). Смайлики играют роль и знаков пунктуации — еще один способ компрессии. Вообще пунктуация в «текстинге» весьма условна, порой запятые и точки отсутствуют, и получателю приходится дешифровать речевой поток. Обязательно возникающие барьеры декодирования между автором текста и его реципиентами также частично снимаются благодаря эмотиконам.

Проблемы дешифровки текста касаются не только пунктуационных особенностей коротких сообщений. Связь адресанта и адресата, осуществляемая через текст, предполагает, по Ю. М. Лотману, наличие у них общей памяти. Отсутствие этого условия делает текст недешифруемым. Как взаимодействуют адресаты в Сети?

Начнем с того, что количество реципиентов электронных сообщений не является стабильным и неизменным. Желание молодых людей завязывать новые знакомства и общаться приводит к тому, что их адресаты — виртуальны, их количество подвижно, они легко появляются и так же легко исчезают.

В условиях непосредственного устного общения наиболее типичен единичный адресат, а письменные сообщения, опосредованные компьютером, предполагают и единичного (электронная почта, ICQ), и коллективного (чаты, блоги, ЖЖ, конференции, рассылки электронной почты), и массового (билборды, реклама, спам) адресата.

Как традиционный, так и электронный текст диалогичен благодаря явному обращению к адресату и вовлечению его в рассуждение. Для компьютерного общения характерно статусное равноправие участников, их определенная анонимность. Анонимность письма в Сети стимулирует раскованность, снятие психологического барьера — шероховатости выражения мысли, ошибки в речи менее тяжело воспринимаются, чем при непосредственном общении. Это ведет, с одной стороны, к увеличению числа корреспондентов, с другой — к избирательности в общении (с кем не хочу, с тем не общаюсь).

Обращение к коллективному и массовому адресу характеризуется тем, что отправитель текста надевает маску, присваивает себе вымышленное имя, так называемый «ник», который делает виртуальным авторское «Я». Подобная коммуникация-игра из-под маски позволяет высказывать свои мысли без опасения быть узнанным, дает возможность фантазировать, провоцировать, шалить. Проявляется и гендерный аспект: письмо в Сети легко допускает «смену пола» — молодые люди называют себя женскими именами, девушки — мужскими. Это создание нового «Я» — творческий процесс.

Мысль о том, что изучение культуры возможно через текст, высказывалась многими исследователями (Д. С. Лихачев, Э. Сепир, Ю. С. Степанов, Н. Д. Арутюнова, В. Н. Телия и др.). Д. С. Лихачев утверждал: «Произведение литературы динамично, это многосторонний процесс, это и окружающее его “поле силовых линий”» [1, 17]. Культура впитывается и излучается текстом; текст выстраивается по законам культуры и реализуется через один культурный код — естественный язык; в тексте расширяется «внутренняя форма языка» (в понимании Гумбольдта).

Так можно ли считать элементом культуры современный письменный текст — с его краткостью, похожей на стиль телеграммы, с его невысокой грамотностью? Как отражают культуру народа средства и специфика «текстинга»? Как реализуется связь языка и культуры в современных письменных сообщениях?

Вслед за М. Ю. Сидоровой смею утверждать, что в электронных письмах, телефонных коротких сообщениях отражаются негативные процессы, произошедшие с культурой нашего общества за последнее время: падение интереса к чтению, снижение общей языковой культуры в СМИ, проникновение сленга, жаргона и даже ненормативной лексики на страницы газет и др. [5]. Вместе с тем современной письменной речи присущи догадка, фантазия, выдумка, находчивость, творчество, изобретательность. Еще Л. С. Выготский и А. Р. Лурия отмечали, что письменная речь является мощным орудием уточнения и отработки мыслительного процесса.

Письменная речь претерпела существенные изменения на пути от эпистолярного жанра прошлых

веков до современной коммуникации, опосредованной компьютером и мобильными средствами связи, однако содержание письменного речевого произведения по-прежнему определяется его деятельностной целью, такой как эмоциональное воздействие и взаимодействие, управление деятельностью, запрос и передача информации, сохранение информации и письменное выражение творческого потенциала человека.

Литература

1. Лихачев Д. С. О филологии: [Текст]. М., 1989.
2. Веретенникова А. Е. Пути совершенствования письменной речи [Электронный ресурс]. Электрон. дан. Режим доступа: <http://www.irex.ru/press/pub/polemika/06/ver/>.
3. Галичкина Е. Н. Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках (на материале жанра компьютерных конференций): дис. ... канд. филол. наук. Астрахань, 2001.
4. Гусейнов Г. Другие языки: заметки к антропологии русского Интернета. Особенности языка и литературы сетевых людей // Новое литературное обозрение: интернет-магазин [Электронный ресурс]. Электрон. дан. Режим доступа: <http://www.info@nlo.magazine.ru>.
5. Сидорова М. Ю. «Засоряют ли СМС-сообщения русский язык?», или «На зеркало неча пенять...» [Электронный ресурс]. Электрон. дан. Режим доступа: <http://marinadoma.narod.ru/inet/sms.html>.
6. Торчилин В. Гибель письменной речи [Электронный ресурс]. Электрон. дан. Режим доступа: http://science.ng.ru/human/2000-05-24/4_speech_death.html.
7. Трофимова Г. Н. Функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: [Текст]. М., 2004.
8. Чотулиди Г. Типология текстов с позиций теории интертекстуальности [Электронный ресурс]. Электрон. дан. Режим доступа: <http://www.slavcenter.ge/art/index.php>.
9. Beare K. <http://www.esl.about.com/mbiophage.htm>.
10. Lengel L. Computer Mediated Communication. / L. Lengel, A. Tomic. L., 2004.
11. Sebranek P. A Student Handbook for Writing and Learning / P. Sebranek, V. Meyer, D. Kemper. D. C. Heath and Company, 1996.
12. Wikipedia, the free encyclopedia // <http://www.en.wikipedia.org>.

Е. М. Кокорев¹

КОРЕННЫЕ МАЛОЧИСЛЕННЫЕ НАРОДЫ СЕВЕРА И ИНОНАЦИОНАЛЬНОЕ НАСЕЛЕНИЕ СЕВЕРО-ВОСТОКА РОССИИ: ДИАЛОГ КУЛЬТУР И СОВРЕМЕННОСТЬ

Новое время выдвигает новые проблемы. Судьбы коренного и инонационального населения северо-востока нашей страны давно и прочно связаны друг с другом. Процессы трансформации в социально-экономической, политической, культурной сферах, запущенные в начале 1990-х гг., оказали сильнейшее влияние на жизнь населения этой территории. Локальная арктическая цивилизация коренных малочисленных народов Севера (КМНС), которая характеризуется мироощущением соли-

дарности с природой, направленным на сохранение системы «человек-мир», сегодня находится в тяжелом кризисном состоянии. По данным Минздравсоцразвития РФ, эволюционный резерв здоровья северных народов при сложившихся тенденциях может быть исчерпан через 2–3 поколения. В известном смысле можно констатировать деградацию уникальной социокультурной и мировоззренческой системы, гибель которой будет невосполнимой потерей для человечества.

Корни сегодняшних проблем, по сути, закладывались на протяжении длительного периода взаимоотношений КМНС и инонационального населения.

¹ Президент-ректор Северного международного университета (Магадан), член-корреспондент РАО, доктор философских наук, профессор.

История этих отношений насчитывает не одно столетие и ведется с начала освоения Северо-Востока казачьими отрядами. Первоначальный период войн XVIII в., в ходе которого коренные племена понесли значительные потери и в некоторых случаях утратили свою независимость, сменился установлением мирных отношений. В XIX в. торговля, а вместе с ней новые предметы материальной культуры, нормы, ценности и понятия нематериальной культуры, вошли в жизнь и быт коренных народов Севера. Начались процессы ассимиляции и культурной диффузии.

Опыт правового регулирования отношений с КМНС был применен уже советской властью, когда были четко определены пути, формы, методы и принципы развития коренных малочисленных народов, создания государственности, становления экономики, особенностей социальной структуры и самобытной культуры. Большую роль в этом сыграли соответствующие институты культуры и социализации — школы, культурные базы, еще раньше — православная церковь и церковно-приходские школы. Вместе с тем уже тогда отмечались и негативные изменения, привнесенные в жизнь коренного населения и серьезно повлиявшие на его жизнеспособность. Появление новых видов заболеваний, привыкание к алкоголю и табаку, захват охотничьих угодий не могли не оказать разрушающего воздействия.

Для скорейшей адаптации коренного населения к советскому режиму были созданы национальные школы, интернаты, призванные «вырвать» людей из-под власти «пережитков прошлого» и включить в «более развитую» культуру. Однако патерналистская политика привела к катастрофическим последствиям: разрыву связей родителей и детей, утрате родительского попечения, снижению роли родного языка, ухудшению морального климата в семьях. К концу XX в. КМНС вплотную подошли к утрате своего национального «Я», нарушению преемственной связи между поколениями, частичной маргинализации.

Сейчас следует признать, что при освоении Севера не учитывался или недостаточно учитывался опыт жизнедеятельности КМНС. Природоохранная, традиционная экологическая парадигма была подменена природозащитной, технократической. Сегодня коренных жителей Севера объединяет одна общая черта: все эти малочисленные народности находятся в тяжелом экономическом, социальном и культурном положении — настолько серьезном, что его часто обозначают термином «этническая катастрофа». Это проявляется в возросшем количестве самоубийств, сокращении среднего возраста жизни людей, разрыве связи поколений, прекращении воспроизводства этнических ценностей, «уходе от государства» путем возвращения к кочевому образу жизни, росте правового нигилизма.

Современное состояние КМНС усугубляется тем, что они всегда были и остаются крайне уязвимыми из-за их малочисленности, хрупкости экологического баланса, а также из-за их специфических культурных особенностей. Стратегия и тактика российской геополитики часто строилась на основе приоритета имперских интересов над националь-

ными, на современном этапе в нашей стране (в том числе и на Севере) причиной межэтнических противоречий является конфликт между нивелирующими воздействиями современных технологий, новых моделей жизни и этнической самобытностью. Сегодня негативные последствия геополитики тяжелым бременем ложатся на жизнедеятельность коренных малочисленных народов Севера.

Исходя из вышесказанного, проблемы всех коренных малочисленных народов Севера можно разделить на три блока: экономические, социокультурные и правовые. Для их разрешения современное государство должно учитывать в первую очередь не особенности сырьевых ресурсов, а особенности каждого народа. Разрушая национальную замкнутость, необходимо сохранять этническое своеобразие, традиции народов, их культуру. Только такой подход будет способствовать укреплению российской государственности. Будущее Севера — в реальном социокультурном диалоге, учитывающем интересы обеих сторон. Тезис о «глубокой и всесторонней отсталости» северян так же неверен, как и идея развития Севера только технократическими средствами. Стратегии развития на Севере должны выстраиваться исходя из результатов диалога. Толерантное взаимное существование двух культур на границе цивилизационного разлома на протяжении длительного времени может в результате привести к возникновению позитивного взаимодействия сторон, возникновению потребности в диалоге и условий для него.

В настоящее время ведется активная работа по построению такого диалога, привлечению внимания к обсуждению назревших проблем и поиску путей их разрешения. На днях в Магадане, в Северо-Восточном государственном университете, прошла конференция «Современные проблемы социокультурного развития коренных малочисленных народов Севера», которая собрала более ста участников из числа КМНС, руководителей общественных организаций, представителей научного сообщества Северо-Востока. На этом широком научно-общественном мероприятии были выработаны общие подходы и принципы решения проблем сохранения языка и культуры, улучшения социально-экономического положения КМНС. Основным результатом конференции можно признать выработку нового подхода в этнической политике, который задаст, очевидно, вектор построения отношений коренного и инационального населения на многие годы вперед.

Современные условия диктуют отказ от политики принятия мер в ответ на события, необходим переход к политике программирования этнического развития и межэтнических отношений. Необходимые для этого меры должны включать:

- продолжение глубоких научных исследований по всем направлениям жизнедеятельности коренных малочисленных народов Севера в условиях рынка и полиэтнического населения на основе признания уникальности их цивилизации и ее равенства в отношениях с современной цивилизацией;

- разработку стратегии эффективной интеграции традиционного и рыночного секторов экономики на основе привлекательных механизмов возрождения традиционного природопользования;

— мониторинг реализации стратегии социально-экономического развития КМНС с помощью специализированной лаборатории на базе Северо-Восточного государственного университета и Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института;

— разработку и принятие целевой региональной программы «Образование и культура коренных малочисленных народов Севера», предусматривающей создание соответствующего образовательного пространства, определение содержания и методики образования, равноправного диалога и диффузию культур КМНС и инационального населения;

— вовлечение КМНС в обсуждение и решение политических, демографических, социально-экономических, культурных вопросов путем участия в деятельности общественных организаций региона и Общественной палаты РФ.

Эти меры — смена парадигмы построения взаимоотношений, переход от патернализма к диалогу культур и цивилизаций, восстановление традиционных образа и способов жизни КМНС, выработка совместной политики разрешения назревших проблем — позволяют не просто «вывести» ситуацию из кризиса, но дать коренному населению возможность «выйти» из него совместными усилиями.

А. В. Куликов¹

ИДЕИ Д. С. ЛИХАЧЕВА В ПОНИМАНИИ ДУХОВНОСТИ КАК ИНТЕГРАТОРА ЛИЧНОСТИ

В своем сообщении мы предпринимаем попытку уточнить роль духовности в целостной организации личности. Любое сложное явление в мире личности необходимо рассматривать как многоаспектное, включающее ряд составляющих. Причем практически всегда мы обнаруживаем составляющие, относящиеся к разным сферам личности. Такой подход достаточно продуктивен и применительно к духовности личности. В духовности личности может быть выделен (лишь условно) ряд составляющих. Во-первых, когнитивные: духовные идеи, представления, образцы... Во-вторых, эмоционально-чувственные: духовные переживания, чувства, например чувство духовного родства, чувство святости, духовной близости, переживание сопричастности в духовных творениях... В-третьих, поведенческие и деятельностные: духовные деяния, устремленность всей человеческой активности к высшим целям... Д. С. Лихачев об этом писал так: «надо иметь свое служение — служение какому-то делу». Говоря о служении, Д. С. Лихачев сразу уточнял, какого рода служение является главным. «В жизни ценнее всего доброта, и при этом доброта умная, целенаправленная. Умная доброта — самое ценное в человеке, самое к нему располагающее и самое в конечном счете верное по пути к личному счастью» (1989). Коммуникативные составляющие: духовное общение, соучастие и сотрудничество в передаче духовных ценностей другим людям, следующим поколениям...

В книгах, статьях, выступлениях Д. С. Лихачева мы находим огромное количество идей, точных формулировок, позволяющих прояснить эти сложнейшие вопросы бытия личности, ее вхождения в социальную и культурную среду, обретения смысла жизни. Особо ценными, с нашей точки зрения, являются размышления, обращения, призывы Д. С. Лихачева к современникам и потомкам, касающиеся чувств и переживаний. «Нравственности в высшей степени свойственно чувство сострадания. В сострадании есть сознание своего единства с человечеством и миром (не только с людьми, народами, но и с животными, растениями, природой

и т. д.). Чувство сострадания (или что-то близкое ему) заставляет нас бороться за памятники культуры, за их сохранение, за природу, отдельные пейзажи, за уважение к памяти. В сострадании есть сознание своего единства с другими людьми, с нацией, народом, страной, вселенной» (1989).

Духовные переживания требуют определенных условий, настроения, состояния. Важнейшими, согласно Д. С. Лихачеву, выступают: тишина, умение ценить тишину, дать возможность побыть в тишине другим людям. Тишине Лихачев придает ранг ценности, она предстает не как физическая характеристика среды, а как экзистенциальный феномен. Крик заглушает чувства и подавляет духовные переживания. Возвышенные чувства вытесняет не только шум, но и суета. Внутри самой личности это мелочность, неумение выделить главное и строго следовать ему, недоброжелательность, зависть, озлобленность.

Почему так важны для психологии идеи Д. С. Лихачева? Они помогают прояснить теоретические основы строения личности. Личность имеет иерархическую организацию. Функционирование верхних уровней обусловлено нижними и наоборот — нижние уровни находятся под регулирующим влиянием верхних. Подчеркнем, что в этом взаимном обусловливании влияние верхних уровней преобладает.

Духовность — высший уровень содержательного наполнения личности, она объединяет высшие смыслы различных аспектов бытия человека: пространственного, временного, энергического. Духовность — самый верный для человеческого существа способ мышления, чувствования и действия, позволяющий избежать замкнутости, концентрации на себе, эгоцентричности.

В число многих достижений Д. С. Лихачева как теоретика входит и расширение возможностей использования общенаучных категорий в гуманитарном знании. Мы имеем в виду категории пространства и времени. Их он наполнял богатым содержанием, демонстрируя их потенциал в описании и объяснении мира человека, личности.

В пространственном бытии связи, отношения личности к субъектам и объектам мира социального, природного (живая и неживая природа), предметного

¹ Профессор факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор психологических наук.

и техногенного не являются рядоположными. Человеческие отношения избирательны, кроме того, вся совокупность отношений субъекта иерархизирована, наполнена смыслами разного масштаба, поскольку субъекты и объекты, к которым существует отношение, имеют для человека разное значение (разный вес). Мир предстает для субъекта единым, целостным, если он сохраняет уверенность в том, что в мире есть высшее начало (Абсолют), если ощущаются, переживаются смыслы верхнего уровня.

В политических науках социокультурные эффекты глобализации (в том числе на микроуровне) оцениваются сегодня с позиций институционального, неинституционального и культурологического подходов.

В рамках культурологического подхода особый интерес вызывает интегративная теория социокультурных изменений Рональда Инглехарта (R. Inglehart), Уейни Бейкера (W. E. Baker), Пиппа Норриса (P. Norris), Криса Уелзела (Ch. Welzel), Ханса-Дитера Клингеманна (H.-D. Klingemann) и др.². Теория характеризуется соединением принципов теории модернизации (положение о культурных изменениях как результате процесса экономического развития); теории изменения ценностей (положение о постоянном и самостоятельном влиянии системы ценностей, составляющих основу политической культуры общества, на развитие политических и общественных процессов); теории демократии (положение о культурологических факторах демократизации) и др. Интегративная теория социокультурных изменений разрабатывается в рамках традиции мичиганской школы политических исследований.

Р. Инглехарт и У. Бейкер выявляют две основные траектории современного развития, связанные с модернизацией.

Первая отражает процесс массивных структурных изменений культуры в условиях модернизации, которая определяет тренд к постепенному переходу от нормативных (традиционных) ценностей к современным, ориентирующим на рациональность выбора, толерантность, доверие и участие в общественно-политической жизни.

Вторая траектория связана с сохранением, несмотря на модернизацию, влияния традиционных ценностей протестантизма, католицизма, конфуцианства и других на ценностные системы культур, входящих в соответствующие культурные зоны, что

Временное бытие личности предстает прежде всего как последовательность жизненных событий, порождаемых средой и самим субъектом. Но это не только последовательность событий. Время жизни личности — не цепочка событий, в которой каждое звено связано лишь с двумя соседними. Временное бытие — это также направленное движение, имеющее трансективу и перспективу, то есть нацеленное в вечность (для человека духовно богатого).

В. Н. Лукин¹

ОСНОВНЫЕ ТРАЕКТОРИИ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

объясняется общей устойчивостью религиозных и духовных ориентаций на индивидуальном, национальном, региональном и глобальном уровнях.

Положением, корректирующим тезис теории модернизации об экономическом развитии как факторе, детерминирующем системные изменения культуры, является тезис Инглехарта–Бейкера о наличии обеих тенденций в развитии современных обществ. Результаты анализа баз данных исследования мировых ценностей (World Values Surveys = WVS) за 1981–1998 гг. по 65 странам не подтвердили гипотезу классических теорий модернизации об ослаблении роли религии, религиозных и духовных ориентаций под влиянием модернизации. Напротив, именно исламский фундаментализм, приходят к выводу Р. Инглехарт и У. Бейкер, стал детерминирующим фактором ведущих кливдежей мировой политики в условиях глобализации³.

Согласно второму тезису Инглехарта–Бейкера, процесс экономического развития имеет определенные культурные и политические эффекты системного характера. Вместе с тем культурные и политические последствия экономического развития имеют характер вероятностных трендов и не являются жесткими закономерностями. Обосновывая новый взгляд на соотношение между экономическим развитием и его социальными и политическими эффектами, Инглехарт и Бейкер обосновывают вывод о высокой вероятности соответствующих социокультурных изменений.

Тезис о дивергенции ценностей уточнен в новых исследованиях мичиганской школы и сформулирован как тезис об инерции традиционных ценностей и устойчивости этого структурного компонента (Persistence of Traditional Values), что остается основанием для предположения о дивергенции (расхождении) ценностных ориентаций в обществах, входящих в различные культурные зоны мира⁴.

Тезисом об инерции и устойчивости традиционных ценностей подчеркивается относительная независимость ценностных ориентаций от экономических и политических изменений. Соответственно, этим предполагается маловероятность конвергенции (схождения) и уменьшения степени культур-

¹ Проректор по научной работе Санкт-Петербургского им. В. В. Бобкова филиала Российской таможенной академии, профессор.

² Inglehart R. Modernization, Cultural Change and the Persistence of Cultural Values // American Sociological Review. 2000. Vol. 65. P. 19–51; Inglehart R., Norris P. The True Clash of Civilizations // Foreign Policy. 2003. March–April. P. 67–74; Welzel Ch., Inglehart R., Klingemann H.-D. Human Development as a Theory of Social Change [Электронный ресурс]. Электрон. дан. Режим доступа: <http://wvs.isr.umich.edu>. P. 1–37.

³ Inglehart R., Baker W. Modernization, Cultural Change and the Persistence of Traditional Values // American Sociological Review. 2000. Vol. 65. P. 19.

⁴ Ibid. P. 20.

ных различий как источника культурных конфликтов. Глобальная конвергенция ценностей на основе определенной совокупности так называемых современных ценностей трактуется как маловероятная, поскольку традиционные ценности продолжают оказывать особое, независимое влияние на процесс системных культурных изменений, вызываемых процессами экономического развития.

Одним из современных парадоксов модернизации стал процесс укрепления традиционных ценностей и усиления их роли в современных общественно-политических процессах. Особую озабоченность вызывают дисфункции развития, связанные с системой традиционных ценностей, способствующие активизации радикального фундаментализма и экстремизма.

Мичиганской школой политического анализа представлен новый взгляд на проблему цивилизационных различий и их связь с эволюцией систем ценностей. В исследовании Инглехарта–Бейкера получило разработку положение о культурных зонах (Cultural Zones)¹. В концепции культурных зон учитывается присутствие двух основных траекторий социокультурных изменений, выражающихся, с одной стороны, в формировании под влиянием модернизации систем современных ценностей самовыражения, с другой — в сохранении влияния традиционных ценностей.

В исследованиях мичиганской школы начала XXI в. представлена характеристика принципов операционализации культурных зон. Основными признаками принадлежности к общей культурной зоне названы: а) сходство мировоззрения; б) сходство институциональных традиций; в) сходство паттернов экономического развития. Определены три индикатора исторических традиций, выступающих детерминантами культурных зон, а именно: 1) общность религиозных традиций; 2) общность правовых традиций; 3) общность региона.

По критерию общности религиозных традиций (Common Religious Roots) к зоне протестантской религиозной традиции отнесены 18 обществ; к католической зоне — 27; христианской ортодоксальной — 10; исламской — 10; зоны буддизма, индуизма и конфуцианства обозначены как зоны азиатских религиозных традиций.

Таким образом, на рубеже XX–XXI вв. мичиганской школой политического анализа введен новый тезис о зависимости происходящих культурных изменений не только от экономических преобразований, но и от культурного наследия общества. Эволюция систем ценностей согласно модифицированной теории модернизации определяется траекториями, заданными историческими культурно-религиозными традициями (протестантской, католической, исламской, ортодоксальной, конфуцианской и др.).

И. А. Мироненко²

ПОП-НАУКА В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ МИРЕ: ПОП-ПСИХОЛОГИЯ И КАК К НЕЙ ОТНОСИТЬСЯ

Как отмечал А. А. Зиновьев (Зиновьев А. А. Фактор понимания. М., 2006. С. 521), «наиболее вероятный конец человечества — воинствующая глупость. Человечество погибнет от своей глупости». В современном российском обществе имеет место достаточно выраженный массовый интерес к психологии, который сочетается с редким обращением к профессиональным психологам и психотерапевтам, удовлетворяется в основном с помощью телепередач и литературных изданий. На волне этого массового интереса мы наблюдаем сегодня бум в области производства своеобразного вида психологической продукции, своего рода «самоучителей жизненного успеха». Чтобы получить представление о масштабах этого явления, достаточно зайти в любой книжный магазин. Представители российской академической науки, отмечая данный феномен, называют его «поп-психологией». Член-корреспондент РАН А. В. Юревич справедливо рассматривает поп-психологию как часть поп-науки, которая в свою очередь является порождением и частью поп-культуры.

Поп-психология отличается от традиционной научно-популярной психологии. Если последняя представляла собой научное знание, изложенное языком, понятным для «человека с улицы», то поп-психология — это изложение ненаучных измышлений таким образом, что они уподобляются научному знанию. Особенностью поп-психологии, отличающей ее от психологии академической и практической, яв-

ляется то, что «...поп-психология легализует и преподносит обывателю “от имени науки” знание... не получившее научной сертификации... внося вклад в, перефразируя известное выражение М. Вебера, “иррационализацию всей общественной жизни”. Поп-психология предлагает “человеку с улицы” немало психологических рецептов, которые могут оказаться вредными для него. Поп-психология способствует *всеверию* как очень опасному состоянию умов, открывающему неограниченные возможности для манипуляции массовым сознанием»³.

Несмотря на столь нелицеприятную оценку поп-психологии, большая часть академического общества склонна рассматривать ее как явление в общем безобидное и не снисходит до серьезного противостояния — «да и какой от этого прок в обществе, где не действуют никакие запреты?»⁴ Должна ли научная психология жить в мире или вступить в конфликт с поп-наукой? На мой взгляд, последнее было бы оправдано.

Поп-психология враждебна научной психологии, так как она опасна:

— *во-первых, для общества, в котором живет и развивается психологическая наука, — как механизм оглуления людей;*

² Декан факультета культуры СПбГУП, профессор кафедры социальной психологии, доктор психологических наук.

³ Юревич А. В. Поп-психология // Вопросы психологии. 2007. № 1. С. 10–11.

⁴ Там же. С. 13.

¹ Ibid. P. 28–40.

— во-вторых, как механизм дискредитации психологической науки, под которую современная поп-психология усердно маскируется;

— в-третьих, как конкурент на рынке психологических услуг, отнимающий потенциальных клиентов у практических психологов (очевидно, во вред этим людям): зачем идти к специалисту, когда вот она — книга, где все написано.

За снисходительным отношением к поп-психологии стоит осознанная или неосознанная вера в то, что психологические проблемы, которые имеют место у большинства наших современников, суть проблемы пустяковые, не страшные. Так ли это? Психологические проблемы современного человека — это отражение общих насущных проблем развития культуры, главных проблем современной цивилизации. Приспособиться к опережающим изменениям в культуре становится сверхзадачей, для решения которой индивид должен употребить все силы, часто подорвать душевное здоровье, внутреннюю гармонию.

В этой ситуации «психологическое шоу» поп-психологии (по выражению А. В. Юревича) представляется экзистенциально опасным для отдельных индивидуумов и для общества в целом. Это

«шоу» является мощным катализатором всеверия и иррационализма — той самой воинствующей глупости, от которой, по мнению А. А. Зиновьева, человечеству и стоит ждать гибели.

Академическая наука, возможно, не самая практически полезная вещь в плане решения многочисленных жизненных проблем современного человека. На вопрос: «Что делать?» научная психология, как правило, не дает ясного и однозначного ответа. Однако она может дать ясный и однозначный ответ на вопрос, каким рецептам следовать не надо. Научная психология, и только она, может разоблачить шарлатанов от поп-психологии, ясно и внятно свидетельствовать, что рецепты, содержащиеся в «самоучителях жизненного успеха», не имеют статуса научного знания, представляют собой не более чем досужий вымысел, за которым не стоит никаких научных доказательств. Если не ученые-психологи, то кто сделает это? *Наука может и должна стать противоядием от глупости и тем самым окажется весьма практически полезной обществу. Может быть, в этом сегодня и должна состоять главным образом практическая полезность академической психологии.*

Т. В. Мусиенко¹

КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕКА КАК КЛЮЧЕВОЙ КОМПОНЕНТ ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ УЭЛЗЕЛА–ИНГЛЕХАРТА–КЛИНГЕМАНА

В концепции развития личности (Concept of Human Development = C-HD) процессы экономического развития, изменения ценностей и развития демократии трактуются как факторы обеспечения индивидуального выбора. Соответствующие эффекты соотнесены с тремя основными компонентами развития личности: экономической, культурной и политической (см. рис. 1).

Структуру экономического компонента составляют, во-первых, лежащий в его основе процесс социоэкономического развития (Socioeconomic Development), во-вторых, обеспечиваемые как результат этого процесса индивидуальные ресурсы (Individual Resources), и в-третьих, средства (Means), позволяющие человеку реализовать свои ресурсы и сделать собственный выбор (Human Choice). В результате происходит вытеснение преимущественно иерархических (вертикальных) связей, которые замещаются сетевыми (горизонтальными) социальными отношениями. Этим создаются предпосылки для большей индивидуальной автономии в выборе человеком соответствующих ему секторов сетевых взаимосвязей.

Обеспечиваемые поступательным экономическим развитием рост доходов, навыков, уровня информированности, устранение ограничений личностной автономии — все это ресурсы и средства, создающие предпосылки для развития личности, расширя-

ющие возможности человека в своем самоопределении и индивидуальном выборе².

В основе второго, культурного компонента развития личности — процесс культурных изменений (Cultural Change). Согласно концепции C-HD, рост индивидуальных ресурсов и средств реализации личностного потенциала способствует изменению приоритетов: происходит смещение акцентов с ценностей выживания (Survival) на ценности самовыражения (Self-Expression Values). В свою очередь данный тип ценностей выступает ведущим мотивом (Motives), формирующим потребность в более широком выборе (Choice). Функция мотивации важна тем, что для выбора и принятия решения недостаточно средств, необходима мотивация выбора³.

Основу третьего, политического компонента развития личности, составляет процесс демократизации (Democratization), представляющий собой институциональный фактор выбора. Институциональный компонент в соответствии с концепцией C-HD выступает как система правовых институтов, гарантирующих права личности (Effective Institutional Rights).

Таким образом, компоненты концепции C-HD представлены в рассматриваемой теории формулой: *индивидуальные ресурсы — ценности самовыражения — эффективные права*. Индивидуальным

¹ Начальник научно-исследовательского отдела Санкт-Петербургского им. В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии, доктор политических наук, профессор.

² Welzel Ch., Inglehart R., Klingemann H.-D. Human Development as a Theory of Social Change [Электронный ресурс]. Электрон. дан. Режим доступа: <http://wvs.isr.umich.edu>. P. 6.

³ Ibid. P. 7.

Components of Human Development			
	Economic Component	Cultural Component	Political Component
Components	Individual Resources	Self-Expression Values	Effective Institutionalized Rights
Underlying Processes	Socioeconomic Development	Cultural Change	Democratization
Spheres where components manifest themselves	Means	Motives	Rules
Prevailing Causal Direction	<div style="text-align: center;"> Means-Motives Linkage Motives-Rules Linkage </div>		
Underlying theme	Growth of Institutionalized Human Choice		

Рис. 1. Концепция развития личности как основа интегративной теории социальных изменений
Примечание. Источник: см. сноску 2 на с. 150.

ресурсам соответствуют *средства* их реализации. Ценности самовыражения структурируют *мотивы* индивидуального выбора. Институционализированные права обеспечивают *правила* и рамки его реализации. Процессы социоэкономического развития, изменения культурных ориентаций и демократизация способствуют распространению компонентов С-НД с индивидуального уровня до структурных уровней группы, общества, культурных зон¹.

Согласно теории Уэлзела–Инглехарта–Клингеманна, прогресс любого из указанных трех аспектов развития личности расширяет возможности общественного развития, поскольку позволяет людям реализовывать личностный потенциал и способствует развитию творческой активности.

В то же время теория не исключает реверсивного развития. Отрицая линейность исследуемых процессов как развития в направлении сугубо прогрессивных изменений, авторы теории указывают на возможность движения общества как по пути прогресса, способствующего расширению возможностей индивидуального выбора, так и в направле-

нии регресса, когда происходит ограничение этого выбора.

Структурно-функциональный подход, лежащий в основе теории Уэлзела–Инглехарта–Клингеманна, характеризуется не только включением трех компонентов как структурной составляющей С-НД, но и определением двух типов связей компонентов, выполняющих функцию формирования совокупности признаков (или стандарта) НД. К таковым отнесены, во-первых, взаимосвязь средств (способностей, навыков и т. п.) и мотивов личности (Means-Motives Linkage), выполняющая функцию соединения имеющихся индивидуальных ресурсов личностного потенциала и ценностей самовыражения, и во-вторых, взаимосвязь системы мотивации и прав (Motives-Rules Linkage), обеспечивающих эффективную реализацию ценностей самореализации личности². В соответствии с логикой интегративной теории социальных изменений характер связей между средствами и мотивами личности определяет в конечном счете реализацию выбора в пользу либо ценностей выживания и безопасности, либо ценностей самовыражения.

А. П. Назаретян³

КУЛЬТУРНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СОЦИАЛЬНОЙ УСТОЙЧИВОСТИ: ГИПОТЕЗА ТЕХНО-ГУМАНИТАРНОГО БАЛАНСА

Около 2,5 млн лет назад первые представители рода *Homo* (Человек умелый), обитавшие в Олдовайской пещере, научились искусственно заострять галечные отщепы — чопперы — и разбивать ими черепа. При этом было радикально нарушено *правило этологического баланса*, обеспечивающее сохранение животных популяций: инстинктивное торможение внутривидовой агрессии соразмерно мощи естественного оружия, которым наделен тот или иной вид. По законам природы, химерические существа, сочетавшие инстинкты безоружного животного и обладание смертоносным оружием («голуби

с ястребиными клювами») были обречены на самоистребление. Косвенные археологические данные заставляют предположить, что таковой стала участь подавляющего большинства популяций. Тем не менее одна из них сумела преодолеть экзистенциальный кризис антропогенеза, выработав искусственный противовес инструментальной агрессии и положив начало качественно новому витку эволюции.

² Ibid. P. 8.

³ Главный редактор академического журнала «Историческая психология и социология истории», главный научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва), доктор философских наук, профессор Российской академии государственной службы при Президенте РФ.

¹ Welzel Ch., Inglehart R., Klingemann H.-D. Op. cit. P. 7.

Согласно наиболее разработанной гипотезе, искусственное ограничение агрессии обеспечивалось зачатками анимистического мышления и первыми симптомами некрофобии — невротического страха мертвых. Наделение мертвецов способностью мстить обидчикам обеспечило торможение агрессивных импульсов, так что на смену недостаточному инстинкту пришел спасительный невроз. Кроме того, перспективными порождениями иррационального страха стали забота о мертвых (археология содержит сведения о ритуальном отношении к мертвецам уже в нижнем палеолите, а неандертальские погребения среднего палеолита поражают сложностью) и биологически несообразная опека больных, раненых и нежизнеспособных сородичей, свидетельства которой также обнаруживаются в нижнем палеолите.

С тех пор как природный баланс агрессии-торможения был необратимо нарушен, существование социумов не имеет естественных гарантий. Анализ большого числа антропогенных кризисов и катастроф различного масштаба на разных этапах социальной истории (от палеолита до современности) позволил выявить закономерную зависимость между тремя переменными: технологическим потенциалом, качеством регуляторов поведения и внутренней устойчивостью общества. Закон техно-гуманитарного баланса гласит, что *чем выше мощь боевых и производственных технологий, тем более совершенные средства культурной регуляции необходимы для сохранения общества*.

Появление новых технологий обычно влекло за собой всплеск экологической и/или геополитической агрессии, сопровождавшийся массовой эйфорией, настроениями вседозволенности и безнаказанности и прочей характерной симптоматикой («синдром предкризисного человека»). Этот процесс часто завершался надломом и распадом про-

цветавших обществ, подорвавших природные и организационные основы собственного существования. Происходил драматический отбор социокультурных систем, способных внутренне уравновесить новообретенное инструментальное могущество. Так происходила гуманитарная притирка (*fitting*) к технологии; по завершении этой фазы даже самое грозное оружие, будучи укрощенным, превращалось в жизнеспасающий фактор. Экологическая ниша человека с каждым разом расширялась и углублялась, последовательно удаляя общество и его природную среду от естественного (дикого) состояния.

Гипотеза о том, что закон техно-гуманитарного баланса на протяжении всей человеческой истории и предыстории служил механизмом социокультурного отбора, проверяется через ее нетривиальные следствия. В частности, для этого используется такой кросскультурный показатель, как *коэффициент кровопролитности* (*Bloodshed Ratio*) — отношение среднего числа намеренных убийств в единицу времени к численности населения. Сравнительно-исторические расчеты, проведенные междисциплинарной группой исследователей под нашим руководством, подтвердили гипотезу. А именно — в долгосрочной исторической ретроспективе, с *ростом убийной силы оружия и демографической плотности коэффициент кровопролитности общества не возрастал, а, наоборот, нелинейно снижался*.

Человечество дожило до наших дней благодаря тому, что до сих пор люди, становясь сильнее и проходя через горнило антропогенных катастроф, умели возвышать гуманитарный интеллект до уровня требований, предъявляемых инструментальным интеллектом. Разумеется, это обстоятельство не дает нам гарантий на будущее. Но изучение культурных механизмов устойчивости помогает выработать конструктивные глобальные прогнозы, сценарии и проекты.

Б. А. Парыгин

ЛИЧНОСТЬ КАК МИКРОКОСМ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ МИРЕ

В культурном пространстве современности все большую ценность приобретает то сознание глубины человеческого общения, о котором Дмитрий Сергеевич Лихачев говорил как о феномене «взаимопроникновения» душ (см.: *Лихачев Д. С. Об актуальности проблемы общения в современном искусствоведении // Искусство и общение. Л., 1984*). Сохранение и приумножение этого пласта в духовно-нравственной культуре является неременным условием готовности социума как общности к любым вызовам своего времени. Вместе с тем оно же становится возможным лишь при условии постоянного и целеустремленного развития социально-психологической культуры видения и понимания человека в качестве личности и неповторимой индивидуальности.

Одна из примет нашего времени — стремительный растущий разрыв между темпами умножения поля проблем социума, с одной стороны, и отстающим от них уровнем психологической и интеллектуальной готовности людей к их эффективному решению — с другой. В аналогичной ситуации,

имевшей место в первой половине XX в., по мнению испанского философа Хосе Ортеги-и-Гассета (1883–1955), в Европе сформировалась психологическая атмосфера «торжества масс» над избранными. Разрыв между уровнем проблем того времени и уровнем мышления в европейской культуре XX в. обернулся, таким образом, с точки зрения ученого, кризисом духовности и привел в конечном счете к «тирании интеллектуальной пошлости». Торжество поп-культуры, стандартизации массового сознания, тиражирование его безвкусицы и вульгаризации, нередко наблюдаемые в СМИ, и сегодня чреваты разрушением некогда традиционных устоев российской духовности.

Эти же тенденции могут стать и симптомами зреющей тирании примитивизма над альтернативным ему социальным настроением на творческий поиск эффективных путей, средств и перспективных проектов социального развития. В работах известного отечественного социолога Ж. Т. Тощенко в качестве одного из факторов, а вместе с тем и продуктов противоречивых тенденций нашего социума

рассматривается так называемый феномен «парадоксального человека». Последний, по мнению и результатам эмпирических исследований этого автора, неспецифичен, в частности, осуществлять какой бы то ни было выбор альтернативных ценностей или моделей поведения (см.: *Тощенко Ж. Т. Парадоксальный человек. М., 2001*). Это равносильно утрате человеком его главной жизненной функции — *выбора*, связанной с его способностью самостоятельного принятия решений. Такая ситуация может быть, на наш взгляд, рационально объяснена как результат его психологической неготовности (в силу привычки к одномерной ориентации в прошлом) к новым условиям более сложной — многомерной реальности.

На вышеперечисленные издержки подобной ориентации одним из первых обратил внимание немецко-американский философ и социолог Герберт Маркузе (см.: *Маркузе Г. Одномерный человек. Бостон, 1964*). Этому же, на наш взгляд, может вполне способствовать и тот духовно-нравственный релятивизм, который получает все большее распространение под влиянием не только печатных и электронных СМИ, но и модных тенденций в различных сферах художественного творчества, адресованных массовой аудитории. Однако следует ли из факта парадоксальности человека только один вывод о его неадекватности времени и своим возможностям самореализации? Обратимся вслед за Ж. Т. Тощенко к исходному образу чрезвычайно противоречивости человека, который впервые столь остро и ярко представил нам выдающийся французский математик, физик, философ и писатель XVII в. Блез Паскаль (1623–1662): «Что за химера этот человек? Какое новшество, какой монстр, какой хаос, какой узел противоречий, какое чудо! Судья всех вещей, слабоумный земной червь; носитель истины, клоака недостовренности и ошибок; слава и хлам Вселенной... Узнай же, гордец, каким парадоксом являешься ты для себя! Смирись, бессильный разум, замолчи, глупая природа; узнайте, что человек бесконечно превосходит человека!» На что настраивает сказанное выше?

Можно согласиться с Тощенко, что «это образное высказывание великого мыслителя отражает еще одну попытку познать сущность человека, его противоречивую природу, его место и роль в решении злободневных общественных проблем» (*Тощенко Ж. Т. Указ. соч. С. 5*). Однако мы бы рассматривали данный Паскалем образ как побуждающий не столько к решению сиюминутных злободневных проблем, сколько к осмыслению природы данной

парадоксальности. Как нам кажется, главное, что стоит за этим образом, — крик души человека, потрясенного тайной своей непостижимой сложности. Вот где простор для активного поиска ответа на этот актуальный запрос, или, если хотите, вызов того времени. Вот почему спустя столетия после Паскаля к аналогичной мысли приходит Артур Шопенгауэр (1788–1860), когда говорит о том, что и в судьбе отдельной личности заключена «внутренняя сущность мира, и микрокосм равен макрокосму» (*Шопенгауэр А. Под завесой истины // Шопенгауэр А. Сборник произведений. Симферополь, 1998. С. 127*). И наконец, в середине XX в. мы слышим слова выдающегося русского мыслителя Н. А. Бердяева, который, как и его предшественники, говорит о загадочности человека. «Истоки человека лишь частично могут быть поняты и рационализированы. Тайна личности, ее единственности никому не понятна до конца. Личность человеческая более таинственна, чем мир. Она и есть целый мир. Человек — микрокосм и заключает в себе все. Но актуализировано и оформлено в его личности лишь индивидуально-особенное» (*Бердяев Н. А. Самопознание. Л., 1991. С. 26*). Резонно задать себе вопрос: чем объяснить вечную тайну человека? Что мешает ее постижению? Почему Н. А. Бердяев, который, конечно же, был знаком с работами своих выдающихся современников — Павлова, Бехтерева, Фрейда, Юнга и других, так и не нашел ответа на вопрос о природе тайны человеческой личности? Изменилось ли что-нибудь принципиально с тех пор, как был выстроен целый цикл известных на сегодня психологических парадигм, объясняющих земную — биологическую, социальную, космическую (С. Гроф) детерминацию личности? К сожалению, нет. Для движения науки по пути к глубинам скрытых резервов духовно-психического потенциала личности нужна существенная корректировка маршрута всей экспедиции научного поиска. Этот процесс должен выйти за рамки преимущественно внешних детерминант в сторону направления, известного как «вершинная психология» В. Э. Франкла (см.: *Франкл В. Доктор и душа. СПб., 1997*). В эпицентре прорыва должна стать душевная и — шире — духовная субстанция человека. А это — пограничная полоса прежде всего между психологией и культурологией, в отличие от чисто философского опыта обращения к душе вне ее социокультурного контекста, как это имело место у С. Л. Франка (см.: *Франк С. Л. Духовные основы общества. М., 1992*).

М. Х. Рабаданов¹;
Б. Ш. Алиева²

ЭТНОПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ КУЛЬТУР В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ОБЩЕСТВЕ

В наше время особенно остро ощущается потребность в выявлении этнопедагогических аспектов воспитания, многостороннем и глубоком исследовании механизмов взаимодействия различных

культур, его педагогического потенциала, влияния национальной ментальности на становление этнокультурной личности, готовой к выполнению важнейших социальных ролей — гражданина, труженика, семьянина.

Новый исторический период обновления и преобразования российского общества требует быстрого и глубокого осмысления всего того положительного,

¹ Ректор Дагестанского государственного университета, доктор физико-математических наук, профессор.

² Ученый секретарь Дагестанского научного центра РАО, доктор педагогических наук, профессор.

что было накоплено в воспитании, и тех просчетов, которые были допущены. Просчетов немало, но один из главных — нарушение этнопедагогического диалога культур, преемственности поколений, заложенной в народной педагогике. Поэтому поиск путей для конструктивного диалога культур, а также инструментов обновления и преобразования общества, которые помогли бы человечеству, всем народам и каждому человеку найти путь к миру, гармонии, предполагает обращение к изначальным истокам общечеловеческих ценностей, народной мудрости. В условиях значимых изменений в отечественном образовательном пространстве на государственном уровне продекларирована необходимость и важность учета национально-этнических культур на всех ступенях российского образования. Обращение к этнопедагогической культуре, доказавшей свою эффективность на протяжении тысячелетий, приобретает большее значение, позволяя выработать меры сознательного активного противостояния чуждой нам иноземной культуре и искоренить бездуховность, жестокость и безнравственность.

Дагестан — уникальный уголок земли, где лучше всего может быть понят, принят и осуществлен этнопедагогический, этноконфессиональный диалог культур. В современных условиях в Дагестане на приемлемо возможном уровне достигнута межэтническая гармония.

Перед обществом встает масштабная педагогическая проблема изучения процесса социального и общественно-народного воздействия, в ходе которого воспитывается и развивается личность, обладающая высоким уровнем национального самосознания, способного реализовать свой потенциал в новых условиях.

В современных условиях особую актуальность приобретает национальный аспект воспитания. Заповеди К. Д. Ушинского — «У каждого народа своя особенная характеристическая система воспитания», «В душе человека черта национальности коренится глубже всех прочих», «Воспитательные идеи каждого народа проникнуты национальностью более, чем что-либо другое» — имеют непреходящую ценность. Для любого педагога творческая деятельность, содействующая расширению этнопедагогического пространства, является не профессиональной обязанностью, но и в известной мере «профессиональной характеристикой».

Прогрессивные традиции создают благоприятные условия для сохранения нации. Устойчивость, стабильность, конструктивный консерватизм обычаев, обрядов, традиций, их неискоренимость стали поистине спасительными для сохранения и передачи новым поколениям достижений культуры. Отход от традиций осуждается общественным мнением, они строго охраняются. При посещении музея Кремлевского конного полка Г. Н. Волков обратил внимание на сделанную многозначительную запись В. В. Путина: «Благодарю вас за сохранение традиций».

Для нашего региона эти слова имеют особенный смысл: во-первых, ничто так не скрепляет семью, род, нацию, народ, этнос, как традиции, во-вторых, методологическим руководством для нас является «золотая» этнопедагогическая формула: «Без памяти исторической — нет традиций, без традиций — нет культуры, без культуры — нет воспитания, без воспитания — нет духовности, без духовности — нет личности, без личности — нет народа как исторической личности». Совершенно очевидно, что традиции являются связующим звеном для всех компонентов культуры.

А. А. Перуш¹

ПРОБЛЕМНЫЕ ПЕРЕЖИВАНИЯ ЛИЧНОСТИ В ЗЕРКАЛЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ: КРОССКУЛЬТУРНОЕ СРАВНЕНИЕ

Личность и социально-экономические изменения в обществе

В своем выступлении мы хотели бы привлечь внимание к психологическим проблемам людей, которым довелось жить в эпоху социально-экономических перемен. Имеется в виду период социально-экономического кризиса (1991–2001) и период социальной дифференциации общества (с начала тысячелетия по настоящее время).

Социальные изменения проецируются на многие стороны психической жизни людей: эмоциональную, адаптационную, ценностно-смысловую и т. п. И эти вопросы заслуживают изучения. Однако фокусом, отражающим влияние социума на психическую жизнь, являются проблемные переживания, которые интегрируют различные аспекты психической жизни.

Кросскультурное сравнение проблемных переживаний подростков в период социально-экономического кризиса (Санкт-Петербург–Потсдам). Гипотеза исследования состояла в том, что подростки, живущие в период кризиса, имеют проблемные переживания, которые опосредованы социально-экономическими условиями и динамика которых связана с изменением этих условий. Установить влияние именно ситуации социально-экономического кризиса, а не других факторов, на проблемные переживания подростков можно было в кросскультурном сравнении. В этот же период ситуация в Восточной Германии также характеризовалась как кризисная. Немецкие психологи констатируют: «Вследствие политических и социальных перемен в Восточной Германии и Восточной Европе условия жизни и развития подростков изменились в сторону ухудшения. Подростки теперь чаще сталкиваются с критическими жизненными событиями, такими как безработица родителей, развод, финансовые проблемы в семье и т. д. Они сильнее, чем прежде, подвергаются стрессовому воздействию».

¹ Заведующая кафедрой психологии развития и образования Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), доктор психологических наук, профессор.

повседневных проблем» (*Кириш Б., Вагнер К.* Потсдамские исследования // *Жизненные проблемы и способы их разрешения школьниками 12–18 лет.* СПб.; Потсдам, 2000. С. 5).

Исследование и в Потсдаме, и в Санкт-Петербурге было проведено с подростками в 1993, 1996, 2001 гг. по одной и той же методике. В нем приняли участие ученики общеобразовательных школ в возрасте 12–16 лет. В качестве инструмента для сбора информации была использована методика Seiffge-Krenke, которая позволяет зафиксировать значимость для подростка проблемных переживаний в таких областях жизни, как: будущее, родительский дом, взаимоотношения со сверстниками, взаимоотношения со сверстниками другого пола, свободное время, проблемы, связанные со школой и собственным «я».

Обсуждение полученных результатов. В период социально-экономического кризиса и в России (Санкт-Петербург), и в Германии (Потсдам) *будущее* стало для подростков в возрасте от 12 до 16 лет той областью жизни, которая вызывает тревогу и проблемные переживания. Об этом говорит тот факт, что из всех жизненных областей в кризисные годы будущее вызывает самую высокую проблемную озабоченность. В докризисный период, как известно из психологической литературы, будущее не входило в область проблемных переживаний подростков.

С психологической точки зрения это очень острый симптом, говорящий о возможной дисгармонии в развитии личности. Проблемы, связанные с будущим, вероятно, могут деформировать и проживание настоящего. В исследуемый период также обнаружено обострение проблемных переживаний подростков Санкт-Петербурга, связанных с родительским домом (второе место по проблемной озабоченности). Об этом говорит и статистика обращений родителей к психологам, работающим в системе образования. Для потсдамских подростков взаимоотношения с родителями не являются острой проблемой.

Высокая проблемная озабоченность подростков в 1993 г., сохранение ее до 1996 г. и снижение общего балла проблемной озабоченности к 2001 г. говорят о том, что данный временной отрезок характеризуется процессом психологической адаптации к жизни в новых условиях либо жизнь подростка меняется таким образом, что некоторые проблемы из нее уходят. Отсутствие острой проблемной озабоченности во взаимоотношениях с родителями у потсдамских подростков выявляет скорее традиционные для той и другой культуры родительские установки, а не влияние кризиса. Родители подростков в Потсдаме, так же как и в Санкт-Петербурге, в полной мере испытали на себе влияние социально-экономического кризиса, однако их дети не испытывают высокой проблемной озабоченности в связи с родительским домом.

Социально-экономический кризис в этих странах стал фактом жизни конкретных людей, вызвав проблемные переживания, разрешение которых у одних людей сформировало новые адаптационные механизмы, другие, не разрешив эти проблемы, подверглись деструктивным личностным изменениям.

Проблемные переживания подростков в период социальной дифференциации общества

Социально-экономическая дифференциация и психические изменения. Период социально-экономического кризиса в России сменился периодом социальной дифференциации общества. Социальное расслоение, дифференциация общества сопровождаются психологическими изменениями: изменилось понятие класса и классового сознания; произошли ценностные размежевания и их идеологизация; конфликты ценностей наблюдаются между различными профессиональными и социально-демографическими группами; ценности экономической сферы определяются материальными соображениями, страхом потерять работу, то есть являются «ценностями, необходимыми для выживания»; противостояние на уровне элитарность/социальность делит общество на меньшинство имущих и большинство неимущих.

Социальное расслоение в обществе проецируется на жизнь каждой семьи, каждого ребенка. Следуя своей концепции изучения влияния социума на человека через изучение проблемных переживаний подростков, мы использовали тот же методический аппарат (проблемная анкета Seiffge-Krenke) и изучили группы подростков Санкт-Петербурга, находящихся в различных социальных условиях: воспитывающихся в семье и в детском доме, относящихся к группе просоциальных и тех, кто характеризуется асоциальным поведением.

Проблемные переживания подростков, живущих в семье и в детском доме. Отличительной особенностью проблемных переживаний подростков из детского дома выступает высокий показатель проблемной озабоченности в области школьной жизни. Некоторые воспитанники детского дома уже сейчас (в 5–6-м классах) хотели бы прервать обучение в школе. Они хотели бы получать «больше внимания от учителей к своим проблемам», они отмечают, что «отношения в классе строятся на конкуренции, а не на дружбе», а также то, что «не могут справиться со школьной программой».

Сфера взаимоотношений со сверстниками у подростков из детского дома является проблемной из-за нереализованной потребности найти «одного хорошего друга», из-за «скрытности и фальши окружающих», «боязни быть не принятыми». Подростки из детского дома отмечают, что им «не хватает времени для общения с друзьями» и им «трудно согласовывать свои интересы с интересами друзей».

Относительно образа «Я» подростки, воспитывающиеся в детском доме, отмечают неумение описывать свои чувства, нерешимость говорить в присутствии других, незнание, чего они сами хотят, неспособность отстаивать свои решения и мобилизовать свои усилия в какой-либо деятельности.

Проблемные переживания просоциальных и асоциальных подростков. У асоциальных подростков средний балл озабоченности проблемами ниже, чем у просоциальных. Можно предположить, что это связано с активизацией механизмов психологической защиты асоциальных подростков, при помощи которых они стремятся поддерживать стабильность образа «Я», получать недостающую личностную защищенность. Но есть области жизненных

проблемных переживаний, где наблюдаются различия. Наиболее существенные расхождения обнаружены в таких областях, как будущее, взаимоотношения со сверстниками.

Если подростков с просоциальным поведением беспокоит страх в будущем «оказаться безработным», не получить профессиональное образование, неуверенность в правильности выбора будущей профессии, то подростков с асоциальным поведением в большей степени заботит проблема, имеющая место в настоящем времени, — взаимоотношения с роди-

телями. Такие подростки могут испытывать ощущение ущербности, «беспольности» своего существования. Их типичные высказывания: «Они меня не понимают», «Ненавижу, когда на меня кричат, бьют меня».

Таким образом, результаты исследования влияния социально-экономических изменений на психологические проблемы подростков можно рассматривать как научное обоснование тех социальных программ, в которых нуждаются подростки, живущие в эпоху перемен.

К. С. Романова¹

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЛИЧНОСТИ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ МИРЕ

История развития человечества — это в известном смысле история развития человеческой свободы, которая была вначале крайне незначительной, а в процессе ускоряющегося хода истории приобретала все более широкие масштабы и все более глубокий характер. Историческое изменение форм материального производства является в то же время историей развития человеческой свободы и культуры. Для личности обладание свободой — это исторический, социальный и нравственный императив. Свобода личности выступает критерием не только развития ее индивидуальности, но и уровня развития общества. «Личность тем значительнее, чем больше в ее индивидуальности проявляется всеобщее» [1, 8].

Следует отметить, что в бывших социалистических странах культура людей формировалась в неразрывной связи с идеологией, носящей антифеодальный, антикапиталистический характер, основанной на принципах коллективизма, осуждающей индивидуализм. В последние пятнадцать лет так называемого «демократического реформирования» России все более заметно исчезают идеи и лозунги демократического толка, на смену им приходит доктрина либерализма, основанная на уровне базового мифа о личной свободе и индивидуальном счастье. Очевидность перехода от демократических ценностей к либеральным отражается в политических sloganaх; один из них: «Деньги — это отчеканенная свобода» [2]. Либерализм предусматривает свободу только для тех, у кого есть деньги.

Россия еще не достигла уровня постиндустриальной страны, но переняла многие внешние манеры и стиль жизни Запада. Она приобрела пороки западной цивилизации еще до того, как освоила ее достижения. Нельзя не согласиться с В. Г. Федотовой, которая утверждает, что «факторами сходных ценностных изменений в России и на Западе является либертаризм, произведенный на Западе технологической, а в России политической революциями и глобализацией посредством распространения идей товарного мира через неолиберализм и массовую культуру, а также американская массовая культура как часть «мягкой мощи» США в условиях отсутствия собственной» [3, 52].

В настоящее время источником культурного омассовления являются СМИ, телевидение с характерными для него стандартизированными формами превращения любой проблемы, действительно заботящей людей, в товар и развлечение. К примеру, ценности, обсуждаемые и рекламируемые как образец гламурного образа жизни обитателей Рублевки или поп-звезд, по образцу западного общества включают такие «главные» цели для девушек этой среды: найти мужчину-кошелек, увеличить размер груди и бороться с целлюлитом. Причем все это сопровождается постоянным рефреном: «Ты этого достойна!» Ежедневное внедрение в сознание людей, особенно молодых, подобных ценностей умалает их человеческое достоинство, мешая блеском ценных (дорогостоящих) «игрушек» для взрослых понять разницу между ценой и ценностью.

С помощью различных социальных институтов, технологий и методов создается культурное многообразие, которое является в сегодняшнем мире естественным и неизбежным. Мультикультурализм в поликультурном мире выступает не просто как констатация этого многообразия, а как политика, направленная на поддержание разделительных линий и изгоняющая общее из многообразия, превращая личность не в индивидуальность, а в индивидуалиста. Мораль и практика вседозволенности, определяемая гедонизмом, приводит к нигилизму, безразличию и другим вариантам ценностных ориентаций, порождаемых образом жизни по принципу «здесь и сейчас». Происходит метафизический разрыв триединой структуры времени, определяющей связь прошлого, настоящего и будущего. Живя только сегодняшним днем, не понимая и не желая видеть историческую перспективу своего развития, личность рискует утратить ценность и значение своей жизни. Без определенной социальной направленности жизни теряется перспектива развития личности. Как говорил поэт Игорь Северянин: «Душа влечется в примитив!» В случае ограничения действия индивида задачами настоящего момента без учета перспективы развития происходит обеднение психологической организации личности, так как возможности человека (то есть его потенци) всегда больше, чем те, которые требуются для решения сиюминутных вопросов.

На фоне разрушительных для культуры и духовного мира личности социальных катаклизмов важно

¹ Старший научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения РАН (Екатеринбург), кандидат философских наук, доцент.

не только выстоять, но и не утратить личных перспектив, не потерять свое лицо.

Центральной проблемой расколовшегося индивидуализированного общества становится одиночество — не как психологическая проблема, а как социальная, отражающая потерю социальных связей, социальных ценностей и норм. Высшая историческая форма свободы («свободное развитие каждого есть условие развития всех»), которая была декларирована в качестве принципа организации

общества в последней советской конституции, не нашла своего исторического завершения в результате так называемых демократических преобразований и остается пока в качестве недостижимого идеала.

Литература

1. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. М., 1957.
2. Илларионов А. Деньги — это отчеканенная свобода // Аргументы и факты. 2003. № 6.
3. Федотова В. Г. Хорошее общество. М., 2006.

А. В. Смирнов¹

ПОНИМАНИЕ КУЛЬТУРЫ КАК ПРЕДПОСЫЛКА ЭФФЕКТИВНОГО ДИАЛОГА

«Диалог культур» как понятие предполагает наличие культур и их различие. Эта констатация была бы тривиальной, если бы не были так трудны ответы на простые, казалось бы, вопросы: а что такое культура и как культуры различаются?

Нет двух похожих культур, как нет двух похожих людей. Но само это утверждение означает, что культуры принципиально схожи, иначе не было бы смысла их различать: мы же не говорим, что люди и камни различны (такое утверждение истинно, но имеет мало смысла).

Коротко говоря, различие культур предполагает их существенное совпадение как культур. Эти два полюса: различие культур и их единство, — и будут темой моего сообщения.

Партикуляристское и универсалистское понимание культуры заключается в следующем: культура — это все (совокупность материальных и духовных ценностей) и в то же время только часть всего (культура как двигатель развития). Любое явление принадлежит культуре, культурно обусловлено — и вместе с тем мы не можем все отождествить с культурой.

В. С. Степин предлагает считать культуру «генетическим кодом» социального организма. Эта биологическая метафора удачна: она показывает, что все культуры — именно культуры (как и люди — люди благодаря общности генома), но вместе с тем различны, поскольку «один и тот же» геном может быть реализован по-разному. Все в человеческом мире принадлежит культуре, как в организме человека все в конечном счете определяется генами, и в этом смысле культура — наше все. Но гены — только микроскопическая часть организма, и в этом смысле культура — только часть человеческого мира.

Но этого недостаточно. Набор категорий, ключевых понятий в каждой культуре свой, и мы не можем *a priori* задать такой список (неважно, закрытый или открытый) и с ним подходить к изучению культуры: мы всегда будем встречать в культурах *непереводимые* (а значит, не попадающие в этот список) и вместе с тем *ключевые* понятия. Мы будем встречаться с такой трактовкой номинально как будто совпадающих понятий, которая заставит нас признать за номинальным совпадением полное

смысловое расхождение. И, что еще хуже, мы будем сталкиваться с опасностью *незамечания* тех категорий, которые для культуры являются принципиальными, но «не видны» нам как представителям другой культуры и не каталогизируются нами.

Далее, набор универсалий, или категорий, «генов» культуры определенным образом структурирован. Универсалии не просто «лежат» одна рядом с другой, они не просто каталогизированы, как карточки в картотеке. Они завязаны в «узел», и узел этот выстроен по определенным законам взаимодействия.

Главным вопросом сейчас является вопрос о том, чем и как «завязан» этот узел, что делает набор универсалий геномом культуры?

Принципиальную роль здесь играют два механизма: а) различения и объединения и б) соотношения части и целого. Они «отвечают» за то, как различены и как сочленены, соотношены категории культуры.

Первый принципиальный вывод: неоднородность «набора» универсалий: в нем имеются универсалии высшего порядка, которые «отвечают» за целостную организацию универсалий в некую функционирующую единицу, «узел». Такие категории я называю *метакатегориями культуры*. Они представлены, с моей точки зрения, двумя парами: «противоположение-объединение»; «целое-часть».

Второй принципиальный вывод: эти «механизмы» противоположения-и-объединения, соотношения части-и-целого вариативны, и они могут функционировать по-разному в разных культурах. Сохраняя номинальное тождество, они оказываются таким образом несовместимыми.

В этом причина трудностей, отмеченных несколькими абзацами выше. Различия между культурами могут быть вызваны разным содержательным наполнением одного и того же набора универсалий (категорий) культуры; а могут быть вызваны разным функционированием этих двух «механизмов». Обычно эти два типа различий смешивают; их разведение позволяет достигнуть существенного прогресса в понимании культуры и, следовательно, в организации эффективного диалога с ней.

¹ Заместитель директора по научной работе Института философии РАН (Москва), заместитель главного редактора «Философского журнала» член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор.

В. А. Черешнев¹;
В. Н. Расторгуев²

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ВЫБОР: ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫЙ ПОДХОД И ГУМАНИТАРНОЕ ПРОЧТЕНИЕ

Когда мы вплотную приближаемся к осмыслению глобальных проблем, в том числе и тех, которые в научном знании, как правило, «проходят по ведомству» естественных наук, то сразу сталкиваемся с рядом парадоксов, требующих чрезвычайно тонкого и грамотного гуманитарно-методологического подхода. Эту взаимосвязь и взаимодополнение наук лучше других чувствовал и описывал Д. С. Лихачев, благодаря поддержке которого, как уже говорилось в нашем докладе на прошлых Лихачевских чтениях, были реализованы масштабные экологические проекты. В их числе одна из наиболее перспективных наукоемких государственных программ: первая в России программа устойчивого развития уникального природного региона (Тверской области — территории Великого водораздела Русской равнины).

Рассмотрим три парадокса, возникающих на стыке наук при изучении так называемых «вызовов времени», как в последнее время все чаще называют глобальные проблемы.

Первый из них может быть условно назван *абerrацией интеллектуального зрения* или *эффектом научной дальновидности*. Этот эффект был точно подмечен Д. С. Лихачевым, который в известной статье «Будущее литературы как предмет исследования» писал, что труднее всего предвидеть то, что совершится в ближайшем будущем, а «легче разглядеть общие тенденции развития, протягивающиеся в далекое будущее». И это действительно так. Распространенное мнение диктует нам некую линейную концептуальную схему, в соответствии с которой человечество в процессе поступательного развития практики и научного знания, то есть шаг за шагом, поднималось к постановке и решению все более масштабных проблем — вплоть до постановки проблем глобальных, но в действительности все обстоит совершенно иначе. Масштабные проблемы, способные качественно изменить наше будущее или даже ставящие под вопрос само существование человечества, открываются значительно раньше и быстрее, чем узконаучные проблемы, от своевременной постановки которых зависит устранение или минимизация глобальных угроз. Известно, к примеру, что важнейшая, пожалуй, из современных глобальных проблем геополитического толка, которую с подачи С. Хантингтона часто называют «конфликтом цивилизаций», была в своей наиболее глубокой философской версии поставлена еще русским мыслителем Н. Я. Данилевским. Именно он ввел в научный оборот концептуальную схему

сосуществующих культурно-исторических типов, чье взаимодействие не может проходить бесконфликтно. Из этого, разумеется, не следует вывод о неизбежности неустрашимых и неразрешимых конфликтов, а тем более межцивилизационных войн — в противном случае мы сталкиваемся с особым типом абerrации сознания, которая, по мнению Т. Адорно («Проблемы философии морали»), была выявлена еще И. Кантом: речь идет о неправильном употреблении разума.

Второй парадокс может быть назван «атакой проблем». Людям часто кажется, что именно они, а точнее, самые наблюдательные, одаренные и удачливые среди них открывают и решают важнейшие проблемы (как известно, открыть проблему — наполовину ее решить). В действительности мы, как правило, сталкиваемся с противоположной тенденцией: назревшие, «больные» проблемы не ждут, когда их обнаружат, а сами находят нас, заставляют считаться с ними — если, конечно, мы не будем сводить феномен зарождения проблемы к психологическому затруднению, возникающему в ходе практической или интеллектуальной деятельности, а обратим внимание и на их «подводную часть» (онтологический статус проблем). Проблемы действительно «выбирают» тех немногих, кто способен непредвзято взглянуть на какое-то явление, оторвать на минуту взгляд от заданной «картины мира» и увидеть очевидное для непредубежденного ума — надвигающуюся угрозу глобального масштаба. Именно по этой причине, кстати, миллионы озабоченных судьбой планеты экологов, то есть людей, большинство из которых не принадлежит ни к одному научному сообществу, идут не позади, а зачастую впереди экологов-профессионалов, заставляя их по-новому подойти даже к выбору объектов и методов исследования.

Третий парадокс, которому и будет посвящена основная часть доклада, заключается в том, что, говоря о глобальных проблемах, мы довольно часто путаем причины и следствия — механизмы решения глобальных проблем и порождающие их факторы. Это связано с тем, что мы обычно не замечаем границ между собственно научным и политическим дискурсами, что мешает увидеть принципиальное различие двух видов этой деятельности. Такой подход, в свою очередь, открывает почти неограниченные возможности для манипулирования массовым сознанием и дискредитации науки, методы которой позволяют проникнуть в природу глобальных угроз — деструктивных процессов в функционировании социоприродных систем. Политики чаще всего используют отсылки на глобальные проблемы, имея в виду отдельные научные гипотезы и конкурирующие теории, в интересах, не имеющих никакого отношения к поиску истины. При этом внимание фиксируется лишь на внешних характеристиках глобальных трендов, порожденных процессом глобализации, суть которого в этом случае сводится не к снижению рисков и не к минимизации глобаль-

¹ Председатель Комитета по науке и наукоемким технологиям Государственной Думы, председатель Уральского отделения РАН, директор Института экологии и генетики микроорганизмов Пермского научного центра Уральского отделения РАН, академик РАН, доктор медицинских наук, профессор.

² Заведующий кафедрой теоретической политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, профессор.

ных угроз, что составляет цель постановки глобальных проблем, а к установлению контроля за планетарными ресурсами в условиях нарастающего ресурсного голода.

С одной стороны, упоминание о глобальных проблемах давно превратилось в универсальный и почти ритуальный прием, широко используемый в большинстве сфер деятельности (прежде всего политической, общественной и научной) для обоснования исключительной актуальности тех или иных проектов, программ или акций. И действительно, что может быть более актуальным, чем борьба за выживание всего человечества? Для того чтобы убедиться в справедливости этого вывода, достаточно бегло просмотреть тематику международных встреч за последнее десятилетие, в том числе и саммитов лидеров ведущих стран мира. С каждым годом все очевиднее становится общая тенденция выделения тех или иных глобальных проблем как ключевых и сквозных тем, позволяющих не только выстроить внутреннюю логику переговорного процесса применительно к конкретной ситуации, но и обозначить преобладающую тематику такого рода встреч и дискуссий на длительный период.

С другой стороны, благодаря самому факту выделения глобальных проблем в особый класс в между-

народной политике последних лет прослеживается несомненная эволюция от методов закрытого и чаще всего спонтанного решения текущих задач в узком кругу руководителей стран и дипломатов к открытому и научно обоснованному обсуждению консолидированных стратегий долгосрочного и сверхдолгосрочного развития. Заметим, что неизбежный для политического дискурса схематизм и даже некоторый примитивизм научного обоснования этих проблем не препятствует сближению позиций основных политических акторов. Поэтому критика сугубо научного уровня дискуссий и итоговых документов не может служить основанием для принижения их значимости.

Есть и еще один позитивный результат, значение которого трудно переоценить, — активизация интереса политиков, ученых и широкой общественности к социальным и экологическим последствиям принимаемых политических решений. Причина такого интереса заключается в том, что почти все проблемы, относимые сегодня к разряду глобальных, являются либо экологическими, либо социальными, либо социально-экологическими. Во всяком случае, не вызывает сомнения наличие экологического и социального измерений у каждой из таких проблем.

В. А. Черных¹

ИДЕИ СОВРЕМЕННОГО МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА О МНОГООБРАЗИИ КУЛЬТУРНЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ

В рамках либеральной парадигмы идея о разнообразии культурных идентичностей в современном обществе нашла отражение в концепции многонациональной демократии (Multinational Democracy). Так, Чарльз Тейлор (Charles Taylor) отмечает, что либеральные демократические системы становятся все более многообразными (Diverse) с точки зрения культурной идентичности граждан, поэтому легитимность политических систем данного типа зависит от решения проблемы поддержания определенного уровня социального единства и гомогенности.

Основными вопросами, на которые стремится дать ответ мировая либеральная научная элита, стали: а) взаимосвязь справедливости (Justice) и стабильности (Stability); б) противоречие между нормативными требованиями признания (Recognition) прав различных культурных и этнонациональных идентичностей и формами согласования (Accommodation) их интересов, а также разрешения противоречий; в) нормативные и институциональные характеристики тех или иных видов урегулирования разногласий и способов управления конфликтами (Reconciliation and Conflict Management)².

Вместе с тем идеи многообразия культурных идентичностей (Diversity of Cultural Identities), или культурного плюрализма (Cultural Pluralism), ха-

рактерные для либерального и постлиберального мультикультурализма (Multiculturalism), а также соответствующая этим идеям платформа в решении проблемы социальной справедливости весьма критично воспринимаются традиционным либерализмом. Выступая в защиту сути классических принципов либерализма в понимании прав человека и социальной справедливости как равной справедливости для всех, Брайан Берри (Brian Barry) считает, что решение этой проблемы должно быть найдено в рамках либерализма, а не его нелиберальной трактовки в форме многокультурности (Multiculturalism). Б. Берри в своем критическом обзоре работ таких сторонников мультикультурализма, как Б. Парек, Ч. Кукатас, Уилл Кимлика, Ч. Тейлор, Дж. Талли, А. Янг (Bikhu Parekh, Chandran Kukathas, Will Kymlicka, Charles Taylor, James Tully and Iris Young) указывает в качестве недостатков данного подхода, во-первых, на дискредитацию либерализма как не соответствующего требованиям плюралистических в культурном отношении обществ; во-вторых, на несостоятельность нормативной аргументации и необоснованность тезиса о необходимости более высокого уровня согласования и урегулирования (Accommodation) интересов культурных меньшинств в демократическом обществе; в-третьих, на ошибочность выдвигаемых предложений о признании (Recognition) особых прав и свобод и других мер в отношении различного рода культурных меньшинств как гибельных с точки зрения реальной политики³.

¹ Первый проректор Российской таможенной академии (Люберцы, Московская обл.), доктор политических наук, профессор.

² Multinational Democracies / eds. A. G. Gagnon and J. Tully. Cambridge, 2001. P. 35, 133, 275; Stevenson G. Multinational Democracies // American Political Science Review. 2002. Vol. 96. № 3. P. 658.

³ Barry B. Culture and Equality: An Egalitarian Critique of Multiculturalism. Cambridge, 2001. P. 6.

Общей тенденцией развития либеральных обществ в условиях глобализации является нарастание их многокультурности, в том числе за счет изменения интенсивности миграционных потоков. Эффективность функционирования многокультурных общественных систем зависит от успеха в решении следующих основных проблем. Первая — это проблема справедливости, суть которой состоит в определении того максимального уровня, до которого политика либеральных обществ может отклониться от стандартов, устанавливаемых либеральными принципами равенства прав граждан, с целью аккомодации (согласования) требований культурных меньшинств, что выражается, например, в гарантиях для них особых прав различного рода. Вторая — проблема согласия, единства общества, что предполагает выявление, до каких пределов может быть распространен принцип уважения различий культур и когда он нуждается в ограничении в целях сохранения политического единства общества.

Начало нового века отмечено увеличением числа изданий, посвященных этой проблематике и выполненных с позиций мультикультурализма, что позволило поставить вопрос о возможном возникновении либеральной теории многокультурного гражданства¹. Особое место в литературе по многокультурности занимают исследования Уилла Кимлика и его теория мультикультурного гражданства (Theory of Multicultural Citizenship)²; Бикху Парекка, еще дальше продвинувшегося в сторону пересмотра принципов либерализма в своей политической теории мультикультурализма (Political Theory

of Multiculturalism) и предложившего рассматривать либерализм через призму специфических культур, а именно как соответствующий им специфический образ жизни, а не нейтральную по отношению к различным культурам перспективу развития, учитывающую их разнообразие³; Джозефа Каренса, выдвинувшего политическую теорию контекстуализма (Contextualist Political Theory) и обратившего внимание на то, что решение практических проблем конкретных обществ на основе сугубо абстрактных принципов либерализма создает значительные трудности, которых можно избежать при условии изучения локальных истории и культуры, особенности которых должны быть учтены при выработке тех или иных институциональных решений⁴.

Противоречия и социокультурные вызовы глобализации стали отражением общемирового цивилизационного кризиса, трансформации социокультурной структуры и иерархии мировой цивилизации. Современный цивилизационный процесс и риски глобализации для большей части стран мира выводят на передний план проблемы обеспечения социальной и политической стабильности, развития различных культур и обеспечения их взаимодействия, адаптации человека в современных условиях, обеспечения и защиты основных (неотъемлемых) прав человека, придавая им не только интерсоциальный характер, но и статус приоритетных проблем и интересов мировой политики в XXI в.

¹ Miller D. Culture, Citizenship and Community // American Political Science Review. 2001. Vol. 95. № 3. P. 715.

² Citizenship in Diverse Societies / eds. W. Kymlicka and W. Norman. Oxford, 2000.

³ Parekh B. Rethinking Multiculturalism: Cultural Diversity and Political Theory. Cambridge, 2000.

⁴ Carens J. Culture, Citizenship and Community: A Contextual Exploration of Justice as Evenhandedness. Oxford, 2000.

Секция 2

ЕВРОПЕЙСКАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ: ДУХ И ГРАНИЦЫ

23 мая 2008 г. СПбГУП, ауд. № 421

Руководители секции:

ГУСЕЙНОВ Абдусалам Абдулкеримович — директор Института философии РАН, заведующий кафедрой этики МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва), академик РАН, доктор философских наук, профессор, почетный доктор СПбГУП;

ПРУЖИНИН Борис Исаевич — заместитель главного редактора журнала «Вопросы философии» (Москва), доктор философских наук;

МАМОНТОВ Владимир Константинович — главный редактор газеты «Известия» (Москва)

КРУГЛЫЙ СТОЛ

В. К. МАМОНТОВ: — Хочу поблагодарить всех организаторов за приглашение на эти замечательные Чтения, чрезвычайно важные для духовного развития нашей страны и всех, кого интересует духовное развитие России. Идея поговорить на эту тему пришла мне, и я обсудил ее с моими друзьями и с людьми, которым она показалась любопытной. И я благодарю всех, кто решил принять участие в обсуждении этой темы.

Я не ученый-теоретик, а практикующий редактор, и жизнь заставляет меня задумываться над самыми разнообразными проблемами, которые попадают в поле зрения газеты. И для меня как редактора газеты и как просто человека, интересующегося многим, действительно существует важный вопрос: что происходит сегодня с Европой, каково наше отношение к западному миру и как Европа и Запад в целом относятся к нам? Для меня чрезвычайно важными были последние политические события в Европе, они заставили задуматься о том, каким будет наше ближайшее будущее. Я имею в виду, в частности, прецедент в Косово, который, на мой взгляд, не только изменил политическую картину мира, но и нарушил некое внутреннее равновесие, наверное, каждого человека. Во мне, например, пошатнулось понимание того, кто я такой — европеец или азиат, двухголовое ли чудовище, как нарисовано на гербе России, или все-таки человек, смотрящий в одну, нужную, сторону.

В ходе предвыборной кампании нам с Григорием Алексеевичем Явлинским довелось очень бурно полемизировать на эту тему в прямом эфире на радио «Эхо Москвы». Г. А. Явлинский сказал мне: «Владимир, посмотрите на себя в зеркало. Что же вы еще думаете? Конечно, вы европеец». Я сказал: «Зеркало — это еще не все, есть еще что-то внутри, что заставляет меня в этом сомневаться. Иногда я думаю, что это не так».

Если вчера европейские ценности для меня и для многих, очевидно, в мире представляли несомненный ориентир, то сегодня, мне кажется, это не так. То лицемерие и странные вещи, которые происходят сейчас в Европе, и то, как она реагирует на вызовы времени со стороны США, России, мусульманских и других держав, заставляют меня задуматься: где же границы европейской ментальности, каковы они и что происходит с тем, что мы называем европейским духом, если таковой вообще существует?

Когда на рубеже XIX–XX вв. возник вопрос о существовании Бога, Достоевский сказал устами своего героя: «Если Бога нет, то все позволено», а другой, европейский мыслитель Ницше высказался иначе: «Если Бога нет — и слава Богу. Бог умер — и слава Богу».

Если говорить о сегодняшних мировых взаимоотношениях, то, несомненно, что с возникновением прецедента в Косово старые мировые европейские ценности сильно поколеблены, если не разрушены. Лично я не могу присоединиться к тем, кто считает, что это не страшно: «Ну нарушены, разрушены, разбомблены и закрыты эти самые мировые ценности мирового общезнания, и бог с ними». Для меня чрезвычайно важно иметь твердое понимание, является ли прецедент в Косово абсолютно ясным и дает ли он основание сказать: «И бог с ним»? Если допустить эту мысль, тогда мы все должны следовать этому примеру, поскольку в мире, где разрушаются нравственные и иные ценности, бессмысленно быть Робинами Гудами и продолжать отстаивать их в одиночку.

Прошу прощения за, возможно, абсолютно ненаучный подход к проблеме, и надеюсь, что все вместе мы сможем найти иной ответ вызовам времени.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Владимир Константинович Мамонтов назвал себя практикующим редактором, но есть иной термин — «практикующий гуманитарий». Себя же я, видимо, могу назвать теоретизирующим гуманитарием.

Затронутая нами тема «Европейская ментальность: дух и границы» исключительно важна, поскольку непосредственно касается каждого из нас. Владимир Константинович сказал, что его из равновесия вывел случай с Косово, а меня, если говорить о проблеме исторического самосознания и идентичности, лишил душевного равновесия 1999 г., когда НАТО начало бомбить Сербию. Тогда для меня начался совершенно новый век, новое летоисчисление. Должен признаться, что я до сих пор нахожусь в смятении. У меня отсутствует ясное представление о нынешнем мире и о том, куда идет человечество, какая перспектива ждет нас всех в будущем.

В нашем сегодняшнем обсуждении, думаю, могут быть рассмотрены самые разные критерии заявленной темы, и вряд ли можно обо всем договориться. Совершенно очевидно, чтобы говорить о европейской

ментальности, обязательно должен присутствовать принцип самопричисления, или самоидентификации, то есть причисляем ли мы себя к европейской культуре и присуща ли нам европейская ментальность. Мне кажется, это очень важный принцип именно для России. В конце концов, это просто ненормально, когда такая большая нация находится в недоумении относительно своего цивилизационного статуса. В общественных дискуссиях выделяются три позиции на этот счет: евразийская, европейская или особая российская культура и цивилизация. Иногда, впрочем, российская и евразийская цивилизации отождествляются. Поэтому вопрос национальной самоидентификации сегодня особенно актуален.

Мы, конечно, выражаем отношение к Европе, к тем стандартам, которые она сейчас практикует, той позиции, которую она занимает в мире сегодня, но при этом для нас все-таки самым важным является наша соотнесенность в ней. А значит, как-то мы себя все-таки воспринимаем.

Правильна ли вообще постановка вопроса, нужна ли нам Европа, входит ли нам в общеевропейский дом, можем ли мы построить наш европейский дом? Наверное, надо сначала все же выяснить, не Европа ли мы сами или — почему мы не Европа? Почему мы или кто-то еще решили, что мы не Европа? Этот вопрос означает, ответственны ли мы за Европу или нет? Например, ответственны ли мы за трагедию в Косово, за бомбардировку Сербии?

Если посмотреть на историю Европы, то можно найти много подобных ситуаций, когда европейских интеллектуалов не смущало то, что происходило в их странах в тот или иной момент. Скажем, французских мыслителей-энциклопедистов не смущало состояние Франции той поры, а Маркса — состояние Германии. Они скептически относились к тому, что происходило тогда в Европе, но не отказались от нее, а потому, быть может, им удалось продвинуть ее вперед. Почему же мы смотрим на Европу со стороны?

Этот ракурс проблемы наиболее интересен, как мне кажется, при рассмотрении вопроса о духе и границе европейской ментальности с точки зрения нашего культурного самосознания, нашей культурной идентичности.

Б. И. ПРУЖИНИН: — Я хотел бы, чтобы при обсуждении нашей темы прозвучали и профессиональные мнения — не общеполитические, а более конкретные. Мы все имеем разные профессии, интересы, политические взгляды и убеждения, но хотелось бы, чтобы в нашем обсуждении превалировал не политический момент, а некоторые более основательные вещи, то, что лежит в основе нашего не очень ясного представления о том, принадлежим ли мы к Европе или нет, и что для нас из этого следует, и как мы соотносимся с Европой...

В. М. МЕЖУЕВ¹: — Поскольку времени для выступления отводится мало, а вопросы заданы глобальные, приходится говорить, наверное, в несколько афористической форме. Говоря о диалоге цивилизаций, необходимо предварительно уяснить, что

следует понимать под диалогом, какой тип общения и межчеловеческой коммуникации можно называть диалогом и любая ли цивилизации способна к нему. Если понимать под диалогом весь спектр отношений между цивилизациями — от конфронтации до сотрудничества, то проблемы просто нет. Во все времена люди, принадлежащие к разным цивилизациям, как-то сосуществовали и взаимодействовали друг с другом — вступали в договоры и соглашения, обменивались товарами и дарами, занимались полезными для себя изобретениями и знаниями. Можно ли все это называть диалогом?

Сама идея диалога родилась на Западе, является западной идеей. Первыми о диалоге заговорили греки. В Новое время эта идея модифицировалась в теорию общественного договора, ставшую аксиомой европейской политической философии и правовой теории. Различные современные варианты теории диалога ограничиваются, как правило, социальным и духовным горизонтом Запада, ибо только здесь впервые сформировались условия, необходимые для вступления в него. Что же это за условия?

Первым и наиболее важным условием диалога является отказ его участников от какого-либо предварительного знания истины. Диалог возможен исключительно в режиме незнания истины, ее сокрытости от человека. О том, что известно заранее, не спорят. Мудрецы и пророки Востока, которым истина была дарована свыше, не вступали между собой в диалог. Восточная мудрость, существовавшая в форме пророчества, откровения, боговдохновенного знания, если и нуждалась в диалоге, то только с Богом. Греки первыми поняли, что истина рождается в процессе спора между людьми, в котором ни у кого нет монополии на нее. В диалоге все равны перед истиной. Диалог не терпит никакой иерархии званий, положений и авторитетов. Отсюда другое условие диалога — способность мыслить посредством своей, а не чужой головы. Диалог не просто обмен словами, но такой, который принимает форму систематически развернутого, доказательного разговора.

Что же следует понимать под диалогом? Люди всегда общались между собой посредством устной или письменной речи, но не всякая речь является диалогом. Диалог есть *разговор с другими о себе*. Желая понять себя, мы ведь обращаемся не только к себе, но и к тем, кто жил до нас или живет рядом с нами. Диалог важен для тех, кто хочет увидеть себя глазами других, как бы посмотреть на себя со стороны. Диалог есть следствие потребности человека в самосознании, которое нельзя выработать без посредства других, свести к простому сомнению и которое в любом случае нуждается во взаимопонимании.

Спрашивая о себе у других, люди вступают между собой в подлинно человеческие отношения, ибо относятся к кому-то по-человечески — значит видеть в нем продолжение или отражение самого себя. Диалог всегда есть диалог личностей, субъектов, каждый из которых утверждает свою субъективность путем не отрицания, а признания субъективности другого. Отношение, в котором другой человек уподобляется объекту, лишенному собственного голоса и сознания, перестает быть человеческим отношением.

¹ Главный научный сотрудник Института философии РАН (Москва), доктор философских наук, профессор.

В этом смысле диалог не совместим с отношениями типа «субъект–объект». Цивилизация, двигаясь в логике объективации (овеществления, отчуждения) человеческих сил и отношений, превращающая человека исключительно в объект познания и управления, к диалогу неспособна. Такая цивилизация может обрести глобальные масштабы, распространиться по всему свету, но не способна вступать с другими цивилизациями в диалогические отношения. Свои проблемы она предпочитает решать посредством не столько диалога, сколько диктата и силового давления, путем своей экономической, политической и культурной экспансии. Подобная стратегия поведения чревата, естественно, острыми противоречиями и конфликтами, опасностью столкновения цивилизаций.

Цивилизации, не достигшие в своем развитии ступени индивидуальной свободы, к диалогу, следовательно, неспособны. Он возможен лишь в условиях личной — политической и духовной — свободы каждого индивида. Такую цивилизацию можно назвать *универсальной*, не отождествляя ее ни с одной из ныне существующих цивилизаций. Она базируется на социальном и культурном равенстве всех людей планеты. С этой точки зрения правильнее, видимо, ставить вопрос не о *диалоге цивилизаций*, а о переходе к единой для всех (в этом смысле универсальной) *цивилизации диалога*.

По-видимому, единственное решение — идти по пути некоторого примирения, и в этом суть того диалога, который Россия на протяжении уже двух столетий ведет с Европой. Если правильно понимать, она не отрицает римскую правовую идею, но пытается ее чем-то дополнить. Так я понимаю данную проблему.

А. П. МАРКОВ¹: — Россия и Европа — два полюса христианской цивилизации, в аксиологической плоскости в чем-то даже взаимоисключающие друг друга. Не случайно почти во все исторические эпохи они находились в ситуации диссонанса.

Эпоха максимальной близости этих культурных моделей приходится на XI–XV вв., когда русская культура активно осваивала христианство, а Западная Европа еще не прошла через Реформацию. Первое и самое существенное «окно в Европу» было прорублено князем Владимиром — в духовный мир Византии, откуда на Русь пришла аутентичная, подлинная духовная христианская традиция, которая органично впитала гуманистическую энергетику античной культуры (и прежде всего Древней Греции). То есть уже на самых ранних этапах формирования русской культуры были обозначены ключевые христианские ценности и соответствующие им человеческие качества — любовь, сострадание и прощение, равнодушие к материальному благополучию и человеческая солидарность.

«Духовной развилкой», где разошлись пути русской и западноевропейской культур, стали XV–XVII вв. Именно в то время Русь начинает осознавать свою духовную миссию во всемирной истории, суть которой была выражена формулой: «Москва — Третий Рим». Эта миссия впервые была заявлена

в послании псковского инок Филофея великому князю Московскому Василию: «Все христианские царства пришли к концу и сошлись в едином царстве нашего государя, и это — российское царство: ибо два Рима пали, а третий стоит, а четвертому не бывать». И уже на основе осознания этой великой миссии «русская идея» впоследствии стала приобретать государственный, национально-политический характер, успешно решая объединительные и экспансионистские задачи.

Суть Реформации можно свести к нескольким проектам, которые сыграли существенную роль в ревизии этического идеала христианства (и прежде всего тех ценностей, которые содержит Нагорная проповедь Христа). На языке культурологии суть реформ состояла в том, чтобы разрушить психокультурный механизм «творения человека по подобию», то есть ликвидировать духовных референтов, транслирующих этический идеал христианства. Были упразднены основные таинства (в том числе ликвидированы культы Богоматери, святых, поклонение мощам, иконы и т. д.). Далее была произведена десакрализация мира, который предстал уже не как творение Божие, а как поле человеческой деятельности, природа стала чуждой средой, которую надо совершенствовать, которой надо овладевать. В итоге была создана механистическая картина мира, которая расчистила поле для безудержной активности человека (эти идеи хорошо были развиты в английской философии, и прежде всего в работах философа-материалиста Томаса Гоббса). Но главная идея реформ состояла в создании *нового смысла бытия*. В частности, Кальвин разрабатывает «концепцию избранных», в которой он утверждает, что Бог еще до рождения определил одних к жизни, других — к смерти. Критерий избранности — успех в мирской деятельности. Однако свою избранность человеку надо доказывать все новыми и новыми успехами в земных делах. Работа становится религиозным служением, а богатство — критерием богоизбранности. Вот где коренится источник фантастической человеческой энергии, сотворившей капиталистическую цивилизацию!

Иными словами, Западная Европа прошла через глобальную культурную революцию, и человеку, как и культуре в целом, надо было заново обрести идентичность. И западный мир ее обрел — этический идеал составили новые «заповеди блаженств»: блаженны стали избранные (то есть богатые и успешные), трудолюбивые (ведь работа стала формой служения Богу), активные и успешные, творящие мир и преобразующие его в своих целях. Как известно, на утверждение этих ценностей ушло более двух веков: XVI в. — мировоззренческая революция, XVII в. — промышленная революция, и уже в XVIII в. завершается становление капитализма как цивилизации.

Протестантизм и кальвинизм стали источником революций в Нидерландах и Англии, позднее эта идеология легла в основу промышленных движений, она стала мировоззренческой основой образа и смысла жизни пуритан, которые впоследствии составили социальную базу Североамериканских колоний и определили культурную модель США. Христианство, которое изначально было религией угнетенных, стало религией сытых и богатых,

¹ Профессор кафедры рекламы и связей с общественностью СПбГУП, доктор культурологии, доктор педагогических наук.

которые свою формальную принадлежность манифестировали актом милостыни или фактом материального пожертвования — им этого казалось достаточно, чтобы заявить Богу о своей лояльности. В контексте этих событий становится понятной формула Шпенглера: западная цивилизация образовалась на «кладбище культуры» — на обломках и развалинах ее духовных основ, формировавшихся в лоне христианства,

Таким образом, начиная примерно с XVI в. в христианской культуре сосуществуют два постепенно расходящихся вектора. На одном полюсе — русская культура, которая продолжает оставаться не просто разновидностью европейской христианской культуры, но ее концентрированным выражением, сохраняя в историческом времени духовное ядро. Отечественные мыслители (К. Леонтьев, Ф. Достоевский, Н. Данилевский) понимали подлинную суть метаморфоз западного христианства, считая, что духовный надлом западной культуры имеет давние корни. Увы, христианство не выдержало искушений Антихриста: властью, сытостью и чудом. Первое искушение властью произошло в IV в., когда христианство стало государственной религией Римской империи. А в VIII в. это искушение принимает крайние формы — было образовано папское государство с неограниченной властью со столицей в Риме (интересна одна закономерность: именно с VIII в. начинается массовое появление мессий и новых псевдохристианских движений). Искушение сытостью произошло уже после Реформации, с развитием капитализма. Анализируя духовную агонию западной культуры XIX в., К. Леонтьев писал, что буржуазный прогресс ведет Европу к торжеству мещанства, пошлости, ускоряя приход антихриста. При этом он верил в высокую историческую миссию России, которая призвана спасти мир, сохраняя для будущего альтернативные варианты духовного существования в гармонии с природой и Богом.

Русская культура сохранила дух и сущность подлинно христианской (а значит, и подлинно европейской) культуры, вопреки (а может быть благодаря) всем соблазнам и тяжким испытаниям, выпавшим на ее долю. В XIX в. она подхватила выпадающую из ослабевших рук западноевропейской культуры духовную эстафету, продолжила и сохранила христианский дух европейской культуры, который та к тому времени почти утратила (именно об этом писал О. Шпенглер в своей известной книге, отмечая, что победа капиталистической цивилизации стала возможна лишь после того, как была убита «душа культуры»).

Таким образом, трудности межкультурного диалога России и Западной Европы во многом обусловлены разностью культурных миров. Но эти же ценности второе десятилетие исповедует и русская культура, духовная матрица которой была существенно скорректирована эпохой демократических реформ и глобальными «агентами культурного влияния» (западной рекламой, голливудской продукцией и т. п.).

Однако, как это ни парадоксально, сегодняшние попытки выстроить межкультурный диалог с Западной Европой на базе нашего «языческого общего» не приобретают конструктивного характера. И основная причина состоит в том, что одна из участниц

диалога, а именно русская культура, утратила духовную идентичность. Западная же культура сегодня более аутентична и целостна — пусть и в системе языческих ценностей, но она шла к этой модели несколько веков начиная с эпохи Реформации. Русская культура такого опыта реформирования не имеет, сегодня она предельно маргинальна, содержит взаимоисключающие ценностные модели. Поэтому сегодня для России вхождение в свою собственную духовную традицию является более актуальным, чем интеграция в «европейский дом», в духовных пространствах которого переживает агонию западноевропейский рационализм.

Шанс обрести идентичность есть — отечественная история знает немало таких эпох, и ключевая роль русской культуры в национальном возрождении состояла в ее способности адекватно реагировать на вызовы времени.

М. А. МАНУИЛЬСКИЙ¹: — У меня вопрос к обоим докладчикам. Вы очень четко связываете границы европейской культуры с христианской. То есть Греция, как я понял, выпадает из этого пространства?

А. П. МАРКОВ: — Первое «окно», которое Россия «прорубила» в европейский мир, — это Крещение. Это было связано с усвоением не только христианской, но и греческой культуры, потому что Византия взяла органичный пласт духовной культуры, а не пласт патологий и девиаций, который вошел в эпоху западного Возрождения. Поэтому, на мой взгляд, подлинная христианская европейская культура пришла на Русь через Византию. Второе «окно», конечно, «прорубил» Петр I, и это уже «окно» в латинский мир, в неподлинную и очень усеченную Древнюю Грецию.

В. М. МЕЖУЕВ: — Запад начинается с образования греческого полиса — афинского. До сих пор историки-антиковеды спорят о том, как в составе восточной формы — Крит и Микены — вдруг возникает нечто принципиально иное, афинская демократия. Это одна из самых великих тайн исторической науки: как за очень короткое время возник полис? И, конечно, западная цивилизация начинается оттуда. Европейская культура держится на двух традициях, идущих из Афин и Иерусалима. В истории Европы эти две традиции сочетаются отнюдь не органически. Русская, так сказать византийская, традиция пытается охранить христианское начало от засилья якобы античного язычества.

В. Б. КУВАЛДИН²: — Одной из наиболее привлекательных черт глобалистики — науки, изучающей глобализацию, — является дискуссионный характер всех ее основных положений и установок. Здесь нет каких-либо истин, освященных временем авторитетов, — все спорно, у каждой точки зрения есть свои сторонники и противники.

Поэтому все работающие в этой сфере должны максимально ясно и точно формулировать свою

¹ Заместитель главного редактора журнала «Человек» (Москва), кандидат философских наук.

² Исполнительный директор круглого стола «Экспертиза» Горбачев-фонда, заведующий кафедрой Московской школы экономики, доктор исторических наук, профессор.

позицию, чтобы избежать ненужных недоразумений. Я исхожу из того, что современный этап глобализации начался в середине XX в., после окончания Второй мировой войны. Тогда в качестве образца человечеству были предложены две модели жизнеустройства, которые с немалой степенью условности можно назвать капиталистической и социалистической. Их яростное противоборство заняло всю вторую половину века и закончилось победой либерального капитализма, его утверждением в качестве общезначимого ориентира. Можно сказать, что на этом завершилась вековая эпоха конфликтов внутри европейской цивилизации.

За соперничающими моделями жизнеустройства стояли наиболее влиятельные группы государств, претендующих на мировую гегемонию. Историческая победа капиталистического образа жизни означала превращение западного мира во главе с США в основного распорядителя и бенефицианта глобализационных процессов. 1990-е гг. стали новым золотым временем для Америки, а сама глобализация превратилась чуть ли не в синоним американизации мира. И казалось, что такое положение дел сохранится неопределенно долгое время.

Однако новый век, начало нового тысячелетия ознаменовались заметной сменой декораций на мировой сцене. С одной стороны, американская гегемония оказалась не столь прочной и устойчивой, как это представлялось ранее. Ее подрывают острые финансово-экономические проблемы США, провал амбициозного замысла демократизации Большого Ближнего Востока, быстро набирающий силу антиамериканизм в мире. С другой стороны, стремительно поднимаются новые центры силы, претендующие на ключевые роли в глобальном мире: Китай, Индия, Россия, Бразилия, региональные державы (ЮАР, Индонезия, Иран и др.). В итоге «американский век» может оказаться гораздо короче, чем это виделось совсем недавно.

Большинство новых центров силы никогда не были органической частью европейской цивилизации и к этому не стремятся. Нередко это древние цивилизации с мощной культурной традицией, со своим, особенным видением мира. Они представляют собой самостоятельные, оригинальные модели экономического, политического и культурного развития, доказавшие свою жизнеспособность в условиях глобальной конкуренции. Они не только не склонны к слепым заимствованиям с Запада, но и нередко убеждены в преимуществах своего образа жизни.

Из сложившейся практики мы знаем, что обычно смена лидера, перераспределение ролей на мировой арене осуществлялись силовыми методами, через конфликты, кризисы, войны. В глобальном мире издержки подобного «выяснения отношений» слишком велики. Требуются иные методы, иной алгоритм поиска решений. Здесь нет разумной альтернативы партнерству цивилизаций.

По-видимому, настоящее партнерство цивилизаций невозможно без надежной общечеловеческой культурной основы. Эта основа может быть выработана только в процессе взаимодействия людей различных культур в решении общезначимых проблем разного уровня и степени сложности. Поэтому диалог цивилизаций должен идти не только в философ-

ско-теоретическом ключе, но и в практической плоскости. Лучшей площадкой для него является само создание и обустройство глобального мира.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Очень интересно. Но хочу спросить: как вы представляете кризис европейской цивилизации? Допустим, Европа исчезает с политической и географической карты как геополитическое образование. Значит ли это, что из состава человеческой культуры исчезнут европейские ценности, как исчезла и Древняя Греция? Что вы подразумеваете, когда говорите о кризисе: это кризис геополитический или всей системы европейских ценностей?

В. Б. КУВАЛДИН: — Короткий вопрос, короткий ответ. Первое. Нет, не значит, потому что они обладают огромной заражающей силой, и в восточноевропейской цивилизации они присутствуют, хотя и не доминируют. Второе. Мой взгляд на Европу и ее будущее куда более оптимистичен. Я считаю, она никуда не исчезнет. Европа проводит феноменальный эксперимент с Европейским Союзом. Полагаю, что у нее есть реальные шансы остаться мировым центром силы и, возможно, в этом качестве несколько потеснить США.

Н. Б. КОНДРАТЬЕВА¹: — Противоречивая история и география создали благоприятную почву для бесконечных рассуждений и споров теоретиков относительно ценностной ориентации России. Географическое положение на стыке Европы и Азии всегда оказывало мощное влияние на экономическое развитие страны, ее внутреннюю и внешнюю политику, культуру и представление о ценностях. Россия географически расширялась преимущественно на Восток, но всегда была восприимчива к европейским проектам, направленным на модернизацию общественной жизни. Да и европейцы, бесспорно, отдавали должное русским талантам. История, однако, не баловала Россию и Европу возможностями для сближения. И сегодня уровень их экономической и политической интеграции все еще остается минимальным.

Аналитики выделяют, по крайней мере, четыре крупные попытки западников в России преодолеть последствия изолированности от остальной Европы. Каждая из них, включая последнюю, предпринятую в начале 1990-х гг., оканчивалась откатом от европейских ценностей. Возродится ли в России доктрина «евразийства» и на этот раз?

На границе ЕС и России уже создано семь еврорегионов; четыре учреждено в Причерноморье. Успешных конкретных проектов реализовано достаточно. В то же время нельзя не отметить, что информационные сайты еврорегионов с участием российских территорий содержатся в плохом состоянии. Россия, как было обещано на заседании Совета глав субъектов Федерации в Курске в декабре 2007 г., будет и впредь на долевой основе финансировать проекты интеграционного сближения. Это автоматически дает России право участвовать в процедуре принятия концептуальных решений.

¹ Заведующая отделом исследований европейской интеграции Института Европы РАН (Москва), кандидат экономических наук, доцент.

Действительно ли близки европейские ценности современной России — стремление к свободе и самовыражению, строительству эффективной, но справедливой рыночной экономики, научно-техническому прогрессу при уважении традиций? В России недоумевают: «Мы тоже за права человека и понимаем, говоря словами Маяковского, “что такое хорошо и что такое плохо”, и стремимся к тому, чтобы было хорошо».

Нам, безусловно, виднее, сколь много Россия уже сделала в процессе построения демократии и справедливого рынка. Однако в ЕС всегда найдется в ответ перечень фактов, свидетельствующих об откатах России от провозглашенных ею демократических принципов. Сегодня можно почти с уверенностью сказать, что судьба будущего соглашения о стратегическом партнерстве напрямую зависит от того, сколь жесткими будут критики российской демократии. Но если это так, то к концу десятилетия мы вряд ли дождемся текста нового соглашения. Более того, в решении таких глобальных проблем, как терроризм, экологическая катастрофа, нелегальная миграция, распространение оружия массового поражения, Россия и ЕС будут все так же далеки от стратегического партнерства, как и в 1997 г., когда действующее Соглашение вступило в силу.

Между тем закончились времена, когда сам Евросоюз мог малыми средствами удовлетворять собственные имперские амбиции и расширять территорию, используя практически одни только политические механизмы. Как бы богаты ни были государства — члены ЕС, денег в их общем бюджете на новые земли не хватает. Поэтому все отчетливее просматривается необходимость реконструкции во внешнеполитическом курсе ЕС. Если ранее в программах, ориентированных на соседей, ЕС брал на себя большую часть концептуальной и управленческой работы и делал из своих партнеров предсказуемую периферию, пассивно получающую техническую помощь, то теперь он вынужден будет идти на равноправные отношения со странами и группировками стран, действующими в соседних регионах. Так уже произошло с северным измерением, так это, видимо, в конце концов случится и с черноморской политикой ЕС.

Для нас важно то, что споры, которые ведутся в стране не один век между западниками и славянофилами (или евразийцами), небесполезны и сегодня. В этих дискуссиях появился новый смысл. Во-первых, они необходимы в качестве средства мягкой безопасности от угрозы распада страны на интеллектуальную, населенную, но бедную природными ресурсами европейскую часть и насыщенную природными богатствами, но практически незащищенную — азиатскую. Пока сильны в России западники, есть надежда на то, что для восточных ее субъектов не будет потерян смысл оставаться в составе Российской Федерации.

Во-вторых, эти дискуссии помогают снять «головкружение» от недавних успехов. Россия учится модернизации именно у Европы и имеет в этом смысле достаточный иммунитет к Азии. И когда со стороны ЕС слышится критика качества российских реформ, это тот самый «гром», очень полезный для России, который заставляет ее «креститься», то есть шевелиться. А потому есть смысл и в том многом,

что было сделано на европейском направлении с момента подписания Соглашения о партнерстве и сотрудничестве с ЕС, и есть, конечно, смысл продолжать эти начинания и дальше в соответствии с концепцией четырех общих пространств, строительству которых было положено начало на саммите в Санкт-Петербурге России и ЕС в 2003 г.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Мы выслушали первые четыре доклада. И мне кажется, что уже намечены какие-то основные линии дискуссии. При всей схожести позиций они все-таки разные. В. М. Межуев говорит о том, что Россия — это альтернативная версия той же Европы. В. Б. Кувалдин, насколько я понимаю, утверждает, что нам нужно рассматривать все в процессе более глобального конфликта между Европой и не Европой, Западом и не Западом, и что в этом контексте Россия, конечно, часть Запада, его периферия, однако при этом судьба Запада решается именно здесь. А. П. Марков же считает, что российская идентичность принципиально иная, чем та, которую культивирует в настоящее время сегодняшняя Европа, Запад, и в этом смысле мы уже разъединены. Н. Б. Кондратьева в своем докладе, как мне кажется, продолжала развивать первые две версии. Все это, несомненно, создает поле для дискуссии.

Б. И. ПРУЖИНИН: — Рассуждая о философии как специфическом европейском феномене, о феномене именно европейской культуры, Г. Г. Шпет, самый, пожалуй, профессиональный русский философ, писал: «Моментом зарождения философии как знания, философии в понимании и в смысле чистой европейской мысли, нужно считать тот момент, когда эта *мысль* впервые направила свой рефлектирующий взор на самое же *мысль*»¹.

По сути, Г. Г. Шпет говорит здесь о возникновении специализированного философского самосознания культуры как о возникновении специфической характеристики этой культуры, то есть речь идет у него о событии, не просто маркирующем начало европейской культуры, но о событии, определяющем ее, очерчивающем контуры, границы этой культуры. Отчетливое, ясное осознание себя, осознание своих границ и определений есть специфическая характеристика европейской ментальности. И именно благодаря способности рефлексивно осознавать себя, свои пределы европейский тип культуры приобрел черты универсальности, способности соотносить себя с иными культурами, вбирать их в себя и изменяться, сохраняя себя. Этот тип культуры, как замечал Дмитрий Сергеевич, «наиболее универсален, наиболее восприимчив к другим культурам и обладает наибольшей способностью воздействовать на другие культуры. Европейская культура как определенный тип культуры открыта для других культур, и именно это обстоятельство делает ее культурой будущего, а в какой-то мере и культурой нашей современности»².

¹ Шпет Г. Мудрость или разум? // Шпет Г. *Philosophia Natalis*. Избранные психолого-педагогические труды. М., 2006. С. 315.

² Лихачев Д. С. О национальном характере русских // Вопросы философии. 1990. № 4. С. 78.

Но событие, о котором говорит Шпет, стало возможным лишь постольку, поскольку в центре пристального внимания греков оказалось слово. Выраженная, зафиксированная в слове мысль привлекла внимание греков, помимо всего прочего, своей, так сказать, предметной представленностью, то есть мысль, выраженная в слове, стала зримой, поддающейся анализу, допускающей различение мысли как знания, мысли как мнения, мысли как веры... Напомню, что Платон так определял знание — феномен новый для древних культур и специфически европейский: «...знание — это истинное мнение с объяснением, а мнение без объяснения находится за пределами знания. Что не имеет объяснения, то непознаваемо <...> а то, что его имеет, познаваемо». И далее: объяснять — значит «выражать свою мысль звуками с помощью глаголов и имен, причем мнение как в зеркале или в воде отражается в потоке, изливающимся из уст» («Теэтет», 201с–210d).

Благодаря слову контуры культуры становились выразимыми и осознаваемыми. И до сих пор философия и филология, делая возможными друг друга, вместе, в связке очерчивают горизонт европейской культуры. Используя формулу, предложенную Н. С. Автономовой, можно сказать, что европеец существует до тех пор, пока в понятии его интересует то, что словесно, а в слове — то, что понятийно¹. Я полагаю, что этот двуединый «интерес» и сегодня фиксирует границы европейской культуры.

Философия и филология всегда были рядом — на протяжении всей европейской истории. Иногда пути их расходились довольно далеко, но внутренняя связь сохранялась всегда. Филология удерживает слово в центре культуры. Философия раскрывает его смысловой потенциал. Эту их близость хорошо осознавал Д. С. Лихачев — чувствовал и осознавал принципиальную важность их функционального единства. Особенно тогда, когда речь шла у него о русской культуре как европейской, об экологии культуры, об условиях диалога культур и пр.

Для меня полюсы отечественной филологии в XX в. олицетворяли две фигуры: С. Аверинцев и М. Гаспаров. Первый — почти растворяется в философии, второй — отталкивается от нее. Д. С. Лихачев соединял в себе оба полюса, он чувствовал их различия и связь. В 1990 г., как только это стало возможным, Д. С. Лихачев публикуется в журнале «Вопросы философии», а в 1993 г. становится членом редколлегии, о чем я, как сотрудник редакции этого журнала, с гордостью напоминаю всем.

И. Н. ПАНАРИН²: — Ведущие группы российской политической элиты активно включаются в борьбу за принятие оптимальной, с их точки зрения, стратегии России на ближайшие десятилетия. Следует подчеркнуть, что информационно-аналитические центры российской политической элиты имеют порой диаметрально противоположные подходы в выборе стратегии развития России на долгосрочную перспективу. Следствием этого являются

¹ См.: Автономова Н. С. Заметки о философском языке // Субъект, познание, деятельность. К 70-летию В. А. Лекторского: сб. ст. М., 2002. С. 236.

² Декан факультета международных отношений Дипломатической академии (Москва), доктор политических наук, профессор.

различные сценарии изменения отечественной экономики, анонсируемые ими.

Интеллектуальные дискуссии российских аналитиков происходят на фоне все углубляющегося мирового финансово-экономического кризиса, который, к сожалению, не миновал и Россию. Он уже привел к незапланированному официальному уровню инфляции в России в 3,5 % за два месяца (январь–февраль). Растут цены на бензин и продукты питания, начался рост цен на хлеб.

1. В 2008 г. Россия может стать жертвой импортированного кризиса — «финансовой инфекции». В среднесрочной перспективе угрозы стабильности нашей финансовой системы исходят от спекулятивной атаки при позитивной экономической динамике, перегреве одного из сегментов внутреннего финансового рынка — эффект «домино» — падения экспортных цен. Сценарий импортированного кризиса станет реальностью на основе высокой корреляции финансового рынка России с глобальными рынками. По нашему мнению, опасения ученых-экономистов совершенно справедливы. Россия может стать жертвой информационной агрессии в финансово-экономической сфере, как и в 1998 г. Достаточно провести скоординированную информационную атаку через глобальные СМИ на психику иностранных инвесторов, и они «побегут» из России.

2. Прогнозы сценария спекулятивной атаки основаны на зависимости развивающегося рынка России от иностранных портфельных инвестиций и долгового финансирования нерезидентов. Либерализация счета капиталов, укрепление курса национальной валюты и высокая доходность внутреннего рынка привлекают в Россию поток иностранных «горячих денег», стимулируют арбитраж резидентов между дешевыми внешними заимствованиями и сверхдоходными рублевыми активами, как отметил Миркин. Он считает, что это классический сценарий «разогрева» финансового сектора экономики с последующей атакой на одном из сегментов финансового рынка при первых признаках переоценки рубля. По оценке экономистов, 40–50 % роста финансового сектора носят спекулятивный характер. Налицо концентрация рисков — кредитного, процентного, рыночного, валютного, ликвидности. Причем в ближайшие 3–4 года нарастает вероятность «мыльных пузырей». К такой концентрации рисков следует готовиться информационно-аналитическим центрам российской политической элиты. Риски должны быть рассмотрены и в ходе дискуссии на апрельском съезде «Единой России».

3. Высокая зависимость российской экономики от мировых цен на экспортное сырье предопределяет вероятность сценария финансового кризиса, вызванного ценовым риском. Мировые цены на нефть, газ, металлы подвержены непрогнозируемым колебаниям. В случае их резкого падения запаса прочности нашей экономики хватит на 4–6 месяцев, потом неизбежен кризис. Как известно, фундаментальной причиной кризиса в августе 1998 г. стало как раз падение цен на нефть.

С нашей точки зрения, такой антикризисный комитет необходим. Но, помимо финансово-экономических мер, Россия должна стать субъектом геополитики, что подразумевает создание и реализацию *собственного геополитического проекта*.

Идеологическая формула «суверенной демократии» была выдвинута правящей политической элитой России в ответ на реализацию комплекса информационно-идеологических операций, проводимых геополитическими конкурентами России (так называемых «оранжевых сценариев») на постсоветском пространстве. Она доказала свою эффективность при обеспечении процессов преемственности власти в России в ходе федерального цикла выборов 2007–2008 гг. Следует подчеркнуть, что авторы идеологической формулы «суверенной демократии» действовали правильно, и надо отдать должное их умению найти оптимальное решение в сложившейся ситуации информационно-идеологического наступления геополитических оппонентов, которое и было успешно реализовано.

Однако российская формула — стратегия «суверенной демократии» была вынужденной, оборонительной, обусловленной оперативной реакцией на наступательные действия геополитического проекта Новой Британской империи (НБИ). НБИ — главный геополитический и геоэкономический субъект современного мира, образованный после Второй мировой войны крупнейшими британо-американскими транснациональными корпорациями и банками. А оборонительная тактика всегда сопровождается комплексом компромиссов, часто тормозящих развитие российского государства и отечественного бизнеса.

Теперь России пора переходить в геоэкономическое и информационно-идеологическое контрнаступление. Ведь российские боевые корабли уже провели учения в Средиземном море, золотовалютные резервы приближаются к 500 млрд долл., а новый спутниковый телеканал RUSSIA today активно расширяет информационное влияние России в мире.

Россия-2012 должна теперь стать ядром интеграции Евразии и хранителем ее традиционных духовно-нравственных ценностей.

Победой в информационной войне за будущее России будет являться реальная интеграция Евразии.

Идея Евразийской Руси — это российский геополитический проект XXI в., представляющий собой интеграционное межгосударственное образование, базирующееся на духовных евразийских ценностях, общей истории и культуре. В основе интеграционного ядра Евразийской Руси должны быть бывшие республики Советского Союза, объединенные сегодня в СНГ. Оно противостоит геополитическому проекту НБИ, основанному на доминировании доллара в мировой валютно-финансовой системе. В геополитическом проекте НБИ Россия должна стать просто некоей сырьевой территорией, надежно обслуживающей все увеличивающиеся материальные потребности неразумной части транснационального капитала, использующего национальные государства (в том числе и членов G-8) в своих узкоэгоистических целях. В геополитическом проекте НБИ у России просто нет никакого будущего, как не может быть будущего у сырьевого придатка высокотехнологичных инновационных экономик мира. В рамках проекта НБИ нет будущего и у российской политической элиты.

Сущность стратегии России-2012 заключается в необходимости активного и жесткого ведения ин-

формационного противоборства для обеспечения реализации собственного геополитического проекта.

Совокупность условий, продиктованных геополитическим положением, историей, духовно-нравственными ценностями и культурой России, с достаточной определенностью задает ее место и функции в складывающемся новом миропорядке. Исторические факты свидетельствуют об актуальности мысли российского императора Александра III, согласно высказыванию которого у России не может быть союзников, кроме ее армии и флота, но есть и будут противники только в силу ее географического масштаба и размеров духовного, экономического и демографического потенциалов (напомним читателям о том, что в 1914 г. население России составляло 175 млн чел., а темпы его прироста были самыми высокими в мире — 32,5 %).

Вместе с тем следует отметить, что российский геополитический проект XXI в. не является конкурентом и противником геополитических проектов ЕС, Китая, Индии, Бразилии. Более того, на определенных этапах реализации российского геополитического проекта они могут являться ситуативными и стратегическими союзниками России.

Влияние России на решение кардинальных вопросов международной жизни, затрагивающих интересы нашего государства, в XXI в. стало возрастать, однако пока значительно уступает степени влияния СССР. В этих условиях усилилось стремление США и НБИ к ослаблению позиций России в политической, экономической, финансовой, информационной и военной областях.

России необходимо определить стратегию своего поведения в складывающемся новом мировом порядке информационной эры, особенно после размещения американских баз на территории Болгарии и Румынии, развертывания элементов ПРО в Польше и Чехии.

Качественно новая ситуация, сложившаяся в мире, задача обеспечения национальной безопасности России настоятельно требуют глубокого осмысления происходящих в изменившемся мире процессов и принятия адекватных решений.

России следует информационно и дипломатически выступать против планов НАТО, направленных против нашей страны. В этом аспекте целесообразно системно развивать внешнеполитические идеи, высказанные президентом России В. Путиным 10 февраля 2007 г. в Мюнхене.

России целесообразно активизировать и усилить информационно-аналитическую поддержку проводимой политики ускорения строительства братского Союзного государства. Для этого важно разъяснять российским и белорусским гражданам, прежде всего через электронные СМИ, необходимость принимаемых и планируемых мер. Русский язык должен стать основой информационного общения стран СНГ.

Ключевой момент сегодняшнего этапа мирового развития можно сформулировать так: Евразийская Русь против Новой Британской империи. Победа в информационной войне может быть достигнута только при интеграции вокруг России стран СНГ, а также строительства Континентальной дуги. Союзниками России в борьбе с НБИ являются: ЕС, Китай, Индия, Бразилия, Иран, Венесуэла. Интеграционные процессы в Евразии являются

важнейшим элементом усиления геополитической и геоэкономической мощи России.

Основными направлениями политики России сегодня можно назвать следующие линии.

1. Стратегия на интеграцию России в Евразии. Геополитическое и экономическое положение России в системе международных отношений определяется ее уникальным положением на двух континентах: она находится в Европе и в Азии. Однако добавленную стоимость на переработке нашего сырья получают другие государства. К сожалению, Россия оказалась изолирована от интеграционных процессов, охвативших европейский континент. Строительство «общеευропейского дома», развернувшееся после окончания холодной войны, идет без ее участия. Европа консолидируется под флагом Европейского союза. По существу, понятия «Европа» и «ЕС» становятся синонимами. В ближайшие годы произойдет самое большое расширение Европейского союза за всю его историю: в его состав войдет подавляющее большинство европейских стран. За счет этого к 2010 г. его площадь и население возрастут примерно в полтора раза, и тогда Европейский союз будет по демографическим и экономическим показателям заметно превосходить Североамериканскую зону свободной торговли (НАФТА). После принятия в декабре 2007 г. Лиссабонского базового договора ЕС должен к началу 2009 г. стать мощным мировым геополитическим субъектом, с которым Россия должна стремиться иметь хорошие отношения.

Начинаются интеграционные процессы и в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). На долю этих государств приходится треть мирового населения, а также около 20 % ВВП (как и ЕС), 25 % экспорта и 18 % импорта, а также 15 % притока прямых иностранных инвестиций. Однако следует подчеркнуть, что в ближайшие десятилетия экономическая доля АТР будет неуклонно возрастать.

Самой оптимальной формой взаимодействия с ЕС и странами Восточной Азии является строительство интеграционного межгосударственного образования Евразийская Русь.

Россия должна постепенно «втягивать» на взаимовыгодных условиях республику СНГ в Евразийскую Русь и создать евразийскую трансконтинентальную транспортно-энергетическую ось. Подписание 10 октября 2000 г. Договора о создании Евразийского экономического сообщества (ЕЭС) — начало этой интеграции. Россия-интегратор может рассчитывать не только на бесконфликтное существование с другими центрами силы, но и на их поддержку в случае, если кто-то попытается подорвать наши позиции. Ведь при этом под угрозой окажутся интересы не только России, но и наших партнеров.

Среди трудностей, которые стоят на пути экономической интеграции СНГ, отметим такие: сырьевой перекокс экономик большинства стран, фегишизация национальной суверенности и противодействие интеграции со стороны международного транснационального капитала.

2. Создание отношений стратегического партнерства с ЕС как новым геополитическим субъектом в рамках реализации Лиссабонского базового договора 2007 г. на основе ведения товарооборота в рублях и евро. Россия расположена между двумя

наиболее динамично развивающимися мировыми центрами деловой активности — Европой и Восточной Азией. Напомним, что в СССР была создана мощная транспортная система, которая позволяла ежегодно получать до 15 млрд долл. прибыли от транзитных перевозок. Россия оказалась отрезанной таможенными барьерами новых независимых государств от своих партнеров в Европе и на Среднем Востоке, утратила главные морские порты на Балтике и Черном море, потеряла значительную часть торгового флота. Еще раз хочется подчеркнуть, что успешное экономическое развитие России может быть достигнуто только при интеграции вокруг России дружественных стран СНГ, а также при более тесной экономической интеграции с ЕС. Именно это позволит создать стабильную Евразийскую транспортную систему, способную приносить России гораздо большие прибыли, чем от торговли нефтью и газом. На протяжении 1990-х гг. резко сократились капиталовложения в развитие транспортной системы. Все это отразилось на конкурентоспособности российского транспорта в борьбе с транснациональными судоходными компаниями, наладившими дешевую перевозку контейнеров. В результате, несмотря на проигрыш во времени, основные грузопотоки пошли южным маршрутом, через Индийский океан. И это — главная цель НБИ, основа ее финансового могущества.

Россия должна использовать свое уникальное географическое положение для завоевания ведущего места на мировом рынке услуг, прежде всего транспортно-коммуникационных. Ведь темпы роста торговли услугами вдвое опережают аналогичные показатели торговли товарами. На долю мирового рынка услуг уже приходится примерно четвертая часть от общего мирового товарооборота. При этом только у индустриально развитых стран экспорт транспортных услуг превышает 250 млрд долл.

Следует напомнить, что через российскую территорию пролегают 3 из 9 международных транспортных коридоров ЕС. Такой транзит предпочтителен для перевозчиков, поскольку максимально упрощает транспортную схему: одна страна — одно таможенное законодательство. Основная нагрузка в системе трансконтинентального транзита ляжет на российские железные дороги. Транссиб способен перевезти до 100 млн т в год. Россия должна направить огромные грузопотоки самым коротким путем — по существующей железнодорожной магистрали Париж–Берлин–Москва–Владивосток, получая при этом 7 млрд долл. прибыли ежегодно. Специализированный грузовой состав проходит от Находки до западных границ России за девять дней, а до Западной Европы он может дойти за 12–14 суток, в то время как срок движения грузов по морю от портов стран АТР до Гамбурга, Антверпена, Бремена — 35 суток. При этом стоимость перевозок через российскую территорию — на 15 % ниже стоимости морского фрахта.

Возрождение Северного морского пути становится актуальной задачей и в плане создания нового транспортного коридора между Европой и Восточной Азией. Ведь Севморпуть в два раза короче нынешнего маршрута через Индийский океан. При всей трудности его содержания стоимость прохода судов ледовым маршрутом на 30 % дешевле, чем

через Индийский океан. Для обеспечения рентабельности Севморпути по нему необходимо перевозить не менее 6 млн т грузов ежегодно (в советский период этот объем превышал 10 млн т), однако сейчас объем перевозок около 2 млн т. Это чревато полным выходом из строя самой северной транспортной магистрали.

3. Формирование Континентальной дуги. Становление России как мощной мировой державы возможно лишь в условиях формирования Континентальной дуги Париж–Берлин–Москва–Пекин–Дели–Тегеран. Россия и Германия, как государства стратегического партнерства, являются координаторами-мостами на евразийском пространстве.

Германия, постепенно образуя союз с Францией, интегрирует западноевропейское пространство (Берлин–Париж–Мадрид–Рим–Брюссель–Копенгаген–Осло–Стокгольм–Хельсинки). Вместе с тем хотелось бы особо подчеркнуть, что Германии необходимо вернуть государственный суверенитет. Уже более 50 лет на ее территории находятся американские войска. Для чего они находятся на немецкой земле? Ведь Германии никто не угрожает. Для обеспечения стабильности в Евразии очень важно осуществить скорейший вывод войск США из Германии. Нас радует то, что канцлер Германии А. Меркель, выступая 10 марта 2008 г. на совещании руководящего состава бундесвера, высказалась против вступления Грузии и Украины в НАТО.

4. Активизация деятельности Шанхайской организации сотрудничества. Принятие Монголии, Индии, Пакистана и Ирана в ШОС в качестве наблюдателей создает действительно многополярный мир в современной мировой политике. Ведь впервые создана международная организация из стран, жители которых составляют более половины населения планеты. От Арктики до Индийского океана и от Балтики до Тихого океана. Возможно, именно так будет выглядеть в скором времени крупнейшее геополитическое объединение нашей планеты под названием Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). Датой ее создания считается 15 июня 2001 г., когда в Шанхае главы шести государств — Китая, России, Казахстана, Киргизии, Таджикистана и Узбекистана — подписали совместную декларацию. ШОС прежде всего задумывалась для стабилизации обстановки в Центрально-Азиатском регионе, где находившийся на тот момент у власти в Афганистане режим талибов служил рассадником экстремизма, угрожавшего всем членам организации. Кроме борьбы с терроризмом, участники ШОС ставили перед собой задачу полнее развивать экономическое и научно-техническое сотрудничество. Учитывая весьма различные политические системы, существующие в странах ШОС, именно экономические вопросы выходят на первое место в повестке дня организации. Военная составляющая остается немаловажным аспектом сотрудничества в рамках ШОС. Кроме проведения маневров, ШОС активно работает и на фронте борьбы с терроризмом, что особенно важно для России.

Для ускорения интеграционных евразийских процессов необходимо создать специальный информационный интеграционный механизм, который сможет выполнять организационно-управленческие и информационно-аналитические функции при

планировании инициатив в Евразии, а также координировать их осуществление. Его можно было бы условно назвать так: Евразийское бюро (ЕБ). В определенной степени оно было бы аналогом главному аналитическому центру НБИ — Корпорации РЭНД (Калифорния, США). Возможно также использование в деятельности ЕБ некоторых функций Совета по международным отношениям (Нью-Йорк), еще одной из структур НБИ.

Штаб-квартиру ЕБ можно было бы открыть в Москве. Его головные офисы должны быть в Пекине, Берлине, Париже, Дели и Тегеране. ЕБ прежде всего призвано служить инструментом более эффективного выполнения и координирования интеграционных программ в сфере энергетической, аналитической и информационной геополитики. Небольшие офисы ЕБ следует открыть в Центрально-Азиатском регионе — в Ташкенте и Астане.

Создание ЕБ потребует организационных усилий, прежде всего от России. В их число входит определение специальных полномочий представителя Президента России в ЕБ; назначение помощника Президента России по делам Евразии, что подразумевает осуществление им координации деятельности региональных посольств в странах Евразии и проведение соответствующих мероприятий по интеграции.

Ключевой страной-партнером для России в Европе является Германия, отношениям с которой необходимо придать новый импульс. Союзу России и Германии геополитики НБИ боялись всегда. Этот союз мешает господству НБИ в мире.

Первый базовый принцип — жесткое противодействие попыткам В. Ющенко начать процесс вступления Украины в НАТО. Россия должна предпринять все возможные меры (политические, экономические, информационные и т. д.) по противодействию стремлению части политической элиты Украины к вступлению в НАТО.

Второй базовый принцип — это повышение статуса русского языка и возможность распространения информации на русском языке. Целесообразно увеличить объем теле- и радиовещания на Украину. Россия должна занять жесткую дипломатическую и экономическую позицию по отношению к информационному пространству Украины. Следует принять меры по вытеснению из этого пространства антироссийских проявлений.

Третий базовый принцип — противодействие геополитике русофобии в информационном пространстве Украины.

Российскую политическую элиту не может не тревожить факт продвижения военной инфраструктуры блока НАТО к границам России. Так, уже создана военно-воздушная база в Литве, новая база радиоэлектронной разведки в Норвегии (всего в 40 км от границы с Россией), планируется развернуть новые военные базы в Латвии, Болгарии и Румынии. Этот процесс постепенного и последовательного окружения России военными базами США и НАТО сопровождается многочисленными просьбами западных коллег ускорить вывод российских военных баз с территории стран СНГ.

В России в 70 раз больше, чем в США, погибло людей в годы Второй мировой войны, поэтому россияне крайне негативно воспринимают при-

ближение военной инфраструктуры блока НАТО к границам России. И граждан России можно понять. Ведь именно с Запада дважды в XX в. на землю России приходили незваные жестокие гости. И именно с аэродромов Прибалтики проводились варварские бомбардировки Москвы, Ленинграда и других городов России. Поэтому большое недоумение вызывает сам факт размещения в Литве боевых самолетов, потенциально способных наносить бомбовые удары и по Москве, и по Санкт-Петербургу, и по Калининграду.

Около половины россиян считают сегодня, что возможна военная агрессия против России.

Условием успешной реализации собственного геополитического проекта Евразийская Русь является наличие ядра политической элиты, нацеленного на реализацию стратегических целей, чего после расвала СССР практически не было. Следует оговориться, что в XXI в. нашему государству под руководством Президента России В. Путина удалось ослабить влияние других государств на процесс формирования национальной элиты. Однако теперь наступает этап организации механизмов воздействия на политические группы российской элиты со стороны государства в интересах формирования элиты России, нацеленной на интеграцию Евразии.

С точки зрения политологии элита есть сообщество людей, наделенных властью (политической, информационной или экономической) независимо от того, какие факторы — происхождение, богатство или какие-то иные — обусловили обретение власти.

Успех реализации собственного геополитического проекта России во многом будет определяться тем, сможет ли российская элита выстроить эффективные каналы, механизмы и типы коммуникаций с глобальными управляющими субъектами мировой политики.

Для этого необходимо осуществить процесс ротации элит, который бы значительно увеличил число творцов-инноваторов во властвующей элите. Речь идет о комплексном информационно-интеллектуальном и идеолого-проектном сопровождении процесса интеграции в Евразии.

Специфика современной ситуации в России заключается в том, что, будучи практически единственным субъектом политического процесса и обладая несопоставимыми с другими субъектами ресурсами, властвующая элита оказывается геополитически и геоэкономически бессубъектным образованием, так она не имеет собственного геополитического проекта. В XXI в. произошла существенная трансформация самой политической элиты как субъекта политического процесса. На смену классическим традиционным формам политического субъекта в виде государства или политических партий пришли политико-финансовые кланы или, иначе говоря, кланово-корпоративные структуры, которые, де-факто монополизировали прерогативы политической элиты.

Отметим еще раз, что наднациональная элита НБИ духовно и культурно «оторвана от корней», то есть, по сути, она потеряла связь (духовно-нравственную, интеллектуальную и т. д.) со своей исторической родиной. Евразийская элита основывается на «национальных корнях», на архетипах предков, и это дает ей колоссальное преимущество в борьбе

с элитой НБИ. Основные качества элиты Евразийской Руси: профессионализм, патриотизм, паневразийство.

В. Л. РАБИНОВИЧ: — Прежде всего несколько слов относительно предыдущих докладов. Странно, что на этом почтенном симпозиуме лишь раз упомянули Дмитрия Сергеевича Лихачева. Я позволю себе ликвидировать эту оплошность. Когда я написал книгу «Алхимия как основа средневековой культуры» и, решив получить за нее докторскую степень, рассылал рефераты, то вне списка один из них с помощью Кондакова, который тогда был ответственным секретарем отделения русского языка и литературы, я послал в Ленинград Дмитрию Сергеевичу Лихачеву. Реферат был довольно толстенький, поскольку я защищался по специальности «Марксистско-ленинская философия». Правильно сделали те люди, которые ставили меня на эту рубрику, поскольку так оно и было. И на моей защите, когда я уже сказал вступительное слово, были прочитаны все отзывы на мой реферат, вдруг появляется курьер с запечатанным пакетом и говорит: «Вам письмо от академика Лихачева». Я догадался, что там лежит отзыв на автореферат, но процедура зачисления отзывов уже закончилась. Тогда Меркулов, который был в то время заместителем Сачкова по ученому совету, сказал: «Вы можете отказаться от зачисления вслух этого отзыва, поскольку процедура зачений прошла, и взять это письмо себе на память, а можете в порядке исключения разрешить нам его прочитать».

И что, по-вашему, я сделал? Конечно, разрешил открыть, хотя не знал, что написал мне Дмитрий Сергеевич, специалист по русскому Средневековью, но не чуждый иных широких взглядов. Прочитали. Отзыв оказался очень хорошим, написанным рукой Дмитрия Сергеевича, и я даже опубликовал его в факсимильном виде.

На мой взгляд, Д. С. Лихачев явил образец европейской культуры, ответив на письмо какого-то неизвестного ему Рабиновича, ведь не ответить на полученное письмо — это все равно что не поздороваться со знакомым человеком за руку, то есть так же невежливо, как сказала одна моя коллега. Эта сугубо европейская манера поведения — без всяких ужимок и демаркаций, без всяких «особых характеров» России или чего-нибудь в этом роде — выдает в Лихачеве потрясающе интеллигентного человека.

Хотелось бы добавить к сказанному, что здесь я себя чувствую в некотором роде чужим. Во-первых, этнически я почти азиат, а значит, и все европейское я назову глубоко чуждым. Во-вторых, доклад, который я приготовил, называется «Фонетическая среда для речевого жеста в поэтическом конструктивизме Ильи Львовича Сельвинского», моего учителя по литературному институту, а значит, и в этом смысле я тоже чужой на этом форуме. И все-таки я теперь здесь, и вот почему.

В первом сообщении Владимира Константиновича Мамонтова, я бы его назвал сейчас «Макаром Константинович по поводу ассоциации с усомнившимся Макаром Платоновым», прозвучала фраза Г. А. Явлинского: «Посмотрите на себя в зеркало, и Вы поймете, что Вы европеец», а сам он при этом

подумал, что, может быть, все-таки он азиат... Но сам характер сомнения в том, что «я не европеец», — европейская черта. Именно поэтому Г. А. Явлинский увидел в В. К. Мамонтове глубоко европейского человека. Именно поэтому и я оказался здесь.

Конструирование среды предполагает нечто вмещающееся в нее, чтобы тому, что вмещается, удобно было жить в ней своей естественной жизнью. И эта среда фонетическая (звуковая-голосовая), а речевой жест персонифицирован (героем, социальной группой, этнической или национальной общностью, улицей, революционной массовой). Среда — фон, а суть — характер, бытующий (а может быть, и бытийствующий) на этом фоне. Но среда и суть взаимопроникновенны. И тогда не ясно, что здесь тело, а что — одежда, прикрывающая священную наготу характера, запущенного в сей мир демиургом-поэтом, выдохнувшим фонетический гул и одновременно сформировавший из этого речевого гула художественный речевой — человеческий! — жест с возможностями диалога многообразных речевых жестов на фоне среды, с глубинным метафорически антропологическим прониканием.

Понятие «Восток» — западное, потому что Восток — Ближний ли, Дальний ли — любой Восток не знает, что он Восток, и ему наплевать, что есть Запад, потому что он самодостаточен. То есть — в продолжение мысли Бориса Исаевича Пружинина — не зная, что он Восток, он нереклексивно относится к своей восточности, азиатчине, евразийскости и т. д. Все это выдумка Запада, который не знает истинного Востока, но усмотрел в себе «восточный нерв», который постыжен, неизбытен.

По этому поводу мне всегда вспоминается замечательная поэма Николая Алексеевича Заболоцкого «Рубрук в Монголии» (Рубрук — миссионер, который поехал в Монголию обращать в свою веру азиатов-язычников), где есть такие строфы:

Не то чтоб сложной их природы
Не понимал совсем монах, —
Здесь пели две клавиатуры
На двух различных языках.
<...>
Трепать язык умеет всякий,
Но надо так трепать язык,
Чтоб щип не путать с кулебякой
И с запятыми закавык.

Да, это непросто — не путать. У нас порой запятыя — не только знаки препинания, которые очень важны, путаются, меняются местами, и тогда получается абракадабра. Так, я наслышан по поводу евразийства от профессора Дудина и многих других профессоров.

Я хотел бы сказать и о феномене паузы. Кто-то из докладчиков сегодня сказал, что мы находимся в состоянии «паузы» — мы оказались ни там ни сям. Эта пауза была охарактеризована как некое «межумочное» бытие. Мне кажется, что это бытие не межумочное, а глубоко конструктивное. Пауза, говоря афористично, — это со-бытие двух сознаний, то есть со-бытие сознаний, вот в чем дело. И здесь затеваются разные смыслы, которые либо возникают, либо оттесняются на другой план, те, которые были раньше, и т. д. И здесь есть о чем подумать.

Но сама рефлексивная возможность обдумывания — это глубоко европейский феномен, даже если он происходит в Японии, на Ближнем Востоке или где бы то ни было еще. Подкреплю эту мысль стихотворением Манделштама:

Татары, узбеки и немцы
И весь украинский народ,
И даже приволжские немцы
К себе переводчиков ждут.
И, может быть, в эту минуту
Меня на турецкий язык
Японец какой переводит
И прямо мне в душу проник.

Это проникновение в душу — а душа и на Востоке, и на Западе равно бессмертна — и есть та точка, где можно спутать запятыя с закавыками, вдруг переставить их местами. Но главное — это живое чувство причастности нас к человеческому роду. Каждый из нас должен сегодня организовать самый решительный диалог — диалог европейца и азиата в самом себе. Когда мы это поймем, мы действительно приблизимся идеологически к состоянию нашей бессмертной души.

В. Ф. ПЕТРЕНКО¹: — Геополитику можно охарактеризовать как совокупность неких представлений о влиянии географических факторов на политику, безопасность и процветание государства. Например, таких как: близость/удаленность государства к центрам мировой цивилизации и к важнейшим транспортным коммуникациям, характер доминирующего рельефа местности (доминирование степного, горного или пустынного ландшафта), климатический режим, наличие морских и речных коммуникаций, естественных природных преград и рубежей, богатство страны полезными ископаемыми, в целом обуславливающими и специфику экономической деятельности, и уязвимость/защищенность страны от военной интервенции. Американский политолог К. Грей назвал геополитику наукой о «взаимосвязи между физической средой в том виде, как она воспринимается, изменяется и используется людьми и мировой политикой»².

Неоспорима роль географического фактора в становлении и развитии человеческой цивилизации. Исторические центры мировой цивилизации возникли в климатически благоприятных зонах в долинах крупнейших рек (Нил для Древнего Египта, Двуречье для Вавилона, Янцзы для Древнего Китая, Ганг для Индии), обеспечивающих водные ресурсы для орошения земледелия. Реки выступали важнейшими, а часто и единственными транспортными артериями. Применительно к России можно вспомнить о великом пути «из варяг в греки» (по Волге, Москва-реке, Волхову), о том, что набеги татаро-монгольских орд на лесистую Центральную и Северо-Восточную Русь осуществлялись в основном в зимнее время, когда реки покрывались льдом и могли служить дорогами для прохождения конницы. В то же время географическая изолированность

¹ Заведующий лабораторией МГУ им. М. В. Ломоносова, член-корреспондент РАН, доктор психологических наук.

² Цит. по: Гаджиев К. С. Введение в геополитику. М., 1998. С. 15.

или наличие естественных преград для вторжения завоевателей (например Гималаи, разделяющие китайскую и индийскую цивилизации, или островное положение Японии) обеспечивали «прикрытие» по тем или иным направлениям. Развитие мореходства привело к тому, что Средиземноморье стало поистине колыбелью для Европейской цивилизации, а само Средиземное море выступало транспортным звеном, обеспечивающим взаимобмен товарами и культурными новациями как прибрежных государств, так и через Великий шелковый путь с дальним восточным зарубежьем.

В результате Великих географических открытий и колонизации Северной и Южной Америк, Австралии и Новой Зеландии, открытия морских путей в Индию и Китай возрастает значение Атлантики. «Венеция и Генуя потеряли свои преобладающие позиции и уступили их сначала Лиссабону, затем Севилье, Антверпену и, наконец, Амстердаму, Гамбургу и Лондону. Несколько позже в значительно меньших масштабах золотой век наступил для Нанси, Бордо, Кадиса и многих других городов, имеющих выход в Атлантический океан»¹.

Очевидны преимущества, которые дает выход страны к морю (не случайно захват у Швеции финского побережья Балтийского моря Петром I был означен Пушкиным как «в Европу прорубил окно»). Противопоставление морских держав и государств, расположенных в глубине материка, было отобразено в одной из первых геополитических концепций, которые начали появляться в XIX в., — концепции Макиндера (MacKinder, 1904)², где выдвигались геополитические идеи конкуренции морских и сухопутных коммуникаций. Как полагал Макиндер, на смену лидерства «владычицы морей» Англии с развитием железнодорожного транспорта придет лидерство стран Хардленда (дословно — сердцевиных земель) — великих сухопутных держав. Он сформулировал свою позицию в известном тезисе: «Кто контролирует Восточную Европу, тот контролирует Хардленд; кто правит Сердцем земли, тот контролирует Мировой остров (то есть Евразию); кто контролирует Мировой остров, тот владеет всем миром». Уже в преклонном возрасте в 1943 г. в статье «Круглый мир и завоевание мира» Макиндер утверждал, что если Советский Союз выйдет из войны победителем над Германией, то превратится в величайшую сухопутную державу. Аналогично Н. Спайкмен, выражавший интересы Америки, полагал, что США, будучи океанической державой с мощным военно-морскими флотом, могут установить свой контроль над прибрежными водами европейского континента и, заблокировав Европу, контролировать мир.

Развитие авиатранспорта, а затем и ракетостроения в военном плане внесло новые смыслы как в систему мировых коммуникаций, так и в уязвимость обороноспособности государств, создав ощущение компактного и взаимозависимого мира. Идея, что «все мы в одной лодке», попеременно высказывается политиками разных стран. А переход ведущих стран мира к постиндустриальной форме цивилизации привел к тому, что ведущим товаром наряду

с нефтью и промышленными изделиями становится торговля информацией и технологиями. Интернет становится транспортной коммуникацией XXI в., коммуникативным каналом, вес которого со временем будет только возрастать.

С увеличением роли в мировой торговле промышленных и информационных технологий, расширением культурного обмена и туризма на смену индустрии «угля и стали» приходит индустрия информации и массовой культуры. Нелишне напомнить, например, о великой империи информационных технологий Билла Гейтса, где торговля software (программным обеспечением) приносит прибыль, сопоставимую с прибылью нефтяных компаний. Доминирование же того или иного языка во Всемирной паутине становится важнейшим геополитическим фактором.

На геополитическую карту мира с ее транспортными коммуникациями накладываются практически неограниченные компьютерные коммуникации, реализуемые через спутниковые связи. Единственным фактором, затрудняющим этот грандиозный информационный обмен между государствами, является языковой барьер и различие в менталитете. В геополитике возрастает роль проблемы взаимопонимания, возможности интенсивного диалога в области культуры и науки, определяющими мощь, внутреннюю стабильность и позицию государства в мировом сообществе.

В этом плане важнейшим фактором геополитики наряду с чисто географической близостью выступает близость культур, возможность их взаимопонимания и взаимовлияния. Последнее во многом зависит от близости национальных языков, общности культурных архетипов, религий. Язык в условиях постиндустриального, информационного общества становится не только средством общения и трансляции культуры, но и средством производства в компьютеризированной, роботизированной экономике. От степени проработанности естественного (в нашем случае русского) языка как инструмента познания и базового источника, необходимых для программирования, разработки «искусственного интеллекта» и «инженерии знаний» искусственных языков, зависит успех в области «экономики знания».

Разработка лингвистических моделей «Смысл — Текст», построение тезаурусов русского языка, создание семантических, частотных, ассоциативных, коннотативных и иных словарей — необходимая задача для увеличения степени рефлексии собственного языка, для его осознания и развития. В условиях глобальной конкуренции мировой экономики конкурируют и национальные языки, открывающие доступ к национальным культурам и экономикам. В условиях, когда все большее количество населения развитых стран задействовано в сфере переработки информации, границы между экономикой, наукой и культурой размываются, и гуманитарная наука становится важным компонентом экономического развития общества, определяющим его ценностные ориентиры и стратегию развития. (Уже сейчас в США в сельском хозяйстве задействовано только 3 % населения и около 13 % — в промышленности, в то время как более 60 % — занято в сфере, связанной с производством и обменом информацией.)

¹ Гаджиев К. С. Введение в геополитику. С. 43.

² См.: Макиндер Х. Географическая ось истории // Полис. 1995. № 4.

Для развития инновационной отечественной экономики, «экономики знания» требуется изучение и развитие ее базисной основы и коммуникативного средства трансляции — русского языка. Наряду с языкознанием и филологией необходимо также развитие и смежных с ними гуманитарных областей знания, обеспечивающих рефлексию общества самое себя в сфере языковой политики, а именно: культурологии, психолингвистики, семиотики, искусствознания, философии, гуманитарного науковедения, социологии и психологии массовых коммуникаций и других ветвей гуманитарного знания, столь широко и ярко представленного в творчестве Дмитрия Сергеевича Лихачева.

В. М. МЕЖУЕВ: — Иногда очень трудно говорить в смешанной аудитории. Я приехал сюда, чтобы обсудить проблему диалога культур. Диалог культур — это не совсем то же самое, что межгосударственные отношения. Россия вела дипломатические переговоры с Европой и со всем миром на протяжении всей своей истории, на которых обсуждались и экономические, и политические проблемы. Это естественный процесс взаимообменов между государствами. Диалог культур — это немножечко другое. Культуры спорят между собой не так, как дипломаты и политики ведут переговоры на высшем уровне по поводу тех или иных государств. На это я и хотел бы обратить внимание. Диалог культур — это понятие сравнительно новое. Переговоры же велись на высшем уровне на протяжении всей истории Российского государства.

На мой взгляд, сегодня Россия к диалогу с миром еще не готова, это видно и по некоторым выступлениям. Так, здесь все время говорили о геополитике. Но важно понять, что мы живем сегодня в мире не просто геополитики, а в мире хронополитики, когда идет борьба не только за пространство, но и за время. Борьба за территории — это признак отсталости. Сегодня идет борьба за время, и это гораздо важнее. Так, можно выиграть в пространстве и остаться вне времени. Очень часто большие пространства уходили в небытие, проиграв сражения за время. Потому и нам сегодня так трудно вступить в диалог и понять других, а другим трудно понять нас.

Хронополитика делит время на важные составные периоды. Историческое время можно условно разделить на три части: домодерн, модерн, постмодерн. Граница между домодерном и модерном признается всеми. Это, так сказать, не спорная граница, четко установленная. К домодерну относятся все общества, которые строятся на базе традиций, это традиционное общество. Модерн «ломает» традицию, и поэтому главным культом модерна является культ разума. Разум вступает в силу тогда, когда традиция теряет свою определяющую силу в обществе. Если ты живешь не по традиции, не по заветам прошлого, тогда надо опираться на собственную голову, другого способа нет. Но классический разум предполагал, что в разуме-то люди едины, а мы все очень разные, у нас различный опыт, как и у каждого народа, страны — свой исторический опыт. Но там, где разум, мы едины, потому что разум существует по одним законам для всех. Домодерн начинается с состояния, когда становит-

ся ясно, что единого разума нет, что разумы тоже разные. Это то, что сегодня происходит в России.

Меня, честно говоря, беспокоит, что мы никак не можем прорваться в модерн. На Западе идет критика модерна, диспут о так называемом модерне с позиций постмодерна, то есть как бы преодолевающего то состояние модерна, которое когда-то в Европе установилось в эпоху Просвещения. Поэтому идет критика Просвещения, но с позиций постмодерна. А мы из антимодерна не можем вылезти, мы критикуем модерн с позиции антимодерна и домодерна, а диалог культур существует именно не в геополитическом, а в хронополитическом пространстве.

Домодерн, традиционное общество, говорит: «Давайте жить по заветам предков и по заветам старины», — это явно устарело. Сегодня спорят модерн и постмодерн: можно ли жить в мире, основанном на традиционных ценностях, будь то религиозные ценности или политические. Мы как будто не видим, что в России побеждает традиционализм сознания, потому что у нас самая распространенная фигура в обществе — это консерватор, религиозный либо политический. Мы 300 лет уже модернизируемся и никак в этот модерн попасть не можем. Какая-то сила выталкивает нас из этого модерна обратно. Мы все время видим возрождение традиционалистского сознания. На Западе тоже критикуют модерн, но только с позиции постмодерна, а это совсем другое. Но антимодернисты и постмодернисты никогда не поймут друг друга в этом сегодня и состоит сложность нашего диалога с Европой.

Мне иногда кажется, что мы не русские (в данном случае я имею в виду критерий не крови, а культуры). Мы плохо знаем свою историю и культуру, мы все говорим о русской культуре, но, простите, даже здесь я почувствовал ее незнание. Мы даже не понимаем, о чем русская культура спорила с европейской и с мировой столько веков, и все время переводим разговор на политические проблемы: кто кого обидел, кто кого оскорбил, какие у нас экономические разногласия. Это не разговор культурного человека. Надо знать то, что русская философия, русское сознание и русская литература пытались отставать в мире. Я здесь ни разу не видел ссылок на русскую философию.

Да, эта традиция была «обрублена». Стивен Кон когда-то сказал, что когда в России кончится марксизм и коммунизм, хотя я совсем не к этому призываю, Россия будет дальше от Европы, чем даже при социализме, потому что социализм, хочешь не хочешь, но европейская теория, а не российская. А когда мы это выбросим, тогда уже совсем будет непонятно, что нас связывает с европейской культурой.

Я хочу поставить этот вопрос, потому что, живя в Москве, наблюдаю засилье консервативного сознания, идущее прямо из Кремля, и меня это просто пугает. Куда же мы идем — назад, или все-таки вперед, в модерн или даже в какой-то степени в постмодерн, или пятимся вперед, обращенные к будущему спиной?

Меня действительно пугает то, что сейчас происходит в сфере официальной публичной жизни и на нашем телевидении, — то, что целый ряд идиотов (начиная от Дугина, Леонтьева и пр.) сегодня обещают всем нам... Это признак того, что Россия останется без будущего. Это все, что я хотел сказать.

Ю. А. РЫЖОВ: — Когда та или иная территория или нация, большая особенно, замирала в своем развитии, оставалась в консервативном сознании, за этим следовал распад ее государственности или территориальной целостности и т. д. Поскольку мы никак не можем выяснить причину этого, выход у нас один — распасться. К этому выводу меня подтолкнули вы, уважаемый Вадим Михайлович.

В. М. МЕЖУЕВ: — К сожалению, подобный вывод, действительно, напрашивается, но на самом деле моя точка зрения несколько иная.

На эту тему у меня только что вышла большая статья «Россия и Европа: возможен ли диалог?» Надо понять, что произошло в России в XIX в., когда был расцвет знаменитого спора славянофилов и западников, — это ведь продолжение европейского спора романтиков и просветителей. Русский славянофил — это своего рода парафраза немецких романтиков, которые тоже спорили об отношении к модерну. Но в 1860-х гг. произошел знаменитый слом славянофильского сознания в России, а славянофилы ощущали себя европейцами (вспомним, что Кириевский издавал журнал «Европеец»). Они были европейцами, но на свой лад, хотя и не как западные просветители, — они искали какую-то универсальную, вселенскую идею. А начиная с 1860-х гг. происходит спад, связанный с выходом знаменитой книги Данилевского «Россия и Европа», когда Россия отвергла Европу уже как культурно-исторический феномен. Соловьев назвал эту книгу грехопадением русского славянофильства, и Флоровский назвал в таком же духе.

Сегодня мы поднимаем «на щит» Данилевского, Тойнби, Шпенглера с их идеей локальных цивилизаций. Мы понимаем, что это все продукты западного и русского национализма, забывая о той великой славянофильской традиции, которая искала не то, что Россию отличает от Европы, а то, что объединяет. Это очень важно понять. Мы сегодня ведем диалог о том, какие мы непохожие на них, забывая, что речь идет не об этом. Для того чтобы сказать, что Россия не Европа, большого ума не надо — это эмпирический мир. Важно понять, что же нас все-таки с Европой связывает. Диалог, который ранее вели славянофилы и западники, сегодня нами забыт, поэтому мы и начали воспроизводить линию славянофильства и возродили этнонационализм на консервативной почве. Вот что у нас сегодня происходит.

Б. И. ПРУЖИНИН: — Единственное замечание: слухи о кончине разума сильно преувеличены...

В. М. МЕЖУЕВ: — Не о кончине речь — разум стал другим.

Е. А. ЕРМОЛИН¹: — Сегодня Европа — от Иберии до Урала — в глубоком духовном кризисе. Об этом, каждый по-своему, говорят крупные западные писатели вроде М. Уэльбека, способные объять состояние европейского духа мыслью и обра-

зом. На этом сходятся и русские мыслители разных школ... В России новое и неизбежное культурно-национальное самоопределение, мучительно назревшее после выхода из советского духовного тупика в конце XX в., к сожалению, было смазано пародийной реставрацией нулевых годов, при которой оказалось отброшено все великое, а идея державности свелась к геополитическому своекорыстию, в чем отражается общий закон момента, сделавшего потребление и комфорт альфой и омегой всех человеческих устремлений. Я думаю, мы еще будем расплачиваться за эту поразительную духовную расслабленность постдефолтного десятилетия.

Но я хотел бы поговорить не о прогнозах, а о реалиях в свете той духовно-творческой задачи, которая вполне определилась в идеях блестящей когорты мыслителей, не последнюю роль среди которых играет Д. С. Лихачев.

Мне кажется, самая благородная и возвышенная социальная, культурная, образовательная задача ныне состоит в том, чтобы реанимировать тот тип русского европейца, который был то больше, то меньше представлен в отечественной истории и который оказался ослаблен в метрополии в XX в., а ныне почти исчез.

Средний современный человек в России — русский, что ни говорите, человек — далек от того представления о русском европейце, которое сложилось в самых высоких умах и отчасти реализовывалось в жизни. Это ксенофоб и соглашатель, падкий на удобства и чуждый возвышенного идеализма.

Другие же с пламенным чувством скажут: «Что нам Европа! Нам тесно на этом клочке суши! Мы — евразийцы, скифы, чуть ли не духовные чингизиды!..»

Не буду спорить и с этими иной раз патетически-ми, а иной раз и умозрительными нелепостями. Прибегну к авторитету Д. С. Лихачева — напомним его замечательные рассуждения: «Бессмысленно спорить о том, принадлежит ли Россия Европе или Азии. К сожалению, такой вопрос изредка поднимался в Германии, Польше и некоторых других ближайших к вам странах, в которых наблюдалась определенная склонность изобразить себя пограничными стражами Европы. Русская культура распространяется на огромную территорию, в нее включаются и Ленинград–Петербург, и Владивосток. Это культура единая. Семья, переезжающая из Ленинграда в Хабаровск или Иркутск, не попадает в иную культурную среду. Среда остается того же типа. Поэтому нет смысла искать географические границы Европы в Уральском хребте, Кавказских горах или где-нибудь еще. И Армения, и Грузия принадлежат европейскому типу культуры. Спрашивается: почему? Ответ в том, что я сказал вначале: они принадлежат к единому типу культуры. И это в силу своего христианства. Для христианина в принципе “несть еллина и иудея”. Свобода личности, веротерпимость, пройдя через все испытания средневековья, стали основными особенностями европеизма в культуре»².

¹ Ректор Института истории культур (Москва), профессор Ярославского государственного педагогического университета, доктор педагогических наук.

² Лихачев Д. С. О национальном характере русских // Лихачев Д. С. Книга беспокойства. М., 1991. С. 297.

Итак, христианского корня универсализм положен Лихачевым в основание европейской души России и русских. Географическому фактору предложено ему подчиниться. Европа, по Лихачеву, есть духовное явление, самобытность которого определена христианской традицией.

Вот с этим уже труднее спорить, хотя, разумеется, находятся желающие. Труднее, потому что все-таки в этих словах Лихачева отозвались идеи, так или иначе выраженные не последними русскими людьми, такими как Пушкин и Достоевский, Владимир Соловьев и Георгий Федотов.

Так кто же такой русский европеец? Согласно той логике, которую я здесь излагаю и которой придерживаюсь, это, пусть и отчасти, «всечеловек», или, в понимании Достоевского, «общечеловек». Волей неизбежных или полуслучайных обстоятельств такой «общечеловек» оказался парадоксально опознан и изображен писателем в его Пушкинской речи в личности А. С. Пушкина, а в «Дневнике писателя» за март 1877 г. — в лице немца-лютеранина, минского доктора Гинденбурга. С одной стороны, великий поэт интерпретирован как выразитель народного духа, воплощение глубинных истин народной души. С другой — замечательный, бескорыстный и самоотверженный доктор, служивший людям и никогда не отказывавший в помощи, выступает как представитель той редкой породы людей, которые и своей смертью побеждают мир, соединяя его, то есть соединяя людей вопреки предрассудкам, предубеждениям, злобе и корысти. Достоевскому даже кажется: чтобы спасти мир, таких людей много и не надо. В этой «единичной» истории у писателя заложена мысль об активном служении, активной жертве «за други своя», о конкретной любви к ближнему как главном факторе жизни общества и человечества.

Конечно, нигде Достоевский не развивает той идеи, что русские люди все таковы, как эти поэт и немец, или что они все такими могут быть. Скорей наоборот, он совсем не уверен в общераспространенности столь высокого опыта.

В виде же своего рода высокой нормы является русский европеец у В. С. Соловьева и Г. П. Федотова, воспринявших контекст мысли об универсализме русской души.

В. С. Соловьев в «Трех разговорах о войне, прогрессе и конце всемирной истории...» доверил одному из героев этого драматизированного диалога, Политику, очень характерное и с тех пор не раз воспроизводившееся рассуждение, в котором есть привкус желаемого, некоторый дидактический нажим: «...на самом же деле мы *бесповоротные европейцы*, только с азиатским осадком на дне души. Для меня это даже, так сказать, грамматически ясно. Что такое *русские* — в грамматическом смысле? Имя прилагательное. Ну а к какому же существительному это прилагательное относится? <...> настоящее существительное к прилагательному *русский* есть *европеец*. Мы *русские европейцы*, как есть европейцы английские, французские, немецкие. Если я чувствую себя европейцем, то не глупо ли мне доказывать, что я какой-то славяно-росс или греко-славянин? Я так же неоспоримо знаю, что я европеец, как и то, что я

русский. Я могу и, пожалуй, должен жалеть и беречь всякого человека, как и всякое животное, — блажен муж иже и скоты милует; но признавать себя солидарным, *своим* я буду не с какими-нибудь зулусами или китайцами, а только с нациями и людьми, создававшими и хранившими все те сокровища высшей культуры, которыми я духовно питаюсь, которые доставляют мне лучшие наслаждения. <...> Все должны стать европейцами. Понятие европейца должно совпасть с понятием человека, и понятие европейского культурного мира — с понятием человечества. В этом смысл истории»¹.

Г. П. Федотов же говорит о реальном русском человеке, который легко и непринужденно принял в себя высшие ценности Европы, связал их с отечественной традицией и оформляет их стилем жизни, способом самореализации, творческим усилием в той же степени, что и поступком, жестом, фразой. Первые следы присутствия такой человеческой формации Федотов вполне справедливо находит, как известно, на Северо-Западе Руси, в Новгороде и Пскове, свободных от рабского чина Московской Орды. Новгородское общество стимулировало такой способ жизни; стимулы для него создала и инициатива Петра I. Впоследствии же подобный человек мог появляться уже повсеместно, но при этом штучно. Это свободные люди духа, не связанного предрассудками, люди конкретной и полезной активности: бескорыстный врач, гуманный судья, благородный человек... Практический идеализм и активная свобода таких людей создавали в стране гуманное пространство, приемлемое для жизни.

Что касается мысли Достоевского, то его Пушкина и Гинденбурга нужно понять как своего рода воплощенный в реальной личности человеческий предел, желаемое и возможное состояние человека и связать эту тему с другими мыслями Достоевского (о всемирной отзывчивости русских, о готовности русской души откликаться на чужое и делать чужое своим, принять в себя и примирить людей, миры и культуры), которые пришли в итоге к известной его формуле из Пушкинской речи: «Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только <...> стать братом всех людей, всечеловеком, если хотите <...>. Ко всемирному, ко всечеловечески-братскому единению сердце русское, может быть, изо всех народов наиболее предназначено»².

Отметим, что и тут Достоевский оформляет свою мысль не как свидетельство о реальном, а как пожелание русскому человеку, как задание сбыться в высшем смысле. По сути, речь идет о создании новой нации путем мобилизации и работы осознанной творческой воли. Собственно, именно эта задача стоит перед нами и сегодня, причем еще более остро, чем в 1880 г., ввиду исчерпания духовной традиции, позволявшей почти безотчетно придерживаться общеизвестных правил и жить в целом достойно. XX в. произвел разительные перемены в душе человека, внес в нее огромный опыт страха,

¹ Соловьев В. С. Сочинения: в 2 т. 2-е изд. М., 1990. Т. 2. С. 695–697.

² Ф. М. Достоевский об искусстве. М., 1973. С. 367–369.

унижения, покорности — и с этим приходится считаться¹. Тип русского европейца оказался почти уничтожен, потерпев поражение и уступив, как говорил Федотов, двум другим национальным типам, принципиально антикультурным и, в сущности, антинациональным: реакционеру-охранителю и разрушителю-нигилисту.

Но происходящий сегодня в культурном авангарде общества духовный поиск обязывает принять и подход, предполагающий формулирование предельных смыслов и целей самоопределения, и логику реализации практической модели поведения в предлагаемых обстоятельствах².

Этот сюжет представляется максимально важным и ввиду того, что общественное брожение наших дней цепляется за самые разные идеи, концепты, формулы. С одной стороны, мы видим эпигонов евразийства типа А. Дугина, которые и в Европе находят какую-то рабью азиатчину. С другой — есть продолжатель стержневой линии русского европейства — В. Кантор, автор самой монументальной монографии по этой проблеме³. Кроме того, появляются экзотические версии определения русского европейца, типа той, какая дана в рамках концепции «Русской Европы» А. Широпаева. Многовекторный поиск требует иногда сверки принципиальных координат.

Ю. В. ЧЕРНЯВСКАЯ⁴: — Пространство, на котором живет народ, антропологично — и потому, что являет собой вещественное условие бытия человека, и потому, что конструируется в качестве «человеченного» места («дом», «мир», «страна» и т. д.) и воссоздается индивидом и сообществом в рамках этих конструкций. Потому, несмотря на «вещную» исполненность пространства, оно концептуально: в пространство «вкладывается» взгляд человека. По сути, оно и есть такой взгляд.

Об этническом пространстве следует говорить не как о месте, а как о смысле, вкладываемых людей

¹ Вот характерное суждение современного публициста: «В России человека приучают к тому, что человеческая жизнь — дерьмо. Люди ничего не стоят — будь то недочеловечки негры, “черные” кавказцы, подлые евреи, “пидорасы” или будь то он сам — “совок”, “рабочага”, “коммуняка”, “дерьмократ”, наконец, бессильный пенсионер. Свобода человека?! Свободы не бывает, не ври! Удобства человека?! Удобства во дворе, придурок... А что не дерьмо? Государство, естественно! <...> Достоевский когда-то сочинял сказки о “всемирной отзывчивости русского человека”. Да, перенимать чужие обычаи мы любим. Но сочувствовать мы не желаем и не умеем — ни другим, ни себе. Помню вечные разговоры в СССР — “помогаем всяким чернозадям, они еще с деревьев не слезли, а Россию обирают!” Это — “интернационализм”. Теперь с ним покончено — только вот Россия, кажется, от этого слаще не стало» (*Радзиховский Л.* Всемирная отзывчивость [Электронный ресурс]. Электрон. дан. Режим доступа: <http://www.politcom.ru/2005/pvz586.php>).

² В качестве недавних примеров можно вспомнить и назвать работу врача М. Осипова и его коллег в Тарусской больнице или помощь Доктора Лизы (Е. Глинки) смертельно больным и бомжам, ее борьбу за права больных [Электронный ресурс]. Электрон. дан. Режим доступа: <http://doctor-liza.livejournal.com/>).

³ Кантор В. К. Русский европеец как явление культуры. М., 2001.

⁴ Доцент кафедры культурологии Белорусского государственного университета (Минск), кандидат культурологии.

ми в категорию места. Эти смыслы охватываются триадой «большая родина — малая родина — метафизическая родина».

Большая родина. В этом аспекте об этнической (национальной)⁵ общности говорят как о содержательном наполнении государства. Большая родина — пространство с четкими государственными границами, которые признаны и представителями данного этноса, и «значимыми другими».

Однако этнос не всегда совпадает со своими границами — как с реальными, так и с «примордиальными» кордонами, от которых отсчитывается путь народа. Так, границы «изначальных»⁶ Великой Молдавии, Великой Болгарии, Великой Швеции⁷ и так далее гораздо шире, чем рубежи стран, считающих себя их преемниками. Такая редукция границ порождает смешанные чувства: представление о давнем величии большой родины соседствует с недовольством ее современными рубежами. Так, национальный фронт Азербайджана в постперестроечные годы декларировал необходимость возвращения прежних границ страны от Дербента до Персидского залива и от Каспия до Севана. Впрочем, спорные территории вовсе не обязательно обширны, и потому речь о них нередко ведется на уровне «высокого принципа»: вспомним дебаты Российской Федерации и Латвии по поводу Пыталовского района.

Ясно, что здесь существование не притязания на территорию, а «притязания на культуру» — на ее наличие не только в виде автохтонных верований, языков, обычаев и тому подобного, но и в освоенных древностью институционализированных формах. Важно и то, чтобы территория охвата этой культуры (тождественная государству) была шире, чем в настоящий момент. Отсюда закономерно возникает представление о ее цивилизаторской миссии (концепция цивилизаторской функции Золотой Орды⁸ по отношению к Московской Руси, идеи о «Северной арийской прародине» или о сложении протоукраинской государственности в V тыс. до н. э.). Большая родина призвана нести свои достижения в менее просвещенные «окраины» — на периферию. В этой роли могут выступать законы, формы правления и другое, но чаще всего язык.

Большая родина должна быть... большой. Если даже государство не претендует на расширение (например государства современной Западной Европы),

⁵ Здесь и далее термин «этнос» будет использоваться в одном из его значений — как основная единица этнической классификации. Более того, я позволю себе говорить как об «этнических пространствах» и о полиэтнических нациях и о таких социальных мультиэтнических общностях, как, к примеру, СССР.

⁶ Здесь не ставится целью ни поддерживать, ни оспаривать правомерность таких представлений.

⁷ Принято считать, что Великая Швеция — это некий мифологический конструкт, целиком и полностью порожденный ученой традицией. В соответствии с этой традицией реальная Швеция оказывается названной как бы в честь мифологической прародины» (*Успенский Б. Ф.* Путь из варяг в греки: Граница, дорога, направление в представлении древних скандинавов // *Антропология культуры. М., 2002. Вып. 1. С. 225*).

⁸ Такая точка зрения, например, проводится Р. Г. Фахрутдиновым в учебнике «История татарского народа» (Казань, 1995. Ч. 1).

то идея большой родины расширяется до представления об общеевропейском отечестве. Если же пространство не расширяется фактически, его увеличение идет «вглубь». Тогда большая родина ищется и находится в «метафизической» («Земле обетованной»), но об этом позже. Однако в сознании человека раздвижение территориальных границ до размера большой родины идет через аналогию с малой: «большая родина» — *всеобщий* и потому абстрактный образ («Наши нивы взглядом не обшаришь, не упомнишь наших городов»). В повседневном сознании она существует в виде набора идеологем (государство, сила, величина, рубежи, военные заслуги, сплоченность граждан и т. д.), и эти качества отражаются в образах мест и людей — героев, просветителей и др. Ее топография упорядочена в семиотически центральных территориях (Куликово поле, Бородино, Севастополь, Ленинград и т. д.). В обыденной жизни образ большой родины латентен. Скорее он существует на уровне лозунга и штампов официальной риторики.

Значимым содержанием он наполняется в моменты выпадения из рутинного времени на уровень «события»¹ (яркий пример — война), когда личное время человека пересекается с «внутренним временем» других в единой значимой точке: «сейчас» переходит в «здесь». Однако осознание необъятности родины происходит благодаря актуализации образов многочисленных реальных «родных уголков». Конкретное «поднимает» общее — и лозунг наполняется актуальным смыслом. Также действительна и апелляция к «метафизическому Отечеству» (адресация к победам прошлого, к связанным с ними местам и именам героев).

Сдвиг образа большой родины к малой и к метафизической происходит и в час деструкции государственного пространства. Но в отличие от войны, катастрофы, когда актуализируется единство людей, крушению границ государства (и метафоры «великой державы») сопутствуют смута и кризис идентичности. При этом смещаются не только территориальные границы — разрушению подвергается и сам «большой образ “мы”», существовавший внутри них. Путь к утверждению нового образа и к преодолению смуты пролегает через создание двойных границ, вмещающих и малую, и метафизическую родину и конструирующих образ большой родины внутри этих новых границ: «И пусть я трижды антисоветский и даже постсоветский, — пишет М. Эпштейн, — все равно я — последнее пристанище великой страны»². Местоположение большой родины изменилось: она переместилась в малую, которую способно охватить сердце человека. Более того, оно хранит в себе не «одну шестую суши», а конкретные, памятные места «моей земли». Здесь мы имеем дело с трансформацией малой родины в область родины метафизической, в купе создающих иллюзию сохранения или воскрешения «великой державы».

¹ См.: *Чернявская Ю. В.* Этническое время в хронотопе народа // *Человек*. 2006. № 1. С. 78–88.

² *Эпштейн М.* СССР. Из Америки // *Эпштейн М.* Все эссе: в 2 т. Екатеринбург, 2005. С. 16.

Малая родина («моя земля»). Итак, гештальт большого пространства строится по образцу малого. «Моя земля» не обладает могуществом. Это ахматовские «лопухи и крапива», цветаевская «рябина». Это «избы серые твои».

И снова, снова любовь, бессмысленнейшая на свете,
К размокшим плоским полям, к березовым листьям этим,
К несчастным ветхим плетням, к распятиям придорожным
И к этим серым глазам, бесслезным и безнадежным.

Казимира Иллакович

Образ «моя земля» распадается на пазлы локальных участков. Потому он связан с группой, с общиной, с со-обществом, имеет осязаемый характер и вызывает эмоциональный отклик. Этому служит представление об исконности этого места: его образ принимается членом группы в категориях прирожденности, отождествляемых с «при-родностью». Так, исследования Н. М. Лебедевой показали: стереотип «при-родности» настолько силен, что группы русских, проживающих в Закавказье более ста лет, в качестве наиболее привлекательного пейзажа избирают ландшафт, характерный для средней полосы России³.

В час безвременья и смуты образ малой родины является вместилищем этничности и локусом этнической повседневности. Зачастую даже сама этничность тяготеет к местному самоопределению. Так, в периоды принадлежности к Польской короне и к Российской империи население белорусских земель, не имея возможности отождествлять себя с государственным целым, идентифицировалось по принадлежности к землячеству, княжеству, воеводству (мозыряне, речичане и т. д.) и/или по общине (заволочане, кричане и т. д.). Ответ на вопрос об этнической принадлежности звучал так: «Я тутэйшы» («здешний»).

Отличие от великой державы малая родина дает человеку ощущение личной незаменимости. Нередко оно зиждется на страдании: малая родина всегда угнетена (или долгие века угнеталась). Она связана с мифом о «добром и разобщенном народе»⁴, который не способен противостоять «злым и консолидированным» захватчикам. Этот миф противоречиво сосуществует с государственным, куда включены воинские победы того же народа. Эти противоречия снимаются путем временного дифференцирования: сперва была великая страна, затем пришли захватчики, и большая родина исчезла: осталась лишь моя земля. Образ захватчиков всегда создается в зависимости от нужд дня сегоднешнего.

Таким образом, малая родина предстает в одной из двух коннотаций. Либо это «остаток» некогда великой державы, либо же конкретная местность,

³ *Лебедева Н. М.* Эмпирическое исследование психологической адаптации этнической группы к иной природной среде (на примере русских старожилов Закавказья) // *Духовная культура и этническое самосознание наций*. М., 1990. Вып. 1. С. 101–128.

⁴ См.: *Филиппов В. Р.* Новейшее этнополитическое мифотворчество «национальной интеллигенции» // «Новая» Россия: социальные и политические мифы: материалы Рос. межвуз. науч. конф. М., 1999 ([Электронный ресурс]. Электрон. дан. Режим доступа: http://liber.rshu.ru/Conf/Newrussia_polit/filippov.htm).

связанная с человеком примордиальными узами¹. В обоих случаях она граничит с метафизической родиной.

Метафизическая родина — это наиболее разноплановый и противоречивый образ места, «воображение места». С одной стороны, это самый идеальный вариант большой родины, который можно назвать утопией идеального отечества. С другой — этот образ исходит из субъективного представления этнофора о «моей земле». Наивно было бы полагать, что первое из этих представлений сконструировано элитами, а второе — эссенциально, хотя бы потому, что они неразрывны. Идеальный «родной уголок» легко переходит в категорию идеального Отечества, если придать ему характеристики скола великой державы (вкуче с современными интенциями расширения), а большая родина уместается в самой «малой» — в сердце человека, хотя бы в силу ее фрагментарного восприятия. Можно предположить, что утопия идеального Отечества состоит из двух частей. Первая совокупность представлений связана с образом «*родины-в-Родине*», вторая — с образом «*Родины-над-родиной*».

В первом случае модель Родины обладает государственно-пространственными чертами: ширь и величина, границы, идеологическое содержание и т. д. Однако это представление дискретнее образа большой родины. Моделирование «родины-в-Родине» индивидуально, ситуативно, калейдоскопично. Она может включать родной город в виде исполненных личного смысла «кластеров пространства»² — впечатлений от поездок, сведений из учебников, книг, литературных аллюзий, идеологических штампов и художественных образов. Несмотря на фрагментарность этого представления, оно способно охватить все пространство Отечества — причем в настоящем времени.

Другую модель метафизической родины можно условно назвать «Землей обетованной» («Родиной-над-родиной»). Она где-то есть или некогда была, и на ее фоне положение реальной родины выглядит незавидным. Отсюда стремление к ее обретению или воссозданию в будущем. Тем самым — в отличие от первой модели, существующей пусть дискретно, но в настоящем времени, — вторая перенесена в прошлое и/или будущее. Есть и другое различие: если «родина-в-Родине» — конструктор, созданный человеком (впрочем, он может объединяться с другими подобными; тогда речь может идти о групповом образе), то идеальность «Земли обетованной» — плод групповых усилий, а в наиболее значимом для нас аспекте — всего этноса.

«Земля обетованная» может существовать в реальности (некая другая страна). Так, это может быть «отечество свободы», образ которого возникает из сравнения с собственным «отечеством несвободы»: это и острова, на которых процветают «счастливые дикари», и послереволюционная Франция для интеллектуалов Европы, и США для советских инакомыслящих, и «цивилизованный мир» для

постсоветского человека. Также «Земля обетованная» может предстать в виде «духовного отечества» — идеализированного образа отдаленной страны (Индии, Тибета): часто он связан с заимствованием экзотической религии (кришнаиты, буддисты и т. д.). «Духовное отечество» может быть найдено и в другом времени (современные субкультуры рыцарей, трубадуров, реконструкторов и т. д.) или в фантазии (толкиенисты и др.). Все эти группы объединяются одним: их «родина» недостижима. Недостижимость — необходимое свойство «Земли обетованной»: благодаря ему затрудняется проверка идеала на идеальность.

Все эти образы — удел групп, субкультур. Есть, пожалуй, лишь одна модель, которая может стать движущим механизмом для всего этноса. Это идеализированный образ собственного этнического пространства (наша земля как «Земля обетованная»). Он творится духовными и правящими этническими элитами, после чего спускается «в народ», где обретает личностные и субкультурные черты. Затем в трансформированном этнической повседневности виде он вновь поступает в пользование интеллектуалов (например исследователей) и приобретает новые модификации. Поскольку такая модель творится на смешении «языка» и «метаязыка», она обречена на внутреннюю противоречивость. Так, она одновременно отправляется и от идеи «великой державы», и от идеи «малой родины»: статус центра, ширь, власть, цивилизаторская миссия объединяются с представлениями о природности — вплоть до общего происхождения членов этноса. Важно, что эта модель воспринимается не как модель, а как истинная реальность.

Этот синтетический образ «истинного отечества» особенно востребован в эпоху перекройки территорий, когда общность актуализует все усилия по новому «освящению» земли. Необходимость адаптации к сложным условиям диктует поиски метафизического отечества. И оно находится — на границе места и времени. Это время — прошлое. Тоска по большой родине реализуется в реанимации забытых или в «открытии» новых сведений о древней обширной территории, мощном государстве. Здесь не столь уж важно, какое отношение эти представления имеют к реальности: гораздо важнее факт убежденности в том, что они истинны.

Итак, идеи величины, государственности, завоеваний и побед, высокой степени цивилизации в образе «Родины-над-родиной» причудливо совмещаются с идеей «прирожденности» этой земли для этноса (нации). Факт, что эти смыслы не соответствуют друг другу, не осознается или оценивается как несущественный. Механизм рационализации, предпринимаемой для объяснения противоречий, — временное дифференцирование. Но обычно и этого не требуется. Каким же способом два эти концепта соединяются в один, и столь мощный, что его раздробленность «не читается» не только этнофорами, но часто и исследователями?

Думается, этот синтез возможен потому, что и государство, и «прирожденная земля» имеют единый корень — представление об этническом пространстве как о некогда реализованном на родной земле идеале. Речь идет о вмещении данной Богом «Земли обетованной» в концепт государства и переносе

¹ Нередко обе эти ипостаси сочетаются: так, в этнокультурном сознании белорусов соседствуют два образа — малой родины как части большой (Великого княжества Литовского или СССР) и малой родины как «роднага кута» («родного уголка»).

² Тишков В. А. Реквием по этносу. М., 2003. С. 290.

на него ее мифологизированного содержания. Тем самым противопоставление «моей земли» и великой державы снимается. Отсюда — эклектика не просто в повседневном этнокультурном дискурсе, но и в границах научного: «моя земля» предстает в виде изначального государства, а большая родина понимается как моноэтническое образование (этому представлению не мешает тот факт, что на пространстве большой родины могут жить сто с лишним этнических групп); люди, жившие (живущие) на ней, одновременно и толерантны, и воинственны; все этногруппы равноправны, но титульный этнос «равноправнее» других и т. д.

Если окинуть взглядом названные «гештальты отечества», возникает вопрос: в каком из них проходит жизнь человека и бытие всего этноса? В государстве, как сосуде, вмещающем нацию? Но его границы непостоянны: они не «по росту» общности (отсюда крен, с одной стороны, в план метафизического отечества, а с другой — в локальные участки «малой земли»). В малой родине? Но ее облик строится на воспоминаниях о тех временах и местах, которых уже нет: в этом смысле «моя земля» неизбежно граничит с метафизическим отечеством. Кроме того, фактическое своеобразие «малых родин» все более унифицируется государством. И, наконец, «моя земля» может воодушевить человека, группу, но не всю общность: это локальный образ. Потому в критических для этноса обстоятельствах разнообразие малых родин может стать даже помехой.

Что же остается? Метафизическая родина, ибо она располагается не в сфере территории, а в сфере культуры, что делает возможным неустанное генерирование новых форм, вмещающих в ее пространство и этнос, и группу, и человека. На этом образе география заканчивается. Начинается родина.

В. Л. РАБИНОВИЧ: — Хочу вернуться к выступлению Вадима Михайловича Межуева. Когда он говорил о том, что время можно расклассифицировать на три вида, они легко угадывались: прошедшее, настоящее и будущее. Затем он добавил, что это также домодерн, модерн и постмодерн, и это тоже можно было предугадать. Но непредсказуем он был, говоря о том, что необходимо выиграть войну за время. Это совершенно новая мысль. Однако когда он говорил, что традиция — это плохо, что модерн лучше и надо прорываться к модерну, он забыл, как мне кажется, о том, что наследуется только новое и только новое имеет традицию. То, что не было новым на момент своего бытия, то как бы не существует, и поэтому традиция олицетворяет вечное настоящее, то есть настоящее прошедшего, настоящего настоящего и настоящего будущего...

В. М. МЕЖУЕВ: — Традиция — это неразличение сущности.

В. М. ДИАНОВА¹: — Для меня диалог — это не только взаимопонимание. Безусловно, это взаимообогащение культур, когда каждая из них не про-

сто остается при своей позиции, но в результате диалога что-то заимствует у другой.

Усиливающееся в современный период глобализации межкультурное взаимодействие протекает в разных сферах: экономической, политической, правовой, научной, военной, религиозной, художественной, образовательной и др. Каждая из этих сфер характеризуется специфическими особенностями осуществления коммуникации. Хотя всем феноменам культуры имманентно присуща коммуникативность, однако не во всех коммуникативных процессах реализовывается так называемое коммуникативное равноправие. В связи с этим мы склонны различать понятия «коммуникация», предполагающее передачу сообщения (информации), и «диалог», относящееся к взаимной коммуникации и предусматривающее участие в ней равноправных партнеров, способных прийти к взаимопониманию.

Проникшее в гуманитарные науки из военной сферы понятие «стратегия», к которому мы прибегаем для изложения своей темы, неслучайно, поскольку содержит характеристику особой направленности в передаче информации, подразумевает векторность, необходимые приемы в коммуникации для получения ожидаемого эффекта (результата). Когда речь идет о межкультурном взаимодействии, стратегия предполагает определенный выбор программы действий, соответствующую линию поведения, особую форму подачи информации. В критические периоды развития общества и культуры поиск необходимой коммуникативной стратегии выступает в качестве особой идеологической, политической или практической проблемы. Всякая коммуникативная стратегия включает определенную концептуально-теоретическую компоненту. Изменение социально-культурного контекста побуждает к формированию соответствующих концептуальных построений, которые связаны с конкретной реальностью, отчасти являются ее отражением и в то же время становятся неким стимулирующим фактором, согласно которому она развивается. Но они же, эти концептуальные построения, могут быть низвергнуты той же самой реальностью, то есть ходом реальных событий, и тогда на смену им приходят новые концептуальные построения, которые в свою очередь являються некими стратегическими теориями для развития и осуществления конкретных социальных действий.

В связи с этим можно заметить, что этапы глобализации могут быть различными по отношению к выработке и осуществлению разных стратегий, которые проявляются не только в конкретных действиях (война — насилие, религия — вера, идеология — принуждение, тиражирование массовой культуры — экспансия), но и в концептуальном осмыслении происходящих процессов. Один из начальных этапов современного протекания процессов глобализации получил название «плавильного котла» — метафорическое выражение, характеризующее ориентацию на неизбежность нивелировки всех культурных различий, их «сжиганий» и тем самым приведения культурного многообразия к гомогенизации. Такого рода стратегия вызвала осуждение, сопротивление и потому оказалась не состоятельной. На смену ей пришли иные стратегии,

¹ Профессор кафедры теоретической и прикладной культурологии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук.

воплотившиеся в новых концептуальных построениях. Одно из них — концепция мультикультурализма, которая обосновывала возможность сохранения своеобразия, локальную самодостаточность и тем самым, как оказалось, способствовала не взаимопониманию и консенсусу, но в крайних своих проявлениях — разжиганию расизма, межнациональной розни и нетерпимости. Вызвала сопротивление и стратегия навязывания стереотипов американской культуры, получившая ироничное название «макдоналдизация». Расширение масштабов глобализационных процессов и осуществление их в разных регионах на материале локальных особенностей привело к признанию многоликости глобализации, вызвало необходимость обоснования гибридных моделей культуры и соответствующих им коммуникативных стратегий. Поскольку культура интегративна, то в одно и то же время мы имеем всевозможные культурные практики с использованием разнообразных стратегий. Их соотношение варьируется в конкретные исторические периоды в целом и в отдельных регионах в частности. В связи с этим понятно, насколько важна задача философско-методологического обоснования коммуникативных стратегий как формы проектирования и реализации социальных взаимодействий между разными субъектами.

Полагаем, сегодня, когда нам известны сложившиеся стратегии межкультурного взаимодействия и их последствия для культуры и общества, наиболее очевидной стратегией, которая обещает быть продуктивной в решении взаимных проблем в условиях многовекторных процессов протекания глобализации, становится стратегия ведения межкультурного диалога, ведущая к возможности и формированию диалогового сообщества. Диалоговое сообщество — это общение свободных людей. Конечно, диалог предполагает наличие такой мировой системы, где не выстроена социокультурная иерархия, где может сложиться реальное равноправие участвующих в диалоге партнеров. Цель диалога — не устранение культурного разнообразия, а осуществление каждым участником общения своего права на свободное самоопределение. Такая потребность в диалоге возникает в связи с появлением особого типа сознания общечеловеческого родства, формирующегося в связи с необходимостью становления общечеловеческой цивилизации, сохраняющей культурное многообразие.

В заключение хочу привести забавный пример из жизни. Один мой знакомый физик, уважаемый доктор наук, как-то мне сказал: «Ты знаешь, недавно я узнал, что у меня есть ментальность». Да, это, конечно, смешно, можно об этом и не знать, но о том, что у нас есть идентичность, мы более-менее знаем — религиозная, национальная, этническая, цивилизационная, в конце концов.

В. М. МЕЖУЕВ: — А физик хорошо сказал.

В. М. ДИАНОВА: — Да. Я не буду называть всех авторитетных ученых, труды которых по этой теме я читала, можно сказать, классиков, в том числе и работы Вадима Михайловича, которые я часто цитирую. Может быть, я повторю его мысль: европейская культура изначально космополитична. То есть она складывалась в результате интеграции

разных составляющих влияний. Можно в самой европейской культуре проследить эволюцию этой идеи. Так, Вадим Михайлович говорит о романтиках, которые обратились к идее универсализации. А еще раньше Гёте мечтал о всемирной литературе, именно эта идея Гёте была подхвачена романтиками, а позже и нашими славянофилами, которые мечтали о действительно универсальных характеристиках человека.

В связи с этим я хочу поднять другую тему, точнее — глубже раскрыть проблему универсализации. Когда разум объявляли универсальным, можно сказать, что они ошибались, — разум не универсален. Можно говорить о новых трактовках универсальности сегодня, но это другой разговор.

Позволю себе также не согласиться с высказыванием уважаемого академика Гусейнова относительно «злостного космополитизма». У меня есть статья, посвященная космополитизму, данным вопросом я занимаюсь уже давно, поэтому считаю необходимым высказаться.

Думаю, что мы должны отказаться от негативных коннотаций данного понятия, которые сложились в советское время. Могу сослаться на авторитет целого ряда людей, которые пребывали в стенах Университета, где мы с вами находимся. Например М. Ростропович. Когда-то я сама назвала его космополитом, точнее, написала об этом, и боялась, вдруг я была несколько некорректна... Но потом я взяла сборник материалов, выпущенный вашим Университетом, и прочла в стенограмме круглого стола его выступление, где он пишет: «Да, я человек мира».

Я могу привести и другие откровенные высказывания авторитетных людей, которые считаются европейцами. Допустим, известная вам Юлия Кристева, болгарка по происхождению, у которой есть немало рассуждений на тему: «Да, я космополит». И я считаю, что будущее европейской культуры именно за этим. Многие авторы отождествляют или сближают понятия космополитизма и универсализма. Я бы сказала, что глобализация — это универсальные тенденции в составлении культуры, то есть не единообразия.

Раз существует такая проблема, а значит и потребность, в формировании единой или, скажем, глобальной культуры, то мы неминуемо к этому придем. Какая она будет? Мы, теоретики и практики, должны способствовать, чтобы она сохранила многообразие. Ее можно назвать универсальной культурой, которая едина во всем своем многообразии, и за этой часто повторяемой фразой стоит большой смысл. Космополитические тенденции отнюдь не обусловлены сегодня очень многим. Можно говорить о транснациональных корпорациях, когда в них работают специалисты из многих стран, можно говорить о космополитизации биографии, когда женятся люди из разных стран и живут то там то здесь, и т. д. Кто он, кем будут его дети, как они себя идентифицируют? Непонятно. Но сегодня это нормальная ситуация, которая порождена целым рядом конкретных глобализационных процессов в постинформационном обществе. Периодика, книги, тексты — все, чем мы пользуемся сегодня, этому способствует. К слову, когда-то у нас издавался журнал «Космополитен», потом он исчез на какое-то время, но на новом этапе его издание опять возобновили.

Причем в его основе — стопроцентный иностранный капитал. Безусловно, этот журнал относится к массовой культуре дам всего мира, в нем пишут о косметике, бытовой культуре и т. д. То есть космополитизм может быть прослежен на двух уровнях, и массовая культура в мире, несомненно, космополитична. Так, недавно я была в Египте и увидела, что толпы американских и европейских туристов привлекаются туда. Но кроме массовой культуры во многих случаях космополитична и элитарная культура, потому что доступны языки, информация и другое, то есть каждый из нас становится человеком мира.

В. К. МАМОНТОВ: — Что говорить, и наука, и право космополитичны...

В. М. ДИАНОВА: — Да, и наука, и право, и искусство всегда космополитичны. Не может быть патриотической литературы, как это ни странно звучит. Литература — достояние всего человечества. Я стою на таких позициях. И, мне кажется, оценки данных понятий давно нужно пересматривать, потому что они должны отвечать современным тенденциям. Конечно же, при глобализационных процессах обостряются разного рода националистические тенденции, локальные или региональные, поскольку это обоюдный процесс, многогранный, и мы все погружены в него. И тем не менее, я убеждена, космополитизм — это хорошо. Космополитизм я определяю не как недостаток патриотического чувства или чего-то еще, а как приращение. Когда я понимаю не только себя, это не значит, что я забыла свои корни, своих предков и т. д. Это свидетельствует, что я обладаю универсальной культурой и потому понимаю другого лучше. То есть я понимаю космополитизм как наращение смысла, как наращение культуры. Мне кажется, культура всегда космополитична.

В. К. МАМОНТОВ: — Любая мировая религия космополитична.

В. М. ДИАНОВА: — Да, конечно.

Н. З. ТАКИЖБАЕВА¹: — Европейская ментальность, представляя собой особенность умственной деятельности определенного человека, народа, нации европейской цивилизации, так или иначе находит отражение и в локальной цивилизации Казахстана. В этих условиях остро встает проблема сохранения ментального иммунитета, способного защитить национальную культуру от деформации, когда ценности европейской ментальности все активнее завоевывают евразийское пространство, где Казахстану выпало быть промежуточным регионом, относящимся одновременно к Западу и Востоку. При этом система цивилизационных ценностей — то, что отличает локальные цивилизации друг от друга, — несет в себе и общечеловеческие ценности. Необходимо подчеркнуть, что эти ценности, в какой бы национально-традиционной форме они ни выражались, выступают в качестве общепризнан-

ных. Но не все люди сразу, безоговорочно и автоматически, их понимают и воспринимают как общечеловеческие. Эти ценности являются результатом естественного исторического процесса, их сущность всегда исторически конкретна. Ценности в любом обществе, являясь внутренним стержнем культуры, представляют собой базу диалога и партнерства различных культур и цивилизаций.

Для диалога представителей разных цивилизаций, для объединения людей нужна, как известно, общая система ценностей и принципов жизни. В общечеловеческой системе ценностей такую функцию выполняет идеология. В современном обществе она в основном плюралистична. Демократические общества, как известно, предполагают стремление к социальной справедливости, приоритет демократии, идеалов свободы, прав личности, свободу дискуссий, рыночных ценностей, формальное признание религии². Обобщенным критерием общечеловеческих ценностей являются в первую очередь демократия, обеспечение прав и свобод человека. Этому критерию и в России, и в Казахстане уделяют весьма пристальное внимание, о чем можно судить на примере трактовки понятия «суверенная демократия». Например, Олжас Сулейменов считает, что назначение наследника или преемника — пережиток монархического толка. Признак российской «суверенной демократии», а точнее будет — «демократии суверена», то есть правителя. По его мнению, для России важно сохранить преемственность курса, и это оказалось важнее соблюдения некоторых демократических норм. Честнее было бы провести референдум по одному вопросу уходящего президента: «Вы согласны, чтобы Д. Медведев стал президентом?» Поэт, ныне представляющий Казахстан в ЮНЕСКО, убежден, что в российской политике все явственней проступали черты Великой Китайской стены. Это, наверное, оправдывает евразийскую природу России.

Поэт-политик считает, что, в отличие от России, в Казахстане с критикой президента все по-европейски нормально. На его взгляд, политический портрет современного Казахстана представляет собой причудливое сочетание черт восточного авторитаризма и западной демократии. С нарастающим преобладанием штрихов последней³. Однако, по оценке западных специалистов, в частности американского политолога Марты Олкотт, демократия в Казахстане все такая же. Перемены, конечно, есть. Но половина их них не в лучшую сторону. Она считает: все, что будет сделано для демократизации, будет «перевернуто». То есть сделано по-своему и названо «демократией с казахстанским лицом». Но политолог убеждена, что демократия национальности не имеет⁴.

² Кузык Б. Н. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее: в 2 т. / Б. Н. Кузык, Ю. В. Яковец. М., 2006. Т. 1: Теория и история цивилизаций. С. 470–472; *Философия* / под ред. А. Ф. Зотова, В. В. Миронова, А. В. Разина. М., 2007. С. 61; *Яковлева Л. И.* Философия как средство проектирования западной цивилизации: хрестоматия по западной философии XVII–XVIII вв. / под общ. ред. Л. И. Яковлевой. М., 2003. С. 12.

³ *Сагимбеков А., Жусуп Н.* Да, настала пора! Олжас Сулейменов отвечает на вопросы газет «Литер» и «Айкын» // *Литер*. 2008. 4 марта. С. 4.

⁴ *Скворцов М.* Марта Олкотт: Я не хочу рисковать здоровьем при въезде в Казахстан // *Тасжарган*. 2008. 21 февр. С. 15.

¹ Доцент кафедры всемирной истории и археологии Евразийского национального университета (Казахстан).

Наиболее ярко столкновение особого видения общечеловеческих ценностей в диалоге различных цивилизаций выявил знаменитый фильм известного британского комика Саши Барона Коэна: «Борат: знакомство с американской культурой на благо славного народа Казахстана».

В России, как и в Казахстане, этот фильм вышел только на DVD, к прокату он не рекомендован¹. Но в Казахстане пошли несколько дальше. Официальному сайту комика запретили размещаться в доменной зоне kz. Кстати, данный факт в официальном докладе Госдепартамента США, посвященном правам человека, приводится в качестве примера нарушения свободы слова в Казахстане².

Противоположная картина наблюдалась в странах западной цивилизации. В частности, С. Б. Коэн стал лауреатом кинопремии «Золотой глобус». За исполнение роли вымышленного казахского журналиста он одержал победу в номинации «Лучшая мужская роль в комедии или мюзикле». Его фильм номинировался на «Оскар». В начале мая 2007 г. американский журнал Time включил С. Б. Коэна в список самых влиятельных людей планеты. Руперт Мердок, миллиардер, владеющий голливудской студией 20th Century Fox, где был снят «Борат», смотрел этот фильм трижды и всякий раз «хотел до смерти». Главные голливудские журналы Hollywood Reporter и Variety написали: «Вероятно, вы не будете так смеяться еще целый год». Правда, журнал Time отреагировал по-гоголевски риторично: «Над кем смеетесь? Над собой смеетесь!» И уточнил, что фильм высмеивает американцев, а вовсе не Казахстан, как может показаться с первого взгляда³. Кстати, этой же точки зрения придерживается и Посол США в Казахстане Джон Ордвей, подчеркнувший, что он не смотрел этот фильм. Но из того, что слышал, фильм больше высмеивает Америку, чем Казахстан⁴. И как бы обобщенную, выражающую западноевропейский менталитет оценку этому фильму дал британский правозащитник Питер Тэтчелл: «Не будьте дураками, взгляните на этих недоумков — антисемитов, сексистов, расистов и гомофобов. Это же полные идиоты и абсолютные невежды. И это главный посыл фильма»⁵.

Конечно, и на Западе нашлись недовольные этим фильмом. Против С. Б. Коэна было возбуждено несколько судебных исков. В том числе один в Германии и несколько в США (в штатах Калифорния, Джорджия, Алабама, Южная Каролина). Однако американский суд отказался рассматривать иск против С. Б. Коэна⁶.

¹ Мердок хочет посмеяться над «Боратом-2» // Известия. 2007. 13 февр. С. 10.

² См.: Борат мне брат? // Эпоха. 2007. 16 марта. С. 2.

³ Борат, который прославил Казахстан // Свобода слова. 2007. 25 янв. С. 9; Комик сильнее президента // Свобода слова. 2007. 10 мая. С. 23; Мердок хочет посмеяться над «Боратом-2» // Известия. 2007. 13 февр. С. 10.

⁴ Бурдин В. Моя задача — быть хорошим послом: На вопросы наших читателей отвечает Чрезвычайный и Полномочный Посол США в Казахстане Джон Ордвей // Время. 2008. 6 февр. С. 2.

⁵ Галкина Г. Господин провокатор // Известия. 2006. 10 нояб. С. 9.

⁶ Там же; Не учите его жить! Американский суд отказался рассматривать иск против Саши Барона Коэна // Время. 2008. 23 янв. С. 9 (перепечатка The Sunday Telegraph).

По оценке самого сатирика, подобные пародии он делал в отношении многих стран. Но с Казахстаном, как это ни странно, получилось наиболее удачно: «Здесь много гротеска. Но речь не идет о деталях, — признается С. Б. Коэн. — ...я часто вижу ваших дипломатов, политическую и бизнес-элигу, приезжающую в Европу. В их поведении много такого, что вызывает иронию. Ну допустим, казахстанский посол в Англии. Сначала он извергал ругательства, грозился подать в суд, что само по себе было очень смешно».

Таким образом, реакция, проявленная мировой общественностью на сатирический фильм, где затрагивались общечеловеческие ценности, выявила не только европейскую ментальность Запада, но и ее трактовку локальной цивилизации Казахстана. Зная свои пробелы, теперь легче сформулировать основные направления, по которым следует двигаться стране, для того чтобы достойно войти в кортуну мировой цивилизации, где все общечеловеческие ценности соблюдаются как инвариантные, неизбывные. И задача философов — определить специфические черты локальной цивилизации, в частности Казахстана, где дух европейской ментальности не будет ограничен ничем, кроме как общечеловеческими ценностями⁷.

В. К. МАМОНТОВ: — Я хотел бы добавить, что без наших казахских партнеров газета «Известия» не выходила бы в Казахстане, а это очень важный объединяющий момент.

И. Н. ПАНАРИН: — После выступления В. М. Межуева и блестящего дополнения к нему со стихотворением В. Л. Рабиновича у меня появился вопрос. Господин Межуев не предложил схему, что делать дальше, через 300 лет? Или, как он говорит, что же нам, развалиться?..

В. Ф. ПЕТРЕНКО: — Это не наш путь. Я для вашего «экспертного» сообщества хотел бы все-таки предложить схему. По Бердяеву, у нас сложилась традиционная матрица сознания, консервативный путь мышления. Но он не так и плох, он консервирует не только негативные составляющие, но и все лучшее, ту самую европейскую ментальность. Эта «инновационная матрица сознания» сегодня нам очень нужна. Я бы предложил три ключевых термина: самоуважение к себе, своей истории, самоорганизация и самореализация. На идеи каких философов, политологов мы можем опереться сегодня, для того чтобы совершить действительно инновационный рывок? На славянофилов или западников? Или мы можем опереться на какие-то общепринятые неразделяющие явления, такие как День Победы (этот праздник объединяет всех)?

Сегодня информационное пространство становится таким же геополитическим фактором, как территории, природные ископаемые и пр. Позиция первая. Для того чтобы «вести» пером, надо, чтобы тебя услышали. Необходимы законы о защите русского языка, но не в том смысле, как предлагал Жириновский — запретить использовать иностранные

⁷ Цыганков П. А. Теория международных отношений. М., 2004. С. 197; Яковлева Л. И. Указ. соч. С. 26.

слова и т. п. В развитие языка надо вкладывать силы и средства. Институты русского языка являются такими же стратегическими объектами, как оборонные предприятия. Защита русского языка подразумевает закон, как во Франции, например, где любые международные конференции, проходящие на ее территории, проводятся на французском языке. Это способствует и развитию переводческой практики, и многому другому. Нужны законодательные акты в защиту русского языка. Даже в самой России очень трудно купить (где-нибудь в сибирских городах или далее, то есть за пределами Москвы и Санкт-Петербурга) периодические издания столиц, например «Известия». Поэтому государство должно вкладывать средства не только в футбольные команды, но и в родной русский язык.

В советское время были соответствующие институты, издательства, которые переводили и издавали работы отечественных философов, социологов, психологов и т. д. А сейчас мы должны встраиваться в конъюнктуру западного рынка, чтобы издать что-то на английском. Нужно государственное поощрение, чтобы переводить на иностранные языки труды наших ученых и деятелей искусства, нужны государственные корпорации, которые занимались бы переводом и пропагандой российской литературы, философии, социологии, психологии и т. д. Необходимо вести некую наступательную политику в области информационного пространства.

Г. М. БИРЖЕНЮК¹: — Любая дискуссия напоминает то, что в ботанике называется перекрестным опылением, и в этом главная ценность такого рода коммуникации. Разговор, который здесь происходит, очень интересен, и я попытаюсь внести в него свой вклад в виде попытки осмысления духа и границ европейской ментальности. Как представляется, Россия с точки зрения доминирующих в обществе настроений весьма и весьма далека от Европы. Различные исследования, прежде всего те, что проводятся в рамках Института психологии РАН, фиксируют неудовлетворительное психологическое состояние российского общества. Основные психологические проблемы — это массовое чувство социальной несправедливости и физической незащищенности, неуверенность в завтрашнем дне, утрата смысла. Именно последнее обстоятельство является ведущим мотивом самоубийств. Кстати, по этому показателю мы занимаем второе место в Европе и СНГ (первое место — у Литвы). Ежегодно 2 тыс. детей становятся жертвами убийств и тяжких телесных повреждений, около 2 млн детей страдают от жестокости родителей, 50 тыс. детей ежегодно убегают из дома, до 5 тыс. женщин гибнут от рук мужей и т. д.

Нужно ли говорить, что подобного нет ни в одной стране Европы и, соответственно, психологическое состояние европейского общества, как и его ментальность, являются принципиально иными, чем у россиян. В этом контексте вопрос о том, являемся ли мы европейцами, все же носит риторический характер.

Но и европейская ментальность не остается неизменной. Очень точную характеристику дал ей

буквально на днях известный словенский философ Славой Жижек. На венском театральном фестивале, тема которого была «XX век как пролог XXI», он в своей лекции говорил: «Мы потребляем не вещи, а знаки статуса? Да, так было еще недавно. Для меня уличным символом 1990-х был один процветающий врач в Любляне. Он все пытался ездить по нашему небольшому городу на “Линкольне”, с превеликим трудом лавируя на узких улицах. Но “потреблять знак” это не мешало.

Однако то время ушло. Мы даже стали скромней — внешне скромней. Сегодня мы покупаем качество проведенного времени. Покупаем осмысленное удовольствие — в цену путешествий, музейных билетов, концертов заложено наше тихое довольство собой. Мы вошли в эпоху умеренного гедонизма, где можно купить даже немножко милосердия... немножко социальной ответственности. Отдавая пять евро не за чашку эксклюзивного капучино, а на некий социальный проект, мы платим за положительную самооценку. И, возможно, за те же деньги покупаем право больше не думать о бедах мира. Никогда никакое общество не жило так невинно, благополучно и безмятежно, как живет весь Запад в последние 60 лет. Но прочно ли это? Даже самые наивные из нас уже не верят в “конец истории”. Что будет завтра?»

Такой ментальности у россиян тоже пока нет. Будет ли она когда-то такой? Ответ придется ждать лет сто или двести. Но сейчас, если даже мы войдем в единую Европу, когда полосатые пограничные столбы станут не более чем символом, они все равно будут отграничивать территорию российской ментальности и ментальности европейской, поскольку этот дух, представляя собой нематериальную субстанцию, с российским духом принципиально не перемешивается.

В. К. МАМОНТОВ: — В заключение мне хотелось бы сказать о том, что мне показалось важным и полезным. Здесь было сказано, что имперские амбиции — единственный путь России не отстать от Европы. Интересная мысль, хотя и чрезвычайно спорная. Не мы ли несем ту «арматуру» духовных или иных ценностей, которые Европа сегодня теряет?

25 тыс. английских болельщиков, которые приехали на одни сутки в Москву и провели их там абсолютно нормально, несмотря на дождь, убедились в том, что у нас по улицам ходят красивые девушки, а не медведи, и вернулись домой, я думаю, благополучно. Это и есть та самая народная дипломатия. Мы наконец додумались до совершенно простой вещи — дать им паспорт, билет и просто пустить в страну. Это очень важный момент.

Но для меня в нашей дискуссии самым главным остался вопрос, как же нам за время-то побороться, потому что и отставать нельзя, и себя потерять в этой битве невозможно.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Я поддерживаю сказанное Владимиром Константиновичем и думаю, что этот разговор был очень полезным. Хочу только добавить, что Европа и Россия — это очень большие феномены, которые содержат такое количество ситуаций, сложных историй и тому подобного, что мы можем подобрать огромное количество фактов для

¹ Заведующий кафедрой социально-культурных технологий СПбГУП, доктор культурологии, профессор.

обоснования любой точки зрения. Как мы логически выстроим это взаимодействие — единство, различия, борьба? Весь вопрос в том, чего мы хотим. Мне кажется, наша ключевая проблема — это все-таки глубокий, не буду говорить метафизический, но духовно-экзистенциальный разлад, который есть в нашем обществе. Непонятно, с какой точки

зрения мы на это смотрим и рассуждаем. Чего мы хотим? В этом смысле разрешение всех споров состоит в том, чтобы найти какое-то адекватное основание для своего единства, для того, чтобы мы оставались при всех своих различиях единицами чего-то целого. А вот единицы чего, какого целого — сейчас это еще непонятно.

ДОКЛАДЫ

А. В. Агошков¹

ЕВРОПЕЙСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ В СРЕДНИЕ ВЕКА И НОВОЕ ВРЕМЯ: ОТ ДОЛЬЧИНО ДО Ж.-Ж. РУССО

Средневековая культура Европы выявила достаточно глубокий аспект понятия «справедливость». Она приобрела вертикальный смысл, оказалась приобщена к Богу; в религиозных учениях высказывалась новая идея — о внутреннем совершенстве человека как свидетельстве его социального статуса. Показательны в этом отношении воззрения христианского мыслителя Фомы Аквинского. По его мнению, несовершенные человеческие законы должны выверяться «естественными законами» и «божественными», что потенциально предполагает равенство людей перед Богом, «свободную волю» в утверждении любви и милосердия. Аквинский допускает протест подданных против невыносимой тирании, выступает за то, чтобы власть монарха была ориентирована на эти законы и считалась с «волей народа». И хотя Средневековье насыщено властным произволом (кровавые публичные казни, жестокие пытки при судебном разбирательстве, уничтожение населения непокорных городов и иноверцев), оно культивирует и элементы более цивилизованных форм общественной жизни.

В период классического Средневековья по Западной Европе прокатилась волна крестьянских восстаний, имевших достаточно большое историческое значение. Большинство из них хорошо известно и изучено. Во-первых, это восстание 1304–1307 гг. на северо-западе Италии под предводительством Дольчино (бывшего послушника монастыря францисканцев). Вполне в духе первохристианства он проповедовал общность имущества, отказ от частной собственности, поскольку она, являясь мотивом обогащения отдельных лиц, становится основной причиной социального неравенства и различных бедствий. Известно, что Дольчино был казнен, а восстание было подавлено².

Таким образом, крестьянские восстания были разнородны, их социальная и мировоззренческая зрелость была неодинаковой. Если Жакерия, по мнению ученых, была фактически бунтом, когда о требованиях восставших можно судить лишь по их действиям, то другие движения имели довольно четкие представления (программы) о социально

справедливых формах общественного и экономического устройства³. Большей частью (если речь идет о западноевропейской культуре) это относится к Великобритании.

В связи с этим интересно утверждение Алена де Бенуа, что «Жан Жорес в качестве предшественников социализма упоминает Лютера, Канта, Фихте и Гегеля» (курсив мой. — А. А.)⁴. Очевидно, что этот намек требует особого рассмотрения; известны высказывания Лютера о пользе внутренней торговли и бюргерской деловитости и предприимчивости, его критика внешней торговли и резкое осуждение ростовщичества. Также Лютер выступал против торговли предметами роскоши, которая развивает «щегольство и обжорство». Эта позиция имеет некоторую корреляцию с современностью, однако отнюдь не позволяет делать вывод о явной социальной направленности немецкого реформатора. Он осуждает праздность, критикует сословную иерархию, утверждая, что между людьми есть «лишь различие по должности и делу, а не по званию»⁵. Одновременно Лютер отмечает важнейшую роль труда в «призвании» человека. Это подтверждает буржуазный в целом характер его взглядов (элементы трудовой этики, думается, можно отнести к его симпатии к идеям раннего христианства).

Интересно, что в эти, казалось бы цивилизованные, времена имели место проявления обычного, примитивного представления о равенстве как признаке социальной справедливости. Так, во времена Французской революции в стране была ликвидирована Академия наук, погибли ученые. Одна из причин — широко распространенное в то время мнение (обоснованное Ж.-Ж. Руссо в 1752 г. в его трактате «Рассуждение о науках и искусствах»), что наука увеличивает отчуждение людей, ведет к усилению неравенства. Умственный труд рассматривался как привилегия аристократов и их сторонников, а следовательно, как причина усиления неравенства и проявления сословного общественного

³ Так, восстание английских крестьян под предводительством Роберта Кета (1549) выдвигало программу из 29 пунктов, большинство из которых имело социально-экономический характер. См.: Всемирная история экономической мысли: в 6 т. / МГУ им. М. В. Ломоносова; гл. ред. В. Н. Черковец. М., 1987. Т. 1. С. 186–187.

⁴ Бенуа А. де. Два лика социализма // Вопросы культурологии. 2006. № 4. С. 28.

⁵ Лютер М. К христианскому дворянству немецкой нации // Источники по истории Реформации. М., 1906. Вып. 1. С. 5.

¹ Главный редактор журнала «Вопросы культурологии», главный специалист Института научных исследований и информации Российской академии госслужбы при Президенте РФ (Москва), кандидат философских наук.

² См.: Сказкин С. Д. Исторические условия восстания Дольчино. М., 1955. С. 29–31.

стройка. (Вспомним, подобные взгляды высказывались еще в Древнем Китае.)

Именно в этот период возникла необходимость разработки теоретической платформы для объявления существующей системы деления общества на «верх» и «низ» неправильной, несправедливой, требующей замены. В системном виде такая платформа была сформулирована Ж.-Ж. Руссо в работе «Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми», написанной в 1750-х гг.¹ По мнению Руссо, неравенство в человеческом обществе обусловлено двумя группами причин. «Первое неравенство» Руссо назвал естественным, или физическим, «потому что оно установлено природою и состоит в различии возраста, здоровья, тесных сил, умственных или душевных качеств». «Второе неравенство» он назвал условным, политическим. Оно заключается «в различных привилегиях, которыми одни люди пользуются за счет других: как то, что они более почитаемы, более могущественны, чем другие, или даже заставляют их себе повиноваться». Это неравенство зависит не от природы, а от некоего соглашения между людьми. Поскольку основания такого соглашения, принятые в предыдущие времена, не выдерживают критики «просвещенного разума», то они могут и должны быть отменены. Равенство понималось Руссо прежде всего как отмена «привилегий»; общество «без привилегий» стало рассматриваться как идеал, социальное равенство — как обязательный атрибут справедливого социального устройства, борьба против социального неравенства — как борьба за социальную справедливость².

Подводя предварительные итоги этим рассуждениям, можно сказать, что история европейской культуры свидетельствует о тесной связи экономического и правового аспектов понятия справедливости при явном преимуществе первого. Конечно, законы общественного развития гласят, что хозяйственная жизнь является базисом политических и правовых отношений. Однако в случае такого сложного явления духовной жизни, как социальная справедливость, экономика и политика оказываются гранями единого целого, воплощением экономических и гражданских прав человека. В зависимости от того, какие мотивы преобладают в общественном сознании, справедливость как ценность может трактоваться в рамках двух основных подходов: нормативного и эмпирического. Согласно первому, справедливость (а также другие социальные ценности — солидарность, свобода, терпимость и пр.) является ведущей ценностью культуры, «идеалом», но идеалом активным. Согласно второму, справедливости как таковой нет в принципе, а есть материальные условия, улучшение которых способно заменить собой общественный прогресс (точнее, изменить качество прогресса). Это подвигает человека к постепенному «расширению» границ своего бытия, но в рамках того социального уклада, который наличествует в данное время.

Очевидно, что различие нормативного и эмпирического подходов к социальной справедливости

в некоторой мере условно и основано на осмыслении особенностей так называемых вертикальных устремлений (то есть устремлений, в которых человек пытается соотнести свое существование с Вечностью) и горизонтальных (непосредственных личных) интересов человека. Вертикальные устремления не абсолютно оторваны от насущных потребностей индивида, ибо именно идеалы, нормы и ценности раскрывают перед ним более обширные перспективы для деятельности. Вертикальные устремления чрезвычайно важны для человека, поскольку ценности свободы, равенства, уважения человеческого достоинства, солидарности людей определяют перспективы дальнейшего совершенствования общественных отношений. Нормативное толкование выражает гуманистический идеал, который ориентирует основных участников политического процесса на общественно-ценное поведение³.

Возвращаясь к утверждению французского исследователя проблем современного социализма Алена де Бенуа о том, что национальный социализм во многих аспектах вообще сливается с национализмом, что «Жан Жорес в качестве предшественников социализма упоминает Лютера, Канта, Фихте и Гегеля, то есть тех людей, которых не без основания считают основополагающими теоретиками современного национализма» (курсив мой. — А. А.)⁴, можно сказать, что и этот тезис, по нашему мнению, также требует дополнительного исследования. С одной стороны, у Гегеля встречаются высказывания против чрезмерного содержания права собственности: «Стремление превратить власть государства в частную собственность есть не что иное, как путь к распаду государства, к уничтожению его в качестве силы. Та доля государственной власти, которую приобрел для себя отдельный индивидуум, потеряна для власти всеобщего»⁵. С другой стороны, великий философ представлял право собственности в качестве главного звена новоевропейского мировоззрения: «В государстве нового времени обеспечение собственности — это ось, вокруг которой вращается все законодательство и с которой так или иначе соотносятся большей частью права граждан»⁶. Очевидно, что великий мыслитель признавал важность и правоту обоих этих тезисов, находясь в поисках золотой середины между социальными ценностями и правом собственности как условием эмансипации современного человека. Эти позиции дают основание для дополнительного исследования по данному вопросу.

Таким образом, эти три направления исследований — экономическо-правовое, национальное и культурное — представляются нам магистральными для современного определения понятия социальной справедливости и социалистической идентичности как политической артикуляции последней.

³ См.: Семенова Р. У. Демократия как ценность: нормативный и эмпирический подходы // Вопросы культурологии. 2005. № 4. С. 15–17.

⁴ Бенуа А. де. Указ. соч. Подробнее о социально-философских и исторических взглядах великого французского социалиста см.: Жорес Ж. Социалистическая история Французской революции. М., 1976.

⁵ Гегель Г. Политические произведения. Конституция Германии. М., 1978. С. 184.

⁶ Гегель Г. Работы разных лет: в 2 т. М., 1971–1973. Т. 1. С. 225–226.

¹ См.: Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969.

² См. подробнее: Литвинов В. А. Волшебное слово «справедливость» (социально-экономический очерк) // Преподавание истории и обществознания в школе. 2000. № 3–4.

А. А. Акаев

ДУХОВНОЕ ПРИТЯЖЕНИЕ РОССИИ

Искренне признателен за приглашение на столь важное мероприятие и предоставленную возможность выступить с этой трибуны. Это не первое мое участие в Лихачевских чтениях, но каждый раз меня охватывает глубокое волнение перед памятью великого сына русского народа Дмитрия Сергеевича Лихачева. Я преклоняюсь перед той ролью, которую он как ученый, мыслитель, гуманист, подвижник духа и провидец сыграл в жизни народов, населяющих огромное евразийское пространство. По традиции Лихачевские чтения посвящаются наиболее актуальным проблемам, которые возникают перед обществом на поворотных этапах его развития. Не стали исключением и нынешние Чтения.

Проблема отношений между цивилизациями и культурами интересует меня давно. Не раз на эту тему я выступал на международных форумах, с трибуны ЮНЕСКО. И до сих пор задумываюсь, почему нам с такой настойчивостью приходится, оспаривая конфронтационные подходы, доказывать, казалось бы, аксиоматическую истину о существовании между цивилизациями и культурами отношений преимущественно партнерства и диалога.

Значит, в мире продолжают действовать силы, заинтересованные в навязывании концепций противоположного толка. Применительно к нынешним временам речь прежде всего идет об идеях, исходящих от американского политолога Самуэля Хантингтона, который 12 лет назад выпустил получившую широкую известность книгу «Столкновение цивилизаций и переустройство мирового порядка». Симптоматична корреляция во времени между появлением этой книги и теми противоречивыми процессами в мире, которые были вызваны распадом Советского Союза, исчезновением его с мировой политической сцены. Вместо «империи зла» в лице СССР было измышлено «исчадие зла» в лице исламской цивилизации. Стали насаждаться тезисы о наличии «горячих фронтов», «линий разлома» и других нависающих над человечеством апокалиптических бед. Не хотел бы далее углубляться в теоретические дебаты, однако не могу не вызывать тревоги конфронтационные «метастазы», которые возникли и дают о себе знать в международной практике. Насажение конфликтных идей применительно к отношениям между цивилизациями является небезобидным теоретическим упражнением. Подобные идеи, укоренившись в менталитете народов, особенно в условиях глобализации, в конечном счете могут привести к опасным последствиям. Согласно русской поговорке, даже незаряженное ружье раз в год стреляет.

Зловещим конфронтационным идеям мы можем и должны противопоставить свою линию здравого смысла и исторического оптимизма. Призываю термин «конфликт цивилизаций» изжить из политического лексикона. Мировые цивилизации принадлежат к единому миру, изначально живут и развиваются в нем, хотя по ряду причин исторического характера это происходит в разноскоростном режиме. Выделение и подчеркивание конфликтного начала в их жизненных циклах искажает реальную

картину мироздания. Многоцивилизационное разнообразие украшает человеческое сообщество, делает его более ярким и привлекательным, сглаживает острые углы. Лихачевские чтения — хорошая трибуна для развенчания зловредных мифов в данной области.

Будучи киргизом по национальности, я много лет прожил в России и всегда с живым интересом и симпатией наблюдал и наблюдаю происходящие в этой стране процессы. Россия для меня как исследователя представляет собой мультицивилизационную систему, своего рода срез евразийского сообщества во всем его национальном многообразии. Как известно, взаимодействие на нашей планете между индивидами с внутренне присущим каждому из них феноменом «особости» осуществляется в случае семьи и этноса на основе норм общечеловеческой морали и нравственности. В геноме человека нет звеньев, предопределяющих антагонистическое начало в его отношениях с себе подобными. На более высоком уровне наций и многонациональных образований к этому добавляются нормы, являющиеся по сути общественным договором. Отличительная особенность России всегда состояла в том, что в коллективистский механизм ее внутренней жизни были изначально встроены надлежащие позитивные регуляторы межнациональных отношений. Дело восходит, похоже, к далеким историческим временам, когда в ответ на вызовы времени во имя государственного выживания возникла настоятельная потребность сплочения всех наций и народностей, проживавших на территории России, разумеется, при позитивной объединительной роли коренного русского народа. Наиболее яркий пример тому в современной истории — Великая Отечественная война. Россия в веках пережила крупные внутренние потрясения в форме крестьянских бунтов, пролетарских революций и кровопролитных гражданских конфликтов. Подлинным бедствием до сих пор считается Гражданская война 1917–1920 гг. Но не было в российской истории случаев, чтобы общенациональные гражданские неурядицы вспыхивали на межнациональной почве, то есть (на нынешнем политическом языке) имели бы межцивилизационную конфликтную природу. При моем глубоком отторжении идеологии большевизма, я все же не могу не признать, что в сфере межнациональных отношений проводившаяся в советские годы политика дружбы народов и интернационализма весьма позитивно сказывалась на сфере межнациональных отношений.

Веками Россия тем и притягивала, что, создавая внутри себя систему дружественных отношений между входящими в нее этническими и национальными группами, во внешнем плане выступала как защитник интересов соседей перед лицом чужеземных нашествий. Именно поэтому в 1785 г. мудрые киргизские правители направили посольскую миссию к императрице Екатерине Великой с просьбой принять свой народ в российское подданство. В ту же эпоху с подобными просьбами к России обратились некоторые народы Закавказья и Центральной

Азии. Встречным был интерес передовых общественных деятелей России, особенно ее научных кругов, к народам Востока. Выдающиеся петербургские ученые В. Радлов, В. Бартольд, А. Бернштам, С. Абрамзон и другие внесли крупный вклад в изучение киргизской истории. Российская культура открыла миру наше национальное поэтическое сокровище — героический эпос «Манас» с его более чем тысячелетней историей. Позднее благородную традицию в отношении народов Востока продолжил Лев Гумилев. Было бы чудовищным и несправедливым предположить, что отношения между Россией и Центральной Азией на каком-то этапе определялись конфликтом цивилизаций, хотя в региональной основе они, несомненно, относятся к разным цивилизационным генотипам. Межцивилизационное равновесие, как показал советский период, складывается не стихийно, а под влиянием целенаправленной политики по укреплению дружбы народов и интернационалистских тенденций. В современных условиях, когда нередко проявляются ксенофобия, расовая нетерпимость и другие негативные проявления, которые могут трактоваться как признаки межцивилизационного противостояния, хорошо продуманная государственная политика международных отношений как на уровне отдельных стран, так и в целом на постсоветском пространстве представляется особенно актуальной. В свое время в нашей республике огромную роль, например, сыграла национальная идея «Кыргызстан — наш общий дом».

Законно задаться вопросом, откуда же берутся в мире конфликты, если отношения между цивилизациями не присущ конфликтный характер. Какие факторы приводили и ныне порождают в мире конфликты и войны? Анализ исторического процесса показывает, что крупных войн на межцивилизационных разломах в последние два века не наблюдалось. Две кровавые мировые войны и другие события аналогичного плана происходили на внутрицивилизационной основе и имели межгосударственный и межблоковый характер. И на сегодня в мире есть немало острых конфликтных ситуаций, чреватых войной, но вряд ли хоть одну из них можно охарактеризовать как имеющую межцивилизационные корни.

Стрелки на межцивилизационный азимут переводят те, кто хотел бы подобным путем закамуфлировать или оправдать применение силы для реализации своих замыслов сугубо материального свойства, особенно в целях контроля и монополизации рынков нефти, газа и другого стратегического сырья. К этому примыкает проводимая в тех же целях политика внешнего насаждения демократии, инициирования «цветных революций» и тому подобного без должного учета национальных интересов тех стран, которые попадают под их «каток». В марте 2005 г. Кыргызстан в полной мере испытал это в ходе так называемой «тюльпановой революции». Где гарантия, что тревожные события в Ираке, осуществляемые под лозунгом демократизации, или опасная возня вокруг Ирана не обернутся кровавыми делами и не выйдут за пределы региона? Вот уже почти 7 лет Западом ведутся военные действия в Афганистане под теми же благородными демократическими лозунгами. Конца и этой войне все еще не видно.

Анализируя события в моем родном Центральном-Азиатском регионе и за его пределами, я начинаю лучше видеть и выше оценивать гуманистическое духовное притяжение России для наших народов. Начну с того, что в общем «советском доме» порядки были суровыми, чуть ошибись — и наказания не избежать. Но в этом союзном, не всегда ласковым «доме» входившие в него республики окрепли. Заботы о доме «старшего брата» не главенствовали. Больше стремились обустроить жизнь в собственных домах. Когда пришла лихая пора и Советский Союз предстал перед угрозой развала, Россия не стала удерживать союзные республики под своим административным подчинением, предоставив им право самим определяться со своей судьбой. А ведь, если вдуматься, могло быть и по-другому. В суровых условиях Россия выпестовала братские республики и выпустила в 1991 г. в самостоятельное плавание, убедившись, что они в состоянии сами выстраивать жизнь в соответствии со своими национальными интересами и традициями. В постсоветские годы Москва никогда не навязывала партнерам свои сценарии организации политической и социально-экономической жизни, развития демократического процесса, хотя вкладывала, сама находясь в трудных условиях, немалые средства для их вывода из постсоветского системного кризиса. В этом мы всегда видели и видим величие России.

Не могу не сказать сегодня о том духовном пространстве, которое неустанными усилиями многих народов под определяющим влиянием России веками складывалось на востоке Евразии. Мы всегда по праву гордились общим, неделимым по своей внутренней сути культурным достоянием, которое органично включило культурные богатства республик, с полным основанием называвшихся братскими. В древнюю духовную сокровищницу наших народов наряду со славянским «Словом о полку Игореве», в исследование которого так много сил вложил Дмитрий Сергеевич Лихачев, входили киргизский эпос «Манас», грузинский «Витязь в тигровой шкуре», армянский «Давид Сасунский», азербайджанский «Китаби дэдэ Коркут» и многие другие. Наши писатели, поэты, ученые и мыслители не изолировались по национальным «квартирам». Александр Сергеевич Пушкин и Тарас Григорьевич Шевченко для меня, киргиза, были столь же близки, как для русских и украинцев. Межгосударственное размежевание не означает духовного размежевания наших стран.

Загравиваю данную тему потому, что в последнее время возникает тревога за судьбу складывавшегося веками на востоке Евразии гуманитарного пространства. Самим своим существованием оно оказывало и продолжает оказывать позитивное одухотворяющее воздействие на межцивилизационные отношения в мире. В этом смысле попытки втягивания Украины и Грузии в НАТО, приобщение их к чужой североатлантической «секте» могут привести к появлению трещин в нашем общем святилище духовности. Участие в НАТО, по моему глубокому убеждению, это не дорога к Храму. Дмитрий Сергеевич Лихачев, будь он сегодня с нами, поднял бы свой голос против вандалистских попыток растащить и разрушить то, что было сделано нашими предками по единению культур, возвышению гуманистических

ценностей, навечно связавших наши народы. Его заветы для собравшихся в этом зале святы.

Единение постсоветских государств путем укрепления центристских тенденций отвечает интересам всех участников этого процесса и, разумеется, интересам Москвы. Нужны целенаправленные встречные усилия с обеих сторон для возрождения единого экономического пространства, существовавшего в предыдущие десятилетия. Оно послужит материальным фундаментом духовной сферы. Наряду с этим нужны зримые проявления духовной общности наших народов в сфере образования, культуры, гуманитарного сотрудничества. Необходимо придать новое качественное измерение гуманитарной сфере в деятельности Содружества Независимых Государств. Возникает мысль о создании Гуманитарного университета СНГ, допустим, в Санкт-Петербурге, где новое учебное заведение могло бы опираться на мощную университетскую инфраструктуру. Почему во всех странах СНГ есть американские и европейские университеты, но нет своего университета СНГ, хотя стандарты и традиции университетского образования в России и на-

ших странах высоки. Не отработана система взаимного обучения молодежи в университете, обмена аспирантами, докторантами, учеными и т. д. В СНГ нет собственного культурного центра, хотя потребность в нем очевидна. Этот перечень можно было бы продолжить. Духовные связи развиваются не в вакууме. Они требуют надлежащей подпитки. Москва, как всегда, остается и в этом плане нашей надеждой.

Кыргызстан и другие постсоветские страны связаны с Россией данной нам Всевышним навечно общей евразийской землей, пройденным бок о бок многовековым историческим путем, общими интересами в политической, экономической, гуманитарной и других сферах. И внутри наших стран и в их отношениях между собой фактор межцивилизационного противостояния никогда не брал верх. «Острые углы», приписываемые некоторыми учеными и политиками конфликтогенным факторам в сфере межцивилизационных отношений, элиминируются политикой подлинной дружбы, взаимовыгодного сотрудничества и добрососедства. Великая Россия всегда в этом деле была и остается для нас примером.

С. Н. Иконникова¹

ПОСТМОДЕРНИЗМ КАК НОВАЯ ПАРАДИГМА В КУЛЬТУРОЛОГИИ

Конец XX в. ознаменовался масштабными изменениями в культуре, смещением традиционных ценностных ориентиров, расширением спектра культурных слоев, появлением новых форм и стилей жизни. Техногенная цивилизация привела к существенным переменам в сознании, менталитете, искусстве, морали. Прежние теоретические концепции утратили эвристическую надежность, отошли в историческое прошлое, стали знаком культурного наследия. Классическая европейская культура приобрела статус «Великой энциклопедии», перечня гениальных творений человеческого духа, к которым следует проявлять пиетет, бережно хранить, включать в список, рекомендуемый для изучения. Реальность оказалась слишком далекой от сюжетов и идеалов почтенной классики. Даже более близкая по времени «советская классика» тоже стала анахронизмом, утратила связь с настоящим, осталась в памяти как свидетель и летописец исторических событий. На руинах возникло вначале довольно хаотическое состояние, но затем постепенно проявились контуры и очертания новой действительности с иной посткультурой. Данное название достаточно условно, в нем подчеркивается лишь некоторая последовательность по отношению к предшествующему этапу, но не содержится указания на хотя бы некоторую преемственность. Предчувствие слома классической модели европейской культуры надвигалось с начала XX в. Достаточно вспомнить труды Ф. Ницше, О. Шпенглера, К. Маркса, А. Швейцера, И. Хейзинги, Г. Маркузе, Х. Ортега-и-Гассета, Н. Бердяева, А. Белого, в которых звучала тревога за судьбу цивилизации. Примитив-

ность массовых вкусов, узкий спектр духовных потребностей, ориентация на зрелища привели к радикальным переменам в культуре. Подверглись критике гуманитарные ценности добра, красоты, справедливости, содружества, веры в человека. Буйство инстинктивных влечений, вседозволенность, игровое действие во всех сферах социальной и личной жизни приобрели невиданный размах и распространение, способствовали духовному кризису. К этому следует добавить разгул преступности, наркоманию, падение нравов, мистицизм, и панорама приобретает зловещие черты. На протяжении жизни одного поколения существенно изменился культурный облик эпохи. Посткультура по определению «другая». Не случайно в современном мире говорят о «другой литературе», «другом театре», «другой живописи», «другой науке», «другой политике» и т. д. Жизнь общества и каждого человека стала «другой». У этой «инаковости» нет точного определения, к ней не подходят позитивные или негативные оценки, ибо она не является продолжением того, что было в прошлом. У нее нет отчетливых границ, есть лишь пунктирные очертания. Новый опыт формируется одновременно у старого и молодого поколений, поэтому ветераны не могут передать молодежи свои достижения или ошибки, научить умразуму. Оба поколения вступили в новую реальность одновременно и вместе осваивают общее поле деятельности, испытывают на прочность различные варианты решения проблем. Но большим ресурсом обладает молодое поколение, оно быстрее и эффективнее адаптируется к новой жизни. Возможно, потому что ему не надо переучиваться, отказываться от идеологических клише и стереотипов сознания.

Новое сознание отчетливо проявилось в сфере гуманитарной науки, особенно в философии, политологии, истории, этнологии, психологии и, конечно,

¹ Заведующая кафедрой теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, доктор философских наук, заслуженный деятель науки РФ.

в культурологии. Но я недаром поставила культурологию в конец перечисления, ибо она в определенной степени лишена устойчивых идеологем и догматов прошлого, но тем не менее несет груз прежних подходов.

Классические философские школы и концепции эволюционизма и диффузионизма, структурализма и марксизма, функционализма и фрейдизма утратили господствующее положение в объяснении новой картины мира. Изменилось и прежнее представление о фундаментальном культурном символе, столь характерном для многотысячелетнего развития культуры человечества. Таким символом считалось «Мировое древо» — вертикальная и диахронная модель мира, воплощение упорядоченности мироздания, необходимый компонент мифологических космогоний, сюжет сакрального брака Земли и Неба, знак бинарных оппозиций пространства «верх-низ».

Мифологема «Мирового древа» означала основную ось развития культуры человечества: «крона» символизировала множественность культурных сообществ; «ствол» — единство ценностей мировой культуры; «корни» — культурное наследие прошлого, истоки человеческого бытия. Метафизика «Мирового древа» вносила в менталитет идею сквозной логики развития культуры от истоков до «кроны»; идею вертикальной организации бытия, наличие иерархического строения всех сообществ и сфер: семьи, государства, религии, науки, искусства. Развитие было представлено как «ветвление» многочисленных и разнообразных этнических и социальных структур, отличающихся между собой самобытными чертами, но имеющих сходство в базовых ценностях. Мифологические образы: стрелы, летящей вверх; лестницы, ведущей в небо, — отражали непрерывность развития мироздания, постепенное возвышение и совершенствование человека в культуре. Образ «Мирового древа» был тесно связан с аграрной культурой, возделыванием злаков, обработкой полей. Сам термин «культура» первоначально относился к аграрной деятельности человека и означал «возделывание».

Все эти образы были необходимы для понимания длительности развития культуры, обращения к памяти предков, сохранения опыта и достижений предыдущих поколений.

Главным элементом всей европейской классики являлась идея «корня», глубины истории культуры. Поиск корней — любимое и ответственное занятие в науке, искусстве, морали, генеалогии, а культурогенез — важнейшее направление научных исследований. Генетическая «Ось» как смысловое единство, первопричина и источник последующих перемен определяла весь процесс эволюции мировой культуры.

В образах «Древа» и «Корня» находила подтверждение идея Единства человеческой культуры. По сути, эта мифологема не отражала множественности как разнообразия культур, ибо ветви цветущего дерева похожи друг на друга. «Ствол» поддерживает «корень» и «крону», существует в единстве и целостности, воплощает мировой порядок.

Линейность, последовательность фаз развития сюжета в литературе, циклов в искусстве, периодов смены власти в политике не выходят за пределы модели классической культуры и европейского типа мышления. «Древовидная» западная культура проникла во все сферы социальной жизни от ботаники до социологии, подчинила искусство и философию, политику и мораль.

Однако этот тип культуры уже прошел стадию кульминации и близится к завершению. Предсказания о «закате» культуры неоднократно высказывались в истории XX в. Теперь, похоже, он наступил.

Посткультура развивается стремительно и на иных идеях и принципах. Более полно они выражены в теоретических построениях постмодернизма, хотя сам поиск новых и всеобъемлющих концепций свидетельствует об инерции старого подхода к пониманию реальности.

Постмодернизм отвергает символ классического мышления в виде «Мирового древа» как искажающий реальный процесс развития культуры. Вместо этого предлагается новый образ «Травы», или «Ризомы». Этот символ требует пояснения. Согласно новой терминологии, введенной французскими философами Ж. Делезом и Ф. Гваттари, трава ведет самое «мудрое существование». Для нее нет особых условий, она существует везде, прорастает на огромных необработанных пространствах, заполняет пустоты, пробивается сквозь асфальт и скалы, ее появление непредсказуемо. Она способна доставлять радость и наслаждение своим присутствием, не требует культивации, ухода и подкормки, экономических затрат и финансовой поддержки. Она растет между всеми иными растениями, деревьями и кустарниками, на камнях и под заборами, не мешая другим. Трава — символ Востока, его особой культуры, существующей везде и во всем.

Неверно было бы считать, что «Трава» вытеснила «Древо», расправилась с негодной метафорой и утвердила новое мышление. Они могут сосуществовать вместе, дополняя друг друга, трава может произрастать на дереве, забираться в дупло, обвивать ствол. Но как способ объяснения происхождения явлений культуры «древовидная» концепция устарела. «Мы устали от дерева», заявляют французские философы Ж. Делез и Ф. Гваттари. Нелинейные версии развития культурных процессов развития более современны, утверждают философы.

И. Ф. Кефели¹

СТРАТЕГИИ ГЕОЦИВИЛИЗАЦИЙ В ГЛОБАЛЬНОЙ ГЕОПОЛИТИКЕ

Масштабы современного гуманитарного знания определяются запросами человека на глобальное

¹ Заведующий кафедрой культурологии и глобалистики Санкт-Петербургского государственного университета «Военмех», член редколлегии журнала «Геополитика», доктор философских наук.

видение социальных процессов, которое воплощается в утопии, научно-техническом прогнозе либо подсчете того, сколько даров природы осталось человечеству для его существования. Осмысление социальных, политических, экономических, духовных

потрясений сквозь «оптику» гуманитарного знания ныне фокусируется в цивилизационном анализе происходящего, претендующем на выявление качественных характеристик больших социокультурных общностей. Этот анализ осуществляется в первую очередь на пересечении познавательных интенций философии истории и социальной философии, культурологии и геополитики. Давний спор о преимуществах цивилизационного и формационного анализа всемирно-исторического процесса вряд ли будет решен однозначно в чью-либо пользу. Первый из этих видов анализа претендует на выявление культурных доминант материального и духовного развития социокультурных общностей. Второй — на выявление роли личных, общинных, национально-государственных интересов в обладании собственностью и их влияния на культурные доминанты социального развития. Поэтому эти виды анализа не исключают, а дополняют друг друга.

Включение геополитики в сферу цивилизационной аналитики на современном этапе ее развития вполне закономерно. Классическая, силовая геополитика оформилась в системе политических наук на рубеже XIX–XX вв. как теоретическое и идеологическое обоснование передела мира между великими державами и потому рассматривала государство как главного актора мировой политики. Современная геополитика все более явственно обретает цивилизационный и глобальный статус. Цивилизационный, поскольку ведущими акторами мировой политики начинают выступать локальные цивилизации (геоцивилизации). Глобальный, поскольку геополитика охватывает человеческую деятельность в планетарных масштабах: мировая транспортная сеть (транспортная геополитика), единое информационное пространство (информационная геополитика), единый мировой рынок (глобальная геоэкономика), мировые центры силы (глобальная геостратегия). В таком случае стратегии геоцивилизаций — это установки: 1) на сохранение и утверждение своей идентичности как целостной социокультурной общности в продолжающемся процессе диалога культур и 2) утверждение социальной справедливости в процессе коэволюционного развития природы и мирового сообщества.

А. А. Мельникова¹

РОССИЯ И ЕВРОПА: ДУХ МЕНТАЛЬНОСТИ В СТРУКТУРЕ ЯЗЫКА

Рассуждая об основаниях для диалога культур, мы неизменно наталкиваемся на проблему различия в ментальностях, ибо, используя термин «европейская ментальность», мы осознаем, что она складывается из национально-самобытных составляющих (итальянской, немецкой, русской и т. д.). И непонимание, проистекающее из данных ментальных различий, может осложнить диалог культур. Таким образом, одной из основ продуктивного диалога должны стать понимание и учет, по крайней мере, стержневого компонента самобытной ментальности, ее духа.

Вопрос о том, что является духом, основой, стержнем ментальности до сих пор является предметом горячих споров. Впрочем, и сама ментальность — предмет дискуссий, ибо проявления ее разнообразны, запечатлены во множестве модусов культуры, что создает возможность различных трактовок. При рассмотрении многообразных подходов к анализу ментальности всегда возникает проблема верификации и тем более согласования различных концепций. Один из способов разрешить противоречия — обратиться к анализу носителя. С одной стороны, система этого носителя максимально научно изучена, а с другой — в этом носителе воплощена достаточно полно и разнообразно национальная ментальность. Исследование национального языка — один из таких подходов. Идея о соответствии строения языка «внутренней организации мышления» определенного народа была высказана еще в начале XIX в. В. Гумбольдтом: «Различные языки — это не различные обозначения одного и того же предмета, а разные видения его»²; его пози-

цию разделял и известный лингвист Бодуэн де Куртене: «...без всяких оговорок можно согласиться с мнением Гумбольдта, что каждый язык есть своеобразное мировидение...»³. Толчок к планомерному исследованию этих идей дала выдвинутая в 1950-х гг. Э. Сепиром и Б. Уорфом гипотеза лингвистической относительности, базирующаяся на следующих положениях. Национальная культура — это групповой способ структурирования мира, для того чтобы избежать хаоса и обеспечить выживание группы, а язык — система символов, которая представляет и отмечает это структурирование. Индивид в детстве (начиная с младенческого возраста), еще до вступления в действие основных институтов социализации и инкультурации, впитывает в себя через язык самую сущность культуры. Хотя создаются этнические смыслы вне языка, однако язык запечатлевает результат — национальный способ восприятия, понимания реальности (то есть национальную ментальность), и, усваивая родной язык, ребенок постигает и содержащуюся в нем классификацию мира. То есть при социализации ребенка, согласно гипотезе лингвистической относительности, в первую очередь именно язык, его система предписывает ребенку определенную систематизацию и классификацию материала, поступающего из внешнего мира. В таком случае именно исследование языка позволяет получить достаточно полное представление о ментальности народа.

Однако простой выбор языка в качестве «определенной» национальной ментальности не снимает всех проблем методологического характера, ибо язык — многоуровневая система. Наиболее же

¹ Доцент кафедры психологии СПбГУП.

² Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984. С. 9.

³ Цит. по: Рамшвили Г. В. Вильгельм фон Гумбольдт — основоположник теоретического языкознания // Гумбольдт В. Избр. тр. по языкознанию. С. 12.

продуктивным в контексте нашего анализа представляется анализ структурной составляющей языка: наиболее вероятно, что именно в ней и будет «определен» стержень, основа ментальности (ибо не вызывает сомнения, что ментальность — это определенная система, следовательно, правомерно говорить о ее стержневой, несущей конструкции; именно она — дух ментальности, и тогда правомерно предполагать, что структура духа ментальности будет отражена в структуре ее носителя).

Итак, обращаемся к языку. Он включает в себя лексику (словарный состав языка) и правила ее компоновки — грамматику. Последняя, в свою очередь, состоит из двух разделов: морфологии (рассматривающей правила и средства изменения и построения слов) и синтаксиса (включающего правила и средства изменения и построения словосочетаний и предложений). И то и другое относится к структуре, однако именно предложение, а не слово является законченным высказыванием, содержащим осознанную мысль, что становится аргументом в пользу исследования синтаксиса. В свою очередь, синтаксис языка тоже определенная система со своей иерархией, и можно предположить, что в этой системе является базовыми, первичными характеристиками — ее сущностными основами — и транслирует наиболее значимые установки, относящиеся к духу ментальности.

Первичной, базовой характеристикой предложения является способ соединения в нем слов. Их два: жесткий порядок и свободный. При жестком порядке за каждым членом предложения закреплено определенное место, независимое от говорящего (обычно зависящее от типа предложения), а при свободном говорящий сам выбирает порядок расстановки слов в предложении в соответствии со своими целями и задачами (например, может не только сообщить информацию, но и расстановкой слов что-то подчеркнуть или усилить). Если предположение верно, тогда говорящие на языке с жестким порядком будут иметь определенные характеристики ментальности, отличающиеся от характеристик ментальности носителя языка со свободным порядком слов. Можно предположить также следующее. Поскольку предложение — это законченное высказывание о мире, то в структуре предложения содержатся закрепленные в синтаксисе основные представления о мире, то есть *национальная онтология*. Четкая, понятная, независимая от говорящего система предложения, «сверху» упорядочивающая хаос слов, формирует идею логичного мира, в котором все рационально обусловлено. Отсутствие же такой четкой структуры соответствует идее мира, в котором нет единой, все жестко организующей системы, нет четко выраженных причинно-следственных связей. Это определяет оппозиционную, протестную позицию по отношению к любой системе, которая: 1) находится «сверху»; 2) наделена функцией упорядочивания. Кроме того, можно ожидать также неприятие всего того, что способно выступать в качестве абстрактного объединяющего компонента (как системного, так и не системного характера). Наряду с этим поскольку при свободном способе соединения слов порядок их расстановки во многом зависит от говорящего, то в онтологических представлениях носителя такого языка, вероятно, будет усилена роль субъекта.

Дополнительными факторами при анализе основы, духа ментальности являются следующие характеристики структуры языка.

1. Соотношение положения глагола и существительного. Если на первом месте стоит существительное, то это предрасполагает к представлению субъекта в качестве деятельностного начала — именно он преобразует мир и, следовательно, может находиться в доминирующей позиции по отношению как к остальным субъектам и объектам в частности, так и ко всей «дольней» реальности в целом (но не «горней», которую олицетворяет система). Если на первом месте стоит глагол, то деятельность — самоорганизующаяся категория, подчиняющая себе и мир, и субъекта. Исследования американских лингвистов Э. Сепира, Б. Уорфа, Г. Хойджера, проведенные на материале языка американских индейцев (хоппи, нутка, навахо), выявили присущую именно им такую специфику категоризации мира, заключающуюся в преобладании глагольных форм в описании окружающей действительности, то есть в описании мира через действие. Анализируя данную особенность ряда индейских языков, Г. Хойджер высказал мнение, что она является отражением их представлений о мире как находящемся в непрерывном движении. «Даже в наши дни, — пишет он, — навахо является по преимуществу бродячим, кочевым народом»¹.

2. Взаиморасположение подлежащего и дополнения. В тройке «подлежащее (П), сказуемое (С), дополнение (Д)» возможно шесть разных порядков (П–Д–С, П–С–Д, С–П–Д, Д–С–П, Д–П–С). В целом в языках мира встречаются все возможные варианты расположения, но многие языки жестко фиксируют какой-то из способов расположения (в русском же возможны все шесть). Усилению оппозиционной направленности по отношению к субъектам и объектам «дольнего» мира, а не к системным управляющим принципам будет иметь те языки, которые выбрали для своей структуры любую из трех первых указанных комбинаций (так как эти порядки расположения подчеркивают доминирующую позицию субъекта действия по отношению к тому объекту или субъекту, на который направлено действие).

Указанные синтаксические отношения отражают предельно общие черты духа ментальности, которые могут быть уточнены анализом других типов синтаксических отношений. Например, усилению дистантной установки по отношению к другим субъектам или объектам способствует принадлежность данного языка к группе языков, выражающих идею обладания с помощью глагола «иметь» (кто-то имеет что-то), то есть с точки зрения синтаксиса обладание приравнивается к активному действию — такому же, как «брать», «держат», «класть» («I have a cat» — букв. «Я имею кота»). Такая конструкция формирует у субъекта ощущение своей значимости и первичности по отношению ко всем остальным субъектам и объектам, способствует разделению мира на «я» — «они», и «они» превращаются в предмет потребления. Субъект становится *приобретателем*, в то время как все остальное получает характеристики

¹ Цит. по: Васильев С. А. Философский анализ гипотезы лингвистической относительности. Киев, 1974. С. 30.

пригодных для приобретения объектов (это относится даже к тем объектам или субъектам, к приобретению которых действующий субъект отношения не имеет: например, фраза «I have a brother» обычно вовсе не означает, что некто приобрел брата). «Иметь»-языкам противостоят «быть»-языки, у которых на первый план выдвигается не идея обладания, а идея существования кого-то или чего-то.

Рассматривая эти два типа языков, Э. Фромм отмечал, что в них выражены два основных способа существования, два разных вида самоориентации и ориентации в мире, две различные структуры социального характера; анализируя существование по принципу обладания, он подчеркивал, что в этом случае «мое отношение к миру выражается в стремлении сделать его объектом владения и обладания, в стремлении превратить все и всех... в свою соб-

ственность»¹. К «иметь»-языкам относятся не только западноевропейские (то есть языки с жестким порядком слов), но и почти все славянские, причем не только чешский, польский, болгарский, но и максимально близкие к русскому украинский и белорусский. Последнее хорошо иллюстрирует, как синтаксические правила передают разные ментальные характеристики даже в предельно похожих по структуре языках.

Таким образом, анализ структуры языка, и прежде всего его синтаксических конструкций, дает возможность выявить предельно базовые характеристики ментальности, ее стержень, дух. Понимание же данной базовой характеристики поможет более продуктивно разворачивать диалог культур, ибо при построении этого диалога можно будет учесть особенности представителей другой культуры.

И. П. Никитина²

ИРОНИЯ КАК ОСОБЕННОСТЬ ЕВРОПЕЙСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

Ментальность можно охарактеризовать как образ мышления, общую духовную настроенность человека, группы, нации или культуры. Менталитет — это или склад ума (от *фр.* mentalitete), или социально-психологические установки, способы восприятия, манера чувствовать и думать. Менталитет является более широким и вместе с тем менее ясным понятием, чем стиль мышления, характеризующий лишь интеллектуальную предрасположенность к определенным умственным действиям.

Каждая культура обладает своей специфической ментальностью. Одной из характерных особенностей европейской ментальности является *ирония*. Это наглядно проявилось еще в античности, а позднее — в романтизме и современном постмодернизме.

Ирония, как юмор и остроумие, относится к классическим типам комического. Остроумие связано с мгновенным переворачиванием смысла, доставляющим удовольствие или самой игрой со смыслом, или формой неожиданного смыслового перепада. Ирония же состоит не в открытом переворачивании смысла, а в сохранении двойственности смысла, когда явный смысл противоположен скрытому, но все же доступен воспринимающему. В частности, ирония Сократа — способ привести собеседника к противоречию с самим собой, чтобы вывести его из состояния «ложного знания».

Осмысление иронии начинается с Платона и Аристотеля. В диалогах Платона содержатся рассуждения об эмоциональном воздействии иронии. В «Филебе» Платон определяет иронию как душевное состояние, являющееся смесью печали и удовольствия. Платон противопоставляет смешное серьезному и считает ироническое, как и комическое вообще, недостойным свободных граждан идеального государства. Эта точка зрения господствовала на протяжении всех Средних веков. Не только ирония, но и комическое, и комедия были изгнаны из официального искусства, хотя не из искусства вообще. Возрождение снова обратилось к иронии и воскресило интерес к теории комического.

Целью романтической иронии являлось утверждение субъективной свободы, игра веером возмож-

ностей без выбора какой-либо одной из них. Ф. Шлегель называл иронию «самой свободной из всех вольностей», которая и содержит, и побуждает «чувство неразрешимого противоречия между безусловным и обусловленным, между невозможностью и необходимостью исчерпывающей полноты высказывания».

Ф. В. Е. Шеллинг определял иронию как форму эстетизации безобразного и превращения его в предмет искусства: «Изящное искусство может обратиться к сфере низкого лишь постольку, поскольку в ней достигает идеала и его совершенно переворачивает. Это переворачивание и есть сущность комического».

Необходимо отметить, что ирония социальна по своей природе. В культуре всегда имеются свои образцы «правильного», «должного», «серьезного», «общепринятого» и т. п. Без таких образцов не обходится ни одна сфера человеческой жизни. Образцы «правильного» различаются в зависимости от социальной и культурной среды, в разные времена и у разных народов они являются разными. Ироническое как резкий, неожиданный разрыв с образцами «должного» с точки зрения культуры поведения, неожиданный отказ от какого-то кажущегося общепринятым образца и замещение его как раз противоположным образцом — особенность прежде всего европейской культуры. В ней чаще, чем в других случаях, как отмечал М. М. Бахтин, писавший о карнавальной смехе, сущность которого составляет ирония, «верх» и «низ» культуры как бы меняются местами на определенный отрезок времени.

Замена общепринятого образца его противоположностью подготавливается шагами, которые, как вначале представляется, ведут к обычному образцу. Но затем неожиданно одним движением стандартный образец подменяется другим,

¹ Фромм Э. Человек для себя. Иметь или быть. Минск, 1997. С. 231–232.

² Профессор кафедры социально-политических наук Финансовой академии при Правительстве РФ (Москва), доктор философских наук.

прямо противоположным, ситуация переворачивается с ног на голову, и зритель или слушатель, хорошо знакомый с обычным образцом, испытывает от этого шок и одновременно определенное эстетическое наслаждение. Он становится как бы соучастником разрушения или, по меньшей мере, расшатывания социальных устоев, которые невозможны без общепринятых в конкретной культуре образцов.

Элементы иронии имеются, конечно, в каждой культуре. Однако в европейской культуре, начиная с Античности, ирония играет особо важную роль. Очевидно, однако, что подчеркнутая европейская ироничность непосредственно связана с особыми темпами социального и в первую очередь экономического развития европейской цивилизации и с многообразием тех культур, из которых слагается эта цивилизация.

Л. И. Харченкова¹

ДИАЛОГ КУЛЬТУР В СОВРЕМЕННОЙ НАУЧНОЙ ПАРАДИГМЕ

Понятие диалога культур стало чрезвычайно популярным в различных областях научного знания: идея диалога культур достаточно широко представлена в философии и истории культуры (А. Ф. Лосев, Д. С. Лихачев), эстетике (М. С. Каган), литературоведении (М. М. Бахтин), семиотике (Ю. М. Лотман), лингвистике (С. Г. Тер-Минасова, З. Н. Афинская, Т. Ю. Загрякина, О. А. Корнилов), педагогике (В. С. Библер, А. О. Курганов, Ю. Ю. Дешериева, А. А. Полякова). Ввиду того что исследуемое понятие является междисциплинарной категорией, теоретическое осмысление этого феномена предполагает рассмотрение различных подходов к его изучению.

Если говорить о становлении понятия «диалог», то, как известно, первоначально и в России, и на Западе диалог определялся как собеседование людей, обменивающихся некими суждениями. С течением времени термин «диалог» стал служить обозначением особого уровня коммуникативного процесса, на котором происходит взаимодействие личностей участников коммуникации.

Действительно, «диалог культур есть взаимонаправленность его субъектов, осуществляемая ими при осознании взаимной ценности и взаимоотражении как на эмоционально-ценностном, так и на ценностно-мировоззренческом уровне» (Баева, 1986). Каждый из участников диалога ценен своей уникальностью и вместе с тем соотносится с общезначимыми ценностями бытия. Равенство субъектов диалога — в их способности понимания другого.

Реальный участник диалога культур — личность, вбирающая в себя и перерабатывающая в своем сознании, в самой своей жизнедеятельности многообразное социально-культурное содержание истории. При освоении культурного наследия в ходе диалога личность открывает все новые горизонты творческих возможностей человека.

«Диалог — «окно» в мир «со-творчества», в мир субъект-субъектных отношений, «вырастающий» по мере диалектического «снятия» мира отчуждения. В таком мире человек становится способным вступать в общественные отношения и деятельность, прежде всего, как личность, свободный субъект» (Полякова, 2003).

В наше время диалог стал одним из центральных понятий социально-гуманитарной мысли.

Что касается термина «культура», то он сопряжен с множеством понятий, которые представляют собой целостную картину человеческих отношений. В научной литературе встречаются разнообразные его дефиниции. Одним из наиболее общих является следующее определение: «Культура — это социально-прогрессивная творческая деятельность человечества во всех сферах бытия и сознания, являющаяся диалектическим единством процессов опредмечивания (создание ценностей, норм, знаковых систем и т. д.) и распределмечивания (освоение культурного наследия), направленная на преобразование действительности, на превращение богатства человеческой истории во внутреннее богатство личности, на всемерное выявление и развитие сущностных сил человека»².

Современная культура непременно включает многообразие личностей, оценок, ценностей, различных явлений. Это многообразие приобретает некую целостность и определенность только через диалог, а именно через диалог культур.

Диалог культур, как и любой диалог, есть процесс, в результате которого проявляется, укрепляется, а в иных случаях разрушается, исчезает взаимопонимание. Диалог культур — это процесс взаимодействия двух индивидуальностей, двух ситуативных позиций, двух менталитетов. Таким образом, диалог культур — это прежде всего механизм взаимопонимания.

По Библеру, «культура нововременного мышления — это культура «втягивания» всех прошлых и будущих культур в единую цивилизационную лестницу» (Библер, 1991). На новом уровне технических возможностей СМИ эффективно способствуют такому объединению, создают невиданные прежде возможности для диалога культур на глобальном, межличностном и внутриличностном уровнях.

Для того чтобы «диалог культур» состоялся, необходимо наличие как минимум двух культур. М. Бахтин отмечает, что культуры не имеют «своей территории» и что «культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже» (Бахтин, 1986). Таким образом, культура и диалог взаимосвязаны и обуславливают друг друга.

Философский статус понятия «диалог культур» определяется тем, что, отражая высочайшие достижения цивилизации, философия выступает как часть культуры, которая выполняет системосозидающую

¹ Заведующая кафедрой межкультурных коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета водных коммуникаций, доктор педагогических наук, профессор.

² Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. М., 1987. С. 225.

и смыслообразующую функции. Философская культура сложилась и развивалась благодаря диалогу. Она, так же как и диалог, — способ социального и индивидуального взаимодействия, образующего основу человеческой жизни.

Особенно остро проблема диалога культур обозначилась с развитием коммуникативного направления. Чрезвычайно интенсивное развитие средств массовой коммуникации, на наш взгляд, еще острее высветило основательность и актуальность философской теории «диалога культур», разработка которой была начата еще в Античности, продолжена М. М. Бахтиным, а впоследствии В. С. Библером. Несмотря на то что категория диалога используется в современных онтологических теориях коммуникации, она является логической единицей многообразных гносеологических построений в области философского осмысления мира. Постоянно развивающийся диалог стимулирует культурное развитие и предполагает философское осмысление вещей.

Общение — диалог по определению. Общение в рамках философской культуры — это взаимный обмен мнениями, знаниями, логическими моделями. Диалог служит причиной и следствием философской культуры, ее важнейшим коммуникативным средством. Признание диалога в этом качестве предполагает оценку его как методологического принципа не только философствования, но и любого серьезного исследования. В данном контексте можно с уверенностью утверждать, что в диалоговой форме коммуникации существует развитое методологическое начало, равное по своим возможностям высшим философским установкам. Следовательно, принцип диалога культур необходимо включать в систему всеобщих (философских) теоретических принципов. Теоретическим источником концепции философского диалога в XX в. стали работы Э. Гуссерля по феноменологии. Дальнейшее развитие этих проблем связано с именами М. Хайдеггера, К. Ясперса, Г. Марселя, М. Бубера, С. Л. Франка, М. М. Бахтина, Ю. Хабермаса и др.

Взаимодействие двух культур можно рассматривать и как взаимодействие знаковых систем. Такой подход позволяет использовать в изучении диалога культур достижения семиотики — науки, позволяющей смотреть на взаимодействующие культуры как на сообщающиеся знаковые системы, которые утверждают, что взаимодействие возможно, если есть или может быть найден общий язык, понятный обеим сторонам, если достигнут высокий уровень понимания друг друга.

В современной социокультурной ситуации человек находится на рубеже культур, взаимодействие с которыми требует от него диалогичности, понимания, уважения культурной «идентичности других людей» (Бондаревская, Кульневич, 1999). И поскольку образование есть базовый процесс в культуре, диалог выступает в качестве основной характеристики современной системы образования.

Действительно, «в образовательном пространстве диалога культур, родной и иноязычной, происходит обогащение личности ценностными смыслами культур, формирование у личности “культурной способности” определять границу значимого и незначимого, уметь работать со знаниями, с разными типами мышления, с идеалами различных культур» (Полякова, 2003).

Ю. Ю. Дешериевой (1990) было дано определение, отражающее научно-художественную концепцию диалога культур, где были выделены следующие основные аспекты диалога культур в образовательном контексте:

- билингвистический, включающий разработку проблем интерференции (лингво- и социокультурной), кодового переключения, языкового дефицита, конвергенции и дивергенции культур и др.;

- прагматический, предполагающий разработку лингвопрагматики в плане исследования межкультурной коммуникации (специфика взаимодействия разнонациональных коммуникантов, особенности реализации интенций участников диалога культур и т. д.);

- когнитивный, включающий исследование когнитивных особенностей, путей восприятия и понимания изучаемого языка и культуры различными национальными контингентами учащихся;

- аксиологический, направленный на выявление оценочных характеристик, которые приписываются явлениям изучаемого языка и культуры представителями разных национальных культур;

- эстетический, раскрывающий пути эстетического постижения изучаемого языка и культуры учащимися разных национальностей.

Представляется, что данная классификация создает предпосылки для комплексного подхода к изучению иностранных языков в контексте диалога культур.

Раскрывая дидактический потенциал диалога культур, мы рассматриваем его как диалоговое взаимодействие контактирующих культур, обеспечивающее адекватное взаимопонимание и духовное взаимообогащение представителей различных лингвокультурных общностей.

Сегодня теория и практика диалога культур позволяют формировать новые черты психологии социума в российском культурно-образовательном пространстве. Преодолевая узость монологического подхода, диалог культур строится на осознании своеобразия и общности культур, идее многообразия как источника личностного становления и общественного развития в поликультурном мире.

Реализация принципов истинного диалогизма (открытость к иным культурным ценностям, признание права быть иным, толерантное восприятие другого и т. д.) в гуманитарном знании приобщает отдельно взятую личность к духовному миру «всеединого человечества» без растворения в нем.

Ю. М. Шор¹

РОССИЙСКАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ И ПРОБЛЕМА ГУМАНИТАРНОСТИ КУЛЬТУРЫ

Мы снова живем в переломное время, время выбора. Мир на распутье. Подвергаются сомнению не какие-либо отдельные фрагменты, частности — под вопросом общие направления развития человечества, его геополитические, экономические, национально-культурные стратегии. По всему видно: нужны не косметические корректировки, а радикальные перемены. Иллюзия того, что американизированный, либерально-демократический, рыночный, электронно-технократический тип цивилизации — единственный (во всяком случае «самый прогрессивный», «самый современный»), опрокидывается специфической геополитической и культурной динамикой других регионов мира (Латинская Америка, Япония, Китай и весь Азиатско-Тихоокеанский регион, арабский мир). К специфическим вариантам развития, как это опять становится ясным, относится и Россия. Вопрос, видимо, стоит так: удастся нам вписаться в общемировой порядок, в планетарные информационные, экономические и политические структуры, не пожертвовав при этом своим своеобразием, своими традициями и особенностями, или мы погибнем, слепо и бездумно подгоняя себя под общезападные стандарты, без разбору заимствуя «свое» и «чужое».

Хочется верить, что 1990-е гг. не прошли для России даром. Пытаясь преодолеть пороки «развитого социализма», реформы 1990-х обнажили страшный лик того, что пришло на смену. В который уже раз стала ясна бесперспективность механического перенесения западной экономической, политической, правовой и культурной модели на Россию. Рельефно высветилась обратная сторона «свободного рынка» с его принципом «все на продажу» и культом прибыли, катастрофичность лозунга «самодовлеющей свободы», разрушение и обесценивание самого принципа социальной справедливости. Для сознания интеллигенции наиболее острыми оказались культурные тупики: выход на авансцену самодовлеющей ценности потребления, замена принципа самореализации личности принципами комфорта и удовольствия, прагматизм и ориентация исключительно на успех, засилье «массовой псевдокультуры», «развлекухи», «гламура», определенное обесценивание духовного начала в человеке, вытеснение его на обочину жизненной практики.

Особенностью современного этапа развития человечества является то, что любые конкретные коллизии современной жизни несут в себе дополнительный метафизический смысл: за национальными распрями и требованиями самоопределения — проблемы этнической самоидентификации, поиск своего места в мире; за агрессивностью «гламура» и потребительства — возросшая пассионарность людских страстей, низших пластов человеческой природы; за борьбой в области прав человека — драматизм взаимоотношений индивида и социума; за религиозными распрями и амбициями — поиски своего типа ментальности, своего духовного пути.

Да и за нашими тревогами, как это ни банально звучит, — старая проблема своеобразия российской культуры, ее особенностей, специфических ценностей, представляющих своеобразный вклад в общемировое развитие. Проблема эта, как хорошо известно, не сегодня родилась, за ней давняя, мощная традиция: В. Одоевский и П. Чаадаев, А. Хомяков и И. Киреевский, В. Соловьев и Ф. Достоевский, С. Франк и И. Ильин, Д. Лихачев и В. Кожин... Надо только в правильном ключе ответить на вопрос: а почему, собственно говоря, мы озабочены этой проблемой? Совсем не потому, что хотели бы доказать себе и другим, что «мы не такие, как все», что «нам за граница не указ» и т. д. «Свое» — вдохновляет, является источником жизненной энергии, глубоких и важных переживаний, порождает желание любить и работать. «Свое» — это исходное, исконное в нас, то, что составляет идущие из прошлого базисные структуры нашего менталитета. «Свое» — это найденные в реальности аналоги нашего сознания и самопонимания. Культурная традиция — не что иное, как «подключение» к своим корням. И при всей насущности «земных проблем» — экономических, экологических, социальных, вопросов национально-государственного устройства — важно понять, что проблема культуры имеет исключительное значение, как подчеркивал это Д. С. Лихачев. Но понимать культуру надо именно как идеальную сущность, духовно-смысловой компонент человеческого существования, его ценностный слой.

Не боясь упреков в некоторой идеализации, попытаемся тезисно выделить некоторые, на наш взгляд, наиболее важные ценности российской нации и культуры, которые необходимо либо сохранить, либо вновь восстановить в своих правах.

1. Целостность истолкования мира и культуры. Для российской мысли всегда было характерно понимание недостаточности, узости, односторонности «дифференцирующего» подхода к знанию, односторонности абсолютизации «предметного разделения». Типично стремление мыслить об универсуме, постигать целое, удерживать в сознании общую картину. Особенно характерно это для человековедческого знания. В качестве незримой предпосылки русской науки всегда витал образ Человека, не разделенный на бесчисленные «предметы», а целостный, всесторонний, во всем богатстве своих определений, увиденный с позиций действенного гуманизма. При этом использовались ресурсы не только научного, но и религиозного, художественного, философского, нравственного сознания.

2. «Антитехнократизм» русской мысли, внутренне присущая ей гуманитарность. При всем понимании огромной роли науки и техники — отвержение технократически-позитивистского взгляда на цели и задачи человека, его миссию в современном мире. Как бы следуя заветам Августина Блаженного, русская мысль хочет говорить не о «внешнем» только человеку, а главное — о «человеке внутреннем». Технократизм, как известно, видит главную задачу в устройении человека на земле, а природный мир рассматривает как объект использования,

¹ Профессор кафедры культурологии СПбГУП, доктор философских наук, профессор.

утилизации, совокупность сырья и материалов. Русская мысль сосредоточила внимание на «внутреннем человеке», на его духовно-нравственной составляющей и увидела в этом определяющую сторону человеческого бытия.

3. Понимание культуры прежде всего в качестве духовной сущности, идеально-смыслового измерения существования социума. Поэтому так важна для русской мысли творческая составляющая человека; поэтому для традиций нашего образования типично понимание его как личностного созидания, как самостроительства, «умного делания». По этой же причине российская философская культурология настаивает на четком разделении феноменов «культура» и «цивилизация»: одно — «внут-

реннее», другое — «внешнее». Отсюда же истолкование образовательного процесса не просто в качестве безликого «получения знаний», а как живого культурного диалога, в который равноправными субъектами вступают учитель и ученик.

4. Наконец, изначальная экзистенциальность русской мысли, сочувственное понимание человеческой личности, ее болей и радостей, удач и неудач, «немых страданий», страстей — всего, что потаенно, свято хранимо в нас. Отсюда же — не просто познание человека, а сочувствие ему, сопереживание, то самое глубинное понимание, о котором писал Вильгельм Дильтей.

Русская мысль — живой соучастник человеческого бытия.

Секция 3

АКТУАЛЬНОЕ ПРОШЛОЕ: РЕАЛИИ И МИФЫ ИСТОРИИ

23 мая 2008 г. Научная библиотека СПбГУП

Руководители:

ЧУРОВ Владимир Евгеньевич — председатель Центральной избирательной комиссии РФ, профессор СПбГУП;

КОЗЛОВ Владимир Петрович — руководитель Федерального архивного агентства (Москва), член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор;

ЛЕПСКИЙ Юрий Михайлович — первый заместитель главного редактора «Российской газеты»

В. П. Козлов

АКТУАЛЬНОЕ ПРОШЛОЕ: ОТ ПРЕОДОЛЕНИЯ МИФОВ ИСТОРИИ К ПОИСКАМ РЕАЛИЙ ПРОШЛОГО

Если следовать логике, содержанию и синтаксису названия нашей секции, мы должны констатировать: есть просто «прошлое», есть «актуальное» прошлое, есть «история» как «прошлое» и есть «реалии и мифы» этой истории. Каждое из данных понятий не то чтобы не совпадают, не то чтобы не пересекаются, но и не являются по большому счету равнозначными.

Строго говоря, «реалий» истории, то есть того, что общепринято, не подвергается отрицанию или сомнению, не так уж и много. Это факт, событие или их совокупность, *подтвержденные* документально или каким-то другим физическим способом. Следующие «реалии» — это доказательно установленные неочевидные связи между фактом, событием. Например, вполне доказательна связь краха романовской монархии и Первой мировой войны. Все остальное, начиная от интерпретации каких-то фактов, событий и связей между ними и кончая выявлением исторически значимых явлений и процессов и построением на их основе исторических концепций, есть не что иное, как в лучшем случае реконструкции произошедшего, основанные на общепринятых фактах, домыслах, гипотезах, предположениях, вероятностях. В худшем же случае это мифы.

Говоря об исторических мифах, следует понимать их разноплановость. Есть мифы, перешедшие в народное сознание в процессе своего нередко многовекового бытования. Такие мифы стали частью национального самосознания, и не надо на них посягать. Есть исторические мифы нашего времени, сознательно создаваемые как один из инструментов информационной войны в широком смысле. О таких исторических мифах следует сказать особо.

Есть мифы, основанные на сфальсифицированных документах, выдаваемых за подлинные исторические источники. С помощью общепринятых научных приемов анализа выявить и доказать такую фальсификацию не так уж и сложно, хотя имеются документы пограничного характера, например воспоминания Распутина.

Имеют место простые мистификации фактов и событий. Рассказ о Керенском, убегающем из Петрограда в 1917 г. в женском платье, — один из них. На основе имеющихся документов с помощью общепринятого инструментария не столь трудно доказать домысел или вероятность и невероятность этих мифов. Рано или поздно так и случается. Например, это произошло с документами, касающимися финансирования большевиков со стороны германского правительства накануне революционных событий 1917 г. в России.

Есть исторический миф-явление, исторический миф-процесс. Их опровержение представляет собой уже самостоятельное сложное исследовательское предприятие с неизвестным или трудно доказуемым результатом. Такое опровержение нередко может стать очередным историческим мифом-явлением, мифом-процессом. Стал ли Берия после смерти Сталина реформатором, чьи идеи потом подхватил Хрущев, или же Берия руководствовался обычными личными политическими интересами момента — всего лишь один из примеров мифов-явлений.

Очень трудно порой, если ориентироваться на современную, безусловно свободную, но ангажированную по разным причинам и основаниям историографию, понять, что перед нами — доказанные явление и процесс прошлого или не доказанные, но внедряемые исторические мифы-явления, мифы-процессы. В какой-то степени одним из инструментов такого понимания является типология мотивов возникновения действительных мифов прошлого и настоящего.

Самые простые и очевидные мотивы — заблуждения человека, историка, неосознанно вводящие в такие же заблуждения других. С этой точки зрения вполне понимаю некоторых прошлых и современных историков, положивших в основу своей методологии идею о том, что в России всегда шла борьба между патриотами, желающими стране добра и процветания, и некоей «пятой колонной», главной задачей которой являлось и является ее разрушение. Мир сегодняшний и мир прошлый с позиций такой

методологии выглядят простыми и понятными, ибо она основывается на взгляде из прицела трехлинейки времен Гражданской войны: там, в этом прицеле, виден только враг, даже тогда, когда войны нет.

Следующие мотивы, подчас уже более хитроумные, — это сознательные умыслы, преследующие личные или некие общественные интересы. Современный мир — это хаос, а уж его история — тем более, так можно определить исторические изыскания Фоменко и его последователей, разрушающих не явления и процессы прошлого, а его факты и события, и на основе такого разрушения предлагающих мифы-явления и мифы-процессы прошлого.

Наконец, самые сложные и изощренные мотивы — это политические интересы корпоративных сообществ и государств. Как правило, эти мотивы определяются сиюминутными, среднесрочными и даже долгосрочными политическими целями. При этом важно понимать фундаментальность таких интересов. Едва ли не все крупные и значимые историографии Нового времени, периода становления современных национальных государственных образований, выросли на идее национального самознания.

Тацит, описавший разложение Рима, для такой историографии был и всегда останется неприемлем. Отсюда воспевание всего героического и игнорирование или изящное объяснение всего того, что в теории героического не вписывалось. Уже в Новое время мистификация истории получила широкое распространение и обосновывалась воспитательной ролью истории для граждан нарождающихся государств. По такому пути сегодня пошла, например, современная официальная украинская историография. Никто не сможет оспорить, что в общественно-политической мысли среди представителей украинского политического сообщества на протяжении столетий после добровольного и законного вхождения Украины в состав России культивировалась идея «самостийности», в разные времена подкреплявшаяся действиями реальных политических сил. Можно спорить о том, были ли они маргинальными или доминировавшими, но подавлявшимися некими внешними силами. Однако невозможно отрицать нахождение Украины как части целого в некоем государственном образовании, равно как и трактовать те или иные события собственно украинской истории, являвшейся общей для государства, в которое она входила, в зависимости от того, выгодны или невыгодны они для современной независимой Украины.

Разумеется, политические мотивы мифологизации истории со временем неизбежно меняются. Возьмем отечественную историографию. Карамзинская модель отечественной истории оставалась популярной и признанной в России едва ли не весь XIX в., объединив идеи государственности, российской народности, гражданской нравственности и православия.

Марксистская модель, используя наработки В. О. Ключевского, изящно и внешне, как и у Карамзина, вполне убедительно представила российский исторический процесс в виде смены общественно-экономических формаций и борьбы классов, приведших к буржуазно-демократической и социалистической революциям.

Историография периода перестройки сделала историю России, во всяком случае XX в., сплошным месивом крови, страданий, пота и слез. Историография новой России пытается основать свою методологию на поиске «праотеческих добродетелей», патриотизме и соединить их с идеалами рыночной экономики и демократии.

Кто-то скажет, что по-своему не были правы представители всех этих четырех (разумеется, это не все течения российской историографии) историографий? Было российское государство как мощнейший элемент укрепления России и как элемент угнетения, подавления. Были беспощадные народные движения, коллективизация, ГУЛАГ, победа в Великой Отечественной войне, высокие духовные порывы и выдающиеся экономические свершения капиталистической России и СССР. Все эти и прочие историографии приспосабливали себя к «актуальному настоящему», а то и вовсе были его простым порождением. Но, может быть, в других странах все иначе? Может быть, мы — другие и только у нас «непредсказуемое прошлое»? Это не так. Позволю себе процитировать ответ шведского посла в России Ю. Муландера на предложение Центрального штаба Международной акции-проекта «Мы — наследники Победы!» принять и Швеции участие в «праздновании 300-летия Полтавской битвы и Победы при Лесной» (от 30 янв. 2007 г.): «Полтавская битва — важное историческое событие и для Швеции. Она стала поворотным моментом: с этого времени начался отход Швеции от великодержавия, сопровождавшийся постепенным сокращением территории, в результате чего наша страна вернулась к естественным географическим и этническим границам... Как ни парадоксально, в исторической перспективе польско-датско-российская агрессия 1700 г. пошла на пользу шведскому государству. Правда, в XVIII и XIX вв. в Швеции еще сильны были патриотические и реваншистские настроения. Установивались памятники, обычным явлением была патриотическая риторика о подвигах и старинных битвах... Границы Швеции, установленные по условиям Столбовского мира (1617) и Вестфальского мирного договора (1648), воспринимались как знак могущества собственного государства. Под влиянием романтики процветала подтасовка исторических фактов: наши монархи изображались героями, а противник высмеивался (например бегство Петра I из Нарвы до боя). Такие проявления вряд ли приемлемы в сегодняшней Швеции, исключая разве что некоторые самые маргинальные группы...»

В этом высказывании посла — квинтэссенция политического восприятия шведской истории. Швеция сегодня — маленькая, но процветающая страна, причины чего среди прочего можно найти и в том, что поражение в Полтавской битве стало толчком к ее благополучию сегодня. Правда, два столетия, а то и больше, «патриотические и реваншистские» историки, теперь ставшие маргинальной группой, смотрели на шведскую историю через статьи Столбовского и Вестфальского мирных договоров. Теперь такой взгляд не нужен. Почему же? Да потому что в современных мировых реалиях он невозможен. Заодно между строк и России рекомендовано вернуться к «естественным географическим и этническим границам» (вероятно Московии)

как залог ее будущего процветания по шведскому образцу.

Итак, перед нами изящное самооправдание настоящего смелой и неординарной с позиции современной России трактовкой случившегося несколько веков назад. Может ли принять сегодняшняя Россия современную шведскую методологию истории? Конечно же, нет. И вовсе не в силу своих имперских традиций и каких-то современных амбиций, которых попросту нет, а в силу своего права на существование в своих теперешних географических и этнических границах и осознания ответственности за судьбы своих граждан при новом, многим желанном, «шагреновом» возвращении в некие этнические и географические границы Московии.

Понятие истории как реконструкции прошлого сегодня особенно стремительно компрометируется. Политические мотивы интерпретации истории, которые никогда не пользовались авторитетом и уважением у неангажированных историков, ныне становятся самодовлеющими и как бы естественно необходимыми. И я имею в виду не только Россию. Как и у каждой страны, в ее истории есть чем гордиться, что осуждать и над чем печалиться. Куда опаснее, что никто не желает открыть правду истории, через нее — постигнуть истину и на ее основе восстановить справедливость.

Решение этой задачи совсем невозможное. Было бы только общее желание и согласие в ее достижении. Сегодня этого нет. Современные рассуждения об истории мне все больше и больше начинают напоминать картинки, которые возникают при прокручивании примитивного механического прибора под названием «калейдоскоп». Вот и крутят его историки, политики, политологи, изменяя проекцию имеющихся в нем камушков меж трех зеркальных плоскостей, пытаюсь в их хаотическом отражении найти нечто понятное для себя, а потому близкое, чтобы затем в очередной раз громко заявить о некоем тезисе, который в чреду других уйдет невозвратно.

В заключение я хочу сказать следующее: современная историография — подчеркну, что говорю не только о российской, — в самых разных проявлениях ее различных течений в значительной степени ориентирована на быстрый успех: политический, политологический, общественный, материальный, просто личный. Какие страсти, теперь освобожденные от цензуры, бушуют в ней! В погоне за таким успехом ей некогда заниматься первоисточниками, идти от них к выводам. Проще всего эти выводы набросать для себя в виде тезисов, а потом подкрепить их цитатами из документов, тем более что такие цитаты обязательно найдутся. Иначе говоря, «приноровить» историю к настоящему. Это всегда сделать легче, безопасней, и есть надежда на успех.

Известный марксистский историк М. Н. Покровский как-то заметил, что история — это политика, опрокинутая в прошлое. У этой примитивной, но точной с позиции реалий не только сегодняшнего, но и вчерашнего дня формулы представления об истории есть более древняя, более изящная и не менее циничная формула-предшественница, предложенная Августином Блаженным: «Есть три времени — настоящее прошедшего, настоящее настоящего и настоящее будущего». Иначе говоря, истории

как таковой нет, есть лишь наше постоянно изменяемое настоящим представление о ней.

Человечество за время своего сознательного, а это значит документированного существования в своей истории всегда видело и будет видеть прежде всего политически значимые для современности факты, события, явления и процессы прошлого и в соответствии с каждой сиюминутной политической актуальностью интерпретировать их, рождая не столько новое историческое знание, сколько новые мифы. В современном мире для их внедрения нет и не может быть препятствий, даже если, опасаясь за будущее мировоззрение своих граждан, против них выступит государство с его обязательным и оправданным желанием построения определенной идеологии, в том числе опирающейся на историю.

И иного власти не дано. В условиях плюрализма общества во взглядах на современность и прошлое, в условиях невозможности консенсуса должна быть выработана некая компромиссная, примиряющая всех нас концепция, обеспечивающая «арифметику» восприятия истории, и, в меру наших сил, опираясь на нее, такое же отношение к сегодняшнему. Любому государству нужна «историческая арифметика», так же как конкретному человеку — обычная арифметика.

Разумеется, в такой «исторической арифметике» должны быть предупредительно обозначены все те опасности для современного Российского государства, которые однозначно проявили себя, например, в XX в.

Сегодня понятие и понимание истории (и не только в России) стремительно компрометируются именно своей политической и идеологической заданностью. Поэтому для тех, кто, несмотря на существование такой заданности и давления с ее стороны, еще не утратил понимания значения принципов и приемов исторического познания как познания научного и желания и умения применять их, важно отмежеваться от приверженцев заданности. Для таких исследователей должно стать ближе понятие «прошлого». Понимание истории как прошлого включает по крайней мере два аспекта — аспект «лаптеведения» как истории повседневности и аспект «людоведения» как судьбы конкретного человека, людских сообществ. Такой подход дает возможность реконструировать реальную жизнь реального человека в реальное мгновение прошлого. И это уже не «арифметика», а, если угодно, «теория относительности» прошлого, смысл которой в том, чтобы восстановить, объяснить и понять прошлое таким, каким оно было для конкретного человека в реальной среде его жизни и бытования. Тогда «прошлое» не будет выглядеть ни «актуальным», ни «неактуальным»: в нем мы будем видеть не «реалии», не «мифы», а только счастливую и несчастную, возвышенную и простую, честную и подлую жизнь людей ушедшего времени. Тогда эта жизнь, освобожденная от брони политики и идеологии, станет нам понятней и ближе. Через такую реконструированную жизнь станет понятней история государства, страны и народов, ее населяющих.

Разумеется, восстанавливая такую жизнь, нельзя не испытывать к ней уважения и сострадания. Принцип уважения прошлого и сострадания к нему вовсе не означает сокрытия или восхваления его

неприятных, трагических страниц, фактов, явлений, процессов. Он означает признание случившегося как уже непоправимого, как не просто урока, который необходимо знать в конкретный момент бытия, но урока поучительного, о котором, по меньшей мере, необходимо помнить.

Не лишним будет напомнить и о трех принципах реконструкции и оценок прошлого. Первый — это сохранение и обеспечение безопасности государственности как одного из условий обеспечения благополучия дома, в котором живет хотя бы одно поколение граждан страны и конкретный человек. Второй — это неотъемлемость честно заработанной человеком и его предками собственности, которой законные наследники вправе распоряжаться как угодно. Третий — это справедливость в распределении общенационального достояния, применительно к России в первую очередь связанного с ее природными ресурсами.

Для реализации и подхода к истории как к прошлому «лаптеведам» и «людоведам» приходится попотеть, понимая к тому же, что их успех будет изве-

* * *

В. Е. ЧУРОВ: — От имени самой старейшей службы России я приветствую моих коллег! Как известно, избирательной службе России в этом году исполнится 1146 лет. Мы ведем начало от 862 г., от первых демократических свободных, честных и справедливых выборов на Руси, результатом которых стало избрание Рюрика на княжение.

Восхищен блестящим, как всегда, докладом Владимира Петровича Козлова. Он убедительно подтвердил то, что в XXI столетии в условиях современной цивилизации руководитель Росархива является прежде всего политиком. Сколько бы ни говорили об истории как науке, история — это главным образом актуальная политика, что было подчеркнуто и в выступлении Владимира Петровича. И наши архивы — это тоже актуальная политика, что вновь и вновь подтверждается. Кстати, российские архивы — одни из наиболее открытых.

Я много работаю в наших архивах, в том числе военных, и стенания отдельных исследователей о том, что им что-то недоступно, мне совершенно непонятны. Доступно практически все. Попробуйте найти такую же степень открытости в финских, шведских или, не дай бог, американских и французских архивах! Где-то, может быть, и пойдут навстречу исследователю, а где-то вежливо, мягко «заволоkitят», и вы не получите ничего. Важнейшим фактором является то, что целый ряд стран сейчас финансирует истори-

стен и признан очень узким кругом специалистов. К сожалению, проблематика их исследований разрозненна, не имеет единого, общего плана. Каждый вырабатывает свой одинокий и неповторимый «цветок» в личном «садики» на рабочем столе. Приходится надеяться лишь на то, что кто-то однажды сведет их разрозненные выводы о частностях прошлого в общую и единую конструкцию и из всех этих разных «цветов» вырастит настоящую гармоничную «клумбу».

Архивы — это почва, на которой может вырасти такая «клумба». Хранящиеся в них документы наряду со СМИ являются одним из важнейших источников для изучения прошлого. Они замечательны не только временным, но и географическим охватом прошлого, приближением к повседневности и жизни значительной части конкретных людей и их сообществ. Именно в них зафиксированы мгновения ушедшего времени. Да, почти всегда такая фиксация субъективна, отражая субъективность человеческого восприятия мира, но для постижения прошлого человечеству иного (за небольшим исключением) просто не дано.

ческие исследования на территории Российской Федерации. Мягко говоря, они «покупают» наших историков различными грантами под видом гуманитарного сотрудничества. Если мы проанализируем отдачу от этих грантов, то окажется, что все они почему-то в пользу страны, заказавшей данное исследование. Такие исследования финансируют на территории Российской Федерации Швеция (несмотря на то что там считают Северную войну давно ушедшим прошлым), Норвегия, Эстония. Президент Украины финансирует из своих фондов целый ряд исследований в архивах Российской Федерации.

Все это наводит на мысль о том, что и мы, наверное, должны расширять практику грантов, выдаваемых зарубежным специалистам, у которых нет языкового барьера для работы в архивах своих стран. Это нужно в интересах создания объективной истории России на всех ее исторических территориях, на которых когда-то звучала или сейчас звучит русская речь.

Конечно, архивы Российской Федерации — это наша сокровищница. Если оценить общую реальную стоимость российских архивов, то по самым скромным подсчетам это примерно 50-летний бюджет Российской Федерации. И мы должны беречь и хранить эти сокровища самым тщательным образом. Это наше наследие, в том числе и в денежном выражении.

М. А. Давыдов¹

СТОЛЫПИНСКАЯ АГРАРНАЯ РЕФОРМА КАК РАЗРЫВ ПАТЕРНАЛИСТСКОЙ ТРАДИЦИИ

К настоящему времени в историографии слабо исследован один из главных и трагических парадоксов идейной эволюции пореформенного общества — единство сугубо враждебных, казалось бы,

лагерей (правительственного и народнического) в отношении к крестьянской уравнилельно-переделной общине, которая была центральной проблемой развития России, и не только аграрного.

Община для народников и части «марксистов» имела «великое социальное значение», для них она была «эмбрионом» нового социального строя и т. п.

¹ Профессор Российского государственного гуманитарно-го университета (Москва), доктор исторических наук.

А российскому народу в этой схеме была предназначена роль объекта в громадном социалистическом эксперименте. Понятно, что «модифицированная» бывшая крепостная община предоставляла для этого немалые удобства.

Для охранителей община была оплотом существующего строя и одновременно удобным органом правительственной власти. С этим во многом связано усиление материалистических тенденций с 1880-х гг. Добавим, что за общину ратовали и те, кто считался умеренным либералом и выступал за «правовой порядок». Историография в основном ограничивается лишь констатацией указанного «странного сближения».

Между тем сближение было совсем не странным. То, что в учебниках именуется контрреформами Александра III в аграрной сфере, было реализацией требований «передовых кругов». Так или иначе, но власть провела почти все меры по поддержанию общинного строя, то есть распавшихся крепостных порядков, о которых много лет твердила народническая — и не только народническая — интеллигенция. А именно фактическую отмену 165-й статьи Положения о выкупе, неотчуждаемость надельной земли, удлинении срока выкупа, ограничение свободы передвижения крестьян и др. Эти меры принудительного, по сути — крепостного порядка затрудняли естественный процесс перехода русской деревни к новому строю жизни.

Если отвлечься от риторики и левых, и правых, и «либералов», от своего рода социальной мифологии, то в основе их действий лежало тривиальное стремление так или иначе управлять 100 млн крестьян. Только первые требовали, чтобы в роли опекуна выступала «народолюбивая интеллигенция», вторые — правительство, третьи — земство.

Иначе и не могло быть: люди, выросшие в атмосфере патерналистского режима, и мыслить могли только в категориях патернализма (исключения, конечно, были). На народ они привыкли смотреть как на существа, нуждающиеся в их мудрой опеке.

Литература и публицистика того времени пронизаны одним и тем же стремлением — все в жизни народа регламентировать и контролировать. Это очень понятно для людей, выросших в обществе, в котором отсутствовало то, что П. П. Дюшен называл «чувством и идеей правомерности»¹. И, конечно, не случайно, что в стране, которая только что *как бы* рассталась с одной формой массового принуждения — крепостным правом, такую популярность приобрела идея более совершенной и современной формы такого принуждения — социализма.

Так ли уж далека была бюрократия от социалистических идей?

Вековой патернализм легко и в определенном смысле закономерно трансформируется в социализм (хотя XX в. показал и то, что социализм бывает разный, и то, что приходят к нему разными путями).

В 1906 г. В. И. Гурко писал: «Тот государственный социализм, которым в течение долгого периода

проникнуты были многие начинания нашей законодательной власти, а в еще большей степени многие из принимаемых правительством мер в порядке управления, должен уступить место предоставлению широкого простора самодеятельности и предприимчивости отдельных лиц. Мы должны отказаться ныне от мысли равномерно поднять благосостояние всей массы населения, но зато обязаны облегчить отдельным лицам возможность развить все свои природные способности и тем увеличить свои материальные достатки»².

К числу мер «государственного социализма» Гурко относил, конечно, и продовольственную помощь пострадавшим от неурожая, пресловутый «царев паек», о развращающем влиянии которого на население с таким негодованием писали многие современники.

1905 г. весьма наглядно продемонстрировал цену «социалистического уклона» в патернализме. Реформы П. А. Столыпина, и прежде всего аграрная, в этом смысле стали началом нового периода взаимоотношений между российской властью и подданными, поскольку имели целью создание в России правового государства — а значит отрицали патернализм. Сначала крестьянство уравнивали в правах с остальным населением. А затем власть впервые предоставила миллионам граждан право решать самим важнейшие вопросы их собственной жизни. В том числе и вопрос о том, хотят ли они оставаться в общине. Отсюда понятна крайне негативная реакция интеллигенции и части бюрократии на преобразования.

Между тем успехи реформы превзошли все ожидания, о чем наглядно свидетельствует хотя бы то, что об изменении условий землепользования в 1907–1915 гг. ходатайствовало 6,2 млн домохозяев и что к 1916 г. землеустроительные работы были проведены на площади 34,5 млн десятин одних только надельных земель (это суммарная площадь современных Италии и Ирландии), переселение 3 млн человек в Азиатскую Россию, а также многое другое.

Первая мировая война и события 1917 г. отбросили Россию в «новую эру». И, конечно, страшный российский XX в. во многом вырос из старого до-революционного патернализма, уничтожив попутно его недалёковидных адептов.

Можно сказать, что власть на протяжении веков держала крестьян в крепостном праве, потом дала некоторую передышку в виде полувека крепостного права № 2, то есть крепостного права общины, и, наконец, загнала в колхозы. Общее между этими периодами и конструкциями — принуждение, отсутствие свободы.

К середине XIX в. Россия находилась в апогее крепостного права, то есть капитального принуждения подданных, ослабленного, впрочем, духом времени. Запад, совершив круг, к середине которого Россия еще не подошла, произведя промышленный переворот и столкнувшись с проблемами после либерального рывка, в поисках лекарства обратился к средствам, которые подразумевали резкое усиление роли государства в тех сферах, которые ранее

¹ П. Д. Русская интеллигенция и крестьянство. Критический анализ трудов местных Комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. М., 1904. С. 291.

² Гурко В. И. Отрывочные мысли по аграрному вопросу. СПб., 1906. С. 38–39.

в Западной Европе были неизвестны. Это назвали социализмом. В России же образовался сложный субстрат из переплетения идей социализма, славянофильства, мифологизированной самобытности

и т. п. В совокупности с конгломератом сложнейших политико-экономических проблем это способствовало складыванию диктатуры с выраженными патерналистскими чертами.

С. А. Нефедов¹

МИФЫ И РЕАЛИИ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Как отмечает известный американский историк Л. Хеймсон, «из-за утраты веры в закономерность исторических событий... в современной российской историографии образовался вакуум, чем и объясняется появление таких стереотипов в интерпретации исторических процессов, как сведение объяснения Октябрьского переворота к заговорщической деятельности большевиков, объяснение истоков Февральской революции как следствия заговорщической деятельности масонов, не говоря уже об объяснении падения царского режима прекращением проведения столыпинских реформ вследствие внезапной смерти премьер-министра от рук террористов в 1911 г.»²

История русской революции превратилась в набор мифов, которые пренебрегают анализом причин и следствий и объявляют все произошедшее нелепой случайностью. Между тем существует строгая экономическая теория, которая утверждает, что революции в аграрных обществах неизбежны, что русская революция была столь же предопределена, как любая другая — французская или китайская. Речь идет о неомальтузианской теории демографических (или «вековых») циклов, которая утверждает, что в условиях ограниченности ресурсов плодородных земель рост населения приводит к нехватке продовольствия, росту цен и ренты, падению потребления до минимально возможного уровня. Вслед за периодом экономического роста наступает стадия, которую экономисты называют сжатием. В фазе сжатия экономические процессы становятся неустойчивыми. Крестьяне не имеют стабилизирующих запасов зерна, поэтому любой неурожай приводит к голоду. В условиях низкого потребления постепенно накапливается массовое народное недовольство, которое может роковым образом проявить себя в случае войны или каких-либо политических осложнений. Рано или поздно случайные во времени, но сами по себе неизбежные воздействия, такие как неурожай и войны, выводят систему из неустойчивого равновесия. Начинается экосоциальный кризис: голод, восстания, войны, эпидемии приводят к революции и демографической катастрофе³.

¹ Старший научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН (Екатеринбург), доктор исторических наук.

² Хеймсон Л. Об истоках революции // Отечественная история. 1993. № 6. С. 4.

³ Grigg D. Population Growth and Agrarian Change. Cambridge, 1980; Нефедов С. А. Концепция демографических циклов. Екатеринбург, 2007; Он же. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Екатеринбург, 2005; Turchin P., Nefedov S. Secular Cycles / Under contract with Princeton University Press. Princeton, 2008.

Существование мальтузианских демографических циклов в реальной истории было доказано в 1930-х гг. В. Абелем и М. Постаном. В дальнейшем большую роль в разработке этой теории играла французская школа «Анналы», в частности работы Ж. Мевре, П. Губера, Ж. Дюби, Э. Лабрусса, Ф. Броделя, Э. Ле Руа Ладюри, П. Шоню. Было доказано, что на протяжении XII–XIX вв. в Европе имели место три демографических цикла. Каждый цикл заканчивался катастрофическим кризисом, сопровождавшимся крушением могущественных государств. Второй цикл ознаменовался Английской революцией, третий цикл — Французской революцией.

Демографические циклы были обнаружены и в странах Азии. В монографии выдающегося российского востоковеда О. Е. Непомнина впервые был подробно описан демографический цикл эпохи Цин в Китае, приведший к революции тайпинов⁴. Революция тайпинов, как и многие другие, сопровождалась истреблением помещиков, уравнительным переделом земель и даже попытками создания коллективных хозяйств, напоминающих позднейшие советские колхозы. В конечном счете гражданская война привела к страшной демографической катастрофе, унесшей жизни более 100 млн человек⁵.

Этот краткий очерк развития неомальтузианской теории, конечно, не претендует на полноту, но позволяет понять, что судьба России была предопределена и лишь немногим отличалась от судеб других аграрных империй.

Для осведомленных наблюдателей истинная подоплека грандиозной российской драмы была ясна с самого начала. Статистические данные показывают, что душевое потребление в России упало до голодной черты еще в середине XIX в. и затем балансировало вокруг нее в зависимости от хороших или плохих урожаев, постоянно грозя сорваться в кризис. В конце 1890-х гг. проблема «оскудения» была признана официально, она стала объектом рассмотрения специально созданных совещаний: «Особого совещания» под председательством А. И. Звегинцева, «Комиссии 1901 года», «Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности». Выводы этих комиссий были вполне мальтузианскими: было признано, что причиной «оскудения» является нарастающее аграрное перенаселение. Мальтузианские предсказания грядущего кризиса можно найти в работах известных экономистов.

⁴ Непомнин О. Е. История Китая: Эпоха Цин. XVII — начало XX века. М., 2005.

⁵ Коротаев А. В. Законы истории. Математическое регулирование исторических макропроцессов. Демография, экономика, войны / А. В. Коротаев, А. С. Малков, Д. А. Халтурина. М., 2000. С. 206.

«Россия стремится по наклонной плоскости к ужасному экономическому кризису», — писал в 1910 г. Г. Ф. Нефедов¹.

«Население европейской России увеличилось еще в большей степени, чем население Германии, — писал в 1919 г. Джон Мэйнард Кейнс. — В 1890 году оно было меньше 100 млн, а накануне войны оно дошло почти до 150 млн; в годы, непосредственно предшествующие 1914 году, ежегодный прирост достигал чудовищной цифры в 2 миллиона... Великие исторические события часто бы-

вают следствием вековых перемен в численности населения, а также прочих фундаментальных экономических причин; благодаря своему постепенно характеру эти причины ускользают от внимания современных наблюдателей... Таким образом, необычайные происшествия последних двух лет в России, колоссальное потрясение общества, которое опрокинуло все, что казалось наиболее прочным... являются... гораздо более следствием роста населения, нежели деятельности Ленина или заплуждений Николая...»²

О. А. Драч³

МЕНТАЛЬНОСТЬ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: ПОСТИЖЕНИЕ ИДЕИ ЖЕНСКОГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Проблема женского образования, связанной с ним эмансипации, стала основой для многочисленных и разнообразных мифов. Каковы же были реалии восприятия женского высшего образования в России второй половины XIX в.?

Российское общество, молчаливое и послушное в николаевское время, во второй половине 1850-х гг., по свидетельству очевидцев, переживает мощный социальный взрыв: гражданственность пробудилась, всех увлекло критическое отношение к прошлому и желание перемен, начинается активная деятельность, генератором которой становится студенчество. Представитель юношества того времени П. Боборыкин указывал и на попытку создания молодыми собственной морали, жизни по новым этическим и гражданским правилам⁴. Внешними признаками этого становится тяга молодежи к демократизации быта, что вывлялось в простоте одежды, культуры общения и повседневной жизни.

В среде так называемых нигилистов отошли от традиций светской болтовни и высказывали свое мнение в прямой и даже резкой форме. Категорически отрицается брак без любви, проповедуется равенство полов. Характерной особенностью этого поколения становится стремление учиться и учить.

Желание слабого пола получить университетское образование, доступное в предшествующее время исключительно мужчинам, натолкнулось на яростное сопротивление социума. Одним из распространенных стереотипов того времени становится восприятие намерений женщин учиться как реализацию желания «побыть на воле, пожить в свое удовольствие»⁵.

Кроме этого, дореформенное поколение именно с образованием и развитием слабого пола связывает отход от первейшего своего предназначения — суп-

руги и матери, резюмируя, что «раньше, выходя замуж без образования, были намного счастливее»⁶. Это подтверждает не только идеализацию традиционных порядков и болезненное осознание старшим поколением современных изменений в социальной сфере, но косвенно указывает на непростую ситуацию жизненного самоутверждения молодых женщин в конкурентной среде, а также негативный фон их восприятия в провинциальной среде учащейся молодежи.

Достаточно показательна в этом контексте оценка разрешенных властью в 1869 г. совместных публичных курсов петербургским обер-полицмейстером Треповым, который обвинял их «в развитии духа корпоративности среди слушательниц». Основанием для этого служили исключительно внешние признаки: темные платья, стрижка да синие очки, что и было поводом для подозрения «в принадлежности к петербургскому обществу нигилистов»⁷. Генерал был не одинок в своих оценках бесполезности публичных лекций для дам. Немало публики поддерживало его умозаключения, считая, что учеба убивает у женщины чувства, отрывает ее от семьи и исполнения естественных обязанностей дочери, жены, матери, а посещение курсов разрушает скромность и стыдливость, уродует нравственность⁸.

Таким образом, вопрос целесообразности высших знаний для женщин окончательно еще не был разрешен значительной частью граждан, большинство которых склонялось к негативным оценкам. Это обстоятельство засвидетельствовал журнал «Вестник Европы», оценивая речь на открытии Московских женских курсов профессора В. Герье 7 ноября 1872 г., в которой говорилось, что «фактом остается в России необходимость защиты и обоснования идеи полезности высшего образования для девушек, в которой все еще видели “подрывание основ”»⁹.

Некоторые авторы связывали вопрос допуска к высшему образованию слабого пола с положительным решением профессорской корпорации,

¹ Нефедов Г. Ф. Аграрный вопрос и закон народонаселения. Моршанск, 1906. С. 24.

² Кейнс Дж. Экономические последствия Версальского договора. М.; Л., 1924. С. 6, 104.

³ Доцент кафедры истории и этнологии Украины Черкасского национального университета, кандидат исторических наук.

⁴ Боборыкин П. Д. Воспоминания: в 2 т. М., 1965. Т. 1. С. 314.

⁵ Женский университет // Отечественные записки. 1868. № 12. С. 385.

⁶ Дневник Елизаветы Дьяконовой, 1886–1902. М., 1912. С. 123.

⁷ Санкт-Петербургские Высшие женские курсы за 25 лет. 1878–1903: очерки и материалы. СПб., 1903. С. 46.

⁸ Там же. С. 48.

⁹ Высшие женские курсы в Москве, учрежденные В. И. Герье // Вестник Европы. 1883. № 3. С. 365.

которое станет ориентиром для решения данного вопроса государственной властью¹. Однако и среди них не было единства в этом вопросе. Необходимо отметить, что сначала стремление женщин к научным знаниям даже образованная часть мужской половины населения оценивала как сиюминутное модное увлечение, и только со временем российское общество убедилось в его настойчивости и серьезности².

О сложности распространения идеи научных знаний для женщин среди представителей местной власти свидетельствуют события в Городской думе Одессы, где ее глава решительно отказался от субсидии в 500 рублей для открытия 7-го класса в женской гимназии³. Объяснял же он собственную позицию не отсутствием средств, а принципиальными соображениями — нежеланием потворствовать тому, что считал «роскошью».

Дополнительным поводом негативного восприятия еще не открытых, но уже разрешенных генерал-губернатором высших женских курсов (ВЖК) стало появление в Киеве до 500 девушек, среди которых «по внешним признакам преобладают нигилистки». Критерием идентификации лояльности девушек и женщин к режиму для наиболее ретивых должностных лиц стали внешность и костюм, что мыслящее общество воспринимает как проявление авторитарных тенденций режима. В результате усиливается непонимание и пропасть между властью и интеллектуалами. Представители государственной администрации Юго-Западного края в вопросе высшего женского образования демонстрируют консерватизм позиции, оценивают научные знания для дам как еще одну докучливую проблему.

Такая реакция высоких должностных лиц на идею высшего образования слабого пола свидетельствует об отсутствии разработанной государственной стратегии в этой сфере и определенности позиции властей в этом вопросе. Идею запрещения ВЖК в Киеве накануне открытия, выдвинутую киевским губернатором, генерал-губернатор М. И. Чертков категорически не поддержал, боясь продемонстрировать ошибочность сделанного правительством шага и его слабость. Становится понятным, что власть очень беспокоилась о собственном имидже в глазах населения, и это задание ее представители в регионах старались неукоснительно исполнять.

В то же время в аспекте допуска женщин к высшему образованию среди государственных чиновников срабатывали не столько рациональные факторы (как, например, возможность быстрого удвоения интеллигенции в стране), сколько глубоко укоренившиеся пережитки и стереотипы личного сознания, коллективной ментальности и норм поведения сословного общества. Поэтому осмысление этого вопроса сугубо индивидуально и не всегда обуславливалось мерой прогрессивности политической или общественной позиции.

Сложность реализации идеи научного образования слабого пола профессор В. Герье, основатель

женских курсов в Москве, обуславливал отсутствием в России развитого гражданского общества в лице общественных корпораций и ассоциаций, цель которых в защите и протекции общих интересов. Однако прогресс в данном деле он связывал исключительно с государственной инициативой, предлагая создать для этого даже отдельную правительственную структуру, которая занималась бы разнонаправленными интересами женщин⁴. Логика профессора понятна: она основывается на заключении о лидерстве имперского правительства в модернизационных изменениях в стране, что продемонстрировали «Великие реформы». Кроме этого, традиционное ожидание помощи от государства объясняется значительной работой, которую В. Герье осуществлял как основатель женских курсов для популяризации идеи и привлечения средств.

В ходе публицистической полемики защитники идеи указывали на целесообразность и приоритетность гражданской самодеятельности в деле научного образования женщин, а необходимым условием признавали свободу общественной деятельности⁵. Звучала критика властей по причине плохой информированности общества о состоянии дел в сфере высшего женского образования, из-за наличия клеветников, по мнению публицистов, финансируемых властью, чрезмерной бюрократизации и жесткого административного контроля со стороны ведомств и министерств.

По мнению прессы, не приходилось удивляться, что «курсы глохнут, так как среда заела». Объясняли это доверчивостью провинциальной публики к слухам, которые распускали о курсах в газетах и при личном общении, что усиливалось вошедшим в плоть и кровь киевлян стереотипом наследования поведения «человека со статусом», а он, придерживаясь традиционности поведения, часто не одобрял деятельность ВЖК⁶. Аналогичной была судьба и Казанских высших женских курсов.

При таком отношении государственной власти неудивительно, что в повседневной жизни девичье желание пополнить свои знания на высших женских курсах большинством населения воспринималось как ересь, и, как отмечали сами девушки, поступление на них было почти недоступно, а слово «курсистка» в устах провинциальной публики было почти ругательным. Показателями успехов эмансипационного движения в России в этот период, как правило, выступали количество учебных заведений, доступных слабому полу, наличие собственной прессы и женских организаций, книг и статей по данному вопросу, спектр доступных профессий. В то время как наиглавнейшим критерием эффективности всего этого нужно считать, как подтверждают еще в конце XIX в. девичьи судьбы, то, насколько глубоко идеи целесообразности высших знаний проникли в сердца отцов и матерей, то есть в атмосферу российских семей. Мощность сословных поведенческих стереотипов в глазах старшего поколения оставалась определяющей линией

¹ Миропольский В. И. Университетское образование женщин в Америке и в России // Русская мысль. 1883. № 1. С. 223.

² Проект высшего женского училища // Неделя. 1874. № 30. С. 1122.

³ Одеситы о женском образовании // Неделя. 1884. № 36. С. 1186.

⁴ Герье В. И. Теория и практика женского образования // Вестник Европы. 1877. № 4. С. 700.

⁵ Песковский М. Л. Очерк истории высшего женского образования в России (за 20 лет) // Наблюдатель. 1882. № 6. С. 122.

⁶ Песковский М. Л. Университетская наука для русских женщин // Русская мысль. 1886. № 12. С. 27.

жизненной стратегии, поэтому была естественна реакция «шока», как, например, в купеческой семье Е. Дьяконовой, выпускницы гимназии, на реализацию ее желания заработать на карманные расходы путем подачи объявления о предложении своих образовательных услуг в провинциальном городке.

Все авторы указывали на непосредственную зависимость вопроса женского образования от существующих научных знаний о женщине и сформированного менталитета населения. Именно тут и заключался парадокс: наука неуклонно двигалась в направлении изучения и решения вопроса женского высшего образования, но в обществе того времени еще господствовали довольно консервативные стереотипы. Это можно объяснить тем, что собственно городское, более гуманное мировоззрение характерно в основном для крупных городов. Только в населенных пунктах с населением больше 25 тыс. человек, каковых в 1856 г. в Европейской России (без Польши и Финляндии) насчитывалось всего 28, отмечались серьезные отличия в привычках жите-

лей по сравнению с селами. В небольших местечках эта разница была минимальной¹.

Таким образом, вопрос высшего образования для женщин и применения женских способностей осознается российским обществом в пореформенный период как самый насущный, будучи одновременно и наиболее дискуссионным. Он затрагивал противоположные интересы и глубоко укоренившиеся предубеждения, порождая симпатии и антипатии и становился поводом для полемики и непримиримой борьбы. Этому способствовала и масса накопленных от прежнего времени стереотипов и обычаев коллективной ментальности, которые усложняли распространение идеи доступности высшего образования женщинам. В пореформенный период страна постепенно сживалась с социальными трансформациями, несущими изменения и морально-ценностных ориентаций, которые, впрочем, довольно медленно распространяются среди российской социальной пирамиды, проникают в сознание рядовых жителей и представителей государственной власти, что наглядно продемонстрировала данная проблема.

* * *

А. А. МИХАЙЛОВ²: — Мне представляются очень значительными приведенные уважаемой Оксаной Александровной Драч факты отторжения идеи женского высшего образования значительной частью политической элиты России, включая либеральную ее часть. Здесь, на мой взгляд, присутствует древний и невероятно живучий стереотип. Я тоже занимаюсь историей образования, а потому хотел бы привести небольшую цитату на эту же тему. Речь, правда, идет о периоде более позднем, о начале XX в. Профессор и депутат Думы В. М. Хвостов выступал против допуска в университетские аудитории женщин и совместного их обучения с мужчинами. Довод же был такой: «Получив доступ к высшему образованию, она (женщина. — А. М.) утратит лучшие свойства женской природы, делается похожей на мужчину и лишит человечество того вклада, который женщина делала до сих пор в истории»³. Ну а разве сегодня не приходится слышать речи о том, что женщина, стремящаяся к карьере, высоко-

му общественному статусу, теряет женственность? Причем порой подобные суждения исходят из уст людей, которые позиционируют себя как поборники прогресса. Таков миф, который существует более двух столетий, почти не меняясь.

Ю. М. ЛЕПСКИЙ: — Я хотел бы сказать несколько слов о следующем выступающем — Светлане Александровне Алексиевич. Это замечательный писатель, яркий исследователь и неординарный человек, который исповедует метод работы, не имеющий аналогов не только в России, но и на всем постсоветском пространстве. Светлана Александровна записывает рассказы живых людей. Это бесценная запись, из которой, как из мозаики, складываются картины исторических событий. Это уникальные свидетельства участников событий и тем они ценны, привлекательны не только для российского, но и для европейского и американского читателя. Уникальна и книга Светланы Александровны о чернобыльской катастрофе «Чернобыльская молитва».

С. А. Алексиевич⁴

ПРОБЛЕМЫ МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Я занимаюсь прошлым, пишу некую хронику, и во главе моего интереса — маленький человек. Человек улицы — вот что меня интересует. Мне очень нравятся слова Пастернака о том, что после Христа человек уже не умирает под забором, он умирает в истории.

Думаю, нам всем, и особенно молодым ребятам, довелось жить в очень сложное время. Потому что исчезла огромная империя, ушла под воду гигант-

ская социалистическая Атлантида. Еще 10 лет назад, в период, который многие из присутствующих молодых людей просто не застали, было время проклятий. Империя, социализм провозгласили с проклятиями и со слезами. Сегодня же мы в состоянии посмотреть на эту недавнюю историю спокойно, как на исторический опыт. Гибель красной цивилизации нужно осмыслить, и каждому человеку нужно извлечь какой-то опыт из ее истории, чтобы жить и создать для себя какую-то картину нового мира. А это непросто, потому что если раньше мы жили в красном интерьере, то сейчас мы живем без интерьера.

Картины мира нет. Есть какие-то политические задачи. И одна из главных задач сегодня — найти свое место в изменившемся мире. Эта задача очень проста с точки зрения маленького человека,

¹ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XIX в.): в 2 т. СПб., 2000. Т. 1. С. 256.

² Заведующий кафедрой истории СПбГУП, доктор исторических наук, профессор

³ Лихачева Е. О. Материалы для истории женского образования в России: в 4 кн. СПб., 1895. Кн. 3. С. 127.

⁴ Писательница (Белоруссия).

которым я занимаюсь. Какой должна быть страна — сильной или приличной? Это фундаментальный вопрос для любого из нас. И отвечать на него приходится каждому в одиночестве. Мы очутились в очень сложной ситуации. Элита оказалась заложником культуры борьбы, баррикадной культуры, и у нее нет опыта созидания. Этот опыт только нарабатывается. Используются западные образцы, поскольку других пока нет. Хотя мы меняемся, но в то же самое время ненавидим себя за то, что меняемся. Ненавидим себя за принятые западные образцы.

Что с нами произошло за последнее время? Мир изменился. Раньше мир делился, можно сказать, по трем критериям: палачи и жертвы — это ГУЛАГ; братья и сестры — это война; электорат — это технологии, современный мир. Раньше наш мир еще делился на тех, кто сидел, и тех, кто сажал, на белых и красных. Сегодня это деление на славянофилов и западников; есть и «пятая колонна», которая опять попираема и презираема, к несчастью, поскольку мы не делаем выводов из своей истории.

Вчера, во время Пленарного заседания Чтений, мне понравилось выступление Б. П. Пиотровского, которое затронуло, может быть, одну из самых главных проблем: мир разделился по-новому, а прежние деления канули в небытие. Мир разделился очень вульгарно и цинично. Мы живем в вульгарный период: граница деления сегодняшнего мира — кто может купить и кто не может. И это, я бы сказала, самое жестокое испытание для России и для постсоветского человека. Потому что после великих утопий самое тяжелое наследство — это не плохие дороги (хотя и они тоже), не неудобные и некрасивые дома и тому подобное, это человек — результат смеси тюрьмы и детского сада, человек, который не способен войти в то царство свободы, к которому он так хорошо и красиво призывал на кухне (особенно интеллигенция). Теперь, когда он выходит на улицу, вдруг обнаруживается то, о чем я говорила. Простые люди могут страдать, элита может бороться, но ощущается какое-то всеобщее бессилие. Потому что для маленького человека свобода — это страшно. Потому что униженность и бедность — это очень уютное состояние, как оказывается. Мой опыт — интервью с тысячами людей. И могу сказать, что в этих беседах мне все время вспоминался Достоевский, который сказал однажды: «Вы не знаете, как страшен бедный человек. Бедные люди ужасно капризны». Это очень точно поставленный нам диагноз.

Беру на себя смелость сказать, что мы пропустили свой исторический шанс — он был нам дан в 1990-е гг. Да, это были страшные, но и красивые годы. Мы пропустили свой шанс потому, что наша элита (интеллигенция) всегда была во «внутренней эмиграции», так же как когда-то большевики, которые все время были как бы где-то в эмиграции. Они были изгоями. Такими же изгоями в нашем обществе были представители элиты (интеллигенции). И это обнаруживает нашу неспособность к делу.

Это кончается кровью или тем, что отражено в замечательном фильме Германа по роману брать-

ев Стругацких «Трудно быть богом». Там показано, как вместо «серых» приходят «черные». Имеется некая «пружина» в истории, запускающая процесс смены просто «серых» на «черных». Все время происходит это страшное движение.

Лично мне жаль в советской мифологии лишь миф о хорошем, прекрасном человеке, способном на жертву. У меня есть книга «У войны не женское лицо», недавно я подготовила к печати ее новый вариант. Я так много слышала страшных историй о жизни людей, переживших войну, но и сама иногда плакала по тому человеку, который исчез. Да, это было страшное время, но вместе с тем и прекрасное. К нему применимы слова художника Табакова: «Когда мы боролись с чудовищем — оно нас увеличивало, мы были большие, это придавало некую метафизику нашей жизни. И мы победили это чудовище. Но когда мы оглянулись вокруг, оказалось, что надо жить с крысами». А этого опыта — жить с крысами, с монстрами, которые живут в человеке, в его природе, — у нас нет. Тут мы бессильны, бессильна и наша культура. Потому что мы — цивилизация борьбы и страдания.

Мы встали перед вызовом другой жизни, которой живет остальной мир, — слишком человеческой, когда цель жизни — просто жизнь.

Смею утверждать, что мы все потерпели катастрофу идеи, потому что в нашей культуре отсутствует смысл счастья и интереса к жизни как просто жизни, у нас нет такого опыта, нам не на что опереться.

В каждой семье бабушки, дедушки, мамы, папы и наша литература учили или умирать, или страдать. Я бы даже сказала, что ГУЛАГ мы как общество — несмотря на жуткие потери и Отечественную войну, несмотря на всю кровь, которой мы залили пол-Европы, — перенесли с большим достоинством, чем деньги. Это соприкосновение ГУЛАГа и двенадцатиперстной кишки.

Взгляните на наше телевидение, откройте наши гламурные журналы: все посвящено там «низу» человека. На сегодняшнем этапе наша философия жизни, конечно, совсем не та, что была у Швейцера. Там — уже космическая философия, когда человек ищет некий божественный смысл жизни, а у нас все сведено к одному — иметь. Иметь и жить — это совершенно разные вещи. Мы пока еще находимся, повторю, на совершенно вульгарной стадии. И телевидение, и журналы говорят о том, что нужно желудку. То есть вся страна превратилась в желудок, каждый из нас превратился в желудок.

Нам надо увидеть новый мир и то, как человек строит, меняет свою жизнь в нем, но просто увидеть — мало для того, чтобы все это стало человеческой жизнью. Мы стоим перед фактом и перед новым вызовом: человек уходит из большой истории, он уходит в малую историю. И нам всем надо заново учиться жить. Старые мифы меняются, к сожалению, на новые. Мифы — это то, что помогает нам жить, однако новые мифы отражают совершенно новое, неизвестное нам пространство, потому что так мы еще никогда не жили.

А. Ф. Измайлов¹

МУНИЦИПАЛЬНАЯ ГАЗЕТА КАК ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ АКТУАЛЬНОГО ПРОШЛОГО КРАЯ

Факты исторической реальности закреплены в знаках, в предметах материальной культуры, отражены в былинах, мифах, рукописных и печатных текстах. Именно печатные тексты являются одними из важнейших документальных источников исследования истории, пространства и времени. Муниципальные газеты во все времена были близки населению, так как помогали решать актуальные местные проблемы, освещать историю края.

Следует отметить, что газетные историко-краеведческие тексты несут в себе особенности исторического мышления, исторического знания, мировоззрения. Их содержание следует воспринимать с учетом социальных и исторических условий данного времени.

Историческое краеведение начинает интересовать отечественных исследователей с начала XVIII в. В Санкт-Петербурге историко-краеведческий поиск в последнее время смещается в направлении исследования локальной местности, то есть территории муниципального образования. Весной 2008 г. были подведены итоги VII Городского конкурса муниципальных газет Санкт-Петербурга. В номинации на историко-краеведческую тему лучшими были названы газеты муниципальных образований «Чкаловская», Колпино и Петергофа. Журналисты муниципальной газеты муниципального образования «Чкаловская» провели трудоемкую поисковую работу по отысканию следов сфинксов на набережной Малой Невки. Как известно, сфинксы во все времена охраняли и охраняют город, символизируют загадку вечности. Данный пример еще раз подтверждает силу преемственности исторической мифологии и исторической науки. Рассматривая историю поселения и жизнедеятельности человека на невиских берегах с точки зрения мифов и реалий, следует обратить внимание на связь частей и целого, а также на признаки перерастания этих частей в новое состояние.

Русские города Ладога, Новгород, Псков, Невская Устья, Шлотбург, Санкт-Петербург и шведские города Ландскрон и Ниен возникали и развивались на стратегически важных военных, торговых, транспортных путях. Изучение природного наследия местности всегда было и остается одним из основных предметов краеведения. В первом краеведческом рукописном труде о Санкт-Петербурге «Описание Санкт-Петербурга», созданном Богдановым, отмечалось историко-географическое значение месторасположения города, его близость к арктическому полюсу. Русский академик Ломоносов, французский академик Жан Баин, американский историк Квэлим, индийский исследователь Тилок и другие писали о загадочной стране за северным ветром у северного полюса.

В записях Н. М. Пржевальского, Н. К. Рериха, в произведениях поэтов В. В. Капниста, А. А. Блока, писателя Ф. М. Достоевского, краеведа Н. П. Анциферова говорилось о тайнах северной страны. Та-

ким образом, история допетербургской местности рассматривается не только в эпоху невиского пути «из варяг в греки», но и значительно глубже — в период древней северной цивилизации.

Петербургские исторические традиции краеведения, заложенные и развитые А. И. Богдановым, И. М. Гревсом, Н. П. Анциферовым, Д. С. Лихачевым, помогают развитию отечественной теории краеведения.

И. М. Гревс в 1922 г. выделял среди целей гуманитарного факультета Высшего экскурсионного института следующую: «...образовывать ученых-исследователей по собиранию и разработке данных в области «краеведения», то есть изучения развития и современного состояния культуры отдельных местностей России в ее различных сторонах и явлениях»². И. М. Гревс считал одной из целей краеведения изучение состояния и развития различных сторон и явлений культуры местности. Для исследования культуры местности он использовал теоретические и практические занятия по следующим образовательным и научным дисциплинам: методика экскурсионного дела, эстетика и теория искусств, методика русского языка и литературы, методика истории, античной культуры, культуры России, музееведение, этнография, экономический быт, экономическая география. Под культурой местности Гревс понимал человеческую культуру, культуру освоения природы, культуру ведения хозяйства и производительности труда.

Ученый-краевед Н. П. Анциферов считал краеведение важнейшим историко-культурным явлением. В 1923 г. в журнале «Краеведение» он писал: «Краеведческое движение должно оказывать воздействие и на самый быт, создавая новую форму жизни... От судьбы краеведческого движения зависит многое в судьбе нашей культуры»³.

Д. С. Лихачев в своей книге «Текстология» делал акцент на том, что «главный методический принцип современной текстологии состоит в том, что история текста произведения изучается не в разрозненных «чтениях» его отдельных мест, а как единое целое»⁴. Таким образом, газетный текст рассматривается как документальный источник изучения состояния и развития историко-культурных памятников местности, краеведческого ресурса территории.

Многие отечественные классики краеведения подчеркивали мысль: краеведение — это комплексное изучение местности; это междисциплинарное явление; в краеведении не может быть механических, однообразных приемов, ибо каждая местность своеобразна, уникальна, неповторима. Тексты муниципальной прессы Санкт-Петербурга вносят вклад в развитие историко-культурного ресурса территорий.

Под муниципальной газетой понимается периодическое издание, учредителем (соучредителем)

¹ Главный редактор журнала «Балтийский диалог» (Санкт-Петербург), кандидат исторических наук.

² Вахромеева О. Б. Человек с открытым сердцем. СПб., 2004. С. 307.

³ Краеведение. 1923. № 1. С. 46–47.

⁴ Лихачев Д. С. Текстология М., 2006. С. 10.

которого является орган местного самоуправления или муниципальная организация, которым для их функционирования оказывается муниципальная поддержка в виде субсидии или субвенции за счет средств местного бюджета.

Муниципальные газеты публикуют материалы о состоянии и охране окружающей среды, благоустройстве, патриотическом воспитании. Анализ содержания газетных краеведческих текстов показывает следующую тематическую направленность и проблематику: наличие и состояние историко-культурных памятников, их востребованность различными слоями населения, противоречивость интересов государства, общества, бизнеса в отношении историко-культурных памятников. В связи с этим повышается роль газеты в консолидации интересов государства, общества, бизнеса в использовании и развитии культурно-исторических памятников, краеведческого ресурса территории, культурного, научного, образовательного, инновационного потенциала местности.

В. Е. ЧУРОВ: — Сегодня мы все чаще сталкиваемся с использованием целых блоков муниципальных и даже малотиражных газет в серьезных исторических исследованиях. Так, в великолепной книге «Биография Эрмитажа» целая глава сделана на

В исследовании исторического прошлого следует отчетливо разделять субъект и объект исследования, предмет и знак, современный знаковый предмет и первопредмет, вещь и слово, факт исторической реальности и факт исторической мифологии. Предметом исследования краеведения являются отношения: между человеком и местностью; человека с другими людьми и сообществами; территориальных систем и пространственных явлений различных типов и уровней.

Эти отношения должны определяться на основе принципов объективности, функционирования и развития, учета соответствия функции и структуры и восхождения от конкретного к абстрактному. Основными отношениями структуры функционирования и развития научного краеведения являются: исторические, экономические, социальные, правовые и т. д. Научное краеведение — это прежде всего совокупность наук о человеке и сфере его жизнедеятельности, о краеведении как деятельности поисковой, образовательной, научной.

* * *

базе подборки редкой малотиражной эрмитажной газеты 1989–1990 гг. Однако такие газеты приходится искать. Как правило, они не сохраняются в государственных архивах. Но это, действительно, богатейший источник информации.

Н. М. Инюшкин¹

ЛЕРМОНТОВСКИЕ ТАРХАНЫ: ПРОСТРАНСТВО ДИАЛОГА ВРЕМЕН И КУЛЬТУР

Сегодня нарастающие темпы движения России к реальностям информационного общества как глобальной системе нового качества при всех его несомненных достоинствах актуализируют ряд проблем в сфере традиционных форм культурно-просветительской деятельности.

Соблазны информационного изобилия, его доступность и — при всей свободе выбора — доминирующее предпочтение многоликого «масскульта» неизбежно продуцируют возможность восприятия некоторых существующих подсистем культуры как архаических, не вызывающих традиционного интереса в контексте нового века. Об этом в своем выступлении уже говорила Светлана Александровна Алексиевич. Очевидно, что подобная тенденция при всей объективной неизбежности ее возникновения и возможного нарастания не должна восприниматься как безвыходная ситуация, но как требующая действенных поисков конструктивных компромиссов. Именно такой подход может способствовать продуктивной многоликости информационного общества, которое будет гуманистически эффективно лишь при условии креативного использования культурного наследия, переосмысления в хронотопе XXI в. информации, содержащейся порой в архетипических формах мировосприятия.

Креативность как умение производить «культурный продукт», не уничтожая ценности прошлого

го, но, напротив, используя их в своих действиях, является одним из ключевых понятий, определяющих вектор деятельности Лермонтовского государственного музея-заповедника «Тарханы».

Пространственно-временная база, историко-культурный и природный потенциал этого уникального феномена российской культуры, органически соединяющего этническое и общечеловеческое, национальное и провинциальное, дворянское и крестьянское, дают возможность разнообразного воплощения информации как эмоционально переживаемого и творчески претворяемого знания.

Это взаимовлияние позволяет литературному заповеднику, расположенному в провинциальном отдалении, быть своеобразной территорией апробации новых форм сохранения и творческой реконструкции исторически важного для культуры XXI в. в ее национальном и региональном масштабах. Появление в результате подобного диалога неких феноменов, «произведений» срединной культуры в материальном, информационном, коммуникативном, нравственном, духовном воплощениях должно стать не только предметом конструктивного анализа, но и примером для творческого применения в других условиях и местах.

Возможность такого культуротворчества последовательно претворяется в деятельности коллектива музея-заповедника, стратегической задачей которого стала выработка и реализация продуманной, научно обоснованной системы разнообразных взаимосвязанных акций, направленных на комплексное воссоздание заповедной зоны в ее мемориальной

¹ Заведующий кафедрой мировой и отечественной культуры Пензенского государственного педагогического университета, доктор философских наук, профессор.

достоверности, своеобразное одушевление музейной среды, качественное усиление действенности информационного потенциала историко-культурного наследия, своеобразного диалога времен и культур.

Необходимым элементом этого комплекса является продуманное, наиболее эффективное выявление историко-культурных смыслов, которые несет каждый из мемориальных объектов, реализация методик, приемов, помогающих приобщению к ним каждого поколения.

Осуществленная в XXI в. реэкспозиция системы всех музейных объектов является осознанным шагом в этом направлении. Каждая из экспозиций должна точнее, полнее, ярче передавать информационный смысл прошлого и вместе с тем выразительнее перекликаться с психологией восприятия именно современного человека, уровнем его знаний о меняющемся мире. Экспозиция не просто помогает увидеть предлагаемое ею, но и понять, почувствовать, вступить во внутренний диалог с «выразительным и говорящим бытием».

Идея диалога присутствует и в мемориальном природном пространстве, по отношению к которому понятие экспозиции применимо не в полной мере. Тем не менее его воссоздание и сбережение в течение нескольких десятилетий не только внешне, но и внутренне сформировали в деталях и в целом тарханскую природу, предстающую как «переживаемое пространство». Восстановленная тарханская усадьба сочетает открытое пространство и уютные парковые уголки, аллеи могучих деревьев и видовые перспективы, интимность усадебного парка с «беседкой тайною» и величием бескрайних окружающих полей, пейзажами, питавшими воображение Лермонтова и отраженными в его произведениях.

Важно отметить, что восстановление мемориальных территорий — это не только воспроизведение природной среды лермонтовского времени, но и создание условий для ведения определенного хозяйства, характерного для усадьбы Е. А. Арсеневой. Приносят свои плоды заповедные поля и луга, пасека, бахча, теплица, зарыбленные пруды; восстановлены конюшня и экипажи для конных прогулок по окрестностям.

Музейность, мемориальность не теряют, а приобретают, если историческое пространство продолжает в новом времени свое естественное бытие, возрождая также традиционные феномены ушедшей повседневности. Отношения истории и современ-

* * *

— А как опровергнуть миф, что великий русский поэт Лермонтов был плохим человеком? (*вопрос из зала*)

Н. М. ИНЮШКИН: — Это, по-моему, тот самый миф, который отдельные пишущие люди стараются распространить, чтобы повисить свою популярность. Это современный интерес ко всему скандальному, к чему-то такому, что «ниже пояса», и пр. Говорят, что Лермонтов сам нарвался на выстрел Мартынова, что он к другу своему придрался и т. п. Действительно, у поэта был сложный характер, но от этого лермонтовское наследие не становится хуже.

В. Е. ЧУРОВ: — Николай Михайлович, конечно, человек миролюбивый, однако новый министр юстиции в большой степени является воспитанни-

ности — проблема многоплановая не только в теоретическом, но и в практическом плане для отдаленных от столиц Тархан.

Лермонтов не устаревает, но в эпоху нарастающей насыщенности «маскультом» мирового, национального и провинциального информационного пространства велик соблазн предпочесть близкие виртуальные просторы реальному посещению относительно далеких мемориальных мест. Поэтому, и не только поэтому, музей прилагает последовательные усилия для расширения и умножения форм привлечения в Тархану возможно большего числа людей. Слово «посетителей» не употреблено в последнем предложении сознательно. Привлекаемые в лермонтовский заповедник должны чувствовать себя не только гостями, но и в разной степени активными участниками исторически развернутого процесса приобщения к наследию гения литературы, личностями по-своему творческими. Возможности творчества в «живом музее» многообразны и разноплановы. Это литературные и художественные конкурсы, возможность научиться своими руками делать глиняные и соломенные игрушки, принять участие в конных прогулках на любимых Лермонтовым «башкирках».

Дух дворянской усадьбы воистину можно почувствовать на театрализованных представлениях с элементами дворянского бала. Тщательная подготовительная работа: костюмы, хореография, тексты, произносимые во время бала, — обеспечивают высокую оценку и растущую популярность этому действу, в котором посетители музея являются не только зрителями, но и непосредственными его участниками.

Практика показывает, что в новом столетии все заметнее страницы исторического прошлого, ожившие благодаря творческой настойчивости сотрудников заповедника, становящиеся атрибутом сельской жизни, вовлекающие в подобные действия все большее число тарханцев и гостей заповедника. Это своеобразное возвращение утраченного, но на новом уровне эмоционального восприятия.

В многогранности и широте совершаемого — отражение парадоксального урока на будущее: музей лучше всего служит памяти великого человека, когда не боится по-новому оберегать старое. Музей живет и развивается, когда хранимое и оберегаемое прошлое усилиями тех, кто ему служит, не выпадает из меняющегося времени, а соответствует лучшему и разумному в нем.

ком и поклонником Тархан и регулярно посещает все лермонтовские дни. Кроме того, там есть еще один музей — частный. Это музей Воейкова — дворцового коменданта¹. Восстановлен и источник Куака, знаменитый своей минеральной водой и скандальной историей, с ней связанной. Это легенда о том, что железную дорогу якобы специально «завернули» сюда, для того чтобы возить в столицу куакинскую воду. Сегодня источник вновь действует, но ни в Москве, ни в Петербурге эту воду практически не купить.

¹ Имеется в виду Воейков Владимир Николаевич, занимавший в 1913–1915 гг. пост дворцового коменданта, автор мемуаров «С царем и без царя». — *Прим. науч. ред.*

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РОССИИ И СТРАН ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Сначала — немного Новейшей истории. За несколько месяцев до окончательного распада Советского Союза страны Запада и государства бывшего Варшавского договора подписали так называемую Парижскую хартию. Этот документ мог при определенных обстоятельствах стать закладкой будущего «общего Европейского дома». Идея большой объединенной Европы с территорией от Бреста до Владивостока, как мы знаем, не реализовалась. На сегодняшний день она даже кажется немислимой, но еще 18 лет назад она являлась серьезной альтернативой для дальнейшего развития Европы.

Вспомним также, что в августе 1991 г. сама Россия освободилась от коммунистического тоталитаризма. Перестройка победила путчистов. И только после того как Россия стала свободной, окончательно рухнули коммунистическая идеология, оккупационный режим в Восточной Европе, «железный занавес» в Европе. Эпоху краткого либерализма в России сегодня многие забыли. Россия в конце прошлого столетия решила опять идти по пути построения сильного государства. И на этот путь у российских правителей был социальный заказ. А Запад, разрушая свои обещания, данные Горбачеву, стал расширять НАТО на восток, плоть до российских границ.

На Западе резонно размышляют: расширение НАТО укрепляет Европейское экономическое сообщество (ЕЭС) и консолидирует демократическую Европу. Все это, несомненно, так. Но Запад сделал большую ошибку, не интегрируя Россию в новую Европу. Причем Западу не нужно было технически принимать Россию в НАТО или в Европейский союз. Но «выталкивать» Россию, как это сейчас выглядит, из Европы и европейской цивилизации означало большую стратегическую ошибку. За это будущим поколениям европейцев, может быть, еще придется расплачиваться. Надо было параллельно с расширением западных структур смягчать последствия этого расширения для российской элиты и всего российского общества, не унижать его.

Естественно, Москва своими действиями отчасти способствовала самоизоляции. Будущее поколение россиян будет расплачиваться за то, что, может быть, слишком поспешно, из гордости или иных великодержавных чувств, Россия отказалась от демократической модели Запада. На сегодняшний день ситуация в Европе такая, какая она есть, и, кстати, все могло произойти и по худшему сценарию. Важно отметить, что новой холодной войны в Европе все-таки нет и вряд ли будет.

Попробуем разобраться в нынешней ситуации и подумать над тем, как можно было бы вернуться к благоприятной ситуации, которая царила в Европе в начале 1990-х гг. в глобальном смысле. Другими словами, как вернуться к идее великой Европы, которая опиралась бы, с одной стороны, на мощное плечо Америки, а с другой — на такое же крепкое плечо России, чтобы держать полный баланс.

Посмотрим на Россию. Москва яростно выступает против дальнейшего расширения НАТО на постсоветские пространства. Громит планы США построить противоракетную оборону в Центральной Европе, выходит из договора по обычным вооружениям в Европе. Россия отказывается понимать мотивы стран — бывших членов Варшавского договора для вступления в НАТО, и идея объединенной Европы, где большие и маленькие государства равны, непонятна и чужда России. Российское видение Европы напоминает XIX в. Сильное государство доминирует в концерте Европы. Но главным образом Россию раздражает и унижает, что она не может влиять на построение архитектуры Европы, поскольку она не является членом НАТО и ЕЭС.

Теперь посмотрим на новых членов НАТО и ЕЭС, например на прибалтийские страны. Они защищены американским атомным зонтиком, они — часть общеевропейского экономического пространства и живут лучше, чем когда-либо раньше. У них, в отличие от России, полноправный голос при построении новой Европы. Но у них и серьезные конфликты с Россией, которые они подчас сами провоцируют. Зачем было Польше накладывать вето на переговоры ЕЭС по продлению договора о партнерстве и сотрудничестве с Россией? Потеряно драгоценное время. С Россией срочно нужно договориться о будущей системе энергоснабжения, о миротворчестве на восточных границах Европы, о борьбе с международным терроризмом, о вхождении России во Всемирную торговую организацию (ВТО). Польский каприз блокировал создание четырех пространств, объединяющих ЕЭС и Россию.

Европейский бизнес «горько плачет»: отношения с Россией слишком политизированы. Германия не дала инициировать новую *ost-politik* от имени всей Европы — политику, которая могла бы стать проводником для медленного возвращения к принципам Парижской хартии 1990 г.

Польша, Эстония, а теперь еще и Швеция блокируют прокладку газопровода из России в Германию по дну Балтийского моря. Вопросы экологии игнорировать, конечно, нельзя, но тотальная оппозиция по отношению к газопроводу обусловлена политическими соображениями. Не вдаваясь в детали, можно утверждать, что это явный пример «выталкивания» России из Европы.

Плохо, что фактор России сегодня опять раскол Западу и Европу. Причем по той же линии, что и Запад в преддверии Иракской войны в 2003 г. Старая Европа действительно примирилась с Россией, она хочет выстроить с нашей страной стратегическое партнерство, конечная цель — свободная экономическая зона, ЕЭС в России, безвизовый режим, может быть, даже совместная зона безопасности.

Непонятно, почему США в последние годы так ревностно выступают против политики сближения ЕЭС с Россией. Что это попытка завлечь Европу в усиленное трансатлантическое сообщество, где России уж точно места не будет? Страны новой Европы

¹ Политолог (Германия).

по-прежнему чувствуют себя жертвой оккупации со стороны России. Они как будто не делают различия между Россией и СССР, между ними и Москвой не наблюдается примирения. Они возмущаются наивной верой в «хорошую» Россию старых европейцев, таких как у нас в Германии. Иногда кажется, что некоторые представители элиты новой Европы считают, что они вступили в старое НАТО и старый Европейский союз времен холодной войны, когда Запад всеми силами оборонялся от Советского Союза.

Результат раскола из-за России в ЕС налицо: европейская политика безопасности и обороны не действует, консенсуса между странами нет и не будет, недоверие друг к другу растет. В Эстонии звучат обвинения в адрес Германии, например что Берлин якобы содействует созданию нового пакта Риббентропа–Молотова. От Германии в жесткой форме требуют солидарности новых членов НАТО и ЕЭС и конфликта с Москвой. В то же время эти страны не проявляют солидарности с государствами старой Европы в их старании выстроить партнерство с Россией на благо стабильной Европе.

Это и есть исторические мифы — тема нашей дискуссии. Надо признать, что споры по поводу отношения к России ведутся и у нас в Германии. Можно даже сказать, что германская элита тоже расколота по этому вопросу. С одной стороны, в германской элите существует ярко выраженный мировоззренческий подход к России. Пока Россия не примет либеральную модель управления, ее стоит игнорировать и сдерживать. Москву надо заставить соблюдать права человека. В эти силы в Германии уже давно не верят, как и они не верят в настоящее сотрудничество с Россией, никуда с ней интегрироваться не хотят. Россия — это их аргументация: чужеродная страна для Европы, не строящая свою идентичность на европейских, общечеловеческих ценностях. Но, с другой стороны, в Германии есть влиятельные силы, которые думают и действуют совсем иначе. Следуя традициям социально-демократического канцлера Брандта, многие немцы искренне, может быть, и из-за комплекса вины тоже, но и из-за боязни перед Москвой стремятся к сближению с Россией.

Мне кажется, что возврат к принципам и европейскому духу Парижской хартии возможен по трем сценариям: первый — вынужденная стыковка ЕЭС и России на почве самообороны и последствий террористического акта, равного по масштабу трагедии 11 сентября 2001 г. Второй — экологическая катастрофа, демографический вызов или климатическое чрезвычайное происшествие, которое в той или иной мере будет угрожать Европе. Третий — эволюция теперешнего отношения во взаимовыгодное экономическое сотрудничество.

В конце концов, обратим внимание на немецкий опыт интеграции в Европу. В 1950-е гг. немцы выставляли вместе с бывшей вражеской Францией некий Союз угля и стали. Несколько лет спустя через этот взаимовыгодный союз создался общеевропейский рынок, а десятилетиями спустя — Европейский союз в нынешнем виде. Почему не постараться через осторожный энергетический альянс ЕЭС–Россия создать фундамент для примирения и интеграции с Россией.

Понятно, что Россия не пойдет по пути послевоенной Германии и не будет каяться перед ранее поработанными народами советской империи. Не надо требовать от современной России повторения германского пути. Россия не проиграла холодную войну в такой мере, как Германия Вторую мировую войну, но жест примирения, конечно, тоже должен исходить, как мне кажется, от российской элиты. Я искренне надеюсь, что в самом ближайшем будущем состоится первый визит российского президента в Прибалтику. Не может продолжаться ситуация, когда ни первый, ни второй президент посткоммунистической России не нашли времени посетить хотя бы одну из этих республик, которые являются ближайшими соседями России.

Я убежден, что Европа не будет ни стабильной, ни процветающей, если мы не найдем в ней места для России. Альянс с Россией даст Европе второй шанс. Мировое доминирование в XXI в. будет принадлежать, как мы вчера слышали от академика Е. Г. Ясина, именно Азии, а Европа рискует превратиться в некий музей. Но вместе Россия и Европа могут стать весомыми контрагентами Азии. Несмотря на то что нас часто убеждают в обратном, население России благожелательно настроено к Европе. У нас общая культура, схожие проблемы, в частности в отношениях с исламом.

Новая восточная политика, которую, может быть, европейцы будут проводить во главе с Германией, должна стать, таким образом, основным средством, с помощью которого Европа сбалансирует влияние НАТО, успокоит страны Центральной и Восточной Европы. Альтернативой для России является, если диалог с Европой не получится, Шанхайская организация сотрудничества. На сегодняшний день она не имеет значительного влияния, но нынешний этап развития этой организации можно уже вполне сравнить с Западной Европой 1950-х гг.

Меня очень беспокоит ситуация с Северным и Южным газопроводами в Европу. Новая Европа действительно может саботировать их прокладку. Россию хотят просто заставить гнать свой газ через территорию Украины и Польши.

На Западе не думают, что расширением НАТО мы провоцируем Россию. Запад хочет «застолбить» результаты победы в холодной войне. Американскую оккупацию воспринимали как благо, советскую — как террор. Я преувеличиваю, но смысл таков.

Мир будет резко меняться. Европа окажется на периферии, не будет, как в последние 3 тыс. лет, являться центром мировых событий. Наступит век Азии. Поэтому России надо хорошо подумать, ориентироваться ей на европейский рынок или на азиатский. США списывать со счетов тоже не стоит. Это мощная держава, в которой больше внутреннего потенциала, чем у старушки Европы. У США все передовые технологии, они контролируют космос и экономику других континентов.

Проблема В. В. Путина скорее в том, что его внутренние действия в самой России были с точки зрения Запада настолько противоречивы, что ему не доверяли и считали, что он ведет какую-то хитрую игру и на самом деле хочет обмануть Запад. Если всмотреться во все детали политики последних

лет, то представляется следующая картина: Россия желала присоединиться к европейской архитектуре любым путем, кроме сдачи своего суверенитета. Запад отмахивался, не захотел интегрироваться с Россией. Теперь российская внешняя политика в отношении Запада на перепутье.

На Западе не понимают, почему русские идут на президентские выборы, когда настоящего выбора нет. На Западе не понимают, почему русские, которые в августе 1991 г. перед Белым домом отстаивали свободу и изгнали из России коммунизм, теперь не хотят больше этой свободы и готовы обменять ее на новый авторитаризм. На Западе не понимают, почему россияне не ориентируются, как украинцы и грузины, на общечеловеческие ценности, выстроенные и выстраданные на Западе целыми поколениями людей. Запад себя воспринимает миролюбивым. Люди здесь думают, что с продвижением НАТО на восток европейские ценности будут крепнуть и на востоке нашего материка. Запад не хочет враждовать с Россией, но критику Россия не воспринимает. Запад просто не понимает России.

Западные политики и правящие элиты не хотят враждовать с Россией. Но в то же самое время Западу на Россию и ее мнение, по сути, наплевать. В глазах Запада Россия проиграла холодную войну.

На Западе люди не могут представить себе мировой порядок без лидерства США. Без них мир для Запада — хаос. Ведь если случится что-то недоброе с США, нам придется опять тратить лишние деньги на собственное вооружение. А так очень комфортно жить под крылышком могучей Америки. Правда, она иногда превращается в ковбоя, но это можно

перетерпеть ради сохранения нашего экономического комфорта.

Когда я на Западе пытаюсь аргументировать, что, дескать, у России свои традиции, своя память, свой быт, мне отвечают, что я дурак, что русские думают, как мы на Западе, что у них те же христианские ценности, но проблема в том, что у них односторонняя информация и им мозги промывают. На самом деле русские тоже свободолюбивые, и если у них не будет телевизионной пропаганды с утра до вечера, они все поймут европейские ценности и опять захотят жить, как мы, европейцы. «Помилуйте, — кричу я. — Не так все просто! Изучайте Россию поглубже...» Но европейцы уже отмахиваются, ничего дальше слышать не хотят.

Закаева рассматривали как члена демократически избранного правительства Масхадова. Во время терактов чеченцев в Москве и Беслане Запад требовал, чтобы Россия вела переговоры с Масхадовым. Думаю, что многие на Западе искренне желали России поражения в чеченской войне. Один француз мне прямо сказал: мы проиграли Алжир, почему России удалось сохранить Северный Кавказ?

Объяснить на Западе русскую точку зрения нелегко. Европейцы действительно считают, что НАТО — мирная организация, ведь немцам она принесла вечный мир с соседями и покой! На Западе очень боятся, что в России опять найдется некий «собиратель» российских земель. ЕС воевать ни с кем не хочет. По результатам опросов общественного мнения в Германии, только 20 % немцев готовы защищать свою родину в случае вражеского нападения. Умирать за нацию они не хотят.

* * *

Ю. М. ЛЕПСКИЙ: — Хочется добавить, что известный немецкий политолог Александр Рар только что подготовил к печати книгу «Россия дает газ», она переведена на русский язык. И накануне визита Президента РФ в Германию в редакции «Российской газеты» состоялась презентация этой книги.

В. Е. ЧУРОВ: — К сожалению, автор материала о музее политических репрессий в Астане (Казахстан) Назарбек Сатарович Тунтеев не смог приехать на Лихачевские чтения. Но мне хочется сказать несколько слов об этом музее, а это стоит сделать, так как и здесь не обошлось без мифов. Общая направленность экспозиции музея, конечно, о «русских репрессиях» и «угнетении казахского народа», но там же висит список жертв этого лагеря, где всего три казахские фамилии. Остальные — еврейские, польские, русские, украинские.

В связи с этим я расскажу одну историю из своей жизни — о жертвах и их палачах. Тогда я избирался еще в Ленсовет, коммунисты выставили против меня второго секретаря райкома партии. Естественно, в 1990 г. это был нулевой результат. А демократы выставили против меня своего активиста. Это был, казалось бы, нормальный человек, несколько старше меня. У нас группа была — пять человек друзей и денег — 200 рублей. Вот с этим «багажом» я и выиграл выборы.

Стандартный вопрос для тех времен: «Ваше отношение к репрессиям 1930-х гг.?» У меня с этим

все в порядке, биография чиста. Дед в 1938 г. арестован, в 1940-м, в феврале, слава богу, вместе с остальными офицерами выпущен. А у моего демократа-соперника отец служил в охране у Берии. После этого у него шансов победить не было. Так что исторические факты, конечно, использовались в современной политике.

Могу вам сказать, что проблема людей в охране ГУЛАГа тоже очень серьезная, гораздо более серьезная, чем она выглядит в трудах А. Солженицына. Наиболее четко, на мой взгляд, ее определил Шаламов. И вообще не скрою, что в этом смысле я Шаламову много раз больше ценю, чем Солженицыну. Читая стихи Шаламова, я испытал чувство полного, настоящего катарсиса — настолько это сильно. Шаламов в своем творчестве очень жестко ставит вопрос, утверждая, что выжившие в ГУЛАГе во многом выжили не только благодаря себе, но и благодаря помощи со стороны. Помните историю Шаламова о буханке хлеба, когда ее вез на саночках один из руководителей лагеря?.. Благодаря такому же эпизоду, кстати, спасся актер Георгий Жженов. Мне посчастливилось при жизни Жженова подробно поговорить с ним на эти темы, и я храню его воспоминания. С Шаламовым я поговорить не успел... Кстати, вопрос об ответственности — это международная проблема. Например ответственность эстонцев за содействие фашистам.

В. П. КОЗЛОВ: — В принципе, высший уровень людей, которые управляли ГУЛАГом, известен.

«Мемориал» еще лет 10 назад подготовил книгу «Кто управлял НКВД», там приведены фамилии всех руководителей, вплоть до начальников отделов. Сегодня эта книга не вышла бы. Я могу объяснить почему, несмотря на то что сам очень старался содействовать выходу этой книги тогда, в середине 1990-х гг.

Дело в том, что такая архивная информация в Новейшее время очень опасна. В 1992–1993 гг., как известно, был суд над КПСС. Мы повсеместно выявляли документы, отражающие негативную роль КПСС в истории СССР, среди которых были обнаружены документы о том, как КПСС финансировала определенную партию в Южной Африке. Они были опубликованы. Обычные документы, но там были названы фамилии тех, кому передавали деньги. После этого прошел приблизительно месяц, и я открываю однажды газету, в которой читаю, что в Кейптауне моряки-украинцы зашли в церковь и их там всех расстреляли... Для людей, которые живут в Южной Африке, наверное, украинцы и русские — это одно и то же. И мне после этого стало страшно. Неизвестно, есть ли связь между этими двумя фактами: публикацией архивных документов с указанием определенных фактов и расстрелом невинных людей. Но почему их вдруг стали расстреливать?..

Существуют определенные этические нормы в архивной работе, так называемый «кодекс архивиста», принятый международным советом архивов. В принципе, он запрещает указывать фамилии живых людей. Для этого вводится ограничительный срок, допустим в 75 лет. Наверное, это правильно.

— Тогда — палач защищен! (*реплика из зала*)

В. П. КОЗЛОВ: — Нет, это не так. Существуют судебные процедуры, которые позволяют наказывать преступников даже спустя десятилетия.

В. Е. ЧУРОВ: — Это совершенно неоднозначная ситуация. Например недавний возмутительный процесс над Арнольдом Мэри в Эстонии... Поэтому в целом я не согласен с Владимиром Петровичем насчет полной конфиденциальности персональных данных, скорее, на мой взгляд, надо изучать конкретные эпизоды.

В. П. КОЗЛОВ: — Дело в том, что как только в Эстонии начался судебный процесс над Арнольдом Мэри, мы подняли его личное дело. Вы знаете, в 1955 г. звание Героя Советского Союза у него отняли. Мы скопировали все эти документы и передали эти копии его адвокатам, чтобы они показали, что судьба Арнольда Мэри далеко не однозначна.

В. Е. ЧУРОВ: — В конце 1980-х гг. в Эстонии отказались издавать «Записки Серого волка», автобиографическую трилогию¹. Автор был во время войны пацаном, жил на острове Сааремаа. Книга вышла у нас в Москве, в «Московском рабочем». Это великолепная проза, возможно, один из литературных шедевров той поры, но эстонцы отказались его у себя печатать. Почему? Потому что там описывается, как русские пришли, кого расстреляли перед приходом немцев и в яму закопали, как потом эстонские полиция бегали, ловили активистов, издевались над ними как могли. Написано и про немцев... Эта книга до сих пор не переиздана.

На мой взгляд, наша задача как историков рассматривать исторические события через призму отдельного человека, его отдельной судьбы и стараться минимально ее искажать. Жизнь гораздо сложнее любых литературных коллизий.

Н. В. Колышница²

РЕАЛИИ РУССКОЙ ШКОЛЫ АНТИКОВЕДЕНИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX в.

Мне хотелось бы сконцентрировать внимание в ином, неполитическом аспекте исторической реальности, связанном с межкультурными, научными контактами. В дореволюционной России весьма распространенной была практика командирования в различные зарубежные страны студентов, подающих большие надежды. По большей части практиковались командировки молодых ученых в германские университеты.

С началом развития отечественного антиковедения довольно остро встал вопрос о том, что необходимо организовывать командировки студентов теперь непосредственно в Грецию и Рим, чтобы они могли познакомиться с реалиями исторического прошлого этих народов. Как совершенно справедливо указывал позднее Д. С. Лихачев, «чем больше приходишь в эпоху, изучая ее, тем меньше она кажется прошлым»³. 30 мая 1879 г. к директору Императорского Санкт-Петербургского историко-филологического института К. В. Кедрову обратился директор Департамента народного просвещения с просьбой высказать свои соображения по данному вопросу. Кедров предложил, прежде чем открывать

институт в Афинах, отправить туда в длительную командировку небольшую группу молодых ученых, которые выказывали бы интерес к греческим древностям, в первую очередь из числа студентов непосредственно историко-филологического факультета или из Санкт-Петербургского университета. Командировать их предлагалось на тех же условиях, на каких отправляли студентов в германские университеты. Они должны были раз в полгода посылать отчеты о своей деятельности и труды для опубликования; кроме того, они должны были войти в контакт с иностранными учреждениями и греческими учеными. С этой же целью на помощь молодым людям предполагалось отправить в Афины в середине мая 1879 г. и экстраординарного профессора историко-филологического института Ф. Ф. Соколова. Ему было выделено 300 рублей на

¹ Имеется в виду автобиографический роман Леви Ахто «Записки Серого волка» (М., 1970, 1993). — *Прим. науч. ред.*

² Научный сотрудник Центрального государственного исторического архива (Санкт-Петербург).

³ *Лихачев Д. С.* Отдельные мысли на исторические сюжеты // *Раздумья о России.* СПб., 1999. С. 461.

приобретение и издание некоторых пособий, которые в будущем могли быть необходимы для занятий молодых ученых¹. Таким образом, сформировалась небольшая библиотека, которая на протяжении всего времени существования небольшой русской археологической школы в Афинах хранилась в доме русской церкви.

14 августа 1879 г. император Александр II эти предложения Кедрова поддержал, и встал вопрос о кандидатурах для первых командировок. В июле 1880 г. первыми кандидатами были выбраны В. В. Латышев и В. К. Ернштедт. Они получили подробнейшие инструкции от Ф. Ф. Соколова. В частности, там указывалось, что молодые ученые командированы с целью ознакомления с научными трудами и открытиями в области греческой истории и греческих древностей, чтобы сообщать русскому обществу результаты этих трудов и открытий. Кроме того, Ф. Ф. Соколов рекомендовал в качестве главного занятия выбрать эпиграфику, поскольку «надписи дают твердую почву историческим фактам, постоянно пополняют наши сведения, почерпнутые из античных авторов позднего времени, объясняют нам многочисленные места из древних писателей, современных событиям»². Чтобы иметь возможность ближе ознакомиться с деятельностью иностранных ученых в Греции, первый отчет необходимо было представить за год, следующие — за каждые полгода. Выбор отраслей знаний командированные делали самостоятельно³.

В ноябре 1880 г. В. Латышев и В. Ернштедт представили весьма дельные работы, которые были напечатаны в ноябрьской книге журнала Министерства народного просвещения. В 1881 г., еще до их возвращения из Греции, было решено отправить в Афины очередного командированного, Д. Н. Королькова, с тем, чтобы они смогли ввести его в курс дела.

Командированные в Афины молодые ученые получали содержание от Министерства народного просвещения. Содержание это было весьма скудным, на что Корольков и обратил внимание Кедрова. Он сообщал, что на выделяемые средства невозможно ни приобретать книг, ни предпринимать путешествий. В августе 1883 г. в Грецию был командирован А. В. Никитский, в 1884-м — Н. И. Новосадский, в 1885-м — А. В. Щукарев. Командировка последнего закончилась в январе 1888 г. К сожалению, в связи с финансовыми трудностями в Министерстве народного просвещения на смену ему в Афины никто послан не был.

Только через два года России удалось возобновить командировки своих ученых в Грецию. В Грецию были посланы С. А. Селиванов и Р. Х. Лепер.

Уже в своем первом отчете, направленном в Историко-филологический институт, Селиванов обращает внимание администрации на тот факт, что библиотека, находящаяся в доме русской церкви в Афинах и сформированная еще Ф. Ф. Соколовым, значительно устарела, назрела серьезная необходимость ее пополнения⁴. К сожалению, в архивном фонде Историко-филологического института не сохранилось никаких сведений о пополнении библиотеки. Можно лишь предположить, что в связи с нехваткой в Министерстве народного просвещения средств, которых было явно недостаточно даже для продолжения работы русских ученых в Греции, просьба Селиванова осталась неудовлетворенной.

После командировки в Грецию С. Селиванова и Р. Лепера преемственность снова прерывается. Следующим командированным в Афины стал в 1895 г. Е. М. Придик, который, в отличие от своих предшественников, сам подал прошение на имя министра народного просвещения. Е. М. Придик не просто осматривал раскопки, проводимые Немецким археологическим институтом в Афинах (как это делали его предшественники), а принимал в них самое непосредственное участие.

Е. М. Придик оказался последним русским молодым ученым, командированным в Афины. Трудно сказать, по какой причине прекратилась эта практика. По всей видимости, отсутствие необходимых средств в Министерстве народного просвещения и последовавшая вскоре смерть одного из главных вдохновителей этого предприятия — директора К. В. Кедрова — стали основными факторами, прекратившими столь полезное и важное дело. И хотя так и не удалось в полной мере реализовать идею создания Русского археологического института в Афинах (наподобие немецкого или французского), тем не менее работа наших ученых там значительно подняла престиж русской науки об античности за рубежом. Молодые русские ученые смогли сотрудничать в Афинах с учеными разных национальностей, работающих в Греции. Немецкие, французские и греческие ученые всегда любезно и предупредительно относились к занятиям русских командированных. Русская археологическая школа, таким образом, дала прекрасные результаты и стала известна за границей.

Таким образом, деятельность русской археологической школы в Афинах как нельзя лучше характеризует тезис Д. С. Лихачева о том, что интеллигентность есть «способность к приобретению знаний и к пониманию другого человека и другой культуры»⁵. Без такой способности невозможно объективное изучение как исторической реальности, так и исторической мифологии.

¹ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1195. Л. 33.

² ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 2301. Л. 3–5 об.

³ Там же. Д. 1195. Л. 24–24 об.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1195. Л. 209–210 об., 211.

⁵ Лихачев Д. С. Об интеллигентности // Раздумья о России. СПб., 1999. С. 646.

И. В. Палагута¹МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОРНАМЕНТОВ
ДРЕВНИХ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ ЕВРОПЫ

При построении реконструкций материальной и духовной культуры далекого прошлого с использованием одних только фрагментарных и неполных археологических источников неизбежно приходится сталкиваться с острой нехваткой информации. Поэтому элемент личностного восприятия исследователя здесь будет присутствовать всегда, особенно при интерпретации предметов искусства. Неизбежная субъективность оценок дополняется стремлением как можно ярче представить результаты исследования, построить на ограниченном материале масштабные реконструкции, а зачастую — желанием удовлетворить личные амбиции либо необходимостью следовать сложившейся конъюнктуре. При этом часто забывают, что археологическая наука имеет объективные основания.

Построение масштабных реконструкций, основанных преимущественно на априорных утверждениях и умозрительных спекулятивных построениях, в наибольшей степени затронуло раннеземледельческие культуры эпохи неолита и медного века, существовавшие на территории Юго-Восточной, Центральной и на юге Восточной Европы в VII–III тыс. до н. э. Многочисленные находки антропоморфной и зооморфной пластики, яркая и многокрасочная керамика со сложными орнаментальными композициями заставляют исследователей волей-неволей пытаться раскрывать их смысл и значение.

В элементах орнамента зачастую видят не только различные символы, но и иллюстрации к древним мифам, а также целые «тексты», состоящие из наборов знаков. Такой подход к решению загадок духовной культуры дописьменных культур далекого прошлого сложился еще в романтическую эпоху становления археологической науки, в конце XIX — начале XX в., на фоне расцвета сравнительного метода в этнографии, когда недостаток информации заставлял исследователей проводить широкие параллели и искать аналогии тем или иным мотивам древней орнаментации в области современной этнографии различных народов.

Подобные построения представляют, например, работы К. В. Болсуновского, который интерпретировал орнаменты трипольской культуры, распространенной на территории от Восточных Карпат до Днепра в IV–III тыс. до н. э. Базируясь на малообоснованном утверждении, что «трипольская культура, этнологически древнеарийская, действительно и есть протославянская культура», автор не только свободно использует для интерпретации «змеиных» орнаментов Триполья примеры из славянской и литовской этнографии², но и пыта-

ется прочитать ряд элементов орнамента как пиктограммы — «прототипы какой-то орнаментационной азбуки»³.

Весьма примечательно, что подобные построения хотя и не подверглись жесткой критике, но и не получили тогда широкого распространения: в последующие десятилетия в рамках археологических изысканий преимущественно решались задачи построения периодизаций раннеземледельческих культур, выявления относительной хронологии памятников, реконструкции хозяйства и быта древнего населения Европы.

Начало следующей «волны» интерпретаций относится к 1960–1970-м гг., когда картина развития культур раннеземледельческой Европы в целом уже была очерчена. В это время в археологии стали широко использоваться облизившие ее с точными науками естественно-научные методы, такие как радиоуглеродный анализ, функционально-трассологический анализ орудий труда, изучение массового материала с помощью статистики и т. д. На этом фоне в области изучения духовной культуры развиваются масштабные реконструкции, представленные прежде всего в работах академика АН СССР Б. А. Рыбакова⁴ и американской исследовательницы М. Гимбутас⁵. Но они проистекают не из тщательной проработки изобразительного и орнаментального материала, а из субъективных посылок авторов.

Обращаясь к «дедуктивному» методу, несмотря на неизбежный в этом случае субъективизм», Б. А. Рыбаков исходит из «труднооспоримой», по его мнению, позиции: для племен, у которых главной основой жизни являлось земледелие, важнейшим разделом их религиозных представлений могут быть и должны быть идеи и образы, связанные с плодородием⁶. Отсюда соляные и лунарные «календарные» знаки в древних орнаментах, модель мира с образами небесной влаги, «ужи-домовики» и прочие «земледельческие» символы. Все это укладывалось в господствующую концепцию автохтонного развития славян начиная с энеолита и стало считаться истоками славянской языческой культуры.

При всей масштабности реконструкции системы древнего мировоззрения построена она была на предметах, произвольно выхваченных из археологического контекста и относящихся к различным периодам развития раннеземледельческой культуры юга Восточной Европы (кроме Триполья, автор широко привлекал и материалы синхронных культур Центральной Европы и Балкан). Смысловое «значение трипольского керамического материала» также без четких оснований определяется из

¹ Доцент кафедры искусствоведения СПбГУП, кандидат исторических наук.

² Болсуновский К. В. Символ змея в трипольской культуре. Мифологический этюд: реферат, приготовленный к чтению во время XIII Археологического съезда в Екатеринославе в августе 1905 г. Киев, 1905.

³ Болсуновский К. В. Символика эпохи неолита, с табличей рисунков. Киев, 1908.

⁴ Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1981.

⁵ Gimbutas M. The Gods and Goddesses of Old Europe 7000 to 3500 BC. Myth, Legends and Cult Images. L., 1974.

⁶ Рыбаков Б. А. Указ. соч. С. 174–175.

«общего индоевропейского корнеслова» и «архаичных слоев индоевропейского фольклора» — без доказательства того, были ли носители культуры Триполья–Кукутени индоевропейцами или нет¹.

Те же субъективно-произвольные основания мы находим и у М. Гимбутас: в рамках концепции «цивилизации Великой Богини» орнаменты трипольской керамики предстают перед нами как схематические изображения «Птицеликой богини» или как образ «мирового яйца», плывущего по водам первозданного хаоса².

Широкое использование при такой интерпретации формальных аналогий, выхваченных из соответствующего культурного контекста этнографии, представление о неизменности реконструируемых концепций в течение тысячелетий, не критичность и безапелляционность суждений — все это позволяет отнести данные построения к области современного мифотворчества, имеющего мало отношения к методам позитивной науки.

К сожалению, подобный подход часто используется и современными исследователями: в абстрактных геометрических орнаментальных фигурах продолжают видеть все те же «полисемантические пиктограммы». На этом же базируется и «структурно-семиотический подход» к орнаментам, основанный на «прочтении» композиций орнамента как текстов, состоящих из набора отдельных знаков. Несмотря на использование количественных методов при анализе элементов орнамента, результаты его применения — интерпретации орнаментов как изображений «знаков луны в различных фазах», иллюстрирующих космогонические мифы, содержание которых также обусловлено преимущественно субъективными предположениями исследователей, что, по сути, возвращают нас к упомянутым выше построениям, которые столь же бездоказательны³.

Невозможность доказать подобные утверждения приводит к заключению, что, «когда речь идет об интерпретации памятников первобытных бесписьменных обществ, мы даже при обеспеченности большим количеством достаточно информативных данных не можем рассчитывать на всестороннюю реконструкцию мифологии...»⁴ В то же время очевидно, что орнамент часто не несет той

информации, которую в нем хотят «прочсть», будучи предназначенным «для визуальной интерпретации характера данного объекта, ситуации, события», являясь «частью предметного мира», а не его образом⁵.

Ритмичность и повторяемость его элементов и мотивов во многом ограничивает их содержательность, а образуемая ими композиция обусловлена принятыми принципами симметрии и рамками стиля. Таким образом, даже изобразительные элементы орнамента зачастую нельзя интерпретировать как набор знаков. В качестве знака в системе внутри- и межкультурной коммуникации предстает орнамент в целом, а не его элементы.

Не противоречат такому подходу и некоторые этнографические наблюдения над процессом орнаментации керамики: образ сосуда приобретает конкретные формы по мере его реализации и «не бывает полностью сформирован до тех пор, пока орнаментация не завершена полностью»⁶, в большинстве случаев преобладает принцип нанесения орнаментов, в основе которого лежит последовательное разделение поля, а не «монтаж» дополнительных элементов вокруг доминанты. Кроме того, значительная часть элементов и мотивов орнамента имеет характер «технического орнамента», воспроизводящего конструктивные детали сосудов или фактуру некерамических изделий, который изначально не несет знаковой нагрузки.

При исследовании древних орнаментов необходимо также учитывать, что их значение менялось со временем в среде самих исполнителей, отражая видоизменения духовной культуры под влиянием экологических и экономических факторов, изменений этнокультурного окружения, в процессе расселения носителей культуры и обособления их отдельных групп. Скорость этих изменений может быть различна: в одних случаях композиции орнаментов могли не меняться столетиями⁷, в других — подвержены динамичным изменениям в течение нескольких поколений⁸.

Высказанные выше замечания ни в коем случае не умаляют значения орнамента как источника сведений о древней духовной культуре, однако его реальное «прочтение» требует реальной оценки его интерпретационных возможностей и использования адекватных методов его изучения.

¹ Рыбаков Б. А. Семантика трипольского орнамента // Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1963 г. М., 1964. С. 23–24.

² Gimbutas M. Op. cit. P. 101–107, 166–168.

³ Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. С. 174; Бурдо Н. Б. Сакральный світ трипільської. Киев, 2005.

⁴ Антонова Е. В., Раевский Д. С. О знаковой сущности вещественных памятников и о способах ее интерпретации // Проблемы интерпретации памятников культуры Востока. М., 1991. С. 207–232.

⁵ Арнхейм Р. Искусство и визуальное восприятие. М., 2007. С. 238.

⁶ Hardin M. A. The structure of Tarascan pottery painting // The Structure and Cognition of Art /ed. by D. K. Washburn. Cambridge, 1979. P. 8–24.

⁷ Николов В., Карастоянова Д. Рисуваната орнаментация като система за комуникация между поколенията (по материали от рано- и среднонеолитния пласт на тел Казанлък) // Археология. 2003. № 44. С. 2, 5–14.

⁸ Палагута И. В. Проблемы изучения спиральных орнаментов трипольской керамики // Stratum Plus. 1999. № 2. P. 148–159.

Т. Б. Сиднева¹

ИСКУССТВО КАК ХУДОЖЕСТВЕННАЯ МЕТАФОРА СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Мое выступление посвящено одному из самых, на мой взгляд, богатых на мифы периодов в истории культуры России — Серебряному веку. Актуальность прошлого и своеобразие «прочтения» какого-либо фрагмента истории определяются двумя обстоятельствами: естественной обусловленностью историко-культурных интересов современными творческими исканиями и известной нашей склонностью «примерять к прошлому критерии сегодняшнего дня»².

На протяжении двух последних десятилетий мы являемся свидетелями устойчивого интереса к эпохе Серебряного века. Причем непреходящее внимание сочетается с изменениями восприятия этого периода истории, что отражает зависимость оценок от стремительности перемен, происходящих в наше время.

Заново открытый и со всей тщательностью изученный современными исследователями Серебряный век обнаруживает перед нами все новые и новые неизвестные «территории», непознанные смыслы. Осознана условность его временных и пространственных границ. Как начало Серебряного века имеет различные хронологические определения, так и его конец относят к революциям 1917 г., связывают с 1921–1922 гг. — гибелью Гумилева, смертью Блока и Хлебникова, с 1930-м — самоубийством Маяковского, с 1934-м — смертью Андрея Белого, с репрессиями 1937 г. — гибелью Клюева, Мандельштама, Флоренского и других представителей «рубежной» интеллигенции. Его продолжение отмечают в «Поэме без героя» Ахматовой, в охватившем почти целое столетие творчестве первой волны русских эмигрантов — художников, литераторов, композиторов, философов.

Несмотря на пеструю многоголосицу оценок и разночтения в периодизации, Серебряный век, бесспорно, вошел в историю как одно из наиболее полных выражений «взрывных форм» культуры (по терминологии Ю. Лотмана) — хаотических участников с разнообразием непредсказуемых исходов, «точек бифуркации», «перекрестков», «минут роковых»³. Смещение старого и нового, своего и чужого, разрушение границ высокого и низового начал — все это отражало желание преодолеть косность «наличного» бытия, стремление жить «удесятеренной жизнью» (А. Блок). Смена мировоззренческих координат затрагивала всю вертикаль культуры: от философии и психологии до бытовой и физиологической сфер. Особую чувствительность к «рубежным» процессам проявляет искусство, которое становится универсальной метафорой эпохи — эпохи, проходящей под знаком беспрецедентно многоликого художественного опыта.

Способность создавать некое «иносказательное», «инобытийное» пространство общекультурных смыслов исконно присуща искусству. Но именно в рубежные, «взрывные» периоды, свойственные метафоре как типу мышления, качества в искусстве получают предельное выражение.

Множественность художественных интенций Серебряного века удивительным образом позволила сочетать безотчетную привязанность к уходящей в прошлое романтической эпохе и жажду ее ниспровержения и освоения новых горизонтов. Характерным в этом отношении стал символизм «как автопортрет сложной духовной жизни» (по определению Г. Стернина). Всеобщая увлеченность символистскими идеями соседствовала с жестокой критикой символизма, искренняя вера в теургические возможности искусства — с беспощадной самоиронией творцов великого опыта (и даже их отречением от собственного детища), а изначальный эгоизм и элитарность «посвященных» обернулись «омассовлением» символизма и профанацией, осуществленной многочисленной армией эпигонов («скрябинизмы», например, стали своего рода «вирусом» композиторского творчества). Напомним, что апологеты и ниспровергатели представляли нередко одно поколение.

Внутренняя антиномичность, прозрения и подмены, взлеты и падения, смешение мифа и логоса, тождество трагедии и фарса, ставшие характерными для искусства Серебряного века, отражают свойственное метафоре *as if but not*⁴.

В рубежные периоды «уверенная в себе жизнь хочет освободиться от гнета всякой формы»⁵. В сфере художественного творчества происходит преодоление традиционно установленных границ. Искусство устремляется к освоению сакральных сфер и становится свидетельством мистического опыта художника. Осознается совпадение методов искусства и религиозного творчества как знак «их таинственной близости» (С. Булгаков). В то же время очевиден и противоположный процесс «профанации» искусства, его пристрастного интереса к телесности, его растворение в предметно-вещной повседневности (в частности характерна «эстетизация быта» как идейная установка модерна). И здесь мы находим константное свойство метафоры: ее вездесущность и «всеприсутствие» — способность «воспроизвести образ, не данный в опыте»⁶ (что отражает ее сходство с мистической практикой) и умение всегда быть конкретной, сращенной с вещной средой.

При всей разнонаправленности художественных поисков, творцы «рубежного» опыта Серебряного века были едины в увлеченности музыкой («буквально бредили музыкой»). Понимание музыки как «пророчества о грядущей воплощенной

¹ Проректор по научной работе Нижегородской государственной консерватории им. М. И. Глинки, кандидат философских наук, профессор.

² Стернин Г. Символизм в русском изобразительном искусстве: способы его идентификации и толкования // Искусство XX века: уходящая эпоха? Нижний Новгород, 1997. С. 31.

³ Лотман Ю. Культура и взрыв. М., 1992. С. 17.

⁴ В. Налимов: «Лучшее из известных мне определений того, что есть метафора, звучит лаконично: ...*as if but not*» (Налимов В. Спонтанность сознания. М., 1989. С. 19).

⁵ Зиммель Г. Конфликт современной культуры // Культурология. XX век. М., 1995. С. 392.

⁶ См.: Теория метафоры. М., 1990. С. 8.

красоте» (Н. Бердяев) было характерно отнюдь не только для символистов и их окружения, провозгласивших идею «омузыкаливания» культуры и увлеченных панмузыкальными теоретическими изысканиями. Музыкальная чувствительность была не чужда и их оппонентам (представителям футуризма, акмеизма, неоклассицизма и др.). Правда, слышали они в музыке совсем иное, их сознание было настроено на новые звуки и шумы. Свойственная метафоре синестезия как установление внутренней связи между изображением и звуком, даже устремленность от пластики к музыке оказалась созвучной синтетическим художественным опытам Серебряного века (А. Скрябин, М. Чюрленис, А. Белый, В. Кандинский и др.).

Серебряный век с его информативной насыщенностью, многообразием художественных исканий дал исчерпывающее доказательство природной метафоричности искусства, открыв широкое пространство художественных интуиций и показав возможность сосуществования взаимоисключающих тенденций в универсальном акте метафорического творчества.

Как известно, изучение прошлого — процесс, не имеющий завершения. В сложном пути самоидентификации, который проходит современная отечественная культура, постижение художественного опыта столь яркого периода истории столетней давности и обнаружение явных и скрытых совпадений и параллелей имеют одно из ключевых значений.

Р. А. Урицкая¹

ПАТРИОТИЧЕСКИЕ НАСТРОЕНИЯ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ ВО ФРАНЦИИ И ЕЕ СУДЬБЫ (1933–1948)

Мы сегодня много говорим о мифах как таковых и о мифотворчестве в истории. Наверное, одна из тем в истории, которая в наибольшей степени окружена огромным количеством мифов, — это история русской эмиграции. Относительно актуальности прошлого в истории русской эмиграции нет никаких сомнений. Я была поражена, когда председатель Международного союза соотечественников за рубежом граф Петр Петрович Шереметьев сказал, что сегодня за рубежом находится, по разным подсчетам, от 10 до 40 млн наших соотечественников. Это впечатляет. Речь, конечно, идет не только о россиянах, но и о выходцах из республик бывшего Советского Союза. И как бы мы к этому ни относились, сегодня мы можем наблюдать феномен четвертой волны эмиграции.

Каждая волна — это своего рода внутренний конфликт одной части общества с другой или с государством, правительством или политическим режимом. Но самый глобальный, масштабный конфликт был, конечно, тот, который разделил белую эмиграцию с советской Россией.

На мой взгляд, это был не только политический и классовый, но и цивилизационный конфликт, поскольку белая эмиграция покинула Россию и на чужбине, в изгнании, взяла на себя миссию носительницы не просто традиционной русской культуры, но некой русской национальной идеи, то есть носительницей всего многовекового исторического наследия России. Как это ни парадоксально звучит, именно белая эмиграция — люди без родины, с «нансеновскими паспортами», оторванные листки — взяла на себя миссию хранительницы российской государственности.

Дело в том, что вся документация, которая завелась на владельца и носителя «нансеновского паспорта» во Франции, имела пометку «апатрид» или «рефьюж», то есть беженец. Таким образом, вопрос гражданства был обойден. Получалось, что

эмигранты, люди с «нансеновскими паспортами», гражданства не имели. Пересекая границу Советского Союза, вернуться назад с таким «нансеновским паспортом», за редким исключением, люди уже не могли. Поскольку если человек — «апатрид», беженец, он не может вернуться в страну изгнания, а если он туда все же вернулся, то автоматически терял свой статус.

После того как на череде всевозможных форумов внутри эмиграции были приняты решения, что именно эмиграция является носительницей русской идеи и хранительницей российской государственности, эта идея всколыхнула в 1930-е гг. волну патриотизма внутри эмиграции. Даже бывшие убежденные европоцентристы начали выступать с призывами к своим собратьям жить для России и посвятить России самые сокровенные, священные идеалы и т. д. Эта базовая идея — жить для России — прослеживается в публичных выступлениях, публикациях в эмигрантской прессе, высказываниях на разнообразных многочисленных диспутах и, конечно, в творчестве русских эмигрантов.

Так, в начале 1930-х гг., будучи не в состоянии принять Коммунистический интернационал — выхолощенную, внациональную и внецивилизационную модель мира, белая эмиграция противопоставила ему «русскую идею», под которой подразумевалась сложившаяся за века русская национальная цивилизация, и взяла на себя роль носительницы этой «идеи», а вместе с тем и хранительницы русской национальной государственности. Подобное понимание исторической миссии эмиграции породило среди русских эмигрантов всплеск патриотических настроений. Весь политический спектр эмиграции — от крайне левых до крайне правых — призывал служить России.

В 1933 г., когда нацистская партия, пришедшая к власти в Германии, объявила «крестовый поход» против коммунизма, патриотические элементы эмиграции, обеспокоенные судьбой своей покинутой Родины, мобилизовались перед угрозой возможного вооруженного нападения на СССР. Одни, расценивая военное вторжение как единственный

¹ Сотрудник Международного мультидисциплинарного центра при Совете Европы «ЕВРОЭТНО», доктор исторических наук (Санкт-Петербург).

шанс свергнуть коммунистический режим, под лозунгом «Хоть с чертом, но против Сталина» мечтали о разгроме Красной армии. Другие, которые не могли примириться с иноземным захватом России («Свобода отечества прежде всего»), страстно желали победы Советского Союза в надвигающейся войне. Таким образом, патриотически настроенная эмиграция разделилась на два враждебных друг другу лагеря: «пораженцев» и «оборонцев».

В стане первых оказались многие офицеры Российской общевойсковой армии (РОВС), в том числе генералы Головин, фон Лампе, Архангельский, Свечин, Бискупский, Витковский, Туркул, а также большинство казачества под руководством генералов Краснова и Шкуро. За поражение России в войне ратовали и великий князь Владимир Кириллович, и мыслитель П. Струве, предполагавший, что «поражение СССР в войне и передача Сибири и советской части Дальнего Востока противнику были бы скорее позитивны для будущего России».

В авангарде «оборонцев» стояли такие видные деятели эмиграции, как Бердяев, Бунин, Маклаков, возглавлявший Представительство русских беженцев во Франции, митрополит Евлогий, генерал Деникин, Керенский, князь Ширинский-Шихматов, представители «евразийского» движения и многие другие. П. Милюков в 1933 г. призывал: «В случае войны эмиграция должна быть на стороне Родины». Великий князь Дмитрий Павлович также регулярно высказывался в прессе за то, чтобы эмиграция поддержала Родину в случае войны. Он говорил: «Нужно укрепить и объединить армию, чтобы не быть “спасенными” нашими соседями. Немцы предлагают нам помощь? Они, вероятно, хотят “спасти” нас от нашей Украины и нашего Кавказа». В 1935 г. в Париже был создан Союз русских «оборонцев», действовавший под лозунгами «Нужно быть с Россией», «Нужно изучать советскую жизнь», «Нужно верить в новую Россию».

В период германской оккупации Франции (1940–1944), согласно занятой позиции, «пораженческой» или «оборонческой», некоторые «белоэмигранты» в той или иной форме сотрудничали с нацистами, но многие вели борьбу с оккупантами страны, давшей приют. Русские беженцы вступали в ряды французского Сопротивления и создавали собственные подпольные организации. Само название «Резистанс» («Сопротивление») французское антифашистское движение получило с легкой руки эмигрантов из России — Бориса Вильде и Анатолия Левицкого, организовавших одну из первых (а может быть, и первую) в Париже подпольных групп. За участие в Сопротивлении французским правительством были награждены князь Вырубов, князь

Амилахвари (посмертно), княгиня Волконская, княгиня Оболенская (посмертно), князь Гагарин, князь и княгиня Макинские, князь Урусов, Ариадна Скрябина (посмертно), Борис Вильде (посмертно), Анатолий Левицкий (посмертно) и многие другие.

По свидетельству многих эмигрантов, 22 июня 1941 г. стало днем мобилизации для всех русских патриотов в изгнании, днем их самоидентификации с советским народом, ведущим освободительную войну. В этот день под лозунгом «Ни белые, ни красные, но русские», князя Голицина, Оболенский, Волконский, Дашков, графы Воронцов, Шувалов и генерал Махров, которому было 65 лет, обратились к послу СССР во Франции Богомолу с просьбой направить их в ряды Красной армии. Конечно, эта просьба не была удовлетворена. Дипломатические отношения с СССР были расторгнуты, и посольство покинуло страну. Однако сам факт такого обращения послужил неким импульсом для более активного включения русских эмигрантов в борьбу с нацизмом — врагом их Родины — на территории Франции. Самой многочисленной боевой организацией, созданной белоэмигрантами, стал Союз русских патриотов. Его члены способствовали побегам советских военнопленных из немецких лагерей, находившихся во Франции, переправляли их в отряды Сопротивления. Вместе они принимали участие в освобождении Парижа, вместе водрузили красный флаг на освобожденном ими здании советского посольства на улице Гренель.

Победы Красной армии и то место, которое СССР занял на международной политической арене в 1945–1948 гг., стимулировали зарождение «нового» патриотизма, так называемой советизации, в среде русской эмиграции. По словам Ивана Бунина, белая эмиграция стала «краснее рака». Кроме радикально настроенных сил, таких как Союз русских патриотов, который к концу войны стал Союзом советских патриотов, были и умеренные, например Объединение русской эмиграции за сближение с Советской Россией, членами которого являлись Василий Маклаков, князь Вырубов и Трубецкий, адмиралы Вердеревский и Кедров и многие другие.

Советская власть обеспечила в глазах русских патриотов две фундаментальные составляющие государственности: национальную независимость России (СССР) и ее территориальную целостность, а также авторитет страны, а значит, и нации на международной арене. Это вызвало определенные симпатии эмигрантов к советской власти. С этого момента патриотические силы эмиграции отказались от борьбы с советской властью и взяли курс на ожидание ее постепенной эволюции.

* * *

В. Е. ЧУРОВ: — Отчасти я тоже занимаюсь исследованием данного вопроса. Мой двоюродный дед был членом и Союза российских патриотов и Союза советских патриотов. Я в своей книге написал примерно то же, что и вы сейчас рассказывали, может быть, чуть более эмоционально. Нужно учесть, что русская эмиграция во Франции наблюдала массовый коллаборационизм. Она видела, как пресмыкались французы перед немецкими оккупантами, выдавали своих еврейских друзей, обшивали немецких

офицеров, вступали в сексуальные отношения и т. д. Что они увидели потом? Как пришли американцы и за пару шелковых чулок получали все, что желали. Одновременно с этим появляются русские офицеры в мундирах известного цвета: императорский зеленый, с теми же погонами, с похожими орденами... Это очень живо описано во многих мемуарах, но печально другое. В конце 1980-х — начале 1990-х гг. мы вдруг «вспомнили» о белой части эмиграции и забыли о тех, кто был лоялен к Советскому Союзу.

Сейчас, когда волна схлынула, иногда приезжают самозванцы-авантюристы, использующие знаменитые, поистине уважаемые российские фамилии, такие как Шереметьев и др.

Например, недавно скончалась очень известная деятельница русской эмиграции, очень популярная одно время в современной России Татьяна Меттерних-Васильчикова¹. Какие же у семьи Васильчиковых связи с абвером? Кто-то из них то ли участвовал в заговоре в 1944 г. против Гитлера, то ли не участвовал... Однако в мемуарах четко написано, что, когда Ипполит Васильчиков перевозил отца через границу из Литвы в 1940 г., после вступления советских войск в Литву, «на границе меня встречали мои дочери с офицерами абвера». Эти мемуары изданы в России. На самом деле подавляющее большинство русской эмиграции первой волны после 1945 г. было лояльно к Советскому Союзу. К сожа-

лению, в последующие годы россияне их во многом оттолкнули, однако несмотря на это значительная часть эмиграции достаточно тесно сотрудничала с Советским Союзом как со своей родиной. Лучше иметь родину, чем ее не иметь.

Кстати, Эльдар Рязанов в четвертом издании своих мемуаров «Неподведенные итоги» дает примерно такую же оценку, описывая свой конфликт с Войновичем при постановке «Чонкина». Он пишет: как странно, что мы сначала этих эмигрантов приняли, а потом вдруг обнаружили в их глазах какое-то презрение к нам. Мы-то были здесь, со своей страной, всегда, за что нас презирать, чему нас учить?

Сейчас история повторяется. Эмигранты четвертой волны массово возвращаются в сытую, богатую Россию. Главное — не повторять прежних ошибок. Русская эмиграция — это наша эмиграция, это наши люди.

ДОКЛАДЫ

А. В. Беловинский²

ИСТОРИЧЕСКИЕ МИФОЛОГЕМЫ — ПРЕПЯТСТВИЕ НА ПУТИ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

Человек несвободен от времени. Эта несвобода вызывает такое явление, как мифологемы, — порожденные инстинктивным стремлением к комфортному переживанию настоящего, культурные формы самозащиты людей преимущественно в кризисные эпохи. В отличие от мифа, в котором реализовывалась картина мира архаического человека, мифологемы имеют форму искусственно возникающей и органически вписывающейся в массовое сознание системы иллюзорных, имеющих внешнее сходство с реальностью идеальных представлений о настоящем или исторических эпохах, событиях, персонажах и собственном месте в истории. Это своеобразная форма веры как способа компенсации дефицита информации. Одновременно это попытка «экономии» в интеллектуальном напряжении, стремление уйти от подлинной сложности бытия, свести его к черно-белым бинарным оппозициям и «инфантилизировать» систему представлений о прошлом и настоящем своей среды. В этом смысле мифологемы — типичное явление массовой культуры, ничем не отличающееся от национальной или социальной демагогии, которая, собственно, вся построена на деформированном представлении о настоящем и прошлом. Мифологемы служат «костылями» для неуверенного в себе, не имеющего внутренней опоры индивидуума или социума и направлены на поиск идеалов, утраченных в данный момент. Они могут быть присущи всему социуму или его части. Это феномен, ярко характеризующий культуру данной эпохи и культурное состояние общества или его части, исповедующей данные мифологемы.

Бытование мифологем в массовом сознании характерно для всех народов. Об их роли в жизни со-

временной Западной Европы, преимущественно Франции, обстоятельно рассуждает Р. Барт. Правда, он оперирует термином «миф», что представляется не совсем верным: мифы суть стабильная система объяснения мироздания, а мифологемы переходящи, порождаются актуальными проблемами времени и служат для объяснения частных аспектов повседневной жизни общества. Интерес представляет его рассуждение о способности мифологем к конституированию новой, так сказать, «наведенной» повседневной реальности, как бывают наведенный магнетизм или радиоактивность. Если повседневность — практическое воплощение нормы, то эта норма может оказаться вторичной, искусственно созданной. Прежде всего речь идет о вторичном «возвращении» традиции, но не аутентичной, а мифологизированной либо стилизованной. Так, в сознании европейцев или американцев XX в. под влиянием поздних писателей-романтиков (Г. Мелвилла, Дж. Лондона и др.) сформировался устойчивый образ «счастливой» Полинезии — страны веселых и доступных вахине (женщин), хулы, гирилад душистых цветов, обилия фруктов и блаженного ничегонеделания. Слоновая болезнь, малярия, нехватка белка при преимущественно растительной пище, нищета, угроза голода ускользали от внимания авторов или читателей. Только те писатели, художники или этнографы, которые прибывали на острова не на несколько часов, а чтобы вплотную в жизнь свое представление о рае, совершенно неожиданно для себя и крайне болезненно сталкивались с совершенно противоположной действительностью (см., например, книги Б. Даниэльссона или Т. Хейердала). К середине XX в. образ жизни полинезийцев, особенно в столь освоенных цивилизацией местах, как Гавайские острова или Таити, полностью изменился: лошадей заменили подержанные автомобили, фрукты и свежую рыбу — консервы, а вместо крытых пальмовыми листьями хижины появились нагроможденные из жести и слухайных досок хибары. Но спрос туристов и моряков

¹ Меттерних-Васильчикова Татьяна Илларионовна, видная деятельница российской эмиграции и благотворительница, автор мемуаров «Женщина с пятью паспортами. Повесть об удивительной судьбе» (СПб., 1994.). — *Прим. науч. ред.*

² Профессор кафедры музеологии Российского государственного гуманитарного университета (Москва), доктор исторических наук.

на игру на укулеле, танец хула, гирлянды и венки привели к тому, что все эти мифические атрибуты «южного рая» вновь и вновь попадали в объективы фото- и кинокамер и воспроизводились на страницах глянцевого журналов, туристских проспектов и на экранах. Примечательно, что подлинные мелодии хулы заменились опусами композиторов третьего ряда, перенятыми туземцами с помощью радиоприемников.

Точно так же на потребу туристу и зрителю иногда воссоздаются мифологизированные образы русских крестьян, а точнее «пейзан». Во время перестройки, когда СССР стал доступен для иностранцев, американское издательство Time-Life Books затеяло создание книги о современной русской деревне. Предполагалась так называемая «книга для кофе» — красочный альбом со множеством ярких фотографий и минимальным простейшего текста в меру восприятия американским обывателем его представлений о России. Вполне естественно, что издатели, собиравшиеся послать в российскую глубинку своих фотографов в сопровождении русских специалистов, разделяли эти представления, искренне полагая, что где-то в отдаленных деревнях по улицам еще ходят мудрые степенные седобородые старцы в косоворотках, подпоясанных кушаками, в украшенных резьбой избах сидят за прялками добродушные старушки в сарафанах, а девицы в кокошниках, с длинными косами водят хороводы в поросших муравой переулках. Разумеется, из предполагаемой работы ничего не вышло: представителей издательства, к их крайнему недоумению и обиде, подняли на смех, а реальная деревня им была неинтересна.

Однако злосчастные американцы не столь уж и виноваты. Девицы с фальшивыми косами, в фальшивых кокошниках и фантастических сарафанах с выточками, каких никогда в русской деревне не носили, подносящие хлеб-соль дорогим гостям, разухабистые «хореографические картинки», исполняющиеся ряжеными из «народных хоров», якобы древнерусские мягкие цветные сапоги с аппликациями, косоворотки с персидскими «огурцами» во весь живот — не наши ли чиновники от искусства вкупе с получившими академическое образование хореографами создавали это аляповато-лубочное представление о России?

Бытуют социальные, политические, этнические, исторические мифологемы. Представление о прошлом может быть как адекватным подлинному историческому бытию, так и представляемым, искаженным под влиянием тех или иных факторов. Даже личное прошлое индивидуума со временем обычно кажется не совсем таким, каково оно было на самом деле: представления о нем деформируются под влиянием нового опыта. Тем более подвергается многочисленным деформациям прошлое социокультурной группы или этноса, то есть то, что называется историей. Это может быть переживание как подлинных исторических реалий, так и того, что принимается за реалии. Исторические мифологемы — попытка компенсации утрат, ностальгия по отсутствующим свойствам общества. Например, деморализация, разрушение понятий о личном достоинстве, чести и честном слове порождают мифологемы о существовании этих свойств у людей

в прошлом. Идеал, порожденный неудовлетворенностью современной ситуацией и принимающий форму исторических мифологем, всегда противоположен действительности. Современное постсоветское общество, лишенное в своей массе глубоких нравственных традиций, вытравленных десятилетиями предыдущих социально-политических реалий, и не выработавшее новых моральных устоев после бесславной кончины прежнего режима, начинает активно обращаться к мифологизированным представлениям о прошлом, которое оно знает весьма плохо.

Мифологемы рождаются тогда, когда причиной интереса к прошлому становится не знание ради овладения истиной, а поиски оправдания и исторических обоснований современных актуальных идеологических проблем. Повседневность несет на себе окраску переживания человеком своего прошлого, личного или коллективного, и исторические мифологемы как одна из форм переживания истории, обращенные в прошлое и проецирующиеся на настоящее, органически вписываются в повседневную жизнь нации.

Пришел час не исторического знания, а исторической памяти, память же постоянно подвергается абстракциям. Историческая память — это система представлений о прошлом, основывающаяся на поверхностном знании. Историческое знание претендует на объективность, историческая память подчиняется представлениям о прошлом как антитезе настоящего. В результате в обществе утвердились многочисленные мифологизированные представления о чести, достоинстве и высочайшей культуре русского дворянства и офицерства, твердом честном слове и обязательности купечества, стабильности, благополучии и динамическом развитии до революционной экономики и вычитанные из книг славянофилов и почвенников представления о русском народе-богоносце, якобы совращенном злокозненными революционерами.

Происхождение некоторых исторических мифологем легко угадывается. Например, в «Воспоминаниях» С. Ю. Витте находим такие слова: «Когда я был министром финансов, то мне приходилось совершать государственные и финансовые дела на сотни миллионов рублей прямо на слово, и в течение всего моего пребывания министром я совершал такие дела — на миллиарды и миллиарды, и в моей практике никогда не было случая, чтобы банкиры отступали от своего слова»¹. Далее проводится простенькая операция: «министра финансов» убираем (это ведь частность), «банкиров» заменяем купцами (а какая разница?) и в итоге получаем искомое: русских купцов, заключавших миллионные сделки под честное слово. Вот только возникает вопрос: откуда появилось понятие «бронзовый вексель» (или «дутый вексель») и как в законодательство попало понятие «злостное банкротство», которое сначала наказывалось заключением в долговую тюрьму, а с конца XIX в. — и ссылкой на поселение в Сибирь?

Так же обстоит дело и с офицерской честью, которую С. Л. Толстой в книге, посвященной своему предку, знаменитому Ф. Толстому (Американцу), удачно назвал «условной». Современники во мно-

¹ Витте С. Ю. Воспоминания: в 3 т. М.; Таллин, 1994. Т. 1. С. 289.

жестве упоминают так называемые «безгрешные доходы» полковых командиров и корабельных ревизоров, пересказывают анекдоты о полковых лошадах, которых кормят «и морковью, и всем», а они все хуеют и хуеют, и повествуют об укоренившейся практике использования солдат как бесплатной рабочей силы. Любопытствующих можно отослать к многочисленным мемуарам, например к «Пути русского офицера» А. И. Деникина.

Равным образом дело обстоит и с общей культурой и образованием массы поместного дворянства: как удачно выразился один из мемуаристов А. Д. Галахов, «нельзя говорить о том, чего, собственно, не имелось». Вообще, бытование мифологемы о дворянстве как носителе высочайшей культуры самым наглядным образом доказывает наличие у нашей образованной публики мышления «по способу несообщающихся сосудов»: с одной стороны, читают Гоголя, Лермонтова, Пушкина, Салтыкова-Щедрина и десятки других авторов, в том числе очеркистов и мемуаристов, где ярко демонстрируется характер этой культуры. С другой — как только заходит речь об истории русской культуры, так сразу же с пеной у рта начинают доказывать, что дворянство (всё) и иностранцами воспитывалось, и языками свободно владело, и библиотеки имело, и на балах танцевало, и вообще было светочем. О том, что все это было присуще тончайшему слою дворянства, его элите, а основная масса коснела в невежестве, никто не думает.

Дело доходит до того, что одна дама в книге, посвященной воспитанию русского дворянства, постоянно ссылаясь как на образчик этого воспитания на «Письма к сыну» лорда Честерфильда! Такого рода опусы должно отнести к разряду «дамского рукоделия»: почему-то о блестящей культуре русского дворянства в основном пишут дамы. Этим представлениям способствуют даже и неплохие книги. В одной из совсем недавно появившихся работ автор отмечает упадок и даже обнищание поместного дворянства. Но привести вполне доступные сведения о соотношении мелко-, средне- и крупнопоместного дворянства автор не удосужился, так что у массового читателя, убежденного в богатстве помещиков, вполне может сложиться впечатление о том, что этих невежественных мелкопоместных было всего ничего.

Культивирование этих мифологем авторами разного разбора отнюдь не способствует познанию подлинной истории отечественной культуры. Мифологемы могут получить чрезвычайно широкое распространение, становясь достоянием уже не отдельных групп, а в той или иной степени всего общества. Например, в 1970-х гг. в СССР появилась книга В. Чивилихина «Память», вышедшая одно-

временно тиражом в несколько сот тысяч экземпляров в «Роман-газете», опубликованная в журнале «Наш современник» и появившаяся отдельным изданием. Она стала бестселлером, ее читали в столице и в провинции, в метро и в электричках. Жанр книги был заявлен своеобразный — «роман-эссе», хотя на самом деле автор, филолог по образованию и журналист по профессии, претендовал на историческое исследование. В книге настойчиво проводилась мысль о многовековом стремлении Запада уничтожить Русь, Россию, русский народ как носителя особенно высоких духовных свойств, едва ли не источник Истины и Благодати. Для достижения этой цели автор не стеснялся передергивать исторические факты и заниматься подстановками, а уличенный в этом, соглашался, но заявлял: «Я это так вижу! Мне это так надо!»

Подобная тенденция занимала не последнее место и в многочисленных, выпускавшихся огромными тиражами и разными издательствами почти одновременно произведениях в высшей степени популярного исторического романиста В. Пикуля. Нарочито или ненамеренно, но лишь в силу особенности подачи новостей средствами массовой информации эта идея проводится и сейчас, например на телевидении громкогласно озвучивается политиками-популистами вроде В. Жириновского и его сподвижников по партии и даже представителями «Единой России». В результате сегодня в сознании всех слоев общества существует твердое убеждение во враждебности России и русскому народу всего мирового сообщества. Это убеждение естественным образом накладывается на пестовавшийся десятилетиями образ врага — «американский империализм, западногерманский реваншизм и израильский сионизм». Убеждение это не столь уж безобидно: оно вызывает пассивное сопротивление экономическим и политическим реформам общеевропейского типа и активную поддержку политиков, стремящихся заработать капитал на «патриотизме».

Источник этого мировидения вполне понятен. Обывателю нужна не историческая истина, а комфортное самоощущение себя как представителя «хорошего» народа, который всегда прав: трудно жить с ощущением своей заурядности, а иногда и исторической вины, особенно если одновременно трудно жить материально. А для этого нужен «плохой» народ, класс, конфессия, а то и целый мир. Значительная часть мифологем строится на оппозиции «хороших наших» и «плохих чужих». В результате они становятся основой ксенофобии, национальной, религиозной, классово-культурной нетерпимости, что, как показывает история всего человечества, нередко приводит к весьма серьезным последствиям.

В. С. Вахрушев¹

ЖАННА Д'АРК: ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ И МИФЫ

История есть понятие проблематическое, она, как и любое явление, переосмысливается в сознании

¹ Профессор Балашовского филиала Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, доктор филологических наук.

людей, а в работах историков и политиков получает иногда противоположные по идейной направленности интерпретации. Отсюда и ее мифологизация. Существует множество определений мифа и мифологии. Часть из них связана с мифологией

как древнейшей стадией мировоззрения людей¹. В классовом обществе мифотворчество преобразуется в рамках философии, науки, религии, искусства². Существует еще понятие о мифе как ложном учении, например фашизме. И наконец, миф часто понимается как совокупность таких социально-психологических явлений, как слухи, сплетни, бред, предрассудки и т. п.³

Динамика взаимодействия всех этих видов мифологизма очень сложна и зависит от многих факторов: эпохи и уровня цивилизации, национальных, расовых, религиозных парадигм мышления. При этом мифологизируются как целые этапы существования человечества (такова идеализация бесклассового прошлого как «золотого века»), так и отдельные выдающиеся личности, скажем, Александр Македонский, Юлий Цезарь, Владимир Мономах.

К числу таковых относится и Жанна д'Арк (1412–1431), к личности которой уже сотни лет приковано внимание людей из самых разных слоев общества: ученых и псевдоученых, церковников, политиков, военных, людей искусства, просто рядовых граждан. Уже при жизни вокруг нее стали формироваться сплетни, слухи, противоречивые толки, чему она сама давала основание своими необычными данными и поведением, которое нарушало привычные рамки тогдашней морали.

Мифы не могли не сложиться вокруг Жанны д'Арк, ведь даже за три года активного участия в Столетней войне ее репутация резко колебалась — от насмешек над ней как «чокнутой» девицей, которую родители должны выпороть, до удивления ее способностям, восхищения тем, что она стала увлекать на подвиги солдат, сумела короновать короля Карла VII. Тут же возникли злоба и зависть к ней со стороны того же короля и церковников, поспешивших предать ее и выдать врагам. На процессе в Руане французское духовенство признало ее «еретической», «ведьмой» и сожгло. Франция же, воодушевленная ее подвигами, сумела освободить страну от англичан. И опять наступает резкий поворот в оценке Жанны со стороны верхов: в 1451 г. под руководством Папы Римского состоится «реабилитация ведьмы», которая была все-таки признана спасительницей страны.

Между тем в народе уже складывались легенды о ней, стали появляться самозванки (типичное в истории явление), утверждающие, что якобы Жанне удалось избежать костра, пошли слухи, что она не крестьянская дочь, а дворянка. Стойкий интерес к этим мифам поддерживается и сейчас падкими на сенсации представителями паранауки⁴. Более того, к этим легендам в XX в. прибавляются паранаучные: якобы Жанна слышала голоса не ангелов и святых, как она утверждала, а представителей

внеземных цивилизаций⁵. В ряду этих новейших мифов эксплуатируется и модный гендерный: мол, мужская одежда, которую носила Жанна на войне, лишь скрывала ее мужскую или андрогинную сущность⁶.

Этим и другим мифологическим трактовкам образа действительно легендарной героини противостоят серьезные историки, которые не прекращают усилий по воссозданию реального облика Жанны д'Арк. Сейчас работают как минимум два крупных научных центра по изучению ее личности в контексте истории и культуры средневековой Франции: Академия истории Жанны д'Арк и Международное общество Жанны д'Арк. Это не считая объединенных усилий французских историков и культурологов, ученых России, Германии, Италии и других стран мира⁷. Благодаря усилиям исследователей удается восстановить многие мельчайшие детали жизни и личности героини, проследить чуть ли не каждый ее шаг, особенно три последние года ее жизни, благодаря чему лишь возрастает восхищение ее талантом.

Созданию мифов вокруг Жанны д'Арк по-своему содействовала и художественная литература⁸. Здесь мы возьмем лишь два классических примера из английской литературы, не касаясь французских произведений (Вольтер, А. Франс), немецких (Шиллер), американских (Марк Твен) и таких британских авторов, как Саути и Де Квинси, которые тоже обращались к образу французской национальной героини. Первым в Англии осветил фигуру Жанны д'Арк великий Шекспир. Правда, это было не лучшее его произведение. Речь идет о его исторической хронике «Генрих VI», ее первой части (1592). Опираясь на доступные ему материалы («Хроники Англии, Шотландии и Ирландии» Р. Холиншеда), драматург осветил Жанну д'Арк противоречиво: в первых частях пьесы она выглядит привлекательно, и только в финале ее поведение резко меняется к худшему, как будто она попадает под власть дьявола⁹. В начале хроники мы видим Жанну-«девственницу» (la Pucelle) как девушку, преисполненную патриотических чувств. Окружающие видят в ней настоящую амазонку и «божью прорицательницу», и только противостоящий ей доблестный английский рыцарь Толбот объясняет ее успехи тем, что она ведьма (“thou art a witch!”). Зато Карл VII предрекает: «Деве Жанне быть во Франции святой».

Тут Шекспир сам невольно стал «прорицателем», причем на сотни лет вперед, ведь Жанну канонизировали как святую только в 1920 г. Далее по ходу пьесы мы видим Жанну д'Арк как ловкого дипломата, привлекающего герцога Бургундского

⁵ Russell J. Muhammad, Joan of Arc, Hitler: Leaders influenced possibly by extrasensory Perception // Texas University Studies. 1970. Vol. 3. № 1. P. 87–98.

⁶ Herwaarden J. Op. cit. P. 17–29.

⁷ Heimann N. Joan of Arc: Her Image in France and America / N. Heimann, L. Coyle. L., 2006.

⁸ См.: Searle W. The saint and the Skeptic / Joan of Arc in the Works of Mark Twain, Anatole France and Bernard Shaw. Detroit, 1976.

⁹ Поэтому нельзя согласиться с известным шекспироведом А. Аникстом, отмечающим лишь «неприглядное изображение» Жанны у Шекспира (см.: Аникст А. А. Творчество Шекспира. М., 1965. С. 123–124).

¹ См.: Мифология. М., 1998. С. 653–657.

² Козлов А. С. Миф // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2001. С. 559–561.

³ Зислин И. М., Куперман В. Б., Егоров А. Ю. Структура и семантика бреда // Современная российская мифология. М., 2005. С. 257–283.

⁴ См.: Brown M. The Secret History of Jeanne d'Arc Princess. N. Y., 1962; Herwaarden J. Joan of Arc: Reality and Myth. Rotterdam, 1994.

на сторону Франции. В последнем, пятом, акте хроники поведение героини внезапно меняется в худшую сторону, как будто она действительно стала одержимой. Она обращается к злым духам за помощью, но во имя Франции («мне помогите, чтоб французы победили»), но силы зла оставляют ее. В плену у англичан Дева окончательно деградирует: грубо переругивается с врагами, цинично отказывается от своего отца-крестьянина, жалко хитрит, вдруг заявляя о своей беременности. Ни суда над Жанной, ни ее казни драматург не показывает, нарушая этим элементарное правдоподобие.

Можно подумать, что в душе Шекспира происходила внутренняя борьба, когда он создавал столь непоследовательный образ французской героини: сначала драматург был близок к объективности в освещении событий, но затем перевесили национальные предрассудки, восторжествовал миф о Жанне-«ведьме», к тому же покинутой своими дьявольскими покровителями.

В XIX в. отношение к Жанне в Англии заметно улучшилось, что ощутимо по трудам английских историков (таких как Т. Карлейль) и писателей, среди которых поэт Р. Саути, эссеист Т. Де Квинси. Окончательно же исправить историческую вину Шекспира перед Жанной д'Арк выпало на долю другого великого британского драматурга Бернарда Шоу. Сделать это ему было легче хотя бы потому, что католическая церковь с великим запозданием загладила свою вину перед героиней, канонизировав ее в мае 1920 г., как раз когда писатель начал работать над своей драмой «Святая Иоанна» (Saint Joan, 1923).

В большом предисловии к драме Шоу выдвигает свою концепцию образа героини и полемизирует с предшественниками — Шекспиром, Вольгером, Шиллером, Марком Твенем, А. Франсом¹. Он остроумно объясняет противоречивость образа Жанны д'Арк у Шекспира тем, что на него оказала давление группа театра «Глобус», заставившая автора исказить личность героини в угоду предрассудкам англичан. О пьесе Шиллера «Орлеанская дева» Шоу замечает: «Шиллеровская Иоанна не имеет абсо-

лютно ничего общего с Жанной реальной», поскольку немецкий поэт свою героиню романтизировал и идеализировал. Что касается романа Твена о Жанне д'Арк, то драматург насмешливо уверяет, будто писатель создал «безупречную американскую школьную учительницу, облаченную в доспехи». (На наш взгляд, это утверждение не совсем справедливо, но в нем верно уловлен элемент приукрашивания героини.) И, конечно, Шоу был настроен резко против католической «беатификации» Жанны, так что эпитет «святая» (saint) в заголовке его пьесы надо воспринимать с иронией, в которой скрыты и горечь и добрая улыбка. Горечь от того, что, как верно считает драматург, преклонение перед героем часто приходит к нему с большим опозданием. Недаром в финале пьесы Жанна обращается с печальной мольбой к Господу: «О Боже, ты создал эту прекрасную землю, но когда же станет она достойна принять твоих святых? Доколе, о Господи, доколе?»

Юмор в эпитете «святая» заключается в том, что Шоу вовсе не считает свою героиню святой. Для него она даже и не верующая католичка, а гениально одаренная «чудачка», далеко превосходящая мужчин своими талантами. В этой концепции драматурга есть свой «миф» о Жанне д'Арк, явная модернизация ее образа. Недаром она в пьесе заявляет о голосах святых, которые ей слышались: «...это только отзвуки моего собственного здравого смысла» (my own common sense). И если Твену был брошен упрек, что он изобразил «американскую учительницу» XIX в., то о самом Шоу можно сказать, что он в лице Жанны д'Арк показал во многом реальную героиню французского народа, но вместе с тем приписал ей некоторые собственные черты — склонность к юмору, здоровый скептицизм.

Случай с Шоу показывает, что в принципе никому не дано избежать «мифологизирования» в освещении прошлого и его героев, потому что мы неизбежно привносим в восприятие действительности свои субъективные установки. Но в то же время нам дана возможность объективно исследовать прошлое, опираясь на достижения науки и здравого смысла.

Б. С. Илизаров²

СТАЛИН О ГИТЛЕРЕ, ГИТЛЕР О СТАЛИНЕ

Сталин и Гитлер родились в окраинных городах соседствующих империй (России и Австро-Венгрии), вышли из социальных низов, детство и юность прожили в нищете. Оба воспитывались матерями и фактически без отцов. Они не заканчивали университетов, получили среднее образование и во всем, включая технологию власти, были хваткими дилетантами и самоучками. Но именно они, а не профессиональные политики и государственные деятели заставили мир содрогнуться.

В большевистской партии титул «вождь» (пролетариата или трудового народа) вошел в употребление сразу после октября 1917 г. в адрес членов большевистского Центрального комитета (ЦК), а исключительно к Сталину — «вождь народов» — только после разгрома оппозиции. Нацистский фюрер стал именоваться «вождем германской нации» с 1934 г.,

Сталин и Гитлер являются наиболее мифологизированными историческими деятелями XX в. Сталин пережил самоубийство Гитлера на 8 лет, но поскольку советский вождь был старше почти на 11 лет, то в целом он прожил на 18 лет больше Гитлера. Когда Гитлер в 1933 г. легально, то есть путем выборов, пришел в Германии к власти, Сталин уже более 16 лет занимал руководящие посты в СССР, а в конце 1920-х гг. достиг беспрецедентной личной диктатуры.

¹ Цитаты из пьесы Шоу даются в переводе О. Холмской по изд.: *Шоу Б.* Полное собрание пьес: в 6 т. Л., 1980. Т. 5. С. 309–468.

² Ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва), руководитель общественной организации «Центр документации “Народный архив”» (ЦДНА), доктор исторических наук, профессор.

то есть с того момента, как он после смерти Гинденбурга совместил должности рейхсканцлера и президента.

Однако во всем остальном и Сталин, и Гитлер и внешне, и по психическому складу были полными антиподами. Болезненный советский вождем (хромой инвалид!), внешне медлительный, но внутренне перенапряженный, настороженно взвешивающий свои и чужие поступки — и бурно жестикулирующий, изворотливый позер и фразер немецкий фюрер, быстро принимающий далеко неординарные решения. К началу войны Сталин по годам уже почти старик — ему 63 года, Гитлеру же идет только 52-й, а это для политика время расцвета сил.

Между ними значительная разница не только в возрасте и в этногеографии, но и, что важнее, в социальной и духовной культуре. Однако есть много недвусмысленных свидетельств, говорящих о том, что, будучи душевно антиподами, они друг другу явно симпатизировали. Обоюдно опасались, но с интересом приглядывались один к другому и тогда, когда в конце 1930-х гг. заочно схлестнулись в борьбе за влияние и власть в Веймарской Германии, а затем закулисно участвуя в гражданской войне в Испании (1937–1938). Конечно, риторика пропагандистских речей и писаний в адрес «коричневой чумы» (Сталин) и «красного фронта», поддерживаемого «мировым еврейством» (Гитлер), была самая что ни на есть ненавистная, но оба втайне учились один у другого. Правда, как показала история, Сталин, в отличие от Гитлера, был более прилежным и осторожным учеником. К такому выводу приходишь невольно, вспоминая итоги Второй мировой войны, послевоенную геополитику Сталина, уроки борьбы с «безродным космополитизмом», «дело врачей» и другие мрачные «дела» сталинизма.

В том самом 1934-м, в котором Гитлер особым постановлением рейхстага был провозглашен «вождем немецкой нации», на одном из закрытых собраний Сталин очень искренне назвал Гитлера гением. Этим титулом Сталин награждал только Ленина (да и то посмертно) и самого себя устами раболепствующих граждан и соратников из Политбюро. Знал ли Троцкий об этих высказываниях Сталина, неизвестно, но именно он первым из политиков заговорил о стремительном сближении «двойной звезды». Документально засвидетельствовано, что и Гитлер, десятки раз упоминая Сталина в своих «застольных речах» в кругу приближенных, в беседах с фашистскими министрами, ответно величал советского вождя гением, имея в виду его технологию власти, перманентные репрессии, особенно военных, жестокие методы управления «варварскими» народами Советского Союза.

Во время войны, на пике немецкого продвижения к Сталинграду, Гитлер заявил, что мечтает за-

хватить Сталина в плен, но не для того чтобы его уничтожить или унижить, а для того чтобы поселить в самом лучшем замке Германии и держать его там почетным пленником. Планы Сталина на случай пленения Гитлера неизвестны, но недаром фюрер не пытался даже начать переговоры об условиях плена и в отчаянии покончил с собой в бункере рейхсканцелярии. По свидетельству наблюдавших его людей, в последние дни Гитлера мучили видения, что он посажен как зверь в клетку, на манер Емельяна Пугачева, и его везут для утехи толпы по улицам Москвы.

Когда в последних числах апреля 1945 г. маршал Жуков доложил Сталину о взятии бункера и самоубийстве Гитлера, тот, помолчав, произнес: «Доигрался, подлец». Но на этом «отношения» между живым вождем и мертвым фюрером не закончились. По личному указанию Сталина факт смерти Гитлера и местоположение его труп тщательно засекретили. Сознательно распускались слухи о его бегстве в Латинскую Америку или куда-нибудь еще. Одновременно спецслужбы тщательно собирали свидетелей и свидетельства не только о последних днях Гитлера, но и обо всем его жизненном пути и, в особенности, о подробностях его деятельности в качестве главы фашистского государства. Эти материалы также были засекречены и стали известными только в последние годы. Из всех этих материалов самой сенсационной стала рукопись книги, подготовленной в недрах НКВД (затем МГБ) по инициативе Сталина. Составлена она на основании воспоминаний двух ближайших сотрудников Гитлера — адъютанта О. Гюнше и камердинера Г. Линге. С 1945 по 1948 г. их чуть ли не ежедневно заставляли вновь и вновь вспоминать каждую деталь жизни Гитлера. Сталин внимательно прочитал эту книгу, оставив на ней пометы. Ни к одному человеку, с которым Сталин встречался на жизненном пути, он не проявил такого пристального и длительного интереса, как к Гитлеру, за исключением, может быть, Троцкого, да и то до тех пор, пока тот был жив.

Наиболее важные материалы, проливающие свет на отношения Сталина и Гитлера, в России до сих пор засекречены. Засекречена книга Гитлера «Майн Кампф» с пометами Сталина, а также зарубежные исследования о теории и практике нацизма, донесения советских послов и разведчиков из фашистской Германии и др. Недоступны архивные документы Гитлера, как и большинство архивов Третьего рейха, хранящихся в России. Однако о многом можно получить довольно полное представление, если проанализировать зарубежные и отечественные архивные и монографические публикации. Подвергнув разбору эти сочинения, можно «рассекретить» многие «тайны» истории и опровергнуть немало мифов.

С. Н. Ковалев¹

ВЫМЫСЛЫ И ФАЛЬСИФИКАЦИИ ОЦЕНОК РОЛИ СССР НАКАНУНЕ И С НАЧАЛОМ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Оценка роли СССР в событиях кануна и начала Второй мировой войны длительное время является темой обсуждения политиков, ученых, специалистов и общественности. Сегодня в зарубежных СМИ все чаще появляются мнения о том, что «началась новая холодная война»². В русле подобного взгляда на исторический процесс лежат попытки представить Советский Союз зачинщиком Второй мировой войны, или, в крайнем случае, возложить равную ответственность за ее развязывание на «двух кровавых диктаторов» — Сталина и Гитлера, используя в качестве аргумента подписание 23 августа 1939 г. договора о ненападении между Германией и Советским Союзом.

Исторические факты следует рассматривать и оценивать только в контексте происходившего в конкретный период времени. Анализируя советско-германский договор, нельзя забывать и о другом соглашении, заключенном без малого за год до него, в Мюнхене. Эти события тесно взаимосвязаны.

Общеизвестно, что поводом к началу Второй мировой войны послужил отказ Польши удовлетворить германские претензии. Однако менее известно, чего же именно добивался от Варшавы Гитлер. Между тем требования Германии были весьма умеренными: включить вольный город Данциг в состав Третьего рейха, разрешить постройку экстерриториальных шоссе и железной дорог, связывающих Восточную Пруссию с основной частью Германии³. Первые два требования трудно назвать необоснованными. Подавляющее большинство жителей отторгнутого от Германии согласно Версальскому мирному договору Данцига составляли немцы⁴, искренне желавшие воссоединения с исторической родиной. Вполне естественным было и требование насчет дорог, тем более что на земли разделяющего две части Германии «польского коридора» при этом не покушались.

Поэтому когда Германия 24 октября 1938 г. предложила Польше урегулировать проблемы Данцига⁵, казалось, ничто не предвещало осложнений. Однако ответом стал решительный отказ. Стремясь получить статус великой державы, Польша никоим образом не желала становиться младшим партнером Германии. Ответом с германской стороны стало аннулирование 28 апреля германо-польской декларации 1934 г. о дружбе и ненападении⁶.

Тем временем западные демократии создавали у польского правительства необоснованные иллюзии, что в случае войны они окажут Варшаве необходимую помощь. Как показали дальнейшие события, обещания европейских политиков, включая государственных деятелей самого высокого ранга, были заведомым обманом. Однако польское руководство принимало их за чистую монету и потому все больше утрачивало чувство реальности.

Происходившие в Европе события и нарастающая агрессивность Германии не могли не вызывать беспокойства советского руководства. Казалось бы, для сдерживания Гитлера следовало пойти на союз с западными демократиями. Однако, как отмечал У. Черчилль, «Мюнхен и многое другое убедили советское правительство, что ни Англия, ни Франция не станут сражаться, пока на них не нападут, и что даже в этом случае от них будет мало проку»⁷. Было очевидно, что цель проводимой западными державами политики «умиротворения» Гитлера — направить агрессию Германии на Восток, то есть против СССР.

В этой ситуации советское руководство сделало естественный вывод — сотрудничать с Англией и Францией можно, только заручившись военным договором с четко и недвусмысленно прописанными обязательствами сторон. 17 апреля 1939 г. Москва предложила заключить англо-франко-советский договор о взаимопомощи, в котором, среди прочего, была статья о том, что Англия, Франция, СССР обязывались оказывать всяческую, включая военную, помощь восточно-европейским государствам, расположенным между Балтийским и Черным морями и граничащим с СССР, в случае агрессии против этих государств.

Однако западных партнеров подобная постановка вопроса явно не устраивала. 26 апреля на заседании английского правительства министр иностранных дел лорд Галифакс заявил, что «время еще не созрело для столь всеобъемлющего предложения»⁸. Англия и Франция надеялись получить от Советского Союза односторонние обязательства.

6 мая 1939 г. временный поверенный в делах СССР в Германии Г. А. Астахов сообщил в НКВД о реакции немецкой печати в связи со сменой наркома, которая пыталась «создать впечатление о вероятности поворота нашей политики в желательном для них смысле (отход от коллективной безопасности и т. п.)»⁹. Поступали от Германии и другие сигналы о готовности начать сближение с Россией, но В. М. Молотов реагировать на них не торопился. Он продолжал вести активные переговоры с Францией и Великобританией, но наталкивался

¹ Начальник научно-исследовательского отдела военной истории Северо-Западного региона РФ Института военной истории Министерства обороны РФ, кандидат исторических наук.

² <http://www.inosmi.ru/translation/239456.html>.

³ Мельтюхов М. И. Советско-польские войны: Белый орел против красной звезды. 2-е изд., испр. и доп. М., 2004. С. 285.

⁴ В 1924 г. из 384 тыс. жителей Данцига и прилегающей области 95 % были немцами. См.: Бол. сов. энциклопедия. 1-е изд. М., 1930. Т. 20. С. 414.

⁵ Мельтюхов М. И. Указ. соч. С. 285.

⁶ Год кризиса, 1938–1939: документы и материалы: в 2 т. М., 1990. Т. 2: 2 июня 1939 г. — 4 сентября 1939 г. С. 392.

⁷ Черчилль У. Вторая мировая война: в 3 кн. М., 1991. Кн. 1. Т. 1. С. 173.

⁸ Год кризиса, 1938–1939: документы и материалы... С. 391.

⁹ Документы внешней политики [СССР]: 1939. М., 1992. Т. XXII: в 2 кн. Кн. 1: Январь–август. С. 339.

на равнодушие, а то и прямую недобросовестность.

14 мая 1939 г. В. М. Молотов вызвал английского посла У. Сидса и вручил ему памятную записку, в которой говорилось: «Английские предложения не содержат в себе принципа взаимности в отношении СССР и ставят его в неравное положение.

Советское правительство полагает, что для создания действительного барьера миролюбивых государств против дальнейшего развертывания агрессии в Европе необходимо: заключение между Англией, Францией и СССР эффективного пакта о взаимопомощи против агрессии; гарантирование со стороны трех великих держав государств Центральной и Восточной Европы, находящихся под угрозой агрессии, включая страны Прибалтики и Финляндии; заключение конкретного соглашения между Англией, Францией и СССР о формах и размерах помощи»¹.

Только 25 июля английское, а 26 июля и французское правительство приняли предложение СССР приступить к переговорам о заключении военной конвенции и выразили готовность послать своих представителей в Москву². Переговоры начались 12 августа.

Все перипетии этих переговоров известны. Нет смысла еще раз повторять ход завершившихся безрезультатно переговоров. Следует обратить особое внимание на реальные цели, которые преследовали стороны. Так, инструкция для отправлявшейся в Москву британской делегации прямым текстом предписывала «вести переговоры весьма медленно»³, стараясь избегать конкретных обязательств: «Британское правительство не желает быть втянутым в какое бы то ни было определенное обязательство, которое могло бы связать нам руки при любых обстоятельствах. Поэтому в отношении военного соглашения следует стремиться к тому, чтобы ограничиваться сколь возможно более общими формулками»⁴.

Совершенно другой была позиция советского руководства. Глава французской делегации генерал Думенк, докладывая о ходе переговоров в военное министерство Франции, в телеграмме от 17 августа 1939 г. констатировал: «Нет сомнения в том, что СССР желает заключить военный пакт и что он не хочет, чтобы мы представили ему какой-либо документ, не имеющий конкретного значения»⁵.

Главным камнем преткновения стал вопрос о пропуске советских войск через территорию Польши и Румынии. Дело в том, что на тот момент СССР не имел общей границы с Германией. Поэтому было непонятно, каким образом в случае начала войны советские войска смогут вступить в боевое соприкосновение с германской армией. На заседании военных делегаций 14 августа 1939 г. Ворошилов задал по этому поводу конкретный вопрос: «В общем

абрис весь понятен, но положение вооруженных сил Советского Союза не совсем ясно. Непонятно, где они территориально пребывают и как они физически принимают участие в общей борьбе»⁶. Для того чтобы Красная армия могла с первых же дней войны принять участие в боевых действиях, советские войска должны были пройти через польскую территорию, причем зоны прохода предполагалось строго оговорить.

Однако поляки об этом и слышать не хотели. Так, вечером 19 августа 1940 г. маршал Э. Рыдз-Смиглы заявил: «Независимо от последствий, ни одного дюйма польской территории никогда не будет разрешено занять русским войскам»⁷. А министр иностранных дел Польши Ю. Бек сообщил французскому послу в Варшаве Л. Ноэлю: «Мы не допустим, что в какой-либо форме можно обсуждать использование части нашей территории иностранными войсками»⁸.

В ходе военных переговоров с Великобританией и Францией советское руководство еще раз убедилось в справедливости слов одного из литовских дипломатов, на которого ссылался в своем дневнике Г. А. Астахов, что «в случае войны СССР будет нести на себе основную тяжесть жертв, в то время как Англия и Франция закопаются в землю и будут ограничиваться перестрелкой и пусканием ракет. Решающих действий на западном фронте не произойдет»⁹. Не добившись толку от Англии и Франции, СССР заключил договор о ненападении с Германией.

Что касается моральной точки зрения, следует отметить, что никакие представители Западной демократии не имеют права на моральное осуждение договора СССР с Германией. Как справедливо заметил американский журналист У. Ширер, «если Чемберлен поступил честно и благородно, умиротворив Гитлера и отдав ему в 1938 г. Чехословакию, то почему же Сталин повел себя нечестно и неблагородно, умиротворяя через год Гитлера Польшей, которая все равно отказалась от советской помощи?»¹⁰. Хороший вопрос, который стоило бы задать и некоторым современным публицистам.

Необходимо также учитывать, что летом 1939 г. советские войска вели тяжелые бои с японцами на реке Халхин-Гол. Поскольку Япония была союзником Германии по Антикоминтерновскому пакту, заключение советско-германского договора было воспринято в Токио как предательство. По этому поводу временный поверенный в делах СССР в Японии Н. И. Генералов в телеграмме от 24 августа 1939 г. сообщал: «Известие о заключении пакта о ненападении между СССР и Германией произвело здесь ошеломляющее впечатление, приведя в явную растерянность, особенно военщину и фашистский лагерь»¹¹.

¹ ДВП СССР. Т. XXII. Кн. 1. С. 363.

² Год кризиса, 1938–1939: документы и материалы... Т. 2. С. 403.

³ Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937–1939: сб. материалов: в 2 т. М., 1981. Т. 2: Январь–август 1939 г. С. 168.

⁴ Год кризиса, 1938–1939: документы и материалы... Т. 2. С. 192–193.

⁵ Там же. С. 267.

⁶ Там же. С. 212.

⁷ Мосли Л. Утраченное время. Как начиналась Вторая мировая война / сокр. пер. с англ. Е. Федотова. М., 1972. С. 301.

⁸ Год кризиса, 1938–1939: документы и материалы... С. 279.

⁹ ДВП СССР. Т. XXII. Кн. 1. С. 588.

¹⁰ Черчилль У. Вторая мировая война... Т. 1. С. 212.

¹¹ Год кризиса, 1938–1939: документы и материалы... С. 322.

Отношения между Третьим рейхом и его дальневосточным союзником оказались изрядно подпорчены. Вследствие этого японские правящие круги сделали выбор в пользу «Южного варианта», предполагавшего войну с Англией и США. Как известно, после нападения Германии на СССР Япония так и не выступила против Советского Союза.

Таким образом, заключив 19 августа 1939 г. советско-германское экономическое соглашение, а 23 августа — пакт Молотова–Риббентропа, СССР тогда смог отодвинуть на некоторое время войну от своих границ.

Советское руководство учитывало, что изложенные Гитлером еще в 1925 г. на страницах «Майн Кампф» идеи об «обращении на Восток» и расширении немецкого жизненного пространства за счет Советского Союза неоднократно повторялись им как до прихода к власти, так и после. Однако в «ступенчатой программе» агрессии (как ее назвал немецкий историк А. Хилльгрубер) Гитлеру предстояло пройти ряд этапов до осуществления своего плана «разгрома большевизма». Но даже в период действия советско-германского договора он неоднократно говорил о том, что «его внешняя политика и в дальнейшем будет направлена к тому, чтобы разгромить большевизм» (свидетельство адъютанта Гитлера полковника Н. фон Белова). Обосновывая перед генералитетом 22 августа 1939 г. заключение пакта Молотова–Риббентропа, Гитлер заявил, что, «тем не менее, позже разгромит СССР».

В аргументации сторонников отделения Прибалтики от СССР, как в 1990-е гг., так и в настоящее время, наиболее часто используется утверждение, что договор от 23 августа 1939 г. привел к «советской аннексии» Эстонии, Латвии и Литвы, то есть активно эксплуатируется тезис о советской оккупации. Обращает на себя внимание, что нижняя хронологическая граница для периода оккупации относится при этом к летним месяцам 1940 г., то есть ко времени принятия парламентами государств Балтии актов о присоединении к СССР. В силу этого даже крайняя ангажированность эстонских, латвийских и литовских историков не позволяет им видеть в факте ввода войск акт оккупации, тем самым косвенно признавая его объективную обусловленность. Трудно отрицать и тот факт, что советская сторона исключительно корректно выполняла статьи пактов о взаимопомощи, не допуская вмешательства во внутривнутриполитическую жизнь балтийских государств.

Подписание соглашений с правительствами Эстонии, Латвии и Литвы о создании на территории государств Балтии советских военных баз становилось именно такими гарантиями не только в собственно военной сфере, но и в политической, поскольку эти соглашения воспрепятствовали процессу военно-политического сближения этих стран с Германией.

Черчилль, указывая на жизненную необходимость для СССР улучшить свои стратегические позиции в преддверии войны с Германией, отмечал: «Им (Советам) нужно было силой или обманом оккупировать Прибалтийские государства и большую часть Польши, прежде чем на них нападут. Если их политика и была холодно расчетливой, то

она была также в тот момент в высокой степени реалистичной»¹.

При оценке факта ввода советских войск на территорию Прибалтийских государств следует учитывать, что мировым сообществом в то время происшедшее было воспринято с пониманием как объективно вынужденная мера, а не проявление экспансионистских замыслов. Отстраненно наблюдать, как Прибалтика быстро превращается в зону исключительно германского влияния со всеми вытекающими из этого последствиями, советское политическое руководство не могло.

Советско-германский договор от 23 августа 1939 г., используемый в Прибалтийских государствах в качестве основы для претензий к Российской Федерации как правопреемнице СССР в тайном сговоре, в результате которого Эстония, Латвия и Литва вошли в состав СССР (причем вошли, следует отметить, по просьбам их правительств и парламентов, добровольно), с точки зрения международного права был абсолютно правомочен.

Договор о дружбе и границах от 28 сентября 1939 г. по сути являлся договоренностью «о невмешательстве Германии и СССР в пределы определенных государств или территорий»². Так, объявление Литвы и значительной части Польши «сферой влияния» Германии, в практике отношений СССР и Германии «могло означать, что СССР не начнет войны, если германские войска войдут на территорию этих стран»³.

Советское руководство, заключив новые соглашения о размещении дополнительных контингентов советских войск и сил флота в июне 1940 г. в дополнение к ранее заключенным соглашениям осени 1939 г., ввело войска и начало осваивать новые оборонительные рубежи в преддверии нападения фашистской Германии на Советский Союз.

Ради исторической правды надо сказать, что немалая ответственность за провал усилий по созданию коллективного противовеса фашистской агрессии лежит и на «малых» странах Европы. Романтическая вера в справедливость и защиту со стороны западных демократий, заигрывание вместе с тем с фашистской Германией, антисоветская зашоренность превратили их на некоторое время в фишки на мировой политической доске, где они не могли повлиять на ход событий⁴. Последующие трагические события показали, к каким тяжелым последствиям может привести следование историческим стереотипам. Соответственно, немалая опасность кроется и в создании новых мифологем о событиях 1930-х гг. в наши дни.

¹ Год кризиса, 1938–1939: документы и материалы... С. 322.

² Емельянов Ю. Прибалтика. Почему они не любят Бронзового солдата? М., 2007. С. 232.

³ Там же. С. 233.

⁴ Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802–2002: в 3 т. М., 2002. Т. 2: 1917–2002 гг. С. 255.

Н. Б. Лебина¹

ГОРОДСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ В XX в.: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ, МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

История повседневности — тема ныне, несомненно, модная. Однако ее разработка, в частности применительно к Петербургу, по сей день вызывает немалые трудности. В изданиях, так или иначе вынужденных отражать историю города в XX в., мелькают одни и те же сюжеты: революция, блокада, путч 1991 г. и др.

Для действительно научного осмысления истории Петербурга необходимо, прежде всего, внедрить в процесс его исследования современные методы и подходы, уже широко применяемые историками. Это связано с выделением проблемы городской повседневности XX в. как некой специфической сферы.

Выход на аналитический уровень осмысления фактического материала по истории Петербурга в XX в. возможен при рассмотрении города как некоего социального организма. В данном случае анализу должны быть подвергнуты в комплексе архитектурно-планировочные особенности Петербурга, характеристики количества и качества населения и черты образа жизни. Последнее особенно важно. Ведь город, по выражению французского математика XVIII в. Ж. Озанама, «это скопление многих смежных домов и многих граждан, которые живут по одним и тем же законам». В данном случае в первую очередь речь идет о специфике бытового поведения. При подобном подходе к истории Петербурга намечаются пути сближения локальной краеведческой проблематики с социальной историей и, в частности, с историей повседневности. Повседневность ныне рассматривается как одно из пространственно-временных измерений развертывания исторического процесса, как форма протекания человеческой жизни. Применительно к истории города представляется наиболее перспективным выделение таких сфер повседневности, как жилье, питание, одежда, досуг, транспорт. Выделение данных структур повседневности в исторической ткани жизни Петербурга позволит углубить интеграцию научных знаний о нем.

Модная проблематика истории повседневности, действительно, находится на гребне научного знания, когда ею занимаются профессионалы. Именно они применяют здесь новые методики научного исследования. Изучение городской повседневности в XX в. в целом и петербургской в частности настоятельно требует новых подходов, является особой сферой не только исторических реалий, но и научного знания, ибо в распоряжении исследователя имеется весьма специфический корпус источников. Прежде всего, его характеризует огромный объем. Это материалы петербургских архивов, в особенности по советскому периоду, требующие осмысления и обработки. Создается впечатление, что упорное нежелание написать действительно научную историю Петербурга в XX в. связано со страхом пе-

ред необходимостью работы с источниками, среди которых есть большое количество документов массового характера, пригодных для формализации и статистической обработки.

Именно на материале XX в. с наибольшей продуктивностью можно и нужно использовать новые методы исторического исследования. Ныне для изучения петербургских реалий довольно активно используется методика устной истории. Сравнительно недавно группа российских и финских историков осуществила проект, в ходе которого было проведено интервьюирование ленинградцев — современников 1930-х гг. Опираясь на собранные данные, исследователи попытались реконструировать облик «старых» и «новых» горожан, разделение на которых произошло в период бурных миграционных потоков 1930-х гг. Ученые из Санкт-Петербургского европейского университета проводят программу интервьюирования бывших блокадников с целью выяснения деталей экстраординарной повседневности города в 1941–1944 гг. Я попыталась осуществить мини-проект по истории повседневной жизни в эпоху хрущевских реформ, опросив академическую группу студентов I курса Санкт-Петербургского университета экономики и финансов.

Материалы устной истории, несомненно, являются ценным источником, однако требующим жесткой критики. Большое внимание вызывает вопросник для интервью. Здесь историкам повседневности огромную помощь могут оказать практики социологов, отработанные еще в 1960-х гг., отмечавшие научную бестактность вопросов, заранее определяющих ответ респондента. Кроме того, как представляется, опросы могут скорее помочь реконструировать современный дискурс о прошедшем времени, нежели историческую реальность.

В связи с этим в предпринятом мною опросе я поставила целью выявить отнюдь не бытовые реалии 1960-х гг., о которых, безусловно, невозможно спрашивать современную молодежь. Меня больше интересовала иерархия семиотических признаков повседневности времени хрущевских реформ, так называемый дискурс, связанный с эпохой «оттепели».

Еще более перспективной с точки зрения интеграции научных знаний о повседневности Петербурга в XX в. является методика микроисторического исследования. Она, как представляется, наиболее удобна для проверки корректности той или иной гипотезы, поскольку устанавливает ее способность «работать» и на макро-, и на микроуровне.

Микроистория, по словам российской исследовательницы Л. П. Репиной, предполагает «перспективу последующего возвращения к генерализации на новых основаниях», что может быть важным для достижения нового уровня в петербурговедении. Так, в петербургском краеведении имеется значительный «материальный задел» в сфере изучения отдельных зданий в городе, которые, безусловно, могут явиться объектом микроистории.

¹ Профессор кафедры истории России и зарубежных стран Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов, доктор исторических наук.

Совершенно очевидно, что посредством микроисторического исследования можно проследить, например, такие важные вопросы, как деформация принципов эгалитаризма в сфере повседневности, декларируемые большевистской партийной верхушкой монолитность новых партийных элит в социально-бытовом аспекте, а также этапы социально-пространственной сегрегации в Петрограде–Ленинграде 1920–1930-х гг. Попытка такого исследования была проведена автором данной статьи на материалах дома 26/28 по Каменноостровскому проспекту; результаты были закреплены в ряде публикаций.

В ходе микроисторического анализа были использованы самые разнообразные источники. Так, например, для опровержения популярнейшего петербургского мифа XX в. о том, что С. М. Киров якобы не только вытеснил Г. Е. Зиновьева со всех политических постов в Ленинграде, но и въехал в его квартиру в доме 26/28 по Каменноостровскому проспекту, оказалось необходимым проанализировать и «мебельные дела» (плод деятельности работников жилищного подотдела Отдела коммунального хозяйства при Исполнительном комитете Совета Петроградской стороны), и «Анкеты для граждан, проживающих в бесхозных квартирах», и домовые книги. Значительную ценность для уточнения мест проживания партийно-советской номенклатуры представляли списки налогоплательщиков Ленинградского губернского (областного) финотдела, которые ранее никогда не использовались исследователями.

В результате удалось развеять очередной миф. Г. Е. Зиновьев с апреля 1924 г. числился в квартире 118, на втором этаже 9-й лестницы дома 26/28. Именно здесь до приезда Кирова расположились «первые люди» Ленинграда. С. М. Киров же поселился на четвертом этаже 2-й парадной в квартире 20, где до этого времени не проживали представители партийно-советской номенклатуры города.

Данная деталь дает определенные основания для размышлений о том, что большевики вовсе не чурались метода социально-пространственной сегрегации населения для осуществления своих целей. С определенной долей уверенности можно сказать, что в 1918–1922 гг. в жилом комплексе на Каменноостровском проспекте появились четкие однородные зоны расселения. Гомогенность в данном

случае обеспечивалась принципами классового деления петроградского социума. Эта сегрегационная политика повторяла дореволюционную с точностью до наоборот. В 1923–1930 гг. в условиях частичной демуниципализации жилья сегрегация не выглядела столь явно, как в годы Гражданской войны и «военного коммунизма», хотя представители властных структур стремились формировать некие микромоделли будущей системы расселения горожан в соответствии со складывающейся иерархией социальных слоев социалистического государства. В 1930–1940 гг. иерархия пространства сформировалась полностью. Произошло резкое пространственное обособление представителей узкого элитарного слоя советского общества.

Любопытным полем для постановки микроисторического исследования повседневности в XX в. может служить дом 7 на улице Рубинштейна, знаменитая «Слеза социализма». В 1930-е гг. здесь была осуществлена попытка создания полностью гомогенной зоны расселения в специально построенном здании. Социальное дисциплинирование в данном случае приобрело наиболее законченные формы именно благодаря особой организации пространства — общая столовая, общая комната отдыха, общая вешалка. Однако на сегодняшний день историческая база возможного исследования представляется недостаточной из-за невозможности обнаружить домовые книги «Слезы социализма».

Более благоприятным в источниковом отношении выглядит еще один яркий объект для микроанализа закономерностей советской городской повседневности — дом 2 на 7-й линии Васильевского острова, известный как «Дом академиков». Для исследования в данном случае можно привлечь частично сохранившиеся домовые книги, справочники — ежегодники по АН СССР, а также нарратив — дневники Г. А. Князева. Даже поверхностный анализ этих источников позволяет констатировать, что советская власть не всегда разрушала те зоны гомогенного расселения, которые сложились в Петербурге до революции.

Подводя краткий итог размышлениям о проблемах изучения городской повседневности в XX в., необходимо отметить, что путем выхода на новый уровень развития городоведения может явиться использование новейших методик исторического исследования.

А. А. Михайлов

ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ КИНЕМАТОГРАФ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX в. И ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ МИФОЛОГИИ

С первых лет существования российского кинематографа в нем активно развивался жанр исторического фильма. Собственно говоря, один из самых первых игровых фильмов отечественного производства отражал события истории или, точнее, исторической легенды. Это снятая в 1908 г. фирмой А. Дранкова лента «Понизовая вольница», которая повествовала о Степане Разине и погубленной им «персидской княжне». Разумеется, сюжет фильма имел гораздо больше отношения к известной песне

«Из-за острова на стрежень...», нежели к реальному, историческому Степану Разину. Тем не менее само обращение к подобному сюжету весьма символично. Газета «Сцена» с гордостью писала по поводу премьеры: «Картина эта до известной степени делает эру в истории русского кинематографического театра. В ней впервые наш синематограф вступает на национальную почву...»¹ Вступление

¹ Сцена. 1908. № 59 (20 окт.). С. 20.

же на «национальную почву» в искусстве, ориентированном на массового потребителя, естественно, должно было начаться с мифа, причем мифа популярного, даже общеизвестного.

Недостатка в преемниках у создателей «Понизовой вольницы» не было. К 1917 г. отечественный исторический кинематограф накопил немалый опыт, и зрители успели увидеть на экране чуть ли не всех великих деятелей прошлого. Трактовки образов при этом чаще всего носили подчеркнuto ортодоксальный характер. Часто авторы ориентировались на расхожие клише в духе гимназического учебника: «Петр I — царь-плотник», «Иван Грозный — злодей» (причем злодейство его есть следствие личных черт характера), Степан Разин — «удалой разбойник», что-то вроде лубочного атамана Чуркина. Нередко основой для киносценария служило даже не историческое событие, а именно историческая легенда, народная песня, литературное произведение о прошлом.

Революционные события 1917 г. изменили оценки самым кардинальным образом, причем производители кинопродукции очень быстро сориентировались в ситуации. Большой популярностью стали пользоваться также кинофильмы о революционерах, которых теперь наделяли всеми чертами идеальных героев. Появился даже особый термин — «социалистическая драма».

Интересную попытку дать на киноэкране новую интерпретацию более давних исторических событий представлял собой кинофильм режиссера Ю. А. Желябужского «Царевич Алексей», снятый в 1918 г., то есть вскоре после Октябрьского переворота. В основу сценария лег роман Д. Мережковского «Петр и Алексей». Образ Петра I (его сыграл актер МХАТа Л. М. Леонидов) неоднозначен: в нем есть и величие духа, и жестокость, и бескомпромиссная требовательность ко всем окружающим, включая собственного сына. Царевич Алексей показан не врагом отца, а просто запутавшимся и несчастным человеком, которому «не по плечу» созданный Петром мир.

Вскоре властные структуры РСФСР принялись за формирование нового, весьма специфического взгляда на отечественную историю и, как следствие, добивались очень своеобразного ее отражения в кинематографе. Руководством для создателей исторических кинолент в 1920-е гг. стала концепция М. Н. Покровского, имевшая в то время статус официальной. Возобладал «классовый подход», с позиций которого теперь оценивалась деятельность правителей, полководцев, политиков, писателей и др. Русские монархи и все их окружение, естественно, получали крайне негативную оценку. Присутствовало также стремление дать трактовку исторических законов с марксистских позиций. В немом кинофильме режиссера Ю. В. Тарича «Крылья холопа» (1926), повествующем о Руси XVI в., царь Иван IV показан не только жестоким деспотом, но и прижимистым хозяином, который лично ведет кассовые книги. Таким образом, создатели ленты наглядно иллюстрировали тезис Покровского о «торговом капитале в шапке Мономаха».

Осуждая «проклятое прошлое», кинематографисты всячески превозносили революционеров, которые, однако, ранжировались по степени рево-

люционности и близости их к большевизму. При этом в число «революционеров» порой попадали весьма сомнительные персонажи. В 1926 г. режиссер О. Фрелих снял кинофильм «Зелим-хан», в котором известный кавказский разбойник-абрек начала XX в. был показан чуть ли не сознательным борцом против царского режима.

В середине 1930-х гг. стали отчетливо ощущаться новые идеи и веяния. Крепнущая советская империя, самовластная И. В. Сталина диктовали своеобразную моду на «державность» и абсолютизм. Историческая концепция М. Н. Покровского подверглась жесточайшей критике. Удар обрушился и на тех деятелей искусства, которые не успели вовремя сменить политическую ориентацию. В начале 1936 г. крайне негативную реакцию властей вызвал кинофильм И. Кавалеридзе «Прометей», повествовавший о временах Николая I. И. В. Сталина возмутила сцена, в которой чеченские мятежники храбро сопротивлялись царским солдатам. Хотя с «классовой» точки зрения здесь придаться было не к чему, подобное «поношение» славы русского оружия духу времени не соответствовало.

Настоящим образцом «державного» взгляда на историческое прошлое стал двухсерийный кинофильм «Петр Первый» режиссера В. Петрова (1-я серия вышла в 1937 г., 2-я — в 1939 г.). Император, которого блестяще сыграл Н. Смирнов, показан строгим, но справедливым и прозорливым правителем, все помыслы которого направлены на благо России. В отличие от создателей фильма 1918 г., В. Петров и автор сценария А. Н. Фолстой, рассказывая о конфликте между государем и его сыном, царевичем Алексеем (Н. Черкасов), встают исключительно на сторону царя. Более того, принесение в жертву собственного сына во имя «высшей цели» расценивается, как безусловно правильный и достойный шаг. Показательно также, что «экранный» Петр, хотя и внедряет на Руси западно-европейские обычаи, постоянно говорит о враждебном отношении к русскому государству практически всех европейских держав, включая и те, которые в годы Северной войны были его союзниками. Разумеется, идея о «стране в кольце врагов» в 1930-е гг. являлась более чем востребованной.

Новые тенденции в советском историческом кинематографе прекрасно осознавала не только советская интеллигенция, но и представители эмиграции. Г. Адамович в связи с выходом первой части фильма иронизировал: «В последние годы советские историки и художники лезут из кожи вон, чтобы отречься от взглядов Покровского, недавнего законодателя в исторической науке, правоверного марксиста, недолюбивавшего полубогов и героев. Отрекаясь, они впадают в неоиловайский стиль, приправленный новейшими ура-настроениями... Будем ждать появления на экране Ивана Грозного: талантливых артистов в СССР много, режиссеры хорошие тоже найдутся, и картина может получиться неотразимо-чарующая...»¹

Предвидение Адамовича оправдалось с математической точностью: через несколько лет после

¹ Георгий Адамович — кинокритик. Из творческого наследия // Киноведческие записки. М., 2000. Вып. 48. С. 159.

того, как эти слова были написаны, режиссера С. Эйзенштейна пригласили в Кремль, где А. А. Жданов предложил ему поставить фильм об Иване Грозном, заранее предупредив о необходимости дать положительную оценку деятельности царя. Но еще раньше, в 1938 г., тот же С. Эйзенштейн завершил работу над другим известным историческим кинофильмом «Александр Невский». Интересно, что первоначальный вариант сценария этой ленты значительно отличался от конечного. Его текст, однако, вызвал жесточайшую критику со стороны видного историка М. Н. Тихомирова, который в своей рецензии назвал его «издевкой над историей»¹.

Весьма любопытно хотя бы бегло рассмотреть, какие замечания историка были учтены, а какие — нет. Тихомиров весьма негодовал по поводу недооценки уровня развития Руси и, следовательно, неопределенности причин ее победы над крестоносцами. «Убогая лапотная Русь, — отмечал он, — глядит отовсюду у авторов сценария. Все народы сильнее ее, все культурнее, и только “чудо” спасает ее от немецкого порабощения...»² В кинофильме войско Александра Невского выглядит как вполне серьезная сила, способная одержать победу над врагом и без чудес. Вместе с тем сохранилась известная сцена, в которой мужики-ополченцы выбирают из каких-то землянок, похожих на звериные норы.

Оценивая батальные сцены, Тихомиров крайне негативно оценил изображение орденской пехоты, заметив: «Особенно странно описана “звериная одетая чужь”, какие-то полулюди, призванные авторами сценария изображать предков латышей и эстонцев»³. Здесь дело касалось не только истории, но и политики. Во время создания кинофильма советские власти вели интенсивный натиск на независимые государства Прибалтики, причем натиск этот в лучших советских традициях прикрывался фразами о «помощи» трудовому народу Латвии, Эстонии, Литвы. Изображать древних эстов и ливов дикарями было бы некорректно. В итоге кнехты на киноэкране выглядят как типичная западноевропейская пехота, причем даже не XIII в., а гораздо более поздних времен⁴. Одно искажение истины заменили на другое, более «правильное» с точки зрения идеологии.

Об образе Александра Ярославича М. Н. Тихомиров писал: «Вообще авторы сценария совершенно напрасно придают Александру несвойственные ему демократические черты»⁵. Как известно, свой демократизм в кинофильме Александр Невский в исполнении Н. Черкасова сохранил: он запросто разговаривает с простыми воинами, сам ловит неводом рыбу и т. д.

Немецкие рыцари изображены совершенными извергами. Победа русских дружинников над Ордемом интерпретировалась не только как значитель-

ное событие прошлого, но и как исторический урок, грозное напоминание Германии⁶.

Демонстрации кинофильма «Александр Невский» в 1938–1939 гг. прошли с триумфальным успехом и в СССР, и за рубежом. Но в конце 1939 г. в связи с подписанием советско-германского договора приоритеты в историческом кинематографе вновь изменились. Фильм Эйзенштейна фактически оказался под запретом, чтобы возродиться к жизни с началом Великой Отечественной войны.

Стараниями кинематографистов Александр Ярославич, как и Петр I, превратился в «правильного монарха», который хотя и князь, а все-таки «наш». Весьма язвительную шутку позволил себе по этому поводу А. Довженко, изобразивший беседу некоего папаша с сыном: «“Папочка, скажи, какой царь, кроме Петра, был еще за советскую власть?” А папа отвечает: “Александр Невский”»⁷.

В 1939 г. появился фильм режиссера В. Пудовкина «Минин и Пожарский». В основу его также была положена идея государственного патриотизма. Автор сценария литературовед В. Б. Шкловский вспоминал: «Я хотел показать, как создается у народа ощущение единства государства, как приучаются люди воевать не только за свои ворота»⁸.

Политическая конъюнктура для фильма «Минин и Пожарский» была исключительно благоприятной: назревал раздел Польши между СССР и Германией, так что изображение поляков в качестве врагов пришлось весьма кстати. Любопытно, однако, что врагами показаны также и шведы, причем в финальной сцене боя они сражаются на стороне поляков. Излишне напоминать, что в действительности шведы, хотя и преследовали на территории Руси собственные цели, против поляков все же воевали.

Внешняя политика СССР, несомненно, сказалась и на кинофильме В. Пудовкина «Суворов». Основное внимание в нем уделено не победам полководца над турками, а Итальянскому походу. Такое смещение акцентов закономерно. В 1940 г., когда создавался фильм, угроза Советскому Союзу виделась с Запада, а потому именно наполеоновская Франция показана как наиболее опасный противник. Еще более симптоматично, что командование союзных австрийских войск представлено в виде сборища откровенных предателей, едва ли ни наполеоновских шпионов. Тема врагов и предателей вообще играет в советском историческом кинематографе сталинской поры большую роль.

В общем, советский исторический кинематограф 1930–1950-х гг. усиленно формировал у зрителей две генеральные идеи, два мифа. Первый миф о благотворности сильной единоличной власти, о некоем мудром вожде, который ведет народ к «светлому будущему». Круг этих вождей довольно ограничен. В далеком прошлом это Александр Невский, Дмитрий Донской, Иван Грозный, Петр I. В отличие от прочих «антинародных» монархов,

¹ Тихомиров М. Н. Древняя Русь. М., 1975. С. 375–380.

² Там же. С. 377.

³ Там же.

⁴ В действительности значительную часть орденской пехоты составляли именно представители покоренных народов Прибалтики, о чем единогласно сообщают и русские, и немецкие источники. Они, конечно, не ходили в звериных шкурах, но и не носили изображенных в кинофильме шлемов-саладов, появившихся значительно позже.

⁵ Тихомиров М. Н. Указ. соч. С. 376.

⁶ Казаченко А. Замечательный исторический урок // Исторический журнал. 1937. № 3/4. С. 164.

⁷ Довженко А. Собрание сочинений: в 4 т. М., 1969. Т. 4. С. 28.

⁸ Шкловский В. Б. За 60 лет: Работы о кино. М., 1985. С. 211.

эти лица прогрессивны настолько, что их классовая чуждость отступает на второй план. В современности величайшими вождями являются, конечно, В. И. Ленин и И. В. Сталин, причем Сталин даже заслоняет собой «учителя»¹. Второй миф о враждебном отношении к России всего остального мира, об отсутствии у нее преданных союзников.

С этими двумя мифами тесно связан третий миф, который нашел яркое выражение в многочисленных биографических фильмах о писателях и ученых. Это миф о первенстве России практически во

всех сферах культуры и науки, вызывающем якобы постоянную зависть иностранцев.

Во многом благодаря незаурядному таланту отечественных кинематографистов, актеров, режиссеров, сценаристов, художников все эти три мифа глубоко вошли в общественное сознание и стали восприниматься как нечто гораздо более реальное, нежели подлинные исторические события. Их влияние ощущается и по сей день. Впрочем, и в последующие периоды кинематограф создавал и создает новые мифы, а иногда и возрождает старые.

А. Д. Сабов²

ПРОШЛОЕ ВСЕГДА АКТУАЛЬНО

Международные Лихачевские научные чтения, которые в этом году проводятся уже в восьмой раз, прочно вошли в перечень тех культурных событий в жизни нашей страны, которым «Российская газета» считает необходимым уделять самое пристальное внимание. Высокий интеллектуальный уровень и актуальная проблематика ежегодных форумов — уже достаточный повод для такого интереса. И все же, для полноты объяснения, надо сказать самое главное: гуманистическое завещание Дмитрия Сергеевича Лихачева просто невозможно исполнить каким-то разовым образом и на том поставить точку. Оно не исчерпывается. Даже если когда-нибудь удастся поднять культуру в жизни общества на тот уровень, о котором он мечтал, а до этого, увы, еще далеко, и тогда у нас не будет причин для успокоения. К сожалению, то, что противостоит культуре, в наш век коммуникации распространяется еще быстрее, в том числе и в закамуфлированном под культуру виде.

О какой культуре мы говорим или, вернее, о каких культурах? В названии нынешних Чтений понятие не случайно поставлено во множественном числе: речь идет о диалоге национальных культур, озабоченных проблемой выживания в процессе мировой глобализации. Этот процесс неизбежно родит и некую наднациональную культуру, которая складывается из множества субкультур на любой вкус. Ряд из них уже обрели конкретные названия и зримые черты: «виртуализация», «макдоналдснизация», «интернет-блоги», посредством которых теперь могут общаться люди в разных концах земли, «гламур» — целое направление в современной культуре, ставшее образом жизни молодежных элит.

Как же рядом с этой стремительно наступающей интернациональной культурой, балансирующей на грани реального и виртуального, смогут сохраниться и сосуществовать культуры традиционного типа, особенно культуры малых народов? На Западе давно в ходу термин «мультикультурализм», смысл которого можно передать известным китайским афоризмом «пусть расцветают сто цветов». Вот это «пусть» академику Лихачеву и казалось решитель-

но недостаточным. Потому он и посвятил последние годы своей жизни разработке «Декларации прав культуры», которая поставила бы эту сферу общественной жизни под защиту международного законодательства и законодательства национальных государств. Но, как известно, прав без обязанностей не бывает, вот почему Дмитрий Сергеевич постоянно подчеркивал связь общественного статуса культуры с ее общественной востребованностью.

Средства массовой информации постоянно включены в общий культурный процесс, своими публичными оценками влияют на его ход и развитие. Если говорить о мире культуры в самом широком смысле слова, имея в виду те самые «сто цветов», можно привести немало примеров, когда это влияние плодотворно. Но бывает и так, что наши оценки расходятся с массовым восприятием тех или иных явлений, особенно в сфере массовой культуры. К этому-то феномену, который, наверно, справедливо определить понятием «новый масскульт», и хотелось бы привлечь внимание.

Сейчас все шире входит в моду так называемая адаптированная литература, а вслед за ней и адаптированная история. Перьями неведомых редакторов произведения литературной классики специально подвергаются такому препарированию, чтобы «проглотить» их можно было за пару часов до экзамена или за один пляжный сеанс. Этот новый тип «образованщины», если воспользоваться известным выражением А. И. Солженицына, пришел к нам из-за рубежа, где самое успешное коммерческое издание «Войны и мира», помнится, оказалось в четыре раза короче оригинала. Кстати, ни компьютеров, ни Всемирной сети тогда еще не было.

Теперь же Интернет — важнейшая часть культурного процесса. Он небывало расширил доступ к информации, знаниям. Но можно ли закрывать глаза на то, что именно там, во Всемирной паутине, сложилась целая индустрия «образованщины»? За вполне доступную плату можно скачать рефераты, игры на любые литературные, исторические, обществоведческие темы. Конечно, и среди них далеко не все заслуживает однозначно негативной оценки. Повод для общественной тревоги возникает там, где «виртуальное решительно берет верх над актуальным». В этом смысле наибольшую опасность представляют спекулятивные версии исторических событий, которые не только подменяют факты

¹ Данная тенденция отчетливо прослеживается в кинофильмах «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918 году».

² Политобозреватель «Российской газеты» (Москва).

мифами, но и сознательно искажают историческую ретроспективу.

Что можно этому противопоставить? Конечно, не цензуру, она запрещена конституцией демократической России. Ответ один: в судьбах отечественной культуры должны деятельно участвовать все, кому она дорога. Часть этой задачи ложится на СМИ, которые изо дня в день соприкасаются с многомиллионной читательской и зрительской аудиторией. Нужна — по-другому и не скажешь — самомотивация граждан в защиту культуры, в том числе и в журналистской среде. Сегодня нам никто не дает указаний сверху, что поддерживать, что критиковать, это наш собственный выбор. Время, когда наши СМИ считались «приводными ремнями» одной правящей партии, одной господствующей идеологии, прошло и больше не вернется. Теперь от самого журналистского сообщества зависит, на какой высоте ставить планку своей профессиональной ответственности за состояние дел в стране, в том числе и за состояние нашей культуры.

На страницах «Российской газеты» в течение ряда лет острой критике подвергались школьные учебники по истории, порядок их отбора и утверждения. Очень скоро после распада СССР, когда были написаны новые учебники, стало очевидно, что деидеологизация школьных программ обернулась новыми мифами и отступлениями от исторической правды. Да, с одной стороны, нельзя декретировать авторам, что и как писать, но, с другой стороны, учебник — не монография, в которой можно изложить любую точку зрения без оглядки на оппонентов. После долгих споров о том, можно ли вообще создать полностью деидеологизированный учебник, пришли к выводу, что это вряд ли осуществимо. Ведь и авторы, и педагоги, и родители придерживаются разных взглядов на историю: кто-то смотрит на нее «слева», кто-то «справа». В конце концов, победила идея вариативных учебников, допускающих известные отличия во взглядах на исторический процесс, но не подвергающих сомнению «святые темы», такие, например, как подвиг нашего народа в Великой Отечественной войне. Изменился и порядок утверждения новых школьных учебников. Теперь их экспертизу проводит Академия наук, тогда как Академия образования отвечает за дидактическую сторону дела. И постепенно страсти улеглись, споры затихли. Не могу не отметить, что в разрешении проблемы исторических учебников, которая так волновала когда-то нашу общественность, самое деятельное участие принял президент В. В. Путин.

Но обозначились новые проблемы, теперь уже на «постсоветском» пространстве. Академик А. О. Чубарьян однажды отметил, что во всех бывших советских республиках сейчас происходит «национализация», или «суверенизация», истории. В результате определилось 8–10 болевых точек, по которым историки стран СНГ придерживаются разных, иногда диаметрально противоположных взглядов. Это констатировали руководители институтов истории национальных академий наук, когда они встретились впервые за 15 лет.

Наверное, следует признать справедливым упрек историков стран СНГ в том, что в советское время их национальные истории считались, по существ-

ву, краеведением. В результате, как выразился один из украинских историков, «сплошного потока национальной истории у нас не было». Советская историография заметно преувеличивала добровольность присоединения бывших республик к России, или Советскому Союзу. Отсюда ироническое замечание одного из казахских авторов, что «этносты и государства с радостью теряли свою независимость». Все это и привело к неуправляемой ревизии нашей общей истории. Что раньше называлось «добровольным вхождением», теперь стало «принятием подданства», «колониальным захватом» и даже «оккупацией».

В трудах казахских историков можно встретить утверждения такого рода: «Россия специально провоцировала джунгарские нашествия, чтобы потом спасать казахов». После того как президент Назарбаев раскритиковал «новых историков» Казахстана за субъективизм и лоббирование групповых интересов во время проведения тендера на написание учебников, можно надеяться, что коррективы в учебники будут внесены.

Но вот чем примечателен этот факт. В то время, как президенты двух стран неустанно призывают укреплять Содружество, искать пути для интеграции, сохранять общее культурное достоинство наших народов, люди с учеными званиями, увлеченные «национализацией» истории, упрямо разваливают этот проект. Что же тогда говорить о случаях, когда видение прошлого и будущего у историков и политиков совпадает? Антироссийские тенденции в Грузии и на Украине открыто поощряются политическим руководством этих стран. Мы уже не можем договориться с украинскими историками ни о Богдане Хмельницком, ни о Мазепе — для них Переяславская рада 1654 г. стала началом закабаления украинского народа, а Мазепа — символом освобождения от «русского ига». Происходит публичная реабилитация националистических движений, сотрудничавших с нацистами в годы войны. Оранжевая власть спешно подбирает себе новых национальных героев, без стеснения следуя только одному принципу: герои — это те, кто в разные времена боролся с «москалями». Чего стоит одно перечисление фигур: Мазепа, Выговской, Петлюра, Бандера.

Справедливости ради надо сказать, что и у нас предпринимаются попытки реабилитировать, например, генерала Власова, генерала Краснова, якобы невинно пострадавших от советской власти. По большому счету, чем они отличаются от новых украинских героев вроде Бандеры? Может, не служили нацистам? Служили, и очень усердно. Решительное отличие тут не в фигурах, а в отношении к ним. Тогда как наши соседи на подобных мифах уже открыто строят новую национальную политику, в России существует широкий консенсус власти, науки, большинства СМИ и абсолютного большинства граждан, основанный на едином понимании своей национальной истории.

Тем важнее диалог историков, сознающих, что истина нужна народам, а не политикам, уже переступившим или готовым через нее переступить. Мне кажется, именно это чувство и побудило участников второй встречи историков СНГ задуматься о написании учебника нашей единой истории. Трудный проект, с ходу его не поднять. За 17 лет после

«развода» накопилось слишком много взаимных претензий друг к другу, но больше всего — к России, бывшему «ядру империи», правопреемнице СССР. Лишь армянские историки заявили, что испытывают только благодарность к России. У белорусов две старые обиды — одна на царскую власть, не признававшую их самостоятельным этносом, хотя она же помогла им вырваться из «польских объятий» и выжить как нации, другая — на советскую власть за то, что в 1921 г. западные белорусские земли опять отошли к Польше. Как видите, с армянами и белорусами уже можно садиться за работу, писать общий учебник. Труднее с украинскими историками, их принцип: сначала определиться со своими национальными историями, потом уже написать общую. В целом, так и договорились: сейчас украинские историки пишут историю своей страны специально для российских читателей, а наши историки готовят историю России специально для издания на Украине. Первый шаг сделан, дальше увидим. Что касается Грузии, то ее новые учебники резко осуждают «Георгиевский трактат», по которому она присоединилась к России, но даже не упоминают о том, что он был принят по настоянию самой Грузии. Видимо, эту главу будущей «общей истории» придется пока отложить.

Может быть, я излишне подробно остановился на отношениях с нашими соседями, но сделал это, конечно, неспроста. Было бы большой ошибкой сводить эти отношения только к «дележу советского наследия». Проблема на порядок сложнее. Еще в середине 1990-х гг. Совет Европы создал специальную комиссию под руководством д-ра Р. Страдлинга, поручив ей обследовать учебники по истории всех европейских стран. Вот ее заключительный вывод: если в 1970–1980-х гг. в преподавании этой дисциплины еще преобладал акцент на значение европейской и всеобщей истории, то уже в 1990-х гг. он заметно сместился в сторону «национальных историй». Значит, тенденция глобальная, как теперь принято говорить. Преодолевать ее тоже придется всем миром. Но как?

Тут огромное поле для будущего сотрудничества СМИ с учеными, людьми высочайшей культуры, которые не могут не понимать, что судьба культуры зависит, прежде всего, от атмосферы, в которой ей предстоит жить и развиваться. Атмосферы постсоветской, европейской, мировой. Разговор об этом идет давно. Еще президент Б. Н. Ельцин обсуждал с Г. Кодем и Ж. Шираком проект присоединения России к единому учебнику европейской истории XX в., проект которого выдвинул германский Институт Г. Эккерта. В. В. Путин в 2001 г. дал уже конкретное поручение тогдашнему министру образования РФ В. Филиппову обдумать идею издания «единого для европейских стран учебника по истории». Как раз тогда здесь, в Санкт-Петербурге, проходила конференция «Развитие международного партнерства в сфере образования в России», и прямо с ее трибуны министр с энтузиазмом доложил: «На первом этапе попытаемся сформировать рабочую группу из видных ученых-обществоведов стран Европы, творческий коллектив в экспериментальном порядке должен сформулировать некую концепцию общего учебника истории». И с тех пор — тишина. Дальше намере-

ний дело так и не двинулось. Договориться о концепции не удалось.

Наверное, этому много причин, и даже если верно угадаешь одну, останутся другие. Все же я рискну назвать главную: мы слишком погружены в текущую историю, чтобы задуматься о прошлой и будущей. Американская ПРО, ракеты в Польше, радар в Чехии, наш адекватный ответ. Потом — Косово, и опять наш адекватный ответ. Потом — бухарестский саммит НАТО, где американский президент так надеялся поздравить лидеров Украины и Грузии с приемом в альянс, но если бы так случилось, то опять бы последовал наш адекватный ответ. В этой политической круговерти, конца которой нет, и закаляется, крепнет политика национального эгоизма, которой уже откровенно дышат учебники истории, предназначенные подрастающим поколениям. Конечно, разорвать этот порочный круг трудно, но все же можно. При одном условии: если каждая нация сделает усилие, чтобы преодолеть свое эго. Сподвигнуть к такому желанию может только крупный культурный проект.

Однажды Европа продемонстрировала всему миру, что это возможно. Через три года после падения Берлинской стены 12 историков ЕС выпустили в свет книгу «История Европы», которую написали в ожесточенных спорах друг с другом. Она вышла на шести языках, но с тех пор переведена еще на четырнадцать языков мира, в том числе и на русский. А «раскачал» весь этот вал банкир Ф. Делюш, француз по отцу, норвежец по матери, англичанин по воспитанию. Он руководил проектом и привлек к нему восемь крупнейших издательств Европы. Разделяя его девиз — «школа не должна растить “маленьких националистов”, из которых потом вырастают “большие”», — авторский коллектив с самого начала задался целью создать не историческую монографию, а учебное пособие, которое могло бы служить и учебником.

Мы все думаем, что виртуальная история началась только с появлением Интернета, — ничего подобного, она складывалась веками. Сотни лет жили мифы, которые вошли в сознание людей, став, в конце концов, частью национальных историй. Чтобы отказаться от них, нужна долгая, кропотливая работа. Первое слово — историкам, призванным отличить правду от мифов. Затем — политикам, обязанным официально подтвердить, что отныне сумеют их различать, и, наконец, людям культуры, способным «зажечь свечу» для всех. Именно так, с разборки вековых завалов, и начали двенадцать авторов «евроучебника». По требованию немецких историков «нашествия варваров на Рим» в этой книге пришлось заменить спокойной формулировкой «германские походы». Родиной прав человека признается не республиканская Франция, а монархическая Англия, поскольку она на полтора века раньше обзавелась национальным парламентом. 11 из 12 историков сочли Наполеона «врагом Европы», а генерала де Голля — «националистом», и французам пришлось эти оценки принять.

Если этот первый в истории космополитический учебник охватывает историю континента от Атлантики до Карпат, то не логично ли было задуматься о продолжении — от Карпат до Урала? Замечательно,

что такой проект уже обсуждают историки СНГ. Но это не только их личное дело. Вопрос в том, какие полномочия они получают от национальных академий наук, от политического руководства своих стран. Как бы там ни было, начало положено, остается продолжать.

По-моему, не стоит задаваться целью «сдвинуть гору» одним рывком, лучше продолжать малые дела. Два года назад на Экспертном совете в нашей газете мы задали своим гостям вопрос: «До какой же степени можно фальсифицировать науку, тем более когда речь идет о школьных учебниках, которые на всю жизнь могут оставить у человека искаженные представления об отечественной истории?» Вот как ответил нам академик А. О. Чубарьян: «Единственное средство борьбы — издавать большими тиражами правдивые книги. Стремиться к тому, чтобы они обязательно попадали в школьные библиотеки. У государства должна быть своя политика на книжном рынке. Если есть хорошая книга о Великой Отечественной войне, ее надо выпустить хотя бы и стотысячным тиражом, и если надо, пусть государство доплатит. Тем более что это деньги налогоплательщиков».

В самом деле, не пора ли дотошно разобраться в состоянии библиотечного дела в нашей стране? Мы добились нового порядка в рекомендациях и отборе школьных учебников, это было очень важно. Правительство наметило программу подключения к Интернету всех учебных заведений, вплоть до сельских школ, и эта программа планомерно проводится в жизнь — тоже очень важно, ведь без информационных ресурсов Всемирной паутины современное образование невозможно представить. Но в России всегда была высокая культура чтения, а в последние годы, к сожалению, мы ее утратили. Думаю, восстановить и сохранить эту традицию, вернуть школьным, сельским, районным библиотекам бывший статус «очагов культуры» — одна из самых настоятельных потребностей нашей культуры и одно из тех конкретных малых дел, которое «Российская газета» с удовольствием взяла бы на себя при активном содействии Лихачевских Международных научных чтений.

На полках наших библиотек до сих пор стоят книги, которые могут оставить весьма одностороннее представление о национальной истории. Зато целых разделов истории там недостает.

Сейчас мы переживаем «эпоху юбилеев» — уже «на носу» 65-летие Победы, а за ним 100-летие обеих русских революций. Поскольку с этих революций и начался XX в., несколько слов о них.

«Предисловие» к этой крупной дате отечественной истории состоялось в прошлом году, когда Февральской революции 1917 г. исполнилось 90 лет. «Российская газета» напечатала на своих страницах и издала отдельной брошюрой статью Солженицына «Размышления над Февральской революцией». Она была написана как бы на полях его «Красного колеса», но поскольку это публицистика, а в «Красном колесе» история осмыслилась художественными средствами, писатель, в конечном счете, решил издать ее отдельно. Так, исключенные из эпопеи главы стали жить собственной жизнью. Их публикация в 2007 г. вызвала широчайший общественный резонанс. Авторы, взявшие слово в по-

следующей дискуссии, высказали далеко не всегда совпадающие точки зрения, и это нормально. Кто-то из них считает, что Февральская революция была бескровной, другие привели весьма серьезные доводы, что это, к сожалению, было не так. Сам автор думает, что данная революция ничего не дала России, кроме того, что вызвала Октябрьскую революцию и на 100 лет ввергла страну в хаос. Однако многие оппоненты убеждены, что в 1990-х гг. Россия вернулась именно к Февралю. Кто-то продолжает считать Октябрьскую революцию лишь политическим переворотом, как поначалу думали и сами большевики, кто-то, напротив, убежден, что верхушечным и крайне несчастливым для России явился именно февральский переворот, потому он и вызвал следующий акт революции, на сей раз социальный. Важны не отдельные точки зрения, а сам факт серьезной общественной дискуссии, которая позволяет назвать правду — правдой, миф — мифом и тем самым помогает миллионам наших читателей ориентироваться в отечественной истории не на ощупь, не под влиянием случайно услышанного или прочитанного мнения, а критично, взвешенно, самостоятельно, наконец.

Начиная дискуссию со статьи такого именитого автора, мы исходили из убеждения, что она поможет преодолеть искусственно созданный советской историографией вакуум в массовом сознании, связанный с Февральской революцией и эпохой, которая ей предшествовала. Обратите внимание на такую странность: во всех странах мира стоят памятники героям Первой мировой войны, а в нашей стране их никогда не ставили. Вообще эта война, поскольку она привела к революции, у нас всегда была непопулярна и в памяти уже четвертого поколения воспринимается так же, как воспринималась современниками. Надо ли это восприятие менять?

Вот, вкратце, ответ историков, которым мы задавали этот вопрос: менять не нужно, нужно объяснить. По идеологическим понятиям советского времени война лишь «обострила» революционную ситуацию в стране, но не она ее вызвала. Российская историческая наука сегодня придерживается другой концепции: Октябрьская революция явилась прямым следствием Первой мировой войны. Именно ее всенародное неприятие, полное отсутствие патриотического подъема в стране и привело к революционному взрыву. Короче, в массовом сознании России эта война никогда не принадлежала к числу «святых тем». Так что памятники ставить поздно — рядовые герои давно забыты, а высшие представители власти не заслужили их ни в годы войны, ни, тем более, в Феврале. Так думает и Солженицын: «Февральской революцией не только не была достигнута ни одна национальная задача русского народа, но произошел как бы национальный обморок, полная потеря национального сознания. Через наших высших представителей мы как нация потерпели духовный крах».

Можно ли согласиться с таким категорическим утверждением? А. Н. Сахаров, директор Института российской истории РАН, привел убедительный список политических завоеваний, которыми Россия обязана именно Февралю: Временное правительство впервые провозгласило Россию республикой; подтвердило свободу слова, печати, союзов,

собраний, стачек; отменило сословные, вероисповедальные и национальные ограничения; объявило о полной амнистии политических заключенных и отмене смертной казни; начало подготовку к Учредительному собранию на основе всеобщего равного прямого тайного голосования; заменило полицию народной милицией и ликвидировало жандармерию; провозгласило автономию Финляндии; приняло декларацию о независимости Польши; вернуло церкви право на самоорганизацию и т. д. Впечатляющий список! Но едва ли не больше поражают выводы историка: «Россия стала самой свободной страной в мире», «В 90-е годы практически мы вернулись к февралю 1917-го и от него начали движение и — хорошо ли, плохо ли — продолжаем его сегодня».

Кажется, ни один тезис здесь нельзя оспорить, но послушаем другую точку зрения, высказанную политологом Вячеславом Никоновым. Он написал в газету 14 пунктов на тему «Почему за несколько дней была разрушена российская государственность». В 1917 г., по его мнению, в России не было предпосылок для революции, кроме общей бедности основной части населения, но это в России было всегда, и необычайно активной и оппозиционно настроенной олигархической элиты вместе с фанатичными революционерами из числа интеллигенции. Российский государственный строй уже не был самодержавным, император не обладал абсолютной властью, не мог законодательствовать помимо Госдумы, хотя она с первых дней создания представляла собой не столько законодательный орган, сколько антиправительственный митинг.

По законам 1906 г. — свобода слова, вероисповедания, печати, собраний, создания союзов, права на выбор места жительства, свободный выезд за границу и др. И вот, пожалуй, главное: «Временное правительство в здравом уме и твердой памяти самостоятельно ликвидировало весь государственный аппарат России, оставив потом большевиков с их идеей слома старой государственной машины практически без работы».

Кто «более прав»? На то и полемика, чтобы не ставить заключительную точку, пусть это сделает сам читатель в соответствии со своими убеждениями или даже по интуиции. Для нас важнее другой вывод из состоявшейся дискуссии. Мы стали лучше понимать, что прошлое в нашей истории — это не просто «милая старина» или «окаянные дни», и не что-то, безвозвратно канувшее в вечность, а некий алгоритм, который дает о себе знать сегодня, даст о себе знать и завтра. Не случайно при таком разбросе мнений все участники нашей дискуссии безоговорочно сошлись в одном: события в России всегда развивались в соответствии с духом ее цивилизации.

Кстати, философы и религиозные мыслители разных эпох давно пришли к выводу, которым ни одна культура не вправе пренебречь. Оказывается, вплоть до XIX в. людям был свойствен страх перед прошлым, в котором уже ничего нельзя изменить, именно поэтому спасение человека, временного существа на земле, мыслилось как приобщение к вечности, у которой прошлого нет. А современный человек, выросший в условиях прогресса и не питающий иллюзий о вечности вневременной жизни, куда

больше страшится будущего, всех этих научно-технических новинок, которые с космической скоростью переворачивают его жизнь. Зато меняется отношение к прошлому. Оно все больше воспринимается как зона покоя, осмысления опыта предков, наследования традиций. Но это так лишь при одном условии: если с прошлым обращаться крайне бережно, оценивать его достоверно, беспристрастно, не подвергая внезапным идеологическим переосмыслениям, которые лишь разрывают связь времен и поколений. Не это ли имел в виду академик Лихачев, предложив учредить специальный термин «экология культуры»? И разве не вправе мы предположить, что его составной частью он, несомненно, считал также «экологию памяти»? Оберегать прошлое от искажений, стараясь понять его таким, каким оно было в действительности, — значит оберегать и свое будущее, которому ничто не угрожает так, как беспамятство. В этом урок нашей российской истории, который мы наконец-то, кажется, выучили: прошлое всегда актуально. Оно актуально и в том случае, когда вызывает сожаление, досаду. Но еще актуальней, когда в коллективной памяти народа живет как «святое».

Фальсификации в трудах советских историков вытекали из ее методологии, взятой на вооружение еще в 1930-х гг. «История — это политика, опрокинутая в прошлое», — таким был ее официальный тезис, провозглашенный известным историком М. Покровским. Другими словами, предлагалось судить о прошлом по меркам и нуждам своего времени. И все-таки не случайно поговорка о том, что прошлое нашей страны непредсказуемо, родилась совсем недавно, уже в 1990-е гг., после распада СССР. Такого насилия над исторической правдой, такого потока «исторической публицистики», которая пишется без малейшей сверки с архивными документами, такого фанатичного мифотворчества наша историческая наука еще никогда не знала. Не приходится даже говорить о методологии, а если все же попробовать ее определить, то, пожалуй, вернее всего так: ни сдержек, ни противовесов.

На страницах сборника VI Лихачевских чтений мне попалось на глаза странное выражение «перепроизводство истории». Как можно произвести истории больше, чем ее было в действительности? Это же не сталь, которой можно сварить больше или меньше, не хлеб, урожай которого зависит от погодных условий. Но подойдите к полке исторической литературы, и смысл этого выражения откроется сполна. Речь на самом деле идет о перепроизводстве недобросовестных исторических версий и даже просто мифов, причем в таких тиражах, о которых серьезные исследователи могут только мечтать. Отечественные авторы возлагают на Россию обвинения чуть ли за весь ход истории XX в. Они уже добились такого обильного цитирования на Западе, где их беллетристику охотно возводят в ранг «первоисточников», что теперь их точки зрения выглядят как бы исходящими от самой России. Вроде ее покаяния за революцию, войны, голодоморы, коллективизацию, индустриализацию, колхозный строй, поднятую целину и даже за нечаянную победу в Великой Отечественной войне.

Дошло до того, что накануне 60-летия Великой Победы около 100 европейских депутатов обратились

к Президенту РФ В. В. Путину с просьбой отменить юбилейные торжества в Москве на том основании, что, мол, у России нет заслуг в достижении Победы во Второй мировой войне. Это заявление было сделано в ответ на приглашение их российским руководством принять участие в торжествах. Ну что ж, Москва обошлась без этих господ. Если кто и заметил их демонстративное отсутствие на Красной площади, так только они сами.

Однако нельзя не задуматься: может быть, эти народные избранники Европы вообще не слышали о битве под Москвой, о Сталинградском сражении, о Курской дуге, о том, что наш народ заплатил

29 млн жизней за мир, свободный от фашистской чумы? Исключено. Все это они знают. Ведь и на Западе много серьезных историков, которые не позволяют себе смешивать научные исследования с идеологическим вздором.

Вот почему так нужны дискуссии, помогающие пролить свет на наше актуальное прошлое. Вот почему так важны вариативные, но честные учебники, которые даже при разном отношении к прошлому учили бы его уважать. Вот почему так необходима необходимость пополнить наши школьные библиотеки книгами, которые несут правду истории.

А. И. Тугутов¹

УСТНАЯ ТРАДИЦИЯ В ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ (На материале русских летописей и средневековых монгольских хроник)

Д. С. Лихачев занимался изучением широкого круга проблем русской культуры, особенно древнего и средневекового периода, часто выходя за пределы только филологической тематики. Здесь среди прочего можно отметить вопросы дипломатической практики.

Обычная для трудов Д. С. Лихачева основательность исследования и полнота полученных результатов позволяют использовать его данные для сравнительно-сопоставительного анализа на материале других национальных культур. Мы привлекаем материал средневековых монгольских хроник, самая ранняя из которых датируется, предположительно, 1228 г. — это «Монголын нууц товчоо» (далее — МНТ) — «Сокровенное сказание монголов».

Наиболее целесообразным в методологическом отношении при сравнительно-сопоставительных исследованиях древней и средневековой русской и монгольской культур является поиск типологических сходжений. Этот ракурс и избран нами в данной работе.

К своим наблюдениям по поводу дипломатического этикета Д. С. Лихачев пришел, изучая употребление прямой речи в русских источниках. Кроме записей монологических и диалогических высказываний персонажей, в русских летописях существовала специфическая форма прямой речи, фактически, самостоятельный особый жанр, так и называемый «речью». Этим термином летописцы объединяли послания князей и других влиятельных лиц.

Этот жанр получил широкое хождение в дипломатическом обиходе. Именно речью русские князья сообщаются с поляками и венграми: «И ста Святополк в граде, а ляхове на Бугу, и сослался речьюми Святополк с ляхы» (Лаврентьевская летопись, 1097 г.)²; в Ипатьевской летописи под 1151 г. отмечается, что Изяслав Мстиславич послал «с речьюми» к венграм³.

Речь употреблялась русскими князьями и в общении между собой. В записях 1140 г. в Ипатьевской летописи говорится «и послал Вячслав и Изяслав Мьстиславичь послы свои к Всеволоду с речьюми, рядитися...»⁴ Д. С. Лихачев показывает, что выражение «послать с речьюми», встречаясь как в указанных выше летописях, так и во многих других, означало именно посольскую миссию. Когда переговаривающиеся стороны взаимно посылают друг к другу послов, летопись применяет выражение «сослаться речьюми».

Речи передаются в летописях как прямое обращение адресату: «И посла Мьстислав по Ярослава, глаголя: “сяди Кыеве, ты еси: старейшей брат; а мне буди си сторона”» (Лаврентьевская летопись, 1024 г.)⁵.

Однако между отправителем и получателем сообщения присутствовал посредник — посланник. Именно он возвещал в первом лице, от имени пославшего его человека. Таким образом, адресуясь ко второму лицу через посредника, прямая речь в большинстве случаев оформляется как прямое обращение к собеседнику. Главная особенность речей как дипломатического и, шире, коммуникативного жанра заключалась в том, что они составлялись и передавались в устной форме, в отличие от грамоты — письменного послания. Причем речи употреблялись значительно чаще, чем грамоты. Из русских князей только Владимир Мономах, по матери «гречанин», придерживаясь греческого обычая, «посылал “грамотицу” князю Олегу Святославичу».

Основное содержание «Сокровенного сказания монголов» относится к XII–XIII вв. В дипломатической практике монгольских ханов этого периода используются устные послания үг (үгс) — (слово, речь), практически идентичные русской речи.

Посланиями обменивались по каким-либо значимым поводам. В частности, возведенный на ханский престол и получивший имя Чингисхан, Тэмуджин сообщает об этом Ван-хану через послов: «Тахай, Сүхээхэй хоерыг элчээр илгээв»⁶ — «отправили

¹ Старший научный сотрудник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН, кандидат искусствоведения, доцент.

² Цит. по: Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. Л., 1947. С. 115.

³ Там же. С. 118.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Цэрэнсодном Д. Монголын нууц товчоо. Эрдэм шинжлэгийн орчуулга, тайлбар. Улаанбаатар, 2000. С. 126.

Тахая и Сухэя послами». Пытаясь восстановить против Чингисхана своего отца Ван-хана, Нилха Сэнгум многократно посылает к нему үгс — речи: «Сказав эти речи, Нилха Сэнгум отослал их с Тудэ-энэр Сайханом своему отцу Ван-хану. Выслушав эти речи, Ван-хан сказал...»¹

Из контекста понятно, что үгс, как и русские речи, передавались устно, без изменений, строго в том же виде, в каком их сообщал отправитель. Похоже, что устная форма посольских сообщений, как и на Руси, продолжала готовать наряду с письменными посланиями, не теряя своего статуса и значимости, особенно во внутримонгольском обиходе. Понять причину особой роли устных посланий

можно, обратившись к выводу Д. С. Лихачева, что посол, «передавая “речи” князя, во всех случаях являлся его заместителем, фактотумом. Посол говорил от лица посланного, как будто бы сам являлся в момент передачи “речей” этим посланным. Поэтому-то и оскорбление, нанесенное послу, было равнозначно оскорблению того лица, которое его послало»².

Очевидно, что некоторые функциональные элементы данного явления сохраняются до сих пор в современной дипломатической практике, в том числе семантика должности посла как лица, представляющего главу этого государства и, соответственно, свое государство.

Н. С. Тунтеев³

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МУЗЕЯ ЖЕРТВ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ — НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ИСТОРИЮ ТОТАЛИТАРНОГО РЕЖИМА

После падения коммунистического режима обществоведы стали осмысливать, анализировать, давать разностороннюю оценку режиму, который называли тоталитарным, административным, партийно-военным, сталинским, даже феодальным и т. д.

Осмысливая период истории СССР с 1930-х по начало 1950-х гг., мы приходим к выводу, что, получив власть, к 1927 г. Сталин мрачно оценивал то хозяйство, которое ему досталось. СССР — огромная многонациональная империя с народами разных общественных укладов, разоренная и отсталая. Сталин видел острейшую необходимость быстрого поднятия экономики СССР, так как мировая политика и международное положение страны диктовали это.

В 1923 г. в Италии, в 1933 г. в Германии к власти пришел фашизм. Болгарский коммунист Г. Димитров в 1934 г. сказал: «Гитлер — это война». Примерно в то же время, в 1931 г., Сталин был вынужден признать: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны это расстояние пробежать в 10 лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомянут»⁴. Этот вывод, мы считаем, и есть ключ к пониманию сути тоталитарной системы как реальности, а не исторического мифа.

Необходимость в кратчайшие сроки создать современную индустрию вызвала лихорадочную успешность в создании целых отраслей экономики: энергетика, металлургия, тяжелое машиностроение, станкостроение, авиационная, химическая, судостроительная, танкостроительная промышленность. Все, что мешало этому, подлежало устранению. Это дополнялось настоящей потребностью в бесплатной рабочей силе.

Режим личной власти вытекал из необходимости держать в повиновении огромную многонациональную империю. Как известно, в истории человечества империи (римская, персидская, арабская,

византийская, монгольская, колониальные) держались только на страхе наказания и репрессий. Главным орудием подавления оппозиции и инакомыслия в СССР стал НКВД, в системе которого в 1931 г. было создано Главное управление лагерей — ГУЛАГ. В этой бесчеловечной системе на начало 1950 г. было 486 лагерей, через которые прошли, по оценке Роя Медведева, до 13 млн человек. ГУЛАГ — это огромное рабовладельческое государство в государстве.

Мы сделаем краткий экскурс в историю Казахских лагерей в системе ГУЛАГа. Это лагеря: Актюбинский, АЛЖИР, Алматинский, Балхашлаг, Джамбуллаг, Джезказганлаг, Иржизлаг, Казалинлаг, Камышлаг, Кенгирлаг, Кызылордалаг, Кокчетавлаг, Кустанайлаг, Луглаг, Песчанлаг, Петропавловский, Семипалатинский, Степлаг, Туркестанлаг, Уральский, Усть-Каменогорский, Чимкентский, Экибастузский. В этих 23 лагерях содержалось 800 тыс. заключенных. Управление всеми лагерями находилось в с. Долинка Карагандинской области.

Казахстан был краем ссылки народов. В 1937 г. сюда сослали корейцев, в 1938 г. — иранцев, в 1940 г. — поляков, в 1941 г. — немцев, в 1943 г. — калмыков, в 1944 г. — чеченцев, ингушей, балкаров, карачаевцев, в 1949–1950 гг. — западных украинцев. По нашим подсчетам, это около 1,5 млн человек.

В рамках небольшой статьи невозможно упомянуть всех, кто «тянул срок», но в их среде были А. Солженицын, А. Чижевский и многие другие выдающиеся люди. В системе ГУЛАГа был уникальный Акмолинский лагерь, предназначавшийся для жен изменников Родины. Сюда везли осужденных женщин со всех концов Советского Союза на так называемую «26-ю точку», то есть на 37-й км шоссе Акмолинск–Коргалжын. 3 декабря 1937 г. Приказом наркома НКВД СССР Н. Ежова здесь был образован лагерь. Женщины сами месили глину, изготавливали кирпичи и сами строили себе бараки. Через ворота лагеря с 1937-го по 1953 г. прошли 8 тыс. женщин, в их числе жена и сестры М. Н. Тухачевского, жена А. Енукидзе, матери Майи

¹ Цэрэнсодном Д. Указ. соч. С. 167.

² Лихачев Д. С. Указ. соч. С. 118.

³ Заместитель директора по науке Музея жертв политических репрессий (Казахстан, Астана), кандидат исторических наук, доцент.

⁴ Сталин И. В. Собрание сочинений. Т. 13. С. 39.

Плисецкой и Булата Окуджавы, Лидия Русланова. Сроки давали следующие: если жена репрессированного — 8 лет, сестра — 5 лет, племянница — 3 года.

Через АЛЖИР прошли свыше 100 жителей Ленинграда. Здесь был образован рабовладельческий агросовхоз. В годы войны работала швейная фабрика, где заключенные женщины шили военное обмундирование, собирали камыш (норма — 40 снопов в день). Лагерь был закрыт лишь в 1953 г., после смерти Сталина.

С обретением независимости Казахстана в 1993 г. был принят закон о реабилитации жертв массовых политических репрессий. В 2007 г. по инициативе Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева был открыт единственный в СНГ Музей жертв политических репрессий на территории бывшего АЛЖИРа. Музей, несмотря на свою молодость, проводит большую работу по сбору и публикации материалов по своей тематике.

В экспозиции музея отражены мрачные годы истории Казахстана, уничтожение лучших сынов и дочерей народа, которые были членами партии «Алаш-Орда», Гражданская война в Казахстане,

коллективизация, в результате чего погибли 1 млн 700 тыс. казахов, а оставшиеся в живых бежали от голодной смерти в Китай, Киргизию, Афганистан, Иран, Турцию. Отражены в экспозиции и политические репрессии конца 1940-х гг. Коль скоро в Москве и Ленинграде находились космополиты и другие «враги народа», то они должны были быть и в других союзных республиках. В Казахстане в числе таковых оказались знаменитый писатель Мухтар Ауэзов, геолог Каныш Сатпаев, математик Алимхан Ермеков, историк Ермухан Бекмаханов, которые были репрессированы.

В декабре 1986 г. на площадь Брежнева в г. Алматы вышли студенты с требованием гласности и демократии. Демонстрация была подавлена военными с помощью дубинок и саперных лопат. Это был первый звонок, предвещавший последующие драматические события, приведшие к развалу СССР. Данная тема также нашла отражение в экспозиции музея.

Сегодня музей проводит большую научно-исследовательскую работу по изучению репрессивной системы тоталитаризма СССР и развенчанию многих опасных мифов XX в.

Э. А. Шулепова¹

НАСЛЕДИЕ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ: ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ, СОХРАНЕНИЯ, ТРАНСЛЯЦИИ

Интерес к наследию закономерно возрастает в обществе на поворотных моментах истории, когда со всей остротой ставится вопрос о путях дальнейшего развития, когда усиливается борьба между консерваторами и прогрессистами, традиционалистами и новаторами.

Считается, что время представляет собой главную угрозу для культурного наследия. Это не совсем так. Время столь же созидательно для накопления наследия, сколь и разрушительно. Самая же большая опасность для существования культуры и ее памятников таится в разрыве между культурной элитой общества, освоившей и хранящей определенные ценности, и остальной частью народа, лишенной привязанности к ним. Если такой раскол существует, если масса людей, отчужденных от своего культурного наследия, стремительно нарастает и становится критической, происходит взрыв варварского отношения к наследию и его хранителям. История доказала, что при крупных общественных катаклизмах, в условиях резкой смены ценностных ориентаций, при глубоких сдвигах в экономической и социальной сферах закономерно происходит разрыв с единым комплексом предшествующей культуры, принимающий порой форму крайнего отрицания.

По мере того как острота конфликта сглаживается, на первый план в реалиях прошлой культуры, утративших непосредственное функциональное назначение и связь с прежними хозяйственными и идеологическими механизмами, выступает их ду-

ховная значимость, их культурный смысл. С этого момента можно говорить о культурном наследии в прямом смысле слова — как о совокупности предметных реалий и духовных ценностей прошлого, сохранившихся в современной культуре и составляющих источник ее развития.

Освоение и трансляция — универсальные способы сохранения наследия, его живой жизни даже тогда, когда форма бытия культуры перестает существовать физически. Освоенная человеком, она обретает свое духовное бытие (передающиеся от поколения к поколению религии, учения, идеи, идеалы, традиции, легенды, мифы, образы, пословицы, поговорки и т. д.) и способность воплотиться в новой форме культуры иного времени и пространства (как духовной, так и предметной). Поэтому установка на максимальное сохранение и освоение культурного наследия всех народов и народностей и возникающий на этой основе диалог культур есть первая заповедь любой культурной политики, а трансляция культурного наследия — вторая.

Процесс культурной трансляции является сложным, он сочетает разные типы социально-культурной информации: традиционный или рациональный, в которых в той или иной мере присутствует отношение человека к среде его обитания (предметно-памятниковым объектам). Рассматривать данные типы социально-культурной трансляции нужно с учетом исторического контекста, ибо только он позволяет современнику познать непонятный на первый взгляд факт, когда образцы, вначале включенные в негативную традицию, становятся в иное время или нейтральными, или начинают функционировать в качестве позитивной традиции.

¹ Заместитель директора Российского института культурологии (Москва), доктор культурологии, профессор, заслуженный работник культуры РФ.

История человечества всегда была связана с трансляцией образцов и норм поведения, обычаев, опирающихся на традицию. Она одинаково важна во всех устойчивых обществах, но различными бывают механизмы ее передачи, а также оценки самого факта зависимости от «предков». Социальные рамки передачи наследия означают, что оно может транслироваться на уровне масс или отдельных социальных групп. Трансляция культурного опыта в рамках традиционных форм — это проблема определенных условий, в которых приходится действовать. Это проблема средств, с помощью которых эти условия могут формироваться и формируются; это проблема иерархии ценностей, которые предлагаются окружающим.

Последняя проблема связана с механизмом бесконечного накопления и трансляции социального опыта посредством передачи культурных ценностей от старшего поколения к младшему. Социальная обусловленность личного опыта проявляется в том, что каждый человек имеет столько знаний и навыков, сколько социальных групп он считает своими. По мере социализации личности усложняется духовный мир человека, контекстом которого становятся «знание-опыт», «знание-ценности», «знание-информация».

Современные сторонники рационалистического типа трансляции считают, что давность не доказательство ценности того или иного явления. Рационалист подвергает сомнению любую веру, любое мнение, любой обычай, поскольку верит, что силы

разума достаточно для познания истины и выработки собственных принципов поведения. Этот подход уходит корнями в конец XIX в., возникнув под влиянием газет, журналов и появившегося тогда кинематографа. Однако массовый характер он обрел лишь с широким распространением телевидения.

Для рядового человека, по мнению французского культуролога А. Моля, большое значение имеет не сумма знаний, полученных в семье или школе, а то, что человек услышит по радио, увидит по телевидению или в кино. Сегодня Интернет открыл новый этап в развитии информационных технологий и трансляции культуры. Он обладает огромным потенциалом, поскольку позволяет транслировать информацию практически на любых языках культуры графическими, аудио- и видеосредствами.

Однако парадокс современной международной ситуации состоит в том, что крушение двухполярного мира в условиях глобализации вызвало не устремление народов к единому полюсу, а движение в противоположном направлении — к своим корням, истокам. Возвращение к исходным ценностям, к патетике своих традиций отмечено как в России, так и за рубежом. По сути, отечественные исследователи близки ряду зарубежных, работающих в рамках ситуативной историографии. Новые музейные экспозиции, своды памятников истории и культуры способны усилить трансляцию культурных ценностей на общество, где реально существование как традиционного подхода, так и рационалистического.

Секция 4

ПРАВОВЫЕ КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННОСТИ: ОТ КОНТРАСТА ЦИВИЛИЗАЦИЙ К ЦИВИЛИЗАЦИОННОМУ ЕДИНСТВУ

23 мая 2008 г. СПбГУП, ауд. № 522

Руководители секции:

ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ Андрей Геннадьевич — директор Института государства и права РАН (Москва), доктор юридических наук, профессор;

ХАБРИЕВА Талия Ярулловна — директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (Москва), главный редактор «Журнала российского права», доктор юридических наук, профессор;

ШЕМСУЧЕНКО Юрий Сергеевич — директор Института государства и права им. В. М. Корецкого Национальной академии наук Украины (Киев, Украина), зарубежный член РАН, доктор юридических наук, профессор

Ю. С. ШЕМСУЧЕНКО: — Программой секции определены основные вопросы, подлежащие рассмотрению, однако в ходе работы могут подниматься и обсуждаться и другие актуальные вопросы. Я предлагаю перенести обсуждение проблемы диалога культур в область права, которому в настоящий момент отводится двоякая роль. В области теоретической юриспруденции получил широкое применение институт правовой культуры, в рамках которого объединяются юридическая форма права, правосознание и юридически значимое поведение. Однако оценка поведенческого компонента позволяет говорить о низком уровне правовой культуры, порой граничащей с правовым нигилизмом, который в настоящий период и в Украине, и в России, приобретает общесоциальный характер, что ведет к снижению эффективности правового регулирования как внутри государства, так и в области международных отношений. Конечно, на данном этапе на развитие различных правовых систем широкое влияние оказывают идеи гуманизма. Это непростой процесс, здесь возникает довольно большое количество различных проблем как теоретического, так и практического характера. Но, наверное, задача именно юристов, правоведов — направить этот процесс в русло гуманистического развития правовых систем и права в целом. Понимание права как явления общесоциальной культуры и вместе с тем рассмотрение правовой культуры как комплекса, объединяющего нормативную, психологическую и поведенческую составляющие правовой и социокультурной реальности, являются идейно-теоретическим основанием концепции правового обеспечения диалога культур. В рамках данной концепции я считаю возможным рассматривать право в качестве инструмента межкультурного взаимодействия. При этом право выходит за рамки, определенные национальными правовыми системами, и приобретает качества регулятивно-охранительной системы наднационального уровня. В структуре «наднационального» права входят отрасли, ко-

торые объединяют в себе нормы и принципы внутригосударственного законодательства и международного права. К числу таких отраслей, по моему мнению, могут быть отнесены, например, космическое и экологическое право. Названные отрасли представляют собой качественно новые правовые образования, внедрение которых в практику межкультурного взаимодействия направлено как на создание условий сохранения человеческой цивилизации в обозримом будущем, так и на обеспечение поступательного развития человечества в области научно-технического прогресса.

Часто международное право зависит от того, как оно трактуется международным сообществом. Думаю, очень важно, чтобы именно широкая юридическая общественность и ученые-юристы подчеркнули значимость данных процессов и задали направления их развития. Мне представляется необходимым отойти от классического понимания примата международного права, когда через имплементацию норм международного права должно развиваться внутреннее законодательство. Полагаю, что в современный период ситуация несколько изменилась: прослеживается как влияние международного права на внутреннее законодательство различных стран, так и повышение влияния внутреннего законодательства на развитие международного права. Несмотря на то что этот аспект выпадает из поля зрения наших правоведов, он имеет принципиальное значение. Я хотел бы это продемонстрировать на конкретном примере. Космическое право начало развиваться в 1960–1970-е гг., после того как были запущены первые искусственные спутники Земли. Тогда единственным субъектом космических отношений выступали государства. Под этим углом зрения и сформировалось международное космическое право. Однако практика отдельных государств во многом шла другим путем, а именно путем признания на национальном и международном уровне в качестве субъектов космических отношений не только государств, но и других

юридических и физических лиц. Известно, что большинство договоренностей на сегодня, по сути, предполагает сотрудничество частного элемента в исследовании и использовании космического пространства. То есть практика государств в развитии национального космического законодательства подталкивает к тому, чтобы были приняты новые нормативные правовые акты. Для этого, с моей точ-

ки зрения, необходимо сесть за стол переговоров и провести широкую международную конференцию (такой в свое время была конференция по Международному морскому праву) и принять соответствующую всеобъемлющую конвенцию по космическому праву. Это одна из форм ведения диалога цивилизаций, позволяющая принять конкретные правовые решения.

Е. М. Астахов¹

МИРОВАЯ ПРАКТИКА КУЛЬТУРНОЙ ДИПЛОМАТИИ

Когда я учился в МГИМО, наш преподаватель — светило международного права — говорил, что международного права нет. Есть право силы, право национальных государственных интересов. За более чем 35 лет дипломатической службы я убедился в этом не раз. Международное право — это только для аргументации, для конференций, для обоснования позиции той или иной страны. В своих действиях государства руководствуются так называемой культурной дипломатией, и именно это явление я бы хотел обсудить с вами.

В принципе культурной дипломатией занимаются все страны, особенно западные. Смысл и основная задача культурной дипломатии — продвижение своих интересов, пропаганда своего образа жизни, национальных достижений, а самое главное — решение геополитических задач данной страны. Межцивилизационный диалог не может обойтись без культурной дипломатии. Однако бессмысленно искать культурную дипломатию в западных странах. В своих действиях они руководствуются не так называемой «национальной идеей» (вещь, которой уже много столетий болеет наше общество), а чисто прагматическими интересами.

Традиционно активны на поприще культурной дипломатии французы. Широко известный «Альянс Франсез» является, по сути, государственным органом, координирующим всю работу по продвижению языка и культуры этой страны. Истоки этих задач прослеживаются еще в XVII в., когда французская дипломатия стала законодательницей мод. Именно в этот период французский язык начинает использоваться в качестве главного средства международного общения и дипломатической переписки. Несмотря на все изгибы своей истории, Франция сумела сохранить преимущество в политике продвижения своей культуры. Сегодня «Альянс Франсез» имеет свои отделения практически во всех столицах мира, а также во многих провинциальных городах.

Основные функции этих центров — организация курсов преподавания французского языка; преподавание французского языка и литературы в высших учебных заведениях; проведение выставок, кинофестивалей, встреч с молодежью и т. д. Значителен объем информационной работы по пропаганде французского образа жизни, достижений этой страны в разных областях, ее культуры. Эф-

фективной формой работы с местными культурными кругами является награждение их представителями Почетного легиона, предоставление грантов и т. д.

Основное финансирование поступает из госбюджета. Часть средств обеспечивается доходами от курсов французского языка.

Аналогичные методы практикуют и другие западноевропейские страны — Германия (Институт Гёте), Испания (Институт Сервантеса), Англия (Британский совет). С большим размахом действует Информационная служба США (USIS). Новый игрок в мировой культурной дипломатии — Пекин. В качестве главного рычага используются китайские диаспоры, которые быстро растут в количественном и экономическом отношении. Уже сегодня они представляют собой серьезную опору для дальнейшего укрепления внешних позиций Китая.

В чем же основные черты культурной дипломатии России?

В советские времена при всех идеологических ограничениях, которые подчас негативно влияли на проведение культурной дипломатии, эта работа все-таки была поставлена на государственный уровень и на государственное финансирование. Задачи выполняли Совэкспортфильм, АПН, ТАСС, отделения ССОД, посольства.

После 1991 г. культурная дипломатия, культурная работа, пропаганда практически не осуществлялись. Задачи были совершенно другие: нужно было срочно брать власть, ломать всю старую систему, овладеть материальными и природными ресурсами страны, строить капиталистическое, причем на либеральных основах, новое общество, нельзя было терять ни минуты, нельзя было допустить отката назад.

По существу, в 1990-е гг. прекратили существовать все государственные структуры внешней пропаганды и распространения культуры вовне. Да и государство в целом значительно ослабло, исчезла государственная идеология, потерялись общенациональные цели, размылось национальное самосознание. Национальные цели и ценности конвертировались в задачи укрепления политической власти и приватизации государственной собственности. Внятная внешняя политика ушла на второй план, а о культурной дипломатии вообще забыли как о чем-то ненужном.

К культурной дипломатии стали вновь обращаться лишь в XXI в. Однако во многом это внимание носило риторический характер и было направ-

¹ Профессор Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол.

лено скорее на внутреннее, а не на внешнее потребление. Тем не менее положительные сдвиги уже очевидны. Звучит тема необходимости культурной работы за рубежом. Воссозданы, хотя и под другими названиями, некоторые прежние структуры. К этой работе подключаются полугосударственные и частные фонды.

В то же время остается множество нерешенных проблем, например такой чувствительный для российского самосознания вопрос, как положение соотечественников за рубежом. Соотечественники — это очень широкое понятие. Огромное количество русскоязычных и русскодумующих людей по разным причинам оказались за пределами нынешних административных границ Российской Федерации. Возникает вопрос, какую политику следует проводить по отношению к этим людям.

Полемика на этот счет очень противоречива. До последнего времени в части российской элиты сохранялся так называемый «беловежский» подход. Он заключался в том, что бывшие соотечественники являются частью населения суверенных государств, и ответственность за их права и судьбы лежит на руководстве этих стран. Такая «политкорректная» политика и сейчас поддерживается либеральным крылом российских политиков, кстати, либеральное крыло есть и в нашем правительстве. Такая политика демонстрирует победу прагматизма над, как говорят на Западе, «фантомами империалистического наследия». Однако их тревожит официальная риторика, которая носит «неоимпериалистический» характер. «Прагматизм» российских элит устраивает и руководство новообразованных государств. Это дает им возможность беспрепятственно решать свои стратегические задачи: укрепление государственности, закрепление «навечно» бывших административных границ, которые вдруг стали государственными, силовое распространение «титульного» языка на все, в том числе среди русскоязычного населения, его информационная блокада, ограничение влияния православной церкви, и прежде всего Московской патриархии.

В практическом плане решать проблемы русскоязычного населения на постсоветском пространстве непросто, даже в случае наличия соответствующей политической воли. В последние годы со стороны российского руководства предпринимаются попытки воспрепятствовать политике ассимиляции русскоязычного населения в ближнем зарубежье. Но дальше увещеваний дело не идет.

Причин такой линии несколько.

1. При всех очевидных экономических успехах Россия пока недостаточно сильна, чтобы ее озабоченность принималась во внимание как в ближнем зарубежье, так и на Западе в целом.

2. Значительна зависимость России от мировой экономики. Наряду с плюсами участия в процессах глобализации видны и минусы. Главное: Россия пока не может обеспечить свою экономическую безопасность. Так, Москва на 80 % зависит от импорта продовольствия и примерно на 85 % от импорта

лекарств. Любое проявление политической воли нашего руководства может привести к экономической блокаде — к замораживанию счетов. Много разговоров насчет стабфонда — где они размещены, где они размещены? Пока де-факто в американских ценных бумагах класса 3-А. Ну хорошо — 4-А, а что дальше — практика Югославии, или Ирака, или Ирана? Любое резкое движение с нашей стороны может привести к замораживанию этих счетов, средств стабфонда, размещенных в самых, как говорит Кудрин, «надежных» бумагах современного мира.

3. Любые попытки на официальном уровне реально защитить права российских диаспор на постсоветском пространстве немедленно будут пресекаться Западом. Они уже пресекаются, и это видно в реальной работе политиков, дипломатов, спецслужб. Все те, кто занимается конкретной практической работой, это знают, и знают в деталях. Не допустят они возрождения «имперской» России. Могу вас уверить, что сами бы США и ведущие страны Евросоюза действовали бы совсем по-другому, если бы оказались в нашем положении. Практика американцев совершенно очевидна: и в истории немало примеров того, как они действуют — вплоть до применения военной силы.

В целом, культурная дипломатия находится в поле зрения российского политического руководства. Однако государственная политика на этот счет пока не выработана. Нет соответствующей статьи бюджета, выделяемые средства незначительны и «одноразовы». Нет единого координационного центра, направляющего и контролирующего деятельность недавно созданных структур.

Постановка задач культурной дипломатии невозможна без определения общенациональных целей. Одного развития экономики для российского менталитета мало. Россия всегда нуждалась в развитии, прежде всего духовном, в нравственных ориентирах, историческом осмыслении своего пути. Но с учетом того, что Российская Федерация — многонациональное государство, речь должна идти об общероссийской задаче. Известные постулаты о православии, собирании земель и общинном коллективизме могут не найти понимания других этнических групп и элит ряда субъектов федерации.

Национальную идею надо искать на путях единого восприятия нашей общей истории без ультралиберальных и леворадикальных черно-белых красок, восстановления социальной справедливости, возрождения морали, осмысления места страны в мировом развитии.

«Русский мир» — это не только пространство, ограниченное нынешними границами Российской Федерации. Этот мир составляют также российские диаспоры и представители других этносов, разделяющие русскую культуру.

В широком плане «русский мир» — это энергия русской культуры, которая распространяется в мире автономно, подчас независимо от воли правительств. Такая энергия имеет огромный потенциал, и ее надо использовать в интересах России.

Л. А. НУДНЕНКО¹: — Накануне в выступлениях официальных представителей МИДа неоднократно прозвучало, думаю, уже забытое слово «сосуществование». На Ваш взгляд, возможен ли диалог культур, цивилизаций в условиях мирного сосуществования?

Е. М. АСТАХОВ: — Безусловно, возможен. В моем выступлении прозвучали резкие интонации, но я их допустил специально. Надо работать, вести диалог, определенную политику и использовать всю мощь государственного аппарата для реализации этой задачи. В реальной жизни в таком диалоге Россия зачастую находится «в обороне». Мы все время попадаем в западную терминологию «права человека» и «демократия». И мы все время оправдываемся и постоянно проигрываем все сражения, по меньшей мере, с 1973 г. Так и будет продолжаться, пока мы не внедрим свою национальную идею, не определим свои национальные интересы. В свое время нынешний вице-президент американской фармацевтической фирмы, а во времена Ельцина министр иностранных дел России А. В. Козырев спрашивал американцев: «В чем заключаются национальные интересы России?» Можете себе представить изумление американцев, которые услышали такой вопрос от министра иностранных дел России?

Когда мы говорим о диалоге, нужно осознавать, что реальная политика, реальные интересы не позволяют оставить недопонимание в общении.

Р. А. РОМАШОВ²: — Вы неоднократно говорили, что в России нет национальной идеи, но есть прагматические интересы государства.

И в то же время есть русское ментальное правосознание, «русскодумающие» люди (в том числе руководители государства), а значит, есть и некая национальная идея. Поясните, пожалуйста, эту мысль.

Е. М. АСТАХОВ: — Когда люди руководят государством, это вовсе не означает, что у них есть понятие «национальная идея». Совершенно не обязательно. А русскодумающий человек — это человек, который воспитан на русской классической литературе, на истории России и который думает и говорит по-русски: у него есть генетическая память.

На мой взгляд, попытка определить национальную идею Российской Федерации на путях, скажем, православия, не найдет понимания как минимум у 30 % населения нашей страны. Это бесперспективный путь. Надо искать некую общую, компромиссную национальную идею, которая устроила бы всех, чтобы уйти от либеральных, ультралиберальных и леворадикальных, ультралеворадикальных воззрений. Поэтому нужно найти в себе силы, мужество, если хотите, и проводить настоящую научную и политическую работу, с тем чтобы действительно определить, чего мы хотим, что нам делать и как объединить народ.

В. В. Лапаева³

ПРАВО КАК ФОРМА ДИАЛОГА ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Уважаемые коллеги, на Чтениях озвучены очень интересные доклады и сообщения, лейтмотивом которых была мысль о необходимости конструктивного межцивилизационного диалога. Однако высветился ряд принципиальных различий в трактовке условий такого диалога. Дискуссия была очень интересной, и я постараюсь прокомментировать ее с правовой точки зрения.

Дискуссию начал американский профессор Валерштайн, отметивший, что для диалога нужны равные партнеры, в противном случае получается двойной монолог, и люди друг друга не понимают. Ему оппонировал академик Гусейнов, подчеркнувший, что в процессе межцивилизационного общения необходимо исходить из презумпции равенства культур. При этом механизмы межцивилизационного диалога следует выстраивать по аналогии с межличностным взаимодействием, в ходе которого люди выступают как равноправные партнеры.

Действительно, в общении совершенно разные люди выступают как равные субъекты. Это, собственно, и есть принцип формального правового равенства. Право предстает здесь нормой отношений в формах сознания, основанной на принципах фор-

мального равенства. «И цивилизации, — говорил Гусейнов, — должны по такому же принципу общаться». То есть каждая цивилизация сохраняет свою самобытность до тех пор, пока она не нарушает самобытность другой цивилизации. В этом смысле формой общения цивилизаций может быть только право. Применительно, допустим, к нравственным, религиозным ценностям, мы не можем и не должны говорить о цивилизационном единстве, потому что многообразие культур человечества состоит в том, что все они разные. Цивилизации отличаются друг от друга именно ценностно-нравственным конгломератом. А право для всех — это одно право, основа формального равенства. Его может быть больше или меньше в одной культуре. В этом отношении не могу согласиться со сторонниками так называемого «цивилизационного подхода», которые говорят, что у них свое право и своя демократия (управляемая или суверенная). По сути, отличие нашей демократии от правовой и либеральной западной в том, что в ней заложено большое авторитарное начало, основанное на доминировании коллективного блага над индивидуальным. Западная же концепция права исходит из того, что общее благо — это условие для реализации блага каждого. С практической точки зрения цивилизационная концепция вообще представляется опасной, так как, если мы вступаем в диалог с Западом, исходя из представления о некоем своем особом праве и демократии, Запад не будет нас воспринимать. Запад,

¹ Профессор кафедры конституционного права Российской академии правосудия (Москва), доктор юридических наук.

² Профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, доктор юридических наук.

³ Ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН (Москва), доктор юридических наук, профессор.

чью позицию выразил Валлерштайн, будет говорить, что эти субъекты не доросли до уровня правового партнерства.

Более резко ноту в дискуссию внесло выступление профессора Капура, который выразил озабоченность тем, что западные демократии навязывают остальному миру свои культурные ценности, а в диалоге цивилизаций нельзя исходить из принципа насилия. Он может быть плодотворным только в том случае, когда основан на принципе равноправия партнеров. Применительно к России это означает, что наши претензии на равноправный диалог с Западом должны быть подкреплены признанием универсальности прав человека как инструмента международного общения.

Однако в последние годы происходит все более заметная реанимация идеи особого пути России, не вписывающегося в вектор правового развития западной цивилизации. При этом одни говорят, что демократия и права человека — это специфически западные феномены, а России как стране, принадлежащей к евразийской цивилизации, присуща иная система соционормативной регуляции. Но если мы будем отрицать ценности прав человека, то будем отрицать и единственно возможную правовую форму и условие диалога цивилизаций. Потому что диалог этот может быть только в правовой форме. Если мы отрицаем правовые ценности, то мы отрицаем возможность диалога. В этом внутренняя противоречивость позиции сторонников цивилизационного подхода к праву. Претендуя на

* * *

М. М. ОШХУНОВ¹: — Скажите, пожалуйста, каким образом возможен диалог цивилизаций в условиях реального неравенства силы между цивилизациями? Какие стимулы существуют у более активных игроков международной политики общаться на равных с более слабыми игроками (я имею в виду Украину)?

В. В. ЛАПАЕВА: — У более сильных участников межкультурного диалога есть свои стимулы, они также заинтересованы в праве. Хотя бы потому, что их мало, а остальных — много. Надо сказать, что право зародилось на Западе, и это не случайно, так как сами западные государства были заинтересованы в нормах права. В других государствах сформировалась собственная ценностно-нормативная система, где больше морали и нравственности. Запад — это «золотой миллиард», но его силы может не хватить на борьбу с мусульманским миром. Поэтому Запад на силовой вариант тоже не хочет идти. В таких условиях все заинтересованы в правовом варианте.

Р. А. РОМАШОВ: — Различаете ли вы прагматико-эмпирические бесчисленные диалоги, развертывающиеся по межкультурным границам, и попытки организации диалогического общения через политические и культурные центры существующих цивилизаций? Это разноплановые, как вы догадываетесь, процессы.

¹ Профессор кафедры вычислительной математики Кабардино-Балкарского государственного университета (Нальчик), доктор технических наук.

равноправие в международных отношениях, в рамках своей национальной культуры они отрицают европейское понимание права.

Думаю, научная честность и политический прагматизм требуют признать, что право — это главное достижение западной цивилизации, ее основной вклад в сокровищницу мировой культуры. Другие цивилизации основаны на таких системах соционормативной регуляции, в которых доминируют регуляторы нравственно-религиозного и произвольно-силового характера. При этом именно разнообразие нравственно-религиозных различий обеспечивает многообразие культурно-цивилизационной палитры человечества. Право же, как особая форма нормативной регуляции, основанная на принципе формального равенства, во все времена и во всех цивилизациях по сути своей одинаково. Однако значение права состоит в том, что оно является формой несилового, мирного развития отношений между людьми, народами и цивилизациями. Поэтому в ситуации возможного конфликта цивилизаций именно право выходит на первый план. Возможно, в будущем, когда проблема конфликта будет снята, более весомую роль в межкультурном взаимодействии станут играть нравственные регуляторы.

Что же касается России, то это европейская страна, у которой есть все, чтобы выйти на «нормальную европейскую траекторию развития», но при условии наращивания правовой составляющей отечественной ценностно-нормативной системы.

В. В. ЛАПАЕВА: — Хочется оставить этот вопрос открытым, так как он таит в себе дискуссию, которую невозможно достаточно подробно осветить в рамках данной встречи. Тем не менее очевидно, что речь здесь должна идти о магистральном переломном процессе.

Е. М. ДОРОВСКИХ²: — Вы четко сформулировали те основы и критерии, по которым мы можем вступать в диалог с Западом. Понятно, диалог — это всегда обоюдное общение. А Запад может ли и должен ли делать какие-то уступки? Если да, то какие?

В. В. ЛАПАЕВА: — На сегодняшний день Запад только это и делает. Запад вообще инициирует правовой диалог, хотя бы словесно. Нам говорят, что он действует с позиции силы, но и все действуют с позиции силы. Поэтому межкультурный диалог, основанный на принципах права, выступает универсальным инструментом. Однако не все западные модели поведения стоит однозначно переносить на российскую политико-правовую действительность. Критичный подход к предлагаемому правовым ценностям и идеалам и есть наша культурная дипломатия. Так, правовая доктрина, на которую ориентирован Запад, достаточно архаичная и с точки зрения теории проигрывает либертарной, которая прямо говорит, что сущностным принципом права является формальное равенство. И этот тезис — казалось бы, совершенно абстрактный — имеет далекоидущие практические последствия.

² Заместитель главного редактора «Журнала российского права» (Москва), кандидат юридических наук.

Р. А. РОМАШОВ: — У меня тоже возник вопрос, касающийся либертарной концепции и Вашего высказывания о том, что право возникло на Западе. Причем нужно уточнить, что тот предмет, который Вы называете правом, возник достаточно поздно, уже при капитализме, так как только в тот период можно было говорить о принципе формального равенства. С точки зрения либертарной теории это представляется верным. Можно ли сказать, что все, что существовало не на Западе ранее, и то, что существует сейчас, это не право?

В. В. ЛАПАЕВА: — Нет, это искаженное представление о либертарной концепции. Право существовало всегда там, где было формальное равенство. Оно возникло еще в первобытном строе, при его разложении. Как показывает современная антропология, право возникает, когда родовая община разбивается на дуальные общины (чтобы самцы не передрались из-за самок), между которыми про-

исходит обмен невестами. И это было уже правовое начало, которое потребовало создания государственных форм для регулирования этого процесса. И при рабовладении было право. То есть право было всегда, оно различалось по субъектному составу и по наполнению принципа формальной разницы, который менял свое социальное содержание с развитием человечества.

В. И. КРУСС¹: — Вы считаете, что право или идея равенства являются продуктами западной цивилизации? А у другой цивилизации, такой как восточная, их нет?

В. В. ЛАПАЕВА: — Нет, право было всегда, у всех цивилизаций. Вообще, человек — существо правовое. Восточная цивилизация, ее соционормативная система больше основана на нравственности и религии. А Запад сделал право своим основным регулятором. Идея приоритета права — это западная идея.

Х. Бехруз²

ДИАЛОГ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ В УСЛОВИЯХ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Честно говоря, я свое выступление задумывал по-другому, но после развернувшейся дискуссии сделал для себя вывод, что для Запада диалог правовых систем, или диалог цивилизаций, возможен тогда, когда мы будем говорить на языке Запада. Если формальное равенство взять за основу и согласиться с тем, что предлагает Запад, такой диалог возможен. Диалог возможен тогда, когда мы признаем главный статус за другой страной. К сожалению, пока этого нет. Мы всегда говорим, что Запад сейчас может говорить лишь с позиции силы. На самом деле так и есть. Но в этой экономической войне могущество Запада тоже не бесконечно, а цивилизации будут существовать. Поверьте, что в Ираке и в Афганистане американцы очень хотят найти общий язык с местным населением, хотя у них сил хватает. Они могут уничтожить все население, но они этого не сделают, потому что тогда не с кем будет дальше работать. Почему в Ираке, например, они пытаются натравить друг на друга суннитов и шиитов? Чтобы те друг друга уничтожили, и американцам было бы значительно легче осуществлять свои планы. В настоящий момент Запад не осознает, что в других странах — тоже люди, цивилизации, пусть и с другими принципами. Для того чтобы все мирно сосуществовали, надо признавать равный статус всех, в том числе и их разных правовых систем. Таким образом, диалог правовых систем не просто возможен, но и необходим. Ментальность, правовая культура, правовое сознание, восприятие мира заставляют нас с разных точек зрения, с разных позиций подойти к решению общих глобаль-

ных вопросов. Поэтому государствам придется договориться, найти общие точки соприкосновения.

Стимул для Запада — инстинкт самосохранения. Ведь Запад сам по себе не может существовать. Общие проблемы, которые на сегодняшний день встают перед всем человечеством, заставляют нас всех прийти к тому, что нужно говорить на общем языке. Понятно, что существует правовая, культурная мозаика, которая формируется в совершенно разных расах, но при этом должно быть и общее стремление сформулировать единый знаменатель. Когда же говорят об общих, универсальных ценностях, честно говоря, я не до конца понимаю, что имеется в виду. Ведь западная цивилизация держится на одних принципах, а восточная — на других. Например, есть универсальная концепция прав человека. Действительно ли можно назвать ее универсальной? Для западного человека концепция прав человека — это святая святых. Но благодаря универсальной концепции прав человека Запад дошел до крайних проявлений индивидуализма, когда человек может себе позволить то, что немислимо ни с точки зрения морали, ни с точки зрения религии, ни с точки зрения культуры вообще. Это угроза для будущего человечества. Один пример: однополые браки. Когда в Канаде парламент принял закон, позволяющий заключать такие браки, на следующий день 80 тыс. чел. соединили свои судьбы. Это тоже проявление концепции прав человека, но это ненормально. Эти люди фактически уже были соединены, и процедура была формальной, и это подтверждает, что западное общество поощряет индивидуализм даже в таком крайнем проявлении. Для огромного количества людей такое выражение прав человека останется совершенно чуждым. Это проявляется не только в социально-культурной, но и в политико-правовой сфере. Например, не приживутся и не будут работать западные институты государственности

¹ Заведующий кафедрой теории права Тверского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

² Профессор кафедры права Европейского союза и сравнительного правоведения Одесской национальной юридической академии (Украина), доктор юридических наук.

в Ираке, Афганистане. Никогда в России не будут эффективны выборы английского или американского образца.

В целом я придерживаюсь цивилизационного подхода. Я полагаю, что право не является самым главным и единственным инструментом диалога культур. Право не может существовать без религии, морали, культуры. Да, через право возможно налаживание диалога. Но ведь диалог цивилизаций происходит везде, повсюду, на разных уровнях, через различные средства. Понятно, что мы, юристы, заинтересованы, чтобы все это проходило в правовом поле. Но это невозможно. Обнадеживает лишь то, что очень скоро вопрос о военной мощи перестанет быть центральным. Дело в том, что Россия и сейчас может защищать себя (пока у нее есть ядерные боеголовки, никто не нападет на Россию). Но у России более прагматичный подход к ситуации. Создав экономически сильное государство, Россия рассчитывает, что к ней начнут относиться не только как к государству, обладающему военной мощью, но и как к равноправному экономическому партнеру, с которым выгодно вести диалог. Тем более политические процессы не могут находиться вне рамок «глобализации», которая объединяет людей.

Глобализация — это процесс формирования глобального человеческого сообщества, связанный с выходом человеческой деятельности за национальные рамки и ее трансформацией в транснациональные формы, кардинально изменяющие не только условия существования отдельных индивидов, социальных групп и общин, народов и государств, но и индивидуальное, национальное и наднациональное правосознание, что приведет к созданию глобального сообщества.

Правовое измерение глобализационных процессов обуславливает пересмотр всей существующей системы правового регулирования общественных отношений. Это связано прежде всего с появлением и усилением влияния современных субъектов мирового хозяйства наднационального характера. Наднациональность, с одной стороны, носит функциональный характер (является функциональным обрамлением объединительных тенденций, выражением практической взаимозависимости государств), а с другой — имеет самостоятельное бытие, независимое в известных пределах от первоначальной воли государств.

В. В. ЛАПАЕВА: — Уточните, пожалуйста, какое скрытое оружие, о котором Вы упомянули, есть у России? Мне интересен взгляд человека, который оценивает Россию со стороны.

Х. БЕХРУЗ: — Дискуссия затронула вопрос о «русскомыслящих» людях. Хочу напомнить, что много людей, которые никогда не говорили на русском языке, никогда не читали Толстого, никогда не бывали в Большом театре, душой болеют за Россию. Так, если сейчас провести опрос в Афганистане, то большинство людей среди государств, к которым они хорошо относятся, в первую очередь назовут именно Россию. Дело в том, что политика Запада, и прежде всего США, многих наталкивает

Одной из объективных закономерностей развития права является диалог правовых систем, их взаимодействие и даже взаимопроникновение. Кроме того, углубляется взаимодействие международного и внутреннего права (интернационализация или гомогенизация). В рамках глобальной правовой системы главными субъектами в международной частно-правовой сфере выступают прежде всего транснациональные корпорации. Именно они создают собственную автономную экономическую систему, правовой надстройкой которой является транснациональное право как наднациональное право, а также система норм договорного и обычного права. Мировое право является новым названием того, что мы когда-то называли правом народов, общим правом человечества.

Характеризуя происходящие в настоящее время преобразования правовой материи, С. С. Алексеев отождествляет процесс создания глобальной правовой системы с формированием «права цивилизованных народов». С этой точки зрения он выделяет общую для всех этих процессов исходную причину — глобальный перелом в развитии человеческой цивилизации, развитие и утверждение цивилизаций либерального типа и, значит, современного гражданского общества, центром и смыслом которого является Человек, его достоинство и высокое положение в социальной системе, его неотъемлемые права.

Таким образом, процесс глобализации обуславливает коренные изменения и трансформацию современной гуманитарной сферы. Впервые мир стал восприниматься в своем неразрывном единстве при сохранении национально-культурной индивидуальности народов и их обществ.

Очевидно, что цивилизационное взаимодействие и диалог правовых систем являются объективными процессами, обусловленными современным этапом развития общества. Безусловно, существуют цивилизационные различия (например чрезмерная индивидуализация западного образа жизни и цивилизации и коллективизм, определяющий образ жизни и мышления восточной цивилизации), однако их существование не должно остановить процесс мобилизации потенциала этих цивилизаций, основанный на принципах, обеспечивающих терпимое восприятие иного образа жизни, иного менталитета и иных цивилизационных восприятий.

* * *

на мысль о необходимости существования силы, которая каким-то образом могла бы их остановить. Такой силой для многих является Россия.

Е. М. АСТАХОВ: — В теории есть только два способа решения конфликта: правовой и силовой. Или Вы знаете третий способ?

Х. БЕХРУЗ: — Опыт Ирака показал несостоятельность силового метода решения конфликтов. Третий способ я также не знаю. Я считаю, что право — один из элементов, который может формировать диалог. Не надо решать — либо право, либо сила. Есть много способов. Понятно, что в первую очередь правовой принцип, но это не только правовой диалог.

Р. А. Ромашов

ПРАВОВЫЕ КУЛЬТУРЫ РОССИИ И ЗАПАДА: ПАРАЛЛЕЛИ И ПЕРЕСЕЧЕНИЯ

В первый день Международных Лихачевских чтений, слушая профессора Гусейнова, я обнаружил, что и сам длительное время разрабатываю многие высказываемые им идеи. Вероятно, озвученный Гусейновым подход к проблеме взаимодействия цивилизаций разделяют многие. Цивилизации поставлены в условия, когда не взаимодействовать они не могут, и односторонней силы в этом вопросе не существует. Военная доктрина разных государств гласит: ядерной войны не будет, потому что это война на уничтожение, а уничтожение не нужно ни сильному Западу, ни слабому не-Западу.

Во-вторых, цивилизации могут экстраполироваться на людей. То есть человек — это микроцивилизация, поэтому взаимодействие цивилизаций можно проецировать по принципу взаимодействия людей. Здесь возникает очень большая проблема, ведь, условно говоря, представители социума делятся на две категории: друг — свой, и чужой — враг. Точно так же существуют два мира: мир не войны и мир войны. Как только мы вступаем из мира не войны в мир войны, социум делится на две категории: свои и чужие. И в данном случае ни о каком диалоге уже не идет речь. Потому что врага нужно и можно уничтожать, у врага можно и нужно отбирать — это трофеи, а не грабеж. Если мы живем в поликультурном мире и если мы проецируем этот мир на людей, то тогда мы должны четко определяться: с какими людьми мы дружим, а с какими — нет. Иными словами, либо у нас будет образ врага спроецирован вовне, и тогда он будет спланивающим фактором, либо мы будем искать внутреннего врага (тогда он выступает в качестве деструктива). Поэтому, если мы начинаем говорить о диалоге цивилизаций, мы четко определяем, общаемся ли с цивилизацией-врагом либо с цивилизацией-другом, союзником, партнером.

В то же время мир живет по двум матрицам (об этом тоже упоминал Гусейнов): космополитизм (с его многополярностью мира и адекватным восприятием различий людей) либо шовинистический эгоцентризм (то есть восприятие собственной нации как единственно возможной, а всех остальных — как субкультур, антикультур, варваров).

Сильный Запад в настоящий момент предлагает ту самую поликультурность. Россия попыталась перейти к поликультурному миру только один раз: от концепции «Москва — Третий Рим» (понимаем, что Четвертого Рима не будет, все остальное — варварство, ересь, антицивилизация) к концепции отождествления России с другими государствами (такую попытку предпринял в 1721 г. Петр I, назвавший Россию империей). Признание России империей означает, что она не одна в этом мире, что существует, например, Запад, с которым можно вести диалог. Тогда существовала великая Германская империя. Россия объявила себя империей, и Петр I вступил в иерархию западных монархов, сразу заняв в ней высокое положение. Именно с этого момента можно говорить, что мы попытались войти в состав западной цивилизации (несмотря на то что Запад, говоря о том, что он заканчивается на

Прибалтике, так и не признал до сих пор, что Россия — западное государство). Мы утверждаем, что приемлем западные ценности. Но действительно ли приемлем?..

Когда мы говорим о правовой культуре, мы понимаем, что, во-первых, правовая культура, как и любая культура, — это антипод природы (естественного мира, в котором человек может жить и быть его частью), искусственная среда обитания, предполагающая разрешение конфликтов. Поэтому я не могу согласиться с профессором Лапаевой в том, что право с древнейших времен существует само по себе. Тогда можно утверждать, что и в стаде тоже есть право. Если говорить о правовой культуре, то, безусловно, это система источников. Это та самая культура-наследие, либо культурная ментальность, которая предполагает традиционно выработанное отношение к правовым регуляторам, правовым отношениям, правосудию. И здесь я полностью согласен с тем, что отношение к правосудию в России, Японии или Америке совершенно разное. Если мы начинаем рассматривать правовую культуру, то в настоящий момент мы можем говорить о том, что правовая культура как абстракция — явление, присущее практически всем странам и народам, которые перешли на государственную стадию развития. На этих основах базируется правовая культура Запада.

Рассмотрим три критерия: отношение к понятиям «свобода» и «права человека»; восприятие Западом и Россией понятия «государство»; отношение понятий «государственная власть» и «частная собственность». Первый момент: понятие «права человека», и прежде всего понятие «свобода». Для западного человека свобода — это «определенная» самостоятельность, «определенная» правом. При этом первоначально право одного человека ограничивается правом другого. Для того чтобы избежать массового самосуда, вводится правовой инструментарий, и мы с этим соглашаемся. Понятие «свобода» как самостоятельность, ограниченная известными пределами, понятие «права человека» — вот тот минимум личной свободы. Он является универсальной ценностью и не может быть нарушен никем, прежде всего самим государством. Применительно к России в таком понимании о свободе говорить нельзя, соответственно нельзя говорить и о правах человека. В российской ментальности свобода — это воля, а воля — это неограниченная свобода, произвол. Прав человека здесь быть не может: государство установило, что такое права человека, государство задало, в каком объеме эти права существуют, и государство же распоряжается ими. Но ведь государство — это люди, то есть власть произвольна в своих отношениях и подданные произвольны в своих отношениях. Гражданин — это западный субстрат, гражданин — это субъект, обладающий правом и свободой, гражданин — это и есть микрогосударство. А россиянин — это либо господин, либо подданный.

Представляется, что существуют три образа государства, которые в той или иной степени здесь

отражаются. Это государство-отец, патримония, патриархат; государство-бандит; государство-партнер. Запад дошел до того, что государство — это некий абстрактный, коллективный партнер. Поэтому с XV в. Запад не мыслит категориями королевств, Запад мыслит категорией «стэйт». «Стэйт» — это не государство — патримониальное владение; он предполагает переход от суверенно-политического королевства к суверенитету «стэйт», к некоему политико-правовому порядку управления (в данном случае это механизм акционерного общества, когда реальная власть, реальные деньги — у акционеров, а управление осуществляется в интересах акционеров, иначе им такое управление не нужно). Применительно к россиянину — парадоксальная ситуация. В сознании уживается государство-бандит и государство-отец. Государство не любят, государство ругают, но вместе с тем от государства чего-то ждут. Государство — должно, государство — обязательно. При этом очень четко восприятие государства-бандита и государства-отца трансформируется в отношении к главе государства — тому самому доброду, справедливому отцу, который, например, абсолютно точно негативно воспринимаем бюрократическим аппаратом. Государь и бюрократия — это две разные вещи. Бюрократия — это бандит, который залезает в мой карман, а вот отец — это государь.

В связи с этим остановлюсь на проблеме соотношения государственной власти и частной собственности. В рамках государства «стэйт» существует зависимость: сама по себе свобода, сами по себе права человека — это первичный элемент частной собственности. Государство есть союз частных собственников, соответственно публичная власть является производной от власти и свободы собственника, который делегирует государству определенную часть полномочий. Применительно к России — пуб-

личная власть является первичным элементом, необходимым для того, чтобы приобрести контроль над собственностью. В таком понимании частной собственности в России нет. Для России характерна публичная власть, и она является основной ценностью и основной собственностью. Если у вас есть власть — вы владеете страной. Поэтому и борьба за власть приобретает характер борьбы за собственность. В рамках западного подхода существует понятие традиционности (то есть собственность приобретает, накапливается, передается по наследству). В России же развитие обрывает либо циклическое. Когда собственность накапливается, доходит до определенного критического момента, происходит перераспределение власти и собственности. Это не большевики придумали. Можно рассматривать историю: Иван Грозный, Петр I, большевики, приватизация. Это факторы, связанные не с негативными моментами, это циклические процессы, которые могут быть выделены в истории России.

В завершение своего выступления отмечу, что мы — культуры параллельные, но взаимодействующие. Это предполагает одни и те же критерии права и свободы. При этом данные вопросы решаются кардинально по-разному именно в силу культурной, национальной ментальности. В данном случае я исхожу из того, о чем упоминал и А. А. Гусейнов, а именно: если говорить о диалоге, то необходимо исходить из того, что совместное, межцивилизационное решение глобальных проблем — это тот общий знаменатель, который должен быть выведен за скобки внутригосударственных ментальных особенностей. Я полностью согласен с тем, что в таком понимании международного права не существует. Есть сферы международно-правовых отношений, и есть право силы, право войны, право договора. Договариваются, как правило, те, кто обладает примерно равными силовыми потенциалами.

* * *

Е. М. АСТАХОВ: — Вы считаете, что для Запада самое главное — национальные ценности прав человека? Возможно ли, что эти категории могут быть только внутри страны, а не вовне, ведь когда нарушаются права человека других стран, ценности совершенно деформируются? Страны Европейского союза, если рассматривать их разведывательную деятельность друг против друга, ведут не только промышленный шпионаж, но и работу спецслужб по подрыву некоторых политических конструкций.

Р. А. РОМАШОВ: — Я не случайно начал свое выступление с экстраполяции диалога цивилизаций на диалог людей. Когда мы общаемся с врагом, отношения совершенно иные: убийство врага — это подвиг, ограбление врага — это трофей. Поэтому можно говорить, что Запад развивается в рамках деклараций. Так, декларируется, например, право на жизнь, хотя универсальным оно не является. Универсальное право на жизнь предполагает, что жизнь Шамиля Басаева и жизнь президента В. В. Путина — это две равнозначные категории. Как в таком случае относиться к тому, что озвучиваются планы по физическому уничтожению лидера банд-формирований, а в Уголовном кодексе РФ установлен мораторий на смертную казнь. С точки зрения естественного права это нонсенс. Иными

словами, если экстраполировать данное понимание на людей, то либо это человек-человек, либо человек-враг. Враг не человек. В отношении врага не действуют универсальные категории.

Существует образ врага, который хорошо сохранился и идет от родоплеменных структур, где существуют запреты. Это протоправо сводится только к табуированным запретам, никак не объясняемым. Поэтому жизнь делится на «черное» и «белое». Почему Запад начал прогрессировать? Потому что на Западе появился институт внешнего рабства. Поэтому и отношение к образу врага, которое формируется в настоящий момент, обывательское, стихийное. Например, отечественный блокбастер, фильм «Александр», по сути — формирование образа врага. Причем интересно: если сравнить фильм «Александр Невский» с Н. К. Черкасовым в главной роли и нынешнюю картину — происходит трансформация образа врага. В первом — это немец, и понятно почему, а во втором — это Западная Европа, западный католицизм. Интересно, что идет ослабление образа врага применительно к татаро-монгольскому игу. Иго-то выступает с точки зрения сотрудничества! Так, образ внешнего врага сохраняется — он носит сплачивающий характер, а образ врага внутреннего — разрушающий.

Г. Н. МУРТАЗАЕВА: — Не должны ли мы учиться использовать правовую риторику Запада в своих интересах, и для этого нам надо совершенствовать собственную теорию права? Ведь мы заинтересованы в том, чтобы видеть внутри страны в человеке человека.

Р. А. РОМАШОВ: — Согласен. И как раз пытаюсь прежде всего в себе увидеть человека, пытаюсь студентам говорить о том, что мы живем в рамках субординационных отношений. И эти субординационные отношения могут проецироваться на отношения в семье, образовательном вузе и на работе — на отношения начальник — подчиненный. Мы считаем, что распоряжение начальника, приказ отца, мнение преподавателя являются истинными. Пытаюсь исходить из того, что если мы общаемся с ребенком — а это такой же человек, как и мы, — он видит тот же самый мир. В процессе обучения преподаватель должен учить не избегать проблем, а живя в обстановке проблем при том потенциале, который у человека есть, пытаться решить проблему с теми, с кем ее можно решить. Как мы к этому человеку относимся? Он человек, не враг. А в отношении врага действуют совершенно другие принципы: его нужно уничтожить.

Ю. С. ШЕМШУЧЕНКО: — Сегодня звучат очень интересные выступления. Но я пока не услышал, в чем же сила России? Думаю, этот вопрос возникает у многих. Когда я говорю «своя идеология», то имею в виду не ту официальную идеологию, которая официализируется соответствующим образом, а ту, которая вырабатывается глубоко в недрах народа. Задача политиков — найти рациональное зерно этой идеологии и построить государственную идеологию, основываясь на народной. Когда я сравниваю Украину и Россию, обнаруживается, что

у нас принципиально разные подходы к решению этой задачи. В России испокон веков было сильное, мощное богатое государство. И если где-то в глубине Сибири спросить пьяного мужика: «А ты за Россию?» Он ответит: «Я за Россию!», вне зависимости от материального положения. В Украине к этому вопросу иной подход. Там довольно долго проповедуется украинская идея. Но в чем она состоит, трудно определить. Поэтому она не воспринимается как таковая. «Украина — не Россия» — так назвал свою книгу наш бывший президент. Но, тем не менее, Украина — многонациональное государство. Скажем, в Юго-Восточной Украине — одна идеология, а в Западной Украине — другая, и они постоянно конфликтуют. Поэтому сложно осознать реальное положение вещей, и когда звучит лозунг, что нужна сильная Украина, он не воспринимается. И это тоже вековые традиции. Думаю, что такая идеология, которая существует в России, обеспечивает решение и других задач. Руководство России это понимает, потому опирается именно на такие подходы.

Е. М. АСТАХОВ: — Вы сказали про национальную идею Украины. Вы имеете в виду национальную идею, общую и для Западной, и для Восточной Украины? По Вашему мнению, сколько кланов владеет сейчас украинской экономикой?

Ю. С. ШЕМШУЧЕНКО: — Трудный вопрос. Потому что я не принадлежу ни к одному из кланов. А идеологию Украина ищет, безусловно, объединяющую. Сейчас у нас была проведена программа «Выдающийся украинец», и по итогам опроса Бандера оказался на третьем месте, а на первом — Ярослав Мудрый. Объединяющая всех славян идея — славянская, но у западной части населения Украины отработана своя идеология.

В. И. Крусс

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И КОНСТИТУЦИОННЫЕ ДИСФУНКЦИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Пока я слушал выступления коллег, прекрасных докладчиков, очень глубоких и интересных людей, вдруг вспомнил восточную притчу. Когда один мудрец осуществлял функцию правосудия, к нему пришли два человека, находящиеся в непримиримом казуальном и в то же время цивилизационном конфликте, и стали доказывать собственную правоту, прося рассудить их на основе некоего универсального критерия истинности и правильности. Мудрец выслушал одного, сказал: «Да, ты прав. Иди — будет по-твоему». Выслушал другого и сказал: «Да, ты прав. Иди — будет по-твоему». Когда к нему обратился ученик и спросил: «Как же так, учитель? Ты сказал и тому, и другому, что он прав? Но ведь так не бывает». «И ты прав», — сказал мудрец ученику. Я думаю, говоря так, он предпологал, видимо, что и первый, и второй были неправы. Почему-то мне пришло это на ум, когда я слушал выступавших сегодня. Наверное, потому что я с ними во многом был согласен, хотя иногда у меня и возникала некоторая внутренняя напряженность в отношении отдельных тезисов.

Конечно, есть не два возможных варианта понимания права, о которых упомянула Валентина Викторовна Лапаева, не три концепции и не два подхода. В современном праве — и в мировой, и в российской юриспруденции — их существует множество, а у госпожи Лапаевой только либертарное и цивилизационное понимание права. Не могу с этим согласиться хотя бы потому, что я принадлежу к широкому кругу весьма авторитетных ученых, которые говорят о необходимости конституционного понимания права. Здесь как раз и снимается эта фундаментальная оппозиция, которая присутствовала в суждениях Валентины Викторовны, где искусственным образом отождествляется феномен права и прав и свобод человека, а на самом деле это вещи, не совсем совпадающие, находящиеся в определенном иерархическом соотношении между собой. Проблема конфликта цивилизаций настолько актуальна, что с точки зрения юридического видения ее нужно решать не с позиции философии права, а с позиции философии прав человека, в том числе и в России. Хотя, может быть, эта идея российской культурной традиции присуща менее, чем

западной, где она укоренена в структуре мышления и мировоззренческого оппозиционирования, которое было генерировано еще в Античности.

Давайте посмотрим на замечательный исторический факт, о котором почему-то редко говорят юристы. Так же, как другие христианские конфессии никогда не говорят, почему благодатный огонь сходит в православную Пасху, и юристы умалчивают о том беспрецедентном факте, что идея права, во многом соотносимая среди формального равенства, никогда им не исчерпывается. Она была рождена или открыто манифестирована в античном мире и приобрела образ качественно разработанного продукта в эпоху постклассического Рима. И чем более развитым становится право, тем более аморфным, нежизнеспособным становится общество, социум, государство. Оказывается, усматривается корреляция взаимодействий этих двух аспектов.

Применительно к диалогу цивилизаций что это означает? Совершенно прав, на мой взгляд, Пиотровский, когда назвал вещи своими именами: полисемия понятий. Крупнейшие умы современности спорят о том, что такое культура, что такое цивилизация, предлагая различные концепции. У меня тоже сложилась собственная аргументированная позиция по этому вопросу. Тезисно можно сказать, что это нечто среднее между любимым мною Данилевским и Шпенглером, которого я признаю крупнейшим специалистом в этой проблематике. Культура и цивилизация не одно и то же. Цивилизация и культура находятся в ситуации определенной исторической преемственности и оппозиции по отношению друг к другу. Сегодня часто говорят, что диалог культур и необходимость симбиоза, согласия современных культур — это высокая абстракция. На самом деле речь идет только о диалоге или контрдиалоге, то есть настроенном, двойственном монологе людей (равно как и государств), представляющих те или иные культуры, цивилизации. Тем не менее главная часть проблемы уходит из нашего внимания, так как конфликт цивилизаций — это фундаментальная проблема масштаба планетарной человеческой цивилизации. И эта проблема себя проявит. Проблематика конфликтов лиц, представляющих цивилизацию, и государства, очень значима. Действительно, культура, как бы мы ее ни понимали, может быть воспринята как «культура-наследие», «культура-предание», «культура-традиции», «культура-святыня», то есть «культура культуры», с одной стороны, и «культура денег» — с другой. В современных сообществах эти две культуры планетарны, поскольку идет процесс глобализации. Пиотровский говорил о том, как эта проблема конфликтов цивилизаций, конфликтов культур, существует в формате одного города федерального значения — в нашей Северной Пальмире, Санкт-Петербурге. И он предложил, на мой взгляд, не очень аргументированный алгоритм преодоления этой «внутрисанкт-петербургской», но одновременно и внутрироссийской, и внутрипланетарной оппозиции двух различных по своей природе культурно-мировоззренческих установок.

На Западе существует только одно культурное основание — культура денег, которая воплощена в феномен бутафории массовой культуры и не работает в соотношении с другими подлинными куль-

турами, о которых говорил Пиотровский как о культуре наследия, предания и святынь. И вот эта массовая генерируемая, культивированная, взращиваемая культура денег заявляет о себе как о фундаментально-цивилизационном основании современности. И экспансия этой цивилизации, попытка утвердить себя в глобальном формате, где подлинная культура, культура культуры, станет маргинальной, андеграундной, элитарно-прибежищной, — серьезная проблема.

Россия может и должна внести свой вклад в сценарий исторического развития цивилизации, который исключил бы победу и гегемонистское утверждение цивилизации, в основе которой лежит культура денег. Там не существует оппозиции христианства и мусульманства или других культур, потому что на Западе нужно называть вещи своими именами: никакого христианства давно не существует в подлинном, сокровенном значении этого слова. И это пытаются преподнести как конфликт, имеющий в своем основании некую религиозную противопоставленность. Это не противопоставленность религиозных выборов и религиозных оснований, что есть фундамент всякой культуры, это — противопоставленность религиозного и контррелигиозного, культурного и контркультурного (масскультурного) типов самоопределения человека и человечества. А это гораздо более серьезная, фундаментальная оппозиция, где возникают сомнения по поводу возможности всякого диалога. Вот эта параллельность признается уже не только представителями восточных цивилизаций, но и честно мыслящими западными интеллектуалами.

Признаюсь, я являюсь поклонником крупнейшего концептуалиста современности, Жана Бодрийяра, который прямо говорит, что вся история Запада — это история последовательного уничтожения другого. На самом деле не другого, а иного в представлении и восприятии самого Запада. В силу чего и происходит начальная глобальная дискриминация этого иного и затем его уничтожение (раньше — физически, сегодня — культурно, сделав его объектом массовой культуры, или культуры денег).

Хотел бы обратиться к Валентине Викторовне непосредственно, но в русле заявленной мной темы. Экономические дисфункции Российского государства приводят к тому, что Россия не вырабатывает у себя необходимые экономические предпосылки для того, чтобы сыграть свою роль в разрешении реально существующего конфликта цивилизаций, представленного в том числе и такими глобальными персонами, как Запад, Восток и Россия. В то же время Россия должна выработать экономико-правовую культуру, потому что экономика стала глобальной и никакого варианта диалога с Западом без западно ориентированной правовой культуры, с одной стороны, совершенно нет, а с другой — такая западная ориентированность экономико-правовых культурных стандартов будет губительной. Суть в том, что частично стать западно-культурным и при этом остаться подлинно культурным государством нельзя. Потому Россия вряд ли здесь преуспеет, однако нам нужно освоить эту псевдокультурную, прагматическую, западную экономическую состоятельность и форму самоопределения в сфере экономических и рыночных отношений. Но этому нужно научиться.

Е. М. АСТАХОВ: — Не кажется ли Вам, что для России, как говорил В. В. Путин, материальный путь — это именно тот путь, который позволит выработать национальную идею? Или все-таки российские реалии, житейский менталитет требуют большего упора на рост такой национальной ценности, как духовная?

В. И. КРУСС: — По-моему, Вы говорили об этом в своем выступлении, и Ваш вопрос — отсылка к нему, чтобы узнать, согласен ли я с Вашей позицией. В основном — согласен. России необходимо экономическое благополучие, иной уровень экономической состоятельности. Конечно, мы имеем экономику, абсолютно зависимую от расстановки естественных и глобальных геополитических сил в мире. Чтобы обрести свою национальную идею, Россия должна найти и необходимый экономический ресурс и предпосылки, для того чтобы можно было с этой идеей не только жить, но и начать строить новую историческую перспективу.

И. Г. ДУДКО¹: — Скажите, пожалуйста, с точки зрения конституционной дисфункции как Вы оце-

ниваете на данный момент современное Российское государство?

В. И. КРУСС: — Мы определяем дисфункцию с точки зрения реализации экономической политики государства. Так, основы экономической политики по Конституции РФ определяет Президент РФ на основании Конституции и федеральных законов. У нас же получается нечто иное: политика задает алгоритм законотворчества. Сейчас принимаются политические решения, реализуется новая экономическая политика, можно сказать — курс. Но под этот курс, видимо, концептуально просчитанные и продуманные, начинают приниматься определенные законы. Качество этих законов меня как специалиста по конституционному праву совершенно не устраивает с точки зрения продуманности, обоснованности, конституционности. Происходящее в сфере законотворчества в России при кажущейся бессистемности и неопределенности — хорошо вымеренный стратегический план модернизации государства с абсолютно неконституционной, нестабильной экономикой.

В. С. Глаголев²

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПАРТНЕРСТВА ЦИВИЛИЗАЦИЙ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Различия национально-государственных интересов, культурно-исторических оснований цивилизаций, существующих на Земле, процессов самоидентификации этносов, наций и народов исключают однозначное истолкование содержания, тенденций и последствий глобализации в мировой политике. Здесь доминирует плюрализм по ряду оснований. Наличие спектра мнений неизбежно по любому вопросу, генерируемому глобализационными механизмами и структурами международной жизни. Несомненно, однако, возрастание динамичности геополитических глобальных и региональных тенденций, усиление в них роли информационно-манипулятивного компонента; массовидный характер внешних проявлений глубинных сдвигов в политической жизни, опирающийся на стереотипы религиозно-национальной идентификации, сложный баланс интеграционных тенденций в технологических, финансовых, экономико-производственных структурах с одновременным расширением поля проявлений различных вариантов диверсификации. То есть интеграция и диверсификация идут зачастую параллельно.

Среди геополитических аспектов межкультурной коммуникации XX–XXI вв. на первый план выступили процессы, связанные с радикальным изменением влияния в современном мире межгосударственных и транснациональных союзов и объ-

единений. Распространение ядерного оружия, борьба с международным терроризмом, проблемы изменения климата и другие глобальные проблемы современности потребовали оптимизации подходов к их решению. Определилась и новая роль США в узловых регионах и зонах международной политики, среди которых особое значение имеет Азиатско-Тихоокеанский, Ближневосточный регионы и «горячие точки». К тому же США сохранили влияние на себя после 1945 г. обязательства перед Японией и интересы в южной части американского континента.

Распад СССР, Варшавского договора и Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) устранил с арены мировой политики альтернативного военно-политического, идеологического, экономического и научно-технического контрагента и партнера. Таким образом, сегодня США — единственная сверхдержава, по отношению к которой претенденты на сходные возможности влияния в мировой политике находятся в роли «догоняющих».

В результате резко возросли позиции американского английского языка как средства межкультурного общения во всех регионах мира. Логика научно-технической и информационной революций выдвинула на первый план его упрощенную лексику и грамматику, которые обеспечивают взаимодействие специалистов узкого профиля.

Параллельно примитивные стереотипы американизированной массовой культуры приобрели самодовлеющее значение в молодежной среде модернизирующихся стран. В результате массовый читатель, зритель и пользователь получает превратное представление о действительных достижениях теоретической и художественной культуры американского народа. Акцентирую, что принижение здесь

¹ Заведующий кафедрой государственного и административного права Мордовского государственного университета им. И. П. Огарева (Саранск).

² Профессор кафедры философии Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД РФ, доктор философских наук, член Российского философского общества и Российского социологического общества.

реального вклада США в мировую культуру является своего рода близорукостью, которая соответственно оборачивается отрицательными последствиями стратификации самого американского общества, когда широкие слои представителей низшего класса, стремительно пополняемого потоками эмигрантов, оказываются дистанцированными от действительных носителей американской культуры. Своевременное осознание данной проблемы способно предотвратить неверные расчеты, касающиеся перспектив США и международной деятельности их соперников.

Ускорение движения США на международной арене связано с трансформацией их внутренних экономик, форм международного сотрудничества и конкуренции. Зачастую у нас на уровне идеологических представлений доминирует идея, что они взорвутся по финансовым или по каким-то другим, в том числе кадровым, причинам. Перспективным для соперников США может стать путь максимального использования достижений фундаментальных и прикладных наук, технологий, организационных моделей, национальных и транснациональных систем образования, оптимизации культурной жизни, позволяющих обеспечивать странам этой группы более устойчивые позиции по отношению к США и друг к другу.

В технически развитых странах периодически появляются и реализуются проекты «двойного назначения»: в ядерно-энергетической, космической сферах, строительстве новых типов подводных аппаратов, технологических заявках на проекты освоения глубинного дна Мирового океана, развертывании нанотехнологий, в системах обеспечения устойчивой радиосвязи и преодолении средств ее защиты и в других областях. Это, видимо, позволяет ускорить «догонку» Соединенных Штатов Америки как технологически лидирующей державы.

Вокруг каждого из названных событий системы массовой информации государств-конкурентов осуществляют «игры на повышение» и «понижение» соответствующих событий с целью придания им стратегического значения или девальвации действительных достижений. Подобные кампании имеют также целью спровоцировать научные, технические и организационные элиты на предоставление дополнительной информации, чтобы адекватно оценить действительные масштабы сенсационных сообщений и, возможно, перехватить ключевые элементы «ноу-хау» с соперничающими структурами, обеспечивающими государственные интересы, позиции военно-политических блоков и транснациональных корпораций.

Межкультурная коммуникация приобрела и функции амбивалентного фактора. С одной стороны, она делает динамичным развитие всех участников этого процесса, с другой — способствует

«утечке мозгов», капиталов, научных и технологических наработок в те страны и регионы, которые в состоянии быстро извлекать из них оптимальные преимущества, создавая благоприятные организационные условия. Государства, располагающие механизмами удержания национальных кадров в рамках своих границ, в этом смысле выстраивают «мембраны» динамики научно-технической информации. Однако расширение сферы действия международных договоренностей о движении людей, информации, воссоединении семей, праве на получение образования на основе свободного выбора, на свободу международных научных и культурных контактов, развитие туризма и прочее ослабляет эффективность подобных «мембран». Всякое же ужесточение национальной политики в этих вопросах становится предметом пристального внимания правозащитных организаций, провоцирует международный резонанс.

Современные коммуникационно-технические и виртуально-имитационные возможности спецслужб, массмедиа, политических партий, движений и организаций сочетают обеспечение функций дезинформации и «полуправды» в формировании массовидных акторов геополитических процессов с достижением реальных изменений в балансе ранее сложившихся сил. Об этом свидетельствуют (наряду с пропагандистскими усилиями, подготовившими в своем секторе распад советского блока) «оранжевые революции», распад Югославии и напряженность отношений между ее бывшими республиками сегодня. Сказалась и роль националистических и шовинистических стереотипов в активизации массового сознания при подготовке крупномасштабных политических действий. Внимание к деятельности национал-шовинистического сектора — существенная сторона межкультурной коммуникации во внешней политике.

Поэтому совершенствование информационно-аналитической работы предполагает расширение кругозора, пополнение общего и профессионального образования специалистов-международников. Условия работы в ситуации динамично развивающегося глобального мира требуют превращения образования в непрерывное. Лишь реализуя эту задачу, можно обеспечить должный уровень организации межкультурного общения как предпосылки толерантного восприятия актуальных геополитических проблем глазами «сторонников» определенной позиции, «нейтралов», «противников», а также акторов, намеренно резервирующих конфигурацию своей политики («выжидающих»). Именно взаимодействие всех акторов и перечисленных компонентов определяет подвижность рамок толерантности в сфере геополитики и направление их трансформаций в различных системах межкультурной коммуникации.

* * *

О. Т. ШЕВЧЕНКО¹: — Как, на Ваш взгляд, соотносятся понятия толерантности и равнодушия?

В. С. ГЛАГОЛЕВ: — Равнодушие — это спящее сознание. А толерантность — сознание актуализи-

¹ Профессор кафедры международного права Киевского международного университета (Украина), кандидат юридических наук.

рованное, знающее, по крайней мере в тех пределах, которые дано знать творческому человеку, структуру проблемы, ее подводные камни, опасные границы и рискованные возможности. Толерантность — это бесстрашие дипломата, за которым скрывается колоссальный информационный массив, огромный объем домашних заготовок, в том

числе и согласованных с руководством собственной страны и блоков, в которые она входит, а также с реальными возможностями информационных субъектов. Таково понятие толерантности в международной политике.

О. Т. ШЕВЧЕНКО: — Вы, по-моему, говорите о толерантности и равнодушии с точки зрения некоего объективного или внешнего аналитического взгляда на эти состояния качества. Я хотела бы еще раз проанализировать субъективные стороны данной проблематики. Не кажется ли Вам, что толерантность и равнодушие имеют в основе своей глубокое безразличие к принципиальной правоте другого, по отношению к которому человек определяется?

В. С. ГЛАГОЛЕВ: — Во-первых, дипломатия касается не самоопределяющегося человека, а как минимум страны, союза стран, каких-то группировок внутри страны, которым дают знаки или поддержку извне либо, наоборот, «осаживают» их активность. То есть позиция дипломата всегда не субъективная, это сигнал персонифицированного субъекта, касающийся большого количества структур. Равнодушие, по Бруно Ясенскому, заключается в следующем: «Не бойтесь врагов, враги в лучшем случае могут убить вас. Не бойтесь друзей, друзья в лучшем случае могут предать вас. Не бойтесь ни друзей, ни врагов — бойтесь равнодушных. Они не убивают и не продают, но только с их молчаливого согласия на Земле существуют убийства и предательства». Сегодня часто проявляется позиция равнодушия международного сообщества и официальной России к сербским проблемам, что болезненно воспринимают сербы. Это обязательно скажется на качестве сербского союза и России. Равнодушие — особая категория, проявляющаяся во внешних актах соответствующего государства, политической системы. А толерантность — это внутренняя мобилизованность при определенной готовности выдерживать паузу, выдерживать время, казалось бы, пропускать выгодные удары, потому что толерантность всегда провоцируется. То есть это особое поле игры, на котором должен доминировать глубоко просчитанный здравый смысл и ресурсы государства.

Р. А. РОМАШОВ: — Вопрос по поводу образования. Не кажется ли Вам, что нас учили лучше, чем мы сейчас учим? Я имею в виду эти новшества в системе школьного образования — ЕГЭ, тесты, магистры, бакалавры.

В. С. ГЛАГОЛЕВ: — Могу сказать так: я написал несколько работ, касающихся ограниченностей Болонского процесса, которые напечатаны в России и за рубежом. Болонский процесс — подготовка специалистов стандартно-технологического уров-

ня. Там, где речь идет о подготовке творческих специалистов, а они соль нации, и там, где речь идет о специалистах, включающихся в глобализационные процессы современного мира, там никакие стандартизированные рамки не работают. За исключением, пожалуй, одного: набор некоторых базовых понятий, например английский язык, надо знать достаточно, чтобы свободно общаться со специалистами своего профиля. Сегодня это непрелюдное условие компетентности. Но если специалисты «штучные», то есть специалисты уровня Копенгагенской физической школы, вы должны знать нюансы не только специальности, но и сленга своей среды. Вторая особенность: я думаю, мы учились лучше. Существовал культ знания. И это определяет личностные установки. А что касается возможности обучения, то рациональное использование мирового информационного опыта и через Интернет, и через открытость границ, безусловно, может быть эффективно. Соответственно, снятие этих искусственных, болезненных идеологических барьеров, на корню губивших информацию, бесценно, не говоря уже о том, что если работать с потоком информационной литературы с определенной волей, последовательностью, то учиться сегодняшние студенты могут бесконечно, причем более глубоко, чем могли учиться мы в силу «сухого» академического пайка. Не хватает воли, не хватает сознания самоценности образования, потому что образование очень быстро стало конвертироваться в формулу «здесь и сейчас». Я бы ответил так: дальновидность нашей государственной политики в области фундаментального образования равна, с моей точки зрения, нулю, в том числе и по обеспечению привлекательности профессии преподавателя и денежному содержанию профессуры.

Л. А. НУДНЕНКО: — Уточните, пожалуйста, Ваше понимание слов «шовинизм», «национализм», «национальный патриотизм», «патриот Отечества» и взаимосвязи между понятиями.

В. С. ГЛАГОЛЕВ: — Шовинист — человек, который считает, что его позиция является единственно возможной в соответствующих условиях. Националист — это человек, который убежден, что его национальная группа обязательно нуждается в расширении ныне существующих позиций. А патриот своей страны — то же самое, что дипломатико-толерантный человек, который знает и плюсы, и минусы своей страны. Не использовать в политике неконтролируемые резервы шовинистической идеологии и националистической идеологии невозможно, но надо все время составлять ту смесь элементов шовинизма и национализма, при которой бы это все не «рвануло» при переходе точки критической массы.

Л. А. Нудненко

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ГАРАНТИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ ПАРТНЕРСТВА ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Выбирая тему для сообщения, я предпочла рассмотреть проблему соотношения экономики и права в сфере реализации прав человека. Следует начать со ст. 2 Конституции РФ, которая закрепляет

обязанность государства признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина. Реальность провозглашенных Конституцией России прав и свобод человека и гражданина обеспечи-

вается гарантиями. Под гарантиями понимаются условия и средства, обеспечивающие фактическую реализацию и всестороннюю охрану провозглашенных Конституцией прав и свобод человека и гражданина.

В науке общепризнанным является выделение экономических гарантий. Значимость экономических гарантий в реализации прав человека, в зависимости от классификации на поколения, расценивается в юридической литературе и в науке по-разному. В науке общепризнанна трактовка прав второго поколения экономических, социальных и культурных как позитивных, которые требуют государственной гарантированности. Право первого поколения (это личные и политические права), как правило, относят к сфере негативной свободы, суть которой в том, что государство обязано воздерживаться от вмешательства в сферу индивидуальной свободы и личной безопасности. Таким образом, роль экономических гарантий здесь недооценивается, считается незначительной, с чем трудно согласиться. Анализ обращений граждан России к Уполномоченному по правам человека в РФ в 2007 г. показывает, что практически каждая вторая жалоба приходится на нарушения прав человека, которые совершаются должностными лицами в сфере охраны общественного порядка, предварительного следствия, дознания и судопроизводства, вынесения приговоров и исполнения наказания в виде лишения свободы.

28 % обращений граждан к Уполномоченному по правам человека в РФ в 2006 г. составили жалобы на несоблюдение прав человека в уголовном судопроизводстве. Здесь также много проблем.

Для реализации политических прав и свобод, в том числе права гражданина избирать и быть избранным, права на участие в референдуме, права на участие в осуществлении правосудия в качестве присяжного заседателя, также на необходимые денежные средства, то есть экономические гарантии государства, сейчас явно недостаточно механизмов.

Итак, экономические гарантии государства одинаково важны для реализации как социальных, экономических, культурных прав и свобод, так и личных, политических прав и свобод человека и гражданина. Реализация прав человека и степень развития экономических гарантий зависят от состояния экономики и ресурсов.

В основе социального неравенства, необеспеченности провозглашенных Конституцией РФ конституционных прав и свобод много причин: фактические различия способностей и возможностей людей, несовершенство законов, нежелание людей, имеющих денежные капиталы, использовать их для развития сферы реального производства в России.

В ст. 7 Хартии экономических прав и обязанностей государств от 12 декабря 1974 г. отмечается, что каждое государство несет ответственность за содействие экономическому, социальному и культурному развитию своего народа. Статья 2 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах оговаривает, что эти права должны обеспечиваться постепенно и в «максимальных пределах имеющихся ресурсов». И в развитии экономики в этом смысле много проблем.

Передовые наукоемкие технологии развиты слабо. Недостаточна капитализация существующих экономических объектов. Нет исчерпывающего описания объектов собственности на территории России и их точной оценки. Проверка итогов приватизации Счетной палатой РФ показала, что многие объекты уведены в офшоры и не учитываются при оценке экономических мощностей. Слаба конкурентная среда для инвесторов на российском рынке, что требует коррекции российского законодательства об иностранных инвестициях и инвестиционной деятельности, осуществляемой в форме капиталовложений. Требуется совершенствование налогового законодательства¹ — налоговая политика представляется недостаточно гибкой и эффективной.

В связи с этим и сегодня весьма актуальны слова Б. Кистяковского: «В чем же настоящие и истинные цели государства? Они заключаются в осуществлении солидарных интересов людей. Общее благо — вот формула, в которой выражаются цели и задачи государства»². Отсюда вытекает вывод о допустимости ограничения в общих интересах частных прав отдельных предпринимателей, вывозящих капиталы от эксплуатации природных богатств России. Правящим кругам России следует извлечь уроки из ее истории и понять, что если государство не сможет помочь многим бедным, оно не сможет спасти немногих богатых.

Интересен опыт регулирования данной сферы общественных отношений в Испании: ст. 40 Конституции Испании гласит, что органы государственной власти создают благоприятные условия для социального и экономического прогресса и для наиболее справедливого распределения региональных и личных доходов в рамках политики экономической стабильности. Особое значение имеет проведение политики, направленной на достижение полной занятости. Закон может зарезервировать за государственным сектором важнейшие ресурсы или услуги, особенно когда речь идет о возникновении монополии, а также разрешать участие в управлении предприятиями, когда этого требуют общие интересы. Государство может посредством закона планировать экономическую деятельность в целях удовлетворения коллективных потребностей, выравнивания и гармонизации регионального и секторального развития и стимулирования роста доходов и богатства и их более справедливого распределения.

Для превращения норм ст. 2 и 7 Конституции РФ из декларации в реальность требуется курс высших органов государственной власти России на социально ориентированную экономику страны, основанную на принципах свободного рынка. Мировой опыт показывает несостоятельность теорий консервативного толка, сводящих к минимуму социальную роль государства. Очевидно, что без создания и совершенствования социального государства, проводящего гибкую и эффективную социальную политику в условиях демократии и законности, невозможна реализация конституционных прав и свобод человека и гражданина.

¹ Права человека. Итоги века, тенденции, перспективы / под ред. Е. А. Лукашевой. М., 2002. С. 25.

² Кистяковский Б. Государство, правовое и социалистическое // Вопросы философии. 1990. № 6. С. 142

В. С. ГЛАГОЛЕВ: — Вам удалось ознакомиться с докторской диссертацией Бориса Александровича Куркина «Конституционные основы социального государства Федеративной Республики Германия»?

Л. А. НУДНЕНКО: — Нет.

В. С. ГЛАГОЛЕВ: — А почему?.. Куркин — мой бывший студент, успешно защитивший в 2002 г. диссертацию, массив проблем которой соответствует Вашей позиции. Я хочу сказать, что необходимо развивать такую идею, потому что те позиции, о которых вы говорите, обязательно должны быть четко сформулированы и обсуждены. Второй вопрос: с какими гипотетическими вариантами нашего общественного состояния, государственного состояния Вы связываете возможность реализации Ваших предложений?

Л. А. НУДНЕНКО: — За последние три года было сделано очень много в плане укрепления социальной политики и реализации социальных функций в России. В то же время еще много направле-

ний, которые нуждаются в правовой реализации и регламентации. Как юрист, считаю, что должен быть федеральный закон об общих принципах развития экономики, в котором более детально были бы прописаны возможности государства, с тем чтобы заставить наших олигархов учитывать социальную составляющую и больше работать на развитие реального производства, на увеличение занятости нашего населения.

В. И. КРУСС: — Как Вы оцениваете политику в контексте партнерства цивилизаций?

Л. А. НУДНЕНКО: — Я считаю, что в контексте партнерства цивилизаций нам нужно учитывать правовую регламентацию соответствующей сферы отношений в западных странах. Точно так же, как были учтены положительные элементы развития социалистической экономики, например государственное планирование. Оно не характерно для капитализма. То есть был заимствован опыт социализма в своих интересах и с учетом своих особенностей.

Е. М. Доровских

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ФАКТОР НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Странно, но ни юристы, ни лингвисты не воспринимают тему правового регулирования в сфере языковых отношений всерьез, и это печально, потому что данная проблема важна и для диалога культур, и для самосохранения нашей страны. Даже то, что 2007-й был Годом русского языка, не дало ничего, кроме создания фонда «Русский мир». А ведь есть совершенно реальные проблемы, которые можно решить при помощи права. Конституционного закрепления нормы еще не достаточно для действия механизма конституционного регулирования.

Постепенно происходит сползание общего уровня культуры и уровня языка — значит, и человек теряет свою национальную идентификацию. Думаю, понятно, что язык как основополагающая часть культуры и основа бытия народа заслуживает гораздо большего внимания, в том числе и со стороны юристов.

Современное правовое регулирование остается на уровне 1990-х гг., то есть содержит преимущественно государственно-правовой аспект. Последний принятый в этой области закон (о государственном языке) являлся попыткой защитить русский язык от вытеснения его из употребления внутри собственной страны. На мой взгляд, закон получился весьма декларативным. Думаю, необходим диалог между народами внутри государств. Язык должен стать национально-культурным достоянием. Без этого даже внутри собственной страны мы выходим не на диалог, а только на конфронтацию. В принятом законе речь идет не о языках народов, а прежде всего о государственном языке. В этом законе говорится, что государственный язык России все обяза-

ны «уважать». Странная формулировка с точки зрения права. А какая ответственность наступает за неуважение?..

Первое. Необходимо в корне пересмотреть отношение к собственному языку. Если исходить из того, что каждый народ будет заботиться о своем национальном языке как о национально-культурном достоянии, мы избежим внутринациональных, межнациональных конфликтов в стране. Кроме того, нужно пересмотреть область образования. Минимальное количество часов, которые отводятся изучению языка, особенно в старших классах школы, совершенно необъяснимо. Это можно сравнить только с убийством языка. Поэтому нужно вносить изменения в процесс регулирования сферы образования, укреплять и усиливать обучение языку (и с содержательной стороны, пересматривая стандарты, и с количественной стороны).

Второе. Средства массовой информации. У каждого гражданина есть право слышать нормальную, русскую, литературную речь и, конечно, находить ее образцы не только в книгах, но и на страницах периодики. Это достаточно тонкая сфера, но ответственность людей, профессионально выступающих публично, должна быть. В данном направлении должны работать лингвисты, специалисты по уголовному праву и прежде всего административисты. Например, во Франции существует система штрафов за нарушения подобного рода. В России же сложно ввести даже наблюдательные советы.

Разумеется, никто не ограничивает свободу слова, однако более пристальное внимание к проблеме языка работает на общество, на его духовное здоровье.

* * *

Ю. С. ШЕМПУЧЕНКО: — Вы, безусловно, правы, и я с Вами абсолютно согласен. Вы пробовали обратиться в органы и учреждения, которые занимаются проблемами русского языка, или в правительство, Администрацию Президента?

Е. М. ДОРОВСКИХ: — Когда был интерес к этой проблеме, я была в рабочей группе по принятию в 1990 г. Закона о языках народов СССР. То, что я, как ученый, могу делать сегодня, я делаю, стараюсь что-то «будировать» и в Госдуме. Может быть,

сейчас они займутся (то, что я и предлагаю) Законом об охране русского языка или Законом об охране языков народов России.

Р. А. РОМАШОВ: — Гуманитарная наука, собственно говоря, это примерно то же самое, что и показ высокой моды: до тех пор пока не будет социального заказа на то или иное произведение, практического воплощения оно не получит.

И. Г. ДУДКО: — Елена Митрофановна, как Вы думаете, есть ли у страны правовые рычаги продвижения русского языка на международную арену? Возможно ли, чтобы на международных научных конференциях мы общались не на английском языке? Вы бы говорили по-русски?

Е. М. ДОРОВСКИХ: — Как раз этот вопрос я хотела задать Евгению Михайловичу. То, что русский язык назван рабочим языком ООН, замеча-

тельно и прекрасно. Но если мы хотим, чтобы русский язык использовался на международных конференциях, симпозиумах как внутри страны, так и вовне необходимо решить этот вопрос экономически. Если мы привезем квалифицированных переводчиков в той сфере, по которой проводится встреча, и если мы будем настойчивы (ведь очень многое зависит от политической воли), это вполне возможно.

Е. М. АСТАХОВ: — Могу добавить, что отделения национальных центров существуют в различных странах. Но многое зависит от практики послов. Например, политик Александр Авдеев блестяще работал в нашей диаспоре. Есть и другие примеры сотрудничества групп лиц, но они, в отличие от еврейской, армянской и прочих диаспор, экономически беспомощны и плохо организованы.

И. Г. Дудко

ФЕДЕРАТИВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Однажды меня озадачил вопрос дочери: «Когда же мы поедим на Родину?» Для меня это удивительно: я родился и вырос в России, отец мой с Украины, а дочь — наполовину татарка. На какую Родину ехать? Она говорит: «Есть одна Родина. У меня — Украина».

Не случайно я сейчас говорю об этом, потому что для меня загадка: существует ли код идентичности, идентификации у самих цивилизаций?

В наши дни мы наблюдаем изменение такого кода идентичности. Этот термин сегодня употребляется неоднократно. Так, в выступлении профессора В. С. Глаголева упоминался термин «межкультурные коммуникации». Но это совершенно другое явление, отличное от диалога цивилизаций, потому что межкультурная коммуникация сегодня дает возможность продвинуть и развить свои интересы, обнаружить, что в самой цивилизации есть нечто другое, не то, что предполагалось. В диалоге же участвуют совершенно разные по складу цивилизации. И сегодняшнее движение человечества — развитие его лишь в технической сфере — позволило отодвинуть реальную проблему конфликта цивилизаций. Это и ядерная война, и проблема экологической обстановки, так как межкультурная коммуникация удивительным

* * *

Р. А. РОМАШОВ: — Девальвация права предполагает, что раньше оно имело определенную ценность. У нас изменилось отношение к праву как таковому?

И. Г. ДУДКО: — Был один краткий миг в Новейшей истории России, в начале 1990-х гг., когда решили, что при помощи права можно направить государство по другому курсу — правового государства. Тогда элемент доверия к праву был, сейчас — нет.

Е. М. ДОРОВСКИХ: — А право-то было?

И. Г. ДУДКО: — Право существовало и существует всегда. Однако чем больше принимается сейчас законов, регулирующих сферу федеративных отношений в России, тем менее они упорядочены.

образом выводит одну цивилизацию на другую благодаря техническим средствам. Право таким инструментом не является, и потому призыв «к цивилизационному единству» звучит как миф. Последняя практика, в том числе и в России, это показала. Россия не находится в фазе развития, ведь упование на право привело к его девальвации. Сегодня игнорируют важную проблему отношений различных народов и цивилизаций, когда у власти нет доверия к населению и у населения — к власти, не работает институт ответственности. В результате — правовой коллапс, когда есть только права и культивируется идея прав в различных вариациях. У нас нет ответственности, еще раз подчеркиваю, не только у граждан и власти по отношению друг к другу, но и у публичных органов. Ключевым для решения ситуации является не наращивание правового массива, а расчистка правовых вопросов. Критерием может выступать только одно: конституция. Проблема в том, что российская Конституция в целом — копия западной. Другого пути в условиях низкого авторитета органов, создающих право, да и самого права, нет. Будущее диалога цивилизаций заключено не в праве, а в возможности культурного диалога, без инструмента права.

Ю. С. ШЕМШУЧЕНКО: — Вы говорите про девальвацию права, понятно. Не могу согласиться, однако, что право не может быть единственным средством объединения, ведь конституция тоже право.

И. Г. ДУДКО: — Я не поклонник Конституционного суда РФ в смысле веры к нему, но ведь никто другой не даст оценку решений сквозь призму Конституции РФ.

Е. М. АСТАХОВ: — Конституционалисты нашего института говорят, что с момента принятия Конституции РФ уже разработано 320 разъяснений, толкований конституционных положений. Какое количество актов еще потребуются, чтобы толкование конституции стало менее противоречивым?

И. Г. ДУДКО: — Точную цифру не назову. Например, спорят, сколько должно быть федеральных конституционных законов принято по тексту конституции. Назывались цифры 15, 30 и другие, а потом начался процесс объединения, и совершенно очевидно, что он еще не завершился. Поэтому точной цифры не может быть. Проблема — в противоречивых решениях самого Конституционного суда РФ.

Р. А. РОМАШОВ: — Мы заслушали разноплановые доклады, сформулировали общие выводы. Рад, что коллеги поддержали мою инициативу организации и проведения на базе СПбГУП Всемирного конгресса «Право как явление мировой и нацио-

нальной культуры». В качестве лейтмотива конгресса должна быть воспринята сформулированная сегодня идея о том, что современный мир не может быть сведен к конкуренции локальных правовых систем и национальных культур, каждая из которых в той или иной степени претендует на «культурное первенство» и как следствие — на одностороннее право экспансии в отношении «культур-аутсайдеров». Любая культура, как и всякий человек, уникальна и неповторима. Но только общие усилия, направленные на понимание и уважение взаимных интересов, позволят людям осознать, что сохранение мира, в котором они живут, — задача, решаемая общечеловеческой культурой.

ДОКЛАДЫ

Ю. Е. Аврутин¹

КОНСТИТУЦИОННОСТЬ ЭКОНОМИКИ КАК ЭМАНАЦИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ РАЗВИТИЯ ЗАПАДНОЙ И РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Из возможных вариантов трактовки философского термина «эманация» остановимся на его понимании как распространения «чего-либо откуда-либо». По мысли А. Ф. Лосева, «выражение есть эманация смысла, слово — эманация сознания», но сама эманация относится только к бытию, а не к смыслу².

Понятие «конституционная экономика», появившееся сравнительно недавно в отечественной литературе³, является эманацией идей ряда представителей западной экономической науки, и в частности Дж. Бьюкенена и Р. Шерри, в работах которых в том или ином контексте звучат термины «конституционная экономика» и «конституционный выбор»⁴. Однако западные экономисты весьма далеки от *юридического* содержания термина «конституция». Отечественные же ученые рассматривают конституционную экономику как «научное направление, изучающее принципы оптимального сочетания экономической целесообразности с достигнутым уровнем конституционного развития, отраженным в нормах конституционного права, регламентирующих экономическую и политическую деятельность в государстве»⁵.

Такая трактовка представляется нам не совсем удачной, потому что далеко не во всех случаях необходимо стремиться к подобной оптимизации, поскольку конституция может отражать не самые прогрессивные идеи, как это было в советских кон-

ституциях, не приемлющих частной собственности, не признающих рыночную экономику и «оптимизирующих» экономическую деятельность сообразно идеологическим и политическим догмам.

По нашему мнению, термин «конституционная экономика» может иметь по меньшей мере два значения. Во-первых, его можно воспринимать как синоним *легальной* экономики, которая существует *официально*, в рамках действующего в данной стране и в данное время конституционно-правового поля. Эта система может быть рациональной и нерациональной, целесообразной и нецелесообразной, эффективной и неэффективной в зависимости от избранных *критериев* оценки.

Советская экономика была «конституционной», хотя и не была экономически целесообразной; была она и эффективной с точки зрения существовавшего тогда понимания государственных и социально-экономических интересов: государство не знало ни безработицы, ни экономических кризисов, ни развала ведущих отраслей, обеспечивающих военную мощь и безопасность страны. «Теневая» советская экономика не была «конституционной», хотя и стремилась к экономической целесообразности, нарушая правовые предписания и восполняя тот дефицит товаров и услуг для населения, который создавала легальная экономика.

Во-вторых, понятие «конституционная экономика» может рассматриваться как *антитеза* тоталитарной государственной экономики, отражая процессы сближения Запада и России, стремящейся вернуться в «лоно мировой цивилизации». В этом случае понятие «конституционная экономика» с *юридической точки* зрения отражает *качественное состояние* экономико-правовой системы, возникающее в процессе интеграции конституционных положений и принципов, объективных закономерностей экономического развития, средств и методов конституционно-правового регулирования в экономической сфере и характеризующееся как «экономическим» содержанием Основного закона, так и закреплением в нем конкретных юридиче-

¹ Советник начальника Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист России, заслуженный деятель науки РФ.

² Лосев А. Ф. Самое Самб. Миф, число, сущность. М., 1994. С. 300–526.

³ Баренбойм П. Д. Конституционная экономика: учебник для юрид. и эконом. вузов / П. Д. Баренбойм [и др.]. М., 2006.

⁴ См.: Buchanan. Explorations into Constitutional Economics / Buchanan, M. James. College Station, Texas, 1989; Швери Р. Теория рационального выбора: универсальное средство или экономический империализм? // Вопросы экономики. 1997. № 7. С. 35–51.

⁵ Баренбойм П. Д. Указ. соч. С. 10.

ских механизмов и гарантий ограничения власти в сфере действия объективных экономических законов и закономерностей, полнотой и последовательностью отражения этих механизмов и гарантий в текущем законодательстве.

Как антитеза тоталитарной государственной экономики, термин «конституционная экономика» отражает суть демократической конституции и рыночной экономики, рассматриваемых с точки зрения воплощения этих категорий в системе юридических норм и организационно-правовых механизмов их реализации. При этом более удачным представляется другое понятие — «конституционность экономики» как синоним легальных экономических отношений и легальной экономической деятельности, «правила игры» участников которой базируются на их четком закреплении в конституционном и текущем законодательстве.

Конституционность экономики имеет и чрезвычайно важный *политико-правовой аспект*. В диалектике взаимосвязи государственных и экономических институтов политическая власть и сущностные характеристики государства на первый взгляд играют ведущую роль хотя бы в силу монопольного права государства на законодательство, устанавливающее обязательные правила поведения, и государственное принуждение, обеспечивающее их соблюдение. Однако экономика и экономическая власть «...легко приобретают определенную независимость: используя коррупцию, она может воздействовать на закон,

а при помощи пропаганды — на общественное мнение»¹.

Обе эти тенденции в своем крайнем проявлении одинаково опасны для социума и конституционного строя: *государственный интервенционизм* способен нивелировать действие объективных экономических законов, подчинить развитие экономики сиюминутным политизированным и идеологизированным целям государственного управления; *экономический интервенционизм*, понимаемый как принцип, теория и практика вмешательства экономики в процессы формирования и функционирования политической власти и государственных институтов, способен подчинить волю должностных лиц госаппарата интересам отдельных финансово-промышленных групп.

В связи с этим опасность для прогрессивного общественного развития представляет не власть — политическая или экономическая, а любые формы ее бесконтрольности. В ее преодолении нормы конституции играют ведущую роль, формализуя как юридические средства сдерживания трансгрессивной природы государственной власти, так и социальные ориентации национальной экономики. При существовании этого баланса в равной мере можно отвергнуть как догму, рассматривающую государство в качестве силы, подавляющей экономику, так и догму об экономике, диктующей свою волю политической власти. В этой формуле, на наш взгляд, и заключена квинтэссенция понятия «конституционная экономика».

Е. Е. Амплеева²

ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ И ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ В МУСУЛЬМАНСКОМ И МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

Исследование права вообще и мусульманского права и международного права как его правовых составляющих в частности на сегодняшний день имеет особое звучание. Интерес к объективной и беспристрастной оценке данных феноменов играет большую роль. Современные государства выполняют ряд функций, среди которых основными являются оборона страны, содействие своим гражданам и юридическим лицам в международном общении, участие страны в интеграционных процессах и т. д. При цивилизационном подходе под цивилизацией понимают либо все человечество, объединенное общей историей и культурой, либо отдельные государства и группы государств, объединенные своими специфическими чертами, элементами культуры³. Язык, искусство, наука, промышленность, религия, города, высокие технологии и тому подобное — компоненты цивилизации. Следовательно, при цивилизационном подходе возможны десятки классификаций государств в зависимости от того компонента, который будет избран в качестве критерия.

Для общения, взаимодействия государств друг с другом нужен порядок, определенные правила, общепризнанные нормы, в соответствии с которыми государства выстраивают свое поведение на мировой арене. Эта совокупность норм и принципов и есть международное право, причем его главной целью функцией должно быть регулирование отношений между всеми членами международного сообщества государств на основе принципов равенства и справедливости для достижения мирного сосуществования, обеспечения безопасности и благосостояния как государств, так и каждого из его граждан. В свою очередь международное право обязывает государства соблюдать его основные принципы для установления справедливости, безопасности и мира⁴.

Международное право не содержит норм, которые были бы неприемлемы для какой-либо мировой религии. Почти все мировые религии могут быть истолкованы в защиту концепции прав человека, и всякое обращение к религиозному и культурному контексту должно быть направлено на укрепление международных норм, а не на ограничение их действия.

¹ Russell B. Power. L., 1938. P. 128.

² Заведующая кафедрой государственного права СПбГУП, кандидат юридических наук, доцент.

³ Шумилов В. М. Международное право. М., 2007. С. 12.

⁴ Хашимутулла Б. Исламские традиции права. Одесса, 2006. С. 101.

Мусульманское право является одной из основных правовых систем. Оно представляет собой религиозно-правовую систему, основанную на религии ислама. В современном мире ислам исповедуют более 1 млрд чел. и 46 государств считают себя исламскими. Необходимо отметить, что мусульманское право представляет собой правовую традицию, и религия в праве государств, которые наиболее последовательно следуют исламским нормам, является реальностью их бытия, с чем не может не считаться международное сообщество.

Раздел мусульманского права, трактующий международно-правовые вопросы, известен под названием *сийяр* и в целом соответствует современному пониманию международного права¹. Так, источники исламского права (далее *ал-фикх*) ограничивают право на применение силы в международных отношениях интересами самозащиты и распространения ислама. Для мусульман лишь эти интересы являются законными причинами войны. Кроме этого, мусульмане ограничены и определенными правилами, которые должны соблюдать во время боевых действий: например, прежде чем применять силу для распространения ислама, они должны предложить свою веру, в случае войны истреблению подлежат только воины противника и лишь на поле боя². Мусульмане должны соблюдать и уважать условия соглашений, которые оказывают им неверные, и они, таким образом, рассматриваются как правовые субъекты³. Идея взаимности, взаимоуважения обеих сторон в Коране особо подчеркнута.

Согласно мусульманской вере исламские законы в прошлом, настоящем и будущем должны быть основаны на Коране и Сунне, но исторический контекст должен быть просто рамкой интерпретации и применения источников мусульманского права, то есть законы ислама должны следовать за развитием человечества и, безусловно, соответствовать реалиям нашего времени. В связи с лексической двусмысленностью и зачастую неточным пониманием термина *джихад* как мусульманами, так и немусульманами, возможно, имеет смысл, говоря об этих аспектах *ал-фикха*, использовать термин «применение силы» как термин международного права после его использования в Уставе ООН.

Итак, *ал-фикх* санкционирует применение силы против немусульман не только в целях самозащи-

ты, но и для распространения ислама. Он также исключает свободу выбора религии, что означает дискриминацию и неравноправие немусульман, поскольку об отсутствии принуждения в религии говорить никак нельзя, если немусульманам предлагалось на выбор: принять ислам, заключить договор и выплачивать дань или же подвергнуться нападению мусульман, что, несомненно, противоречит общечеловеческим принципам международного права. Следовательно, некоторые из принципов мусульманского права находятся в противоречии с международным правом, что может оказывать значительное негативное влияние на соблюдение мусульманскими государствами норм международного права.

Сегодня сами мусульмане осознают, что проблема модернизации мусульманского права с опорой только на старые принципы может привести к негативным результатам из-за его приверженности методу полной зависимости от «ясности» текста источников мусульманского права. Вместе с тем проблема модернизации связывается именно с текстом: если текст неясен, он должен быть соответствующим образом отшлифован, внутренне субординирован, а не оставаться просто читаемым, предписываемым или служить образцом для подражания, как суждение по аналогии.

Именно об этом свидетельствуют современные тенденции в мусульманском праве. Попытки преодоления сущностных, а не текстологических противоречий в мусульманском праве или его несоответствий Уставу ООН, Всеобщей декларации прав человека и международному праву в целом, как это понимается мировым сообществом, постоянно наталкиваются на противостояние принципов текстологического анализа. Изменения в мусульманском праве основаны на толковании источников мусульманского права, при котором «более поздний текст отменяет более ранний», если же его поменять наоборот, тогда на первый план выйдут тексты, которые в Коране называются «мекканские суры», базирующиеся на общечеловеческих ценностях, что позволит провести в мусульманском праве кардинальные изменения, дополнив его новыми институтами, усовершенствовав трактовку старых, для того чтобы они отвечали общепринятым мировым стандартам и нормам.

Н. В. Афоничкина⁴

РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР И ПАРТНЕРСТВЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Для осуществления диалога культур в мире, на наш взгляд, требуется общий язык. В качестве такового, по нашему твердому убеждению, могут служить права человека, получившие закрепле-

ние сначала во внутригосударственном, а затем и в международном праве. Доказательства справедливости этого тезиса можно обнаружить в тексте выступления «Права человека: общий язык человечества» Генерального секретаря ООН Бутроса Б. Гали на Всемирной конференции по правам человека, проходившей в Вене в 1993 г.: «Как абсолютный критерий права человека представляют

¹ *Ан-Наим А. А.* На пути к исламской реформации (гражданские свободы, права человека и международное право). М., 1999. С. 159.

² См.: *Блешо Э.* Джихад и универсальные ценности // *Восток*. 1999. № 3. С. 37.

³ Сунна Пророка Мухаммеда. Цит. по: *Ан-Наим А. А.* Указ. соч. С. 168.

⁴ Доцент кафедры теории государства и права и конституционного права Оренбургского государственного университета, доктор юридических наук.

собой общий язык человечества. Приняв этот язык, все народы смогут понимать друг друга и творить собственную историю»¹. Б. Б. Гали назвал нормы о правах человека, созданные под эгидой ООН, «общей собственностью» международного сообщества в целом и подчеркнул при этом, что в наборе документов ООН о правах человека «достаточно всего, чтобы удовлетворить все государства, все народы и все культуры»².

С того времени прошло уже полтора десятка лет, однако их философская мудрость не подверглась девальвации, напротив — с годами все яснее становится их глубокий смысл, и мы убеждаемся в их истинности и методологической ценности. Эти требования были обращены прежде всего к двум категориям субъектов международного права — государствам и ООН. «Красной нитью» среди них проходят требования объединения усилий и сотрудничества всех членов международного сообщества в деле оказания помощи нуждающимся странам в создании благоприятных условий, «в которых каждый индивидум может пользоваться универсальными правами человека и основными свободами»³. Приведенное требование и есть выход на партнерские взаимоотношения всех государств, всех представляемых ими цивилизаций.

Каждая эпоха отмечена собственным видением сущности международного права и его назначения в человеческом общежитии. Не заглядывая в глубь эпох, обратимся к XX в. с его нерешенными глобальными проблемами, поскольку он стал свидетелем взлетов и падений цивилизаций, двух мировых войн, небывалого единения всего прогрессивного человечества в борьбе с фашизмом и милитаризмом.

В начале XX в. международное право именовалось еще правом цивилизованных народов. В этом названии отражалась его сущность на тот период времени; состояла она в праве сильных держав поведовать остальными так называемыми «нецивилизованными народами». Это было классическое международное право, основанное на диктате силы и осознании сильными государствами своей исключительности. Эти государства считали правомерным по отношению к народам, не имеющим своей государственности, относиться с позиций господства, требуя от них безусловного повиновения.

В первые десятилетия XX в. наметился переход от классического международного права к современному. Как известно, любое явление уже с момента своего возникновения начинает себя отрицать. До определенного времени отрицание самого себя происходит незаметно, но стоит случиться экстраординарному событию, как ростки нового становятся зримыми и осязаемыми. Известные события 1910-х гг. явились ускорителем в изменении сущности международного права, однако в тот период лишь наметились черты современного права. Окончательно процесс завершился после Второй мировой войны, итогом которой и явилось создание ООН.

¹ Всемирная конференция по правам человека. Венская декларация и Программа действий с выступлением Генерального секретаря ООН. Нью-Йорк, 1995. С. 7.

² Там же. С. 11.

³ Там же. С. 35.

В период классического международного права об этом еще только мечтали прогрессивные умы человечества. Эти мечты выражены в формуле, предложенной в качестве завета I Гаагской конференции мира 1899 г. нашим соотечественником юристом-международником с мировым именем Ф. Ф. Мартенсом: «Народы, оставайтесь в единении во всех великих делах, сохраняйте свободу в ваших собственных малых делах; будьте проникнуты человеколюбием и милосердием во всех человеческих и международных делах»⁴.

Современное международное право представляет собой согласованную волю государств-членов международного сообщества; в этой согласованной воле учтена воля всех государств — больших и малых, сильных и слабых. С точки зрения современного международного права все цивилизации, все народы способны самостоятельно выбрать собственный путь политического, экономического и социального развития. В современном международном праве отражаются общие интересы международного сообщества в целом, и в силу этого оно служит единению цивилизаций.

В Резолюции ГА ООН № 60/251 от 3 апреля 2006 г. в качестве цели создания Совета по правам человека отмечена «важность обеспечения универсальности, объективности и неизбирательности при рассмотрении вопросов, связанных с правами человека, и необходимость ликвидации двойных стандартов и политизации», «сотрудничества и подлинного диалога», направленных на «повышение возможностей государств-членов выполнять принятые ими обязательства в области прав человека в интересах всех людей».

Международное право является сегодня ядром современного мирового порядка, важнейшим инструментом обеспечения мира и безопасности. В Декларации тысячелетия, утвержденной Резолюцией 55/2 ГА ООН от 8 сентября 2000 г., руководители государств — членов ООН признали, что они, помимо индивидуальной ответственности перед собственными обществами, несут позитивную «коллективную ответственность за утверждение принципов человеческого достоинства, справедливости и равенства на глобальном уровне», что они «ответственны перед всеми жителями Земли, особенно перед наиболее уязвимыми из них, и в частности перед детьми мира, которым принадлежит будущее». Именно поэтому они выразили свою решимость следовать международному праву, укреплять уважение к принципу верховенства права в обеспечении справедливого и прочного мира.

Вместе с тем сегодня мы являемся свидетелями стремления некоторых государств использовать международное право в своих узконациональных интересах и реанимировать принцип диктата силы в международных отношениях. Под предлогом внедрения демократических институтов в национальные общества отдельные государства пытаются установить свою монополию на демократию. Для того чтобы осознать свою общую судьбу, человечеству потребовалось пройти через две мировые войны;

⁴ Мартенс Ф. Ф. Гаагская конференция мира. Культурно-исторический очерк // 100-летие инициативы России: от I конференции мира 1899 г. к III конференции мира 1999 г. / под ред. В. С. Иваненко. СПб., 1999. С. 50.

оно выстрадало принципы равноправия народов, справедливости и демократии.

Невольно задаешься вопросом о том, что еще предстоит испытать человечеству, прежде чем пре-

тендующие сегодня на свою исключительность государства поймут порочность своих намерений и опасность своих действий для судеб всего человечества?

В. А. Бачинин¹

ПРАВО И РЕЛИГИЯ В ПРОБЛЕМНОМ КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ОНТОЛОГИИ

Онтологически заданная системность права открывает широкие возможности для развертывания стратегий системного подхода к нему, предполагает открытую множественность концептуальных моделей правовой реальности, позволяет выстраивать различные теоретические конструкции, руководствуясь критериями их эвристичности, отбирая их по степени эпистемологической продуктивности. Так, право может рассматриваться как:

— *аксиологическая система*, имеющая свои цели (целевые причины) и ценности, на которые она ориентирована, которым служит и которые стремится оберегать от разрушений — цивилизованный порядок, авторитет власти, свободы граждан, их права на жизнь, безопасность, здоровье, собственность, личное достоинство и т. д.;

— *нормативная система*, состоящая из юридических предписаний, законов, норм, стоящих на страже вышеуказанных ценностей;

— *семантическая система*, то есть совокупность взаимосвязанных значений и смыслов, не только юридических, но и философских, религиозных, социальных, этических, политических и др.;

— *институциональная система*, включенная в состав общественной макросистемы, выполняющая свои специфические функции и взаимодействующая при этом с другими социальными институтами.

Нормы, ценности, смыслы права, а также те институциональные формы, в которые они облачены и на которые опираются, по своей природе таковы, что им тесно пребывать только в сугубо юридических рамках. Богатством своих содержаний они как бы выходят за институциональные пределы права, не позволяют ему пребывать в состоянии самотождественности, свидетельствуют о том, что в каждый момент своего существования правовая реальность не равна себе и включает еще нечто такое, что, строго говоря, не является правом и вместе с тем не может быть радикально отсечено от него. Это *нечто* может иметь прямое отношение к религии, морали, экономике, политике, идеологии и многому другому. Оно существует в нормативно-ценностном континууме «цивилизации — культуры» и по разным каналам проникает в содержание права. Так создаются основания для утверждений, что право — это действительно нечто большее, чем просто право.

Право как существенный элемент социосферы развивается и функционирует внутри единого континуума «цивилизация–культура». Если попытаться отнестись к нему только к цивилизационной системе и рассматривать в сугубо инструментальном, служебном аспекте, это приведет к возникновению упрощенных представлений о нем. Такими редуцирован-

ными моделями права переполнены книги, написанные с позиций юридического позитивизма, где не учитывается, что у права, как и у человека, кроме материальной основы есть еще и духовная составляющая. Невозможно сбрасывать со счетов то, что своими институционально-организационными структурами право входит в социальное «тело» цивилизации, а своим духовным содержанием — в аксиологию и семантику культуры. Это позволяет ему не только функционировать в качестве некоего социального механизма, упорядочивающего общественную жизнь, вносящего в нее начала жесткой, внешней дисциплинарности, но и способствовать более полной реализации жизненных и творческих сил индивидов и сообществ, содействовать возрастанию степени гармоничности общественной системы.

Право, рассматриваемое в единстве составляющих его цивилизационных и культурных начал сущего и должного, включено в гигантскую мега-систему каузальных связей и детерминационных зависимостей. Границы этой системы не совпадают ни с социальными, ни с цивилизационными рамками человеческого существования. Не антропоцентрически организованная «галактика Гутенберга», а все мироздание составляет тот онтологический контекст, внутри которого пребывает и воздействия которого на себе постоянно испытывает правовая реальность. Это заставляет теоретическое сознание выходить в размышлениях о сущности права далеко за пределы юриспруденции и погружаться в метафизические вопросы, касающиеся природы хаоса, порядка, цивилизации, духа, религии, морали и многого другого.

Издавна традиционной сферой, где все эти реалии сплетаются в единый проблемный узел, выступает область взаимоотношений права и религии. Если учитывать глубокую секуляризованность современного теоретического сознания, его намеренную дистанцированность от всего, что так или иначе отдает духом сакральности, то становится понятным, почему для него такие вопросы, как сущность религии, природа ее институтов, особенности религиозно-теологического дискурса и многие другие, представляются досадными препятствиями, мешающими свободному полету научной мысли и предназначенными лишь для того, чтобы ловко огibtать их во время таких полетов. Между тем эпоха уже наступившего постмодерна с характерным для нее постсекулярным настроением заставляет гуманитариев, в том числе и правоведов, все чаще обращать свой взор в сторону религиозно-церковных институтов.

Невозможно отрицать, что эти традиционные формы организации общественного бытия выполняют важные социокультурные функции по упорядочению практической и духовной жизни индивидов и масс, выработке определенных культурных

¹ Главный научный сотрудник Социологического института РАН (Санкт-Петербург), доктор социологических наук, профессор.

стандартов и ролевых стереотипов социального поведения, отвечающих глубинным экзистенциальным потребностям человека.

Ведущим звеном в институциональной структуре религии является церковь — объединение верующих, исповедующих одно вероучение и связанных между собой религиозными отношениями. Церковная община опирается в своей духовной жизни и практической деятельности на достаточно жесткую нормативно-ценностную платформу, основой которой составляют предписания догматического характера, почерпнутые из древних сакральных текстов.

Религиозно-церковные институты играют важную роль в жизни государства, в функционировании его политических и правовых институтов. Отношения между религиозно-церковными институтами и светскими институтами государственной власти складываются в соответствии с несколькими основными сценариями:

1) при доминировании церкви над государством, то есть при теократическом варианте, религиозные институты обладают максимально полной духовной и практической властью, когда ни одно сколько-нибудь значимое событие в жизни государства и общества не совершается помимо воли церковных иерархов, когда повседневная жизнь подданных протекает под неусыпным надзором церкви;

2) при умеренно-равновесных, конвенционально-компромиссных отношениях между церковью и государством их институты действуют, разделяя сферы влияния и не вмешиваясь в дела друг друга;

3) при жесткой, авторитарной модели однозначного доминирования светской власти над властью церковной религия превращается в бесправную служанку государственной идеологии и политики, а служителям церкви, принуждаемым к безоговорочному сервилизму, приходится либо принять навязанные им извне роли, либо с большим трудом, внутренним напряжением, постоянными духовными усилиями и жертвенностью сохранять собственное нравственное достоинство.

Социальные задачи религиозно-церковных институтов многократно усложняются в условиях полиэтнической, многонациональной государственности. Встают задачи по созданию таких соци-

альных условий, которые позволяли бы гасить конфликтогенные ситуации на стадии их зарождения, преобразовывать агрессивно-деструктивную энергию субьектов, принадлежащих к разным конфессиям, в нечто позитивное, трансформировать ее в приемлемые социокультурные формы.

Можно говорить еще об одной типологии взаимоотношений религии и права, характеризующей историю мировой цивилизации и предполагающей две разные модели институциональных взаимодействий. Первая модель, присущая в наибольшей степени традиционному обществу, предполагает доминирующую роль религии и подчиненную роль права. Так было, например, в древнем Израиле и в средневековой Европе, где религиозные и правовые требования, прописанные в Библии, составляли неразрывное целое при явном приоритете первых.

Вторая модель, получившая развитие на фоне посттрадиционных социальных систем Нового и Новейшего времени, имеет иной характер. В ней религия и право обладают значительной автономией относительно друг друга. При этом главенствующую роль играет предельно секуляризованное право, а религия пребывает в существенном отдалении от него, выполняя, в меру возможностей, свои социально-регулятивные функции при помощи собственных нормативно-ценностных средств. Если в первой модели налицо господство системы *религиозного права*, то во второй эта система либо отодвинута на периферию социального пространства, либо вообще вытеснена за его пределы.

Лишь при определенных социально-исторических условиях религиозное право способно сосуществовать в общем нормативном пространстве наряду с институтами обычного и позитивного права. Сфера его компетенции может при этом сужаться, а императивность предписаний уменьшаться в условиях общего процесса секуляризации, через который проходят локальные цивилизации на известных этапах своей истории, как это происходило, например, в Европе на протяжении последних пяти столетий. Это, однако, не мешало религиозному праву служить своеобразным нормативно-регулятивным цивилизующим подспорьем для светских властей, если те не были одержимы атеистическим нигилизмом и толерантно относились к его предписаниям.

А. А. Богустов¹

ПРОБЛЕМЫ СБЛИЖЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СТРАН СНГ

С 1990-х гг. в странах бывшего СССР идет процесс преобразования социалистической гражданско-правовой системы в романо-германскую. Одним из способов достижения этой цели является изменение гражданского законодательства советского периода, которое главным образом идет путем разработки новых гражданских кодексов (ГК). Большинство государств-участников СНГ разрабатывает национальные ГК на основе модельного Гражданского кодекса (далее — ГК СНГ). ГК СНГ принят за основу национальных гражданских ко-

дексов России, Беларуси, Армении, Киргизии, Казахстана, Таджикистана, Узбекистана. Определенное влияние ГК СНГ оказал и на гражданские кодексы иных стран бывшего СССР. Законодатели Грузии, Азербайджана, Молдовы, Туркменистана, избравшие собственный путь кодификации гражданского законодательства, при разработке национальных ГК осуществили их «частичную привязку к модели ГК СНГ»². Более того, ГК СНГ оказывает

¹ Старший преподаватель кафедры гражданского и международного права Гродненского филиала «БИП — Институт правоведения».

² *Книпер Р.* Сотрудничество в области правовых реформ: Универсальность и контекст [Электронный ресурс]. Электрон. дан. Режим доступа: <http://www.cis-legal-reform.org/publication/articles-reports/juristische-zusammenarbeit-universalitaet-und-kontext.ru.html>.

опосредованное влияние на законодательство стран, никогда не входивших в состав СССР. Например, ГК Монголии 1994 г. «по своей структуре и содержанию представляет собой сильно сокращенный вариант нового Гражданского кодекса России»¹.

Но принятие национальных кодексов на основе ГК СНГ не приводит и не может привести к полной унификации гражданского законодательства. Это объясняется целым комплексом причин. В ряде случаев ГК СНГ прямо указывает на необходимость установления содержания нормы на национальном уровне. Например, п. 2 ст. 225 ГК СНГ устанавливает, что «земля и другие природные ресурсы, не находящиеся в собственности граждан и юридических лиц, являются государственной собственностью». Но примечание к этой статье гласит, что этот пункт «рекомендуется для государств, где допускается частная собственность на землю и другие природные ресурсы». Первая часть ГК СНГ в десяти случаях говорит о необходимости установления содержания нормы национальным гражданским законодательством.

Разработчиками в текст ГК СНГ вносились изменения. Например, 16 июня 2003 г. Межпарламентская ассамблея государств — участников СНГ приняла новую редакцию пятого раздела (Интеллектуальная собственность) части третьей ГК СНГ. То есть возникает ситуация, когда государства могут использовать различные редакции ГК СНГ при разработке своих национальных гражданских кодексов. Эта проблема усугубляется различными темпами разработки и принятия национального гражданского законодательства.

В национальные гражданские кодексы, принятые на основе ГК СНГ, неоднократно вносились изменения. Например, по состоянию на июнь 2007 г. в ГК России изменения и дополнения вносились 38 раз. В ГК Беларуси по состоянию на ноябрь 2007 г. изменения и дополнения вносились 25 раз. Сходная ситуация складывается и с гражданскими кодексами иных государств — участников СНГ. Все изменения в национальные гражданские кодексы вносятся несинхронно, часто без учета смысла и текста ГК СНГ и опыта соседних государств. Отличия национальных гражданских кодексов усиливаются из-за того, что эти изменения могут вводить институты, неизвестные ГК СНГ. Примером этого может служить ст. 117 ГК Республики Беларусь, относящая к числу некоммерческих юридических лиц республиканские государственно-общественные объединения (некоммерческие организации, основанные на членстве физических и юридических лиц, а также государства, целью деятельности которых является выполнение возложенных на них государственно значимых задач).

Кроме того, в ряде случаев внесенные изменения кардинальным образом трансформируют определения правовых понятий, содержащихся в ГК СНГ. Например, п. 1 ст. 189 ГК СНГ определяет ценную бумагу как документ, удостоверяющий с соблюдением установленной формы и обязательных реквизитов имущественные права, осуществление или передача которых возможны только при

его предъявлении. С передачей ценной бумаги переходят все удостоверяемые ею права в совокупности. Это определение без каких-либо изменений воспринято большинством национальных законодательств государств СНГ (ст. 146 ГК Армении, ст. 143 ГК Беларуси, ст. 142 ГК Российской Федерации, ст. 157 ГК Таджикистана, ст. 96 ГК Узбекистана). Аналогично определялась ценная бумага и в ГК Казахстана. Но в соответствии с изменениями, внесенными в него в 2003 г., ценная бумага определяется как «совокупность определенных записей и других обозначений, удостоверяющих имущественные права» (п. 1 ст. 129 ГК Казахстана). Таким образом, внесенные изменения трансформировали саму конструкцию ценной бумаги, которая начинает трактоваться не как «документ», а как совокупность имущественных прав.

Изменения могут вноситься не только в действующие гражданские кодексы, но и путем модификации официального текста ГК СНГ в процессе принятия национальных кодексов. Зачастую эти изменения носят не только юридико-техническое, но и политико-правовое значение. Например, правоспособность коммерческих юридических лиц в Республике Беларусь имеет специальный характер: юридическое лицо может иметь гражданские права, соответствующие целям деятельности, предусмотренным в его учредительных документах, а также предмету деятельности, если он указан в учредительных документах (ст. 45 ГК Республики Беларусь). Согласно ст. 62 ГК СНГ и ст. 49 ГК РФ коммерческие юридические лица обладают общей правоспособностью: они могут иметь гражданские права и нести гражданские обязанности, необходимые для осуществления любых видов деятельности, не запрещенных законом.

Многие статьи ГК СНГ и национальных гражданских кодексов имеют отсылочный характер. То есть даже полное совпадение текстов национальных гражданских кодексов по тому или иному вопросу не означает полной идентичности правового регулирования таких отношений на национальном уровне. Специальные законы, к которым отсылают гражданские кодексы, часто не сгармонизированы. Они принимались в разное время, имеют разный объем, построены на различных политико-правовых принципах.

В ряде случаев национальные гражданские кодексы, отсылая к специальным законам, по сути, отсылают «в пустоту», поскольку таких специальных законов на настоящий момент не принято.

В процессе унификации гражданского законодательства проявляются проблемы субъективного характера. С одной стороны, законодательство России либо модельное законодательство СНГ рассматривается на национальном уровне как «пророссийское», «имперское» (зачастую одно это является достаточным основанием для отказа от того или иного решения вне зависимости от его эффективности). С другой — при разработке модельного законодательства не учитывается правовой опыт бывших союзных республик как не заслуживающий внимания. Все это приводит к тому, что процесс унификации и гармонизации гражданского законодательства в рамках СНГ нельзя назвать успешным.

¹ Правовые системы стран мира: энцикл. справ. / отв. ред. А. Я. Сухарев. М., 2001. С. 448.

Е. В. Болотина¹

ЭКОНОМИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОРГАНОВ МУНИЦИПАЛЬНОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ И ФРАНЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

1. Теоретический анализ понятийного аппарата

Прежде всего необходимо разобраться в соотношении понятий «местное управление» и «местное самоуправление».

Существует точка зрения, при которой эти понятия противопоставляются и обозначают две различные системы, параллельно функционирующие на местном уровне. При этом под местным управлением понимаются органы, назначаемые из центра и представляющие на местах государственную администрацию, а под местным самоуправлением — местные выборные органы и должностные лица.

Согласно другой позиции местное самоуправление и местное управление не противопоставляются, а рассматриваются в соотношении части и целого². В данном случае местное управление представляет собой достаточно сложный и гибкий механизм, который может включать как государственную администрацию на местах, так и избираемые местным населением органы власти (то есть органы местного самоуправления). Таким образом, понятие «местное управление» охватывает как прямое государственное управление на местах (назначаемые центром и подчиняющиеся ему чиновники), так и местное самоуправление (деятельность местных выборных органов и должностных лиц, ответственных лишь перед избирателями и перед законом).

Полагаем, что местное управление на практике оказывается гораздо более разнообразным, чем это можно представить, если сводить его к самоуправлению. Именно в таком качестве местное управление входит в систему публичного управления, обладая большей спецификой и самостоятельностью по сравнению с его другими элементами.

Вывод: учитывая, что в некоторых странах может фактически присутствовать лишь один из видов местного управления (прямое государственное управление на местах или местное самоуправление), более универсальной, по нашему мнению, категорией, характеризующей данный элемент публичного управления, является термин «муниципальная власть».

2. Анализ французского законодательства, регламентирующего экономические аспекты муниципальной власти

Французское законодательство, регламентирующее экономические аспекты организации и функционирования муниципальной власти, носит ярко выраженный императивно-диспозитивный характер.

Основы правового регулирования статуса местных органов власти заложены в действующей Конституции от 4 октября 1958 г. в раздел XII «О терри-

ториальных сообществах». Фактически к организации местных властей на территории континентальной Франции относятся лишь положения ст. 72.

Статья 72 Конституции Франции устанавливает, что «эти сообщества свободно управляются избранными советами и на условиях, предусмотренных законом». Та же ст. 72 предписывает существование в департаментах «представителя правительства, отвечающего за национальные интересы, административный контроль и соблюдение законов».

Анализируя правовое регулирование местных финансов в современной Франции, необходимо отметить серьезное влияние политики децентрализации. Основные принципы функционирования местных финансов во Франции были закреплены в законах от 2 марта 1982 г. и 1 декабря 1988 г. Эти законы занимают центральное место в реформе государственного управления, проведенной в 1980-е гг., и в процессе реформирования местного управления, в том числе местных финансов.

Законом от 2 марта 1982 г. «О правах и свободах коммун, департаментов, регионов», известный как «закон децентрализации», ввел новую процедуру контроля за решениями местных органов; расширил полномочия последних за счет передачи им ряда функций государственных органов (соответствующих служб, имущества и средств), а также прав по подготовке и принятию бюджета. Предусмотрен новый порядок финансирования местных бюджетов: в ежегодном законе о госбюджете вводится новая глава «Финансирование территориальных коллективов»³.

Диспозитивность правового регулирования местных финансов во Франции проявилась с принятия Конституционного закона 28 марта 2003 г., которым вносится поправка в Конституцию Франции, предусматривающая, что финансовая самостоятельность является составляющей свободы управления.

Законом от 29 июля 2004 г.⁴ закреплен принцип финансовой автономии. При этом автономия не отождествляется с независимостью, «закон защищает, но он может и вынудить»⁵.

Финансовая автономия проявляется в двух составляющих. Во-первых, относительная налоговая свобода, означающая, что территориальные коллективы имеют возможность в определенных пределах изменять базу налогообложения по основным местным налогам, а также право определять ставки местных налогов. Однако территориальные коллективы не могут ни устанавливать налоги, ни

³ Бюджетный процесс во Франции: центральный и местные бюджеты: сб. обзоров. Сер. «Региональное управление и местное самоуправление». М., 1995. С. 53.

⁴ Loi organique 2004-758 du 29 juillet 2004 pris en application de l'article 72-2 de la Constitution relative à l'autonomie financière des collectivités territoriales // Journal Officiel de la République Française. № 175 du 30 juillet 2004.

⁵ Mouzet P. Finances locales. P., 2003. P. 20–22.

¹ Профессор кафедры государственного права СПбГУП, доктор юридических наук, доцент.

² Подробнее об этом см.: Евдокимов В. Б. Местные органы власти зарубежных стран: правовые аспекты / В. Б. Евдокимов, Я. Ю. Старцев. М., 2001.

получать налоговые платежи (эти функции осуществляют соответствующие государственные службы). Во-вторых, финансовая автономия проявляется в свободе управления, означающей финансовую компенсацию любой передачи полномочий от государства муниципалитету. Согласно ст. L 16111-1 Кодекса об административно-территориальных образованиях Франции «никакие расходы государства или национального государственного учреждения не могут быть навязаны, прямо или косвенно, территориальным коллективам и их объединениям, кроме случаев и в порядке, предусмотренном законом»¹.

Вместе с тем не следует забывать, что свобода управления связана и с определенными финансовыми рисками для территориальных коллективов, обусловленными недостаточной компетентностью названных субъектов с экономической и юридической точек зрения.

Императивность законодательства в названной сфере проявляется в трех моментах:

— в высокой доле государственных субсидий в доходах местных бюджетов (государственная финансовая помощь местным органам власти превосходит 50 млрд евро в год);

— сохранении очень жесткой юридической регламентации в отношении местных финансов;

— прямом вмешательстве государства в управление местными финансами.

Многочисленные законодательные акты ограничивают свободу действий местных властей в области финансов. Так, местные власти должны соблюдать порядок бухгалтерского учета, разработанный центральными счетными органами. Все основные правила местного налогообложения определяются в централизованном порядке через специальные законы. Местные власти могут пользоваться свободными денежными средствами только через специального бухгалтера, уполномоченного казначейством.

Контроль государства за финансовой деятельностью территориальных сообществ проявляется прежде всего в деятельности префекта по проверке законности бюджетной и бухгалтерской документации. Префект также может возбудить предупредительную процедуру, что означает установление контроля над муниципалитетом, если дефицит бюджета превысит установленный уровень.

Вывод: таким образом, анализируя экономические основания формирования и функционирования органов муниципальной власти во Франции, можно констатировать наличие дуализма, то есть право местных финансов расположено между двумя полюсами. С одной стороны, это автономия местных коллективов, а с другой — необходимый контроль, обусловленный унитарной природой государства.

3. Проблема интеграции французского опыта в практику российского муниципального права

Существенной чертой ФЗ РФ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 г. является централизация нормативного регулирования ряда вопросов, относящихся к экономическим основам

местного самоуправления, в основу которой положена французская модель.

Следует отметить, что ряд положений французского законодательства в сфере муниципальной власти нашел отражение в ФЗ РФ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 г. Так, прослеживается явная аналогия с принципами установления территориальных границ муниципальных районов и сельских поселений с учетом соответственно «транспортной» и «пешеходной» доступности до административного центра и обратно в течение одного рабочего дня, закрепленными в ст. 11 названного закона.

Применительно к экономическим основам местного самоуправления российское законодательство в определенной степени «позаимствовало» положения, касающиеся предоставления субвенций местным бюджетам на осуществление отдельных государственных полномочий. Подробно определяются состав собственных доходов местных бюджетов, принципы зачисления в эти доходы отчислений от федеральных налогов и сборов, подходы к выравниванию бюджетной обеспеченности муниципального образования, которые в немалой степени дублируют Бюджетный и Налоговый кодексы, то есть местные бюджеты строятся по государственному принципу.

Кроме того, серьезной новеллой российского законодательства и примером использования французского опыта стало установление возможности временного осуществления отдельных полномочий органов местного самоуправления органами государственной власти субъектов РФ.

Несмотря на существенные изменения в законодательстве о местном самоуправлении, ситуация с экономическим обеспечением деятельности российских муниципалитетов остается достаточно сложной, по-прежнему наблюдается массовый дефицит местных бюджетов, недостаточная финансовая помощь государства, низкий уровень контроля за деятельностью муниципальных образований. Все это усугубляется отношением «недоверия», «политической апатии» населения к власти в целом и к муниципальной власти в частности.

Вывод: необходимо помнить, что некритичное заимствование чужого опыта, использование «готовых» западных форм не всегда приводит к эффективным результатам.

Децентрализация муниципальной власти, закрепленная в Конституции РФ, сама по себе еще не панацея от всех издержек государственного и общественного устройства и управления, и ее не следует абсолютизировать в качестве средства решения проблем путем развития местного самоуправления. Главная проблема — найти надлежащий баланс между государственной и муниципальной властью. Наиболее продуктивен здесь путь сотрудничества на основе контрактных соглашений между муниципальными образованиями на предоставление услуг и совместную деятельность в различных сферах.

В связи с этим необходим творческий синтез самобытного отечественного и зарубежного опыта, а не слепое копирование конструкций, разработанных и действующих в качественно отличающихся от российских условиях социально-правовой ментальности.

¹ Code général des collectivités territoriales // Journal Officiel de la République Française. 1996. № 47 (24 février).

А. И. Зябкин¹МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ
СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Право — величайшее изобретение человечества, не менее значимое для его развития, чем колесо или компьютер. И можно утверждать, что право является одной из высших общечеловеческих ценностей².

Ценности представляют собой некие исходные интеллектуально и эмоционально воспринимаемые разнообразны блага. Попытки найти в истории человечества единственное благо оказались безуспешными, но сам процесс поиска способствовал формированию представлений о конкретных видах, формах и уровнях его, о добре как нравственном благе, о красоте как эстетическом благе и т. д. По степени осознанности благо бывает чувственным (удовольствие) и рациональным (мудрость), по сфере своего влияния — индивидуальным или общим (общественным), по роли в жизни человека — утилитарным и неутилитарным и т. д.

Ценности традиционно делятся на предметные и духовные. Право в своем аксиологическом измерении выступает как строго определенная форма правового должностования, отличающаяся от всех других (моральных, религиозных, эстетических, научных, мировоззренческих и др.) форм должностования и ценностных форм.

Право представляет собой инструментальную ценность, то есть способность разрешать противоречия в различных сферах общества. При этом необходимо отметить, что, во-первых, разные типы культур (цивилизаций³) приписывают праву неодинаковую ценность; во-вторых, ценность каждой правовой нормы, каждого правового инструмента определяется конкретно-исторически; в-третьих, ценность права невозможна вне связи с деятельностью субъектов права, организационных сил, институтов по созданию и реализации права.

В равной мере это относится и к международному праву (системе норм, регулирующих межгосударственные отношения). Международное право стало складываться и развиваться вместе с возникновением государств и зарождением отношений между ними. Особенностью этих отношений был их очаговый характер, то есть первоначально международные отношения и регулирующие их нормы развивались в тех районах, где зарождалась цивилизация и возникали центры международной жизни государств (долины Тигра и Евфрата, Нила, районы Китая и Индии, Эгейского и Средиземного морей).

В последующие исторические периоды международное право развивалось, отражая особенности отношений в отдельных регионах (Западная Европа, Византия, Киевская, позднее Московская Русь), испытывая заметное влияние религий, революций, войн. После завершения Второй мировой войны сложился новый миропорядок на базе основополагающих принципов международного права, закрепленных в Уставе ООН (воздержания от угрозы силой или ее применения, невмешательства во внутренние дела друг друга, равноправия и самоопределения народов, мирного разрешения споров, добросовестного выполнения взятых международных обязательств и др.), развитых в последующем в ходе Общеввропейского процесса, объединения усилий государств по поддержанию международного мира и безопасности в рамках международных организаций: Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), Организации Договора о коллективной безопасности государств — участников СНГ и др.

Вместе с тем события последнего времени, а именно: попытки навязать миру свое видение межгосударственных отношений со стороны США, расширение НАТО с максимальным его приближением к границам России, события в Косово — реальная угроза стабильности, что в условиях неделимости, взаимозависимости мира очень опасная тенденция, которая не может не вызывать озабоченности не только в нашей стране, но и у других народов.

Обобщая сказанное, отметим, что, несмотря на все особенности, история международного права является интегральной частью всемирной истории. Развитие международного права шло в соответствии с коренными закономерностями общественной жизни и в конечном счете было прогрессивным.

Хочется верить, что человечество наконец осознает, что принадлежит «общему дому» — планете Земля. Это повлечет за собой постепенное стирание границ, установление более тесных связей между государствами, иной качественный характер международных отношений, трансформацию международного права и переход к новому историческому типу общества. Каким оно будет — вопрос будущего, это зависит в том числе и от каждого из нас.

¹ Профессор кафедры государственного права СПбГУП, кандидат юридических наук, доцент.

² Наука о ценностях называется аксиологией (от *греч.* *axios* — ценность, *logos* — учение). Она рассматривает реальность с точки зрения различных способов бытия, без которых человек утрачивает человеческое. О юридической аксиологии подробнее см.: *Нерсисянц В. С.* *Философия права: учеб. для вузов.* М., 2006. С. 78–89.

³ Одно из определений цивилизации как замкнутого и локального состояния общества, отличающегося общностью

религиозных, психологических, культурных, географических и других признаков формулирует английский историк А. Тойнби. Он отмечает, что культурный элемент представляет собой душу, сущность цивилизации. См.: *Тойнби А. Д.* *Постижение истории.* М., 1996. С. 35–67.

М. А. Капустина¹

СООТНОШЕНИЕ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА В КОНТЕКСТЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПОДХОДА

Одна из наиболее дискуссионных проблем юридической науки — соотношение права и государства. Сложность решения этой проблемы связана прежде всего с отсутствием в истории политико-правовой мысли и в современной литературе единого (единообразного) понимания природы государства и права, их свойств, признаков и, следовательно, характера взаимосвязи.

При всей дискуссионности вопроса о понятии самого общества и проблемы соотношения права и общества, права и государства нельзя не признать, что право лишь относительно самостоятельное социальное явление, которое только аналитически можно вычленил из других социальных явлений, например из экономической или моральной сферы жизни общества. Поэтому знания о праве и государстве детерминированы представлениями об обществе, особенностями цивилизации. Социум, его структура генетически обуславливают (предопределяют) характер соотношения права и государства.

На протяжении всего своего существования люди искали наиболее целесообразные политические и правовые способы взаимодействия. Постепенно формируются человеческие (то есть созданные, обусловленные прежде всего социальной, а не биологической природой человека) формы совместной жизни. В процессе общения людей те отношения, которые, повторяясь от случая к случаю, приобретают типичный характер, институционализируются. Отношения, опосредованные социальными институтами, становятся предсказуемыми, а поведение людей — ожидаемым. Формируются модели наиболее полезных (эффективных) способов взаимодействия индивидов, основанных на согласовании различных интересов отдельных лиц (персон), социальных групп. Таким образом, право рождено потребностями совместной жизни людей, необходимостью исключения произвола (непредсказуемости) в социальных отношениях. И в этом смысле право выступает мерой (институтом) социальной интеграции².

Интеграция общества с помощью права происходит путем упорядочения (нормирования) социального общения, абстрагируясь от индивидуальных различий людей и признавая каждого человека свободным и обладающим правами и обязанностями по отношению к другим — формально равным ему личностям. С этой точки зрения право можно рассматривать в качестве *способа и формы интеграции общества*, но не на основе унификации интересов, как происходит в тоталитарном государстве, а наоборот, на основе обеспечения социальной интеграции (единства) при разнообразии интересов. Интеграция общества — сложная проблема единства в разнообразии. В конечном счете и культурная ценность права обусловлена самой природой

человеческого общества вне зависимости от этнических, религиозных, половых и других различий между индивидами.

Однако ценность права, его интегрирующая, нормативно-регулятивная роль не означают однородность права, точнее, одинаковость (унифицированность) норм права во всех обществах, во всех культурах, во всех цивилизациях. Например, там, где географические (климатические) или политические условия способствовали не эмансипации личности от общности, а ее зависимости от коллектива, приоритетными рассматривались общие (государственные) интересы, коллективные (не частные, не индивидуальные) формы собственности. Соответственно, право в этих обществах призвано обеспечить социальный порядок, допускающий свободу отдельного человека лишь в той мере, в какой она была бы полезна для обеспечения солидарности общности. Главное здесь не автономия личности, а социальная солидарность, интересы всего сообщества, обязанности человека по отношению к Богу, общине, государству.

Таким образом, универсальными являются интегративные свойства права, которые по-разному выражаются в разных цивилизациях³. Более того, внутри одного мультикультурного общества можно обнаружить плюрализм (разнообразие) систем нормативного регулирования⁴. Подобная локальность (неоднородность, гетерогенность) права ярко проявляется при сравнении восточной и западной цивилизаций, а также в мегаполисах, где сосуществуют в одном правовом пространстве разные этнические, религиозные и иные субкультуры. В результате на территории одного государства в одно и то же время сосуществуют официальное право (законотворчество) и неофициальное «право», крайней формой которого является «теневое право».

Право, признавая всех в одинаковой степени свободными, формально равными друг другу, тем самым не заставляет и не запрещает придерживаться определенных моральных или религиозных убеждений, а, наоборот, обеспечивает возможность личности самостоятельно (свободно) принимать решение о том, во что верить и каких моральных (нравственных) ценностей придерживаться. Одновременно именно право обязывает уважать свободный выбор другого, его моральные и религиозные принципы, не допуская причинения вреда или угрозы личной свободе⁵. Таким образом, право способствует социальной интеграции, стимулирует ее даже тогда, когда не является главным регулятором отношений между людьми, например в религиозных культурах, где взаимоотношения

³ Честнов И. Л. Проблемы и перспективы юридической науки XXI века / Юриспруденция XXI века: горизонты развития: очерки / под ред. Р. А. Ромашова, Н. С. Нижник. СПб., 2006. С. 109–110.

⁴ См., напр.: Поляков А. В. Общая теория права: Феноменолого-коммуникативный подход. СПб., 2003. С. 496–504.

⁵ Варламова Н. В. Специфика правовой регуляции в соционормативной системе. Право и общество, СПб., 2004. С. 102.

¹ Доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат юридических наук.

² См.: Спиридонов Л. И. Теория государства и права. СПб., 1995. С. 102–103.

подчиняются в первую очередь религиозным заповедям, а не нормам права.

Государство обязано своим происхождением обществу и развивается вместе с обществом. Свойства, формы, функции государства, характер его взаимосвязи с правом историчны, во многом обус-

ловлены особенностями отдельных типов культур и цивилизаций. Современные государства и их правовые системы находятся в той или иной степени под влиянием глобализации, связанной в XXI в. с началом формирования планетарной цивилизации.

В. Д. Курганская¹

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВЫ ЛЕГИТИМНОСТИ НОРМ КАЗАХСКОГО ОБЫЧНОГО ПРАВА (АДАТА)

На процессы стихийного формирования и управляемой институционализации нормативно-правовых механизмов регуляции жизнедеятельности общества решающее влияние оказывает специфика организации политической власти. В Казахстане, особенно после обретения республикой суверенитета, эта специфика во многом определяется возрождением казахских национальных традиций и их транспонированием в механизмы политического процесса. Поэтому, как справедливо отмечает академик НАН РК А. Н. Нысанбаев, «чтобы лучше понять характер власти в Казахстане, сначала необходимо изучить традиционную политическую культуру казахов, иерархию ценностей, политические традиции и их роли в жизни современного Казахстана»².

Как для истории, так и для современного этапа развития казахской государственности характерна сложная картина синтезов и размежеваний *архаически-этнократического* и собственно *политического* принципов формирования властных структур. Присоединение Казахстана в годы независимости к ряду европейских конвенций, касающихся прав человека, не означает, что в стране европейские правовые нормы заменили исторически сложившиеся в казахском менталитете нормы адата. Хотя советская правовая система и наложила на них свой отпечаток, но и она не смогла преодолеть правовые архетипы традиционной культуры.

Особенности хозяйственной деятельности и соответствующих ей форм социальной организации традиционного казахского общества породили такой специфический феномен правосознания, как «обычное право». В обычном праве нормы правовой легитимности действий частных лиц и властных структур детерминированы не юридически, но этически и не нуждаются в превращенной форме государственного законодательства. Более того, сложилась своеобразная система разделения политической власти и судебно-правовой системы, при которой система норм естественного права ограничивала политическую государственную власть.

Государственный деятель и ученый А. И. Левшин в своем труде «Описание киргиз-казахских или киргиз-кайсацких орд и степей» (СПб., 1832) дал наиболее полный очерк политически-правовой системы, созданной ханом Тауке. Этого правителя

Левшин характеризует как великого государственного деятеля, стоящего в одном ряду со знаменитыми законодателями Солоном и Ликургом. Объединив жузы под своей властью, хан Тауке ограничил влияние султанов и поднял роль биев. Вместе с наиболее известными биями он составил свод обычного права — «Жеты-Жаргы», ставшего важнейшим инструментом укрепления государственности.

А. И. Левшин отмечает, что важнейшим основанием для избрания «начальников киргизских» является «доказанная опытом способность вникать в разбирательство тяжб и правосудие». Причем если в ханы избираются только ханские потомки, то все прочие начальники могут быть, и часто бывают, из простого народа: «Происхождение, в сем случае, не уменьшает власти их»³.

Современные чиновники любят рассуждать о неготовности народа к переходу к формам реального самоуправления, к выходу из-под опеки центральной власти. При этом зачастую ссылаются на отсутствие опыта жизни при демократических режимах. А. И. Левшин описывает основные черты народного самоуправления как важнейшего института степной демократии⁴.

Основным принципом обычного права, узаконенным и в своде «Жеты-Жаргы», был принцип талиона. В отношении убийц, воров, разбойников дозволялся самосуд. Вместе с тем допускались возможности смягчения наказаний по приговорам судей или соглашения истцов, и тогда преступник наказывался денежным штрафом, установленным за различного рода преступления. Оговаривались формы судопроизводства. «Разбирать ссоры и произносить приговор над виновным должны, если не сам Хан, то правители или старейшины тех аулов, к которым принадлежат истец и ответчик, приглашая к разбирательству еще и избранных обоими сторонами двух посредников»⁵.

Многие положения степного права свидетельствуют о том, что судопроизводство было ориентировано на достижение компромисса, примирение сторон. Достаточно отметить, что многие дела о кражах разбирались как иски, а не в уголовном суде. За достаточно серьезные правонарушения, в том числе уголовные по сегодняшним меркам (воровство, мошенничество и т. п.), предусматривалась такая мера наказания, как постановление считать

¹ Ведущий научный сотрудник Института философии и политологии Министерства образования и науки Республики Казахстан (Алматы), доктор философских наук, профессор.

² Нысанбаев А. Н. Философия взаимопонимания. Алматы, 2001. С. 332.

³ Левшин А. И. Описание киргиз-казахских или киргиз-кайсацких орд и степей // Материалы по казахскому обычному праву: сб. Алматы, 1998. Вып. 1. С. 21, 22.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 25.

провинившегося человеком недостойным, бесчестным, отказывать ему в уважении. Очевидно, что подобные меры вынесения «общественного порицания» были чрезвычайно действенными, учитывая степень интегрированности индивидов в структуры родоплеменных отношений. Как писал в своем рапорте д'Андре, миссией бия было не столько наказание зла, сколько водворение и поддержание порядка в аулах, с которыми он кочует, прекращение распрей и вражды при самом их начале¹.

Таким образом, в системе ценностно-смысловых приоритетов обычного права установление справедливости в той форме, которую она принимает в модальности как естественного, так и позитивного права, уступало первенство умиротворению спорящих сторон, исчерпанию конфликта путем взаимных уступок. Суду предшествовала процедура, в которой судьи убеждали тяжёбщиков разойтись полюбовно, примириться.

Правосудие, руководствующееся нормами обычного права, ставит своей целью не беспристрастное применение формальной законности (как орган судебной власти в современном государстве), а поиск справедливости, понимаемой как наиболее целесообразное с точки зрения сохранения жизнеспособности данного социума решение конфликта. Так как всякий человек в казахской степи был членом общины, любой судебный спор естественным образом становился межобщинным, если, конечно, истец и ответчик не из одного коллектива (общины). Разрешить проблемы внутри общины гораздо проще, особенно если судящиеся связаны родством. Когда же спорщиками являлись представители общин, не связанных родственными узами, речь зачастую шла о защите родовой чести. В связи с этим всякий мало-мальски значимый спор превращается в значительную общественную проблему. Поэтому необходимо было свести к минимуму малейшее сомнение в справедливом разрешении дела. Совокупность подобных факторов обусловила максимальную прозрачность и легальность процедур, составлявших институт суда.

Нормы адата фиксировали всестороннюю зависимость индивида от рода. В свершении судопроизводства и наказаний полномочия рода были чрезвычайно велики.

Основанием для разбирательства дела являются показания свидетелей или присяга, которую дают не истец или ответчик, но «люди, известные своей честностью. Если же никто за обвиненного не при-

сягает, то он осуждается»². Перевес в судебном разбирательстве имеет та сторона, на которой окажутся более достойные свидетели. Люди «дурного поведения» в свидетели не принимались ни по каким делам.

Все надлежащие процедуры носили вербально-символический характер, то есть, с одной стороны, судебно-процессуальные нормы выражались в определенных символических действиях ритуального характера, а с другой — всякое действие, как правило, обозначалось либо сопровождалось определенной словесной формулой (вербальной нормой). Судебные заседания проходили исключительно устно, решение суда также выносилось устно. Достаточно строго был определен статус всех участников процесса.

В ведении судебного процесса огромную роль играл дар ясного и убедительного изложения, умения аргументировать. Если истец или ответчик не полагались на собственное красноречие, то имели право являться на суд с адвокатами из числа сородичей. Судебное разбирательство, как правило, принимало вид жарких прений и споров сторон. В этом отношении обычное право реализует универсальный архетип судебного разбирательства, семантики практического отправления права.

Нормы адата несли в себе гуманистический смысл и выполняли важнейшие социорегулятивные функции. Отличия, в том числе и принципиальные, истоков формирования и механизмов применения обычного права казахов от правовых систем, созданных в рамках политико-правового развития западноевропейского типа, бесспорны. Однако эти отличия не могут служить решающим аргументом в пользу отказа от попыток построения модели неконфронтационного взаимодействия различных типов правопонимания.

Попытка согласования правовой системы Российской империи с правовыми традициями казахского общества стала в определенном смысле парадигмальной моделью построения политически-правового пространства в нашем регионе. В наши дни одной из основных идеологией строительства правового государства в Казахстане становится синтез принципов и положений либерального законодательства, зафиксированных в различных документах европейского и мирового сообщества, с возрожденными этнокультурными традициями и нормами морально-правовой регуляции социальной жизнедеятельности.

С. А. Маркова-Мурашова³

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ СОВРЕМЕННОСТИ КАК ОСНОВА ПОНИМАНИЯ ПРАВА: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Правовые системы, кажущиеся автономными, в действительности в большой степени связаны со структурой и историей общества. Но и сами общества не являются автономными. Своими обы-

чаями, религией, искусством, мировоззрением, то есть тем, что можно назвать этико-телеологическим соответствием, и их реальным окружением

¹ Рапорт чиновника особых поручений д'Андре // Материалы по казахскому обычному праву: сб. Алматы, 1998. Вып. 1. С. 163, 165.

² Левшин А. И. Указ. соч. С. 25.

³ Профессор кафедры теории и истории государства и права Кубанского государственного университета (Краснодар), доктор юридических наук, доцент.

они связаны с той культурой, к которой принадлежат и чью картину мира, общества и человека отражают с помощью их социальной системы ценностей. В связи с этим возникает вопрос, не являются ли отношения между каждым обществом и соответствующей ему культурой объяснением, с одной стороны, родства правовых систем одной правовой семьи, а с другой — различий между правовыми системами разных правовых семей именно потому, что их общества принадлежат к различным культурам.

Правовые семьи выступают в качестве категориальных архетипов, которые объединяют большинство близких правовых систем. На первый взгляд они являются исключительно конструктами человеческого единства. Однако более тщательное исследование показывает, что они, помимо этого, обладают исторической основой, так как каждая правовая семья есть отражение той или иной культуры.

Культуры конкретных обществ представляют собой исторические общности, которые можно идентифицировать и различать. Ход истории основан на многообразии культур, которые возникают, развиваются, взаимодействуют друг с другом, сменяют друг друга и погибают. Культура является своеобразным мотором и носителем исторического развития. Разумеется, без точного определения культуры, которое должно быть основано на достоверных критериях, классификация культур остается произвольной и спорной.

На сегодняшний день лишь существование культур бесспорно, однако исследователи не едины во мнениях о количестве культур и о признаках определения и критериях их классификации. Главная проблема состоит в том, чтобы найти подходящие критерии для выделения основных признаков культур и их характеристик.

Как каждое общество, так и каждая культура обозначаются с помощью собственной системы ценностей, чья иерархия определяется собственным мировоззрением, то есть по их собственному основному решению и целевым установкам. Поэтому этико-телеологическое единство, которое характерно для каждой культурной сферы, представляет собой вид синтеза системы ценностей, которые при точном различии соответствующих обществ и народов являются общими. Каждая культура имеет свою картину мира — религиозного или философского характера, свое представление об обществе, свой идеал облика человека, свою схему отношений между человеком и обществом. Культуры отличаются друг от друга посредством их радикального различия представления о ценностях, которое создает свой этико-телеологический контекст. Здесь лежит основа их оригинальности и разнообразия.

Между культурами существуют незначительные различия, которые сводятся к тому, что соответствующие национальности имеют различный исторический опыт и обнаруживают различные этические признаки. Внутри подобного культурного окружения народности и национальности также сохраняют свою индивидуальность: культура — это ни в коем случае не однообразие, а, напротив, разнообразие внутри единства. Изнутри культура вовсе не кажется некой целостностью; скорее она зада-

ет горизонт, постоянно удаляющийся по мере приближения к нему¹.

Сказанное верно и в отношении права. Как общество и нации пространственно и временно вливаются в определенное культурное окружение, так и правовые системы выступают одновременно фактором и продуктом культуры, которой принадлежат общества и нации.

Более подробный анализ показывает, что их историческое прошлое, общая система ценностей и общие специфические структуры являются факторами, которые создают между соответствующими правовыми системами типологическое родство и в то же время связаны соответствующей культурой. Это объясняет, почему, с одной стороны, правовые системы выделяют среди определенных элементов мировоззрение, характерные признаки и целевые установки культурного окружения, которому они принадлежат, а с другой — существует так много форм права, как и культур. Таковыми являются неповторимость и своеобразие культурных сфер. Это также своего рода объяснение неповторимости и своеобразия сферы права.

Культура — это исторические рамки, охватывающие родственные общества и нации, которые были заключены на правовом уровне в соответствующие правовые рамки. Правовые рамки в силу родства правовых норм являются частью соответствующей культуры и отражают ее. Это означает, что право, как и религия, обычаи, искусство и все другие историко-социальные феномены, не является автономной реальностью. Данные феномены находятся не вовне, а внутри определенной историко-социальной ситуации, а значит, внутри одного большого единства, которым они окружены, а именно соответствующего культурного окружения.

Право является одновременно причинным фактором культуры и ее результатом. Когда право (как автономно созданное) рассматривается вне культуры, тогда едва ли возможно понять различные правовые семьи, которые сегодня противопоставляются друг другу. Только путем классификации правовых систем и посредством их связи с соответствующими культурными кругами можно понять действительный характер правовых систем и правовых семей и их отличие друг от друга.

Анализ приведенных исследований позволяет сделать некоторые выводы. Во-первых, каждую отдельную правовую норму, правовое решение или иную юридическую практику можно понять только в рамках другого мирового взгляда и фундаментально отличной концепции права и его роли в обществе.

Во-вторых, настоящими носителями правовой семьи являются не правовые системы, а культуры. Право как историко-социальное явление во времени и пространстве с определенным культурным контекстом, поэтому истинное объяснение существования правовых семей находится в культурах. Правовые семьи являются юридическим выражением культурного круга, которому принадлежат охватываемые ими правовые системы. Они являются

¹ Бенхабб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру: пер. с англ. / под ред. В. И. Иноземцева. М., 2003. С. 5.

выражением культуры, по мере того как они передают мировоззрение, ценностные представления и цели соответствующей культуры. Сегодняшний правовой мир понимается лучше, если его представить как комплекс правовых семей.

В-третьих, в очень обобщенном смысле можно провести границу между четырьмя большими культурами или культурными семьями в мире: африканская культура; азиатская культура; исламская куль-

тура; культуры с европейскими корнями (Европа, Америка, Океания), которые условно можно назвать западной культурой. Некоторые страны могут относиться одновременно к двум культурам (например Россия) или иметь ярко выраженное положение в одной из очень широко определенных культур (например Индия в «азиатской правовой культуре»). Однако в общем все страны можно отнести к одной или двум из этих культурных семей.

В. Ф. Мартынов¹

ПРАВОВАЯ СИСТЕМА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: В ПОИСКАХ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ПАРАДИГМЫ

1. Целесообразно рассматривать право как органическую, развивающуюся систему, соответствующую социальной сущности общества в определенный исторический период его развития. При этом в качестве нормативной системы право предстает в виде сложного полиструктурного образования, включающего совокупность качественно неоднородных нормативных подсистем (отраслей и отраслевых общностей; подотраслей и институтов).

2. В качестве компонентов правовой системы выступают: а) позитивное право как совокупность норм, изданных, гарантированных и санкционированных государством; б) правообразование как процесс формирования источников права; в) реализация права как процесс осуществления норм права; г) правоотношения как особая правовая связь участников общественных отношений; д) правосознание как совокупность представлений и чувств, выражающих отношение людей к праву. Специфическим элементом правовой системы является правовая политика, определяющая место и роль государства в процессах правообразования и правореализации.

3. Традиционно рассматриваемая в качестве признака романо-германской правовой семьи дифференциация права на публичное и частное непосредственно не связана с его отраслевым делением. Делению на частное и публичное подвергаются не отрасли права как целостные нормативные общности, а правовые нормы. При этом в каждой из отраслей присутствуют как нормы публичного права, так и нормы частного права; нет ни одной отрасли права, содержащей нормы только одного из названных видов. В связи с высказанной точкой зрения деление права на публичное и частное не может быть осуществлено по предмету правового регулирования, так как любая сфера жизни общества, род или вид подвергнутых правовому регулированию общественных отношений, имеет и публичные, и частные аспекты. Что же касается методов регулирования, то их можно разделить на публично-правовые (императивные методы властных указаний и запретов) и частно-правовые (диспозитивные методы субъективного волеполагания).

4. Признание самого факта дифференциации права на публичное и частное означает, что в еди-

ной правовой системе сосуществуют и определенным образом взаимодействуют две относительно самостоятельные регулятивно-охранительные подсистемы, основанные на различных уровнях нормативности. Применительно к правовой системе современной России в рамках подсистемы публичного права следует выделять три уровня нормативности: общефедеральную, региональную (субъектов), муниципальную. В рамках подсистемы частного права выделяются индивидуальная и корпоративная нормативности.

В основу соотношения разноуровневых норм публичного права должен быть положен принцип иерархичности, означающий непротиворечивость нижестоящих норм высестоящим. При этом непротиворечивость не означает соподчиненность. Дифференциация разноуровневых нормативных систем осуществляется в соответствии с разграничением предметов ведения, субъектов, обладающих определенными публично-властными полномочиями.

В частном праве индивидуальная и корпоративная нормативность соотносятся как равнозначные. В качестве нормативных источников частного правового регулирования могут выступать как нормативные частно-правовые договоры, так и нормативные частно-правовые акты.

5. Разграничение материального и процессуального права следует проводить по принципу разграничения формального и функционального аспектов понимания права. Материальное право является формально-юридическим источником права, его материальным носителем. В свою очередь процессуальное право является выражением «реального, живого» права, представляющего собой правоотношения, в рамках которых получают свое практическое воплощение функции права как нормативной системы.

Таким образом, материальное и процессуальное право представляет собой правовые блоки, выделяемые исключительно в логической (абстрагированной от правовой действительности) системе права. Данные блоки включают правовые нормы, различаемые по своему функциональному предназначению — закреплять права и обязанности субъектов и обеспечивать их реализацию в рамках правоотношений. В таком понимании материальные и процессуальные нормы присутствуют во всех отраслях права независимо от их названия.

¹ Доцент кафедры теории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук.

6. Вплоть до настоящего времени окончательно не определено, к какому типу правовых семей следует относить правовую систему современной России. Крах социалистической государственности обусловил прекращение существования социалистической правовой семьи, к которой ранее относилась правовая система СССР. Вместе с тем этот факт сам по себе не означает автоматической трансформации системы социалистического права в систему романо-германского права. Для России на настоящем этапе ее развития свойственна правовая система переходного периода, сочетающая характерные черты и признаки как романо-германской, так и социалистической правовых семей.

7. Развитие правовой системы современной России осуществляется под воздействием двух разнонаправленных тенденций: либеральной и консерва-

тивной. Либеральная тенденция основывается на постулатах западной демократии и в качестве основных ценностных приоритетов провозглашает приоритет прав и свобод человека и гражданина перед общегосударственными интересами, неприкосновенность частной собственности, верховенство международного права над национальным. В свою очередь консервативная тенденция исходит из имперской традиции, основывающейся на приоритете государственных интересов по отношению к правам и свободам отдельной личности, а также верховенстве национального законодательства по отношению к международному праву. В настоящее время данные тенденции примерно равнозначны по силе своего воздействия, что позволяет оценивать состояние правовой системы России как состояние «неустойчивого равновесия».

Г. Н. Муртазаева¹

СООТНОШЕНИЕ ГОСУДАРСТВА И ЭКОНОМИКИ В УСЛОВИЯХ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

1. Государство и экономика представляют взаимосвязанные и взаимообуславливающие явления. Вместе с тем представляются ошибочными утверждения о том, что взаимодействие этих социальных институтов строится по принципу партнерства. Партнерские отношения предполагают взаимодействие «субъект–субъект». Естественно, что применительно к экономике термин «субъект» не подходит. Можно говорить об экономической деятельности хозяйствующих субъектов, субъективных экономических правах и так далее, но при этом сама экономика будет рассматриваться не как субъект, а как объект, либо в более широком понимании — как сфера регулятивно-охранительного воздействия, осуществляемого субъектом управления и направленного на упорядочение отношений, связанных с производством и распределением товаров и услуг. Государство, в свою очередь, может рассматриваться и как субъект экономической деятельности, и как пространственно-правовой масштаб национальной экономической системы.

2. Анализ соотношения государства и экономики предполагает выделение формальных и содержательных аспектов. Формальный аспект связан с понятиями экономической политики и экономических функций государства. В свою очередь содержательный аспект включает механизм легитимации экономики, а также особенности соотношения легальной, теневой и криминальной экономик, сосуществующих в условиях современного социопротранственно-временного континуума.

Государственная экономическая политика (ГЭП) — это совокупность управленческих средств при помощи которых государство стремится оптимизировать экономическую деятельность. ГЭП отражает степень понимания, принятия и фактической реализации государственным аппаратом тех

социально-экономических ценностей, которые смоделированы в Конституции и отражены в формальных источниках права, регламентирующих общественные отношения в сфере экономической деятельности.

Экономические функции государства — это направления государственного воздействия на экономику и вместе с тем характеристики деятельности государства в качестве самостоятельного субъекта экономической деятельности. Таким образом, следует подразделять функции государства как субъекта, осуществляющего управленческое (внешнее) воздействие на экономическую систему, и функции государства, действующего в рамках экономической системы и в подобном понимании являющегося составным сегментом экономики.

Механизм легитимации экономики представляет собой результат осуществления ГЭП и, по сути, характеризует степень «государственного приятия» определенных видов государственной деятельности. Так, к примеру, экономическая деятельность, связанная с производством и продажей алкоголя, в европейских странах признается государством в качестве законной и обеспечивается посредством государственных гарантий. В то же время в арабских государствах данный вид экономической деятельности фактически признан незаконным.

Введение в научный оборот понятия механизма легитимации экономики актуализирует проблему соотношения легальной, теневой и криминальной экономик. По мнению автора, в любом государстве имеют место все названные типы экономической деятельности. При этом признание факта существования организованной преступности означает признание существования системы криминальной экономики. То обстоятельство, что криминальная экономика позиционируется как противозаконная, не исключает ее конкурентоспособности по отношению к легальной. Государство, являясь субъектом экономического управления, может сформулировать и закрепить в рамках ГЭП свое отношение

¹ Советник Посольства Украины в РФ (Москва), докторант Института государства и права им. В. М. Корецкого Национальной академии наук Украины, кандидат экономических наук, доцент.

к той или иной сфере экономической активности, однако даже такой мощный фактор экономического развития, каким, вне всякого сомнения, является государственный механизм, не способен устанавливать (либо, напротив, уничтожать) объективные закономерности экономического развития, важнейшей из которых является принцип «спрос рождает предложение». Тот факт, что в ряде случаев предложение товаров и услуг исходит не от государства, а от конкурирующего субъекта экономической деятельности (в данном случае субъекта, представляющего организованную преступность) собственно для экономики значения не имеет.

3. Процессы глобализации в современных условиях приобретают «всепроникающий» характер и оказывают серьезное влияние на взаимодействие политико-правовых и экономических систем как на национальном (внутригосударственном), так и на международном уровне.

В условиях реальной (плюралистической) демократии, сформировавшейся в ряде государств Европы и Северной Америки (страны Евросоюза, США, Канада и др.), взаимодействие государства и экономики осуществляется под воздействием двух противоположных тенденций. С одной стороны, имеет место стремление к ограничению государственного вмешательства в сферу частных и корпоративных интересов хозяйствующих субъектов. С другой — не менее активно обосновывается необходимость усиления государственной поддержки малого и среднего бизнеса, активизации государственного участия в сферах антимонопольной и антикризисной деятельности, а это, в свою очередь, предполагает более активное вмешательство государства в экономический процесс.

При этом сторонники как первого, так и второго подходов едины в том, что государство в качестве хозяйствующего субъекта выступает как равноправная и равнообязанная сторона в экономических отношениях. В рамках такой модели взаимодействия государства и экономики вмешательство государства в сферу экономических интересов индивидуальных и корпоративных субъектов хозяйственной деятельности ограничено как ситуативно, так и процедурно. *Ситуативное* ограничение означает, что государственное вмешательство ограничительно-карательного характера возможно только в ситуациях, перечисленных в законе.

Ограничения *процедурного* характера предполагают, что в установленных законом ситуациях государственная деятельность должна носить законный характер и осуществляться строго в рамках преду-

смотренных законом процедур с соблюдением установленных процессуальных сроков и с учетом юридических гарантий прав и свобод человека и гражданина, устанавливая, например, перечень имущества, не подлежащего изъятию.

В странах, относящихся к политико-правовым системам тоталитарного либо переходного типа, складывается модель государственной экспансии в сферу экономики. В рамках этой модели государство по сути узурпирует властные полномочия и применяет их произвольно, устанавливая и изменяя правила взаимодействия с хозяйствующими субъектами в соответствии с меняющимся видением государственной целесообразности. При этом на уровне ГЭП формируется видение частнохозяйствующих субъектов как потенциальных правонарушителей, к которым необходимо применять меры и общей, и частной превенции. Меры общей превенции заключаются в формировании на уровне общественного правосознания негативной установки по отношению к людям, стремящимся к «обогащению за чужой счет». При этом государство изначально закладывает в нормативные системы, регулирующие экономическую деятельность, карательную составляющую (в частности устанавливая плановые показатели по штрафным показателям в области фискальной деятельности), предполагая, что хозяйствующий субъект в любом случае будет стремиться обойти установленные законом правила экономической деятельности. Частная превенция заключается в проведении разного рода компаний по борьбе с экономическими преступлениями (спекуляцией, коррупцией, неуплатой налогов, нарушением таможенных правил и т. п.). Подобные меры направлены не столько на искоренение самого вида экономической деятельности, признанного в данном государстве незаконным, сколько на формирование в общественном сознании чувства страха перед мощью государственного аппарата.

Глобализационные процессы, усиливающиеся в современном мире, связаны с частичным взаимопроникновением систем взаимодействия государства и экономики, сложившихся как в странах плюралистической демократии, так и в странах с переходными режимами. При этом процесс восприятия опыта, накопленного в данной области, носит взаимный характер, предполагающий не только прогрессивные, но и регрессные формы отношений. Данное обстоятельство нельзя не учитывать в процессе планирования межгосударственного взаимодействия в области внешнеэкономической деятельности.

Е. А. Петрова¹

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА КАК ОБЩЕЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ЦЕННОСТЬ (На примере экономических прав)

Права человека в настоящее время занимают центральное место во многих научных исследованиях. Их особое значение подчеркивается в нацио-

¹ Доцент кафедры теории и истории государства и права Ивановского государственного университета, кандидат юридических наук.

нальных правовых источниках большинства современных государств, в том числе и Российской Федерации. Однако в современном мире права и свободы человека в значительной мере вышли за пределы чисто внутренней компетенции государства, превратившись в общецивилизационную ценность,

на основе которой и возможен диалог правовых культур.

Рассматривая права человека как общецивилизационную ценность, мы имеем в виду три аспекта:

— основные права человека в их современном понимании являются достижением всех правовых систем, результатом опыта различных по своей форме и уровню развития государств, итогом взаимодействия всех цивилизаций;

— свое концентрированное выражение эти результаты находят в основных международных документах по правам человека, но не в качестве исчерпывающего перечня неких единых, универсальных прав, а в качестве минимальных стандартов, гарантируемых каждому индивиду, в каждом государстве;

— будучи закрепленными в международно-правовых нормах, права человека, вышедшие из национальных правовых систем, возвращаются в нормы права национального, имплементирующего международно-правовые стандарты в области прав человека, наполненные новым содержанием, обогащенным позитивным опытом других государств.

Конкретное проявление данных аспектов можно увидеть на примере экономических, а точнее социально-экономических, прав, относящихся к так называемому второму поколению прав человека.

Права второго поколения традиционно рассматриваются как достижения социалистических правовых систем. Они явились ответом на злоупотребления и недостатки капиталистического развития, в основе которого лежала абсолютная концепция индивидуальной свободы, что вело к эксплуатации рабочего класса и колониальных народов. При этом путь данных прав к мировому признанию был достаточно сложным. Длительное время правам человека второго поколения отводилась второстепенная роль, возможности регулирования таких прав оценивались негативно. Их пытались объявить «социалистическим изобретением», не известным «цивилизованным народам»¹.

До начала XX в. права второго поколения не содержались практически ни в одной национальной конституции. Пионером в процессе конституционного закрепления социально-экономических прав считают Мексику, ее Конституция 1917 г. содержала специальный раздел «О труде и социальном обеспечении». Следующим важным шагом в кон-

ституционном закреплении прав второго поколения стало принятие Конституции СССР 1936 г., предусмотревшей широкий набор прав второго поколения (право на труд, на отдых, на образование и др.). Как отмечают ученые, несмотря на то что социальная защищенность гражданина в СССР была минимальной, документально она существовала и этим воздействовала на мировое сообщество². В результате права второго поколения сначала нашли отражение во Всеобщей декларации прав человека 1948 г. (до этого права на собственность и на труд объединялись с гражданскими правами), а затем в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах 1966 г.

Получив закрепление в международных документах, социально-экономические права стали провозглашаться и в основных законах большинства государств. В новейших демократических конституциях нередко выделяются главы и разделы, специально посвященные этим правам (например в конституциях Италии, Испании, Бразилии, Португалии и др.).

Однако, несмотря на то что права второго поколения получили конституционное закрепление и международное признание, они носят более условный, относительный характер, чем права первого поколения, что обусловлено в первую очередь их зависимостью от соответствующих ресурсов, имеющих у государства. И поскольку государства отличаются по уровню своего развития, экономические права не являются универсальными правами человека. Тем не менее сегодня значение прав второго поколения бесспорно: они касаются важнейших сфер общественной жизни человека и направлены на обеспечение материального, физического и духовного развития личности.

Таким образом, социально-экономические права наглядно демонстрируют нам процесс формирования их как общецивилизационной ценности: выйдя из недр социалистической правовой традиции, они получили закрепление в нормах международного права, которые в свою очередь были инкорпорированы в национальные правовые системы иных, несоциалистических государств, приобретая тем самым общецивилизационный характер, который, однако, не означает их универсальности и требует учета специфики каждой конкретной цивилизации.

Г. И. Резниченко³

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В КОНТЕКСТЕ ПАРТНЕРСТВА ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Социальное государство является очередной ступенью эволюционного развития государственности. Объективные причины его возникновения связаны с изменением роли человека на производстве. Повышение роли человеческого фактора в результате научно-технического прогресса привело к необходимости более широкого учета потребностей

людей, признанию их социальных прав и принятию государством на себя ряда социальных функций.

Решающим фактором, открывшим реальную возможность самой постановки и теоретической разработки идей социального государства, стала победа буржуазно-демократических революций

¹ См. об этом: Матузов Н. И. Теория и практика прав человека в России // Правоведение. 1998. № 4. С. 24–25.

² Головистикова А. Н. Права человека / А. Н. Головистикова, Л. Ю. Грудцына. М., 2006. С. 58.

³ Доцент кафедры гражданского и трудового права СПбГУП, кандидат исторических наук.

в Европе и Северной Америке, положивших начало коренному переосмыслению роли государства в области законодательного закрепления прав и свобод человека, в том числе и в социальной сфере. В 1793 г. во французском Конвенте М. Робеспьер огласил проект Декларации прав человека и гражданина, в котором утверждалось, что «общество обязано заботиться о существовании всех своих членов, или доставляя им работу, или доставляя средства существования тем, кто не может работать».

Впервые понятие «социальное государство» было сформулировано в середине XIX в. в трудах немецких ученых под влиянием философии Гегеля и анализа развития капитализма и классовой борьбы в Германии. В частности, Лоренц Фон Штейн считал, что задача государства состоит в становлении общественного равенства и личной свободы, в поднятии низших, обездоленных классов до уровня богатых и сильных. Его взгляды разделял Фридрих Науманн, а в 1879 г. Адольф Вагнер обосновал концепцию превращения буржуазного государства в государство культуры и всеобщего благоденствия.

Идея социального государства с ориентацией на развитие человека, создание ему достойных условий жизни положена в основу Всеобщей декларации прав человека, утвержденной Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 г. В ней подчеркивается, что все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и каждый человек должен обладать всеми правами и свободами, провозглашенными в Декларации, без какого-либо различия. После Второй мировой войны в конституциях многих стран модель социального государства получила свое законодательное закрепление.

Как считает профессор Н. Н. Гриценко, социальное государство — это правовое демократическое государство, проводящее сильную социальную политику и развивающее отечественную социальную рыночную экономику, направленную на стабильное обеспечение высокого жизненного уровня, занятости населения, реальное осуществление прав и свобод граждан, создание современных и доступных всем гражданам систем образования, здравоохранения, культуры, социального обеспечения и обслуживания, поддержки неимущих и малоимущих слоев населения¹.

Целью социального государства является максимальное удовлетворение постоянно растущих материальных и духовных потребностей членов общества, последовательное повышение уровня жизни населения и снижение социального неравенства, обеспечение всеобщей доступности основных социальных благ, и прежде всего качественного образования, медицинского и социального обслуживания.

Теория социального государства обладает одним важным отличительным качеством — она не нивелирует национально-исторические особенности каждого государственного образования, подгоняя их под общий теоретический шаблон, а позволяет фиксировать самобытные проявления особенностей каждого национального образования в рамках об-

щей природы социального государства, допускает существование национальных моделей. Данный подход позволяет некоторым авторам говорить о «российской модели социального государства»².

Научные исследования и обсуждение проблем социального государства в России начались в 1993 г., в период разработки проекта Конституции РФ и соответственно работы Конституционного совещания. В ходе этих процессов исследователи рассматривали несколько моделей и теорий государства, например теорию элит, технократическую теорию, теорию плюралистической демократии, теорию правового государства, теорию конвергенции, историко-материалистическую теорию, теорию социального государства³. За основу решено было взять модель социального государства, чтобы придать проводимым реформам социальную направленность и тем самым в наиболее полной мере обеспечить права и жизненные интересы российских граждан с учетом их менталитета, культуры, соборности, традиций, коллективизма и предыдущего опыта социализации.

В ст. 7 Конституции РФ провозглашается один из основополагающих принципов деятельности современного демократического государства, согласно которому создание условий для достойной жизни и свободного развития человека не является сугубо личным делом каждого гражданина, а возводится в ранг общегосударственной политики.

Конституционное закрепление модели социального государства само по себе не приводит к реальным социально-экономическим изменениям в стране. Специфика России заключалась в том, что формирование социальной государственности в середине 1990-х гг. базировалось на недостаточно прочном правовом фундаменте государства в обстановке экономического кризиса и политической нестабильности, нарушений прав человека. Становление социального государства в нашей стране осуществлялось в условиях экономической разбалансированности, обнищания большей части населения, что привело к значительным трудностям в реализации социально-экономических функций социального государства. Одним из принципиальных просчетов проводившейся в тот период в России социальной политики являлось то, что человек труда практически выпал из поля ее зрения.

В конце 1990-х гг. в России произошло изменение социальной концепции, в частности, была выдвинута идея субсидиарного государства как антитеза социальному государству, и начала складываться либеральная концепция социальных реформ, направленная на децентрализацию социальных функций государства, замену страховых принципов социальным налогом и снижение отчислений в социальные фонды. В рамках этой программы был осуществлен переход к новой концепции политики занятости и новой пенсионной реформе в 2001 г., а также проведена так называемая «монетизация льгот».

² См.: Торлопов В. А. Социальное государство в России: идеалы, реалии, перспективы. СПб., 1999; Волгин Н. А. Указ. соч.

³ См.: Калашников С. В. Становление социального государства в России. М., 2003.

¹ См.: Волгин Н. А. Социальное государство: учеб. / Н. А. Волгин, Н. Н. Гриценко, Ф. И. Шарков. М., 2003.

Концепция социального государства была обсуждена и принята 19 ноября 2002 г. на заседании круглого стола в Академии труда и социальных отношений, в работе которого приняли участие депутаты Государственной Думы, члены Совета федерации, представители Минтруда, ФНПР, РАН, АТиСО и др. Впоследствии, после внесения в нее дополнений и изменений, она послужила основой для подготовки и начала реализации в нашей стране с 1 января 2006 г. национальных социальных проектов. Функции социального государства направлены на устранение резкого различия в имущественном положении граждан, повышении социального статуса индивида. Эта задача в современных условиях решается путем воздействия на экономические процессы через бюджет, гибкую систему налогообложения и социальные программы.

В настоящее время все развитые страны мира, независимо от наличия или отсутствия в их конституциях соответствующих положений, в большей или меньшей степени де-факто являются социальными государствами. По мнению Х. Байера, современное социальное государство представляет собой централизованно управляемую заботу об обеспечении всех граждан во всех жизненных ситуациях, которая раскрывается как первейшее проявление современной демократии, притом что социальная справедливость основывается на экономическом либерализме.

Одним из факторов, определяющих и влияющих на перспективы развития современной России, является отсутствие обособленной, базирующейся на достижениях науки, передового отечественного и

зарубежного опыта стратегической концепции развития нашего государства. Только в начале 2008 г. Президентом РФ В. В. Путиным впервые была поставлена задача разработки концепции социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г.

Социальное государство должно опираться на господство права и обеспечивать гарантии соблюдения прав и свобод человека, а также должно создавать гражданам возможность свободно реализовывать трудовой и интеллектуальный потенциал, с тем чтобы на этой основе они обеспечивали себе и своей семье материальное благополучие. В то же время у молодого поколения укрепляется понимание того, что прежде всего сам человек несет ответственность за свое материальное благополучие, а государство приходит на помощь только в тех случаях, когда он по объективным причинам не может обеспечить себя сам. Социальное государство законодательно устанавливает уровень социальных гарантий на определенный период времени для всех граждан, а по некоторым показателям — для конкретных категорий населения.

Сегодня, как никогда, актуальна необходимость перевода декларируемых в ст. 7 Конституции РФ положений в плоскость практических согласованных действий всех ветвей государственной власти. Лишь в условиях полного оздоровления экономики России можно рассчитывать на социальную помощь от государства в том размере, который действительно позволяет обеспечить достойную жизнь и свободное развитие человека, как это предписывается Конституцией Российской Федерации.

М. В. Рыбкина¹

ВЛИЯНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ СИСТЕМЫ ПРАВА НА РАЗВИТИЕ СТРАХОВАНИЯ В РОССИИ В ПРОЦЕССЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

На рубеже третьего тысячелетия феномен глобализации является одним из самых значительных факторов, которые стали определять основные черты развития человеческой цивилизации. Глобализацию можно определить как процесс интернационализации мирового сообщества на основе принципов международного права, глобальных факторов экономического, этнического, религиозного, экологического международного развития, имеющих наивысшую силу над аналогичными факторами национального и регионального уровней.

В основе процесса глобализации лежит развитие современного производства товаров и услуг, научно-технический прогресс. Помимо научно-технического прогресса, глобализации способствуют экономические и политические факторы. К экономическим факторам относятся прежде всего концентрация и централизация капитала, приведшие к возникновению транснациональных корпораций — ведущей формы современного производства, все более отрывающейся от своих «национальных корней». Политические факторы выражаются в со-

здании межнациональных политических и экономических институтов, формировании региональных экономических и политических объединений, ослаблении политических ограничений миграции населения, рабочей силы, товаров и капитала.

Глобализация современных международных отношений непосредственно влияет на развитие международного права. В частности, можно утверждать, что целые отрасли международного права формируются именно как международные (глобальные), а не производные от национального права. К числу таких отраслей с давних времен относится морское право. Страхование в международном морском праве занимает одну из важных составляющих. Страхование рисков, связанных с осуществлением морских перевозок, насчитывает, по мнению некоторых ученых-правоведов, не одно тысячелетие. Безусловно, до определенного момента оно носило характер взаимного страхования. И только с развитием рыночных отношений в рамках государственной политики страхование как вид деятельности стало приобретать черты предпринимательства.

Страховая деятельность, а вместе с ней и страхование используют в своем понятийном аппарате

¹ Доцент кафедры государственного права СПбГУП, кандидат юридических наук.

значительное количество принятых в международном коммерческом праве понятий. Их происхождение во многом связано именно с морским правом. В разделах учебной дисциплины страховое право, или страхование, эта взаимосвязь имеет название — страхование внешнеэкономической деятельности.

В настоящее время в Российской Федерации страхование развивается ускоренными темпами. Это обусловлено прежде всего тем, что развиваются общественные отношения, в которых так или иначе присутствует риск. В классификации рисков, подлежащих страхованию, выделяют основные: материальные и нематериальные. Исходя из этой общей классификации и того, что смысл страхования состоит в минимизации ущерба, связанного с наступлением неблагоприятных обстоятельств, со-

пряженных с убытками, можно утверждать, что страхование является экономической категорией. Развитие экономики в Российской Федерации неразрывно связано с входением в мировую систему хозяйственных связей в условиях глобализации, что сопряжено с необходимостью решения целого комплекса экономических, правовых и организационных проблем. Прежде всего это создание благоприятного инвестиционного климата. Инвестиционный рейтинг основан на концепции состояния привлекательности инвестиционного климата. Важными его критериями являются: факторы общественной стабильности и уровень трансформации экономики. Любые инвестиционные процессы связаны с риском. Поэтому развитие страхования в России не может происходить без влияния международной системы права.

Г. А. Томчин¹

ПОЧЕМУ РОССИЯ НЕ КИТАЙ? ОСНОВНОЙ КОНФЛИКТ XXI в.

Над китайскими автомобилями смеялись еще вчера, сегодня они уже не вызывают улыбок, завтра они станут равноправными конкурентами популярных марок. В США и Европе — большие социальные программы, направленные на поддержание рождаемости, у нас платят по 10 тыс. долларов за второго ребенка, в Китае — за то же самое на 3 тыс. долларов штрафуют. С каждым годом все больше китайских спортсменов побеждает на олимпиадах, и по всему видно, что они не собираются останавливаться на достигнутых результатах. В общем, все говорит о том, что глобальная проблема следующего столетия — это противостояние «США плюс Европа и Китай».

На этом фоне в России возникают два типа настроений: боязнь Китая и любовь к нему. В первом случае мы имеем выраженное стремление стать «форпостом» в будущем конфликте — мол, мы же тут, совсем рядом, нас это в первую очередь касается. Во втором случае — слабо замаскированная надежда использовать соседа в своих играх, а также воспользоваться его примером: темпы развития экономики, их образцовая государственность, даже их борьба с коррупцией (во-первых, она тоже имеется; во-вторых, такая же масштабная; в-третьих, кое-кому просто импонируют методы — расстрел, и на 100 тыс. коррупционеров меньше).

Мне кажется, что и то и другое — результат глубокого непонимания: что такое Китай, как он себя позиционирует в мире, что от этого мира хочет и какие ставит цели. Разобраться в устремлениях своего соседа сегодня для России жизненно необходимо. Только объективно оценивая Китай, можно прогнозировать развитие отношений в мире, можно найти свою роль в этой интриге и занять свою ролевую нишу.

Почему у них такая экономика?

Темпы развития экономики Китая — «красная тряпка» для наших экономистов. Что ты не делай,

а показатели Поднебесной остаются недостижимыми...

Экономическое чудо Китая базируется на трех китах, точнее говоря, на отсутствии трех китов, которые лежат в основе любой развитой, социально-сбалансированной экономической системы. В Китае нет пенсионного обеспечения, нет всеобщего государственного медицинского обслуживания, нет обязательного среднего образования.

Пенсионное обеспечение в Китае рассчитано только для чиновников всех уровней. Для всех остальных — никаких пенсий. В Китае нет здравоохранения, рассчитанного на всех. Там медицинское обслуживание строится из расчета на 10 % населения. Для всех остальных — китайская народная медицина: лечебная гимнастика, медицинские практики, целители и никакого отношения к бюджету. И третье: в Китае нет всеобщего обязательного среднего образования.

Теперь представим себе, что мы тоже все это ликвидировали. Рост экономики в России при таком раскладе составит не менее 15 %. Соблазнительно? Ни капли. Поскольку одновременно с этим рост социального возмущения сметет всю эту стремительно развивающуюся экономику, оставив только дымящиеся руины. А население Китая не ропщет и не требует дополнительных социальных благ, ведь Китай — древняя восточная цивилизация, а не молодая и самоуверенная цивилизация потребления, ценностями которой живем мы.

Что китайцу хорошо, то русскому — повод к революции, или Особенности мировоззрения

В Китае довольно сложная философская система, включающая три основных и несколько второстепенных направлений религии и философии. Основные философии Китая — конфуцианство и даосизм. Затем идет буддизм. Именно эти три учения составляют Сань цзяо — три основных религии Китая. Но встречаются также ислам и христианские конфессии — Китай легко принимает другие

¹ Председатель совета Фонда поддержки законодательных инициатив, член Общественной палаты РФ.

мировоззренческие системы, поскольку не спорит с ними.

Рассмотрим две основополагающие философские системы — конфуцианство и даосизм. Вершина стремления человеческого развития в конфуцианстве, так же как и в даосизме, — достижение Дао. Но в конфуцианстве основной упор делается на образовании, интеллектуальном развитии, строгом соблюдении определенных традиций и общественных правил. Другой особенностью конфуцианства является его рационализм, то есть решение проблемы социальной политики и этики, задачи организации жизни в этом мире в соответствии с представлениями об идеальном устройстве общества.

Не менее популярная, распространенная и такая же древняя философия — даосизм. Даос (адепт даосизма) бесстрастен и занимает позицию наблюдателя, предпочитает интуитивный способ мышления дискурсивному. Даосизм отрицает потребление. Даосы считают, что у человека все хорошо, но есть кое-что лишнее — тело. Поэтому надо как можно меньше делать, действовать.

Таким образом, если учесть взаимное влияние двух этих различных, но родственных мировоззрений, то становится объяснимо многое: китайская работоспособность и китайская нетребовательность, китайская целеустремленность (как государства, команды) и китайское равнодушие к материальным ценностям, китайская предприимчивость и китайский консерватизм, наконец, китайская развитая экономика и китайское примитивное сельское хозяйство. Все кажущиеся нам противоречия лишь проявления то одного, то другого пути к Дао.

Экономическая китайская стена

Китай, демонстрируя умение мастерски использовать экономические приемы общества потребления, остается страной, очень далекой от их ценностей. Возникает вопрос: зачем Китаю такая экономика, если ее развитие не подстегивает изнутри потребительская лихорадка, если она не обусловлена требованиями системы социального обеспечения, и даже нужды армии по сравнению с другими странами скромны? Складывается впечатление, что они развивают экономику не для того, чтобы развивать страну, а из спортивного азарта, чтобы выиграть «стометровку»... у американцев. Вопрос дохода на душу населения им, похоже, неинтересен. Я думаю, что Китай сделает то, что задумал: создаст сильнейшую экономику, по мощности первую в мире, но не будет заниматься ее совершенствованием.

Сегодня вызов в мире — сильная экономика. Если экономика слабая — к тебе придут и принесут экономику с собой, отведя тебе незавидную роль рынка сбыта и дешевой рабочей силы, навязав свой стиль потребления, а значит, и образ жизни. Для того чтобы государство, нация выжили в современном мире, Китай принял этот вызов и, как видим, с успехом на него отвечает.

Сильная экономика выполняет роль барьера, который препятствует внешнему давлению. И для Китая это основная роль экономики, вариант Китайской стены. А если вспомнить, что ее охраняли в основном захватчики, то параллель выглядит еще

более явной. Китайская стена, как известно, была построена против воинственных племен бурятов и якутов, которые, тем не менее, продолжали беспокоить Китай. И тогда китайцы наняли воинственных соседей охранять свою стену. А так как стена большая, то получалось, что наняли почти всех...

Сегодня подобная великая китайская стена сооружается прямо на наших глазах — в экономике: Китай создает такую экономику, подавить которую ни у кого не будет возможности. И это главная цель: создать экономику, которая позволит Китаю оставаться Китаем, а миру потребления — миром потребления.

Выиграть у них соревнование — нельзя, но проиграть — не страшно. Они не будут уничтожать потребителей, так как их экономика производит не для себя. Может эту логику осознать европеец или американец? Понять такую стратегию выживания можно, только имея в анамнезе опыт коллективизма, опыт отказа от индивидуальных ценностей и сохранения внутренней свободы. У русских этот опыт есть, как и опыт совмещения различных образов жизни на одной территории. Поэтому только мы и можем выступить переводчиками между европейской и китайской цивилизациями, взяв на себя функцию ведения переговоров для сохранения равновесия в формирующейся сейчас новой мировой системе.

Переводчики и перевозчики

Особенности развития экономики Китая как способа сохранения целостности страны и нации не снимают угрозы конфликта между полюсами «Китай — Европа + США». Более того, конфликт этот будет тем острее, чем глубже непонимание между сторонами. Для сохранения равновесия и выживания и тех и других одни должны остановиться в своем вызове развития мощнейшей экономики, другие — обуздать потребительский инстинкт, а затем создать общую цивилизацию. Это вопрос философский, но к этому надо стремиться, и осознанно. Сделать это можно, только если появится площадка для переговоров, которая создаст условия для постепенного сближения и понимания. Роль этой площадки принадлежит России. И нам надо это как можно быстрее осознать, взять на себя данную функцию и грамотно ее выполнять.

Россия — не Китай, и это хорошо. Именно пока Россия не Китай, у нас есть место в мире, место великой страны, и национальная идея.

Но назваться «площадкой» еще не значит стать ею. Необходимы сопутствующие условия. Таким условием становится транспортный коридор, призванный соединить Европу и Юго-Восточную Азию. Это железная дорога плюс сеть автомобильных дорог, связывающие Шанхай, Пекин и Петербург, Мурманск и крупнейшие узловые центры страны: Читу, Екатеринбург, Красноярск. Логистика пути оказывается оптимальной именно за счет того, что дорога проходит по территории одной страны. Более того, транспортный коридор из Китая через территорию России до Мурманска и дальше — в Нью-Йорк оказывается выгоднее, чем транспортировка грузов через западное побережье США. Таким образом, одна дорога через всю Россию не только связывает страну в единое целое и дает стимул

для развития экономики вдоль транспортного коридора, но и решает целый комплекс мировых проблем, становясь осью, вокруг которой может формироваться новая геополитическая система. Не будем забывать, что Юго-Восточная Азия — это еще и Индия, где около миллиарда человек живут в иной системе ценностей, отличной от системы ценностей общества потребления. Не просто живут, а бурно развиваются, заимствуя и адаптируя приемы западной цивилизации, но сохраняя свой образ жизни. Еще немного, и Индия станет не менее заметным игроком на мировой арене, чем Китай. А на горизонте еще и спящая Африка, потенциал которой пока величина неизвестная, но совершенно очевидно, что волна глобализации, докатившись до ее берегов, вызовет непредсказуемые последствия.

Транспортный коридор «Европа (Россия) — Юго-Восточная Азия (Китай)» выводит страну на принципиально новый уровень в мировой политике. Кроме одного сырьевого рычага влияния, который мы беззащитно эксплуатируем, вызывая бурю эмоций у остальных, у страны появляется еще один мощный рычаг — коммуникация. А уж «придорожный сервисный центр» без работы не останется. Если же кому-то больше льстит роль «конечного пункта назначения», пусть не забывает — это тупик.

Сама «дорога» будет диктовать миру условия существования, переговоров и коммуникаций. Именно тогда Россия может выполнить свою функцию, налаживая контакты и формируя новые условия сосуществования двух цивилизаций. Иначе мы очень быстро «выпадем» из мировой цивилизации. Остаются только ресурсы: мы попытаемся диктовать свои правила игры, но все очень быстро заканчивается: либо из нас выкачают все ресурсы, либо отвернутся и найдут альтернативный источник. Мы как великая страна перестаем существовать, начнем распадаться — на тех, кто ближе к Китаю, Европе, Малайзии. И перестаем быть нацией.

Почему Россия не Китай? Мы не можем сделать цивилизацию муравейника или улья. Мы не будем так работать и довольствоваться тем, что имеем. Чашечка риса не удовлетворит ни Емелю, ни Старуху, ни Ивана Царевича. Но в то же время мы признаем: за желание получить «все и сразу» придется платить. Благодаря этому мы и можем выступать посредниками, приводя системы ценностей сторон к одному знаменателю. Мы можем понять и тех, и других. Поэтому у нас есть будущее в мировой системе, где Китай имеет все шансы доминировать, и будущее обеспеченное: ресурсами, значением, влиянием.

И. А. Честнов¹

ДИАЛОГИЧНОСТЬ ПРАВА В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ

Современное общество вступает в качественно новую эпоху социальной эволюции — в эпоху глобализации. Проявлениями глобализации, возможно, ее «побочными эффектами», как это ни парадоксально, являются, во-первых, осознание глобальности рисков, с ней связанных. «Еще полвека назад, — пишет В. С. Степин, — мало кто полагал, что именно техногенная цивилизация приведет человечество к глобальным кризисам, когда оно окажется буквально на пороге своего самоуничтожения»². Осмысление экологического, антропологического, техногенного кризиса вынуждает многих мыслителей признать неоднозначность этого сложного явления³.

¹ Профессор кафедры общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры РФ, доктор юридических наук.

² Диалог культур в глобализирующемся мире: мировоззренческие аспекты / под ред. В. С. Степина, А. А. Гусейнова. М., 2005. С. 10.

³ Так, У. Бек обращает внимание на такой аспект глобализации, как резкое расслоение общества в мировом масштабе, даже в благополучных в экономическом смысле регионах. Приход нового игрока в экономику — транснациональных компаний — приводит к тому, что «процветание национальной индустрии перестает совпадать с процветанием нации». Парадоксально, но экономический рост сегодня сопровождается беспрецедентным ростом безработицы: в Великобритании, считающейся по части занятости землей обеганной, занятя полный рабочий день лишь треть трудоспособного населения (см.: Beck U. (Hrsg.) Politik der Globalisierung. Frankfurt am Main, 1998). З. Бауман квалифицирует глобализацию как «глобальное богатство и локальную бедность» (Bauman Z. Schwache Staaten, Globalisierung und die Spaltung der Weltgesellschaft // Beck U. (Hrsg.) Kinder der Freiheit. Frankfurt am Main, 1997. S. 323–331).

Во-вторых, глобализация развивает чувствительность к локальному, точнее — к локальным культурам⁴. Это стало ответной реакцией на нивелирование культурных различий, обусловленное глобализационными процессами, в том числе неэквивалентным информационным обменом. Одновременно этому же способствовал «антропологический переворот» в общественных науках. В результате пришло осознание того, что мир не стал и, скорее всего, не станет единым целым⁵. Мир состоит из относительно самостоятельных культур — цивилизаций, которые не могут быть ранжированы на высшие/низшие, передовые/отсталые, каждая из которых самоценна и самодостаточна. В связи с этим представляется необходимым отказаться от монологичности вестернизаторской глобализации, выступающей доминированием западной культуры в пользу диалога культур — цивилизаций⁶.

⁴ В связи с этим симптоматичным представляется введение в научный оборот Р. Робинсоном термина «глокализация». Суть его в том, что локальное и глобальное не исключают друг друга, а диалектически дополняют. Поэтому локальное, по мнению Р. Робинсона, суть аспект глобального. Глобализация же в определенном смысле означает «столкновение локальностей» (см.: Robertson R. Globalisazion // Global Modernities. L., 1995).

⁵ Это не отрицают сегодня даже такие сторонники модернизации, как С. Хантингтон и Ф. Фукуяма. См.: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003; Он же. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2004; Culture Matters: How Values Shape Human Progress / eds. by L. Harrison, S. Huntington. N. Y., 2000 (одним из соавторов данного исследования является Ф. Фукуяма).

⁶ Подробнее об этом см.: Преодолевая барьеры: диалог между цивилизациями / под ред. С. П. Капицы. М., 2002; Ахизер А. С. Возможен ли диалог цивилизаций? // Цивилизации. М., 2006. Вып. 7: Диалог культур и цивилизаций.

Культура, будучи специфически человеческим способом жизнедеятельности, обеспечивает воспроизводство социума именно таким способом, который сложился в силу специфических исторических обстоятельств в данном месте. Поэтому специфика культуры, пронизывающей все сферы общества, определяет особенности экономики, политики, в том числе и права.

Если признается многообразие и принципиальное различие культур, то невозможно не признать многообразие и несводимость правовых систем. Не случайно сегодня в компаративистике произошла (или происходит) трансформация исследовательской установки: от поиска сближения правовых систем (имплицитная установка Р. Давида) к выявлению различий.

Диалог культур, таким образом, обуславливает диалог правовых систем. При этом следует вести речь не только о взаимодействии государств и других субъектов в сфере международно-правовых отношений, но и о диалоге на уровне субкультур. Это связано с переходом социальных норм и концепций с национально-государственного на глобальный уровень¹. До сих пор основные социальные регулятивы, в том числе и право, а также их теории осмыслились в границах государства — нации². Сегодня формируются новые социальные (и правовые) нормы и социальные (и юридические) концепции, выходящие за рамки национальных государств. И тут очень важно, чтобы они не выражали гегемонию западной культуры, как, например, подавляющее большинство международно-правовых конвенций, а формировались на основе диалога правовых культур. Более того, само право должно стать диалогичным по своей сути.

Основным принципом диалога является взаимное признание и принятие точки зрения Другого. Поэтому достаточно перспективной для решения принципиально важной и наиболее острой проблемы международного права — права на интервенцию — представляется теория «суверенитета как ответственности» в интерпретации А. Этциони³. По его мнению, если правительство осуществляет в отношении своего народа геноцид, этнические чистки, массовое насилие, убийства, террор, то международное сообщество имеет право и даже обязано их

пресечь, вторгаясь в государственный суверенитет, так как суверенитет — это ответственность правительства перед своим народом в деле общественного благополучия. При этом в обязательном порядке — и это принципиально важно — требуется согласие народа на такую интервенцию и, добавим от себя, легальное согласие самого международного сообщества. Признавая справедливым необходимость вмешательства в многочисленные гражданские войны, а по сути геноцид, в африканских государствах, заметим, что получить согласие народа на оправданное вторжение в государственный суверенитет весьма проблематично.

Проблема диалога на уровне субкультур приобретает принципиально важное значение в условиях современного мультикультурного социума, в том числе в рамках национальных государств. Должны ли государство при выработке правовой политики учитывать культурные различия, и если да⁴, то до какого предела? Кто может претендовать на особое отношение со стороны государственной власти?

Мультикультурализм в области права утверждает, что поскольку отсутствует единая для всех времен и народов культура, выражающаяся как законченная система ценностей, а также рационально обоснованная иерархия ценностей⁵, постольку каждая культурная группа имеет (должна иметь) свою систему правовых норм и руководствоваться только ею. При этом культурные различия объявляются основополагающими, фундаментальными (так как именно они обеспечивают идентичность людей), всякое внешнее воздействие на эти различия должно оцениваться как величайшая несправедливость⁶.

Правовая политика, выражающаяся в законодательстве, реагирует в странах Запада на претензии все большего числа групп на юридическое закрепление их автономии и предоставление особого правового статуса двояко. Политика ФРГ, например, состоит в интегрировании гастарбайтеров в правовую систему, но не в силу их членства в конкретной этнической группе, а на основании их правового статуса как индивидов. Отдельные права предоставляются им как работникам и личностям. Конституция ФРГ, таким образом, предоставляет отдельным индивидам определенные права просто потому, что они человеческие существа. Именно эта корпоративная статусная идентичность обеспечивает таким людям определенный набор прав

¹ В связи с этим в литературе высказывается точка зрения, что концепция социальной справедливости, которая до сих пор ориентирована на «мир государств», должна уступить место «глобальной, или космополитической, социальной справедливости», которая ориентирована на отдельного индивида. См.: *Brown C. International social justice // Social justice: From Hume to Walzer / ed. by D. Boucher, P. Kelly. L.; N. Y., 1998.*

² «Зомбированная наука национального взгляда, которая мыслит и исследует в категориях... национального суверенитета, “государственного народа” и т. д., становится призрачной наукой национальной социологии; подобно национальной экономике, национальная социология окончательно зашла в тупик. Она не видит и не исследует то, в какой мере транснациональные формы жизни, трансмигранты, глобальные элиты, национальные организации и динамика определяют отношения внутри национально-государственных держателей власти и между ними» (*Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализации. Новая всемирно-политическая экономика. М., 2007. С. 47*).

³ *Etzioni A. Sovereignty as responsibility // Orbis. Oxford, 2006. Vol. 50. № 1. P. 71–85.*

⁴ Не все согласны с необходимостью учитывать, например, особое положение мигрантов. Так, У. Кимлика утверждает, что мигранты самим фактом иммиграции добровольно отказываются от права жить в своей культуре и поэтому должны полностью и безоговорочно принять культуру своей новой родины. См.: *Kymlicka W. Politics in the vernacular. Nationalism, multiculturalism and citizenship. Oxford; N. Y., 2001. P. 155–170.*

⁵ В связи с этим уместным представляется привести мнение А. Макинтайра о том, что не существует теоретически нейтральной, дотеоретической основы, позволяющей рассудить спор конкурирующих мнений, особенно в области морали (*MacIntyre A. Three Rival Versions of Moral Inquiry: Encyclopaedia, Genealogy and Tradition. L., 1990. P. 173*).

⁶ См.: *Чукин С. Г. Плюрализм, солидарность, справедливость. К проблеме идентичности философско-правового дискурса в ситуации постмодерна. СПб., 2000. С. 248 и др.*

и льгот¹. Иная система существует в Нидерландах. С 1982 г. там законодательно определена группа этнических «официальных меньшинств». Когда этническая группа добивается статуса официального меньшинства, получают удовлетворение ее претензии на социальную поддержку в жилищной и образовательной сферах, в сфере занятости и др. Одновременно эти группы приобретают права на учреждение культурных, религиозных и образовательных организаций, а также на обучение родному языку в качестве второго языка. Таким образом, голландцы практикуют модель «культурных анклавов» и «сохранения культур».

Эту двойственность политики мультикультурализма анализирует Н. Рулан. Юристы, по его мнению, вырабатывают некоторое число категорий, отнесение индивида к одной из которых означает для него определенные правовые последствия. Их формирование и многократное увеличение ставит под сомнение «республиканский принцип» — принцип равенства. Другими словами, наделение отдельных лиц или групп особым правовым статусом свидетельствует о том, что в равенстве могут быть различия². Например, французское законодательство не признает особый статус (а значит, юридическое существование) корсиканцев как нации³ или даже этноса, хотя признает таковой за коренными народами «заморских территорий»⁴.

В общем и целом принцип формального равенства предполагает, что права человека относятся исключительно к отдельным индивидам, а не к от-

дельным группам⁵. Поэтому «позитивная дискриминация» (особый правовой статус) допускается — как, например, формулируется в решениях Конституционного совета Франции, — только исходя из разницы в социальном положении или в целях общественного интереса⁶. Однако очевидно, что граница (мера) разницы в социальном (и культурном) положении, признаваемом дискриминационным, весьма относительна и контекстуальна: в одни исторические эпохи и у одних культур-цивилизаций это критерии отнесения различий к «нетерпимым», а значит — дискриминационным, а в другие (и у других) — иные. В любом случае универсальных критериев такого выделения и, следовательно, наделения определенных групп, категорий населения определенным правовым статусом не существует. Это зависит прежде всего от господствующего в данную эпоху и в данной культуре мировоззрения, формирующего общественное мнение.

Именно признание, выражающееся в массовом поведении и ментальном образе-оценке соответствующего института, должно определять (и определяет на уровне обычаев) отношение населения к социальным (и правовым в том числе) институтам, которые суть мера возможного, должного или запрещенного поведения. Одновременно господствующие в социуме предпочтения и оценки должны определять категории населения, которые могут претендовать на особый статус (в том числе и правовой)⁷.

Выявление критериев признания множества фактически существующих и требующих юридического оформления социокультурных групп (категорий) населения — важнейшая задача социальной диалогической антропологии права, которая настоятельно требует серьезных научных исследований.

¹ Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М., 2003. С. 92. Заметим, что в ФРГ существуют отдельные группы (а не отдельные индивиды), отличающиеся особым правовым статусом. Так, государство в ФРГ, занимая в принципе нейтральную позицию, тем не менее поддерживает связи с религией и оказывает ей прямую или косвенную помощь, одинаково относясь к официально зарегистрированным конфессиям. См.: Рулан Н. Историческое введение в право. М., 2006. С. 548–549.

² Рулан Н. Указ. соч. С. 556–557.

³ Во Франции нация понимается как воля к совместному проживанию — «ежедневный плебисцит», благодаря которому удается подняться выше частных разногласий. Поэтому Конституция Франции отрицает происхождение как основу нации и вытекающую отсюда дискриминацию (Рулан Н. Указ. соч. С. 572–573).

⁴ Там же. С. 592 и др. При этом Н. Рулан отмечает, что французское законодательство в данном вопросе находится в противоречии с международным правом, «которое в течение последних двадцати лет стало более открытым к правам коренных народов, и потому время от времени она (Франция) навлекает на себя его санкции» (С. 596).

⁵ Поэтому «как отдельная личность каждый представитель коренного населения имеет право на уважение местных особенностей в рамках, установленных французским правом, но они не могут составлять подмножества внутри нации» (Там же. С. 595).

⁶ Там же. С. 563.

⁷ В связи с этим антиномия личность — социальная группа (и соответственно права личности и права коллективного образования) представляется мнимой, так как личность и социальная группа взаимообуславливают, взаимодополняют друг друга. Более того, закрепление в норме права особого статуса автоматически делает его безличностной, «неединичной» категорией, так как норма права по определению распространяется на неопределенный круг лиц. Поэтому норма права сама по себе очерчивает группу лиц, которые, соблюдая, исполняя или используя ее, превращаются в юридическую групповую категорию (например учащихся, военнослужащих и т. д.).

Руководители секции:

БОГОМОЛОВ Олег Тимофеевич — почетный директор Института международных экономических и политических исследований РАН, академик РАН, доктор экономических наук, профессор;

ПОЛТЕРОВИЧ Виктор Меерович — заведующий лабораторией математической экономики Центрального экономико-математического института, первый проректор и председатель Академического комитета Российской экономической школы, академик РАН, профессор

О. Т. БОГОМОЛОВ: — Я думаю, что экономика создает целый ряд предпосылок для того, чтобы страны и народы объединялись. В связи с этим я поставил бы на первое место процесс экономической глобализации. Но глобализация, как известно, охватывает не только экономику, но и культуру, и политику. Она означает усиление взаимозависимости, взаимовлияния стран. Это, собственно, та основа, которая позволяет строить взаимоотношения между странами на более широкой основе и добиваться большего согласия в их внешней и внутренней политике, не исключая при этом особенностей национальных культур.

Нынешнее время привнесло в международные отношения нечто новое. Это глобальные проблемы, для решения которых требуются совместные усилия многих стран. Одна из глобальных проблем — экологическая. Вторая угроза и проблема — энергообеспечение всех стран. Третья — продовольственная, сильно обострившаяся в последнее время. Мир сталкивается с тем, о чем предупреждали многие экономисты, в том числе и Римский клуб. Нехватка

продуктов питания, их удорожание обусловлено многими причинами, требующими анализа. Как противодействовать росту цен? ООН, озабоченная этой проблемой, выделяет деньги на ее решение. Но во многих странах уже организуются акции протеста и даже правительства уходят в отставку из-за того, что сильно подорожало продовольствие. Особенно болезненно это воспринимают небогатые слои населения. Рост цен угрожает выживанию людей.

Обострился целый ряд других, тоже глобальных проблем: увеличивается разница в уровне жизни бедных и богатых стран, активизируются миграционные процессы и т. д. Таким образом, можно констатировать, что есть проблемы глобальные, требующие объединения усилий, но в первую очередь — взаимопонимания интеллектуальной части общества во всех странах, чтобы привлечь внимание к этим проблемам и согласовать план действий. Экономика может создать важные предпосылки для диалога цивилизаций, для лучшего взаимопонимания и тем самым для преодоления противоречий, грозящих опасными конфликтами.

О. Т. Богомолов

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ И ЭКОНОМИКА В ДИАЛОГЕ И ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Демократические ценности народов и стран в совокупности с хозяйственным устройством постиндустриальных экономик обуславливают специфику диалога и взаимодействия цивилизаций. Данную специфику можно выразить следующими тезисами.

1. В век глобализации демократия стала преобладающей формой общественного и государственного устройства в мире, а диктаторские и авторитарные режимы воспринимаются скорее как исключение. Это позитивно сказывается на мировом социально-экономическом развитии, создает лучшие условия для взаимопонимания и сотрудничества народов.

2. Демократического переустройства требует современная экономика, основанная на знаниях

и результатах инноваций. Она нуждается в свободных, образованных и независимо мыслящих личностях. Демократия, претворяющая в жизнь свои основополагающие принципы, может стать серьезным фактором экономического роста стран и повышения национальной конкурентоспособности. Более того, она создает предпосылки для утверждения равноправия и справедливости в международных отношениях, способствует мирному разрешению конфликтов, облегчает сближение и взаимодействие цивилизаций.

3. В теории к главным атрибутам демократии обычно относят обеспечение прав и свобод человека, в том числе на выражение своих взглядов, критику властей, свободное волеизъявление на выборах руководящих лиц и органов, а также на участие

в контроле за их деятельностью. Это ядро представительной демократии. Ее осуществление предполагает наличие гласности в стране, доступность информации о положении дел в обществе и экономике, прозрачность деятельности выбранных органов власти и высших руководителей. Одним из непреходящих атрибутов демократии является разделение законодательной, исполнительной и судебной властей, независимость судов и наличие независимых СМИ. Эффективная демократия опирается на развитое гражданское общество, многопартийную систему, деятельность партий, в том числе оппозиционных, пользующихся равными правами с правящей партией или коалицией. Развитое гражданское общество предполагает активную деятельность неправительственных организаций.

В международных отношениях к демократическим ценностям обычно относят равные права государств на защиту и обеспечение своего суверенитета и безопасности, мирное урегулирование споров путем нахождения приемлемых компромиссов, справедливое распределение преимуществ от экономической глобализации.

4. Демократические ценности разделяются все большим числом людей в разных странах, хотя и остаются немалые различия в понимании и практическом претворении в жизнь этих ценностей. Поэтому важно развивать диалог разных культур и мировоззрений, отыскивая общую почву для совершенствования демократического устройства в национальных и глобальных масштабах.

5. Специфические условия стран, исторические традиции, уровень экономического развития, культуры населения и другие обстоятельства не могут не отражаться на конкретных формах общественного устройства, полноте претворения в жизнь демократических начал. На практике имеют место большие или меньшие ограничения в их применении, а нередко демократические декорации служат лишь маскировкой автократического правления. Кроме того, современные средства массовой информации и коммуникаций, административные рычаги влияния на поведение людей позволяют манипулировать сложившимися демократическими институтами.

6. При низком материальном и культурном уровне населения, наследии вековой несвободы попытки ускоренного перехода к демократическому устройству западноевропейского или американского типа могут обернуться извращением сути демократии. Непросвещенными и забытыми житейскими тяготами людьми легко манипулировать. В таких условиях свобода и гласность могут привести к торжеству бесправия, вседозволенности, разгулу криминала, самоуправству, демагогии, расчистить путь наверх карьеристам и проходцам.

7. Утверждение представительной демократии в незрелом обществе не может не быть поэтапным и довольно длительным процессом, когда право избирать и быть избранным, свобода слова и волеизъявления, доступ к СМИ подвергаются контролю и ограничению со стороны властвующих верхов. Это может делаться, к сожалению, не только во имя поддержания стабильности и порядка в обществе в процессе его подготовки к подлинной демократии,

но и с корыстной целью удержания верхами власти на возможно длительное время.

8. Сегодня и в цивилизованных западных обществах демократия не работает в соответствии со своими основополагающими принципами. Использование рычагов идеологического воздействия и властного давления позволяют направлять волеизъявление избирателей в желаемую сторону. Кризис западной демократии констатируют многие политики и политики в Европе и США. Выборы без подлинного выбора и честного учета мнения большинства избирателей, как они заявляют, не позволяют достичь оптимального государственного устройства, обеспечивающего гармоничное развитие общества и миролюбивую внешнюю политику.

9. Диалог интеллектуальных представителей мировых цивилизаций может способствовать отысканию путей и способов преодоления того, что сегодня выхолащивает смысл основных принципов демократии. Прежде всего, важно обеспечить представительство и защиту интересов основных слоев, классов и групп населения, способствовать нахождению консенсуса по жизненно важным вопросам, консолидации общества и гармонизации различающихся подходов в политике, в том числе и внешней. На общественном согласии основывается доверие к власти. Доверие в международных отношениях — важнейшая предпосылка сохранения мира и развития всестороннего сотрудничества.

10. К сожалению, во многих частях мира усиливается имущественная и идеологическая поляризация общества. Рыночные и конституционные реформы в переходных обществах сопровождаются имущественным расслоением и духовным разобщением населения. Крутая ломка привычного порядка вещей в России и во многих других странах породила водораздел в общественном сознании и поведении. Между тем не нужно доказывать, насколько такое состояние препятствует устойчивому социально-экономическому прогрессу.

11. Одними призывами к консолидации ее не достичь. Далеко не всегда удается обратить несогласных в свою веру с помощью силового и идеологического воздействия. На мой взгляд, путь к консолидации проходит через разрешение глубоких противоречий общественного бытия, которые столь по-разному воспринимает массовое сознание. И не случайно ряд государств пытается смягчить опасные изъяны капитализма и рыночной экономики, усиливая социальную ориентацию государственной политики и демократизируя общественную жизнь. Устранение неоправданного неравенства рассматривается ими как основная предпосылка обеспечения социальной справедливости и гармонизации общественных отношений.

12. Выход из нарастающего конфликта общественных сил, их глубокого идейного разлада возможен двоякий: либо одна из противостоящих сторон берет верх и силой навязывает свою волю, либо удается прийти к приемлемым компромиссам, необходимой степени согласия относительно того, что и как надо делать. К сожалению, вместо устранения причин, раскалывающих общество, и поиска путей к согласию и по сегодняшнему дню преобладают попытки дать отпор критикам, отодвинуть их в сторону, не допустить к участию в принятии решений.

13. Между тем в сегодняшнем мире достаточно примеров синтеза, взаимооплодотворения различающихся начал, достигаемого в результате компромиссов или, как теперь часто говорят, конвергенции, а не отрицания одного другим. Можно называть это решением противоречий политическими средствами или сознательным добровольным согласием, или как-нибудь по-другому, важно, что прогресс сегодня становится возможным именно на такой основе, создаваемой введением демократии.

14. Сказанное в полной мере относится и к противоречиям в международных делах. Здесь использование военной силы, особенно при наличии средств массового поражения и особо точного, высокотехнологичного оружия способно привести к огромным человеческим и материальным потерям.

15. Насильственное насаждение демократии в современном мире, которое практикует американская администрация, приводит, как показывает пример Ирака, к неоправданным людским жертвам и дестабилизирует политическую и экономическую ситуацию в мире. Диалог цивилизаций по вопросам демократических ценностей нужен и для того, чтобы соблюдались нормы международного права и не было соблазна пренебрегать ими под надуманными предложениями.

Другой важной предпосылкой успешного развития экономики является поддержание связи, взаимодействия и взаимопонимания власти и населения, участие народа через демократические механизмы и институты в выработке и осуществлении политики. Важно, чтобы представительные органы, выбранные руководители, а также чиновники, нанятые на средства налогоплательщиков, несли ответственность за свои действия не только перед вышестоящим начальством, но и пе-

ред теми, кто за них голосовал и кого их деятельность затрагивает.

Экономика заинтересована в таком государственном устройстве, которое способно обеспечивать бесконфликтность смены высших органов власти и их лидеров, отбор наиболее компетентных, неподкупных и добросовестных руководителей, заслуживающих безоговорочного доверия большинства населения. Личность руководителей, деловые и нравственные качества политической элиты, как известно, решающим образом влияют на выработку политики и ее реализацию. Трудно представить сегодня лучший способ предотвратить ошибки и провалы в политической и управленческой деятельности, чем строгое разделение законодательной, исполнительной и судебной властей, учет мнений не только большинства, но и разумных возражений меньшинства. Нужны независимые контрольные органы в бюджетных и денежных делах, в рассмотрении жалоб граждан. Их выводы должны быть преданы гласности, а виновные в злоупотреблениях и несправедливых действиях привлечены к ответственности.

Российское руководство не раз заявляло о том, что страна будет неуклонно следовать по пути развития демократии, шаг за шагом претворяя в жизнь ее общепризнанные принципы. Но делать это необходимо с учетом национальной специфики, исторического наследия, состояния политической культуры населения и его элиты. Преодоление кризиса общественного сознания и поведения, нахождение национальной идентичности, обретение понимания общенациональных интересов, наконец, подъем общей культуры и нравственности народа — процессы трудные и постепенные, требующие немало времени. Хотелось бы избежать в них даже временных поворотов вспять.

* * *

В. М. ПОЛТЕРОВИЧ: — Я хотел бы немного дополнить спектр проблем, обозначенных Олегом Тимофеевичем. Дело в том, что наши возможности в диалоге цивилизаций на самом деле весьма ограничены. Связано это прежде всего с тем, что Россия до сих пор страна относительно отсталая. В России ВВП на душу населения составляет примерно 30 % от показателя Соединенных Штатов и примерно в 2–2,5 раза меньше европейского уровня. В 1913 г. уровень ВВП на душу населения в России составлял

около 28 % от показателя европейских стран. Такая же картина наблюдалась и в 2006 г. Как видите, догнать развитые страны весьма непросто. Если мы не решим эту задачу (а ее решение предусмотрено новой программой социально-экономического развития России), то наша роль в диалоге цивилизаций будет сильно ограниченной. Завоевать уважение всего мира можно только в том случае, если мы продемонстрируем большие экономические возможности.

В. М. Полтерович

ЭКОНОМИКА В КОНТЕКСТЕ ПАРТНЕРСТВА ЦИВИЛИЗАЦИЙ: СТРАТЕГИЯ ДОГОНЯЮЩЕГО РАЗВИТИЯ ДЛЯ РОССИИ¹

На повестке дня стоит задача разработки стратегии для свершения «экономического чуда». Мы должны использовать благоприятную экономическую конъюнктуру и в течение 15–20 лет превзойти по душевому ВВП по крайней мере такие не самые богатые европейские страны, как Греция и Пор-

тугалия. Заметим, что в 2007 г. российский ВВП на душу населения составлял около 30 % американского, мы отставали от Португалии и Греции почти в 2 раза, от Франции, Германии, Италии — в 2,5 раза. Решить подобную задачу догоняющего развития за последние 70 лет удалось очень немногим странам. Это Япония, Корея, Тайвань, Сингапур, Гонконг. В 1950 г. японский душевой ВВП составлял 20 % американского, в 1973 г. соотношение радикально изменилось, достигнув 66 %, в 1992-м оно

¹ Настоящий текст в основном представляет собой сокращенный вариант статьи: Стратегии модернизации, институты и коалиции // Вопросы экономики. 2008. Вып. 4. С. 3–24. См. также: Полтерович В. Элементы теории реформ. М., 2007.

равнялось уже 90 %. Тайвань и Корея начали с гораздо более низкого уровня. Душевой ВВП Тайваня составлял 9,6 % уровня США в 1950 г., 22 % — в 1973-м и достиг 53,8 % в 1992-м. Аналогичные цифры для Кореи: 9, 17 и 46 %.

Несколько европейских стран, ранее отстававших и пострадавших в результате Второй мировой войны, — Португалия, Испания, Греция — сумели затем совершить значительный рывок. Финляндия, послевоенная Франция, Ирландия в определенные периоды продемонстрировали быстрый рост, позволивший им догнать и даже обогнать своих соседей.

Практически все участники развернувшейся в российском обществе дискуссии согласны с тем, что основными целями социально-экономического развития нашей страны являются обеспечение высокого качества жизни, создание современных демократических институтов и развитого гражданского общества, поддержание высокого престижа России в мире. По мнению большинства экспертов, эффективная стратегия достижения этих целей должна предусматривать расширение частной инициативы и конкуренции; эффективную социальную и промышленную политику; налаженное взаимодействие бизнеса, государства и общества; сильное (но не чрезмерно сильное) государство; повышение качества институтов (защищенность прав собственности, независимость и неподкупность судей, снижение уровня коррупции, укрепление законности, улучшение качества государственного управления); обеспечение высокого уровня человеческого капитала; создание инновационной экономики.

Таким образом, «область согласия» достаточно широка, но имеется и ряд принципиальных расхождений относительно возможных сроков и рациональных методов решения этих задач. Прежде всего, разногласия возникают в связи с вопросом о том, должна ли стратегия модернизации опираться главным образом на методы и инструменты стимулирования экономического роста, либо следует сосредоточить усилия на совершенствовании институтов.

Сторонники «институциональной модернизации» полагают, что вмешательство неквалифицированной и коррумпированной бюрократии может только навредить экономике. Поэтому, говорят они, необходимо проводить институциональные реформы, направленные на улучшение качества государственного управления и судебной системы, подавление коррупции, устранение административных барьеров, совершенствование человеческого капитала и т. п. Если эти задачи будут решены хотя бы частично, то рынок в основном сам справится с задачей быстрого роста. А в случае трудностей ему поможет квалифицированное и честное государство.

Сторонники «проектного подхода» отмечают, что «в условиях низкой эффективности российской экономики усилия по созданию рыночных институтов слабо результативны. Сами же институты фактически работают на закрепление экспортно-сырьевой модели развития». Поэтому необходима «капитализация сравнительных преимуществ российской экономики», то есть интенсификация вложений в сектора и отрасли, обладающие потенциальной

«конкурентоспособностью». В дальнейшем доходы, полученные от реализации этих проектов, следует направить на «обеспечение технологической модернизации основной массы обрабатывающих отраслей» (см.: Российское экономическое чудо: сделаем сами. Прогноз развития экономики России до 2020 года. М., 2007. С. 120–122).

Как правило, сторонники обеих точек зрения предполагают, что доминирующая роль в формировании стратегии модернизации принадлежит государству. Таким образом, оба подхода относятся к классу стратегий, которые мы будем называть «модернизацией сверху». Этот термин не следует понимать слишком буквально. Все авторы соответствующих программ признают, что для успеха стратегий необходимо взаимодействие государства, бизнеса и общества.

Нынешняя правительственная практика больше напоминает попытку осуществления «проектного подхода» к модернизации сверху (национальные проекты, федеральные программы, госкорпорации), а провозглашаемая государственная идеология — призыв к проведению с этой целью институциональных преобразований.

Недавно группа известных российских экономистов, объединившихся под брендом «СИГМА», предложила подход к институциональной модернизации, основанный на заключении «контракта» между государством и группами общества, коалициями, заинтересованными в защите прав и свобод граждан, в гарантиях прав собственности, развитии конкуренции и т. п. Деятельность таких коалиций, по мнению «СИГМЫ», должна за несколько лет привести к улучшению институтов, после чего может оказаться эффективной и промышленная политика (см.: Коалиции для будущего. Стратегии развития России: Коллектив экономистов «СИГМА». М., 2007).

Сроки достижения целей, указываемые в проекте «СИГМЫ», вызывают серьезные сомнения. По мнению авторов программы, в течение 15–20 лет Россия должна занять «позиции мирового интеллектуального и культурного лидера... обеспечивая высокий уровень и качество жизни всего населения». Столь амбициозная цель представляется нереализуемой. Российский уровень душевого ВВП достигнут Великобританией и Францией около 40 лет назад, а США — примерно 50 лет назад. Речь идет о том, что мы должны превзойти их уровень — будущий — за 15–20 лет. Даже сверхуспешная Япония не смогла добиться такого результата. За 25–30 лет она догнала передовые страны Европы (но не США) по душевому ВВП, но интеллектуальным лидером так и не стала.

Россия — отсталая страна. Наш ВВП на душу населения составляет около 30 % американского, в 2,5–3 раза меньше, чем у ведущих европейских стран. Наша политическая культура находится на уровне Германии 1950-х гг. В сфере образования и науки мы также далеко позади развитых стран. Преодолеть такое отставание за 15–20 лет невозможно. Отметим, что «СИГМА» все же более реалистична, чем российское правительство: в выступлениях наших ведущих политиков решить аналогичные задачи предполагается за 13 лет. Экономические цели проекта ЦМАКП гораздо

скромнее: согласно его сценариям российский душевой ВВП к 2020 г. не превзойдет уровни Франции и Германии 2005 г. Вместе с тем в этом проекте ставится задача создания «рублевой зоны, на базе которой будет формироваться новый центр силы» и произойдет «экономическая и политическая интеграция пространства СНГ». Чрезмерно амбициозные цели отнюдь не безобидны: они ведут к ошибочным стратегиям, к недоиспользованию реальных возможностей.

На наш взгляд, выбор стратегии модернизации должен опираться на опыт других стран, ставивших перед собой задачу догоняющего развития. Из этого опыта, обобщенного в ряде эмпирических исследований и теоретических работ, следуют важные выводы, обсуждаемые ниже. На их основе можно наметить контуры третьего подхода, названного здесь «интерактивной модернизацией» и сочетающего, как нам кажется, преимущества двух других. Как и экономисты «СИГМЫ», мы полагаем, что стратегия модернизации должна уже на стадии ее разработки опираться на взаимодействие всех заинтересованных сторон. Однако при этом не стоит рассчитывать на быстрое возникновение структур развитого гражданского общества (как это предполагает «СИГМА»); надо использовать прежде всего те коалиции, которые преследуют собственные экономические интересы и которые в значительной мере уже сформировались в России. «Площадкой» для взаимодействия могла бы стать система индикативного (интерактивного) планирования — модернизированный аналог систем, применявшихся в большинстве стран «экономического чуда».

Выбор стратегии модернизации: где основания?

Под стратегией следует понимать траекторию изменения институтов и экономической политики, «соединяющую» текущее состояние с желательным. Задача поиска стратегии модернизации в принципе принадлежит классу проблем, изучаемых теорией реформ, но обладает существенной спецификой. Здесь «желательное состояние» фактически подбирается в итеративном процессе одновременно с решением. Кроме того, оно определяется не в институциональных терминах («провести приватизацию государственных нефтедобывающих предприятий») или не только в них, а характеризует динамику благосостояния («в течение 15 лет выйти на уровень душевого ВВП, превышающий 50 % уровня США при монотонном повышении благосостояния всех основных групп населения»). Таким образом, улучшение институтов оказывается, по крайней мере отчасти, подчиненной целью. В то же время для поддержания высоких темпов роста весь спектр институтов должен постепенно улучшаться.

Как уже отмечалось, основная трудность при выборе стратегий — высокая неопределенность будущего. Даже пятилетние прогнозы оказываются очень грубыми, не говоря уже о более долгосрочных. Тем большее значение приобретает опыт других стран, особенно тех, кому удалось решить задачу догоняющего развития. На основе обобщения этого опыта теорией реформ сформулированы рекомендации по проведению институциональных преобразований, которые следовало бы принять во

внимание при разработке и сопоставлении стратегий модернизации (наряду с прогнозом экзогенных параметров и результатами моделирования отечественной экономики).

Опыт быстрого развития

Преимущество отсталости

Как правило, у развивающейся страны есть только одно преимущество перед развитыми экономикой — «преимущество отсталости»: возможность *заимствования* уже созданных институтов, методов управления и технологий производства. Конечно, не стоит отказываться и от инноваций по отдельным направлениям. Но инновации — дорогое удовольствие, заимствовать гораздо дешевле. Технологически отставшая страна в принципе может использовать свое «преимущество» во всех отраслях, осуществив тем самым широкомасштабную модернизацию. При этом институциональные подсистемы, ответственные за собственно инновационное развитие, на первых этапах должны играть меньшую роль. Таким образом, именно задачу заимствования и следует положить в основу догоняющей стратегии. Опыт стран «экономического чуда» подтверждает этот вывод.

Например, Япония начала делать ставку на инновации только в 1980-е гг., когда по уровню душевого ВВП она сравнялась с европейскими странами. До этого японцы развивались за счет заимствования западных технологий. Приведем еще один менее известный пример. В 2007 г. М. Мартин, министр предпринимательства, торговли и занятости одной из самых богатых и быстро развивающихся стран Европы — Ирландии, написал: «Мы находимся в процессе перехода от экономики, движимой обычными инвестициями, к экономике, основанной на инновациях и знаниях». До последнего времени ее рост базировался на поощрении инвестиций и заимствовании технологий. Кстати, Ирландия живет по семилетнему плану национального развития; сейчас реализуется план на 2007–2013 гг.

Широкомасштабное заимствование требует тщательной координации усилий различных экономических агентов, высокоразвитой науки и специальных институтов. Институты заимствования — важная часть системы интерактивного управления ростом, «интерактивной модернизации» (см. ниже).

Заимствование осуществляется по четырем основным каналам: 1) импорт нового оборудования и технологий; 2) прямые иностранные инвестиции; 3) освоение новых методов организации производства в результате конкуренции на мировом рынке; 4) обучение и стажировки специалистов за рубежом. Заимствование технологии одной из отечественных фирм может облегчить ее передачу другим фирмам. Наличие этой экстерналии создает основу для эффективного государственного вмешательства. Тонкая настройка импортных тарифов, регулирование потоков капитала, поддержка экспорта, финансирование дополнительного образования — все эти инструменты использовались странами экономического чуда на разных стадиях развития.

Преждевременная ориентация на «инновационное развитие» вызывает ассоциации с политикой

«большого скачка» и может привести к неэффективному использованию, разбазариванию ресурсов. В задаче заимствования цель определена гораздо четче по сравнению с инновационным развитием. Это является важным аргументом в пользу концентрации информации и координации деятельности.

Проблема координации

В недавней речи Д. А. Медведева на V Красноярском экономическом форуме упомянуто, как одна из важных, задача углубления переработки нефти. Ее предполагается решить за счет такого выбора налогов и экспортных пошлин, чтобы стимулировать внедрение новых технологий. На самом деле подобный маневр уже отчасти реализован и дал положительный результат. Однако, как отметил в ноябрьском интервью журналу «Эксперт» один из руководителей ЛУКОЙЛа, нефтяные компании готовы совершенствовать технологии на старых заводах, но опасаются строить новые: без достаточных гарантий государства риски слишком велики.

Предоставление таких гарантий — лишь одна из необходимых мер, ибо задача достижения быстрого и устойчивого роста не сводится к поддержке отдельных отраслей. Требуется механизм, который повысил бы эффективность межотраслевых взаимодействий. Например, модернизация нефтепереработки может оказаться невыгодной из-за дороговизны соответствующего оборудования на мировом рынке. Значит, надо производить его самим. Задача упростилась бы, если бы отечественная отрасль нефтяного машиностроения заранее подготовилась к новым заказам. Но капиталовложения без гарантии спроса рискованны. Получается замкнутый круг: модернизация затрудняется из-за дороговизны нового оборудования, оборудование дорого, поскольку отечественные компании не уверены в успехе модернизации.

Аналогичная трудность возникает на стыке нефтепереработки и нефтехимии, то есть на стороне спроса на продукты нефтеперерабатывающей отрасли. Подобная проблема «стыковки» всегда сопровождает масштабные модернизации и является одним из классических обоснований государственной политики стимулирования роста.

«Органическое» инновационное развитие осуществляется сравнительно небольшими шагами, так что рынок справляется с задачей координации усилий различных агентов. С масштабными проблемами межотраслевой координации за короткое время рынок справиться не в состоянии. Для выхода из ловушки недоразвития необходима система согласованных долгосрочных планов догоняющего развития. Создание такой системы и должно составлять содержание начального этапа при реализации стратегии догоняющего развития для России. Этот тезис подтверждается опытом других стран.

Индикативное (интерактивное) планирование

Использование индикативного планирования — характерная черта экономик, которым за последние 60 лет удалось из развивающихся стать развитыми. В их числе восточноазиатские «тигры»: Япония, Южная Корея и Тайвань. Активная промышленная политика в Сингапуре также основывалась на периодически составлявшихся планах.

Эти страны сумели за два десятилетия сократить отставание от США по душевому ВВП на 30 процентных пунктов или даже более при начальном уровне около 20 %. Аналогичного успеха добились три европейские страны: Греция, Испания и Португалия, и во всех трех на начальных этапах также составлялись индикативные планы. Весьма развитая система индикативного планирования функционировала в послевоенной Франции.

Обычно на начальных этапах индикативные планы выполнялись или даже перевыполнялись по наиболее существенным показателям, а затем роль планирования постепенно снижалась. Однако исследователи подчеркивают, что основное значение системы индикативного планирования состояло не в формировании ориентировочных показателей или государственной инвестицией самих по себе, а в том, что она представляла собой регулярный механизм для взаимодействия правительства, ассоциаций бизнеса, профсоюзов и объединений потребителей, способствовала укреплению взаимного доверия и в конечном счете — достижению консенсуса и координации усилий.

Собственно говоря, именно в этом и состояла основная идея создателя индикативного планирования П. Массе. В 1965 г., описывая французскую систему, он писал: «План вырабатывается посредством согласованных усилий представителей экономических и общественных сил: гражданских служащих, менеджмента (сельскохозяйственного, промышленного, коммерческого), профсоюзов и работников. Это сотрудничество обеспечивает более когерентные прогнозы и решения и создает ощущение единства, способствующее выполнению плана». В странах Восточной Азии консолидация усилий в процессах планирования и реализации планов опиралась на «слияние» государственного аппарата и бизнеса, необычное для Запада, но, как оказалось, плодотворное при плохом институциональном климате (отсюда и термин *Japan (Korea)-corporation*).

Некоторые страны — Италия, Финляндия, Норвегия, Ирландия — сумели совершить «рыбок», уже будучи на довольно высокой стадии развития. Планирование использовалось ими в разной степени. Однако исследователи отмечают решающую роль государственной политики в достижении успеха этих стран и ее сходство с политикой восточноазиатских экономик.

Итак, опыт стран, сумевших в последние шесть десятилетий реализовать успешную стратегию догоняющего развития, свидетельствует о том, что она должна опираться на достаточно развитую систему интерактивного планирования. А как же интерактивного? Верно ли, что в этих странах на этапе становления системы планирования была небольшая коррупция, честный суд, высокий уровень доверия экономических агентов друг к другу? На этот вопрос данные дают отрицательный ответ. Собственно говоря, с современных позиций сращивание государственного аппарата и бизнеса само по себе означает «слабость институтов». Даже во Франции в 1946 г., когда были разработаны первые пятилетние планы, процветал черный рынок, страну потрясли коррупционные скандалы. Улучшение

институтов было в большей мере следствием, нежели предпосылкой быстрого экономического роста.

Суммируем основные выводы, полученные выше.

1. «Модернизация сверху» не удалась ни одной стране.

2. План «институциональной модернизации» тоже не удался ни одной отсталой стране. Все «экономические чудеса» в странах, где ВВП на душу составлял 20–30 % от уровня США, начинались в условиях значительной теневой экономики, массовой коррупции, при неразвитых институтах. Институты улучшались уже в процессе экономического роста.

3. Страны, которые добились успеха, широко применяли индикативное планирование. В 1950–1970-е гг. этот инструмент играл важную роль не только в Японии, Корее и на Тайване, но и во Франции, Португалии, Испании.

4. Для обеспечения быстрого роста необходимо проводить политику, адекватную стадии развития страны, и своевременно ее менять. Это, в частности, относится к политике тарифов, накопления золотовалютных резервов, созданию крупных корпораций и поддержке малых фирм, заимствованию западных технологий и разработке собственных инноваций.

Упомянем также три тезиса, не обсуждавшихся выше.

5. Для проведения реформ страны «экономического чуда» выбирали перспективные институциональные траектории, используя стратегию промежуточных институтов и опираясь на институциональные инновации (см.: Полтерович В. Элементы теории реформ. М., 2007).

6. Важную роль в развитии стран Юго-Восточной Азии играла высокая норма сбережений.

7. Существенной предпосылкой быстрого роста является политическая стабильность. В странах «экономического чуда», стартовавших с низкого уровня благосостояния, она поддерживалась «доминантными» режимами, которые постепенно трансформировались в современные демократии.

Возможен ли рост без развития?

В принципе возможен, но фактически это крайне редкое явление. Среди стран, занимавших в 2005 г. первые тридцать мест по индексу человеческого развития, наименьший душевой ВВП имела Португалия. Среди остальных 147 стран только четыре превосходили Португалию по ВВП на душу: Кувейт, Катар, ОАЭ и Бахрейн. Причины аномалии ясны: эти государства живут в значительной мере за счет нефтяной ренты. По запасам углеводородов на душу населения все они намного превосходят Россию; нас этот путь не может привести к успеху. Кстати, значения индекса человеческого развития у перечисленных четырех стран были также достаточно высоки: Бахрейн — с самым низким индексом — занимал 41-е место.

Как правило, рост сопровождается развитием по ряду причин. Во-первых, по мере приближения страны к «технологической границе» заимствуемые технологии усложняются, инновации играют все большую роль, поэтому для поддержания роста требуется все более высокий уровень человеческого капитала и научных исследований. Во-вторых, рост

благосостояния ведет, с одной стороны, к увеличению спроса на образование и продукты культуры, а с другой — к расширению возможностей его удовлетворения. В-третьих, работники социальной сферы — влиятельная часть общества, интересы которой должны быть представлены и учтены в процессе интерактивной модернизации для обеспечения стабильности и создания благоприятных институциональных ожиданий.

Все же надо признать, что существуют примеры стран, где рост не приводит к адекватному развитию. Одной из них является Ботсвана, которая по ВВП на душу в 2005 г. опережала Чили, а по индексу человеческого развития занимала 124-е место, в то время как Чили — 40-е. Причина состояла в крайне низкой ожидаемой продолжительности жизни — 48,1 года — вследствие широкого распространения СПИДа.

По ожидаемой продолжительности жизни Россия тоже, хотя не так сильно и по другим причинам, отстает от стран своего уровня благосостояния. А по качеству образования и науки — опережает их. Поэтому требуются нестандартные решения, и значит, в России в процессе интерактивной модернизации представители культуры, образования и науки должны играть важную роль.

Интерактивная модернизация: контуры стратегии

Чтобы добиться «экономического чуда» в России, необходимо создать институциональную систему для выработки стратегий экономического развития, совместимую с имеющимися культурными, политическими и институциональными ограничениями, — систему интерактивного управления ростом (СИУР). Ее функционирование должно опираться на такие коалиции интересов, которые в нынешней ситуации имеют шансы стать коалициями действия.

Политическое поле сейчас закрыто. Издержки на создание политических коалиций чрезвычайно велики. Гражданское общество, правозащитные организации менее ограничены в своих действиях, но недостаточно развиты. Зато в экономическом поле уже сформировались коалиции: отраслевые ассоциации, объединения предпринимателей и потребителей, профсоюзы. Здесь гораздо больше возможностей. В условиях нынешней России «коалиции для будущего» должны создаваться прежде всего на основе экономических интересов, поскольку в таких коалициях заинтересованы и бизнес, и общество, и — до некоторой степени — власти.

Важной предпосылкой создания СИУР являются сформированные недавно институты развития: Банк развития, Российская венчурная компания, Инвестиционный фонд РФ, особые экономические зоны, технопарки, национальные проекты. Но в деятельности всех этих институтов отсутствует взаимная координация. СИУР должна организовать их в единое целое, ориентируя на заимствование технологий и поддержание быстрого роста.

Возглавлять процесс могло бы специально созданное для этой цели Федеральное агентство по стратегическому планированию, подчиненное непосредственно главе правительства. Его деятельность должна опираться, с одной стороны, на региональные

агентства по стратегическому планированию, а с другой — на систему комиссий, включающих представителей министерств, профсоюзов и других объединений работников, ассоциаций потребителей и отраслевых ассоциаций бизнеса. Должен быть разработан итеративный процесс сбора и обработки информации и согласования решений, использующий современные средства анализа.

Необходимо выработать единые требования к проектам модернизации на уровне отрасли и региона и создать систему экспертных комиссий и круглых столов для отбора и согласования таких проектов. Нужно также восстановить или создать заново систему отраслевых исследовательских институтов и информационных центров для интенсивного заимствования зарубежных технологий. Этой же цели должно быть, по крайней мере отчасти, подчинено регулирование прямых иностранных инвестиций и отечественных вложений за границей. Отметим, что масштабные закупки технологий и техники за рубежом увеличат спрос на валюту и тем самым будут способствовать замедлению скорости накопления золотовалютных резервов, а значит, и снижению инфляции.

Заключительные замечания

Специфика догоняющего развития состоит в том, что стране требуется масштабная модернизация практически всех отраслей промышленности и секторов народного хозяйства. В связи с этим возникают задачи координации инвестиций в разные отрасли. С такими задачами рынок если и справляется, то крайне медленно. Именно эта проблема должна стоять в центре стратегии догоняющего развития.

В настоящее время институциональные реформы в России не удаются, страна находится в сети институциональных ловушек. Но между институтами и ростом имеется двусторонняя связь. Поэтому есть шанс, что, поддерживая в течение определенного периода времени быстрый рост за счет промежуточной (переходной) системы институтов, мы сумеем улучшить качество управления, уменьшить масштабы теневого сектора и коррупции, укрепить законность, снизить административные барьеры и постепенно сделать рост самоподдерживающимся.

Приведенные тезисы влекут за собой ряд других.

Во-первых, для решения задачи догоняющего развития методология использования конкурентных преимуществ (характерная для Форсайта) мало пригодна. Надо действовать широким фронтом, обращая особое внимание на «расшивку узких мест».

Во-вторых, на начальных этапах не стоит делать ставку на «технологические прорывы»: для этого у нас нет ни средств, ни соответствующей инфраструктуры; следует эффективно заимствовать западные технологии, и притом не обязательно сразу самые передовые.

В-третьих, в процесс технологического заимствования встроены сильные экстерналии эффекты, утилизация которых дает возможность сделать

его существенно более эффективным и быстрым. Для использования экстерналий необходимы специальные институты заимствования и активное участие государства.

В-четвертых, масштабное переоснащение производства, осуществление межотраслевых проектов требуют не только интенсивного взаимодействия государственных органов с отраслевыми ассоциациями бизнеса, но и непосредственного взаимодействия ассоциаций друг с другом. Значит, здесь недостаточно «точечного» государственно-частного партнерства; речь должна идти о системе, позволяющей вовлечь в процесс выработки стратегии представителей практически всех отраслей и страт общества. Экономическая заинтересованность агентов позволяет надеяться на их активное участие в этом процессе.

В-пятых, масштабное заимствование технологий будет способствовать макроэкономической стабилизации: оно увеличит спрос на иностранную валюту, снизив одновременно и скорость укрепления рубля, и темпы наращивания денежной массы.

Наконец, в-шестых, необходимо вовлекать экономические коалиции в деятельность по улучшению институтов.

Для осуществления описанной программы России необходимы партнерские отношения и с Западом, и с Востоком. Чрезмерно агрессивная политика России на внешних рынках приводит к ответным консолидированным мерам; необходимо перенести акцент на внутреннее производство. Следует помнить, что все «экономические чудеса» происходили на фоне благожелательного отношения развитых стран. Темпы экономического роста Японии и Кореи замедлились в 1980-х гг., когда США, обеспокоенные ростом дешевого импорта из этих стран, потребовали от них отказа от политики занижения реального валютного курса, обеспечивавшей им выгодные условия торговли. Отсутствие напряженности, взаимное доверие являются важнейшими предпосылками для реализации рациональной политики привлечения (и ограничения) иностранных инвестиций, развития внешнеторговых связей, массовых стажировок наших специалистов за рубежом и приобретения современных технологий.

В случае успеха через 15–20 лет СИУР постепенно перестанет играть решающую роль. По мере выхода на первый план инновационного процесса все меньше пространства останется для широкомасштабных планов модернизации. Деятельность в рамках коалиций экономических интересов улучшит массовую политическую культуру. Возрастет и будет все больше удовлетворяться потребность в законности, а затем и в демократии. Укрепление законности, в свою очередь, создаст реальные возможности для демократизации без масштабных издержек и высокого риска возврата к авторитарной системе. Вероятность неудачи на этом пути значительна, но ни опыт, ни теория не указывают более надежной альтернативы.

* * *

Л. Ф. ЛЕБЕДЕВА¹: — Проблемы развития для России, о которых говорил Виктор Меерович, и те

глобальные проблемы, о которых в самом начале вел речь Олег Тимофеевич, в контексте партнерства

¹ Профессор кафедры международной экономики Государственного университета гуманитарных наук (Москва), ру-

ководитель Центра социально-экономических исследований и проектов ИСК РАН, доктор экономических наук.

стран и цивилизаций зависят, на мой взгляд, от того, каким образом будет решена проблема адаптации человека, формирование человеческого потенциала, адекватного современным реалиям. Дело в том, что сейчас скорость перемен настолько велика и угрозы нарастают с такой интенсивностью, что даже если поставить цель — сохранить наш человеческий потенциал на том уровне, который был вчера и есть сегодня, нам нужно двигаться ускоренно. В связи с этим вопрос к Виктору Мееровичу. Меня всегда очень интересовали труды вашего института, поскольку еще в университете я занималась математическими методами. Каким образом этот ключевой, с моей точки зрения, фактор учитывается в работе вашего института?

В. М. ПОЛТЕРОВИЧ: — Спасибо. Вопрос затронут очень сложный, и я не уверен, что смогу дать полный ответ. Здесь есть масса подводных камней. Ответу на более простую его часть: как моделировать человеческий капитал, ведь он весьма значимо обуславливает не только рост экономик стран, но и может способствовать партнерству или обострять конфликтность. В современных макроэкономических моделях этот параметр участвует в очень многих областях, но довольно примитивным образом. Обычно человеческий капитал измеряется средним числом лет образования. Иногда разделяется начальное образование и высшее и т. д. Более развернутых и точных оценок в рамках макромоделей обычно не делают, потому что оценить человеческий капитал и его влияние на производство — очень трудная задача.

Теперь относительно того, что нам делать, как реагировать на нынешнюю ситуацию. Давайте начнем с фундаментальной науки. Возможно, я выскажу парадоксальную мысль. Сравним наш уровень фундаментальной науки с уровнем стран, находящихся на том же уровне производственного развития. Мы обнаружим, что наука и образование в России гораздо более развиты, чем, скажем, в латиноамериканских странах, и хотя наши показатели ниже, чем в европейских странах, мы довольно близки к ним. Ведь у нас была система, ориентированная на военную мощь, и она поддерживала высокий уровень фундаментальной науки и требовала хорошего образования. И, действительно, плановая система тоже этому способствовала. Как только вводится рынок, немедленно обнаруживается, что спрос на фундаментальную науку и образование экстра-класса отсутствует, потому что уровень производства низкий. Значит, у нас нет того, что поддерживает и фундаментальную науку, и образование экстра-класса на Западе. И если отпустить эту ситуацию на произвол рыночных сил, то проис-

ходит то, что происходит. То есть уровень фундаментальной науки у нас на самом деле снижается — если говорить не об общественных науках, а о математике, физике и т. д. С общественными науками немножко другая тенденция, но это связано с наследием Советского Союза. Рынок неизбежно будет тянуть нас в сторону снижения уровня, потому что нет спроса. Но наша ситуация радикально отличается от ситуации, скажем, в латиноамериканских странах. Там предстоит создать достаточно мощную фундаментальную науку, когда они выйдут на соответствующий уровень развития. А у нас он уже есть. И нам это потребуются, но только не сейчас, а через 10–15 лет или даже раньше, если мы будем быстро развиваться. Вот тогда и обнаружится, что фундаментальная наука и высокого уровня образование нам по-настоящему необходимы. А создавать его нужно в течение опять-таки многих лет. Это даже не поголовье скота, которое тоже воспроизводится не сразу. На то, чтобы создать научные школы, требуются многие годы. Поэтому нужно осознание того, что, несмотря на отсутствие спроса, нам поддерживать фундаментальную науку и высшее образование совершенно необходимо. Что касается повышения уровня человеческого капитала в других аспектах, то у нас острая нехватка специалистов среднего уровня: квалифицированных рабочих, инженеров-проектировщиков и т. д. Нужны специальные усилия государства для того, чтобы воссоздавать соответствующие школы и добиваться подготовки этих кадров. Такой спрос есть, и его нужно удовлетворять.

О. Т. БОГОМОЛОВ: — По-моему, вопрос был поставлен несколько иначе: не об образовании, а об общественном сознании, которое отстает от колоссальных перемен, совершающихся в мире. Это слабое место науки, потому что мы вообще не обращаем или не обращали внимания на то, какое влияние оказывает состояние общественного сознания, идеологии на все остальные процессы.

Я хочу дополнить то, что было затронуто в докладе Виктора Мееровича. Действительно, сегодня мы должны с большим вниманием отнестись к тем сферам общественной жизни, которые находятся вроде бы вне экономики: это идеология и основанная на ней политика, государственное устройство и эффективность государственных институтов, культура, нравственность. Эти сферы оказывают иногда решающее воздействие на успехи экономик не только отдельных стран, но и регионов, культур, цивилизаций. Нам, безусловно, нужно знать, какая модель общества родится в результате рыночной трансформации. Что это будет: если капитализм, то цивилизованный или дикий, или смешанное общество?

Л. Ф. Лебедева

СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО В ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ ЗНАНИЙ: МИРОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Социальное партнерство в глобальной экономике знаний является одной из составляющих качества партнерства культур, партнерства цивилизаций. От качественного уровня социального партнерства

работодателей и наемных работников, собственников и топ-менеджмента, высших государственных чиновников (номенклатуры, элиты) и подчиненных им структур зависит не только качество социума,

региона и экономики государства, но и качество взаимоотношений государств, различных культур, цивилизаций. Познавая опыт других стран, научаясь от них, принимая (или не принимая) социальные ценности других, государство может вносить в свою культуру социальные нововведения, принимая их. Может произойти и обратное: доминирующая культура будет отторгать искусственно внедряемые ценности, не принимая их. Качество социального партнерства государства таким образом является индикатором, по которому можно оценить рейтинг духовности социума, глобализационный рейтинг, по которому можно сделать вывод о партнерстве, а не о конфликтности цивилизаций.

Мировой опыт последних десятилетий XX — начала XXI в. свидетельствует о возрастающем значении уровня образовательной и профессиональной подготовки трудовых ресурсов, их интеллектуального и творческого потенциалов для поддержания устойчивого роста, повышения национальной конкурентоспособности, обеспечения социально-экономической безопасности, укрепления социальных гарантий.

Ускорение процессов глобализации и технологического прогресса расширяет возможности для экономического развития и социального прогресса, но в то же время ведет к динамичным изменениям на рынке труда, в обществе, предъявляя принципиально новые требования к образовательной и профессиональной подготовке работников, их навыкам, способности восприятия информационно-коммуникационных технологий.

Период 1990-х гг. — начала XXI столетия убедительно продемонстрировал осознание субъектами социального партнерства своей ответственности не только в сфере регулирования традиционных вопросов социально-трудовых отношений, но также для разработки и реализации долгосрочной стратегии обеспечения подготовки и социальной защищенности кадрового потенциала, соответствующего экономике, основанной на знаниях. В каждой стране эта тенденция, безусловно, имеет свои специфические черты, обусловленные историческими, культурными особенностями, уровнем экономического развития, общественно-политической зрелостью. Одновременно наблюдается активизация социального партнерства на международном уровне, что находит выражение в расширении сотрудничества в сфере образовательной и профессиональной подготовки между государственными структурами, ассоциациями работодателей, организациями трудящихся в международном масштабе.

Профсоюзы и работодатели все в большей степени включают в свои соглашения пункты, связанные с переквалификацией, повышением образовательного и профессионального уровней работников; социальной защитой, улучшением охраны труда и среды обитания в динамично меняющихся условиях глобальной конкуренции; все шире взаимодействуют, в том числе при участии государственных структур, в области разработки и реализации образовательных и других социальных программ, нацеленных на повышение качества и конкурентоспособности трудовых ресурсов в экономике знаний.

При этом критически важным становится формирование так называемой упреждающей страте-

гии, призванной предотвратить (или по крайней мере смягчить) назревающие социальные конфликты, нехватку высококвалифицированной рабочей силы; проблемы, связанные с медицинским обслуживанием и др. В достижении этих целей заинтересованы все субъекты социального партнерства: государство — в обеспечении социальной безопасности, национальной конкурентоспособности; частный бизнес — в высокопрофессиональных и творческих кадрах, в повышении трудовой мотивации и производительности труда; работники — в повышении своей конкурентоспособности на рынке труда, в социальных гарантиях, соответствующих вызовам новой экономики.

Уровень квалификации становится все более значимым фактором, определяющим возможность трудоустройства человека. Поэтому возрастающее значение приобретает направленность на непрерывное повышение квалификации рабочей силы и учет потребностей тех, кто испытывает на себе негативные последствия изменений на рынке труда. По мнению экспертов в области науки и технологий, около 80 % используемых сейчас технологий и оборудования устареет менее, чем за 10 лет. К тому времени четыре из каждых пяти работников будут иметь образование и профессиональную подготовку, которые они получили 10 и более лет назад. Следовательно, приоритетной стратегией должна стать политика расширения возможностей обучения и профессиональной подготовки в течение всей жизни.

Одной из перспективных форм социального взаимодействия в этой области, получивших распространение в развитых странах, в частности в США, является формирование фондов программ образовательной и профессиональной подготовки из средств федерального бюджета, бюджетов штатов и местного самоуправления, а также взносов частных компаний. При этом работникам и их объединениям законодательно предоставлены широкие права по контролю за выполнением всех условий государственных и государственно-частных программ в области подготовки и переподготовки кадров и организации центров по обучению и трудоустройству. А роль государства как социального партнера не ограничивается прямым использованием финансового, организационно-административного, законодательного ресурсов, а состоит еще и в использовании широкого спектра мер по активизации других социальных партнеров и стимулированию социальной ответственности каждого гражданина за повышение своего образовательного уровня.

Особо следует отметить новые формы взаимодействия субъектов социального партнерства в сфере высоких технологий — например создание «Центров промышленных технологий» в США предусматривает не только государственно-частное партнерство по разработке и освоению новых технологий, но также взаимодействие всех субъектов социального партнерства по подготовке специалистов в области инновационно-технологической деятельности.

Наряду с профессиональными знаниями в подобных центрах реализуются программы по развитию логического мышления, аналитических способностей, готовности к восприятию новых идей,

технических достижений, по развитию способностей принимать решения, то есть навыков, критически необходимых для кадрового потенциала экономики, основанной на знаниях.

В целях повышения эффективности усилий социальных партнеров по повышению качества рабочей силы, востребованности приобретенных знаний и навыков на рынке труда предпринимаются меры, способствующие установлению связей между образовательными учреждениями и потенциальными частными работодателями путем проведения регулярных консультаций и реализации совместных исследовательских проектов с участием универси-

тетов и промышленных компаний — как это имеет место не только в развитых европейских странах, в США, Канаде, но и, например, в Китае.

Особый интерес представляет взаимодействие социальных партнеров в рассматриваемой области на международном уровне, и прежде всего в странах ЕС, чей опыт свидетельствует о необходимости выработки стратегии в сфере образования и профессиональной подготовки для поступательного развития общества, основанного на знаниях, — развития, гармонично сочетающего его экономические, научно-технологические, социальные и экологические параметры.

И. А. Лебединский¹

«НОЙДОРФ–СТРЕЛЬНА» — ПРИМЕР ПРОЕКТА НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО ПАРТНЕРСТВА

Одним из примеров культурного и экономического взаимодействия и партнерства является известный проект между Германией и Россией «Нойдорф–Стрельна».

После выхода Указа Президента РФ «О реабилитации репрессированных народов» появилась возможность восстановления немецкой слободы в Стрельне с целью возвращения (приезда) в город на Неве этнических немцев, во время войны высланных в Сибирь, Казахстан.

Потребовалось предварительное правовое и экономическое осмысление проекта на межгосударственном уровне, решение ряда вопросов международных взаимоотношений. В частности, расчеты и согласования обустройства обрусевших немцев в Петербурге (вместо переезда в Германию), организация совместного руководства миграционными потоками на равных правах правительствами двух стран. Прецедентов такого рода в мировой практике не встречалось. Межправительственные рабочие органы возглавили: с немецкой стороны — Министерство внутренних дел, с российской — Министерство по делам национальностей.

В результате была создана не существовавшая ранее форма социально-экономической глобализации в виде планируемого сверху жилья, быта, трудоустройства и взаимосвязей коренного этноса и национального меньшинства на основе добровольного взаимовыгодного единения двух ветвей цивилизации — русской и немецкой. Это особенно важно сейчас, когда стихийно-рыночный приток арабов-мусульман в Западную Европу вызвал обостряющуюся конфронтацию наций и религий.

Прежде всего, были определены и согласованы концептуальные основы этнического поселка в живой ткани мегаполиса. Разработана и утверждена в инстанциях Программа совместного финансирования проекта, календарный график ее реализации, техническое задание на проектирование функционально замкнутого жилого комплекса с общественным культурным центром.

Успешно решен денежный вопрос. Финансовые средства на строительство и эксплуатацию поселка

складываются из взаимоустановленных взносов федеральных бюджетов РФ и Германии, бюджетов Петербурга и Земли Баден-Вюртемберг. Впервые в международной практике разработана и реализована дееспособная управляющая структура — Агентство территориального развития «Нойдорф–Стрельна», в равной степени подчиненное партнерам Договора, аккумулирующее и распределяющее инвестиции на мероприятия, закрепленные за партнерами (контроль за адресностью и расходованием средств осуществляет состоящий при Агентстве немецкий координатор), сроки и размеры выделения и получения дотаций.

Концепция была продумана безупречно. С 1996 г. в РФ сменилось четыре правительства, в Германии сменилось правительство и обновился курс, в Петербурге произошла смена администрации. В то же время концептуальные основы, согласованные позиции и параграфы Договора остались без изменений.

В 1997 г. был реализован первый этап работ: полное инженерное обустройство территории, в том числе дорожной инфраструктуры, сетевого хозяйства, станции водоочистки, насосных станций, двух трансформаторных подстанций. Сданы в эксплуатацию жилые дома на 50 семей. Затраты составили: из федерального бюджета Германии свыше 10 млн марок, из федерального бюджета РФ более 20 млн руб.

Второй этап завершился в 2004 г. В поселке появилось 11 новых жилых домов. В 2005 г. был выполнен третий этап — построено еще 17 зданий.

Возведенные жилища заселены, эксплуатируются. «Нойдорф–Стрельна» продемонстрировала яркий пример рационального вселения крупной этнической группы в устоявшийся этнос многонационального мегаполиса, полной толерантности к компактно проживающим немецким семьям, отсутствия зарегистрированных преступлений на национальной почве.

Четвертый этап Программы включает строительство 9 двухэтажных домов, каждый из которых рассчитан на одну семью, и 2 таун-хаусов площадью 3200 кв. м.

И все же темпы возведения «Нойдорф–Стрельны» неоправданно растянуты, забюрократизированы.

¹ Профессор Санкт-Петербургского государственного университета кино и телевидения, доктор экономических наук.

Допущены сбои; непонятно, на каком основании в 2002 г. Министерство по делам национальностей РФ прекратило субсидирование жизнедеятельности возведенного поселка. Большое упущение, похоже, заключается еще и в том, что все без исключения строительные работы проводились только российской стороной (с недостаточной организацией и техническим оснащением). Думается, более перспективным было бы частичное участие бригад немецких строителей со своей техникой.

До возведения 189 коттеджей, предусмотренных Программой, еще далеко. До сих пор в «Нойдорф–Стрельне» нет запланированной школы, детских садов, культурно-оздоровительного центра с фитнес-залами, нет даже продовольственного магазина. Еще больше отстает строительство промышленных объектов, причем, как намечено, прорывных в технологическом отношении, к чему склонны немцы и что позарез нужно России. Фактически работает лишь один резидент (группа компаний «Транзас» — крупнейший российский производитель навигационных комплексов бортового оборудования судов и самолетов), ориентированный на высокие технологии.

Рядом со слободой недавно соорудили завод «Бош–Сименс» — вроде бы правильно, но работают там русские: из «Нойдорф–Стрельны» на завод устроился лишь один немец. Значит, какие-то обстоятельства не были учтены. Нужен пересмотр устаревших позиций, обновление Программы. Этим должно вплотную заняться Агентство.

«Нойдорф–Стрельна» — самый многообещающий проект Петербурга по решению этнических проблем, упорядочению миграции, предотвращению всплеск нетолерантности (что своевременно не было сделано в Западной Европе). Опыт немецкого поселка показывает, как можно накрепко увязать миграцию с законностью, социальной справедливостью и экономическими интересами.

На первый план сегодня выходит особая экономическая зона (ОЭЗ). Включение в нее «Нойдорф–Стрельны» практически и экономически оправдано. Во второй половине 2006 г. Петербург получил на эти цели 900 млн руб. Однако мы считаем неправильным создание ОЭЗ на двух площадках: 30 га в немецкой слободе и 170 га севернее Ново-Орловского лесопарка. Размеры территорий, подлежащих освоению, несопоставимы: «Нойдорф–Стрельна» является как бы придатком, в то время как бюджетная эффективность этого «придатка» впечатляет: она равняется 13 млрд руб.

С учетом значения «Нойдорф–Стрельны», далеко выходящего за пределы Петербурга и даже России, в немецкой слободе должна быть организована

отдельная, вполне самостоятельная ОЭЗ со всеми положенными льготами и преимуществами. Для относительно небольших высокотехнологичных предприятий и фирм внедренческо-инновационного типа, которые не обладают средствами на строительство, должно быть предусмотрено выделение льготных кредитов. Организация ОЭЗ позволит еще больше увеличить бюджетную эффективность.

В феврале текущего года на совещании городского правительства в Смольном было принято решение о завершении работ по созданию ОЭЗ «Нойдорф–Стрельна» к концу 2009 г. В немецкой слободе будут работать 12 компаний-резидентов с организацией в том числе опытного и мелкосерийного производства. За счет городского бюджета предлагается построить жилой дом, в котором сотрудники компаний-резидентов смогут арендовать служебное жилье. Общий объем финансирования инженерно-транспортной подготовки ОЭЗ составит 9,21 млрд руб. с оплатой из средств федерального и городского бюджетов.

Опыт создания «Нойдорф–Стрельны» и его распространение крайне важны для обеспечения Петербурга квалифицированной рабочей силой. На окраинах города следует выделить земельные участки для строительства китайского городка (они построены уже во многих мегаполисах США), азербайджанского, казахского, вьетнамского, финского, корейского поселков с вложением обеими сторонами по 50 % инвестиций. На той же основе возможна организация переезда россиян из ряда регионов РФ, в частности Татарстана и Башкортостана. Параллельно этот опыт следует использовать для Программы возвращения соотечественников, проживающих за рубежом, с финансированием из бюджетных средств РФ в пределах выделенных сумм. Сегодня Госпрограмма буксует. За два года в Россию вернулись всего 1457 чел. Свою роль должен сыграть психологический фактор. Реэмиграция приобретает большой размах. Соотечественники, предположим, возвращающиеся из Франции, охотнее выберут компактное проживание на «французской» улице, построенной в пригороде Петербурга, чем «изолированное» жилье. Накопленный опыт, наконец, можно применить и в Западной Европе для ослабления национальной нетерпимости и предотвращения наплыва нежелательных элементов. Финансовое участие стран, откуда едут иммигранты, выбьет почву из-под ног фашиствующих молодчиков.

Внимание к окончательной реализации проекта «Нойдорф–Стрельна» должно быть усилено. Это в интересах Германии, России, Земли Баден-Вюртемберг и Петербурга. В интересах мирового сообщества.

* * *

О. Т. БОГОМОЛОВ: — В связи с выступлением профессора Лебединского я хотел бы выразить некоторые сомнения. Создание национальных анклавов, где люди, в общем, сохраняют свою культуру и бытовые привычки, но не ассимилируются с основной массой населения, по-моему, не лучший путь. По-моему, лучше создать такие условия, чтобы приехавшие из других стран могли вписаться в национальную культуру той страны, куда они прибыли.

В. М. ПОЛТЕРОВИЧ: — У меня одно маленькое замечание. Америка, по крайней мере до последне-

го времени, была примером эффективного плавильного котла. И во многом это было основано на том, что там не было подобных локальных образований. А это в свою очередь определялось высокой мобильностью рабочей силы. До тех пор, пока у нас не будут созданы условия для высокой мобильности рабочей силы, массовая миграция будет представлять значительную опасность. Здесь нужны очень продуманные и тщательные меры для того, чтобы не создать анклавов, которые потом будут источником социальной напряженности.

Ю. В. Якутин¹**АКТУАЛЬНОСТЬ ИДЕЙ ЛИХАЧЕВА О ДИАЛОГЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ
ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ**

Человечество на своем жизненном пути сформировало немало цивилизационных моделей, которые характеризуются отличительными особенностями, собственными подходами к миропониманию и устройству общественного бытия. Академик Д. С. Лихачев всю свою жизнь посвятил объяснению феномена русской цивилизации, исследованию коренных течений, векторов ее развития, восстановил огромный пласт ее истории, забытые и, казалось бы, навсегда утраченные картины ее жизни. Он показал важность понимания самих истоков формирования русской цивилизационной модели. Благодаря всему этому академик Лихачев наметил также основные вехи будущего пути России как цивилизации культурной, обогащающей человечество, имеющей большие перспективы. В этом, конечно, несомненные заслуги ученого, заветы которого актуальны и для других разделов отечественной науки, особенно для российской социально-экономической мысли, история становления которой как самостоятельной научной школы занимает особое место в мировой экономической науке.

Когда мы говорим о диалоге цивилизаций, культуре диалога, позволяющей перебрасывать мостки от прошлого к настоящему и будущему, то имеем в виду, что участники диалога общаются как равный с равным, хорошо представляя и уже пройденный путь, и перспективы. К сожалению, в истории российской цивилизации мы многое утратили, забыли или представляем превратно. Поэтому нам часто не хватает фактов, резонансов, объемного видения. Обращение к прошлому, к незаслуженно выпавшим из исследовательского поля зрения именам и работам становится необходимым условием интересного, конструктивного, имеющего не только познавательную, но и практическую ценность диалога цивилизаций. Особенно эта задача актуальна применительно к исследованиям российской школы социально-экономической мысли. Ее историю необходимо восстанавливать, реконструировать и делать доступной для широкого круга ученых и всех, кто интересуется прошлым и будущим нашей Родины. Пока в России мы не можем в полном объеме найти, например, работ таких видных экономистов, социологов, историков, как Ковалевский, Сорокин, Кавелин. Поэтому нам так важно, решая современные проблемы, восстанавливать прошлое. Есть еще много неизвестных, не полностью прочитанных нами трудов представителей российской школы социально-экономической мысли XVII–XIX вв., имеющих для нас не меньшее значение, чем выдающиеся литературные памятники Древней Руси. Открыть их, исследовать, ввести в научный оборот, вернуть на подобающее место в нашем культурном наследии — важнейшая задача нашей науки и общечеловечности.

¹ Президент Ассоциации главных редакторов и издателей России, главный редактор еженедельника «Экономика и жизнь», научный руководитель Издательского дома «Экономическая газета», академик Государственной академии управления (Москва), доктор экономических наук, профессор.

Если же говорить о взаимодействии цивилизаций, то прежде всего надо отметить, что никакая цивилизация никогда не развивалась да и не могла развиваться в изоляции. Взаимообогащение, взаимовлияние, взаимопроникновение цивилизаций имело и имеет большое значение для поступательного развития человечества, всегда сообща новые импульсы этому развитию.

Сегодня в экономике нашей страны мы, пожалуй, можем наблюдать «топтанье на месте». Превью парадигма экономического развития исчерпала себя, а новая еще не проявилась в полной мере, хотя присущие ей черты уже можно уловить. Примечательно, скажем, что президент Франции Н. Саркози в этом году заявил о необходимости определить новые ориентиры внутренней политики, которую он называет политикой цивилизации, политикой построения экономики счастья. Французский президент даже заказал двум ученым-экономистам, нобелевским лауреатам, разработку таких критериев экономического развития, которые не ограничивались бы традиционными сугубо экономическими показателями, а включали бы также показатели удовлетворенности жизнью, отражающие степень гармонии человека как с самим собой, так и с окружающим его миром.

Ведущие западноевропейские деловые издания назвали задачи, поставленные Президентом Французской Республики, новым словом в экономической теории. Однако стоит обратиться к истории русской экономической мысли, чтобы увидеть, что именно об этом почти 200 лет назад писал первый российский академик-политэконом Андрей Карлович Шторх (1766–1835). В 1815 г. в Санкт-Петербурге вышел на французском языке в шести томах его основной труд «Курс политической экономии, или Изложение начал, обуславливающих народное благоденствие». Политэкономии он не ограничивал только учением о материальном богатстве, но включал в нее и теорию цивилизации. В этой теории он рассматривал вопросы производства, распределения, потребления и накопления нематериальных, внутренних благ. К внутренним благам Шторх относил образование людей, здоровье, нравы, умения, безопасность, досуг. Для нас важно и то, что он говорил о необходимости достижения с помощью экономической политики равновесия в производстве материальных и внутренних благ. Ведь свой «Курс политэкономии» А. Шторх подготовил на основе лекций, прочитанных им младшим сыновьям императора Павла I — Михаилу и Николаю, будущему императору. Да и саму политэкономии Шторх считал основной наукой в комплексе наук государственного управления страной, имеющего своей целью народное благоденствие.

В труде Шторха много внимания уделено и взаимодействию стран в их цивилизационном развитии. При этом Шторх всегда подчеркивал, что счастье страны нельзя строить на разорении других народов.

Этот труд Шторха вывел российскую науку на передовые позиции в мировой экономической мысли, намного опередил концепции современных ему западных экономистов. Лишь в конце XX в. ученые-экономисты занялись серьезной разработкой поднятых Шторхом проблем развития человека, о чем свидетельствуют новейшие теории человеческого и социального капитала, экономики знаний, а теперь и экономики счастья.

Работы Шторха выходили в основном на французском и немецком языках и очень мало освоены современными учеными. Обращаясь к работам А. К. Шторха, понимаешь, насколько значимы для нас уроки Д. С. Лихачева. Он ввел в научный оборот достижения древней русской экономической, политической, духовной мысли, издал многие древние рукописи, показал неисчерпаемое богатство различных литературных и исторических источников древности. Но оказывается, что и более поздние произведения российских авторов XVII–XIX вв. еще далеко не освоены, не прочитаны внимательно, а то и просто неизвестны нам. Заветы академика Лихачева в исследовании исторического, культурного, духовного наследия Древней Руси очень важны и для изучения работ русских экономистов, политиков, общественных деятелей второй половины и конца прошлого тысячелетия.

В. М. ПОЛТЕРОВИЧ: — Я сделаю небольшой комментарий. Действительно замечательно, что вышла такая книга, и Вы совершенно правы в том, что нам надо больше внимания обращать на наше наследие. Сейчас появляется новый раздел эконо-

* * *

Издательский дом «Экономическая газета» в своей деятельности стремится, как и призывал академик Лихачев, возродить незаслуженно забытые и малодоступные широкому читателю страницы русской истории. В издаваемой нами серии книг «Русская классическая библиотека. Экономика и духовность» уже опубликованы труды И. Посошкова, Ю. Крижанича, В. Кокорева, Н. Мордвинова. А в этом году мы впервые на русском языке полностью издали знаменитый труд Шторха «Курс политической экономии» и его работу «Размышления о природе национального дохода». Эти работы в начале XIX в., сразу после издания, выходили также в Германии, Франции, были хорошо известны экономистам Англии. Они вызвали оживленные дискуссии на темы производительного труда, нематериальных благ и многие другие. Показательно, например, что в работах К. Маркса имеется более ста ссылок на положения Шторха. Как видим, русская экономическая мысль активно участвовала в диалоге цивилизаций. Хотелось бы надеяться, что и в наше время появление фундаментального труда А. Шторха будет не только способствовать утверждению приоритетов российской школы социально-экономической мысли, но и окажется востребованным, как он то и заслуживает, при разработке новых концепций современной экономической теории.

мики — «экономика счастья». Экономическое счастье — это в некоторой степени проекция качества жизни людей с учетом взаимодействия этносов, культур, политических институтов, цивилизаций. Это одно из модных сейчас направлений.

М. С. Мотышина¹

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ КОНЦЕПЦИИ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ

В последние годы вопросы развития и взаимодействия цивилизаций широко обсуждаются в различных научных областях — социологии, философии, политологии, истории, экономике и др. Это обусловлено динамичностью и нестабильностью протекающих процессов (политических, социально-экономических, демографических), нарастанием межцивилизационных противоречий и конфликтов во многих регионах, развитием глобализационных явлений. Появились и активно развиваются многочисленные концепции цивилизаций.

В современной науке существует широкий разброс определений понятия «цивилизация». Отсутствует единый подход к выделению системообразующих факторов данной категории. Существуют представления о локальных и глобальных цивилизациях, о мировой цивилизации, а также «узкое» и «широкое» их рассмотрение. В рамках «узкого» представления локальной цивилизации можно выделить несколько подходов: культурологический, экологический, социологический и т. п. Например, таким «однофакторным» представлением российской цивилизации является ее образ как православной.

¹ Декан экономического факультета СПбГУП, доктор экономических наук, профессор.

Вместе с тем развиваются глубокие системные исследования цивилизаций и их развития, например в работах Ю. В. Яковца и его школы [1–3]. Представители «синтетического» (интегрального) подхода считают, что основу цивилизации составляет система факторов. Каждая цивилизация определяется совокупностью идей и политических институтов, условиями материальной и культурной жизни, производительными силами и общественными отношениями, проявлениями религиозной, интеллектуальной и художественной деятельности.

Интерес к цивилизационной проблематике способствовал появлению концепций, в которых на основе выделения системообразующих факторов цивилизаций предложены инструментальные способы их анализа. В частности, были разработаны макроэкономические модели, предназначенные для прогнозирования мировой экономики, например геоцивилизационная макромодел (балансовая модель, являющаяся развитием модели мировой экономики В. В. Леонтьева), в которой рассматривается развитие двенадцати локальных цивилизаций, а также многофакторные матрицы — геоцивилизационная и стратегическая [1, 3]. *Геоцивилизационная матрица* основана на оценке факторов,

которые составляют структуру генотипа локальной цивилизации (демографический, природно-экологический, технологический, социально-политический, фактор духовного развития). Эта матрица использована для оценки в ретроспективе и в перспективе до 2100 г. динамики каждой локальной цивилизации, их групп и глобальной цивилизации в целом. Цивилизационная матрица по восьми факторам была использована для оценки динамики факторов и ограничений экономики России [1].

Представление сложных систем, в том числе цивилизаций, в виде матричной структуры, распространяющейся на различные измерения этих систем (политическое, религиозное, культурное, экономическое и др.), в настоящее время весьма распространено. «Мир человеческого бытия начала XXI в. представлен матричной структурой... Взаимодействия в этой структуре некомплементарны и несинхронны, они подчиняются диалектике мирочелостности и разделенности компонент» [4, 60].

К подобным подходам следует отнести концепцию институциональных матриц С. Г. Кирдиной [5]. Суть этой концепции заключается в следующем. Социальная система (общество) является самоорганизующейся структурой с присущими ей законами. «Ядро» социальной структуры сохраняет свою сущность, в то время как формы проявления этой сущности постоянно развиваются во взаимосвязи с цивилизационным контекстом. Основными «проекции» (подсистемами) общественного целого, сферами общественной жизни являются *экономика, политика и идеология*. Функционирование данных общественных подсистем обеспечивается базовыми институтами. Системы базовых экономических, политических и идеологических институтов образуют так называемые *институциональные матрицы*.

Институциональная матрица — своеобразный генотип общества — складывается в момент образования государств и на протяжении их развития сохраняет свою природу. Основные гипотезы данной концепции состоят в том, что: во-первых, существуют два типа институциональных матриц, отличающиеся составом образующих их институтов (X- и Y-матрицы); во-вторых, в государствах устойчиво доминирует один тип матрицы (X или Y), при этом институты другой матрицы являются комплементарными (дополнительными).

Специфика X-матрицы состоит в том, что для соответствующей цивилизации характерны: редистрибутивная (распределительная) экономика, унитарное политическое устройство и коммуитарная идеология. К подобному цивилизационному типу относятся страны Юго-Восточной Азии, Латинской Америки, Россия. Цивилизация, описываемая Y-матрицей, характеризуется рыночной экономикой, федеративным политическим устройством и субсидиарной идеологией. К ней относятся страны Европы и США. Тип доминирующей институциональной матрицы и характер образующих ее институтов определяется прежде всего спецификой материально-технологической среды.

Опираясь на положения и гипотезы предлагаемой концепции, автор делает следующие предположения относительно будущего России: 1) упрочится роль институтов X-матрицы — редистрибутив-

ной экономики, унитарного государства и коммуитарной идеологии; 2) модернизируются институциональные формы, в которых они будут реализованы; 3) комплементарные Y-институты рыночной экономики, федеративного государства и субсидиарной идеологии легитимно заполнят «ниши» в институциональной структуре российского общества и станут ее органическим дополнением.

Данные выводы коррелируют с результатами применения синергетического подхода к анализу развития цивилизаций, предпринятого С. Ю. Малковым [6]. Он также анализирует два типа цивилизаций — Восток и Запад — в смысле, близком представлениям С. Г. Кирдиной (X- и Y-структуры). При этом в анализ включаются не только структурные характеристики, но и механизмы самоорганизации и обеспечения устойчивости (выживаемости) данных систем.

Используя средства математического моделирования, автор убедительно показывает, что оба типа цивилизаций являются устойчивыми структурами, а различные «переходные» формы, как правило, неустойчивы. Россия изначально в силу своих специфических условий (в том числе природных) тяготеет к X-структуре, однако в ходе эволюции ее время от времени пытались «перетягивать» к другому типу устойчивой структуры (Y) — структуры западного типа. Так, инициаторы реформ 1990-х гг. в России считали, что для перевода экономики на рельсы интенсивного развития, для запуска процессов самоорганизации, приводящих к возникновению среднего класса и унимодального общества, достаточно провести приватизацию государственной собственности и предоставить экономику стихии рынка. Тогда X-система сама трансформируется в Y-систему. Однако, как показывают результаты моделирования, в условиях России это приводит к противоположным последствиям. Так, либерализация экономики при неразвитости демократических институтов привела к падению эффективности экономики, резкому имущественному раслоению.

При этом, с одной стороны, в России сформировалась новая финансовая и государственно-бюрократическая элита, реально распоряжающаяся ресурсами страны и живущая по западным стандартам. С другой — уровень жизни основной части общества существенно понизился. Эти два слоя живут в разных условиях: первый — в условиях избыточной (по российским меркам) материально-ресурсной обеспеченности, второй — в условиях ее недостаточности. Соответственно, в этих двух слоях идут противоположные процессы социально-психологической самоорганизации. В первом — усиливаются и укрепляются либерально-индивидуалистические тенденции в сознании, характерные для Y-системы, во втором — воспроизводятся коллективистские социально-психологические установки, свойственные X-системе. Таким образом, объективно идет процесс разъединения российского общества на две социальные страты, отличающиеся не только уровнем доходов, но и, что более существенно, — типом мышления.

По мнению автора, путь России — это не X- и не Y-система (не «Восток» и не «Запад»), а в силу ее цивилизационных особенностей — XY-система,

соединяющая X- и Y-элементы при доминировании X-структур и коллективистских ценностей, с высокой ролью государственного управления (сильного центра) в различных сферах жизни. При этом будущее России будет существенно зависеть от того, сможет ли государственная власть стать эффективной и социально ответственной.

Литература

1. Кузык Б. Н. Цивилизация: теория, история, диалог, будущее / Б. Н. Кузык, Ю. В. Яковец. М., 2006.

2. Яковец Ю. В. Глобализация и взаимодействие цивилизаций. М., 2003.

Н. Н. ПОГОСТИНСКАЯ¹: — Современная экономика такова, что в области экономических исследований все более включаются понятия из других областей, таких как культура, природа власти,

3. Кузык Б. Н. Интегральный макропрогноз инновационно-технологической и структурной динамики экономики России на период до 2030 года. / Б. Н. Кузык, Ю. В. Яковец, А. Д. Некипелов. М., 2006.

4. Чешков М. Мир как дифференцированное целое // Мировая экономика и международные отношения. 2006. № 7.

5. Курдина С. Г. X-эффективность и X-экономики: синтез теоретических подходов // Экономический вестник Ростов. гос. ун-та. 2007. Т. 5. № 2.

6. Малков С. Ю. Устойчивость социальных структур и цивилизационные особенности России // Путь в будущее — наука, глобальные проблемы, мечты и надежды: матер. Междунар. конф. М., 2007.

* * *

ментальность, цивилизация. Все это входит в смысловое поле экономики. И вот, говоря о взаимодействии цивилизаций, я бы хотела сказать немного о власти.

Н. Н. Погостинская

СМЕЩЕНИЕ ВЛАСТИ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Проблема властного влияния непосредственно связана не только с внутренней, но и с внешней политикой любого государства. От качества властного взаимодействия, в первую очередь лидеров и элит, зависит не только экономика страны, но и межгосударственные экономические процессы, а следовательно, и их производные: межкультурный, научный, образовательный обмен, качество взаимодействия стран и цивилизаций. В связи с данным тезисом было бы интересно рассмотреть смысловую палитру понятий «власть», «властное влияние», «смещение власти».

Говоря о цивилизациях и об их возможном диалоге, следует рассматривать не только и не столько проблему пространства Восток–Запад, сколько уровень развития цивилизации, характеризующийся тем временем, в котором она существует, с позиции преобладающих экономических отношений. На фоне быстрых перемен в экономике характерной особенностью развития теории последних десятилетий является стремление расширить смысловое поле, в которое погружается традиционная экономическая проблематика. Одно из направлений такого расширения — исследование власти как экономической категории.

Использование тех или иных механизмов властного влияния является важной характеристикой развития цивилизации. В то же время проблема властного влияния в экономической сфере представляет существенный пробел в научных исследованиях. Прежде всего, однозначно не определены источники и инструменты власти предпринимателя, менеджера. В целом можно констатировать, что единая парадигма, способная объединить достаточно разнородный комплекс научных знаний и стать теорией власти в экономике, пока не сложилась.

Следует подчеркнуть, что власть не есть сугубо политико-правовое явление. Сферы проявления власти: государственная, экономическая, политическая, духовная, военная, личная, родительская и пр. Говорят о власти физических и социальных объективных законов, о власти случайности, власти общественного мнения, власти собственника, власти менеджмента, власти денег, власти общественного мнения, власти президента и т. д. и т. п.

Появление властных отношений связывают с появлением социальных норм поведения. В самом общем виде власть рассматривается как влияние. Однако феномен власти чрезвычайно сложен, в нем можно выделить различные аспекты. Сложность понятия «власть» отражается в разработке целого спектра определений власти, в которых делается акцент на отдельных ее проявлениях. Несмотря на разнообразие определений, можно выделить несколько наиболее часто отмечаемых характеристик власти: 1) власть детерминирует поведение; 2) для власти характерно не просто влияние, а подчинение или даже присвоение чужой воли; 3) власть — это отношение между субъектом и объектом; 4) воздействие власти на личность опосредовано определенной общественной организацией; 5) с властью связывается использование средств принуждения; 6) власть действует вопреки желанию подвластного; 7) власть вызывает сопротивление; 8) власть — это способность осуществлять определенные действия, а не сами действия.

В соответствии с выделенными аспектами власть можно определить как *субъект-объектное волевое отношение влияния, опосредованное общественной организацией, выражающееся в подчинении поведения и воли подвластного посредством потенциального или реального принуждения, несмотря на его нежелание и/или сопротивление*.

Характеризуя значение власти, Б. Расселл отмечал, что власть является фундаментальным понятием в общественных науках в таком же смысле, в каком энергия является фундаментальным

¹ Профессор кафедры экономики СПбГУП, доктор экономических наук, заслуженный работник высшей школы РФ.

понятием физики. Экономика пронизана отношениями власти, то есть властный аспект присущ любым экономическим отношениям, таким как: отношения собственности, обмена, управления и пр. В Своде законов Российской империи было записано: «Собственность есть власть, в порядке гражданскими законами установленном, исключительно и независимо от лица постороннего владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом вечно и потомственно».

Неравенство — это естественное состояние экономической жизни. Неравенство охватывает распределение собственности, информации, издержек, спроса, неравный доступ к определенным ресурсам и средствам принуждения и др. Наряду с возможностью альтернативного поведения экономических субъектов и других особенностей, присущих экономической системе, неравенство позволяет уточнить содержание экономической власти: экономическая власть — это такое отношение между субъектом и объектом влияния, при котором субъект принуждает объект нести издержки в свою (субъекта) пользу. Экономическое принуждение, в отличие от физического, когда объект лишен свободы действий, сохраняет видимость добровольности поведения объекта. Однако в случае отказа от подчинения субъект власти способен создать такую величину потерь или такие издержки для объекта власти, которые невозможно избежать, сократить или компенсировать, действуя альтернативным подчинению образом.

Рассматривая механизмы властного влияния, обычно выделяют множество (до пятидесяти) видов власти: легитимная, традиционная, харизматиче-

ская, поощрительная, принудительная, компетентная, исполнительная, консультативная, информационная, безличная, институционализованная, социальная, безличная, духовно-идеологическая и т. д. Сущность механизмов влияния и власти выявляется на основе классификации источников и инструментов влияния и власти, коих в научной литературе выделяется более семидесяти. Например, А. Тоффлер называет три источника, питающие власть, — силу, богатство и знания, а Дж. Гэлбрейт выделяет личность, собственность, организацию.

В буквальном смысле источником влияния всегда выступает человек. Однако возникает вопрос: что создает основу или возможность осуществить властное влияние?

Первый личностный (не отчуждаемый от конкретного человека) фактор — сила. Или угроза применения силы. В современном мире прямое насилие уступило место его видоизмененным, скрытым формам. Сила уступила место богатству (отчуждаемый фактор). В настоящее время основой богатства считаются знания. Знания — это символический капитал. Смещение власти происходит от силы к материальному богатству, затем к деньгам и, наконец, к знаниям и информации. Кто владеет информацией и контролирует ее распространение и использование — тот и имеет власть. Качество взаимодействия стран и цивилизаций обуславливается в значительной степени и тем, кто и как обеспечивает и контролирует данные процессы. Необходимо выстраивать диалог при опоре на разные механизмы влияния и власти. Необходимо их гармоническое сочетание.

* * *

В. М. ПОЛТЕРОВИЧ: — Небольшой комментарий. Я считаю спорным мнение, что у каждой цивилизации есть свои особенности, которые диктуют ту или иную систему административного управления. Этой теории в некоторой степени можно противопоставить эволюционный подход

О. Т. БОГОМОЛОВ: — На мой взгляд, мы, экономисты, до сих пор мало внимания уделяли административным отношениям, которые, естест-

венно, отличаются от рыночных. Но роль административных отношений, эффективности структур управления (государственных и не только) часто может быть не менее, а иногда и более значительной, чем влияние рыночных механизмов. Именно они могут обогащать, а могут и обеднять отношения — как внутри государства, так и межгосударственные, отношения культур и цивилизаций.

Г. Ф. Фейгин¹

СТАНОВЛЕНИЕ ГЛОБАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВЕННОГО МИРОПОРЯДКА: ИСТОРИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Дуализм понятий «партнерство–конфликтность цивилизаций» можно рассмотреть и в контексте становления глобального хозяйственного миропорядка. Данный термин появился относительно недавно и требует тщательного научного рассмотрения и раскрытия.

Глобальные процессы происходят во времени, то есть носят *исторический характер*. Мы исходим из того, что глобализация — это принципиально новое явление в хозяйственной жизни общества. Правоммерно поставить вопрос: почему ранее (на

предшествующих этапах развития человеческой цивилизации) мировое хозяйство не было глобальным? Одновременно необходимо выяснить, почему (в силу каких причин) в настоящее время созрели предпосылки для движения мировой экономики к состоянию глобальности (гомогенности)?

Изначальные предпосылки для «неглобального» состояния мирового хозяйства вытекают из фундаментальных свойств земной коры. С одной стороны, она пригодна для жизни, с другой — содержит множество факторов, отрицающих жизнь. В течение всего периода существования жизни на Земле это противоречие не являлось неразрешимым. В результате эволюции возникли наиболее

¹ Доцент кафедры управления СПбГУП, кандидат экономических наук.

приспособленные к обитанию в тех или иных условиях виды живых организмов. Для подтверждения данного положения достаточно взглянуть на современный животный мир. Каждый вид обитает на определенной территории — там, где имеются наиболее благоприятные для данного вида условия. При этом живые организмы существуют в рамках своей экологической ниши и не выходят за ее пределы, то есть экологическая ниша территориально ограничена.

Принципиальное отличие человека от животного мира состоит в том, что человек не просто приспосабливается к окружающим его условиям жизни. Он создает вторую природу — природу продуктов своего труда. Происхождение человека неразрывно связано с появлением продукта (второй природы). Поэтому вся история человечества в известном смысле представляется собой историю развития продукта. Конец продукта (второй природы) будет означать конец человеческой цивилизации. Вторая природа облегчает условия существования человека и тем самым служит инструментом удовлетворения его потребностей.

Однако до сих пор нельзя говорить о том, что человек полностью территориально независим в своем существовании (в том числе и в хозяйственной деятельности). Привязанность к территории обитания, имевшая место на протяжении всей предшествующей истории человечества и сохраняющая актуальность в настоящее время, обуславливается рядом факторов. Главная среда обитания человека — суша. Сухопутная поверхность земли состоит из континентов, омываемых Мировым океаном и относительно удаленных друг от друга. Континентальная форма обитания сама по себе создает серьезные препятствия для контактов между людьми. Территория самих континентов также сравнительно велика. Перемещение из одной точки континента в другую (особенно при отсутствии современных транспортных средств) требовало много времени и было связано с преодолением множества естественных препятствий. Поэтому контакты между поселениями, находящимися в различных частях отдельных континентов, были затруднены. Условия обитания человека на разных континентах существенно различаются по многим параметрам (температура окружающей среды, наличие или отсутствие водоемов, растительного и животного мира, полезных ископаемых, плодородных почв). Отсюда вытекают, по крайней мере, два следствия: во-первых, человек стремится отыскивать наиболее благоприятные условия для обитания, во-вторых, обитание в определенных условиях оказывает существенное влияние на психофизиологические особенности, нюансы менталитета, состояние культуры и т. д.

Отмеченные выше факторы препятствовали и продолжают препятствовать становлению глобального миропорядка. В то же время это вовсе не означает, что переход к глобальной форме осуществления хозяйственной деятельности принципиально исключен. Изначальная предпосылка глобализации хозяйственной жизни связана с наличием продукта. Создавая продукт, человек расширяет среду обитания и в известной степени преодолевает территориальную зависимость своей хозяйст-

венной деятельности. Современные средства коммуникации сделали возможным постоянный контакт людей, независимо от места их нахождения. Казавшиеся ранее абсолютно непригодными для жизнедеятельности человека территории сегодня так или иначе активно используются в производственном процессе.

Остается дискуссионным вопрос о возможности полной территориальной независимости человека в процессе его жизнедеятельности. Некоторые факторы (например отсутствие полезных ископаемых, плодородных почв) по-прежнему накладывают ограничения на возможность хозяйственной деятельности на той или иной территории. Кроме того, постоянное вмешательство человека в окружающий его природный мир создает угрозу экологических катастроф. В то же время сам принцип удовлетворения общественных потребностей за счет создания второй природы изначально содержит момент глобальности. Создание конечных продуктов предполагает вовлечение в производственный процесс природных ресурсов. Ресурсы принципиально ограничены, тогда как потребности человека безграничны. Это противоречие постоянно разрешается следующим образом: в производство вовлекается некоторое количество природных ресурсов, из которых изготавливается некоторое количество конечных продуктов, что позволяет обеспечить определенный уровень удовлетворения человеческих потребностей (см. рис. 1).

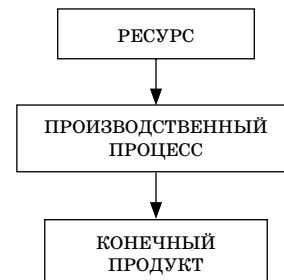

Рис. 1. Процесс производства конечных продуктов

В результате НТП в производственном процессе используется все большее количество природных ресурсов, так что проблема их ограниченности обостряется. Одновременно общественные потребности продолжают расти. Для разрешения подобного противоречия в будущем необходимы следующие условия:

- хозяйственный миропорядок должен обеспечивать возможности добычи ресурсов в любой точке земного шара и их беспрепятственного перемещения в места наиболее эффективной обработки;
- произведенные конечные продукты должны свободно перемещаться в те регионы, в которых существует потребность в них.

Выполнение этих условий фактически означает создание глобального хозяйственного миропорядка. Глобальный хозяйственный миропорядок должен внести существенный вклад в процесс разрешения противоречия между ограниченностью ресурсов и безграничностью общественных потребностей и обеспечить значительное повышение уровня общественного благосостояния.

Итак, с одной стороны, потенциальная возможность перехода к глобальной форме хозяйственной деятельности вытекает из самой природы человека. В то же время все известные предшествующие и современные формы хозяйственной деятельности человека — не глобальны. В этом и заключается одно из основных смысловых противоречий феномена глобализации, которое в значительной мере предопределяет раскол научного сообщества на сторонников и противников глобализации.

Современная глобализация как процесс движения к единому хозяйственному миропорядку является результатом всего предшествующего развития человечества. Первые человеческие поселения в различных уголках земного шара появились в первобытную эпоху. В поисках наиболее благоприятных условий обитания племена перемещались, при этом были неизбежны случайные контакты между ними. В эпоху Древнего мира и раннего Средневековья цивилизации, локализующиеся в отдельных регионах, развивались относительно обособленно. В это же время стали зарождаться международные экономические отношения. Позднее, в XIV–XIX вв., после Великих географических открытий началось становление мирового хозяйства — глобализация, сопровождающаяся колониальными захватами. XX в. ознаменовался расколом мира на две противоположные хозяйственные системы. При этом продолжалось развитие системы международных экономических отношений и формирование непосредственных предпосылок для перехода к глобализации в современном понимании. Начиная с 1970-х гг. в мире набирает силу процесс собственно глобализации. Сейчас мы наблюдаем начальную фазу становления единого хозяйственного миропорядка.

Из сказанного следует, что на протяжении долгих столетий существование человечества носило неглобальный характер. В то же время уже в первобытную эпоху вторая природа явилась изначальной предпосылкой перехода к глобальной форме хозяйственной жизни человека. Развитие человеческой цивилизации на протяжении длительного периода было связано с приближением (отдалением) к состоянию (от состояния) глобального хозяйственного миропорядка. И только с 1970–1980-х гг. началось становление собственно глобального миропорядка. По нашему мнению, для глобализации существуют по крайней мере три базовые предпосылки:

а) *Технологическая предпосылка.* Как уже отмечалось выше, на каждой стадии развития цивилизации определенным образом разрешалось противоречие между ограниченностью имеющихся ресурсов и все возрастающими человеческими потребностями. В настоящее время уровень развития производственных технологий таков, что достижимые объемы выпуска требуют вовлечения в производство практически всех ресурсов. Должен быть создан механизм, позволяющий свободное перемещение факторов производства из одной точки мира в другую. Подобный механизм может функционировать только в условиях глобального миропорядка.

б) *Экономическая предпосылка.* Развитие международных экономических связей приводит к унификации системы человеческих потребностей. То-

вары, произведенные в одной стране, могут пользоваться спросом далеко за ее пределами. При этом наличие потребности в том или ином товаре уже принципиально не зависит от уровня развития страны. Таким образом, должен быть создан механизм, обеспечивающий беспрепятственное перемещение конечных продуктов. Кроме того, развитие производства, вследствие ограниченности ресурсов, заставляет постоянно искать возможности снижения издержек. В настоящее время уровень цен на факторы производства в разных странах существенно различается. Поэтому наблюдается массовое перемещение производственного процесса из развитых стран в другие регионы, что позволяет ведущим западным фирмам снижать издержки. Дальнейшее развитие хозяйственной деятельности человека неразрывно связано с органически дополняющими друг друга явлениями:

— свободным передвижением конечных продуктов в те страны и регионы, где на них предъявляется платежеспособный спрос;

— свободным перемещением производственного процесса в те регионы, где производство связано с наименьшими издержками.

Эти условия дальнейшего экономического прогресса обеспечиваются в полной мере при едином хозяйственном миропорядке.

в) *Культурная предпосылка.* За длительный период сосуществования различных цивилизаций в результате постоянного контакта произошло их культурное сближение. При всем многообразии культур и особенностях национальных менталитетов формируются некие единые принципы экономических взаимоотношений, в той или иной степени принимаемые во всем мире. Таким образом, можно говорить о наличии культурных предпосылок для формирования единого хозяйственного миропорядка.

Тем не менее очевидно, что в настоящее время мир находится только в начальной стадии становления единого хозяйственного миропорядка. Любая из трех обозначенных предпосылок проявляется еще далеко не в полной мере. Существующие на сегодняшний день технологии позволили создать вторую природу, которая нивелирует привязанность человека к определенной территории. В то же время природно-климатические характеристики земной поверхности влияют на условия хозяйственной деятельности, делая их более или менее благоприятными. Таким образом, сегодняшний уровень развития производственных технологий еще не позволяет полностью преодолеть территориальную привязанность человека, в том числе в процессе его хозяйственной деятельности.

Необходимо отметить, что современное мировое хозяйство характеризуется существенными различиями в уровне экономического развития отдельных стран. Формы проявления этих различий чрезвычайно многообразны. Поэтому не удивительно, что в ходе сегодняшнего этапа глобализации развитые страны стремятся не допустить ущемления собственных интересов. Борьба отдельных стран (регионов) за национальные (региональные) экономические интересы продолжает оставаться существенным препятствием для развития глобализационных процессов.

Наконец, современный мир по-прежнему характеризуется многообразием культурных особенностей отдельных народов. Эти особенности до сих пор столь существенны, что препятствуют мирному сосуществованию отдельных народов.

В этих условиях говорить о переходе к глобальной модели обитания человека еще преждевременно. Возникает некоторое противоречие. С одной стороны, глобализация как процесс становления единого (гомогенного) хозяйственного миропорядка органически вытекает из предшествующей истории человечества; с другой — в современной реальности существуют технологические, экономические, культурные и прочие факторы, которые делают гомогенный миропорядок в настоящее время невозможным.

По-видимому, разрешение этого противоречия заключается в следующем. Глобализацию как становление единого (гомогенного) хозяйственного миропорядка следует рассматривать как длительный процесс, начавшийся в 1970–1980-е гг. Движение к глобальной форме хозяйственной дея-

* * *

В. М. ПОЛТЕРОВИЧ: — Идея показателей глобализационного преимущества мне кажется очень важной. Я бы тоже хотел думать, что глобализация ведет к позитивному развитию. Однако ситуация здесь очень сложная и есть обширная литература, работы достаточно квалифицированных авторов, демонстрирующие, что нынешний путь глобализации создает многие проблемы именно для развивающихся стран. Современный порядок, который устанавливается развитыми странами, отнимает у развивающихся стран те возможности, которые сами развитые страны использовали, когда они были развивающимися.

О. Т. БОГОМОЛОВ: — Я обстоятельно занимался проблемами глобализации, участвовал в коллективном труде «Грани глобализации», изданном в 2003 г. Горбачев-фондом. Управляемые глобализационные процессы являются стимулом для партнерства, а не конфликтов культур, экономик, цивилизаций. У меня несколько комментариев. Во-первых, относительно причин глобализации. С двумя из них я, безусловно, согласен. Первый фактор — технический прогресс во всех областях, новые средства коммуникации, передачи информации. Второй фактор, названный докладчиком, мне кажется, характерен не только для периода глобализации, а существовал на протяжении всей истории: международное разделение труда, основанное на том, что у одной или другой страны есть преимущества, связанные либо с природными условиями, либо с географическим положением, либо с преимуществами технического прогресса. Это описал еще А. Смит и было задолго до глобализации. А вот культурные предпосылки, наверно, действительно сегодня несколько иные, чем были в прошлом.

тельности человечества, очевидно, будет продолжаться еще не одно десятилетие. Приближение мировой хозяйственной системы к состоянию глобальности (гомогенности) зависит от того, в какой мере могут быть устранены факторы, препятствующие глобализации. Не исключено, что на определенных этапах действие этих факторов может усиливаться, что замедлит процесс движения мировой экономики к состоянию глобальности. Вопрос об исторических основах глобализации актуален по отношению к национальным экономикам вообще и хозяйственной системе каждого отдельного государства в частности. Каждая страна в современном мире имеет свою историю. В ходе исторического развития она так или иначе внесла свой вклад в процесс движения человеческой цивилизации к глобальному хозяйственному миропорядку. Соответственно, предшествующая история развития страны во многом определяет ее стартовые возможности в начале глобальных процессов и тем самым перспективы ее дальнейшего развития.

Теперь по поводу нового международного порядка. Этот вопрос тоже имеет длительную историю. В середине 1970-х гг. в ООН под влиянием группы развивающихся стран встал вопрос о новых принципах устройства мирового экономического порядка. И Римский клуб под руководством лауреата Нобелевской премии Яна Тинбергена составил доклад «Перестройка мирового порядка». Авторы доклада вышли за рамки экономических проблем, они даже поставили вопрос о создании мирового правительства. Затем, несмотря на резолюцию ООН о принятии нового международного порядка, этот вопрос был снят с повестки дня и уступил место безудержно оптимистичному курсу на либерализацию всей мировой торговли. В общем, это, несомненно, точка зрения, навязанная в то время развитыми странами. Поэтому было бы, например, ошибкой думать, что ВТО сегодня представляет собой демократический орган. Действительно, у каждого члена ВТО есть право вето, но весь руководящий аппарат этой организации состоит из представителей развитых стран, и их политика определяет условия мировой торговли. Трудно сказать, когда мы придем к демократическому мировому порядку, но такая проблема перед человечеством стоит. Необходимо перестройка мирового порядка на демократических началах, и в этом направлении делаются небольшие шаги. Обсуждается реформа Международного валютного фонда, совершенствование деятельности ВТО и некоторых других организаций. Но говорить о том, что глобализация уже приняла такие формы, которые явно устраивают всех, пока рано. Нынешняя глобализация имеет другую социальную окраску: это глобализация в основном на американский манер. И, по-моему, с этим соглашались большинство исследователей.

Г. Г. Силласте¹

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТОЛПА КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Изложу свои исследовательские позиции в форме четырех социологических сюжетов.

Сюжет первый. Чем вызвана постановка проблемы толпы? Не является ли она достоянием далекого прошлого? Ведь еще Густав Лебон писал: «*наш век есть эра толпы*». История доказала социальную закономерность: проблема толпы резко актуализируется в условиях ломки, трансформации социальных систем, когда состояние стабильности вытесняется стрессом, чувством страха и неопределенности. Вступление в XXI в. сопровождается мощным накатом неуправляемой волны под названием «толпа». Она пронесется в обществе, как цунами, оставляя после себя разгром, следы насилия и стихийного бедствия. Примеры — события в мусульманском мире, в Ираке, Афганистане, Иране, во Франции, в Германии, события в Украине и Грузии. И в России не забыты стихийные митинги обманутых вкладчиков и участников долевого строительства жилья, противников монетизации льгот и др. Толпа стала неотъемлемым элементом российской политической и экономической реальности 1980–1990-х гг. и начала XXI в. Такова *ситуация с позиции практики*. С научной точки зрения классические работы по анализу толпы, написанные в конце XIX в. Г. Тардом, Г. Лебоном и другими, на мой взгляд, в наши дни нуждаются в переосмыслении с внесением уточнений и дополнений, учитывающих действие фактора социального времени.

Сюжет второй. Толпа — многогранный социальный феномен.

После семьи толпа самая древняя из всех социальных групп. По Тарду, *толпа — это бесструктурное сплочение людей, не имеющих ясно осознанной общности целей, но объединенных общим эмоциональным состоянием и общим объектом внимания, ради которого они собрались*. Я бы сказала так: толпа может быть «вещью в себе», но чаще всего — вне себя.

Классификация толпы зависит от применяемых критериев. С гендерной точки зрения толпа может быть *женской* или *мужской*. По возрасту участников — *юношеской* или *старческой*. По территории — *городской* или *сельской*. По вере — *религиозной, верующей* и *атеистической*. По сфере возникновения — *политической, экономической* и *промышленной*. Типологически выделяют 4 вида толпы: *оказационная* («толпа зевак»), *конвенциональная*; *экспрессивная* (эмоционально самая накаленная, экзальтированная), *действующая*.

В абсолютном большинстве случаев толпа является мощным конфликтогенным фактором, будирующим социальную напряженность в обществе и усиливающим угрозу безопасности личности.

Сюжет третий. Экономическая толпа в ракурсе социальной мифологии.

В условиях российского перехода к рыночной экономике, несмотря на его краткость во времени, возникло *несколько мифов* об особенностях нового для нашего общества вида толпы: толпы обманутых новым капитализмом клиентов финансово-банковской сферы.

Миф первый — *феномен толпы не порождается деятельностью финансовых институтов или социальными результатами функционирования финансово-банковской сферы*.

Реалии: события, вызванные крупными финансовыми аферами в России 1990-х гг. (финансовые пирамиды типа МММ и др.), привели к массовому обворовыванию доверчивого и в начале 1990-х гг. уже разоренного государством населения. Обманутыми оказались 1,5 млн вкладчиков. Ответной социальной реакцией стала мощная протестная волна. Толпа обрела новое лицо в новой экономической и быстро развивающейся сфере. Это новый тип *городской толпы* — не промышленный, а *финансово-экономический*, практически не изученный в новом социальном контексте.

Миф второй — *вкладчики как представители достаточно обеспеченного среднего класса толерантны, эгоистичны и не образуют толпы*. Этот миф тоже разрушен.

Какой тип толпы характерен для финансово-банковской сферы? Это действующая толпа. Она представляет особый интерес, выполняя функцию *конфликтогенного фактора* финансово-банковской сферы. Особенности этого вида толпы: она отличается нетерпимостью к иным взглядам и умонастроениям, доходит до прямого и беспощадного их отрицания; чувством гордости, вызываемым преувеличенным представлением о своей силе; болезненной обидчивостью; безответственностью по отношению к любым внешним воздействиям. Существует несколько подвидов действующей толпы в зависимости от критериев ее анализа: территориальных, гендерных, эмоциональных особенностей.

Но действующая толпа по *своему состоянию* может быть и *панической*, охваченной страхом перед надвигающейся опасностью, угрозой смерти, наводнения или пожара и т. п. Паника делает толпу неконтролируемой, способной на такие действия, которые не только не ослабляют, а, наоборот, усиливают смутение и страх и тем самым еще больше осложняют социальную обстановку, а также угрозы действий самой толпы. Логика процесса развития толпы такова: *стресс — страх — паника — толпа*.

По *своему происхождению* финансово-банковская толпа — это *городская* толпа, в которой свои требования предъявляют и мужчины, и женщины. Но в толпе обманутых вкладчиков женщины преобладают, поэтому экзальтация толпы усиливается эмоционально-агрессивными женскими реакциями.

Вместе с тем финансово-банковскую толпу можно рассматривать как составную часть «экономической промышленной толпы». Она более однородна,

¹ Заведующая кафедрой социологии Финансовой академии при Правительстве РФ, председатель Московского отделения Российской социологической ассоциации (РоСА), доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ.

чем другие виды толпы, более единодушна в своих реакциях и упорна в достижении целей, более консолидированная и сильная. Выведенная из себя финансово-банковская толпа, будучи частью экономической, склонна к материальному разрушению, но не к физическому насилию.

Миф третий — *в финансово-банковской толпе отсутствует лидер*. Напротив, российские социальные реалии показали, что в запуске механизма толпы лидеру отводится особое место. Более того, лидер в толпе — фигура не одинокая. Лидеров, как правило, бывает несколько, и действуют они скрытно, исподтишка. Лидер в толпе должен обладать специфическими качествами: склонностью к сильным (силовым) методам воздействия на людей и в первую очередь к психологическому давлению и внушению; сильным характером, мощным голом, динамичностью реакций, умением бросить зажигательный лозунг и немедленно отказаться от него, если его воздействие на толпу оказалось незначительным. Иными словами, лидер толпы по стилю своего поведения — личность авторитетная и авторитарная.

Миф четвертый — *охлократия, власть толпы в экономической сфере — явление случайное, не имеющее объективных причин*. Это извращение истины.

Охлократия проявляется, когда государство переживает кризис (политический, социально-экономический, идейно-духовный), когда ослабевают, а то и становятся беспомощными властные институты. Проявление охлократии неразрывно связано с потерей доверия населения к политической власти, ко всем властным институтам, поддерживающим существующий порядок. Разве возможны были бы многочисленные выступления толпы обманутых вкладчиков с ее требованиями «в отставку президента страны», «под суд воров-банкиров» и тому подобными, если бы доверие вкладчиков к этим социальным институтам не было резко подорвано?

Развитию охлократии способствует бездействие высших эшелонов власти. Власть толпы динамична, напориста, скоропалительна, краткосрочна. Речь идет об эффекте быстрого, неожиданного и эффективного воздействия. Расчет на то, что удастся запугать слабонервных правителей, вызвать у них чувство страха, скованности и оцепенения, заставив их отступить под шумным и циничным пресингом раскованных эмоций. Российская действительность показывает, что такая тактика нередко себя оправдывает.

Охлократия по сути деструктивна. Один из парадоксов перестройки состоит в том, что ее деструктивное начало, идейно питавшее охлократию, заключалось в лозунгах «Долой!», упорно бросааемых официальной пропагандой и лидерами страны.

Толпа ничего не создает, но жестоко разрушает и осуждает. Это положение оказалось мифическим. Жизнь показала, что консолидированные действия оступившей толпы обманутых вкладчиков привели к созданию НПО по защите их интересов, инициировали принятие закона о страховании вкладов и действий по защите потребителей банковских услуг.

Миф пятый — *действия экономической толпы спонтанны и не поддаются контролю*. Но социологический анализ действий толпы обманутых вкладчиков показал, что охлократия имеет не только свою стратегию и тактику, но и социально-психологический механизм действия и распространения в сфере экономики и финансов. На его первом этапе развивается психологический процесс эмоционального «заражения» и самовозбуждения толпы. Толпа быстро «заражается» эмоциональным состоянием окружающих, воспринимает их негативные настроения, агрессивные чувства. Как правило, мощная эмоциональная психологическая волна захлестывает массу людей. Второй этап — этап психологического внушения. На этой стадии толпа становится восприимчивой к передаваемым ей простейшим идеям, не нуждающимся в логическом обосновании, объяснении или убеждении. Внушаемость толпы огромна. Третий этап — деструктивных действий толпы: от захвата помещений, блокирования зданий государственных учреждений, банков или промышленных предприятий, их разгрома до применения физической силы против противников или виновников социальной несправедливости, обмана населения (пример — действия толпы в ответ на монетизацию льгот).

Эпилог действия механизма охлократии — самоликвидация толпы, или ее «разрушение» (то есть разгон силами правопорядка в рамках легальности и законности). Речь идет о законном применении насилия, которого часто стремятся избежать, путая демократию с анархией.

И сюжет заключительный. Конфликтогенная сила экономической толпы содержит угрозу для социально-политической, экономической безопасности общества, а в начале нового столетия — и его информационной безопасности.

В условиях демократии угрозы толпы не ослабевают, а усиливаются. Особенно в условиях социального недовольства лавинообразным понижением уровня жизни, ростом цен и гиперинфляцией. Открытое социальное недовольство населения в форме протестных акций завершает своего рода «инкубационный» период «созревания» толпы.

Самые большие угрозы возникновения синдрома толпы кроются в бедности населения, в безработице и в ущемлении социальных прав человека на труд, жизнь, жилье и здоровье, образование, медицинскую помощь. Устойчивое сохранение такого состояния социальных групп и слоев населения неизбежно приближает экстремальный уровень социального недовольства со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями для стабильности общества, для доверия к власти, к ее банковской системе, к работодателю и собственнику.

Выводы:

1. Толпа является универсальным социальным явлением, проявление которого возможно в любой стране с рыночной экономикой, независимо от уровня ее развития и политического строя.
2. Социальная база толпы в российском обществе при переходе к рынку резко изменилась, и бедность стала ведущим мотивом спонтанного возникновения толпы и ее деструктивного действия.
3. Социально-психологический механизм образования экономической толпы и ее развития носит

интернациональный характер. Но формы поведения толпы, уровень ее агрессивности, деструктивный потенциал и эмоциональность зависят от особенностей национальной психологии, этнической ментальности.

4. Чем выше в обществе уровень социального недовольства проводимой властью внутренней политикой, тем выше социальная напряженность и вероятность спонтанного возникновения эффекта толпы.

5. Пренебрежительное отношение власти к соблюдению принципа социальной справедливости в обществе увеличивает вероятность возникновения и экономической, и политической толпы, а также ее деструктивных действий.

По данным социологического мониторинга общественного мнения, в настоящее время в целом «не устраивает жизнь, которую люди ведут», минимум 25 % россиян. Считают вполне возможными массовые выступления против падения уровня жизни 22 % россиян. Из них 17 % выражают готовность принять в них личное участие.

6. Толпа и демонстрация — явления не тождественные, имеющие принципиальные различия. Однако в случае внешней или внутренней провокации среди участников демонстрации она может быстро перерасти в гневную, беспощадную толпу. Вместе с тем возникновение толпы (особенно городской) и ее

* * *

О. Т. БОГОМОЛОВ: — Галина Георгиевна, то, что Вы сказали, очень существенно для этой аудитории, потому что экономические проблемы нужно решать с учетом социальной психологии, и в том числе действий толпы. Ваш доклад мне напомнил книгу Сержа Московичи «Век толп», недавно переведенную на русский язык. Автор в число признаков толпы включает непременно наличие лидера. Мне кажется, это очень важный признак: у толпы появляется лидер со своими взглядами, который подчиняет поведение и сознание людей, и они слепо идут за ним, не размышляя критически о существующей ситуации.

То, что Вы говорили об экономической толпе, применимо ли к толпе вообще? Толпа ведь может руководствоваться в своем поведении не только экономическими мотивами. Может быть, нам надо в более широком плане рассматривать толпу как фактор экономического развития.

Г. Г. СИЛЛАСТЕ: — Спасибо за интересный вопрос. Эффект толпы наблюдается везде — вспомните события, связанные с мигрантами, в Германии, Франции, Португалии; теперь это касается даже Африки. Конфликтотенный фактор выступает одновременно будирующим фактором. Я считаю, что это универсальное явление, с которым каждая страна будет работать по-своему. Но в этом универсальном явлении есть специфические грани — экономической, политической толпы. И, пожалуй, одна из особенностей состоит в том, что если экономическая толпа не получает разрешения, не удовлетворяет свой аппетит в протестном действии, она обязательно будет втянута в политическую толпу. Это как ресурс политической толпы. Экономическая толпа может легко перейти от требования «Верните вклады» к лозунгу «Верните все, что я потерял в этой стране», а это уже практически политическая де-

действия могут стать началом социальной консолидации и организованных демонстраций в обществе.

На данном этапе сравнительных исследований на тему толпы нигде нет. Мы искали и в библиотеке Конгресса США, и в целом ряде других источников, но пока мы не имеем такого фактурного материала, который дал бы нам возможность наложить нашу матрицу на эти исследования. Однако социологи (особенно немецкие) признают, что социальные взрывы в обществе будут приобретать определенно общий характер. Поэтому изучение бунтов в России, я думаю, может помочь в анализе этого феномена в других странах; возможно, что-то общее и будет обнаружено. Правда, например, Франция, Португалия, Италия имеют свою специфику. Раньше мы никогда не исследовали экономическую толпу — честно говоря, мне казалось, что это не наш феномен. Но с учетом того, что сейчас идет процесс очередного заражения населения, на этот раз кредитоманией, данная тема становится актуальной. Последствия этого процесса могут быть катастрофическими, потому что законодательство дает право очень жестко действовать в отношении тех, кто не в состоянии выплатить кредит. По последней справке, которую мы получили из Центрального банка, у нас примерно 69 % граждан, обратившихся в банки, скорее всего, неплатежеспособны. Чем это закончится?

монстрация. Таким образом экономическая толпа становится мощной политической, трудно управляемой толпой. В этом заключается угроза, и эти явления надо изучать, тем более что раньше у нас не было феномена финансово-экономической толпы.

Г. А. НОРКИН¹: — Тема очень интересная, и у вас, Галина Георгиевна, очень высокая профессиональная компетенция. Но социологи меня, как психолога, все время удивляют. Вы используете, например, термин «возраст дожития» применительно к пенсионерам. Почему для обманутых вкладчиков необходимо вводить термин «толпа»? Если я обманут, то я, что, член толпы? Но я не виноват в том, что обманут, виновато государство. И я никогда не пойду громить банки. Ни в коем случае нельзя использовать термин «толпа» для обозначения несчастных, обманутых людей.

Г. Г. СИЛЛАСТЕ: — Во-первых, толпа была, есть и будет независимо от того, хотим мы или не хотим ее видеть. Толпа рождается на базе длительного ущемления интересов людей и принципов социальной несправедливости. Это закон. Так было 100 и 150 лет тому назад. И так есть и сегодня в России.

Во-вторых, надо трезво смотреть на вещи: сегодня как минимум 25 % российского населения говорят, что их не устраивает жизнь, которую они ведут, 22 % считают вполне возможными массовые выступления против падения уровня жизни, из них 17 % выражают готовность принять в них личное участие. Поэтому странно будет, если возникшие вдруг эффекты толпы, спонтанные протесты окажутся неожиданностью для властей.

В-третьих, толпа не существует постоянно, это всегда ответ на длительное пренебрежение к инте-

¹ Доцент кафедры управления СПбГУП, кандидат философских наук.

ресам людей. Вспомним реакцию пенсионеров на монетизацию льгот. Выплески толпы были абсолютно спонтанны. На улицу вышли люди, которых никто, ни одна партия к этому не призвала. Поэтому я считаю, что не признавать и не изучать механизмы действия толпы в нынешних экономических условиях России — это по меньшей мере политическая близорукость. В научном же плане это проблема, которая никогда не исчезнет. Масштабы и социальные силы разрушения могут быть разные. Дай бог, чтобы у нас не было всеобщего разрушения.

В. М. ПОЛТЕРОВИЧ: — Я считаю, что изучение толпы крайне важно. Толпа — эта самая примитивная, первоначальная форма самоорганизации в обществе. И это действительно феномен, который

надо изучать. Вопрос у меня такой. Поскольку это самая примитивная форма самоорганизации, то, кажется, там, где гражданское общество развито, толпа должна появляться крайне редко. Но мы видим, что это не так.

Г. Г. СИЛЛАСТЕ: — Нельзя гарантировать, что в ближайшие два-три года, несмотря на сегодняшнюю эйфорию, мы с вами не столкнемся со спонтанным проявлением недовольства людей, собравшихся по какому-либо поводу с массовым протестом. Но толпу можно использовать, и это важно. Та или иная партия может поднять требования людей до уровня политических. Этот механизм надо учитывать. Не случайно политизация финансово-экономической сферы сегодня так велика.

ДОКЛАДЫ

В. Ф. Богачев¹

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИННОВАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ И ПАРТНЕРСТВА ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Национальная инновационная политика государства в современных условиях глобализации экономики является одним из важнейших факторов партнерства цивилизаций, так как предусматривает промышленный (технический), финансовый, интеллектуальный, трудовой, информационный, инновационный и культурный обмен. Рациональная инновационная политика государства может обогащать культуры других стран и цивилизаций, а может и обеднять их.

Формирование национальной инновационной экономической политики является важной составляющей реформирования российской экономики. Усиление роли интенсивных факторов развития обусловлено сложным характером российской экономики: высокой степенью диверсификации ресурсов; необходимостью вовлечения в производственный процесс организационно-административного, технического и научного потенциала, размещенного на огромной территории; современные тенденции в мировом экономическом процессе, ориентированные на использование преимущественно интенсивных факторов; необходимость выбора инновационного пути развития для России. Важность такого выбора, направленного на создание модели национальной экономической политики, имеет особое значение для укрепления единого экономического и политического пространства на всей территории России.

Необходимость перехода к построению принципиально новой, инновационной модели национального экономического развития вполне очевидна. Она обусловлена стремлением к преодолению сырьевого варианта развития, оживлению обрабатывающей промышленности и повышению ее конкурентоспособности, к созданию высокотехнологических производств и дополнительных рабочих мест для высококвалифицированных специалистов. Особен-

но большое значение создание инновационной экономики приобретает в условиях глобализации и актуальности повышения устойчивости развития страны в результате технологической модернизации. Этот процесс большинством исследователей связывается с повышением способности национальной экономической системы к гибкому реагированию на возникающие проблемы за счет постоянного внедрения новых технологий и использования преимуществ межрегиональной диверсификации. Однако отсутствие системного, методологически проработанного подхода к формированию национальной экономической политики является серьезным препятствием на пути к построению инновационной экономики.

Следует отметить, что процесс глобализации, приобретающий в последние годы все большие масштабы, имеет вполне определенные позитивные и негативные последствия. К первым из них можно, в частности, отнести:

- дальнейшее углубление специализации и международного разделения труда;
- выигрыш от свободной торговли на многосторонней и взаимовыгодной основе;
- стимулирование дальнейшего развития новых технологий и их распространение среди национальных экономик;
- усиление «эффекта масштаба»;
- повышение уровня конкуренции за счет достижения «ключевых компетенций»;
- увеличение объема финансовых ресурсов за счет более разнообразного инструментария на различных рынках;
- создание предпосылок для решения глобальных социально-экономических задач.

К числу негативных последствий процесса глобализации относятся:

- вероятность перехода контроля над национальными экономиками развивающихся стран от суверенных правительств к транснациональным компаниям;

¹ Президент Балтийского инновационного фонда, доктор экономических наук, профессор.

- усиление неравномерности экономического развития отдельных групп стран;
- дестабилизация рынков и национальных экономик вследствие их возрастающей взаимозависимости на мировом рынке;
- возможная вероятность деиндустриализации национальных экономик;
- неравномерность распределения преимуществ глобализации между отдельными отраслями национальной экономики.

Для успешного функционирования экономики в условиях глобализации государству надо рассмотреть возможность создания национальной инновационной системы для решения целого ряда задач:

- формирование и развитие национальной инновационной политики государства;
- стимулирование новых перспективных разработок государственного значения и формирование механизма их отбора;
- первоочередная поддержка государственных инновационных программ и проектов;

- усиление целевой ориентации экономики на решение приоритетных для национальной экономики задач;
- реконструкция и обновление существующих наиболее эффективных производств;
- формирование спроса на наукоемкую продукцию отечественного производства;
- проведение эффективной региональной политики в сфере научно-технической и инновационной деятельности;

Создание национальной инновационной системы позволит эффективно реализовать основные функции управления жизненным циклом инноваций, связанных с генерацией новых идей; коммерциализацией нововведений; подготовкой и повышением квалификации кадров; ресурсным обеспечением инновационной деятельности; координацией и регулированием деятельности организаций, занятых в сфере инновационного бизнеса; контролем за процессом реализации инновационных проектов и программ.

А. С. Большаков¹

ПАРТНЕРСТВО И КОНФЛИКТНОСТЬ ЦИВИЛИЗАЦИЙ: КОНЦЕПЦИЯ ОПТИМАЛЬНОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ДУХОВНОГО РАЗВИТИЯ

Цивилизация (от *лат.* *civilis* — гражданский, государственный) — специфическая совокупность материальных, экономических, правовых, культурных и духовных достижений социальной организации. Главные вопросы, стоящие перед учеными и теологами разных эпох, что или кто обуславливает указанную синергию составляющих достижений, является ли цивилизация предпосылкой культуры, ее проекцией или следствием, что или кто обуславливает партнерство или конфликтность цивилизаций? Например, в концепциях И. Канта, Н. Я. Данилевского, О. Шпенглера понятия «цивилизация» и «культура» вовсе не являются синонимами. Более того, утверждается, что цивилизация является показателем будущего упадка культуры и гибели социального образования (социальной организации). А. Д. Тойнби, например, рассматривает цивилизацию как отрезок истории, специально и изолированно создаваемый учеными для удобства исследований. Целостность каждого отрезка и определяет ограничение одной цивилизации от другой. Согласно социологической концепции Л. Уайта, цивилизация — это неразрывный комплекс технического и материального оснащения, социальной организованности и ее философии (упорядоченных категорий и ценностей) принимаемых большинством. В марксизме цивилизация рассматривается через призму разделения труда, классовые и экономические отношения. Вводится понятие «общественно-экономическая формация». Современные цивилизационные концепции акцентируют внимание на комфорте, общности в потребностях (концепция «общества потребления») и относительной бесконфликтности социального образования. Должны быть упомянуты и сугубо этнические

(пассионарные) концепции формирования цивилизаций, имеющие внутренние жизненные фазы, свою историю (Л. Н. Гумилев и др.). Также интересна научная позиция, утверждающая, что движущей силой формирования цивилизации является основополагающая религия, привнесенные духовные ценности в социум.

Обращает на себя внимание то, что большинство цивилизационных концепций мало учитывают соотношение уровней экономического и духовного развития. Значимость и влияние духовных категорий («влияние духа», «благодать», «промысел», «грех» и др.) игнорируется или употребляется только в богословском или религиозном аспектах.

Историческая и духовные практики показывают и объясняют нам, что экономические и духовные интересы могут находиться как в синергии, так и в конфликте друг с другом. Зависть, похоть, стремление к материальным благам и легкой наживе, корысть, искусственно создаваемые, мифологизированные ценности весьма часто приводили властную личность к вполне закономерным экономическим и военным результатам, меняющим не только этническую, но и политическую географию.

Для понимания проблемы «партнерство–конфликтность» цивилизаций будет полезна оптимизационная модель, показанная на рис. 1.

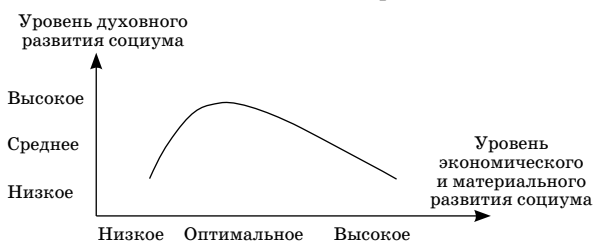

Рис. 1. Пример оптимума экономического и духовного развития

¹ Профессор кафедры управления СПбГУП, доктор экономических наук.

Из рисунка видно, что существует некий оптимальный уровень экономического развития отдельного социального образования, обеспечивающий максимальный внутренний духовный комфорт, минимальную конфликтность, одухотворенность социума. Причем под духовным развитием, видимо, можно и нужно понимать не только комплекс морально-социальных и культурных норм, которые могут быть антиправственными (бессовестными), но и комплекс внутренних установок человека, складывающихся из таких переживаний, как «бескорыстие», «любовь к ближнему», «жалость», «равнодушие к поиску только материальных богатств», «удовлетворенность от самоограничений, внутренней работы над собой, делания добра».

При очень низком и очень высоком уровне экономического развития общества мы можем наблюдать спад и духовного развития, как, например, в беднейших странах Африки (военные конфликты, месть, коррупция, терроризм) или в богатейших странах Европы и США (страсть к получению удовольствий, к материальному потреблению). Возможны ситуации, когда довольно низкий уровень экономического развития обеспечивает весьма высокий уровень духовного развития (Тибет, Непал, Горный Китай, Индия), равно как и при высоком экономическом уровне могут быть достигнуты высокие духовные результаты. Вывод очевиден: уровень общности и уровень развития цивилизаций может быть оценен мерой синергии экономического и духовного в своем единении. В контексте партнерства-конфликтности цивилизаций, видимо, существуют некие общие (близкие друг к другу) оптимальные уровни экономического и духовного развития социальных образований, при которых экономическая и духовная интеграция максимальна (рис. 2). Из рисунка виден желаемый теоретический идеал: при некоей минимальной дифференциации общества должен быть обеспечен макси-

мальный уровень интеграции духовной, которая способствует экономической интеграции и приближает ее к оптимальной. Рассматривая цивилизацию как меру синергии экономического и духовного, можно приблизиться и к пониманию критериев сближения и разъединения социальных образований — цивилизаций. Если уровни экономической и духовной интеграции отдельных социальных образований (цивилизаций) находятся в синергии, то обеспечивается цивилизационный резонанс, максимум духовной интеграции при оптимальном уровне экономической. Такое взаимодействие можно назвать партнерством. Именно в нем начинает обретаться и строиться новая доминирующая культура. В противном случае неизбежны конфликты.

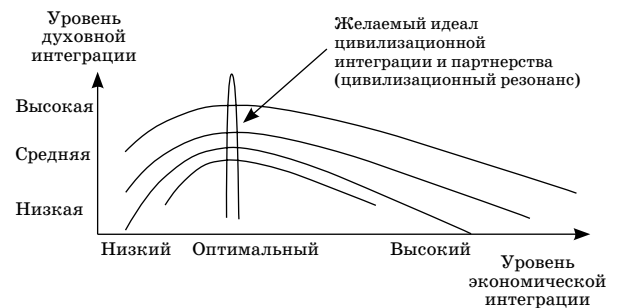

Рис. 2. Оптимальность духовной и экономической интеграции: цивилизационный резонанс

К сожалению, мир в целом еще не готов к осознанию того, что развитие цивилизации (как духовной и экономической общности) является не проекцией блефовой мифологизированной псевдокультуры большинства, антиправственной морали, помноженной на экономически обоснованную корысть, лицемерие и стремление к удовольствиям, а проекцией смирения, внутренней работы, терпимости, толерантности, бескорыстия и добра.

В. К. Воробьев¹

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ И ПАРТНЕРСТВО ЦИВИЛИЗАЦИЙ: СУЩНОСТЬ И ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ МИРОВОГО РЫНКА ТРУДА

Одним из факторов взаимодействия и партнерства цивилизаций является интеллектуальная миграция. Она может проявляться свободно, когда человек или группа людей экономически относительно независимо перемещается из региона (страны) с одной культурой в регион (страну) с другой культурой в поисках лучших экономических условий образования и жизни для себя лично или для своей семьи (клана, рода, тейпа и т. д.), и вынужденно, когда человек или группа делает это в зависимости от чего-либо. Эти процессы воздействуют как позитивно, так и негативно на культуру принимающих стран, меняют ценности различных цивилизаций, могут обогащать, а могут и обеднять культурируемые в них духовные и интеллектуальные ценности.

В современной России, равно как и во многих других «свободных» странах, появились новые приоритеты в социальной и экономической областях. Доступным для граждан бывшего СССР стало перемещение по всему миру в поисках лучшей жизни и лучшей судьбы для своей семьи. Интересы таких граждан «неожиданно» совпали с интересами работодателей за рубежом. Открытие границ стран бывшего социалистического лагеря и СССР привело к массовой миграции трудоспособного населения.

В 1930-х гг., когда США получили монополистическую возможность отбора ученых — беженцев из фашистской Германии, возникла своеобразная миграция населения в результате переманивания высококвалифицированных специалистов, так называемая «интеллектуальная миграция», или «утечка мозгов». Существуют различные трактовки понятия «интеллектуальная миграция». Одна включает миграцию научно-технических специалистов

¹ Доцент кафедры экономики СПбГУП, кандидат исторических наук.

и творческой интеллигенции, другая, более широкая, подразумевает весь комплекс миграционных потоков квалифицированных кадров.

За счет привлечения иностранных специалистов на рынки труда развитых стран создается конкуренция не только между местными и вновь прибывшими работниками, но и среди самих иммигрантов. Это способствует снижению зарплаты и повышению интенсивности труда иностранных специалистов. Кроме того, оставшаяся невостребованной часть ученых и специалистов вообще не используется в соответствии с их профессией. Однако такие явления мало кого останавливают, и поток квалифицированных работников из бывшего Советского Союза не сокращается и даже имеет тенденцию к увеличению. Результаты подобных перемещений прискорбны, так как людские ресурсы, особенно квалифицированные и интеллектуальные, теряются невосполнимо.

В 1990-е гг. основным стимулом интеллектуальной эмиграции из России стали внутренние, прежде всего экономические, факторы. Основной причиной выезда из России является материальный фактор, поскольку разница в оплате труда ученых в России и странах Запада многократно, а уровень финансирования российской науки в настоящее время достаточно низкий. Другими причинами могут быть также нестабильная ситуация в стране и низкий уровень правовой защищенности ученых и защиты интеллектуального права.

В современном мире большой размах приобрела межгосударственная интеллектуальная миграция. Между странами перемещаются значительные контингенты трудовых ресурсов таких специальностей и профессий, как артисты, спортсмены, художники, композиторы, писатели, но самым массовым и играющим наибольшую роль в развитии мирового научно-технического процесса является сектор интеллектуальной межгосударственной миграции, который и формирует международный и внутригосударственные рынки научного труда. Включение ученых стран Восточной Европы и бывшего СССР в мировой рынок интеллектуального труда позволяет говорить о том, что межгосударственная миграция научных кадров приобрела, по существу, глобальный характер.

Заметно возрастает активность стран третьего мира в привлечении ученых, которые, в отличие,

например, от США и Германии, предъявляют спрос на научные кадры не только высшей, но и средней квалификации. Большой спрос на ученых, в первую очередь на профессорско-преподавательский состав, существует в Китае. Не скрывают своего интереса к ученым из стран Восточной Европы и СНГ Иран и Ирак, заинтересованные в первую очередь в притоке специалистов в области ядерных, химических, биологических технологий и готовые платить им даже больше, чем в некоторых развитых странах. Существует спрос на специалистов, прежде всего по адаптации новых и новейших технологий, в Индии, Пакистане, Объединенных Арабских Эмиратах и ряде других стран.

Количественные показатели масштабов интеллектуальной миграции не позволяют в полной мере оценить реальное положение дел, когда речь идет о миграции работников интеллектуального творческого труда. Мировой рынок высококвалифицированного интеллектуального труда предъявляет спрос прежде всего на ученых, уже добившихся значительных результатов, и перспективную талантливую молодежь, которая представляет значительный интерес для будущей науки. Наибольшим спросом пользуются специалисты в тех научных областях, которые определяют основные тенденции развития современной науки и технологии, — в физике, математике, вычислительной технике, биологии, химии, медицине, космических исследованиях. Специалисты именно из этих областей «утекают» из России в наибольшей степени.

Очевидно, что в России назрел вопрос о разработке целостной системы государственного регулирования национального рынка труда с учетом влияния на него мирового рынка рабочей силы. Необходимо также учитывать экономические интересы страны-донора, которая несет материальные затраты по подготовке интеллектуальных работников. По мере вовлечения нашей страны в мировой миграционный оборот возникает потребность в системе социально-правовой защиты эмигрантов, в организации консультационной юридической помощи для выезжающих и въезжающих в страну, в оказании помощи при заключении трудовых контрактов. При этом необходимо, чтобы такая политика строилась на основе двух- и многосторонних межгосударственных соглашений. Опыт подобного сотрудничества уже имеется в мировой практике.

М. А. Гусаков¹

ИННОВАЦИОННЫЙ ИМПУЛЬС РАЗВИТИЯ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ПАРТНЕРСТВА ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Основная мировая экономическая тенденция в контексте партнерства цивилизаций очевидна: комплекс «Наука–Образование–Инновации» (НОИ) развивается не автономно, а в первую очередь во взаимодействии бизнеса, капиталов, финансов стран Запада, США, Японии, Южной Кореи, Китая. В этот комплекс активно включаются Мала-

зийский регион, Филиппины, Индия, некоторые страны Африки, Южной Америки и др. Этот комплекс является образцом для нашей страны, поскольку имеется очевидное отставание в количественном и качественном развитии всех трех составляющих.

В промышленно развитых и постиндустриальных странах до 85 % прироста ВВП формируется за счет новых знаний, реализуемых в наукоемких технологиях, информационных, коммуникационных

¹ Директор Института проблем региональной экономики РАН, доктор экономических наук, профессор.

системах, технике и оборудовании, научной организации производственных процессов, в создании социально развитого общества. Происходит рост масштабов инновационной деятельности. НИОКР занимает все большую долю в инвестиционных расходах, превышая в наукоемких отраслях расходы на приобретение оборудования и строительство¹. Если в начале 1990-х гг. производство наукоемкой продукции в мире возрастало с темпом 6,2 % в год, а производство обычных промышленных товаров увеличивалось только на 2,7 %, то в начале XXI в. объемы производства наукоемких отраслей возросли на 11 % в год, что было вчетверо быстрее, чем в остальных отраслях². Кроме того, происходит рост диверсификации организационных форм предпринимательской деятельности, на рынке уживаются крупные вертикально интегрированные структуры и малые предприятия, развиваются сетевые организации, виртуальные корпорации, стратегические технологические альянсы и другие формы ведения бизнеса. Так, с 1990 по 1999 г. количество международных стратегических технологических альянсов увеличилось с 3 тыс. до почти 60 тыс.³ При этом вновь созданные альянсы намного превосходят по размерам те, что были созданы до 1990-х гг. Создание международных стратегических альянсов характерно для всех отраслей экономики, но лидируют наукоемкие отрасли — телекоммуникации, фармацевтическая промышленность, автомобильная промышленность, авиационное, деловые услуги.

Доля промышленности в финансировании российской науки составляет сегодня, по предварительным оценкам, 20,7 %⁴, тогда как в США она равна 68,5 %, в Германии — 61,7 %, Швеции — 67,7 %, Великобритании — 47,3 %, Японии — 72,6 %. При этом, превосходя развитые страны по количеству ученых на 10 тыс. занятого в экономике населения, Россия в последние годы существенно отстает от них по уровню технологического развития. Так, в США доля высокотехнологичной продукции в общем объеме произведенной на экспорт продукции составляла в 1998 г. 32 %, в Европейском союзе — 16 %, а в Ирландии — 45 %. В России аналогичный показатель в объеме отгруженной продукции в 2003 г. составил 9,6 %⁵.

Доминирующую роль в экономике, основанной на знаниях, играет интеллектуальный капитал отдельного индивидуума, предприятия, региона и страны в целом. По оценкам специалистов, рыночная стоимость интеллектуального капитала в крупнейших компаниях мира превышает балансовую стоимость материальных активов более чем в 4 раза⁶. Инвестиции в знания растут быстрее, чем инвестиции в основные фонды (4 % в год по сравнению

с 2,2 % в среднем в 1990-е гг. для стран ОЭСР)⁷. Согласно отчету стран Евросоюза, увеличение инновационного потенциала на 1 % приводит к увеличению ВВП на душу населения на 100–400 евро⁸.

В настоящее время на долю семи высокоразвитых стран (из примерно 150 стран с экономикой рыночного типа) приходится около 80–90 % наукоемкой продукции и весь ее экспорт. Доля России составляет только 0,3 %. Страны «Большой семерки» обладают 46 из 50 макротехнологий, которыми владеет мир, включающих совокупность технологических процессов (НИОКР, подготовка производства, само производство и сервисная поддержка проекта) по созданию определенного вида продукции с заданными параметрами. Из этих технологий 22 контролируются США, 8–10 — Германией, 7 — Японией, по 3–5 — Великобританией и Францией и по одной приходится на Швецию, Норвегию, Италию и Швейцарию. Другие страны контролируют лишь 3–4 такие технологии. Россия в настоящее время также сохраняет контроль над одной макротехнологией⁹. Однако, по ряду оценок, по 12 макротехнологиям наша страна сохраняет потенциал, позволяющий догнать развитые страны¹⁰.

В современном мире признаком эффективности общества и государства является его переход на инновационный тип развития с использованием новых технологий и образовательных инноваций, направленных на совершенствование содержания образования с формированием новаторских качеств у учащихся. Речь также идет о реальном подключении образования к национальной инновационной системе (НИС), что связано не только с расширением научной деятельности в вузах. Намечается системная интеграция науки и образования, создание интегрированных научно-образовательных структур, университетских и межуниверситетских комплексов, научно-учебно-производственных центров и др.¹¹

Важным аспектом современной государственной политики в развитых странах, направленным на повышение качества и эффективности человеческого капитала, является стремление переориентировать часть социальных расходов на развитие образования, профессиональной подготовки и переподготовки кадров. Высок уровень расходов на об-

⁷ Макаров В. Л. Экономика знаний: уроки для России // Вестник РАН. 2003. № 5 [Электронный ресурс]. Электрон. дан. Режим доступа: <http://vovoco.rsl.ru/vv/journal/vran/session/vran5.htm>.

⁸ Статистическая аналитическая база стран ОЭСР (база данных содержит Отчеты Европейской шкалы инноваций в странах мира за 2001–2005 гг.). [Электронный ресурс]. Электрон. дан. Режим доступа: <http://www.trendchart.org>.

⁹ Домбровский В. О научно-промышленной политике России на рубеже веков // Проблемы теории и практики управления. 2000. № 1.

¹⁰ Примаков Е. М. Современная промышленная политика России. М., 2004.

¹¹ Атлантическая модель имеет и определенные изъяны, связанные с недостаточной правовой проработанностью взаимоотношений государственных и некоммерческих организаций. Это предполагает перекачивание бюджетных средств в коммерческие структуры, создание условий для приватизации госучреждений образования, рост цен на образовательные услуги и др. В свою очередь, бизнес часто опасается вторжения государства в свою сферу.

¹ Глазьев С. Ю. В инновационной экономике — будущее России // Парламентская газета. 2000. 17 мая.

² Багриновский К. А. Проблемы управления развитием наукоемкого производства // Менеджмент в России и за рубежом. 2003. № 2. С. 65–76.

³ OECD Science, Technology and Industry: outlook 2000. OECD, 2000. P. 46.

⁴ Наука России в цифрах: 2003: стат. сб. М., 2003.

⁵ Инновации в цифрах: 2004: стат. сб. М., 2005. С. 60.

⁶ Эдвидсон Л. Корпоративная навигация в экономике, основанной на знаниях. М., 2005.

разование: от 5 % ВВП в развитых странах¹. Вклад отраслей, опирающихся на новые знания, в ВВП (доля добавленной стоимости в ВВП) 1998–2000 гг. также весьма велик. Сопоставление показателей для России и стран ОЭСР дает возможность оценить уровень использования знаний в экономике России. Исследования показывают, что уровень использования знаний в экономике России примерно в 1,7–2,3 раза ниже, чем в странах ЕС и ОЭСР². При этом ситуация в области высоких технологий, несмотря на значительный спад в промышленности, заметно лучше, чем по более низкому кругу отраслей.

Явно недостаточно исследований по приоритетным для инновационного типа развития научным направлениям — в науке о человеке, медицине, биотехнологии, бытовой электронике и т. д. и т. п. Отсюда отсутствие нобелевских лауреатов в стране, отсутствие крупных принципиально меняющих качество и образ жизни людей изобретений за последние 50 лет и более. Это же является причиной непривлекательности сферы науки для отечественных и зарубежных инвесторов.

Все это говорит о том, что близкие к нам западные цивилизации дают явственный импульс в направлении развития страны и общества, экономики ее регионов по инновационному типу. Причем этот импульс следует рассматривать в контексте готовности обеих сторон к партнерству, хотя и в форме конкурентного сотрудничества.

В России и в Северо-Западном макрорегионе данный импульс стал находить отклик в последнее время. Проведенная по методике Всемирного банка оценка готовности (по 76 показателям) к переходу стран на модель развития экономики, основанной на знаниях, показывает следующее³: итоговый индекс экономики, основанной на знаниях, по России составляет 5,7, тогда как по США — 8,7, а по Швеции (максимум) — 9,2. И главные наши недостатки состоят в *неготовности институционального режима (индекс 2,4) и информационной инфраструктуры (индекс 5,2)*.

Многое предпринимается в этом направлении — строится сеть инновационно-технологических центров, в последнее время понято высокое значение венчурного бизнеса и формируется система венчурного финансирования высокотехнологичных инновационных проектов⁴. Создано 10 национальных информационно-аналитических центров, в том числе центров по мониторингу инновационной инфраструктуры научно-технической деятельности и региональных инновационных систем (РИС)⁵. Предложено создание в регионах автоматизированных центров инновационно-информационного обеспе-

чения для обновления и эксплуатации инновационных банков данных и знаний⁶.

Всего около 200 объектов инновационной инфраструктуры сформировано в РФ в рамках Федеральной целевой научно-технической программы «Исследования и разработка по приоритетным направлениям развития науки и техники на 2002–2006 гг.», в том числе в сфере высоких технологий: технопарки, ОЭЗ, центры трансфера технологий, национальная индустрия венчурного инвестирования, система бюджетных и внебюджетных фондов, кадровая инфраструктура (инновационный менеджмент), информационная инфраструктура (в частности преобразование Государственной системы научно-технической информации в Национальную информационную систему научной, научно-технической и инновационной деятельности (НИСНИД), созданы Национальные информационно-аналитические центры с базами данных (результаты и потенциал), инфраструктура продвижения результатов научно-технической деятельности на рынки⁷.

Основными инструментами реализации государственной инновационной политики являются федеральные целевые программы и инструменты, основанные на государственно-частном партнерстве (Инвестиционный фонд России, Российская венчурная компания и др.).

Главными направлениями государственной политики РФ в области науки и инноваций в 2005–2007 гг. были совершенствование механизмов программно-целевого финансирования, в том числе определение новых приоритетных направлений и критических технологий, формирование механизмов и инструментов стимулирования инновационной деятельности (венчурные фонды, технопарки, косвенные механизмы регулирования). Основная деятельность правительства была сосредоточена на разработке, согласовании и утверждении нормативно-правовых документов, касающихся сферы науки и стимулирования инновационной деятельности. В 2006 г. были приняты поправки в Федеральный закон РФ «О науке и государственной научно-технической политике», а также в часть IV Гражданского кодекса, посвященные правам на результаты интеллектуальной деятельности. В то же время именно из-за того, что институциональные условия только формировались, практические меры в области реструктуризации государственного сектора науки и создания новых организационных форм осуществлялись в очень скромных масштабах.

В области программно-целевого планирования началась разработка нового для России метода — технологического форсайта. В России разработка метода технологического форсайта, как и многих других инициатив, пошла по ведомственному принципу. Министерство образования и науки, Мининформсвязи, Минпромэнерго стали формировать собственные процедуры технологического форсайта⁸.

⁶ Развитие инновационной активности регионов: информац.-метод. матер. к семинару представителей Уральского федерального округа. Челябинск, 11–12 мая 2006 г.

⁷ Суворинов А. В. Основные результаты и проблемы вопросы развития в РФ НИС // Инновации. 2007. № 9 (107).

⁸ Министерство промышленности и энергетики РФ. [Электронный ресурс]. Электрон. дан. Режим доступа: <http://www.minprom.gov.ru/activity/strategy/appearance/2>.

¹ OECD Science, Technology and Industry: outlook 2002. OECD, 2002.

² Экономика знаний: уроки для России: [науч. докл.]. М., 2002.

³ Доклад о развитии человеческого потенциала в РФ за 2004 год / под общ. ред. С. Н. Бобылева. М., 2004. С. 22–24.

⁴ Нарышкин С. Инновационная составляющая инвестиционных процессов // Вопросы экономики. 2007. № 5.

⁵ Суворинов А. В. Повышение инновационной активности регионов: матер. Всерос. совещания, 23 марта 2006 г. [Электронный ресурс]. Электрон. дан. Режим доступа: <http://www.mii.ru>.

Одновременно Министерство образования и науки завершило начатый в 2005 г. пересмотр перечня приоритетных направлений и критических технологий. В итоге на смену 9 приоритетным направлениям и 52 критическим технологиям пришел перечень из 8 приоритетных направлений и 35 критических технологий.

В развитие Основ политики РФ в области развития науки и технологий на период до 2010 г. и дальнейшую перспективу Межведомственной комиссией по научно-инновационной политике при Минобрнауки России принята «Стратегия развития науки и инноваций в РФ на период до 2015 г.»¹ Объем прямых и венчурных инвестиций фондов в компании высокотехнологичных секторов в 2005 г. оценивается в 11 млрд руб.² Начата реализация 40 проектов создания бизнес-инкубаторов, 42 центров трансфера технологий с государственным участием на базе академических институтов, университетов, государственных научных центров. На развитие инновационно-активных территорий — наукоградов, особых экономических зон технико-внедренческого типа — выделено 700 млн руб. из федерального бюджета на 2005 г.

Предлагается и усиленно разрабатывается новый документ, который может занять промежуточное и связующее положение между Программой и «Стратегией науки и инноваций» — промышленно-инновационная стратегия в качестве главного инструмента системной государственной инновационной политики. Она соединит науку и инновации традиционных отраслей, которые должны стать стратегическими новаторами, с высокотехнологичными секторами экономики. «Стратегией развития науки и инноваций» предусматривается достижение роста обрабатывающей промышленности на 8 % в год, производительности труда к 2020 г. по сравнению с 2002 г. — в 3 раза, снижение энергоемкости ВВП — в 2 раза. Готовится пакет из 14 законопроектов — инновационное законодательство. Он включает внесение изменений в Закон о науке, поправок в Налоговый кодекс — снижение налоговой составляющей в цене научного и инновационного продукта в целях расширения спроса, стимулы спроса на научные исследования, стимулы инвестирования в науку и инновации, стимулирование малых инновационных и научных предприятий. Кроме того, предусматривается законопроект по вопросу распоряжения правами на результаты научно-технической деятельности гражданского назначения — «О передаче технологий» и соответствующие изменения в Гражданский кодекс. В рамках законопроекта «Об инновационной деятельности» речь пойдет в том числе и о стимулировании коммерциализации технологий³.

Разрабатывается модельный закон об инновационной деятельности, предусматривающий рекомендации к плану действий по стимулированию коммерциализации технологий в РФ, научных результатов, становление старт-ап-компаний, привлечение малого бизнеса к инновационному про-

цессу, укрепление сотрудничества между научными организациями и компаниями⁴.

Таким образом, идет ускоряющееся накопление инновационного ресурса (в сферах промышленности, кадров, интеллектуальной собственности, элементов НИС и РИС, в области инвестиционного климата, роста поля наукоемкого производства и т. д.) до порога перехода на инновационный тип развития в полной мере, как в развитых странах, с российской спецификой в построении и функционировании НИС и РИС.

Все это позволит осуществить стратегию инновационного развития страны, опирающуюся на одно из наших главных конкурентных преимуществ — на реализацию человеческого потенциала, на наиболее эффективное применение знаний и умений людей для постоянного улучшения технологий, экономических результатов, жизни общества в целом⁵.

Этот отклик может состоять в опоре на организационный опыт стран Европейского союза по рамочному программированию их перевода на инновационный тип развития. Переход осуществляется по организационным этапам: в 1980-х гг. началась поддержка инноваций по отдельным направлениям, в 1990-х были разработаны механизмы инновационной политики по формированию единого инновационного пространства, а с 2000-го создаются механизмы реализации системного подхода с постепенным переводом процесса в текущий «автоматический» режим воспроизводства исследований и инноваций для инвестирования в экономический рост и занятость. Такого рода график задает очередность и темп реализации приоритетных направлений всех видов.

В рамках разрабатываемой стратегии развития комплекса Наука–Образование–Инновации для Северо-Западного федерального округа рассматривается в качестве одного из возможных проектов разработка такого рода рамочной программы.

Кроме того, и это особенно интересно с позиций развития экономики страны в контексте партнерства цивилизаций, появляется все большая возможность участия России и ее регионов и отдельных организаций в рамочных программах Европейского союза. Особенно широкие возможности для сотрудничества предусматриваются в 7-й Рамочной программе ЕС исследований и технологического развития, где Россию прямо призывают к партнерству в научно-технологической сфере по ключевым приоритетным направлениям на равных со странами Евросоюза условиях.

Следует отметить, что данный импульс уже получил отклик на уровне министра Минобрнауки А. А. Фурсенко, который предлагает включить Россию в качестве ассоциированного члена 7-й Рамочной программы ЕС, что позволит получить доступ к европейским «технологическим платформам», таким образом укрепив и углубив партнерские отношения на основе близости наших цивилизаций.

⁴ Модельный закон «Об инновационной деятельности» // Инновации. 2007. № 1 (99). С. 12–28.

⁵ Путин В. В. Выступление на расширенном заседании Государственного совета «О стратегии развития России до 2020 г.», 8 февраля 2008 г. [Электронный ресурс]. Электрон. дан. Режим доступа: <http://win.mail.ru/cgi-bin/readmsg?id=12025103120000010442>.

¹ Попова Е. В. Будущее России — технологическая держава или сырьевой «придаток»? // Инновации. 2007. № 1 (99). С. 4.

² Там же. С. 5.

³ Там же. С. 6.

С. Ф. Давидюк¹,
Е. П. Давидюк²

«ЭКОНОМИКА ЗНАНИЙ» РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ПАРТНЕРСТВА КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Один из важнейших глобалистических факторов современности — сращивание науки и образования в новую хозяйственную отрасль, «сферу знания», поэтому экономические аспекты новой сферы становятся «экономикой знания» (экономикой науки, высшего профессионального образования и инновационной деятельности). Эта сфера может быть сформирована так, что будет обогащать не только собственную культуру и цивилизацию за счет рациональной экономической, инновационной, научной и образовательной политики, но и культуры и цивилизации других стран, с которыми идет научный, инновационный, культурный и образовательный обмен.

В этой сфере деятельности немаловажную роль играет система государственного регулирования, в особенности система государственного финансирования сферы знаний. При достаточно стабильных характеристиках уровня и тенденций государственного финансирования в ведущих научно-технических державах Россия менее последовательно пытается продвигаться в том же направлении. В 2006 г. Россия израсходовала на все виды образования 0,8 %, а на фундаментальные исследования 0,15 % годового ВВП. Это очень мало по сравнению с СССР (8,8 и 2,3 % от ВВП соответственно) и с западноевропейскими государствами, которые только на одно высшее образование выделяли в 5–6 раз больше (Германия — 5,3 %, Великобритания — 5,0 %, а Франция — 6,0 % ВВП).

Следует отметить, что финансирование высших учебных заведений в России осуществляется не только из федеральных и муниципальных бюджетов; в последние годы часть средств, и довольно значительная, поступает из частных источников. Коммерциализация российского высшего образования, которая также идет в русле глобалистических тенденций, глубоко проникла в систему государственных вузов. Хотя статистических данных, необходимых для оценки этого фактора, нет, для отдельных специальностей (экономика, право, искусство) удельный вес студентов, обучающихся на коммерческой основе, в общем числе обучающихся составляет уже от 40 до 60 %.

Кроме того, за период с 1995 г. в России сформировался новый тип вуза — негосударственный. По последним данным, приведенным Росстатом на своем официальном сайте, в 2006 г. 430 негосударственных вузов (39 % от общего числа) обучали почти 1,2 млн студентов (16 % общего количества студентов в стране), обеспечивая годовой выпуск в 199 тыс. человек (15,8 % выпускников с высшим образованием по РФ).

Уровень коммерциализации высшего образования в нашей стране уже достаточно высок и имеет

стабильную тенденцию роста. Можно констатировать, что эта тенденция приобрела форму одной из черт государственной политики в системе высшего образования. Не касаясь оценок данной тенденции в части качества обучения и социальной роли в обществе, поскольку они далеко не однозначны, следует отметить, что масштабы платных образовательных услуг уже существенны и вполне сопоставимы с размером текущего бюджетного финансирования.

В связи с этим необходимо добавить, что деньги обучающихся активно привлекаются и в других формах российского образования. Так, в дневных общеобразовательных учреждениях РФ на начало 2008 г. на платной основе обучалась 71 тыс. школьников (0,5 %), в средних специальных заведениях — 125 тыс. человек (5,2 %), и темпы роста коммерциализации российского образования не снижаются.

Можно констатировать, что в России уже сформировался довольно значительный рынок платных образовательных услуг. По статистическим оценкам, на январь 2008 г. объем предоставляемых услуг на этом рынке составлял 21,1 млрд руб., что составляет 7,1 % всех услуг в РФ. Размер этих услуг уступает только затратам на коммунальные, транспортные услуги и услуги связи и немного уступает величине оказанных бытовых услуг в стране.

Коммерциализация образования имеет и свои плюсы, поскольку она расширила выбор возможностей для желающих приобрести знания и дипломы, особенно для тех, кто совмещает обучение с работой, и студентов из периферийных районов страны, предоставив им возможность получить образование преимущественно по месту проживания. Но главным стимулом коммерциализации стала систематическая тенденция сокращения бюджетных мест в вузах и экономия государственных средств на образование, что приобрело сложившиеся черты государственной политики в этой сфере. При этом позитивный подход к развитию рынка образовательных услуг не привел к созданию эффективной конкурентной структуры на этом рынке и, следовательно, пока не решает задачи повышения качества предоставляемых услуг.

Сфера науки, как с позиций государственной поддержки, так и в части привлечения частных финансовых источников, остается в более сложном положении, чем образование. Рынок этих услуг отсутствует. Бюджетное финансирование сокращено до минимума, близкого по сравнению со слаборазвитыми странами. В качестве приоритетных направлений остались фундаментальные исследования (0,15 % ВВП, расходуемых для научных учреждений четырех академий в 2006 г.), национальные проекты и отдельные программы Министерства образования и науки, а также ряда ведомств, которые реализуются через полугосударственные фонды и информация о деятельности которых мало известна широкой научной общественности.

¹ Профессор кафедры экономики СПбГУП, доктор экономических наук.

² Доцент кафедры управления СПбГУП, кандидат экономических наук.

В целом этих сумм недостаточно, чтобы реанимировать отраслевую науку, а без нее никакие инновационные программы не могут быть реализованы. Отраслевая наука находится в двойственном положении, когда государство финансирует только единичные приоритетные направления изучения (космос, атомная энергетика, оборона, разведка природных ресурсов), а частнопредпринимательский сектор не хочет, а в отдельных случаях и не может заниматься долговременными и рискованными инвестициями в науку базового сектора экономики. Поэтому инновационная составляющая сферы знаний также нуждается в активизации средств государственного регулирования и поддержки через льготное кредитование, налоговые и таможенные льготы, кооперирование материально-технического обеспечения и финансовых средств, подготовку и переподготовку кадров, государственное стимулирование развития инновационной инфраструктуры.

Другой неоднозначный момент глобализации высшей школы России связан с расширением практики подготовки российских студентов и выпускников за рубежом. Естественная мобильность наиболее талантливой части студенчества и молодых специалистов, приобретение ими знаний, опыта и связей закономерна и похвальна. С экономической точки зрения вызывает возражение лишь то, что значительная часть этой молодежи не возвращается обратно после окончания учебных заведений, оставаясь за рубежом для последующей работы. Для стран «доноров», то есть для тех стран, откуда выезжают студенты и куда не возвращаются, потери достаточно велики, особенно, если их обучение осуществлялось за счет государственных, а не личных средств. Причем следует учесть, что обычно это наиболее подготовленные и активные старшекурсники, выпускники вузов и молодые специалисты, выезжающие для завершения образования или для

получения дополнительного повышения квалификации, что дает им возможность выступать на профессиональном рынке труда за рубежом. По отдельным оценкам специалистов, наша страна ежегодно теряет таким путем от 10 до 15 % выпускников вузов.

Миграция квалифицированных кадров для нашей страны явно нежелательна. Известно, что административно-запретительные меры в этом случае приносят больше вреда, чем пользы. С другой стороны, в последние годы резко сократился и приток в Россию иностранных студентов. Так, по данным Росстата, за 2006/07 учебный год численность иностранных студентов составляла только 42,3 тыс. чел., выпуск молодых специалистов 6,4 тыс. чел. Изменилась и структура иностранных студентов, 67,1 % обучающихся составляли студенты из Китая, Индии и Вьетнама и только 3,3 тыс. чел. (7,8 %) — студенты из стран СНГ и Балтии.

Нашему правительству явно необходимо пересмотреть государственные образовательные программы и условия обучения для привлечения в первую очередь русскоязычной молодежи из стран, ранее входивших в СССР. Россия пока испытывает дефицит неквалифицированной рабочей силы, но, развивая свои базовые отрасли на основе современных инновационных технологий, она должна заранее побеспокоиться о будущем кадровом голоде с учетом демографического спада 2009–2014 гг.

Литература

1. Дусь Ю. П. Интеллектуальная колонизация // ЭКО. 2006. № 2.
2. Абрамова Е. М., Шабунова А. А., Логинов Д. М. Студенты столицы и провинции: социальные ресурсы ожидания // Социологические исследования. 2005. № 9.
3. Бердашкевич А. П. Бюджет образования и науки в 2006 г. // ЭКО. 2005. № 11.
4. www.gks.ru/bgd/regl/08_01.

Н. В. Лашманова¹,
И. Г. Бычков²

ВЫСТАВОЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ — ЭФФЕКТИВНАЯ ФОРМА МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ В ПРОЦЕССАХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ

В условиях глобализации и необходимости поиска средств и инструментов партнерства цивилизаций требуется изучить возможности и перспективы взаимодействия государств во всех сферах деятельности. Это касается и выставочного бизнеса, который в настоящее время стремительно развивается и, несомненно, оказывает влияние на культуру и экономические отношения. Одной из отличительных особенностей современной цивилизации является переход развитых стран от так называемой индустриальной экономики к сервисной. Несомненно, это связано с превращением услуг в движущую

силу хозяйственного развития любой страны. Этот процесс требует изменения мировоззрения руководителей и корректировки стратегий развития предприятий, в первую очередь менеджмента и маркетинга. Изменяется и содержание международных экономических отношений — расширяется мировое рыночное производство, интенсивно развивается движение услуг, создаются новые формы делового общения. Выставочная деятельность вносит существенный вклад в развитие национальных экономик и способствует расширению международных экономических отношений, партнерству культур и цивилизаций.

Выставочная деятельность довольно быстро развивается сейчас во всем мире. Ей уделяется большое внимание в Америке, Японии, в большинстве

¹ Заведующая кафедрой управления СПбГУП, доктор технических наук, профессор.

² Директор по маркетингу ВО «РЕСТЭК», кандидат экономических наук.

ведущих стран Западной Европы: Франции, Великобритании, Испании, и особенно в Италии и Германии. Эти страны являются лидерами выставочного бизнеса в мировой хозяйственной системе.

В настоящее время в системе международных экономических отношений (МЭО) особую актуальность приобретает развитие как национальной, так и международной выставочной деятельности. Национальные выставки представляют научно-технические и экономические достижения страны, на них обычно демонстрируются передовые технологии и новая продукция ведущих отраслей экономики. Национальные выставки могут проходить как внутри страны, так и за ее пределами. Международный характер и значимость имеют выставки, если на них демонстрируются мировые тенденции развития определенного направления или отрасли, если они содействуют международной интеграции и сотрудничеству. Как правило, международный статус приобретают выставки, которые официально зарегистрированы, внесены в реестр соответствующей международной организации и отвечают ее официальным требованиям-критериям. В современных условиях развития МЭО выставочная деятельность требует более глубокого анализа и оценки факторов, влияющих на ее функционирование, определение конкретных целей и задач, оценки результативности выставочных мероприятий.

Для того чтобы оценить результаты выставочно-ярмарочной деятельности, необходимо ввести понятие «выставочная эффективность». Если под экономической эффективностью в классическом плане понимать выраженное в цифровом эквиваленте отношение достигнутого результата к затратам времени, денег и других ресурсов на его достижение, то выставочная экономическая эффективность — это отношение результата от выставочных мероприятий ко всей совокупности затрат, сопровождающих данный процесс. Кроме того, экономическая эффективность выставочно-ярмарочной деятельности (ВЯД) — это многообразный, по всем этапам процесса, результат, отвечающий конечным и промежуточным целям осуществления ВЯД.

Для оценки выставочной эффективности должны существовать свои показатели. Показатели коммерческой эффективности характеризуют соотношение финансовых затрат и результатов, обеспечивающих требуемую норму доходности. Основным показателем коммерческой эффективности служит финансовый поток реальных денежных средств, который рассчитывается как разность между их притоком и оттоком по каждому виду инвестиционных проектов за период их осуществления.

Показатели бюджетной эффективности отражают влияние осуществляемого инвестиционного проекта на повышение доходов и снижение расходов

соответствующего бюджета как федерального, так и регионального или местного уровня управления. Здесь основным показателем выступает бюджетный эффект. Он определяется как превышение доходов соответствующего бюджета над его расходами за период осуществления выставочного проекта.

Показатели экономической эффективности определяют основные экономические результаты проекта с учетом интересов государственных, федеральных, отраслевых и других организаций и хозяйственных субъектов. При расчете показателей эффективности на уровне народного хозяйства в их состав включаются в стоимостном измерении следующие результаты:

- конечные экономические результаты, в том числе выручка от реализации продукции или услуг на внутреннем и внешнем рынке;

- социальные результаты, рассчитанные из совместного воздействия всех участников проекта на рост человеческого капитала;

- прямые финансовые результаты, включающие кредиты и займы банков и другие поступления средств;

- экологические результаты, воздействующие на улучшение окружающей среды и здоровья людей;

- косвенные финансовые результаты, обусловленные влиянием осуществления проекта на рост доходов сторонних организаций и физических лиц;

- культурные результаты, обусловленные взаимопроникновением и обогащением ценностей, установок, норм, правил, традиций различных этносов и социальных организаций.

Социальные, экологические, политические и иные результаты, не поддающиеся стоимостной оценке, могут рассматриваться как дополнительные факторы народно-хозяйственной эффективности и учитываться при выделении финансовых или кредитных средств, а также при государственной поддержке и реализации инвестиционных проектов. На наш взгляд, данные показатели могут быть применены и при оценке экономической эффективности выставочно-ярмарочной деятельности, выставочных проектов.

Таким образом, экономическая эффективность выставочной деятельности не только складывается из доходов выставочных компаний и предприятий-экспонентов, но и оценивается косвенным мультипликативным результатом. В итоге выставочный сектор экономики оказывает влияние на развитие сферы услуг, увеличение экспорта, привлечение инвестиций, в результате чего происходит взаимопроникновение не только экономик, но и культур, позитивно сказывающееся на интеграционных процессах партнерства цивилизаций.

В. В. Метлюк¹

МИРОВАЯ ИНТЕГРАЦИЯ, ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ПАРТНЕРСТВА ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Экономическое и демографическое развитие России непосредственно связано с процессами мировой интеграции, глобализационными процессами в экономически развитых и развивающихся странах. Качество партнерства стран, народов, цивилизаций в этом аспекте стимулируется процессами мировой интеграции, в том числе и международной экономической интеграции.

Международная экономическая интеграция — характерная особенность современного этапа развития мировой экономики. В конце XX в. она стала мощным инструментом ускоренного развития региональных экономик и повышения конкурентоспособности на мировом рынке стран — членов интеграционных групп.

Сегодняшним международным экономическим отношениям присущи новые количественные и качественные характеристики. Основные формы мирохозяйственных связей, международная торговля, движение капиталов, миграция населения и трудовых ресурсов, транснациональная деятельность, акции международных организаций, наконец, интеграционные процессы в мире достигли невиданных ранее масштабов. Одним из важных элементов на международном рынке труда являются демографические и миграционные процессы.

На рубеже XX и XXI вв. Россия (как и все экономически развитые страны) столкнулась с серьезными демографическими проблемами, которые неизменно влияют на уровень развития материальной, интеллектуальной, социальной, политической жизни общества. Сегодня демографические показатели относятся к числу обязательных характеристик уровня развития цивилизации.

Демографический взрыв в мире и беспрецедентное сокращение численности населения в России свидетельствуют о наличии системных противоречий в социально-экономическом развитии страны. Продолжительность жизни в экономически развитых странах мира значительно выше, чем в России. В Японии, например, она достигает 80 лет (у мужчин — 77, у женщин — 83 года), в России же большинство мужчин не доживают до пенсионного возраста, то есть до 60 лет.

По оценке государственной статистической службы, численность постоянного населения РФ на 1 апреля 2005 г. составляла 143,3 млн чел. Сокращение численности населения происходит из-за естественной убыли, которая компенсируется за счет увеличившегося миграционного прироста. Демографическая ситуация в России оказывает пагубное влияние на систему образования и всю экономическую систему страны и, следовательно, на структурное соотношение потребности в профессиональных кадрах на рынке труда. Кроме того, необходимо отметить, что демографические проблемы — один из основных факторов устойчивого дисбаланса на рынке труда. Такой дисбаланс проявляется как в превышении спроса над предложением рабочей

силы, так и в несоответствии профессионально-квалификационной структуры спроса и предложения на рынке труда.

Так, например, сегодняшнее поступательное развитие крупных мегаполисов, таких как Москва и Санкт-Петербург, обеспечивает, прежде всего, та часть населения, которая обладает современными квалификациями и, что не менее важно, понимаемой в широком смысле культурой, находящей выражение в инновационной активности, здоровом образе жизни, передаче знаний и образцов жизнеутверждающего поведения подрастающему поколению. Чрезвычайно низкий уровень рождаемости создает реальную опасность быстрого уменьшения как абсолютной, так и относительной (в процентном отношении ко всем жителям) численности наиболее активной части населения этих городов.

В складывающейся экономической и геополитической обстановке трудовой иммиграция, например в Санкт-Петербург, определенного, возможно, весьма значительного, контингента неквалифицированных работников, в том числе из стран, входящих в состав СНГ, и развивающихся государств, является, по-видимому, неизбежной. Данный процесс таит в себе ряд социальных и экономических рисков.

подавляющее большинство неквалифицированных мигрантов, не располагая достаточными средствами на приобретение жилья, будет вынуждено проживать в плохих жилищных условиях. В сочетании с постоянным нарушением их трудовых прав это приведет к появлению весьма значительной по численности группы социально обездоленного населения, что будет негативно отражаться на общей социальной атмосфере и характере складывающихся в городе трудовых отношений.

Опыт многих стран свидетельствует, что иностранная трудовая иммиграция часто приводит к формированию замкнутых этнических сообществ, слабо интегрированных в жизнь страны пребывания. Поддержание постоянного диалога с такими сообществами, предотвращение конфликтов между ними и остальной частью населения является новой и уже в силу этого достаточно сложной задачей для таких городов, как Петербург. Наконец, нельзя исключить, что кризис в определенных отраслях экономики города приведет к тому, что значительное число неквалифицированных рабочих и их семей, прибывших в Петербург на волне экономического подъема, пополнит маргинальные слои населения.

Масштабная трудовая иммиграция неквалифицированной рабочей силы в немалой степени является следствием неготовности предприятий к активному внедрению передовых технологий, имеющих, как правило, трудосберегающий характер. Трудовая иммиграция неквалифицированной рабочей силы, создавая иллюзию решения проблемы дефицита кадров, может вовлечь экономику в порочный круг, когда недостаточное технологическое развитие будет стимулировать трудовую иммиграцию, а последняя, в свою очередь, лишать

¹ Доцент кафедры экономики СПбГУП, кандидат экономических наук.

предприятия стимулов к развитию трудосберегающих технологий.

В то же время существует реальная возможность использования положительного потенциала миграционных процессов. В ближайшие десятилетия можно ожидать обострения конкурентной борьбы крупнейших городов мира за привлечение населения, обладающего навыками, востребованными современной экономикой. Конкурентным преимуществом Москвы и Петербурга в этой борьбе является наличие значительного числа высокооплачиваемых рабочих мест, требующих высокой профессиональной квалификации, главным образом в сфере финансов, банковской деятельности, аудита, а также в ряде компаний, часто транснациональных, действующих в сфере промышленности и телекоммуникаций. Есть основания полагать, что в условиях экономического роста число таких мест будет увеличиваться.

Поскольку Петербург является вторым после Москвы крупнейшим университетским центром, то можно ожидать, что город сможет привлекать нацеленных на профессиональную карьеру выпускников, приехавших на учебу из других регионов РФ и стран СНГ. Привлечение данной группы специалистов тем более важно, что в ближайшие годы Петербургу вряд ли удастся избежать утечки умов в наиболее развитые страны мира. Положительно скажется на экономике города и привлечение — на временной или постоянной основе — квалифицированных рабочих из депрессивных регионов РФ, а также из Белоруссии и, возможно, ряда других стран СНГ.

Таким образом, сохранение положительных темпов экономического роста в сочетании с отрицательными темпами естественного прироста населения Санкт-Петербурга с высокой степенью вероятности повлечет за собой существенную по масштабам трудовую иммиграцию в Петербург. Подобную тенденцию нельзя однозначно оценивать ни положительно, ни отрицательно. Ее влияние на жизнь

Петербурга будет определяться способностью города использовать позитивный потенциал миграции и нейтрализовать связанные с нею потенциальные риски.

Наряду с этим нельзя исключать и пессимистический сценарий развития событий — стагнацию или спад в экономике Санкт-Петербурга в целом или в ее отдельных отраслях. В этом случае трудовая миграция в город будет значительно меньшей. Однако при таком развитии событий проблемной окажется группа населения, состоящая из недавних мигрантов, потерявших из-за кризиса работу, а нередко и жилье. Таким образом, сегодня в экономике все больше ощущается рост потребности в повышении общеобразовательного уровня кадров, увеличивается спрос на профессиональное образование. Если существующие в настоящее время тенденции воспроизводства квалифицированных кадров сохранятся, то в ближайшей перспективе можно ожидать рост безработицы среди неквалифицированного населения, и прежде всего молодых людей, которые не продолжают образования, не имеют профессии и должной квалификации. Дальнейшее демографическое развитие России будет протекать в динамичных средах — социальной, политической, экономической и экологической, эффекты взаимодействия которых сейчас не вполне предсказуемы. Существует значительная область стратегической неопределенности, в которой при неблагоприятном развитии событий могут формироваться болезненные узлы демографических, экономических и социальных проблем. Эти проблемы увеличивают риск падения образовательного потенциала России, что в итоге может привести к снижению уровня экономической безопасности страны.

В заключение можно констатировать, что взаимовыгодное экономическое партнерство России и других стран и цивилизаций — необходимое условие для решения многих демографических, экономических и социальных проблем.

В. И. Михайлов¹

ОПЫТ ПАРТНЕРСТВА ЦИВИЛИЗАЦИЙ: ПРИМЕР РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В СФЕРЕ КАДРОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАУКОЕМКИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Деловые и информационные коммуникации культур и государств играют если не основополагающую, то весьма значительную роль в диалоге государств и цивилизаций. Различия западной и восточной ментальности, индивидуалистической и коллективистской установки, непонимание друг друга часто проявляются на простых примерах. Приведу один из них.

В период 1992–2000 гг. автор статьи, как индивидуальный предприниматель с лицензией на туристскую деятельность и предпринимательским свидетельством на научные исследования, сотрудничал с американской компанией Harris/Ragan

Management Group. Основная область деятельности американской компании Harris/Ragan Management Group — консалтинг социальной политики в различных сферах бизнеса — от туризма, гостиничного бизнеса до производства товаров, издательской деятельности, маркетинга, финансовой политики бизнеса, научных и инженерных разработок. Компания имеет штаб-квартиры в Лос-Анджелесе, США, а также в Вашингтоне, Лондоне, Панаме и Москве; успешно работает с 1974 г. по настоящее время.

Предметом сотрудничества было установление взаимовыгодных отношений. Переговоры велись в Москве и Петербурге с президентом компании Годфри Харрисом, который является профессором Калифорнийского университета по экономике

¹ Профессор кафедры управления СПбГУП, доктор технических наук.

и туризму, опытным бизнесменом, дипломатом, автором 12 книг по бизнесу, маркетингу, туризму и советником Президента США Рейгана (в тот период) по вопросам экономики. Так как период перевода экономики России на рыночные рельсы сопровождался практически разрушением и неудачной конверсией многих научно-исследовательских, проектных и конструкторских организаций, то в качестве объекта сотрудничества был выбран *проект регистрации российских ученых-профессионалов для работы по заказам американских фирм.*

В результате совместной работы автора данной статьи и президента компании Г. Харриса был издан 20-страничный буклет на английском языке, в котором были помещены сведения о 80 ученых, инженерах, конструкторах, работавших в различных областях в России и находившихся в сложном положении (труд в неудовлетворительных условиях, низкооплачиваемый) и даже без работы. Опыт работы этих специалистов охватывал свыше 70 направлений деятельности. Среди них были безработные ученые, профессора, доктора наук, авторы многих исследований и изобретений. Например, один из них — профессор, доктор физико-математических наук, автор 50 изобретений, заведующий лабораторией в РАН, два года не получавший заработную плату. Все эти люди были вдохновлены возможностью эффективно работать даже по заказам из-за рубежа.

Имея разнообразие контактов с бизнесменами США, Канады, Великобритании, американская сторона проекта распространила наш буклет во многих компаниях. Предложение использовать опыт российских профессионалов вызвало значительный интерес многих зарубежных фирм. При этом предполагалось, что российские специалисты в основном будут получать задания от зарубежных заказчиков и работать по этим заданиям на своих предприятиях.

Процесс рекламирования буклета в США осуществлялся методом директ-маркетинга. Первыми откликнулись несколько заинтересованных фирм, которые подготовили пакеты документов по рабочим заданиям российским профессионалам и направили их бандеролями по почте в Россию. Документы поступали через 1,5–2 месяца, полностью

перлюстрированные и лишённые многих важных элементов. Исчезали визитки, рекламные материалы, фотографии, схемы и т. д. В силу этого американская сторона решила, что ей по-прежнему выгодно работать со специалистами из Канады, Мексики, стран Центральной Америки, а не со значительно лучше подготовленными российскими профессионалами. Следует отметить, что и с американской стороны были досадные сбои. В частности, переданное российской стороной программное обеспечение по выбору оптимальных технических и коммерческих решений «МАКЕТ», разработанное автором статьи, исчезло вместе с американской фирмой, заказавшей его. Поэтому данный проект был приостановлен и вскоре закрыт.

Попытки продолжить сотрудничество в области издания книг привели к тому, что выпуск книги президента Harris/Ragan Management Group Г. Харриса по опыту маркетинга репутаций Talk is Cheap вызвал желание со стороны русских издательств в Петербурге быстро и много заработать. На это американская сторона не согласилась. Книга была издана только через год в Москве. На предложение выпустить в США книгу автора статьи «Как принимать решения» был дан ответ, что если бы автор книги был Питером Друкером, то это было бы возможно, а так как он всего лишь российский профессор, то требуется рекламная кампания стоимостью примерно в 20 тыс. долл.

Опыт общения и сотрудничества представителей двух цивилизаций — отживающей советской и достаточно эффективной и богатой американской — в трудный период перестройки экономики России позволяет сделать *следующие выводы:*

1. Существуют значительные трудности во взаимной коммуникации сторон.
2. Появившаяся для России международная конкурентная среда требует определенных маркетинговых усилий для продвижения своих продуктов и услуг.
3. С американской стороны существует заметное чувство превосходства над российской стороной в экономических и деловых отношениях.
4. Опыт общения с прагматичными и доброжелательными деловыми людьми США полезен российским специалистам и бизнесменам.

Е. Я. Морозова¹

ЭФФЕКТИВНАЯ ЭКОНОМИКА КУЛЬТУРЫ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ КАЧЕСТВА ПАРТНЕРСТВА ЦИВИЛИЗАЦИЙ

В современном мире экономика культуры становится движущей силой взаимодействия народов, этносов, регионов, государств, цивилизаций. Рационально разработанные, экономически обоснованные логистические схемы взаимодействия музеев, библиотек, концертных и экскурсионных организаций, гостиниц и туристической, курортной индустрии и индустрии развлечений могут взаимно

обогащать народы и культуры, обеспечивать культурные и деловые транзакции, направленные в русло партнерства, а не конфликтности цивилизаций. Рассмотрим основные экономические рычаги, с помощью которых обеспечивается эффективность экономики культуры, а следовательно, и эффективность межкультурного взаимодействия, качество партнерства цивилизаций.

Во всем мире уровень доходности организаций культуры и искусства находится под влиянием ряда факторов, к наиболее важным из которых

¹ Доцент кафедры экономики СПбГУП, кандидат экономических наук.

следует отнести *ассортиментную политику*, которая означает, что в более выгодном положении оказываются организации, способные предложить потребителям большее количество культурных услуг; *пропускную способность*, означающую максимальное число посетителей, которое организация в состоянии обслужить в течение определенного промежутка времени (день, неделя, месяц) с учетом числа посадочных мест и режима работы; *ценовую политику*, которая для коммерческих организаций социально-культурной сферы находится в непосредственной зависимости от уровня спроса населения, а для некоммерческих организаций культуры обусловлена необходимостью обеспечения доступности своих услуг.

Актуальность темы доклада заключается в том, что в настоящее время именно ценовая политика оказывает наибольшее воздействие на конечные экономические результаты деятельности организаций.

Как известно, ценообразование является важнейшим инструментом рыночной экономики. Применяемая ценовая политика способна либо существенно повысить доходность организаций, либо привести к ее снижению. Особенно это актуально для организаций культуры и искусства, занятых оказанием разнообразных услуг населению.

Специфика производства и реализации услуг, как известно, заключается в совпадении их фаз во времени и месте. Услугу нельзя производить в расчете на ее реализацию в другом временном периоде. Услуга или находит своего потребителя, или оказывается невостребованной. Если для организаций, специализирующихся на оказании индивидуальных услуг, эта проблема не столь актуальная, то для организаций, предоставляющих коллективные услуги (кинопоказ, спектакли, филармонические концерты, шоу-программы и т. п.), проблема привлечения потребителей становится чрезвычайно важной.

Поскольку в сфере культуры одновременно производятся и коммерческие, и некоммерческие услуги, организации используют два способа ценообразования: коммерческий и некоммерческий.

Механизм *коммерческого ценообразования* применяется в том случае, когда организации необходимо получить от производства и реализации услуг гарантированную прибыль. Специфика коммерческого ценообразования в сфере культуры и искусства заключается в том, что прибыль очень часто изначально закладывается в цену услуги. Это обусловлено тем обстоятельством, что, в отличие от сферы промышленного производства, организации сферы культурно-досуговых услуг имеют дело не с серийным производством, при котором можно управлять объемами производства и реализации материальных продуктов, рассчитывать (и достигать) точки безубыточности, прохождение которой позволяет получать прибыль. Организации культуры, как правило, предоставляют услуги в ограниченном объеме; их пропускная способность имеет свои объективные ограничители (репертуарный театр, антреприза, например, не могут продать билетов на спектакль больше, чем количество посадочных мест), а в шоу-бизнесе зачастую речь вообще может идти о единичной услуге.

Именно поэтому коммерческая цена в сфере культуры и искусства, как правило, складывается из двух составляющих: суммарных затрат, связанных с производством и реализацией услуги, и процента прибыли. При этом затраты можно считать величиной постоянной, их снижение (с целью повышения доходности за счет экономии) неизбежно ухудшает качество предоставляемых услуг. Поэтому процент прибыли — единственный элемент, способный повышать или понижать уровень коммерческой цены в сфере культуры и искусства.

Как показывает практика, этот показатель находится под влиянием двух факторов — уровня спроса на конкретную социально-культурную услугу и уровня платежеспособности населения. И если первый фактор всегда оказывает на него прямое воздействие (чем выше спрос, тем больший процент прибыли можно заложить в цену), то платежеспособность населения по-разному влияет на процедуру коммерческого ценообразования. Для организаций социально-культурной сферы, оказывающих населению услуги массового характера, уровень платежеспособности населения, как правило, выполняет функцию сдерживающего фактора (парки аттракционов, аквапарки, познавательный туризм).

Для организаций, предлагающих эксклюзивные (элитарные) услуги, высокая платежеспособность отдельных социальных групп является фактором, стимулирующим высокий процент прибыли, закладываемый в цену (шоу-бизнес, клубный, ресторанный и модельный бизнес, ювелирные салоны и т. п.).

Некоммерческое ценообразование характерно, как правило, для бюджетных организаций культуры и искусства. В литературе, посвященной экономике социально-культурной сферы, применение некоммерческого ценообразования связывают с необходимостью обеспечения доступа населения к наиболее значимым в глазах государства услугам. С этим можно согласиться. На практике в условиях рынка уровень некоммерческих цен определяется как разница между затратами на производство услуги и величиной компенсации, поступающей организациям из различных источников (средства бюджетов различных уровней, добровольные пожертвования юридических и физических лиц, собственная прибыль от предпринимательской деятельности). Именно величиной компенсации убытков, которые неизбежно должны возникать у организаций, продающих свой продукт дешевле, чем он им обходится, обусловлено выделение самоокупаемых, льготных и так называемых символических цен. Самоокупаемые цены на услуги организаций культуры и искусства, на наш взгляд, следует относить к некоммерческим, поскольку при их установлении учитываются только прямые производственные затраты организации (без коммерческих, управленческих и прочих накладных расходов). Льготные и символические цены (они преобладают в бюджетных организациях культуры и искусства) устанавливаются ниже фактических затрат организации. Разница между ними заключается в удельном весе компенсации в структуре цены (символической следует, на наш взгляд, считать цену, в которой доля компенсации составляет 70–80 %).

Выявление особенностей ценообразования в сфере культуры и искусства было бы неполным без рассмотрения проблемы применения ценовой дифференциации и ценовой дискриминации. В современной экономической литературе ей уделено достаточно внимания. Однако в основном речь идет о ценовой дифференциации, хотя иногда это понятие для специалистов означает ценовую дискриминацию, что не одно и то же. Конечно, ценовая дифференциация и ценовая дискриминация имеют общую черту: они предполагают, что цены на одну и ту же услугу могут быть для разных потребителей различными. Однако дифференциация цен связана, как правило, с различиями в уровне комфортности потребления услуг (более удобное относительно сцены или экрана место, например). Данный вид ценовой дифференциации достаточно традиционен для сферы культурно-досуговых услуг. К слову сказать, ценовая дифференциация применяется и в сфере туристских услуг. Цена путевки зависит от уровня комфортабельности гостиницы, качества и количества питания на маршруте, наличия (или отсутствия) культурной программы. Поэтому потребитель с невысоким уровнем платежеспособности может выбрать тур с невысоким уровнем комфортности, но более низкой ценой.

Принципиальное отличие ценовой дифференциации: все потребители, выбравшие данный уровень комфортности потребления услуг, находятся в равном положении относительно ее оплаты (зрители, сидящие на одном ряду, например, платят за билет одинаковую цену). Это обстоятельство принципиально отличает ценовую дифференциацию от ценовой дискриминации. Ценовая дискриминация предполагает, что одна и та же услуга одного и того же качества или уровня комфортности предоставляется разным потребителям за разную цену. Различают три вида ценовой дискриминации — потребительскую, количественную и индивидуальную.

Потребительская ценовая дискриминация предполагает установление на услугу более низкой цены (и даже ее отсутствие) для отдельных групп потребителей. Группы потребителей могут формироваться по разным признакам (возраст, статус, наличие

заслуг перед государством, профессиональная принадлежность, гражданство). Сегодня в России ценовые льготы по данному признаку, как правило, установлены на услуги государственных учреждений культуры и искусства (музеи, театры, цирки, зоопарки, ботанические сады, музеи-заповедники, парки культуры и отдыха). При этом они могут устанавливаться как в соответствии с распоряжениями (рекомендациями) органов исполнительной власти, так и по решению руководства организации.

Количественная ценовая дискриминация предполагает установление зависимости цен на услуги от количества их одномоментного приобретения. Традиционно данный вид в социально-культурной сфере характерен при приобретении абонементов в театры, лектории, филармонии и т. п.

Индивидуальная ценовая дискриминация является наименее исследованным видом формирования цен в социально-культурной сфере. Более того, именно в отношении *индивидуальной* ценовой дискриминации наблюдается больше всего смещений с ценовой дифференциацией. Например, к индивидуальной ценовой дискриминации достаточно часто относят практику формирования цен на билеты в VIP-ложах при проведении зрелищных мероприятий. Полагаю, однако, что данная политика формирования цены не связана с дискриминацией, поскольку предполагает более качественное обслуживание, а значит, и относится к ценовой дифференциации. На мой взгляд, *индивидуальная* ценовая дискриминация означает возможность установления конкретному потребителю индивидуальной цены на услугу в зависимости, например, от сроков ее предоставления (изготовление заказа, проведение экспертизы, оформление документов). Следует подчеркнуть, что применение ценовой дифференциации и дискриминации одинаково актуально при формировании ценовой политики как коммерческих, так и некоммерческих организаций культуры и искусства.

В целом проблемы ценообразования в сфере культуры и искусства представляются достаточно интересными и актуальными для проведения комплексных научных исследований.

Секция 6 СМИ В СИСТЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ КАРТИНЫ МИРА

23 мая 2008 г. СПбГУП, ауд. № 405

Руководители секции:

ГУЛЬЦЕВ

Андрей Владимирович

генеральный директор газеты «Русская мысль» (Франция);

КУЗИН Олег Сергеевич

главный редактор газеты «Трибуна»

А. В. ГУЛЬЦЕВ: — Позвольте представиться. Я руковожу старейшей эмигрантской газетой «Русская мысль», которая была основана в 1880 г. в Москве, закрыта в 1918-м и вновь открыта в 1947 г. в Париже. В прошлом году в Париже, в гостях у «Русской мысли», состоялся Конгресс русской прессы. На этом конгрессе был поднят вопрос о статусе и качестве современных СМИ. Я исхожу из принципа, что СМИ должны быть разные. Со времен Римской империи народ хотел хлеба и зрелищ — главное, чтобы тигр растерзал гладиатора. Но если людей не образовывать, не обучать, если закрыть все университеты, а вместо этого открыть только плавательные бассейны и площадки для гольфа, выживет ли такое государство?

О. С. КУЗИН: — Я думаю, мне проще представляться: ныне я являюсь главным редактором газеты «Трибуна», до недавнего времени был главным редактором «Ленинградской правды» и газеты «Санкт-Петербургские ведомости», где отработал 13 лет. Тема сегодня заявлена очень интересная, хотя я думаю, что мы наверняка выйдем за ее рамки, поскольку будем говорить не только о том, как влияют на умы сегодняшние СМИ, но и о том, как они живут сегодня, какому давлению подвергаются.

Если верить рейтингам, составляемым, правда, не нашим социологическим институтом, российские СМИ находятся «в нижней части турнирной таблицы». Насколько мы свободны и почему? Я думаю, что мы не будем делать больших научных сообщений, а постараемся провести обсуждение, которое наверняка будет намного более интересным для участников сегодняшнего мероприятия.

Чтобы настроить присутствующих на позитивный лад, напомню, что сегодня день рождения Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, так что от всей души поздравляю с этим праздником всех участников нашей секции, связанных с Университетом. Мой коллега-соведущий затронул вопрос о роли и значении прессы. По этому поводу я хотел бы напомнить одну замечательную фразу, которую лет 15 назад позволил себе Борис Николаевич Ельцин. Он выступал перед представителями СМИ и отнес последние к силовым структурам, посчитав, что тогда, в начале 1990-х гг., степень влияния СМИ на общество была такой же, как у силовых структур. Правда, тут же родилась и шутка: все вспомнили Грибоедова и его бессмертную строчку, что «злые языки страшнее пистолета». Если это так, то СМИ точно следует отнести к силовым структурам.

И. В. Мелик-Гайказян¹

КАРТИНА МИРА НОМО SIGNIFICANS

Формирование реальности культурного мира возлагается в настоящее время на коммуникационное пространство, в котором ведущую роль играют современные технологии СМИ. Мой интерес к выяснению особенностей картины мира, открывающейся перед взором современного человека, продиктован исследованием методологии проведения диагностики воздействий технологий информационного общества. Реальность коммуникационного пространства в современной познавательной ситуации оценивается с разных сторон.

Действительность человеческого существования представляется как результат конструирования,

а средством этого конструирования выступают коммуникации (П. Бергер, Т. Лукман). Коммуникации как обмен продуктами информационного общества вызывают состояние самовоспроизводящейся неопределенности и изменяют темпоральность действительности (Н. Луман). Тотальность коммуникативных действий изменяет образ мира, структуру языка и выдвигает новые требования к моральному сознанию (Ю. Хабермас). Культурный мир изменен новой функцией коммуникации, которая перестала быть разговором и превратилась в производство информации, создала новый образ человека, с одной стороны, отделенного от жизни плоскостью телевизионного экрана, с другой — полностью зависящего от транслируемых сообщений (Ж. Бодрийяр). Эта зависимость от средств коммуникации ведет человека к потере своей идентичности (Ф. И. Гиренко), а сумма воздействий глобального

¹ Директор Института теории образования Томского государственного педагогического университета, заведующая кафедрой истории и философии науки, заведующая лабораторией нелинейной динамики образовательных систем Института развития образовательных систем РАО, доктор философских наук, профессор.

коммуникационного пространства вызывает обратимые трансформации культуры (В. В. Миرون). Вместе с тем обратим внимание на то обстоятельство, что «вина» за трансформацию культуры возлагается на современные формы коммуникаций, а в фокусе критики находятся процессы знаковой динамики.

Традиционно семиотические исследования коммуникаций опирались на парадигму лингвосомиотики, в основу которой легли взгляды Ф. де Соссюра, для которого сама коммуникация являлась реальностью, а знак в значительной степени был абстракцией. Поэтому, фиксируя в принципиальной степени возросший темп обмена информацией, исследователи следуют «линии Соссюра». Однако специфика коммуникационности заключается не в том, что обмен информацией происходит очень быстро, а в том, что коммуникационная реальность утратила характер диахронии, став синхронной. Беспрецедентность нового темпа состоит в том, что обмен сообщениями не просто происходит очень быстро, а в том, что создание сообщения, его отправление, получение происходит *синхронно*, и не в приватности беседы, а в ситуации, создаваемой техническими возможностями, при которой возникает соблазн анонимности и для создателя, и для отправителя, и для получателя сообщения. Эта специфика актуализирует обращение к теории семиозиса Ч. С. Пирса, в которой реальными были трансформации знака, а коммуникации оставались абстракцией. В «линии Пирса», основывающейся на концепциях интерпретанта и семиозиса, человек

приобретает монотипическое имя *Homo significans*, поскольку только его воспринимающее сознание делает знак знаком. В трудах, относящихся к «линии Пирса», представлен и процесс кодирования в знаке как образование трех измерений семиозиса: прагматика, синтактика и семантика. В современной реальности нарушена соразмерность «работы» этих каналов трансляции. На поверхность вынесены результаты трансляции стереотипов поступков (прагматика) и восприятия образов (синтактика). Иными словами, большинство людей, пребывающих в роли *Homo significans*, создают свою интерпретанту на основе тиражируемых примеров действий и эмоционально окрашенных образов. Этот способ восприятия действительности соответствует принципам построения мифической картины мира. Недальновидность политической ангажированности СМИ и реализация манипулятивных технологий приводит к мифологизации картины мира. Вместе с тем необходимо помнить обоснование А. Н. Уайтхеда эффективности управления как успешности совершения «переворота в символизме». Это обеспечивается «подключением» канала семантической трансляции. Создание картины мира, адекватной действительности, для человека, погруженного в новые стили коммуникативности, требует релевантных средств, обеспечивающих свободу для *Homo significans* в построении финальной интерпретанты. Этому требованию отвечает предлагаемая концептуальная модель информационных процессов, выступающих механизмом самоорганизации социокультурных систем.

С. С. Ярошецкий¹

СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЕ АУДИТОРИИ ГЛЯНЦЕВОЙ И КУЛЬТУРНО ОРИЕНТИРОВАННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

Аудитории СМИ целенаправленно меняются по разным причинам. Например, корпоративные СМИ становятся клиентскими, превращаясь из средства внутрикорпоративного PR в эффективный рекламодатель. Еще более частый случай: СМИ, созданное в одном регионе, расширяет территорию своего распространения. Традиционный для этого процесса вектор «От Москвы — в Петербург и другие провинциальные города» теперь все чаще меняет направление на 180 градусов, то есть созданные в Петербурге и других регионах проекты обретают второе дыхание в Москве. Примеры последнего времени — выход в столице афишного журнала «Time Out Москва» вслед за «Time Out Петербург», краеведческого культурно ориентированного журнала «Адреса Москвы» вслед за журналом «Адреса Петербурга», life-style журнала «MSK.Собака.ru» вслед за «SPB.Собака.ru». В любом случае при целенаправленном изменении аудитории СМИ не обойтись без изучения его «стартовой» аудитории и определения той, на которую издание должно выйти — то есть потенциальной.

Реализованный нами проект трансформации внутрикорпоративного журнала «Итака-недвижимость» в клиентский журнал риелторского агентства «Итака» под названием «Календарь недвижимости» был основан на изучении потенциальной аудитории. Цель этого преобразования понятна: издателю — одному из крупнейших агентств недвижимости Северо-Запада России, открывшему более 50 офисов продаж в Санкт-Петербурге, Ленинградской области, в Новгородской и Псковской областях, — понадобился эффективный собственный рекламодатель для размещения своей коммерческой информации. Однако средства на издание было решено привлечь за счет размещения сторонней рекламы — и это удалось, уже сейчас две трети себестоимости покрываются рекламодателями.

Проанализировав результаты проведенного социологического исследования, мы составили приблизительный портрет аудитории журнала «Календарь недвижимости». Информация, представленная в виде аналитической справки и диаграмм, дает возможность рассмотреть особенности структуры аудитории и отразить направления информации, с которой можно ознакомиться в журнале. Наш читатель — молодой и образованный

¹ Главный редактор журналов «Адреса Петербурга», «Адреса Москвы» и «Календарь недвижимости».

человек, ведущий активный образ жизни, интересующийся политической и экономической, занимающийся спортом и посещающий светские мероприятия. Сфера его интересов охватывает различные спектры современной жизни, а сознание открыто для новых перспективных достижений.

Другой пример целенаправленного формирования аудитории — глянцеваый журнал «Собака». Был в истории этого издания такой период, когда рекламодатель шел туда неохотно, потому что аудитория журнала представлялась очень узкой: только участники петербургских «светских» мероприятий. Состав этих участников довольно стабилен: максимум 300 человек. В 2002 г. редакция поставила задачу кардинально увеличить аудиторию, определив «Собаку» как журнал для участников петербургской «светской тусовки» и для тех, кто хочет в нее попасть. В соответствии с этим определением было выстроено продвижение и скоординирована работа журналистов. И круг читателей сразу заметно расширился, потому что желающих попасть в «светское» общество на порядок больше, чем тех, кто себя к нему уже причисляет. Аудитория глянцевых журналов состоит из людей, стремящихся к обеспеченному, облегченному стилю жизни. Из тех, кто хочет не «жигули», а сразу «Ягуар», одежду от лучших модельеров, досуг в дорогих клубах, отдых в Куршевеле, виллу на Лазурном берегу. Но главное — чтобы досталось все это без труда, легко, как в глянцевом журнале. Подобных людей в Петербурге оказалось так много, что постоянная аудитория журнала, по оценке TNS Gallup Media, к 2003 г. превысила 100 тыс. читателей. Причем значительная часть этой аудитории относилась к учащейся молодежи и в качестве средства передвижения чаще всего использовала метрополитен. Произошедшее в 2008 г. расширение аудитории

«Собаки» на Москву представляется вполне логичным и своевременным, поскольку удельный вес целевой аудитории в столице выше. А глянцеваый журналистика всегда ориентируется на читателя с высокой или потенциально высокой покупательной способностью.

Что касается аудитории «Адресов» — высококачественного краеведческого культуроориентированного издания, то она биполярна. Первый полюс, предельная или пограничная группа первой части аудитории — это люди, которым материальные блага вовсе не нужны. Среди них есть и те, кто в результате достигает значительного благосостояния, но они никогда к богатству не стремятся, у них в жизни другие цели. Прежде всего, это интеллигенция в классическом понимании слова. Таких людей в Петербурге много, они читают «Адреса», собирают все выпуски издания, ищут старые номера, чтобы сформировать полный комплект. Второй полюс, предельная группа второй части аудитории — очень богатые люди. Они стремились к богатству и получили его, и теперь им уже скучно в который раз читать про «мерседесы» и бутики. Им хочется того, что за деньги покупается с трудом, — войти в круг интеллигентных людей, считать себя интеллигентными, воспитать умных детей, дать им настоящее образование. В Петербурге таких людей еще немного, а в Москве их число уже достаточно велико, поэтому реклама в «Адреса Москвы» собирается быстрее, чем в «Адреса Петербурга».

Таким образом, аудитория глянцевых журналов оказывается в промежутке между разнополюсными частями аудитории культуроориентированных журналов. На культурной основе объединяются представители разных «классов» общества, что лишний раз свидетельствует о консолидирующем потенциале культуры.

О. А. Федотова¹

ОБРАЗ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (Освещение выборов в Государственную Думу в интернет-СМИ)

Материалы для моего выступления взяты из Интернета. Понятно, что образ страны за рубежом — крайне важная вещь, но, к сожалению, как мне кажется, наше правительство иногда забывает о том, что не только внешняя политика и создание внешнего имиджа государства влияют на восприятие России за рубежом. Гораздо больше влияет внутренняя политика — страна сейчас не закрыта, и было бы неправильно считать, что на Западе получают только ту информацию, которую мы им предлагаем. Естественно, что СМИ — и западные, и российские — давали самые разнородные, подчас полярные оценки выборам в Государственную Думу. Отдельные выдержки из статей в иностранных СМИ попадают иногда в нашу прессу, правда, это очень своеобразные выдержки. Например, некоторые тексты печатались в «Петербургском дневнике». Почти все зарубежные обозреватели обращают

¹ Доцент кафедры истории СПбГУП, кандидат исторических наук.

внимание на две тенденции, которые кажутся взаимоисключающими. С одной стороны, на колоссальное задействование административного ресурса и манипуляции властей, то есть на ситуацию, когда исполнительная власть просто блокирует оппозицию и не дает ей реального слова в СМИ. С другой — обозревателей удивляет тот факт, что население в целом поддерживает администрацию, партию президента, что люди не выражают недовольства той ситуацией, которая сложилась с оппозицией, и более того — не проводят никаких акций в поддержку этой самой оппозиции. В публикациях аналитического характера проводятся исторические параллели и несколько раз упоминается выражение «Веймарский синдром». «Веймарский синдром» — с исторической точки зрения — параллель весьма возможная. Многие авторы отмечают, что президентская администрация не добилась желаемого результата, несмотря на давление. М. Квининг из Die Welt пишет о том, что заявленная цель все же

не была достигнута: требовалось добиться результата в 70 %, а получили 64 %. В *Washington Post* одна из статей имеет симптоматичное заглавие: «Россия продолжает скатываться к самодержавию».

Зарубежные аналитики склонны объяснять сложившуюся в России ситуацию следующим образом. Они считают, что россияне чувствуют себя униженными и поэтому готовы ради «державности» (скажем так, хотя это слово прямо не употребляется) простить власти многое. И здесь действительно напрашивается параллель с Веймарской республикой в Германии, где сложилась аналогичная ситуация. Веймарская республика установилась после Первой мировой войны — Веймарское правительство подписывало многие договоры, связанные с репарациями, контрибуциями и прочими неприятными вещами. Именно тогда Германия по-

теряла значительную часть земель: они либо были непосредственно отторгнуты, либо находились под мандатом Лиги Наций. Кстати, самое интересное, что Веймарская республика являлась наиболее демократической в тогдашнем мире, особенно по отношению к СМИ. И гласность, и плюрализм — все это действительно было. Тем не менее СМИ Веймарской республики весьма активно критиковали свое правительство, писали о властях примерно то же самое, что сейчас на Западе пишут о России. Они считали, что Веймарское правительство унизило страну, отсюда такая тяга к сильной руке, к восстановлению державности, готовность претерпеть даже экономические неудобства, лишь бы Германия снова заявила о себе на международной арене. Аналогичная тенденция в определенной степени наблюдается сейчас и в России.

* * *

О. С. КУЗИН: — Понятно, и я думаю, что присутствующие в аудитории не будут спорить с тем, что существует жесткий государственный или корпоративный контроль над телевидением и радиоканалами, контроль над большинством СМИ как со стороны государственных органов, так и местных органов власти. В связи с этим, что именно, на ваш взгляд, мешало более четко и выпукло представить точку зрения оппозиции в самом свободном на сегодняшний день виде СМИ — в Интернете?

О. А. ФЕДОТОВА: — Сама оппозиция. У нас очень специфическая оппозиция: ее политика — не бороться реально за власть. Когда страна сильная (таким был Советский Союз), она может позволить себе не беспокоиться о том, что о ней думают. Приведу другой пример: когда Япония проиграла войну, то образ японского врага в Соединенных Штатах был просто ужасающий — японцев представляли монстрами. Японцы вложили огромные средства в свой имидж, чтобы выглядеть в западном мире привлекательно. И они этого добились.

В. Б. Угрюмов¹

«ГЛАМУРИСТИКА» И ЕЕ МЕСТО В МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Уважаемые коллеги, я хотел подойти к микрофону сразу после выступления С. С. Ярошецкого потому, что если мы откроем программу нашей секции, то убедимся, что примерно половина докладов, или как минимум треть, так или иначе связана с понятием «гламур». Когда Сергей Семенович пытается поставить на одну доску уважаемый журнал «Адреса Петербурга» и не менее уважаемое издание «Собака.ru», он допускает, на мой взгляд, грубейшую научно-методологическую ошибку: смешивает сапоги и яичницу. Поскольку, на мой взгляд, назрел момент (буквально сегодня), чтобы провести отчетливые различия между двумя видами коммуникационной деятельности. Поэтому свое сообщение я назвал «Гламуристика» как вид коммуникативной деятельности».

Развитие информационного общества, усложнение и разветвление социальных структур, прогресс в области технологий коммуникации вызывают к жизни новые виды коммуникативной деятельности. Они возникают рядом с традиционными и сравнительно хорошо изученными, такими как журналистика, реклама, пропаганда, связи с общественностью, и порой маскируются под некоторые из них, будучи, тем не менее, вполне самостоятельными. До сих пор, однако, исследователи не

идентифицировали эти новые виды, воспринимая их как разновидности традиционной массовой коммуникации.

Представляется, что не только возможно, но и необходимо выделить такой вид коммуникативной деятельности, как «гламуристика». Рискну ввести в оборот новый термин, рожденный путем слияния понятий «гламур» и «журналистика». И хотя сами представители новой профессии и сферы коммуникативной деятельности считают себя журналистами, все же — при некоторой внешней схожести профессиональных методов и приемов — они не могут по существенным соображениям быть отнесены к этому социальному институту.

Понятие «гламур» пришло в нашу реальность сравнительно недавно, однако за относительно короткое время оно сумело стать основой целой информационной индустрии. Под гламуром в общественном сознании сегодня понимается не просто следование определенной моде в одежде, косметике и других гранях внешнего облика человека, но и образ жизни в целом: гламур теперь подсказывает своим адептам не только, как и во что одеваться, где отдыхать и на каких машинах ездить, но и о чем и как думать, говорить, каким образом действовать. Иными словами, гламур становится в наше время базой для формирования жизненных ценностей и установок, в первую очередь для молодого поколения, более лабильного и восприимчивого.

¹ Главный редактор Издательского дома «Кто есть кто» в Санкт-Петербурге.

Это подтверждается исследованием, проведенным компаниями «Росгосстрах» и «Эксперт-Дата» в рамках проекта «Стиль жизни среднего класса», результаты которого были опубликованы 2 мая 2007 г. на сайте www.rgs.ru. Согласно их данным, основную долю людей, идентифицирующих себя как «гламурные», составляют женщины в возрасте около 28 лет (их доля достигает 66 % от всех участников исследования).

Не удивительно, что идеология гламура начала формироваться и распространяться в первую очередь в так называемых женских журналах, демонстрирующих образцы и модели социального поведения. Но в той же мере к гламурным изданиям можно отнести и ряд журналов для мужчин, также утверждающих определенные жизненные стандарты и ценности на основе индивидуального карьерного успеха и вытекающего отсюда высокого уровня материального потребления. Примечательно, что и исследователи, и сами издатели этих журналов идентифицируют эту разновидность прессы как журналы *life style* («стиль жизни»); в свою очередь аудитория определяет их как глянцево-журналы. Последнее, на мой взгляд, отражает не столько вид типографской бумаги, на которой печатаются эти издания, сколько их гламурное содержание.

Тем не менее не было бы смысла отделять гламурные СМИ и их создателей от классической журналистики, если бы в последние годы гламурное отношение к предмету освещения не стало проникать и трансформировать многие традиционные масс-медиа. Более того, гламурный стиль начал замечаться и в такой сфере, как новости, в том числе телевизионные: все чаще наряду с информацией о событиях и фактах высокой социальной значимости можно встретить сообщения и сюжеты, относящиеся к разряду светской хроники, которая, на мой взгляд, является одним из важных и обязательных элементов гламурной журналистики.

Эта тематическая и содержательная диффузия требует от исследователей четкого разграничения

двух видов массово-коммуникативной деятельности, в основе которого, по моему мнению, должно лежать понимание целеполагания каждого из них. Исходя из общепринятого понимания основной цели журналистики, заключающейся в формировании целостного представления об окружающей действительности путем распространения социально значимой массовой информации, можно выявить главное отличие гламуристики, чье предназначение — не показ многообразия видов социального поведения, а пропаганда одного из них как единственно возможного.

Таким образом, можно определить, что гламуристика — особый вид массовой коммуникативной деятельности, целенаправленно формирующий у аудитории редуцированное мировоззрение, основанное на примате материального потребления.

Важно отметить такую особенность гламуристики, как ее изолированность от реальных проблем социума, замкнутость в жестких тематических рамках. По существу, потребителям продукции гламуристики предлагается картина некоего объективно не существующего (идеального) мира, обитателями которого можно стать, лишь соответствуя определенным стандартам поведения и разделяя установленные жизненные ценности.

Основной тезис гламуристики: «Чтобы купить все, надо продать себя». Под «продажей себя» следует понимать определенную модель социального поведения, в основе которого лежит агрессивное публичное продвижение своего имиджа. Причем подразумевается, что имидж не является отражением истинной личности, а формируется искусственно. Естественно, что гламуристика не только ориентирует свою аудиторию во многих вопросах, за исключением политической и социальной тематики, но и предлагает в качестве образцов для подражания примеры реальных личностей. Как правило, ими становятся представители шоу-бизнеса, спорта, массовой литературы и самой гламуристики.

* * *

Ю. Б. БАЛАШОВА¹: — Почему на первый план выдвинут именно коммуникативный, а не идеологический или этический аспект?

В. Б. УГРЮМОВ: — Дело в том, что СМИ и журналистика — это не одно и то же. Поэтому в рамках СМИ нужно выделять те элементы, которые не являются журналистикой, не являются рекламой и т. д. Я оцениваю сейчас гламуристику именно как один из новых видов коммуникативной деятельности, не подвергая анализу ее этику. Я вообще не стремлюсь давать оценку. Это явление есть, и я не говорю, что это плохо или хорошо. Кстати, примечательно, что гламур захватывает все большее пространство. Например, сегодня гламуристика — это уже и литература. Скажем, Оксана Робски, конечно, никакой не писатель, ее книги — гламуристика. Именно гламурные издания, гламурные программы продвигают тексты Оксаны Робски как литературу. Для гламурного образа жизни незнание текстов Оксаны Робски — это то же самое, что для интеллигентного человека — незнание Тургенева или Достоевского.

¹ Заведующая кафедрой журналистики СПбГУП, кандидат педагогических наук.

Гламурному человеку не стыдно не знать Тургенева и Достоевского, но стыдно не знать Оксану Робски.

О. Ф. РУСАКОВА²: — Очень интересный доклад. Скажите, что такое гламур с позиции маркетинговой системы ценностей? Это первый вопрос. И второй: эстетика гламура сегодня один из компонентов продвижения. Значит, есть какой-то заказ на эту эстетику?

В. Б. УГРЮМОВ: — Если под заказом мы понимаем потребность, то, он, безусловно, существует. Мы же знаем, что социальным заказчиком гламура являются в основном женщины в возрасте примерно до 30 лет. Мне трудно говорить про эстетику гламура в целом, потому что этот аспект пока еще глубоко не изучался. Слово «глянец» стало синонимом «гламура» именно потому, что оно, видимо, задело некую сущностную, глубинную основу. Гламур — это все то же самое, но поярче. То, что бросается в глаза, — тот же костюмчик, но гляцевый; тот же галстук, но гляцевый. Я пока только на таком

² Заведующая отделом философии Института философии и права Уральского отделения РАН (Екатеринбург), доктор политических наук, профессор.

интуитивном уровне могу объяснить. Гламур — это то, что чуть-чуть с перебором: не китч, не дурновкусие, а просто легкий перебор. И то, что касается первого вопроса: нельзя сводить все к каким-то хитрым маркетинговым комбинациям. Маркетинг — база,

но на этой базе вырастает очень многое: вырастает философия, вырастает целый мир. Помните у Ильфа и Петрова: есть два мира — большой и маленький. Так вот гламуристика — это маленький мир, как мне представляется.

О. О. Савельева¹

СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН ГЛАМУРА В МЕДИЙНОЙ РЕКЛАМЕ

Слово «гламур» в последние несколько лет заполнило медийное пространство и, более того, стало общеупотребительным в повседневной речи. Все более активно вторгается оно и в научный дискурс социальных наук. Этимология этого слова восходит к старофранцузскому *grimoire* — «колдовская книга», «собрание заклинаний». В современном американском английском *glamour* — это «неотразимое очарование», «эффектная романтичность». Мэрилин Монро в белых мехах и блестках — несомненно, *glamour*. С социологической точки зрения гламур можно определить как стиль жизни, демонстрирующий прямое участие или близость индивида к повседневной практике демонстративной роскоши, активной светской жизни, культы «вечной весны», гедонизма. В полном объеме его пытается реализовать часть элиты. В отдельных своих компонентах он получил очень широкое распространение в массовом потреблении и в массовой культуре. Спрос на «блестящее и эффективное» велик как в бутиках, так и на вещевых рынках, оценка потребления как главного для человека занятия свойственна разным социальным слоям и группам российского населения.

На основе анализа эстетики гламура автором построен типологический ряд, выводящий принципы гламура из салона середины XIX в.: салонное искусство — массовая культура — соцреализм — китч — гламур. Все пункты этого перечня основаны, на мой взгляд, на одном эстетическом принципе — вмещении идеализированного содержания в красивую (социально привлекательную) форму. Следствие этого принципа — эстетическое (нравится) и экономическое (покупают) — принятие красивой идеализации разными по своим социальным и экономическим характеристикам аудиториями. Принцип «идеальное в красивом» работал всегда, но наиболее очевидно — в последние полтора века в условиях демократизации общества, его массовизации. Исторически красивая идеализация была востребована в первую очередь демократическим представителем массовой культуры. Сегодняшняя актуализация принципа «красивой идеализации», воплотившаяся в феномене гламура, базируется на иной социальной и идеологической базе. Эта база — принятие элитой демонстративного потребления и гедонизма как системной идеологии (что ранее для продуктивной элиты было нетипично). Причины такого системного «сбоя» элитарного социума, в конечном счете приводящего к аномии этой социальной группы, на наш взгляд, две. Первая — чув-

ство неуверенности, преходящего характера жизни перед глобальными вызовами и угрозами. У новых русских на это накладывается еще и отсутствие уверенности в полной легитимности своей позиции в социальном пространстве. Вторая причина столь полного и безусловного принятия элитой как социальной группой гламура в качестве стиля жизни более системна. Современная российская элита рекрутировалась из массовых слоев населения. Соответственно, российская элитарная субкультура в основе своей имеет сегодня массовую культуру, сформировавшуюся, с одной стороны, на традициях соцреализма, а с другой — на глобальной массовой (в том числе и потребительской) культуре. Стиль жизни демонстративно выставлен элитой в качестве социального маркера. Причем маркируются не индивидуальные ценности, а достигнутый уровень потребления — роскошь. По сути, гламур — игровая практика взрослых, создание иллюзии о себе через демонстративное потребление особого типа благ — брендированных товаров и услуг индустрии роскоши (или их симуляций — для неэлитарных слоев населения). Имидж формируется через роскошь. Поэтому символ «настоящего гламура» — бренды, принадлежащие французскому холдингу LVMH (Louis Vuitton Moët Hennessy). Социальный верх — референтная по потреблению группа для большинства населения. В полном соответствии с теорией моды В. Зомбарта, образцы от привилегированных слоев общества «просачиваются» в непривилегированные в профанированном виде.

Итак, гламур — это соответствие стандарту роскошной респектабельности, легитимизированной «именем вещи» — брендом. Социальный смысл, социальная иерархия брендов создается рекламой, основным каналом которой по-прежнему, несмотря на развитие новейших каналов коммуникации, остаются масс-медиа. Реклама (а сегодня это прежде всего реклама гламура) является системообразующим компонентом СМИ. Даже самые респектабельные из них (например «Известия») значительное место уделяют «светской хронике», то есть миксту из брендов-фамилий, брендов-мест, брендов-мероприятий, брендов-вещей. Мало кто знает, что многие популярные «глянцево» журналы зарегистрированы как рекламные издания, их основное содержание — реклама. Вследствие «духа времени» это прежде всего реклама гламура. Гламурный дискурс в том или ином проявлении (в виде рекламы косметики, описания костюма губернатора, репортажа со дня рождения поэта и хроники пожара модного ресторана) становится основным для медиа.

¹ Профессор кафедры теории и истории социологии Московского государственного педагогического университета, доктор социологических наук.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Я зашел вас поприветствовать. Двенадцать секций работают параллельно, и мне хочется побывать в каждой, однако в результате я не могу поучаствовать ни в одной. Немного вам завидую, потому что захожу в аудиторию и вижу пиршество разума. Когда в первом ряду сидят, допустим, мои друзья — петербургские журналисты, а также Петр Вайль — это мне еще понятно, но когда в последнем ряду сидит академик Рыжов — это уже чересчур. Такого состава аудитории, по-моему, ни в одном университете не увидишь. Я вам искренне завидую, ведь вы можете обсудить различные проблемы на высокопрофессиональном уровне. Я, может быть, поговорил бы сегодня на тему: «Можно ли запретить Ксюшу Собчак?» (На мой взгляд, можно и нужно.) Но... Очевидно, что у вас очень интересно. Не смею вам мешать. Я очень рад, что вы в нашем Университете. Спасибо.

А. В. ГУЛЬЦЕВ: — На правах модератора не могу не ответить. Я на всех форумах без конца спорю о том, можно или нельзя запрещать СМИ. Это нормально — воспитывать свой народ, рядиться в тогу пророка. Это делают все; собственно говоря, писатели и журналисты как раз и должны этим заниматься. Конечно, можно потакать человеческим страстям, особенно порочным, и зарабатывать на этом, но тогда не стыдно зарабатывать и на наркотиках, и на проституции. Но, вообще говоря, за определенные

вещи сажают в тюрьму, значит, и Ксюшу Собчак можно посадить.

И второе. Независимые СМИ — это не те, которые зарабатывают на рекламе. Я знаю массу газет, которые работают на своего главного рекламодателя и пляшут под его дудку. Потому что иначе он не будет размещать в них рекламу. Я знаю такие французские газеты, где «Рено», «Пежо» и «Ситроен» определяют редакционную политику. В этих газетах не могут написать что-то против президента Саркози, иначе у них просто не будет рекламы. Самые независимые СМИ — это, по-моему, CNN, ABC, NBC. Они живут на дотацию государства, а политику там определяют главный редактор и журналисты.

О. О. САВЕЛЬЕВА: — Когда я говорю «независимые СМИ», то прекрасно понимаю, что независимости в принципе быть не может. Люди живут среди людей и зависят друг от друга по определению. Я имею в виду финансовую независимость. И есть еще такая форма, как общественное телевидение.

О. С. КУЗИН: — Если СМИ получает дотацию от государства, то оно зависимо от этого государства, и критиковать его высших чиновников точно не будет. Мне очень понравилось высказывание В. Угрюмова — «Давайте не будем путать — есть журналисты и журналистика и есть средства массовой информации». По оценкам экспертов, сегодня 95 % эфирного телевизионного времени занято нежурналистикой.

Е. П. Борзова¹

УПРАВЛЕНИЕ МИРОМ: РЕАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА, МИРОВАЯ КУЛЬТУРА И СМИ

Фактор культуры в мировой политике приобретает новое звучание. Серьезно возрастает его влияние на общемировые социально-экономические процессы и межгосударственные отношения. В связи с этим государства начинают уделять больше внимания своей политике в сфере культуры и все чаще используют термин «внешняя культурная политика».

Внешняя культурная политика при успешной реализации способна стать эффективным средством сопровождения общей внешнеполитической стратегии государства, позволяя отстаивать и продвигать свои национальные интересы на мировой арене, оказывая непосредственное влияние на различные политические, экономические, социальные процессы в мире.

Ведущую роль во внешней культурной политике играют СМИ, а глобализация — это высшая степень интернационализации СМИ, подразумевающая не только выход национальных границ, но и расширение диапазона их действия до глобального. Информационная глобализация тесно связана с экономической, поскольку на информационных рынках наиболее развитых стран мира преобладают коммерческие СМИ. Наиболее влиятельные инфор-

мационные производители Запада обязаны своими успехами обстоятельствам, которые позволили им рано вступить в информационный бизнес и занять в нем господствующее положение.

Появление спутниковых технологий вещания, которые позволяют избежать посредничества национальных наземных ретранслирующих станций, обеспечило прямой доступ СМИ развитых стран к зарубежной аудитории. Таким образом, существующая на мировом информационном рынке ситуация, создаваемая крупными информационными производителями Запада, дает им большие преимущества и блокирует информационное развитие более слабых наций. Это стало очевидным еще в 1980-х гг., а за последние десятилетия ситуация только усугубилась. Существует небезосновательная точка зрения, что интернационализация информационных и коммуникационных процессов не стихийна, а вдохновляется и управляется «элитной группой стран», которая осуществляет свою власть в основном двумя путями — технологическим и финансовым.

Очевидный актуальный пример для исследования культуры как «мягкого» инструмента внешнеполитического воздействия — внешняя культурная политика США. Ее плоды и влияние прослеживаются на большей части планеты, можно даже говорить о ее общемировой экспансии.

Главными средствами формирования имиджа США на мировой арене являются такие виды

¹ Декан факультета истории мировой культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, заведующая кафедрой межкультурных коммуникаций, доктор философских наук, профессор.

медиа, как кино и телевидение. Кроме того, в США используются все СМИ как проводники официальной и неофициальной внешней политики в сфере культуры. При этом, говоря о влиянии неофициальной культурной политики США в контексте экспорта поп-культуры, нельзя не отметить глобальность ее воздействия на уровне субкультур.

Основным инструментом неофициальной внешней культурной политики США, идеологическим орудием, неким символом современной Америки и средством формирования имиджа этого государства на мировой арене является голливудский кинематограф. Его средствами американцы сумели создать привлекательный имидж своей страны для населения планеты. Вторым наиболее эффектив-

ным средством трансляции американских культурных ценностей является телевидение, оно неотъемлемая часть американской и — в более широком смысле — глобальной культуры. Само понятие «глобальная культура» является спорным в академических кругах, но если говорить о глобальной культуре как общечеловеческой или касающейся всего мира, то она развивается в сторону американской культурно-цивилизационной модели с доминирующим компонентом массовой культуры США. Корни ее ведут к тому, что ассимилированные на американской почве историко-культурные традиции и культурные явления разных народов, претерпевая изменения, трансформируются, синтезируются и предстают в качестве американской культурной продукции.

В. Г. Лукьянов

СМИ И ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ РОССИЯН

В традиционных типах культуры индивид получал целостную картину мира и процесс ее «доводки» не был сопряжен с коренным пересмотром или выбором альтернативы. Сегодня СМИ как бы навязывают личности множество различающихся, иногда несовместимых картин мира (связанных с определенными культурами и субкультурами). Поэтому у личности есть две возможности: 1) стать пассивным объектом противоречивого воздействия культур и субкультур и в результате получить противоречивую, «разорванную» картину мира; 2) стать подлинным субъектом творчества, самостоятельно формировать собственную картину мира, которая в этом случае окажется в большей степени целостной и непротиворечивой. Реальный индивид в своей жизни чаще всего реализует обе возможности, становясь одновременно (в большей или меньшей степени) и объектом и субъектом культурно-творческой деятельности.

По данным социологов, в нашей стране за последнее время стало меньше людей с развитым ценностно-ориентационным потенциалом: речь идет об отсутствии у многих ценностного стержня индивидуальной картины мира или, иначе говоря, о неразвитости ценностного сознания, что может привести и приводит к деформации ценностных координат личности. Сегодня в СМИ оказались вне поля зрения такие ценности, как совесть, честь, семья, справедливость, Родина... Напротив, СМИ пытаются внедрить в сознание людей всякого рода псевдоценности (насилие, жестокость и т. п.). Вот почему вхождение России в новое информационное пространство (без соответствующего современной ситуации формирования информационной культуры индивида, включающей способность самостоятельно определять ценность поступающей информации, а также при необходимости «отфильтровывать» ее) может оказаться скорее негативным, нежели позитивным фактором инкультурации личности. Особенно пагубным оказывается воздействие на детей и под-

ростков, которые иногда стараются «попробовать» повторить в жизни то, что они впервые увидели на кино- или телеэкране («Однажды в Америке», «Бригада»).

Все это подводит к мысли о необходимости изменить сам тип культурной политики государства на современном этапе развития:

1. Требуется выработать такую долговременную культурную политику, которая способствовала бы сохранению и воспроизводству национальной картины мира. Именно поэтому необходима, на наш взгляд, специальная программа поддержки отечественного кинематографа. Только отечественная кинематография, ориентированная на российский менталитет, способна вызвать у зрителя чувство идентичности со своей культурой, с судьбой своего народа.

2. Необходимо формирование институтов гражданского общества (как это имеет место, например, в европейских странах) с целью защиты интересов общества и конкретных людей в плане обеспечения социальной ответственности СМИ и защиты духовного здоровья граждан. Считаю необходимым инициировать формирование внутри поля СМИ профессионального сообщества, заинтересованного в позитивных изменениях. Возможно, одним из результатов деятельности этого сообщества могло бы стать создание этического кодекса работника СМИ.

3. В настоящее время первостепенной становится задача формирования информационной культуры личности. В деятельности институтов образования акцент необходимо перенести на «воспитательную» составляющую.

Конечно, необходимо учитывать, что СМИ сегодня — лишь один, хотя и весьма значимый канал инкультурации личности. Несомненно, духовное оздоровление индивида в большей мере зависит от других институтов и каналов воспитания, таких как семья, школа, общественное мнение и так далее, от эффективности их взаимодействия, от результативности их совместных усилий.

¹ Заведующий кафедрой философии СПбГУП, доктор философских наук, профессор.

ЯЗЫК СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

Речь пойдет в первую очередь о тележурналистике — просто потому, что меня это волнует и интересует больше всего. Хотя Россия вслед за всем миром перестает быть литературоцентристской страной, но все же века литературоцентризма даром не прошли, и слово в России играет все-таки более значительную роль, чем во всех остальных европейских странах. В этом смысле за последние 15–20 лет произошли очень существенные изменения, таких, которых не было раньше. Что я имею в виду? На протяжении веков законодателем словесной моды, манеры, стиля был писатель. Всегда. Сейчас — нет. По довольно понятной и практической причине. Писатель перестал быть богатым и привилегированным, уважать его не за что и нечего его слушаться. Это место заняли тележурналисты, телеведущие. Богатые, хорошо одетые, не по сезону загорелые; тем языком, которым говорят телеведущие, говорит страна. Это, по всей видимости, та реальность, которая будет продолжаться еще долго, потому что никакой альтернативы этому не видно, и языковые поиски вроде албанского языка в Интернете — это все очень интересно, но все-таки пока крайне маргинально. Именно поэтому очень важно, какой язык, что называется, «показывают» с телеэкрана.

Приведу целый ряд конкретных примеров. Это на 90 % тележурналистика, причем не только центральных каналов. В силу разных обстоятельств я в последние годы видел очень много региональных телеканалов — от Камчатки до Калининграда, так что выборка репрезентативная.

Резко усилилась красота стиля на фоне отсутствия редакторского контроля. Все цитаты точные: «Крошки от большого пирога своей щедрости», «Череповец готов к нашествию клещей», «Огонь получил “вольную”», «Нельзя попросить беду подождать до утра». Или, например, такое: «На руки юной Верочки Петровой ложится первый метр колбасной оболочки». Хотелось бы посмотреть на кавалера этой Верочки, а журналиста я видел: он ничего. Поскольку мой любимый город — Венеция, то я с особым вниманием отношусь к упоминаниям о Венеции. Она играет особую роль в российской журналистике, особенно в тележурналистике, потому стоит разлиться какой-нибудь речушке в сибирской деревне, как сразу «всплывает» Венеция. Например, «Венецианские пейзажи Югорска»; репортаж из Ноябрьска: «Скоро в магазины можно будет въезжать на гондолах» или «В ближайшие дни станет ясно: превратится ли Ижевск в Венецию?»

Особое место занимает спортивная журналистика. Об этом можно говорить отдельно, именно потому, что она считается наиболее свободной, и в советские времена действительно была таковой. Там красота такая, что, как правило, не хватает времени только на то, чтобы сообщить, с каким счетом закончилась игра. На все остальное время есть, например: «Аршавин пяткой высоко закинул мяч на Зырянова, который в касание переправил упругую сферу на Погребняка. Павел нежно принял дорогой

дар и доставил его по адресу: в сетку ворот». Внятность, которая, казалось бы, именно в спортивной журналистике больше всего нужна, как раз и отсутствует. И это очень характерный показатель.

Другой пример — философское направление журналистики. Вдумайтесь: «Жизнь — это бесконечный выбор между созиданием и разрушением»; «капля воды, в которой отражается целый клубок проблем», «чтобы вопросы отпали для понимания». Активно осваивается религиозная тематика: «Явление судебных приставов народу», «Христос воскрес: без сомнения — главная новость недели». РИА «Новости» включило Преображение Господне в свою информационную ленту новостей — что само по себе уже мило.

Существует культура заголовка, отсутствующая в западной тележурналистике, перекочевавшая на телеэкран из прессы. В периодике понятно, для чего существует заголовок: чтобы отделять один материал от другого. В тележурналистике этого не требуется, тем не менее почему-то применяется. Примеров можно привести бесчисленное множество: «НАТО быстро введет и быстро выведет»; о гибели воинского подразделения в Чечне говорится: «Чеченские боевики работают без выходных», а о гибели пожилой женщины: «Старушка не спеша дорожку перешла».

В свое время Бернард Шоу высказал мысль, актуальную и сегодня в отношении разных видов СМИ: «Газета — это печатный орган, не видящий разницы между падением с велосипеда и крушением цивилизации». Российские теленовости новостями не являются ни в какой степени. Короткий выпуск новостей выглядит приблизительно так. Первое: «Президент встретился с премьер-министром», что новостью не может быть, ни в одной стране мира этого нет. Второе: «В США стрельба в студенческом кампусе». Третье: «Открыто акушерское отделение в больнице Гудермеса». И четвертое: «Невиданное нашествие бабочек на западный берег Мексики». Вот это будут четыре главные мировые новости. Складывается ли из этого картина мира? Вряд ли. При этом все, о чем сообщается, принимает крайние гипертрофированные формы. Например, вы, наверное, обратили внимание, что любая операция, которую проводит либо милиция, либо армия, либо террористы, — всегда широкомасштабная и всегда хорошо или тщательно спланированная — независимо от того, чем она закончилась. Например, никого не удалось убить или поймать, но все равно — операция широкомасштабная и тщательно спланированная. Машина всегда «взлетает на воздух». Кто был на войне, тот знает, что машина не взлетает, она вздрагивает на месте и разваливается, даже если доверху набить ее взрывчаткой. Но ведущий всегда скажет: «Взлетела на воздух начиненная взрывчаткой машина». На днях я слышал, как открывался выпуск новостей: «Американские штаты Мериленд, Делавер и Нью-Джерси стремительно уходят под воду». Думаю, жители этих штатов страшно удивились бы, услышав такое. Я, например, живя в Праге, несколько лет назад, когда там было наводнение, своими ушами слышал и своими глазами видел (по-моему, это было по НТВ),

¹ Писатель, журналист (Чехия).

как корреспондент сказал: «Только шпили церквей одиноко торчат над водой». Я в это время сидел у телевизора в Праге, и если бы не российское телевидение, то не знал бы, что было наводнение. Или, к примеру: «Красноярский край охвачен огнем». Простой взгляд на глобус покажет, что такой катастрофы земля не знала со времен Всемирного потопы.

И это не реклама, как можно было бы подумать. Это придание значительности произносимым словам и тем самым — себе. Если я говорю о том, что Красноярский край охвачен огнем, то прислушайтесь и заодно посмотрите на меня: какой я молодец, что такое сообщаю. Почему все это происходит? Потому что за последние годы стремительно сузилась информационная площадка, на которой можно резвиться журналисту. Ни на каком канале невозможно серьезное аналитическое обсуждение политики, экономики, социальных проблем, даже культуры, если вопрос имеет социальный или политический оттенок. Поэтому журналисту ничего не остается, как гипертрофировать сообщаемое, каковым бы оно ни было. Экспрессивность формы восполняет стерильность содержания; психология

О. С. КУЗИН: — Благодарю Петра Вайля за замечательное выступление. Я сказал бы, что оно почти канцерное. Однако не во всем виноваты журналисты. Вот уже много лет газета «Трибуна» вместе с Санкт-Петербургской академией журналистики проводит конкурс на обладание «Воробьиной премией». Девиз этой премии: «Слово не воробей: вылетит — не поймаешь». Два года назад первое место с огромным отрывом получил министр культуры, ныне ушедший с этого поста, Александр Сергеевич Соколов. Он произнес фразу, которую сам объяснить не может: «Невинность приходит с опытом». А в этом году первое место, опять же с большим отрывом, занял ректор бывшего Плехановского института, ныне Академии народного хозяйства. Он сказал: «Нет такой ситуации, из которой нельзя было бы выйти с позором». Я даже не цитирую В. С. Черномырдина, который 10 лет назад стал первым обладателем этой премии, и из-за него было принято уникальное решение: присудить ему первую премию и больше на конкурс не допускать, потому что иначе бы он каждый год премию получал.

Всю жизнь я был убежден, что прежде чем стать теле- или радиокорреспондентом, человек должен в совершенстве изучить русский язык. То, что сегодня мы слышим в прямом эфире, выходит за рамки дозволенного, особенно на «раскрученных», как мы говорим, радиостанциях. Есть люди, позволяющие себе «нести» в прямом эфире такое, что не хочется даже комментировать. Безграмотность вопиющая! И это огромный удар по всему журналистскому цеху. К сожалению, русский язык сегодня засорен безмерно.

этого понятна. И то, что появилось колоссальное количество передач в духе программы «Максимум» на НТВ, мистики, магов, ведьм в утренней программе новостей — тоже беспрецедентный для мировой практики случай. «Рекомендуется перед выходом на работу положить в карман зеркальце, лицевой стороной наружу — от глаза». Что происходит? Дело в том, что ни о чем серьезном говорить не получается. Ведь, в отличие от бумажной журналистики, электронная строго регламентируется временем. Существуют ограничения на рекламу, значит, надо еще о чем-то говорить и что-то сообщать. Прямое следствие отсутствия свободы на российском телевидении — его, как выражался Бродский в таких случаях, — «остервление». Это самое «остервление» происходит, и конца ему не видно, потому что надо нагнетать страсти. Чтобы вызвать интерес, требуется поднимать планку все выше и выше. Раз нельзя вширь, значит, будем ввысь. Раз нельзя темы, значит, надо стиль. И еще одна, с вашего позволения, цитата из Честертона: «Единственное, что оправдывает моральную деградацию прессы, — то, что ей сопутствует деградация умственная».

П. Л. ВАЙЛЬ: — Может быть, не стоило бы так беспокоиться. Язык — мощнее, сильнее, богаче не только каждого из его носителей, но и всех их вместе взятых. Это саморегулирующаяся система. Сколько стонов было на протяжении веков о засорении русского языка то голландскими и немецкими словами в XVIII в., то англицизмами в XIX в. Адмирал Шишков придумал по-настоящему грандиозные слова. Бильярд назвал «шарокатом». Но язык их почему-то не принял. А скажем, Хлебников придумал слово «летчик», и язык это слово освоил. Почему? Никто не знает, нас не спросили.

О. С. КУЗИН: — Тем не менее на могилах первых русских летчиков написано «авиатор».

П. Л. ВАЙЛЬ: — Правильно. Вошло слово «летчик», но и «авиация» осталась. Почему так получилось? Неизвестно. Языку любое обогащение идет в плюс, что нужно — то останется, что не нужно — обесценится.

В. Б. УТРИУМОВ: — Здесь не только вопрос стилистики и лексики, но и вопрос интеллекта. Небольшой пример. «Наше радио» сообщило: «Губернатор принял участие в юбилее зодчего России». Я сразу позвонил на эту радиостанцию и спросил, что это значит. Оказалось, что там молодая ведущая, которая просто не знает, кто такой Росси. Если бы она, например, сказала «феномэн», а не «фенбмен», то это было бы не страшно, это можно.

П. Л. ВАЙЛЬ: — Да, это не очень страшно. Сегодня я буду выступать перед старшеклассниками. Конечно, они в целом менее образованны, чем мы, но они гораздо более свободны. А это все же важнее, чем незнание того, что связано с зодчим России.

О. Ф. Русакова

ШОУ-ПОЛИТИКА: ДИСКУРС-АНАЛИЗ

Шоу-политика сегодня формирует способы жизнедеятельности массовой культуры в обществе массового потребления. «Развлекай и властвуй» — вот

главный девиз шоу-политики. Политику, театр и шоу-бизнес объединяет обязательное присутствие во всех трех типах коммуникации сильного

игрового начала. Участниками политической игры выступают политические субъекты, или акторы, есть также определенные правила политической игры, зафиксированные в законодательных актах, указах, протоколах, традициях, ритуалах. В шоу-бизнесе, как и в реальной политике, игра носит остро конкурентный характер. Современная политика, как и шоу-бизнес, не может успешно развиваться без таких средств и источников влияния, как СМИ, реклама и PR.

В отличие от спектакля, разыгрываемого на сцене, шоу носит принципиально *интерактивный* характер. В шоу актеры и зрители если и разделены в пространстве, то не рампой, а экраном. В телевизионной студии, на улицах и площадях коммуникативные барьеры между выступающими и зрителями сведены к минимуму. Для шоу это очень важно, поскольку одна из его главных задач — *вовлечение публики* в игровые моменты происходящего на ее глазах действия. В связи с тем, что в игру вовлечены все участники, шоу приобретает черты карнавальной культуры, которая выполняет функцию организации праздника, позволяющего людям выйти за рамки и нормы повседневной рутинной жизни. Подлинное шоу, содержащее элементы карнавальной культуры, заметно отличается от пафосных, серьезных религиозных и политических церемоний, которые, на наш взгляд, можно назвать шоу с определенной натяжкой. Функцию масок здесь выполняют определенные роли-амплуа: ведущий ток-шоу, оппоненты, группы поддержки, интерактивный зритель. В последнее время все чаще карнавально-игровой стиль становится неизменным атрибутом политических кампаний и акций, включая избирательные кампании и партийные съезды.

Празднично-карнавальный характер шоу отвечает на определенный заказ общества массовой культуры и массового потребления. Таковым, в частности, является *гедонистический заказ* — на получение удовольствия особого рода. Характер ожидаемого от шоу удовольствия сродни удовольствию, получаемому от галлюциногенных препаратов. Это нашло отражение в лексиконе, употребляемом прежде всего в молодежной аудитории. Производство кино не случайно называют «фабрикой грез». Такими же фабриками грез являются разновидности телевизионных шоу — «мыльные оперы», «фабрики звезд», многочисленные «шоу со звездами» и т. п. Главным для понимания особенностей дискурса шоу является вопрос о том, *какие властные ресурсы заложены в шоу-дискурсе?*

Культура слова в символическом пространстве культуры вытесняется видеокulturой. Источником культурной информации в эпоху медиакратии становятся экранные СМИ. «Картинка» в соединении со звуком обладает большей суггестивной силой, чем вербальные знаки. Символическое

поле значений и смыслов, формируемое с помощью экранной картинки, постоянно расширяется, вытесняет на периферию массовой культуры рациональные компоненты. В обществе массового потребления и массовой информации все более зрелищными становятся городские ландшафты, места массового пребывания.

Можно выделить следующие жанровые шоу-дискурсы: дискурс телевизионного ток-шоу, дискурс «шоу со звездами», дискурс карнавала, дискурс тематического конкурсного шоу, дискурс креативной командной игры, дискурс реалисти-шоу, дискурс модельного шоу, дискурс спортивного шоу, дискурс event-шоу. Существуют также особые жанры политических шоу. Дискурс большинства шоу выстраивается в соответствии с определенными постановочно-исполнительскими требованиями: 1) *«клиповость»*; 2) *драматичность*; 3) *цикличность основного мессиджа*; 4) *яркость и эмоциональная эффектность* транслируемых образов. Опытные пиарщики и шоу-мейкеры знают, что клиенту не надо давать опомниться от шоу-атаки. Зрелище должно постоянно удерживать внимание публики, развлекать ее все новыми «переменами блюд». Во время шоу ни в коем случае не должны образовываться паузы, лишенные информативно-эмоционального насыщения. Перформанс может осуществляться либо по нормативному принципу «игры по правилам», либо по принципу управления неопределенностью. Фаза перформанса шоу-дискурса содержит презентационный компонент, который имеет свою динамическую структуру. Структурной единицей презентационного плана перформанса, с нашей точки зрения, является *презентационный шаг*. Нарративный компонент перформанса шоу-политики представляет собой цепочку презентационных шагов, выливающих в целостный или фрагментарный рассказ о главном герое шоу. В целях усиления у публики доверия к кандидату политический презентационный нарратив должен обладать *амбивалентным дуальным характером*: 1) раскрывать образ кандидата по формуле «один из нас»; 2) говорить о кандидате как об уникальной личности, способной лучше других решать проблемы нации. Соединение в одном презентационном нарративе элементов тождественности с народом и превосходства в уникальности лучше всего отвечает таким важным эмоционально-ментальным потребностям публики, как идентификация с лидером и присоединение к успеху будущего руководителя нации. Убедительность образа, формируемого посредством презентационного нарратива, будет значительно усилена, если включить в содержание сюжеты, раскрывающие его достижения сразу в плане двух имиджевых архетипов: 1) архетип строгого, но справедливого «отца»; 2) архетип заботливой «матери».

Ю. Б. Балашова

ПРАЗДНИЧНАЯ ТРАДИЦИЯ И СМИ

Поскольку праздник составляет ядро любой культурной традиции, в переходные эпохи (а современная социокультурная ситуация остается во

многом лиминальной) массовое сознание стремится обрести мировоззренческую опору в том числе в традиционных моделях праздника. Современная

праздничная культура развивает деятельностный аспект и утрачивает онтологический: из мистериального действия она трансформируется в театрализованное шоу (яркий пример — судьба карнавала). Если обратиться к отечественному новогоднему телевидению, то новогодняя ночь на телеэкране утрачивает важнейшую категорию традиционного праздника — привнесение в мир атмосферы таинства и чуда. Многочисленные ремейки как раз отрицают саму идею чуда, поскольку основаны на варьировании узнаваемых моделей.

Традиционно ритуально-обрядовую сторону праздничной культуры поддерживала как собственно литературная (календарная словесность), так и журналистская традиция. На пересечении этих двух параллельных традиций сложилось и продолжает развиваться такое явление, как альманах, занимающий промежуточную позицию между книгой как таковой и периодическим изданием. Альманах — это заимствованная форма, во времена Карамзина он представлял собой кальку с западноевропейского образца, а в пушкинскую эпоху приобрел специфически национальные черты. Основная национальная особенность определяется тем, что альманах в своей литературной ипостаси был заимствован из Западной Европы, и, как следствие, именно эта ипостась утвердилась в качестве основной на русской почве.

Альманах предлагает «круг чтения» на определенный отрезок времени, а сроки выхода в свет классического альманаха тесно связаны с сезонными календарными праздниками — прежде всего Рождеством и Пасхой. Первые наиболее известные русские альманахи 1820-х гг. («Полярная звезда», «Северные цветы») появились у книготорговцев в преддверии Нового года. В этом культурном контексте устойчивые заглавия типа «Улыбка весны»¹ не только воспринимаются как метафорические, но и отсылают к конкретной временной отнесенности сборника. Альманах более поздних периодов (вторая половина XIX в.) чаще соотносился с летне-осенним сезоном, будучи зависимым от «отпускного» периода (юмористические альманахи), а также от народного аграрного календаря — времени жатвы².

И семантика, и прагматика альманаха ориентированы на праздник. По внешнему оформлению альманах предстает подарочным собранием «отборных страниц современных авторов», является предметом роскоши, безделкой, забавой, сувениром и даже игрушкой.

Классический альманах пушкинской поры — это миниатюрная «карманная книжка» форматом в 1/16 долю листа, украшенная романтической виньеткой. В 1920–1930-е гг. альманах в ряде случаев включал портрет кого-либо из авторов

¹ Улыбка весны: альманах на 1832 г., изданный Ив. Глухаревым. М., 1832.

² См.: Арлекин на даче: летний юмористический календарь 1888 г. (СПб., 1888); Дачные Дон Жуаны: сборник юмора (изд. Гулливера [К. А. Михайлова]. СПб., 1898). Альманах: садовый (М., 1875). Серию «живных» альманахов начала XX в. предваряет «Первый литературный альбом “Жатва”» (М., 1911), а завершают «Песни “Жатвы”» (Тетрадь первая. М., 1915) и «Вестник литературы “Жатва”» (М., 1916, Кн. 8).

(например А. С. Пушкина в «Северных цветах»), гравированные портреты петербургских красавиц (последние были представлены в «роскошной» карманной книжке «Утренняя заря», составленной в 1838 г. цензором В. А. Владиславлевым по непосредственному правительственному заказу), репродукции картин, зарисовки различных видов, заставки к текстам. В 1840-е гг. в альманахах буквально врываются политипажи и дагерротипы, а с последней трети XIX в. начинают проникать авторские рисунки, факсимиле рукописного текста или подписи автора, актуализирующие писательскую индивидуальность и создающие эффект присутствия.

Праздничная концепция альманаха находит выражение и в его композиционной организации. Альманах обрывают «календарные» отделы («Календарь и месяцеслов»³, «Светлая неделя»⁴), а экспозиция альманаха стремится включать специально написанные для данного сборника поздравительные тексты, обычно посвященные Новому году. Традиционное для альманаха новогоднее стихотворение, как и гораздо более факультативный святочный рассказ, могут располагаться в любом звене композиционной цепи.

Современные альманахи сохраняют праздничный потенциал, однако они представлены, главным образом, в пространстве Интернета. Стремление к воссозданию целостной структуры праздника, отвечающее универсальным потребностям человека, вероятно, имеет смысл поддерживать в плоскости литературно-журналистского процесса изданиями, подобными классическому альманаху, связанными с праздником как на чисто формальном уровне, так и в плане поэтики.

Ниша праздничных изданий на современном медиарынке фактически не заполнена. Художественные альбомы, календари, соответствующая книжная и периодическая продукция разведены по разным сегментам рынка. Если основываться на синкретической и одновременно литературоцентристской альманашной традиции, издания, соотносимые с праздником (приуроченные, по крайней мере, к главному общенациональному светскому празднику — Новому году), должны содержать богатый иллюстративный ряд и включать литературные элементы. К такого рода изданиям можно отнести столь популярный сегодня «Книжный гороскоп», восходящий к средневековым альманахам-календарям с различными предсказаниями. Думается, что латентный спрос на подобную продукцию определяется культурной памятью и поддается экспликации.

Само слово «альманах» сохраняет восточный колорит и напоминает об арабских корнях. Таким образом, на русской почве явление обретает «евразийский» характер (вбирает традиционалистскую восточную и западноевропейскую составляющие), что отвечает константной особенности национального самосознания.

³ Маленький летучий альманах на 1819 г. [б/м. и г.] (ср. с практикой «летучих» лубочных картинок).

⁴ Уралия. Карманная книжка на 1826 г. для любителей и любителей русской словесности, изданная М. Погодиным [М., 1826].

И. О. Фояков¹

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЖУРНАЛИСТА

Дорогие коллеги! Я в этой аудитории чувствую себя, пожалуй, динозавром, потому что нынешний год — особенный для меня: 50 лет назад я вступил в Союз журналистов. Членский билет этого Союза — старейший из моих действующих документов, единственный, на котором я изображен без бороды. Из этих 50 лет 36 отдано «Литературной газете»: сначала я был собкором по Сибири, Уралу и Дальнему Востоку, потом — по Ленинграду и Северо-Западу. Теперь, наверное, не все помнят, чем была «Литературка» в 1960–1970-х: тираж до 6 млн, подписка разыгрывалась в лотерею. Нынешняя «Литературная газета», с которой я продолжаю эпизодически сотрудничать, — не в обиду ей будет сказано — лишь тень того, что было. Изменилось время: когда-то «Литературная газета» в силу ряда обстоятельств пользовалась повышенной степенью разрешенной смелости. Теперь по части безоглядности (употребим это слово, ибо понятие «смелость» в сегодняшних условиях несколько затуманилось: кого «бояться» в отсутствие цензуры и партийного диктата?) ее многие превосходят. Как бы то ни было, я хорошо помню и знаю то, что было, и могу сравнивать с тем, что есть.

«Свобода в небе крыльями качает. Все говорят. Никто не отвечает» — есть у меня такие стихотворные строчки. Свобода в печати — явление обоюдострое. Есть свобода говорить правду — хотя бы в меру твоего понимания. И есть свобода врать. Не лгать, а именно врать — безответственно и безоглядно. Нынешняя пресса очень много, порой чудовищно врет. Начиная с мелочей: в весьма известной газете, у известного автора нахожу упоминание об *узбекском поэте Джамбуле* (мол, черт их разберет, этих азиатов — кто узбек, а кто казах!). В кроссворде разгадываю: «Команда, за которую играл Всеволод Бобров...» По буквам получается: «Динамо». Но в «Динамо» Бобров не играл. Он был одним из корифеев ЦДКА — нынешнего ЦСКА!

С некоторых пор утвердилось мнение, что говорить правду — это значит непременно говорить горькое и страшное. Доброе слово — уже как бы изначально неправда. Горькое и страшное нельзя скрывать, но тут необходимы мера и такт. Я, например, вовсе не уверен, что так уж необходимы подробные репортажи с мест всяческих железнодорожных, авиа- и прочих катастроф, телеинтервью с убитыми горем родственниками погибших. Короткая скорбная информация с обязательным номером телефона горячей линии — этого достаточно. Но нет, надо пощекотать нервы, слететься, как мухи на свежую кровь. В одной из поездок я был свидетелем,

как «центр» по телефону отчитывал своего собкора: «Что за информация ты нам даешь, у вас там что — *убийства хорошего* нет?» Было это, правда, еще в 1990-х. Но и сегодня иная информационная программа смотрится как криминальная сводка или репортаж из морга.

Газетный заголовок: «Поэт дарит счастье». О ком бы это? О ком-то из классиков, из выдающихся наших современников? Нет, трудно себе представить. Человек с мало-мальским талантом, а значит, и со вкусом, от подобного аншлага в ужасе отказался бы. А тут еще и подзаголовок имеется: «Стихи и песни NN объединяют столицы и поколения». Не слабо! И дальше — строк двести самых безудержных словословий в сугубо рекламной стилистике. Что характерно, ни одной стихотворной цитаты. И понятно: в другом тексте о том же авторе цитата была и о поэтическом совершенстве отнюдь не свидетельствовала. Я как-то попытался высказать в редакции свое недоумение относительно некоторых восторженных публикаций. И получил ответ: «Ты за свои публикации гонорар получать хочешь? Так вот чтобы мы могли платить своим авторам, мы должны зарабатывать деньги, прежде всего посредством рекламы». Могут удивиться, почему я не называю имени столь щедро прославляемого автора. Ответу: прежде всего потому, что автор — женщина. И тексты ее, судя по известным мне отрывкам, в общем, не хуже сочинений многих других нынешних текстовиков, даже всемерно прославляемых по телевидению. Ничего не поделаешь: время такое.

Не будем обольщаться: не было, нет и не будет идеальных СМИ. Зависимость административная сменяется зависимостью экономической или сочетается с нею в разных пропорциях. Приходится работать с теми СМИ, которые есть. Другое дело, что СМИ нашего города сейчас находятся в упадке. Названий много, но тиражи незначительны. Незначительно, соответственно, и влияние. Тираж главной газеты города — «Санкт-Петербургских ведомостей» — 50 тыс. Это мизер для 5-миллионного города. Особенно если учесть, что, например, в немецком Франкфурте-на-Майне, где население в два с лишним раза меньше, выходит «Франкфуртер Альгемайне» с огромным тиражом и международным распространением. В отдаленной перспективе я представляю себе выходящую в нашем городе большую многополосную ежедневную газету с параллельным выпуском на главных европейских языках, распространяемую как минимум по всей Европе. Такое издание могло бы стать высокодоходным, богатым и, может быть, хоть в какой-то степени независимым.

* * *

О. С. КУЗИН: — Тема тиража российских газет сегодня одна из самых болезненных. Сегодня среднестатистический житель России тратит на просмотр телевизионных программ 3,5 часа в день, а на чтение газет и журналов (специально выделяю периодику) — 18 минут плюс 2 минуты за счет «желтизны».

Вот и ответ на вопрос о том, какой должна быть журналистика, какой она стремится быть. И еще одна цифра. Вы про Франкфурт вспомнили, Илья Олегович. У нас по соседству, в городе Хельсинки, живет чуть больше полумиллиона человек, а газета *Helsingin Sanomat* («Хельсинкские ведомости») имеет тираж 450 тыс. экземпляров, что превышает тираж одной нашей популярной газеты в 10 раз.

¹ Журналист, писатель (Санкт-Петербург).

М. В. Ефимов¹

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ СМИ: ВЕКТОР РАЗВИТИЯ

Издательский бизнес подчиняется тем же законам, что и любой другой. Прежде всего, должна быть идея бизнеса (концепция печатного СМИ): если не придумать оригинальную идею (хотя бы для той местности, где данное СМИ собирается выходить), то нет смысла открывать новую газету или журнал. Если такой идеи нет у уже выходящего издания или она просто «устарела» в современном мире — нет смысла «тянуть» такое издание дальше. Оно будет ежемесячно приносить убытки, о чем говорит, в частности, статистика закрывшихся в последние годы многочисленных журналов и газет. Рынок диктует свои законы в медиабизнесе так же, как и в любом другом. Говоря о финансовом аспекте, подчеркну, что сегодня вложения в успешное в перспективе СМИ могут и должны быть сопоставимы с расходами на выпуск на рынок любого другого продукта: пива, парфюмерии, новой марки автомобиля и т. д.

Многие издатели, которым впоследствии пришлось закрыть свои СМИ, или те, чьи СМИ еще выпускаются, но являются бременем для инвестора, часто находятся в плену иллюзии, что для успешного СМИ достаточно только первого пункта (то есть идеи). И если издание «хорошее» (то есть идея, и она хорошо реализована — интересные материалы, хорошая верстка и т. д.), то рекламодатель сам это постепенно поймет и поддержит издание рекламными бюджетами. Но на практике этого не происходит, если не будет одновременно двух составляющих — идеи и денег. А точнее, трех — очень важно четко и понятно (в том числе грамотными рекламными кампаниями и разными прочими способами) убедить читателя, что данное СМИ — самое-самое! (самое глянцевое, модное, самое информированное, самое женское или мужское и т. д.).

Не менее важная составляющая (вряд ли возможная без финансового ресурса) — это необходимость привлечения квалифицированных кадров — их поиск, заинтересованность, обучение и впоследствии удержание. В Петербурге с журналистскими кадрами огромная проблема, несмотря на значительное количество выпускников различных вузов по данной специальности. К сожалению, многие будущие журналисты (и даже ныне работающие) не совсем адекватно представляют сложность и ответственность данной работы, часто воспринимая ее только лишь как посещение конференций с фуршетом или модных мероприятий с последующими собственными туманными об этом рассуждениями (которые, кстати, мало кого интересуют). Среди петербургских журналистов (в числе которых, конечно, есть настоящие профессионалы и виртуозы как во владении стилем, так и в поиске и анализе информации) немало случайных людей, привыкших поверхностно подходить к освещению тех или иных тем. Успешный журналист — это, прежде всего, любопытный и кропотливый исследователь. Например, если он (или она) пишет о персоне или компании,

то уже до начала написания статьи или интервью должен, проработав много информации, знать все о будущем «герое» материала.

Еще не так давно можно было наблюдать такую моду, как «иметь собственное СМИ». Многие крупные компании, хорошо заработав (на недвижимости, рекламе, продаже мебели, бензина и пр.), пытались войти на рынок медиа, который — кроме «модности» — казался им привлекательным из-за небольших затрат при явном влиянии на умы потенциальных читателей. Помните, было модно: богатые компании (или отдельные персоны) основывали свой журнал или газету либо открывали ресторан. При этом продолжали заниматься основным бизнесом, пустив издательское дело на самотек или надеясь, что «немного вложим — и само пойдет!» К 2008 г. 99 % таких газет, журналов (и, кстати, ресторанов) закрылось. Говоря о СМИ, повторю, что этот бизнес не менее сложный и финансово емкий, чем любой другой.

В настоящее время рынок деловой, общественно-политической, глянцевого, желтой прессы перенасыщен и весьма конкурентен. Если говорить о газетах делового и общественно-политического формата, то надо отметить постепенное «вымирание» общегородских газет, ранее пользовавшихся авторитетом и выходивших большими тиражами. Одной из причин их вымирания стало, на мой взгляд, то, что они просто не успели перестроиться в изменившемся мире. А он — мир — очень сильно изменился: поменялся стиль журналистики: исчезли ее различные жанры, условно говоря, «литературно-описательные» и «высокохудожественные на отвлеченные темы». Читателя стала интересовать четкая и ясная информация, спрессованная в небольшие объемы. Этим, в частности, во многом объясняется успех таких газет, как «Коммерсантъ», «Ведомости», «Деловой Петербург», принесших на рынок стиль, основанный на опыте или крупнейших иностранных (с огромной историей и опытом) издательских холдингов, или на журналистике самого высокого класса. Например, «Коммерсантъ» добавил к четкой и сжатой информации неподражаемый ироничный стиль изложения, действительно став образцом современной деловой журналистики. В свою очередь, успешные глянцевые журналы четко (так сказать, с картинками) отвечают читателям (которые уже очень хотят и могут хорошо одеваться и развлекаться) на вопросы: что, где, когда и как.

Думаю, что постепенное вымирание печатных изданий вообще нам не грозит. Как бы успешно ни развивались электронные СМИ, спрос на «живые» газеты и журналы останется еще долгое время. В основе этого лежит и многолетняя привычка, и возможность ощутить связь между читателем и журналистом, а также самостоятельно управлять скоростью чтения, визуально выбирать, что читать, а что нет, и просто возможность держать в руках газету или журнал, брать с собой и т. д.

Надо признать, что, например, по сравнению с прошлым десятилетием люди читают печатные

¹ Генеральный директор Издательского дома «Коммерсантъ» в Санкт-Петербурге.

СМИ все меньше и меньше. Тиражи даже самых успешных изданий невелики. Но, думаю, в ближайшие годы нас снова ждет постепенный рост тиражей. Причины просты и вытекают из вышесказанного — слабые по-прежнему будут умирать, печатных СМИ будет все меньше и меньше. Успешные станут богаче, а значит, смогут развиваться и привлекать лучших журналистов. Доверие — как к журналистам, так и к СМИ, где они будут работать, — у общества восстановится. В итоге останется десяток-

два супергазет с суперинформацией, на которую не смогут не обращать внимания все деловые и просто активные люди; по два-три журнала, лидирующих в своем сегменте. И множество узкоспециализированных изданий — журналы про спорт, рыбалку, прочие увлечения. Иными словами, средств информации будет меньше, они будут четче, информация станет более сжатой, и сама журналистика будет, скорее всего, другой. Это мое сугубо личное мнение как издателя.

* * *

О. О. САВЕЛЬЕВА: — Тема очень интересная. Вы сказали, что газета не умрет, люди все равно будут «шуршать» страницами. Я с вами согласна, надеюсь, лет 20 это еще будет продолжаться, а потом придет интернет-версия.

М. В. ЕФИМОВ: — Мир стремительно меняется, поэтому трудно прогнозировать, что будет лет через 10–20. Но я бы очень хотел, чтобы газеты остались, потому что, помимо того, что газета дает работу многим людям, она предоставляет им возможность самовыражения. Хотя, конечно, Интернет будет наступать.

О. С. КУЗИН: — Если посмотреть на процессы, которые происходят в России, то складывается впечатление, что классические печатные СМИ глобальное социалистическое соревнование проиграли. Уступили телевидению, уступают Интернету и т. д. Пятьдесят лет назад, когда еще не было массового телевидения, все были глубоко убеждены, что после того, как в каждой советской квартире появится радиоточка, печатные издания будут обречены. Ничего не произошло — даже тиражи не упали. Наоборот, в 1970–1980-е гг. наши газеты достигли пика своей популярности. Потом появилось телевидение. Все были уверены, что теперь газетам деваться некуда: они должны погибнуть. А они опять не умирают. Понимаете?

А на Западе вообще другая тенденция. Газеты проигрывают только в России, потому что у нас страна особая — мы живем по своим законам, иногда отличающимся от общемировых. Я уже приводил примеры: в ФРГ, Финляндии, во Франции тиражи газет не падают так катастрофически, как у нас. Какое главное соревнование проигрывает сегодня большинство российских печатных СМИ? Это соревнование на финансовом рынке. Когда человеку, который привык читать газету, приходится вынимать из кошелька деньги за обучение ребенка, за коммунальные услуги, стоимость которых многократно возросла, за лекарства, то он делает выбор не в нашу пользу. В этой конкуренции мы проиграли. Но еще не до конца. Это то соревнование, которого нет сегодня в развитых цивилизованных странах. Там эти цены сбалансированы. Мы любим сравнивать: что было при советской власти и что мы имеем сейчас, во сколько раз что подорожало. Получается, что меньше всего подорожала водка, а больше всего — СМИ. Газета стоила три копейки, а сейчас — 15 руб. Ничто другое в нашей стране не подорожало в 500 раз! Вот и ответ. Поэтому в таком историческом соревновании российская периодика пока терпит поражение.

В. Г. Желтов¹

ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СМИ В СИСТЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ КАРТИНЫ МИРА

Я буду говорить об ответственности прессы и ответственности перед прессой. 24 апреля Государственной Думой России в первом чтении был принят законопроект, расширяющий список оснований, позволяющих прекратить деятельность СМИ в судебном порядке. Действительно, вопрос об ответственности СМИ назрел.

В новой редакции ст. 4 «запрещает использование СМИ в целях распространения заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию». Согласно ныне действующему закону ответственность за клевету несет автор публикации. После принятия нового законопроекта ответственность предполагается всецело переложить на издание.

Секретарь Союза журналистов РФ Михаил Федотов расценил этот законодательный шаг как попытку вернуться к статье УК РСФСР о привлечении к уголовной ответственности за распространение

«клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй».

В связи с этим плохую службу СМИ, конечно, сослужила так называемая «желтая пресса». Знакомый журналист, для которого нет ничего святого, когда его упрекают в искажении фактов, тенденциозности, даже лжи, отвечает: «“Желтой прессы” не существует! Есть пресса интересная и неинтересная». Как ни странно, он прав. Я тоже своим сотрудникам не перестаю повторять: все жанры, кроме скучного! Но ни в коем случае не по принципу: ради красного словца!..

Еще одна беда современных СМИ — медиалица. Бывают редкие счастливые совпадения. Например, Александр Сокуров. Или Даниил Гранин. Или Галина Вишневская. Но по большому счету «персональную политику» СМИ определяют те, чьи лица мелькают на телеэкране. Артисты по этому поводу горько шутят: будь ты даже гений, тебя не существует, если тебя нет в «ящике». Мы значительно богаче, чем думаем. Но газета или журнал

¹ Редактор отдела культуры газеты «Невское время».

без медалиц на обложке — товар не продаваемый. Вот и выходит, что вся наша культура сводится к двум-трем именам. Артистов у нас тьма, а продаваемых (в СМИ) художников можно сосчитать на пальцах одной руки: Илья Глазунов, Александр Шилов, Никас Сафронов и примкнувший к ним Михаил Шемякин. Примкнувший потому, что Шемякин — гражданин США. С поэтами и того хуже: Евгений Евтушенко и Андрей Вознесенский. Попробуйте предложить редактору Глеба Горбовского или Александра Кушнера. Самый типичный ответ: «Его никто не знает!» Лет 15 назад я сделал материал о замечательном комике Сергее Филиппове. В один день в двух редакциях получил один и тот же ответ: «Филиппов не нужен. Вот если бы это был Филипп Киркоров!» (Киркоров тогда семи-миллионными шагами поднимался на музыкальный Олимп). О каком участии и ответственности СМИ в формировании картины мира можно в этом случае говорить?!

Ю. Б. БАЛАШОВА: — Подведем итог. Участники секции дали свой ответ на главный вопрос: какую именно картину мира формируют современные СМИ? Те выступавшие, сообщения которых были связаны с темой гламура, говорили о том, что гламурная картина мира, порождаемая глянцевыми изданиями, имеет стилизованный (идеализированный) характер. Петр Вайль подчеркнул гипертрофированность создаваемого СМИ образа мира. Приходится признать, что СМИ из инструмента

К сожалению, нельзя не признать падение уровня нравственности и отсутствие нравственных ориентиров, каковым был Дмитрий Сергеевич Лихачев, а также ужасающе низкий общеобразовательный уровень журналистов.

Следует сказать и об ответственности должностных лиц перед прессой. Слишком часто в последнее время журналистам приходится слышать: «Без комментариев!», а иногда и угрозы. Вероятно, пора на законодательном уровне обязать руководителей и чиновников отвечать на вопросы журналистов, а также отвечать за свои слова — за исключением особо оговоренных случаев, когда информация является государственной, коммерческой, следственной и тому подобной тайной.

Мстислав Ростропович в начале 1970-х написал Открытое письмо в защиту Александра Солженицына. В нем, в частности, говорилось: нам будет стыдно открывать наши газеты через 20 лет. Не хотелось бы, чтобы и о наших СМИ говорили нечто подобное.

* * *

отражения реальности трансформируются в инструмент ее искажения. Однако общая тональность выступлений не была пессимистической; напротив, выступавшие намечали конкретные пути дальнейшего развития СМИ, а значит, мы открыты для будущего.

О. С. КУЗИН: — Уважаемые коллеги! Спасибо всем, кто принял участие в сегодняшнем мероприятии. Еще раз поздравляю с Днем рождения Университета!

Секция 7 КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН ПЕТЕРБУРГА: ИСТОРИЯ, МЕТАФИЗИКА, МЕНТАЛЬНОСТЬ

23 мая 2008 г. СПбГУП, ауд. № 537

Руководитель секции

ПИГРОВ Константин Семенович

заведующий кафедрой социальной философии и философии истории СПбГУ, доктор философских наук, профессор

К. С. ПИГРОВ: — Я очень рад, что здесь собрались философствующие любители Петербурга. Хочу поблагодарить Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов — замечательный

и удивительный во многих отношениях вуз — за организацию столь грандиозного мероприятия. Сегодня у нас есть возможность послушать людей, которые любят Петербург.

С. А. Лишаев¹

МЕТАФИЗИКА ПРОСТОРА И ЭСТЕТИКА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Эстетика Петербурга — эстетика архитектурного обрамления открытых речных пространств, а также пространств, сознательно введенных в городскую ткань планировщиком (площади, проспекты, каналы). Эстетика простора здесь соединяется с пафосом строгой, классической архитектурной формы, нацеленной на формирование гармонически-стройного городского пространства. Эстетика петербургского пространства — результат осознанного культивирования простора, следствие одновременной градостроительной стратегии, нацеленной на резервацию и обустройство больших участков открытого пространства. Пространственная эстетика Санкт-Петербурга способствует формированию городской среды, которая создает благоприятные условия для возникновения у человека особенных (эстетических) переживаний. В Петербурге событие эстетического восприятия пространства часто возникает в зонах соприкосновения простора, сознательно допущенного в пределы города, и упорядоченной, «правильной» застройки.

Что же такое простор как эстетический феномен? Слово «простор», в отличие от «пространства», указывает на определенную, топологически конкретную пространственную данность и на ее эмоциональную привлекательность. Именно эмоциональное «излучение», исходящее от простора, отделяет его от «пространства вообще». Простор — это обширное пространство, воспринимаемое по горизонтали. На просторе ничто не нарушает чистоты зрительного поля, по которому гуляет не встречающий препятствий взгляд. В переживании простора обнаруживает себя чистое пространство как простирание. Но ведь *пустота*, *безыскусность* есть — в пределе — *пустота*, *незаполненность*. Пусто-

та простора впускает. На просторе пространство воспринимается как впускающее, дающее место, дающее *возможность* быть, присутствовать. Пространство в его чистоте-простоте — вот предмет нашего созерцания на просторе. Восприятие простора есть восприятие чистого пространства как имеющего вид (образ, форму). С чем же сопряжено чувство радости и душевного подъема в момент, когда мы созерцаем открытое пространство? Чем влечет нас простор? В эстетическом расположении простора мы встречаемся с пространственной данностью чего-то *безусловно особенного, Другого (Иного)*.

Простор как опыт чистого пространства, как чувственная данность того, *из чего* сущее «имеет место», может быть осмыслен как *чувство возможности*: возможности быть там или здесь, двигаться туда или сюда. Переживаемое в опыте простора пространство как возможность занять место есть в то же время переживание воли. У свободы, как у воли, которая вошла в определенное русло, также имеется пространственный эквивалент — пространство улиц и площадей, интерьеров жилищ и общественных зданий. В той мере, в какой эти замкнутые пространства воспринимаются как *просторные*, они — эстетически — соответствуют концепту свободы. Просторное — это расположение и соответственно чувства, которые имеют место, когда мы воспринимаем какое-то пространство как относительно свободное и обширное.

Простор чистого поля, моря или широкой реки — пространственно-эстетический аналог воли как чистой возможности иного. Простор проспектов, улиц и площадей Петербурга — архитектурный аналог воли, поставленной под контроль разума, то есть свободы как добровольного ограничения возможностей. Простор улиц и площадей — это простор, введенный в строгие рамки рационально организованной жизни «цивилизованного общества».

¹ Руководитель Центра философских и эстетических исследований Самарской гуманитарной академии, доктор философских наук, профессор.

Петербург интересен столкновением первородного простора «открытых пространств» с началом рационально-волевого, планомерного упорядочения пространства. Взаимодействие эстетического эффекта *порядка, формы* и эффекта *отсутствия формы, отсутствия границы* (по горизонтали) рождает чувство торжественности, величия и уравновешенного покоя, то есть той строгой и возвышенной гармонии, которая волнует нас, когда мы любуемся панорамой города с одной из невских набережных.

Пространственная открытость Петербурга символически выражает открытость России новому, небывалому. Город обращен к реке и морю, устремлен в неведомое будущее. Простор как главный градостроительный принцип Петербурга — это контрапункт к уюту замкнутого на себя и собира-

ющего вокруг себя людей, дома и княжества центрированного пространства Москвы. Невский простор и строгая, четкая линия набережных — это напряженная гармония натянутого лука. Петербург являет нам пространственный образ разума, обуздавшего волю, давшего ей определенную форму, «направление». В центральной его части, на старинных набережных Невы можно одновременно ощутить и богатство ничем не ограниченных возможностей (эстетика простора), и решимость ввести неопределенность возможностей в строгие рамки порядка (эстетика формы, предела). Так предел и беспредельное, простор и порядок соединились в самом центре Северной столицы, и из их противоречивого союза возникла градостроительная гармония «классического» Петербурга.

* * *

Г. Ф. СУНЯГИН¹: — Этот вопрос я задаю всем, думаю, может, вдруг кто-нибудь знает ответ. На Северо-Западе нет места, менее подходящего для города, чем устье Невы. В северной части Ленинградской области есть возвышения, глубокая вода, так сказать, обзор, в южной — Красная Горка, устье Луги. Как Вы думаете, почему Петр I выбрал это болото?

К. С. ПИГРОВ: — Отвечайте за Петра, Сергей Александрович.

С. А. ЛИШАЕВ: — Мне очень трудно ответить за Петра, тем более что я не занимался этим вопросом с исторической точки зрения. Очевидно, Петр выбрал это место для строительства города, потому что Нева все-таки судоходная река, и здесь она выходит в море.

Г. Ф. СУНЯГИН: — Там Маркизова лужа, какой выход?

С. А. ЛИШАЕВ: — Я могу ошибаться, но мне кажется, что для Петра было важно охватить невский водный простор. Ему, сознательно или бессознательно, было необходимо нечто такое, что могло бы продемонстрировать мощь державы. Широкая, полноводная, разветвляющаяся на рукава река давала такую возможность. Это ставило перед Петром трудные градостроительные задачи и в то же время давало единственный шанс, потому что, собственно, кроме этой мощной реки, ничего такого особенного, на чем можно было бы «сыграть», у него не было.

Н. А. СИНДАЛОВСКИЙ²: — Это один из самых любопытных вопросов, на который официальная историография почему-то не дает ответа. Мне кажется, ответ кроется в истории Северной войны. Не зря говорят, что основание Петербурга — это гениальная ошибка Петра. У него не было выбора. Обратите внимание на историю Северной войны: он терпел поражение за поражением, отступал на восток, и когда ему удалось захватить крепость Ниеншанц, то и там оказалось невозможно заложить город, потому что это место находится далеко от моря и совершенно открыто с севера. У него не было иного выхода, он пошел искать место опять же к востоку от шведов, отступал, пока не уперся в самую восточную точку Финского залива.

К. С. ПИГРОВ: — Но строить начал на северном берегу.

Н. А. СИНДАЛОВСКИЙ: — Строить начал между севером и югом, на Заячьем острове. Это тоже была необходимость, потому что Заячий остров в плане представлял собой как бы палубу корабля, на которой можно было со всех сторон установить орудия и защищаться от врагов. А потом произошло то, что всегда происходило в Средние века: под защитой крепости, под ее стенами возникал город. Даже имя — Санкт-Петербург — не просто было дано городу, а произошло от названия крепости. Потом, когда заложили собор Петра и Павла, крепость стала называться Петропавловской, а первоначальное имя крепости перешло к городу. Все произошло случайно, это действительно гениальная ошибка Петра.

Е. А. КАЙСАРОВ³: — На выбор места для строительства города повлиял целый ряд факторов. Я согласен с историческим, политическим, международным факторами, о которых уже говорили, но есть еще природный, психологический. Петербург располагался на пересечении активных геологических разломов земной коры. Именно в таких местах и появляются города. Вблизи геологически активных зон стимулируется творческое начало личности, находятся наиболее благоприятные и комфортные территории для проживания человека. Развитие почти всех крупнейших городов мира происходило именно в таких зонах. По одной из гипотез, через пересечение тектонических разломов происходит энергоинформационный обмен между Землей и Космосом. Именно в таких зонах и должен селиться человек. Утратившие эту связь с Вселенной обречены на вымирание. Необходимо отметить, что из 147 православных храмов Петербурга 80 % находятся на расстоянии 50–200 м от осей геологических разломов.

Очень показательным было отношение Петра I к воде. В детстве он страдал водобоязнью, которая развилась у него после того, как вместе с матушкой Натальей Кирилловной он чуть было не утонул. Знахари, пытаясь излечить его от этого недуга, явно перестарались. Такое «медицинское» воздействие на него привело к тому, что он уже не мыслил своей жизни без водных пространств. В устье Невы он построил себе Подзорный дворец, в котором мог находиться сутками, глядя на воду, паруса кораб-

¹ Профессор кафедры социальной философии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук.

² Писатель.

³ Доцент кафедры культурологии СПбГУП, кандидат исторических наук.

лей, проплывающих мимо. В любую погоду передвигался по воде, заставляя своих приближенных терпеть неудобства.

К. С. ПИГРОВ: — Мне кажется, в вашем докладе есть некое противоречие. Обратите внимание на фундаментальную бинарную оппозицию, которую сразу задал Сергей Александрович. Это оппозиция, идущая из Ригведы, — ширь и узь. Вы обозначили в докладе ширь, но любой город, даже Петербург, — это всегда узь, и когда мы говорим о том, что своеобразию города грозят какие-то высоты, это не совсем верно. Устремленность ввысь обозначена уже в Петропавловском соборе, и вообще стремление к вертикалям присуще любому городу. Узь противостоит шире, и значит, как в Ригведе, так и в Петербурге существует борьба шири и узи. Поэтому

я не думаю, что строительство какой-то новой сверхвысотки радикально противоречит традиции. Наоборот, это как раз и есть традиция города.

С. А. ЛИШАЕВ: — Да, город — это узь, но уникальность и своеобразие Петербурга заключается в том, что здесь эта узь не подавляет ширь, а ширь живет внутри этой узи, если угодно, и они находятся в активном взаимодействии. Если говорить о творческой, позитивной, толкающей вперед энергетике, то она возникает именно тогда, когда обе тенденции сильны. Шпили Петербурга не массивны, они поднимают небо, но не заслоняют простор, оставляют его сильным. А если мы построим монолитные высоты, отовсюду видные мощные вертикали, то они просто подавят этот простор, и этого эффекта не будет, а он исключительно важен, как мне кажется.

И. П. Саутов¹

ПРОБЛЕМА ПОДГОТОВКИ РЕСТАВРАТОРОВ ДЛЯ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ВСЕМИРНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ — ПАМЯТНИКОВ АРХИТЕКТУРЫ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА И ЕГО ПРИГОРОДОВ (На примере Государственного музея-заповедника «Царское Село»)

Дмитрий Сергеевич Лихачев всегда остро ставил проблему необходимости сохранения подлинной культуры России, уделяя при этом особое внимание вопросам реставрации памятников исторического и культурного наследия. Концептуально считал, что сохранять необходимо не только исторические центры городов, но и окраины, представляющие историческую ценность. К таким объектам, несомненно, относится дворцово-парковый комплекс Царского Села.

Екатерининский дворец, практически разрушенный в годы Великой Отечественной войны, нуждался в глобальных восстановительных работах. Обеспечить возможность осуществления уникальных по сложности реставрационных работ позволило создание школы мастеров-реставраторов. В первые послевоенные годы были созданы специальные архитектурно-художественные училища и школа мастеров при училище им. В. Мухомовой. В этих учебных заведениях преподавали лучшие реставраторы, архитекторы, художники и искусствоведы Ленинграда. Практика обучения молодых специалистов с учетом специфики памятников данного региона подтвердила правильность решения проблемы кадров и позволила создать единую школу ленинградской реставрации.

Екатерининский дворец был восстановлен при участии талантливейших реставраторов, последователей ленинградской школы, среди которых архитектор А. А. Кедринский, художники-реставраторы Я. А. Казаков, Б. Н. Лебедев, И. А. Алексеев, Ю. Ф. Шитов, В. Г. Журавлев, скульптор-реставратор Л. М. Швеца и многие другие.

К началу 1970-х гг. многие традиции ленинградской школы реставраторов были утрачены.

¹ Генеральный директор Государственного музея-заповедника «Царское Село» (Санкт-Петербург), профессор, лауреат Государственной премии РФ.

Закрылись некоторые училища и школы по подготовке кадров. Когда спустя некоторое время реставрационные училища были созданы вновь, они не смогли обеспечить потребности города ни по уровню подготовки, ни по необходимому набору специальностей.

Особенно остро вопрос кадров и подготовки реставраторов встал, когда в 1979 г. Совет министров РСФСР принял постановление о воссоздании Янтарной комнаты Екатерининского дворца. Предстоявшая работа не имела аналогов в мировой реставрационной практике. Однако для этого смелого решения существовали объективные предпосылки. В течение последних десятилетий в нашей стране был накоплен уникальный опыт реставрации и воссоздания янтарных изделий XVII–XVIII вв. Автором проекта восстановления Янтарной комнаты стал архитектор Александр Александрович Кедринский, до последних дней жизни работавший главным архитектором Государственного музея-заповедника «Царское Село».

В 1981 г. на базе научно-производственного НПО «Реставратор» была образована творческая мастерская по художественной обработке янтаря, которая занялась изготовлением копий и реконструкцией янтарных изделий XVII–XVIII вв. Будущие реставраторы Янтарной комнаты осваивали старые приемы и способы обработки камня, постигали забытые секреты. Помимо возрождения технологии прошлых веков, пришлось заняться и новыми разработками, которые обеспечили бы долговечность воссозданного янтарного декора. К работе были привлечены различные научно-технические организации и высококлассные специалисты.

Первоначально группа мастеров состояла из трех человек. Но впоследствии она разрослась в целое предприятие с широким спектром реставрационных и творческих работ.

Многие мастера не имели специального образования. Кто-то до этого работал в смежных производствах, кто-то начал «с нуля». Но благодаря тому, что силами самой мастерской непрерывно шел поиск новых технологий обработки и колорирования янтаря, техники воссоздания флорентийских мозаик, вновь пришедшие сразу включались в рабочий процесс и овладевали новой специальностью в рекордно быстрые сроки. За эти годы в мастерской сложился коллектив профессионалов высочайшего класса. С уверенностью можно утверждать, что сформировалась новая уникальная петербургская школа реставраторов — Царскосельская янтарная мастерская, не имеющая себе равных.

Руководит Царскосельской янтарной мастерской художник-реставратор высшей категории Б. П. Игдалов. Накопленный опыт, технологические и научные разработки позволяют этой мастерской осуществлять реставрацию и воссоздание произведений декоративно-прикладного искусства из янтаря, кости, дерева, цветного камня, а также выполнять уникальные авторские работы

и изготавливать оригинальную сувенирную продукцию. Предприятие активно осуществляет издательскую и выставочную деятельность. Царскосельская янтарная мастерская имеет богатый опыт участия в международных выставках, проходивших в США, Германии, Дании, Японии, Финляндии и др. Но, несомненно, главным делом жизни художников-камнерезов, работающих в этой мастерской, является воссоздание Янтарной комнаты. Они осуществили работу, не имеющую аналогов в мировой реставрационной практике. Возрожденный интерьер Екатерининского дворца в Царском Селе войдет в историю как памятник подвижническому труду и виртуозному мастерству современных реставраторов — наследников лучших традиций янтарного искусства XVII–XVIII вв. Безусловно, работа по восстановлению утраченного шедевра может служить прекрасной иллюстрацией к словам Д. С. Лихачева: «Чтобы сохранить памятники культуры, мало только платонической любви к своей стране, любовь должна быть действенной» (Д. С. Лихачев. «Экология культуры»).

* * *

К. С. ПИГРОВ: — Иван Петрович, спасибо за блестящий доклад и за то дело, которое Вы возглавляете. Сначала у нас был доклад о пространстве, теперь Вы заставили нас философски обратиться к проблеме времени — ведь реставрация имеет отношение ко времени. Я бы сказал, что в проблеме времени есть некоторый трагизм, реставратор — это «трагический» работник.

Вы начали с некой аксиомы: решение Петра насчет города гениальное, Петербург — это удача. И я подумал: а есть ли в мире города-неудачи, с чем мы могли бы сопоставить наш случай? Петербург, безусловно, город удачи, несмотря на болото. А если посмотреть на мир?

И. П. САУТОВ: — Есть, например, «промышленные центры», в частности Череповец. Там плохие условия для проживания людей.

Г. Ф. СУНЯГИН: — Иван Петрович, а каковы наши шансы превратиться в русский Детройт?

И. П. САУТОВ: — Если сегодня рассматривать проблему строительства «Охта-центра», может быть, действительно город должен развиваться. Но почему бы не развиваться в роли города-спутника на окраине, за Рыбацким? В результате изменения государственного строя в 1990-х гг. мы многое потеряли, потеряли производство, промышленность, но люди-то и школа остались. И то, что сегодня в три раза увеличен за последние годы бюджет города, — это же действительно результат привлечения сюда денежных потоков и строительства крупных промышленных предприятий. Правильным решением здесь является вывод промышленных предприятий из центра города на его окраины или за кольцевую дорогу. Надо сохранить город и его объемное пространство, сложившуюся структуру и его неповторимость. Да, город плоскостной, но наши предки, строя, создавали доминанты в виде шпиль, куполов, которые эту монотонную линию украшали и как-то ее разнообразили. Но был, повторюсь, человеческий масштаб.

К. С. ПИГРОВ: — Иван Петрович часто употребляет слово «остановить»: остановить мгновение, остановить время. Повторю: в этом, на мой взгляд,

закладывается трагический пафос реставрации. Вспоминается немецкий анекдот. Разговаривают два архивариуса — старый и молодой. Молодой спрашивает: «Что нам делать со старыми документами?» Старый отвечает: «Старые документы надо выбросить, но прежде снимите с них копии». Это снятие копий напоминает мне процесс реставрации, это в чем-то кафкианское занятие — реставрировать.

И. П. САУТОВ: — Я вижу это по-другому: мы сохраняем свою историю, свои корни. И мне приятно, что я уже 40 лет этим занимаюсь, и сегодня люди приезжают в музей. Хотя мы, честно говоря, в своих методиках отступаем от Венецианской хартии (1956), где говорится о том, что памятник архитектуры надо сохранять только в авторском решении — нельзя ничего ни добавлять, ни убавлять. Но если все же что-то добавляете, то это не должно контрастировать с авторским решением. Если бы мы оставили наши дворцово-парковые ансамбли в руинах как напоминание о войне и варварстве фашистов, то вряд ли кто-либо захотел бы смотреть на эти памятники.

К. С. ПИГРОВ: — Валентина Ивановна Матвиенко подписала долговременный план преобразования Петербурга, который должен стать мировым транзитным городом. Как Вы думаете, что останется от города, если он станет транзитным?

И. П. САУТОВ: — Петербург должен быть туристским центром и, как многие европейские города, жить на доходы от туризма. Например, ежегодно 2 млн туристов приезжают в наш музей-заповедник и проводят там по полтора-два часа. Если бы в Царском Селе были гостиницы и люди останавливались в этом экологически чистом районе на 2–3 дня, можно было бы очень быстро «поднять» город. Туризм привлечет деньги, и город будет жить, как многие другие города в Европе.

К. С. ПИГРОВ: — Но они не превращаются в мировые города.

И. П. САУТОВ: — У каждого из них своя судьба. К примеру, Таллин — изумительный маленький город с узкими улочками, но никому в голову не придет расширить их для проезда фур. Так же и в других

европейских городах. Хорошо, что мы сохраняем исторический центр города. Немного жаль, что около 10 лет назад мы стали подведомственны Москве, по-

тому что сегодня петербургские объекты культуры получают из городского бюджета больше, чем мы, подчиняясь Министерству культуры.

К. Г. Исупов¹

МИСТИКА И МЕТАФИЗИКА ПЕТЕРБУРГА

Диалог с Петербургом на уровне мистических проекций сознанием его природы оказывается односторонним и диалогом в этом смысле не является. Город откровенно поглощает проективный опыт собеседника, насыщаясь и все более темнея в сгущающейся глубине собственного смысла, ничего не отдавая взамен, никак не раскрываясь на встречу Другому и другим. Результатом мистической встречи «Я» и каменной личности Петербурга остается тревога, глухое молчание Города, необратимо растущая дистанция. Мистический объект такой степени закрытости перестает быть похожим на нечто объективное (при всем его умении овнешнять, социализовать, присваивать, поработать «Я»), но превращается в элемент субъективного медитирования, что делает его, по известному закону деформирующего присутствия «Я» в объекте, окончательно неуловимым. Петербург становится проблемой самосознания, объективированного условно — в виде ментального ландшафта. Поэтому Петербург не мистический объект, но метаобъект контроля процедур мистического понимания. Критерий мистического знания — в непосредственной («эстетической») убедительности и своего рода духовной сытости, удовлетворенности самоценным и самоцельным мистическим опытом. Однако именно этого опытного результата нам от общения с Петербургом не дожидаться: в его подманивающем, провоцирующем предстоянии сознанию «Я» нет обетования истины, нет обещания диалогической правды. Петербург внутренне закрыт в своей иррациональной тайне, он надменно отторгает посягания на свои смысловые границы, со всей гордыней исторической монады, замкнувшей мировой опыт вне-мирового безумия. Всей своей тварно организованной мистикой *механизм* Петербурга претендует на замещение *органической* мистики Натуры.

Петербург — памятник русского онтологического дерзания и ренессансного человекобожеского энтузиазма. Новизна «вдруг» возникшего Града на опасном краю Государства (о чем говорил Дидро, ссылаясь на С. К. Нарышкина) и перенос столицы стали актами трансценденции национального опыта, полной ломкой традиционных историко-телеологических стереотипов и глубоким потрясением всего национального тела России, впервые осознавшей кардинальную разлуку между душой (Москвой) и логосом (Петербургом). Исход государей в «чужую землю» означал трагедию десакрализации царской власти: меж помазанием на царство (ритуальная санкция) и самим царством легла глубоко демонизованная смысловая и географическая дистанция. Петербург получа-

ет статус Антихристового Града, на фоне которого осиротевшая Москва вдруг повысилась в ранге как первопрестольный центр Святой земли и Русский рай. Для истории общественной психологии рождение Петербурга есть рождение самосознания нового типа, которое, быстро исчерпав возможности рационального объяснения петербургского чуда, оказалось принужденным к созданию новых технологий исторического самоопознавания и идентификации. Такими новыми технологиями стали внерациональные формы символического мироощущения: миф (мифология мирового города) и мистика (постижение непостижимого). Их новизна заключалась в том, что: 1) новая столица эксплуатирует политическую мифологию Третьего Рима (имитируется римская атрибутика при одновременном обострении полемики с «папезным» Римом «первого и третьего изданий»); 2) испытывается новый тип творчества — социальный эксперимент-утопия, размах и человеческая стойкость которых могут надеяться на оправдание лишь в векторе вечности (метаисторического снисхождения далеких потомков), то есть за пределами логически построенной аксиологии. Россия вступила в новый план своей истории, то есть своей Судьбы: она осознает себя на новом, если не последнем, витке творческого соучастия в промыслительном (лишь мистически постижимом) Божьем Домостроительстве.

«Противуестественное» рождение Петербурга было осознано по аналогии с первородным грехом и вненаследственным фиктивным родством. Чем больше рос в ауре невольской столицы комплекс «незаконности», тем решительнее ее внешнее тело отвердевало в каменном щите имперской мощи. Одержимый виной Прометея, населенный образами чужих культур-масок, Петербург таит в ноуманальной своей глубине грех ложного первородства, мнимого историзма и личную тайну ни в чем не уверенного Существа-Механизма цивилизаторского гомункулуса, если не Голема. Престольное самочиние юного Града как бы заранее обессиливало поиски национальным эросом диалогических средств взаимопонимания. Петербург переживает трагедию внедиалогического одиночества: на фоне непрерывного спора с Москвой Петербург наедине с петербуржцами немолствует. Город изначально оказался в упаковке стереотипов библейской гордыни: Город-Вавилон (Е. Милькеев, В. Белинский, А. Герцен, Н. Огарев), Город-Блудница (Д. Ахшарумов. «Гора высокая...», 1848; А. Григорьев. «Город», 1845); популярные в XIX–XX вв. темы мировой лжи и поддельной жизни (Н. Гоголь, Ф. Тютчев; демократическая традиция; символизм) неизменно связываются с образами ролевого поведения обитателей Северной Пальмиры. После Н. Языкова

¹Профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор философских наук.

(«Мой Апокалипсис», 1823) и В. Печерина («Торжество Смерти», 1833) навязчивой темой поэзии и публицистики становится столичный «танец Смерти» (от «Бала» В. Одоевского, 1825, до «Танца магнитной иглы» М. Зенкевича, 1909). Апокалиптическая прототипия и танатологическая огласовка придала Петербургу статус мистического объекта. Но именно «объектом», овнешненно предстоящим всякому зрящему любопытству, ему менее всего хотелось оказаться. Проблемная загадка Города приоткрывается в иной его роли — в качестве основного субъекта мистерии русской истории, русского пути. Мистерийное состояние мира призвано к решению двойной задачи: 1) осуществить высокий сакральный замысел-сюжет; 2) поставить в смысловой центр мистерии жертву, абсолютная необходимость которой диктуется взысканием оправдания, спасения и искупления. Образ петербургской мистерии переживает две амбивалентно единые стадии развития: от Града-Молоха, Города-Вампира, Города-Палача и Города мертвых до Города-Жертвы, Города-Одиночки и Города — тоскующего камня. Гибельные разливы Невы описаны в ритмике катастрофического возмездия. Чтобы рассказать о «злополучии Петрополя», Дм. Хвостову понадобились и «Божий меч», и Архангел Михаил, и примирительная формула: «Пусть есть погибшие — но верно нет сирот» («Послание к N...», 1824). Город, утвержденный на костях своих строителей, не мог не восприниматься как гигантский некрополь. Начиная с Гоголя и Достоевского, Петербург подается в поэтике иношнего мира, обители теней, призраков и фантомов. Белые ночи и газовое освещение улиц довершили фантазмагорический облик призрачного Города, населенного живыми мертвецами (Я. Полонский. «Миазм», 1868). В Граде Обреченном устанавливается преемственность смерти и наследование жертвенного приоритета. Петербург, «опоясанный гробами» (Н. Некрасов. «Несчастные». 1856), теснит живое обитаемое пространство погостами; даже в фельетонном жанре эта тема прорабатывается в тонах стоического равнодушия (В. Гаршин. «Петербургские письма», 1882). Образ Города-кровососа усилен в XX в.: «О город крови и мучений...» (П. Соловьев. «Петербург», 1915); «Черным вампиром болото / Кровь их (людей. — К. И.) сосет» (В. Князев. «Проклятый Город», 1914). Добровольность жертвы делает ее избыточной и даже обыденной. Апокалиптическая перспектива Города-Гекатомбы наводила на мысль о бесполезности, если не тайном замысле жертвенной неумолимости ненасытной Столицы.

Казалось, Петербургу суждено было перед всем миром показать бесчеловечную самоценность жертвы: как только она становится обиходным атрибутом мирового города, сам Город, по известному закону мифологической инверсии (Вяч. Иванов. «Все — жрец и жертва»), из палача обращается в жертву. После 1934 г. и блокадной Голгофы Ленинград превратился в общероссийский Город-Жертвенник (без благодатных посулов искупления), а ленин-

градцы — в героев трагической вины, но не в высочайшем античном смысле, а в самом вульгарном, конъюнктурно-политическом. Этой ложной именной им виной была дискредитирована благодатная возможность исторического катарсиса, ожиданием которого жила мистериализованная Петром русская действительность. Как с высоты Голгофы христианскому человечеству открылась эсхатологическая перспектива мирового времени, так и Петербург, с его запасом будущего, с приданной ему энергией культурного сознания, оказался генератором новых структур исторического мышления. Более того, Петербург — как генеральная «стрела» русского пути и как центральная экзистенция национального бытия — всегда впереди своих современников. Петербург — Вечный город, поэтому диалог с ним на языках актуальной минуты безнадежно устаревает, не успев начаться. Петрополь хронологически молод, но воспринимается как музей глубокой старины. Архитектурная эклектика Города не имеет возраста, его душа возросла в метаистории. Именно в Питере возмужали философы, которые строили не «картину мира» (как московские православные софиологи-визионеры), а метамировоззрение (неокантианство; монадология Н. Лосского; историософия Л. Карсавина: богословие культуры Г. Федотова; похищенная у Иоахима Флорского мистика Третьего Завета у Н. Бердяева и в кругу Мережковских; символистский универсализм Вяч. Иванова; метаабсурд обэриутов; вестнические интуиции Я. Друскина; диалогика М. Бахтина). Тайна Петербурга — в самодостаточном знании им своей метаисторической миссии. Можно ли о ней проговориться? Если вслушаться в Петербург как извне явленное каменное «высказывание», то оно, как всякая «мысль изреченная», есть ложь. Невская столица — фасадный город фасадной империи — лишь нечаянно может «добраться до правды» (словечко Достоевского). С точки зрения градостроительной стилистики Петербург — сборная мимикрия мировых столиц, архитектурная шпаргалка. Спросим себя голосом К. Тредиаковского: «Санкт-Петербург не образ есть чему?» («Похвала Ижерской земле», 1752). Привычка к эмфатическим именованию «Русский Париж» («Берлин», «Рим», «Лондон», «Венеция» и пр.) коренится в эффекте ложной памяти, переживаемом иностранцами в Петербурге: западноевропейцы «узнают» в Городе родные черты. Многоликий Петербург выставляет стилистический Иконостас Европы, не будучи таковым (поэтому и православная его иконичность если не ложна, то замаскирована инородным окружением). Город-Личина и Город-Личина, русско-нерусский Петербург есть апофатическая репрезентация русского духа, российской характеристики и национальной психологии. Петербург не анти-Москва и не ино(вне)московское; Петербург не «Запад» и не «Восток», не евразийская альтернатива, а пространство диалога этих ипостасей, отягченное возможностью их метафизического синтеза. Это хорошо понимали в эпоху Серебряного века.

* * *

К. С. ПИГРОВ: — Вот, смотрите, это вам не пространство и не время, это потустороннее измерение города, который переживается экзистенциально, превращается в могилу. Вот о чем нам говорил

уважаемый Константин Глебович. Пожалуйста, вопросы.

Г. Ф. СУНЯГИН: — Константин Глебович, можете ли Вы прокомментировать разговоры о том,

что город постоянно, уже 300 лет, умирает. И что можно сказать о его способности возрождаться? Так, скажем, столицу перенесли в Москву при Петре II, а через два года она сюда вернулась. Видите ли Вы какие-то другие метафизические основания для жизни Петербурга?

К. Г. ИСУПОВ: — Метафизика тут ни при чем. У Петра Ершова, автора «Конька-Горбунка», в стихотворении «Прощание с Петербургом» есть замечательная строчка, поясняющая бессмертие

города: «годами юный, ветхий славой». Ведь тогда Петербургу еще 300 лет не было, намного меньше — небольшой возраст для города. Но «ветхий славой». То есть он имеет в виду общероссийскую, общегосударственную историческую память. Это памятью насыщается город. Вдобавок это «четвертый Рим», которому, как известно, «не бывать». Мы живем в «четвертом Риме». Это делает его вечным городом без всяких метафизических предположений.

Н. А. Синдаловский

НАЦИОНАЛЬНОЕ МНОГОЦВЕТЬЕ ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОРОДСКОГО ФОЛЬКЛОРА

Для Петербурга понятие «многонациональный» никогда не было ни пропагандистской идеологической формулой, ни расхожим литературным штампом. Петербург действительно с самого своего рождения был многонациональным. Первыми его строителями были финны, издавна населявшие Приневскую низменность. Первым архитектором был швейцарец итальянского происхождения Доменико Трезини. Первым генерал-полицимейстером — португальский еврей Антуан Девиер. Прорубив «окно в Европу» для россиян, Петр Великий широко распахнул двери России для европейцев. В Петербург буквально хлынул поток ремесленников и торговцев, корабелов и волонтеров, кондитеров и строителей разных национальностей. Город гордился своей многонациональностью. На масленичных и пасхальных гуляньях балаганные деды, неторопливо раскручивая бумажную ленту потешной панорамы с изображениями различных городов, бойко слагали рифмованные строки:

А это город Питер,
Которому еврей нос вытер.
Это город русский,
Хохол у него французский,
Рост молодецкий,
Только дух немецкий!
Да это ничего — проветрится.

Вопреки расхожему мнению, ведущему свое начало от блестящей пушкинской метафоры «на берегу пустынных волн», Петербург вырос далеко не на пустом месте. Только в границах исторического центра города существовало около сорока различных поселений. Некоторые из них еще до шведской оккупации Приневья принадлежали Новгороду. Однако большинство этих поселений были финскими. До сих пор в топонимике многих районов Петербурга отчетливо слышатся финские корни: Купчино, Парголово, Автово, Шушары, Токсово...

В начале XVIII в. район от Мойки в сторону современной Дворцовой площади, где находилась финская слобода, называли Финскими шхерами. Проживали финны и на Выборгской стороне. Они старательно подчеркивали свою самостоятельность и автономность, и даже Петербург называли по-своему — Пиетари. Авторитет трудолюбивых и добросовестных финских крестьян в Петербурге

был настолько высоким, что среди русских молочниц сложилась языковая традиция произносить «молоко», «масло», «сливки» на финский манер, демонстрируя тем самым высокое качество своего товара. А широко распространенный в Петербурге XIX в. образ девушки-молочницы с Охты был запечатлен Пушкиным в «Евгении Онегине»: «С кувшином охтенка спешит, / Под ней снег утренний хрустит». Кроме молока финские крестьяне снабжали постоянно растущее население столицы и другими продуктами — как животноводства, так и земледелия. Постепенно складывался так называемый «Финский пояс Петербурга», обитатели которого, или «пригородные чухны», как их называли в обиходной речи, долгое время довольно успешно справлялись с этой задачей.

Финские крестьяне были постоянными и неприменимыми участниками всех, особенно зимних, петербургских народных гуляний. Тысячи извозчиков наезжали в Петербург на две короткие масленичные недели со своими легкими расписными, празднично украшенными санями, которые, как и их возниц, петербургские обыватели называли «вейками», что в переводе с финского означает «друг», «товарищ», «брат». Считалось, что не прокатиться на Масленице, как тогда говорили, «на чухне» — все равно что и самой Масленицы не видеть. Это было красиво и весело, а главное — дешево. Дешевле, чем у русских ямщиков. Плата за проезд в любой конец города составляла тридцать копеек. Широкой известностью пользовалась в Петербурге поговорка финских легковых извозчиков, которую, коверкая язык, любили повторять горожане: «Хоть Шпалерная, хоть Галерная — все равно рипать копеек».

«Вейки» в Петербурге были любимыми персонажами городского фольклора. До сих пор от старых людей можно услышать: «расфуфырился, как вейка», «вырядился, как вейка». Вместе с тем их называли «желтоглазыми», или «желтоглазыми гужеедами», чаще всего не понимая этого насмешливого, а порой и бранного прозвища. На самом деле оно появилось еще в первой половине XVIII в. В 1735 г. был издан указ, обязывающий всех петербургских извозчиков красить свои экипажи в желтый цвет.

О финнах ходили добродушные анекдоты. Приехал чухна на Пасху в Петербург и по совету русских приятелей пошел в церковь. «Ну как, —

спросили его приятели, когда тот вернулся, — понравилось?» — «Понравилось-то понравилось, только вот ничего не понял. Выходит поп и, обращаясь к толпе, кричит: “Крестовский остров”, а толпа ему хором отвечает: “Васильевский остров”». Русские хохочут над простодушным финном, которому в обыкновенном «Христос воскрес — воистину воскрес» слышатся названия островов. Финн не понимает, но тоже смеется.

До сих пор в Петербурге бытует ругательство: «чухна парголовская». Впрочем, скорее всего оно имеет не национальный, а территориальный характер, как «шпана лиговская». Ни враждой, ни ненавистью, ни антагонизмом это не назовешь. Те же русские известную поговорку: «Поскребите любого русского — и вы обнаружите татарина» с легкостью готовы были изменить в пользу финнов. Вариант «Поскреби любого русского — и обнаружишь чухонца» находил подтверждение в многовековом соседстве славянских и финно-угорских племен, некогда совместно проживавших на территории Восточно-Европейской равнины. Поиски общих корней иногда приводят к неожиданным результатам. Местные финны утверждают, что русская поговорка «Почем фунт лиха?» этимологически восходит к финскому слову *liha*, что означает обыкновенное «мясо», которое окрестные финны в избытке завозили на питерские рынки и фунтами продавали горожанам. Видимо, фунт мяса стоил не так дешево, если в фольклоре *liha* могло трансформироваться в «беду» или «несчастье».

После финнов, которые здесь жили и считались аборигенами приневского края, первыми иностранцами, появившимися в новой столице, видимо, следует считать голландцев. *Herr aus Holland*, что буквально значит «человек из Голландии», появился в Петербурге едва ли не в первые недели существования города. В связи с этим любопытна легенда о корабле с золотом, которое Петр дал дружественной стране в виде займа. Корабль будто бы затонул, застигнутый бурей где-то недалеко от Кронштадта. До сих пор этот эпизод из жизни раннего Петербурга будоражит умы кладоискателей всего мира. Согласно другой легенде, однажды Петр спросил голландского шкипера, где ему кажется лучше: в Архангельске или в Петербурге. «Все бы хорошо здесь, — ответил тот, — да нет оладий». И государь в тот же день угостил его у себя оладьями и велел всегда готовить их для голландских шкиперов. Известно, что давней и страстной мечтой Петра I было перенести основной объем внешнеторговых морских перевозок из Архангельска в Петербург.

Кроме следов голландского присутствия, сохранившихся в современном Петербурге в виде топонимов «Голландский дом» (как называют дом голландской церкви на Невском проспекте, 20) и «Голландский квартал» (квартала вокруг него), голландцы постоянно напоминают о себе широко известным фразеологизмом, окрашенным на российской почве в откровенно вульгарные тона. Давняя дефиниция моряка, прибывшего из Голландии: *Herr aus Holland* (напомним еще раз, что это всего лишь «человек из Голландии») попав в русский язык, прижилась, но расцвела уже в новом качестве. Первая часть этой лексической конструкции, созвучная с названием двадцать третьей буквы сла-

вянской кириллицы «Х», утратила мягкость своего голландского произношения и стала произноситься по-русски твердо: «хер», а вся лексема в русской транскрипции превратилась в расхожее ругательство. Впрочем, голландцы тут ни при чем.

Среди этнических групп населения Петербурга немцы на протяжении всей истории города неизменно занимали второе место после русских. Пик немецкого присутствия пришелся на конец 1860-х гг. Статистика утверждает, что в 1869 г. немцы составили 6,8 % всего населения столицы. Однажды среди русских славянофилов была даже предпринята неуклюжая попытка противопоставить так называемый «немецкий Петербург» исконно «русской Москве». Понятно, что в многонациональном Петербурге такая попытка была заведомо обречена на провал. Но круги на воде от камня, брошенного патриотами тогда, можно разглядеть и сегодня. До сих пор известен перифраз на пресловутую тему: «Что хорошо питерцу — немцу, как известно, смерть».

В первой четверти XVIII в. немцы чаще всего селились в центре Петербурга. Известно, что Адмиралтейский остров в народе именовали Немецкой слободой. Вторым районом по численности немцев был Васильевский остров, точнее, его восточная часть. Аккуратные, добросовестные и талантливые умельцы, они снискали среди горожан всеобщее уважение, а такой фольклорный фразеологизм, как «василеостровский немец», стал символом добротности, основательности, солидности и благополучия. Когда петербуржцы хотели кого-то похвалить, именно так и говорили: «какой-то весь добротный, на иностранный лад, вроде василеостровского немца».

Селились немцы, как правило, обособленно — слободами. Одна такая немецкая слобода находилась на Выборгской стороне, вблизи Лесного проспекта. По местному сентиментальному преданию, в ней жили две семьи, дети которых — молодой ремесленник Карл и дочь булочника красавица Эмилия — полюбили друг друга. Однако их родители год за годом не давали бедным влюбленным согласия на брак. «Подождем, пока Карл будет зарабатывать достаточно, чтобы начать откладывать “зайн кляй-нес шатц (свои маленькие сбережения)”», — говорили они. И дети покорно ждали своего счастья. Через десять лет Карл стал зарабатывать вполне достаточно и уже отложил некоторое «шатц». Но родителям этого показалось мало, и они опять сказали: «Найн!» Прошло еще двадцать лет. И снова дети услышали категоричное «Найн!» И тогда пятидесятилетние Карл и Эмилия посмотрели друг на друга, взяли за руки, пошли на Круглый пруд и бросились в него. Когда наутро их тела вытащили баграми, они все еще держали друг друга за руки. И тогда «господин пастор» и «господин учитель» посоветовали прихожанам назвать их именами улицу, чтобы отметить «удивительную любовь и не менее дивное послушание родителям».

Улица Карла и Эмилии просуществовала до 1952 г. В тот год ее переименовали в Тосненскую. Затем и она исчезла с топографической карты Петербурга. В 1975 г. Тосненская улица растворилась в застройке проспектов Раевского и Тихорецкого. Впрочем, могила влюбленных Карла и Эмилии —

простой металлический крест в ограде — долгое время была хорошо известна жителям Лесного проспекта вблизи Политехнического института. Говорят, что она всегда была украшена свежими букетиками цветов.

С началом Первой мировой войны и потом — в годы революции и Гражданской войны — количество немцев в Петербурге резко поубавилось, а затем они и вообще в городе стали незаметны. Только в 1945 г. немцы вновь появились на улицах Ленинграда, но уже в ином качестве. Они были военнопленными. В основном их использовали на строительных и восстановительных работах. Ленинградцы старшего поколения хорошо помнят многочисленные бригады пленных немцев, занятых восстановлением разрушенного войной города. И опять, как и много лет назад, немецкое трудолюбие и аккуратность стали гарантией высокого качества построек и тщательности их отделки. Всего в Ленинграде пленные немцы возвели 293 дома. Фольклор вновь заговорил о немцах. До сих пор дома, построенные ими в Новой Деревне, в обиходе называются «немецкими домами», в Кировском районе на проспекте Стачек — «немецкими коттеджами», на Черной речке — «немецкими особнячками».

Татары в Петербурге появились едва ли не сразу. Казанские и астраханские татары были среди первых строителей Петербурга, согнанных сюда практически из всех российских губерний. Они были заняты на строительстве земляной в то время Петропавловской крепости. Здесь же и жили, вблизи Кронверкского протока. Их войлочные юрты занимали большой участок, называвшийся в то время Татарской слободой, или Татарским становищем. Позднее здесь был проложен переулок, названный Татарским в память о тех первых петербургских татарах.

По сложившейся впоследствии традиции татары в Петербурге занимались в основном мелкой торговлей. С этим родом деятельности связан и городской фольклор о них. Так, первый в Петербурге толкучий рынок, возникший в 1710 г. на Березовом острове, недалеко от Кронверка, в обиходе назывался «татарским табором». «Татарским пассажем» называли в Петербурге крытый Александровский рынок, который занимал огромную территорию от Садовой улицы до Фонтанки вдоль Вознесенского проспекта. Внутри этого рынка место, где торговали так называемые «татары-халатники», народ окрестил «татарской площадкой». Эти знаменитые «халатники» были достопримечательностью старого Петербурга. Они регулярно обходили город, заглядывая во дворы и пронзительно выкрикивая: «Халат-халат!» Их ожидали. На крик выходили домработницы, за бесценок сбывая вышедшую из моды одежду, стоптанную обувь, пришедшую в негодность или надоевшую домашнюю утварь. В Петербурге старьевщиков так и называли: «Халат-халат». Упоминаниями о них буквально пестрит петербургская литература о городской жизни XIX — начала XX в.

Национальный татарский обычай употребления в пищу конского мяса оставил в фольклоре свой след. В свое время Крестовский остров был изрезан протоками, прорытыми во второй половине XVIII в. для осушения болотистой почвы. Протоки образовывали островки, на одном из которых

петербургские татары забивали лошадей. В народе остров называли Татарским. В XIX–XX вв. протоки были засыпаны и «Татарский остров» прекратил свое существование.

Согласно документальным свидетельствам, первые евреи появились в Петербурге при Петре I. В ближайшем окружении императора было относительно много крещеных евреев. Польским евреем был вице-канцлер Петр Шафиров, португальским — первый генерал-поліцеймейстер Девиер, испанским — любимый шут Петра Ян Акоста.

Но по большому счету евреев в Петербурге не было до 1770-х гг. Только после присоединения к России Польши и Литвы, в результате чего евреи, проживавшие на этих территориях, автоматически стали подданными Российской империи, они появились в городе. Постепенно центр российской еврейской жизни перемещался в Петербург.

Основным районом расселения евреев в Петербурге была Коломна. Один из ее участков позади Мариинского театра в начале XX в., по свидетельству Осипа Мандельштама, в народе называли еврейским кварталом. Фольклорная традиция называть районы города по национальности его основных жителей была продолжена и в советское время. Правда, тогда махровым антисемитам казалось, что евреи заняли весь город и даже его центр, Невский проспект. «В кинотеатре “Колизей” что ни зритель, то еврей» — пелось в одной антисемитской песенке. Хорошо известно, что после «победы социалистической революции» антисемитизм в Петрограде усилился. Как ни удивительно, этому во многом способствовали сами титулованные евреи. Так, объективно вполне можно считать антисемитом Л. Д. Троцкого (настоящая фамилия Бронштейн), хотя он сам искренне верил в обратное. Однажды, если верить фольклору, к нему пришли видные представители петроградской еврейской общины. Они прямо заявили, что проведением так называемого «красного террора», в котором он принимает активное участие, он, как еврей, наносит непоправимый вред собратьям по вере. По утверждению молвы, Троцкий ответил: «Я не еврей, я — интернационалист». Надо сказать, что в это верил не только Троцкий. По старой, как мир, антисемитской традиции в сознании обывателя евреем считается любой носитель отрицательных качеств, к какой бы национальности он ни принадлежал. Из фольклора известен пролетарский лозунг горячих предоктябрьских дней 1917 г.: «Долой еврея Керенского, да здравствует товарищ Троцкий». К сожалению, евреи ответили гораздо позже — пословицей, которую Троцкий уже не мог услышать: «Революцию делали Троцкие, а расплавляются Бронштейны».

Таковы, согласно петербургскому городскому фольклору, корни советского антисемитизма, пик которого пришелся на послевоенные годы. Сигналом к нему послужила пресловутая борьба с космополитизмом и сфабрикованное затем «дело врачей». Откровенно антиеврейской политике предшествовали лицемерные акции, которые должны были доказать мировому общественному мнению, что в СССР и в помине нет ни национализма, ни антисемитизма. Так, в самый разгар кампании по борьбе с космополитизмом «лучший друг» всех евреев

Иосиф Сталин неожиданно приказал издать молитвенник на иврите. В Ленинграде собрали издателей, которые, несмотря на свое еврейское происхождение, не знали ни слова на этом языке. Тем не менее, согласно легенде, они достали молитвенник 1913 г. и отдали его в типографию. Когда тираж был готов, оказалось, что сборник начинался молитвой за здоровье царя Николая II. Тираж пустили под нож. Что стало с издателями, догадаться нетрудно.

Цветущее древо государственного антисемитизма регулярно приносило горькие плоды. Смачные анекдоты ненавязчиво напоминали, кто есть кто. Чтобы не забывали. «А вы знаете, что Ломоносов еврей?» — «С чего вы взяли?» — «Настоящая его фамилия Ораниенбаум».

Наконец, евреи попробовали огрызнуться. Другой анекдот. В отделе кадров: «Имя? Отчество?» — Аркадий Исаакович». — «Еврей?» — «Нет». — «Но ведь Исаакович?» — «По-вашему, если Исааковский, то уже не церковь, а синагога?»

Накануне московских Олимпийских игр 1980 г. в обмен на некоторые уступки Запада был разрешен выезд евреев из Советского Союза. Поток эмиграции оказался таким мощным, что не появиться анекдотам на эту захватывающую тему было просто нельзя. И они появились. *Если эмиграция пойдет такими темпами, то в стране останутся всего два еврея: в Ленинграде — Аврора Крейсер и в Москве — Мишка Талисман.*

К. С. ПИГРОВ: — С точки зрения Гумилева, действительно петербуржец — это этнос, то есть жители Петербурга — это этническая общность.

Н. А. СИНДАЛОВСКИЙ: — К счастью, да.

Г. Ф. СУНЯГИН: — Как получалось, что Петербург был местом, где сохранялись национальные особенности и одновременно эта сохранность никак не мешала активной ассимиляции в русскую культуру?

Н. А. СИНДАЛОВСКИЙ: — Мне кажется, в Петербурге присутствуют две формы существования

В конце 1980-х — начале 1990-х гг. благодаря известным демократическим изменениям в России положение заметно стабилизировалось. Выезд евреев из страны несколько сократился. Фольклор тут же на это отозвался. Канал Грибоедова стали называть «Суэцким каналом».

Армянское радио спросило: «Чем отличается канал Грибоедова от Суэцкого канала?» — «Евреи на канале Грибоедова живут по обе его стороны».

Понятно, что, кроме упомянутых национальностей, среди жителей Петербурга были представители и других многочисленных народов, которые внесли свой вклад в сокровищницу петербургского городского фольклора. Всех их не перечислить. Однако бесспорно, что именно благодаря им Петербург стал неким уникальным полигоном, универсальной лабораторией, где истории представилась редкая возможность не только реализовать мощный потенциал наиболее пассионарной, по выражению Льва Гумилева, части народа, но и сохранить национальные особенности всех групп населения. И при всем этом именно в Петербурге родился уникальный термин, которым петербуржцы обозначают свою национальную принадлежность. Этот термин далек от подлинной научности, но он безупречен как по форме, так и по содержанию. Как утверждает городской фольклор, на вопрос о национальности жители Петербурга все чаще и чаще отвечают: «Петербургец».

* * *

многонациональных общин. Одна форма напоминает котел, в котором все переваривается, а вторая — лоскутное одеяло, где нации существуют, как лоскутки на одеяле, обособленно. Благодаря отсутствию традиций и желанию создать их и возникла такая общность — петербуржцы. Мало кто говорит: «Я саратовец» или «Я по национальности москвич» — только в Петербурге кому-то в голову пришла эта удивительная мысль — петербуржец, и ее подхватили, это стало фольклорной идиомой.

В. И. Адишев¹

МУЗЫКАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ЖЕНСКИХ ИНСТИТУТАХ И КАДЕТСКИХ КОРПУСАХ ПЕТЕРБУРГА (Конец XIX — начало XX в.)

В рассматриваемый период в Петербурге функционировало 10 женских институтов (институтов благородных девиц) и 5 кадетских корпусов, включая общие классы Пажеского корпуса. Эти учебные заведения представляли собой средние общеобразовательные школы закрытого типа преимущественно для детей дворян. Сословная однородность учащихся, закрытый (интернатный) строй были отличительными особенностями данных школ. Основание воспитательно-образовательной доктрины этих учебных заведений составляли ценности российского дворянства, его представления об идеале благородного юношества. Одной из приоритетных ценностей, необходимым элементом дворянского

воспитания признавалось искусство. В связи с этим художественное образование занимало в данных школах значительное место. Особенно большое внимание уделялось музыкальному образованию.

На рубеже 1880–1890-х гг. для указанных типов школ петербургскими музыкантами (профессорами местной консерватории, преподавателями Певческой капеллы) были разработаны новые концепции и программы музыкального образования. Теоретический фундамент концепций составили выдвинутые и обоснованные отечественными философами, учеными-педагогами, музыкальными деятелями идеи о целостной личности и целостном образовании, соборности, гармонии национального и универсального в культуре и образовании, преобладающей силе красоты, особой ценности национального художественного наследия в образовании

¹ Заведующий кафедрой музыковедения и музыкальной педагогики Пермского государственного педагогического университета, кандидат педагогических наук, профессор.

и воспитании детей и юношества. В основе концепции был положен взгляд на музыку как обладающее мощным воспитательно-образовательным потенциалом искусство. Базовой в концепциях являлась идея о необходимости дать всем воспитанникам закрытых учебных заведений высококачественное общее музыкальное образование, обеспечивающее их музыкальное, эстетическое и нравственное развитие. Стержневыми в документах были положения об обязательности и непрерывности музыкального образования, широте его содержания, необходимости обучения детей наряду с хоровым пением игре на музыкальных инструментах, об организации в институтах и корпусах углубленного преподавания музыкального искусства.

Концепции и программы для женских институтов и кадетских корпусов содержали немало общих положений, единых подходов к преподаванию музыки, но имели и существенные различия. Общее было обусловлено существовавшей в женской и мужской школах единой установкой, включающей необходимость воспитания музыкально образованного юношества, универсальность принципов и методов обучения музыке; различия — спецификой институтов и корпусов, гендерным фактором.

В рассматриваемый период в петербургских женских институтах и кадетских корпусах проводилась значительная работа по перестройке практики преподавания музыки в русле идей и установок новых концепций и программ музыкального образования. В ходе преобразований эта практика существенно изменилась. Музыкальное образование в данных школах стало всеобщим, непрерывным, обязательным. В учебном процессе все более утверждался взгляд на музыку как фактор духовного развития детей. Расширилось содержание музыкального обучения, во многом изменились методические подходы к преподаванию музыкальных дисциплин, разнообразнее стали пути и формы приобщения учащихся к музыкальному искусству. Получило развитие углубленное преподавание музыки.

Характерными тенденциями в развитии практики музыкального образования были: постепенное увеличение в большинстве институтов и корпусов учебного времени, отводимого на уроки хорового пения и игры на музыкальных инструментах; возрастание роли светской музыки в содержании хорового обучения, постоянное обращение в работе с учащимися к оперной литературе, народному творчеству, преимущественно русскому; преобладание в репертуаре ученических церковных хоров музыкально-духовных сочинений над обиходными напевами, постоянное введение в содержание школьных уроков пения церковной музыки; постепенное увеличение числа ученических музыкальных коллективов (ансамблей, хоров, оркестров), повышение уровня их исполнительской культуры.

Музыкально-образовательной практике столичных женских институтов и кадетских корпусов был присущ гуманный характер. Образовательный процесс в этих школах в значительной мере осуществлялся с учетом возможностей, склонностей, способностей детей. В данных заведениях, особенно женских институтах, были созданы условия, при которых учащиеся постигали музыкальное искус-

ство, двигаясь по индивидуальному образовательному маршруту. Предметом особой заботы в данных школах являлись музыкально одаренные дети, им оказывались разнообразные формы поддержки.

Музыкальное образование в петербургских женских институтах и кадетских корпусах было связано, взаимодействовало с различными сферами социокультурной практики, прежде всего с музыкальной культурой. Деятели искусства, музыкальные учреждения столицы активно участвовали в совершенствовании музыкального образования в данных школах — от разработки его теоретических основ, концепций, учебных программ до сочинения музыки, ведения педагогической и музыкально-организаторской работы. В свою очередь практика музыкального образования в закрытых школах оказывала определенное влияние на профессиональную музыкальную культуру, выражавшееся, в частности, в инициировании данными школами заказов композиторам на создание произведений для детей, возвращении грамотных «потребителей» музыкального искусства, сохранении и упрочении через развитие детского хорового исполнительства национальных певческих традиций, подготовке в стенах этих школ из числа одаренных воспитанников потенциальных абитуриентов для Петербургской консерватории, других специальных музыкальных учебных заведений.

Перестройка музыкально-образовательной практики в институтах и корпусах не была беспроблемной, сопровождалась многими трудностями, в ней были свои недостатки. Эти явления обуславливались значительной новизной решавшихся задач, не всегда достаточным ресурсным обеспечением преобразований, устойчивостью «обветшалых традиций музыкального преподавания».

Реализация на практике ведущих идей концепций привела к повышению качества музыкального образования в большинстве столичных женских институтов и кадетских корпусов. Основными причинами, способствовавшими получению данного результата, являлись: удачное решение проблемы на теоретическом уровне (предварительная детальная разработка концептуальных основ музыкального образования); комплексный характер преобразований, включавший программно-методическое обеспечение учебной деятельности, совершенствование материальной базы образовательного процесса, обновление кадрового корпуса учебных заведений; активное участие деятелей музыкального искусства в перестройке музыкального образования; грамотное управление процессом преобразований. Положенные в основе реформы музыкального образования идеи сопрягались с базовыми принципами российской цивилизации, вытекали из них. В процессе преобразований в указанных школах утверждался приоритет духовного начала, актуализировался культурный и нравственный потенциал православия, получали развитие национальные традиции коллективного музицирования, упрочивалась значимость высоких образцов русского и западноевропейского музыкального искусства в воспитании детей. Опора на традиции, преемственность в музыкальном образовании явились одними из существенных факторов, обусловившими позитивный результат преобразований.

Многие аспекты теоретического и практического опыта музыкального образования в петербургских школах закрытого типа представляют ценность для современной музыкально-педагогической науки и практики.

Данный опыт, думается, поучителен прежде всего своей исходной установкой на воспитание разносторонне образованного человека, обладающего и высокой художественной, шире — эстетической культурой. Этой культуры как раз и недостает значительному числу выпускников современной школы. Сегодня необходимы более настойчивые шаги по смене воспитательно-образовательной парадигмы — технократической на гуманистическую, при которой школьное образование стало бы более человеченным через соприкосновение учащихся и учителей с художественной культурой, сокровищницей мирового музыкального искусства.

Опыт столичных женских институтов и кадетских корпусов показывает, каким могло бы быть место музыки в современной общеобразовательной школе — значительным, постоянным, при котором ученики могли бы обучаться этому искусству в течение всех лет их школьной жизни. Сегодня положение музыки в учебном расписании вряд ли можно назвать достойным — один часовой урок в неделю в основной школе и полное их отсутствие на старшей ступени. Необходимо принципиальное изменение места музыки в структуре школьного образования.

Представляется важной, глубоко оправданной установка петербургских школ закрытого типа на создание условий для раскрытия потенциала лич-

ности каждого учащегося, удовлетворения его потребностей, развития наклонностей и способностей в области музыки. По существу, институты и корпусы, будучи общеобразовательными учебными заведениями, являлись в то же время своеобразными музыкальными школами, предоставлявшими возможность всем желающим основательно обучаться музыке, включая занятия на различных музыкальных инструментах. Думается, сегодня особенно нужны, ценны общеобразовательные школы именно такого типа — дающие одновременно и общее, и углубленное музыкальное образование. Эти школы становятся, как показывает практика, более востребованными учащимися и родителями, что в современных условиях весьма важно для каждой школы, и приближаются к тому образу учебного заведения, столь желаемому, где естественно-научная и гуманитарно-художественная грани образования достигают определенной гармонии.

Сегодня не могут не привлекать внимания и некоторые другие подходы к музыкальному образованию, имевшие место в петербургских школах закрытого типа, — курс на приобщение учащихся к музыке через ее активное исполнение (хоровое, инструментальное), установка на формирование у детей культуры любительского музицирования, ориентация на основательное ознакомление учащихся с языком музыки, активное культивирование в школах разнообразных форм музыкального просвещения, особая организация учебной деятельности для одаренных детей. Все это, видимо, целесообразно учитывать при выработке оснований современного школьного музыкального образования.

* * *

К. С. ПИГРОВ: — Пространство города задает музыка — это замечательно. Здесь прослеживается связь с предыдущими докладами. И еще спасибо Вам за последнюю реплику; ведь Санкт-Петербург — это

город-архетип, он задает некие образцы для дальнейшего расширения по этой необъятной империи. И там можно было бы провести параллели и через образование.

Е. А. Кайсаров

Д. С. ЛИХАЧЕВ О МЕСТЕ И РОЛИ ПЕТРА I В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР НОВОГО ВРЕМЕНИ И ДРЕВНЕЙ РУСИ

Вопрос об отношении Нового времени к культуре Древней Руси, отмечал Д. С. Лихачев, был для России XVIII–XX вв. одним из основных вопросов ее культурного своеобразия¹. Исследование диалога этих культур имеет большое значение для понимания феномена Петербурга, который стал центром формирования культуры Нового времени в России.

Анализируя динамику культурных процессов, Д. С. Лихачев приходит к выводу, что культура движется и развивается не только путем изменений внутри ее самой, но и путем накопления культурных ценностей. Появление элементов новой культуры Д. С. Лихачев относит к XIV–XV вв., когда «могучие токи нового предвозрожденческого движения захватили не только Византию, Сербию и Болга-

рию, но также Псков, Новгород, Москву...»². Так, в новгородских фресках второй половины XIV в. можно отметить появление сложных повествовательных сюжетов, элементов перспективы и светотени, натуральных человеческих фигур, ландшафта. Писатели начала XV в. (Епифаний Премудрый, Похোкий Серб) с видимым интересом относятся к внутреннему миру своих героев. Чувство движения, проникающее в живопись, архитектуру, литературу, вызывает необходимость в точном отсчете времени. Время узнают не только по колокольному звону, но и по часам, появляющимся на городских башнях. Характерной чертой русского культурного развития той поры было особое внимание к государственным интересам страны. В поисках опоры для утверждения элементов новой культуры проявляется повышенный интерес к старому Киеву,

¹ Лихачев Д. С. Русская культура Нового времени и Древняя Русь // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб., 2006. С. 172.

² Там же. С. 98.

старому Владимиру, старому Новгороду, сказывавшийся в письменности, архитектуре, живописи. Таким образом, новая культура с момента своего появления вступает в диалог со старой, традиционной культурой, развивается через познание и усвоение прошлого.

Наиболее ярко Д. С. Лихачев показывает взаимодействие нового и старого в культуре на примере Андрея Рублева. В имени Андрея Рублева соединились высшие достижения древнерусской живописи. Его ставили в образец всем иконописцам. В то же время в творчестве Андрея Рублева отражен интерес к человеку, его индивидуальности, психологии. В нем сказалось непосредственное наблюдение природы, человеческого тела. В его «Спасе» из Звенигородского чина, апостоле Павле на фреске из Успенского собора во Владимире и других произведениях явственно ощущается русский национальный тип лица.

«Троица» написана на чисто религиозный сюжет, но на первый план выступает «человеческий смысл»: сочувствие к страдающему человечеству, раздумье о грядущих судьбах мира, необходимости преодоления «ненавистной розни мира».

Изучение закономерностей развития древнерусской культуры привело Д. С. Лихачева к отчетливому представлению о том, что русская культура в течение нескольких веков «приготовляла собой» переход к новой русской культуре со всеми ее общевропейскими чертами и особенностями.

Говоря о месте и роли Петра в становлении культуры Нового времени и ее диалоге с культурой Древней Руси, Д. С. Лихачев опровергает миф о его решающем вкладе в этот процесс. Петровская эпоха стала закономерным результатом всего развития русской культуры, начавшей переходить от средневекового типа к типу Нового времени.

В заслугу Петру можно поставить то, что он выступил в качестве «ускорителя» процесса перехода русской культуры к культуре типа Нового времени. Петр решительно и жестко сменил всю «знаковую систему» культуры, придал своим реформам демонстративный характер, активно заимствовал западную культуру, сознательно стремился к тому, чтобы оборвать все связи с культурой Руси.

Д. С. Лихачев подчеркивал, что Петр как личность был типичным порождением русской культуры конца XVII в. Многие из идей и образцы поведения Петра уже присутствовали в царских хоромы его отца Алексея Михайловича и брата Федора Алексеевича. Целенаправленно создавая представление о себе как о царе-преобразователе,

царе-труженике, царе-ученом, Петр заслони собой многих людей, делами которых утверждалась новая культура. И здесь прежде всего надо назвать имя царя-реформатора Федора Алексеевича. Страдая тяжелой наследственной болезнью, он, тем не менее, был чрезвычайно деятелен, любил верховую езду, великолепно стрелял из лука. У него первого появился маленький потешный отряд с игрушечным оружием. Еще в юности Федор Алексеевич был европейски образованным и развитым человеком. Его личная библиотека насчитывала более 200 томов — по тем временам богатейшее собрание. Федор Алексеевич «весьма изрядно вирши складывал», ценил живопись и музыку, знал польский язык и латынь. Он реорганизовал Боярскую думу и приказы (можно считать, что с этих пор в России появилось правительство), реформировал судопроизводство, налоговую систему и местное самоуправление. Много занимался строительством (предоставил москвичам льготный кредит на постройку каменных домов), приказал мостить улицы. При его правлении была проведена первая канализация, пока только в Кремле. На печатном дворе он открыл типографию, независимую от церковной цензуры, служилым людям приказал носить короткие, более удобные кафтаны.

Новая культура, подчеркивал Д. С. Лихачев, развивалась в противопоставлениях и сопоставлениях с традиционной. Противопоставление старой и новой культуры началось еще до Петра и его реформ. Оно выразилось в обращениях к польской и голландской эстетической культуре, в приглашениях голландских мастеров «перспективного письма» и парсунного дела, в новых принципах в архитектуре (можно вспомнить историю строительства Московского Кремля и, в частности, Успенского собора, когда были приглашены мастера итальянского Возрождения, познакомившие русских строителей с новыми технологиями, новым инструментарием, проектировочными документами), в живописи, в новых принципах церковности.

Несмотря на то что Петр всячески стремился увеличить разрыв между Русью и Россией, диалог культур продолжался. Правда, на его отдельных этапах «силы отталкивания» значительно преобладали над силами освоения, над попытками к возрождению некоторых старых сторон русской культуры». Необходимость культуры Древней Руси выростала вместе с ростом мирового значения русской культуры и увеличения ее веса в современной цивилизации.

К. С. Пигров

ГОРОД И «ОРГАНИЗАТОРЫ БОЛЬШОГО СТИЛЯ» (Санкт-Петербург и С. П. Дягилев — С. П. Королев)

Любая цивилизация представляет собой естественно-исторический феномен. Но, будучи таким «географическим» по сути явлением (как и «этнос» в концепции Л. Н. Гумилева), цивилизация в то же время есть и нечто иное. На некоторой относительно небольшой территории в определен-

ном времени она непостижимым на первый взгляд образом достигает небывалой концентрации, объединяет тысячи людей, действующих согласно, совместно — в соответствии с некоторыми общими принципами, программами и планами, которые, по сути, не имеют отношения к непосредственному

выживанию и умножению человеческой «биомассы» в окружающей среде.

«Посредником» между стихией географической среды и высшими ценностями человека оказывается прежде всего *город*. Мы в нашем рассуждении выделяем Санкт-Петербург как некое знаковое явление для модернизации русской цивилизации и рассматриваем его прежде всего в антиномиях целей и средств. Петербург, этот город «трагического империализма», представляет собой парадоксальное напряжение между целями и средствами в рамках цивилизации как целесообразной системы. Поначалу он, задуманный с вполне определенной целью (как форпост и градостроительная авантюра), был вызывающе необходим и одновременно «неуместен» в этой финской природе — в консервативной культурной вселенной Западной Европы.

Старые цели ушли. Никто теперь не думает Петербургом «грозить шведу». Но средства остались. Петербург из «только средства» стал самоцелью и выражением той российской новоевропейской цивилизации, которой он в известном смысле тождествен. Мы и до сих пор живем в героическом усилии только для того, чтобы хотя бы сохранить это сыплющееся из рук наследство средств, которое мы неосмотрительно еще и умножаем, хотя цели во многом «забыты».

Если от цивилизации — необходимым образом через концепт города — идти дальше к пониманию ее оборачивания в культуру, мы приходим к *выдающимся людям*, лидерам, руководителям. Это не только политики в широком смысле, например, те деятели, с реальным или мифическим именем которых прямо или косвенно связан любой город (как, например, Ромул связан с Римом). Наш город связан не только с теми, кто запечатлен в названии (Петр I и В. И. Ленин). Есть и еще ряд имен, которые немислимы без города, как и город немислим без них.

Именно город в единстве со своими выдающимися людьми позволяет говорить, в конечном счете, о цивилизации как о едином *супранатуральном* целом, которое есть не только биологический объект, существующий в некоторой среде, но и «*субъект*», обладающий свободой воли, коллективным разумом. Возникновение города, как и имена его основателей, — это первый шаг на пути к превращению цивилизации в *субъекта* — в том качестве, в котором цивилизации могут вступать в диалог, творить историю, нести ответственность и вину за содеянное. Именно в таком качестве цивилизации предстают не только как естественно-исторический феномен, но и как *феномен культуры* — феномен, имеющий связь с Абсолютом. Цивилизация становится из естественно-исторического объекта культурным субъектом благодаря тому, что в каждой цивилизации, достигающей в городе высокого напряжения, возникают руководители, лидеры, вожди, великие люди, «организаторы большого стиля» (термин О. Шпенглера), которые идентифицируются с этой цивилизацией и персонифицируют ее либо целиком, либо в том или ином регионе — на том или ином этапе ее развития.

Руководитель обладает повышенной способностью активно *идентифицировать* себя с обществом. Операция идентификации — необходимое условие бытия личности руководителя и условие возможности существования как города, так и ци-

визилизации в качестве культурного целого. Руководителем — это тот, кто интенсивно «болеет» за общее дело всей цивилизации. В известном смысле он «растворяется» в этом социуме, радуется его «радостями», печалится его «печалями».

Однако идентифицированность индивида с социумом — необходимое, но не достаточное условие руководства. Любой рядовой человек также идентифицируется с социумом, к которому он принадлежит, хотя и не так интенсивно, как руководитель. Решающая операция, основная процедура, генерирующая руководителя, — это *процедура персонификации*. В целом руководитель, вождь, властитель — в первую очередь *человек персонифицирующий*, то есть человек представляющий. Это обстоятельство указывает на символическую природу фигуры руководителя. Руководитель в этом смысле, так же, как и город, всегда есть *символ* цивилизации, причем в ее высшем, абсолютном измерении.

С этой точки зрения руководитель — персонифицированная разумная, рациональная *воля*, которая противостоит биологической в своей основе стихии социума, просто существующего в своей повседневной жизни, «живущего, чтобы жить». Социум в естественной повседневной жизни обнаруживает инстинкт подчинения, люди в своей массе стремятся «выполнять указания», желательно простые и не противоречащие их естественным потребностям. Подлинный руководитель, напротив, всегда идет против течения, противопоставляя императив «безусловно надо» повседневной стихии «просто хочется». Психологически в этом плане руководить всегда «трудно»¹, а подчиняться психологически «легко», поскольку это соответствует социальной природе человека.

Что же персонифицирует руководитель? Он представляет высшее, супранатуральное измерение в человеческом бытии, персонифицирует трансцендентные ценности бытия социума. Руководитель — человек, персонифицирующий *вершину* в иерархической системе социума, устремленной к горизонту Абсолюта.

Особенно остро стали вопросы руководства в эпоху надлома новоевропейской цивилизации, характеризующейся небывалыми размерами и сложностью массового социума на фоне тотального «расколдования» мира, в условиях утери простых религиозных представлений у народа. Здесь, на поздних своих этапах, в известном смысле город «изменяет» культуре. Он обнаруживает тенденцию из форпоста культуры в своей секуляризации превращаться в выражение массовых стихий, в значительной мере теряет роль ведущего к культуре начала². Возникает острейшая проблема: как совладать со стихией массового городского общества, как справиться с «восстанием масс»? И там, где изменяет стихия самой городской среды, на помощь приходит бестрепетная устремленность руководителя, «напрямую» связанного с Абсолютом. Эта проблема во всей остроте обозначилась в XX в., но еще более актуальна она для XXI в.

¹ «Повелевать труднее, чем повиноваться... Попыткой и дерзновением казалось мне всякое повеление, и, повелевая, живущий всегда рискует самим собою» (*Ницше Ф.* Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого / пер. Ю. М. Антоновского // Ницше Ф. Соч.: в 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 82).

² Так было уже в поздней Римской империи, когда Рим потерял свою культуруобразующую функцию.

Расколдование мира, потеря городом своей сакральной функции оказались тесно связанными с тотальным кризисом руководства, лишающегося священной легитимации. Руководить стало еще труднее. Руководители, властители дум нового массового общества предстали одинокими в своем противостоянии социальным естественно-историческим стихиям. Они были вынуждены взять на себя тяжкий крест ответственности и руководства, не имея опоры ни в религиозном сознании народа, ни в культуротворческой функции города. Перед ними возник вопрос, как овладеть этим страшным миллиардоголовым чудовищем — массой?

В XX в. выявились две новые силы, которые в большей или меньшей мере могут обуздать вырвавшиеся из-под контроля массы, — *искусство и техника*. Именно новое искусство и новая техника оказались способны вывести толпу из привязанности к сиюминутности, из ограниченности естественных потребностей, хотя при поверхностном взгляде они как раз «потакают» этим естественным потребностям.

Искусство и техника дают *устремленность в будущее* в искусстве (авангард) и в высоких технологиях, к которой примыкает постклассическое естествознание XX в. Это путь футуризма, который в XX в. (весьма несовершенным образом!) был «обеспечен» политикой в ее германском, российско-большевистском и американском вариантах.

Но современное единство искусства и техники, кроме футуризма, предполагает и *устремленность в прошлое*. Парадоксальным образом этот момент раскрылся в XX–XXI вв. как *постмодерн*. Он обнаруживается в культе истории как таковой, в религиозном по сути поклонении шедеврам искусства прошлого, в новом, «музейном» воссоздании традиционных форм религиозности. Сюда идет неуклонно нарастающая в XX в. «этническая озабоченность» как широких масс, так и интеллигенции, продолжающаяся и в XXI в. Сюда же относится и всплеск мистики, эзотеризма, теософии, сюда ложатся ос-

нования фундаментализма и консерватизма самой разной окраски. Но эта «уравновешивающая» футуризм тенденция постмодерна необходима ему, она подчинена главному в футуризме — устремленности в будущее. Ее функциональный смысл в том, чтобы сохранить преемственность с прошлым.

Сергей Павлович Королев, великий руководитель технических проектов, и Сергей Павлович Дягилев, великий организатор массового искусства, были двумя великими русскими футуристами, «организаторами большого стиля», которые в XX в. задали стилистику руководства большими массами на столетия вперед. Прямо или косвенно¹ их деятельность была определена Петербургом и определила сам Петербург.

Рассматривая их деятельность в единстве и выявляя взаимодействие с Петербургом, мы обнаруживаем возможности констелляции цивилизационного целого в условиях Новейшего времени. Рационализированная как всего лишь «забота о национальной безопасности» устремленность С. П. Королева в космос на самом деле *не была утилитарно обоснована*, как не был утилитарно обоснован порыв к звездам, стремление нести ответственность за Вселенную в «русском космизме». Так же, как и якобы «на первый взгляд» гедонистически ориентированная деятельность С. П. Дягилева на самом деле означала *прорыв к совершенно новым горизонтам эстетического*. «Мы — свидетели величайшего исторического момента итогов и концов во имя новой неведомой культуры, которая нами возникает, но и нас же отметет. А потому, без страха и неверия, я подымаю бокал за разрушение стены прекрасных дворцов! Так же, как и за новые заветы новой эстетики»².

Русская культура, опираясь на свои города, особенно на Петербург, без которого новоевропейская Россия просто немыслима, — русская культура, имея в своем наследии великие образцы «организаторов большого стиля», такие как С. П. Королев и С. П. Дягилев, обещает свой новый взлет в XXI в., где она займет подобающее ей место в мировом концерте культур.

ДОКЛАДЫ

Т. А. Апинян³

«БЫВШИЕ» И «НОВЫЕ» РОССИЯНЕ: СКЛАДКА ИСТОРИИ

Когда все расселятся в раю и в аду,
земля итогами подведена будет —
помните:
В 1916 году
из Петрограда исчезли красивые люди.
В. Маяковский. Для истории

Несколько лет назад мы делали на «Радио России из Петербурга» передачу, посвященную роману Маргарет Митчелл «Унесенные ветром». И вдруг

¹Связь С. П. Королева с Петербургом–Ленинградом более опосредствована и нуждается в специальном исследовании. Но нет сомнения в том, что дело, которое исполнил Королев, было продолжением дела Петербурга, Петра I и Ленина. Шпили Петербурга «предсказывали» полет в космос.

²Дягилев С. П. В час итогов... // *Весы*. 1905. № 4. С. 46–47.

³Профессор кафедры общественных и гуманитарных наук Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова, профессор Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, доктор философских наук.

оказалось, что роман о Гражданской войне в США содержит множество тем, не только актуальных для нашей недавней истории, но и, можно сказать, универсальных, с замечательным постоянством возрождающихся всегда и везде, где имеет место «перестройка» с вытекающими из нее последствиями, общественными ожиданиями и стремлением к стабилизирующим формам жизни. Перечислим некоторые из них. Реконструкция социальных слоев и новые денежные аристократы; новые русские (или американцы — неважно) и возвращение к традиции; ветераны войн и новая реальность; и наконец,

люди, на которых в послереволюционной России 1920–1930-х гг. нацепили ярлык «бывшие».

В Ленинграде 1960–1980-х гг. еще жили «бывшие» — те, кто в силу дворянского или купеческого происхождения были лишены состояния и прав. Их дети не могли учиться в высших учебных заведениях; на внуков запреты формально не распространялись, но реально применялись. «Бывшие» стали людьми-воспоминанием и в то же время людьми-напоминанием, образцами иной, более эстетизированной и одухотворенной жизни; демонстрацией достоинства, сохраняемого в любых условиях.

«Бывшие» представляли особый слой, а главное — являли особую субкультуру в пространстве новой, постреволюционной городской культуры. Профессор, выделяющийся старомодными манерами, непереносимая своей воспитанностью бывшая институтка, грустный и сдержанный «господин» в шляпе приводили в бешенство «новых хозяев», заселивших коммунальные квартиры. «Бывшие» составляли контингент залов филармонии, Александровского, Таврического и Летнего садов. Выделялись старомодной опрятностью и поношенностью одежд. В Петербурге–Ленинграде той поры можно было встретить даму в пинетках и мужчину в заштопанном френче образца Первой мировой войны.

«Бывшие» — люди преодоления и возрождения. Люди, живущие воспоминаниями и не желающие поступиться образом жизни, манерами, образованностью, дисгармонирующими с окружением. Существующие изолированно, своим кругом, они являлись объектом интереса со стороны «новой молодежи», как правило, гуманитарной ориентации, которая чувствовала в них тайну другой жизни, не только оваянной ароматом истории, но и излучающей обаяние, которое может быть результатом только многотрудных дум, переживаний, отчаяния, возрождения и духовного опыта.

Женщины из их среды становились подпольными гувернантками, хотя в социалистическом обществе нельзя было помыслить о такой воспитательской профессии. Так, в ленинградских парках можно было встретить старомодных дам, окруженных несколькими детьми, которых они не просто «выгуливали», но обучали стихам и языкам.

«Бывшие» являют собой особый феномен, не сводящийся к локальной петербургской культуре определенного периода. Перечитайте роман Маргарет Митчелл «Унесенные ветром». В описании «бывших» южан — плантаторов времен войны между американскими Севером и Югом — узнаются черты «бывших» петербуржцев. И там, и здесь — память детства. Митчелл расспрашивала тех, кто знал «бывших южан»; люди моего поколения помнят «бывших петербуржцев». А память — это всегда мифологизированная действительность, но то, без чего невозможно существование культуры как преемственности. Жизнь прирастает памятью.

Вспомним: «Атланта была городом, где музицировали и любили музыку». В Петербурге донны так.

«Реконструкция им была чужда (о южанах). Перестройка первой волны — послереволюционная эпоха — вызывала еще большее отторжение у «бывших», не говоря уже о сегодняшней «перестройке», если бы они до нее дожили. Вот цитаты по этому поводу из «Унесенных ветром»: «время кричащей безвку-

сицы, еды, денег, кричащих драгоценностей». «В основе состояний — спекуляция, обман, воровство, акции несуществующих предприятий» (финансовые и строительные пирамиды наших дней). Что существенно отличало «новых южан» из янки от «новых русских» 1920–1960-х гг., так это страстное желание войти в среду «бывших» у первых и бессознательная или вынужденная изоляция — у вторых.

Непринужденность в общении, забота о женщинах. Коренные ленинградцы помнят, как в троллейбусы заходили согласно очереди, и невозможно было не уступить место старшим и женщинам.

Гордая бедность. «Не надо устраивать свалку из-за каждого гроша, подобно янки», — замечает один из героев романа Митчелл. «Бывшие» — люди, потерпевшие поражение, но продолжающие сохранять и внутреннее, и внешнее поведенческое достоинство. Для барышни из данного круга обязательный набор умений — музыка, танцы, вышивание, манеры. Псевдогувернантки из «бывших» выполняли соответствующий заказ «новых петербуржцев–ленинградцев». Примечательно, что в первую очередь он возрождался в среде послевоенных офицеров, то есть людей, закономерно имевших более высокий статус, приобретенных к субординации и в известном смысле привилегированных.

Здесь хочется вспомнить еще один афористический пассаж из «Унесенных ветром», имеющий отношение к семейно-брачным приоритетам в среде «новых русских». Ах, какой леди она станет, когда у нее появятся деньги, думает Скарлетт О'Хара: доброй, нежной, милосердной. «Без денег нельзя быть леди!» Таковы приоритеты девушек, соединяющих свою жизнь с новыми русскими. А те, со своей стороны, нередко похожи на «подвернувшегося» мужа героини, который «поймал тропическую птицу, тогда как его вполне устроила бы обыкновенная курица».

Следует отметить особую черту, отличающую «бывших» из собственно России от зарубежных. Если в эмигрантских семьях утрата уровня культуры и родного языка приходилась на третье поколение, то в России — на второе. «Бывших» страшило, что их исключительность перейдет на детей и лишит их возможности адаптироваться в новом обществе. К этому добавлялась атмосфера обновленческого пафоса, культивируемого в «обществе строителей коммунизма». Поэтому духовное наследие переходило в большинстве случаев либо стихийно, либо к юношеству из чуждой среды, к «парвеню», подпадавшим под очарование узанного образа, возвращенного классической литературой.

Большинство в данной среде составляли женщины, что закономерно в силу трагических обстоятельств русской истории XX в. и что, со своей стороны, наложило отпечаток утонченной женственности на петербургскую культуру. Тому имеется много причин.

Наследование шло по женской линии и затрагивало девушек нового поколения более, чем юношей. Женщины в большей степени склонны к традиции, чем мужчины. Девушки более впечатлительны и не могли остаться чуждыми к «унесенному ветром... аромату этих роз», как процитировала Горация Маргарет Митчелл самим названием своего романа. Школьное образование ориентировалось на литературную классику, то есть на идеалы, в большинстве

случаев воплощенные в поведении лиц из бывших привилегированных сословий.

Социальная роль «бывших» беспрецедентна. Их наличие — обязательное условие передачи культуры. По сути, они представляют собой разреженное революцией и войнами поколение, благодаря которому культура не прервалась. Его тень витает над новым Петербургом, а тень с точки зрения мифологии и есть душа.

«Бывшие» — люди, обреченные на толкование. Они были видимы детским глазам моего поколе-

ния. Когда же дети выросли, осталась только память. Тогда началась новая жизнь «бывших». Образ и символ, питающие личную и коллективную душу города и страны.

И белым облаком скользя,
Встает все то в душе тревожной,
Чего вернуть, увы, нельзя,
И позабыть что невозможно!..

Н. Агнивцев

М. Н. Барышников¹

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ/ГРУППОВЫЕ ИНТЕРЕСЫ, ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕТЕРБУРГА

В XIX — начале XX в. в условиях масштабных изменений в социально-экономической жизни России семейная фирма оставалась наиболее гибкой² формой согласования частных и общественных предпочтений с точки зрения выбора и реализации целей хозяйственной деятельности. Достигаемый в рамках ее организационной структуры баланс интересов определялся совокупностью отношений семейно-родственного, этноконфессионального и психологического свойства, регулировавшихся в соответствии с согласованными и реализуемыми на практике институциональными ограничениями (правовыми и неформальными) индивидуального и группового поведения. Институты (законы, договоры, обычаи, традиции и т. д.), покоившиеся на личностных самоограничениях, позволяли с достаточной степенью эффективности использовать актуальные для своего времени механизмы экономического взаимодействия в соответствии с выбранными формами собственности, управления и контроля. Как полагает Д. Норт, стремление преодолеть неопределенность окружающей среды закономерно ведет к принятию институциональных ограничений, определяющих характер хозяйственного взаимодействия людей. Эти ограничения складываются в течение длительного времени. В данном контексте культура общества выступает как совокупная структура правил и норм (а также верований), которые наследуются из прошлого и которые формируют настоящее и влияют на будущее³.

Институциональные ограничения фиксировали предпочтения членов семьи (и тем самым позволяли находить их баланс) в отношении целей и задач деятельности компании, ее организационной формы и механизмов управления, системы внутреннего контроля и характера взаимодействия собственников с наемным персоналом, способов разрешения конфликтных ситуаций, направлений взаимодей-

ствия с общественными и властными структурами и т. д. От того, насколько результативно эти ограничения регламентировали процесс взаимодействия индивидуальных и групповых интересов, зависел успех деятельности фирмы в рамках существующего в стране социально-экономического и общественно-политического строя.

Опыт деятельности партнерских товариществ («торговых домов») и акционерных компаний в Петербурге в XIX — начале XX в. свидетельствовал о том, что институциональные ограничения интересов являлись одним из важнейших факторов, определявших эффективность операций фирм и проявлявшихся в оптимальном взаимодействии собственников и управленцев, точнее сказать — балансе имеющихся у них интересов⁴. *Под балансом интересов понимается такое их соотношение, которое обеспечивает результативное функционирование компании в соответствии с согласованными и применяемыми на практике институциональными ограничениями индивидуального и группового поведения.*

Отметим, что внутрифирменные группы интересов представляют прежде всего собственники, управляющие, работники. В число внешних входят клиенты, поставщиками и кредиторами входят государственные учреждения, профсоюзы, общественные объединения и другие организации, составляющие институциональное окружение. Косвенно фирма взаимодействует также с социокультурной и природной средой. В этом отношении более высокий уровень являет собой характер взаимодействия интересов акционеров/пайщиков с интересами других субъектов хозяйственной деятельности, а также представителей общественных и властных структур. Действующие в этой сфере институциональные ограничения имеют более сложную структуру, определяясь совокупностью целого ряда экономических, социальных, культурных и политических факторов. Здесь ответственность перед внешним миром

¹Заведующий кафедрой истории Российского государственного университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), доктор исторических наук, профессор.

²Особенность семейного бизнеса, по выражению американского историка А. Колли, заключается в его «эластичности» (Colli A. The History of Family Business. 1850–2000. Cambridge, 2003).

³См.: North D. C. Understanding the Process of Economic Change. Princeton Oxford, 2005.

⁴Под интересами (от *lat. interest* — имеет значение, важно) понимаются исторически складывающиеся предпочтения индивидов, реализуемые в процессе удовлетворения ими своих потребностей в условиях ограниченности существующих ресурсов (возможностей).

несет не владелец индивидуального предприятия, а группа собственников, связанных друг с другом общностью интересов. Способность рационально ограничить последние означает, по сути, готовность достичь эффективного баланса интересов в институциональной среде, в которой данным лицам приходится действовать¹.

Как свидетельствовала успешная деятельность петербургских компаний в XIX — начале XX в., цель внутрифирменных ограничений заключалась в фиксации индивидуальных и групповых интересов (в экономическом, этническом, конфессиональном, психологическом, семейном и прочем отношении) и в этом смысле в определении их баланса на основе взаимоприемлемых неформальных предпочтений и в соответствии с принятыми (или предполагае-

мыми к заключению) соглашениями юридического характера. От того, насколько индивиды были готовы (способны) придерживаться в дальнейшем данных предпочтений и соглашений, зависела в конечном счете результативность их совместной деятельности, прежде всего в плане обеспечения прав собственности, создания эффективной структуры управления и выполнения заключенных договоров. При благоприятном развитии событий происходила институционализация прав собственности и правил, регулирующих конкуренцию и обмен, что облегчало установление стабильных отношений между субъектами экономической деятельности. На макроуровне это стимулировало, в свою очередь, инвестиции и хозяйственный рост в Северной столице на протяжении XIX — начала XX в.

В. П. Большаков¹

АКТУАЛЬНОСТЬ РАЗВИТИЯ ТРАДИЦИОННОГО ДЛЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА ЦЕННОСТНО-ГУМАНИСТИЧЕСКОГО ПОНИМАНИЯ КУЛЬТУРЫ

Когда мы говорим о культурном феномене Санкт-Петербурга, мы неизбежно отталкиваемся от общего понимания культуры. В Санкт-Петербурге, и вообще в российской культурологии, не исчезает, хотя и не доминирует ценностно-гуманистическое понимание культуры. Между тем развитие такого ее понимания весьма актуально именно сейчас. Во всем мире и в России существенно меняются формы реализации культуры, средства ее сохранения и распространения. Остро проявляются проблемы ее омассовления, подмены культуры ее суррогатами, имитациями разного рода.

В современных трактовках понятие культуры столь многообразно, что утратило всякую определенность. При огромном количестве дефиниций постепенно укрепились три основных варианта ответа на вопрос, что такое культура.

Первый — очень распространенный объективистский, позитивистский вариант, когда культура понимается как все то, что создано человеком и человечеством, весь искусственный мир, способы и результаты человеческой деятельности. Это предельно расширительное понимание культуры включает в объем и содержание понятия всю жизнь человека и общества во всех ее проявлениях. При этом обычно выделяют культуру материальную и духовную. Иногда (М. С. Каган) наряду с ними — художественную. Такое понимание культуры сложилось в борьбе с субъективизмом (а в нашей стране еще и с идеализмом) в подходе к тому, что называется культурой. Те, кто разделяет это понимание, считают, что таким образом культурология становится действительной наукой, таким же объективным знанием, как естественные науки. Знанием, независимым от наших эмоционально-субъективных оценок познаваемого.

¹ Профессор кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, доктор философских наук, заслуженный работник высшей школы РФ.

² См. подробнее: *Барышников М. Н.* Деловой мир дореволюционной России: индивиды, организации, институты. СПб., 2006.

Но поскольку и приверженцы такой трактовки говорят и пишут о необходимости сохранения и развития культуры, то последняя порой подразделяется на реакционную и прогрессивную. Понятно, что таким образом элемент субъективности проникает в, казалось бы, строго научные концепции. Кроме того, как ни странно, когда культурологи-позитивисты начинают излагать историю культуры, они почему-то не излагают истории всего, что было создано человеком и человечеством. Чаще всего ограничиваются верованиями, наукой, искусством.

Значительная часть исследователей культуры понимала и понимает ее как духовный опыт человека и человечества. Это и представляет собой *второй*, тоже достаточно распространенный вариант понимания культуры. В таком случае смысл понятия «культура» ограничивается, и под историей культуры естественно понимается история развития духа, а не всего искусственного мира. Как считается при этом, культура и ее ценности могут, конечно, воплощаться и воплощаются в материальных, вещественных носителях духовного содержания. Культурологи-семиотики видят культуру как систему чувственно воспринимаемых объектов, знаков, несущих ценностные смыслы. Чаще всего любые ценностные смыслы.

В указанных первом и втором вариантах из понятия культуры едва ли не у большинства современных культурологов постепенно исчезло гуманистическое содержание, развитое мыслителями XVIII–XIX вв. и отстаиваемое в XX в. А. Швейцера, Н. Рерихом, Д. С. Лихачевым. *Третий*, к сожалению, менее распространенный вариант понимания сущности культуры — видение ее не просто в качестве духовного опыта, а опыта, имеющего ценностно-гуманистический смысл, сознание того, что культура, по выражению Н. Бердяева, «благородного происхождения», что ценности культуры позитивны в плане «очеловечивания человека» и его жизнедеятельности. Уже Э. Тайлор смотрел на культуру как на то, что одновременно содействует «развитию нравственности, силы и счастья человека».

Возражая такого рода трактовкам культуры, чаще всего указывают на огромное множество явлений действительности, не гуманистичных, с нашей точки зрения, ценностно-нейтральных, даже бесчеловечных, но в высшей степени значимых. При этом задаются два вопроса. Первый: какими же понятиями охватываются эти явления? Второй: с какой стати решающими при отнесении или не отнесении тех или иных явлений к сфере культуры оказываются наши оценки, которые неизбежно субъективны? На первый вопрос ответить просто. Кроме слова «культура» есть и другие, такие как цивилизация, прогресс. Е. Соколов отметил, что как раз скорее цивилизация, чем культура, представляет собой все, что создано человеком и человечеством, «включая помойки и неприличные деяния». Что касается второго вопроса, на него ответить не так просто. Действительно, почему мы не можем удерживать ценностно-нейтральное, объективистское понимание культуры? Можем. Ведь это мы насыщаем понятия смыслами, которые могут быть различными в разное время, в разных исторических условиях, в зависимости от разных потребностей. Назвать культурой можно все что угодно. Можно оставить в содержании этого понятия только одно — то, что

не природа. Но есть ли смысл в таком нейтралистском понимании культуры, которая, по мнению Д. С. Лихачева, есть «то, что в значительной мере оправдывает перед Богом существование народа и нации»¹? Д. С. Лихачев считал, что «основная задача современной жизни: сочетать развитие техники с гуманизмом»². По сути, у него речь идет о том, что культура должна становиться основой цивилизации, ибо «цивилизация без души — ужас!»³ Не следует бояться, что мы таким образом сохраним (не вносим, а именно сохраняем) выстраданный человечеством смысл культуры как гуманистически ценный, то, что, согласно А. Швейцеру, «содействует духовному совершенствованию», а не деградации индивида. Сохранение такого смысла культуры и при ее изучении, и при культуротворческой деятельности, и в попытках воспитания культуры сегодня важно, как никогда. Что касается Санкт-Петербургской культурологии, то в ней этот смысл не вовсе утрачен. Но следует и дальше отстаивать и развивать гуманистическое понимание культуры. При этом не надо забывать, что «на дворе» XXI в., а не XVIII–XX, что осмысление культуры в гуманистически ценностном аспекте должно соотнобразовываться с реалиями современности.

А. М. Буровский⁴

ЛОКУСЫ ПЕТЕРБУРГА: УРОЧИЩА В УРОЧИЩЕ

Санкт-Петербург — это антропогенное урочище. Но внутри этого громадного города очень хорошо прослеживаются другие урочища — поменьше. Естественно, «старые города имели социальную и этническую дифференциацию отдельных районов. В одних районах жила по преимуществу аристократия (в дореволюционном Петербурге аристократическим районом был, например, район Сергиевской и Фурштатской), в других — мелкое чиновничество (район Коломны), в третьих — рабочие (Выборгская сторона, другие заводские и фабричные районы и окраины). Довольно компактно жили в Петербурге немцы — на Васильевском острове, что описано в романе Н. Лескова «Островитяне»; немцы населяли отдельные пригороды — Гражданку, район Старого Петергофа, район в Царском Селе и пр. Этими же чертами отличались и дачные местности (например в Сиверской обитало богатое купечество; квалифицированные мастерские жили на дачах с дешевым пароходным сообщением по Неве, а также на Лахте, в Коломягах около Сестрорецкой узкоколейной железной дороги и т. д.). Были районы книжных магазинов и «холодных букинистов» (район Литейного проспекта, где со времен Н. А. Некрасова располагались и редакции журналов), кинематографов (Большой проспект Петербургской стороны) и др.⁵

Тут, как мне кажется, смешиваются два явления: расселение по сословно-классовому принципу и удивительная концентрация разных видов интеллектуальной жизни города в каких-то местах.

Можно найти причины, в силу которых аристократия жила на Фурштатской, а рабочие — неподалеку от фабрик и заводов. Но не так легко объяснить (по крайней мере, рациональными причинами), почему немцы выбрали именно Васильевский остров. То есть можно сослаться на «случайность», на «так получилось», но если все же не отмахиваться от явления, а постараться его понять, то сразу приходится рассуждать о стремлении инородцев как-то отделиться, хотя бы рукавами Невы, о том, что Васильевский был для немцев чем-то вроде замка с поднятыми на ночь мостами... Я не настаиваю на верности этой догадки — но в любом случае приходится иметь дело с иррациональными вещами.

И уже совсем непостижимо: почему, по каким законам возникали в городе районы кинотеатров, букинистов, редакций журналов? Какая сила привлекала редакции к району Литейного? Это понять непросто, а может, и вообще невозможно.

Но внутри Санкт-Петербурга действительно есть участки, отвечающие одному из определений урочищем.

Особенные участки застройки. Во-первых, это огромные территории, на которых застройка однотипная — и в то же время отличается от окружающей. Если сосновая роща посреди степи может быть названа урочищем, то ведь тогда и «застройка пятиэтажными

¹ Лихачев Д. С. Русская культура. М., 2000. С. 9.

² Там же. С. 207.

³ Там же.

⁴ Профессор кафедры философии Санкт-Петербургского государственного университета сервиса и экономики, доктор философских наук.

⁵ Лихачев Д. С. Заметки к интеллектуальной топографии Петербурга первой четверти двадцатого века // Учен. зап.

Тарт. ун-та. 1984. Вып. 664: Тр. по знаковым системам. Семантика города и культуры. Петербург. № 18. С. 73.

шлакоблочными зданиями, с обширными пустырями и заасфальтированными площадками и дорожками на месте соснового брусничного бора на субстрате карельских гранитов» — это тоже антропогенное урочище. Особенно если со всех сторон — девятиэтажная застройка, и этот участок выделяется.

Или, допустим, «каменные жилые здания середины — конца XIX в. с дворами и хозяйственными постройками (дровяными сараями, конюшнями), центрированные вокруг брусчатой мостовой на месте смешанных дубово-сосновых лесов с травяным подлеском на маломощных каштановых почвах». Опять же, если вокруг другая застройка; допустим, одноэтажная деревянная, то, несомненно, мы имеем дело с урочищем... По крайней мере, в одном из двух возможных смыслов этого слова.

Такие урочища появляются там, где застройка возникла примерно в одно время и окружена зданиями других эпох. Причина появления такого острова застройки обычно очень проста, даже прозаична: в этом месте стали селиться люди примерно одного сословия, класса, имущественного положения.

Такие урочища могут быть различны в каждую эпоху и к тому же быстро меняются исторически. Но урочища вообще не вечны; и холм, покрытый со снами, и луг и бор в излучине реки, и леса и луга на острове Невы — все это неизбежно исчезнет, изменится, превратится в другое урочище. В масштабах жизни человека это урочище очень долговечное, почти вечное, но это если мерить одну сущность сроками жизни другой — гораздо более подвижной.

Если же говорить о творениях рук человеческих, то кто сказал, что антропогенное урочище должно быть так же долговечно, как и природное? Совершенно не обязательно.

Нецельные целостности. Отдельные небольшие урочища складываются там, где участки городской застройки (пусть разного времени, разного назначения) объединены вокруг какого-то важного элемента городского ландшафта: например крупной улицы, площади, аллеи или набережной.

Дворцовая площадь — это урочище, потому что это сопряженная система фаций городской застройки: мощеной площади, разного типа строений вокруг, арки Генерального штаба, Александрийского столпа, Зимнего дворца. Так же и Исаакиевская площадь — нецельная цельность площади, аллеи, газонов, Медного вадника, Исаакиевского собора, «Англетера» и других сооружений. В качестве городских урочищ можно рассматривать и Невский проспект, и Университетскую набережную, и Аллею Энтузиастов, и Площадь Восстания. Между всеми этими урочищами нет четкой грани, переходы между ними проницаемы... Но разве этого нельзя сказать и о природных урочищах? Из одинокой сосновой рощи посреди луга мы без особого труда выходим к холму, на одном склоне которого растут дубы, на другом — кустарник. Так же с Дворцовой площади мы легко выходим на Невский проспект через арку Генерального штаба. Из урочища в урочище.

Комплексы сооружений. Для Санкт-Петербурга очень типичны огромные сооружения и комплексы сооружений — дворцов, храмов, учреждений общественного назначения. Каждый такой комплекс включает здания (часто очень различные) и разным способом организованные участки окружающего пространства, то есть отвечает всем признакам урочища.

Такие «городские урочища общественного назначения», по сути, уникальны. Это касается и Зимнего дворца, и Петропавловской крепости, и Менделеевской линии, и Меншиковского дворца, и Михайловского замка. К числу таких урочищ относятся и городские парки — и Летний, и Таврический, и Ботанического института, и рекреационный комплекс на Каменном острове.

Аничков дворец — это комплекс одностильных, но все же различных зданий, площади двора и парка.

Ботанический институт — это огромный парк, в котором находятся оранжереи, а также в общей сложности девять зданий разного назначения, возведенных в разное время в разном стиле. Все эти сооружения объединены только тем, что все это — Ботанический институт Императорской академии наук, а потом — Академии наук СССР.

Можно поставить весьма интересный вопрос, решение которого невозможно в рамках этой статьи: как эти небольшие уникальные урочища сопрягаются на территории города — и друг с другом, и с массивами жилой застройки? Ведь соединение нескольких таких урочищ образует такие потрясающие места, как стрелка Васильевского острова или комплекс сооружений на улице профессора Попова — Электротехнический институт, стадион, окрестности телевизионной вышки и территориально сопряженный комплекс из нескольких зданий Ботанического института и Ботанического сада, оранжерей и парка.

Интеллектуальные урочища. Наверное, самый сложный для понимания тип урочищ Петербурга — как раз те, о которых писал Д. С. Лихачев. Мало того, что по неизвестной причине букинисты, театралы и издатели журналов выбирают разные места города для своих занятий — «в городах и пригородах существуют районы наибольшей творческой активности. Это не просто “места жительства” “представителей творческой интеллигенции”, а нечто совсем другое. Адреса художников различных направлений, писателей, поэтов, актеров вовсе не группируются в некие кусты. В определенные кусты собираются “места деятельности”, куда тянет собираться, обсуждать работы, беседовать, где обстановка располагает к творческой откровенности (прошу извинения за это новое вводимое мной понятие), где можно быть “без галстука”, быть во всех отношениях расторможенным и в своей среде. Примечательно, что тяга к творческому новаторству возникает там, где появляется группа потенциальных или действительных единомышленников. Как это ни парадоксально на первый взгляд может показаться, но новаторство требует коллективности, сближений и даже признания, хотя бы в небольшом кружке людей близкого интеллектуального уровня. Хотя и принято считать, что новаторы по большей части люди, сумевшие подняться над общим мнением и традициями, это не совсем так. К этому стоит приглядеться»¹.

Д. С. Лихачев даже наметил наличие в Петербурге в первой четверти XX в. районов различной творческой активности.

«Четкая “интеллектуальная граница” пролегла в Петербурге первой четверти XX в. по Большой Неве. По правому берегу, на Васильевском острове,

¹ *Топоров В. Н.* Аптекарьский остров как городское урочище // Ноосфера и художественное творчество. М., 1991. С. 77.

располагались учреждения с традиционной академической научной и художественной направленностью — Академия наук с Пушкинским Домом, Азиатским музеем, Кунсткамерой, Библиотекой Академии наук, являвшейся в те годы значительным научным центром, Академия художеств, Университет, Бестужевские курсы и... ни одного театра, хотя именно здесь, на Васильевском острове на Кадетской линии, с 1756 г. стал существовать первый профессиональный театр — Театр Шляхетского корпуса — того корпуса, где учились М. М. Херасков, Я. Б. Княжнин, В. А. Озеров и др.

Иным был интеллектуальный характер левого берега Большой Невы...»¹, причем «различие правого и левого берега Большой Невы ясно осознавалось в свое время»².

Осознается настолько, что когда поэт Жирмунский переселился на другой берег реки, Б. М. Эйхенбаум разразился стихами:

Ты был свидетель скромной сей работы.
Меж нами не было ни льдов, ни рек;
Ах Вита, милый друг! Пошто ты
На правый преселился брег?³

Если переселение одного из «своих людей» трактуется чуть ли не как предательство, то за этим должны стоять достаточно серьезные причины. Разумеется, причины чисто иррациональные... Но ведь должны!

Примерно по той же логике, что и у В. Н. Топорова, Аптекарьский остров — место, где удивительным образом концентрировались люди искусства и богемы⁴. Все эти наблюдения, конечно, очень неопределенны, нечетки, не имеют строгих очертаний. Авторы видят, что какие-то части города играют особую роль, именно в них концентрируются интеллектуальные силы, собираются люди с общими творческими интересами — и только. В чем тут дело, почему именно этот район города привлекает людей именно этой профессии или эту творческую группу — этого я предположить не в состоянии.

Но независимо от нашего понимания, интеллектуальные урочища в Санкт-Петербурге были и есть. Иногда можно выделить даже «урочища отдельных профессий». Скажем, в 1970–1980-е гг. «урочищем археологов» был вытянутый треугольник между историческим факультетом Университета и Кунсткамерой на Васильевском острове (одна точка), Эрмитажем и Институтом археологии на Дворцовой набережной. Большая часть петербургских археологов жила не здесь — но в этом почти мистическом треугольнике археологи работали и общались. Дом

ученых, где любили встречаться «за рюмкой кофе», находится как раз между Эрмитажем и Институтом археологии. Одно время молодежь любила собираться в кафе возле Исаакиевской площади (то есть почти не выходя за пределы «археологического треугольника»), но дальше не забиралась.

Прослеживаются урочища и других профессий — по крайней мере, за существование «урочища ботаников» и «урочища геологов» я ручаюсь, правда, не зная деталей, не поручусь, имело ли, например, «урочище ботаников» форму четырехугольника или треугольника. Но тенденция несомненна.

Что еще важно подчеркнуть — быстроту возникновения и исчезновения таких урочищ, их непрочность. Ведь и правда — если даже такое интеллектуальное урочище возникло из-за каких-то особенностей архитектуры в этой части города (что очень трудно и понять, и доказать), то оно не оказывает никакого влияния на местную архитектуру. Что изменилось от того, что именно в этом полуподвале было кафе «Бродячая собака»? Да ничего! Скорее достойно удивления, что Васильевский остров как был сто пятьдесят лет назад, так и остался до сих пор местом жизни и работы академической интеллигенции. Впрочем, где же еще и базироваться ученым, как не вокруг Университета и Библиотеки Академии наук? Это уже не мистика, а планировка города в целом.

Структура урочища в целом. Получается, что Санкт-Петербургское урочище имеет сложную структуру, образованную урочищами разных типов, возникшими в разное время. Во многих урочищах второго порядка выделяются урочища третьего порядка и даже четвертого-пятого.

Исторический центр города — урочище, которое резко выделяется среди более поздней застройки. Адмиралтейская часть — урочище второго порядка, отделенное от всего остального города Невой и Мойкой. Тут выделяются такие комплексы, как Дворцовая набережная, Невский проспект, комплекс Зимнего дворца, Адмиралтейство — урочища третьего порядка. В комплексе Зимнего дворца четко выделяется само сооружение — Зимний дворец, Дворцовая площадь, Адмиралтейский проезд.

В Адмиралтействе — само сооружение, Адмиралтейская набережная, Адмиралтейский садик. Все это пример урочищ четвертого порядка.

Примеры можно продолжать до бесконечности. Природные, географические урочища тоже могут быть иерархическими, но на примере Петербурга видно, до какой степени сложно по структуре и иерархично крупное антропогенное урочище.

Т. В. Горбунова⁵

ПЕТЕРБУРГ КАК «ПРОИЗВОДЯЩИЙ ЛОГОС»

Тема Петербурга неисчерпаема как для художественной практики, так и для теоретической мысли;

¹ Там же.

² Там же. С. 76.

³ Там же.

⁴ Лихачев Д. С. Указ. соч.

многоликость города неизменно отзывалась в многообразии его трактовок, описаний, интерпретаций. Обсуждая, например, этот город как градостроительный

⁵ Заведующая кафедрой искусствоведения и культурологии Санкт-Петербургской художественно-промышленной академии, доктор философских наук, профессор.

эксперимент, отечественные исследователи каждый раз находили свой ракурс его понимания. Так, для С. Даниэля это город — интерпретатор Европы в России, и поэтому справедлив герценовский парадокс: «Петербург тем и отличается от всех городов европейских, что он на все похож». А для Е. Кириченко Петербург вовсе не похож ни на один город Западной Европы, поскольку это не город-крепость эпохи Возрождения и не город-резиденция барокко и классицизма: в типологическое единство он входит лишь с городами-столицами, где градостроительный эксперимент сопровождался радикальным обновлением (это скорее «латиноамериканско-русско-балканский вариант»). С подобной позицией, возможно, не согласились бы Т. Саваренская и А. Бунин, которые считают, что «типологически близкая» Петербургу столица — Бразилиа — кардинально отличается от него, ибо производит впечатление макета, увеличенного во много раз. Но в таком случае можно вспомнить несколько иную точку зрения Ю. Лотмана, утверждавшего, что строгая выдержанность ансамблей Петербурга провоцирует «ощущение декораций». Вообще метафора города-театра была близка многим.

Однако многочисленные интерпретации всегда «сплетались» в традиционное единство через тезис, что это — *град Петра*, построенный в забытом богом месте, на бескрайней плоскости равнины с бесчисленными болотами, с жестоким морским ветром. Действительно, геометрия архитектурных построений, демонстрирующих, как воля человека-завоевателя умеет «обуздать» и упорядочить бескрайность безлюдного пространства, удивляла и призывала к пониманию. Но, как известно, уже в античности геометрия была прежде всего «формой мышления» и не равнялась «бытийной мысли», которая заключала в себе нечто неизмеримо большее. Ведь совсем не случайно прозвучала тогда знаменитая мысль Аристотеля, что чем-то великим и трудноуловимым кажется «топос» — то есть «место-пространство».

Возможно, впервые природное пространство, где строилась новая столица России, со всей очевидностью выступило как величайший оппонент и одновременно величайший сообщник. Эти болотистые пространства привлекли в Россию многих именитых европейских зодчих, которые кардинально пересмотрели здесь принципы регулярного градостро-

ительства, заложенные итальянским Ренессансом. Новые принципы композиционной завершенности только и могли родиться благодаря пространственным амбициям, которые Европе не были известны.

Новый город стал для Петра (вспомним И. Канта) его «моральным законом» и его «звездным небом»; здесь он реализовал российскую имперскую идею через покоренное и *оформленное* пространство. Как известно, первоначальное понятие Логоса — у Гераклита и Парменида — означало «Топос нашей мысли» (позднее первичный смысл останется у Аристотеля в понятии Топоса, а с Логосом он соединит логическую способность или свойство нашего языка). Этот первичный «топос-логос» античные философы называли «производящим логосом», способным инициировать акты особого видения и понимания. Петербург был наделен этой способностью в самых своих истоках и потому смог раскрыться как город «великого человека» — и «маленького человека», город Пушкина и Достоевского, при этом он обретал себя то в реалиях бюрократической чопорности, то в символике миражей, то в актуальности прекрасного мгновения. Трехмерное пространство этого города по-особому входило в формат живописной плоскости или плоскости графического листа, где происходило его превращение в «здесь-бытие» — в город петровских реминисценций, классических ансамблей, литературных парафраз, в город современных ритмов и т. д.

Петербург как «производящий логос» многолик и одновременно целостен, его вопрошание, провоцирующее каждый раз новую возможность его видения и понимания, не исчезает и не дает успокоиться.

Литература

1. Даниэль С. М. Европейский классицизм. СПб., 2003.
2. Кириченко Е. М. Взаимосвязи России и Запада в архитектуре Нового времени (Зодчество России в контексте мировой архитектуры) // Вопросы искусствознания. 1993. № 2–3.
3. Бунин А. В. История градостроительного искусства / А. В. Бунин, Т. Ф. Саваренская. М., 1979; Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблема семиотики города // Труды по знаковым системам. Тарту, 1984. Вып. 18: Семиотика города и городской культуры.
4. Фрагменты ранних греческих философов / под ред. А. В. Лебедева. М., 1989.

А. Б. Гуркин¹

РОЛЬ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА В РАЗВИТИИ РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССИИ

Вопрос о месте и роли Санкт-Петербурга в истории России и в развитии русской национальной культуры с самого основания города вызывал различные оценки и суждения. И это вполне объяснимо, поскольку Санкт-Петербург стал олицетворением нового этапа в развитии страны, неким символом

вступления России в Новое время. Это город, который можно обоснованно назвать необычным, исключительным, поэтому не случайно в литературе встречается утверждение, что Санкт-Петербург — это «феномен мирового историко-культурного развития»².

¹Заведующий кафедрой истории отечества, науки и культуры Санкт-Петербургского государственного технологического института (технического университета), кандидат исторических наук, доцент.

²Занесоцкий А. С., Михайлов А. А. Санкт-Петербург как феномен мирового историко-культурного развития // Диалог культур и цивилизаций в глобальном мире: VII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 24–25 мая 2007 г. СПб., 2007. С. 460.

Основание Санкт-Петербурга стало знаковым по многим причинам. Город был основан на исконно русских землях, которые входили в состав территорий, принадлежавших Новгороду, и имели выгодное географическое положение, поскольку были расположены в устье Невы, что позволяло новгородцам выходить на Балтику и вести торговлю. Но это очень не нравилось шведам, и они все время пытались отеснить русских от выхода к морю, а фактически и от Европы. В 1300 г. они даже возвели на месте нынешней Александрово-Невской лавры крепость Ландскрону, которая уже через год была разрушена русскими. В дальнейшем за эти территории России неоднократно приходилось воевать со Швецией, которой все же удалось захватить их после подписания Столбовского мира 1617 г. Попытки России в XVII в. вернуть захваченные земли не увенчались успехом. Это сумел сделать лишь Петр I в ходе Северной войны.

Вопреки распространенному в публицистической литературе мнению о безлюдности земель в устье Невы, здесь согласно шведскому плану, составленному в 1676 г., было около 40 населенных местечек¹, а также шведский городок Ниеншанц, расположенный при устье реки Охты.

Таким образом, основание Санкт-Петербурга стало итогом многолетней борьбы со Швецией, которая стремилась «отрезать» Россию от Запада. И действия Петра I полностью соответствовали традиционной внешней политике России, стремившейся получить выход к Балтийскому морю. Петр I действительно «прорубил окно в Европу». Однако он на этом не остановился и решил воспользоваться этим окном для сближения с Европой, превратив Санкт-Петербург в 1712 г. в столицу и самый европейский город России.

Сближение с Западом также было не новым для России. Подобные тенденции особенно проявлялись при Борисе Годунове, который сделал «первую до Петра попытку ликвидировать культурную отсталость России от стран Западной Европы»². Один из видных современных историков В. Б. Кобрин даже считает, что, возможно, если бы у Годунова оказалось еще несколько спокойных лет, то Россия «более мирно, чем при Петре, и на сто лет раньше пошла бы по пути модернизации». Возможно, так оно и произошло бы, но этих спокойных лет Годунову не было дано, и страна вместо модернизации познала все ужасы Смутного времени.

В XVII в. западные веяния также стали заметно ощущаться на Руси. Стремясь ликвидировать военно-техническую отсталость, московское правительство вынуждено было приглашать с Запада иноземцев — офицеров, аптекарей, техников, ремесленников и т. д. Русское духовенство было напугано проникновением «латинянства», и под его давлением иноземцам было запрещено селиться в самой Москве, им отводилось специальное место на реке Яузе. Так возникла Немецкая слобода — своеобразный уголок Западной Европы на русской земле. Но, несмотря на эти меры, иноземные моды и обычаи стали так широко распространяться среди москвичей, что, опять-таки по настоянию духовен-

ства, набожный царь Алексей Михайлович в 1675 г. издал указ о запрете ношения иноземной платья и причесок — чтоб «иноземских немецких и иных изыпчаев не перенимали»³. Причем сам Алексей Михайлович в быту зачастую соблазнялся «заморскими» новинками.

Петр I, наоборот, не только открыто провозгласил себя сторонником ориентации на западную культуру, но и сделал ее официальной политикой государства. Он не просто поощрял западные новшества во всех сферах жизни русского общества, но и целенаправленно и зачастую насильственно внедрял их. Особенно отчетливо эта переориентация проявилась в основании и последующем развитии Санкт-Петербурга. На данное обстоятельство обращают внимание практически все авторы, изучающие историю русской культуры. Так, например, Н. П. Анциферов в своей известной книге «Душа Петербурга» пишет: «Столица на отвоеванной земле указывает на возможность бурного разрыва с прошлым, свидетельствует о революционности своего происхождения, об обновлении старого быта, ибо неизбежен здесь обильный приток свежего, порой животворящего, а порой и мертвящего, ветра из краев далеких»⁴.

Рассматривая роль Санкт-Петербурга в развитии русской культуры XVIII в., чаще всего приходится употреблять слово «впервые». Действительно, именно здесь начали воплощаться все те новшества, которые затем распространялись по всей России. Петербург стал первым в России регулярным городом, возводимым по генеральному плану, разработанному по указанию царя. Впервые в России в столице был открыт естественно-исторический музей (Кунсткамера, 1716 г.). В 1725 г. была учреждена Петербургская академия наук, а при ней — университет. В Петербурге стали укореняться заморские обычаи, которые определяли внешний облик новой культуры, перестраивали быт дворян и горожан. В 1718 г. Петром I в столице были учреждены ассамблеи, ставшие новой формой делового общения и светских развлечений.

Однако все западноевропейские нововведения касались в основном лишь верхушки общества, основную же массу населения они не затрагивали. Явно ощущались элементы дискретности в развитии русской культуры, ее диффузионный характер. Разрыв новой культуры России со старой культурой Руси усиливался и действиями Петра I. Академик Д. С. Лихачев, отмечая, что Петр I был не первым, «кто поднял спор новой России со старой Русью», вместе с тем подчеркивает следующую особенность: «Но Петр всячески пытался этот спор сделать демонстративным. Он стремился не только к тому, чтобы расширить разрыв между Русью и Россией, но и утвердить в сознании современников глубину совершающегося переворота»⁵.

Все это привело к тому, что элита общества в своем стремлении воспринять западные образцы все больше отдалялась от традиционной русской, в значительной степени этнической культуры, от исторического прошлого страны: «дворянство оказалось чуть ли не в положении иностранцев в собственной

¹ Пыляев М. И. Старый Петербург. Л., 1990. С. 6.

² История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX — начала XX в. М., 1991. С. 170.

³ Пушкирев Г. С. Обзор русской истории. СПб., 2003. С. 221.

⁴ Анциферов Н. П. Душа Петербурга. Пг., 1922. С. 25.

⁵ Лихачев Д. С. Русская культура Нового времени и Древняя Русь // Раздумья о России. СПб., 1999. С. 367–368.

стране»¹. Такая ситуация продолжалась вплоть до конца XVIII в., но затем наметилась тенденция к осознанию исторического прошлого Древней Руси, ее культуры. Национальная культура не могла сложиться в условиях полного разрыва с этнической, поскольку именно последняя является исходным базисом для нее. По мнению Д. С. Лихачева, «история русской культуры XVIII–XX столетий — это, по существу, постоянный и чрезвычайно интересный диалог русской современности с Древней Русью, диалог иногда далеко не мирный»². Причем постепенно значение культуры Древней Руси становилось все весомее, поскольку «росла культура новой России, для которой она становилась все нужнее»³. Именно благодаря соединению

элементов культуры Древней Руси и новой культуры и сформировалась великая русская национальная культура.

Роль Петербурга в данном процессе огромна, поскольку во второй половине XVIII, в XIX и в начале XX в. именно в столице сосредоточивались интеллектуальные силы России и «сконцентрировались именно все лучшие стороны русской культуры»⁴. И все же даже уже сформировавшаяся русская национальная культура явно недооценивала «почвенности, укорененности во всех слоях русской жизни»⁵, культура императорской России так и не превратилась в общенациональную, и именно это и стало одной из причин трагедии России в XX в.

Т. В. Ефимова⁶

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ТЕКСТ КАК ВЫРАЖЕНИЕ ОСОБОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

Культура, представляя сложное, многократное переплетение множества разнородных кодов, дискурсов и голосов, может быть определена как текст, обладающий ценностно-формирующей функцией. Как сложная система, текст культуры имеет возможность не только хранить информацию, но и передавать ее, создавать новую. Таким образом, текст той или иной культуры, обладающий определенными отличительными особенностями, может хранить и воспроизводить информацию вне зависимости от ее первоначального объема, то есть он практически не имеет информационных границ. Но, имея какое-то отличающееся от других культур идеологически-информационное ядро, способен к сотворению духовных ценностей и идеалов, присущих определенной культуре.

Одним из важнейших результатов ценностно-формирующей функции текста культуры выступает ментальность, в данном случае — «петербургская ментальность». Данный психокультурный феномен определяется как интегральная характеристика людей, живущих в конкретной культуре, которая позволяет описать своеобразие видения этими людьми окружающего мира и объяснить специфику их реагирования на него; как присвоенные конкретным индивидом специфические для данной культуры способы восприятия и особенности образа мыслей, выражающиеся в специфических для данной общности формах поведения и видах деятельности; как совокупность представлений, воззрений, чувствований общности людей определенной эпохи, географической области и социальной среды (И. Г. Дубов), особый психологический уклад, влияющий на исторические и социальные процессы, характерная для конкретной культу-

ры (субкультуры) специфика психической жизни людей, детерминированная экономическими и политическими условиями жизни в историческом аспекте. Так, В. Н. Топоров, анализируя петербургские произведения Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, А. А. Блока и других писателей, выявлял в них некий общий «петербургский текст» — некоторое единое содержание, не обязательно выражаемое одинаково, но ощущаемое читателем как часть определенного идейного комплекса и воспринимаемое по образцу восприятия текста, прочитывающегося за всей совокупностью принадлежащих этим авторам текстов в собственном смысле.

В связи с этим в «петербургском тексте русской литературы» можно выявить ядро и специфику петербургской ментальности, которые определяют несколько линий напряжения:

а) метафизически насыщенное культурное и ландшафтное пространство Петербурга — города, созданного искусственно и потому не имеющего глубоких исторических и «почвенных» корней. Город, в прямом смысле лишенный твердой почвы в своем основании и постоянно борющийся с водной стихией, стал олицетворением особой ментальности, специфического мировосприятия и хранителя типа культуры, возвышенных духовных и нравственных ценностей — не случайно его история овеяна мифами различного происхождения и смысла;

б) доминирование в художественных произведениях образа смерти, которая положена в основу жизни; смерти как искупления — ради достижения более высокого уровня духовности;

в) особая духовность петербургской культуры: персонифицированные образы петербургской ментальности, воплощенные в петербургском тексте, являют собой беспрецедентный тип духовной напряженности человеческого бытия;

г) преобладание и особая значимость женских символов и образов, истоки которых — в православном этическом идеале и коллективной памяти народа. Их персонификация в «петербургском тексте» воплощает высший духовный подвиг, состоящий в самоотречении во имя другого (жизненный подвиг

¹ Сапронов П. А. Русская культура IX–XX вв. СПб., 2005. С. 570.

² Лихачев Д. С. Русская культура Нового времени... С. 367.

³ Там же.

⁴ Лихачев Д. С. Петербург в истории русской культуры // Раздумья о России. СПб., 1999. С. 552.

⁵ Сапронов П. А. Указ. соч. С. 569.

⁶ Доцент кафедры социально-культурных технологий СПбГУП, кандидат культурологии.

Ксении Петербургской — женщины, добровольно избравшей подвиг юродства во имя любви и ради спасения души; образ Сонечки Мармеладовой и др.).

Также важно отметить характеристику петербургского текста как культуротворческого ресурса общенационального масштаба, формирующее влияние которого осуществляется через персонафицированный образ Санкт-Петербурга в культурном пространстве России и мира — города, породившего петербургский текст и в то же время ставшего его порождением, города как живой психо- и биокультурной системы, совокупности духовных энергий, воплощающихся в различных сферах жизнедеятельности человека и городского сообщества. Город как носитель ментальности и субъект культуры выполняет функцию демиурга собственной истории, формирует определенные культурные смыслы и воспроизводит ментальные линии, воплощающиеся в литературных текстах и воздействующие на все пространство отечественной культуры.

Условия реализации ценностно-нормативного потенциала «петербургского текста» в формировании петербургской ментальности предполагают:

а) фиксацию исторически устойчивых ценностных доминант, составляющих ценностно-нормативное ядро петербургской городской ментальности; б) выявление основополагающих характеристик «петербургского текста», и прежде всего его ценностно-формирующего ресурса, который представляет собой «культурный код», обеспечивающий хранение и воспроизводство пространственно ограниченных духовно-нравственных и социально-культурных основ жизнедеятельности; в) разработку социально-культурных форм актуализации и объективации антропологического типа, включая его морально-нравственные приоритеты бытия, зафиксированные в структуре совокупного «героя» петербургского текста, через отождествление с которым происходит трансляция системы ценностей, традиций, мировоззрения, культуры повседневности; г) актуализацию в самосознании городской интеллигенции референтных личностей, персонафицирующих ценностно-нормативное ядро петербургской ментальности и способных стать для горожан образом самостроительства и самоосуществления.

Л. К. Круглова¹

КУЛЬТУРА ПЕТЕРБУРГА: АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Анализ той или иной культуры, в том числе и культуры Петербурга, может осуществляться разными методами, через призму различных концептов [1–3]. Одним из них является концепт «антропологическая структура культуры», который определяется как «ансамбль сущностных сил человека, культивируемых на том или ином этапе социокультурного развития, в рамках той или иной социокультурной целостности» [4; 5].

Сходным по смыслу с понятием «антропологическая структура культуры» является понятие «базовый тип человека». Оно привлекательнее тем, что кажется более простым и понятным. Самый же существенный его плюс состоит в том, что оно действительно содержит в себе значительную часть смысла, заключенного в понятии «антропологическая структура культуры». Однако понятие «базовый тип человека» все-таки по содержанию уже, меньше, чем понятие «антропологическая структура культуры».

Понятие «базовый тип человека» включает только содержание, связанное с характеристикой человека, а в понятие «антропологическая структура культуры» входит и содержание, связанное с характеристикой человека, и содержание, связанное с характеристикой культуры в целом, поскольку в зависимости от того, каков базовый тип человека, на продуцирование, формирование которого направлена та или иная культура, она сама обретает соответствующую структуру: устанавливается определенная иерархия сфер культуры, определенным образом структурируется каждая из них, фор-

мируется их содержание. Таким образом, понятие «антропологическая структура культуры» имеет преимущество перед понятием «базовый тип человека»: оно богаче по смыслу, дает более широкий угол зрения для уяснения законов структуры культуры и механизмов ее функционирования.

Анализ той или иной культуры через призму концепта «антропологическая структура культуры» представляется правомерным с точки зрения двуединого тезиса «человек есть творец и творение культуры», с которым соглашаются сторонники всех подходов к определению культуры. Действительно, если человек — творец культуры, то культура — зеркало, в котором отражаются его сущностные черты. В то же время если человек — творение культуры, то в нем, как в зеркале, отражаются сущностные черты культуры.

Однако концепт «антропологическая структура культуры» дает лишь общее направление исследования. Конкретизация путей и способов анализа возможна за счет уточнения содержания категории «сущностные силы человека», которая является смысловым стержнем концепта «антропологическая структура культуры». Очевидно, что нужна некоторая система понятий, категорий, которая могла бы задать угол зрения для осмысления того необъятного содержания, которое скрывается за понятием «сущностные силы человека». Эту систему понятий можно образно назвать «категориальной сеткой» или «категориальным каркасом». Как сплести эту «сетку», из каких конструкций выстроить «каркас»? Один из путей — оттолкнуться от идеи принципиальной двойственности человека; ведь двойственность — это принцип устройства человеческого существа, вне этой двойственности нет человека.

¹Заведующая кафедрой философии и культурологии Санкт-Петербургского государственного университета водных коммуникаций, доктор философских наук, профессор.

Так, человек представляет собой единство различных противоположных начал. Это:

- телесное и духовное (тело и дух);
- рациональное и эмоциональное (ум и сердце);
- субъектное и объектное (тварное и творческое);
- индивидуальное и универсальное (микрокосм и макрокосм, я и универсум; я и род);
- общественное и личное (наше и мое, эгоизм и коллективизм);
- биологическое и социальное (животное и личность).

Каждая из этих категорий обозначает сущностное свойство («силу») человека, находящееся в отношениях противоречия с другим, противоположным. Любое общество на каждом этапе своего развития имеет определенные потребности и возможности развития этих сущностных сил человека. В соответствии с этим оно, используя механизмы культуры, стимулирует одни, блокирует другие, вызывает к жизни, порождает те, которые не существовали ранее. Таким образом формируется антропологическая структура культуры, изучение которой позволяет понять, на какой тип человека «нацелена» та или иная культура, какие человеческие качества она развивает, на какие смотрит неодобрительно, а какие и вовсе не могут развиваться в рамках той или иной культуры.

Анализируя культуру Петербурга с помощью предлагаемой выше схемы структуры сущностных сил человека, мы можем получить следующие результаты.

Телесное — духовное

Очевидно, что для человека петербургской культуры характерно преобладание духовного над телесным, глубокое одухотворение телесного. Благодаря этому телесность приобретает специфические черты: отсутствие откровенной брутальности, пышности и, наоборот, наличие сдержанных, хорошо выверенных форм, строгой соразмерности, порой граничащей с аскетизмом. Таков петербургский человек, такова петербургская культура, таков сам Петербург. Вспомним знаменитые пушкинские строки: «Люблю тебя, Петра творенье! Люблю твой строгий, стройный вид».

Эмоциональное — рациональное

Вероятно, не вызовет возражений утверждение, что в структуре духовности человека петербургской культуры преобладает рациональное. Однако этот рационализм не имеет ничего общего с сухой расчетливостью, холодной бухгалтерией дебита и кредита личной пользы. Рационализм человека петербургской культуры проявляется в учете реальных обстоятельств, уважении к науке, настороженном отношении к неумеренному фантазерству, псевдонаучным сенсациям. Соответственно, в структуре культуры Петербурга велик удельный вес науки, что характерно для него с самых первых лет его основания.

Рационализм человека петербургской культуры сопряжен с тонкой, изысканной эмоциональностью, при этом весьма напряженной по степени интенсивности. Соответственно, в структуре культуры Петербурга высок статус искусства как сферы культуры, призванной культивировать эмоциональность. Петербург — город не только науки, но и искусства.

Субъектное и объектное (тварное и творческое)

Прежде всего нужно отметить, что для человека петербургской культуры характерна высокая сте-

пень субъектности, причем в позитивных формах. Это стремление к творчеству, созидательной деятельности, чувство нового, инициативности и т. д. Субъектность человека петербургской культуры проявляется и в культурной, и в социальной сферах. Недаром Петербург имеет славу города трех революций.

Позитивная субъектность сочетается в человеке петербургской культуры с позитивной объектностью. Она проявляется в таких чертах, как дисциплинированность, организованность, уважение к традициям и к порядку вообще. Это находит отражение и во внешнем виде человека петербургской культуры, в его невычурном достоинстве, и в идее самого города с его упорядоченной планировкой.

В связи с этим словосочетание «бандитский Петербург» представляется противоестественным, режет слух. Надо надеяться, что оно отражало лишь временные тенденции в развитии города, оставшиеся в прошлом. Культура Петербурга, как мощная иммунная система, уничтожила эту привнесенную «заразу», и ее запаса хватит на то, чтобы ответить на все вызовы времени.

Индивидуальное — универсальное

Человек петербургской культуры предъявляет большой спрос на индивидуальность и в то же время сам непременно представляет собой яркую индивидуальность. Но яркость эта ни в коем случае не выражается в шокирующей экстравагантности, а достигается за счет тех средств, о которых говорил, например, В. Гумбольдт, когда подчеркивал, что индивидуальность человека наиболее полно проявляется в максимальном развитии его разнообразных сил и способностей, то есть в его универсальности. В соответствии с этим индивидуальность человека петербургской культуры выражается не в его личной неповторимости и уникальности, а за счет того, что он, будучи представителем петербургской культуры, в то же время является представителем русской и одновременно европейской, евразийской и общечеловеческой культуры.

То же можно сказать и о петербургской культуре. Ее уникальность проявляется не только в локальном своеобразии, но и в неразрывной органической связи с русской, европейской, мировой культурой. К этому можно добавить, что именно в петербургской культуре находят благодатную почву идеи космизма, то есть универсализма в его предельном понимании.

Общественное и личное (наше и мое, эгоизм и коллективизм)

Можно вполне определенно сказать, что характерной чертой человека петербургской культуры является высокий статус общественных интересов и идеалов, что зачастую связано с забвением личных интересов. Это находит выражение в таких чертах, как самоотверженность, способность терпеть лишения во имя высоких общественных целей, героизм. Эти черты ярчайшим образом проявились во время блокады. Но ими же отмечены и все другие периоды истории Петербурга и его культуры — с момента основания до наших дней.

Биологическое — социальное

Человек петербургской культуры — это прежде всего существо социальное, а точнее — социокультурное. Природное, биологическое не демонстрируется им в откровенных формах, оно

закамуфлировано, порой, может быть, даже слишком тщательно. Широко известно, что петербуржец по сравнению, например, с москвичом — существо более «искусственное», «сделанное». Иногда это воспринимается как холодность и даже неискренность. Во всяком случае трудно себе представить, чтобы истинный петербуржец, характеризуя привлекательность человека, поставил бы на первое место такую биологическую черту, как сексуальность. Это понятие не из системы ценностей петербургской культуры.

Таков и сам Петербург. Его «сделанность», неестественность — черты, которые вызывают восхищение одних и страх, а порой и ужас других.

Здесь представляется повод поговорить и о связи между культурой и натурой, или природой. Можно заметить, например, что белые ночи — природное явление, само по себе парадоксальное, — приобретают особую остроту и волшебность именно благодаря петербургской архитектуре, разведенным мостам и т. д. Белая ночь на фоне бараков или просто однообразных строений не производит столь чарующего впечатления, как белая ночь в Петербурге.

Список парных категорий, сквозь призму которых можно анализировать антропологический ас-

пект петербургской культуры, можно расширить. Например, интересные результаты можно получить, если использовать для этих целей категории «внутреннее — внешнее», «сознательное — бессознательное» и т. д. Однако представляется, что и названных категорий достаточно для того, чтобы с их помощью дать выразительный портрет человека петербургской культуры, содержательно охарактеризовать петербургскую культуру и показать плодотворность антропологического подхода в изучении культуры и ее отдельных феноменов.

Литература

1. *Каган М. С.* Град Петров в истории русской культуры. СПб., 1996.
2. *Запесоцкий А. С., Михайлов А. А.* Санкт-Петербург как феномен мирового историко-культурного развития // Диалог культур и цивилизаций в глобальном мире: VII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 24–25 мая 2007 г. СПб., 2007.
3. *Спивак Д. Л.* Метафизика Петербурга. СПб., 2005.
4. *Круглова Л. К.* Основы культурологии. СПб., 2000.
5. *Круглова Л. К.* Теория культуры: в 2 ч. Ч. 1: Введение в теорию культуры. СПб., 2005; Ч. 2: Структура и функции культуры. СПб., 2006.

Н. Н. Мутья¹

ДИАЛОГ КУЛЬТУР В АРХИТЕКТУРЕ ПЕТЕРБУРГА

В архитектуре Петербурга всегда переплетались те или иные художественные стили и тенденции. В первой половине XVIII в. наиболее ярким было соединение древнерусских традиций зодчества и европейского барокко; во второй половине XVIII — начале XIX в. преобладали веяния античности, но при этом в строительстве сохранялись и лучшие черты российской архитектурной школы; середина и вторая половина XIX в. была отмечена интересом к готике, барокко, рококо. На рубеже XIX–XX вв. наиболее ярким было влияние финской и шведской архитектурных школ...

Большой интерес представляет диалог различных культурных традиций на примере архитектуры зданий, входящих в музейный комплекс Эрмитажа.

1. Христианство

Троицная система (Троица)

В центре Санкт-Петербурга развита троицная система: она есть в природном пространстве — река Нева разделяется на три рукава; в рукотворном пространстве — от Адмиралтейства идет трехлучевая система улиц, на трех площадях центра — Дворцовой, Сенатской и Мариинской — возвышаются три монумента — памятники Петру I, Александру I (Александровская колонна) и Николаю I...

Троицная система отражается в Дворцовом ансамбле. С высоты птичьего полета отчетливо видны три здания — Зимний дворец, Малый Эрмитаж, объединенные Старый и Новый Эрмитаж (Эрми-

тажный театр словно отсечен Зимней канавкой). В ансамбль входят три здания, имеющие в своем названии слово «Эрмитаж», — Малый Эрмитаж, Старый Эрмитаж и Новый Эрмитаж.

Троицная система хорошо просматривается и в здании Зимнего дворца. Со временем только три его фасада остались открытыми для просмотра. Два главных фасада — Северный и Южный — также имеют троицную систему: три выступающих ризалита и тройная арка входа. Здание — трехэтажное на подвале.

Даже то, что всего было шесть Зимних дворцов, сменяющих друг друга, вписывается в троицную систему — «6»кратно «3».

Крест

План Зимнего дворца, созданный Ф. Б. Растрелли, имеет четкую структуру. Четыре кубических объема, заключающих в себе Тронный зал, лестницу, театр и церковь, объединены галереями, где располагались в основном жилые помещения. Внутренний двор в связи с таким решением получил крестообразную форму.

Если в церковном комплексе (ансамбле Смольного) Растрелли создал в плане *внешний крест*, то в светском сооружении — Зимнем дворце — *внутренний*. Во дворце должен жить царь (царица), помазанник Божий — отсюда возникает эта символика.

2. Природные стихии (первоэлементы)

В ансамбль включено пять зданий. Число «5» издревле привлекало к себе внимание философов. Известны пять симметричных геометрических тел древних времен (пифагорейских тел) — тетраэдр,

¹ Доцент кафедры искусствоведения СПбГУП, кандидат искусствоведения, член Союза художников России, член Международного союза искусствоведов.

куб, октаэдр, икосаэдр, додекаэдр. По платоновской теории, Вселенная состоит из пяти правильных тел. Человеческое тело имеет пять «конечностей» — отсюда «5» — число человека (две ноги — земля и вода, две руки — огонь и воздух, мозг — эфир, объединяющий остальные четыре элемента).

Из всех зданий ансамбля наиболее интересно с символической точки зрения здание Зимнего дворца. Если представить схематический план дворца, то можно обнаружить, что он состоит из пяти кубов, причем пятый — внутренний куб — объединяет остальные четыре.

Попробуем соотнести их с первоэлементами.

1. Церковь — «земля» — слова Христа о Петре — камень веры.

2. Театр — «вода» — отражение, в том числе и отражение в театре реальной жизни (гипотезу о символике воды может продолжить и то наблюдение, что здание Эрмитажного театра отражается в водах Невы).

3. Тронный зал — «огонь» — зал освещался множеством свечей.

4. Лестница — «воздух» — пронизывает все этажи (использование барочного приема расширения пространства — зеркальные окна, иллюзия «разрывного» потолка в плафонной живописи).

5. Внутренний куб — «эфир» (намеченный жилыми галереями, этот «куб» как бы тает в пространстве внутреннего двора, но он «охватывает» остальные четыре).

Сам дворцовый ансамбль также находится в среде первоэлементов — здесь и *земля* (построен на суше), и *вода* (Нева, Зимняя канавка), и *огонь* (интерьерный — свечи, экстерьерный — из окон дворца видно пламя Ростральных колонн), и *воздух* (огромное свободное пространство окружения — площадь, двор), и *эфир* (Зимний дворец представляет собой жилище главного «мыслителя» — царя; объединительное властное начало).

Из «кубов» Зимнего дворца только два «сохранили» первоначальный характер — лестница и церковь.

Тронный зал был «перенесен» Дж. Кваренги в пространство между дворцом и Эрмитажем. После пожара 1837 г. зал был восстановлен по проекту В. П. Стасова. Среди мотивов декоративного решения пола и потолка можно наблюдать орнамент мандра. При пересечении некоторых его элементов создаются солярные (солнечные, *огненные*) знаки. В настоящее время в зале помещены и два маленьких обелиска. Обелиски, суживающиеся кверху, с пирамидальным завершением, были популярны еще во времена Древнего Египта и служили символами *солнца*. То есть и сегодня за Тронным залом сохраняется его «огненная» символика.

Был «перенесен» и театр. Для него Кваренги построил новое здание. В театр ведет фойе, которое устроено в переходе из Старого Эрмитажа в театр. Переход располагается на арке, переброшенной через Зимнюю канавку. Окна перехода открывают вид на «водную стихию» — Неву и Зимнюю канавку. Блики от воды, проникающие сквозь окна, оживляют помещение своей ритмической игрой. Но стихия воды здесь присутствует и в «руководной» ипостаси — декоративные арки над окнами украшают изображения раковин. Опять-таки театр сохраняет за собой символику *водной сти-*

хии, то есть своеобразную функцию «отражения жизни».

Таким образом, в ансамбле сохранилась символика природных стихий.

3. Светское и религиозное начала

Весь дворцовый ансамбль был задуман как светский, причем светское начало от здания к зданию все более усиливалось.

Зимний дворец — светская резиденция российских правителей — еще содержит очень сильное христианское начало, что отразилось в его планировке (крестообразный двор) и в наличии в его стенах православной домово́й церкви императорской семьи.

Следующие три здания ансамбля имеют в своем названии слово «Эрмитаж». И именно в этом слове есть христианское начало. Эрмитаж — в переводе с французского «пустынь», то есть жилище отшельника. Само же предназначение этих зданий так или иначе связано с функцией хранения произведений искусства.

Малый Эрмитаж — дань моде XVII в. с его любовью к уединенным павильонам. Именно таково было его предназначение в придворном быте того времени. Подобно европейским собратам, он был украшен картинами, скульптурами и другими произведениями искусства.

Старый Эрмитаж был создан для быстро растущей коллекции предметов искусства. Но свое нынешнее название он получил только в середине XIX в. В то же время его второй этаж переделали под дворцовое помещение.

Новый Эрмитаж уже изначально выполнял функцию музейного здания и строился как музей. Но и в этом здании светское начало перекликается с религиозным. Особенно ярко это проявляется в галерее истории древней живописи, созданной по замыслу Л. фон Кленце. Галерея перекрыта девятью парусными сводами. Паруса украшены рельефными изображениями знаменитых художников. В этой системе есть намек на крестово-купольный характер христианских церквей, только вместо изображения евангелистов в парусах представлены Джотто, Перуджино, Рафаэль, Микеланджело и другие художники. Есть среди них и апостол Лука — согласно церковной легенде, первый художник, написавший с натуры образ Богородицы.

Эрмитажный театр был предназначен для увеселительного времяпрепровождения.

4. Символика геометрических фигур

Если схематично представить первоначальный замысел Растрелли по созданию Зимнего дворца и оформлению площади, то выясняется, что Зимний дворец вписывается в фигуру, близкую к квадрату, а двор перед ним круглый. Таким образом, получают сосуществующие первофигуры.

Намек на округлые очертания площади сохранил и К. И. Росси. Но площадь, созданная по его проекту, уже не по-барочному замкнута, а классически разомкнута, то есть перетекает в другие пространства. Возникает мотив расширения музейного пространства Эрмитажа. Действительно, сравнительно недавно произошло включение в музейный комплекс здания Генерального штаба и министерств.

5. Мифология

Скульптура и архитектура ансамбля составляют не только художественный, но и смысловой синтез. Скульптуры, которые украшают фронтон северного, невского фасада Зимнего дворца, являются знаковыми — это Нептун и Марс. Действительно, страна стала военной морской державой. Позднее эта знаковость была усилена. На противоположном берегу Невы — на стрелке Васильевского острова — была возведена Биржа, и ее фасад также увенчался скульптурой *античного* морского бога Нептуна. Получилась сильная символическая переключка между зданиями.

Южная часть дворца интересна не столько фасадной скульптурой, сколько интерьерной. В этой части располагается Александровский зал. Архитектор А. П. Брюллов задумал его как приемный зал перед жилыми покоями. И здесь большую роль играет уже не только античная, но и *славянская мифология*. Зал украшает медальон работы скульптора Ф. Толстого. На медальоне помещено изображе-

ние Родомысла — славянского божества, которому, по словам самого Толстого, «приписывались качества Минервы и Марса».

Следует отметить, что вся декоративная скульптура зала проникнута воинственным духом. А так как окна зала выходят на Дворцовую площадь, то из них открывается вид на здание Генерального штаба и Министерств архитектора К. И. Росси, арка которого увенчана колесницей Славы. И здесь наблюдается пространственная переключка скульптуры, на этот раз интерьерной и фасадной (экстерьерной).

Самой известной владелицей дворца была Екатерина II — Минерва на российском престоле, как называли ее современники. Она же была и Семирамидой Севера. Недаром в Малом Эрмитаже были построены висячие сады — сады Семирамиды. Так соединяются *западная античная и восточная мифология*.

Диалог культур в архитектуре Петербурга — тема поистине неисчерпаемая. Здесь были затронуты только наиболее яркие моменты, связанные с одним музейным комплексом.

В. В. Селиванов¹

ФЕНОМЕН САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Санкт-Петербург уникален уже хотя бы тем, что построен не так, как традиционно строились города — на холмах и по высоким берегам рек, а на болотах, при низких берегах реки, периодически заливающих улицы и набережные города. Тем более уникальными воспринимаются стоящие близко от берега реки, посреди болот, тяжелый Исаакиевский собор и огромная колонна — Александровский столп, самая высокая и массивная колонна в Европе, чудо из цельного гранита, не перестающее удивлять гостей города своей величественностью и мощью. Можно найти много удивительных особенностей и черт города, но, пожалуй, *феномен* Санкт-Петербурга — не в отдельных деталях и многочисленных исторических и архитектурных достопримечательностях, не в особом его городском устройстве, тоже необычном и смелом в своем развороте и к морю, и к огромным пространствам сухих и болотистых лесов, и не в ожерелье окружающих его предместий с фонтанами, парками и дворцами. *Феномен Санкт-Петербурга* — в его особой обращенности к самой трехсотлетней истории России и Европы. Именно Санкт-Петербург первым из российских городов впервые заговорил с Европой на понятном ей языке и впервые был услышан, хотя и с удивлением, тревогой, настороженностью. Услышан он был не только потому, что стал столицей Российской державы, но прежде всего потому, что раскрылся перед Европой как удивительный и не познанный ею мир тонкой чувствительности и высоких философских открытий. Мир Европы, разделенный на западный и восточный, именно Петербургом стал осторожно сближаться

и соединяться в своих границах и предпочтениях. Не сразу, но постепенно дух Петербурга стал проникать в Западную Европу. Нельзя сказать, что он что-либо определил в ней, но он привнес в нее новые свежие идеи, новое видение окружающего мира, новые формы сознания и мышления. И Европа все пристальнее стала присматриваться к его творцам и посланникам. Музыка и живопись, литература и театр как посланники Петербурга оживили и обогатили те связи, которые постепенно все расширялись и углублялись между двумя половинками единого европейского материка. Здесь речь не идет о соперничестве русских городов — конечно, и другие города, в том числе Москва, вносили посильную лепту в укрепление связей и контактов, во взаимопонимание и сотрудничество между Россией и Европой. Но дело не только в развитии взаимосвязей.

Феномен Санкт-Петербурга заключался и в том, что город не стремился к этим связям; они формировались сами в силу того, что Петербург, впитывая новое знание культурных особенностей европейских стран, не воспринимал эти традиции как нечто чуждое России, а по-своему, в собственном духовном котле ассимилировал и переваривал новые веяния, синтезируя европейские творческие успехи с глубинным российским духом. Именно от Петербурга шла эта линия самоуглубления, самораскрытия содержания и смысла человеческой жизни, человеческого бытия. И. А. Крылов и А. С. Пушкин мощно синтезировали российские и европейские духовные традиции, создавая шедевры русской литературной классики. М. Ю. Лермонтов и Н. В. Гоголь, подхватив эту традицию и обогатив ее опытом, еще в большей степени расширили границы духовного развития. Санкт-Петербург оказался мощным генератором творческих идей, возбуждая отечественное самосознание и раскрывая Западу глубокие

¹Профессор кафедры философии и культурологии Российского гуманитарного института при СПбГУ, главный научный сотрудник, заведующий сектором Государственного Эрмитажа, доктор философских наук.

истоки славянской души. Не красота города, его архитектура и роскошь играли определяющую роль в феномене Петербурга, а сама противоречивость жизни, острота впечатлений, неоднозначность происходящих событий, наиболее полно ощущаемая в молодой столице, будоражили сознание, активизировали мысль, вызвали творческие импульсы, оборачивавшиеся философией, искусством, литературой, социальными идеями и политической активностью. «Нигде я не предавался так часто, так много скорбным мыслям, как в Петербурге», — написал А. И. Герцен. А затем добавил: «... и за них я полюбил его». В романах Н. А. Гончарова дана чисто русская оценка изменений, происходящих в чиновничьем и коммерческом мире российской повседневности, романы и дневники Ф. М. Достоевского глубоко затронули не только отечественного, но и зарубежного «европейского» читателя. Особое место в истории духовности Петербурга занимают гражданская ответственность и социальная направленность статей В. Г. Белинского и стихов Н. А. Некрасова. Духовная атмосфера города никому не позволяла остаться в стороне от сложных противоречий и социальных потрясений.

В этой духовной атмосфере, помимо философских и социальных проблем, впервые в России были затронуты вопросы о высокой значимости русской и российской культуры. Трудно пройти мимо имени академика Александра Николаевича Пыпина (1833–1904), оказавшего глубокое влияние на развитие самосознания не только петербуржцев, но и представителей обществности всей России, а в начале XX в. — и Западной Европы. Он явился, как об этом пишут специалисты, самым значительным представителем культурно-исторической школы, которая впервые поставила задачу исследования не отдельных гуманитарных дисциплин, а в широких масштабах — развития всей многообразной культуры. Многочисленные работы и статьи А. Н. Пыпина в «Современнике» (до его закрытия в 1866 г.) и «Вест-

нике Европы» приобретали широкую известность среди большого круга читателей не только в России, но и за рубежом. Всего А. Н. Пыпиным было издано около 1800 оригинальных исследований, переводов и древнерусских литературных произведений, найденных им в сохранившихся рукописях.

Помимо А. Н. Пыпина, в Петербурге вели свои исследования и такие выдающиеся ученые, как Александр Н. Веселовский и Алексей Н. Веселовский, В. И. Семевский, Е. А. Соловьев (Андреевич), С. А. Венгеров, Н. И. Кареев, Г. В. Плеханов, Н. К. Пиксанов, П. Е. Щеголев и др. Учеником и последователем А. Н. Пыпина и Александра Н. Веселовского считал себя и Д. С. Лихачев.

Серебряный век в истории города также был не случайным, а закономерным явлением, особенно ярко проявившим тенденцию к ассимиляции в русских традициях течений западноевропейской философии и миропонимания. Блестящие литераторы и философы, оригинальные живописцы и графики, издатели и журналисты, музыканты и композиторы стали создателями особой творческой атмосферы, впитавшей в первые десятилетия XX в. все тревоги и противоречия Нового времени. В. И. Иванов и А. А. Блок, Д. С. Мережковский и З. Н. Гиппиус, Н. С. Гумилев и А. А. Ахматова, многие другие представители Серебряного века отразили в своем творчестве ту духовную атмосферу, которая сложилась в самые кризисные дни Российской империи.

В этой напряженной духовности, в которую погружался каждый мыслящий, творческий человек, становясь в этой атмосфере активным участником общего состояния, я и вижу феномен Санкт-Петербурга, определивший героический подвиг и в годы блокады, и в период восстановления города, и во время репрессий, и в годы обновления, и в настоящее время. Будем надеяться, что эта особенно яркая черта — феномен высокой духовности — не покинет Санкт-Петербург и в новых открывающихся для города надеждах и перспективах.

В. А. Серкова¹

ПЕТЕРБУРГ КАК КАМЕНЬ ПРЕТКНОВЕНИЯ

В своем прекрасном исследовании «Петербург и петербургский текст русской литературы» В. Н. Топоров замечает, что есть несколько способов понимания («членения») пространства. Есть профанический, обычный, служащий для нормального передвижения либо для сравнительных характеристик («хуже-лучше», «цивилизованный-варварский» и т. д.). И есть сакральный взгляд на пространство, когда оно оказывается единственным в своем роде, его не с чем более сравнивать, потому что в этом месте либо рождаются, либо прирастают к нему, либо собираются умирать, и тогда к нему не применимы обычные мерки и оценки.

В соответствии с этим суждением в описаниях чужого культурного пространства могут проявиться

сы две противоположные тенденции. В одном случае сохраняется «гений места», воспроизводится уникальность и необходимость культурного пространства. В другом — в качестве меры характеризующему предмету навязывается нечто несообразное и несомасштабное ему. Несомасштабность эта состоит как раз в том, что не соблюдается «чистота стиля» и не различаются профанические и сакральные свойства предмета описания.

Проиллюстрировать этот тезис мы попытаемся, опираясь на два контрастных описания Санкт-Петербурга, которые принадлежат современникам. Одно — плод путешествия одного из самых известных и скандальных авторов XIX столетия Астольфа де Кюстина — «Россия в 1839 году». Второе принадлежит перу одного из самых изысканных авторов французской прозы — Теофиля Готье. Знаменитый французский путешественник

¹ Профессор кафедры отечественной и зарубежной культуры Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, доктор философских наук.

маркиз де Кюстин сделал себе имя во французской литературе, публикуя отчеты о своих странствиях. Он посетил в России Петербург, затем направился в Москву, Ярославль, Нижний Новгород, Владимир и, наконец, отбыл восвояси со словами: «Это — поездка, полезная всякому иноземцу: кто хорошо ознакомится с этой страной, тот будет доволен жизнью во всяком другом месте». Из этого высказывания становится понятно, что надежды российских правящих кругов на лестный отзыв о стране не оправдались. И действительно, трудно вообразить себе что-либо более пронизательное, зоркое, острое, беспощадное, недружелюбное и вместе с тем более безблагодатное, чем книга де Кюстина о его русских странствиях. Она вышла в свет в 1843 г. во Франции, русский перевод появился впервые только в 1910 г. Мы не будем разбирать идеи де Кюстина ни относительно политического строя в России, ни относительно русского национального характера. В его впечатлениях о России нас будет интересовать только одна сторона — восприятие путешественником русского природного и архитектурного ландшафта, включающее как понимание архитек-

турного произведения, так и «чувство» основания, почвы, на которой архитектура произрастает.

Теофиль Готье творил в золотой век французской литературы. Девятнадцатое столетие называли то веком метафизики, то веком литературы, что по существу верно, но, если писатель хотел быть еще и философом, ему требовалось немало усилий, чтобы это не отразилось на качестве его творений, — излишняя философичность могла мигом обернуться схематичностью, сухостью и неживописностью языка.

Как удалось Теофилю Готье передать фантастический образ живого, переливающегося красками города, в котором как будто еще не завершен процесс стихиеобразования и не закончился первый день творения? Почему его описания Петербурга конгениальны первоисточнику? Фантастический элемент Петербурга хоть и лежит на поверхности, но требует особой дисциплины языка, чтобы не казаться романтическим преувеличением или поэтической выдумкой, не имеющей реалистических оснований. Город Готье похож на себя, узнаваем и реален той непрдуманной сутью, которую можно прозреть только «умным видением», как говорили древние греки.

Руководители секции:

ЗОБНИН Юрий Владимирович

заведующий кафедрой литературы и русского языка Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, доктор филологических наук, профессор;

ОРЛИЦКИЙ Юрий Борисович

профессор Российского государственного гуманитарного университета (Москва), главный редактор журнала «Вестник гуманитарной науки»

А. А. Асоян¹

«РОМАН — ЭТО НЕ ЧТО ИНОЕ, КАК СПОСОБ РАССМОТРЕНИЯ ВРЕМЕНИ...»: ОБРЕТЕННОЕ ВРЕМЯ В ЭПОПЕЕ МАРСЕЛЯ ПРУСТА

Десять лет назад Филипп Соллерс, выступая на коллоквиуме *La fin du roman?* (Paris, le 25 mars 1998), сказал: «Роман — это не что иное, как способ рассмотрения времени»². Он полагал, что писатель-романист отличается от нас тем, что своим собственным видением дает возможность понять, что такое утраченное время, обретенное время, историческое время, он раскрывает отношение между языком автора и временем. «Говорить, что писатель, — утверждал Соллерс, — представитель своего времени, не следует уже потому, что автор противостоит ему, исследует его, показывает его в особом, свойственном этому художнику ракурсе». Оставим полемичность этого высказывания в стороне. Обратим внимание прежде всего на слова об «утраченном» и «обретенном времени», которые, безусловно, ассоциируются с семитомной эпопеей М. Пруста «В поисках утраченного времени», которая заканчивается романом «Обретенное время».

Семитомный цикл романов (1913–1927) М. Пруста уже в процессе публикации стал одним из самых интригующих явлений литературы XX в. Для жанрового определения этого цикла Т. Манн воспользовался формулой Гёте — «субъективная эпопея».

В «субъективной эпопее» Пруста герой-рассказчик Марсель воспроизводит поток жизни, частью которой был маленький провинциальный городок Комбре, светский Париж, который Марсель узнал уже в юности, он сам и его друзья, Сван и Жильберта, возлюбленная Свана Одетта де Кресси, служанка Франсуаза, семья Германтов и многие другие.

Марсель ментально воссоздает все, из чего складывалась его жизнь, — от первых впечатлений детства и до последних дней. В результате возникает широкая панорама событий внутренней жизни героя и тех, которые определили историю Франции на рубеже столетий.

Но история воспринята в романах Пруста через сугубо интимный, целостный опыт человеческой индивидуальности, то есть через экзистенцию героя. Поэтому жизнь превращается в стереоскопическую, многомерную картину, в образ вселенной, где интроспекция оказывается основным средством познания себя и мира. Здесь очевиден приоритет интуиции, подсознательного, о чем Пруст свидетельствовал сам, когда рефлексировал над своими воспоминаниями: «они приходили ко мне как попало».

«Как попало» — означает по ассоциации. Ассоциативный принцип композиции прустовского повествования исключает поступательное движение во времени, так называемый гипотекст, а значит, и царство Хроноса, в котором время, как необратимая река, течет в одну сторону. Здесь царит пульсация времени, которая определяется впечатлительностью героя, его впечатлениями.

Пруст писал: «Только впечатление <...> является единственным критерием истины и потому только оно достойно внимания разума».

Поясняя сказанное, он рассуждал: «Истины, которые разум схватывает в проблесках мира <...> суть нечто менее глубокое, менее необходимое, чем истины, которые жизнь вопреки нам самим сообщает посредством материального впечатления».

Он писал: «Когда речь заходит о смутных воспоминаниях, вроде стука вилки, или вкуса печенья “Мадлен”, или осязательно данных истин <...> то их первым признаком является ощущение, что я не свободен их выбирать, что они мне даются такими, каковы они в сущности. И я чувствую, что это печать их подлинности».

Форма повествования в «субъективной эпопее» — от первого лица, здесь необычайная открытость героя-рассказчика, его напряженная рефлексия, скрупулезный анализ чувств, впечатлений, мыслей, поступков, что влечет отождествление автора и его героя.

Вот почему цикл романов «В поисках утраченного времени» поначалу воспринимался как нечто среднее между автобиографией и исповедью. Но это

¹ Профессор кафедры искусствоведения СПбГУП, доктор филологических наук.

² Здесь естественно вспомнить о «Теории романа» (1916) Д. Лукача (1885–1971), полагавшего, что роман — это эпопея эпохи, для которой жизненная имманентность стала проблемой.

впечатление быстро рассеялось. По крайней мере, у исследователей.

Мотивы и цель, во имя которых Пруст создает свой колоссальный по объему текст, но камерный с точки зрения модуса событий, совершенно иные, чем это было присуще биографической литературе XIX столетия, которая занималась социально-психологическими типами и исторической характеристикой.

Эпиграфом к циклу романов могли бы служить знаменитые строки Анри Бергсона (1859–1941) из его работы «Непосредственные данные сознания» (1889): «Существует по крайней мере одна реальность, которую мы схватываем изнутри — интуицией, а не путем анализа. Это наше «я», которое длится».

Близость художественного мышления Пруста философии Бергсона была очевидной для Вл. Набокова. Превеличивая, утрируя замеченное сходство, он заявлял, что «произведения Пруста суть иллюстрированное издание учения Бергсона».

Безоговорочно согласиться с Набоковым — значит признать, что Пруст обращен к механизму человеческих мыслей и чувств. Между тем чтение его романов убеждает, что автора интересует, не как мыслит и чувствует человек и даже не что он чувствует и мыслит. Пруста интересует то, что заставляет человека предаваться этим мыслям и чувствам. По нашему мнению, ответ на этот вопрос для самого Пруста был однозначным: впечатление.

Скончавшийся не так давно Жиль Делез (1925–1995) считал, что прустовского героя заставляют предаваться мыслям и чувствам «знаки». В своей давней книге о Прусте «Марсель Пруст и знаки» (1964) он пишет: «Знак — вот то, что вынуждает думать <...>. Думать — это всегда интерпретировать, то есть объяснять, разворачивать, дешифровать и транслировать знак... Лишь чувственность схватывает знак как знак...»

Стихией, в которой разворачивается интерпретация знаков, становится время. Кораблем, пытающимся преодолеть эту стихию, оказывается память. В результате возникает соблазн понять намерение Пруста как желание повернуть время вспять, привлечь в качестве композиционно образующего начала Антиройю, означающую движение жизненного потока из настоящего в прошлое.

Но сам писатель категорически отрицал такую телеологию повествования. Вслед за первой главой первого романа — «По направлению к Свану» — он написал последнюю главу заключительного романа «Обретенное время» и сообщил Полю Суде, своему первому рецензенту: «Композиция у меня скрыта от глаз, и ее тем труднее различить, чем сложнее и разветвленное становится повествование...»

«Обретение времени», по Прусту, — это не простое воспоминание о прошлом и не Антиройя, а воскрешение целостности бытия, «поскольку память, — считал Пруст, — вводя прошлое в настоящее <...> упраздняет этот огромный разрыв во времени между вчерашним и сегодняшним».

Пытаясь сформулировать, что такое обретение времени в эпоху Пруста, Эрик Ауэрбах (1892–1957) писал в 1927 г.: сознание, «освободившись от былой своей скованности в конкретном, начинает видеть <...> слои былого <...> снимает с них оковы внешней хронологической последовательности бо-

лее узкого актуального смысла <...> который они имели в свое время; при этом <...> представление о внутреннем времени сочетается здесь с неоплатоническим воззрением, согласно которому истинный прообраз предмета заключен в душе художника».

К сожалению, ни комментарий Пруста к своему роману, ни наблюдения Э. Ауэрбаха не дают достаточно артикулированного представления о феномене «обретенного времени» в прославленной эпоху.

На наш взгляд, яснее представить, что такое «обретенное время», помогает статья соотечественника Пруста, философа и семиотика Г. Башляра (1884–1962) «Поэзия — мгновенная метафизика» (1939). Здесь Башляр писал: «В коротком стихотворении возможно выразить все одновременно — свое видение вселенной и тайн человеческой души, личность и предмет. Следуй поэзия только за временем жизни, — продолжал философ, — она будет мельче, чем жизнь. И только останавливая жизнь, только проживая сиюминутную диалектику радости и страдания (ср. с А. Блоком: «Сердцу закон непреложный — / Радость-страданье — одно!»). — А. А.), поэзия может превзойти жизнь. Следовательно, — заключал Башляр, — она — воплощение одновременности, когда даже разорваннейшее бытие обретает цельность».

Он полагал, что «во всяком истинном стихотворении присутствует обездвиженное время, время не-мерное, которое, — говорил он, — мы бы назвали вертикальным <...> это остановленное мгновение, в котором одновременности, упорядочиваясь, убеждают, что поэтическое мгновение обладает метафизической перспективой»¹.

Башляр писал: «Если вам угодно будет изучить маленький фрагмент вертикального времени, взгляните хотя бы в поэтическое мгновение светлой грусти (regret souriant. — Baudelaire Ch. Petits poemes en prose)... Миги, в которые подобные чувства удается испытать разом, и останавливают время <...>. Они выносят бытие за пределы обычного времени <...> в одном мгновении как бы суммируется все бытие».

В таких мгновениях герой Пруста открывает для себя «длительность собственного «я», в которой время не делится на прошедшее и настоящее, оно обретает целостность, символизирующую для Пруста «обретенное время». Здесь, как сказал бы Ауэрбах, «мерцает некая символическая всевременность события, закрепленного воспоминающим сознанием».

Подобное осознание «обретенного времени» согласуется с тем, что вплоть до последнего романа конструкция повествования состоит в распределении ролей знающего и узнающего. Это придает несомненную новизну всему прустовскому тексту и предполагает своеобразную игру, допускающую для автора сложные и двусмысленные комбинации. Роль знающего принадлежит автору, а роль узнающего — его герою-рассказчику Марселю.

До романа «Обретенное время» они совершают свой путь, то расходясь весьма далеко, то сходясь почти вплотную. Но в последнем романе цикла

¹ О «вертикальном времени», возможно, независимо от Г. Башляра, но в том же ключе, интересно размышлял в письме к Вас. Яновскому, считавшему М. Пруста своим мэтром, Ф. Степун.

происходит отождествление автора и его героя, слияние их опыта, то есть слияние настоящего и прошлого.

Знаки, которые открывались Марселю во вкусе печенья «пти-Мадлен», боярышнике Комбре, фразе из сонаты Вентейля или при виде монастырских колоколен Мартенвиля, — во всем, что окружало его в жизни, вдруг властно напоминают, что пришло время их истолкования. Но единственно возможной формой этого является творчество. В результате герой-рассказчик смыкается с автором. Их сознания оказываются нерасторжимыми, они обретают одно имя и соединяют в себе начала и концы всего повествования, прорываясь к целостному обладанию жизни, которая уже не делится на отдельные фрагменты знающего и узнающего. Так достигается

«обретение времени», словно подтверждающее слова А. Шопенгауэра (1788–1860): «В прошедшем не жил ни один человек, и в будущем ни один человек жить не будет; лишь настоящее — форма его жизни» («Мир как воля и представление», 1819–1844).

По мнению Н. Саррот (1920), роман Пруста, возникший на пересечении философии Бергсона и, как она считала, учения З. Фрейда (1856–1939), открыл «ничем внешне не обнаруживающий себя поток внутреннего монолога <...> читатель оказался свидетелем, как обрушились — непроницаемые перегородки, разделявшие персонажей, и герой романа стал временным ограничением, условной вырезкой из общей ткани <...> которая улавливает и сохраняет в своих бесчисленных клеточках всю вселенную...»

В. В. Есипов¹

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ ЛИХАЧЕВ И ВАРЛАМ ТИХОНОВИЧ ШАЛАМОВ: ДВА ЛАГЕРНИКА, ДВА РУССКИХ ИНТЕЛЛИГЕНТА²

По правде говоря, я полагал, что тематика моего выступления больше тяготеет к истории, нежели к литературоведению или культурологии. Заявленная тема — только часть большого и важного вопроса о духовных связях Д. С. Лихачева (1906–1999) и В. Т. Шаламова (1907–1982) в пространстве русской культуры (этот вопрос заслуживает серьезных и глубоких исследований, которые, будем надеяться, со временем появятся). Пока же ограничимся материалом, что лежит почти на поверхности и требует предварительного осмысления.

Сохранился уникальный документ, непосредственным образом связывающий судьбы академика и писателя. Речь идет о письме Лихачева Шаламову от 20 сентября 1979 г. Это было последнее из множества писем, полученных автором «Колымских рассказов» от разных людей в течение жизни. Последним в соответствии с хронологией оно опубликовано и в шестом томе собрания сочинений Шаламова, включающем его переписку. Факт сам по себе символический, но важнее всего содержание этого маленького письма:

«Дорогой Варлам Тихонович, захотелось написать Вам. Просто так!

У меня тоже был период жизни, который я считаю для себя самым важным. Сейчас уже никого нет из моих современников и “соотечественников”. Сотни людей слабо мерцают в моей памяти. Не будет меня, и прекратится память о них. Не себя жалко — их жалко. Никто ничего не знает. А жизнь была очень значительной.

Вы — другое дело. Вы выразили себя и свое.

Об этом только и захотелось написать Вам.

Ваш Д. Лихачев».

Сам тон этого письма, наполненного и собственными печальями, и глубочайшим уважением к писа-

телю, вряд ли мог быть иным, учитывая совершенно особую ситуацию. Напомним, что к тому времени Лихачев обладал огромным общественным авторитетом. А обращался он к писателю, отринутому и властью, и обществом. Надо учитывать, что Шаламов в это время находился в крайне тяжелом — и физически, и морально — состоянии, которое вернуло его к состоянию колымского доходяги (но уже с учетом необратимых последствий 72-летнего возраста, почти полной глухоты и слепоты). Еще в мае 1979 г. он был помещен в дом престарелых и инвалидов на улице Лациса в Москве. Когда Лихачев об этом узнал — скорее всего через знакомых литераторов, — он направил свое письмо именно на адрес последнего казенного пристанища Шаламова. И. П. Сиротинская, постоянно навещавшая писателя, сообщила автору этих строк, что, когда она увидела письмо академика на тумбочке в палате, оно было раскрытым, то есть была вероятность, что Шаламов мог его с чьей-то помощью прочесть, по крайней мере ощутить доброжелательный посыл. О написании ответа, учитывая состояние писателя, уже не могло быть и речи.

Вряд ли Д. С. Лихачев догадывался о настоящей степени тяжести всего положения Шаламова. Но письмо можно считать знаком высочайшего благородства с его стороны — стремления протянуть дружескую руку в несчастье, «помочь в немой борьбе» (А. Блок).

Важна в этом письме простота и ясность высокой оценки, которую давал творчеству Шаламова величайший знаток русской литературы. Эта оценка несла в себе два неразделимых в России измерения — нравственное и художественное. Именно такой смысл заключен в словах: «Никто ничего не знает... Вы — другое дело. Вы выразили себя и свое». Ведь многие, прошедшие через лагерь, остались немые, откладывая свои свидетельства о пережитом на извечное русское «до лучших времен» (себя Лихачев, как видим, не исключал из их числа — его полные воспоминания о Соловках создавались гораздо позже).

¹ Журналист Вологодской государственной телекомпании, писатель, краевед, историк русской культуры, кандидат культурологии.

² Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 08-03-12112в.

Умение «выразить себя и свое» дано только большому художнику, а не безыскусному летописцу. Автор «Поэтики древнерусской литературы» понимал это более, чем кто-либо. Исследователям еще предстоит проанализировать, как соотносится поэтика прозы Шаламова с теми процессами в древнерусской литературе, которые проследил великий ученый, — на примере, скажем, сопоставления проблемы художественного времени у летописцев и у протоппа Аввакума — любимого исторического героя и Шаламова, и Лихачева. Потрясающая поэма Шаламова «Аввакум в Пустозерске» не могла пройти мимо внимания ученого, внимательно следившего за современной литературой. Недаром он закончил главу о неистовом протоппе в своей академической книге вполне шаламовской по духу метафорой: «Аввакум горел на огне, жегшем его изнутри...»¹

Уже обозначенных нами моментов достаточно, чтобы говорить не только о большой степени духовного родства писателя и ученого, но и о своего рода постоянной переключке их во времени и пространстве (хотя они не были лично знакомы и никогда не встречались). Не случайно Д. С. Лихачев стал автором ряда предисловий к первым публикациям произведений Шаламова в конце 1980-х гг. — фактически «пробивал» их в достаточно зыбкое время, и недаром именно в журнале «Наше наследие», выходявшем под эгидой Фонда культуры, который он возглавлял, впервые появилась в свет в 1988 г. «Четвертая Вологда» (стоит заметить, что к старинной Вологде академик питал особую любовь, о чем говорил во время своего приезда в город в 1978 г.).

Вся эта неустанная забота об особо ценимом писателе может иметь и личные, биографические, и исторические, и духовно-культурные объяснения.

Во-первых, они были не просто людьми одного поколения, а ровесниками — будущий академик родился всего на полгода раньше будущего писателя, 28 ноября 1906 г., а Шаламов — 18 июня 1907 г., и их столетия, отмечавшиеся недавно, почти совпадают. Во-вторых, с ранних лет оба проявили блестящие способности в области гуманитарных наук (главным образом, в литературе) и впитали в себя высокие понятия о нравственности и чести, свойственные традициям русской интеллигенции. В связи с этим нельзя не вспомнить печальный афоризм Шаламова: «Русская интеллигенция без тюрьмы, без тюремного опыта — не вполне русская интеллигенция». В отношении Лихачева (хотя, может быть, и не зная подробностей биографии ученого) Шаламов стопроцентно угадал.

В письме 1979 г. в словах академика, что у него «тоже был период, который он считает самым важным для себя», нельзя не увидеть знака общности судеб. Конечно, Дмитрий Сергеевич ясно осознавал, какая пропасть лежала между его Соловками и шаламовской Колымой. Но за плечами Лихачева было еще одно тяжкое испытание — ленинградская блокада. Она унесла гораздо больше жизней, чем Колыма. Лихачев не проводил таких параллелей, но те, кто прочтут его воспоминания о блокаде и сравнят

их с «Колымскими рассказами» Шаламова, найдут немало общего. «Только умирающий от голода живет настоящей жизнью, может совершить величайшую подлость и величайшее самопожертвование, не боясь смерти. Мозг умирает последним: тогда, когда умерла совесть, страх, способность двигаться, чувствовать — у одних и когда умер эгоизм, чувство самосохранения, трусость, боль — у других»² — это ли не парафраз шаламовской прозы?

Но надо говорить, наверное, не только о том, что они оба пережили, но и о том, кем они стали после всех перенесенных испытаний. Ведь и бывшие заключенные вели себя по-разному. Существовали люди, которые сделали лагерную тему способом самоутверждения, им было свойственно и бахвальство своим опытом, тюремно-блатной субкультурой. (Пример, увы, может составить А. И. Солженицын, с аффектацией заявлявший: «Мои навыки — каторжанские» и много раз прибегавший в своей деятельности к так называемому «раскидыванию чернухи», к методам самопиара.)³ Ничего подобного мы не замечаем ни у Лихачева, ни у Шаламова. И это тоже признак настоящей русской интеллигентности. Как известно, будущий академик написал свою первую научную работу именно на Соловках и посвятил ее изучению особенностей уголовного жаргона. Под выразительным названием «Черты первобытного примитивизма воровской речи» она была опубликована в 1935 г. в научном сборнике «Язык и мышление». «Очерки преступного мира» Шаламова (1960) также можно назвать исследованием. Единственное, что их отличает от научного подхода Лихачева, — эмоциональное, яростно-непримиримое отношение к блатному миру.

Никто не отважится утверждать, что Д. С. Лихачев не смог реализовать себя как ученый в советский период. Скорее, наоборот — вопреки всем обстоятельствам времени и благодаря тому, что он занимался фундаментальными, не сиюминутным проблемами, ему удалось проникнуть в глубины русской истории, понять ее изнутри, на основании опыта столетий (тысячелетий), когда бывали и еще более суровые лихолетья. О том, что для Д. С. Лихачева сохранение российской культуры было смыслом всей жизни, прекрасно известно всем. Но той же идеей жил по большому счету и В. Т. Шаламов, когда создавал свои философские стихи, рассказы и эссе. Свою приверженность традициям «лучших людей России» он демонстрировал и гордым, независимым поведением. Знаменательны его слова в письме 1965 г. к Н. Я. Мандельштаму (1899–1980): «Утрачена связь времен, связь культур — преемственность разрублена, и наша задача восстановить, связать концы этой нити».

Нельзя не коснуться еще одной острой проблемы, близкой Лихачеву и Шаламову, — о противоречиях русского национального характера, о его не только положительных, но и отрицательных чертах. Одна из последних крупных статей академика, написанная в 1994 г., многозначительно

² Лихачев Д. С. Воспоминания. СПб., 1999. С. 344.

³ Более подробно об этом см. в монографии автора: «Варлам Шаламов и его современники» (Вологда, 2007), а также в кандидатской диссертации «Диалог “художник и власть” как инновационный ресурс культуры», защищенной в СПбГУП в 2007 г.

¹ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1971. С. 339.

называлась — «Нельзя уйти от самих себя». С одной стороны, она — против исторической напраслины на русский народ и самоуничтожения (это продолжение темы известных «Заметок о русском»), но с другой — в статье необычайно трезвый и критический взгляд на негативные черты национального характера, проявившиеся и в Новейшее время: «Совершенно правы те, кто говорит о склонности русских к крайностям во всем... Центристские позиции тяжелы, а то и просто невыносимы для русского человека. Это предпочтение крайностей во всем в сочетании с крайним же легковерием вызвало и вызывает до сих пор в русской истории десятки самозванцев... Несчастье русских — в их легковерии»¹.

З. Н. ПОНОМАРЕВА: — Почему Вы относите тему своего доклада более к исторической, нежели к культурологической или историко-литературной?

В. В. ЕСИПОВ: — На мой взгляд, спекуляция на лагерной теме во многом определила исторические судьбы нашего государства советского периода. В 1970–1980-е гг. во многом благодаря пропагандистской эксплуатации данной темы на Западе в условиях холодной войны, информационной, психологической эксплуатации Советский Союз был дискредитирован. Так называемая «лагерная» литература оказала глубокое воздействие на западное сознание. Именно появление «Архипелага», по утверждению Пьера Нура, привело к коренной дискредитации СССР. Это очень животрепещущая тема, поскольку подобные спекуляции продолжают до сих пор¹.

З. Н. ПОНОМАРЕВА: — То есть творчество Шаламова для Вас есть одно из доказательств того, что деятельность Солженицына имеет пропагандистский характер?

В. В. ЕСИПОВ: — Он был против спекуляции, недаром он выступил с письмом в «Литературной газете» в 1972 г., за которое его отлучили, так сказать, «от прогрессивного человечества», которое он глубоко презирал (у него был такой термин «ПЧ» — прогрессивное человечество). Он говорил, что «прогрессивное человечество» состоит наполюину из дураков, наполюину из стукачей, но дураков нынче мало. Он имел в виду всю эту дисидентскую публику. Он всегда выражался, знаете ли, прямо и довольно резко. В условиях холодной войны он занимал четко выраженную патриотическую позицию, что было важно, что составляет его достоинство на сегодняшний день и на вечные времена.

Ю. А. АСОЯН: — Вы родились в 1950 г., значит, в лагере не сидели, поэтому странно как-то слышать ваши слова, что у Солженицына небольшой

Здесь много сходства с мыслями Шаламова. Конечно, у автора «Колымских рассказов» взгляд на проблемы русской истории, на национальный характер гораздо жестче, можно сказать, пессимистичнее и часто наполнен горькой трагической иронией. Причем он писал еще и о «несчастье русской литературы», которая, по его словам, «лезет не в свои дела, ломает чужие судьбы, высказывается по вопросам, в которых она ничего не понимает...» Здесь, пожалуй, Д. С. Лихачев не во всем согласился бы с Шаламовым. Но самое важное, что направление мысли у писателя и у академика — общее, критическое (антимифологическое), и это надо учитывать нам, потомкам великих и взыскательнейших людей русской культуры.

* * *

лагерный опыт. Лагерный опыт, вероятно, не бывает небольшим.

В. В. ЕСИПОВ: — Я в лагере не сидел. Но я основываюсь на сопоставлении лагерного опыта Шаламова, Домбровского и многих других. И сам Александр Исаевич после создания «Одного дня Ивана Денисовича» признавался Шаламову: «Я о лагере больше писать не буду. Ведь мой опыт по существу четырех лет благополучной жизни». Мы знаем, что этот опыт — шаражка, работа нормировщиком, библиотекарем и т. д. А у Шаламова — общие работы с кайлом где-то на Колыме. Вот посему нас и тянет в историю. Это за пределами филологии.

Ю. А. АСОЯН: — Вы сами писатель, и знаете, что опыт писателя — это не только его собственные переживания...

В. В. ЕСИПОВ: — Безусловно. Можно провести лишь месяц где-то и написать об этом роман. Но можно и вообще не писать.

А. И. ФИЛАТОВА: — Известно, что в лагере на Соловках выходил журнал «Соловецкие острова», в котором вышли в свет первые произведения Лихачева. Там печатались и другие авторы. Позиция этого журнала была достаточно широкая, журнал пользовался огромной популярностью и за пределами лагеря, поскольку существовала подписка на него. Я прочитала все выпуски этого журнала и поняла, что у людей настроение было очень разным: от печального, грустного, как у Шаламова, до весьма оптимистического, как у подавляющего большинства авторов, публиковавшихся в этом журнале. Это великолепное издание, в котором были и научные интересные публикации, и театральные, и др.

В. В. ЕСИПОВ: — Соловки — это 1929 г., а Колыма — 1937 г., однако и там издавалась газета «Колымская правда», в которой призывали к уничтожению врагов народа. То есть и там тогда еще была полная «свобода слова».

¹ Лихачев Д. С. Нельзя уйти от самих себя...: историческое самосознание и культура России // Новый мир. 1994. № 6. С. 113–120.

А. В. Ильичев¹

«БЕСЫ» А. С. ПУШКИНА В ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ XX в.: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОЭТИЧЕСКОЙ СИМВОЛИКИ

История восприятия и толкования стихотворения А. С. Пушкина «Бесы»² в русском литературоведении XX в. показывает, что основанием для различных его интерпретаций является проблема символа и явлений, так или иначе связанных с ним (степень поэтического обобщения, фантастика). Одни ученые отвергали символичность «Бесов»³, другие, указывая на наличие символической образности, понимали ее смысл или очень узко⁴, или крайне широко⁵. Эти противоречивые тенденции сказываются в современных исследованиях. Так, для Г. П. Макогоненко⁶ и В. А. Грехнева⁷ «Бесы», без сомнения, символичны, а для А. Г. Лукасовой⁸ — это лишь жанровая картинка, описание природы. Противоречивость мнений и оценок делает необходимым анализ центральных образов стихотворения (дорога, бесы), позволяющий прояснить их символический смысл.

Создавая «Бесов», Пушкин обратился к фольклору, который, по меткому замечанию М. К. Азадовского, явился для него «самовыражением народа и формой национального самосознания»⁹. Фольклорные истоки образов в «Бесах» до сих пор не исследовались, между тем именно они помогают понять глубинный смысл всего стихотворения. В центре повествования — лирический, эмоционально взволнованный рассказ о дорожной встрече с нечистой силой. Подобного рода рассказы оформлялись в фольклоре в особый жанр — былички или бывальщины — устные рассказы о встрече человека со сверхъестественными существами, главным образом из низшего пантеона славянской мифологии¹⁰, с установкой на реальность случившегося¹¹, с особой эмоциональной атмосферой: «в большинстве случаев это рассказы страшные»¹². Для былички характерен трагический финал, подчеркивающий власть и силу потустороннего мира над человеком¹³. Быличка как жанр устной несказочной прозы во

многом определила эмоциональную окрашенность «Бесов», способ создания в стихотворении фантастических образов. Повествование ведется, с одной стороны, от первого лица, а с другой — присутствует свидетель (ямщик). Все это придает зыбкому и вроде бы иллюзорному кружению бесов впечатление достоверной реальности, снимая субъективность мотивировок. Описание «бесовских превращений» в тексте Пушкина соответствует народным представлениям, где бесы — «это бесплотные существа, олицетворяющие собой самое зло, — исконные враги рода человеческого, они <...> наполняют безвоздушное пространство, окружающее вселенную»¹⁴. Бесы имеют неопределенный облик¹⁵, чем и обуславливаются их превращения («Что там в поле?.. Пень или волк?»¹⁶, они вызывают метель и ветер¹⁷; сбивают путников с пути¹⁸, являются, главным образом, ночью. Дороги — любимые места сборищ всякой нечистой силы¹⁹, представляющие собой вариант так называемых «выморочных мест», где человек вступает в связь с нечистой силой, что само по себе не предвещает ничего доброго; он оказывается перед необходимостью «выбора между жизнью-смертью, долей-недолей»²⁰. Вместе с тем «дорога в фольклоре никогда не бывает просто дорогой, но всегда. <...> частью жизненного пути... Перекресток — всегда поворотный пункт жизни. <...> дорожные приметы — приметы судьбы и пр.»²¹

Отметим и ряд более конкретных совпадений. Низшая демонология вообще имеет неустойчивую форму, поэтому предание соединяет чертей с оборотнями²², с лешими, даже домовыми²³. Поэтому «смесь» бесов, домовых, ведьм в контексте стихотворения — не путаница, а отражение реального состояния низшей демонологии. Сам вопрос лирического героя: «Домового ли хоронят? // Ведьмуль замуж отдают?» (III, 178) — тоже возникает с опорой на мифологию: «В грозе и вихрях в некоторых губерниях видят свадебное гульбище леших, <...> в других местностях <...> — свадьбу чертей и ведьм. Свадьбы свои празднуют лешие шумно, с диким вакхическим разгулом; поезд их всегда сопровождается сильными ветрами и опустошениями»²⁴. Этих примеров вполне достаточно для утверждения того, что Пушкин, обращаясь к символическим

¹ Профессор кафедры литературы и русского языка СПбГУП, доктор филологических наук.

² См. обзор концепций «Бесов»: *Благой Д. Д.* Творческий путь Пушкина (1826–1830). М., 1967. С. 472–474; *Макогоненко Г. П.* Творчество Пушкина в 1830-е годы (1830–1833). Л., 1974. С. 97–98; *Викторович В. А., Живолупова Н. В.* Литературная судьба «Бесов» // *Болдинские чтения.* Горький, 1977. С. 119–122.

³ *Мейлах В. С.* Пушкин и русский романтизм. М.; Л., 1937. С. 247–248; *Городецкий Б. П.* Лирика Пушкина. М.; Л., 1962. С. 379.

⁴ *Гершензон М. О.* Мудрость Пушкина. М., 1919. С. 128–137.

⁵ *Благой Д. Д.* Указ. соч. С. 479.

⁶ *Макогоненко Г. П.* Указ. соч. С. 99–104.

⁷ См.: *Грехнев В. А.* Болдинская лирика А. С. Пушкина. Горький, 1977.

⁸ *Лукасова А. Г.* Болдинский период в творчестве А. С. Пушкина. М., 1973. С. 36.

⁹ *Азадовский М. К.* История русской фольклористики: в 2 т. М., 1958. Т. 1. С. 251.

¹⁰ *Зиновьев В. П.* Жанровые особенности быличек. Иркутск, 1974. С. 4.

¹¹ *Померанцева Э. В.* Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975. С. 11.

¹² *Пропп В. Я.* Жанровый состав русского фольклора // *Пропп В. Я.* Фольклор и действительность. М., 1976. С. 51.

¹³ *Померанцева Э. В.* Указ. соч. С. 23.

¹⁴ *Максимов С. В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903. С. 3.

¹⁵ *Померанцева Э. В.* Указ. соч. С. 118; *Афанасьев А. Н.* Древо жизни. М., 1982. С. 227.

¹⁶ *Пушкин А. С.* Собрание сочинений: в 10 т. М., 1957–1958. Т. 3. С. 178. В дальнейшем ссылки на произведения А. С. Пушкина даются по этому изданию с указанием тома и страниц прямо в тексте статьи.

¹⁷ *Афанасьев А. И.* Указ. соч. С. 326.

¹⁸ *Максимов С. В.* Указ. соч. С. 16.

¹⁹ Там же. С. 8.

²⁰ *Иванов В. В.* Славянские языковые моделирующие семантические системы (древний период) / В. В. Иванов, В. Н. Топоров. М., 1965. С. 174.

²¹ *Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 271.

²² *Афанасьев А. Н.* Указ. соч. С. 227.

²³ *Померанцева Э. В.* Указ. соч. С. 118.

²⁴ *Максимов С. В.* Указ. соч. С. 12.

значениям народно-поэтических воззрений, использует их точно, тонко воспроизводя семантику образов. Самым сложным символическим образом в «Бесах» оказались сами бесы. Уже давно было замечено, что образ бесов дан в стихотворении преломленным через два сознания: «Бесы ямщика — обыкновенная “злая сила”, затевающая с проезжими недобрую игру, сбивающая их с пути и т. д. Бесы поэта (то есть Пушкина. — А. И.) сами являются обреченной жертвой, гонимой кем-то, куда-то, в какую-то неведомую даль»¹. Если перед ямщиком маячит один бес, образ которого связан с представлением о «бытовом черте», то в сознании путника бес превращается в рой духов, жалобно поющих и кружащихся, словно ноябрьские листья. На эту переакцентировку обратил внимание Д. Д. Благой, связав ее с образами из «Божественной комедии» Данте² (ср. «Ад», песнь III, V). Между тем этот облик бесов связан с существенно иным архаическим представлением — о превращении заложных покойников в нечистую силу. «Общество злых духов, существующее от начала света, постепенно увеличивается анафемскими душами»³, которые тоже относятся к «низшим представителям нечистой силы»⁴. Их функции тождественны функциям бесов. Они превращаются в домовых⁵, ведьм⁶, вызывают вихри⁷, сбивают путников с пути и т. д. Но основное их отличие от исконных бесов в том, что это человеческие души, находящиеся во власти бесов. Это архаическое представление подкрепляется и мотивом листьев (который, между прочим, М. О. Гершензон соотносил с реальной Болдинской осенью, что, впрочем, не исключено)⁸. По народным представлениям, души заложных покойников могут быть возвращены посредством осинового листа: «Заклятого человека от дому отделяет только осиновый лист»⁹. Одновременно осиновый лист был символом греха, совершенного проклятым¹⁰. Эта символика была, очевидно, известна Пушкину не только из фольклорных источников, но и из литературных, так как эти представления связаны, по всей видимости, с древнейшей языческой традицией и широко отразились в мировой литературе. Сравнение мертвых с листьями в соответствующем сакральном значении находим в «Илиаде» Гомера (кн. 6, стих 146), в «Энеиде» Вергилия (кн. 6, стих. 309–310), в библейских книгах¹¹. Эти тексты

¹ Благой Д. Д. Социология творчества Пушкина. М., 1929. С. 119.

² Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина (1826–1830). С. 477.

³ Зеленин Д. К. Очерк русской мифологии. Умершие естественной смертью и русалки. Пг., 1916. С. 23–24.

⁴ Там же. С. 55.

⁵ Там же. С. 23.

⁶ Максимов С. В. Указ. соч. С. 133.

⁷ Зеленин Д. К. Указ. соч. С. 9.

⁸ Гершензон М. О. Указ. соч. С. 196–197.

⁹ Зеленин Д. К. Указ. соч. С. 11.

¹⁰ Семенова О. П. Смерть и душа в поверьях и в рассказах крестьян и мещан Рязанского, Раненбургского и Данковского уездов Рязанской губернии // Живая старина. СПб., 1898. Вып. 2. С. 231.

¹¹ Ср.: «Все мы сделали как нечистый, и вся правдивость наша — как запачканная одежда; и все мы поблекли, как лист, и беззакония наши, как ветер, уносят нас» (Исайя 64: 6). Библейский же контекст отразился в средневековой русской традиции. Так, отрывок из «Слова...» Серапона Владимирского звучит как перифраза из Исаии: «Даже так нас наказав, Бог не отлучил нас от злого нрава. Ныне — землю трясет и ко-

создали прочную литературную основу для образа. Из «Энеиды» Вергилия он попадает в «Божественную комедию» Данте («Ад», песнь III, стих. 212)¹². А оттуда — уже в ближайший для Пушкина контекст — в поэму С. Шихматова «Ночь на гробах» и даже в пародию К. Н. Батюшкова «Видение на берегах Леты».

В лирике первой четверти XIX в. обнаруживаются несколько вариантов его использования. Один связан с эпической традицией Вергилия–Данте (см. указанные тексты Шихматова и Батюшкова). Другой восходит к элегии Мильвуа «Падение листьев»¹³ (см. одноименные стихотворения М. В. Милонова (1812)¹⁴, В. И. Туманского (1823), Е. А. Баратынского (1823), С. Степанова (1825), а также вольные интерпретации: «Последняя весна» (1816) К. Н. Батюшкова и «Романс» (1820) В. И. Григорьева). Третий — к стихотворению А. В. Арно «Листок»¹⁵ (ср. одноименные стихотворения В. А. Жуковского (1818), Д. Давыдова (начала 1820-х гг.) и Лермонтова («Дубовый листок оторвался...», 1814). Разумеется, очень часто можно встретить образ листа в весьма распространенных в романтизме осенних пейзажах, открывающих элегии¹⁶.

Целая серия функций этого образа реализована в «Марьиной роще» (1809) В. А. Жуковского, которая может служить своеобразной энциклопедией семантического использования образа «листа» в литературе первой четверти XIX в. Так, скажем, мы обнаруживаем его в поэтических lamentациях Услава, сильно напоминающих элегию: «Утро взойдет, ранняя ласточка взвоет под облака, ветерок побегит по вершинам дерев, и листья осенние посыплются с шумом; тогда, Мария, ты взглянешь в окно высокого терема и... увидишь свежую могилу... Здесь положили певца Услава, скажут тебе сельские девушки» (IV, 378). Далее этот мотив обнаруживается непосредственно в сюжете: «...увядший листок срывается с дерева и с трепетаньем падает на землю. Что предвещает ты мне, тишина ужасная?» А она предвещает... появление живого мертвеца, призрака. Правда, призрак оказывается «мнимым». Ольга, подруга Марии, думала, что Услава уже нет в живых. Однако разработка мотива характерна: «Защитите меня, силы небесные, воскликнула она

леблет, многие грехи, беззакония желая с земли отрясти, как листья от древа» (Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М., 1981. С. 441). Чуть раньше, в XII в., аналогичный образ находим в «Слове о полку Игореве» (хотя тут он, очевидно, имеет фольклорный источник): «...древо не к добру листу сронило: по Роси и по Суле города поделили» (Памятники литературы Древней Руси. XII век. С. 383). Отметим, что образ листа у Державина: «И вы подобно так падаете, / Как с древ увядший лист падет (Державин Г. Р. Стихотворения. Л., 1957. С. 92) во «Властителям и судиям», являющемся переложением 81-го псалма, в самом псалме отсутствует. А в державинском стихотворении появляется лишь в последних редакциях (см. с. 370–372).

¹² Отметим особую увлеченность Пушкина в 1829–1830 гг. творчеством Данте, что отразилось в стихотворениях «Зорю быют... из рук моих» и «В начале жизни школу помню я».

¹³ Заборов П. Р. Шарль Мильвуа в русских переводах и подражаниях первой трети XIX века // Взаимосвязи русской и зарубежной литератур. Л., 1983. С. 100–128.

¹⁴ Ср.: Савченко С. Элегия Ленского и французская элегия // Пушкин в мировой литературе. Л., 1926. С. 64–98.

¹⁵ См.: Петушков В. П. Примечания // Жуковский В. А. Собр. соч.: в 4 т. М.; Л., 1959–1960. Т. 1. С. 454; Эйхенбаум Б. М. Комментарии // Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч.: в 5 т. М.; Л., 1936. Т. 2. С. 260.

¹⁶ Виноградов В. В. Стиль Пушкина. М., 1941. С. 169, 321.

(Ольга. — А. И.): привидение, душа Усладова! <...> Ольга дрожала, как лист... Опомнись, милая Ольга... Я не мертвец, я Услад» (IV, 379)¹.

Важно отметить, что в процессе исторического развития образ листа оторвался от своей мифологической основы, становясь в сентиментально-романтической культуре символом бренности, соединяясь с темой осеннего увядания, которая и мотивировала тему смерти. Так возникла новая, уже литературная мотивировка. На связь с прежним мифологическим значением указывают лишь смысловые обертоны. Пожалуй, лишь в литературной готике (повесть Жуковского²) мифологический мотив звучит сильнее.

Обнаруживаем подобный образный мотив в других текстах А. С. Пушкина. В октябре 1830 г. он начал писать «Русалку», в которой мы встречаем ту же символику (отметим, что русалка — заложная покойница³). Когда князь возвращается после свадьбы к месту гибели дочери мельника, он видит:

Ах, вот и дуб заветный, здесь она,
Обняв меня, поникла и умолкла...
Возможно ли?..
Идет к деревьям, листья сыплются.
Что это значит? Листья,
Поблекнув, вдруг свернулись и с шумом
Посыпались как пепел на меня.
Передо мной стоит он гол и черен,
Как дерево проклятое. (V, 445)

Падение листьев в этой сцене — символ трагической смерти⁴. Сразу же после этих слов появляется сошедший с ума мельник и трижды поминается нечистая сила: «Я здешний ворон... Я продал мельницу *бесам* запечным / А денежки отдал на сохранение / *Русалке*...» (V, 445–446). Не так уж был далек от истины П. В. Анненков, когда писал, что ни одна страна Европы не имеет драматического произведения «более близкого к гениальному воспроизведению в искусстве народных представлений»⁵.

Таким образом, «бес» ямщика и «бесы» путника спроецированные на два различных фольклорных представления, связаны с двумя различными идеями. Бес ямщика — это сила зла, страшная и пугающая; бесы путника — это сила трагическая, страдательная. В чем смысл трансформации этого образа-символа? Чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим, как динамически развивается данный образ в процессе развертывания всего стихотворения.

В первой строфе дано изображение метели, бури, которая занесла в степи кибитку. Метель мешает движению вперед. Во второй — интерпретация бури через фольклорное сознание ямщика. В третьей — происходит немедленная реализация

произнесенного слова, и из метели появляется бес (ср. аналогичный прием использования магической функции слова в «Вие» Н. В. Гоголя). Четвертая строфа вновь начинается с пейзажа, но он уже приобретает двойственный оттенок, ассоциативно связанный с образом беса. Возникает характерный параллелизм реального–фантастического, распространенный прием введения фантастики у романтиков. Это подтверждается и возникшей неопределенностью:

... «Что там в поле?» —
«Кто их знает? пень иль волк?» (III, 178)

Наконец, напряженная сюжетная ситуация в пятой строфе разрешается: «кони снова понеслись», но это «разрешение» — мнимое. В этой же строфе происходит качественный сдвиг в развертывании всего произведения: из эпической плоскости повествование переключается в лирическую.

Сюжет, развиваясь далее в лирической плоскости, резко увеличивает содержательный объем образов, наделяет их дополнительными символическими смыслами⁶. Именно здесь происходит тот смысловой «толчок», смысловой сдвиг⁷, который соотносит все происходящее не с прошлым (что было характерно для чисто балладного сюжета), а с миром настоящего, с «современным состоянием русского мира»⁸.

Именно теперь авторитетным голосом лирического героя снимается всякая неопределенность относительно реального присутствия бесов (а мы должны поверить ему в пределах художественной условности):

Вижу: духи собралися
Средь белеющих равнин. (III, 178)

Пушкин на основе специфики лирического рода утверждает фантастичность самой действительности, опираясь и на установку реальности в быличке. Одновременно происходит «переключение» образа «беса» в более высокий и трагический регистр — «духи». Бесы путника — это люди, находящиеся во власти демонических сил. Путнику открывается иная реальность мира, где все похоже на обычную жизнь («хоронят» — «замуж выдают» — фокусируются точки «круговорота жизни»), и в то же время — это мир нечеловеческий, неживой, мир, околдованный и очарованный, управляемый властью демона⁹.

Очевидно, что именно эта идея становится центральной, составляет поэтическое открытие Пушкина.

Мотив «сочувствия»¹⁰ связывает путника с этим бесовским миром, но он видит его со стороны, находясь в ситуации внеположенности по отношению к нему. Встреча на дороге для фольклорного человека — это знамение судьбы. Путник видит

¹ Ср. в «Людмиле» (1808): «— Что до мертвых? Что до гроба? / Мертвых дом земли утроба / — Чу! в лесу потрясся лист. / Чу! в глуши раздался свист. / Черный ворон встрепенулся» (Жуковский В. А. Указ. соч. Т. 2. С. 2).

² О готической основе повести см.: Петрунина Н. Н. Жуковский и пути становления русской повествовательной прозы // Жуковский и русская культура. Л., 1987. С. 74–75.

³ Тема заложного покойника отразилась в балладе «Утопленник» (1828).

⁴ Демидов С. М. К вопросу о религиозном синкретизме у туркмен // Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. М., 1970. Т. 8. С. 126.

⁵ Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина. М., 1984. С. 329.

⁶ «Лирическим пространством является авторское сознание... Оно вмещает лирическое событие, и в нем свободно движутся и скрещиваются ряды представлений... отвлеченное встречается с конкретным, субъективность с действительностью, прямое значение с символическим» (Гинзбург Л. Я. О старом и новом. Л., 1982. С. 26).

⁷ См. об этом: Сильман Т. Заметки о лирике. Л., 1977. С. 6–7.

⁸ Подробнее о жанровой специфике «Бесов» и о своеобразии связанного с ней смыслообразования см.: Грехнев В. А. Болдинская лирика А. С. Пушкина. С. 49–50.

⁹ Ср.: ситуация в «Уединенном домике на Васильевском».

¹⁰ Ср.: «Визгом жалобным и воем / Надрываю сердце мне» (III, 178).

в бесовском кружении и свою собственную жизнь, и жизнь окружающего его мира как подчиненную чужой, недоброй, бесчеловечной силе. На повороте своей судьбы, в точке перелома, кризиса, когда реальные границы мира дрогнули, путник увидел, как на его поверхность выступила скрытая, невидимая в обычных условиях сила, управляющая всем, — и она оказалась властью демона.

Таким представляется наиболее общий поэтический смысл стихотворения, который воплотил

ся в образе бесов. Символическая природа стихотворения выразилась и в том, что его поэтическое содержание может легко конкретизироваться и быть воспринято и как выражение трагизма пушкинской судьбы (М. О. Гершензон), и как выражение космической (Д. Д. Благой) или национальной (В. А. Грехнев) трагедии.

Все эти трактовки и интерпретации дополняют и корректируют друг друга, реализуя символическую многозначность текста.

Ю. В. Зобнин

ПОЧЕМУ АХМАТОВА НЕ ЭМИГРИРОВАЛА?

(К вопросу о «миссии советской интеллигенции» в контексте «диалога культур»)

В 1922 г. Ахматова пишет одно из самых знаменитых своих стихотворений:

Не с теми я, кто бросил землю
На растерзание врагам.
Их грубой лести я не внемлю,
Им песен я своих не дам.
Но вечно жалок мне изгнанник,
Как заключенный, как больной,
Темна твоя дорога, странник,
Польнью пахнет хлеб чужой.

(«Не с теми я, кто бросил землю...»)

Это стихотворение «развело» Ахматову с русской эмиграцией: даже много лет спустя, она вспоминала «с каким негодованием встречены были ими (эмигрантами. — Ю. З.) стихи “Не с теми я, кто бросил землю...”»¹

Биографический контекст этого стихотворения: два весьма значимых для Ахматовой расставания летом 1922 г.

В начале июля — отъезд Г. В. Иванова, описанный им в «Петербургских зимах»: «Послезавтра уезжаю за границу. Иду к Ахматовой — проститься. <...> Ахматова протягивает мне руку. <...> — Уезжаете? Кланяйтесь от меня Парижу. — А Вы, Анна Андреевна, не собираетесь уезжать? — Нет. Из России я не уеду. — Но ведь жить все труднее. — Да, все труднее. — Может стать совсем непереносимо. — Что же делать. — Не уедете? — Не уеду»². Тогда же, в июле, и было создано это стихотворение, вошедшее затем в книгу *Anno Domini* (1922).

Но отъезд Иванова проходил «на фоне» подготовки к другому отъезду, который шел в самом «доме» Ахматовой: за границу собрался уезжать ее гражданский муж А. С. Лурье. 17 августа 1922 г. он уехал в Германию «в командировку от Наркомпроса». Разумеется, из «командировки» он не вернулся. Это было разрывом и их личных отношений: «Когда <Лурье> уехал — стало так легко! Я как песня ходила... Писал письма — 14 писем написал, я ни на одно не ответила... Мать его приходила узнавать обо мне <...> Матери я сказала: “У нас свои сче-

ты”»³. Подруга Ахматовой, О. А. Глебова-Судейкина, оказывала на нее давление, полагая, что отъезд за границу для обеих все равно неизбежен и сделать это нужно именно сейчас, когда слава Ахматовой в «русском Берлине» велика. «...Не помню точно, пожалуй, это было в 1922 году, — вспоминала актриса В. А. Знаменская, Ольга Афанасьевна собиралась уезжать за границу и говорила мне, что она очень зовет ехать с собой Анну Андреевну, что как раз сейчас самое время, потому что ее слава вроде как поглотившая сердца мужских сердец, обольстительницы стоит и за границей очень высоко. И речь была об Анне Андреевне не как о поэтессе, а как о “Клеопатре с берегов Невы”. Здесь нет никаких точных слов, только как мне запомнился смысл речей Ольги Афанасьевны»⁴.

Ахматова отказывалась ехать «покорять за границу». Потом ее будут упрекать, говорить, что она «пожертвовала судьбой сына». Э. Г. Герштейн пишет, что «единственной возможностью спасти Леву» была бы... эмиграция Ахматовой с маленьким сыном в 1922 г. «Вот это была единственная возможность спасти Леву. Многие матери покидают родную страну, чтобы избавить своих детей от преследований. Но отказаться от своего призвания Анна Ахматова не могла. Долг матери столкнулся с долгом Поэта. Вот где было заложено начало настоящей, невыдуманной трагедии. Это предредило трудную судьбу Льва Николаевича Гумилева»⁵.

Но у Ахматовой была возможность уехать из России и раньше — в 1917 г., причем — с любимым ею Б. В. Анрепом, прекрасно устроенным в Англии. По воспоминаниям Ахматовой, Б. В. Анреп встречался с ней в самый разгар октябрьских событий: «Приехал в сентябре семнадцатого, уехал за несколько дней до Октябрьской революции. Пришел проститься, не застал. В. Срезневская была: “Анички нет!” — “Я с Вами пришел проститься, Валерия Сергеевна!..”»⁶ В поэме Б. В. Анрепа «Поминание» есть эпизод, описывающий встречу, предшествовавшую этому «неудачному прощанию»:

³ Лукницкий П. Н. *Acumiana*. Встречи с Анной Ахматовой. 1924–1925. Париж, 1991. Т. 1. С. 46.

⁴ См.: Кралин М. М. Артур и Анна. Л., 1990. С. 200.

⁵ Герштейн Э. Г. Раненые души // Живя в чужих словах...: Воспоминания о Л. Н. Гумилеве. 2-е изд., доп. СПб., 2006. С. 588.

⁶ Лукницкий П. Н. Указ. соч. Т. 1. С. 82.

¹ См.: Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой: в 3 т. М., 1998. Т. 1. С. 154.

² Иванов Г. В. Собрание сочинений: в 3 т. М., 1994. С. 54–55. Через две недели Петербург покинула И. В. Одоевцева.

Я без погон пришел к тебе,
 У ног молил бежать скорее.
 «К чему? В гробу лежать теплее
 В отчизне. Я ведь — о себе».
 В ее руке зажаты розы,
 А боль стучит в моей груди,
 И мы одни...
 «Теперь иди,
 Без страха встречу день угрозы».
 Кори: я бездорожный путник,
 Ты ж вечности должна служить,
 Без родины не можешь жить.
 Прощай, я знаю — я отступник
 Я не бегу, зовет долг службы
 И там оставлена семья.
 Но как тебя оставлю я,
 Приняв кольцо в знак нашей дружбы.
 «Не плачь, я верю в наш народ:
 Он к богу новому стремится
 И в жизни доброй утвердится,
 Чтоб воскресить свой славный род.
 Пожертвованный миру мир
 Народных прав провозглашенью
 И братскому объединенью
 Он будет жить под звуки лир.
 Мне не пиши, забудь, твори,
 Ты никогда не станешь хилым,
 Всегда, всегда мне будешь милым,
 И обо мне не говори...»¹.

Версия этого разговора в стихотворном изложении Ахматовой — «Когда в тоске самоубийства...» — известна всем.

У Ахматовой была продуманная идейная позиция, препятствующая эмиграции. Она изложила ее П. Н. Лукницкому: «Разговор об эмигрантах. Ростовцев (историк, профессор) за границей ругает оставшихся здесь и называет их предателями, потому что они работают на большевиков.

А<нна>А<ндреевна>: “Может быть два положения, чтоб было ясно: либо все уехали, либо все остались».

1. Все уехали. Нет Эрмитажа. Рембрандтовские полотна вместо скатертей и половиков, потому что объяснить некому. Зимний дворец — груда пепла и в ней живут беспризорные. Полный развал. А армия — осталась бы на год — на два, потому что военным нельзя смело было уехать и давление на них; могла бы просуществовать год-два (то есть удерживать фронт. А в стране все бы погибло). Иностранцы не вмешивались бы, ждали бы, что вот новая Америка, которую они откроют и разделят.

2. Никто не уехал бы. Была бы общественность, сейчас ее нет, потому что слишком мало людей осталось. А тогда пришлось бы считаться. Те, кто уехали, спасли свою жизнь, может быть, имущество, но совершили преступление перед Россией.

Вот сейчас осталось, скажем, двенадцать профессоров, старых. Скоро их не будет совсем. Новые — не годятся, плохо подготовлены. Будут выписывать немцев, когда туго придется, и платить им русские деньги. А если б не уехало большинство профессоров — и уровень подготовки молодых был бы выше. Молодые могли бы заменить старых, когда они (многочисленные) постепенно бы выбывали»².

В стихотворной версии 1922 г. подобное представление о «миссии советской интеллигенции» звучит так:

А здесь, в глухом чаду пожара
 Остаток юности губя,
 Мы ни единого удара
 Не отклонили от себя.
 И знаем, что в оценке поздней
 Оправдан будет каждый час...
 Но в мире нет людей бесслезней,
 Надменнее и проще нас.

С. М. Климова³

ПРОБЛЕМЫ ПОЭТИКИ ДОСТОЕВСКОГО — РОЗАНОВА — БАХТИНА. ИНДИВИДУАЛЬНАЯ АВТОРСКАЯ МИФОЛОГИЯ ПИСАТЕЛЯ КАК ИНВАРИАНТ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Я занимаюсь философией, и мне показалось любопытным представить доклад на тему «Проблемы поэтики Достоевского — Розанова — Бахтина». В выступлении Вадима Львовича Рабиновича прозвучала мысль о том, что культура — это бесконечный монолог, монолог о диалоге, или разговор личностей в автономном пространстве. С этим очень трудно согласиться. На примере творчества трех обозначенных в заглавии моего выступления персон я постараюсь, сосредоточившись в основном на Розанове, сказать, что пространство созидания культуры через тексты, через созвучия авторской мысли — абсолютно диалогично. И когда читаешь авторов, созвучных друг другу и близких творчески и биографически, то видишь схожие почерки,

как какой-то общий исторический разговор, хотя каждый имеет свою уникальность и индивидуальность.

Знаменитая книга М. Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского» позволяет одновременно проникнуть и в поэтику В. Розанова, во многом повторившего диалогичку Ф. М. Достоевского. Они оба продвигались в направлении формирования интимной философии, каковую невозможно описать вне диалектики частного и общего; применительно к их творчеству она может быть наиболее адекватно представлена через понятия диалога, полилога и монотемы. Изучение текстов Розанова позволяет обнаружить аналогию с диалогической природой творческого сознания Достоевского. Понятие

¹ Ахматовский сборник I. Париж, 1989. С. 183–184.

² Лукницкий П. Н. Асиmiana. Встречи с Анной Ахматовой. М., Париж, 1997. Т. 2: 1926–1927. С. 209–210.

³ Доцент кафедры философии Белгородского государственного университета, доктор философских наук.

партитуры, примененное В. Шкловским к характеристике розановской трилогии («Уединенное» и два короба «опавших листьев»), близко понятию полифонии, используемой Бахтиным в отношении творческого метода Достоевского. Внутренний диалог, противоборство идей, открытость чужому, «вечная оглядка» на другого (выражение Бахтина) — вот что максимально объединяет Розанова и Достоевского в репрезентации собственных идей. Розанов перманентно использует чужие голоса в своих произведениях и как форму исповедания, и как структурный принцип полифонического звучания текстов. Эта форма по смыслу приближена к бахтинскому *Icherzählung* — преломлению автором чужого слова в направлении собственных устремлений. Рассматривая диалогический метод анализа как основополагающий, оба мыслителя имеют одну «монотему» — важнейшую мировоззренческую установку на целостное авторитетнейшее начало, определяющее все многоголосие и полифонизм чужих голосов. «Свое» — субстанциональность или монотема, чужое — диалогизм или принципы аргументации.

И хотя Бахтин считал, что полифония почти невозможна в публицистике, именно в этой области Достоевский и Розанов добились полноценного звучания, особенно, если учесть имманентную близость публицистики «частной теме», с которой оба сняли «индекс запретности» (Шкловский). В ее основе лежит принцип целостного проникновения в тему-проблему, преломление логики фактов в логике чувств, мыслей и деятельности. Розанов так продуманно организует диалоги и полилоги, что мы на протяжении ряда статей, иногда разделенных и пространством и временем, наблюдаем их внутреннее организационное диалогическое единство, при внешней отрывочности и расколотости. Это связано и со специфически розановской методикой «тотального» цитирования (полифония XX в.), и со свойственной обоим мыслителям чертой: фрагментарностью мышления.

Данная целостность определена монотемой, общей обоим мыслителям. Ядром таковой является метафизика христианства — основа их «проникновенного слова», которое при всем многоголосии было твердо монологическим, нерасколотым, что стало возможно лишь в реальном диалоге с другими или «приобщении героя к хору» (Бахтин). Бахтин здесь буквально повторяет розановскую формулировку идей Достоевского: «слово... самое проникновенное, глубокое и мудрое» и розановскую идею о возможности постижения общего в соборном (хоровом) познании. Христианский дискурс при этом играет роль монологического ядра, «универсального словаря» культуры, перекодирова который формируется индивидуальная авторская мифология в диалогическом мире мнений и многоголосии. Субъективное мифотворчество мыслителей, столкнувшись с глубочайшей по мощи и влиянию религиозной верой православия, наслаиваясь и в то же время дифференцируясь, формируется в особое религиозное состояние, не сводимое к отдельным компонентам религиозного сознания. В ходе столкновения-диалога и рождается инвариант русской культуры — мифотворчество отдельных ее представителей, в частности Достоевского — Розанова — Бахтина.

Розановское многоголосие создается, конструируется по законам философского дискурса, полифонические романы Достоевского — художественного, поэта Бахтина — литературно-критического.

Анализ трилогии Розанова позволил обнаружить в ней принцип построения философского романа, которому присущи элементы мениппеи-карнавализации в духе Бахтина. Он написан в стиле великой карнавализации и буффонады, нарочитого выворачивания себя наизнанку, самопрезентации автора в образе философа-шута, фигуры как комической и карнавальной, так и иронической (даже саркастической) и трагической одновременно. Мы смогли обнаружить данную стилистику лишь при перекодировании его текстов из системы линейного чтения-восприятия в *структурно-семиотический анализ*.

Автор-Розанов представляет нам героя-Розанова как существо от автора отличающегося и создающего в своей шутковской и в то же время философской манере уникальный миф об авторе. Герой-Розанов обладает амбивалентными чертами. С одной стороны, он — философ-пророк, устами которого говорит Бог. И здесь мы вновь наблюдаем общность с мениппеей как жанром «последних» (пророческих) вопросов. С другой — в герое отражены черты *мудреца из карнавальных постановок* (аналогия взята из рассуждений Бахтина), знающего «громовую истину», хотя все смеются над ней, в том числе и он сам — мудрый шут и герой трилогии, насмешливо намекающий на то, что он мог бы своим открытием перевернуть мир, но «не хочется». То, что проговаривает *шут-мудрец Розанов*, смешно толпе, хотя насмешка в большей степени связана с удивительной простотой и *узнаваемостью, очевидностью* истины. Смех не позволяет многим обнаружить истинность сказанного шутком. Здесь же бросается в глаза и сходство фигуры философа-шута с *православным юродивым*, обретшего черты карнавализованной фигуры (в бахтинском контексте выражения идеи).

Проведенный анализ позволяет на конкретно-историческом материале подтвердить и правоту идей Бахтина в отношении поэтики Достоевского, и увидеть более ранние источники данного подхода в творческом наследии В. Розанова.

В общем, Розанов и Достоевский очень близко подходят к способу изложения мысли. Идея может быть действительно монологичной, идея может быть общей или соборной, универсальной, а вот собрание, так сказать, общего такого взгляда на эту идею, разговор по поводу этой идеи неожиданно оказывается весьма диалогичен. Если посмотреть на структуру текстов Розанова, то мы увидим, что они специальным образом структурированы: в основу текста ложится огромное количество цитат, ссылок, которые не случайно загромождают его, а включены специально, для того чтобы выстроить многоголосье, самую разную полемическую палитру вокруг одной проблемы, которой занимается Розанов.

Возьмем, например, переписку Николая Николаевича Страхова и Розанова, где последний умудряется сохранять свой метод вторичного, а то и третичного цитирования, когда на каждую фразу, на каждую мысль он делает огромные ссылки. Причем внутри этих ссылок он делает еще ссылки, и таким образом текст представляет собой действительно

полифоническую систему. Кроме того, изучая тексты Розанова, я обратила внимание на то, что он очень часто использует не только вербальные, но и образные средства для структурирования своего текста. Рисунки, которые он вводит, фотографии, которые использует, — это все тоже не чисто иллюстративного характера вещи. Это специфическая структура текста, собиравшая в одно целое вербальных образных средств, фотографий и т. п.

Если говорить о диалогике текстов, связывающих Достоевского и Розанова, то свойственная им черта — фрагментарность мышления, которая прекрасно реконструируется и в стилистике Достоевского, и в стилистике Розанова. Афористический стиль Розанова очень известен и принес ему славу русского Ницше, поэтому его работы многие наши современные исследователи называют коллажом, предтечей постмодернистского мировосприятия — в силу афористичности и мозаичности пересказа тех или иных идей в тексте Розанова.

Хотелось бы отметить, что сам Розанов считал фрагментарность, незавершенность, оговорки, восклицания специфическими характеристиками философов масштаба Достоевского или Толстого — тех, кто не просто рассказывает, а вещает, пророчествует, раскрывает нам истины, приближается и достигает «громовых истин», открывать которые читателю позволяет мозаичность изложения текста. Слова этих людей полны символического звучания, которое мы и должны услышать в обрывке, фрагменте и даже, может быть, в оговорке.

ФАТИЕВ Н. И.: — Светлана Мушаиловна, уточните, пожалуйста, вы говорили о диалоге как феномене коммуникативно-речевого общения или как явлении антологии человеческого существования?

КЛИМОВА С. М.: — В некотором смысле — о диалогике при создании текстов, которая присут-

* * *

ствует в философии Розанова и которая объективно соединяется с теми подходами, которые есть у Достоевского. Основная моя мысль заключалась в том, что Розанов совершенно самостоятельно открыл диалогичность Достоевского и использовал его методику создания текстов в своей форме, в форме создания философских текстов.

Афористичность и идеологичность становятся новой формой философского поиска вечных истин, их субстанциональной основой. Я, может быть, сейчас повторюсь: их субстанциональной основой является то, что можно было бы назвать социологией души. Душа писателя в этом потоке многократного обнажения требует осмысления идеи не только своего авторского «я», но и требует читательского «я», оценивающего и выбирающего собственные приоритеты в ходе постижения текста. Здесь нет навязывания и нет абсолютной, «нерасколотовой», «монологичной» истины. Поэтому только совместными усилиями читателя и автора, читателя и героя, причем усилиями, продолжающимися и в пространстве, и во времени, усилиями, в которые включены не только современники, но и будущие читатели, можно, очевидно, достичь какого-то целостного восприятия.

В заключение хотелось бы отметить, что в текстах Розанова и Достоевского монологизм отсутствует как принцип, поскольку основой осмысления темы является сбивание множества сознаний не в монологически целостное ядро, а в соборное понятие познания идей. Но в то же время Розанов, подобно Достоевскому, считает, что главное в создании текстов — тема, которая является подлежащим, а способ аргументации, используемый им и его соавторами, в том числе и читателями, и вспомогательные факты — это сказуемое, необходимое, для того чтобы найти и соборно решить основную задачу поставленной монотемы.

В. Кошкарян¹

КУЛЬТУРА РУССКОГО «ТЕАТРАЛЬНОГО ПАРИЖА» В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД («Интимный театр» Дины Кировой)

История русской эмиграции первой волны была, так сказать, естественным «диалогом цивилизаций». Но история этой «русской цивилизации» на Западе изучена неравномерно. Эмигрантский театр в Париже в 1920–1930-е гг. до сих пор остается наименее исследованной областью, поэтому появляется много вопросов, а иногда и выводов, которые не соответствуют действительности.

В 1993 г. я познакомилась с жителями «Русского дома» в Сен-Женевьев-де-Буа. Мы организовали кружок чтения, на котором эмигранты первой волны рассказывали о своей жизни, о пути в эмиграцию. Примерно через год после начала этих встреч я познакомилась с человеком по фамилии Тиран. Он стал ходить на наши чтения и в один прекрасный день

передал мне воспоминания актрисы Дины Кировой, которые и были опубликованы в прошлом году.

Я подготовила публикацию этих воспоминаний. Для этого мне нужно было собрать материал о Дине Кировой, уточнить ее биографические данные, потому что все было запутано, найти ее могилу и, конечно же, собрать информацию о театре, который она создавала в Париже в конце 1920-х — начале 1930-х гг.

«Интимный театр» Кировой стал первым постоянным эмигрантским театром, который добился успеха на парижской сцене. Диалог культур предполагает разговор и об эмигрантской драматургии, поэтому жизнь и деятельность Дины Кировой так интересны для нас.

Дина Никитична Кирова (1886, г. Осташков Тверской губернии, Россия — 1982, Сен-Женевьев-де-Буа, Франция) до революции служила на ампула

¹Преподаватель кафедры славистики Университета Ниццы (Франция).

инженю в Суворинском Малом театре в Петербурге (ныне — Большой драматический театр). В эмиграцию попала вместе с мужем, поэтом князем Ф. Н. Косаткиным-Ростовским, в 1920 г. Первые три года в эмиграции жила в Сербии, с 1923 г. — во Франции. Здесь в конце 1920-х гг. супруги основали «Интимный театр», в котором Кирова ставила пьесы на русском языке. В течение двух лет в Медоне (1927–1928) и четырех театральных сезонов в Париже (1929–1933) русские изгнанники имели возможность смотреть спектакли на родном языке.

После первых же постановок театр Кировой был признан ведущим эмигрантским театром. Из классики на этой сцене преобладали пьесы Островского. Через год после открытия «Интимного театра» на его афишах появились и произведения писателей-эмигрантов — А. М. Ренникова, И. Д. Сургучева, А. В. Амфитеатрова, П. Н. Краснова и др. Таким образом, Дину Кирову — основательницу первого постоянно действующего эмигрантского театра во французской столице — можно с уверенностью назвать одной из ключевых фигур русской театральной культуры в изгнании.

Дебютировала Кирова в детских ролях в антрепризе С. В. Брагина в Павловске, сыграв девочку в пьесе «Заза» П. Бертонна и Ш. Симона. Несколько месяцев брала уроки у артистки императорских театров А. А. Бренко. В 1904 г. играла в Василеостровском театре в Петербурге, а во время летних сезонов с 1905 по 1907 г. работала в антрепризах Брагина на Кавказе (в Пятигорске, Ессентуках, Железноводске). Там она встретилась с приезжавшими на гастроли мастерами русской сцены К. А. Варламовым, А. А. Яблочкиной, Л. Б. Яворской. В антрепризе Брагина постоянным партнером Кировой стал И. К. Самарин-Эльский («влюбленные сцены играли хорошо», «были влюблены друг в друга по сцене и все свои чувства выносили на публику»).

Небольшого роста, «хорошенькая, но не красавица», необычайно подвижная и веселая — такие внешние данные сразу же определили актерское амплу Кировой — комическая инженерю. Это предоставило актрисе уникальную возможность: она стала «сценической дочерью» своих выдающихся современников — В. Ф. Комиссаржевской, К. А. Варламова, О. О. Садовской, М. Г. Савиной, Е. П. Корчагиной-Александровской, играла с ними и училась, наблюдая за их игрой. («Какая же это была для меня школа! Разве могли мне курсы дать то, что я видела перед собой?!»)

Весной 1907 г. Кирову пригласили в Современный театр в Петербурге, который открылся в здании Торгового дома братьев Елисеевых. Здесь в антрепризе А. Я. Садовской и Н. Н. Ходотова она играла Катю в «Дачниках» М. Горького и Ривкеле в «Боге мести» Ш. Аша (Н. П. Ашешова). Карандашные зарисовки сцен из спектакля опубликовал в журнале «Театр и искусство» А. Р. Кугель. В Современном театре учителем и наставником Кировой стал Н. Н. Арбатов — режиссер-новатор, за которым, по свидетельству Н. Н. Гиевского, «утвердилась репутация левого, ищущего». В ту пору смелых сторонников и «проводников сценических идей московских новаторов было мало, и идеи режиссеров МХТ встречали скорее осуждение, чем пылкое признание разумной их новизны».

В 1908 г. по рекомендации Арбатова А. С. Суворин пригласил Кирову на амплу инженерю в Малый театр, там она и работала последующие десять лет. Дебютировала Кирова в роли служанки Мэри в «Двенадцатой ночи» У. Шекспира — первой постановке Арбатова на суворинской сцене. Из двух артисток, готовивших роль Мэри в этой пьесе, в основной состав исполнителей должна была войти та, которая лучше смеется. Выбрали Кирову — ее смех оказался более заразительным.

На одном из спектаклей «седой господин у рамп», громко смеявшийся в зрительном зале («как-то отдельно его голос был слышен») и кричавший после спектакля «Кирова, браво!», был не кто иной, как князь А. И. Сумбатов, по сцене Южин. Покоренный непосредственной манерой игры Кировой, он пожелал видеть ее в труппе московского Малого театра. («Помилуйте, вчера я до слез хохотал, все было так искренне, а сегодня плакал, тоже искренне, у вас много искренности. Прелестно!»)

Позднее авторитетный театральный критик А. Р. Кугель, проследившая творческий путь Кировой в Суворинском Малом театре, подводил итоги к ее бенефису: «Она успешно играла с такими знаменитыми артистками русской сцены, как Савина и Комиссаржевская в пьесах: “Лес”, “Бедная невеста”, “Дикарка”, “Бабушка”, “Плоды просвещения”, “Полудевы”, “Змейка”, “Леличкина карьера”, “Начало карьеры”, “Казенная квартира”, “Вера Мирцева”, в пьесах Зудермана, почти всех любимых пьесах Комиссаржевской и многих других», и подчеркивал, что «классический репертуар ей более всего по душе, в особенности русский», и лучшей своей ролью она считает роль Лизы в «Горе от ума».

О. Л. Книппер-Чехова звала Кирову в гастрольную поездку с труппой Художественного театра уже в годы Гражданской войны.

Проведенные исследования позволяют говорить о Дине Кировой как об артистке так называемого «актерского нутра». Верный путь к создаваемому образу ей подсказывали талант, эмоциональная отзывчивость и профессиональное мастерство, приобретенное в общении с выдающимися мастерами русской сцены. В ее исполнении надуманные образы становились правдивыми, живыми.

Приобретенный на родине опыт, уроки Арбатова помогли Кировой в эмиграции не только расширить рамки своего амплу, но и создать настоящий актерский ансамбль в театре, где она уже и сама стала режиссером и наставником. В Париже, помимо энергии и таланта, залогом успеха артистки стали понимание духовных потребностей эмиграции, умение найти контакт с публикой, способность создать особую атмосферу сопереживания сцены и зрительного зала, основанную на национальной принадлежности и социальном статусе эмигранта, его самоощущении в чужой стране.

«Интимный театр» открылся 10 февраля 1929 г. в парижском квартале Монпарнас на «артистической» улице Кампань-Премьер (во дворе дома № 6-бис). В этот вечер на афише была пьеса А. Н. Островского «Волки и овцы».

Театральное дело Кировой и князя Косаткина-Ростовского оказалось скромным, но стабильным и хорошо организованным. Участие профессиональных актеров, наличие постоянного помещения

и серьезной творческой программы — все говорило о солидности новой антрепризы. За два года в Медоне и четыре театральных сезона в Париже зрители посмотрели более 140 спектаклей, нередко проходивших с аншлагами («стояли у стен, в углах, сидели в проходах»).

Из классической драматургии в эмигрантском театре преобладал Островский, его пьесами традиционно открывался каждый новый сезон. Кировой было поставлено около 40 спектаклей по пятнадцати произведениям драматурга. «Интимный театр» вполне можно было бы назвать Домом Островского в Париже — ни до ни после Кировой никто во французской столице в таком количестве пьес русского драматурга не ставил.

В репертуаре «Интимного театра» четко прослеживаются три категории пьес: во-первых, классика (преимущественно А. Н. Островский, а также А. П. Чехов, А. В. Сухо-Кобылин, Ф. М. Достоевский, И. С. Тургенев); во-вторых, пьесы, популярные на рубеже веков, в которых Кирова играла до эмиграции (А. И. Южин-Сумбатов, И. Л. Щеглов, Л. Н. Урванцев, С. Федорович, И. Радзивиллович, М. П. Арцыбашев, Г. Зудерман и др.), и пьесы современного репертуара.

Уже через год после открытия «Интимного театра» драматурги-эмигранты начали писать специально для театра произведения, в которых затрагивались проблемы эмигрантской жизни. Это пьесы: «Игра» И. Д. Сургучева, «Пестрая семья», «Брак по расчету», «Чертова карусель» А. М. Ренникова, «Смена» генерала П. Н. Краснова и другие, а также написанные в эмиграции «Чудо святого Юлиана, или Мечта» А. В. Амфитеатрова, «Дамский бридж» Н. А. Тэффи, «Суворов на Альпах» И. С. Лукаша. В основном, это были комедии, которые давали возможность зрителю-эмигранту посмеяться над невзгодами, посмотреть на свои проблемы со стороны.

Из восьми пьес писателя А. М. Ренникова, последствии вошедших в сборник «Комедии» (1931), Кирова поставила пять. Особой популярностью пользовались «Пестрая семья» и «Чертова карусель» — «живые, забавные пьесы». Публика на представлении чутко откликалась на каждую фразу, характеризовавшую эмигрантскую жизнь.

Успехом в эмигрантском театре пользовались не только комедии. Заметным событием в истории театра и определенной вехой в творческой биографии самой Кировой стал спектакль по пьесе А. В. Амфитеатрова «Чудо Святого Юлиана, или Мечта». В драме нашла продолжение основная тема русской мысли начала XX в. о божественном в человеке и философские искания Серебряного века о Софии — Вечной женственности. В основу сюжета легла средневековая легенда о святом Юлиане Милостивом. Поэтически рассказанная Гюставом Флобером и переведенная на русский язык И. С. Тургеневым, легенда повествует о жестоком человеке Юлиане, который заслужил прощения грехов и был вознесен в рай лишь после того, как приютил, накормил и согрел собственным телом больного проказой нищего странника.

Через год после открытия «Интимного театра» был основан Театр драмы и комедии О. В. Барановской (1 марта 1930 г.), затем Русский зарубежный камерный театр под управлением Б. Н. Эспе (пер-

вый спектакль состоялся 29 ноября 1930 г.). Но театр Кировой успешно конкурировал не только с парижанами, но и с более сильными заезжими гастролерами, среди которых были М. А. Чехов, В. Э. Мейерхольд, Пражская группа МХТ.

В 1930 г. «Интимный театр» дважды гастролировал в Брюсселе. Для этих представлений, рассчитанных не только на русскую публику, программы печатались на французском языке.

Последнюю роль Кирова сыграла в патриотической пьесе «Смена» генерала П. Н. Краснова, в спектакле, который она поставила по просьбе автора, поклонника ее творчества, в 1936 г., уже после закрытия «Интимного театра». В это время в Париже уже действовал организованный общими усилиями в 1934 г. Русский драматический театр, в руководство которого вошли Н. Н. Евреинов и Е. К. Рощина-Инсарова. Перед премьерой «Смены» они поставили два спектакля: «Осенние скрипки» И. Д. Сургучева с Е. Н. Рощиной-Инсаровой в главной роли и «Новый дом» Булгакова в постановке А. Павлова.

В театре Кировой русский зритель, осознанно избравший путь изгнанника, покинувший Россию «с любовью, в слезах», подчинивший жизнь высокой миссии «спасти и сохранить» все лучшее, что уничтожалось на родине, веривший в скорое возвращение домой. Из-за резкого понижения социального статуса, нежелания ассимилироваться и раствориться в общей среде эмигранты вынуждены были вести двойную жизнь: одна ее часть состояла из тяжелого труда ради заработка, а в другой — русский изгнанник вновь становился офицером, князем, актером.

Цели и задачи «Интимного театра», сформулированные князем Ф. Н. Косаткиным-Ростовским и Д. Н. Кировой, гласили: «1) Не дать русской молодежи, разбросанной в эмиграции, забыть русский язык, русских классиков, русский быт, историю и лучшие стороны прошедшей (и уже им неизвестной) русской жизни в лучших произведениях русских писателей. 2) Дать возможность взрослой части русской эмиграции вспомнить то же и минутами, душой, уйти от чуждых условий жизни к воспоминаниям дорогого прошлого и величия России. 3) Дать возможность артистам, разбросанным по разным местам для заработка «хлеба насущного», получать духовную пищу, выступая на сцене и собираясь в хорошую русскую труппу. 4) Выявить новые артистические и литературные силы. 5) Дать возможность зрителю от времени до времени посмеяться здоровым русским смехом (для этого один раз в месяц ставятся русские комедии). 6) Дать дешевый и серьезный русский театр в Париже».

Этот творческий манифест, созвучный современному настроению русской публики, печатался в программах «Интимного театра». Он позиционировал эмигрантский театр как особый вид театрального искусства. Там же выделялась курсивом еще одна строка: «Служить эмиграции напоминанием о России».

Время великих потрясений выбирало героев. В данном случае избранницей стала артистка комического дарования, чье искусство, подчиняясь формуле катарсиса, способно было вызвать «чистые слезы» и «здоровый смех» — смех сообщника, защищавший от трагической тревоги. Искусство артистки-беженки, «смешной девчонки» — инженеру,

ставшей в эмиграции режиссером и театральным деятелем, покорила сердца соотечественников. Русский Париж жил своей жизнью и выбирал театр интимный — доверительный, глубоко личный, сокровенный, задушевный, театр, в котором говорили на языке духовного сближения.

Ю. В. ЗОБНИН: — Интересный доклад. У меня два вопроса. Во-первых, были ли пьесы Ренникова где-либо опубликованы? И во-вторых, каковы ощущения французов от нашей новой волны эмиграции, похожи ли они на прежних эмигрантов?

В. КОШКАРЯН: — Пьесы Ренникова опубликованы в Париже, в сборнике комедий, но он является раритетом и его, наверное, трудно найти. Есть он, например, в библиотеке «Русского дома» в Сен-Женевьев-де-Буа. Кроме того, Рене Герра сказал, что он недавно нашел где-то такой сборник. Что же касается новой русской эмиграции, то ее представители совсем не похожи на русских эмигрантов первой волны, но это тема для отдельного исследования.

Ю. Б. ОРЛИЦКИЙ: — Уточните, пожалуйста, какой смысл вкладывала Кирова в эпитет «Интимный театр»?

В. КОШКАРЯН: — «Интимный» предполагает не то значение, которое мы можем сразу придать

В заключение хочется отметить, что Кирова работала творческий манифест русского эмигрантского театра. В результате через год-полтора после открытия «Интимного театра» стали открываться и другие эмигрантские театры, которые действовали уже более успешно.

* * *

этому слову. «Интимный театр» был предназначен для «своего» зрителя — эмигрантов, как домашний. Потом открылись и другие, например Камерный театр Бориса Эспе. Камерный театр был у Роциной-Инсаровой до этого в Риге, он предполагал небольшое количество зрителей. В ее театральном зале помещалось не более 200–250 человек. Был отдельный театральный зал в парижском квартале Монпарнас на Артистической улице Кампань-Премьер (это очень известный квартал на Монпарнасе).

А. А. АСОЯН: — Есть ли в мемуарах Кировой ссылки на Августа Стриндберга, на его «Интимный театр»?

В. КОШКАРЯН: — Нет, не упоминается, но по какому-то странному стечению обстоятельств она открыла свой театр в бывшей школе (то есть тогда она еще действовала, по-моему) Рудольфа Штейнера.

Р. С. Турысбек¹

ВЗАИМОСВЯЗЬ КАЗАХСКОЙ И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ КАК ОБРАЗЕЦ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

Литература всегда являлась отражением эпохи, а значит, и истории, в которой тесно переплелись судьбы разных народов, в том числе казахского и русского. В результате их тесных взаимосвязей происходил обмен культурными и духовными ценностями, что в свою очередь повлияло на ход развития как казахской, так и русской литературы.

Многие писатели, поэты, художники и другие деятели культуры России побывали в Казахстане, когда он стал частью империи. Одни были сосланы сюда за свои революционные убеждения, за критику существующего строя. Например, Ф. М. Достоевский, Т. Г. Шевченко. Другие, как А. С. Пушкин, В. А. Даль, Л. Н. Толстой, побывали здесь или по службе, или для сбора материалов в процессе исследования исторических и других научных проблем.

Соприкосновение с казахским народом оставило в их памяти заметный след, что нашло отражение в творчестве.

Как известно, А. С. Пушкин, будучи в Уральске, интересовался казахским устным народным творчеством. Он был потрясен казахскими Ромео и Джульеттой, о которых говорится в эпосе «Козы-Корпеш и Баян-Сулу». В его творческие планы входила работа с этим лироэпическим произведением казахского народа.

Немалый след в истории двух культур оставил Т. Г. Шевченко. Одним из самых драматических

периодов жизни великого Кобзаря были годы ссылки, которые прошли в Казахстане. Он писал: «...мне строжайше запрещено рисовать чего бы того ни было, и писать, а здесь много нового... Смотреть и не рисовать — это такая мука, которую поймет один только истинный художник»². Т. Г. Шевченко находит в казахском народе высокие человеческие качества: трудолюбие, красоту, поэтичность, простоту. «Киргизы так живописны, оригинальны, так наивны, что сами просят под карандаш», — писал он. Широко известны его картины, в которых изображены сцены из жизни казахов («Казах в юрте», «Казах на лошади», «Казахи у огня», «Казашка над ступой», «Казашка Катя», «Акын». «Шевченко любил киргизов (казахов) за чистосердечие, живость, за детские любопытства», — пишет К. Паустовский по воспоминаниям своего деда, служившего вместе с Шевченко в Оренбурге³.

Не остался равнодушным к казахам и величайший классик русской литературы Л. Н. Толстой. Известно, что, приезжая в Оренбургский край, в Уральск и Самару для лечения кумысом, он проявлял живой интерес к жизни казахов. С пребыванием писателя в этих краях было связано появление рассказов «Много ли человеку земли нужно?», «За что?», «Ильяс». К периоду восточных поездок относится и замысел неоконченного произведения

¹Профессор кафедры казахской литературы Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева (Казахстан), доктор филологических наук.

²Известия АН КазССР. Серия обществ. наук. 1964. Вып. 2. С. 75.

³Паустовский К. Тарас Шевченко. М., 1939. С. 48.

о декабристах, попавших в ссылку в Оренбургский край и в Сибирь.

Казахская интеллигенция всегда ценила творчество великих представителей русской литературы, стремясь донести до своего народа произведения русских писателей. Так было в XIX–XX вв. Так будет и в XXI столетии.

Глубоко почитал русскую литературу, в том числе и творчество Л. Н. Толстого, классик казахской реалистической литературы XIX в. Абай Кунанбаев. В одном из стихотворений А. Кунанбаев с болью в душе сетовал на то, что у молодежи узок круг интересов, неглубок духовный мир. В минуту горьких раздумий А. Кунанбаев писал, что никто не думает о Салтыкове и Толстом, у всех на уме лишь одно — стать адвокатом и толмачом.

Произведения русских писателей стали известны в казахской степи вначале в устном пересказе, в вольном переводе. Пересказывали их люди, получившие образование в русских учебных заведениях. К переводу произведений А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, И. А. Крылова, Л. Н. Толстого

и других на казахский язык обращались казахские писатели и поэты Ибрай Алтынсарин, С. Торайгыров, М. Сералин, Б. Утетлеуов, С. Кубеев.

Первым художественным переводам произведений Л. Н. Толстого казахские читатели обязаны классику советской литературы М. О. Ауэзову. С творчеством Л. Н. Толстого М. О. Ауэзов был знаком еще в годы юности. В течение всей жизни обращался писатель к произведениям Л. Н. Толстого, и на каждом этапе жизни заново открывал для себя Толстого.

Говоря о взаимосвязи казахской и русской литературы, мы можем указать на труды исследователей и писателей, таких как М. Ауэзов, С. Муканов, Г. Мусрепов, А. Нурпеисов, Р. Сейсенбаев, С. Досанов, Г. Бельгер, Е. Лизунова, Н. Ровенский и др.

История свидетельствует, что взаимодействие русского и казахского народов, претворенное в творчестве русских и казахских писателей и поэтов, способствовало взаимосвязи представителей разных цивилизаций, являясь во все времена образцом диалога культур.

Л. Ю. Лиманская¹

К ВОПРОСУ О ПУТЯХ РАЗВИТИЯ ИСКУССТВА XX–XXI вв.: ИРОНИЯ И ЭПАТАЖ ИЛИ ЭСТЕТИКА ПОРЯДКА?

Я хотела бы продолжить разговор о специфике культурного диалога в контексте теории и художественной практики XX–XXI вв. Это, скорее, дискуссия, уходящая в область таких автономных монологов, о которых говорил Вадим Львович Рабинович и которые иногда порождают глухое непонимание двух теоретических позиций, выходящих в область художественной практики. Подобное непонимание приводит к достаточно конфликтным ситуациям, отражающимся на нашей культуре и даже художественной современной идеологии, приводя их в состояние той самой турбулентности, о которой мы вчера говорили на Пленарном заседании.

Речь пойдет о существенной теоретической проблеме, которая во многом определила пути развития авангардных направлений в художественной практике второй половины XX — начала XXI в. Это проблема бессознательного, на которой сегодня основаны постмодернистские и постпостмодернистские концепции искусства.

В современной теории и художественной практике одним из наиболее острых и дискуссионных является вопрос, где скрыты истинные ценности искусства — в свободе самовыражения, иронии и эпатаже или в культурной памяти традиции?

Дискуссии на эту тему велись уже в начале XX в. и определили идейно-теоретические разногласия среди представителей различных художественных школ и теоретических направлений. Среди знаковых фигур, заложивших теоретический фундамент для концептуального обоснования многих направлений современного искусства, следует выделить

труды по философии культуры З. Фрейда (1856–1939) и К. Юнга (1876–1961).

Родоначальник классического психоанализа З. Фрейд рассматривал культуру как систему табуированных норм, находящихся в постоянном конфликте со сферой бессознательного. Мир художественных образов, по Фрейду, — это прорыв бессознательного, а произведение искусства — форма его сублимации, зеркало либидозных влечений.

Идеи классического психоанализа получили широкое распространение в сфере эстетики и теории искусства XX–XXI вв., оказали огромное влияние на сюрреализм, дадаизм, поп-арт, абстрактный экспрессионизм, различные направления современного постмодернизма.

С критикой конфликтных отношений между культурой и бессознательным выступил ученик Фрейда К. Юнг. Он разработал теорию коллективного бессознательного, в котором культурная память и бессознательное не конфликтуют, а дополняют друг друга, образуя архетипы. Архетипы — это познавательные модели и образы (образцов), которые наследуются из поколения в поколение и являются источниками культурной традиции.

История XX — начала XXI в. показывает, что пути развития современного искусства в целом можно сопоставить с двумя способами интерпретации бессознательного. В случае, когда творческий процесс трактуется как форма отражения конфликта между бессознательными влечениями и культурными ограничениями, цели искусства направлены на разрушение традиции. Подобные задачи в начале XX в. выдвигали представители сюрреализма, дадаизма, поп-арта, абстрактного экспрессионизма, и на сегодняшний день они

¹Профессор кафедры всеобщей истории искусств Российского государственного гуманитарного университета (Москва), доктор искусствоведения.

решаются в различных направлениях современного постмодернизма.

Идея конфликта культуры и бессознательно сформировала идейно-эстетический потенциал актуальных художественных практик. Образный ряд произведений основывается на отражении или фиксации бессознательных импульсов, открывающих зрителю завесу либидозных запретов. Среди средств эстетического воздействия на зрителя главная роль отводится иронии и эпатажу. Главным эстетическим критерием этих направлений становится способность артобъектов отражать сферу бессознательного, минуя культурные фильтры. Художественный образ мыслится как носитель произвольных интеллектуальных или аффективных значений.

Наряду с эстетикой неофрейдизма, в которой искусство видится как зеркало конфликта между культурой и бессознательным, важное место в развитии современного искусства занимает теория архетипов.

Результатом следования этой теории становится обращение ряда художественных направлений к переосмыслению классической традиции и постулирование в искусстве эстетики порядка и константных форм. Представители кубизма, пуризма, абстрактного неопластицизма и современные последователи эстетики неоклассицизма ориентированы на поиск константного родства, издревле объединявшего язык искусства и природы. Художников привлекает возможность воспринимать порядок интуитивно, в беспорядочном окружении, находить искусство в мире материальных объектов и человека. В этом случае цель современного искусства видится в открытии вечных и неизменных ценностей.

Пути взаимодействия теории и практики искусства XX — начала XXI в. достаточно многообразны. Предложенные нами дискуссионные аспекты лишь приоткрывают определенные смысловые ракурсы, позволяя уяснить отдельные аспекты тех целей и задач, которые решают современные художники, позиционируя свое место и роль в истории культуры.

Г. А. Мартинович¹

ЛЕКСИЧЕСКАЯ НОРМА В ВОСПРИЯТИИ ПИСАТЕЛЕЙ И ЛИТЕРАТУРОВЕДОВ КАК ФАКТОР ЭКОЛОГИИ КУЛЬТУРЫ (От А. С. Шишкова к Е. Н. Ширяеву)

В проблеме диалога культур определенное место с точки зрения лингвиста занимает и вопрос о заимствованиях, который, как известно, решается далеко не однозначно. Уже в самом раннем периоде становления современного русского литературного языка в среде любителей русской словесности разгорелась горячая полемика о качестве, статусе и судьбе русского языка, не прекращающаяся и по сей день (!). Одним из зачинателей и активных участников ее, как хорошо известно, был член и президент Российской академии, министр народного просвещения Александр Семенович Шишков (1754–1841), издавший в 1803 г. направленную против Н. М. Карамзина и его последователей книгу «Рассуждения о старом и новом слоге российского языка».

Ниже приводим наиболее, на наш взгляд, показательные и актуальные до настоящего времени выдержки из этой книги с некоторыми попутными замечаниями.

«Всяк, кто любит российскую словесность и хотя несколько упражнялся в оной, не будучи заражен неисцелимою и лишаящей всякого рассудка (! — Г. М.) страстью к французскому языку, тот, развернув большую часть нынешних наших книг, с сожалением увидит, какой странный и чуждый понятию и слуху нашему слог господствует в оных. Древний славенский язык, повелитель многих народов, есть корень и начало российского языка, который сам собою всегда изобилеи был и богат, но еще более процвел и обогатился красотою, заимствованными от сродного ему эллинского языка, на коем витийствовали гремящие Гомеры, Пиндары, Демосфены, а потом Златоусты, Дамаскины

и многие другие христианские проповедники. Кто бы подумал, что мы, оставя сие многими веками утвержденное основание языка своего, начали вновь созидать оный на скудном основании французского языка?» (с. 24)².

«...Нелепицу нынешнего слога называет он приятностию! Совершенное безобразие и порчу оного образованием... ненавиждеть свое (это о Н. М. Карамзине, будущем авторе «Истории государства Российского!» — Г. М.) и любить чужое почитается ныне достоинством» (с. 25)³.

«Начало оного происходит от образа воспитания: ибо какое знание можем мы иметь в природном языке своем, когда дети знатнейших бояр и дворян наших от самых юных ногтей своих находятся на руках у французов, прилепляются к их нравам, научаются презирать свои обычаи, нечувствительно получают весь образ мыслей их и понятий, говорят языком их свободнее, нежели своим...» (с. 25–26).

А вот и ответ — великолепный образец спокойного, в меру иронического отношения к явлениям подобного рода:

Татьяна (русская душою,
Сама не зная почему)

² Здесь и далее после цитат из А. С. Шишкова в скобках указываются страницы по кн.: Критика первой четверти XIX века. М., 2002.

³ «Слова не изобретаются академиями: они рождаются вместе с мыслями или в употреблении языка, или в произведениях таланта как счастливое вдохновение. Сии новые, мыслю одушевленные слова входят в язык самовластно, украшают, обогащают его, без всякого ученого законодательства с нашей стороны: мы не даем, а принимаем их. Самые правила языка не изобретаются, а в нем уже существуют: надо только открыть или показать оные» (Карамзин Н. М. Речь, произнесенная на торжественном собрании Российской Императорской академии // Критика первой четверти XIX века. М., 2002. С. 343).

¹ Профессор кафедры литературы и русского языка СПбГУП, доктор филологических наук.

С ее холодною красою
Любила русскую зиму...
Татьяна верила преданьям
Простонародной старины...
(1826)

Еще предвижу затрудненья:
Родной земли спасая честь,
Я должен буду, без сомненья,
Письмо Татьяны перевести.
Она по-русски плохо знала,
Журналов наших не читала
И выражалась с трудом
На языке своем родном,
Итак, писала по-французски...
Что делать! повторяю вновь:
Доныне дамская любовь
Не изъяснялася по-русски,
Доныне гордый наш язык

К почтовой прозе не привык.
Я знаю: дам хотят заставить
Читать по-русски. Право, страх!
Могу ли их себе представить
С «Благонамеренным» в руках!
Я шлюсь на вас, мои поэты;
Не правда ль: милые предметы,
Которым, за свои грехи,
Писали втайне вы стихи,
Которым сердце посвящали,
Не все ли, русским языком
Владея слабо и с трудом,
Его так мило искажали,
И в их устах язык чужой
Не обратился ли в родной?

Не дай мне бог сойтись на бале
Иль при разезде на крыльце¹
С семинаристом в желтой шале
Иль с академиком в чепце!
Как уст румяных без улыбки,
Без грамматической ошибки
Я русской речи не люблю.
Быть может, на беду мою,
Красавиц новых поколение,
Журналов вяж молящий глас,
К грамматике причит нас;
Стихи введут в употребление;
Но я... какое дело мне?
Я верен буду старине.

Неправильный, небрежный лепет,
Неточный выговор речей
По-прежнему сердечный трепет
Произведут в груди моей;
Раскаяться во мне нет силы,
Мне галлицизмы будут милы,
Как прошлой юности грехи,
Как Богдановича стихи.
(1824–1826)

Ей рано нравились романы;
Они ей заменяли все;
Она влюблялася в обманы
И Ричардсона и Руссо.

И (!):

Простите мне: я так люблю
Татьяну милую мою!
(1823)

Все тихо, просто было в ней,
Она казалась верный снимок
Du comte il faut... (Шишков, прости:
Не знаю, как перевести.)

Никто бы в ней найти не мог
Того, что модой самовластной
В высоком лондонском кругу
Зовется *vulgar*. (Не могу...)

Люблю я очень это слово,
Но не могу перевести;
Оно у нас покамест ново,
И вряд ли быть ему в чести.
Оно б годилось в эпиграмме...)
(1829–1830)

Но тут и А. С. Пушкин не предугадал: «Вопрос, чья проза лучшая в нашей литературе? Ответ — *Карамзина*. Это еще похвала небольшая — скажем несколько слов об сем почтенн<ом>».

«Грамматика не предписывает законы языку, но изъясняет и утверждает его обычаи».

«Не должно мешать свободе нашего богатого и прекрасного языка» (А. С. Пушкин).

Комментарии, как говорится, излишни.

«Для познания богатства, изобилия, силы и красоты языка своего нужно читать изданные на оном книги, а наипаче превосходными писателями сочиненные: из них научаемся мы... красноречивому смешению славянского великого слога с простым российским, свойственным языку нашему изгибам и оборотам речей; складному или не складному расположению их; краткости выражений; ясности и важности смысла; плавности, быстроте и силе словотечения. Между тем как разум наш обогащается сими познаниями, слух наш привыкает к чистому выговору слов, к приятно произношению оных, к чувствованию согласного или не согласного слияния букв и, одним словом, ко всем сладкоречия прелестям» (с. 26).

Ср.: «Вслушивайтесь в простонародное наречие, молодые писатели — вы в нем можете научиться многому, чего не найдете в наших журналах... Изучение старинных песен, сказок и т. п. необходимо для совершенного знания свойств русского языка. Критики наши напрасно ими презирают»².

«Сверх сей ненависти (? — Г. М.) к природному языку своему и любви к французскому есть еще другая причина, побуждающая новомодных писателей наших точно таким же образом и в словесности подражать им, как в нарядах. Я уже сказал, что трудно достигнуть до такого в языке познания, какое имел, например, Ломоносов: надлежит с таким же вниманием и такую же грудку русских и еще церковных книг прочитывать, какую он прочитал, дабы уметь высокий славянский слог с просторечивым российским так искусно смешивать, чтобы высокопарность одного из них приятно обнималась с простотою другого. Надлежит долговременным

¹ Ю. М. Лотман пишет: «По свидетельству Вяземского, в одной из редакций было: “Иль у Шишкова на крыльце”» (Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: коммент. Л., 1983. С. 225).

² А. С. Пушкин. [О «Евгении Онегине» и критиках романа] // Русская литература XIX в.: хрестоматия критических материалов. М., 1975. С. 155–156.

искусом и трудом такое же приобрести знание и силу в языке, какие он имел, дабы уметь в высоком слог помещать низкие мысли и слова, таковые, например, как: *рыкать, рыгать, тащить за волосы, подгнет, удалая голова* и тому подобные, не унижая ими слог и сохраняя всю важность одного» (с. 29–30).

«Избегая сего труда, принимаются они за самый легкий способ, а именно: одни из них безобразят (! — Г. М.) язык свой введением в него иностранных слов, таковых, например, как: *моральный, эстетический, эпоха, сцена, гармония, акция, энтузиазм, катастрофа* и тому подобные. Другие из русских слов стараются делать нерусские, как, например: вместо будущее время говорят *будущность*, вместо настоящее время — *настоящность* и проч. Третьи французские имена, глаголы и целые речения переводят из слова в слово на русский язык (калькирование. — Г. М.), самопроизвольно принимают их в том же смысле из французской литературы в российскую словесность... Например: *influence* переводят *влияние* и, несмотря на то что глагол *вливать* требует предлога *в*... располагают нововдуманное слово сие по французской грамматике, ставя его по свойству их языка, с предлогом *на*: *faire l'influence sur l'esprits, делать влияние на разумы*. Подобным сему образом переведены слова: *переворот, развитие, утонченный* (утонченный. — Г. М.), *сосредоточить, трогательно, занимательно* и множество других» (с. 32–33).

А. С. Пушкин в черновике письма к Н. И. Гнедичу перебирает варианты: «Черкешенка моя мне мила, любовь ее [меня трогает] трогает душу...»¹ (<29 апреля 1822 г.>).

В книге В. В. Колесова «Русская речь. Вчера. Сегодня. Завтра» содержится следующее наблюдение: «Уже в 20-е годы XX века известный тогда критик А. Г. Горнфельд писал: “Когда перевалишь далеко за середину жизненной дороги, нелегко мириться с новшествами, необходимость которых кажется сомнительной и даже, например, слово *выявлять*, появившееся в начале нового века, до сих пор неприемлемо для моего словаря <...>. Оно было и остается несерьезным, оно запечатлено умничающей позой, ложным притязанием на глубину, погоней за модой...” (Как это похоже на многие окрики современного ревнителя «нормы», когда возражает он против нового слова!) Однако вот и конец цитаты: “...но из этого нашего ощущения ничего не воспоследует: слово прижилось, и останется, и облагородится давностью”. И *облагородится давностью* — в этом все дело; можно добавить только: если в слове сохранится нужда»².

Прошедшие двести лет убедительно доказали, что нужда во всех словах, указанных А. С. Шишковым (как и во множестве других заимствований XIX в.), сохранилась, — практически все они успешно вошли в русский язык и, «облагородившись давностью», обогатили и приумножили его словарный запас. Ср. также: *влиять* — *повлиять*

¹ Русская литература XIX в... С. 118. В романе «Евгений Онегин» А. С. Пушкин употребляет глагол *трогать* шесть раз. Напомним, к примеру, всем хорошо известное: «Но, получив посланье Тани, Онегин живо тронут был».

² Колесов В. В. Русская речь. Вчера. Сегодня. Завтра. СПб., 1998. С. 99.

на... влияние на... оказывать влияние на... и тому подобное — совершенно нормативные конструкции (несмотря на все грамматически «верные» рассуждения А. С. Шишкова). Модель же образования абстрактных существительных с помощью суффикса *-ост-* в современном русском литературном языке весьма продуктивна.

В 1920-е гг. В. И. Ленин пишет заметку «Об очистке русского языка (размышления на досуге, то есть при слушании речей на собраниях)»³. Приведем ее содержание полностью:

«Русский язык мы портим. Иностранные слова употребляем без надобности. Употребляем их неправильно. К чему говорить “дефекты”, когда можно сказать “недочеты” или “недостатки”, или “пробелы”?

Конечно, когда человек, недавно научившийся читать вообще и особенно читать газеты, принимается усердно читать их, он невольно усваивает газетные обороты речи. Именно газетный язык у нас, однако, тоже начинает портиться. Если недавно научившемуся читать простительно употреблять как новинку иностранные слова, то литераторам простить этого нельзя. Не пора ли нам объявить войну употреблению иностранных слов без надобности?

Сознаюсь, что если меня употребление иностранных слов без надобности озлобляет (ибо это затрудняет наше влияние на массу), то некоторые ошибки пишущих в газетах совсем уже могут вывести из себя. Например, употребляют слово “будировать” в смысле возбуждать, тормошить, будить. Но французское слово *bouder* (будэ) значит сердиться, дуться. Поэтому будировать — значит на самом деле “сердиться”, “дуться”. Перенимать французско-нижегородское словоупотребление — значит перенимать худшее от худших представителей русского помещичьего класса, который по-французски учился, но, во-первых, не доучился, а во-вторых, коверкал русский язык.

Не пора ли объявить войну коверканью русского языка?» (Написано в 1919-м или 1920 г.)

В. И. Ленин и здесь (как всегда) притягивает все так или иначе к проблемам классовой борьбы, хотя и ставит вопрос об объявлении войны употреблению иностранных слов, однако делает это уже с показательным уточнением — войны употреблению иностранных слов «без надобности».

И все же. Война войной, а *дефекты* вместе с *недочетами, недостатками* и *пробелами*, а также *изъянами, пороками, несовершенствами* и *минусами* (разг.)⁴ и по сей день продолжают успешно употребляться каждое на своем месте. Какой богатый выбор! В этом, в частности, и сила, и богатство, и величие, и могущество русского языка.

Зато вопрос об объявлении войны «коверканью» русского языка ставится уже бескомпромиссно.

См., однако, академический (!) Большой толковый словарь русского языка (БТС)⁵:

«Будировать, -рую, -руешь; *нсв.* 1) *Устар.* без доп. Демонстративно не замечать кого-л., подчеркивая свое недовольство кем-, чем-л.; дуться, сердиться. *Дамочка будирует*; 2) *что.* Разг. Возбуждать,

³ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 40. С. 49.

⁴ Словарь синонимов. Л., 1976.

⁵ Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 1988.

тормошить. *Б. вопрос о ремонте дороги* (неправильное употребление глагола “будировать” в смысле “возбуждать” есть результат контаминации французского глагола *bouder* — сердиться, дуться и русского глагола “будить”»).

Показательно, что второе значение, которое «совсем выводило из себя» В. И. Ленина и к войне с которым он так настойчиво призывал, дается в словаре лишь с пометой *разговорное* (без каких бы то ни было запретительных помет!), правда, с пояснением истоков его «ошибочного» употребления.

Ср., например, там же:

«Довлеть, -еет; *нсв. кому-чему*. 1) *Устар. книжн.* Быть достаточным, удовлетворять. *Созданный им мир довлел только ему одному*; 2) *над кем (чем)*. *Разг.* Господствовать, тяготеть над кем-, чем-л. *Прошлое довлело над моей жизнью. Привычка следовать типовым проектам довлела над инженерами...*»

На основе ассоциации формы «*довлеть*» (в произношении [давл’э́т’]) и содержания «*давить, давлению и т. д.*».

В данном случае авторы словаря сочли достаточным ограничиться лишь пометой *разговорное* вообще без каких-либо дополнительных комментариев.

Однако пуристские настроения весьма живучи. В подтверждение этого приведем пример модернизированного варианта исследования отношения к заимствованным словам и делаемые на основе результатов этого исследования выводы.

В Отделе культуры русской речи Института русского языка РАН под руководством Е. Н. Ширяева была проведена экспертная оценка некоторых заимствованных слов. Статус экспертов: 1-й — специалист, 2-й — консерватор, 3-й — нейтрал, 4-й — демократ. Шкала оценок: 1) безусловно допустимо; 2) скорее допустимо; 3) скорее недопустимо; 4) безусловно недопустимо; 5) не знаю. Диапазон оценок от -5 через 0 до +5.

«Приведем данные нашей комиссии по двум сравнительно недавним заимствованиям: *маркетинг* и широко распространенному в современной политической публицистике *саммит* (встреча в верхах). *Маркетинг*: специалист — +3; консерватор — +4; нейтрал — +2; демократ — +2; итого — +11. *Саммит* (соответственно): -4, -2, 0, итого: -8.

Не составляет труда интерпретировать полученные результаты: один из ключевых терминов рыночной экономики, *маркетинг*, не имеет удачного русского эквивалента; у слова же *саммит* нет никаких преимуществ перед выражением *встреча в верхах*: будучи весьма ярким образным словом в английском, где первое основное значение этого слова “пик, вершина”, в русском это слово абсолютно “безлико”, и потому русскому языку оно не нужно¹.

Прошло 12 лет, и «ненужное» слово стало нужным и весьма употребительным в публицистическом стиле. Более того, в последние годы происходит

постепенное расширение его значения. Так, можно иногда услышать выражения типа *саммит руководителей, саммит ученых* и т. п. Прогноз, таким образом, оказался неверным.

Несомненно, между синонимическими наименованиями (в данном случае практически дублетами: *встреча в верхах* — *саммит* и т. п.) происходит постоянное соперничество, конкретный результат которого, мы, к сожалению, предсказать не можем, в частности — не можем предсказать и дальнейшую судьбу слова «саммит». Этот результат зависит от весьма большого количества как собственно лингвистических, так и экстралингвистических факторов и определяется ведущими в развитии языка статистическими (вероятностными) законами, предполагающими, в отличие от *динамических* законов, возможность нескольких решений и реальность осуществления каждого из них только с той или иной степенью вероятности. Именно этим, прежде всего, и определяются значительные трудности и ненадежность прогнозирования (даже на основе самых изоциренных экспертиз) конкретных языковых изменений и возможность установления лишь *общих динамических* тенденций развития языка (тенденции к аналитизму, экономии, аналогии, системности, выравниванию парадигм и т. д.).

Хорошо известно, что по своему характеру развитие языка представляет эволюционное развитие. Следовательно, оно подчиняется всем общим закономерностям эволюции в их частной (собственно языковой) форме проявления². Поэтому имеются все основания утверждать, что становление той или иной лексической нормы осуществляется в результате естественной конкурентной борьбы между сосуществующими в языке (и «соупотребляющимися» в речи) наименованиями (литературными и нелитературными, старыми и новыми, исконными и заимствованными и т. д.), их самоотбора и самоутверждения, то есть *главным образом* в результате саморегуляции и самонастраивания самой языковой системы. Сказанное, конечно, не отрицает «селекционной» деятельности литераторов-профессионалов («мастеров») и кодифицирующей деятельности лингвистов-профессионалов, отражающих в научных исследованиях, а также в различных словарях, справочниках, учебниках, пособиях и тому подобном результаты объективных и беспристрастных наблюдений и обобщений, происходящих в языке изменений. Вопрос лишь в том, кто, что и как отбирает и «выращивает» (культивирует) или кодифицирует? Но это уже предмет специального разговора.

Экология современной русской культуры немислима без экологии современной русской речи, которая во многом определяется степенью ее нормативности, то есть степенью соблюдения или несоблюдения норм употребления единиц языка всех уровней, и прежде всего, как мы полагаем, номинативных единиц (лексических и фразеологических).

* * *

Ю. Б. ОРЛИЦКИЙ: — Как вы считаете, Шишков переводил Петrarку прозой в силу своих лингвистических взглядов?¹

¹ Ширяев Е. Н. Культура речи как особая теоретическая дисциплина // Культура русской речи и эффективность общения. М., 1996. С. 21–22.

Г. А. МАРТИНОВИЧ: — Я над этим, честно говоря, не думал. Я не литератор, но полагаю, что в определенной мере это, конечно, взаимосвязано.

² Подробнее об этом см.: Мартинович Г. А. К проблеме эволюции языка // Вестник СПбГУ. 1992. Вып. 2. С. 22–31; Лингвистические этюды. СПб., 1992. С. 27–41.

Ю. Б. Орлицкий

СТИХИ И СХЕМЫ: ФОРМЫ ВЫРАЖЕНИЯ СИНТЕТИЗМА РУССКОГО ПОЭТА-СТИХОВЕДА В ЕГО ТВОРЧЕСТВЕ

Я хотел бы обратить ваше внимание на одно явление русской поэтической культуры, которое на первый взгляд не вполне органично для русской поэтической культуры. Это явление — введение в текст произведения его метрической схемы. Мы читаем не только стихи: изначально автор-поэт нам предлагает и схему этого произведения. Подобного рода произведения встречаются достаточно часто. Существует ряд признаков, которые позволяют такие произведения объединить. Прежде всего, это явление связано с тем, что мы как-то традиционно недооцениваем роль биполярности личности многих наших поэтов, которые одновременно являются и специалистами-стиховедами. Как справедливо писал Д. С. Лихачев в заключении к книге «Прошлое — будущему» (Л., 1985), «давно установлено, что <...> личность поэта и его поэзия слиты (в сильнейшей степени у Пушкина, Лермонтова, Блока, Есенина и др., в меньшей степени у Фета)». И далее, в этом же абзаце: «Личность и ее труды особенно сильно связаны у ученых в гуманитарных науках».

Исходя из этого положения, можно предположить, что личность тех из русских поэтов, которые одновременно выступали и как теоретики стиха, находила свое выражение не только в стихах, но и в теоретических построениях, в частности — в тех стиховых схемах, которые эти авторы использовали в своих литературных произведениях, а иногда размещали рядом с текстом; обращение к таким схемам или заменяющим их описаниям мы будем рассматривать как форму выражения синтетизма личности поэта-стиховеда.

Так, первый русский теоретик стиха В. К. Третьяковский ряд своих художественных произведений сочинил, как он сам выражался, «для опытка»: таким подзаголовком снабжены его «Несколько эзоповых бесенок», «составленные» «гексаметрами иамбическим и хорейским». Примерами из собственных стихотворений, иногда специально сочиненными для этой цели, Третьяковский иллюстрирует свои теоретические положения в стиховедческих трактатах, помещая при этом свои стихи рядом с их схемами («как в образце следующего моего двустишия»). Подобным образом поступает и М. В. Ломоносов в своем знаменитом «Письме о правилах российского стихотворства»: «Здесь предлагаю я некоторые строфы из моих стихов в пример стоп и сочетания».

Следующий шаг делает А. Х. Востоков: он не только насыщает стихотворными примерами собственного сочинения «Опыт о русском стихосложении», но и в своих «Опытах лирических» (1805–1806) предпосылает метрические схемы нескольким своим стихотворениям, написанным логическими размерами; в ряде случаев метрические схемы помещены автором в примечаниях к конкретным стихотворениям.

Позднее, в период романтизма и реализма совмещение поэта и стиховеда в одном лице встречается крайне редко; соответственно, стихи и схемы в рамках одного текста практически исчезают из худо-

жественных текстов. Исключение составляют поэты-переводчики, иногда снабжающие свои тексты стиховедческими комментариями (Д. Ознобишин, А. Фет и др.). Однако в контексте так называемого Серебряного века подобное совпадение вновь становится актуальным: прежде всего это относится к В. Брюсову и А. Белому. Последний создает беспрецедентную антологию «Опыты», в которую включает сочиненные и переведенные им самим образцы различных типов стиха и строфики. Андрей Белый, анализируя русскую поэзию и прозу, тоже привлекает для этого свои стихи, правда, наряду с классическими. Используют схемы в примечаниях к своим переводам античных авторов также Вяч. Иванов и В. Вересаев.

Особую страницу в истории взаимоотношений поэтической и исследовательской ипостаси одного автора представляет творчество поэтов-конструктивистов, апеллировавших в первую очередь к звуковой природе стиха и соответственно сопровождавших свои произведения партитурами и схемами; такие схемы мы находим в книгах и публикациях И. Сельвинского, А. Квятковского, А. Чичерина. В подавляющем большинстве случаев поэты используют теперь нотные и аналогичные им схемы для иллюстрации нового для русской поэзии акцентного стиха.

Наконец, в последние десятилетия XX в. интерес поэтов к теории стиха снова приобретает практический характер; теперь это связано в первую очередь с вниманием к свободному стиху (верлибру). Так, академик М. Л. Гаспаров, много и активно работавший с переводами на русский язык, предлагает оригинальную концепцию «конспективного верлибра», а затем активно использует его в своих переводах как европейских поэтов, так и русских поэтов-классиков на язык современной поэзии. Петербургский поэт и ученый-античник С. Завьялов, тоже предпочитающий свободный стих, создает свой цикл «переводов с русского», а в цикле подражаний античной метрики (тоже написанных свободным стихом) в каждой строке своего стихотворения обозначает его метр — точнее, фиксирует совпадение метрической природы строк верлибра с метрами античной лирики.

В это же время вновь возникают авторские энциклопедии стиховых форм, обильно снабженные примерами, в том числе и своими собственными. Сначала тот же Гаспаров выпускает несколько вариантов хрестоматии по русскому стиху Серебряного века, включая в нее (по версии М. И. Шапира) два собственных стихотворения — примеры тех форм, которые не удалось обнаружить у поэтов предыдущего рубежа веков. Приводит собственные стихотворения в качестве примеров экзотических стиховых форм в своих книгах «Зевгма» и «Рок укор» Сергей Бирюков; создают свои «Опыты» универсальных стиховедческих хрестоматий — уже только из собственных стихотворений, как и Брюсов, — петербургский поэт-экспериментатор А. Кондратов, известный смоленский стиховед В. Баевский и ивановский поэт К. Мозгалов.

Г. А. МАРТИНОВИЧ: — Пользуются ли какими-нибудь схемами современные так называемые постмодернисты и как вы относитесь к так называемой «сайтовой поэзии»?

Ю. Б. ОРЛИЦКИЙ: — Явных примеров такого рода мне не встретилось. Но это связано прежде всего с тем, что схемы, как мне кажется, нужны для утверждения нового типа стиха. Для этого нужен какой-то принципиальный фон. Что касается «сайтовой поэзии», то она очень разная. Но все-таки это принципиально новая форма существования поэзии. Конечно, возможностей здесь больше: картины, фотографии и сам текст, вплоть до бегущей строки, — можно делать «живую поэзию». Но, к сожалению, подобные возможности очень мало используются сегодня. Как правило, такие сайты — просто свалка плохих текстов, хотя есть, конечно, и хорошие.

А. А. АСОЯН: — Почему вы не упомянули в связи с отрицанием тонических, стихометрических схем Арсения Тарковского?

Ю. Б. ОРЛИЦКИЙ: — Нет. Я рассматривал произведения Квятковского, Чичерина и Сельвинского. Что же касается творчества Тарковского то, мне кажется, что там метрического перелома нет. А для

конструктивизма как раз это важно. Но, может быть, я и не прав. Вообще говоря, схемы встречаются время от времени. Мне просто показалось очень интересным, что возникает некоторая потребность инкорпорирования схемы собственно в текст, а не вынесение ее в комментарий. Например, если мы будем смотреть тексты П. И. Голенищева-Кутузова, то он дает в сносках объяснение, почему выбрал этот размер, именно так написал свою оду. Но это все-таки не то — вне текста, под страницей. У него очень многие оды снабжены такого рода замечаниями. И у Хвостова есть такие пометы. Я же имел в виду те случаи, когда в произведении появляется именно схема. Мне кажется, что это очень важный момент.

Г. А. МАРТИНОВИЧ: — Можно ли считать, что это именно текст?

Ю. Б. ОРЛИЦКИЙ: — С формальной точки зрения если схема инкорпорирована в текст, то не очень логично ставить ее в метапозицию. Другое дело, когда мы говорим о сносках... Но если схема — часть текста, то она предполагает настройку и произнесение. Вообще говоря, схему надо прочитывать для настройки, проскандировать, естественно. Это, скорее, терминологический вопрос: что понимать под текстом?

Н. И. Фатиев¹

КАЗУС РИХАРДА ВАГНЕРА В ОЦЕНКЕ А. В. ЛУНАЧАРСКОГО (Советская культура 1930-х гг. и наследие Запада)

А. В. Луначарский, всем известный наш нарком просвещения, заинтересовал меня совершенно случайно. Разрабатывая для студентов курс по философии XX в., я прочитал очень много разной литературы, в том числе и эстетического свойства, и современными противоположными оценками и порой совершенно завиральными идеями. Все это никак не укладывалось в единое целое, пока я вдруг случайно не прочитал в сборнике, посвященном 50-летию со дня смерти Р. Вагнера, одну из последних статей Луначарского (нарком был уже смертельно болен). Эта статья все расставила по своим местам. У А. В. Луначарского был аналитический ум, он глубоко вник в идейную эволюцию Р. Вагнера не только как композитора, но и как мыслителя, автора работ по социальной метафизике и человека, который, по сути, «создал» Ницше как философа.

Последние 20 лет в нашей стране А. В. Луначарского — «интеллигента среди большевиков и большевика среди интеллигентов» — либо не упоминают вообще, либо упоминают в общем негативном контексте в связи со складывающейся политической конъюнктурой. Между тем, читая его литературно-художественную критику, поражаешься ее глубине и вневременности. Последнее относится и к его текстам о Р. Вагнере.

Музыкальное творчество Р. Вагнера в критике не нуждалось. Даже постановками этого музыкального гения наш зритель не был избалован: с 1917-го по конец 1970-х гг. их фактически не было. Исклю-

чение, подтверждающее правило, — постановка С. Эйзенштейном «Валькирий» в 1940 г., вероятно, на фоне попытки развития советско-германских отношений в канун войны. Но креативность личности немецкого гения не сводится только к музыке как таковой. Философски эта тема гораздо шире.

Тема Р. Вагнера в России XX в. осталась нераскрытой. Сначала этому мешало его политическое ренегатство, затем препятствием стали музыкальные вкусы нацистской верхушки и постыдное поведение в Третьем рейхе его родни (родня Ницше вела себя аналогично, но в какой мере великие ответственные за политический сервилизм своих будущих родственников, то есть потомков?). В связи с вышесказанным, тексты А. Луначарского о Р. Вагнере сохраняют актуальность, хотя они были написаны к юбилейной дате, вроде бы наспех, уже тяжелобольным человеком, но, тем не менее, демонстрируют ясность его позиции и глубину анализа. Кратко остановимся на некоторых ключевых темах.

Прежде всего — буржуазия и театр. Сейчас это противопоставление звучит как рынок и искусство. Наблюдая эллипс, описываемый обсуждением данной темы в современной художественной среде, замечаешь, как от разговора с благоговением и придыханием наши творцы переходят к базарной лексике на грани нервного срыва. Но Р. Вагнер, как напоминает нам А. Луначарский, уже все сказал по этому поводу. Театр либо храм, либо бизнес и гешефт. Либо жесткая обивка кресел для зрителей, как в Байрете, чтобы не расслаблялись и не засыпали, либо ресторан и дом терпимости (толерантности) прямо в партере... За примерами далеко ходить

¹ Профессор кафедры философии СПбГУП, доктор философских наук.

не надо, во всяком случае от Невского проспекта. Как сказал кто-то, новый миф не расскажешь старыми словами. А если очень старыми?.. «Театр не есть символ фривольности и времяпровождения. Театр есть в самом высоком смысле средоточие сознательной жизни народа...»

И еще одна важная, применительно к Р. Вагнеру, тема из статьи А. Луначарского — тема ренегатства: «Тридцать лет жил он (Вагнер. — Н. Ф.) в изгнании... революция лежала на земле со сломанными крыльями. Вагнер стал ренегатом. Но ренегат ренегату рознь. Есть легкомысленные, веселые ренегаты. Они охотно надевают золоченую ливрею нового господина».

Хочется спросить себя, откуда он все это знает? У бывшего наркома просвещения не могло быть нашего «телевизионного» опыта, он не мог видеть эти веселые лица прежних обитателей Старой площади на фоне символики новых политических брендов...

«Нет, Вагнер был не таков. Пойдя на службу к буржуазии и присмотревшись к новому миру, который открылся ему теперь с вновь занятых позиций, он ужаснулся». Это трагическое осознание открывшихся, отнюдь не радужных перспектив во все времена — один из мощных творческих стимулов. До известной степени это мирит А. Луначарского и нас с житейскими обстоятельствами композитора.

Но для историков идеологий наибольший интерес здесь представляет творческое, как сейчас пишут, креативное начало в присутствии А. Луначарскому марксизме. «Горе тому, кто обеднит мир,

перечеркнув Вагнера цензорским карандашом», — пишет он. Да, история подсказывает нам, что впоследствии такие люди найдутся. Но с учетом более широкой исторической перспективы полезно осознавать, что идейное наследие А. Луначарского совсем не напоминает грядущей догматической окаменелости «Краткого курса».

В завершение хочу сказать, что мне всегда нравилось движение против течения господствующей философской моды. Так, господствующая сейчас философская мода не любит «левых» авторов 1920–1930-х гг., а среди них были очень умные люди, которые писали весьма интересные вещи. Когда читаешь оценку А. Луначарским проблематики «Театр и буржуазия», сразу выходишь на сегодняшнюю тему — «Рынок и искусство». И то, что написано об этом А. Луначарским, — живая иллюстрация тому, что творится сегодня у нас, допустим, с театром, который сейчас называется Михайловским. Интересно следующее: тот марксизм, который демонстрирует А. Луначарский, очень терпим к другим интеллектуальным традициям. *Бывает время собирать камни, бывает время разбрасывать камни*. Вот у Луначарского и происходит «собрание камней». Он пишет, что нельзя цензорским пером перечеркнуть Вагнера-мыслителя. Мы с позиций нашего времени понимаем, что потом наступят 1930-е гг. и найдутся цензорские перья, которые все перечеркнут, но на момент написания Луначарским этой статьи камни не разбрасываются, а, наоборот, собираются. Это очень интересно и имеет прямое отношение к истории идеологии в СССР.

И. Е. Ерыкалова¹

КУЛЬТУРНЫЕ РЕАЛИИ ПЕТЕРБУРГСКОГО СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА В СТИХОТВОРЕНИИ О. Э. МАНДЕЛЬШТАМА «СОЛОМИНКА» (Опыт прочтения чернового варианта)

Работа с черновым вариантом произведения — это не столько попытка дешифровки, сколько попытка его прочтения. В черновой рукописи стихотворения О. Э. Мандельштама «Соломинка» на одном листе можно выделить два слоя текста, и если рассматривать их целиком, как одно поэтическое целое, то это два разных стихотворения, сопоставительный анализ которых может привести к определенным выводам и в «культурологической сфере».

Стихотворение «Соломинка» было впервые опубликовано в 1917 г. в альманахе «Тринадцать поэтов» с датой «декабрь 1916-го». Стихотворение тоже датируется декабрем 1916 г. «Соломинка» посвящена Саломее Андрониковой, которой посвящен и «Мадригал», также датированный 1916 г.:

Дочь Андроника Комнена
Византийской славы дочь!
Помоги мне в эту ночь
Солнце вызволить из плена².

А. Ахматова писала, что Саломею Андроникову Мандельштам «обессмертил в книге “Tristia” —

¹ Доцент кафедры журналистики СПбГУП, кандидат искусствоведения.

² Цит. по: Харджиев Н. И. Примечания // Мандельштам О. Стихотворения. Л., 1973. С. 272.

“Когда, соломинка, не спишь в огромной спальне...” Я помню эту великолепную спальню Саломеи на Васильевском острове»³.

Сохранившаяся черновая рукопись «Соломинки», воспроизведенная Н. И. Харджиевым в книге «О. Э. Мандельштам» (серия «Библиотека поэта») ⁴, значительно отличается от окончательного текста. Харджиев дает в комментариях к стихотворению свое прочтение третьей и пятой строфы черновой рукописи:

И к умирающим склоняясь в черной рясе
Заиндевелых роз мы дышим белизной.
Что знает женщина одна о смертном часе,
Клубится полог, свет стругится ледяной⁵.

Исправления Мандельштама в первоначальном тексте он учитывает как стилистические. Использование послойного метода чтения дает иной вариант первоначального текста, который можно рассматривать как первую редакцию, текст с внесенными исправлениями — как вторую. И. М. Семенко, исследовавшая рукописи О. Э. Мандельштама

³ Цит. по: Недошивин В. Прогулки по Серебряному веку. Дома и судьбы. СПб., 2005. С. 168.

⁴ Мандельштам О. Стихотворения. Л., 1973. С. 101.

⁵ Там же. С. 271–272.

1930-х гг., использовала именно метод послынного чтения, где каждый слой отражает некий этап творческой истории, исправления же демонстрируют рождение нового текста, расширение и изменение замысла, часто основанное на развитии метафоры и образа¹. Это тем более важно, что хронологически слои могут быть разнесены во времени. Так, сохранилось свидетельство молодого поэта Н. К. Чуковского, что будто бы О. Э. Мандельштам написал «Когда, соломинка, не спишь...» в комнате Дома ученых на берегу Невы недалеко от Зимнего дворца, куда его поселили уже после революции².

Первоначальный текст «Соломинки», написанный в декабре 1916 г., когда в доме князя Ф. Ф. Юсупова был убит заговорщиками Распутин, читается под слоем последующих исправлений. Его можно рассматривать как первую редакцию стихотворения:

Когда, соломинка, не спишь в огромной спальне
И ждешь, бессонная, чтоб, важен и высок,
Спокойной тяжестью, — что может быть
печальной, —
На веки чуткие спустился потолок.

В часы бессонницы предметы тяжелее,
Как будто меньше их — такая тишина;
Мерцают в зеркале подушки, чуть белея,
И в круглом омуте кровать отражена.

Шуршит соломинка в торжественном атласе
В высокой комнате над пышною рекой,
Что знает женщина одна о смертном часе,
Клубится полон, свет струится ледяной.

Соломка звонкая, соломинка сухая,
Всю смерть ты выпила и сделалась нежней,
Сломалась милая соломка неживая
С огромной жалостью, с бессонницей своей.

Где голубая кровь декабрьских роз разлита
И в саркофаге спит тяжелая Нева,
Шуршит соломинка — соломинка убита.
Что если жалостью убиты все слова!³

В этом тексте слова «Что знает женщина одна о смертном часе» являются не вопросом, а утверждением — это то, о чем шуршит соломинка. Действительно, в самой рукописи нет знака вопроса: в ней всего два знака препинания — тире в строке «Шуршит соломинка — соломинка убита» и восклицательный знак в финале.

Образ круглого омута и зеркала во второй строфе и сам образ соломинки восходят к стихотворению Мандельштама 1910 г. «В огромном омуте прозрачно и темно...», где так же, как и в «Соломинке», возникает картина наполненной предрасветными сумерками комнаты. Омут можно трактовать как образ личной судьбы поэта, образ языческого прошлого. Это также образ глубины времени, который восходит к «Реке времен...» Г. Р. Державина. В «Соломинке» действие происходит «в высокой комнате над пышною рекой». Зеркало — известный мистический атрибут потустороннего мира, связанный с прозрением, в «Соломинке» превращается в зеркало-омут. Сумрак вечного времени, сгустившегося в комнате, окутавшей поэта, времени, в описываемый

момент отъединенного от внешнего мира, но готового в него излиться и погрузить поэта в хаос, — ключевой образ второй строфы «Соломинки».

В стихотворении «В огромном омуте прозрачно и темно...» с соломинкой сравнивается сердце поэта, которое всплывает из омута:

То — всею тяжестью оно идет ко дну,
Соскучившись по милом иле,
То — как соломинка, минуя глубину,
Наверх всплывает без усилий⁴.

Несомненно, как и в 1910 г., в стихотворении декабря 1916 г. сломавшаяся соломинка — символ тревоги и ностальгии любви. Но в 1916 г. этот образ обогащен контекстом исторических событий и контекстом творчества самого Мандельштама и его современников, равных ему поэтов, создающих единый поэтический текст времени. В «Ошибке смерти» В. Хлебникова, изданной незадолго до написания «Соломинки», в ноябре 1916 г., и, возможно, давшей толчок к воспоминанию о сердце-соломинке, *двенадцать* посетителей пьют через соломинку *из кубка смерти*⁵. В «Соломинке» «двенадцать месяцев пьют о смертном часе». Известно также стихотворение А. Ахматовой «Как соломинкой пьешь мою душу...». В 1916 г. образ соломинки обогащается новым содержанием — темой смерти и христианской души. Ужасные жертвы Первой мировой войны и предчувствие катастрофических событий в России пронизывали «голубой воздух» Петербурга декабря 1916-го — января 1917 г.

Помимо контекста творчества Мандельштама и контекста времени, существует также контекст произведений, связанных с именем Саломеи Андрониковой. Их, несомненно, пронизывает единая идея.

Первоначальный текст «Соломинки», созданный в последний месяц 1916 г., своей темой и системой образов более всего связан с «Мадригалом» Мандельштама, написанным в том же году и адресованным также Саломее Андрониковой⁶. Строки «Мадригала» «Помоги мне *пышность тлена* / Стройной песнью превозмочь...» отзвучат в «Соломинке», следующим стихотворении, посвященном Саломее Андрониковой, повторением мотивов, вместе с которыми в текст включается комплекс идей «Мадригала»: византийской славы, исторического масштаба, гибели империи. Образ «*пышности тлена*» возникает во второй и пятой строфах первоначальной рукописи «Соломинки», которые затем более всего подверглись переработке: «Шуршит соломинка в *торжественном атласе* / В высокой комнате над *пышною* рекой / *Что знает* женщина одна о смертном часе...» (3-я строфа); «Где *голубая кровь* декабрьских роз разлита / *И в саркофаге* спит тяжелая Нева» (5-я строфа). Один из последователей И. Ф. Анненского, Мандельштам эстетизировал процесс умирания. Постоянство мотива «пышности тлена» у Мандельштама подчеркивает, в частности, образ из перевода сонета Петrarки, сделанного в 1932 г. после смерти Андрея Белого: «*Чьи золотые жилы в жирном тлене*». И. М. Семенко сообщает: «На автографе помета: “Закончено после смерти Б. Н. Бугаева”»).

¹ Семенко И. М. Поэтика позднего Мандельштама. М., 1997. С. 100.

² Недошивин В. Указ. соч. С. 168.

³ Мандельштам О. Указ. соч. С. 101.

⁴ Там же. С. 100.

⁵ Харджиев Н. И. Комментарии // Мандельштам О. Сочинения. М., 1980. С. 200.

⁶ Мандельштам О. Сочинения. М., 1980. С. 100.

Исправления, сделанные Манделъштамом в рукописи, усиливают мотив смерти, связанный с образом «голубой крови», аристократии, гибель которой он предчувствует. Исправлениям больше всего подвергаются третья и пятая строфы черновой рукописи. Сначала исправляются первая, третья и четвертая строки третьей строфы. От любовной темы поэт явно движется к теме исторических событий:

И умирающих в торжественном атласе
Заиндевелых роз мы дышим белизной.
Двенадцать месяцев поют о смертном часе,
Декабрь торжественный струится над Невой.

Затем первая строка исправляется еще раз, и появляется образ священника как символ православной церкви и бессмертия. Возможно, в этом образе проступают черты «старца»:

И к умирающим склоняясь в черной рясе,
Заиндевелых роз мы дышим белизной.
Двенадцать месяцев поют о смертном часе.
Декабрь торжественный струится над Невой.

В этом виде строфа вошла в окончательный текст «Соломинки», который был значительно переработан поэтом. Черновая рукопись с 1-й и 2-й редакциями — лишь начало пути.

Еще более отчетливо связана с темой гибели монархии пятая строфа. Уже в 1-й редакции текста Манделъштам включает в нее образы «голубой крови» — символа аристократии, частицей которой была Саломея, — и саркофага, который связан не только с древней историей фараонов Египта, но и с музеем Зимнего дворца. Его ностальгия связана с финалом цивилизации. Первые две строки пятой строфы:

Где голубая кровь декабрьских роз разлита
И в саркофаге спит тяжелая Нева.

Манделъштам, сделав помету в тексте, исправляет внизу рукописи на:

*И голубая кровь струится из гранита,
Как будто в комнате тяжелая Нева,
Шуршит соломинка — соломинка убита.
Что если жалостью убиты все слова!*

Первоначальное «Свет струится ледяной» превращается в «Декабрь торжественный струится» и «Голубая кровь струится». Струящееся время накладывает отпечаток неумолчivosti, вечного закона на предстоящие в омертвевшей империи перемены. Предчувствие перемен содержит и страх катастрофы, и осознание ее неизбежности и естественности — подобные события повторяют катастрофы Рима и Византии, образ которых возникает в «Мадригале». Гибель аристократии поэт предчувствует, размышляя о судьбе Саломеи, имя которой в «Мадригале» связывает с именем византийского императора Андроника Комнена, а в контексте поэзии Манделъштама становится символом творчества. В окончательном тексте стихотворения «Соломинка» исчезает неподвижность страха, связанного с ужасным предчувствием. Детали ужаса, уже освоенные поэтом, олицетворяются, обретают жизнь: «Декабрь торжественный струит свое дыханье...»

На этом же листке с черновой рукописью «Соломинки»¹ написано стихотворение «Собирались

эллина войною...» о греческом острове Саламине, которое обычно связывают с нелюбовью Манделъштама к Англии. Возможно, в размышлениях о предстоящей катастрофе как продолжение сюжета оно содержит в себе мотив бегства от нее. Однако, как известно, даже царской семье не удалось бежать в Англию морем, на корабле, к семье столь похожего на царя внешне английского монарха Георга V. Завершается сюжет катастрофы и бегства от нее в стихотворении Манделъштама «Ариост» (1934): «В Европе холодно. В Италии темно. / Власть отвратительна, как руки брадобрея». Этот сюжет хорошо понял Иосиф Бродский, начавший с описания цирюльни свою «Империю». Уничтожение аристократии, смена власти, революционная катастрофа всегда влекут за собой уничтожение культуры.

Как известно, Саломея покинула Россию после революции вместе с Зиновием Пешковым — братом Я. Свердлова, усыновленным когда-то А. М. Горьким. Он стал впоследствии генералом французской армии. Манделъштаму не удалось бежать от катастрофы. В 1920 г. он добрался до Батумского порта, откуда уходили корабли в Константинополь — в порту его встретил также пытавшийся уехать М. Булгаков, описавший эту встречу в «Записках на манжетах».

Работа над первоначальным текстом позволяет в некоторой степени понять направление и ход мысли поэта, проясняет первоначальный замысел, который, несомненно, связан с размышлениями о судьбе империи и династии. Тема умирания любви в «Соломинке» переплетается с темой гибели империи, эсхатологическими предчувствиями завершения истории, которые столь характерны для поэзии и русской жизни начала XX в.

Образ реки, как и в «Грифельной оде» (на это указывает исследователь рукописи поэмы И. М. Семенко), в поэзии Манделъштама связан с образом времени из стихотворения Г. Р. Державина «Река времен»:

Река времен в своем стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Чрез звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрется
И общей не уйдет судьбы.

Омут Манделъштама ассоциируется с державинским «жерлом времени», которое поглощает царства и царей. В этом жерле времени и всплывает соломинка — христианская душа. (Пессимизм Державина в его предсмертном стихотворении, *сохранившемся до наших дней в его кабинете на грифельной доске*, по поводу бессилия «лиры и трубы» превозмочь смерть и забвение, у Манделъштама не носит столь окончательного характера: «стройная песнь» творчества может преодолеть «пышность тлена»).

Масштабность образов первого текста «Соломинки» — «торжественный атлас», «голубая кровь», «саркофаг», «пышная река» — проясняет смысл вопроса-утверждения «Что знает женщина одна о смертном часе» в черновой рукописи стихотворения Манделъштама: Саломея Андроникова, дама высшего света, знала, где назревали события. Князь

¹ Манделъштам О. Сочинения. С. 101.

Михаил Андроников был причастен к интригам политиков и двора. Был раскрыт заговор, вследствие которого царь должен был быть отстранен от власти, царица отправлена в монастырь, главнокомандующим должен был стать великий князь Николай Николаевич. Участники заговора уже были арестованы и наказаны. Членами императорской семьи планировалось убийство Григория Распутина, которое и произошло 16 декабря 1916 г. в подвале дома Ф. Ф. Юсупова на Мойке. Менее чем через два месяца, 26 февраля, произошла революция, 1 марта 1917 г. царь отрекся от власти. Автор «Ошибки смерти», математик и исследователь закономерностей исторического времени В. Хлебников в своих «Досках судьбы» точно указал дату отречения и крушения династии — 13 марта 1917 г.

Между третьей и четвертой строфами уже вписан ряд имен мистических героинь Э. По, О. Бальзака и Ф. М. Достоевского: «Ленор, Соломинка, Лигейя, Серафита», который можно рассматривать как набросок будущей переработки текста. Н. И. Харджиев связывает их появление с появившимся в 1915 г. в России переводом статьи Теофиля Готье, кумира акмеистов, о Шарле Бодлере. Эти имена символизируют «Вечно желанный и никогда не достижимый идеал». Однако в первоначальной рукописи они

еще вне поэтического текста, если рассматривать его в материальном смысле, как рукопись. Любовь-творчество, хрупкая соломинка, в чем-то подобная любви-творчеству в цикле «Эрос» Вячеслава Иванова, сообщает отношению к событиям необычайно личностный, ностальгический смысл.

В «Соломинке» явственен образ Петербурга как символа империи, России. Гранит обращает нас к пушкинскому контексту Петербурга из «Медного всадника»: «В гранит оделася Нева...» Он возвращает нас к «Мадригалу», посвященному Саломее: «Византийской славы дочь, / Помоги мне в эту ночь / Солнце вызволить из плена...»

Пушкинский образ солнца-разума — «Да здравствует солнце! Да скроется тьма!» — проясняет отношение Мандельштама к грядущим событиям. Исправляя четвертую строфу, поэт относит новую строку «Чья голубая кровь струится из гранита» — к Соломинке (здесь впервые поэт пишет слово с заглавной буквы) — строка явно соотносится с образом «недостижимого идеала». В окончательном тексте все образы 1-й редакции сохраняются. Окончательный текст «Соломинки» можно рассматривать как вариацию или «ответ» на тему гибели, явственно прозвучавшую во второй редакции черновой рукописи: «Нет, не Соломинка, Лигейя, Серафита...»

А. И. Филатова¹

РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК И РУССКАЯ КУЛЬТУРА В КНИГЕ В. С. РАСПУТИНА «СИБИРЬ, СИБИРЬ...»

Д. С. Лихачев высказал пожелание создать «Историю Совести» и там же академик перечислил «Условные заповеди человечности». Среди них: «почитание родителей и прародителей своих» и всего «сотворимого ими», отношение к природе как матери и помощнице своей. И как самое значительное, важное: «Пусть труд и мысли твои будут трудом и мыслями свободного творца...» Завершает Д. С. Лихачев «Условные заповеди...» своей подписью, глядящей: «Под ними и расписываюсь и ставлю число 23.11.89 года»². Это по сути творческое кредо ученого, известного в мире своими открытиями в области медиэвистики и культурологии.

Под этими заповедями, наверное, поставил бы свою подпись и В. Г. Распутин, классик русской литературы, представляющий уже другое поколение, автор книги «Сибирь, Сибирь...», увидевшей свет в 2006 г. в Иркутске, родном городе писателя. Духовность, нравственность, память, человек и природа — проблемы вечные, в наше время они стали заостренно актуальными, на них-то и сосредоточено внимание В. Распутина.

Если рассматривать распутинскую книгу «Сибирь, Сибирь...» с внешней стороны, то можно увидеть в ней повествование о путешествии автора книги и его друга — фотохудожника Дмитриева по Сибири, начатом в Тобольске и завершено на Дальнем Востоке. Но в жанровые рамки романа-пу-

тешества книга Распутина не укладывается, даже если вспомнить о несходстве путешествий и путешествеников, обозначенном в знаменитом «Сентиментальном путешествии по Франции и Италии» Стерна (путешествие пастора Йорика).

«Сибирь, Сибирь...» — книга глубоких раздумий писателя о родине, ее прошлом, настоящем и будущем, об особенностях национального склада русского человека, его самобытности, и если идти к более частному — своеобразности характера сибиряка, сформированного временем и, не в последнюю очередь — Сибирью.

Книга Распутина насыщена глубокими мыслями, они гармонично сливаются с любовно-лирической настроенностью ее создателя, мысли и чувства находят в слаженном равновесии.

Распутин открывает свою книгу обобщенным образом — портретом Сибири. У него свое, очень личное истолкование названия неизмеримых пространств земли словом «Сибирь». Он видит в этом названии не столько слово, сколько понятие, «звучащее, вроде набатного колокола», который «возвещает что-то неопределенное могучее и предостоящее». С Сибирью писатель связывает и свои надежды на будущее: «Она сама вошла в жизнь и интересы многих и многих, если не как физическое, какое-то обновление»³.

Слово «Сибирь» не расшифровано. Но для сибиряков это не столь важно, потому как «для нас, тех, кто в Сибири родился и живет, это родина, дорожка

¹Профессор кафедры литературы и русского языка СПбГУП, доктор филологических наук.

²Иностранная литература. 1989. № 9.

³Распутин В. Г. Сибирь, Сибирь... Иркутск, 2006. С. 67.

и ближе которой ничего на свете нет, нуждающаяся в защите больше, чем любая другая сторона, потому что тут есть пока, что защищать»¹.

В художественном мире Распутина образ родины — центральный, основополагающий, вбирающий всю полноту жизни. Писатель стремится пробудить в читателе чувства сыновние и отцовские, памяти семейной, родовой, исторической. Распутин понимает, что чувство родины трудно передать в слове: немалую роль играют впечатления, эмоции и даже фантазии. Он пишет: «Удивительно и невыразимо чувство родины... Какую светлую радость и какую сладчайшую тоску дарит оно, навещая нас в часы разлуки, то ли в счастливый час проникновенности и отзвука! И человек, который в обычной жизни слышит и видит недалеко, волшебным образом получает в этот час предельный слух и зрение, позволяющие ему опуститься в самые заповедные дали, в глухие глубины родной земли.

И не стоять человеку твердо, не жить ему уверенно без этого чувства, без близости к деяниям и судьбам предков, без внутренней ответственности за дарованное ему место в огромном общем ряду быть тем, что он есть»². Философски окрашена догадка Распутина о природе как о нечто таком, величественном и таинственном, что служит контактом человека с Богом: «Быть может, между человеком и Богом стоит природа, и пока не соединишься с ней, не двинешься дальше. Она не пустит»³.

Мощность сибирской природы, ее вольность отстоит по мысли от себе подобного в других местах. Свою мысль Распутин иллюстрирует примером Байкала. Писатель считает, что просто, а может быть, и невозможно найти достойные слова. Он обращается к своим дневникам, цитирует страницы, на которых запечатлены его потрясение увиденным, чувства, эмоции: «Стоишь перед Байкалом, маленький, слабый... Байкал перед тобой и что ты перед ним, истягиваешься в мучительных призывах увидеть, понять, осмыслить и отступить: впуская. Рядом с Байкалом мало размышлять привыч-

но, здесь надо выше, чище, сильнее думать, вровень с его духом, не бессильно, не горько. Мы способны лишь вопросы задавать, когда что-то великое касается нас, только в вопросах мы иногда окликаем тот язык, который не сумели распознать».

Распутин вновь обращается к дневнику. Под датой 17 января 1974 г. есть запись: «День солнечный, яркий. Солнце, падая на синий застыл и дышит. В чутком оцепенении стоит лес. По горе двигаются люди. Общая завороченность от ростепели... Вместе с водой застыл и воздух»⁴.

В полном контрасте с картиной оживающей природы подается писателем эпизод со свадьбой. Подъезжает машина, выходят молодые люди, ругаются, матерятся, ведут себя грубо, нахально, считают себя не по праву сильными настоящими людьми.

Время, уже ушедшее и наступающее, видится писателем с народной точки зрения. Распутин обращается нередко и к устной народной поэзии. Оттуда, из фольклора, пришли образы матери-земли, живой воды, былинных богатырей. Говоря о просторах Сибири и ее малой заселенности, Распутин ограничится словами: «на версту по персту».

По словам Распутина, работая над книгой «Сибирь, Сибирь...», он заглядывал в «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля. Разумеется, словарь оказал писателю неоценимую помощь. Распутин, выросший в народной среде, слышит, ощущает народную речь. Он активно пользуется словами, свойственными разговорной речи сибиряков, не вошедшими в словарь Даля. Подобных примеров тому много, вот некоторые из них: выгав, двуголовье (о горе), неудрахленный (пожлой), полая жизнь (жизнь, лишенная творческого, духовного начала), уводина (обманка).

Распутин умеет находить, и опять-таки в народной толще, точные слова, заменяя ими пространное описание явлений исторических, социальных, бытовых. Меткое народное «один как перст» у Распутина заменяет пространный разговор о малой заселенности Сибири словесным образом — «на версту по персту».

* * *

Н. И. ФАТИЕВ: — Может быть, в такой художественной прозе Валентин Распутин открывает общую драму народа?..

А. И. ФИЛАТОВА: — Конечно, конечно. И для него трагедия заключается как раз в том, что уничтожено крестьянство.

Н. И. ФАТИЕВ: — Известно, что многие книги Распутина иллюстрирует художник Дмитриев, а данное издание имеет иллюстрации или фоторяд?

А. И. ФИЛАТОВА: — Иллюстраций в книге немного. Путешествие по Сибири началось в То-

больске и закончилось на Дальнем Востоке. Распутин сопровождал художник Дмитриев, который фотографировал пейзажи, памятники, поставленные в Сибири. В книге есть прекрасная глава о Ермаке, о многих исторических героях. История Сибири воспроизведена художником, который влюблен в свою родину и который, как он говорит, является православным человеком и очень хочет, чтобы читатель его книги «Сибирь, Сибирь...» почувствовал, что у него мировоззрение православное.

А. В. Успенская⁵

«ПРЫЖОК С СЕДЬМОГО ЭТАЖА...» («Литературоведение» А. А. Фета)

В восприятии нескольких поколений Фет — прежде всего поэт. Художественная и очерковая проза,

критика, публицистика, равно как и многообразная сельскохозяйственная деятельность воспринимались

¹ Распутин В. Г. Указ. соч. С. 229.

² Там же. С. 290.

³ Там же. С. 284–285.

⁴ Там же. С. 285.

⁵ Профессор кафедры литературы и русского языка СПбГУП, доктор филологических наук.

как удел помещика — Шеншина: «Искупят прозу Шеншина стихи пленительные Фета», — писал А. Жемчужников. Но чем дальше продвигается изучение наследия Фета, тем очевиднее становится значительность и глубина разных сторон его творчества.

В настоящее время силами ИРЛИ (Пушкинского Дома) и Курского государственного университета осуществляется 20-томное собрание сочинений Фета. Литературная критика, представленная в третьем томе, прошла для современников практически незамеченной, чему были разные причины: Фет постоянно шел вразрез с общепринятыми установками, являя оригинальный подход к проблемам, отказываясь примкнуть к какому-либо из литературных и общественных лагерей. Кроме того, для массового читателя оказался весьма сложным аналитический стиль Фета с многочисленными отступлениями, развернутыми примерами и метафорами, блестящими афоризмами, свободными и неожиданными переходами к разным сторонам проблемы. И по сей день, несмотря на отдельные публикации, эта сторона творчества Фета остается практически неизученной.

Критическое наследие Фета делится на статьи, посвященные литературе и искусству в целом («Ответ на статью “Русского вестника” об Одах Горация», «О стихотворениях Ф. Тютчева», «Что случилось по смерти Анны Карениной в “Русском вестнике”», «По поводу статуи г. Иванова на выставке Общества любителей художеств»), и на публицистические статьи, отталкивающиеся от конкретных литературных произведений, но прямо посвященные общественным проблемам («Роман Н. Г. Чернышевского», «Фамусов и Молчалин»). Особняком стоит статья «Два письма о значении древних языков в нашем воспитании», представляющая собой интереснейшее публицистическое эссе о всемирном значении античной культуры.

Рамки небольшого доклада позволяют нам рассмотреть только две статьи, наиболее ярко иллюстрирующие парадоксальные взгляды Фета, часто представлявшиеся современникам, пользуясь собственным фетовским выражением, «прыжком с седьмого этажа».

Новаторство литературных взглядов Фета проявилось прежде всего в статье о Тютчеве, явившейся его литературным манифестом. Фет решительно отверг узкогражданское понимание поэзии: «...вопросы: о правах гражданства поэзии между прочими человеческими деятельностями, о ее нравственном значении, о современности в данную эпоху и т. п. считаю кошмарами, от которых давно и навсегда отделился» (с. 176)¹. Таким образом, Фет отвергает саму постановку вопроса — нужна ли литература и какая?

Вопрос в другом — что следует понимать под словом «поэзия»? «Поэзия <...> есть чистое воспроизведение не предмета, а только одностороннего его идеала; воспроизведение самого предмета было бы не только ненужным, но и невозможным его повторением. У всякого предмета тысячи сторон <...> но в том-то и дело, что художнику дорога только одна сторона предметов: их красота, точно так же как математику дороги их очертания или численность»

(с. 177). Что же такое — «красота»? Поэтическая деятельность, по Фету, складывается из двух элементов: «объективного, представляемого миром внешним, и субъективного, зоркости поэта <...> степень поэтической зоркости, ясновидения — все» (с. 177).

Красота — не просто нечто эстетически приемлемое, безупречное, по сути — это сама истина, которая добывается из сырого, необработанного материала жизни с помощью «зоркости» и не терпит грубого, прямого манифестирования: «...самая высокая мысль о человеке, душе или природе, предлагаемая вами поэту как величайшая находка, может возбудить в нем только смех, тогда как подравшиеся воробы могут внушить ему мастерское произведение. <...> Дайте нам прежде всего в поэте его зоркость в отношении к красоте, а остальное на заднем плане» (с. 178–179). Важно и то, что художник видит красоту там, где обыкновенный глаз и не подозревает красоты. Еще одна важная мысль: «Воплощая идеал, человек неминуемо воплощает самого себя».

Именно в статье о Тютчеве Фет высказал свое творческое кредо, за которое он впоследствии многократно подвергался насмешкам: «Все живое состоит из противоположностей <...> лирическая деятельность тоже требует крайне противоположных качеств, как, например, безумной, слепой отваги и величайшей осторожности (тончайшего чувства меры). *Кто не в состоянии броситься с седьмого этажа вниз головой, с непоколебимой верой в то, что он воспарит по воздуху, тот не лирик* (курсив наш. — А. У.). Но рядом с подобной дерзостью в душе поэта должно неугадно гореть чувство меры» (с. 186–187).

Замечательна и мысль о том, что лишь подлинное, глубокое, философское содержание может придать произведению безупречную форму: «Художественность формы — прямое следствие полноты содержания» (с. 188).

Заслуживают внимания и размышления Фета о сложности воплощения современной темы, сформулированные ярко и оригинально. Он сравнивает искусство с фотографией: ни дагерротип, ни искусство «не могут снимать предметов движущихся. Изображая движение, искусство застает его только в данный миг и в нем увековечивает... В силу этого непреложного закона художника, с одной стороны, инстинктивно отворачиваются от современного содержания, а с другой — подвергаются нареканиям». «С неустановившимися историческими образами беда самому первоклассному поэту. Положим, что силою волшебного жезла он остановил движущийся образ... завтра же, по законам движения, все прелестные линии изломались и возбуждают всеобщее недоверие». Исключением Фет считает сатиру. «Порок примитивнее, а следовательно, неподвижнее добродетели <...>. Современные стихотворения, написанные вчера, нередко бледнеют сегодня» (с. 192–193).

Все эти размышления неопровержимо доказывают, что чистым «эстетом», сторонником отрешенного от жизни «искусства для искусства» Фет, по сути, никогда не был.

Чтобы познакомиться с другой, общественно-публицистической, стороной критической деятельности Фета, обратимся к самой крупной его работе — так и не опубликованной при жизни автора статье, посвященной роману Чернышевского «Что делать». Она начинается с широкой характеристики эпохи

¹ Здесь и далее ссылки с указанием страниц даются в тексте по изд.: Фет А. А. Сочинения и письма: в 20 т. СПб., 2006. Т. 3.

реформ, которая опровергает укоренившееся мнение о Фете как о консерваторе. Он называет реформу «одним из знаменательнейших и интереснейших моментов нашей народной жизни» (с. 195).

В статье идет речь прежде всего о направлении, ярким выразителем которого явился этот роман: «Роман “Что делать” дорог для нас уже потому, что автор его еще в то время понял всю бесплодность одних вечных отрицаний и невозможность остановиться на них. Он давно осознал, как стыдно свистать в эту старую, засушенную и загаженную дудку бесплодного отрицания. Он ясно указал, *что делать* должно в интересах известной пропаганды» (с. 197–198). Далее Фет предпринимает блестящий саркастический пересказ, выявляющий всю легковесность, утопичность и неосуществимость предложенной Чернышевским оптимистической картины всеобщего счастья, прежде всего — семей Лопуховых и Кирсановых.

Фет видит опасность доктрины утопического социализма в том, что «выставляются отдельные члены безобразного тела, оставляя за собой возможность отрицания солидарности этих членов с уродливым целым» (с. 258). Демонстрируя новый тип поведения, привлекательный для многих (свобода любовных отношений, свобода поведения в иерархическом обществе, презрение к кастовым запретам и ограничениям, тесная организация доброжелательных единомышленников, сплоченных общим, выгодным трудом), социалисты скрывают все безобразное целое: отказ от частной собственности, денег, личного имущества, браков, семьи, традиционной морали, городской цивилизации, самого прогресса, умственного и нравственного неравенства. В итоге, как убедительно показывает Фет, неизбежно должна образоваться жесточайшая тоталитарная структура, где не допускается быть не только богаче, но и умнее, и способнее других, где нет искусств (они несут неравенство), нет науки, где за отклонениями от предписанного образа жизни установлен гораздо более суровый надзор, более «строжайшая цензура», чем в современном капиталистическом обществе, тоже, впрочем, достаточно несовершенном.

Фет справедливо отмечает, что если Гракх Бабеф открыто проповедовал весь комплекс этих утопических идей, то теперешняя сдержанность адептов социализма более вредна: «Они поняли нравственную невозможность явиться открыто с их доктриной во всем ее систематическом безобразии» (с. 258). Явились попытки придать этому учению «более приличный и цивилизованный вид» — такой попыткой Фет считает фурыеризм: «Основная мысль доктрины Фурье та же, что и в коммунизме, только прикрытая более приличною одеждою» (с. 251).

С. М. КЛИМОВА: — Вам известна ироническая реплика на эту статью Фета Ф. Достоевского о том, что некоторые из великих предлагают броситься вниз головой с седьмого этажа?

А. В. УСПЕНСКАЯ: — Конечно, мне известна эта реплика, относимая критиками на счет Фета. И как только над этим не издевались! Критики были неправы — они не учитывали сложную аналитическую формулу высказываний Фета, который был не

В статье подробно пересказывается программа Фурье: общинный, а потому «выгодный» труд, жизнь в фаланстере, разрешение женщинам иметь одновременно «супруга», «возлюбленного» и «производителя», возможность уплаты всего английского долга куриными яйцами и т. д.

Верно отметив причины невероятной популярности романа Чернышевского и объяснив его опасность, Фет, однако, убежден, что «такое учение не примет на нашей почве»: «Русская земля разделена между миллионами <...> собственников <...> кроме собственников в России нет народонаселения» (с. 257). Фет, будучи убежденным сторонником власти, проводящей кардинальные реформы в стране, формулирует ее позицию: «Государство положительно сказалось каждому из своих граждан: “Вот тебе больший или меньший клоч земли. Не надейся ни на руки рабов, ни на какие-либо <...> привилегии. Я берусь оградить твой мирный и законный труд от насилия и вторжения чужого произволу, а инициативу и средства к благосостоянию ищи в себе самом”» (с. 258). Фет считает, что эта программа разумна — а потому осуществима, он убежден, что «целый народ не пойдет ломать себя в угоду теории эгоизма Лопуховых и Кирсановых», «социализм... никогда не осмелится у нас высказаться во всей своей цинической полноте, а будет, подобно улитке, по временам выставлять свои рожки-щупальцы» (с. 257). Остается только удивиться провидческому таланту Фета, как будто предвидевшего, что социалисты могут прийти к власти, только прикрывшись чуждыми им демагогическими лозунгами.

Вывод статьи прямо переключается с темой нынешней конференции, посвященной диалогу культур, противостоящему всяческой конфронтации. Фет пишет: «Мы не менее других желаем народного образования и науки, только не по выписанной нами обскурантной программе социалистов <...> наравне с другими мы чувствуем необходимость необходимых гарантий свободному и честному труду». В то время как «под видом всеобщего равенства» социалисты отстаивают «особенные права в государстве отдельных народностей и сословий, натравливая таким образом — народ на народ, сословие на сословие и даже поколение на поколение <...> мы открыто не желаем смут и натравливания одного сословия на другое» (с. 259).

Однако общественные настроения эпохи были таковы, что даже такой признанный консерватор, как Катков, не решился напечатать эту статью в «Русском вестнике», — и трезвый голос Фета, пытавшегося противостоять «деспотизму демагогов» (с. 259) в общей сумятице так и не был услышан.

только поэтом и критиком, но и философом. Достоевский с величайшим уважением относился к Фету.

Ю. В. ЗОБНИН: — Полагаю, что проблематика докладов и те дискуссии, которые возникали по ходу их обсуждения, внесли определенный вклад как в разработку проблемы восприятия классическим и современным литературоведением гуманитарных и культурных реалий России и мира, так и в общую тему диалога цивилизаций.

Секция 9 ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

23 мая 2008 г. СПбГУП, Зал заседаний Ученого совета (ауд. № 200)

Руководитель секции

НИКАНДРОВ

Николай Дмитриевич

президент РАО, академик РАО, доктор педагогических наук, профессор

Н. Д. НИКАНДРОВ: — Добрый день, уважаемые коллеги! Наше заседание посвящено проблемам высшего профессионального образования (ВПО), проблемам его развития в контексте глобализации. Слово «глобализация» впервые прозвучало, пожалуй, более 30 лет назад. Но суть ее была ясна значительно раньше. Уже после Второй мировой войны, а то и раньше, была понятна взаимозависимость стран мира. Фактически об этом идет речь, когда мы говорим о глобализации. Тогда прошла конференция в Рио-де-Жанейро, и новым моментом было фактическое признание, что сложившаяся картина мира не оптимальна, что если мы будем потреблять ресурсы в таком огромном и все увеличивающемся количестве, человечество подвергает себя действительно серьезной опасности — истощению природных богатств. Многого можно включить в кругооборот, но не все. Фактически было признано, что капиталистический способ производства, как и капиталистическая манера бытия в целом, не оптимальна. Там не было сказано ни о социализме, ни о коммунизме (нам тогда было не до этого, учитывая ситуацию, в которой находилась новая Россия).

Постепенно, но все быстрее увеличивается массив работ по различным аспектам глобализации. Причем с самого возникновения этого потока можно говорить о том, что глобализация имеет и плюсы и минусы. И лишь немногие оптимисты уверены в том, что глобализация — это только плюсы. Так, Болонский процесс имеет несомненные плюсы, за которыми, однако, скрывается много опасности для разных стран, в том числе и России. Об этом много сказано, и в частности участниками данного форума.

Глобализация предполагает сближение. Но в то же время не отрицается и никогда не отрицалось, что есть противоречия, несогласия между странами. Речь идет именно о странах, не о народах. Если посмотреть на историю последнего тысячелетия, то становится очевидным, что определенные противоречия между Россией и Западом и в меньшей степени между Россией и Востоком были всегда, и не только после победы Октябрьской революции, но буквально от возникновения России. Всегда были определенные противоречия между западным и нашим образом жизни и мысли, как и между нашим образом жизни и мысли и восточным. Казалось бы, глобализация может это смягчать. Но есть мнения, что это не обязательно, так и что противоречия останутся.

В 1960-х гг. появились первые статьи, что идеология как таковая вообще исчезает. Одной из них

была известная статья Шлезингера «Конец идеологии». Надо сказать, что когда развалился СССР и возникла новая Россия, было много высказываний, что идеология нам не нужна. Для меня было совершенно ясно, что это ошибочно. Для меня идеология — общее понятие о некоей совокупности или системе идей, которые разделяет население страны или некоторые государства мира. Может быть одна идеология у группы стран, в стране у одной какой-то социальной, общественной группы. Ни одно государство никогда не существовало без идеологии. Если оно не хотело вырабатывать свою идеологию, то она ему навязывалась извне.

Острота всех разговоров на идеологические и глобализационные темы может быть действительно разной. Недавно вышло второе издание книги «Почему погибнет Америка». Уже из ее названия следует вывод: должна ли Америка погибнуть или нет — это вопрос идеологический. Я думаю, что есть смысл воздерживаться от такого рода высказываний, клише и уничижительных названий. Они приносят долю катастрофизма в сознание. Причем это сейчас, к сожалению, у нас очень распространено, и не только в высшей школе. Назову еще одну книгу с характерным названием — «Чем нас травят». Речь в ней идет о том, что в стране действительно есть проблема ухудшения качества продуктов питания, появления все в большем количестве модифицированных (в том числе и генетически) продуктов. Сразу видно, как плохо нам живется. Травят нас. При этом тут же возникает мысль: кто-то травит. А по-английски название этой книги звучит гораздо мягче: «Путеводитель покупателя по химическому лабиринту». Ясно, что вокруг нас масса химии. Но и это тоже недолжный катастрофизм. Данные примеры показывают, что некоторые слова или фразы не стоит даже произносить, поскольку они приносят тревогу, а иногда и панический страх, мешающие нам спокойно жить.

В высшей школе тоже немало проблем, связанных с глобализационными процессами.

Ю. С. ДАВЫДОВ¹: — Дорогие коллеги, то, о чем говорил Николай Дмитриевич, как мне представляется, может быть положено в основу нашей дискуссии, которую я и начну. Хотел бы выразить несогласие с Николаем Дмитриевичем в том, что процессу

¹ Президент Пятигорского государственного лингвистического университета, академик РАО, доктор экономических наук, профессор.

глобализации всего лишь полсотни лет. Глобализация как процесс взаимопроникновения, взаимовлияния и взаимозависимости стран, народов и культур — явление, на наш взгляд, столь же давнее, как и история самого человечества. Распространение основных религий, например, яркое тому подтверждение.

Однако в настоящее время в связи с развитием новых информационных и коммуникационных технологий, охватывающих все стороны жизни общества, этот процесс, по сравнению с предыдущими веками, несоизмеримо ускорился. Из «диалога» цивилизаций он все больше превращается в «монолог», а уж если быть точным — в подчинение всего остального мира одной, претендующей на монополию, англо-американской цивилизацией. Собственно попытки, и небезуспешные, англо-американской «цивилизации» (понимаемой как совокупность интегрального единства политики, экономики, идеологии и культуры) занять господствующее положение в мире и вызывают ту волну антиглобализма, которая катится по миру. При этом глобализация в большинстве случаев сводится к интеграции в экономике, имеющей следствием формирование новой системы экономических отношений, не привязанных к определенной национальной территории, и уходящей от контроля национальных властей.

В действительности глобализация — всепроникающий процесс. Это не только «единая валюта, банки и экономика». Как отмечено в «Совместной декларации по гармонизации архитектуры европейской системы ВПО» (Сорбонна, 1998), это и единое «открытое европейское пространство ВПО». Цель его создания (это подчеркивается уже в Болонской декларации 1999 г.) — увеличение «международной конкурентоспособности европейской системы ВПО». «Мы должны быть уверены, — говорится в Декларации, — что европейская система ВПО приобретает всемирный уровень притяжения, соответствующий экстраординарным культурным и научным традициям».

Антиглобализм в настоящее время выступает как антиамериканизм. Если подойти с этих позиций, то можно даже сказать, что документы Болонского процесса, в определенной, конечно, мере, — это антиамериканское выступление в области образования. Если цель будет достигнута (добиться всемирного уровня притяжения), Европа сможет догнать доходность американской системы образования, которая в настоящее время в полтора раза выше европейской¹.

Что может внести в этот процесс российская высшая школа, и какие тенденции в ней наблюдаются?

В 1957 г., после сенсационного для мира прорыва СССР в космос, «отец» американской атомной подводной лодки адмирал Х. Риквер заявил: «Серьезность вызова, брошенного нам Советским Союзом, состоит не в том, что он сильнее нас в военном отношении, а в том, что он угрожает нам своей системой образования». Это явилось, на наш взгляд, осознанием в США особой значимости образования как фактора национальной безопасности. И если перед Второй мировой войной едва ли 5 % молодых американцев получали образование даже в коллед-

жах, то теперь в учебных заведениях послесреднего уровня учится более 80 % американцев в возрасте, соответствующем данной ступени обучения².

В 2001/02 учебном году в США в бакалавриате, магистратуре и аспирантуре обучалось 14,5 млн студентов³. В России в это время было 5,9 млн студентов. Из этого следует, что Россия отставала от США по удельному весу студентов в общем количестве населения примерно в 1,2 раза, а следовательно, и в показателе потенциальной конкуренции. В последние годы Россия и США по этому показателю примерно сравнялись. Но далее стали происходить удивительные вещи. В 2005–2007 гг. вместо наращивания приема в государственные вузы, укрепления показателей потенциальной конкуренции был взят курс на сокращение контрольных цифр приема в государственные вузы. И прием за три года уменьшился на 14,1 %, что вряд ли можно считать правомерным⁴. И уж совсем трудно согласиться с тем, что при расчетах будущего предполагаемого нормативно-подушевого финансирования вузов на основе нынешних расходных обязательств РФ в сфере образования разработчиками закладываются затраты на подготовку специалиста всего в размере 714 долл. и магистра — в размере 1310 долл.

Заметим, что в США еще в 2003 г. затраты на одного студента вуза составляли около 9600 долл. В Дании они достигли 24 200 долл.⁵

Если учесть, что в России в настоящее время только 21 % населения имеет ВПО, а экономика знаний требует их, как минимум, в два раза больше, следует признать совершенно правомерными сетования на то, что у нас слишком много людей с высшим образованием.

В настоящее время в России вхождение в Болонский процесс сводится к переходу на многоуровневую подготовку, введению системы зачетных единиц и нового приложения к диплому, в то время как красной нитью через все документы Болонского процесса проводится мысль, что прежде всего это «отношение к образованию как общественному благу и общественной ответственности» (Берлин, 2003), что это система мер по обеспечению доступности ВПО для всех.

Закон о переходе к многоуровневому образованию в России принят, а вот к разработке системы мер по обеспечению доступности ВПО даже не приступили.

Подход к образованию как общественному благу означает, что оно должно быть доступным, бесплатным на протяжении всей жизни человека. Это обязательство России как правопреемницы СССР, вытекающее из принятых Конвенции по борьбе с дискриминацией в области образования (ЮНЕСКО, 1960) и Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах (ООН, 1966). Согласно ст. 4 Конвенции ЮНЕСКО государства,

² См.: Дерек Бок. Университеты и будущее Америки. М., 1993. С. 11; Россия и страны мира: стат. сб. / Госкомстат России. М., 2000. С. 100.

³ Дмитриев Г. Д. Анатомия американского университета. М., 2005. С. 217.

⁴ Рособразование подводит итоги // Вузовский вестн. 2008. № 5 (53), (март). С. 2.

⁵ Пенкина О. Несметные расходы // Поиск. 2008. № 13 (983), (28 мар.). С. 4; Higher Education in the World. 2006. The Financing of Universities. L., 2005. P. 310–312.

¹ См.: Загородняя Е. Процесс пошел: Болонскому процессу в России быть! Или казаться! // Инновации в образовании. 2008. № 2. С. 114.

являющиеся сторонами этой Конвенции, «обязуются... разрабатывать, развивать и проводить в жизнь общегосударственную политику... для осуществления равенства возможностей и отношений в области образования и, в частности... сделать ВПО доступным для всех на основе полного равенства и в зависимости от способностей каждого».

Международный пакт ООН в п. 2 (с) ст. 13 предусматривает, что «высшее образование должно быть сделано одинаково доступным для всех на основе способностей каждого путем принятия всех необходимых мер и, в частности, постепенного введения бесплатного образования».

В связи с принятием Болонской декларации Конфедерацией Союза европейских университетов и Ассоциацией ректоров Евросоюза (CRE) были подготовлены пояснения, которые заслуживают отдельного рассмотрения. В них отмечается: «Болонская декларация не является реформой, навязываемой правительствам или учреждениям высшего образования... Болонский процесс направлен на сближение, а не на “стандартизацию” или “унификацию” ВПО в Европе. Проявляется глубокое уважение к основополагающим принципам автономности и многообразия».

Следовательно, Россия может и должна входить в Болонский процесс, не разрушая своего образования, а развивая его, учитывая свою самобытность. Как говорил на VII съезде ректоров России В. А. Садовничий, «противников интеграции системы образования России в международное образовательное пространство нет. Но есть разница в подходах к ее осуществлению». И далее следует ключевая фраза, с которой, на мой взгляд, нельзя не согласиться: «Это процесс двусторонний. Мы можем не менее настойчиво предлагать партнерам на вооружение наш опыт. Мы должны защищать интересы системы образования России».

В соответствии с принятыми в 2007 г. дополнениями в закон, переход на многоуровневую подготовку становится обязательным. При этом предполагается, что подготовка бакалавров и магистров будет осуществляться в пропорции примерно 4:1. А это значит, что за основу, практически, взято их соотношение в США (6:1).

Таким образом, Государственная Дума и Министерство образования и науки РФ восприняли документы Болонского процесса не как рекомендации, а как обязательную к исполнению программу действий, что, на наш взгляд, противоречит Болонской декларации, подчеркивающей необходимость «полного уважения к разносторонним культурам, языкам, национальным системам образования и университетской автономии».

Нужно заметить, что до настоящего времени в образовательном сообществе Европы «модель» 3–5–8 (бакалавр–магистр–доктор), на которой действительно основываются все рекомендации Болонского процесса, вовсе не является общепризнанной. ВПО базируется, главным образом, на одноуровневой системе в Австрии, Бельгии, Германии, Греции, Нидерландах. В Англии ступени бакалавриата и магистратуры проходятся за $3 + 1 = 4$ года, что противоречит болонским требованиям и общей продолжительности срока обучения для получения магистра — не менее 5 лет.

Большинство ведущих университетов Германии попросту ввели две параллельные системы обучения: одну — с классическим дипломом и другую — на степени бакалавра и магистра. Также немцы не собираются отказываться и от габилитации (можно перевести как «высшая докторантура», которая структурно соответствует отечественной докторантуре), не предусмотренной Болонской декларацией.

Как считает Х.-П. Бруххойзер, профессор Университета им. Отто фон Герике (Германия), необходимо предоставить студентам «возможность самостоятельного выбора заключительного этапа образования, которая позволит им самим планировать свою будущую профессиональную биографию и повлиять на свое развитие как специалиста». По его мнению, «перед тем, как начинать нововведения, следовало бы произвести генеральную оценку того, от чего при этом приходится отказываться»¹.

Заставляют задуматься о будущем нашей высшей школы и предпочтения населения, имеющие место в настоящее время.

Подготовка бакалавров и магистров в современной России началась 15 лет назад. Она оказалась привлекательной для 12,5 % выпускников вузов в 2000 г., в том числе для 11,5 % бакалавров и 1,3 % магистров. Но уже к 2005 г. количество таких выпускников сократилось до 8,26 %. В негосударственных вузах программы подготовки бакалавров и магистров к 2000 г. освоили 39,85 % выпускников. Но в 2005-м — только 18,2 %².

Вывод: переход к обязательной многоуровневой подготовке уже с 2009 г. не должен быть поспешным.

Считаю, что введение в России многоуровневой системы правомерно, поскольку это дает возможность студенту более верно определить траекторию своего последующего образования, однако бакалавриат не должен рассматриваться как законченная профессиональная подготовка.

Да, правительства стран Западной Европы «за» подготовку бакалавров-профессионалов за 3–4 года. Они озабочены большими затратами на доступное для всех ВПО и исходят, очевидно, из того, что каждый пятый житель их стран — иммигрант.

А вот представители университетов их стран другого мнения. На встрече в 2001 г. в Саламанке представителей более 300 европейских вузов отмечено, что степень бакалавра должна быть «главным образом... подготовительной ступенью дальнейшего обучения на послестепенном уровне».

Соглашаясь с этой точкой зрения, считаем, что подготовка бакалавра должна быть главным образом методологической. Ее целью является научить человека учиться всю его последующую жизнь, привить навыки профессиональной мобильности, как этого требует современная экономика знаний. Причем эта методологическая подготовка должна быть фундаментальной, что всегда отличало российскую высшую школу. Это подготовка перехода страны к общему ВПО, каким был в свое время переход ко всеобщему начальному, а затем полному среднему образованию.

¹ Бруххойзер Х.-П. О ходе Болонского процесса в университетах Германии // Гуманизация образования. М., 2008. С. 19, 21.

² Российский статистический ежегодник. 2007 / Росстат. М., 2007. С. 266.

Очень важно и следующее. Университетское образование всегда рассматривалось как введение студентов в научную деятельность. Обучение и научно-исследовательская работа студентов — это основа качественной подготовки специалистов. Сведение подготовки бакалавра к исполнительской практической деятельности, ориентация его на получение только практических знаний и навыков явится отступлением от традиций российской высшей школы и сможет привести только к подрыву инновационной базы развития России.

В заключение отмечу следующее. В Лондоне 17–18 мая 2007 г. была проведена очередная, пятая, встреча министров образования стран — участниц Болонского процесса. На встрече среди проблем Болонского процесса на первом месте были названы вопросы финансирования вузов, налоговых льгот. Как заявил Родерик Флауд, вице-президент Европейской ассоциации вузов, которому было поручено подведение итогов дискуссий, пока ситуация с финансированием образования и науки в Европе не будет исправлена, «все разговоры о Европе как лидере в науке беспочвенны или, как говорят у нас в Британии, просто сотрясение воздуха». Он отметил, что самый высокий уровень финансовых трат европейских вузов соответствует лишь 60-му месту в американских университетах¹.

В России в 2005–2008 гг. расходы федерального бюджета почти удваиваются: со 160,5 млрд руб. в 2005 г. до 308 млрд руб. в 2008-м. Но затем они резко падают. На 2009 г. рост запланирован в размере 1 %. В 2010-м расходы на образование, если учесть инфляцию, не возрастут, а сократятся. Уменьшатся в реальном выражении ассигнования из федерального бюджета на все виды профессионального образования, молодежную политику и оздоровление детей, прикладные научные исследования в области образования.

Россия в настоящее время расходует на образование 3,5 % валового внутреннего продукта, против 7 % в развитых странах. Она вдвое отстает по этому показателю в расходах на ВПО от США, вчетверо — от Дании и почти втрое — от Украины.

Невольно приходит мысль: не явятся ли и у нас все решения о вхождении в Болонский процесс таким же сотрясением воздуха, о котором говорилось на пятой встрече министров образования участников Болонского процесса в Лондоне?

Н. Д. НИКАНДРОВ: — Когда Юрий Степанович говорил о том, что сейчас студентов в России стало значительно больше, это верно. Но все-таки не могу не вспомнить, что на момент распада СССР у нас было 5 млн 100 тыс. студентов. Действительно, в современной России, население которой примерно в два раза меньше, чем СССР, студентов высших школ гораздо больше — более 6 млн чел. Если же сравнивать с Западом, то в США тогда было 13 млн студентов. Мы должны иметь в виду, что они-то включали в свою статистику всех студентов ВПО, считая бакалавров с 4-летним в среднем сроком обучения. Для нас студент высшей школы только тогда специалист, когда он отучился пять лет. Это

сравнение очень важно. Сейчас мы на данную статистику можем посмотреть по-другому. Поскольку теперь у нас тоже в составе ВПО будет считаться и бакалавриат с 3–4-летним сроком обучения. Тогда, конечно, мы окажемся впереди планеты всей. Но мы должны понимать, что это все же не ВПО в том понимании, которое было у нас когда-то.

И. А. ЗИМНЯЯ²: — Как диалог культур и воспитание человека в общей культуре могут соотноситься с теми задачами, которые сейчас стоят в рамках формирования общего европейского пространства? Как ставится задача формирования компетентности? Я бы хотела предложить следующую постановку вопроса.

Если говорить о диалоге культур, что ранее уже прозвучало, то, как известно, культура сама по себе — это определенная действительность, которая хранится, существует в объектах. Об этом Дмитрий Сергеевич Лихачев много писал в своих работах. И культура мертва, пока она актуализируется людьми, которые ее «распредмечивают», воспроизводят. Дмитрию Сергеевичу принадлежит очень интересная мысль: именно образование есть тот социальный институт, который способен не только «распредмечивать» культуру, но и воспроизводить ее и вести дальше. Соответственно, если мы займем такую позицию, при которой именно люди являются теми, кто ее воспроизводит, актуализирует, преумножает, то возникает ситуация, выявляющая, что они относятся к этой культуре. Воспроизведут одну метафоричную мысль В. П. Зинченко: «Человек может находиться в культуре и оставаться вне ее, может быть таким пустым местом, как для него культура, то есть смотреть на нее невидящими глазами, проходить сквозь нее, как сквозь пустоту, не запачкавшись и не оставив в ней своих следов».

Мне кажется, очень хорошо сказано про ситуацию, которой не должно быть, если образование ответственно за формирование культуры. Сегодня большая группа исследователей работает над тем, как представить культуру.

Ориентация российского образования на общекультурное развитие обучающихся, как известно, исторически является одной из его приоритетных позиций. Она находит отражение и в тексте Закона РФ «Об образовании» (ред. 2002 г.), где отмечено, что «общеобразовательные программы направлены на решение задач формирования общей культуры личности, адаптации личности к жизни в отечестве...»³. Профессиональные образовательные программы также, хотя и имплицитно, направлены на последовательное повышение ранее сформированного общекультурного уровня. Другими словами, задача формирования общей культуры и ее упрочивания является общей для всей системы российского образования. Это его непреходящая ценность.

В предложенном в 1995 г. проекте Декларации прав культуры подчеркивается, что «культура является *определяющим условием* реализации созидательного потенциала личности и общества,

¹ Итоги Лондонской конференции министров образования европейских стран // Вопросы образования. 2007. № 2. С. 16–17.

² Заведующая сектором Исследовательского центра проблем качества подготовки специалистов (Москва), академик РАО, доктор психологических наук, профессор.

³ Закон РФ «Об образовании». М., 2002.

формой утверждения самобытности народа и основой духовного здоровья нации, *гуманистическим ориентиром и критерием развития человека и цивилизаций*¹.

Определение феноменологии культуры «...как совокупности ценностей, норм, идеалов, характерных для социальной общности (этноса, нации, общества), зафиксированных и закрепленных в текстах, преданиях, обычаях, традициях и обеспечивающих смысл существования человека и общества»². Это ее общая социальная характеристика. Для ее собственно психологического толкования необходимо «включение» самого человека как субъекта культуры, как субъекта ее присвоения и развития. В силу этого в вышеприведенное определение культуры необходимо добавить, что это «совокупность ценностей, норм и идеалов...», *присвоенная и используемая человеком в процессе его активной жизнедеятельности и во взаимодействии с другими людьми*. При этом большинством исследователей культуры отмечается активная, деятельностная сущность присвоения этой «совокупности» человеком в процессах ее опредмечивания и распределения, что осуществляется целенаправленно в процессе образования.

В последнее десятилетие во всем мире, и в России в том числе, требования к результатам общего и особенно высшего профессионального образования в силу целого ряда причин формулируются в терминах «компетенция», «компетентность»³.

Проведенное исследование этой проблемы⁴ позволяет полагать, что в результате образования у человека должно быть сформировано некоторое *целостное социально-профессиональное качество*, позволяющее ему успешно выполнять производственные задачи, взаимодействовать с другими людьми. Это качество может быть определено как *единая, целостная социально-профессиональная компетентность*.

В общем корпусе целостной социально-профессиональной компетентности выделяются интеллектуально-личностная предпосылочная база, которая развивается на каждой образовательной ступени на основе того, что было развито на предыдущей, и основная часть, которая *формируется* в образовательном процессе применительно к специфике и задачам получаемой профессии. В нее входят собственно социальные и профессиональные компетентности, каждая из которых представляет собой множество с целой номенклатурой подмножеств.

Содержание общей культуры человека, включающей внутреннюю культуру, образованность как освоенность знаний и социально-профессиональную

¹ Декларация прав культуры. СПб., 1996.

² Запесоцкий А. С. Образование, философия, культурология, политика. М., 2002.

³ См.: Байденко В. И. Компетенции в профессиональном образовании (к освоению компетентностного подхода) // Высшее образование в России. 2004. № 11. С. 98–101; Болотов В. А., Сериков В. В. Компетентностная модель: от идеи к образовательной программе // Педагогика. 2003. № 10. С. 8–14; Зимняя И. А. Ключевые компетенции — новая парадигма результата образования // Высшее образование сегодня. 2003. № 5. С. 34–42; Стратегия модернизации содержания общего образования: материалы для разработки документов по обновлению общего образования. М., 2001.

⁴ Зимняя И. А. Общая культура и социально-профессиональная компетентность человека // Высшее образование сегодня. 2005. № 11. С. 14–20.

компетентность, позволяет дать их сопоставительное определение. Общая культура человека — это *способ его социальной жизнедеятельности, социального бытия, выявляющий всю совокупность присвоенных им знаний, ценностей, традиций в процессе и результате их «распредмечивания» и последующего «опредмечивания» и проявляющийся во всех формах его поведения*. Единая социально-профессиональная компетентность — это сформированное на основе общей культуры человека его личностное качество, обеспечивающее возможность решения социально-профессиональных задач адекватно возникающим штатным и нештатным ситуациям. При этом каждая входящая в единую социально-профессиональную компетентность парциальная социальная компетентность проявляет весь потенциал общей культуры человека. Другими словами, если общая культура человека — это социально-детерминированный способ его жизнедеятельности, то социально-профессиональная компетентность есть проекция этого способа на определенную сферу, область деятельности.

Если, по В. П. Зинченко, «сила культуры в ее преемственности, в непрерывности ее внутреннего существования и развития, в ее порождающих и творческих возможностях»⁵, то совершенно понятно, что обеспечить такую преемственность культуры в обществе в значительной мере должно именно образование и особенно ВПО, первостепенные задачи которого — формирование социально-профессиональной компетентности — не должны исключать и постоянного развития и упрочивания общей культуры обучающегося.

Г. Е. ЗБОРОВСКИЙ⁶: — Я хотел бы обратить ваше внимание на проблему диалога, которая является общей темой конференции, и плотнее связать ее с ВПО. В рамках изучения диалога культур и партнерства цивилизаций существенное значение приобретает анализ ВПО как одного из феноменов этого диалога. Собственно, само ВПО России может быть представлено как диалог, имеющий многочисленные и разнообразные формы своего проявления. Удачным подходом для исследования этого диалога может быть его социологическое рассмотрение.

Социологический подход к анализу ВПО предполагает разбор его системных характеристик различного уровня. Это означает возможность трактовки ВПО как диалога. Внутренними формами такого диалога являются взаимодействия: основных социальных общностей, различных образовательных учреждений, в том числе с учетом многочисленных структур внутри них, учебной, научной и воспитательной деятельности, педагогических технологий и методических стратегий, научных разработок и их внедрений и т. д.

Внешние формы диалога ВПО предполагают наличие взаимодействий: с иными образовательными системами и подсистемами, социальными институтами. Важной внешней формой диалога является «разговор» ВПО разных стран друг с другом. Применительно к России это означает включенность

⁵ Зинченко В. П. Живое знание. Самара, 1998.

⁶ Декан социологического факультета, заведующий кафедрой социологии Уральского социально-гуманитарного университета (Екатеринбург), доктор философских наук, профессор.

отечественного высшего образования в Болонский процесс во всех аспектах: содержательном, организационном, формальном, фактическом и др.

Стороны, участвующие в диалоге ВПО, взаимодействуют друг с другом в различных режимах. От того, какой из них преобладает, зависят эффективность и качество образовательного процесса, удовлетворенность им взаимодействующих субъектов и сторон диалога.

С позиций социологического подхода к ВПО рассмотрение его внутренних диалогов убеждает, что их доминантой является взаимодействие социальных общностей преподавателей и студентов. Такой вывод мы делаем на основании анализа ряда исследований в высшей школе. Что касается доминанты внешних диалогов ВПО, то в таком качестве, по всей видимости, могут выступать его взаимодействия с другими социальными институтами. По крайней мере, именно от них в значительной степени зависят сегодня условия, обеспечивающие успешность функционирования ВПО.

Рассмотрение ВПО как диалога требует использования не только системного и институционального, но и социокультурного и социокоммуникативного подходов, а это значит, что для исследования поставленной проблемы необходимо применить достижения различных направлений социальной мысли, в том числе символического интеракционизма, семантики, семиотики, социолингвистики и др. Существенное значение для анализа ВПО как диалога приобретают понятия языка, письменного текста, информации как средств коммуникации, которые выступают необходимыми предпосылками выработки определенного социокода, содержащего объяснение способа трансляции накопленных знаний и опыта.

Постановка теоретической проблемы ВПО как диалога позволяет поставить вопрос об операционализации этого понятия и проведения специального конкретного исследования с целью выявления характера этого диалога и его восприятия различными участниками (субъектами) образовательного процесса в вузе. Ведь диалог прежде всего предполагает наличие его равных партнеров, сотрудничающих между собой для достижения общей цели. Какова степень реализации этого важного (а может быть, важнейшего) условия диалога, причем в рамках как его внутренних, так и внешних форм? Ответа на поставленный вопрос пока нет. Не будем забывать, что от этого зависят и многие стороны международного сотрудничества в области ВПО.

Отсюда следует, что диалог ВПО может стать проблемой кросскультурных исследований. Для России, переживающей серьезные трудности освоения пространства Болонского процесса, такие исследования были бы весьма актуальными, поскольку известно скептическое отношение к нему в обществе. Не секрет также, что и в Западной Европе не всюду и не во всем существует позитивное отношение к этому процессу. Следовательно, кросскультурные исследования ВПО как диалога могли бы быть полезными и за рубежами нашей страны.

Поэтому действительно должен был бы быть диалог между различными социальными институтами, в какой объективно вовлечена система ВПО. И наконец, еще одна форма внешнего диалога,

о которой сегодня уже говорилось, — это диалог между системами ВПО нашей страны и других стран. И, кстати, в рамках других стран — тоже, мы ведь прекрасно знаем, что Болонский процесс принимают далеко не все высшие учебные заведения зарубежных стран.

Отечественная социология образования добила значительных результатов в изучении высшей школы, предложив укрупненные тематизированные направления ее исследования. Еще одним таким направлением может стать теоретический и эмпирический анализ ВПО как диалога, что будет способствовать, по нашему мнению, обогащению социологии образования в целом. Такой анализ позволит расширить границы традиционного видения процессов в высшей школе и обнаружить новые связи и взаимодействия как во внутренних, так и во внешних проявлениях различных форм диалога. Я думаю, что мы можем внести свой вклад, исследовав эти проблемы и придя к каким-то выводам.

В. В. КРАЕВСКИЙ¹: — Я хотел бы продолжить тему диалога культур с точки зрения его педагогических аспектов. Идея диалога культур приобретает в современных условиях особое значение как средство взаимопонимания индивидов и этносов, как фундамент построения и развития межличностных, межэтнических и межнациональных отношений. Это — средство осуществления коммуникационных связей, условие взаимопонимания людей. «Диалогические отношения — это почти универсальное явление, пронизывающее всю человеческую речь и все отношения и проявления человеческой жизни, вообще все, что имеет смысл и значение... Где начинается сознание, там начинается и диалог»². Диалог может быть формой религиозно-философской мысли и духовного откровения: «В глубинной идее диалога культур формируется новая культура общения. Мышление и бытие другого человека не только углублено в каждом из нас, оно — это иное мышление, иное сознание, внутренне насущное для нашего бытия»³.

Понятно, что концепция диалога культур не может не найти отражения в сфере образования как процесса целенаправленной социализации человека. Ориентиром могут служить три позиции, выдвигаемые В. С. Библером в его характеристике диалога культур, — это «диалог логик», «диалог внутренней и внешней речи» и «диалог голосов». Диалог логик отражает объективное знание на уровне мышления. Диалог внутренней и внешней речи отражает постановку изучаемой проблемы в вопросной форме. Диалог голосов — основа сопряжения культур, являющаяся нравственным началом.

Однако философские, культурологические или психологические концепции оказывают влияние на образование не прямо, не непосредственно: они преломляются через призму специфики специальной науки об образовании — педагогики, ее предмета.

¹ Ведущий научный сотрудник Института управления образованием РАО (Москва), академик РАО, доктор педагогических наук, профессор.

² Никитин В. От диалога конфессий к диалогу культур // Русская мысль. Париж, 2000. 3–9 февр.

³ Вострякова Ю. В. Проблемы познания в диалоговом пространстве современной культуры // Философско-методологические проблемы науки и техники. Самара, 1998. С. 78–81.

Иначе и быть не может, если учесть плюрализм трактовок главных составляющих обозначенного феномена, какими являются категории «культура» и «диалог». Если предстоит сделать выбор из множества на первый взгляд равноценных определений, он должен учитывать специфику задачи, которая решается с помощью данного определения. Задачи образовательной деятельности и педагогической науки — особые, и они детерминируют трактовку упомянутых категорий, которая излагается в дальнейшем.

Важнейшим условием не только диалога культур, но и сотрудничества представителей разных сфер науки и социальной практики является наличие такого «общего знаменателя», который позволил бы участникам диалога если не прийти сразу же к консенсусу, то, по крайней мере, понимать друг друга, что на практике не всегда оказывается возможным. Диалог предполагает общность пространства и времени, сопереживания — с целью понять собеседника, найти с ним общий язык. Диалог, по М. Бахтину, это «взаимопонимание участвующих в этом процессе и в то же время сохранение своего мнения, сохранение дистанции (своего места)»¹.

Непеременным условием взаимопонимания является, во-первых, лингвистическая (терминологическая) однозначность; во-вторых, концептуально-аксиологическое основание диалога, предполагающее принятие участниками диалога основных ценностных ориентиров. Ценности возникают в контексте человеческой культуры, но не сводятся к ней и тем более не остаются «привязанными» к какой-либо социальной группе, нации или этносу. *Фундаментальные ценности выступают как общечеловеческие, принадлежащие культуре в целом, и лишь принимают различные, в том числе и извращенные, отрицающие их самих формы при их реализации в конкретных условиях.*

Разработанная в рамках педагогической теории культурологическая концепция содержания образования предлагает однозначное (в рамках педагогики) понимание культуры как социального опыта, который педагогически адаптируется применительно к образовательной сфере. Ее аксиологический фундамент — обращение к общечеловеческим ценностям. В соответствии с этой концепцией содержание образования, изоморфное социальному опыту, состоит из четырех главных системообразующих элементов: *опыта познавательной деятельности, фиксированной в форме ее результатов — знаний; опыта осуществления известных способов деятельности — в форме умений действовать по образцу; опыта творческой деятельности — в форме умений принимать нестандартные решения в проблемных ситуациях; опыта осуществления эмоционально-ценностных отношений — в форме личностных ориентаций.*

Легко видеть, что содержание образования, понимаемое таким образом, предполагает наличие внутреннего диалога, без которого невозможно приобщение участников образовательного процесса к опыту творческой деятельности и эмоционально-ценностных отношений. Кроме того, трансформация объективированной культуры в форме

социального опыта в ее субъективированную форму — личный опыт формирует у обучаемого качества личности, позволяющие ему полноценно участвовать в жизни поликультурного общества таким образом, чтобы он стал участником перманентного процесса межкультурной коммуникации.

Эти качества личности могут быть представлены так. По-настоящему образованный человек способен к сопереживанию, готов к свободному гуманистически ориентированному выбору, индивидуальному интеллектуальному усилию и самостоятельному, компетентному и ответственному действию в политической, экономической, профессиональной и культурной жизни. Он уважает себя и других, терпим к представителям других культур и национальностей, независим в суждениях и открыт для иного мнения и неожиданной мысли, может не только действовать внутри наличной социальной структуры, но и изменять ее.

Именно эти качества характеризуют человека, толерантного по отношению к представителям других взглядов, иной национальной, государственной или религиозной принадлежности.

Что касается перспектив партнерства цивилизаций, сам термин не очень ясен и по имеющимся на сегодня сообщениям допускает разные трактовки. По словам главы Центра «Партнерство цивилизаций» В. В. Попова, главной задачей этой организации будет создание новой концепции миропорядка как альтернативы нынешней жесткой конфронтации Запада с исламским миром. Таким образом, предлагается позиция, носящая внешнеполитический характер, и Российская Федерация, предположительно, становится посредником между двумя сторонами, не примыкая ни к одной из них. Однако можно понимать задачи такого партнерства иначе. По другому поводу руководитель Центра говорил об углублении контактов между Россией и арабомусульманским миром. Вице-президент Фонда Андрея Первозванного М. И. Якушев считает, что мусульманский мир был и остается стратегическим партнером России. Об углублении контактов России и исламского мира говорили также и другие участники открытия Центра «Партнерство цивилизаций», состоявшегося 29 мая 2007 г. в Московском государственном институте международных отношений.

Если имеется в виду собственно научный аспект концепции, акценты расставляются по-другому. В. В. Попов так определил две основные цели возглавляемого им Центра. Первая — выработка всего того, что подразумевается под словом «общее», то есть общие для большинства стран Востока и Запада законы общественной жизни, в том числе правила поведения, мировоззрения, перспективы взаимоотношений и др. Вторая — разработка новых принципов взаимодействия для быстрейшего преодоления эскалации напряженности и конфликтов во всем мире.

Такая постановка проблемы соответствует, скорее, стадияльной, чем локальной трактовке понятия «цивилизация». Согласно А. Фергюсону, Л. Г. Моргану, Ф. Энгельсу и другим, цивилизация — стадия, или ступень, общественного развития материальной и духовной культуры, связанная с разделением труда, рационализацией производства, потребления

¹ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1986.

и распределения, формированием гражданского общества; некая совокупность материальных и духовных ценностей, выражающая определенный уровень исторического развития данного общества и человека. В краткой форме содержание понятия выражено в следующем суждении Фергюсона, датированном 1767 г.: «Не только индивид продвигается вперед от детства к зрелому возрасту, но и сам род людской — от первобытности (*rudeness*) к цивилизации»¹. Это, можно сказать, «цивилизация в единственном числе». Локальное значение понятия «цивилизация» (во множественном числе) сводит его к локальным разновидностям культуры: древнеегипетской, китайской, европейской и т. д. Западная и исламская цивилизации стоят в этом ряду. В данном случае слово «цивилизация» синонимично слову «культура», что отражает генезис соответствующих понятий. Еще в словаре Брокгауза и Эфрона отмечалось, что «к нам употребление термина “культура” перешло из немецкой научной литературы; у французов и англичан вместо слова “культура” употребляется слово “цивилизация”».

Если придерживаться приведенных выше определений и трактовок, можно с достаточным основанием утверждать, что под партнерством цивилизаций следует понимать с научных позиций именно то взаимодействие культур, которое выступает в форме их диалога. Если же под цивилизацией понимать ступень общественного развития, связанную с формированием гражданского общества, то более конкретно выступит задача выявления *того общего* для большинства стран Востока и Запада, о котором говорил В. Попов. В этом случае диалог культур между Западом и Востоком приведет к их действительному партнерству в достижении высшего уровня развития, иными словами, к слиянию двух великих цивилизаций Востока и Запада, которое предвещал еще в начале прошлого века один из самых известных его сторонников Рейхани ар-Рейхани. Такое соединение возможно на основе «общего знаменателя», который может быть сформирован на базе общечеловеческих ценностей и в контексте гражданского общества — общества с развитыми экономическими, культурными, правовыми и политическими отношениями между его членами, которые способствуют образованию обратных связей между обществом и государством. Формирование такого общества, по приведенному выше определению, является специфической характеристикой цивилизационного процесса.

Дальнейшее прояснение вопроса требует еще более широкого подхода к различению стадийного и локального значений понятия «цивилизация». Дело в том, что возможны два способа рассмотрения локальных цивилизаций — синхронный и диахронный. *Синхронный* предполагает одновременное существование культур, в которых представлены локальные цивилизации. В этом случае можно говорить об их взаимодействии или о конфронтации. Другой способ анализа — *диахронный* — представляет локальные цивилизации в динамике их развития, как сменяющие друг друга и передающие от одной к другой эстафету на разных

этапах всемирно-исторического цивилизационного процесса. В этом случае локальное приобретает характеристики стадийного. Поэтому различение двух значений рассматриваемого понятия вряд ли следует считать абсолютным.

По-видимому, картина была бы неполной без упоминания в связи со всем изложенным о все более выходящей на первый план глобализации как особой фазе международных отношений, которая, на наш взгляд, неправомерно сводится к возрастанию экономической взаимозависимости стран. Нередко забывают упомянуть о культурном аспекте глобализации, который предстает как завершающая стадия непреодолимого цивилизационного процесса. Ясное понимание различий и единства экономического, социального и культурного факторов расширения глобализации помогло бы преодолеть ее очевидные, вызывающие протест издержки. В сфере образования к ним относится, например, утверждение приоритета принципа информатизации по отношению к главному принципу — гуманизации образования. Информатизация не должна вести к сокращению возможностей простого человеческого общения за счет увеличения доли и роли обезличенной информации в школьной жизни детей.

В заключение следует сказать, что неправильно было бы сводить дело к уточнению дефиниций. Предстоит не лингвистический выбор, а исторический. Вопрос ставится так: партнерство — это совместное участие в диалоге культур в поисках *общего для них* в движении к новому уровню цивилизации или же поддержка конфронтации Запада и Востока с позиции посредника, фактически примыкающего к одной из сторон? Понятно, что от ответа на этот вопрос зависит многое, и, может быть, в первую очередь — определение целей образования в нашей стране, формы их отражения в педагогической науке и способы воплощения в педагогической практике.

А. М. НОВИКОВ²: — Сегодняшнее расслоение российского общества на бедных и богатых — явление, конечно, печальное, но временное. Дальше расслоение общества может пойти и уже фактически идет по другому вектору, гораздо более страшному и опасному. И впервые в истории ответственность за это целиком ложится на систему образования.

Россия активно входит в мировое сообщество и в новую — постиндустриальную эпоху существования человечества. В этих условиях с российским образованием складывается весьма опасная ситуация, угрожающая в том числе национальной безопасности страны. А причина этого заключается в том, что значительная часть государственного аппарата России пытается скопировать для нашей страны *западные модели*, в том числе и в сфере образования. Но это весьма опасная тенденция.

Рассмотрим, как происходит в современных условиях разделение общества на классы и какова здесь роль *системы образования*. Существенно меняется *положение человека по отношению к материальному и духовному производству*. Самой драматической является динамика взлета и падения класса промышленных рабочих. Со времен

¹ Ferguson A. An essay on the history of civil society, 1767. Edinburgh, 1978.

² Руководитель Центра проблем непрерывного образования Института теории и истории педагогики РАО (Москва), академик РАО, доктор педагогических наук, профессор.

К. Маркса и Ф. Энгельса доля промышленных рабочих в общей численности занятого населения постоянно возрастала до 1950-х гг., когда они составили более 50 % и во всех развитых некоммунистических странах превратились в доминирующую политическую силу. Но с начала 1970-х гг. промышленные рабочие стали резко сдавать свои позиции и в настоящее время составляют всего около 20 % занятого населения в США и Европе, а по прогнозам вскоре их доля вообще упадет до 5–10 % рабочей силы.

Аналогичная судьба постигла и сельскохозяйственных работников, которые, к примеру, в США в начале XX в. составляли 50 % работающих, а сегодня — менее 3 %, причем по прогнозам через 15 лет их число сократится вдвое.

Таким образом «синие воротнички» из ведущей экономической и политической силы общества в развитых странах Запада стремительно превращаются в низшие слои общества, которые по уровню образования не могут конкурировать с другими людьми и начинают создавать для общества определенные проблемы с обеспечением их работой, средствами социальной защиты и т. д. Причем рабочий класс в последние десятилетия не только сократился количественно, но и распался на две группы, одна из которых, меньшая, состоит из высококвалифицированных рабочих, вполне относящихся по доходам и социальному положению к среднему классу. Другая, большая, представляет собой «непролетариат», состоящий либо из людей, занятых на непостоянных работах, либо из тех, *чей уровень образования* остается невостребованным современной организацией труда в связи с внедрением высоких технологий.

Примерно та же участь постигла и класс «капиталистов-эксплуататоров». Если в 1890 г. 12 % наиболее состоятельных граждан США имели в собственности 86 % национального богатства, то сегодня всего совокупного богатства тысячи самых состоятельных людей Америки не хватило бы для работы только одной ее отрасли экономики в течение 2–3 месяцев. Сегодня быть бизнесменом стало непрестижным; компаниями и фирмами, в основном, управляют наемные менеджеры, а основной капитал экономики составляют сбережения граждан и пенсионные фонды.

В то же время стремительно растет другой, новый класс — класс высокообразованных «интеллектуальных служащих» или, как его иначе называют, «класс людей знания». Этот новый класс в США, Японии и ряде других стран уже составляет более половины занятого населения. Таким образом, возникло общество «интеллектуальных служащих», которых нельзя считать ни эксплуатируемыми, ни эксплуататорами. Каждый из них в отдельности не является капиталистом, но коллективно они владеют большей частью капитала своих стран через пенсионные, объединенные фонды и свои сбережения. Являясь подчиненными, они в то же время могут быть руководителями. Они и зависимы и независимы, поскольку прекрасно осведомлены, что знания, которыми они обладают, дают им свободу передвижения — в их услугах, будь то математик, программист, инженер, бухгалтер, секретарь, владеющий навыками работы на компьютере и знающий иностранные языки, нуждаются так или иначе практи-

чески все учреждения и предприятия. Для специалиста-компьютерщика, например, безразлично, где он работает — в университете или универмаге, больнице, правительственном учреждении или на бирже — лишь бы была хорошая зарплата и интересная работа.

А это диаметрально меняет приоритеты — не столько наниматель диктует свои условия интеллектуальному служащему, сколько последний может диктовать условия нанимателю при поступлении на работу. Кроме того, в «верхушку» общества в западных странах попадают менеджеры, врачи и юристы, а также люди творческих профессий, включая профессоров и преподавателей. К среднему классу также относятся высококвалифицированные рабочие.

В то же время в развитых странах Запада стремительно растет так называемый «низший класс» (*англ. underclass*), представители которого не могут найти себе адекватного применения из-за *низкого уровня образования* в условиях экспансии высоких технологий как в материальном, так и в духовном производстве — это работники физического труда, неспособные «вписаться» в высокотехнологичные процессы, представители отмирающих профессий, люди, занятые в примитивных отраслях сферы услуг, временно или постоянно безработные, неквалифицированные иммигранты, матери-одиночки, сироты и выходцы из неполных семей, а также различного рода асоциальные элементы. Особая статья — потомки иммигрантов из развивающихся стран, родившиеся и выросшие в странах Европы. По некоторым оценкам, представители этого «низшего класса» составляют сегодня *не менее трети трудоспособного населения* развитых постиндустриальных стран! Так, свыше 25 млн взрослых американцев относятся к категории функционально неграмотных, 30 % имеют навыки чтения ниже уровня пятого класса.

Таким образом, происходит новое, небывалое ранее в истории расслоение общества на высокообразованную «элигу» и малообразованный «низший класс».

Если в феодальном обществе «путь вверх» обуславливался сословным происхождением, в капиталистическом обществе — материальным благосостоянием родителей, то в нынешнем постиндустриальном обществе он целиком определяется *уровнем образования*.

Становление интеллектуального класса в качестве элиты постиндустриального общества резко подчеркивает грань, отделяющую его от остального социума. Но интеллектуальная элита не является паразитической, а обращает себе на пользу результаты собственного труда, выступающего одновременно залогом прогрессивного развития экономики и общества. При этом в данной группе подавляющее большинство составляют люди, не унаследовавшие, а сами *заработавшие* свое состояние. Более 80 % миллионеров, живущих сегодня в США, вступили в жизнь представителями среднеобеспеченных слоев. *Таким образом, новый высший класс постиндустриального общества, как никогда прежде, является трудящимся классом.*

В то же время «низший класс» в современных условиях становится все больше классом эксплуататоров. Факт, казалось бы, парадоксальный!

Но, обратимся к словарям: «эксплуатация — присвоение продуктов чужого труда». Действительно, чтобы избежать социальных потрясений, государство вынуждено все больше выдавать малоимущим слоям населения социальных пособий, пособий по безработице и иных выплат. А откуда эти средства берутся? Они берутся из налогов, уплачиваемых представителями среднего и высшего классов из своих заработков. Вот это и есть присвоение продуктов труда одних классов другим классом, то есть эксплуатация.

На цели социальной поддержки в США ежегодно направляется около 500 млрд долл., или около 17 % всех расходов федерального бюджета. К этому следует еще добавить расходы многочисленных благотворительных обществ, церковных общин и т. д. Даже для занятого населения, если бы заработная плата была единственным источником доходов работающих американских граждан, то 21 % из них жил бы за чертой бедности, а для пожилых людей эта цифра составляла бы более 50 %!

Но при всем этом представители «низшего класса» все более остро ощущают себя людьми второго сорта, угнетенными, находящимися «на обочине». Ситуация усугубляется еще и тем обстоятельством, что все большее количество людей из слаборазвитых стран Азии, Африки и Латинской Америки устремляется в развитые государства Запада (а также, заметим, и в Россию) в поисках благополучной жизни. Но они опять же пополняют «низший класс», усугубляя ситуацию.

Новое социальное деление может стать более опасным, чем разделенность капиталистического общества на буржуа и пролетариев. Центральный конфликт индустриального общества возникал вокруг распределения материального богатства. Противостояние, основанное на владении собственностью и отстраненности от нее, имело как потенциальные возможности разрешения через ее перераспределение, так и механизм смягчения, основанный на повышении благосостояния обездоленных групп населения. В нынешних же условиях *знания и способности*, составляющие основной ресурс, обеспечивающий рост благосостояния, физически по своей природе *не могут быть ни отчуждены, ни перераспределены*. Поэтому возникающее социальное разделение и сопровождающий его конфликт, очевидно, станут более тяжелыми и сложно разрешимыми, чем социальные проблемы капиталистического общества.

Россия повторяет этот путь. Стремительно растет средний класс, а также интеллектуальная элита. В то же время и увеличивается «низший класс» — количество людей, с одной стороны, не востребованных экономикой из-за недостаточного уровня образования, а с другой — зачастую психологически не готовых к труду в новых условиях. Пополняет «низший класс» растущее число «профессиональных безработных». Как заявляют работники служб занятости, человек, не работавший на протяжении пяти лет, безнадежен для рынка труда. Стремительно пополняют «низший класс» профессиональные нищие, выросшие беспризорники и социальные сироты, мигранты из стран ближнего и дальнего зарубежья и т. д. Всего в России на данный момент времени за чертой бедности живет 31 млн чел. — почти четверть населения страны.

И уже сегодня в России налицо признаки роста классового противостояния: озлобленность, агрессивная зависть, наркомания, алкоголизм, особенно среди молодежи. Деморализация «низшего класса» усиливается воздействием мафиозных структур, которые активно пополняют свои ряды его представителями и извлекают сверхприбыль путем эксплуатации самых низменных инстинктов человека. На представителей «низшего класса» делают свою ставку и темные политические силы, точно так же, как в Германии начала 1930-х гг.

Обратимся теперь непосредственно к российскому образованию. Мы в точности повторяем путь западных образовательных систем, ориентированный на интеллектуальное расслоение общества за счет дифференциации доступности образования. Подавляющее большинство выпускников 11-х классов поступают в вузы, причем в основном по «престижным» специальностям: экономистов, юристов, психологов и тому подобным, образуя массу безработных с высшим образованием. Хотя известна общемировая закономерность — лица с высшим образованием, по крайней мере с высшим гуманитарным образованием, на рабочие должности работать не идут. Непрестижные рабочие места все больше у нас занимают китайцы, вьетнамцы, украинцы, молдаване, азербайджанцы, грузины и т. д. Таким образом, и безработные с высшим образованием, и мигранты стремительно пополняют формирующийся «низший класс».

По данным Всемирного банка, в России школу посещают 90,8 % детей в возрасте от 7 до 14 лет, а в возрастной группе от 15 до 18 лет в образовательных учреждениях всех уровней учится лишь 69,5 % молодежи. А разница — это опять пополнение «низшего класса», ведь человек без общего и профессионального образования в лучшем случае способен лишь к малоквалифицированному труду.

Кроме того, возникают проблемы и с базовым профессиональным образованием. Как показывают социологические исследования, подавляющее большинство работодателей сегодня предпочитают брать на работу высококвалифицированных рабочих на уровне 5–6-го квалификационных разрядов, а ПТУ и лицеи могут готовить рабочих лишь на уровне 3–4-го разрядов. Опять же возникает проблема «квалификационных ножиц» — определенная часть выпускников ПТУ будет пополнять «низший класс». Поэтому сегодня все острее встает вопрос об интеграции начального и среднего профессионального образования — выпускников техникумов и колледжей работодатели берут на работу более охотно из-за их более высокой теоретической подготовки.

В то же время и прием абитуриентов в вузы должен осуществляться не столь прямолинейно, как себе представляют чиновники Минобрнауки РФ: лишь по результатам Единых государственных экзаменов. Казалось бы, такой механизм совершенно демократичен, все вроде бы поставлено в равные условия. Но к чему это приведет? Ведь уровень подготовки московского школьника гораздо выше, чем школьника из какого-нибудь сибирского села — во многих сельских школах зачастую по несколько обязательных предметов вообще не преподаются из-за отсутствия учителей. Поэтому московский

школьник скорее поступит, к примеру, в сельскохозяйственный вуз, хотя работать в деревню никогда не поедет. Возможности школьника из состоятельной семьи подготовиться к сдаче ЕГЭ, конечно, выше (хотя бы за счет репетиторства), чем у его сверстника из бедной семьи. Так что такой «демократический», «равноправный» механизм приема в вузы будет приводить опять же к *социальному расслоению населения*.

Но беда еще и в том, что, как показывают социологические исследования, проводимые во многих странах мира, в том числе и в России, расслоение общества по уровню образования имеет тенденцию становиться *наследственным*. Дети из высокообразованных семей чаще всего становятся высокообразованными людьми, а дети из малообразованных семей чаще всего сами впоследствии становятся малообразованными.

Более привлекателен для России другой путь — путь развития и возвышения *в каждом человеке* духовного и интеллектуального начала при удовлетворении разумных материальных потребностей *всех* людей. Тем более с нашим традиционным российским *общинным* менталитетом «один за всех и все за одного» в нынешних условиях для стабильного развития общества больше следует руководствоваться правилом: «скорость эскадры определяется скоростью самого медленного судна». В отличие от западного менталитета, основанного на индивидуализме: «Каждый для себя, один Бог за всех».

Российской системе народного образования, пока еще не поздно, необходимо: срочно и самым серьезным образом ликвидировать беспризорность как социальное явление, повернуться лицом к проблеме доступности образования: возродить школьный всеобщий; добиться законодательным путем возрождения обязательного полного среднего образования; увеличить количество учебных мест в учреждениях начального и среднего профессионального образования, чтобы сделать их доступными *для всех*; отладить действительно демократический механизм поступления в вузы; всемерно развивать возможности для продолжения образования молодежи и взрослого населения в образовательных учреждениях и профессиональных учебных заведениях и т. д. Ведь сегодня, как никогда, ответственность за будущее общества и страны ложится на школу, на всю систему народного образования!

Е. В. БОНДАРЕВСКАЯ¹: — Я хочу обратить внимание, прежде всего, на особенность современной социально-педагогической ситуации, в которой осуществляется работа по реализации тех задач, направлений развития, о которых идет речь. Ориентация на Болонский процесс вызвала новый виток образовательных реформ, которые идут сверху. А введение приоритетного национального проекта образования вызвало к жизни поток инновационных проектов, которые идут снизу. При этом нельзя не учитывать различие стратегических задач инновационного поиска образования на предшествующем и сегодняшнем этапах развития образо-

вания. Дело в том, что на предшествующих этапах надо было обеспечить выживание и развитие образования в нестабильных, разбалансированных условиях жизни страны. Образованию отводилась роль фактора стабилизации общества, с которой оно успешно справилось, благодаря внедрению в сознание подрастающего поколения и народа в целом системы гуманистических ценностей. Нельзя не признать, что в период дестабилизации именно образованием была создана по существу новая, гуманистически направленная ценностная система страны. Что, безусловно, способствовало ее сохранению, целостности страны, как и сохранению самого образования.

В настоящее же время положение дел в стране изменилось, наметились тенденции устойчивого социального и экономического развития. Изменилась, стала более человекообразной социальная технология развития страны в целом. И в этих условиях, безусловно, меняется роль образования. Оно становится фактором опережающего развития страны. Качественная особенность современной ситуации состоит в ориентации социальных и производственных технологий на знания, социальную и профессиональную компетентность и качество. В связи с этим возникает несколько проблем. Первый вопрос, который лично для меня является очень тревожным, не приведет ли этот триумф знания к возвращению в образование знаниевой парадигмы, ориентация на которую в недалеком прошлом привела, как известно, к отчуждению образования от личности.

Вопрос этот не праздный, поскольку соответствующие тенденции в образовании уже наметились в связи с повсеместной абсолютизацией результатов ЕГЭ как показателей качества образования, усилением в учебном процессе методов внешнего контроля, тренинга, натаскивания в ущерб развитию внутренней мотивации, понимания, рефлексии, подменной научно-методического обеспечения обучения различными диагностико-квалиметрическими процедурами; повышенным вниманием педагогов к образовательным технологиям безотносительно к содержанию и смыслам образования. В этих условиях гуманистические идеалы и ценности, под знаком утверждения которых происходила инновационная деятельность в образовании на рубеже XX–XXI вв., неизбежно отодвигаются на периферию педагогического сознания и вновь становятся невостребованными.

Недавно я имела возможность поучаствовать в диалоге с учащимися так называемых «колледжевых» классов экономико-правовой направленности. Речь шла о качествах личности, которые необходимы им для будущей профессиональной деятельности. Молодые люди охотно говорили о дисциплине и культуре труда экономиста, самостоятельности и ответственности в принятии решений юристом, необходимости знания законов, в том числе рыночных, информационной грамотности, но никто из них не коснулся проблем нравственности: честности, совести, справедливости, человеческого достоинства, человеколюбия, порядочности, не назвал коррупцию, воровство в числе профессиональных рисков. Это всего лишь один из примеров, указывающих на тот неоспоримый факт, что в сознании

¹ Заместитель председателя Южного отделения РАО, заведующая кафедрой педагогики Ростовского государственного педагогического университета (Ростов-на-Дону), академик РАО, доктор педагогических наук, профессор.

современных старшеклассников, студентов, молодых специалистов инструментальные ценности явно преобладают над инструментальными, присвоение которых только и обуславливает смыслопорождение в профессиональной деятельности.

Мы полагаем, что такое положение дел является, несомненно, следствием ориентации педагогов в оценке результатов образования, в основном, на знаниевый компонент, на учебные достижения учащихся без достаточного учета при этом их человеческих и личностных качеств, личностного роста и духовно-нравственного саморазвития. Преодолеть это несоответствие возможно при условии изменения методологии оценивания результатов образования, положив в основу этой деятельности не сциентистский, а гуманитарный подход.

Гуманитарный подход в оценке результатов образования — это подход, основанный на идее о том, что главным критерием результативности образования является качество целостного человека, то есть такого человека, знания которого совпадают с его бытием, мысли с переживаниями, намерения с поступками, прошлое с настоящим, а настоящее с проектируемым будущим. Исходным моментом реализации гуманитарного подхода мы считаем возвращение в педагогическую теорию и практику образа целостного человека как идеала, цели и результата образования.

Это тем более необходимо, что основой российской культурно-педагогической традиции является ценностное отношение к воспитанию как человекообразующему процессу. Это связано с отношением к человеку, которое на Руси всегда было уважительным и почтительным. Человека почитали за то, что он мог духовно возвыситься и приблизиться к Богу, обрести святость, пожертвовать собой для других. Особо почитаемыми человеческими качествами были совесть, прямота, правдолюбие, справедливость, любовь к земле русской, патриотизм. Эти ментальные черты русского характера неизменно находили отражение в целях и содержании воспитания от древности до наших дней.

Общим началом, объединяющим эти направления российской педагогики в русле единой культурно-педагогической традиции, было внимание к внутреннему миру, убеждениям, смыслу жизни человека, его духовности и нравственности. Вместе с тем нельзя не отметить существенное различие воспитательных идеалов православной и светской педагогики. Приоритетными целями православного воспитания традиционно были смирение и послушание, а светской — свобода и творчество. Проблема выбора воспитуемых между этими ценностями имела место на всех этапах становления российской воспитательной традиции. Противоречие между этими ценностно-смысловыми ориентирами религиозного и светского воспитания преодолевалось благодаря идее служения, которая в различных своих модификациях находит отражение в воспитательном идеале всех культурных эпох российской истории.

Особенно популярной начиная со второй половины XIX в. стала идея служения народу. В сформулированном в XIX в. К. Д. Ушинским принципе народности воспитания отразилась вековая традиция его связи с исторической жизнью народа.

На основе идеи служения в педагогической и русской художественной литературе сформировался идеальный образ человека, привлекающий своим альтруизмом, жертвенностью, стойкостью убеждений, преданностью делу, которому он служит. Вместе с тем это «образ человека с идеей», которая довлеет над ним и делает его трагически несвободным, добровольно зависимым от нее, «заложником» собственных убеждений.

В русской традиции личные убеждения не должны расходиться с требованиями общества, а должны соответствовать им. В стремлении к гармоничному сочетанию интересов личности и общества при безусловном приоритете последних — сила российской воспитательной традиции, впитавшей в себя идеи русской философии: соборности (А. С. Хомяков), общинности (К. С. Аксаков), всеединства (В. В. Соловьев), общего дела (Н. Ф. Федоров), космизма (В. И. Вернадский), коллективизма (А. С. Макаренко), и в этом же ее слабость, заключающаяся в возможности подавления отдельного человека или растворения его личности в целом. Такая опасность всегда возникает, когда общие интересы провозглашаются высшей ценностью по отношению к личным интересам отдельных людей.

В эпоху тоталитаризма императивные требования общества к человеку были возведены в абсолют, и вся работа воспитания была сведена к их трансляции и переводу во внутренний план личности. «Служение» идентифицировалось с безусловным подчинением личных интересов общественным, свобода трактовалась как осознанная необходимость, воспитание — как организованный, педагогически управляемый процесс воздействия на личность с целью формирования у нее желаемых качеств и убеждений. Модель воспитуемого человека формировалась «сверху» и была предельно идеологизированной. Воспитание стало закрытым и тотальным, обязательным для всех.

Культурно-воспитательный идеал потускнел, стал неопределенным, собирательным. В теории ему соответствовал наднациональный образ некорневого «советского человека», который изучался и оценивался исключительно как носитель социально ценных, одобряемых обществом и государством качеств. В силу этого человека стали отождествлять с личностью. В соответствии с основополагающим тезисом марксистской философии о том, что человеческая сущность есть «совокупность всех общественных отношений», исследователи стали утверждать, что «в самом человеке нет ничего, кроме черт его общественной природы»¹. Под влиянием этой методологии категория «человек» исчезает из педагогических исследований и заменяется понятием «личность».

Однако даже элементарный лингвистический анализ указывает на существенные различия между содержанием этих категорий. Мы говорим: разумный, знающий, заботливый, ласковый, робкий, расстроенный, чуткий, трогательный, открытый и другой человек, но не личность. Скажем: человек мира, человек года, человек культуры, но не личность мира, года, культуры. Эпитетов,

¹Словарь по этике / под ред. О. Г. Дробницкого и И. С. Ко-на. М., 1970. С. 350.

характеризующих человека, в русском языке гораздо больше, чем определений, относящихся к личности, так как личность выражает лишь одну из сущностей человека — его социальность. Но у человека есть еще природная, духовная, культурная, историческая, наконец, божественная сущность. Сущностный потенциал человека неисчерпаем, поэтому главной проблемой воспитания является проблема идентичности человека не социальному заказу, а своей сущности, проявляющейся в его соотнесенности природе, свободному духу, божественному предназначению, истории, культуре. Подтверждение такому взгляду на человека и его воспитание мы находим в русской идеалистической философии конца XIX — начала XX в. Один из самых ярких ее представителей Н. А. Бердяев утверждал: «Каждый человек по своей внутренней природе есть некий великий мир — микрокосм, который может быть по состоянию сознания данного человека еще закрытым, но по мере расширения и просветления его сознания, внутренне раскрывается»¹.

Такому внутреннему раскрытию человеческого в человеке способствует образование, но не всякое, а лишь то, для которого человек, его духовность, нравственность, индивидуально-личностное развитие являются высшими ценностями, целевыми установками и критериями оценки результативности и качества образования. Таким мы полагаем личностно-ориентированное образование, специфика которого состоит в том, что взаимодействие участвующих в нем субъектов происходит на личностном уровне.

Возможность поведения на личностном уровне возникает благодаря приведению в действие личностных структур сознания, то есть особых духовно-личностных новообразований, в которых закрепляется индивидуальный субъектный опыт свободного выбора поступка, мотивирования поведения, оценки и самооценки, нравственной саморегуляции, выражения собственной позиции. Важнейшим духовно-личностным новообразованием сознания развивающейся личности и является способность придавать личностный смысл всем актам своей жизнедеятельности. Утверждая это, мы опираемся на известное философское положение о том, что обретение смыслов — суть бытия человека.

Традиционное образование не ориентировано на работу с ценностями, смыслами, сознанием ребенка. Оно имеет внеличный характер, направлено на развитие, в основном, когнитивной сферы, мышления, познавательных процессов, качества знаний, а не личности в целом.

Личностно-ориентированное образование является гуманитарной технологией открытого типа, которая проектируется для работы с сознанием человека и процессами его индивидуально-личностного развития. Эта технология направлена на воспитание целостного человека, осуществляемое посредством развития личностных структур его сознания (ценностей, смыслов, отношений, способностей к выбору, рефлексии, самоорганизации и др.), субъектных свойств (автономности, самостоятельности, ответственности, активности и др.) и индивидуальности.

Ядром личности человека культуры являются субъектные свойства, определяющие меру ее свободы, духовности, жизнотворчества.

Образованность и воспитанность человека культуры сочетаются с креативностью и индивидуальной самобытностью его личности. Это свободная, гуманная, духовная личность, способная к творческой самореализации в мире культурных ценностей, нравственной саморегуляции и адаптации в изменяющейся социокультурной среде.

Как субъект жизни человек культуры характеризуется развитием субъектных (индивидуальных) свойств: жизнотворчества, самостоятельности, адаптивности, личностной саморегуляции и др.

Как субъект истории — проявлением социальности и социальных качеств: гражданственности, свободы, ответственности и др.

Как субъекту культуры ему свойственны культурная идентичность (принадлежность к определенной культуре), духовность, нравственная воспитанность, способность к творчеству, рефлексии и др.

Таким образом, в нашей концепции человек выступает как субъект культуры, собственной жизни и личностного развития; культура — как среда, питающая духовное, ценностно-смысловое развитие личности; личность — как вместительница и мера всего человеческого в человеке; индивидуальность — как интеграция свойств человека и личности, обеспечивающая становление индивидуального личностного образа человека.

Качество человека не является его неизменным свойством, оно приобретается в процессе становления жизненного опыта, обучения, воспитания, взаимодействия с ценностями культуры и цивилизации, путем самообразования, самовоспитания, творчества, накопления индивидуального субъектного опыта, который закрепляется в новообразованиях личности — «личностных структурах сознания», детерминирующих способности человека культуры действовать на личностном уровне: осуществлять свободный выбор, мотивацию, оценку и самооценку поведения, поступков, разрешать возникающие коллизии и жизненные проблемы, выражая собственную позицию, проявлять ответственность, инициативу и творчество, духовность и гуманность, справедливость и толерантность.

Все вышесказанное позволило нам определить главным критерием качества человека его личностное развитие. Оно понимается как развитие его субъектности, которое управляется ценностно-смысловой сферой сознания личности. В процессе личностного развития происходят внутренние изменения в личности: ее ценностях, потребностях, мотивах, интересах, установках, позициях, личностных смыслах, формируется позитивная «Я-концепция», устанавливаются интегративные связи между основными сферами личности: ценностно-мотивационной, эмоционально-волевой и деятельностно-поведенческой, в результате чего личность становится более целостной, интегральной. Интегральный результат личностного развития состоит в возникновении и проявлении у ребенка качества самоорганизующегося субъекта учебной и других видов деятельности: осознанности, способности к выбору, активности, самостоятельности, устойчивости по отношению к негативным влияниям и др.

¹ Бердяев Н. А. Смысл истории. М., 1990.

Личностное развитие создает предпосылки для роста личности — ее способности понимать, формулировать и решать собственные жизненные проблемы и задачи саморазвития, проявлять качества, свидетельствующие о новом, более высоком уровне активности, самостоятельности, саморегуляции, достигать устойчивого успеха в одном или нескольких видах деятельности.

Личностное развитие предполагает овладение учащимися (студентами) ключевыми смысло-жизненными компетентностями (компетенциями), обеспечивающими интеграцию молодежи в современное общество и ее готовность к продуктивной профессиональной деятельности и жизнотворчеству. Так, качество человека проявляется в его *гуманитарной компетентности*, ядром которой является познание и понимание человека, его возможностей саморазвития и отношение к человеку (в том числе и самому себе) как субъекту. Не менее важное значение имеют: *экологическая компетентность*, ядром которой является убежденность в необходимости и реализации безопасного поведения в мире людей и природы; *культурологическая компетентность*, ядром которой является присвоение ценностей культуры и воссоздание мира культуры в собственной жизни; *социальная компетентность*, ядром которой является социализированность, коммуникативность, и другие смысло-жизненные компетентности, составляющие содержательную основу воспитанности личности.

Воспитанность — это характеристика зрелости человека, то есть такого уровня его личностного развития, которому свойственна способность к осознанному выбору и принятию жизненно важных решений, ответственность за свои поступки, самостоятельность и способность к нравственной саморегуляции. Зрелость проявляется в трех фундаментальных блоках воспитанности. Мы считаем, что для оценки качества образования следует использовать критерии воспитанности, ключевых компетенций и личностного развития, понимая их как разные уровни качества человека. Измерение воспитанности необходимо для определения зоны актуального развития личности, овладение компетенциями открывает ей путь в зону ближайшего интеллектуального развития, а диагностика личностного потенциала позволяет судить о качестве человека, становление которого происходит в процессе воспитания.

Исследование новой педагогической реальности, в которой все большее значение приобретают личность и личностная позиция, субъектность и способность позиционировать себя в обществе, активная самостоятельная деятельность в ситуации самоопределения, самопроектирования, самореализации, требует адекватных исследовательских методов.

Мировоззренческой установкой гуманитарной методологии является онтологический подход к изучению человека и процессов его жизни, образования, воспитания, развития. Онтологический подход, в отличие от гносеологического, акцентирует внимание не на внешних проявлениях человека, которые можно зафиксировать путем наблюдения и «объективно» интерпретировать, а на понимании его внутренних состояний, ценностно-смысловых

переживаний, духовного бытия. Такое понимание становится возможным в процессе диалогического взаимодействия, общения, педагогической интеракции. Таким образом, гуманитарной методологии, основанной на онтологическом подходе, должны соответствовать герменевтические методы исследования, основанные на диалоге и понимании. В их числе гуманитарная экспертиза, гуманитарное проектирование, экзистенциальные диалоги, методы вчувствования, вживания во внутренний мир другого, рефлексии, самопонимания, самоизменения и другие, позволяющие познать субъектность и духовность человека, живущего осмысленной жизнью, и сконструировать образовательную среду, помогающую ему в этом.

В свете сказанного нельзя не согласиться с исследователями, которые настаивают на том, что «воспитатель не должен быть запрограммированным на отдельный набор приемов, методов, технологий, процедур, текстов и т. п. Он должен остаться Человеком и встретиться с воспитанником непосредственно, отодвинув в сторону застилавшие его взор методики и технологии»¹.

Н. Д. НИКАНДРОВ: — Евгения Васильевна говорит очень интересные вещи. Напомню, что в первом варианте Закона об образовании до 1996 г. употреблялось понятие личности. А потом оно было заменено понятием человека. Помните первые строки Закона: образование есть обучение и воспитание в интересах личности, общества и государства (1992), образование есть воспитание и обучение в интересах человека, общества и государства (1996). Понятие «человек» гораздо более богато, чем «личность». Это очень интересная философская проблема.

В. А. КУТЫРЕВ²: — Чем больше какое-то понятие или явление изучают, обсуждают, говорят о нем, защищают на эту тему диссертаций, тем больше оно запутывается, начинает привлекать стороннее, необязательно смысл. Так, глобализаторами можно назвать Тамерлана, фараонов и др. Все это разрастается, как снежный ком, и становится, как говорит Дровицкий, «помойкой смысла». Важно увидеть главный, актуальный смысл явления.

Я думаю, что сутью глобализации является технологизация мира. Технологизация — суть цивилизации и глобализации. А диалог культур в мире — это диалог между культурами, которые пытаются сохранить, где регулятором являются внутренние смыслы: долг, честь, совесть, обязанность и тому подобные, и внешние смыслы, технологические, то, что и является атрибутом глобализации и цивилизации. Между ними происходит борьба, в том числе и в образовании. Технологизация образования — сущность реформы. И в этом смысле — вытеснение из него культуры и человека. Происходит информатизация и идеологизация образования. Все стало технологиями. А технология — это то, что исключает и субъекта, и самость, и индивидуальность. Действие по технологии есть алгоритм.

¹ Степанов Е. Н. Педагогу о современных подходах и концепциях воспитания / Е. Н. Степанов, Л. М. Лузина. М., 2002.

² Профессор кафедры истории, методологии и философии науки Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, доктор философских наук.

А культура и субъект не алгоритмичны, индивидуальны. И суть реформ, суть Болонского процесса — это глобализация, суть глобализации — технологизация, суть технологизации — борьба с культурой, субъектностью, личностью, вытеснение личности, в том числе и из образования. Этот процесс технологизации реально идет как информатизация образования, создание не человеческой обучающей среды, а компьютерной. Следовательно, из образования в первую очередь вытесняются его ценностные воспитательные компоненты.

На любом этапе истории при вступлении в жизнь нового поколения прежде всего решаются две задачи: передача накопленных знаний, навыков, умений в той или иной сфере деятельности и социализация, приобщение к сложившемуся образу жизни, существующим в нем ценностям.

В высшей школе задачу воспитания как чего-то специального (почти) не ставят, тем не менее она остается. Развитие человека не заканчивается с получением аттестата зрелости, и если общество хочет влиять на формирование полноценных людей и ответственных граждан, оно должно дать им возможность такими стать, не ограничивая их самореализацию узкопрофессиональной деятельностью. Эта задача решается, прежде всего, при изучении философии, истории, политики, культуры и других так называемых гуманитарных дисциплин, а также, что важно и объективно необходимо, — через личность преподавателя, профессора. Не вычленив в самостоятельную сферу, считая частью образования, ее можно определить как его ценностный компонент. Все споры о гуманизации, характере и объеме преподавания гуманитарных дисциплин, о том, какие из них являются действительно гуманитарными, а какие социотехническими (гуманитарными технологиями), — это борьба вокруг ценностного компонента образования, вокруг того, сохранит ли оно культурное измерение или будет целиком технологическим.

В настоящее время, как известно, система образования претерпевает реформу. Не углубляясь в рассмотрение предшествующих перипетий взаимодействия функционального и ценностного компонентов образования, есть смысл оценить их перспективы в связи с внедряемыми в ее ходе новшествами. Вряд ли кто оспорит, что основные из них связаны с высокими технологиями, информатизацией и компьютеризацией образовательного процесса. Их влияние на обучение огромно уже сейчас, еще сильнее оно будет в дальнейшем. Именно они являются движущей силой современной глобализации, в том числе в образовании.

Долгие века специального обучения, «школы», ни низшей, ни высшей ее ступени не существовало. Людей образовывала жизнь, обстановка, в которой они действовали, среда, в которую они были погружены. Сейчас складываются предпосылки своеобразного возврата к этому состоянию. Предполагается, что новые образовательные технологии, информационные сети и мультимедийные терминалы позволят человеку получать знания в любом месте в любое время в режиме самообучения и практически всю жизнь. Открывается возможность построить для каждого обучающегося индивидуальную траекторию их усвоения, удовлетворяя

потребности в образовательных услугах максимально комфортно. Присутствие учащихся в особые классы и аудиториях в таком случае не является обязательным. «Дистанционные университеты», вообще e-learning (электронное образование) в нем не нуждаются. Традиционные университеты, эти «фабрики образования», будут обезлюдеть. Открывается возможность выбора самых лучших, по мировым образцам, программ, а их накопление приведет к ненужности живых аудиторных профессоров и педагогов как носителей индивидуально ограниченного и не стандартизованного знания. От них остается, и то на первых порах, инструктор-тьютор, который консультирует в выборе «образовательного меню» и помогает понять наиболее трудные места. В итоге возникает «обучающая среда», технологической формой реализации которой является гипертекст, предполагающий многообразие способов своего прочтения и подходов к пониманию. Все плотнее покрывающий мир Интернет является универсальной гипертекстовой средой с фактически открытым доступом к любой информации. Так что задачу получения знаний, которая всегда была одной из главных в образовании, в принципе можно считать решенной. Непосредственные субъекты образовательной деятельности, учитель, педагог, профессор как носители социально-культурного опыта и уникального, только им ведомого знания теряют свое значение. Информация доставляется, минуя человека-посредника и интерпретатора. Появляется возможность, как ни странно звучит это словосочетание, *автоматизации образования*.

Компьютерное, полу- и полностью автоматизированное образование не означает, что обучающийся имеет дело с одними текстами и технологическими предписаниями. На экране можно будет видеть читающего лекцию профессора, синтезированные в цвете и музыке информационные объекты, смоделированные средствами компьютерной графики природные явления. На экране оживут умершие создатели теорий, великие ученые всех времен и народов. Обучающийся будет находиться в окружении многочисленных образов виртуальной реальности, он может вступать с ними в диалог — «общаться». Автоматизация образования, ведущая к его деантропологизации и устраняющая из системы отношений педагогов и коллег, смягчается до «фантоматизации». Контакт есть, виртуальный мир населен, исчезает только «первый», естественный, природный мир и живые люди.

Стремясь объективно описать процесс информационной технологизации образования, мы воздерживались от рассмотрения ее противоречий и негативного влияния на судьбу человечества. То есть следовали в русле большинства пишущих об этом авторов, в основном отмечающих положительные стороны наступающего (на нас) информационного общества, рисующих радужные картины его функционирования. Это показатель того, что в развитии современного образования, его реформировании функционалистская, сциентистско-техническая линия стала парадигмальной. Она захватывает все его сферы. Общим знаменателем этого процесса является истощение ценностного содержания современного образования, лишение его не только гуманистического, но и социально-культурного смысла.

Если эту линию довести до логического конца, не ставя ей преград, не оставляя сфер вне ее воздействия, то это действительно полная информатизация и автоматизация педагогики! Но не есть ли это абсурд, наподобие автоматизации любви? Не есть ли это феномен самоотрицания, наподобие технологизации дружбы? Самой жизни! Беспредметность, тестирование и рубрикаторское мышление, техномания, виртуальная десоциализация общества — таковы смертельные болезни, угрожающие человеку, захваченному процессом автоматизации образования. Выход в никуда и способ духовной, а в конце концов и телесной деградации.

Назначение автоматизации образования обычно видят в ускорении овладения информацией и «экономии» живого труда преподавателей. Пропагандисты данной идеи всю человеческую культуру и жизнь отождествляют с технологией. Ситуация, которая не нуждается в дальнейших комментариях. Исходя из нее, надо просто сказать: это конец не только воспитания, но и образования. *Отказ от образования.* Оно становится чем-то другим. XXI в. провозглашают веком образования. Если победят подобные тенденции, девиз надо менять: *XXI в. будет веком программирования.* А поскольку, например, цели ЮНЕСКО в области культуры формулируются как «образование для всех на протяжении всей жизни», то фактически оно превратится в программирование жизни, в способ трансформации человека в роботообразное существо, зомби и агента компьютерных сетей. *Вместо интеллигента — в интеллекта.* Социализация как программирование — это модель автоматизированного производства программных продуктов. Соответственно, в обществе естественно-культурные связи между людьми заменяются искусственно-технологическими, и оно превращается в Технос (community — в comp-unity). Чаемая многими идеальная «ноосфера», где все строится во благо людей, на практике оказывается техносферой, которая грозит их задуть. Эта мрачная — для тех, кто чувствует себя человеком, — перспектива, вполне реальна, если не изменить идеологию и философию образования, его предназначение и смысл.

Превращение знания, информации в своего рода «окружающую среду» ставит вопрос о том, что образование в целом должно ориентироваться не столько на технические науки, сколько на культуру. И уже потом на этом фундаменте обеспечивать специализацию. Говоря более концептуально, если оно стало «средой», то должно быть калькой не с науки, а с целостного духа человека, в единстве «истины, добра, красоты» приобщать к искусству, религии, морали, учить правилам поведения и т. д. Введение в вузах бакалавриата — симптом этой потребности, доказательство того, что для многих получение ВПО становится своеобразным вторым аттестатом зрелости, признанием своей полноценности как человека — и не больше. Притом не особенно важно, в какой отрасли получено образование. Это тем более оправдано, что в рыночной экономике работа по приобретенной профессии скорее исключение, чем правило. Если уже признано, что в наше время готовить узких специалистов нецелесообразно, ибо все очень быстро меняется и надо давать фундаментальные знания, то пора согласиться и с другим:

нецелесообразно ориентироваться на получение только абстрактного знания и консервированной информации. Их все равно не запасешь. Надо развивать и укреплять целостного человека, его силу, волю, здоровье, умение противостоять стрессам, выживать в нестандартных ситуациях, вплетая в этот контекст специальные знания. Другими словами, сначала личность и ее ценности, потом — не по времени, а по значению — знание, сначала дух, потом интеллект. *Образование должно воспроизводить всю культуру общества, ее основные формы.* Его идеалом должна стать акмеология как теория совершенствования личности только в ее рамках, внутри, и как способ овладения окружающим миром — технологией.

Опасения, что такая установка подорвет прогресс, останутся науку, бесосновательны. В настоящее время наука и техника в значительной мере саморазвиваются, и мы должны направлять свои знания не столько на то, чтобы их толкать и ускорять, сколько на то, чтобы понимать и регулировать, сохраняя при этом тождественность себе. Не человека приспособлять к экономике и технологии, а их к человеку — вот исходная установка, без ориентации на которую все разговоры о ценностях в образовании и акмеологии останутся пустым звуком. Опираясь на нее все труднее, ибо экономика, кроме удовлетворения естественно-культурных потребностей человека, начинает сама их производить наряду с товарами, но уже не естественно-культурные, а искусственно-технологические, называя их с помощью «агрессивного маркетинга» как естественные и необходимые.

Интересы производства, одной из сфер общественной жизни, становятся на место интересов человека в целом, превращая его в человеческий фактор. Потребительское общество начинает потреблять самих людей. Прагматизация, стремление *иметь* подавляет желание *быть*, вещи и знаки начинают господствовать над жизнью. В образовании это отражается в лозунге: что продается, то и преподается. В Древней Греции, когда общественная экономика только зарождалась, считали, что богатства нужно столько и такого, которое служит воспитанию достойных граждан полиса. Если больше — оно вредно. За определенной чертой богатства — зло! В этом предель рынок и экономики. Работа для человека, а не человек для работы — расширили рамки акмеологии древние римляне. Если наоборот — абсурдно. За определенной чертой богатства — бесчеловечно! Общий смысл, минимальное требование к любому управлению в том, чтобы не попадать в ситуации, когда деятельность осуществляется ради деятельности, — это бесцельно. Сейчас перед человечеством стоит задача «на устойчивость»: развиваться так, чтобы остаться для себя целью. Для этого все свои шаги оно должно выверять по критериям сохранения антропологической идентичности.

Включение молодого человека в знание должно быть частью его включения в духовный и предметный мир. Объективное противоречие между новыми образовательными технологиями и личностью педагога не только в школе, хотя там прежде всего, но и в вузе, несомненно, должно разрешаться в пользу живой личности, искусства воспитания. *В школу*

и университет должны ходить жить (если в других местах становится негде). В свете нарастания всеобщности и непрерывности образования это кажется очевидным, трудность, однако, в том, что если брать его современное состояние и направленность реформирования, то по большинству параметров оно должно превратиться в свою противоположность. Ему нужны другие ценностные основания. Иная философия. Вместо господства сциентизма и методологизма образования должно опираться на витально-экзистенциальное отношение к миру, на глубинную экологию и философскую антропологию, герменевтико-феноменологическое освоение реальности. Надо резко (хотя, конечно, не на 180°) отвернуть от Запада и смотреть на Восток, а также на русское духовное наследие, традиции. Базисное знание и здравый смысл, общение, понимание и медиативация, ориентация на человека как целостное существо — вот ценности, которые сейчас нуждаются в поддержке. В сознательной поддержке нуждается все гуманистическое, воспитывающее, что укрепляет тело и возвышает душу, — все, что связано с «сердцем» культуры. Если это утопия, то идущие в настоящее время процессы — дистопия. Сердечная недостаточность образования грозит бездумно культивирующему ее человечеству глобальным инфарктом. Надо ли говорить, что именно эта опасность беспокоила Д. С. Лихачева и что ее предотвращению он отдавал все свои силы.

А. Н. ДЖУРИНСКИЙ¹: — Сегодня в мире не осталось ни одного моноэтнического государственного образования; регионы и страны делаются все более мультикультурными, этнически диверсифицированными. Этническая и культурная диверсификация предполагает рассмотрение педагогических перспектив, обусловленных культурными и этническими различиями и направленных на преодоление возникающих в связи с этим конфликтов. Знание подобных перспектив — неременное условие для педагогов-исследователей, учителей, всех работников образования.

Наряду с объединением в сфере образования и культуры, ведущим к взаимообогащению носителей ценностей воспитания, в ином качестве проявляются сепаратизм, ксенофобия, агрессивный национализм. Несоблюдение социальной справедливости в соответствии с культурными, этническими, языковыми и прочими различиями превратилось в одну из наиболее болезненных проблем общества.

Необходимо выявить оптимальные пути функционирования образования в условиях гетерогенной этносоциальной среды при соблюдении единой педагогической стратегии. Подобная стратегия означает эффективное воспитание и обучение, при которых учащиеся приобретают знания о людях, событиях, идеалах, готовятся к жизни в демократическом, плюралистичном обществе.

Характеристика этнического и культурного многообразия не сводится к номенклатуре проживающих совместно субкультур, но имеет в виду многообразные, множественные и многоуровневые

макро- и субкультурные формы идентичности *общей национальной культуры*. Общенациональная культура, следовательно, является одновременно следствием трансмиссии (преемственности и непрерывности развития) и диффузии (взаимопроникновения) культур.

При осмыслении феномена культурного многообразия возникают качественно иные проблемы взаимосвязи культуры и образования. *Идея единства в многообразии* является ключевой при понимании воспитания в условиях культурного многообразия. Российская культура выступает как гетерогенная общность исторического опыта народов страны. В отношении России предпочтительно говорить не о сумме субкультур, а о складывающейся суперэтнической и суперкультурной идентичности. Следствием подобного многообразия оказывается сложная этнокультурная идентификация на уровне отдельной личности. Речь идет о ведущих и остальных субкультурах как составных частях российской культуры, формы которой в виде этнокультур выражают уникальность того или иного этноса.

Культурное многообразие создает серьезные сложности для образования, связанные с языковой, культурной и ментальной разнородностью социума, что требует диалога национальных и общечеловеческих культурных ценностей. Воспитание и обучение предстают интегративным процессом, в центре которого находится личность как участник такого диалога.

В условиях нарастания этнического и культурного многообразия философско-педагогический принцип культуросообразности приобретает новое звучание и означает рассмотрение вопросов воспитания и образования в пределах широкой социальной панорамы многообразных макро- и субкультур.

При анализе воспитания и образования в условиях многокультурности и многоэтничности следует исходить из *принципов релятивизма*. Всякая общенациональная поликультура всегда культурно, этнически конкретна. В реальных проявлениях общенациональная культура предстает перед нами как специфические макро- и субкультуры.

Концепция воспитания и образования в условиях этнокультурного многообразия предполагает, что всякая культура и ее представители обладают особыми, незаменимыми духовными ценностями и что общество (включая все его страты) и культура теснейшим образом зависят друг от друга. При этом отвергается какая-либо неравноправная иерархия субкультур. Имеется в виду, что в многокультурном и многоэтничном социальном образовательном пространстве главное место, в конечном счете, занимает отдельный человек. Подобный антропологический подход является философским и педагогическим императивом и означает необходимость, опираясь на разнообразные знания о человеке, помочь путем воспитания и обучения обрести каждому индивиду достойное место в этнически и культурно диверсифицированном мире.

Воспитание и образование в условиях этнокультурного многообразия означает определенное видение совместного проживания и воспитания представителей различных цивилизаций, религий, этнических групп. В идеале речь идет об устранении неравных социальных, экономических возможностей расовых

¹Заведующий кафедрой эстетического и трудового воспитания младших школьников Московского педагогического государственного университета, член-корреспондент РАО, доктор педагогических наук, профессор.

и этнических групп и, тем самым, о переводе проблемы этнокультурного многообразия в сферу *поликультурного (мультикультурного) воспитания*.

Такое воспитание понимается нами как деятельность в полиэтнической и поликультурной среде в виде комплекса мер по обучению и воспитанию для педагогических взаимоотношений этносов и культур в пределах общего государственного пространства. Такая деятельность должна учитывать национальные (этнические) различия и включать множество типов, моделей и ценностных педагогических ориентаций, адекватных мировоззрению и запросам разных этнокультурных групп населения, сопряжение через воспитание культурных ценностей участников межэтнического диалога, содействовать приобретению личностью общественного и этнического статуса, определению принадлежности к языкам и культурам.

Поликультурное воспитание и образование трансформирует культуры, составляющие многокультурность. Каждая из них, приобретая в лице инокультур «новых сестер», качественно обогащается, меняет идентичность, постепенно утрачивает гомогенные черты. В результате возникает некая «транскультурная идентичность» как основа общенациональной культуры.

Поликультурность как детерминанта воспитания и образования приобретает новые качества вследствие нарастания взаимопроникновения культур через различные каналы коммуникации в условиях, когда поликультурная идентичность приобретает все более дифференцированный характер в этническом, религиозном, светском и иных культурных планах. Видоизменяются направления воспитания и образования. Приоритетом становится воспитание уважения любых «образов мира», когда педагогическим принципом становится формула: «Культура моего народа не лучше и не хуже культуры любого другого народа, в ней может быть то, чего нет в других культурах, но может отсутствовать многое, что присуще другим культурам; следовательно, мое духовное обогащение зависит от моего умения вступать в диалог с иными культурами».

Поликультурное воспитание оказывается адекватным ответом школы и педагогики на культурное многообразие социума, будучи призвано соответствовать запросам не одной, а нескольких культур, выявлять педагогические пути сосуществования культур в общем социальном пространстве.

Чем глубже вызванные культурным многообразием общественные изменения, тем сложнее задачи воспитания. Все острее становятся проблемы расовой и национальной ассимиляции и дискриминации, растут стремления малых этнических групп защитить и развить свою идентичность путем воспитания и образования. По мере усложнения многокультурности и многоэтничности возникают новые конфликты между субкультурами, решать которые следует в том числе с помощью поликультурного воспитания.

Каковы социальные и педагогические перспективы решения проблем этнокультурного многообразия? Возможные конфликты не могут быть разрешены в случае, если субъекты этнокультурного многообразия будут существовать изолированно друг от друга. Для смягчения противоречий

необходима определенная адаптация и конвергенция в пределах культурного многообразия. Каждый групповой и индивидуальный субъект такого разнообразия должен признать, что является одним из многих и не может претендовать на монополию, и пойти на определенный компромисс во имя гражданского мира, сохранения общенациональных идентичности и культурно-образовательного пространства. Такой компромисс призвано осуществить поликультурное воспитание.

Г. В. МУХАМЕТЗЯНОВА¹: — В начале XXI в. происходит обновление российского общества и государства в целом. Модифицируются его политическое и экономическое устройство, системы здравоохранения и образования; меняется облик российского общества, которое переживает стремительную социальную стратификацию. В сфере ВПО России также происходит смена важнейших принципов функционирования, связанная со многими факторами объективного и субъективного характера. К этим факторам, например, относится вступление России в Болонский процесс, предъявляющий новые требования к образованию. Важнейшим фактором коренных изменений в образовательной системе России является возникновение негосударственных образовательных учреждений (ОУ). Основанием для организации высших профессиональных учебных заведений такой формы послужил Федеральный закон РФ «Об образовании», провозгласивший возможность создания и функционирования негосударственных ОУ. Этим законом озаменовался отказ государства от монополии на образовательную деятельность, что является важным показателем развития демократии в стране. Таким образом, на рынке образовательных услуг появился новый субъект — негосударственное ОУ (НОУ), конкурирующее с государственными учебными заведениями ВПО. Нужно отметить, что негосударственное ВПО не является для России новым феноменом. НОУ возникли еще в XIX в. и получили развитие во второй его половине. Но этот процесс был остановлен революцией 1917 г. Второе появление негосударственных высших учебных заведений приходится на 1991 г. Изменения в инфраструктуре ВПО происходят в первую очередь именно в негосударственных вузах.

Реформирование отечественной системы образования вообще невозможно без подключения потенциала негосударственного сектора высшей школы. Система негосударственного ВПО позитивно воздействует на социальную мобильность, механизмы воспроизводства социальной структуры, формирует экономически активную личность, создает конкурентную ситуацию на рынке образовательных услуг. С 1993 г. по настоящее время общее количество студентов государственных вузов возросло более чем вдвое, а студентов негосударственных вузов — более чем в 14,5 раза. За этот период было создано множество филиалов и представительств негосударственных высших учебных заведений во многих населенных пунктах России. Обучение в филиалах

¹Директор Института педагогики и психологии профессионального образования РАО (Казань), и. о. председателя Поволжского отделения РАО, академик РАО, доктор педагогических наук, профессор.

негосударственных вузов является привлекательным и доступным для значительной части населения, так как порой это единственная возможность получения ВПО и повышения профессиональной компетентности для работающих людей.

К достоинствам негосударственного сектора в образовании можно отнести следующее:

1. *Имеет место устойчивая тенденция к повышению качества образования*, обеспеченности образовательных программ необходимыми материальными и кадровыми условиями. Эта тенденция обусловлена тем, что в негосударственных вузах студенты сами платят за образование. Поэтому его качество находится под постоянным контролем студентов — непосредственных потребителей образовательных услуг. 67 % студентов, опрошенных в негосударственных вузах, считают, что их вуз имеет «в полной мере» хорошие условия для проведения учебных занятий, в государственных вузах — 38 %. Это позволяет отвергать огульные оценки негосударственной подсистемы ВПО как своего рода обмана потребителя. Современный этап развития качества образования отражается в становлении новых социальных функций образования, где качество человека в центре понимания качества образования. Поэтому понятие «качество образования» может быть использовано в широком и узком смыслах.

Качество образования в широком смысле определяет, что образование — это гарант национальной безопасности, один из важнейших факторов устойчивого развития общества, конкурентоспособности государства, а миссия учебно-воспитательных учреждений — в возрождении смыслообразующей роли образования в жизни каждого человека и всего общества.

В узком смысле качество образования может рассматриваться как категория, характеризующая результат образовательного процесса, отражающего уровень сформированности общеобразовательных знаний, практических умений и навыков, интеллектуального развития и нравственных качеств выпускников. Здесь качество образования складывается из таких компонентов, как качество образовательной (учебной) программы; качество кадрового и научного потенциалов, задействованных в учебном процессе; качество обучаемых (в том числе — «на входе» — качество абитуриентов); качество средств образовательного процесса (материально-технической, экспериментальной базы; учебно-методического обеспечения; используемых учебных аудиторий; транслируемых знаний и др.); качество образовательной технологии. Перечисленную совокупность компонентов можно определить и как систему научно-методического обеспечения качества образования.

Главной идеей современного развития теории и практики управления качеством образования является отказ от традиционного подхода, при котором управление образовательным процессом осуществлялось по оценкам конечного результата. Современный подход ориентирован на создание комплексной системы управления качеством образования, предусматривающей регулирование процесса на основании оценивания его состояния по специально выделенным критериям качества

для всех компонентов самого процесса. Управление качеством ВПО — это система устойчивого взаимодействия государства, органов управления образованием, местного сообщества, субъектов образовательного процесса, обеспечивающая эффективное функционирование и развитие региональной системы образования, профессиональную компетентность выпускника.

Готовя специалистов в соответствии с ГОС по каждой специальности, хороший негосударственный вуз за счет вузовского компонента предоставляет студентам дополнительные программы и услуги, которые обеспечивают им более широкое образование и повышают их конкурентоспособность на рынке труда. Анализ деятельности негосударственных вузов в области качества подготовки специалистов показывает: в негосударственном секторе ВПО России немало вузов, которые способны обеспечить высокое качество подготовки конкурентоспособных специалистов, благодаря грамотно выстроенной стратегии качества. Бытует мнение, что в негосударственных вузах учатся «слабые» студенты. Позвольте с этим не согласиться. О конкурентоспособности выпускников негосударственных вузов свидетельствует их успешная карьера, являющаяся ключевым показателем качества образовательной деятельности вуза.

2. Во многих негосударственных вузах *ведется поиск новых форм организации учебно-воспитательной деятельности*. Есть оригинальные находки в учебно-воспитательном процессе. Это вариативные формы меж-внутри-предметной интеграции; творческие развивающие центры (психолого-педагогический, здорового образа жизни); особая организация трудового воспитания; клубная деятельность; привлечение исторического наследия как средства образования; различные формы участия студентов в управлении образовательным учреждением; учебно-исследовательская деятельность студентов (научные общества) и др. В 90 % учебных заведений данного типа созданы разнообразные студенческие общественные организации и объединения. Органы студенческого самоуправления адекватны сегодняшнему времени, отвечают модели гражданского общества. Большинство негосударственных вузов имеют свои флаги, гербы, гимны, заповеди, законы и т. д. Студенты принимают активное участие во всех региональных мероприятиях. Негосударственные вузы быстро реагируют на региональные потребности рынка труда. Регионализация — объективно необходимый процесс, способствующий решению задач модернизации российского образования, переходу к личностно-ориентированной образовательной парадигме. Итогом регионализации должно быть формирование системы образования, оптимально отражающей своеобразие образовательной ситуации каждого региона Российской Федерации. Анализ современных тенденций свидетельствует, что образовательное пространство регионов развивается в одном и том же направлении, хотя темп развития, его глубина существенно различаются. Впрочем, эта неравномерность не должна удивлять, так как является следствием общей неравномерности развития регионов. Сегодня можно назвать следующие направления этого развития:

1) возрастание спроса со стороны регионального бизнеса, производства и управления на кадры высшего уровня квалификации;

2) увеличение количества специальностей, востребованных регионами, в том числе уровня начального и среднего профессионального образования;

3) усиление регионального спроса на специалистов, ранее относившихся к ряду элитарных (международные отношения и торговля, банковское дело, государственное и муниципальное управление и т. д.);

4) возрастание спроса на разноуровневую подготовку специалистов на всех ступенях образования;

5) своеобразный «образовательный бум», охвативший все ступени образования и значительную часть населения регионов.

Эти тенденции развития привели к изменению отношения к образованию в регионах: выросло осознание значимости образования для будущего как отдельной личности, так и региона в целом; отчетливо наблюдается тенденция к уяснению руководителями бизнеса значения высококвалифицированных кадров для развития их предприятий, их способности выдержать конкурентную борьбу; само образование начинает восприниматься как определенная ценность (что находится в противоречии с предшествующим периодом); родители готовы вкладывать финансовые средства в образование своих детей, причем практически не прослеживается зависимость между уровнем доходов и этой готовностью; меняется отношение учащихся к обучению, все большее количество школьников и студентов проявляют образовательную инициативу и самостоятельность; меняется характер взаимодействия между образовательным пространством и системой образования региона; многие взрослые начинают тратить личные средства на собственную переподготовку и переобучение.

3. В негосударственном вузе *больше возможностей для реализации различных новаций*, перспективных идей и оригинальных авторских программ, позволяющих раскрыться творческому потенциалу преподавателей и студентов. Это привлекает в НОУ наиболее яркие интеллектуальные силы системы образования. Профессорско-преподавательский состав негосударственных вузов отличается оптимальное соотношение представителей академической среды и специалистов-практиков. Негосударственные вузы органично вписываются в региональную систему непрерывного профессионального образования, обеспечивающую:

1) создание профессиональной среды, соответствующей способностям, потребностям и возможностям личности;

2) многоступенчатость профессионального образования в виде набора направлений с образовательными программами, имеющими различные сроки образования, набор специальностей; преемственности образовательных программ различного уровня;

3) распределение функций между ОУ, предприятиями и организациями, входящими в образовательный комплекс, и расширение собственно образовательной основы профессионального образования;

4) создание служб сопровождения процесса непрерывного профессионального образования, таких как адаптационные, диагностические, дидактические, психологические центры;

5) оптимальную профессионально-квалификационную структуру выпускников высшей школы (бакалавров, магистров) на основе классификации направлений подготовки ВПО, разработки новой методологической основы ГОС для укрупненных типов подготовки бакалавров, положения о магистратуре, предусматривающего широкие академические свободы вузов по формированию междисциплинарных программ и критерии лицензирования и аккредитации магистерских программ и открытия магистратур;

6) качество подготовки специалистов, ориентированных на практическую деятельность;

7) введение аспирантуры, дифференцированной по срокам обучения для выпускников, освоивших образовательные программы высшей школы различной длительности;

8) совершенствование совместимости национальных образовательных систем путем усовершенствования процедур признания степеней и периодов обучения, выработки единого определения квалификаций, учитывающего показатели объема академической нагрузки, уровня и результатов учебного процесса, компетенций и профиля образовательных программ;

9) качество ВПО путем развития эффективных систем качества на уровне вузов, национальном и общеевропейском уровнях, а также путем рационального сочетания академического качества и прикладного характера образовательных программ.

4. В системе российского ВПО есть немало негосударственных вузов, которые, обладая высоким образовательным потенциалом, стали еще и серьезными *научными центрами*. В них открываются аспирантуры, создаются диссертационные советы, преподаватели и студенты активно занимаются наукой. В 1993 г. создан НОУ «Казанский социально-юридический институт» (ныне — Академия социального образования). Затем впервые в России организован уникальный научно-образовательный комплекс «Институт педагогики и психологии профессионального образования РАО — Академия социального образования», в котором осуществляется подготовка специалистов с высшим образованием, научных кадров по педагогическим и психологическим наукам; издаются научные труды и учебно-методические пособия. В структуру этого комплекса входят лаборатории, кафедры, филиалы и представительства, расположенные в Казани, Москве, Санкт-Петербурге, городах Республики Татарстан. Научно-образовательный комплекс стал экспериментальной площадкой РАО. Сегодня научный центр имеет международные контакты. Это не только является свидетельством его доброй репутации в России и за рубежом, но и позволяет практиковать зарубежные стажировки преподавателей и лучших студентов, предоставлять обучающимся возможность получения международных образовательных сертификатов.

Однако, несмотря на определенные достижения, в сфере высшего негосударственного образования есть ряд *нерешенных проблем*. Органы управления образованием, прокуратура рассматривают высшие учебные заведения данного сектора образования как «зону риска». Поэтому со стороны Рособнадзора ведется особый контроль деятельности этого

сектора в отношении качества предоставляемых образовательных услуг. Негосударственные вузы, не уделяющие в стратегии своего развития должного внимания вопросам качества образования, скорее всего, исчезнут с российского рынка образования. Неизбежно произойдет самоочищение негосударственного сектора образования от вузов слабых, не развивающихся, а выживающих. Освободится негосударственный сектор ВПО и от вузов-однодневок, ставящих своей целью не предоставление потребителям качественной образовательной услуги, а извлечение сиюминутной выгоды учредителям этих вузов. Филиалы негосударственных вузов нуждаются в повышении эффективности воспитательной работы, которая зачастую сводится к проведению каких-либо массовых мероприятий.

Период становления негосударственных вузов был трудным. Но главные трудности впереди в силу вызовов, с которыми столкнется российское общество и система образования в XXI в. Вузы, не уделяющие должного внимания в стратегии развития вопросам качества образовательной деятельности, вынуждены будут прекратить свое существование.

Конкурентоспособность ОУ — это его преимущество по отношению к другим аналогичным объектам, характеризующееся умением удовлетворять образовательные потребности населения за счет предоставления ему совокупности услуг; актуализировать свою жизнедеятельность в соответствии с действующим правовым, информационным, психолого-педагогическим и иным обеспечением. Основным фактором конкурентоспособности вуза на рынке образовательных услуг, продвижения в региональной системе непрерывного профессионального образования является качество образования и как следствие — востребованность выпускников конкретными предприятиями, обществом в целом. Многие специалисты рассматривают понятие «конкурентоспособность вуза» как сопряженное с термином «конкурентоспособность выпускника». Эти понятия не тождественны. Конкурентоспособность выпускника — это лишь один из критериев деятельности вуза. Конкурентоспособность выпускника оценивают потребители — студенты и их родители, выпускники, работодатели. Конкурентоспособность вуза оценивает не только потребитель (студент, выпускник, работодатель), но и сам производитель (профессорско-преподавательский состав, управленческий персонал).

В. М. ПОМЕРАНЦЕВ¹: — Меня удивляет, что в разговоре о глобализации еще ни слова не было сказано о ее истории. Можно подумать, что во времена Александра Македонского проблем, связанных с глобализацией, не было. Конечно, были, и еще какие.

Кроме того, на мой взгляд, существуют две проблемы в сфере управления высшим образованием, которые надо разделять. Они совершенно разные. Когда выступал Юрий Степанович Давыдов, это был крик души ректора. Наши ректоры — настоящие герои труда. Только ректорский корпус в те

страшные годы, которые мы пережили, смог спасти высшую школу.

Если мы не разделим ВПО на общее, базовое, и профессиональное, то никаких проблем мы не решим, потому что основы принципиально разные. К общему, базовому, образованию глобализация отношения не имеет. А вот ВПО построено на глобализации, без нее мы его не поднимем.

И главное. На самом высоком уровне прошло сообщение о том, что мы будем приглашать преподавателей из-за границы. Это подход заведомо непродуктивный, и ничего не даст. Но чему нам надо учиться у иностранных специалистов и на что нельзя жалеть денег, так это на создание системы аттестации, причем аттестации не учреждений, а персон. Необходим подъем планки требований в этой области. И тут нам без опыта зарубежных преподавателей не обойтись, так как у них процесс аттестации очень хорошо поставлен. У нас же аттестация налажена плохо и уровень ее чрезвычайно низкий. Компьютеризация в этом плане может многое нам дать, но у нее есть как плюсы, так и минусы.

В заключение хочу сказать несколько слов по поводу троечников. Удивительная вещь, но если проанализировать шкалу успешности выпускников нашей кафедры, например за последние 20 лет, можно назвать 5–10 крупных специалистов во всех отраслях, которые во время учебы в вузе были троечниками. Получается, что именно троечники становятся успешными людьми.

В. В. СЕРИКОВ²: — Что означает *ориентация образования на личность* (о чем говорила Евгения Васильевна)? Это можно понимать двояко: как образование, *развивающее* личность, ее социально значимые качества, и как образование, отвечающее запросам личности, *помогающее* ее самореализации. В тоталитарном обществе во главу ставилось первое направление — формирование личности с «заданными свойствами». Общество с демократической ориентацией заявляет о приоритете второго направления — поддержке самореализации личности. Объявление личности целью образования зачастую было формальностью. Цель, если она не формальна, должна развернуться и материализоваться в содержании образования. Личность там, по сути, никогда не была представлена. Это относится и к надпредметному, и к собственно предметному уровню образования. В самом деле, в какой предметной области мы *обучаем* человека быть субъектом собственной жизни? Иметь собственную позицию? Брать на себя ответственность за собственный выбор? Ведь именно это имеется в виду, когда ведут речь о личностной сфере человека. Такой предметной области, которая бы занималась развитием этой сферы, нет, да и вряд ли это вообще может быть предметом обучения. Кстати, то, что «этому нельзя научить», вовсе не повод для того, чтобы личностно-смысловые структуры не включать в содержание образования. Научение — лишь один и, скорее всего, не самый главный канал, через который *человеческое* проникает в сознание формирующегося

¹ Профессор кафедры технологии катализаторов Санкт-Петербургского государственного технологического института (технического университета), доктор химических наук.

² Заведующий кафедрой управления педагогическими системами Волгоградского государственного педагогического университета, член-корреспондент РАО, доктор педагогических наук, профессор.

человека. Образование как множественность видов опыта не может быть получено лишь через обучение. Основу человеческой сущности — здесь нельзя не согласиться с В. И. Слободчиковым — составляет Другой человек: в этом смысле образование личности состоит в постижении ею мира других личностей. Личностно ориентированное образование так и останется мифом до тех пор, пока мы не задумаемся, для чего мы учимся и... живем. «Знания мне нужны, прежде всего, потому, что я должен *стать человеком...*» (В. А. Сухомлинский).

Мысль о недостаточности предметоцентрического, знаниевого, «вещного» (В. В. Давыдов) образования прозвучала уже давно. Информационно-технологическая цивилизация как общество знаний, виртуальных миров и невероятных коммуникаций поставила человека в позицию, в которой он уже находился ранее в условиях тоталитарных режимов. Эту позицию можно назвать *частичной востребованностью*. Если при тоталитарном режиме человек был нужен как исполнитель государственных «планов и программ», то в условиях техногенно-рыночной цивилизации от него требуется компетентность, конкурентоспособность, мобильность, готовность на любой ступени сойти с дистанции образования и включиться в рынок «товаров и услуг». Мерилом качества образования становится не многообразие культур, а «единое образовательное пространство», точнее говоря, пространство единых ГОС.

В этих условиях может обеспечить сохранение и развитие целостности человека только образование, которое ориентировано не на государственно-идеологическую тотальность или победу в рыночной конкуренции, а на культуру и духовность человека. Личностно ориентированное образование — одна из культурологических моделей образования, которая рассматривает в качестве основы его содержания важнейшие личностные (общечеловеческие) характеристики индивида, связанные с его способностью занимать определенную позицию (С. Л. Рубинштейн), выступать в качестве субъекта собственной жизни, в том числе образования. Можно сказать короче: это образование, в котором личность, *опыт быть личностью* и выступают в качестве его содержания. Данный вид опыта проявляется в таких феноменах, как избирательность, рефлексия, направленность на другого, способность к поиску смысла, ответственность, саморегулируемость, креативность, внутренняя свобода. Личностный опыт нельзя оторвать от его носителя и в неизменном виде передать другому человеку. Этим опыт смыслов отличается от опыта значений. Последний — обще-значим, как, к примеру, теорема Пифагора, которая для всех должна иметь одно и то же значение. Для усвоения опыта значений, *знаниевого* опыта, необходимо выполнить действие, ориентируясь на понятие, раскрывающее данное значение. Как в таком случае передается личностный опыт? Никак! В этом его специфика. Он каждым субъектом создается заново. Этот опыт опосредован не предметной деятельностью, а переживанием события и «откалдывается» в сознании в виде вывода из пережитого, «личностного» (М. Полани) или «живого знания» (В. П. Зинченко). И здесь, как никогда, востребованы исследования по проблемам содержания и норм

развития личностной сферы человека на различных этапах его социализации.

Я хотел бы сказать и о педагогическом высшем образовании как важной ветви ВПО. Все разговоры о культуре будут бесплодны, если мы не подготовим учителя, который так необходим человеку на самом важном этапе его социализации, когда без педагога он обойтись не может. Сегодняшнее профессиональное образование учителя в основном предметно ориентированное, то есть мы по-старинке готовим его работать не с личностью, не с культурой, а с узко понимаемым учебным предметом. О лично сориентированном образовании сегодня говорила академик Евгения Васильевна Бондаревская. Вообще данный термин не очень хорошо принимается общественностью. Что значит личностно ориентированный? На что высшая школа может быть ориентирована? К сожалению, на все что угодно: на интересы государства, идеологию, запросы экономики, политические цели и любые другие. Меньше всего, к сожалению, в отечественной истории система высшего образования ориентировалась на личность.

Как мы можем говорить о том, что у нас личностно ориентированное образование, если личность там никак не представлена. Найдите мне какую-нибудь программу, где речь бы шла о личностном опыте, личностных качествах, личностных свойствах. Дальше объяснительной записки к программам речь об этом не идет. Далее — обычный предмет: химия, физика, математика, география и т. д.

Какие идеи предлагает лаборатория Волгоградского государственного педагогического университета? Мы считаем, что необходимо думать о том, как ввести личностный опыт в содержательное образование в качестве специфического компонента. Здесь возникает вопрос. Традиционное предметное содержание образования может быть задано с помощью учебника, всевозможных технологий, навыков, электронных носителей. А что может быть носителем личностного опыта? Понятно, что поскольку это субъектный феномен, его носителем может быть только другая личность, то есть педагог. И нужно подготовить педагога таким образом, чтобы он выступал носителем тех видов личностного опыта, которые он хочет передать ребенку.

Где, когда, на каких видах деятельности, в каких ситуациях развития он этот опыт может ребенку представить? Традиционно мы готовим учителя к реализации так называемой задачно-деятельностной технологии образования или задачно-деятельностной концепции, потому что только через решение задач и организацию соответствующей деятельности можно усвоить знания. Все попытки перенести эту модель на развитие личности не дают эффекта. Представьте себе на секунду, что кто-нибудь мне сказал: вот предмет, если вы классу его дадите, то у всех детей в классе сформируется нужный и требуемый вам смысл. Ну понятно, это смешно, наивно. Так работать данная технология не может. Иначе можно было бы легко манипулировать детьми. На самом деле работает другой механизм. Его условно назвали ситуационно-событийным, потому что личность образуется из тех событий, которые она переживает, и из выводов, которые она выносит. И работа с личностью ребенка — это попытка ввести его в жизнь, помочь сделать определенные выводы, которые

сформулируются в виде знания. Но это знание мы извлекли не из книг и учебников. Как говорит Владимир Петрович Зинченко, это то самое живое знание, которое вытекает из собственного опыта и, как правило, очень надежно и убедительно.

Этот запрос практики вступает в противоречие с теми исследованиями, которые сегодня ведет педагогическая наука. Я член многих диссертационных советов и скажу так: я никогда не видел диссертации, где была бы разработана некая методика, выполнить которую может только учитель, обладающий такими-то качествами, так-то относящийся к детям и определенным образом понимающий свою роль. Диссертанты, как правило, пишут: нами разработана методика, которая всегда и везде в руках любого учителя даст результат. Но это просто наивно. На самом деле, если мы хотим, чтобы учитель мог работать с личностью, он сам должен быть индивидуальностью. Сразу вспоминается история, которая произошла с известным импрессионистом Клодом Моне. Когда художника на его выставке спросили: «Что в искусстве важнее?», он ответил: «В искусстве важнее не “что”, а “кто”». В практике образования, в подготовке учителя тоже важнее «кто»: кто придет к детям, и не только с какими методиками, технологиями, стандартами и пр.

Где может быть приложена данная теория личностно сориентированного образования, образ которого я пытаюсь коротко обрисовать? Скажем, это ответы на запросы общества о подготовке компетентного человека, который способен грамотно решать различные жизненные проблемы. Компетентность — это свойство личности человека. Компетентен тот, кто нашел определенную нишу для своей индивидуальности, для кого дело является сферой, в которой он может реализовать себя. Поэтому развитие компетентности — это прежде всего развитие личности. Потому и нельзя сказать: «Давайте я приобрету определенные знания и стану компетентным в этой сфере». Усвоить какую-то компетентность невозможно: человек должен создать свою, подобно тому, как личностный опыт может быть только свой, субъективный. Компетентность формируется по модели личностно ориентированного развития человека.

Словом, здесь еще много вопросов. Мне кажется, что наука созрела для того, чтобы создать цельную теорию и практику личностного развивающего образования, которое послужит регулятивом при создании современных ГОС. По крайней мере, не считаться с этими исследованиями уже невозможно. Разработчики содержания образования просто не могут игнорировать данный факт.

О. А. ОМАРОВ¹: — Мое сообщение связано с инновациями в системе непрерывного образования в Республике Дагестан как фактором повышения его качества. Но прежде всего мне хотелось бы сказать о диалоге культур, цивилизаций и о роли образования в этом диалоге.

В культурном многонациональном и многоконфессиональном обществе диалог необходим, и полем

¹ Президент Университетского комплекса Республики Дагестан, директор Дагестанского научного центра РАО (Махачкала), академик РАО, доктор физико-математических наук, профессор.

этого диалога должно являться образование. Как образование, так и наука выступают носителями интеллектуального поля, которое необходимо для диалога культур и цивилизаций. И, разумеется, носителем культуры является интеллигенция как коллективный интеллект данного общества.

Сегодня Дагестан оказался на стыке политических конфликтов. Судьба нашей республики — сохранение и дальнейшее развитие ее культуры в составе России — во многом будет зависеть от эволюции общественного сознания народов Дагестана. Переоценка ценностей, связанная со сложными процессами изменения нашего общества, породила новые, не всегда оправданные веяния.

Акцент на духовное возрождение, формирование общероссийских и национальных ценностей важен, так как в республиках Северного Кавказа возникли не свойственные другим регионам России проблемы, связанные с возрождением ислама, усилением его социальной позиции и политической роли. Некоторые национальные движения и религиозные партии в регионе используют исламский фактор в политических целях, ведется пропаганда создания исламских республик, которая нередко приобретает фундаменталистский, экстремистский характер с угрозой для политической стабильности и сохранения государственности России.

В этот переходный период в соответствии с фундаментальными законами развития природы (диалектики) и человеческого общества важно создавать центры для построения нового общества с определенной идеологической духовной ориентацией, в зависимости от которой можно либо построить исламское государство, либо укрепить российскую государственность в регионах.

В то же время в поликультурном многоконфессиональном обществе диалог культур, цивилизаций определяется средой, интеллектуальным полем, наличием российских научно-образовательных и культурных учреждений и, наконец, пророссийски настроенной интеллигенцией.

Это и будут центры по развитию новой формации и одновременно среда для диалога культур и цивилизаций. Отсюда вытекает необходимость создания новых и укрепления существующих российских научно-образовательных и культурных учреждений.

Перечисленные проблемы нуждаются в глубоких научных исследованиях, анализе и разработке соответствующих рекомендаций, необходимых для нормальной жизнедеятельности региона.

Проблема сохранения и развития единого образовательного пространства актуальна для Дагестана, Северо-Кавказского региона. Рост этнического сознания народов Дагестана в условиях социальной и политической напряженности поставил задачу совместимости целей национального образования с политико-социальными задачами сохранения и развития в новых условиях общего образовательного пространства России.

В современных условиях для формирования региональной инновационной образовательной системы был создан Дагестанский научный центр (ДНЦ) РАО и Университетский комплекс Республики Дагестан (РД).

Их деятельность строится в соответствии со следующими принципами:

— сочетание национальных, общероссийских и общечеловеческих факторов образования;

— сохранение и развитие единого поликультурного образовательного пространства;

— разработка региональных проблем науки и образования;

— направленность на решение актуальных социально-педагогических проблем, а также на формирование среды инновационной деятельности.

К настоящему времени ДНЦ РАО сформировался как научно-педагогическое сообщество, обладающее значительными интеллектуальными, организационными, управленческими возможностями для создания Регионального единого непрерывного инновационного российского образовательного пространства, способного определить позитивное направление социально-экономического развития РД.

Модели оптимизации учебно-производственной деятельности, ее реализации в научных парках, инновационных и исследовательских центрах, технополисах отражают особенности конкретных форм объединений вокруг ведущего университета, обладающего мощным кадровым потенциалом с развитой инфраструктурой, оснащенного техникой и имеющего солидную материальную базу. Такой моделью является созданный в 2001 г. Университетский комплекс РД.

ДНЦ РАО, Университетский комплекс РД как основа интеграции науки и образования региона представляют инновационную составляющую вектора социально-экономического развития Республики Дагестан.

Г. Н. ВОЛКОВ¹: — Я читаю диалоги К. Д. Ушинского, почти забытые сегодня. Это был поборник воспитательной идеи каждого народа, проникнутой национальной волей. И главное — диалог, только он не допускает тотального отупения.

Этнопедагогика — наука о национальном образовании в многонациональной стране, о воспитании национального человека, о формировании этнокультурной личности. Этнопедагогика исключает воспитание людей без рода, племени. Национальный человек больше, чем просто человек (Н. А. Бердяев). Этнопедагогика может функционировать, естественно, только в условиях конструктивных межэтнических диалогов, учитывающих также своеобразие межконфессиональных и даже, может быть, межпрофессиональных диалогов, исключая при этом всякого рода духовно-нравственные, интеллектуальные и другие возможные конфликты.

Остропроблемно мыслящий Дмитрий Сергеевич Лихачев определенным образом допускает глобальный характер диалога: так, например, не между городским интеллигентом и сельским мудрецом, а между городской и сельской культурой и их носителями. Культура крестьянина (специфическая, не в городском понимании!) была своеобразной, высокой, самодостаточной. Особенно там, где по отношению к крестьянам (в первую очередь на Севере) было меньше насилия.

Каждый крестьянин, наследственно владевший своей землей (а таких было немало!), приобретал

у своих родителей и соседей знания, по своему объему (количеству) не уступавшие знаниям, полученным интеллигенцией в университетах. Знали почву, зерно, сроки работ и наиболее выгодные условия посевов. Знали ремесла, которыми занимались в долгие зимние дни вынужденного отлучения от земли. Дети воспитывались в обстановке традиционных народных, национальных праздников, как правило, почти всегда соединявшихся с тем или иным трудовым обрядом. Это было праздничное воспитание, воспитание нравственное и трудовое. Д. С. Лихачев подвел меня к педагогике радости, любви именно на сельском материале, на основе конструктивного диалога села и города. Вероятно, здесь существенно доведение Д. С. Лихачевым диалога культур до партнерства сельской и городской цивилизаций. Культуролог-гуманист, культуролог-демократ даже не побоялся решительно отклонить мысль Маркса об идиотизме деревенской жизни.

В то же время нельзя не заметить, что в глобальном лихаческом представлении диалога городского и сельского чувствуется тревога по поводу крестьянской культуры, явной угрозы ей, особенно увеличивающейся в современных условиях. Сельская культура — своего рода зародыш в зерне народной, национальной культуры. Знаменательно тонкое наблюдение Д. С. Лихачева и вывод его о природе патриотического чувства и сознания: даже уходя на работу в город, крестьянин к старости стремился к себе на родину, к родным могилам и детским воспоминаниям. Здесь обнаруживается поразительный факт: слова почти точь-в-точь совпадают с мыслями К. Д. Ушинского. Не владея документальными доказательствами о знакомстве Д. С. Лихачева с конкретным сочинением великого русского педагога, опять задумываюсь о диалоге и о том, что живой диалог может воскресить мыслителей разных поколений в воспоминаниях.

Основным законом этнопедагогике, названным мной «золотым правилом», «золотой формулой», является следующая прямая взаимозависимость социальных феноменов: «Без памяти исторической — нет традиций, без традиций — нет культуры, без культуры — нет воспитания, без воспитания — нет духовности, без духовности — нет личности, без личности — нет народа как исторической личности». Разумеется, здесь несколько страдает логическая стройность: так, например, соседство культуры и воспитания может помешать признанию самостоятельного функционирования культуры воспитания. Однако, как бы то ни было, это лишь заявка-диалог. А темы конкретные — названы: историческая память, традиции, культура, воспитание, духовность, личность, народ (нация, этнос). Не случайно в книге отзывов Музея Кремлевского кавалерийского полка В. В. Путин оставил запись: «Благодарю вас за сохранение традиций». По А. С. Макаренко, ничто так не скрепляет коллектив, как традиции. Думается, что это касается и национально-этнических образований.

Нация как историческая единица состоит из значимых личностей. О народе судят не по низинам, а по вершинам. Эта тема, пожалуй, наиболее сложная, спорная, которая может сбить нас с пути конструктивного диалога, ибо масштабы личности измеряются субъектами в зависимости от социальных

¹ Директор Научно-исследовательского института этнопедагогике Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева (Чебоксары), академик РАО, доктор педагогических наук, профессор.

ситуаций. Сложность моего положения в современных условиях состоит в том, что мое сознание и убеждение сохраняют величие великих: разрушались памятники, а у меня ни один камень не вынут из пьедестала, однако и то правда, что не может быть однозначных оценочных суждений о гениях.

Все народы — великие педагоги, все великие педагоги — народны, что особенно характерно для полиэтнических государств. Попробуйте мысленно осуществить этнопедагогический обзор народов России, быть может, лучше в границах Советского Союза, чтобы остановиться не на Белоруссии и Карелии, а охватить русских старообрядцев в Латвии. Чукчи до наивной фанатичности честны, у них есть ежегодный праздник честно живущего человека. Ительменов есть пробудительная колыбельная песня. Все народы рано начинают воспитание детей, а эвенки делают это рискованно рано: трехлетнему дают нож, четырехлетнему — лыжи, пятилетнему — весло, шестилетнему — лодочку-берестянку... Юкагиры трехлетним делают лучки, и те из них стреляют по комарам — и попадают. У кереков распространены личные песни. Они автобиографичны, эмоциональны. 72-летний керек поет: «Здравствуйте, я родился...» Далее следуют заветные благопожелания — беречь, поддерживать, любить друг друга. К сожалению, ни диалога культур, ни партнерства с северной цивилизацией не получилось: она исчезает...

Народность великих педагогов созидательна, в их сочинениях преобладают художественные образы, приемы, формы, поэтому они стимулируют диалог культур. Чисто теоретические труды преобладают забвению, а диалоги Сократа, включая и предсмертные диалоги с друзьями, вечны, как и вечность воспитания и человечества. Художественная форма передачи истины нередко содержит прогнозы на будущее, часто на многие годы, опережающие академическую теорию, в том числе и громко провозглашаемую инновационной.

В современном многообразном мире, тем более в полиэтнической стране, педагогика как подлинно демократический и гуманистический социальный феномен конструктивно и эффективно может функционировать только в качестве этнопедагогика. Народная педагогика может действовать только как педагогика свободы и любви. Здание человеческой личности представляется как бы построенным на четырех гранитных глыбах — самом прочном из фундаментов: наука (знание), религия (вера), искусство (красота), воспитание (любовь). «Что такое воспитание?» — спрашивает народная педагогика. «Пример и любовь», — отвечает этнопедагогика. В этом «дворце личности» правят «три сестрички»: совесть, нравственность, духовность.

Своеобразными стимулами диалога являются мечты, предрассудки, сновидения, воспоминания; они интенсифицируют духовно-нравственную жизнь. У Данте: «Воспоминания — это рай, из которого нас никто не выгонит». В воспоминаниях ведут диалоги по меньшей мере поколения трех веков: в XIX в. жили бабушка и дедушка, в XX в. жили мы со своими родителями, но свято хранили в памяти образы и мысли дедушки и бабушки. Мой первый опубликованный этнопедагогический диалог назывался «Моя бабушка». В XXI в. будут жить внуки

со своими детьми и будут вспоминать слова и дела деда, мысленно вступая с ним в диалог. Так естественным образом осуществляется духовная связь трех столетий. Конечно, для вечности маловато, но для духовного бессмертия — вполне достаточно.

К этнопедагогическим критериям, то есть к отличительным признакам, можно отнести преемственность, действенность, непрерывность, полноту педагогического цикла, целостность, комплексность подхода к воспитанию, комбинированность воздействия и др. Этнопедагогические параметры народных знаний о воспитании (интуиция, импровизация, иерархизация выводов и отношений, инвентаризация опыта и идей, дифференциация, индивидуализация) являются своего рода стимуляторами конструктивных диалогов. Этнопедагогические инварианты народного воспитания — природа, игра, слово, дело, общение, традиция, быт, искусственные религии, пример-идеал (событие-символ, идея-символ, личность-символ) — существенно обогащают диалог культур.

В заключение приведу слова Дмитрия Сергеевича Лихачева: «Человеческие ценности, заключенные в культуре, должны быть как можно более многообразными и охватывать собой широкий круг достижений человечества. Широкие и многообразные традиции расширяют “сектор свободы”, сектор творчества. Узкие традиции, традиции неглубокие и короткие, воспитанные на кратких этапах, усиливают “сектор необходимости”. Выбор должен быть большим и общим. Он должен совершаться с полным осознанием значения и смысла традиционных элементов. Собственное наследие в этом круговороте особенно важно. Чем больше культура в себя вбирает, тем больше она отдает человечеству»¹.

А. А. ОРЛОВ²: — Владислав Владиславович Сериков говорил об изменении содержания педагогического образования. Я думаю, что надо сформировать этот субъектный личностный опыт, привести его не только в содержание, но и в процессуальный контекст ВПО. Гарольд Ефимович Зборовский говорил о том, что у нас диалог часто превращается в монолог и затронул тему монолога государства и представителей профессионального сообщества. Я хочу сказать, что у нас, несмотря на все разговоры о гуманизации, в том числе и педагогического образования, тоже господствует монолог — монолог преподавателя и студента. Потому что студент для нас, к сожалению, все еще объект образовательной деятельности. Мне кажется справедливым то, что академик Гусейнов говорил о диалоге культур. Культура не предполагает субъекта. Преподаватели и студенты — носители своей индивидуальной культуры, и ее можно рассматривать как индивидуальную субкультуру.

Современное высшее гуманитарное образование, ориентированное на всемерное развитие субъектности личности студента как носителя индивидуальной и социальной культуры, целесообразно рассматривать как диалог между познающим

¹ Лихачев Д. С. Художественное наследие Древней Руси и современность. Л., 1971. С. 7.

² Заведующий кафедрой педагогики Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого, член-корреспондент РАО, доктор педагогических наук, профессор.

и образовательным пространством. При этом обучение трактуется нами как многообразная познавательная деятельность обучающихся, осуществляемая в различных формах и видах: учение, научное исследование, общение со сверстниками, хобби и др. Такой подход позволяет при соответствующей организации образовательного пространства отождествлять его с содержанием гуманитарного образования, поскольку информационное и экзистенциальное взаимодействие студента с образовательным пространством может продуктивно осуществляться и через внутренний диалог — мышление («речь для себя»), и через общение с текстами (понимаемыми достаточно широко) — внешний диалог/полилог («речь для других»).

Обучение в гуманитарном вузе — феноменологический тип диалога/полилога в образовательном пространстве, в процессе которого, по мнению философов, происходит непосредственный обмен ценностями и понимание Другого. Здесь важно отметить пространственно-временные параметры данного пространства, его историко-культурный контекст и включенность в более широкую социальную систему, порождающую с позиций диалогического подхода мир множества различных Других, требующих от познающего способности (умения) приобщиться, с одной стороны, чужой мир к своему собственному «Я», а с другой — укоренить свое «Я» в социуме. Полнота или недостаточность приобщения является результатом взаимных усилий обучаемого и обучающего, что предполагает наличие высокого уровня профессиональной культуры у преподавателей вуза. Полноценный диалог возможен только при трансформации субъектно-объектных отношений в высшем гуманитарном образовании в субъект-субъектные.

Пространственно-временные характеристики образовательного пространства гуманитарного вуза имеют объективный характер, неразрывно связаны друг с другом, бесконечны. Они отражают универсальные свойства времени — длительность, неповторяемость, необратимость, и всеобщие свойства пространства — протяженность, единство прерывности и непрерывности, со-бытийность сосуществования явлений, что позволяет определить хотя бы в первом приближении масштабы этого сосуществования. Эти характеристики и обуславливают поликультурный характер обучения в гуманитарном вузе, если его понимать как «межкультурную коммуникацию».

Структурируя образовательное пространство, мы можем увидеть его поликультурность как по вертикали — цели образования, его содержание и технологии, субъекты образовательного процесса и их взаимодействие, так и по горизонтали — межличностное индивидуальное и групповое общение студентов в вузе и социуме.

Пространственно-временные и человеческие составляющие образовательного пространства гуманитарного вуза как открытой социальной системы порождают его межкультурные особенности — межпоколенческие, профессиональные, этнические, политические, социальные, расовые, гендерные и др. В эпоху глобализации и информатизации человеческого сообщества эти свойства образовательного пространства становятся неотъемлемым атрибутом

каждого вуза, определяя тем самым необходимость серьезного обновления целей, содержания и технологий современного гуманитарного образования. В процессе познания обучающийся (по М. М. Бахтину) должен быть поставлен в позицию субъекта, собеседника, соучастника данной деятельности, который выражает свое мировоззрение, заявляет о своей точке зрения на объект знания, то есть проявляет свою хронотопическую позицию путем самовыражения своего «Я». Процесс ответственного и сознательного овладения реальностью ведет к превращению акта деятельности в «поступочное», «участное» познание поступков, переживаний, высказываний. Поскольку индивидуальное становление студента «человеком культуры» в контексте реального исторического времени и пространства возможно только с единственно неповторимой «Я-позиции», само это постижение содержания гуманитарного образования стимулирует личностный рост и профессиональное развитие обучающегося.

Поликультурность диалога/полилога в образовательном пространстве гуманитарного вуза предполагает серьезную аналитико-диагностическую пропедевтическую работу по изучению его межпоколенческих, этнических, субкультурных и других особенностей как на групповом, так и на индивидуальном уровне. Данная пропедевтическая работа является отправной точкой при проектировании образовательного пространства каждого конкретного вуза. Очень важно, чтобы аналогичную работу проводил каждый преподаватель при взаимодействии со студентами; ее результаты играют важную роль в разработке научно-методического обеспечения становления субъектности и развития познавательного потенциала студентов на поликультурной основе.

Изучение поликультурных особенностей образовательного пространства стало для кафедры педагогики ТГПУ им. Л. Н. Толстого отправной точкой модернизации изучения педагогических дисциплин. Были скорректированы не только цели, содержание и технологии обучения студентов педагогическим предметам, но и учебно- и научно-методическое сопровождение этого процесса.

Одним из важных направлений усиления поликультурной направленности профессиональной подготовки будущих учителей в вузе является активное использование технологий *проектного обучения*. Применяемая в ходе изучения педагогических курсов, на экзамене по курсу «Педагогические технологии и управление образовательными системами», а также при подготовке и проведении государственного экзамена по педагогике, психологии и методике преподавания предмета, технология проектного обучения является продуктивным способом развития способности будущего учителя ориентироваться в социокультурной ситуации, анализировать ее и принимать адекватные сложившимся обстоятельствам решения.

Применение метода проектов в преподавании педагогических дисциплин начинается уже при изучении курса «Введение в педагогическую деятельность». Студентам предлагается проектировать занятия кружка, секции или клуба по интересам, которые они на данный момент в силах организовать; составить стратегию своего профессионального развития и др.

Проектирование осуществляется и на занятиях по курсам «Общая педагогика» (проектирование отдельных компонентов воспитательной системы школы, проект деятельности классного руководителя по различным направлениям содержания воспитания во время психолого-педагогической учебной практики), «Педагогические технологии» (проекты фрагмента урока, внеурочного мероприятия по предмету, внеклассного воспитательного мероприятия, фрагмента родительского собрания и др.).

Разработка проектов предлагается и для итоговой государственной аттестации. Студенты готовят комплексное обоснование проектов уроков, сконструированных с учетом заданных параметров психолого-педагогической характеристики учебных групп разного возраста, состава, уровня обученности и обучаемости, воспитанности учащихся и т. д.

Проектная деятельность при анализе педагогических ситуаций помогает студентам осознать различия между задачами функциональными, связанными с выполнением должностных обязанностей учителя, и задачами педагогическими, ориентированными на личностное взаимодействие с учениками.

Обновление технологий проектного обучения предполагает разработку методических указаний для подготовки как индивидуальных проектов, так и групповых, с тем чтобы при их создании студенты были сориентированы не только на использование уже существующих форм взаимодействия с учениками, но и на совместную деятельность с коллегами и родителями учащихся при анализе педагогических ситуаций, вычленении и решении профессиональных задач.

Включение студентов в разнообразную деятельность по разработке и реализации социальных и педагогических проектов в период учебно-исследовательских практик, в процессе подготовки к университетской олимпиаде по педагогике и НИРС способствует развитию их внутреннего и внешнего диалога, при этом не только формируя представление о пространственно-временном характере их познавательной и будущей профессиональной деятельности, но и приучая их соотносить свое мировосприятие с мироощущением других людей.

Для формирования позитивной профессиональной «Я-концепции» используются диалоговые технологии, предполагающие реализацию проблемно-поисковых методов, которые требуют активной мыслительной деятельности студентов, творческого поиска, анализа собственного опыта и накопленных знаний, умения обобщать частные выводы и решения. Познавательная деятельность студентов протекает под руководством преподавателя, который цепочкой вопросов и заданий подводит их к самостоятельным выводам и обобщениям.

В процессе проведения учебных дискуссий выявляются и формируются ценностные позиции студентов по отношению к педагогическому знанию. При изучении цикла педагогических дисциплин предлагаются следующие темы дискуссий: «Педагогическая профессия: ремесло или искусство?», «Можно ли считать педагогическую деятельность профессиональной?», «Болонская конвенция: плюсы и минусы...»; «Какой фактор оказывает определяющее воздействие на формирование личности: наследственность, среда, воспитание?», «Какой

метод обучения (воспитания) является наилучшим, универсальным?», «Ребенок: объект или субъект воспитательного процесса?»; «В чем принципиальные различия между педагогической и психологической диагностикой?», «В чем специфика педагогической этики?», а также обсуждаются проблемы, спонтанно возникающие при анализе различных педагогических ситуаций.

Перспективным направлением поликультурного образования студентов является реализация сценарного подхода при проектировании учебных занятий. Разработка сценариев различных форм занятий (семинаров разных типов, лабораторно-практических занятий, практикумов и др.) позволяет не только спроектировать учебно-познавательную деятельность преподавателя и студентов, но и, учитывая групповую и индивидуальную субкультуру студентов, спрогнозировать применение комплекса педагогических условий, опора на которые позволит оптимизировать процесс изучения педагогических дисциплин. Главная особенность сценария учебного занятия (в отличие от обычного плана) состоит в том, что в нем представлена динамика развития хода данного занятия в соответствии с заданными целями.

Реализация диалоговых технологий на разных этапах учебного процесса (при первичном овладении знаниями, закреплении и совершенствовании знаний, формировании умений и навыков) способствует индивидуализации обучения, формированию мотивированного отношения к учению и интеллектуально-эмоционального отклика на процесс познания.

При изучении педагогических дисциплин используются приемы, формирующие опыт учебной деятельности, самостоятельной работы с книгой: учебной, справочной, художественной, публицистической и другой; комментированное чтение, выполнение практических упражнений на основе прочитанной литературы, составление плана прочитанного текста; подбор выписок по заданным вопросам; конспектирование текста; составление рефератов по нескольким литературным источникам; составление плана положений, сформулированных в литературном источнике; поиск объяснения отдельных терминов в словарях, справочниках, энциклопедиях; выполнение практических заданий с использованием нормативной, справочной литературы.

Обновленные цель, содержание и технологии изучения учебных курсов по педагогике нашли свое отражение в созданных на кафедре педагогики программах всех учебных дисциплин и пособиях-практикумах: «Введение в учебно-познавательную и будущую профессиональную деятельность студента педвуза», «Практикум по педагогике», «Педагогические технологии», методический аппарат которых построен на диалогической основе и направлен на развитие педагогического мышления будущих учителей, формирование их ключевых и базовых компетенций. Два пособия получили грифы УМО по специальностям педагогического образования и Министерства образования РФ.

При конструировании учебного содержания практикумов реализуются культурологический и деятельностный подходы, которые отражаются и в структуре пособий этого типа: *отработка базовых понятий* по каждой теме, где предлагаются

задания на выстраивание иерархии понятий, поиск общих и специфических признаков понятий, поиск аргументов за и против различных признаков и другое; *работа с текстами*, где содержатся задания на определение основного смысла текста, оценку качества аргументации автора, определение индивидуальной ценностной позиции студента и прочее; *работа с педагогическими ситуациями*, где даются задания, направленные на отработку навыка анализа условий учебно-воспитательного процесса, выделение причин и следствий педагогической ситуации и тому подобное; *блок самоконтроля* с заданиями, ориентированными не только на воспроизведение знаний, но и на формирование оценочных суждений, навыков обоснования своей точки зрения и другое; *система заданий для самостоятельной работы студентов* разного типа и уровня сложности (репродуктивные и творческие, обязательные и по выбору).

Пособия-практикумы включают не только теоретические знания, но и внеаудиторные тексты (отрывки из художественной литературы и публицистики), что позволяет развивать не только интеллектуальную, но и эмоционально-ценностную сферу личности будущего учителя. Модульная структура учебных курсов, включающих указанные элементы учебного содержания, обеспечивает оптимальное управление познавательной деятельностью студентов, стимулируя их познавательную самостоятельность и активность.

Выстраивая образовательное пространство изучения педагогических дисциплин, мы не только проектируем аудиторную и внеаудиторную учебную и исследовательскую деятельность студентов, но и расширяем пространственные рамки познания, включая в него образовательные учреждения разного типа, ближнее социальное окружение вуза и школы, общественные организации и профессиональные сообщества педагогов и т. п. Это погружает студентов в профессиональные, межпоколенческие, субкультурные, этнические и другие коммуникации, активизирует применение разнообразных форм и методов познавательной деятельности.

Такая работа формирует у будущих учителей эмоционально-ценностное отношение к педагогическому знанию, познавательные умения и навыки, коммуникативные (диалогические) способности, направленные на осмысление учения как поликультурного диалога/полилога с многообразным текстом жизни.

Я поддерживаю мнение Гузели Валеевны Мухаметзяновой о том, что важное направление, позволяющее ввести такой диалог в современное профессиональное образование, — это внедрение технологии проектного обучения. Оно позволяет формировать те профессиональные компетенции, которые так востребованы сегодня.

О. В. ГУКАЛЕНКО¹: — Образовательное пространство — категория, которая определяет образовательную политику.

Современные реалии демонстрируют серьезные изменения в жизни мирового сообщества и отдель-

ных государств. В мире усиливаются процессы глобализации, интеграционные и миграционные процессы, усложняется культурное взаимодействие, что выдвигает на первый план необходимость более тесной взаимосвязи стран и народов в решении общечеловеческих и национальных проблем. Создан Европейский союз, введена единая валюта, в области образования подписана Болонская декларация, направленная на сближение образовательных систем и стандартов стран Европы. В связи с этим актуализируется вопрос о создании единого поликультурного образовательного пространства, содружества, призванного обеспечить диалогические, толерантные отношения между культурами наших народов.

Особая роль образования в решении проблем интеграции стран — участниц СНГ обусловлена тем, что оно наиболее открыто для различных контактов, в нем создается атмосфера взаимопонимания, глубже осмысливаются общие задачи, современные тенденции развития общества. Важным фактором восстановления образовательного пространства на территории бывшего СССР является сохраняющаяся близость научно-педагогических и организационных основ образовательных систем стран СНГ.

Формирование единого образовательного пространства стран СНГ не может сводиться к механической сумме отдельных национальных культур, оно есть процесс и результат их диалога.

Единое образовательное пространство СНГ призвано стать условием развития национальных систем образования и выведения их на новый уровень качества, а также гарантом расширения и углубления всех форм отношений между государствами Содружества.

Единое образовательное пространство не может возникнуть как результат механистического соединения множества образовательных систем. Построение такого пространства предполагает наличие прочного научного фундамента, разработанных подходов к объяснению отношений новых государств. Нужна общепринятая концепция, теоретическое обоснование становления и осуществления функциональных связей между субъектами СНГ как участниками и организаторами образовательного пространства.

Единое образовательное пространство характеризуется общностью принципов государственной политики в сфере образования, согласованностью ГОС и программ, равными возможностями и свободной реализацией прав граждан на получение образования в любом учебном заведении на территории города, региона, республики, стран Содружества.

Учитывая сложившуюся в науке традицию, под *образовательным пространством СНГ* мы понимаем особую реальность, создаваемую на основе укрепления и углубления связей национальных образовательных систем, обеспечения условий для их культурного взаимообмена и взаиморазвития, направленную на подготовку молодежи к жизни в условиях быстро меняющегося мира, на формирование умений общаться и сотрудничать с людьми разных национальностей, рас, конфессий. Новое образовательное пространство выстраивается на основе национальных традиций, национально-культурной идентификации подрастающего поколения,

¹ Профессор кафедры педагогики Ростовского государственного педагогического университета (Ростов-на-Дону), член-корреспондент РАО, доктор педагогических наук.

с учетом общемировых тенденций развития и общечивилизационных идеалов.

Мы видим целесообразность и востребованность в методологическом обосновании концепции не просто единого образовательного пространства СНГ, а единого поликультурного образовательного пространства СНГ.

Поликультурное образовательное пространство не сводимо к множеству национальных и социальных культур и вырастает из признания внутренней диалогичности любой культуры. Под *поликультурностью* понимается способность человека жить среди различных мыслящих культур, интегрировать в своем сознании различные культурные смыслы.

В условиях многокультурного мира следует обеспечить каждому человеку возможность понять другого и мир в целом в его хаотичном движении к некоему единству. Для этого необходимо научиться понимать самих себя, осознать свою культурную идентичность. Знание особенностей и самобытности культуры собственного народа способно помочь личности глубже понять национальный характер, нравственно-духовные принципы и идеалы другого и проникнуться уважением к их носителям.

Поликультурное образовательное пространство уникально по своему назначению, оно характеризуется открытостью, способностью быстро реагировать на возникающие образовательные потребности человека и социума, отражает специфические характеристики культурного и этнического многообразия и выступает универсальной образовательной средой социализации человека.

Обоснованием разработки концепции и модели единого поликультурного образовательного пространства СНГ служит и то, что оно выступает в многокультурном обществе как: *фактор* социальной стабильности и адаптации личности в инокультурной среде; *путь* реализации ценностных ориентиров; *средство* удовлетворения образовательных, познавательных и культурных потребностей человека; *форма* социально-педагогической поддержки личности; *способ* межкультурного общения.

Главной целью поликультурного образовательного пространства должно стать создание гуманистической атмосферы, ориентированной на культуросообразный подход в воспитании человека Культуры.

Концепция единого поликультурного образовательного пространства СНГ основана на следующих принципах:

1. Принцип культуросообразности. Он носит фундаментальный характер, дает общую установку на исследование и разработку педагогических систем сообразно культуре в ее современном понимании. Принцип культуросообразности предполагает организацию образования как культурного акта представителей разных национальностей, конфессий, рас; установление взаимодействия национальных культур на основе диалога, формирование этнокультурной компетентности, межнационального и межкультурного согласия во всех сферах общения и жизнедеятельности.

Культуросообразность образования означает, что оно соответствует разнообразной палитре культуры, способствует культурной идентификации личности, обеспечивает систему культурных функций, способствует раскрытию личностной культуры каждого человека.

Культурные формы, модели, системы, как правило, опережают социальное развитие. Они выводят образование за рамки национальных культур, делая его посредником их диалога, пространством, где сходятся и взаимодействуют разные культуры.

В контексте формирования единого образовательного пространства СНГ принцип культуросообразности определяет необходимость его проектирования по модели культуры с учетом многослойности, внутренней неоднозначности культуры и опорой на современные культурные процессы.

2. Принцип поликультурности. Для отечественного образования как в России, так и в странах СНГ понятие «поликультурность» охватывает образовательное пространство, которому свойственно языковое, культурное и духовное разнообразие. При этом особенности поликультурности объясняются рядом объективных сложностей: во-первых, культурной и ментальной разнородностью общества; во-вторых, востребованностью обеспечения духовного формирования личности как члена единого социального, экономического, политического и культурного пространства; в-третьих, необходимостью осуществлять эти идеи на двуязычной, бикультурной и биментальной основе.

Учитывая эволюцию развития идей поликультурности в образовании, следуя логике формирования педагогических представлений о ее сущности, поликультурность мы рассматриваем как *многообразие сущности культуры не только в контексте диалога различных культур и субкультур, но и во всех аспектах освоения человеком системы ценностей и его приобщения к поликультурной действительности мира.*

3. Принцип диалога. Диалогичность как сущностная характеристика культуры является универсальным критерием, который организует мышление человека, обеспечивает саморазвитие культуры, воспроизводство личности. Создание культурологической концепции диалогических отношений принадлежит М. М. Бахтину. Впоследствии она была развита В. С. Библером. В целом данная теория может быть представлена несколькими основополагающими постулатами:

— культура есть форма общения (диалога) культур;

— диалог культур, являясь условием существования культуры, предполагает постоянное взаимообогащение, взаиморазвитие, взаимопреобразование, но при сохранении различия между его участниками;

— существуют два полюса диалога — микродиалог, пронизывающий каждую единицу человеческого сознания, и макродиалог — диалог в Большом времени культуры;

— каждая культура способна говорить на своем языке, но при этом — о метавопросах, метаидеях, субстанциональных для языка любой другой культуры.

Диалогичность — это особое качество, обеспечивающее сохранение и развитие культуры. Межкультурный диалог — это особая форма общения. Его характерные особенности: равенство общающихся сторон; взаимная открытость; принятие «чужих» ценностей как самодостаточных и неповторимых.

Построение поликультурного образовательного пространства СНГ именно как диалога с Другими,

осуществляемого на государственном уровне, предполагает особый характер межсубъектных отношений. Это такого типа взаимодействия, при котором межнациональное общение разворачивается на основе углубляющихся процессов национальной идентификации. Поликультурный диалог возможен только тогда, когда субъекты СНГ *сохраняют свои этнозначимые характеристики*, требующие постоянного воспроизводства. Развитие национальных культур является неперенным условием межгосударственного взаимодействия в области образования. Обращение к общезначимым проблемам предполагает их рассмотрение через призму *национального своеобразия каждой из стран*.

4. Принцип единства интеграции и дифференциации. Если соотнести эти понятия с эволюцией отношений стран — участниц СНГ, то можно увидеть, что вначале преобладающими были процессы дезинтеграции, от которых молодые государства постепенно стали разворачиваться к интеграции и дифференциации. В развитии их позиции можно обозначить несколько этапов:

- ориентация на разрыв, отрицание общего прошлого, предельное обособление и выделение своего, национального;

- понимание необходимости найти собственное место в мировом и постсоветском пространстве, определить принципы построения отношений с другими государствами;

- понимание важности и значения восстановления устойчивых связей в рамках Содружества как наиболее значимых и внутренних необходимых.

Применяя принцип единства интеграции и дифференциации в процессе организации образовательного пространства, следует избегать ряда ошибочных действий. Чрезмерное сближение национальных образовательных систем, выделение какой-то одной как доминирующей в ущерб всем остальным может привести к утрате образовательного пространства. Если начинает господствовать одна из образовательных систем, подчиняя себе остальные, то становится невозможной передача многослойности и внутренней диалогичности культуры в пространстве образования.

При максимально возможном приближении к практике *принцип единства интеграции и дифференциации выражается в необходимости соблюдать равноправие всех субъектов СНГ*, представленных в образовательном пространстве. Организуя его, *нельзя допускать слияния разных образовательных субпространств* в однородное пространство.

Поликультурное образовательное пространство СНГ изначально предполагает установку на единство индивидуализирующихся в процессе соответствующего взаимодействия субъектов. Осуществление этого единства возможно через активное присутствие в общезначимом пространстве каждого из государств. При этом общее принимается, преломляясь через особенности национальной образовательной традиции. Такое единое образовательное пространство включает огромное число внутренних субпространств, пересекающихся плоскостей, образующих структурно-содержательные поля.

На современном этапе развития единого образовательного пространства дифференцированность

образовательных систем стран — участниц СНГ, безусловно, слишком велика. В большинстве случаев устанавливаются только двусторонние связи, многие государства психологически не готовы к сближению и продолжают настаивать на своей автономности. Это затрудняет формирование образовательного пространства. Использование принципа интеграции и дифференциации позволяет преодолеть *особый психологический барьер — страх потери этносубъектами СНГ* (прежде всего на государственном уровне) *самостоятельности, утраты «престижности «Я-субъекта»»*¹.

При построении единого образовательного пространства Содружества необходимо найти некий интегрирующий механизм, позволяющий объединять усилия всех стран. Это могут быть образовательные проблемы, поставленные современной цивилизацией и одинаково актуальные для каждого государства, то есть *приоритетные направления образовательной политики*.

5. Принцип обмена идентичностями. Смысл этого принципа раскрывается в следующем: поликультурное образовательное пространство не только стимулирует диалогическое взаимодействие между носителями разных культур, между разными этническими субъектами, но и создает возможность заимствования «чужих» культурных ролей. За полтора десятилетия самостоятельного развития страны СНГ накопили немалый опыт организации образовательных систем. Уроки, приобретенные одним государством, могут быть продуктивными для других.

Странам Содружества единое образовательное пространство необходимо для решения своих внутренних проблем, а также как *оптимальный способ выхода в мировое пространство знаний*. Поликультурное образовательное пространство может стать стабилизатором социально-психологической обстановки в каждой из стран и в Содружестве в целом. Оно является фундаментом для широкого *политического диалога народов СНГ*.

Значимость формирования единого поликультурного образовательного пространства СНГ бесспорна. Оно необходимо и при решении проблем соотношения интересов наций в многонациональном государстве, и во взаимодействии интересов и потребностей личности, нации и общества в целом, и в процессе взаимопроникновения и взаимодействия различных культур. Оно позволяет выяснить, при каких условиях отношения между государствами отличаются стабильностью, как развивать взаимоприемлемые варианты сотрудничества и взаимопонимания.

Несколько слов об особенностях образовательной системы Приднестровья, ее интеграции в единое образовательное пространство.

Образовательная система Приднестровской Молдавской Республики — неотъемлемая часть культурного и образовательного пространства России, ее отличает высокая концептуальная, методологическая и методическая база, основанная на лично ориентированной педагогике, идеях интеграции и поликультурности, выступающих основополагающими принципами в развитии

¹ Образовательное пространство России: проблемы интеграции / С. К. Бондырева [и др.]. М., 2004.

единого поликультурного образовательного пространства.

Во все годы существования Приднестровской Молдавской Республики образование рассматривалось как один из важнейших факторов национальной безопасности, успешного развития экономики, социальной сферы, гражданского общества. Оно является приоритетным направлением государственной политики.

Не будет преувеличением сказать, что система образования является одним из факторов, определяющих вектор государственного строительства Приднестровской Молдавской Республики. Несмотря на неурегулированность политического статуса, институт образования Приднестровья тесно взаимосвязан с принципом свободы образования, что существенно дополняет и расширяет его содержание как социального права и права человеческой солидарности. Такой подход к пониманию права на образование, несомненно, способствует формированию привлекательного имиджа нашей республики, а также международному признанию Приднестровья как равноправного субъекта международного сообщества.

Мы благодарны Международной Славянской академии образования им. Я. А. Коменского (МСАО) за поддержку системы образования Приднестровья, за их высокую миссию объединения братских народов на идеях мира, культуры, добра и возлагаем большую надежду на расширение нашего сотрудничества с национальными академиями образования славянских и других государств, академиком, научно-педагогическим сообществом в рамках реализации проектов МСАО и единого поликультурного образовательного пространства СНГ.

Н. Д. НИКАНДРОВ: — Мыслей у всех много. Как сказал Геннадий Никандрович, диалог спасителен. Я не возьму на себя смелость обобщить все,

что здесь прозвучало. Мы начали говорить о конкретном деле (это было выступление Юрия Степановича Давыдова о Болонском процессе), но потом перешли к общим вопросам связи и диалога культур. Это было интересно. Диалог в культуре, да и где угодно, нам действительно нужен. Если его нет, мы замыкаемся в себе. Как правило, мы замыкаемся на своих бедах и пристрастиях и не можем поделиться полезным опытом с теми, кто нас окружает. И если мысли наши на самом деле печальные, то это накладывает на нас глубокий отпечаток. Но эта тема требует отдельного разговора. Важно то, что нам нужно быть оптимистами. Когда я встречаюсь с пессимистическими и оптимистическими взглядами, это столкновение подхода к российской истории, особенно древней, М. В. Ломоносова, который говорил о величии России, и академиком Российской Императорской академии наук, которые утверждали, что в России все и всегда было плохо и соответственно будет тоже плохо. М. В. Ломоносов понимал беды российской истории, часто это столкновение пессимистического и оптимистического взглядов на самые разные предметы.

Господин Валлерштайн — профессор Йельского университета (США), по национальной принадлежности немец, однако в своем выступлении говорил тоже довольно пессимистически. Начал о взаимодействии культур, о том, что необходимо мирно сосуществовать, а потом перешел к тому, что современный мир находится в потрясающем дисбалансе. По этому поводу мне вспомнилось стихотворение Шиллера «Надежда» о великой силе надежды. Смысл в следующем: человек всегда говорил о лучших временах, о золотой цели; мир становится старым, потом обновляется, а человек всегда думает о лучшем. Давайте же и мы при всех бедах, которые действительно есть в ВПО, будем надеяться на лучшее. И основания для надежды, что мы постепенно сделаем образование лучше, есть.

ДОКЛАДЫ

Б. А. Вульфсон¹

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПЕДАГОГИКА В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Растущая взаимозависимость стран современного мира в условиях развивающейся глобализации и расширения контактов между людьми разных национальностей, рас и конфессий, экспорт и импорт социальных и культурных моделей за пределы национальных границ закономерно обуславливают все больший интерес к международным сопоставлениям в сферах общественной жизни. Сложилось особое направление научных исследований — *компаративистика*. В ее контекст вплетаются и сопоставления в области образования, ставшего одной из самых обширных сфер человеческой деятельности, где занято более миллиарда учащихся и 60 млн учителей и где идут интенсивные поиски новых

принципов и методов обучения и воспитания, отвечающих потребностям складывающейся постиндустриальной цивилизации.

Анализ мирового опыта развития образования призвана осуществлять *сравнительная педагогика* — самостоятельная отрасль научного знания, имеющая свой предмет и свои специфические задачи. Она анализирует преимущественно в сопоставительном плане состояние, основные тенденции и закономерности развития образования в различных странах, геополитических регионах и в глобальном масштабе, вскрывает соотношение всеобщих тенденций и национальной специфики, выявляет позитивные и негативные аспекты международного педагогического опыта, формы и способы взаимообогащения национальных педагогических культур, способствует ликвидации «белых пятен» на педагогической карте мира.

¹ Главный научный сотрудник Института теории и истории педагогики РАО (Москва), член-корреспондент РАО, доктор педагогических наук, профессор.

Сравнительной педагогике присущи междисциплинарные аспекты. При проведении сопоставительных исследований нередко оказывается необходимым обращаться к содержательным данным и методическому инструментарию социологии, демографии, политологии и ряда других наук. Полученные педагогами-компаративистами новые знания используются учеными-обществоведами для более глубокого и всестороннего освещения своих проблем. Междисциплинарные сопоставительные исследования выявляют синергетический эффект совместного влияния семьи, школы и других общественных институтов на формирование личности молодого человека, его социальных убеждений, этических и эстетических идеалов. В рамках сравнительной педагогики определяются научно обоснованные критерии, на основе которых возможна объективная оценка эффективности и качества образования в той или иной стране.

Наряду с фундаментальными теоретическими аспектами сравнительная педагогика имеет и непосредственное практическое значение, особенно в период интенсивной модернизации образования. Анализируя состояние и тенденции развития образования в мире, педагогическая компаративистика систематически соотносит зарубежный и отечес-

венный опыт, что может способствовать более глубокому осмыслению наших собственных проблем, исправлению ошибок и просчетов, повышению эффективности деятельности отечественной системы образования. Анализ проводимых за рубежом реформ образования, их успехов и неудач, может играть роль экспериментальной проверки, подтвердить или поставить под сомнение целесообразность принимаемых решений. Необходим строгий учет специфики национальных педагогических традиций России и своеобразия стоящих перед ней социальных и культурных задач.

Сравнительная педагогика — не только отрасль научного знания, но и учебная дисциплина. Она должна занять достойное место в системе педагогического образования. Ознакомление с ее проблематикой способствует расширению научно-педагогического кругозора и повышению общекультурного уровня студентов, аспирантов, преподавателей, помогает им лучше понять закономерности развития современного педагогического процесса, определить место и роль российской системы образования в мировом образовательном пространстве, глубже уяснить гуманистический потенциал теории и практики отечественной педагогики.

Е. О. Галицких¹

ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ВОСПИТАНИЮ ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТИ У ВЫПУСКНИКОВ УНИВЕРСИТЕТА

Я мыслю себе XXI век как век развития гуманитарной культуры, культуры доброй и воспитывающей, закладывающей свободу выбора профессии и применения творческих сил.

Д. С. Лихачев

Научный интерес к изучению проблемы воспитания интеллигентности у выпускника университета сформировался в моих исследованиях с 1990 г. и получил свое развитие в условиях педагогического, а затем гуманитарного университета. Личностное начало в профессиях сферы «человек + человек» так велико и значимо, что гуманитарный университет призван свою образовательную миссию направить на совершенствование этого человеческого ресурса, и в этой стратегической задаче содержание гуманитарного образования становится источником воспитания интеллигентности как способности к пониманию культуры, жизни общества, к принятию ценностей гуманизма и самосовершенствования как стиля жизни. Мы забыли о том, что *интеллигентный человек в первую очередь человек «понимающий»* (от лат. *intellegens* — понимающий), общество ощущает потребность в интеллигентных людях, необходимость их присутствия в жизни «повседневной». Формирование потребности быть толерантным, понимающим другого, сопереживающим, имеющим «интуицию совести» (А. А. Ухтомский) требует уважения к человеку и доверия к нему, искреннего желания работать на «доминанту души», бескорыстия и духовной свободы.

Развитие гуманитарного университета в контексте проблем глобализации ВПО создает условия

для внедрения герменевтического подхода в теорию и методику профессионального гуманитарного образования как путь и метод воспитания интеллигентности, то есть способности к пониманию культуры, жизни общества и себя как гражданина своего отечества и представителя своей профессии. Реализация данного научного замысла требует постановки конкретных задач, для этого необходимо:

— изучить «интеллигентность» как культурно-педагогический феномен отечественного образования;

— раскрыть диалоговую позицию преподавателя университета как способность к пониманию человека и процессов его становления в историко-педагогическом контексте;

— исследовать потенциал всех источников духовно-нравственного и профессионально-личностного становления студентов университета;

— разработать и реализовать в практической деятельности пути и возможности герменевтического подхода к воспитанию интеллигентности в образовательной практике университета.

Ведущие идеи реализации герменевтического подхода в контексте глобализации:

1. Современное образование является герменевтическим, то есть создающим условия для формирования способности и готовности к пониманию, истолкованию, объяснению, интерпретации всех видов текстов как отражения духовной жизни человека.

¹Заведующая кафедрой литературы и методики обучения литературе Вятского государственного гуманитарного университета, доктор педагогических наук, профессор.

2. Современное содержание гуманитарного образования основано на диалектике «классики и современности», «вечной молодости науки», поиске «золотого сечения» между вечными вопросами бытия и проблематикой профессионально-личностного становления будущего специалиста. Такой потенциал позволяет герменевтическому подходу интегрироваться в смежные сферы гуманитарного знания, философскую, филологическую, педагогическую и психологическую герменевтики и стать основой для интеграции в образовании, «точкой бифуркации» в профессиональном развитии личности студента.

3. Современный студент может ощущать себя субъектом образовательного процесса, автором своей жизни и гражданином своего отечества, интеллигентом как представителем духовно-нравственной культуры своего народа.

4. Современный подход к организации образовательного процесса должен быть диалогичным, то есть включающим студента и преподавателя в диалоговые отношения, в процесс обмена ценностями, в жизнь.

5. Современный преподаватель вуза включает студента в коллективную творческую деятельность образовательного, воспитательного, культурологического, развивающего содержания: проведение мастерских ценностных ориентаций, спецкурсов, применение современных педагогических технологий с целью воспитания потребности быть интеллигентным человеком и постоянно расширять свой опыт самосовершенствования.

6. Современные условия образования позволяют реализовать методы герменевтики в любой сфере человеческой деятельности: включить рефлексию, интерпретацию, истолкование, коммуникацию и понимание — во все формы «образовательной встречи» (В. И. Слободчиков) студента с культурой, наукой, философией, религией, искусством.

7. Современный человек, выпускник университета, может быть представителем культуры своего народа, способным к пониманию единства прошлого, настоящего и будущего его исторического развития, защитником его духовно-нравственных ценностей. А для этого ему необходимо обладать широким спектром знаний, опытом нравственной жизни, ответственным отношением к своей гражданской позиции и профессиональной самореализации.

Что удалось сделать и какие идеи реализовать в процессе внедрения герменевтического подхода в образование студентов-филологов Вятского государственного гуманитарного университета?

1) Провели широкомасштабную работу в Год гуманитарной культуры, Год памяти Д. С. Лихачева и обобщили результаты на общественно-литературном форуме «Русский человек на изломе эпох в отечественной литературе» и в книге «“Племя младое, незнакомое” в диалоге с Д. С. Лихачевым».

2) Включили в учебный план и образовательный процесс филологического факультета спецкурс и спецсеминар «Духовно-нравственное воспитание интеллигентного человека в гуманитарном университете». Основу содержания спецкурса составляет изучение источников духовно-нравственного воспитания современного человека: философии, эмпирической действительности, искусства, науки,

религии — и включение их в контекст современной профессиональной проблематики выпускника университета. Основу спецсеминара составляют программы самосовершенствования выдающихся деятелей науки и культуры России как «школы жизни в науке и искусстве». Итогом является разработанная каждым участником спецсеминара программа своего самовоспитания, понимания смыслов и ценностей интеллигентного человека, обозначение перспектив своего развития и свободного чтения. Осознанная непрагматическая познавательная потребность студента воплощается в программе профессионально-личностной самореализации.

3) Разработали и внедрили программу филологического спецсеминара, который формирует профессиональную способность студента к пониманию культурных, научных, художественных текстов.

4) Подготовили к изданию книги «Заветное» (М., 2008) с методическими рекомендациями для студентов, позволяющими им стать вдумчивыми читателями воспоминаний и размышлений о жизни и творчестве Д. С. Лихачева, В. П. Астафьева, Г. В. Свиридова, «гостями» их «лабораторий» воспитания в себе интеллигентности, высокого духа творчества. Эти книги дают возможность студентам включиться в «диалог культур»: культуру научного мышления Д. С. Лихачева, культуру творческой деятельности писателя В. П. Астафьева и духовную культуру композитора Г. В. Свиридова.

5) Объединили преподавателей разных кафедр и вузов в поиске путей понимания герменевтического подхода в гуманитарном образовании и издали коллективную монографию, представившую результат интегрированного научного знания по данной проблеме.

6) Подготовили интегративную образовательную экспедицию студентов-филологов по пушкинским местам России, потому что «русская культура — это сообщество людей, читавших Пушкина или хотя бы слышавших о нем...» (М. Гаспаров). В этой экспедиции создается живой опыт проявления интеллигентности, способности к сопереживанию, к проявлению своего отношения к русской литературе, природе, памяти сердца, предкам и своей истории.

7) Постоянно поддерживали гуманитарный уклад образовательной среды факультета, его «литературный дух творчества», благоговейное отношение к языку как главному инструменту понимания, воплощения интеллигентности в жизнь.

Анализ анкет студентов I курса и сравнение их с индивидуальными программами самосовершенствования студентов выпускного курса, изучение творческих итоговых работ студентов на спецкурсах и спецсеминарах дали возможность увидеть важную закономерность: потребность в понимании себя, других людей, жизни и ее отражения в искусстве требует воспитания, создания специальных педагогических когнитивных, креативных и организационных условий. В этих условиях становятся востребованными смысложизненные поиски студента, его культурный кругозор, его опыт проявления интеллигентности в жизни и профессии. В процессе диалога культур формируется представление выпускника университета о своем призвании, об идеале как

интеллектуальным, творческим, трудолюбивым, нравственным и честным человеком.

Перспективы исследования намечаются через актуализацию теории и методики профессионального образования в контексте становления интеллигентности выпускника университета как ценности и миссии современного гуманитарного образования, через представление полученного нами инновационного опыта на VIII Международных Лихачевских чтениях.

Жизненно необходимо включить в образовательный процесс всех факультетов современные диалоговые формы, спецкурсы по самосовершенствованию личности, формирующие культурный кругозор и активную жизненную установку на становление интеллигентности в личности выпускника. Проблему становления интеллигентности можно решать с помощью герменевтического подхода и корпоративной культуры всего педагогического сообщества.

Г. М. Гендин¹,
М. И. Сергеев²

ЭВОЛЮЦИЯ ОРИЕНТАЦИЙ СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВУЗА НА ЦЕННОСТИ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

В ходе многолетнего мониторинга развития системы образования Красноярского края, который проводится центром комплексных социологических исследований Красноярского государственного педагогического университета, мы уделяли внимание изучению состояния и эволюции духовного мира студенчества. В 1991/92 учебном году было опрошено 254 выпускника (37 % от их общего числа), в 1996/97 г. — 120 (15 %), в 1999/2000 г. — 547 (53,3 %), в 2002/03 г. — 420 (36,8 %), в 2005/06 г. — 757 (70,7 %). (Наряду с авторами в исследовании участвовали Р. А. Майер, В. А. Пинаев, А. С. Рыбаков.)¹²

С целью выявления системы жизненных приоритетов выпускников педагогического вуза на всех этапах мониторинга в анкете ставился вопрос: «Насколько важным для себя считаете реализацию каждой из перечисленных ниже ценностей?» Далее перечислялись 13 ценностных ориентиров и предлагалось каждый из них оценить по трехбалльной шкале («очень важно», «в меньшей степени», «не важно») или отметить вариант «затрудняюсь ответить». Результаты мониторинга представлены в табл. 1. Здесь в целях лаконичности изложения и большей наглядности приводятся процентные показатели оценок только высшим баллом («очень важно»).

Таблица 1

Ценностные ориентации выпускников КГПУ, выявленные на различных этапах мониторинга (процент ответивших «очень важно»)

№	Жизненные приоритеты	1992	1997	2000	2003	2006
1	Материальная обеспеченность	87	84	81	84	83
2	Счастливая семейная жизнь	91	96	93	93	91
3	Успешная профессиональная деятельность	78	87	84	83	78
4	Развитие своих способностей	76	82	86	78	68
5	Авторитет, уважение окружающих	66	72	69	65	56
6	Полноценное приобщение к культуре	59	48	40	32	27
7	Успешная политическая карьера	5	8	8	10	7
8	Продвижение по работе	18	58	60	63	70
9	Постоянное самообразование	74	64	77	58	56
10	Постоянное общение с природой	51	48	57	51	30
11	Физическое совершенство	55	48	49	48	40
12	Здоровье	89	92	89	91	90
13	Воспитание собственных детей	86	69	84	84	85

¹Заведующий кафедрой философии и социологии Красноярского педагогического университета, член-корреспондент РАО, доктор философских наук, профессор.

²Профессор кафедры философии и социологии Красноярского педагогического университета, кандидат философских наук.

Данные за длительный срок (с 1992 по 2006 г.), приведенные здесь, свидетельствуют о стабильности ранговых показателей жизненных ориентиров, наиболее предпочитаемых нашими респондентами. Очень близкими друг к другу оказались за весь период мониторинга оценки высшим баллом («очень важно») таких факторов, занявших «призовые» места в системе их ценностей, как «счастливая семейная жизнь» (в разные годы — от 91 до 96 %), «здоровье» (от 89 до 92 %), «воспитание собственных детей» (за исключением 1997 г. — от 84 до 86 %), «материальная обеспеченность» (от 81 до 87 %).

В то же время отношение студентов к ряду жизненных ценностей за этот период заметно изменилось. Так, например, наблюдается неуклонный рост значимости для них «продвижения по работе» (соответственно, 18, 58, 60, 63, 70 % оценок высшим баллом). К сожалению, так же линейно снижается уровень предпочтения таких жизненных ориентиров, как «полноценное приобщение к культуре» (59, 48, 40, 32, 27 %), «физическое совершенство» (55, 48, 49, 48, 40 %).

Величины некоторых показателей изменялись «волнообразно», но в конечном счете снизились. Так произошло с оценкой высшим баллом ориентаций на «развитие своих способностей» (с 76 % в 1992 г. до 68 % в 2006-м), на «авторитет, уважение окружающих» (с 66 до 56 %), на «постоянное самообразование» (с 74 до 56 %). Причем, во всех этих случаях наблюдается рост показателей в первый период мониторинга (с 1992 по 2000–2003 гг.) и снижение в последнее время (с 2003 по 2006 г.).

В рамках кратких тезисов мы сможем прокомментировать лишь некоторые из выявленных в процессе мониторинга тенденций. Причем сделать это придется лишь в общих чертах.

Мы видим, что первые места в ряду жизненных ценностей занимают «счастливая семейная жизнь» (91 % респондентов оценили ее высшим баллом), «здоровье» (90 %), «воспитание собственных детей» (85 %) и «материальная обеспеченность» (83 %). Здесь обнаруживается наблюдаемое в годы реформ смещение интересов значительной части населения в сторону частной жизни, что является результатом как влияния рыночных преобразований, так и разочарования в общественно-политической жизни, растущего неверия в социальную поддержку со стороны государства.

Отраден тот факт, что среди предпочитаемых респондентами жизненных ориентиров сохранил свою значимость такой ориентир социально-гражданского порядка, как «успешная профессиональная деятельность», 78 % опрошенных оценили его высшим баллом, еще 18 % признали его важность для себя, хотя и «в меньшей степени», и только для 2 % он не представляется значимым (оставшиеся 2 % студентов не ответили на данный вопрос).

Седьмое место в системе ценностных ориентаций выпускников заняло стремление к «развитию своих способностей». В той или иной мере его разделяют 96 % респондентов (в том числе 68 % из них считают этот фактор «очень важным»). Он претерпел более сложную эволюцию: на первом этапе мониторинга заметный рост с 76 % оценок высшим баллом в 1992 г. до 86 % в 2000-м, а затем — падение значимости ниже первоначального уровня (68 % в 2006 г.).

Тревожит начавшееся после 2000 г. снижение показателей по данному фактору. Скорее всего, это не случайное и временное явление, а выражение общей тенденции переориентации массового сознания в условиях рыночных реформ на ценности утилитарно-прагматического порядка. В уже упоминавшемся нашем исследовании 2003 г. выяснилось, что «развитие своих способностей» коррелирует на высоком уровне статистической значимости (этот уровень превышает $r = 0,22$) с такими ценностными ориентациями, как «постоянное самообразование» и «полноценное приобщение к культуре». Нынешний этап мониторинга свидетельствует, что снижаются показатели всех компонентов этого своеобразного духовно-интеллектуального блока жизненных ориентиров («полноценного приобщения к культуре» — с начала 1990-х гг., «постоянного самообразования» — после 2000 г.).

Выше уже отмечалось, что особенно сильное снижение показателей оценок высшим баллом за период мониторинга (с 59 % в 1992 г. до 27 % в 2006-м) наблюдается по такому компоненту блока духовно-интеллектуальных ценностных ориентаций, как «полноценное приобщение к культуре». Правда, большинство респондентов (64 %) хотя бы в какой-то степени не чураются этого жизненного ориентира. Но действительно важным для себя считает его лишь четверть из них (27 %). Пятая же часть (21 %) его фактически игнорирует.

Как это ни странно на первый взгляд, ориентир на «постоянное общение с природой» находится в тесной корреляционной связи с уже рассмотренными нами компонентами духовно-интеллектуального блока «полноценным приобщением к культуре» ($r = 0,26$) и «постоянным самообразованием» ($r = 0,24$). Очевидно, общение с природой не в ути-

литарных целях привлекает прежде всего людей духовно богатых, для которых природа является источником эстетического наслаждения, позволяет хотя бы временно уйти от суеты повседневности, почувствовать свою причастность к первозданному миру. Этим объясняется то, что потребность в общении с природой в последние годы снижается под напором прагматических интересов в общем потоке обесценивания духовно-интеллектуальных ориентаций. Это снижение особенно сильно в самое последнее время (2000 г. — 57 % оценок высшим баллом, 2003-й — 51 %, 2006-й — 30 %).

Не сохраняет прежних позиций и ориентация старшекурсников на «авторитет, уважение окружающих». Здесь наблюдается та же печальная тенденция снижения оценок высшим баллом (см. табл. 1). Это вряд ли объясняется тем, что молодые люди утрачивают чувство собственного достоинства, стали меньше уважать сами себя, хотя, возможно, и эта причина действует в условиях, когда общество фактически перекрывает молодежи кислород, бросает ее в пучину рынка, оставляет невостребованными молодых специалистов, понижает престиж учительской профессии. Однако гораздо большее значение в данном случае имеет, очевидно, рост индивидуализма, эгоцентризма молодых людей, снижение роли совести как морального регулятора поведения. Рынок, как убедительно показал Э. Фромм, формирует рыночного человека. А рыночный человек, эгоистично настроенный и не обремененный совестью, хотя и вынужден порой считаться с мнениями окружающих и не прочь обладать авторитетом, руководствуется прежде всего собственными эгоистическими интересами, чаще всего пренебрегая при этом впечатлением, которое он производит на других людей.

На последнем, 13-м месте с очень низким показателем оценок высшим баллом (всего лишь 7 %) оказалась ориентация на «успешную политическую карьеру». На протяжении всего периода мониторинга этот фактор оценивался ниже всех остальных как студентами, так и учителями педагогического вуза. Это, конечно, не случайно и объясняется, с одной стороны, разочарованием большинства молодежи в политической жизни, а с другой — тем, что школа не лучшая стартовая площадка для политической карьеры. И это хорошо понимают наши респонденты.

Направление дальнейшей эволюции ценностных ориентаций, духовного облика будущих и действующих педагогов будет определяться главным образом перспективами развития российского общества в целом, характером и темпами совершенствования системы образования, мерами по улучшению материального положения учителя, повышению его социального статуса.

А. Ю. Давыдов¹

ВЫСШАЯ ШКОЛА РОССИИ: ВОЗМОЖНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВСТУПЛЕНИЯ В ВТО

Политика вхождения России в единое мировое образовательное пространство определяется

¹ Доцент кафедры экономической теории Пятигорского государственного лингвистического университета, кандидат экономических наук.

той новой ролью, которую играет образование в современных условиях. XXI в. провозглашен ЮНЕСКО «Эрой образования». В настоящее время для России главными направлениями этого вхождения являются включение в Болонский процесс

и вступление во Всемирную торговую организацию (ВТО).

Россия в сентябре 2003 г. включилась в Болонский процесс, одной из целей которого является повышение международной конкурентоспособности европейской системы ВПО. Как заметил В. М. Филиппов, «Европа придумала Болонский процесс, защищая свои интересы, вот и нам требуется найти, при каких условиях мы в конкурентной среде имеем шанс не только выжить, но и хорошо жить».

Присоединение России к Болонской декларации открывает для отечественной системы образования более широкие возможности для вхождения в европейское образовательное пространство, участия в программах академической мобильности в образовательных программах по линии ЕС, расширения возможностей трудоустройства студентов, а также повышения конкурентоспособности российского ВПО. Названным целям призвано служить и вступление России в ВТО. Но при этом мы должны научиться хорошо защищать свои интересы. В этом отношении заслуживает внимания опыт КНР, вступившей в ВТО еще в декабре 2001 г. Китай уже превратил глобализацию в катализатор развития своей экономики.

Обязательства, которые принимает на себя Россия как член ВТО, имеют два аспекта. Первый — общие безусловные обязательства, которые предусмотрены Генеральным соглашением по торговле в сфере услуг (ГАТС). Среди них самой важной является необходимость предоставить всем странам — членам ВТО режим наибольшего благоприятствования в торговле услугами, в том числе образовательными. На практике это означает равенство возможностей всех иностранных поставщиков, допущенных на российский рынок. С другой стороны, возникает необходимость защиты национальных прав отечественных производителей.

ГАТС предусматривает четыре варианта приобретения и оказания образовательных услуг:

— Трансграничный, транснациональный. Российский потребитель, например, находясь на территории России, получает образование в зарубежном вузе, используя современные средства коммуникаций, образование на расстоянии, e-learning, виртуальные университеты. Это поставка услуг.

— Традиционный рынок студентов, поступающих на учебу в университеты других стран. Для студента обучение за границей является «потреблением за границей». Для страны же, принимающей студентов, обучение иностранных студентов является «экспортом образовательных услуг». Сегодня в мире это направление представляет самый большой источник поступлений. На экспорте «образовательных услуг» США зарабатывают ежегодно более 10 млрд долл. Для привлечения иностранных студентов в российские вузы необходимо поднять качество подготовки специалистов. По мнению министра образования и науки А. А. Фурсенко, «по крайней мере 10 % наших вузов в настоящее время не соответствуют требованиям сертификации, аккредитации, аттестации».

— Перемещение самого поставщика услуг в страну оказания услуги. Это рынок стремительно развивающихся отделений и филиалов иностранных университетов, франчайзинговых или совместных учебных заведений.

— Оказание услуг в принимающей стране иностранными специалистами.

По всем этим направлениям Россия вела переговоры с партнерами: США, Австралией, Швейцарией, Китаем, Южной Кореей, Новой Зеландией и Европейским союзом. Договорились о том, что российские студенты будут иметь возможность без ограничений потреблять услуги, находясь за рубежом, и пользоваться услугами дистанционного обучения, находясь на территории России.

Если иностранные поставщики услуг захотят работать на российском рынке в сегментах начального и среднего образования, они должны выполнить все требования, предусмотренные действующим российским законодательством, начиная от формы учреждения, формы работы на российском рынке и заканчивая теми требованиями, которые предъявляют сейчас к российским образовательным учреждениям (ОУ): лицензирование, квалификационные требования, требования качества образования и требования к образовательным программам. Единственное условие, которое в дальнейшем должна будет выполнять Россия в соответствии с обязательствами в ВТО, заключается в том, чтобы требования, предъявляемые к иностранцам, не отличались от требований, предъявляемых к отечественным поставщикам услуг. В части ВПО Россия следует точно такой же логике. Разрешая российским потребителям свободно, без ограничений приобретать иностранные образовательные услуги, Россия не связывает себя никакими обязательствами и оставляет за собой право применять любые дополнительные ограничения, включая полный запрет выхода на рынок, по отношению к иностранным ОУ.

Наряду с этим для начального и среднего образования в переговорах предусматриваются определенные механизмы, которые позволят выровнять конкурентные условия деятельности на рынке для российских поставщиков услуг посредством субсидирования. Таким образом, Россия зарезервировала за собой право поддерживать национальных поставщиков и не оказывать поддержки зарубежным поставщикам. Все условия доступа на рынок, которые обсуждает Россия с зарубежными партнерами, касаются только негосударственных ОУ.

Присоединяясь к ВТО, Россия получает гарантированный доступ своих поставщиков образовательных услуг на внешние рынки в тех странах, которые приняли на себя соответствующие обязательства. Россия сможет улучшать условия доступа своих образовательных учреждений на рынки тех стран, которые уже приняли обязательства, и убеждать других партнеров, которые пока не приняли никаких обязательств в сфере образования, принять такие обязательства, гарантируя тем самым прозрачную предсказуемую среду и определенный уровень доступа для российских компаний, желающих выйти на зарубежные рынки.

Для России важно не только инвестиционное направление, связанное с капиталовложениями и открытием филиалов и дочерних компаний за рубежом, но и то, что российские преподаватели получают возможность работать по контракту с иностранными учебными заведениями на временной основе. Разумеется, у них и сейчас есть такая возможность, и иностранцы в рамках действующего

законодательства могут открывать в России образовательные учреждения. Но, вступив в ВТО, мы получим гарантии со стороны государства и сможем отстаивать права наших преподавателей в ВТО, где предусмотрены соответствующие процедуры разрешения споров. В ходе переговоров по присоединению к ВТО мы не определяем, на основании каких критериев будет распределяться государственная поддержка и в каком из секторов, включая сектор услуг образования, она будет осуществляться. Единственное, что мы делаем, это резервируем за собой право предоставлять субсидии российским ОУ и не предоставлять их иностранным. Такова позиция Министерства экономического развития и торговли России.

Заметим, что в настоящее время только 40 из 146 членов ВТО подписали соглашение об открытии образовательных рынков и предоставлении образовательных услуг, причем в 30 из этих государств данный процесс носит ограниченный характер. Страны Европы, а также США, Канада, Япония открыли лишь ту часть рынков образовательных услуг, которая касается обучения взрослых и подготовки технических кадров.

Китай не взял обязательств по вхождению в открытый рынок в рамках транснациональной поставки образовательных услуг, исходя из опасности утраты контроля над содержанием обучения и управления процессом, что означает неспособность гарантировать качество обучения, а также оценивать, отбирать и эффективно отсекают содержание, идущее вразрез с ментальностью китайского народа, государственной безопасностью и национальной традицией.

Не вошли в сферу соглашения КНР с ВТО услуги в сфере обязательного и специального образования.

Китай не разрешает иностранным организациям создавать на своей территории учебные заведения и иные ОУ в одностороннем порядке.

Высоки требования китайской стороны к преподавателям, приезжающим в страну. Они должны иметь ученую степень не ниже магистра, обязаны представить соответствующий диплом либо иметь определенное ученое звание и стаж работы свыше двух лет по специальности в сфере образования. Цель подобного ограничения — оградить рынок образовательных услуг от некачественного преподавания. Нужно также иметь в виду, что иностранные граждане, желающие предоставить образовательные услуги, могут это сделать, только получив приглашение от учебных заведений КНР или других образовательных учреждений, либо будучи наняты ими.

Заслуживает внимательного изучения опыт Китая по поддержке студентов, выезжающих на учебу за границу. В КНР создан «Центр Министерства образования по оказанию услуг отъезжающим на учебу за рубеж». Министерство образования КНР публикует рекомендации для отъезжающих на учебу, называя лучшие, по его мнению, зарубежные вузы.

В КНР сложилась и многофункциональная система оказания услуг специалистам, возвращающимся на родину. Она включает содействие в их трудоустройстве, организацию их отправки к месту работы и обустройство, организацию их отпуска на родине во время учебы, помощь в создании собственных предприятий и предоставление информации о возможностях вложения капиталов и получения стартового капитала на проведение научных исследований и многое другое.

Создание такой системы в России значительно улучшило бы возможности получения образования для российских студентов за рубежом и способствовало бы их возвращению на родину.

Очевидно, что России необходимо учесть опыт зарубежных государств и только по мере созревания соответствующих условий делать все более открытым свой рынок образовательных услуг.

В. А. Динес¹,
В. А. Русановский²

БОЛОНСКИЙ ПРОЦЕСС И РАЗВИТИЕ АКАДЕМИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ

Формирование общеевропейского образовательного пространства осуществляется на протяжении последних 20 лет. Болонский процесс затрагивает широкий спектр вопросов, среди которых существенное место уделяется повышению мобильности студентов. Мобильность студентов — это возможность самостоятельно формировать свою образовательную траекторию, то есть в рамках ГОС выбирать предметы, курсы, учебные заведения в соответствии со своими склонностями и устремлениями.

Академическую мобильность студентов мы рассматриваем в трех измерениях — междисциплинар-

ном, межвузовском или межрегиональном и межгосударственном. Названные уровни мобильности обуславливают друг друга. Развивая междисциплинарную мобильность, вуз выходит на уровень межвузовской мобильности, когда отдельные предметы преподаются с участием более развитых кафедр других вузов. В свою очередь межвузовская мобильность является подготовительным этапом для развития межгосударственной мобильности.

Академическая мобильность студентов — исключительно важный для личного и профессионального развития процесс, так как каждый его участник сталкивается с необходимостью решения жизненных ситуаций и одновременного анализа их с позиции собственной и «чужой» культуры. Это развивает такие качества, как умение планировать и выбирать пути взаимодействия с окружающим

¹ Ректор Саратовского государственного социально-экономического университета, доктор исторических наук, профессор.

² Проректор по научной работе Саратовского государственного социально-экономического университета, доктор экономических наук, профессор.

миром; способность к межкультурной коммуникации; способность признавать недостаточность знания; знание о других культурах, изученных изнутри и т. д.

Деятельность вузов по развитию академической мобильности студентов стимулирует повышение качества внутривузовской подготовки, расширение университетского сотрудничества как в России, так и за рубежом, тем самым увеличивая их конкурентоспособность и возможности включения в единое образовательное пространство.

В настоящее время междисциплинарная мобильность в Саратовском государственном социально-экономическом университете осуществляется в рамках дисциплин и курсов по выбору студентов, факультативов. Студентам в конце учебного года предоставляется возможность записаться на дисциплину или курс по своему выбору (факультатив), включенный в аннотированный перечень для данной специальности подготовки. Дисциплина или курс по выбору студента открывается при условии достаточной наполняемости группы (20 человек и более) в случае поточного обучения по специальности (группе смежных специальностей) или при ее выборе большинством студентов в случае преподавания дисциплины (курса) в одной группе. Существенному повышению междисциплинарной мобильности будет способствовать введение ГОС третьего поколения, предполагающих сокращение перечня обязательных дисциплин.

Межрегиональная мобильность студентов в настоящее время осуществляется на уровне проведения олимпиад и конференций. На межгосударственном уровне СГСЭУ имеет прямые двусторонние договоры или соглашения о сотрудничестве с университетами США, Канады, Англии, Германии, Франции, Испании, Польши, Словакии, Украины, Белоруссии, Казахстана.

С 1999 г. университет является членом международной Университетской группы компоста, с 2000-го входит в состав Европейской сети образовательных Программ (EAN).

Университет участвует в международных образовательных программах: Темпус (Тасис), Фонда Евразия, «Эразмус Мундус», Британского совета, АСПРЯЛ, Фулбрайт, Института «Открытое общество», Президентской программы — ДСЕ и др.

Ежегодно большая группа студентов университета проходит стажировки в вузах, фирмах Европы, США, Канады и Австралии по программам Work and travel in the USA; Cultural Care Au Pair — Америка; программа стажировок на сельскохозяйственных фермах Великобритании Центра «Альяс XXI», «Hops».

Начиная с 2000 г. Университет ежегодно принимает группу американских студентов в количестве 20–30 чел., представляющих Всемирную студенческую ассоциацию (BCA). В рамках программы STINTS вместе со студентами университета и других вузов города они организуют «английский лагерь» на берегу Волги, в котором участники расширяют кругозор, изучают язык, культуру и стиль жизни, делятся опытом и особенностями организации учебного процесса в вузах своих стран.

Университету оказывают поддержку международные организации, которые функционируют на его базе:

- Саратовский региональный центр «Япония»;
- Региональное отделение Сетевого института общественных инноваций;
- Саратовский локальный комитет Международной ассоциации студентов, изучающих экономику и управление (AISEC);
- Саратовский региональный контактный центр европейского сотрудничества.

Однако число студентов и преподавателей, прошедших обучение и стажировки за рубежом, продолжает оставаться недостаточным относительно вузов ЕС. Международную мобильность студентов ограничивает недостаточная численность преподавателей и студентов, свободно владеющих иностранным языком, непризнание программ обучения в России зарубежными вузами, финансовые проблемы.

Последнее обстоятельство наряду с недостаточно развитой информационной поддержкой и инфраструктурой выступает фактором низкого уровня международного экспорта образовательных услуг.

В этих условиях ориентация на междисциплинарную и межрегиональную мобильность студентов представляется наиболее перспективным направлением развития, оптимальным с позиции финансирования, кадровой, методологической и инфраструктурной подготовки.

В. Ю. Дунаев¹

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ ТРАНСФОРМАЦИИ СФЕРЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Важнейшей формой культурно-исторической преемственности является образовательно-воспитательный процесс. Большинство современных теоретических дискуссий по проблемам трансформации системы образования в Казахстане, в том числе имеющих непосредственное отношение к мировоззренческим аспектам образовательной реформы (гуманизация и гуманитаризация образо-

вания; соотношение профессиональной подготовки и специализации с общемировоззренческой ориентацией; гражданское и духовно-нравственное воспитание; проблема освоения фундаментальных научных знаний и приобретения практических навыков и умений и т. д.), ведутся безотносительно к задачам рефлексивно-критического, философского прояснения оснований постановки обсуждаемых вопросов и тем. «Философия», на которую ориентированы многочисленные концепции, проекты и программы трансформации образовательной системы,

¹ Ведущий научный сотрудник Института философии и политологии Министерства образования и науки Республики Казахстан (Алматы), доктор философских наук.

вообще не становится самостоятельной проблемой. В качестве единого, равно устраивающего всех мировоззренчески-методологического принципа «по умолчанию» утверждён *плюрализм* — чрезвычайно удобная позиция, во-первых, придающая респектабельность концептуально не отрефлексированным мировоззренческим постулатам; во-вторых, позволяющая наделять обыденные представления статусом философской легитимности и потому, в-третьих, освобождающая от необходимости входить в «философские тонкости» как риторике, не имеющую отношения к существу дела.

Все без исключения конкурирующие модели развития образовательных инфраструктур, казалось бы, ориентируются на использование новейших образовательных технологий и их адаптацию к условиям Казахстана. И столь же единодушно все концепции реформы образования в своих мировоззренческих основаниях довольствуются представлениями, не выходящими за рамки расщеплённо-просветительской идеологии и утилитарно-прагматических установок. Таким образом, предпосылки идеально-нормативных моделей трансформации национальной системы образования определены взаимоотчуждением знания как усвоения информации и как духовно-онтологического феномена. Иными словами, *образование* и *просвещение* как контролируемый и направляемый процесс (соответственно результат) социализации индивида отделяется от знания как основания (пути) личностного *преображения* и *просветления*. Хотя гуманитарный вектор знания (его направленность на самоизменение субъекта) на словах утверждается и даже всячески акцентируется, но как производный, дополнительный, факультативный.

Взаимоотчуждение философии и пайдеи, сделавшее невозможным сущностное и структурное тождество философии и педагогики — основная проблема, вставшая перед педагогикой и философией образования в XX столетии. Очевидная противоположность векторов профессиональной специализации и общегуманитарной культуры принимается как нечто обоснованное сущностью

самой науки, знания, коренящееся в изначальной двойственности духовно-интеллектуальной сферы.

Неосознанной предпосылкой разработки стратегии модернизации образовательно-воспитательной системы Казахстана является то, что и философия, и образование рассматриваются как служебно-функциональные. При этом подходе качество, эффективность, направленность краткосрочных и перспективных программ углубления и расширения образовательной реформы измеряются внешним масштабом пригодности системы образования к выполнению «социального заказа». В то время как истинное отношение является прямо противоположным: ориентация на всесторонне образованную личность как самоцель общественного развития должна быть безусловным стратегическим приоритетом образовательной концепции, задающим меру реализации тактических целей — адаптации системы образования к социально-экономической ситуации и прагматике рыночных отношений. В результате попытки или программы перестройки системы образования, предпринимающиеся в Казахстане, опираются на сиюминутную конъюнктуру рынка и устаревшую педагогическую теорию, соответствующую просветительской концепции человека и общества, на привычные приемы администрирования, а не на имманентные законы становления духовно-онтологического мира личности.

Очевидно, что данные модели трансформации системы образования характеризует инвертированная онтология, хотя инверсия ценностно-онтологических порядков в них скрыта за проблемами материально-технического, финансового, организационного, методического, дидактического обеспечения учебного процесса. Подобное перевертывание действительных отношений не является специфически казахстанской особенностью, но типичной чертой глобального кризиса педагогической теории. Круг проблем образовательной реформы, имеющих философско-мировоззренческий смысл, не только актуализируется революцией в технологическом обеспечении образовательного процесса, но и подвергается угрозе профанации.

Б. А. Еремеев¹

ОСОЗНАНИЕ РАЗВИТИЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ

Я предполагаю выразить свою позицию, во-первых, оставаясь в рамках времени собственной жизни и собственных впечатлений и, во-вторых, учитывая три уровня подхода к ВПО, «снаружи», «сбоку» и «изнутри».

1. По месту в современной жизни ВПО можно рассматривать как мост между общественной практикой в ее эмпирических формах и наукой как теоретической деятельностью. Практику раскрывают производство, распределение, управление, медицина, общее и специальное (профессиональное) образование, искусство и другие сферы культуры — как

области приложения человеческих сил. Наука в обществе характеризуется как целенаправленная и организованная ориентировочная деятельность — деятельность по оптимизации субъективной картины мира на рациональных основаниях, в ее общих и особенных чертах.

Предполагается, что именно наука обеспечивает в общественной жизни ее рациональную рефлексию. Эта рефлексия находит себе выражение в теле самой науки — в форме методологии, а на практике — в форме технологий разных уровней обобщенности.

Так вот, ВПО, с моей точки зрения, оказывается полномочным посредником, обеспечивающим продвижение к социальной рефлексии заинтересованных в этом членов общества.

¹Профессор психолого-педагогического факультета Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), доктор психологических наук.

Одно из последних развернутых интервью Д. С. Лихачева называлось «Отсутствие образования — это болезнь»¹. В частности, Д. С. Лихачев говорил об интеллигентности как о высшем, духовном уровне развития человека. По его мнению, интеллигентность формируется начиная с детского возраста до 16–17 лет. Раскрывая интеллигентность как особый потенциал человека, Лихачев выделял в ней две грани: способность приобретать знания и способность понимать людей, в том числе — понимать носителей иной культуры. Он считал, что «высшее образование дает знания, но не интеллигентность. Для недостаточно развитого человека оно, высшее образование, даже опасно, как и высокое положение в обществе».

Поэтому, считал Лихачев, нужен подъем среднего образования. Необходимо изменить его цели, всю его концепцию. Важен акцент на воспитании, на том, чтобы давать возможность свободно выбирать профессию, причем не слишком рано. Потому что ошибки раннего выбора очень дорого обходятся и самому человеку, и обществу. Плохо относясь к своему делу, человек будет вести себя аморально, будет искать выход для своих эмоций, и такой выход может оказаться преступным. Счастлив же тот, говорил Лихачев, кто занят своим делом. И вся жизнь ученого является подтверждением этих слов. Если же мозг человека не занят полезной познавательной деятельностью, то, по Д. С. Лихачеву, «он заполняется какой-нибудь чепухой. И это имеет трагические последствия и для окружающих, и для самого человека...»

Итак, можно сказать, что ВПО в оптимальном случае ведет интеллигентных (в понимании Д. С. Лихачева), прежде всего, молодых людей по пути социальной рефлексии в избранной ими сфере практической деятельности.

2. Качественное своеобразие, многообразие и количество профессиональных учебных заведений, в том числе вузов, в конечном счете определяется социальными потребностями в специалистах нужной квалификации. Однако реальное социально-экономическое и культурное развитие общества и государства, а также своеобразие «эпохи перемен», вносит коррективы в это отношение, сравнительно простое для организованного сообщества.

В исследованиях Н. В. Кузьминой, ее многочисленных учеников и коллег рассматривалось мастерство учителей в связи с наличием у них определенного образования. Оказалось, что быстрее всех пика профессионализма достигали выпускники педучилищ (средних специальных учебных заведений). Несколько позже достигался, но при этом был большей высоты пик профессионализма у выпускников педвузов. Позже других выходили на уровень профессионального мастерства выпускники университетов. При этом «потолок» их достижений был самым высоким, а последующее возрастное снижение — самым пологим.

Для социально-психологического объяснения этого, на мой взгляд, подходит понятие «потенциалов влияния» социальной общности на человека. Данное понятие использовал Б. Д. Парыгин для характеристики влияния группы на ее членов. В част-

ности были выделены: потенциал неопределенности поведения в группе, потенциал самовыражения для каждого члена группы, потенциал его достижений, потенциал признания группой и др.

Эти и иные потенциалы влияния выражены меньше всего в среднем специальном образовательном учреждении (ОУ) и больше всего — в университете. В высшей школе предполагается достаточная самоорганизация студентов, позволяющая им справляться с повышенной сложностью образовательной среды. В том числе, и прежде всего, с повышенной ее неопределенностью. (Вспомним слова Д. С. Лихачева о формировании интеллигентности к 16–17 годам.) Однако жизнь заставляет все время соотносить это суждение об оптимальном варианте с впечатлениями о реальном положении дел.

«Эпоха перемен» с большей вероятностью приводит в действие иррациональные механизмы и общественной психики, и общественного поведения. Так, монополисты-практики с дефицитом рефлексии все свои потенциалы используют для извлечения прибыли. В частности, имеет место глобализация — расширение контролируемой предметной области и игнорирование при этом приращения в ее своеобразии. Такая практика распространяется и на осознание действительности — и большинством тех, кто выступает потребителем определенных благ, и большинством тех, кому в обществе доверено управлять социальными процессами.

С одной стороны, у подрастающего поколения есть многочисленные примеры социально успешных людей без образования, которые, как принято говорить, «сделали себя сами». С другой стороны, общемировая тенденция — то, что образование становится массовым, развивающимся, непрерывным, растет его ценность в общественном сознании (М. В. Кларин, 1995). И для большинства молодых петербуржцев — выпускников средней школы 2008 г. (около 75 % от числа окончивших 9 классов), сейчас наиболее очевидна одна перспектива — поступление в вуз.

Следствием такой же установки у выпускников предыдущих лет наряду с социально-экономической политикой городской администрации является состояние нынешнего рынка труда в Санкт-Петербурге. С одной стороны, есть около 70 тыс. вакансий, прежде всего рабочих, в том числе рабочих высшей квалификации. С другой стороны, на бирже труда учтены около 13 тыс. соискателей, в большинстве своем — с высшим образованием, но без опыта работы. В их числе — юристы, маркетологи. Выпускников средних специальных (профессиональных) учебных заведений в разы меньше, чем вузовских выпускников. Такая «перевернутая пирамида» в подготовке трудовых ресурсов может спровоцировать экономический крах. Кроме того, наличие свидетельства (диплома) вовсе не гарантирует должной квалификации. Правда, так было всегда.

С одной стороны, объективно уменьшается число абитуриентов. В 2008 г. в Санкт-Петербурге среднюю школу окончили около 35 тыс. человек, а вузы предлагают для первокурсников свыше 60 тыс. мест. Реально рассчитывать на прием иногородних студентов могут только те из них, у которых есть общежития.

¹ Невское время. 1995. 22 апр.

С другой стороны, постоянно открыт вопрос об уровне развития абитуриентов. Не так уж много победителей и даже участников предметных олимпиад, действительно заинтересованных в преодолении различных преград, прежде всего внутренних, на пути познания и саморазвития. Вузу приходится работать с теми, кто принят с учетом самых различных обстоятельств.

Так, можно говорить о наличии условий для реальной конкуренции между вузами в подготовке таких выпускников, которые востребованы на рынке труда.

3. Осознание собственно образовательного процесса в вузе сегодня идет на фоне реформы высшей школы в духе общих тенденций глобализации. За основу принято Болонское соглашение европейских стран о создании единого образовательного пространства, прежде всего на уровне высшей школы. В структурном плане предложена двухуровневая модель — бакалавриат и магистратура.

Разнообразные учебные курсы оцениваются по их трудоемкости в часах, отработка которых позволяет учитывать подготовку студентов в универсальных единицах — кредитах. Наличие определенной суммы кредитов становится основанием для заключения об образованности студента. Предусматривается возможность получения образования в вузах любых стран — участниц Болонского соглашения. Таким образом, оформляется международный организационный фон для получения ВПО. При этом остается более или менее выраженным потенциал свободы для конкретизации ГОС — в странах, их регионах, отдельных ОУ.

Социально-психологическая сущность образования — это культурное сближение участников педагогического взаимодействия как рост общности между ними. Сближение происходит за счет уменьшения «разности потенциалов» между ними по их вовлеченности в актуальную предметную область. Причем в процессе сближения развиваются все компоненты образовательной ситуации. (Вспомним апорию Зенона об Ахилле, догоняющем черепаху.)

Таким образом, образованность студентов определяется мерой их культурного сближения с преподавателями. Операционально это значит, что для измерения студенческой образованности выявляется общность между актуальными проявлениями образованности у преподавателей и студентов. Эмпирически это может быть общность в любом ак-

туальном отношении; общность, выступающая и как условие для педагогического взаимодействия, и как эффект этого взаимодействия.

В нашей работе учитываются проявления вовлеченности:

— в текущую учебную работу по предмету как показатель общей культуры студента в учебно-познавательной деятельности. (Примером радикальной борьбы с проявлениями студенческого бескультурья в этом плане явились действия администрации СПбГУП по отношению к принципиальным нарушителям учебной дисциплины. Они обсуждались в городской печати и обратили на себя внимание не только студентов, но и вузовских преподавателей.);

— педагогическое взаимодействие (ситуативная вовлеченность) как показатель коммуникативной культуры;

— гуманитарную проблематику как показатель речевого социального интеллекта;

— предметную область отдельной учебной дисциплины как показатель усвоения программного материала или учебной культуры по предмету — наличия соответствующих знаний, умений и отношений.

Эмпирические проявления по каждой категории образуют подмножества однородных элементов. Эти подмножества соотносятся друг с другом, а их общность описывается количественно. Динамика взятых показателей общности между студентами и преподавателями характеризует ход образования. А разница на «входе» и на «выходе» характеризует результат. Именно так измеряется образованность у студентов, ибо нет у нее других мер, кроме образованности преподавателей.

При всем разнообразии внешних обстоятельств, в том числе рыночных, высшая школа должна ориентироваться на свою миссию главного посредника между наукой и практикой. Работникам каждого вуза приходится быть реалистами — учитывать потенциальный и актуальный состав студентов и делать при этом все возможное для востребованности своих выпускников. Ход и результаты образовательного процесса, вне зависимости от каких-либо его директивных рамок, определяются позициями его основных участников — преподавателя и студентов: их обоюдным стремлением к уменьшению существующей «разности потенциалов» по включенности в актуальную предметную область.

Ю. П. Зинченко¹

ПРОБЛЕМЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В АСПЕКТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ (На примере психологического образования)

XXI в. поставил перед человеческой цивилизацией ряд кардинальных проблем, без решения которых человечество не может развиваться дальше. Бурное развитие технических систем, нарастающий объем знаний, мощные информационные коммуни-

¹ Декан факультета психологии, заведующий кафедрой методологии психологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, президент Российского психологического общества, доктор психологических наук, профессор.

кации, дефицит ресурсов различного рода, повышение требований к способностям и возможностям человека привели к необходимости совершенствования и реформирования образовательных систем. В нашей стране тоже поставлена эта проблема. Мне хотелось бы рассмотреть ее на примере реформирования психологического образования, которое мы проводим на нашем факультете в течение нескольких последних лет.

Интенсивное развитие психологической науки как в нашей стране, так и за рубежом, спровоцированное усилением роли человеческого фактора во всех сферах деятельности привело к «взрыву» интереса к профессии «психолог». Результатом «взрыва» стало как расширение круга прикладных дисциплин психологической науки, так и открытие факультетов психологии в самых неожиданных образовательных учреждениях, появление постоянных рубрик по психологии в информационном пространстве, возникновение сети психологических служб, а также формирование потребности школьного образования в психологических дисциплинах.

Если в XX в. академические вузы готовили специалистов по психологии и преподавателей психологии, и это была элитарная гуманитарная деятельность ученых и преподавателей, то сейчас психология востребована как форма «социальной услуги», и виды психологической деятельности выпускников факультетов психологии крайне разнообразны. Должна измениться и система подготовки психологов. Даже если бы Россия не присоединилась к Болонскому процессу в 2003 г., мы все равно вынуждены были бы заниматься реформированием ГОС по психологии.

Каковы исходные позиции создания ФГОС?

На последнем заседании президиума Совета по психологии УМО по классическому университетскому образованию в Российской Федерации и заседании президиума Российского психологического общества мы широко обсуждали вопросы, связанные с реформированием психологического образования. Мне бы хотелось поделиться основными выводами, к которым мы пришли в процессе обсуждения.

Необходимо обеспечение сопряженности уровней подготовки с действующей законодательной и ведомственной нормативной базой образования. Это прежде всего нормативная база, в соответствии с которой разрабатываются ФГОС ВПО.

Важно учитывать возможности основных пользователей ФГОС ВПО, то есть тех субъектов, которые будут организовывать, осуществлять и контролировать ФГОС:

- профессорско-преподавательские коллективы вузов;
- студенты;
- ректоры и проректоры вузов;
- объединения специалистов и работодателей;
- организации, обеспечивающие разработку примерных основных образовательных программ;
- органы, обеспечивающие финансирование высшего профессионального образования;
- уполномоченные государственные органы исполнительной власти, осуществляющие аттестацию, аккредитацию и контроль качества в сфере ВПО.

Съезд Ассоциации классических университетов России 2 октября 2005 г. утвердил ряд принципиальных положений к проектированию ФГОС ВПО третьего поколения. Главным условием такого перехода является бережное отношение к достижениям российской образовательной системы и сохранению ее преимуществ, в первую очередь фундаментальности, при постепенной интеграции в европейское образовательное пространство. Основные принципы следующие:

- преемственность;
- постепенность;
- узнаваемость;
- сопряженность.

Проектирование ФГОС ВПО по направлениям подготовки на основе реализации сопряженных образовательных программ имеет следующие преимущества:

- возможность последовательного освоения основных образовательных программ разных уровней;
- обеспечение фундаментальности образования и научных традиций;
- сохранение основных преимуществ пятилетнего образования;
- преемственность образовательных программ разных уровней;
- отсутствие дублирования дисциплин в учебных модулях;
- возможность асинхронной организации учебного процесса;
- выбор продолжительности обучения;
- возможность конкурсного отбора при переходе с уровня на уровень.

Существенно, что в данном случае мы можем соединить фундаментальность базовых знаний и гибкую профилизацию, или специализацию, дающую возможность готовить специалистов различных направлений, способных эффективно усваивать новый тип знаний и умений.

В новой системе обучения мы предоставляем студенту более широкие возможности совершенствовать свои профессиональные знания в разных сочетаниях. Сопряженность процессов подготовки в системах «Основное ВПО» и «ДПО» позволяет нам расширить спектр специализаций и имеет преимущество перед прежней системой образования.

Опыт участия факультета психологии МГУ в приоритетном национальном проекте «Образование» дал позитивные результаты. Мы разработали ряд инновационных специализаций и магистерских программ: «Психология переговоров», «Психология конфликта», «Психология инновационного развивающего образования», «Психология здоровья», «Психология безопасности».

Наша включенность в широкомасштабный процесс совершенствования образовательных программ и достижение взаимной понятности систем обучения в различных вузах и странах, который осуществляется в Европе последние 10–15 лет, предполагает использование новых понятий: модуль, компетентный подход и кредитные единицы оценки. Зарубежный опыт в этой области неоднороден. Так, университетская система США, сформировавшаяся лишь в последнем столетии, включает возможность динамических изменений в случае предъявления обществом новых требований к выпускникам.

Британская образовательная система одобрила частичные реформы в образовании с ноября 2004 г. в виде пересмотра существующих ГОС ВПО. Однако сама система образования построена по двухступенчатому принципу (бакалавриат и магистратура), включает систему квалификационных требований к уровню владения студентами общих и специальных компетенций, а учебная программа построена по модульному принципу. Модули в британских вузах — это самостоятельные, независимые

обучающие единицы, сроком в семестр, они оцениваются в 10 зачетных единиц.

Континентальные европейские образовательные системы подвергаются структурным реформам в рамках Болонского процесса. В университетах Германии, Франции, Италии разработаны и реализуются программы модернизации образования. Наиболее близкая нам система образования существует в Германии, так как В. Гумбольдт и С. С. Уваров, будучи министрами прусского и российского министерств образования в 1820–1840 гг., заложили в основу университетов сходные принципы универсальности и фундаментальности. Согласно этим принципам, общие базовые курсы преобладали над частными, академическая подготовка — над профессиональной. Так, на встрече с президентом Психологического общества Германии Маркусом Хассельхорном мы обсуждали модульный принцип создания программ. Модульный принцип важен уже на этапе создания новой образовательной программы. Чтобы открыть ее, факультет готовит пакет документов с описанием ее концепции, структуры учебного плана. Эту заявку последовательно рассматривают и утверждают: факультетская комиссия по науке и образованию (аналог российских методических советов), совет факультета, университетская комиссия по образованию и науке и, наконец, Сенат университета — высший орган управления. При этом для утверждения подобных заявок обязательными являются лишь два формальных принципа: наличие в программе модульной структуры и накопительной системы зачетных единиц. Перечень дисциплин внутри модулей, их объем в часах, соотношение аудиторной и внеаудиторной нагрузки не регламентируются, не унифицируются, а мотивируются в каждом конкретном случае.

Нам важно осознать, что наша система построена по горизонтальному принципу: сначала базовые фундаментальные дисциплины, затем спецкурсы, а далее спецпрактикумы. Модульный принцип организации образования предполагает вертикальную структуру, то есть в самом модуле заложены все три формы обучения и виды знаний, навыков и умений.

Модуль является одновременно банком информации, технологий и конкретной программы преподавания и обучения. Мне импонирует определение модуля, данное В. С. Сенашенко: модуль — это завершенный фрагмент учебного плана, включающий блок информации, программу действий, методическое руководство и обеспечивающий достижение поставленных целей как студентом, так и преподавателем. Тематические учебные модули могут быть и монодисциплинарными, и полидисциплинарными и рассматриваются как структурные единицы содержания, которые регламентируются ГОС.

Структура модуля:

- формулировка учебной цели;
- информационный блок — теоретический материал, методические пособия, рабочие тетради, опорные конспекты, обучающие компьютерные программы;
- методический блок, содержащий алгоритмы обучения;
- исполнительный блок, содержащий описание типовых, комплексных и ситуационных задач, а также лабораторных и практических работ;

— контролирующий блок, включающий контрольные задания, тесты и специальные задачи различной степени сложности.

Достоинство модульной системы в том, что на ее основе можно составлять различные по содержанию образовательные программы и учебные планы. Это дает студенту возможность выстроить индивидуальную учебную программу. Негативная сторона модульной системы связана с тем, что она уменьшает свободу преподавателя и ограничивает возможности его непосредственного общения со студентом.

Сейчас мы можем констатировать наличие четырех типов модулей: общегуманитарного; базового; продвинутого; специального.

В европейской системе образования выделены пять типов модулей на основе их функции в учебном процессе: основные (они формируют профессиональные компетенции выпускника), поддерживающие, коммуникативные, специализированные, переносимые (курсовые и дипломные проекты).

Именно на такое понимание модуля мы опирались в своей деятельности по формированию инновационных специализаций и магистерских программ, о которых было сказано выше.

Следующей важной проблемой при разработке стандартов является определение целей, которые задают направленность всей системе подготовки специалиста. Именно цели определяют содержание обучения и структуру материала в модулях и тип компетенций, которые являются конечным результатом учебного процесса. Компетенции описывают в стандартах образования соотношение результата обучения в определенной области знания с требованиями, предъявляемыми к специалисту работодателями. Именно процесс описания компетенций и определение их достаточного и необходимого количества при создании стандартов образования кажется мне ахиллесовой пятой нашей работы.

В. И. Байденко предлагает следующую формулировку общих социально-личностных компетенций, которым должен соответствовать выпускник высшей школы:

- базовые знания в области гуманитарных и социальных наук и применение их методов в различных видах профессиональной и социальной деятельности;
- здоровый образ жизни;
- понимание и соблюдение базовых ценностей культуры;
- гражданственность;
- гуманистическая ориентированность;
- приверженность этическим ценностям и принципу социальной ответственности;
- правопослушность (правовая культура);
- владение культурой мышления;
- деятельность в иноязычной среде;
- готовность к социально-культурному диалогу;
- способность к критическому переосмыслению своего профессионального и социального опыта;
- развитая письменная и устная коммуникация, включая иноязычную культуру.

Какой курс обучения может сформировать у студента компетенции: «здоровый образ жизни», «правопослушность» или «соблюдение базовых ценностей культуры»? Что может сделать в этом случае факультет психологии?

Мы выделяем универсальные профессиональные компетенции, но при этом редуцируем их содержание.

Вот восемь основных универсальных компетенций, которыми должен обладать каждый европеец, получающий ВПО, согласно рекомендациям Еврокомиссии:

- компетенция в области родного языка;
- компетенция в сфере иностранных языков;
- математическая, естественно-научная и техническая компетенции;
- компьютерная компетенция;
- учебная компетенция;
- социальная компетенция;
- компетенция предпринимательства;
- культурная компетенция.

Степень конкретизации данных компетенций хотелось бы увеличить.

Следует отметить, что совмещение российской структуры квалификаций ВПО с европейской системой, в основе которой лежит компетентностный подход, не носящий категорической правовой нормы, дает нам широкое поле для творчества. И в связи с этим хотелось бы выразить пожелание, чтобы

наше законодательство, регулирующее образование, оставляло нам возможность для маневра.

Коль скоро мы подчеркиваем необходимость интеграции в европейское и мировое образовательное пространство, то необходимо предусмотреть в ФГОС ВПО возможность реализации образовательных программ по психологии на иностранных языках, в частности для получения выпускниками так называемых двойных дипломов. Это будет также способствовать продвижению отечественных научных психологических школ и станет дополнительным ресурсом развития отечественной психологической образовательной системы.

Совершенно очевидно, что задачу по определению академических и профессиональных профилей в двухуровневой структуре образования и идентификацию компетенций, соответствующих этим уровням, мы можем решить только в широком диалоге с работодателями, нашими выпускниками и представителями общественности. Надеюсь, что объективная потребность современного общества в психологах и наше горячее желание готовить высококлассных профессионалов позволит нам решить все проблемы по разработке ГОС нового поколения в области психологии.

Т. Б. Казаренкова¹

СОЦИАЛЬНО-ИННОВАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Инновационное обновление социально-политической и экономической жизни российского государства обусловило широкомасштабные изменения в системе ВПО. Стратегическими задачами современной высшей школы выступают социализация, профессионализация и самореализация студенческой молодежи. Специалист с высшим образованием — это не только профессионально компетентный работник, но и высокообразованный, культурный человек, обладающий системой жизненных стратегий и гуманистических ценностей, успешно ориентирующийся в различных сферах жизнедеятельности, владеющий базовыми, социально-гуманитарными и естественно-научными знаниями, умениями оценивать и анализировать социальные процессы, явления, прогнозировать их развитие в будущем.

Эффективность ВПО проявляется в способности будущего специалиста умело актуализировать свой интеллектуальный и духовный потенциал. Интегральное освоение социально-гуманитарного знания стимулирует развитие целостного мировоззрения, опыта жизнетворчества, позволяет сохранить высокий социальный и профессиональный статус. Социокультурное знание придает импульс, качественно иной ракурс конструктивным действиям профессионала, расширяет возможности социального взаимодействия.

Целесообразно расширить участие общества в выработке, принятии и реализации правовых

и управленческих решений в образовании. Этот процесс обеспечивается как соответствующей нормативно-правовой базой, так и реальными механизмами действенного общественного участия в развитии ВПО. Важнейшей задачей образовательной политики становится открытость системы образования инновационным процессам общественного развития.

Исследования процесса развития мировой науки показывают, что в ближайшие десятилетия фундаментальная наука и научные технологии, развивающиеся на ее базе, будут являться основой политических, экономических и социальных глобальных преобразований, определять перспективы развития государства и его международных отношений, а также служить базой для гуманизации современной цивилизации.

Образование представляет собой мощный фактор культуры, обеспечивающий целостную многомерную самореализацию человека. Оно стимулирует раскрытие задатков, способствует обнаружению талантов. ВПО — необходимое условие развития общества. Проявление в ОУ интеллектуальных и нравственных потенциалов человека в их взаимосвязи способствует интенсивному, гуманному освоению им резервов природы и общества.

Сфера образования является стратегической для развития инновационной экономики и наиболее важной сферой человеческой жизни. Значение ВПО в условиях обновления российского общества возрастает в еще большей степени. Система непрерывного образования предполагает смену образовательных технологий. Образование в наше время — это

¹ Доцент кафедры сравнительной образовательной политики Российского университета дружбы народов (Москва), кандидат социологических наук.

путь молодежи в науку. Базисом современного ВПО служат фундаментальные знания и новейшие технологии. Формирование у студенческой молодежи позитивной мотивации в осознании их значимости в жизнедеятельности современного человека и опыта освоения таковых — важнейшая задача системы национального образования. Фундаментальное

знание — это не «балласт» в системе рыночных отношений, а перспективное средство для достижения самых высоких жизненных и профессиональных целей. В системе российского ВПО целесообразно сформировать у человека не только способность усваивать передаваемые научные знания, но и потребность в самосовершенствовании.

Н. К. Карпова¹

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ СОВРЕМЕННОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

Образование выступает одним из важнейших инструментов развития личности, социума. Позитивный вектор изменений актуализирует необходимость постоянного совершенствования системы образования, стремление к модели, которая соответствовала бы императивам времени. При этом перспективы развития образования, равно как и его нормы, определяет научная рациональность, изменение смысла и функций которой предопределяет поиск новых моделей образования. Кризис научной рациональности обуславливает переход к новой парадигме образования, причем общенаучная парадигма образования во многом определяет формирование нового понятийного аппарата педагогической науки, исследующей феноменологию образования.

Период научных революций — суть смены парадигм — характеризуется синтезом наук. Многомерность позволяет уловить суть перемен и сформировать основы новой парадигмы. Далее следует процесс дифференциации наук, появление все более новых частных отраслей знания. Период развития завершается, когда во множестве частных истин трудно найти контуры перемен. И вновь попытки синтеза — осмысление перемен — новая смена парадигмы.

Однако понятие — это сущность, в которой заключена объектная сторона и одновременно субъектная. Понятия в эпоху смены парадигм в силу своей объект-субъектной двойственности неизменны и в то же время изменчивы.

Субъектная сторона подвержена постоянному переосмыслению, объектная или предметная модальность задается человеку его прошлым. Отсюда многомерность и многозначность смысловых интерпретаций и, как следствие, несовпадения, противоречия. Человек в рефлексивной деятельности постоянно ищет тождество, единство. В этом вечном поиске заключен механизм самоизменения и развития личности.

Периоды смены культурных эпох (эпохи перелома), смены парадигм, а также смысла и функций научной рациональности характеризуются появлением новых понятий. Динамизируется и процесс категориальных переосмыслений.

Однако эпохи перелома не одномоментны. Следовательно, в какой-то период времени наблюдается противоречивость смысловых понятийных интерпретаций. Содержательное «поле» образования становится все более вариативным за счет образо-

вательных моделей, образовательных технологий, образовательных сред и так далее, обуславливая многообразие стратегий и тактик его реализации.

В современных условиях образование становится базисом существования и развития общества наряду с производством материальных благ, актуализируя в качестве приоритетной стратегии методологию опережения.

Стратегия опережающего развития педагогической науки и образования реализуется в рамках подхода.

Подход — это комплекс идей и положений, расширяющий и углубляющий, прежде всего, теорию познания в целом посредством развития теории конкретно-научного знания.

Подход — это инструмент научного познания, методологическая позиция, базовой основой которой выступают принципы, регулирующие функционирование и развитие научного познания в целом или частнопредметного знания в частности.

Подход представляет собой неравновесную систему. Акцентируя различные стороны (элементы) этой системы, исследователь способствует развитию подхода к конкретной точке применения, в рамках определенной проблемы, формируя тем самым вариативные теоретические модели познания мира, человека, культуры.

Современная социокультурная ситуация в России и мире, характеризующаяся формированием в общественном сознании новых типов познания и способов преобразования действительности, актуализирует стратегию и тактику, связанную с развитием свойств и качеств личности. При этом категория «ценность» выступает методологическим ориентиром, определяющим сущность аксиологического подхода, который становится органическим и необходимым компонентом осмысления устойчивого социального развития, феноменологии ценностных систем личности, формирования нового тезауруса и новой образовательной парадигмы.

Основными принципами, обеспечивающими реализацию аксиологической функции современного образования, выступают:

— принцип периодизации онтогенеза иерархии ценностей в контексте перехода от одного возрастного состояния человека к другому;

— принцип ценностной доминанты в иерархии ценностей различных культур;

— принцип «диалога культур» в аспекте сравнения и использования ценностных матриц как квинтэссенции культур (мировой, национальной, региональной);

¹ Профессор кафедры педагогики Южного федерального университета (Ростов-на-Дону), доктор педагогических наук.

— опора на единую гуманистическую систему ценностей при сохранении культурных и этнических особенностей;

— принцип экзистенциального равенства людей, общности в архетипической ментальности.

Аксиосфера современного образования, рассматриваемая с позиций человека, определяет результатом образования понимание, обретение смыслов, выдвигая главную задачу в процессе обучения как герменевтическую. Человек, мир культуры, природы и тому подобное представляет собой текст, систему знаков, символических проявлений и сообщений, требующих истолкования, интерпретации и, как следствие, понимания.

Предметом герменевтического понимания является человек и в целом педагогическая реальность, педагогический опыт, система мировоззрения, отраженная в педагогическом знании, зафиксированном или не зафиксированном в разного рода текстах.

Сущность герменевтической интерпретации педагогического знания состоит в аналитико-синтетической деятельности по его глубоко личностному, творческому осмыслению (присвоению) педагогом. Познать человека — основу педагогической реальности — возможно в процессе интерпретации, истолкования его деятельностных проявлений в условиях диалога, глубокого личностного контакта.

Интеграция деятельностного, диалогического и герменевтического подходов обусловила становление гуманистической педагогики герменевтического опыта, целеполагание которой — обретение личностью собственного «Я» в контексте смыслопоисковой деятельности, обусловленной феноменологическим содержанием культуры.

Человек — суть интегральная целостность, что обуславливает применение системного подхода в педагогике. Существовая в определенной социальной и материальной среде, взаимодействуя с окружающими людьми и природой, участвуя в общественном производстве, человек проявляет себя как сложная самоуправляющаяся система с огромным спектром различных качеств и свойств. Эта система есть личность.

Личность как целостная интегральная система может развиваться только в целостном педагогическом процессе, в котором все компоненты тесно взаимосвязаны и системно структурированы. При этом системный подход, в частности в педагогике, обусловлен векторами линейной и нелинейной направленности, то есть при изучении и проектировании развития всех структур, составляющих систему образования, необходимо учитывать принципы как системного, так и синергетического подходов, вы-

рабатывая новую методологию интеграции, обосновывая новый подход междисциплинарного синтеза линейного и нелинейного развития систем.

Важнейшими принципами вышеназванного подхода являются:

— развитие объектной и субъектной составляющих социально-педагогических систем в плане максимально эффективного использования внутренних ресурсов, учитывая изменения условий внешней среды;

— множественность траекторий самоуправляемого развития систем;

— выявление тенденций сохранения гомеостаза системы с целью проектирования ее развития;

— учет особенностей «культурного фона» функционирования и развития системы;

— обоснование концептуальных оснований синтеза систем, обеспечивающих целостность процесса их функционирования и развития.

Становление культурологической методологии в педагогике обусловлено развитием аксиологического, герменевтического, системного подходов. Аксиосфера сложной системы образования соотносима с культурой народа и обеспечивает сохранение этнической самобытности личности, «наполняя» ментальные структуры сознания необходимым опытом знаний, чувств, переживаний. Педагогика герменевтического подхода решает «технологические задачи» обретения каждым ребенком, молодым человеком собственного «Я» через познание природы, культуры, человека (как другой индивидуальности).

Личность, образовательный процесс необходимо рассматривать с позиций системного подхода, интегрирующего синергетический. Таким образом, интеграция аксиологического, герменевтического и системного подходов выступает основой, базисом развития культурологического подхода.

Культурологический подход предполагает использование феномена культуры в качестве основополагающего в понимании и объяснении педагогических явлений и процессов.

Культурологический подход есть методологическая позиция, раскрывающая единство аксиологического, деятельностного и индивидуально-творческого аспекта культуры и рассматривающая человека ее субъектом, главным действующим лицом.

Системообразующими понятиями, характеризующими сущность культурологического подхода, выступают культура, гуманизм и гуманитарное мышление, позволяя представить культурологический подход как методологию, обеспечивающую перспективное развитие современного образования.

Н. С. Кирабаев¹

ДИАЛОГ ЦИВИЛИЗАЦИЙ: ОБРАЗОВАНИЕ В ПОИСКАХ ОБЩЕЙ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ НА ПУТИ К ИННОВАЦИОННОМУ ОБЩЕСТВУ XXI в.

На саммите, посвященном 60-летию ООН, главы государств и правительств в ходе дискуссий

затронули весьма важную проблему современного мира — взаимодействие цивилизаций. Эта тема не первый раз обсуждается в рамках ООН. Решение о необходимости начать междисциплинарный диалог нашло свое воплощение в принятой Генеральной

¹ Проректор по научной работе Российского университета дружбы народов (Москва), доктор философских наук, профессор.

Ассамблеей ООН «Глобальной повестке дня для диалога между цивилизациями».

Глобализация резко усилила взаимозависимость обществ и государств. Она, сократив географические расстояния, показала новые точки соприкосновения и расхождения между культурами и цивилизациями. Обеспечение гармоничного сосуществования, взаимодействия различных культур как в отношении различных цивилизационных обществ, так и между государствами ставит вопросы о поисках общих стратегий как ответа на вызовы глобализации, интернационализации, массовости, децентрализации, маргинализации, фрагментации и технологизации.

Коренные изменения, происходящие в современном мире, связаны:

— со стремительным ростом научных знаний, информационных и коммуникационных технологий, что в целом приводит к увеличению разрыва между странами Севера и Юга, и последние не в состоянии собственными силами обеспечить себя необходимой инфраструктурой;

— с серьезными изменениями в сфере миграции рабочей силы под воздействием факторов глобализации и регионализации, одной из последствий которых является тенденция размещения предприятий в местах с наиболее дешевой рабочей силой; необходимо принимать во внимание и резкий рост народонаселения в развивающихся странах, который сопровождается старением населения в развитых странах;

— с феноменом глобализации и интернационализации, который в настоящее время особо остро ставит вопрос о защите национальной культурной и языковой самобытности, о правах человека и о праве народов на самоопределение.

Эти фундаментальные изменения в мире со всей очевидностью показывают, что важнейшим средством гармонизации современного межцивилизационного развития служит образование. Оно, безусловно, является одним из важнейших факторов интеграционных процессов в современном мире. Именно в образовательном пространстве сосредоточены основные социально-экономические, политические, религиозные и культурологические проблемы.

С одной стороны, образование становится все более массовым, с другой — сокращаются выделяемые на образование финансовые и материально-человеческие ресурсы. Остро стоит вопрос и о доступности ВПО. Сегодня проблемы образования тесно связаны с проблемами занятости населения и безработицы. Речь здесь идет и о связи образования с современным развитием науки и технологий, а также с культурными и цивилизационными ценностями. Таким образом, наиболее актуален вопрос поиска общей стратегии развития образования на основе идеалов справедливости, равноправия и гармоничного межцивилизационного развития.

Не случайно по результатам встречи глав государств и правительств Большой восьмерки (G8) в Санкт-Петербурге в 2006 г. среди итоговых материалов саммита был принят документ «Образование для инновационных обществ XXI века», в котором были определены важнейшие проблемы образования:

— вклад образовательных систем в формирование глобального инновационного общества;

— повышение качества всех ступеней образования;

— обеспечение равного доступа к образованию («образование для всех»);

— содействие социально-экономической интеграции иммигрантов через образование.

Лидеры государств G8 пришли к единому мнению о необходимости способствовать формированию глобального инновационного общества посредством развития и интеграции образования, исследований и инноваций с целью крупномасштабного инвестирования в человеческие ресурсы, развития профессиональных навыков, научных исследований и модернизации систем образования.

Принимая во внимание, что образование обогащает культуру, способствует взаимопониманию и диалогу цивилизаций на глобальном уровне, позволяет укреплять основы демократического общества и уважения к закону, представляется важным, что именно образование является залогом развития человеческого капитала и основной движущей силой экономического развития. И тогда действительно международное сотрудничество в подготовке высококвалифицированных кадров, интеграция людей, знаний и технологий являются необходимыми для ответа на глобальные вызовы.

Сегодня становится очевидным, что об образовании нельзя рассуждать на уровне деклараций и благих пожеланий. Реформы образования во многих странах Севера и Юга позволяют говорить о двух моделях образования. Первую модель, как правило, связывают с так называемым технократическим или технологическим образованием, абсолютно ориентированным на потребности рыночной экономики. Современные университеты все больше развиваются в соответствии с материальными интересами, условиями и задачами точных наук, технологий и конкретных узких профессий. Вне интересов такой модели остается образование как ценность и благо. Гуманитарному образованию нет места в этой модели, есть лишь рассуждения о необходимости развития междисциплинарного характера естественных, технических и социальных наук на основе их коммерческой окупаемости. Лиссабонская программа «Европа знания» является ярким примером обоснования именно технократической модели образования, в которой знание понимается лишь в рамках точных, естественных и технических наук в той мере, в какой они могут способствовать экономическому росту, а в данном случае, в какой мере они могут помочь Европе победить в глобальной экономической гонке. Вследствие этого можно говорить об оправданности тревоги за судьбу гуманитарного образования. Как отмечают американские ученые Кэти Дэвидсон и Дэвид Тео Голдберг в своем «Манифесте гуманитарных наук в технологическую эпоху», современная ситуация в данной области даже в богатых странах плачевна. Современные корпоративные университеты являются адептами государственных интересов, транснациональных монополий и законодателями такой концепции универсального знания, которая вполне оправдывает необходимость и достаточность именно технократического образования, при этом подменяя роль и значение гуманитарного знания дискурсами социальных наук, которые выступают идеальным инструментом навязывания определенного типа модернизации и определенной модели знания.

Вторую модель образования обычно связывают с интересами и потребностями развития культуры, искусства и в целом — гуманитарного (гуманистического) образования. В основе этой модели лежит фундаментальная идея диалога культур и цивилизаций. С ней связывают принципы толерантности, достоинства человека, нравственности, критического мышления, ответственности и понимания жизни конкретного человека, общества и человеческой цивилизации как высшей ценности. Именно духовно-нравственное измерение образования позволяет ставить вопрос о поиске общей стратегии развития образования в XXI в. Причем вполне очевидно, что крайности первой модели образования должны быть уравновешены достоинствами второй.

Образование — это не только рынок образовательных услуг, но и школа жизни диалога культур

и цивилизаций. Образование должно не только использовать технологии и достижения науки в утилитарных целях, но и учитывать потребности тех или иных многообразных культурных, национальных, этнических, религиозных и иных сообществ. Технократическое понимание технологий должно уступить место критическому гуманитарному образованию, превратившемуся, по словам современного итальянского философа Дж. Ватти-мо, в вымирающего динозавра. Технократическое образование должно быть подчинено высоким духовным ценностям культуры, связанным с этическими и политическими императивами, ответственностью человека и общества за судьбы нашего мира. Современная философия образования должна основываться на понимании единства многообразия культур, которое позволяет увидеть многообразие в единстве.

В. И. Купцов¹

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ

В начале XX в. ВПО было элитарным. За прошедшее столетие достигнуты огромные успехи в борьбе с неграмотностью, развитии специального образования. XX столетие вполне обоснованно называют не только веком НТП, но и веком образования. Если в XIX в. подавляющее большинство людей не умели читать и писать, то в конце XX в. уже свыше 80 % населения мира было грамотным. Хорошие результаты были получены и в сфере ВПО. Оно перестало быть элитарным. Особенно интенсивно оно развивалось во второй половине XX в. В 1990-е гг. в мире было около 240 млн людей с высшим образованием. Из них 22 % работали в США. Интересно, что 22,4 % американцев с высшим образованием представляли эмигранты. В США разными формами образования после окончания школы охвачено около 40 % молодежи. В Европе и России в высших учебных заведениях продолжают обучение около 20 % выпускников средних школ.

Статус образования в мире, несомненно, будет возрастать. В 2006 г. было 97 млн студентов. Предполагают, что к 2025 г. их количество увеличится до 260 млн человек.

Чем же обусловлены эти огромные темпы роста ВПО? Во-первых, они вызваны научно-техническим прогрессом. И весь этот несомненный прогресс требовал и требует особого внимания к развитию ВПО. Во-вторых, огромны масштабы социальных преобразований, которые, как и НТП, стимулируют повышение уровня образования. Процессы национального самоопределения и развития национального самосознания, демократизация, осуществлявшаяся во многих странах, стремление построить гражданское общество, обеспечивающее осуществление неотъемлемых прав человека на свободу и достойную жизнь, также предъявляют

повышенные требования к уровню образованности людей. В-третьих, следует особенно отметить мощные интегративные тенденции в развитии буквально всех сфер современной жизни и, прежде всего, глобализацию экономики.

Образование на наших глазах превратилось в эффективную область экономической деятельности. Разумная экономическая политика здесь приносит весьма значительные доходы.

Сегодня более одной трети всех иностранных студентов в мире учатся в США, принося этой стране значительный доход:

Страна	Доля от общего количества студентов-иностранцев, %
США	34
Великобритания	16
Германия	13
Франция	11
Австралия	8
Итого	82

Однако, несмотря на столь значительные успехи, сегодня ни одна страна не довольна своей системой образования. Уровень образования повсюду отстает от требований жизни. Везде предпринимаются энергичные попытки реформировать его. Поэтому требуется тщательный анализ и широкое обсуждение целей и главных задач реформирования образования. Ведь от этих реформ, что особенно понятно стало теперь, зависит будущее страны.

Главные ориентиры развития ВПО:

1. Развитие ВПО в контексте непрерывного образования.
2. Осуществление доступа к ВПО всех слоев населения, независимо от их материального положения.
3. Обеспечение бесплатного доступа к образовательной информации через электронные носители.

¹ Директор объединения «Гуманитарное образование» Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, академик РАО, доктор философских наук, профессор.

4. Осуществление гармонического сочетания трех направлений ВПО узкоспециальной подготовки, широкого общего образования в пределах специальности, высокого уровня общекультурного образования.

5. Обеспечение в системе образования усвоения целостных представлений о мире.

6. Разработка методик, направленных на повышение устойчивости знаний.

7. Развитие системы неформального образования, и прежде всего через средства массовой информации.

8. Эффективное использование международного опыта в организации ВПО.

9. Организация международного сотрудничества в разработке многообразных учебных материалов.

10. Создание единого образовательного пространства для страны, учитывающего лучшие национальные традиции и мировой опыт, обеспечивающего оптимальное международное сотрудничество в этой области.

11. Развитие образования, направленного не только на удовлетворение сиюминутного спроса, диктуемого рынком, но и на стратегические интересы страны, не только на осуществление эффективного производства вещей, но и на воспроизводство людей, высших гуманистических ценностей.

12. Ориентирование образования на сохранение и улучшение здоровья учащихся.

13. Развитие стремления учащегося к самообразованию на протяжении всей жизни.

В. Я. Рушанин¹

СОВРЕМЕННЫЙ ВУЗ КАК СУБЪЕКТ РЕГИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ

Д. С. Лихачев был убежден, что «XXI век должен быть веком гуманитарной культуры»². В своем последнем публичном выступлении 24 апреля 1999 г. перед школьными библиотекарями в СПбГУП он особо подчеркивал, что образованность создается чтением и книгами, и именно библиотека должна быть центром нравственного воспитания³.

В российском обществе созрело понятие того, что ослабление интереса к чтению может привести к тотальному ухудшению качества жизни, снижению уровня конкурентоспособности страны, падению экономических показателей⁴.

Челябинская государственная академия культуры и искусств на протяжении последних пяти лет участвует в разработке и реализации региональной культурной политики в поддержку чтения. Чтение является одним из важнейших стратегических ресурсов развития региона и общества в целом, незаменимым средством трансляции и освоения достижений человечества, основной составляющей образованности и культуры личности и, следовательно, готовности к жизни в глобальном информационном обществе.

Вместе с тем в современной России существует риск снижения или утраты потребности в книге; мировая тенденция падения интереса к чтению особенно остро проявилась в детской и юношеской средах. Требуется осуществление культурной политики, которая представляет собой систему разнонаправленных и долговременных усилий, нацеленных на стимулирование читательской активности юного поколения.

В Челябинской области имеются интеллектуальные, профессиональные, административные и экономические ресурсы, необходимые для постепенного разрешения сложившейся проблемной ситуации. Внятная региональная политика позволит добиться коренного улучшения содержания и качества чтения детско-юношеского населения области, что должно привести к росту интеллектуального, нравственного и культурного потенциала региона, обеспечить конкурентоспособность населения Южного Урала во всех сферах социальной активности и повышение качества его жизни.

На протяжении последних нескольких лет в Челябинской области накоплен позитивный опыт деятельности в поддержку чтения на основе социального участия и партнерского взаимодействия. В 2004 г. на Южном Урале совместными усилиями Администрации Челябинской области, ЧГАКИ, институтов книжного дела и образования Челябинской области был проведен Год детского чтения, а в 2007 г. реализован более масштабный, по сути, всеобъемлющий мегапроект — Год чтения в Челябинской области под названием «Читающий Урал — настоящая Россия». Всероссийское признание этого опыта подтверждено высокими наградами: первое место в конкурсе региональных проектов «Мы и книга» и Гран-при за проект «Читающий Урал — настоящая Россия»⁵.

Научно-исследовательская и программно-проектная деятельность в поддержку чтения обеспечивается, прежде всего, *кадровыми ресурсами* ЧГАКИ. Благоприятность вузовской ситуации заключается и в том, что в академии созданы *структурные подразделения*, позволяющие представить работу по поддержке чтения системно и многоаспектно. В вузе имеются кафедры, готовящие специалистов для библиотечного, книжного дела, информационных учреждений. Действует кафедра теории досуговой деятельности. В академии при кафедре

¹ Ректор Челябинской государственной академии культуры и искусств, доктор исторических наук, профессор.

² *Лихачев Д. С.* Диалоги о уже вчерашнем, сегодняшнем и завтрашнем / Д. С. Лихачев, Н. Г. Самвелян. М., 1988. С. 6.

³ *Запесоцкий А. С.* Вступительное слово // Мир гуманитарной культуры академика Д. С. Лихачева: Международные Лихачевские научные чтения, 24–25 мая 2001 г. СПб., 2001. С. 6.

⁴ См.: Поддержка и развитие чтения в библиотечном пространстве России: сб. науч.-практ. работ / сост. В. Я. Аскарова. М., 2007. С. 5.

⁵ См.: Год чтения в Челябинской области: от идеи к воплощению: [сб. ст.] / сост. Н. П. Расцветаева. Челябинск, 2008.

педагогике и психологии действует институт культуры детства, который занимается проблемами воспитания и развития детей.

Основную работу по разработке проектов в поддержку и развитие чтения выполняет научно-исследовательский и проектный *Центр чтения ЧГАКИ*. Центр теснейшим образом связан с Министерством культуры Челябинской области и городским отделом культуры при Администрации Челябинска. Академия имеет возможность влияния на ход проектной деятельности не только посредством подготовки кадров для книжного дела, но и путем активного включения в их переподготовку на базе *Института ДПО*, который также действует в ЧГАКИ. *Материальная база академии* позволяет использовать современные образовательные платформы, развивать информационные технологии обучения и проводить масштабные мероприятия, по проектной деятельности в поддержку чтения с привлечением участников территорий УРФО.

Одним из таких мероприятий стал *Межрегиональный семинар по популяризации Национальной программы поддержки и развития чтения* в России. 1–2 ноября 2007 г. в ЧГАКИ проведена *Южноуральская библиотечная ассамблея* под названием «Реализация Национальной программы поддержки и развития чтения: уральский вариант».

Научно-педагогический потенциал академии позволяет обеспечить *научную составляющую проектной деятельности*. Так, в ходе проекта «Год детского чтения» было проведено исследование «Читающий подросток в фокусе разнообразных представлений». В текущем году библиотеки области совместно с академией культуры проводят исследование «Книга и чтение в жизни горожан».

С целью консолидации специалистов-читателей, исследующих проблемы чтения, в ЧГАКИ создано *Челябинское отделение Русской ассоциации чтения*.

Существенный вклад в развитие теории чтения и его поддержку академия вносит и посредством *издания научных и художественных трудов*.

К работе в поддержку чтения сотрудники академии подключили СМИ. Предмет особой гордости — *радиопередачи в поддержку чтения*. ЧГАКИ и Областная детская библиотека им. В. В. Маяковского являются разработчиками, организаторами и основными исполнителями медиапроекта «Брось все и читай!» Специалисты ЧГАКИ в области рекламного дела увлеченно занялись *рекламной деятельностью в поддержку чтения и библиотек*.

Перспективы, основные направления и задачи деятельности ЧГАКИ по развитию и поддержке чтения представляются следующими.

Логическим продолжением масштабной программно-проектной и исследовательской деятельности стала разработанная в Центре чтения ЧГАКИ *«Концепция поддержки детского и юношеского*

чтения в Челябинской области». Концепция носит межведомственный характер; она разрабатывается в рамках региональной культурной политики и представляет собой модель решения проблем в сфере развития и поддержки детского и юношеского чтения в области.

Стратегической целью Концепции является создание *целостной системы поддержки и развития детского и юношеского чтения* с участием всех действующих в Челябинской области организаций и учреждений, прямо или косвенно связанных с образованием, воспитанием и организацией культурно-досуговой деятельности названной категории читателей. Региональная деятельность по организации, поддержке и развитию детского и юношеского чтения должна быть приведена в соответствие с отечественными и мировыми достижениями в данной сфере.

Таким образом, ЧГАКИ все активнее позиционирует себя как центр региональной и национальной культурной политики. Интеллектуальные, структурные, организационные и материальные ресурсы позволяют ей полноценно включиться не только в региональную деятельность по реализации Национальной программы поддержки и развития чтения, но и инициировать мероприятия и акции российского масштаба, влиться в международную деятельность по исследованию проблем чтения и разработке креативных проектов, нацеленных на активизацию и стимулирование читательской деятельности.

Остро стоит и проблема *читателеведческой подготовки* специалистов книжно-библиотечного дела. К сожалению, ГОС второго поколения по специальности «Библиотечно-информационная деятельность» предусматривал преимущественно технологическую подготовку специалистов для библиотек. Преподаватели института документальных коммуникаций ЧГАКИ в текущем году активно включились в разработку ГОС третьего поколения, добившись того, чтобы дисциплины, связанные с историей, социологией, педагогикой и психологией чтения, заняли достойное место в учебном процессе.

Возможно, настало время для *создания кафедр чтения* в вузах культуры, а пока, в качестве pallиативной меры, в академии возможно укрепление и всемерное развитие Центра чтения ЧГАКИ как научного, проектного и учебного подразделения; возможно, на межведомственной основе.

Воспитать заинтересованных, креативно мыслящих профессионалов, готовых к созидательной деятельности в сфере культуры, можно только в вузе, который активно выходит за рамки учебной деятельности, достойно отвечая на вызовы времени. Это один из путей формирования гражданского общества в России, где каждый человек считает себя ответственным за судьбу «малой родины», страны и мира.

Л. А. Санкин¹,
С. В. Викторенкова²

КАФЕДРА В ПРОСТРАНСТВЕ ДИАЛОГА

«Давайте никогда не будем вести переговоры из страха. И давайте никогда не страшиться переговоров. Мы будем искать то, что нас объединяет, а не концентрироваться на том, что нас разъединяет...»

Джон Ф. Кеннеди. Инаугурационная речь (20 января 1961 г.)

Социальные, экономические, культурные связи внутри общества и между обществами разных культур формируются в процессе построения отношений между людьми. В современном мире как развитие общества, так и развитие каждого субъекта в отдельности обеспечивается за счет оптимального построения системы взаимодействий. Для достижения этого система управления вузом должна отвечать требованиям глобальных изменений в сфере образования и экономики: переход на уровневое образование, проектирование и реализация ГОС и программ третьего поколения, Болонский процесс, глобализация. Эффективное взаимодействие вуза с обществом и миром должно осуществляться через адекватную систему взаимодействий внутри вуза.

Замечали ли вы, что когда запланированное мероприятие терпит неудачу, большинство участников ищут причину во внешних, не зависящих от них факторах: «Конкурс при поступлении в вуз снизился из-за демографического спада», «Процент защит аспирантов понизился из-за новых экономических условий», «Грант не был выигран, потому что заранее были известны победители» и т. д. И лишь немногие готовы согласиться с тем, что причиной срыва послужило их неумение вести диалог и выстраивать продуктивные взаимоотношения.

Организация эффективного взаимодействия в вузе тесным образом связана с определением места и роли кафедры и ее заведующего. В современных условиях традиционная административная и контрольная роль заведующего кафедрой все больше трансформируется в функцию организации позитивного диалога между сотрудниками с целью развития творческой инициативы преподавателей. В 2007/08 учебном году в СПбГУП проводился анализ деятельности кафедр (исследование осуществлялось при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта 08-06-00263а «Разработка культуроцентристской модели высшего образования»). Анализ протоколов заседаний кафедр показал, что основные проблемы при решении ряда задач связаны с неумением вести диалог и выстраивать взаимодействия как внутри кафедры, так и в вузе в целом. Выделилось три уровня плохо организованных взаимосвязей:

1. Взаимодействие кафедр и структурных подразделений СПбГУП. Решение целого спектра проблем напрямую зависело от эффективного вза-

имодействия кафедр со структурными подразделениями, отвечающими за эти вопросы, и умения оптимально выстраивать отношения друг с другом.

2. Взаимодействие кафедр между собой. Во многих случаях другие кафедры университета воспринимаются скорее как конкуренты, чем как партнеры. Анализ выявил слабое развитие межкафедральных связей.

3. Взаимодействие между сотрудниками кафедры.

Современное общество выдвигает задачи, которые невозможно решить без эффективного диалога, большинство вопросов не может быть решено отдельным преподавателем, кафедрой, факультетом и даже вузом в целом.

Приведем несколько примеров, когда в конечном счете именно кафедре приходится решать задачи обеспечения качества образования в условиях неопределенности методов достижения цели.

Компетенции, которые закладываются в новых ГОС ВПО, формируют у студентов именно преподаватели кафедр. Четкой же системы оценки этих компетенций не существует, как нет и четкой методики их формирования.

В новой концепции образования важной задачей кафедры становится реализация принципиально иного подхода к организации и проведению практик студентов. Практика позволяет, с одной стороны, показать работодателю, какие компетенции приобретены студентами в процессе обучения, а с другой — понять, какие же компетенции востребованы работодателями. В этом году в СПбГУП разработано новое Положение о практике, построенное на принципе сквозной организации и компетентностном подходе. Кафедры Университета приняли активное участие в определении тех компетенций, которые последовательно формируются и являются востребованными в ходе прохождения практик.

Не менее важной задачей становится участие кафедры в информировании абитуриентов и их родителей об образовательной деятельности вуза. Сегодня организация набора студентов — дело не только приемной комиссии, но и преподавателей, которые непосредственно занимаются подготовкой студентов и могут дать реальное представление о том, кого и как готовят в вузе. От позиции кафедры зависит многое. Готовность к диалогу, к активной позиции позволит отобрать действительно достойных абитуриентов, чьи личностные качества позволят им продуктивно учиться в вузе и работать по выбранной специальности.

Таким образом, в современных условиях кафедра должна стать не только обучающей, но и обучающейся организацией, готовой к активному диалогу и выстраиванию взаимодействий.

¹ Первый проректор СПбГУП, кандидат педагогических наук, профессор.

² Директор Департамента программ и управления качеством образования СПбГУП, кандидат технических наук, доцент.

Е. И. Смирнов¹,
В. В. Афанасьев²

НАУЧНОЕ ПОЗНАНИЕ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНОЙ КАРТИНЫ МИРА БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ

В последние десятилетия естествознание как педагогическая задача испытывает беспрецедентное давление со стороны общественности и по поводу содержания обучения, и относительно методов преподавания. Глубина формализации даже в естественных приложениях и следование внутренним закономерностям строения естественно-научного знания входят в противоречие с онтогенезом развития и социализации отдельного индивида, диалогом культур развивающегося общества и с потребностями цивилизации по необходимому обеспечению своей жизнедеятельности. Поэтому обучение естествознанию (в том числе математике) и содержание математического и естественно-научного образования как в средней, так и в высшей школе должны пересматриваться в направлении большей визуализации, предметности, наглядного моделирования процессов и явлений, раскрытия социального статуса естественных наук и математики на основе целенаправленного раскрытия структуры ее внутренних и внешних взаимосвязей, актуализируя при этом интегративные конструкты знания, методов и деятельности как дидактических единиц.

Рассмотрение генезиса учебного элемента как педагогической задачи (то есть как объекта для усвоения другим субъектом в будущей учебной деятельности) требует учета не только его содержания и структуры, анализа своего ментального опыта, личностных характеристик и психолого-педагогических условий деятельности, но и системного анализа функционирования аналогичных подструктур будущего субъекта усвоения социального опыта в изменившихся педагогических условиях. К тому же целенаправленный процесс перехода социального опыта, накопленного предшествующими поколениями в содержании данного учебного предмета (объекты, явления и процессы), в опыт индивидуальный при активном поведении субъекта в процессе усвоения сопровождается атрибутами когнитивного процесса: пониманием, представлением, локализацией, целостностью и другими, необходимо вложенными в процесс профессионализации будущего учителя.

В основной образовательной программе вуза должны быть формализованы и материализованы в виде конкретных учебных дисциплин и форм учебной деятельности не только дидактические (когнитивные) процессы, формирующие целеполагание, приобретение, применение и преобразование опыта личности, а также адаптационные процессы, характеризующие профессиональные пробы принятия студентом профессии учителя, и личностные процессы, направленные на проявление способно-

стей, развитие мотиваций и эмоций, рефлексии и саморегуляции, самооценки и выбора, интеллекта и креативности личности.

Таким образом, проектирование инновационных технологий обучения естественно-научным дисциплинам (особенно математике) в профессиональной подготовке учителя соединяет в себе теоретический или объектно-сущностный (приобретение опыта), процессуально-деятельностный (приобретение и преобразование опыта) и личностно-адаптационный (развитие личностных характеристик и интеллектуальных качеств) компоненты, разворачивающиеся в контексте будущей профессионально-педагогической деятельности. В основе инновационного подхода к отбору содержания и технологии профессиональной подготовки учителя естественно-научного профиля должно лежать овладение студентами особым когнитивным стилем естественно-научной и, что особенно важно, профессионально-педагогической деятельности на основе базовых компетенций в когнитивной области научения.

Следует отметить, что у части учителей не сформирована система значимых профессиональных компетентностей. Следовательно, необходимо создать такую инновационную систему вузовского образования на единой концепции, которая бы являлась основой для формирования компетентностей будущего учителя, конкурентоспособности на рынке труда и успешности профессиональной деятельности учителя. Более того, в ходе экспериментального психологического исследования профессиональной подготовки студентов педагогического университета на I–V курсах и самостоятельной профессиональной деятельности учителей со стажем 1–6 лет было выявлено три основных критических периода профессионального развития: первый приходится на конец первого года обучения в университете, второй — на конец третьего и начало четвертого года обучения, третий — на конец первого и начало второго года самостоятельной работы в школе. Дисперсионный, факторный и кластерный анализы полученных результатов свидетельствуют, что каждый из кризисов связан с преодолением соответствующих противоречий. *Первый кризис* связан с преодолением студентами противоречия между довузовской (школьной) формой и содержанием обучения и вузовской. *Второй кризис* свидетельствует о преодолении противоречия между фундаментальной и профессионально-методической подготовкой в вузе. *Третий кризис* — отражение противоречия между профессиональной готовностью к работе в школе и профессиональными требованиями, предъявляемыми к учителю в школе. Это приводит к тому, что качество профессиональной подготовки учителей неудовлетворительное: формализм знаний, недостаточная прочность профессионально-предметных умений и навыков, слабое владение методами и технологиями

¹ Заведующий кафедрой математического анализа Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, доктор педагогических наук, профессор.

² Ректор Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, доктор педагогических наук, профессор.

обучения школьников, незначительная творческая активность и восприимчивость к инновациям в проектировании и организации учебного процесса.

Исторически сложилось так, что объем и содержание фундаментальной подготовки в педагогическом вузе представляет собой «урезанный» вариант классического университетского образования при постоянной тенденции к уменьшению этого объема и формализации содержания предметной подготовки. При этом качество и устойчивость овладения профессионально-направленным учебным материалом (расширение и обоснование школьной программы и личностного опыта) остаются второстепенной составляющей подготовки учителя как по отведенному учебному времени, так и по глубине осмысления. Формирование психологической системы учебной деятельности студента идет гетерохронно, без должного учета особенностей профессии учителя, фундаментальная подготовка осуществляется в отрыве от профессионально-педагогической, отсутствуют достаточные методологические основания для отбора содержания, методов, форм и средств профессионально-предметной подготовки учителя. Реальным выходом из положения могло бы быть создание мощных центров педагогического образования мирового уровня с комплексной подготовкой профессионалов, способных работать в условиях конкурентоспособности и интеграции России в мировое сообщество.

Таким образом, рассматривая подготовку учителя в системе высшего педагогического образования не только в практическом и теоретическом, но и в методологическом планах и обращая особое внимание на возможность максимальной эффективности обучения для формирования профессиональных компетентностей и личностного развития студентов, в Ярославском государственном педагогическом университете им. К. Д. Ушинского была разработана концепция фундирования опыта личности как эффективный механизм преодоления профессиональных кризисов становления учителя и актуализации интегративных связей между наукой, профессиональным образованием и школой (8 лет теоретической и экспериментальной проработки).

Принципиальным отличием структурообразующих процессов фундирования является определение основы для спиралевидной схемы моделирования базовых учебных элементов и видов деятельности в

профессиональной подготовке студентов педвузов. Основное направление определения содержания обучения — от школьных знаний до отражения современных достижений науки и техники, в том числе по индивидуальным образовательным траекториям освоения образовательного пространства. Реализация этой концепции особенно важна в подготовке учителя (даже в отличие от студента классического университета), когда будущий педагог должен иметь представление и методически грамотно актуализировать в совместной деятельности со школьником не только само знание или действие, но и его генезис вплоть до современных достижений. Начиная со школьного предмета через сплошное фундирование его в разных теоретических и практических дисциплинах, объем, содержание и структура профессиональной подготовки должны претерпеть значительные изменения в направлении практической реализации теоретического обобщения школьного знания и расширения эмпирического опыта по принципу «бумеранга». Такое фундирование знаний и видов деятельности выводит на уровень, когда педагог вместе со студентом, уже владеющим предметной стороной, начинает отрабатывать методическую сторону преподавания. Школьные знания и виды деятельности станут выступать структурообразующим фактором, позволяющим отобрать теоретические знания и практические действия из учебного предмета более высокого уровня, через которые происходит фундирование школьного знания и приемов деятельности.

Выявление интегративного единства естествознания как науки и как педагогической задачи в контексте рефлексивного поведения студента — будущего учителя невозможно без содержательного и процессуального анализа научного познания — деятельности, направленной на производство и воспроизводство объективно истинного знания и требующей соответствующего мышления для своего осуществления. Выявление, возникновение и понимание науки в ее целостном виде на основе актуализации базовых интегративных связей становится важным методологическим аспектом анализа генезиса научного мышления и научной деятельности. В научном познании мыслительные действия направлены на исследование глубинной сущности реального мира, связей и отношений его вещей и процессов, законов его существования и развития.

Л. И. Якобсон¹

МАССОВОЕ ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ЯДРО РОССИЙСКОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В XXI в.

Современное состояние российского ВПО парадоксально. Оно одновременно избыточно и недостаточно по отношению к запросам общества и экономики. Избыточно, если иметь в виду долю выпускников школ, которые поступают на программы, готовящие к работе по конкретным узким специальностям. Недо-

статочно, если учесть, что, во-первых, квалификация выпускников большинства вузов не удовлетворяет работодателей; во-вторых, вузовские программы, как правило, не ориентированы на то, чтобы закладывать основу для образования в течение всей жизни, и, в-третьих, в ВПО преобладает сциентистско-технистский уклон при невнимании к развитию личности.

Данная ситуация — следствие тенденции, определявшей эволюцию отечественного ВПО в 1990-е гг.

¹ Первый проректор Государственного университета — Высшей школы экономики (Москва), доктор экономических наук, профессор.

и не преодоленной до сих пор. Речь идет об *утрате связи образования с социально-экономической средой*. В своеобразной автономизации образовательной сферы проявилось, с одной стороны, освоение возможностей, появившихся с крахом коммунистического режима, с другой — защитная реакция, закономерная в условиях, когда среда оказалась крайне нестабильной и агрессивной. Но вместе с тем автономизация означала разрыв с традицией российского и особенно советского образования и, в конечном счете, создала серьезную угрозу будущему образовательной сферы.

Значимость произошедшего разрыва редко осознается теми, кто, воспринимая 1990-е гг. прежде всего как период ресурсного голода, полагает возможным и необходимым на основе увеличения финансирования восстановить прежнюю систему образования в ее основных чертах. Между тем едва ли не главной ее чертой была предельно детализированная и жестко контролируемая связь структуры и содержания образования с *потребностями конкретных производств*. По сути, имело место планомерно организованное производство одушевленных «винтиков» для разнообразных неодушевленных «гаечек», причем именно число и формы последних определяли номенклатуру «винтиков». Отсюда та узкопрофильная подготовка, которая несопоставимо сильнее, чем непривычность схемы «четыре плюс два», мешает многим российским вузам войти в Болонский процесс. Автономизация позволила, продолжая привычную узкопрофильную подготовку, выйти далеко за те прежде жесткие ограничения количественного и качественного характера, которые задавались «планами по «гаечкам»». Результатом стал беспрецедентный рост масштабов ВПО при снижении его качества.

Подлинными традиционалистами сегодня выступают не столько противники модернизации образования, сколько те широко представленные в государственных органах ее сторонники, для которых главное — обеспечить конкретные потребности рынка труда при минимальных затратах. При всем несовершенстве существующих прогнозов бесспорно, что в обозримой перспективе инженеров будет требоваться меньше, чем рабочих, врачей — меньше, чем медсестер, управленцев — меньше, чем продавцов, официантов и парикмахеров и т. д. На этом основании нередко предлагается сократить прием в высшие учебные заведения. Мои коллеги и я считаем, что в основе такой позиции лежит тот же сциентистско-технистский уклон, который характерен и для большинства критиков модернизации образования.

Ключевое значение для нас имеет сформировавшийся за последние два десятилетия *массовый*

общественный запрос (не потребность экономики, а именно запрос общества) на *социализирующую функцию* высшей школы. О его наличии неопровержимо свидетельствуют данные мониторинга образования, который проводится в ГУ — ВШЭ. Нецелесообразно и нереалистично воздвигать барьеры перед теми, кто желает получить ВПО. Однако если их жизненные планы предусматривают работу в офисе или сфере обслуживания, ведение малого бизнеса и тому подобное (а таких уже сегодня большинство), не надо побуждать их поступать в технический или педагогический вуз просто потому, что конкурс там невелик.

В перспективе доступным станет *общее ВПО* с преобладанием гуманитарных компонентов, коммуникационных навыков и, главное, навыков поиска и освоения новой информации, которые позволяют в том числе в течение жизни успешно возвращаться на разные сроки к очной или заочной учебе, выстраивая собственную карьеру и меняя при необходимости профессию. Разумеется, наряду с общим высшим образованием сохранится и, избавившись от несвойственных ему функций, существенно усовершенствуется тот сегмент образовательной системы, который ориентирован на запросы молодежи с рано определившимися профессиональными интересами (это, как правило, и наиболее одаренные люди). Еще одним компонентом системы ВПО предстоит стать техническому бакалавриату, который заменит значительную часть нынешнего среднего профессионального образования и будет отличаться от него более определенной ориентацией на разнообразие последующих карьерных и образовательных возможностей.

В итоге ВПО предстоит заместить среднее образование в качестве *ядра образовательной системы*. Имеется в виду, что школьное образование будет строиться во многом как подготовка к общему высшему (подобно тому, как ныне начальное образование, бывшее когда-то ядром образовательной системы, строится как подготовка к среднему). Но еще важнее, что само ВПО будет строиться как *фундамент непрерывного образования* в течение всей жизни.

Выявление характеристик научного познания, тенденции и генезис его развития, ассоциации с профессиональной деятельностью ученого проектирует анализ исследовательского поведения в профессиональной подготовке будущего учителя, поисковую и творческую активность студентов и их фундирующие механизмы, важность исследовательского поведения в плане когнитивного и социального развития, и прежде всего саморазвития и самоактуализации личности.

Руководитель секции

ЛЕБЕДЕВ Олег Ермолаевич

заведующий кафедрой теории развития образовательных систем Санкт-Петербургской государственной академии постдипломного педагогического образования, член-корреспондент РАО, доктор педагогических наук, профессор

О. Е. Лебедев

УРОКИ В ШКОЛЕ И УРОКИ ШКОЛЫ

В прошлом году мы начали обсуждать тему образовательных стандартов для средней школы, определяющих федеральный компонент содержания общего образования. Обсуждение было связано с тем, что сейчас идет разработка образовательных стандартов нового поколения, которые предполагается ввести в 2010–2011 гг.

Готовясь к работе этой секции, мы исходили из того, что стандарты образовательной деятельности задаются не только на федеральном уровне. Понятно, что когда речь идет о федеральных стандартах, школа не может оказать на них большого влияния. Правда, на практике это нередко происходит: чему-то уделяется больше внимания, чему-то меньше, что-то изучается формально, что-то углубленно и т. д. Тем не менее степень свободы школы здесь невелика.

Есть и стандарты, которые устанавливает сама школа, — те, что относятся к условиям образовательной деятельности. Эти условия определяют не обычные уроки, а другие — уроки школы, которые, возможно, более значимы, чем уроки по отдельным предметам. Под обычными уроками мы подразумеваем усвоение социального опыта, представленного в содержании разных дисциплин: истории, математики, физики и т. д. А когда мы говорим об уроках школы, то имеем в виду формирование собственного опыта обучаемых — опыта выстраивания отношений, решения проблем, с которыми встречаются дети в школе. Этот опыт может быть очень разным. Он может быть опытом самостоятельного решения проблем, послушания, открытого предъявления своей позиции, но может быть и опытом лицемерия. Это расхождение между «уроками в школе» и «уроками школы», на мой взгляд, представляет собой весьма сложную и важную социально-педагогическую проблему.

Уроки школы определяются характером обязательных школьных мероприятий, организацией школьного быта, стилем отношений, принятым в школе — словом, всем образом жизни школы. При этом уроки школы далеко не всегда совпадают с теми выводами и оценками, которые дети слышат на занятиях. На обычных уроках могут звучать призывы к свободе, справедливости, честности, ответственности, но повседневная школьная жизнь может демонстрировать примеры унижения достоинства учащихся, произвола педагогов, формального отношения к делу — и это тоже уроки!

В литературе, посвященной проблемам образования, есть понятие скрытого учебного плана. В последнее время оно используется все чаще. В известной серии «Образование: мировой бестселлер» есть ряд работ, в которых упоминается о данном явлении. В книге Питера Мак-Ларена¹ отмечается, что школьная программа представляет собой нечто большее, чем программу обучения, учебный текст или курс лекций. Скорее это введение в конкретную форму жизни, инструмент включения учащихся в определенную систему отношений. В связи с этим используется понятие скрытого учебного плана, который определяется как «непредусмотренные результаты процесса школьного обучения». Автор указывает на то, что «часто скрытый учебный план замещает открыто заявленные учителем или школой цели и идеалы обучения».

В книге «Новое в оценке образовательных результатов: международный аспект»² отмечается, что цель образования, заявленная в учебной программе, может заключаться в развитии у учащихся способности наблюдать и рассуждать, а для школы может состоять в том, чтобы максимальное число учащихся сдали экзамен, подавляющее число заданий которого ориентировано на припоминание и узнавание.

И. Иллич пишет о том, что в условиях обязательного обучения школа превращается в инструмент подавления личности, реализуя скрытый учебный план, который составляет принятый ритуал обучения, определяющий нормы отношений учителей и учащихся. И. Иллич обращает внимание на парадоксальность требования, чтобы либеральное общество основывалось на современной школе: «В отношениях учителя с его учеником отменены все гарантии индивидуальной свободы. Когда учитель соединяет в своей личности функции судьбы, идеолога и врача, устой общества извращены тем самым процессом, который должен готовить человека к жизни... Школьные учителя и священники — единственные среди профессионалов, кто чувствует себя вправе совать нос в частные дела своих клиентов и в то же время проповедовать

¹ Мак-Ларен П. Жизнь в школах: введение в критическую педагогику. М., 2007.

² Новое в оценке образовательных результатов: международный аспект / А. Литтл [и др.]. М., 2007.

неприкосновенность личности перед аудиторией, которая не смеет шевельнуться»¹.

Содержание «открытого учебного плана» диктуется образовательными стандартами, которые устанавливаются органами управления образованием. Содержание «скрытого учебного плана» определяется стандартами условий образовательной деятельности, которые в значительной мере устанавливаются самой школой.

Образ жизни, который задается школой и характерен для нее, зависит от условий образовательной деятельности, создаваемых самой школой. Понятно, что есть ограничения, требования, связанные с внешним фактором, определенными нормами и так далее, но все же условия образовательной деятельности, которые и ведут к формированию определенного образа жизни и, в конечном счете, к этим урокам школы, в решающей мере определяются самой школой. То, что я скажу, конечно, является предметом обсуждения, но, на мой взгляд, можно было бы выделить следующие условия, которые создаются школой и влияют на ее образ жизни.

1. Соблюдение прав детей в образовательном учреждении. В свое время по заказу Министерства образования были подготовлены соответствующие доклады, где сформулировано около десятка прав детей, за соблюдение которых образовательное учреждение должно нести ответственность. Это право на образование, на досуг и отдых, на обеспечение нормальных условий для сохранения здоровья детей, право на личную жизнь, на поддержку и помощь и т. д.

2. Обеспечение возможностей для участия детей в различных видах деятельности. Совершенно очевидно, что общее образование не сводится к изучению учебных предметов, а включает и различные виды социально-творческой деятельности, дополнительное образование детей, самообразование и т. д.

3. Обеспечение физической и психологической безопасности детей в школе.

4. Школьный быт, включая все его элементы: гардероб, столовую, туалет и т. д. Это тоже весьма значимый фактор и для самой образовательной деятельности, и для формирования у детей здорового отношения к самим себе и к среде, к усвоению определенных норм поведения.

5. Достижение благоприятной психологической атмосферы, которая влияет на все уроки, получаемые в школе. Ее можно было бы охарактеризовать такими словами, как «диалог», «взаимодействие» и так далее, что согласуется с темой нынешних Чтений.

Говоря об образе жизни школы, стоит обратить внимание еще на одну очень важную сторону. Каждая школа может выступать как школа диалога — меж-

ду старшими и младшими детьми, между учениками и учителями, между самими учителями — известно, что отношения педагогов друг с другом не всегда можно квалифицировать как диалог. Это может быть школа диалога между детьми и взрослыми. Наконец, это может быть школа диалога между детьми, представляющими разные культуры.

На одной из недавних встреч в рамках педагогического сообщества было сделано очень любопытное замечание. Хотя речь шла о Санкт-Петербурге, я думаю, что это проблема любого мегаполиса. Учителя стали жаловаться на то, что им трудно работать: в школах появилось большое число детей мигрантов, то есть из семей, принадлежащих к другой культуре. Эту поликультурность, которая складывается за счет миграционных процессов, учителя воспринимают как недостаток, а не как преимущество, дополнительную возможность для решения социально-педагогических проблем. Такое восприятие ситуации, на мой взгляд, во многом связано с тем, что школа не выполняет функции школы диалога, она не ориентирована на диалог. Поэтому приход детей мигрантов в школу воспринимается не как дополнительная педагогическая возможность, а как осложнение школьной жизни.

Если образ жизни, формируемый школой, во многом зависит от тех условий образовательной деятельности, которые задает сама школа, то возникает вопрос: а нельзя ли попытаться наряду с федеральными образовательными стандартами сформулировать внутренние стандарты школы, нельзя ли ответить на вопрос о том, какие условия для детей сегодня может гарантировать школа? В России есть школы, которые в профессиональном сообществе воспринимаются как авангардные — они стали знаковыми для системы. Представители ряда таких школ присутствуют сегодня здесь. Скажем, в профессиональном сообществе известны гимназия «Универс» из Красноярска, «Петровская школа» из Петрозаводска, школа «Корифей» из Екатеринбургa, многие московские и петербургские школы. Нельзя ли, опираясь на опыт этих школ, сформулировать, какого рода гарантии сегодня может дать школа для того, чтобы создать благоприятные условия для формирования того образа жизни школы, к которому мы стремимся исходя из наших предвзвешенных о гражданском обществе и о том, как должна быть устроена общественная жизнь?

Нам хотелось бы сегодня обсудить эти проблемы и посвятить нашу дискуссию вопросу, какие условия образовательной деятельности надо сформировать, чтобы они позволили существенным образом изменить характер отношений всех участников образовательного процесса.

* * *

А. В. ХУТОРСКОЙ²: — Олег Ермолаевич, с чем, на Ваш взгляд, связано в нынешних условиях ослабление индивидуального и школьного компонентов в образовании? И вообще, может ли школа

сохранить этот компонент после введения новых стандартов образовательной деятельности?

О. Е. ЛЕБЕДЕВ: — Может, Андрей Викторович. Предложу свою версию, хотя я не уверен, что она дает полное объяснение этой ситуации. Думаю, что исчезновение индивидуального компонента и ограничение школьного компонента связано с двумя факторами. Во-первых, увеличение всех вариативных компонентов неизбежно ведет к уменьшению обязательного числа часов на традиционные предметы. А любое

¹ Иллич И. Освобождение от школ. Пропорциональность и современный мир. М., 2006. С. 53–54.

²Заведующий лабораторией методологии общего среднего образования Института содержания и методов обучения РАО (Москва), директор Центра дистанционного образования «Эйдос», член-корреспондент РАО, доктор педагогических наук.

сокращение времени на привычные предметы воспринимается как удар по образованию. Во многом само общественное мнение еще не подготовлено к идее индивидуализации образовательного плана. Родители начинают сопоставлять со своими школьными годами, например, 30 лет назад на математику отводилось 6 часов в неделю, а теперь 4 — кошмар!

Во-вторых, налицо стремление к усилению административного управления школой. А чем меньше компонентов и самостоятельности, тем проще управлять. За этим может стоять и вопрос компетентности управленцев, и более общие политические факторы. Чем меньше свободы у учителя и школы, тем легче руководить образовательными структурами.

Ю. В. СЕНЬКО¹: — Я постараюсь поддержать пафос, заданный в выступлении Олега Ермолаевича. На мой взгляд, стандарта образования не существует — его не может быть по определению того, что есть образование. Я попытаюсь ответить на во-

прос, который задал Андрей Викторович. По-моему, дело не только в том, что общественное мнение не созрело и возникнут трудности с управлением. Есть принципиальная, неразрешимая проблема, связанная с тем, что формализовать личностный, или индивидуальный, компонент содержания образования невозможно. Ведь образование — это не то, чему тебя учили, а то, что ты из этого усвоил. Речь идет не о стандарте образования, а о стандарте подготовки. Примерно так: перечень знаний, умений, навыков, компетенций. Ведь образование — это то, что остается у каждого из нас, когда обучение и воспитание забыты.

Как обучают, например, водителя? Ему преподают то, что он должен знать и уметь в стандартной ситуации, и это называется подготовка водителя группы А, В или С. Но образование — это попытка выйти за пределы стандартной ситуации. Получив образование, человек должен реализовать себя в жизни.

Ю. В. Сенько

ОБРАЗОВАНИЕ КАК ГУМАНИТАРНАЯ МОДЕЛЬ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Тема соотношения образования и жизни — одна из «вечнозеленых» в социуме и педагогике. Обучение в общеобразовательной и профессиональной школе традиционно рассматривается как подготовка к будущему. И в этом ключе опять же традиционна критика образования за его формализм, оторванность от жизни и практики. Контекстное обучение, компетентностный, личностно-ориентированный и другие подходы в образовании являются своеобразной реакцией на эту критику.

В образовании моделируются не только гуманитарные, но и технократические отношения жизненных практик. Причем в извечной оппозиции «технократическое — гуманитарное» обнаруживается явный перекосяк в сторону технократического.

Образование «в большом времени» устремлено в будущее. Эта его интенциональность проверяется в судьбе всех и каждого: от всеобщей сентенции «век живи — век учись» до частного наставления «учись, мой сын, наука сокращает нам опыты быстротекущей жизни». И эти уроки образовательной практики обращены не только к ныне живущим, но и к последующим поколениям. Процесс образования при этом мыслится как форма социального наследования, как процесс восхождения по «цивилизационной лестнице».

В идеале образование ориентировано на баланс трех полюсов: Человека, Культуры, Общества. Но в настоящее время его приоритеты — как следствие технократизма — смещены на Личность, Социальный опыт, Государство. Вещные отношения, отношения полезности, отчуждения проникли в современную школу из жизни, построенной на рыночной практике. Однако опасность для образования составляет не столько сам факт этого проникновения,

сколько то, что эти отношения становятся доминирующими, вытесняют подлинные ценности и смыслы образования. В итоге в образовательной практике превалирует технократический стиль педагогического мышления с его предметноцентричностью, авторитарностью, монологичностью.

Образование в «малом времени» — это духовно-практическая деятельность его непосредственных участников, их совместное «проживание» — здесь и сейчас. В своих лучших проявлениях оно является гуманитарной моделью «настоящей», «большой» жизни. Вместе с тем образование — странное эхо, опережающее самое жизнь: в нем предстояние жизни — жизни-еще-не-исполненной.

Однако не только жизнь накладывает свою печать на образование. Оно не остается в долгу и существенным образом влияет на жизненные практики: совсем не случайно образование оценивается сегодня как фактор гражданской и национальной безопасности. Но сейчас речь о другом. Дело в том, что мир образования неизбежно вступает в коллизии с реальным миром, чтобы его «пере-делать» — либо утвердить, либо изменить, либо подвергнуть отрицанию. И даже самая непосредственная связь образования и жизни была бы непостижима, если бы образование не «рас-страивало» и не «пере-устраивало» отношение будущего специалиста к жизненной практике.

Но творение это создается на том, что есть. Эта парадоксальность соотношения настоящего и будущего в образовании тонко подмечена Дж. Дьюи: «Если же подготовка сама по себе превращается в руководящую цель, потенциальные возможности настоящего приносятся в жертву предположительному будущему. Когда это случается, реальная подготовка к будущему как раз и не происходит. Идеал использования настоящего как подготовки к будущему сам себе противоречит. Он упускает

¹ Заведующий кафедрой педагогики Алтайского государственного университета (Барнаул), академик РАО, доктор педагогических наук.

именно те условия, в которых человек может подготовиться к своему будущему. Мы живем сейчас, а не в какое-то другое время, и только лишь извлекаемая здесь и теперь полный смысл из всего получаемого нами опыта, мы готовимся делать то же самое в будущем. Это единственная подготовка, которая в дальнейшей перспективе чего-нибудь стоит»¹.

Если человек — это «возможность стать человеком» (М. К. Мамардашвили), то образование выстраивается как становление в культуре становящегося человека. Человек образованный, образовавшийся — значит человек ставший, совершенный, завершённый, человек без будущего. Но таких людей не было и нет. По замечанию С. И. Гессена, только необразованный человек может утверждать, что он сполна решил для себя проблему образования. И это замечание не случайно: образование всегда «несовершенного вида», не совершенно, не завершено. Оно, говоря словами И. Канта, «является проблемой без всякого разрешения», неисчерпаемым заданием культуры всем и каждому. «Образование не достигает точки насыщения» — слова, высеченные на камне у входа в Центр подготовки кадров компании IBM, Эндикот, штат Нью-Йорк.

Результатом образования выступает становящийся образ, образ человека образующегося. Образование — всегда настоящего времени, хотя основано на прошлом и обращено к будущему. Но что же обеспечивает определенность образованию, придает ему характер *настоящего*, и не только во времени? Вероятнее всего, *настоящим* делает образование его гуманитарная ориентация, устремленность в будущее. Во всяком случае, такой вывод позволяет сделать накопленный гуманитарными исследованиями материал.

Образование — это всегда самообразование, то есть в каждом случае для самого себя образующего индивида возможность раскрытия его сущностных

сил. Эта возможность реализуется человеком, прежде всего, в поисках смысла. Образование — это «место смыслов», а смысл образования — в образовании смыслов.

Эта экзистенциальная установка образования нуждается в пояснении. Дело в том, что образование само по себе смыслов не создает. Оно может создать условия для стремления к смыслу, его выявлению и осуществлению. Согласно концепции В. Франкла, смыслы человеком не создаются, но обнаруживаются и реализуются: «Смысл нельзя дать, его нужно найти... при восприятии смысла речь идет об обнаружении возможности на фоне действительности»². Иными словами, смысл «внезаходим», он всегда лежит вне человека, его ищущего. Поэтому основная задача образования состоит не в том, чтобы довольствоваться передачей традиций и знаний, а в том, чтобы совершенствовать способность, которая дает человеку возможность находить смыслы в самом образовании, и — с помощью образования — в жизни. Ведь образование не что иное, как внесение в жизнь смысла и уже одним этим ее изменение и изменение человека образующегося.

Что такое учебник, которым мы пользуемся при получении образования? Для меня это не та книга, в которой представлено содержание обучения, а та, в которой собраны тексты культуры. Станут ли эти тексты культуры содержанием обучения — большой вопрос. Для этого нужно много потрудиться, обратиться к духовному опыту другого, ведь в конечном счете образование — это обращение к другому за мыслями, чувствием и содействием. Если такого нет, то никакого образа нет. Тогда я предельно монологичен, чужд. За этим стоит принципиально важная проблема преобразования того содержания, которое находится в учебнике или в стандарте. В этом смысле наша проблема — преобразование информации в живое знание.

* * *

О. Е. ЛЕБЕДЕВ: — Если мы рассматриваем вторичный текст как непосредственный результат совместной деятельности, то о чем здесь идет речь? Мы получаем единый текст или их совокупность — ведь у каждого ученика может возникнуть свой вторичный текст. И как тогда оценивать эти тексты? По степени их адекватности базовому тексту или по «лучше-хуже усвоил», «лучше-хуже воспроизводит первоначальный текст»? Или по каким-то другим критериям?

Ю. В. СЕНЬКО: — Давайте вспомним свое, для многих совсем недавнее, прошлое. В 6–7-м классе учитель русского языка, заранее предупредив, при-

носил на урок картину и просил написать по ней изложение. План давался один для всех. Но в соответствии с общим планом из одной для всех картины ребята, у которых примерно одинаковая культура, вычерпывали разное содержание. Как учитель может оценить это разное содержание? Лучшие работы — это те, где человек себя обнаруживает, проявляет. Смысл образования заключается не в «правильности» созданного вторичного текста, а в том, насколько каждый из нас в этом процессе вырос над собой. Я полагаю, что мера этого роста и для ученика, и для учителя определяет эффективность образовательной практики.

А. В. Хуторской

КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД В ШКОЛЕ: ОТ ПРОЕКТИРОВАНИЯ К РЕАЛИЗАЦИИ

Компетентностный¹ подход в школьном образовании — сравнительно новое явление для отечественной науки и практики. До недавнего времени феномен компетентности ассоциировался, прежде

всего, со сферой профессионального образования. Введение компетенций в нормативную и практическую составляющую образования позволяет решать проблему, типичную для российской школы, когда ученики могут хорошо овладеть набором

¹Цит. по: Гусинский Э. Н. Введение в философию образования / Э. Н. Гусинский, Ю. И. Турчанинова. М., 2000.

²Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990. С. 37.

теоретических знаний, но испытывают значительные трудности в деятельности, требующей использования этих знаний для решения конкретных задач или проблемных ситуаций.

В настоящее время исследования в области компетентностного подхода в школьном образовании ведутся в основном на общенаучном, методологическом уровне. На дидактическом, методическом и инновационно-внедренческом уровнях проблема реализации компетентностного подхода в среднем образовании практически не решалась.

Опираясь на проведенные нами исследования, считаем, что необходимо различать понятия «компетенция» и «компетентность», часто используемые синонимически. *Компетенция* — отчужденное, заранее заданное социальное требование (норма) к образовательной подготовке ученика, необходимой для его эффективной продуктивной деятельности в определенной сфере. *Компетентность* — совокупность личностных качеств ученика (ценностно-смысловых ориентаций, знаний, умений, навыков, способностей), обусловленных опытом его деятельности в определенной социально и лично значимой сфере. Компетенции следует также отличать от образовательных компетенций, то есть от тех, которые моделируют деятельность ученика для его полноценной жизни в будущем. *Образовательная компетенция* — требование к образовательной подготовке, выраженное в совокупности взаимосвязанных смысловых ориентаций, знаний, умений, навыков и опыта деятельности ученика по отношению к определенному кругу объектов реальной действительности, необходимых для осуществления лично и социально значимой продуктивной деятельности. Компетенции для ученика — это образ его будущего, ориентир для освоения. Компетенции педагога предлагаем называть *профессиональными компетенциями*, но не образовательными.

Какова иерархия компетенций? Нами определены три уровня:

1) ключевые компетенции — относятся к общему (метапредметному) содержанию образования;

2) *общепредметные компетенции* — относятся к определенному кругу учебных предметов и образовательных областей;

3) *предметные компетенции* — частные по отношению к двум предыдущим уровням компетенции, имеющие конкретное описание и возможность формирования в рамках учебных предметов.

Ключевые компетенции основываются на главных целях общего образования, структурном представлении социального опыта и опыта личности, а также основных видах деятельности ученика, позволяющих ему овладеть социальным опытом, получать навыки жизни и практической деятельности в современном обществе. Мы определили следующие группы ключевых компетенций:

- ценностно-смысловые компетенции;
- общекультурные компетенции;
- учебно-познавательные компетенции;
- информационные компетенции;
- коммуникативные компетенции;
- социально-трудовые компетенции;
- компетенции личного самосовершенствования.

Перечень ключевых компетенций представлен в самом общем виде и нуждается в детализации по возрастным ступеням обучения, по предметам и образовательным областям. Разработка образовательных стандартов, программ и учебников по отдельным предметам должна учитывать комплексность представляемого в них содержания образования с точки зрения вклада в формирование ключевых компетенций. В каждом учебном предмете следует определить необходимое и достаточное число *связанных между собой* реальных изучаемых объектов, формируемых при этом знаний, умений, навыков и способов деятельности, составляющих содержание определенных компетенций.

Для решения задач проектирования и последующей реализации компетентностной модели необходимо выявить конкретно по каждой группе компетенций и/или конкретной компетенции ее функции в обучении, структурные компоненты и представить компетенции в деятельностной форме. В этом случае мы вплотную подходим к проблеме проектирования компетентностного обучения. Разработка таких методов, их групп по отношению к ключевым компетенциям — задача дидактики, тогда как разработка методов формирования предметных компетенций — задача частных методик обучения.

Особую актуальность проблеме придает отсутствие инновационных механизмов перехода от традиционной ориентации обучения к компетентностной. Что сегодня требуется от ученых, занимающихся вопросами компетентностного подхода? Необходимо решение многих инновационных задач: обоснование компетентностного подхода по отношению к общему среднему образованию и системе подготовки педагогов. Нужна разработка дидактической модели развития ключевых образовательных компетентностей в условиях школьного обучения. Требуется построение и опытно-экспериментальная проверка технологии реализации разработанной модели на уровне образовательного учреждения, учебного предмета, урока, а также во внеурочной деятельности. Актуальным является внедрение и освоение компетентностного подхода в общеобразовательную практику.

Каково прогностическое значение перечисленных проблем? Например, для дидактики оно таково: научное обоснование должна получить компетентностная модель обучения; для педагогической инноватики: необходим организационно-управленческий механизм перехода от знаниево-ориентированного образования к компетентностно-ориентированному. Для методик: требуется описание целей, форм, методов, содержания, средств компетентностного обучения, индикаторов его результативности, а также система дистанционной поддержки разработанного нововведения.

В наших исследованиях разрабатываются дидактическая модель и технология ее реализации, которая охватывает три уровня компетенций: 1) ключевые, которые относятся к общему (метапредметному) содержанию образования; 2) *общепредметные* — характерные для определенного круга учебных предметов и образовательных областей; 3) *предметные* — частные по отношению к двум предыдущим уровням компетенций, имеющие конкретное описание и возможность формирования в рамках учебных предметов.

Ю. В. СЕНЬКО: — Поскольку разговор достаточно серьезный, попытаюсь сформулировать вопрос в общем виде. Как вы полагаете, зачем нужен учитель? Помните, Лотман в одной из статей задает вопрос: «Зачем Наталья Николаевна Александру Сергеевичу?» Я поставлю вопрос таким образом: зачем учитель школе? Зачем вообще учитель?

А. В. ХУТОРСКОЙ: — С моей точки зрения, учитель — это тот специалист, который осуществляет реализацию заказа на образование разных групп заказчиков. Первый заказчик — ученик, второй — школа, третий — государство, четвертый — человечество или вселенная, пятый — он сам. Педагог — единственный человек, который способен объединить все эти виды заказов на образование, обеспечить их согласованность. Например, согласовать стандарты, желание ученика и позицию директора школы. Только учитель может организовать процесс так, чтобы реализовывались потребности всех этих групп.

Ю. В. СЕНЬКО: — Однако еще Сухомлинский говорил, что проблема школы заключается в том, что не удается совместить стандарты образования с духовным опытом ученика. Очевидно, что школа превратилась в место, где учащиеся получают ответы на вопросы, которых они не задавали. Поэтому им скучно. Конечно, учитель выполняет и социальную миссию, и государственную, — в этом смысле Вы правы, но я думаю, что его основная роль не государственная и не социальная, а собственно человеческая: связывание содержания образования с духовным опытом.

А. В. ХУТОРСКОЙ: — Я согласен с таким приоритетом. В ряду заказчиков, о которых я говорил, ученик стоит на первом месте.

Ю. В. СЕНЬКО: — Если позволите, еще один вопрос, касающийся компетентностного подхода. Не могли бы Вы, будучи специалистом в этой области, четко сказать: компетентностный подход должен быть реализован на уровне нормативов, предписаний, стратегий?

А. В. ХУТОРСКОЙ: — На уровне нормативов и предписаний, без сомнения, да. Один из нормативных документов — это образовательный стандарт, и он должен быть представлен так, чтобы в нем были хотя бы четыре элемента. Прежде всего должны быть реальные объекты — но их нет. Проанализируйте программы дисциплин — даже если они научного плана, в них нет природы, хотя она должна там быть. То же в учебниках. Понятно, как это можно сделать, но этого не делается. Почему? Это уже другой вопрос.

Т. А. СКОПИЦКАЯ¹: — Андрей Викторович, Вы сказали, что самообразование и самосовершенствование учителя Вы рассматриваете как новую компетенцию. Но П. Ф. Каптерев, автор понятия «педагогический процесс», раскрыл его как процесс самосовершенствования учителя. Что здесь нового?

А. В. ХУТОРСКОЙ: — Я говорил только о саморазвитии и образовательных компетенциях, касающихся учеников. Их нельзя смешивать с педагогическими компетенциями учителя — это разные группы компетенций. Компетенции учителя — отдельная большая, глобальная проблема. У нас на эту тему состоялась конференция и выпущен большой сборник, где есть целая глава о профессиональной педагогической компетенции.

В. Г. Александрова²

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА КАК ДОМИНАНТА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЫ

Наша школа, как и все общество, переживает глубокий системный кризис, поразивший важнейшие сферы духовной жизни человечества — науку, культуру, искусство, религию, образование. Затянувшийся характер этого состояния привел к фактическому расколу единого материально-духовного пространства цивилизации.

Сегодня, как никогда ранее, необходимо наполнить духовностью воспитательный процесс. Современная педагогика различает сущность духовности, отделяя ее внешние проявления от внутренних, религиозные аспекты от светских, раскрывая духовность в процессе свободной творческой деятельности, ибо одним из сильнейших источников духовности является любовь, высшим проявлением духовности — совесть.

Что такое русское воспитание без сердца и без интуитивного восприятия личности ребенка? Как воз-

можно в России бессердечная школа, семья без любви и совестного созерцания? Педагогика как сфера духовного, как «высшая форма человеческого мышления» (Ш. А. Амонашвили) носит универсальный, многогранный, интегрированный характер. Ее дальнейшее развитие представляется наиболее эффективным на основе синтеза всех знаний о человеке. Синтез науки, искусства, религии сегодня рассматривается учеными как один из главных путей воспитания духовной культуры, позволяющей наполнить современное образование особым светом духовности, сформировать целостное представление о человеке и мире путем приобщения к таким основным способам познания, как рационально-логическое (наука), эмоционально-образное (искусство) и аксиологическое (религия), что позволяет нам с качественно иных сторон рассматривать образовательный процесс.

Педагогика наследует при этом величайший дар *воспитывать души человеческие*. Воспитание бережного отношения к ценностям прошлого показывает, что педагогика религиозная и педагогика светская, различаясь на уровне целей и задач, имеют и глубокое внутреннее сходство: и та, и другая направлены на совершенствование личности.

¹ Методист, учитель права и обществознания (Санкт-Петербург).

² Главный научный сотрудник лаборатории гуманной педагогики Московского городского педагогического университета, профессор факультета глобальных процессов МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор педагогических наук.

Игнорирование духовности и души как объектов научно-педагогического рассмотрения в советский период привело к пробелу в научно-педагогическом знании, внесло односторонность в его развитие. Сфера души считалась прерогативой религии. Понятия «духовность», «дух», «душа» исчезли со страниц книг, газет, учебников, что отразилось на идеологии учебно-воспитательной деятельности, привело к господству атеистического мировоззрения. Авторитарно-императивная педагогика упустила из-под своего влияния душу ребенка, не осознавая того, что душа и духовные состояния — это особые уровни его внутренней жизни. «Пусть философия определяет направления поиска дидактических средств включения личности в ауру духовности, — писал И. Я. Лернер в 1980-е гг. — Философской проблемой дидактики являются *соотношение и взаимосвязь рационального и иррационального, разума и веры, науки и религии* или любой другой мифологии в социальной культуре». Он предлагал в образовании активнее опираться на *опыт творческой деятельности и опыт эмоционально-чувственной воспитанности* как ориентиры гуманно-личностного подхода, как традиции духовности в образовании. Мы принимаем духовность как высшую точку, доминанту образовательного процесса, как пик духовно-интеллектуального поиска и жизнотворчества современного учителя и современного ученика.

Воспитание — слово русское, воспитание на Руси всегда было первично, а душа была признана важнейшим объектом педагогического влияния. Ключевой целью воспитания было спасение души. Рассматривая воспитание, прежде всего, как доверие души, мы исходим из того, что вера учителя в своего ученика, как и вера ученика в своего учителя, пом-

ноженные на волю, интеллект, творчество, терпение и любовь, являются, по сути, *педагогической верой*.

Познание основ религиозных мировоззрений обогащает палитру мироощущения педагога, увеличивает возможность углубить содержание образования, совершенствуя его качественные характеристики. Расставляя приоритеты, педагогика подчеркивает, прежде всего, не ценность знания, а ценность человека, для которого эти знания представляют уникальную возможность его развития, становления. Она в равной степени обращена как к интеллектуальной, так и к эмоциональной сфере человека, ибо, акцентируя внимание на эмоциональном восприятии, поддерживая эвристические процессы, стимулируя творчество ученика и учителя, она позволяет сделать воспитание духовно-нравственным ядром образовательного процесса. Творческое начало в деятельности учителя передается ученику, и общая увлеченность процессом познания помогает им в совместном диалоге со временем и с самим собой приподниматься над обыденностью, наполнять педагогическое общение высотой интеллектуального поиска и духовностью с тем, чтобы присвоение знания, его творческое осмысление постепенно прорастали в одну из «добродетелей человека».

Вектором, определяющим развитие современной педагогической мысли, является возможность опираться на аксиоматические начала, педагогическую классику, принимать историю как науку, обращенную в будущее, чтобы взращивать свое ощущение педагогики как живой, развивающей, возвышающей ум и сердце науки, познать педагогику как великое искусство и принимать ее как любовь.

А. М. Цирульников¹

ШКОЛА ИЗ ЖИЗНИ КАК КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ

Недавно наша лаборатория провела историко-культурное исследование эволюции системы образования в национальном регионе с XVIII до начала XXI в. на материале Якутии. Два любопытных наблюдения.

Первое. Оказывается, то что можно назвать опытом народного воспитания, этнопедагогикой, по своему содержанию и структуре существенно отличается от традиционного школьного обучения. Государственное школьное образование в XIX в., как и сегодня, базировалось на знаниевой, предметной основе, в то время как архетипическая предметность этнопедагогического опыта является деятельностью. Эта народная школа (игра-самоуправление, непосредственное включение в трудовую деятельность, жизнь в природе, освоение традиционных ремесел и искусств, разгадывание загадок или заучивание скороговорок, шаманизм, наконец, самое главное — «школа выживания» в суровых,

экстремальных условиях Севера) скорее похожа на развивающее обучение, чем на обычную массовую школу.

Второе наблюдение — из истории. Более ста лет в крае действовала сравнимая по масштабам с государственной школой, но ни в какой статистике не учтенная, школа неофициальная и нелегальная. Учителями были политссылные. Они составляли две трети русского населения края. Среди них было немало людей с университетским образованием, литераторов и авторов научных трудов, членов Русского географического общества. Результаты обучения в таких школах были замечательные. Когда приезжал инспектор, вместо обычных учеников ему предъявляли учащихся нелегальной школы, которые показывали прекрасные знания.

Мы попробовали провести сравнительный анализ видов деятельности и структуры образования в целом в школах политссылных и народной якутской педагогике. Оказалось, что совпадения, аналогии встречаются в 60–70 % случаев (в то время как в казенных, государственных школах такое совпадение не выходило за рамки 10–15 %).

¹ Заведующий лабораторией социокультурных проблем развития образования Института управления образованием РАО (Москва), член-корреспондент РАО, доктор педагогических наук, профессор.

То есть в основе этих школ — то же «образование из жизни»! Коренное население относилось к ссыльным и их школам неизменно положительно, с сочувствием. Ссыльные многому научили якутов и многому научились у них. Это была *школа диалога культур* — вот еще один примечательный вывод, который позволяет сделать история. Постоянно осуществлявшегося диалога между русской культурой и культурами местных этносов и народностей.

Подобного рода выводы имеют не только академический интерес, и Якутия это наглядно продемонстрировала в начале XXI в., сделав мощный инновационный скачок в развитии современного образования. Его можно охарактеризовать как качественные цивилизационные преобразования на национальной основе. По сути, состоялась встреча сохранявшейся длительной исторической период (даже в советское время) национальной школы, этногенетического потенциала с мощным веером политических, законодательных, экономических, управленческих решений, обеспечивших необычайно интенсивное обновление и развитие системы образования в республике. Возник эффект, который позволил заместителю Генерального секретаря ЮНЕСКО профессору Колину Пауэру, другим общественным деятелям и ученым определить увиденные сдвиги как «якутское педагогическое чудо».

В заключение я хотел бы сказать о технологии создания «школы из жизни». В течение многих лет в специальных исследованиях, в том числе экспедиционных, в разных регионах страны мы выявляли и анализировали факторы, обуславливающие вари-

О. Е. ЛЕБЕДЕВ: — Говоря о школе, мы имеем в виду прежде всего школу для детей. Но есть школы и для

ативную организацию сельской школы. Было определено и описано примерно 20 групп таких факторов, имевших около 100 разных значений. Что это значит? По сути, эти полуграмотные, на наш сегодняшний взгляд, крестьяне делали то, что не делают современные социальные институты реформирования и модернизации в области образования: соотносили знания с жизнью, взвешивали разные обстоятельства и принимали разумное решение — какой быть школе.

Мы построили типологию моделей развивающихся школ (их оказалось около 40 только для сельской школы, от разнообразных комплексов до института домашнего учителя, выездной, кочевой школы и т. д.). Действующие модели были дифференцированы для разных типов населенных пунктов, разного уровня социальной инфраструктуры и коммуникаций. Фактически это поле культурного анализа того, что есть, сравнения с собственными условиями и возможностями.

В нашей работе в регионах с управленцами и учителями мы используем метод диагностики и анализа социокультурной ситуации, который, в конечном счете, помогает принять обоснованное собственное решение и создать жизнеспособную форму школы. В Якутии, например, этот метод, развитый самими педагогами, сообществом, получил очень широкое распространение.

Итак, «школа из жизни», школа как образ жизни — это не фикция, а культурно-историческая реальность и явление современности. В какой мере оно разовьется в отечестве Льва Толстого, удивлявшегося народным школам Франции? Время покажет.

* * *

взрослых! Их проблемы могут нам помочь лучше понять проблему образа жизни современной школы.

Н. А. Ермак¹

ШКОЛА — ОБРАЗ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ ЛЮДЕЙ «ТРЕТЬЕГО» ВОЗРАСТА

В результате возрастающей тенденции к увеличению в обществе доли лиц старшего возраста образование пожилых людей во всем мире приобретает все большую актуальность. За рубежом интерес к развитию сферы образования для пожилых возник еще в середине прошлого века. Сегодня в мире в различных образовательных учреждениях для пожилых людей обучается свыше 220 млн чел. В большинстве европейских университетов существует специальная дисциплина — педагогическая геронтология, позволяющая готовить специалистов-геронтологов. В нашей стране Закон «Об образовании в РФ» и «Национальная доктрина образования в РФ» провозгласили идею непрерывного образования на протяжении всей жизни, что предполагает возможность продолжения образования пожилыми людьми.

Термин «геронтообразование» появился в науке недавно. В настоящий момент в России только на-

чинает складываться система геронтообразования. В стадии проектного становления находятся все составляющие социально-педагогической структуры геронтообразования: законодательная, управленческая, учебно-методическая, кадровая, научно-исследовательская. В федеральных округах работают уже более 40 некоммерческих организаций, обучающих пожилых людей. Переход российского образования на многоуровневую систему позволит геронтообразованию занять место одного из структурных уровней государственного непрерывного образования, в результате чего образование пожилых людей станет государственно-общественной структурой, которая будет основана на гармоничном сочетании государственной, педагогической, социальной и общественной поддержки людей старшего возраста.

Нами было проведено исследование удовлетворенности жизнью пожилых людей. Было опрошено 496 жителей Новочеркасска в возрасте от 55 до 90 лет. Важным результатом исследования стал тот факт, что все респонденты в той или иной степени обладают потенциалом для личностного развития

¹ Доцент кафедры социологии и психологии Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасска), руководитель общественной организации «Женская палитра», кандидат педагогических наук.

через обучение и творческую деятельность. Это означает, что, формируя систему геронтообразования как социального института, направленного на максимальное удовлетворение потребностей пожилых людей, можно повысить качество жизни 38 млн граждан России. А педагогическая помощь является инструментом, способным поддержать человека на пути выбора стратегии благополучного старения как образа и качества жизни людей «третьего» возраста.

В Ростовской области первой занимается образовательной работой с пожилыми людьми стала общественная организация «Женская палитра» в г. Новочеркасске. Обучать пожилых людей навыкам рисования и декоративно-прикладного творчества мы начали в проектах «Разбудите в себе художника» (2004) и «Золотые руки — Новочеркасску» (2005). Первый проект был направлен на то, чтобы выявить творческое начало в каждом пожилом человеке, который этого захочет, и с помощью искусства раскрасить его жизнь новыми смыслами, чувствами, желаниями и возможностями. Средний возраст людей, впервые взявших в руки кисть и карандаш, — 65 лет, а самой старшей участнице проекта — 77 лет. Проект «Золотые руки — Новочеркасску» позволил расширить виды творческой деятельности и обучать пожилых людей различным навыкам декоративно-прикладного творчества (декоративная роспись, вязание, шитье, лоскутный коллаж).

Проект, ставший победителем в 2007 г., — «Сам себе художник» — имеет некоторые особенности. Если в других проектах в качестве педагогов, обучающих людей «золотого возраста», выступали члены организации и специалисты-художники, то в этом проекте сами участники при помощи педагога обучают друг друга. Например, Любовь Ивановна Зыбина впервые взяла кисть в руки в 2004 г., когда ей было уже 75 лет. За 4 года обучения изобразительной деятельности в нашей организации она приобрела творческий опыт, которым поделилась с новичками на одном из первых мастер-классов. Однако не только желание совершенствоваться и делиться опытом приводит ее каждую неделю в учебную аудиторию. Студия «Женская палитра» стала для обучаемых пожилых людей настоящей школой радости в старости. О том, как обучение в этой школе изменило ее качество жизни, Любовь Ивановна еще в начале своего образовательного пути написала в книге отзывов: «Я теперь совсем другой человек — меня наполняет постоянная радость». А недавно мы услышали от нее: «Хотя я и старая, у меня сейчас самое счастливое время жизни».

На основе опыта обучения пожилых людей навыкам творческой деятельности мы можем сказать, что непрерывное образование на протяжении всей жизни, в том числе на ее заключительном этапе, может формировать позитивный образ и качество жизни человека.

Е. И. Казакова¹

О НЕКОТОРЫХ ПАРАДОКСАХ СЕГОДНЯШНЕГО ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Позволю себе напомнить несколько тезисов, которые мне кажутся чрезвычайно актуальными. В одной из работ С. Г. Вершловского показано, что школа перестала быть главным звеном в системе образования. Если традиционно старшеклассник именно школу считал тем местом, где он получает образование, то сегодня школа в сознании ребенка смещается на обочину. «Реальное образование, — говорит петербургский старшеклассник, — я получаю в семье, на подготовительных курсах, в клубном сообществе, в партнерском объединении и еще где-то». Сегодня это мировая практика: школа в образовательном пространстве перестает быть основным системообразующим звеном. Думаю, что это повод для глубокого размышления.

Второй тезис связан с культурой как источником и способом построения разных моделей развития школы. Сегодня принципиально меняется представление об источнике образования. Действительно, хорошее образование, похоже, определяется по очень простому критерию. Сколько реальных, аутентичных, подлинных источников в той или иной степени осмыслено, прочувствовано и дало возможность ребенку породить новый источник, собственный текст?

Под источником образования мы понимаем не только классический текст. Мы прекрасно понимаем, что сегодня музыка, например, гораздо больше влияет на молодежь, чем любые вербальные структуры. То есть текстом сегодня могут служить самые различные явления.

Третий тезис. Когда мы говорим о школе как образе жизни, важно понимать, что школа у нас очень разная, и стараться быть терпимыми, открыто признавать многие проблемы. Мы обсуждаем сложные вещи, но образование связано в первую очередь с тем, что человек должен уметь читать, писать, считать, общаться и каким-то образом реализовывать себя в жизни. Это довольно простая модель.

Когда мы начали исследовать, что и как читают наши дети, то выяснили, что дети-то как раз читают, особенно в начальной школе. Учителя не читают! Не читают до такой степени, что когда перед ними стоит задача найти красивый текст, который можно было бы прочитать с детьми, текст, берущий за душу, радующий, заставляющий сомневаться, они не могут его подобрать. Я не говорю сейчас об учителях литературы и начальной школы. Я про своего брата математика, учителя физики, химии. Оказалось, что текст заменен методическим потоком, псевдотекстом, каковым я считаю многие виды учебной литературы. И это создает очень серьезную проблему.

¹ Профессор кафедры непрерывного филологического образования и образовательного менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета, директор Школы им. А. М. Горчакова, доктор педагогических наук.

Диагностические исследования, которые мы провели уже в 14 регионах России, показали, что на уроке очень редко появляются текст, книга, подлинный источник. Лишь 15–20 % детей говорят, что им приходилось читать на уроке что-либо аутентичное. Второй невероятный результат: когда мы спрашивали детей, в какой мере прочитанное ими за рамками учебника влияло на полученные оценки, они отвечали: «Ни в какой!» Их оценки никак не зависят от того, много или мало они читают, размышляют о жизни.

Еще два примера. Мы привыкли думать, что наша школа способна на что-то фантастическое. Это первый миф. Второй — о нашем замечательном, очень трудолюбивом учителе. Я участвовала в исследовании под названием «Нормирование труда учителя». Это серьезное экономическое исследование, не лишнее, однако, курьеза. Мы попросили учителей оценить, сколько часов в неделю они работают — ведь, как известно, наш учитель получает мало, а работает много. И что получилось? Опрос очень большого количества педагогов показал, что 5 % из них работают по 280 ч в неделю и больше. В представлении учителя он работает раз в 5 или 10 больше, чем это действительно происходит. С точки зрения экономистов, это означает, что труд людей так плохо организован, что у педагога просто нет адекватного учета собственного времени, пропадает ощущение реальности. К сожалению, школьный образ жизни сегодня сильно осложнен стремлением сделать школу ответственной за все, и это приводит к чудовищным перегрузкам, нередко при недостаточной эффективности.

И последний тезис. Здесь уже упоминалось о мигрантах. Сегодня модно говорить о толерантности, и мне довелось принять участие в одноименном проекте. В рамках проекта «Толерантность» мы предложили две ключевые идеи: перестать бороться против чего-то и начать что-то поддерживать. Например, воспринимать многообразие как позитивный фактор, а не стремиться нивелировать его. И попытаться взрослым и детям действовать совместно, реализуя какие-то проекты, что сделает наш мир не только более терпимым, но и дру-

желюбным, открытым, свободным, радующимся многообразию. То есть необходимо ориентироваться на позитивные ценности. Но мы столкнулись с неожиданной проблемой. Для нас бороться более естественно, чем утверждать что-то. Борьба с интолерантностью оказалась более понятным и привычным делом. Кроме того, выяснилось, что мы утратили культуру совместной деятельности с детьми, совместного бытия, получения удовольствия от того, что старшие и младшие что-то делают вместе. Это тоже проблема, которую, видимо, надо решать.

В последние 15 лет я преподаю математику в школе. Я люблю свою школу — она замечательная, и дети в ней учатся очень хорошие. Между тем уважаемые коллеги вызывают у меня два чувства. Во-первых, жалость — от того, что они чувствуют себя несчастными, неудачниками и т. д. Во-вторых, злость: что же они такие жалкие, убогие — ведь профессия-то у них счастливая! Я не уйду из этой профессии только по одной причине — это для меня чистая энергетика, фантастическое удовольствие. А для многих других педагогов, наоборот, мучение. Как это преодолеть?

Можно, конечно, попытаться как-то повлиять на учителей, изменить школьный образ жизни, но это сделать очень трудно.

Главное, на мой взгляд, — постараться понять, что школа — большая и очень сложная культура. Если мы хотим, чтобы наши дети выросли открытыми, свободными, дружелюбными, любопытными и так далее, то все, что мы можем сделать, — проявлять уважение к их учителям, у которых недостатков иногда больше, чем у их учеников. Ведь сегодняшним детям легче, чем было нам. В отличие от нас, они растут и взрослеют в открытом мире. Их учителя получали образование в другой стране, в более жесткой среде, с ними обходились намного строже.

В заключение прочту стихотворение:

Мы что-нибудь еще да значим,
В нас дух открытий не угас.
И разговором до утра
Мы дружбу нашу обозначим.

* * *

О. Е. ЛЕБЕДЕВ: — Продолжаем беседу. Обсудим те темы, которые уже затронуты. Что собой представляет образ жизни школы, как его поменять, каковы возможности влияния, какие новые проблемы мы здесь видим?

Т. УСЫЕВЛЕВА¹: — Я выскажусь по проблеме мигрантов и толерантности. Мы часто слышим, что нам не нужны западные идеи. Но иммиграция в Европу идет уже много десятилетий, и мы видим, какие там в связи с этим возникают проблемы. Теперь с этим явлением столкнулась и Россия. И если в нашей стране не будет воспитано терпимого, дружелюбного отношения к людям иной культуры, то последствия могут быть такими же, как на Западе.

Приведу пример города Набережные Челны. В Советском Союзе он был комсомольской стройкой, куда приезжали люди из разных республик.

И у них оказалась потеряна национальная идентичность, утрачены родные языки, связи с национальными культурами. В нашей школе дети называют себя только русскими или татарами, хотя среди них есть чуваша, марийцы и представители многих других национальностей.

Однако в Набережных Челнах очень много национальных общин, которые сохраняют свои культуры, организуют воскресные школы. И мы начали приглашать детей из этих национальных общин к нашим ученикам, которые имеют другую национальность. Дети приходили к нам в течение всего года, и они не только пели и танцевали вместе, но и обсуждали различные проблемы. Я приглашала только детей, но оказалось, что это очень важно и для взрослых. Мы намерены продолжить эту программу — по многочисленным просьбам участников.

¹ Педагог (Набережные Челны).

М. Н. Кузьмин¹

ПОЛИЭТНИЧНОСТЬ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ДИАЛОГА КУЛЬТУР В СОДЕРЖАНИИ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ

Известно, что Россия полиэтнична: последняя перепись населения зафиксировала 142 национальности и 40 входящих в них этнических групп. В составе населения страны в ее нынешних границах 80 % составляют русские, на совокупную долю остальных приходится 20 %. Полиэтнический характер российского общества складывался несколько столетий. Этнотипы, инкорпорированные в состав Российской империи, были довольно разнородны по своим характеристикам — по языку и культуре, менталитету и образу жизни, конфессиональной принадлежности и цивилизационным корням, интенсивности внутриэтнических связей и развитию этнического самосознания.

Не касаясь специально причин, определивших эту специфику исторического развития Российского государства, заметим, что полиэтничность российского социума стала его органической чертой, вошла в русское общественное сознание, получила отражение в содержании русской культуры, закрепились в ее основных идеологемах. Этот процесс длительного социального и культурного взаимодействия и взаимовлияния народов России имел двусторонний характер. Русская культура, выступая транслятором христианских ценностей (в их православной версии), сама многое впитала из культур российских народов, из культуры Востока.

Однако полиэтничность, а значит, поликонфессиональность и поликультурность общества, означала множественность ценностных систем, выражающих интересы, цели, мотивирующие намерения и действия субъектов этого социума. Подобный плюрализм мог являться зоной внутренней напряженности и неустойчивости социума. В связи с этим нетрудно было предвидеть, что вступление России в фазу модернизации — перевод этого огромного и разнородного по своим характеристикам социума из состояния закрытого традиционного общества в открытое гражданское — будет весьма непростым делом.

Модернизация как процесс становления нового общественного строя требует изменения и социокультурных характеристик самого человека как субъекта этих отношений. Новому строю была нужна автономная, свободная, индивидуально ответственная и толерантная личность, что требовало изменений и в характере социализации, ее направленности и целях. В условиях полиэтничного, многоязычного и поликультурного социума это означало, что всеобщая шко-

ла организационно должна охватывать и содержательно обеспечивать необходимым образованием весь без исключения полиэтничный контингент учащихся, не нарушая при этом организационного единства образовательного и культурного пространства страны.

Здесь мы вступаем в зону организационных и содержательных педагогических проблем, характерных для полиэтничных стран и не имеющих готового решения. Это проблемы взаимоотношений разных языков и разных культур в содержании общего образования: взаимодействия родного и государственного языков в качестве языков обучения, языков общения и языков культуры. Это взаимодействие и диалог в содержании гуманитарного образования разных культур, обслуживающих различные по культурным традициям и развитию типы локальных обществ. Теперь их общей задачей является формирование общего типа личности, диктуемого едиными условиями и потребностями одной страны и одного времени.

Историческими вехами в цепочке законодательных актов российской этнонациональной государственной образовательной политики в поисках оптимальной модели «нерусской» школы, выполняющей и консолидационную функцию, выступают:

- введение системы инородческого образования, разработанной Н. И. Ильминским (1870);
- решения 1913 г. на базе рекомендаций «Международственного совещания», проведенного несколько ранее по инициативе П. А. Столыпина;
- советская «национальная школа» образца 1918 г.;
- ее трансформированная модель 1938 г.;
- ее трансформированная модель 1958 г.

С 1992 г. эти проблемы решались на базе Закона «Об образовании», который ввел трехкомпонентную структуру содержания образования. Один из компонентов специально отводился под родной язык и культуру.

В декабре 2007 г. была проведена коррекция данного принципа. И сейчас мы стоим перед необходимостью содержательной конкретизации этой новой модели. Единство образовательного пространства на базе единой школьной системы — одна из главных скреп, реально соединяющих через культуру и духовность нашу большую и многообразную страну. И эта сторона миссии нашей школы требует тщательности любых связанных с этим решений.

О. И. Артеменко²

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ШКОЛА: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО СТАТУСА ГОСУДАРСТВЕННОГО ЯЗЫКА

Я хотела бы продолжить мысль по поводу этнокультурной составляющей в содержании обра-

¹ Директор Центра национальных проблем образования Федерального института развития образования Министерства образования и науки РФ (Москва), член-корреспондент РАО, кандидат исторических наук.

зования. Михаил Николаевич сказал, что мы имеем 15-летний опыт реализации компонентного

² Руководитель Центра национальных проблем образования Федерального института развития образования Министерства образования и науки РФ (Москва).

принципа. Плюсы этого опыта заключаются в том, что действительно в школу пришли родные языки, появились предметы по родной культуре и соответствующая система знаний. Наверное, плюс еще и то, что этническая идентичность у детей сформировалась очень быстро и эффективно. Мы протестировали ребят на Северном Кавказе и в Татарстане и обнаружили, что только 2 % детей осознают себя гражданами Российской Федерации. Не знаю, как это оценивать — положительно или отрицательно. Но это очень важные моменты, которые мы должны учитывать и понимать.

Они — это граждане Татарстана, Карачаево-Черкесии. Их малая родина — дом, мама, папа, Казань; большая родина — Республика Татарстан. Только 2 % детей называют Россию. Более того, удивительные результаты мы получили в Красноярске (!): дети 10–11-х классов достоверно значимо ответили, что они не хотели бы иметь друга другой национальности. Вы понимаете, что эта проблема лежит не в одной плоскости.

Трансформации, происходящие в современном обществе, диктуют необходимость изменений в системе. Особые проблемы возникают при разработке федерального государственного стандарта школьного образования. Поскольку исторически Россия поликультурна и многоязычна, то в основу разработки стандартов должны закладываться принципы диалога культур и двуязычия. Этот подход является базовой основой Концепции национальной образовательной политики Российской Федерации, утвержденной приказом Минобрнауки от 03.08.2006 г. № 201.

Использование культурологического подхода в построении содержания общего среднего образования предполагает наличие этнокультурной составляющей — значимого социально-исторического опыта этноса, включающего исторические, экономические, географические, культурные, языковые, конфессиональные и другие особенности, составляющие своеобразие развития субъекта Российской Федерации. Данный подход предполагает интеграцию и инкорпорацию этнокультурной составляющей в содержание обязательной части основной образовательной программы, в ее гуманитарный блок, транслирующий ценности российской и общечеловеческой культуры.

Однако в результате трансформаций последних 15 лет в республиках преобладают школы с родным (нерусским) и русским (неродным) языками обучения. Эти две модели не укладываются в рамки общего ординара. В таких школах все дети в обязательном порядке изучают помимо государственного языка республики такие предметы, как культура, литература, история, география субъекта Российской Федерации. Процесс образования в таких школах направлен на формирование этнического самосознания и преследует цель этнического сплочения и мобилизации молодежи. Эти школы продолжают оставаться в структуре российской образовательной системы особыми моделями образовательных учреждений. Повышение удельного веса родного языка, статуса языков республик, этноним которых вошел в название субъекта, изменили прежний баланс в распределении часов в структуре филологического блока учебного плана таких образователь-

ных учреждений. В целом эти процессы привели к нарушению баланса языковых интересов субъектов образовательного процесса, деформации структуры языковой подготовки русскоязычных учащихся и в том числе этнических русских. Наблюдается ослабление знаний русского языка и усиление несбалансированного двуязычия.

Для устранения возможности языковых конфликтов необходимо для каждого конкретного образовательного учреждения предусмотреть условия максимального удовлетворения образовательных потребностей каждого участника образовательного процесса, реализацию конституционного права свободы выбора языка через различные варианты примерных базисных учебных планов и примерных основных образовательных программ.

В связи с вышеизложенным в системе общего образования с целью преодоления противоречий в части удовлетворения языковых образовательных потребностей необходимо:

1. Предусмотреть функциональное равноправие при изучении государственного языка Российской Федерации и государственного языка субъекта Российской Федерации в обязательной части примерных основных образовательных программ в блоке филологических дисциплин.

2. Разработать для государственных языков республик Российской Федерации примерные учебные программы для основных языковых групп (тюркской, финно-угорской, абхазо-адыгской, монгольской), включив их в обязательную часть примерной основной образовательной программы.

3. Разработать для общеобразовательных учреждений республик Российской Федерации и апробировать три модели реализации примерных основных образовательных программ и три варианта примерных базисных учебных планов с учетом соотношения русского и родного языков, направленного на удовлетворение языковых потребностей в зависимости от языковой среды и интеграции этнокультурной составляющей:

- для общеобразовательных учреждений с обучением на русском языке;

- для общеобразовательных учреждений с обучением на государственном языке субъекта Российской Федерации и изучением русского языка в качестве предмета;

- для общеобразовательных учреждений, где процесс обучения организован на государственном языке Российской Федерации и изучаются такие предметы, как культура, литература, история, география субъекта Российской Федерации на русском (неродном) языке, а также государственный язык субъекта.

4. Разработать нормативный акт, касающийся части основной образовательной программы, формируемой участниками образовательного процесса, отметив, что данная часть программы для каждого конкретного образовательного учреждения должна быть направлена на максимальное удовлетворение образовательных потребностей всех участников образовательного процесса, в том числе в части языков.

5. Разработать концепцию языкового образования, преследующую цель развития сбалансированного двуязычия, как ключевого фактора образовательной политики в многонациональном государстве.

В. А. Колесников¹

ФИЛОСОФИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В XXI в.: ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ РАЗВЕРТЫВАНИЕ ЛИЧНОСТИ

Мощнейшие технологические преобразования, научно-технический прогресс, трансформация социокультурного пространства все явственнее свидетельствуют об усилении технократизации жизни человеческих сообществ и становлении мировидения, соответствующего этой негативной тенденции. В массовой педагогической практике сегодня «правят бал» технократическое мировоззрение и устоявшиеся стереотипы, стандарты действий, частно-педагогические рецепты, все раскладывающие по полочкам и ориентированные на среднестатистического ученика.

Как выйти за рамки традиционных представлений об образовании и хотя бы контурно представить себе необходимый для нас его новый облик в наступившем веке? Что поможет нам преодолеть устоявшийся цеховой педагогический взгляд на образование?

В жизни мы сталкиваемся с новой образовательной реальностью как «сетью», системой взаимосвязей, в которые вовлечен обучающийся. Наставникам детей и юношества сегодня важно быть социально образованными, находиться в режиме постоянного саморазвития. Для этого надо познать новую стадию постиндустриального развития общества, регионоведение, ноосферологию, учение о религии и церкви как таких же важных социальных институтах, коим представляется образование, и многое другое, без чего не может быть прояснено в главных чертах наше настоящее и ближайшее будущее.

Подлинную человечность ученые и философы всегда соотносили со знанием. Это положение выступает условием развернувшегося в философии и других науках учения о формировании нового человека, реализующегося как собственно образованный человек. В результате образование оказывается связанным с такими важнейшими положениями, как знание и личностное начало. Знание как таковое отнюдь не сводимо к информации. Знание — это ценностно реализуемая обработка информации и ее усвоение. А это значит, что знание неотделимо от владеющей им личности. Благодаря научному знанию индивид только и может стать личностью. Все остальные способы формирования личностного начала в «век информации» бесперспективны.

Проблема современного образования во многом еще нуждается в философском осмыслении. Тем не менее уже сегодня очевидно, что образовательный процесс — это «штучная», индивидуальная работа.

Мы знаем, что педагогика — наука, работающая с коллективом, с дальнейшим обращением

к индивидуальности. Никто не отрицает значения индивидуальности для его педагогической теории. Но в целом педагогика связана с формированием у обучающихся коллективно выраженных установок, которые закрепляются в процессе обучения и воспитания. Школьники, равняясь, ориентируясь на учителя, преимущественно формируют в себе некоторую одинаковость, похожесть в реализации общественно значимых требований, положений. Другой аспект личности педагога, связанный с утверждением индивидуально-личностного начала в подопечном, не занимает сколько-нибудь существенного места. Мы полагаем, что качественно иная педагогическая позиция наставников должна позволять воспитуемым делать самостоятельные и осознаваемые шаги, главный из которых — способность к жизненному выбору, выбору своей позиции в жизни, формирования собственных принципов, убеждений как основы поступков. Это и есть исходный пункт образования как реального «самообразовывания» человека без всякой поддержки извне, со стороны.

Перспективы современного образования, на мой взгляд, следует связывать, прежде всего, с его методологической выраженностью, широкой опорой на методологию как способ и тип мышления, способ распознавания проблем, нахождения и определения ориентиров, векторов, подходов к разрешению постоянных противоречий. Мы имеем дело с быстроменяющейся реальностью, которая есть и которая уже ускользает, трансформируется в новые разноплановые тенденции — и их надо видеть, осмыслять, не игнорировать и не пытаться рассматривать с позиций традиционных подходов. Это сложнейшая проблема, и решена она может быть, прежде всего, с опорой на гуманитарную методологию, на гуманитарную программу. Гуманитарная программа позволит выкристаллизовываться большому разнообразию индивидуально-творческих способов решения образовательных проблем, вырабатывать рекомендации не частно-педагогического характера, а векторно-концептуального плана, утверждать в образовательной практике поисковый, индивидуально-познавательный, исследовательский характер деятельности, во многом ориентированный на особенное, специфичное, уникальное в становлении личности.

Все лаконично изложенное мною говорит о необходимости разработки, построения не только новой образовательной модели, а многоликого целостного нового образа образования в XXI в.

* * *

О. Е. ЛЕБЕДЕВ: — Уважаемые коллеги, мы все понимаем, что надо менять образование, отношения в системе образования. Что для этого надо изменить в жизни школы, в поведении учителей, педагогических коллективов? И что можно сделать силами самой школы для того, чтобы в итоге стали происходить изменения и в образовательном процессе? Какие пусковые механизмы следует при этом включить? Можно ли в нашем опыте найти то,

что позволило бы на уровне школ начать или усилить этот процесс обновления? Мне кажется, это тоже стоит обсудить. Возможно, мы услышим о каких-то идеях, инициативах самих школ. Пожалуйста, Марина Николаевна.

¹ Директор областного ГОУ СПО «Иркутский государственный педагогический колледж № 1», доктор философских наук, заслуженный учитель РФ.

М. Н. Фроловская¹

ПОИСК СМЫСЛОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ. ДИАЛОГ КАК ГУМАНИТАРНАЯ ПРАКТИКА

Грустная картина: образование в средней школе подменяется подготовкой к ЕГЭ. Почему так происходит? Наверное, потому, что учитель в современной школе вынужден работать в поле только предметов и времени и исполнять свои функциональные обязанности, не выходя за рамки стандартов. Возможно, поэтому в школах ощущается некий экзистенциальный вакуум. Учитель не имеет возможности проявить самостоятельность, он должен реализовывать все чужое: и стандарты, и программы, и методические указания, и все остальное. Как же быть?

Но ведь образование, если вспомнить В. С. Библера, это не то всеобщее, что прописывается в стандартах. Образование должно исходить из того, что каждый из нас в этом мире что-то собой представляет и должен становиться кем-то — самим собой. С кого это будет начинаться? Наверное, с учителя. В. С. Библер говорил: «Образование — это процесс становления человека в культуре и культуры в самом человеке».

Мне очень близка позиция философа Ф. Т. Михайлова, который замечательно проявил свое понимание культуры образования. Для него образование — это встречи обращающихся друг к другу поколений, в которых культура оживает. О культуре он говорил, что это предпосылка, процесс и результат поколений людей, нуждающихся в обращении друг к другу.

К сожалению, сейчас в наших школах отчетливо проявляется отчуждение, и прежде всего — отчуждение учителя от самого процесса образования. Как когда-то писал Пастернак: «А на улице вьюга все смешала в одно. И пробиться друг к другу никому не дано». Что же делать, как все-таки пробиться друг к другу? Мы убедились на практике, что главное — не написать учителю перечень компетенций, не сформулировать в наших концепциях модели ученика и учителя, не вооружить их инновационными передовыми технологиями и даже не изучить всем замечательный национальный проект «Образование». Главное заключается в том, как учитель к этому отнесется, каким себя увидит.

Мы с вами рассматриваем по отдельности два процесса — преподавание и учение, деятельность учителя и деятельность ученика. Но мы не сдвинемся с места, пока учитель не поймет, что эти процессы взаимно дополняют друг друга и только при их одновременном осуществлении получается образование. В связи с этим мы в Барнауле создали несколько специальных площадок для обучения педагогов.

У нас есть программы повышения квалификации для разных образовательных систем. Но наибольший эффект получается тогда, когда у само-

го коллектива есть потребность что-то изменить. Людям надоело просто существовать или выживать, и они хотят куда-то двигаться, действительно жить. Здесь речь идет уже не о становлении профессиональной компетентности; это — всеобщее стремление.

Как сказал психолог А. Н. Леонтьев, если миссия учителя — помочь человеку найти смысл в жизни, то получается, что в работе с педагогом-практиком и будущим учителем мы должны пытаться создавать условия, в которых бы они эти смыслы обнаруживали. И М. М. Бахтин замечательно писал, что творчество в ученике может воспитать только творческий учитель. А значит, осмыслить себя в мире тоже способен педагог, который к этому движется, а не застревает в поле предметов. Мне кажется, что условия, которые позволят учителю подняться над функциональным, — это прежде всего гуманитарные практики.

Начиная экспериментальную работу с учителями, мы планировали создавать условия для того, чтобы они двигались сами по себе. Но очень быстро обнаружилось, что это невозможно сделать без ученика. И так как необходима эта встреча культур, то возникли разные формы именно гуманитарных практик взаимодействия. В частности, герменевтические методы.

Мы пытались создать условия для обнаружения смысла в деятельности учителя, используя герменевтические приемы работы с текстами на разных языках. Я имею в виду живопись, музыку, слово, научные тексты. Как реагировали педагоги? Когда мы в нашем профессиональном кругу начинали искать смыслы в тексте, они делали открытия: «А ведь я там себя обнаружил. И коллегу своего в работе с этим текстом увидел иначе». Поэтому, мне кажется, перспективным путем может быть как раз создание условий становления не компетенций, а профессионального образа мира педагога, который можно трактовать как его целостное представление о педагогическом процессе, о себе в нем, о других его участниках. Этот индивидуальный профессиональный образ мира включает наши ценности и смыслы, аксиологию, наше понимание особенностей, характера отношений с другими, онтологию и, конечно, методологии. Д. С. Лихачев писал о том, что только интеллигентный и совестливый Учитель способен видеть себя глазами другого, то есть коллеги и ученика. Недавно один педагог, долго проработавший в школе, сказал: «Я пытаюсь слышать себя ушами учеников и смотреть на себя их глазами». Мне кажется, только создание учителю условий для становления его собственного профессионального образа мира поможет и нам, и ребятам постигать эту святую науку — расслышать друг друга.

* * *

О. Е. ЛЕБЕДЕВ: — Марина Николаевна, если я правильно понял, для того чтобы учитель стал по-

¹ Доцент кафедры педагогики Алтайского государственного университета (Барнаул), кандидат педагогических наук.

другому, в широком смысле, учить, чтобы стал формироваться другой тип отношений, надо по-другому учить самого учителя, и не только технологиям, но и смыслам. А как это сделать, что для этого надо

изменить? Прикрыть ныне существующие педагогические университеты и ликвидировать традиционные институты повышения квалификации? Поменять людей или применить какие-то технологии, которые можно использовать в современных условиях?

М. Н. ФРОЛОВСКАЯ: — Научить смыслом нельзя. В. Франкл писал, что нельзя передать смыслы и ценности; можно только создать условия для того, чтобы человек сам их обнаружил. Я убеждена, что никакими директивами это не изменишь. Это тот же хайдеггеровский, герменевтический круг. Профессиональное образование у нас тоже сейчас заменяется подготовкой. Получается, что надо менять позицию преподавателя высшей школы. А может быть, красота как раз и заключается в том, что есть разные истины — твоя и моя, как писал Януш Корчак. Как в том детском стихотворении: «мамы разные нужны». И пусть один преподаватель будет придерживаться технократической парадигмы, другой — гуманитарной.

О. Е. ЛЕБЕДЕВ: — Я думаю, что самый радикальный способ предложил Анатолий Маркович: третий путь развития образования. Если вольно интерпретировать, то первый путь — модернизация официальной школы, второй — поддержка альтернативной, а третий — создания нелегальной. Может быть, надо использовать все три пути?

А. В. ХУТОРСКОЙ: — Небольшая реплика. Во-первых, соображение по формату нашей работы. Олег Ермолаевич обозначил проблему: понятие внутреннего стандарта школы. Юрий Васильевич предложил вариант — внешний текст и создаваемый внутренне. Еще одну позицию обозначил ваш покорный слуга: компетентностный подход как

элемент согласования внешнего и внутреннего. Все, что было сказано дальше, никак не соотносится с предыдущим. Получается, что мы просто не обсуждаем тех проблем, которые заявлены.

Во-вторых, Олег Ермолаевич задает вопросы, но его как будто не слышат. Он спросил: «Почему не происходит тех изменений, которые, как вы полагаете, требуются?» Я хочу все же ответить. Почему не реализуются некоторые хорошие, важные, нужные инициативы?

Одна из причин — то, что не задействуется область науки, в которой решается именно эта задача, — педагогическая инноватика. Это не дидактика и не педагогика! Это отдельная область со своими механизмами, понятиями — новшества, инновации, инновационного процесса, технологии этого процесса и т. д. Смею вас заверить, что если выполнить хотя бы элементарные требования к инновационному педагогическому процессу, то он будет реализовываться. Повторяю, если мы хотим внедрить новшество, то этим занимается не дидактика и не педагогика, а педагогическая инноватика.

О. Е. ЛЕБЕДЕВ: — Спасибо. Я бы так сформулировал проблему: мы имеем достаточно богатые интеллектуальные ресурсы для развития системы образования, но они очень мало используются. Что за этим стоит? Неумение использовать эти ресурсы или отсутствие потребности в изменениях. А если нет такой потребности, то с чем это связано? Мы можем быть недовольны всей федеральной системой образования и говорить министру о том, что надо переделать в этой системе. И все равно ничего не произойдет! А что можно переделать на уровне конкретной школы, каков потенциал развития школы?

М. В. Хотимская¹

ОБ ОПЫТЕ ПЕТРОВСКОЙ ШКОЛЫ В ПЕТРОЗАВОДСКЕ

Я хочу поделиться опытом именно нашей школы, рассказать о том, как мы смогли изменить условия образовательной деятельности с учетом внутренних стандартов. Наша школа находится во Дворце творчества. В этой атмосфере, где дети и могут, и хотят творить и менять жизнь, мы смогли реализовать новую форму деятельности наших ребят.

Как создать условия, в которых учителя и ученики могли бы совместно организовывать различные мероприятия, активно общаться и формировать новую культуру? Наша школа пытается реализовать идеи императора Петра I. Мы формируем бальную культуру. Балы проводятся регулярно, и в процессе подготовки бала в школе дети по-новому относятся как к труду учителя, так и к своему. Они понимают, что любое качественное, красивое дело требует программы, труда, осознанных действий. Они могут увидеть, что общение, которое их окружает, рок- и поп-культура — примитивные явления, и видят альтернативу им. Выясняется, что можно красиво, грамотно говорить, использовать множество слов, которых не услышишь в обыденной жизни, и понимать, что русский язык действительно «великий и могучий».

Особая форма общения с учителем возникает в связи с подготовкой бала. Дети видят, что учитель — живой, творческий человек; входя в зал, где репетируются танцы, он «снимает учительский мундир» и становится интересной личностью. С учителем можно, оказывается, побеседовать не только о предмете, но и о прекрасном, обсудить танец, поговорить на новые темы. То есть педагог открывается ученику в новом ракурсе.

На балы мы приглашаем родителей, и они тоже готовятся к этому событию, предвкушая атмосферу праздника. В скучной обыденной жизни мы создаем радость, праздник, успех, и это объединяет всех. Ведь школа — это объединение для сотворчества трех субъектов: учителей, детей и, особо подчеркиваю, их родителей. Образ жизни — это феномен мобильный, постоянно движущийся, обновляющийся. Балы, которые мы регулярно проводим, вносят в наш повседневный образ жизни искорки счастья.

Хочу закончить свое выступление тем, что говорят наши дети о школе. «Для меня школа — это место, где заново рождается человек. Вы никогда не задумывались, почему в школе девять учебных месяцев? За это время в утробе матери развивается новый человек. Исходя из этого, можно сказать, что

¹ Учитель Петровской средней школы (Петрозаводск).

школа одновременно является твоим родителем. Неважно, мамой или папой. Это зависит от твоих взаимоотношений в семье». Это сказал ученик 9-го класса, причем экспромтом. То есть в школе создана особая аура, в которой развивается личность.

О. Е. ЛЕБЕДЕВ: — Марина Владимировна, у меня возник коварный вопрос. Вы высказали две важные идеи. Первая: в школе нужны события, значимые для детей, которые оставляют яркий след в их жизни. В вашей школе одно из таких событий — бал. Вторая: в школе важно создавать ситуации для нерегламентированного общения взрослых и детей. Должна быть возможность выхода за какие-то обязательные нормы поведения, которые диктуются атмосферой урока. А коварный вопрос вот в чем. В ваших условиях бал — это средство компенсации скуки учебной жизни?

М. В. ХОТИМСКАЯ: — Вспомним историю бала. Когда Петр I вводил в России эту традицию, он сказал: «Для дела и для забавы». В неформальной обстановке мы видим, какие интересы у наших де-

Опыт нашей Петровской школы — это опыт проведения балов, кропотливого труда, результаты которого не видны мгновенно. Это очень долгий процесс. Надеюсь, наша практика будет полезна коллегам.

* * *

тей, на какие темы они охотно говорят, что обсуждают, на какие шаги идут.

О. Е. ЛЕБЕДЕВ: — Бал как-то сказывается в итоге на повседневной жизни, что-то меняется на уровне уроков, учебного процесса, отношений между детьми и взрослыми? Ребенок видит учителя иначе, а случилось ли так, что он стал иначе относиться к физике, которую преподает этот педагог?

М. В. ХОТИМСКАЯ: — Конечно. На основе неформального общения меняется отношение к человеку, и это порождает новое отношение к предмету. Ведь у детей субъективное отношение к тому или иному предмету, так что наши человеческие качества, которые мы, педагоги, можем продемонстрировать на празднике, влияют и на отношение к предмету.

М. В. Калужская¹

ОБ ОПЫТЕ РАБОТЫ ГИМНАЗИИ «КОРИФЕЙ» г. ЕКАТЕРИНБУРГА

Кратко суммирую все, что было сказано по поводу стандартов, которые все-таки позволят нашей системе развиваться. Есть стандартизация в плохом смысле, когда мы говорим о чиновничьем диктате и отчетах в форме бесконечных таблиц. А есть и «хорошая» стандартизация.

Прежде всего мы должны думать о стандартизации тех достижений, которые у нас уже есть, — об описании и распространении нашего опыта, о превращении его в технологии, чтобы этот текст корпоративной культуры был действительно явлен насколько это возможно, чтобы он планировался как результат, возникал не спонтанно, а управляемо. Хотя этот процесс, естественно, все же должен быть творческим. И, конечно, скрытый учебный план в хорошей школе должен быть прописан содержательно. Не в форме бюрократической таблицы с указанием критериев и какими-то числовыми параметрами, а именно содержательно, поскольку самая главная деятельность школы — это и есть ее полная образовательная программа, со скрытым учебным планом.

Сейчас наиболее эффективный способ развития системы образования — через создание корпоративных сетей и обмен теми инновационными стандартами, которые в школах уже созданы, — стандарты условий. Может быть, не каждая школа может соответствовать всем стандартам и поддерживать их, но те стандарты, которые уже существуют и могут быть нормой для многих образовательных учреждений, должны быть описаны, распространяться

в партнерских сетях, таких как, например, сети «Макдоналдс» или «Кодак».

Например, стандарт наличия общешкольных досуговых проектов. Не надо описывать эти проекты, можно просто задать такой стандарт. Каждая школа должна предоставлять не менее трех открытых источников информации о себе. Допустим, сайт школы, информационный буклет и, возможно, публичный отчет, который тоже издается или представляется в какой-то иной форме. В школе должна обеспечиваться горизонтальная карьера учителя и родителя. Стандарт тяжелый, но, тем не менее, выполнимый, на него можно «замахнуться». Если мы будем обеспечивать горизонтальную карьеру учителя, образовывать в школе не только ребенка, но и педагога и родителя, то частично преодолеем проблему депрессивности наших учителей, дав им поле деятельности, где они смогут реализовываться.

В России очень много делается действительно творчески, на энтузиазме, существует в виде философских концепций или даже красивых лозунгов, но все это очень редко превращается в процедуры и технологии. Сейчас мы как раз находимся на некоем пороге: перед нами стоит задача стандартизировать содержательные моменты и перевести их в нормальные описания условий, которые мы должны предоставить своим учителям, ученикам и родителям. Мы работаем над созданием сети учреждений, обмениваемся стандартами и открыты для общения и сотрудничества со всеми, кому это интересно.

* * *

О. Е. ЛЕБЕДЕВ: — Когда шла речь о стандартах, как я понимаю, это был призыв к неодинаковости. Но это и призыв к тому, чтобы гарантировать возможности, чтобы каждый ребенок, каждый учитель знал, что в условиях школы ему обеспечены некие

гарантии. Это дает возможность для его индивидуального маршрута, для реализации его творческого потенциала.

¹ Научный руководитель гимназии «Корифей» (Екатеринбург).

Т. А. Скопицкая

ОБ ОПЫТЕ РАБОТЫ КЛУБА УЧИТЕЛЕЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА И ПРОЕКТЕ «ШКОЛА ОБЩЕСТВЕННОГО ПРИЗНАНИЯ»

Стандарты действительно существуют, но требуется сделать так, чтобы каждый учитель и каждый ученик участвовал в их реализации и делал это добровольно и с желанием. У нас в городе третий год работает Клуб учителей, где мы собираемся 1–2 раза в месяц, говорим о школьных проблемах, помогаем друг другу найти выход из той или иной ситуации. Мы обсуждаем самые разные вопросы — и психологические, и чисто педагогические, и дидактические.

В прошлом году было принято решение открыть проект «Школа общественного признания», рассчитанный на два года. Чем он интересен? У каждой школы есть перспективный план развития. И вот Клуб учителей предложил школам, которые решили действительно измениться и быть признаны обществом, вступить в этот проект. У нас в городе очень много школ, более 600, но участвовать в проекте изъявили готовность всего около 10.

Чем хорош этот проект? На уровне администрации, на уровне учителей и на уровне детей с ме-

тодической и научной точек зрения объясняются существующие проблемы и намечаются пути их решения, которые действительно дают положительный результат — и в учебной, и в воспитательной деятельности, и в формировании учителя как личности.

Все проблемы, которые мы сегодня обсуждаем, поставлены в рамках международного десятилетия «Образования для устойчивого развития». И не следует забывать замечательные слова Д. С. Лихачева о том, что мы должны общаться и что на культуре человек учится. Существуют ассоциированные школы ЮНЕСКО. Реализуется проект «Мой диалог», в рамках которого ребята нашей школы целый год общались с детьми из Аргентины, рассказывали о своей культуре, узнавали об их культуре, традициях и создавали общий проект, который затем был отправлен в Париж. Решалась задача — расширить свои знания по разным предметам, увидеть, что у нас есть свое лицо, что мы интересны другим людям и они могут быть интересны нам.

А. В. Верховцева¹**ОБ ИЗМЕНЕНИИ ИСТОЧНИКОВ ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ**

Когда я готовилась к нашей дискуссии, то подумала, что важно обсудить то, что школа перестала быть единственным источником общего образования. Мы провели соответствующее исследование среди студентов нашего вуза. Они были выпускниками школ после 2000 г., то есть это те ребята, которые окончили школу в совершенно других социально-экономических условиях, чем их родители. Это исследование касалось и отцов, и детей.

К каким выводам мы пришли? Во-первых, за последние 2–3 десятилетия значительно возросло количество источников образования и, кроме того, изменились их составляющие. Мы обратились к родителям с вопросом, что они считают дефицитами

своего образования, и увидели, что эти дефициты они постарались восполнить в образовании своих детей. При этом выпускники 2000 г. ни одного дефицита предметного обучения не назвали, а к числу дефицитов отнесли некоторые интегральные вопросы, о которых, кстати, мы сегодня говорили. Наши выпускники хотят быть успешными и получить от школы опыт достижений и потенциал для новых успехов.

Это означает, что школа должна стать открытой образовательной системой, иначе другие источники образования вытеснят ее из этого пространства. В то же время ей придется учитывать все результаты образования, получаемого из дополнительных источников.

С. В. Левковец²**ОБ ОПЫТЕ РАБОТЫ ВАЛЬДОРФСКОЙ ШКОЛЫ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ**

Я хотела бы высказаться от лица школы, которая не нуждается в том, чтобы двигать педагогов к каким-то новациям. У нас противоположная проблема: мы пытаемся вписать в рамки стандарта тех учителей, которые очень хотят работать творчески.

Приведу пример. В нашей школе с 1-го по 8-й класс все предметы ведет один учитель — попытайтесь представить себе, как это вписывается в стандарт. В последнее время становится все труднее, потому что требования к учителю возрастают. Теперь,

если он преподает, скажем, в 7-м классе, то должен пройти аттестацию по всем предметам. А ведь когда учитель ведет все предметы, мы видим, насколько это осмысленно и обоснованно. Но это невозможно делать в рамках стандарта.

¹ Заместитель декана факультета очного обучения Международного банковского института (Санкт-Петербург).

² Заведующая учебной частью Вальдорфской средней школы.

Один из методов обучения в нашей школе — погружения. Что происходит с проверяющим, когда он видит, как заполняются наши журналы? Он открывает журнал и говорит: «Вы что, с ума сошли? Что у вас здесь написано?» Я отвечаю: «Это наш метод». Мы получили миллион бумаг, подтверждающих наше право на такую программу, и стандарт это позволяет, но проверяющие раз за разом пытаются доказать, что это невозможно.

То же самое с итоговой аттестацией. В нашей школе, например, с 1-го по 8-й класс ученикам не ставят оценок — но это тоже вырастает в проблему! Или попробуйте изменить хоть одну букву в программе. К вам придет проверяющий и скажет: «А меня не интересует, по какой программе вы работаете. Даже если она защищена в Москве». У нас официальная

О. Е. ЛЕБЕДЕВ: — Какие главные барьеры мешают вам реализовывать собственную программу?

С. В. ЛЕВКОВЕЦ: — К тому, что я перечислила, можно добавить учебники, которых у нас нет, и мы должны их обязательно написать. А раз мы написали учебники, значит, должны им соответствовать. Если обобщить все проблемы, то это невозможность сформировать независимое мышление учеников, связанное с эстетическим воспитанием.

Если у человека не формируется образ целого, то он вынужден все время следовать за параграфом. Это сильно нарушает взаимодействие с ребенком. Когда он учится строго по учебнику, то есть по штампу, это не позволяет ему делать что-либо самостоятельно. Возможность вырваться из штампов и действовать независимо перекрывается. Люди, которые не боятся потерять работу и движутся вперед, конечно, могут все это преодолеть. Но условий для этого никто, в том числе государство, не создает. Остается только уповать на родителей и на частный бизнес. Если родителям запретить вообще все, то у нас будут учиться дети учителей. И в вальдорфской школе действительно обучаются дети педагогов — это контингент детей тех родителей, кто знает, что такое хорошее образование.

О. Е. ЛЕБЕДЕВ: — Я думаю, что главная проблема — это крайне малые возможности школы определять собственные стандарты. Всякая попытка расширения внешних стандартов ведет к тому, что ограничиваются возможности для проявления собственного педагогического потенциала школы.

М. Н. КУЗЬМИН: — Одно выступление навеяло воспоминания далеких лет. Я поддерживаю идею, которую реализует школа в Петрозаводске. Я окончил школу в 1949 г. Это была мужская школа, как было положено в то время в больших городах. За два года до окончания мы придумали нечто похожее, только это называлось «комсомольский клуб». Мы «выбили» себе возможность раз в две недели встречаться с теми же классами соседних женских школ.

Что-то в этом воспитании в мужской школе было плюсом, что-то минусом. Во всяком случае, нам это позволило быть более гармоничными. Я назову фамилии двух замечательных людей, которые имели отношение к организации и жизни нашего клуба. Его основателем стал Борис Грушин, к сожалению, недавно ушедший, известный социолог и глава целой службы в Оксфорде, а одним из активистов

программа, она действительно защищена в Москве. Но когда мы проходили аттестацию, я специально обратилась на нашу кафедру управления: «Дайте нам тесты по нашей программе, пожалуйста». Вы догадываетесь, что мне ответили.

Чтобы пройти аттестацию, чтобы школа вообще осталась жить, нам приходится заниматься всевозможным «изобретательством». В последние годы давление государства еще возросло. Приведу пример. У нас система не кабинетная — дети обучаются в одном и том же помещении. Но к нам приходит начальство и интересуется: «Где кабинет ОБЖ? У вас должен быть такой кабинет с плакатами на стенах». В итоге мы каждый месяц платим 3 тыс. руб. за то, что у нас нет кабинета ОБЖ. Но зачем детям плакаты на стенах — это же неэстетично!

* * *

был не менее известный человек — журналист Егор Яковлев, тоже, увы, ушедший. Благодаря им у нас получилось если не окно в Европу, то хоть какая-то форточка во внешний мир, которая нас, в общем, сделала отличными от других школ.

А. М. ЦИРУЛЬНИКОВ: — Я хочу предложить возможные обобщения. В связи с тем, что ничего не меняется, хотя все этого желают, можно попытаться осмыслить пять пунктов.

1. Социально-образовательная ситуация. 20 лет назад, когда шла школьная перестройка и приветствовались педагоги-новаторы, мы с М. Н. Кузьминым работали в одном ВНИКе — временном научно-исследовательском коллективе. Потом один из членов нашего ВНИКа стал министром образования, и все как-то стало разворачиваться. В те годы начались преобразовательные процессы, и до сих пор они по инерции кое-где продолжают — это то, о чем здесь говорили педагоги. В школах есть внутренние стандарты, технологии — все это накоплено на разных инновационных площадках. Но я хочу обратить ваше внимание на то, что тогда, 20–25 лет назад, в общественном сознании был некий инновационный слой, а теперь его нет.

2. С массовой школой и тогда, и сейчас дела обстоят плохо.

3. Социокультурная ткань. Все эти модернизации — капля в море. Их опыт пропадает втуне. А ведь это не местные особенности, а явления, которые, собственно, и обуславливают успех или провал модернизации и реформ в целом.

4. Другое представление о качестве образования. Я знаю как минимум 10 трактовок того, что есть качество образования. Не буду их перечислять — важно понять, что их много, то есть реальность неоднородна.

5. Институциональные процессы, то есть связанные с общественно-государственным образовательным договором. Надо, чтобы не только государство выдвигало какие-то инициативы, а чтобы формирование образовательного договора осуществлялось между обществом и государством, с участием семьи, школы и т. д. Чтобы создавались всевозможные сети — горизонтальные, параллельно-вертикальные и пр. Мы начали говорить и писать об этом еще в 2002 г. В Петербурге есть агентство образовательного сотрудничества, которое собрало материалы по всем педагогическим сетям России и издало книгу «Российское образование. Сетевой подход».

О. В. ДОЛГАНОВА¹: — К вопросу об анализе. Может быть, действительно мы недостаточно знаем все то хорошее, что у нас было.

Приведу пример. Недавно мы с коллегами обсуждали аналитический доклад об успешных образовательных системах в мире, то есть о тех системах, которые занимают первые места в рейтингах по качеству образования. Как они добиваются этого качества, что они делают в этом направлении? Оказалось, они практикуют то, что у нас было всегда: учителя учатся друг у друга. Выделяются успешные педагоги, и им предоставляется право делиться опытом. Отсюда же вытекает лидерство в школе: эти учителя могут организовать такую работу, поделиться своим опытом, научить этому других.

Следующий аспект касается подготовки педагогов. На начальном этапе подготовки очень большое внимание уделяется практике: начинающего учителя помещают в класс, и он работает с вместе с опытным коллегой. И дальше молодого учителя консультирует опытный наставник.

К. Г. МИТРОФАНОВ²: — У меня больше вопросов, чем ответов. Мы говорим, что ничего не происходит, но это означает, что и жизни нет. На самом деле происходит очень многое, но независимо от нас и не то, что задумывалось 20 лет назад. Я бы поддержал мысль Елены Ивановны: мы говорим на разных языках, в то время как принципиально необходимо определить язык, которого мы будем придерживаться при обсуждении наших проблем. Кто-то говорит на организационно-логическом языке, и тогда возникают вопросы стандартизации и нормирования. Кто-то пытается высказываться феноменологически, описывая те или иные собственные опыты. Кто-то вообще пытается перевести беседу в ценностное русло. Проглядывают какие-то идеи проективности — любопытно, если рассматривать школу как жизнь. Кстати, чью жизнь? Если ученика, то это десятилетний проект, но им созданный. Он к нему если и имеет отношение, то не как проектировщик. Эта тема задала несколько важных точек напряжения или точек различия. Вначале у нас появилось любопытное различие между идеальными и реальными объектами. Это перспективная тема — не только в интеллектуальном плане, но и в практическом, потому что это различие теоретического и практического знания. Наш разговор — классическое различие между образованием и подготовкой. Эти различия могут рассматриваться не как альтернативы, а как некая иерархия. И тогда предмет вопроса меняется. Это первая точка напряжения, которая мне кажется очень перспективной. Можно осмысленно возвращаться к вопросу о компетентности.

Когда зашел разговор, косвенно связанный со стандартизацией, точка напряжения возникла между унификацией и дифференциацией. С одной стороны, одно без другого существовать не может, с другой — это два объективных процесса, которые характеризуют изменения в школе. С одной сто-

роны, происходит унификация, с другой — явное стремление и потребность в особости. Отсюда прямой вопрос к тому тексту, который был представлен. Потому что я там тоже вижу некоторую точку, которая сейчас обсуждалась. Мы обсуждаем вопрос о стандартизации, по крайней мере, в двух модальностях: в модальности должного и в модальности возможного, а здесь есть некоторое противоречие. Мы попытались снять его в тексте, задав, извините, должные возможности. Странная вещь, вроде бы текстовая. Но если мы говорим о стандартизации, то встает вопрос договора, формы нормирования. Если это договор, то между какими сторонами? Или это вменение? Внутренний стандарт школы — это стандарт, который люди вроде бы сами принимают, помимо федерального и регионального. Мы берем на себя какие-то обязательства, и тогда возникает принципиальный вопрос процедуры местного школьного стандарта. Если эта процедура выбора из списка и я могу взять на себя обязательство, то, например, берем пункт 10: «рациональное использование времени на домашнюю работу учащихся, отказ от обязательных занятий». Это же вопрос некоторой внутренней договоренности и взятия на себя обязательства, а опять-таки не вменение.

Принципиальный вопрос — процедура и выбор из списка и далее уточнение. К примеру, пункт 5: «возможность для учащихся и их родителей высказывать свое мнение о качестве образовательного процесса». Где, при каких условиях — это может определить только школа. Это есть взятие обязательств. Процедура получается — снятие напряжения между возможным и должным.

Мы задаем очень серьезные вопросы. Пусть рассматривая частные случаи, теоретизируя, на разных языках, но пытаемся разговаривать о жизни школы, об ее организации. Поэтому такая схема, как мне кажется, выхолощена, она принципиальна и потому пуста. Тут нельзя говорить о культуре ученика и учителя — скорее о бескультуре как форме культуры. И тогда это надо рассматривать как некоторую множественность, как вариант. Так что это вопрос выбора. Еще раз прошу прощения — у меня больше вопросов, чем заключений.

О. Е. ЛЕБЕДЕВ: — Спасибо большое. Во-первых, я думаю, что смысл нашей сегодняшней работы заключался в том, о чем говорила Ольга Васильевна: мы учились друг у друга — разным взглядам, разному пониманию, решению разных вопросов.

Во-вторых, Кирилл Германович сейчас обозначил многие проблемы, на которые мы сегодня не можем дать определенного ответа. И это тоже результат нашей работы, потому что мы создаем базу для размышлений и последующих обсуждений. Замечания Кирилла Германовича снимают вопрос относительно судьбы проекта рекомендаций, который был отчасти провокационным. Очевидно, что принять какой-то документ в рамках секции вряд ли возможно. Скорее всего, его можно использовать для внутришкольных обсуждений, потому что все те условия, о которых идет речь, — это условия, которые сама школа может принять, задать себе и нести ответственность за их выполнение. Поэтому вряд ли сейчас имеет смысл обсуждать сам документ, давайте рассмотрим его как возможную базу для последующих обсуждений в рамках конкретной школы.

¹ Учитель английского языка и директор лингвистического центра в Московской высшей школе социально-экономических наук.

² Заведующий кафедрой методики преподавания истории Московского городского педагогического университета, кандидат педагогических наук, доцент.

В-третьих, хочу сказать о тех изменениях, которые происходили и происходят в системе образования. Они не всегда видимы и не всегда оценены; возможно, тех изменений, которые ожидалось, не произошло. Поэтому обращаю ваше внимание на идею одного проекта, который рождается в Центре изучения образовательной политики. Было предложено посвятить очередную февральскую конференцию этого Центра теме, условно названной «20 лет спустя». В 1988 г. состоялся Всесоюзный съезд работников образования, на котором и были заявлены новые идеи, концепции. Мы предполагаем обсудить судьбу тех концепций, которые заявлялись в 1988 г., — что получилось, что нет, каковы реальные результаты и каким образом, исходя из этого 20-летнего опыта, мы могли бы прогнозировать развитие системы образования не на 20 лет вперед, а на 12? Исходя из ответов на вопросы, что изменилось, а что не изменилось за 20 лет, мы могли бы попытаться определить, что возможно изменить в ближайшие 12 лет и при каких условиях эти изменения могут произойти. Вот что мне казалось важным сказать в заключение нашей работы.

Ю. В. СЕНЬКО: — Как я понял, Кирилл Германович говорил, прежде всего, о некоторой методологической культуре, которая так или иначе нашу дискуссию могла бы ввести в какие-то конструктивные рамки. Схема, которую я предложил, не менее мертва, чем любая другая. Вообще все схемы мертвы по определению — возьмите хотя бы географические карты. Чтобы в карту вдохнуть жизнь, надо включиться в практику. Когда речь идет о жизни, то смысл заключается не в квадратах схемы, а в движении — в стрелках и переходах. Что касается предложенных рекомендаций, то мне кажется, что следует учесть несколько позиций. Я думаю, что эти рекомендации нужно напрямую связать с темой нашей секции «Школа как образ жизни». Это один момент. Второй момент — я думаю, что число предложений можно существенно образом сократить за счет объединения. Обсуждение рекомендаций по поводу гарантий лучше

снять, тем более что полную гарантию, как известно, не может дать даже страховая полис. И еще: эти рекомендации должны быть, как мне кажется, включены в контекст общей темы Лихачевских чтений.

Е. П. ТОНКОНОГАЯ¹: — Я очень рада видеть в стенах нашего Университета такое большое количество ученых и педагогов вместе. Это стало знаменем времени. Наш разговор ведется на очень серьезном уровне.

Я старый учитель, много лет имела отношение к школе. Хочу отметить, как выросли вы, мои дорогие, по сравнению с теми учителями, с которыми я в свое время работала, и с тем уровнем, который имела я сама. Мы все теперь теоретики. Большую роль в этом сыграла наша Академия постдипломного педагогического образования.

Сегодня весь наш форум посвящен памяти академика Лихачева, который часто бывал в этих стенах, и мы имели счастье его слушать. Но я хотела бы, чтобы на следующей встрече у нас в Университете мы поговорили о воспитании в школе. Потому что Дмитрий Сергеевич больше всего болел, с моей точки зрения, за воспитание молодежи. В библиотеке я нашла больше 100 работ Дмитрия Сергеевича, где он затрагивал вопросы воспитания. Причем он очень серьезно говорил о таких вещах, на которые наша педагогика и, к сожалению, наша практика обращают очень мало внимания.

Он писал о том, что мы должны говорить с нашими воспитанниками о смысле жизни, о жизненных ценностях, чего мы почти не делаем. И очень часто упускаем молодежь в воспитательном плане. Поэтому я хотела бы, чтобы, памятуя о том, что Дмитрий Сергеевич завещал нам, мы в следующий раз поговорили о воспитательных проблемах.

Хочу поблагодарить вас всех. Я очень рада, что вы так интересно выступали здесь сегодня. Это всем нам пойдет на пользу, и я надеюсь на наши будущие встречи. Спасибо большое! Всего вам доброго, здоровья и успехов!

ДОКЛАДЫ

С. Н. Артановский²

НАДО ЛИ ИЗУЧАТЬ ИСТОРИЮ ПРАВОСЛАВИЯ В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ?

В настоящее время мир становится все более взаимосвязанным и в этом смысле единым. Расширяются культурные контакты между народами, которые ведут к взаимному обогащению культур, но также к распространению низкопробных культурных продуктов. В связи с этим особенно важным становится сохранение национального своеобразия народов и их культур. Лучшие традиции не должны умереть. Православие относится к числу тех традиций России, которые сыграли большую положительную роль в историческом становлении быта, культуры и духовного склада народов России. Понятно, что изучение его в системе российского образования весьма желательно.

Другой вопрос, следует ли это начинать со средней школы. Что касается высшей школы, здесь сомнений нет. Но вот если говорить о средней школе, мы встаем

перед сложной проблемой. Она заключается в том, что неясен важнейший вопрос — будут ли преподавать историю православия учителя, принадлежащие к православной конфессии, может быть, даже священники, или учителя, имеющие различное мировоззрение и ведущие этот курс строго академически.

Российская Федерация является светским государством, школа является государственным социальным институтом и, следовательно, тоже светской. Отсюда с непреложностью силлогизма следует, что преподавание православия в ней может быть только

¹Заведующая кафедрой социальной работы СПбГУП, доктор педагогических наук, профессор.

²Профессор кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, доктор философских наук.

чисто академическим, внеконфессиональным. Казалось бы, вопрос решен бесповоротно, но особенности истории православия как учебного предмета подсказывают нам, что сомнения остаются.

Историческая роль православия в России заключается не в количестве и величии архитектурных сооружений, и даже не в именах святителей. Основной исторический смысл православия — в том, что оно является посланием к народам России, в котором содержится призыв к нравственной чистоте и духовности. Живи по совести, возлюби ближнего своего, помогай бедным и обездоленным, не делай зла, не убивай, не кради, соблюдай общественный порядок. Все это вошло в той или иной степени в характер народов России.

Но как рассказать об этом сухим, бесстрастным тоном, каким на уроках геометрии говорит учитель? Тем более что подростки, в большинстве очень далекие от религиозных настроений, могут задать учителю вопросы, например: «Если такова тысячелетняя традиция, то почему вокруг все убивают, лгут, почему мы видим, как богатые презирают бедных?» С каких позиций — православных или атеистических — будет отвечать им учитель?

Православие, как всякое религиозное учение, насыщено эмоциями и содержит нравственные постулаты, вне веры превращающиеся в холодное морализирование. Подростки, сидящие за школьной партой, усвоить его рассудочным образом, только как знание, не смогут. Они воспримут его либо как веру, либо как ненужное сотрясение воздуха.

Иными словами, они примут его как веру или отбросят как знание: «Зачем мне это нужно знать, если это бесспорная истина?» Конечно, можно

прочитать историю православия, удалив его содержательный смысл, лишь как летопись фактов, дат и имен из истории Церкви. Но не жалко ли тратить учебные часы на такой формальный, никому не нужный предмет?

Так или иначе должен властвовать закон: в российской школе истории православия с конфессиональных позиций нет места.

Из всего сказанного следует вывод: историю православия в средней школе преподавать не следует. Но ситуация не безнадежна. В программе отечественной истории и истории русской литературы в средней школе во многих случаях речь идет о православии в историческом аспекте. Эти разделы можно расширить и сделать новые акценты. Так, в истории русской литературы XIX в. говорится о том, что она уделяла много внимания «маленькому человеку». Это верно, но стоит добавить, что делала она это с позиций христианского мировоззрения. Это можно сделать развернутым образом на примере произведений Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского. В курсе истории, в широком историческом контексте, учитель сможет показать, как реализовывалась христианская проповедь света и любви в событиях российской истории — в защите Отечества, в становлении русского национального самосознания, в гармонизации взаимоотношений народов России.

В заключение вернусь к тому, с чего я начал эту статью. Я уважаю Русскую православную церковь и считаю необходимым, чтобы ее исторический вклад в становление российского общества был достойно отмечен в российском образовании. Но это надо сделать обдуманно и к месту.

В. К. Бальсевич¹

ОСВОЕНИЕ ЦЕННОСТЕЙ СПОРТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ КАК СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ЗДОРОВЬЯ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ РОССИИ

В настоящее время назрела необходимость мобилизации ресурсов нашей страны для реализации здоровьесформирующей функции национальной спортивной культуры. Это предопределяется сложившейся в последние 15–20 лет проблемной ситуацией в теории и практике деятельности систем образования и здравоохранения страны.

Особенность нынешнего периода развития физической культуры и воспитания состоит в том, что все большее значение приобретает использование прогрессивных, здоровьесформирующих технологий, основанных на применении адаптированных средств и методов спортивной подготовки, проверенных в экстремальных условиях многолетней спортивной тренировки.

В результате наших многолетних исследований здоровьесформирующего потенциала спортивной культуры и инновационных форм организации образовательной среды, обеспечивающей ускоренное

освоение ее ценностей, была доказана возможность формирования физического, нравственного и духовного здоровья обучающихся в образовательных учреждениях от детского сада до вуза. Были созданы теория и новые педагогические технологии природосообразного развития физического потенциала человека в индивидуально адекватных режимах физического и спортивного воспитания. В ходе многолетних педагогических экспериментов в разных регионах России была доказана высокая эффективность разработанной нами педагогической теории и инновационной технологии спортивно-ориентированного физического воспитания в общеобразовательной школе.

Понятно, что двух-трехкратное увеличение объема часов в режимах спортивно-ориентированного физического воспитания логично приводит к не сопоставимым с традиционными формами физического воспитания результатам в физическом развитии обучающихся. Но не менее, а, возможно, существенно более значимыми эффектами являются изменения в нравственно-этической и поведенческой

¹ Профессор Российского государственного университета физической культуры, спорта и туризма (Москва), член-корреспондент РАО, доктор биологических наук.

составляющих личностной культуры ребенка и подростка. Так, в школе № 32 Сургута, где наша технология реализуется уже более 10 лет, доля курящих учащихся с 23,5 % в 1996 г. снизилась к 2004-му до 1,3 % и сохраняет этот уровень до сих пор.

Все это послужило основанием для подготовки предложения о начале работы над Национальным проектом, целью которого является создание правовых, социально-психологических, материально-технических, организационно-методических и других условий для осуществления государственной политики, направленной на решение задачи формирования физического, нравственного и духовного здоровья нации средствами физической и спортивной культуры.

Уровень здоровья населения детерминирован многими обстоятельствами. Я остановлюсь на образовательном векторе формирования потенциала здоровья нации и, в частности, образовательном пространстве физического и спортивного воспитания подрастающего поколения. В настоящее время уже известны технологии стимулированного развития физического потенциала человека, отработанные в спорте высших достижений и в системе подготовки его резервов. Их эффективность разительно превосходит результативность традиционного школьного физического воспитания.

Многочисленные научные данные и многолетние подтверждения валеологических, социально-психологических и деятельностных преимуществ людей, активно занимавшихся спортом в детском и юношеском возрасте, по сравнению с их сверстниками, лишенными этих возможностей, результаты

масштабных и многолетних педагогических экспериментов позволяют выдвинуть следующую научную гипотезу.

Существенное увеличение числа детей и подростков, активно осваивающих ценности физической и спортивной культуры (от нынешних 10–15 до 80–85 %) при государственной поддержке комплекса мероприятий, обеспечивающих увеличение объема и качества их физической активности (от нынешних 2–3 учебных часов в неделю до 6), позволят в исторически короткий срок (5–10 лет) радикально улучшить качественные характеристики здоровья, психофизического состояния и общей социально-позиционной, поведенческой, интеллектуальной, нравственной и этической культуры жизнедеятельности детей и молодежи Российской Федерации.

Реальная модернизация национальной системы физического воспитания может быть осуществлена в случае придания этим мероприятиям статуса национального проекта. Этот проект должен обеспечить политическую, информационную, правовую, финансовую, проектную и материально-техническую поддержку реализации инновационных организационно-управленческих моделей и новых форм деятельности государственных и муниципальных структур по массовому привлечению к активным занятиям физической культурой и спортом детей, подростков и молодежи России в государственной системе обязательного физического воспитания, с последующим пролонгированием ее оздоровительных и социально-позитивных эффектов на качество жизни взрослого населения страны.

Е. В. Бондаревская

ГУМАНИТАРНЫЙ ПОДХОД К ОЦЕНИВАНИЮ РЕЗУЛЬТАТОВ ВОСПИТАНИЯ

В условиях становления открытого информационного общества неуклонно возрастает роль знания в обустройстве жизни, развитии производства, творческой преобразовательной деятельности людей. Общество, основанное на знаниях, предполагает высокий уровень компетентности его членов, что означает не только владение уже сформированными знаниями и умение продуктивно пользоваться ими, но и критическое к ним отношение, готовность и способность порождать новое знание, необходимое для дальнейшего развития различных сфер социальной жизни и индивидуального жизнетворчества. В связи с этим возникает вопрос: не приведет ли этот триумф знания к возвращению в образование знаниевой парадигмы, ориентация на которую в недалеком прошлом привела, как известно, к отчуждению образования от личности?

Вопрос этот не праздный, поскольку соответствующие тенденции в образовании уже наметились в связи с повсеместной абсолютизацией результатов ЕГЭ как показателей качества образования, усилением в учебном процессе методов внешнего контроля и натаскивания в ущерб развитию внутренней мотивации, понимания, рефлексии, подменой научно-методического обеспечения обучения различными диагностико-квалиметрическими процедурами; по-

вышенным вниманием педагогов к образовательным технологиям безотносительно к содержанию и смыслам образования. В этих условиях гуманистические идеалы и ценности, под знаком утверждения которых происходила инновационная деятельность в образовании на рубеже XX–XXI вв., неизбежно отодвигаются на периферию педагогического сознания.

Гуманитарный подход в оценке результатов образования — это подход, основанный на идее, что главным критерием результативности образования является качество целостного человека, то есть такого человека, знания которого совпадают с его бытием, мысли — с переживаниями, намерения — с поступками, прошлое — с настоящим, а настоящее с проектируемым будущим. Исходным моментом реализации гуманитарного подхода мы считаем возвращение в педагогическую теорию и практику образа целостного человека как идеала, цели и результата образования.

Внутреннему раскрытию человеческого в человеке способствует образование, но не всякое, а лишь то, для которого человек, его духовность, нравственность, индивидуально-личностное развитие являются высшими ценностями, целевыми установками и критериями оценки результативности и качества образования. Таким мы полагаем личностно

ориентированное образование, специфика которого состоит в том, что взаимодействие участвующих в нем субъектов происходит на личностном уровне.

Личностно-ориентированное образование является гуманитарной технологией открытого типа, которая проектируется для работы с сознанием человека и процессами его индивидуально-личностного развития. Эта технология направлена на воспитание целостного человека, осуществляемое посредством развития личностных структур его сознания (ценностей, смыслов, отношений, способности к выбору, рефлексии, самоорганизации и др.), субъектных свойств (автономности, самостоятельности, ответственности, активности и др.) и индивидуальности.

В нашей концепции человек выступает как субъект культуры, собственной жизни и личностного развития.

Как субъект жизни человек культуры характеризуется развитием субъектных свойств: жизнетворчества, самостоятельности, адаптивности, личностной саморегуляции и др.

Как субъект истории — проявлением социальной и социальных качеств: гражданственности, свободы, ответственности и др.

Как субъекту культуры ему свойственны культурная идентичность, духовность, нравственная воспитанность, способность к творчеству, рефлексии и др.

Вышесказанное позволило нам назвать главным критерием качества человека его *личностное развитие*. Оно понимается как развитие субъектности, которое управляется ценностно-смысловой сферой сознания личности. В процессе развития происходят внутренние изменения в личности: ее ценностях, потребностях, мотивах, интересах, установках, позициях, личностных смыслах; формируется позитивная «Я-концепция»; устанавливаются интегра-

тивные связи между основными сферами личности: ценностно-мотивационной, эмоционально-волевой и деятельностно-поведенческой, в результате чего личность становится более целостной, интегральной.

Воспитанность — это характеристика зрелости человека, то есть такого уровня его личностного развития, когда ему свойственна способность к осознанному выбору и принятию жизненно важных решений, ответственность за свои поступки, самостоятельность и способность к нравственной саморегуляции. Зрелость проявляется в трех фундаментальных блоках воспитанности.

Духовно-нравственная зрелость интегрирует качества, характеризующие развитие человека как субъекта культуры: духовность, культурную идентичность, нравственную воспитанность, способность к творчеству и другие способности.

Социально-гражданская зрелость интегрирует качества, характеризующие развитие человека как субъекта истории: гражданственность, свободу, ответственность, социализированность и др.

Индивидуально-личностная зрелость интегрирует качества, характеризующие развитие человека как субъекта собственной жизни: адаптивность, самостоятельность, жизнетворчество, свойства характера и др.

Мы считаем, что для оценки качества образования следует использовать и критерий воспитанности, и критерий ключевых компетенций, и критерий личностного развития, понимая их как разные уровни качества человека. Измерение воспитанности необходимо для определения зоны актуального развития личности, овладение компетенциями открывает ей путь в ближайшую зону интеллектуального развития, а диагностика личностного потенциала позволяет судить о качестве человека, становление которого происходит в процессе воспитания.

А. В. Гомбоева¹,
Э. Ч. Дарибазарон²

ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ ПОСТУЛАТЫ ДЛЯ ШКОЛЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Политическая пассивность современных россиян свидетельствует о том, что общество все еще полно мечтаний о «Золотом веке», где человечество наслаждается изобилием всего и вся под великим, справедливым и мудрым руководством вождя, возглавляющего этот грандиозный детский сад» (К. Юнг). Для того чтобы российский «детский сад» повзрослел, нужно преобразовать традиционную школу, штампующую безликого, ни за что не отвечающего индивида, в школу иного типа, готовящую социально активную личность.

На основе метафизических представлений, а также учений А. Маслоу, К. Роджерса и В. Франкла мы предлагаем пять положений гуманистической философии и психологии, которые, в силу их

невыводимости, с одной стороны, и перспективности в плане дальнейшего построения гуманистической теории — с другой, можно принять за базисные постулаты школы гражданского общества.

Первый постулат: *разумное, доброе, активное, творческое начало, возможность самореализации присущи каждому человеку*. Это основа педагогического оптимизма в деле развития личности учащегося. Из признания истинности этого постулата логически следует постановка вопроса о методологии развития этого высшего начала в сознании индивидуума. Следующие положения гуманистической психологии, на наш взгляд, должны лечь в основу методологии гуманистического образования.

Второй постулат: *для развития высших человеческих потенциалов необходимы безопасная среда и «помогающие отношения»*. Благодаря второму постулату мы можем отличать эффективные воспитательные методы от неэффективных и вредоносных. Положение призывает педагогов

¹ Доцент Института устойчивого развития Восточно-Сибирского государственного технологического университета (Улан-Удэ), кандидат философских наук.

² Аспирант кафедры философии Бурятского государственного университета (Улан-Удэ).

к реализации не директивной, диалогической модели образования, уважительному отношению ко всем учащимся, созданию благоприятного психологического климата.

Третий постулат: *условием «помогающих отношений» является «открытость опыту» воспитателя. «Открытость опыту» воспитателя естественным образом развивает «открытость опыту» у воспитуемого.* Этот постулат для школы гражданского общества имеет методологическое значение. Для развития самосознания нужно не учить учащихся слепо повторять слова учителя и догмы из учебников, а развивать собственное осознание действительности в совместной или самостоятельной деятельности.

Четвертый постулат: *вторым условием «помогающих отношений» является «безусловное принятие» воспитателем воспитуемого. «Безусловное принятие» поможет высвободить «тенденцию к зрелости» в последнем.* Безусловное принятие педагогом учащегося — сложная часть реализации гуманистического подхода в образовании, потому что большинство из нас сознательно или бессознательно придерживается материалистических представлений о сознании, отстраненно-директивных схем образования и воспитания, а также потому, что мы можем быть усталыми или раздраженными. Поэтому психологи-гуманисты сделали вывод, что учителей надо не только просвещать, но и обучать

способам осознания своих чувств, релаксации, правительному общению с детьми. Во многих странах проводятся тренинги общения для родителей и учителей.

Пятый постулат: *чем больше человек трансцендирует себя, тем в большей степени он является человеком.* Понятие самотрансценденции означает выход за пределы своего «Я». По В. Франклу, человек может реализовать себя лишь в той мере, в какой он забывает о себе, не обращает на себя внимания. Чем больше человек трансцендирует себя, служа своему делу, людям, тем в большей степени он является человеком и самоактуализируется. Но это положение требует осторожного подхода. Оно отражает достаточно высокий уровень реализации личности. Не следует полностью забывать о себе, находясь на низших уровнях иерархии потребностей.

В заключение подчеркнем, что приведенные пять положений гуманистической философии и психологии имеет смысл постулировать — принять на веру, поскольку они не выводятся из ранее доказанных положений или опыта. Но если их принять за основу педагогической философии и психологии, то они, на наш взгляд, обеспечат теоретическую основу для уважительного отношения ко всякой личности, создания благоприятной образовательной среды и разработки концепции духовного развития педагогического сообщества и формирования школы гражданского общества.

Ю. А. Данилова¹

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ В ШКОЛЕ

Школа является специфической моделью социальной среды. Одна из главных задач школы — подготовить ребенка к успешному включению в социум. Эта задача ложится на учителя, который является главным носителем общественных ценностей в школе. Именно учитель должен создать условия для того, чтобы у детей складывались адекватные представления о своих потребностях и возможностях; о том, каковы современные потребности общества, в каком гражданине оно заинтересовано, каковы могут быть направления изменений в обществе и в жизни каждого. На основании этой информации молодой человек выбирает то место во взрослом мире, которое позволит ему обеспечить себе определенное качество жизни. Это возможно, если учитель сам активно включен в процессы, происходящие в социуме. Только в этом случае школа сможет подготовить молодого человека, способного ориентироваться в актуальных жизненных проблемах и способах их решения.

Одной из глобальных проблем современного мира является экологическая проблема. Еще 15 лет назад представлялось возможным сформировать «экологически ответственного молодого человека» за счет введения в школьную программу предмета «экология». Однако только информирование о про-

блеме не обеспечивает формирования ценностного личного отношения к ней и в конечном счете не побуждает школьника к личным действиям. Второй возможный путь — формирование личного опыта через участие в решении проблемы или активное наблюдение за этим процессом.

В качестве экспериментальной площадки для отработки этой идеи был выбран Олонецкий административный район Республики Карелия, где с 1996 г. успешно реализуется серия международных экологических проектов под общим названием «Олония».

Координаторы проекта осуществили разработку и включение в школьную практику интерактивного урока «Олония — гусиная столица», цель которого — показать подросткам возможность взаимовыгодного и устойчивого сосуществования местных жителей и природы. Одним из важнейших результатов урока авторы считают развитие личного опыта учащихся, осознание ими себя как субъекта деятельности по улучшению собственного будущего.

За 5 лет удалось разработать, утвердить и выпустить пакет методических материалов для проведения урока «Олония — гусиная столица». Урок стал традиционным — он включен в программу ежегодных школьных мероприятий в рамках недели «Здесь родины моей начало». Подготовлены учителя-тьюторы и создана команда педагогов, активно участвующих в реализации внутренних проектов,

¹ Старший преподаватель кафедры теории развития образовательных систем Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования.

направленных на обеспечение устойчивого развития территории и достойного качества жизни населения. Удалось обеспечить преемственность, включая подростков в проектную деятельность взрослых, в частности в журналистскую работу.

Все это привело к тому, что сегодня уже около трети учителей района говорят о проектной деятельности по обеспечению устойчивого развития региона не на основе предоставленной им информации, а опираясь на личный опыт. Интерактивный урок оказался толчком, позволившим учителю затронуть чувства и эмоции подростков. Большинство учителей смогли в ходе урока существенно углубить теоретические знания учащихся. Претерпели изменения и ценностные ориентации подростков: впервые появилось чувство гордости за свою деревню, свой район; многие из них задумались над возможностью связать свою дальнейшую профессиональную деятельность с Олонецким районом.

Но, с другой стороны, именно специфические задачи урока «Олония — гусиная столица» оказались наиболее трудновыполнимыми. В числе этих задач — «привязка» теоретических знаний к конкретным условиям социума и окружающей среды,

самостоятельное определение школьником личных действий, направленных на повышение качества жизни через участие в проекте. Как и предполагали разработчики урока, самым сложным стал вопрос о роли и взаимоотношениях учителя и ученика. Учитель на этом уроке утрачивал привычную роль транслятора знаний, и ученикам приходилось занимать субъектную позицию, публично формулировать и предъявлять собственную точку зрения, что, в свою очередь, требовало от учителя и учеников способности принимать и понимать чужую точку зрения.

Во многом благодаря реализации образовательного компонента проекта в школах меняется структура отношений, у школьников и учителей увеличивается доверие и уважение друг к другу. Нередки ситуации, когда старшие школьники и их учителя становятся равноправными участниками временных рабочих групп по проведению тех или иных мероприятий. Школа в целом, учителя и ученики вместе включены в жизнь Олонецкого района, в изменения, которые происходят вокруг. Школа сделала еще один шаг по пути превращения в социальный институт, через который подростки включаются в социальную жизнь региона.

А. Н. Джуринский

ПОЛИКУЛЬТУРНОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК ОТВЕТ НА ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ МНОГООБРАЗИЕ

Сегодня в мире не осталось ни одного моноэтнического государственного образования; регионы и страны делаются значительно более мультикультурными, этнически диверсифицированными. Этническая и культурная диверсификация предполагает рассмотрение педагогических перспектив, обусловленных культурными и этническими различиями и направленными на преодоление возникающих в связи с этим конфликтов. Знание подобных перспектив — непременное условие для педагогов-исследователей, учителей, всех работников образования.

Исходя из этого, необходимо выявить оптимальные пути функционирования образования в условиях гетерогенной этносоциальной среды при соблюдении единой педагогической стратегии. Подобная стратегия означает эффективное воспитание и обучение, при которых учащиеся приобретают знания о людях, событиях, идеалах, готовятся к жизни в плюралистичном обществе.

Характеристика этнического и культурного многообразия не сводится к номенклатуре проживающих совместно субкультур, но имеет в виду множественные и многоуровневые макро- и субкультурные *формы идентичности общей национальной культуры*. Общациональная культура, следовательно, является одновременно следствием трансмиссии (преемственности и непрерывности развития) и диффузии (взаимопроникновения) культур.

При осмыслении феномена культурного многообразия возникают качественно иные проблемы взаимосвязи культуры и образования. *Идея единства в многообразии* является ключевой при

понимании воспитания в условиях культурного многообразия. Российская культура выступает как гетерогенная общность исторического опыта народов России. Применительно к России предпочтительно говорить не о сумме субкультур, а о складывающейся суперэтнической и суперкультурной идентичности. Следствием подобного многообразия оказывается сложная этнокультурная идентификация на уровне отдельной личности.

Культурное многообразие представляет для образования сложности, связанные с языковой, культурной и ментальной разнородностью социума, что требует диалога национальных и общечеловеческих культурных ценностей. Воспитание и обучение предстают интегративным процессом, в центре которого находится личность как участник такого диалога. В современных условиях философско-педагогический принцип культуросообразности приобретает новое звучание и означает рассмотрение вопросов воспитания и образования в пределах широкой социальной панорамы многообразных макро- и субкультур.

При анализе воспитания и образования в условиях многокультурности и многоэтничности следует исходить из *принципов релятивизма*. Всякая общациональная поликультура всегда этнически конкретна. В реальных проявлениях она предстает перед нами как специфические макро- и субкультуры.

Концепция воспитания и образования в условиях этнокультурного многообразия предполагает, что всякая культура и ее представители обладают особыми, незаменимыми духовными ценностями и что общество и культура теснейшим образом

зависят друг от друга. При этом отвергается какая-либо неравноправная иерархия субкультур. Имеется в виду, что в многокультурном и многоэтническом социальном образовательном пространстве главное место занимает отдельный человек. Подобный антропологический подход является философским и педагогическим императивом и означает, что необходимо, опираясь на разнообразные знания о человеке, помочь путем воспитания и обучения обрести каждому индивиду достойное место в этнически и культурно диверсифицированном мире.

Воспитание и образование в условиях этнокультурного многообразия означает определенное видение совместного проживания и воспитания представителей различных цивилизаций, религий, этнических групп. В идеале речь идет об устранении неравных социальных, экономических возможностей расовых и этнических групп и тем самым о переводе проблемы этнокультурного многообразия в сферу *мультикультурного воспитания*.

Такое воспитание понимается нами как деятельность в полиэтнической и поликультурной среде в виде комплекса мер по обучению и воспитанию с целью педагогического решения проблем взаимоотношений этносов и культур в пределах общего государственного пространства.

Поликультурное воспитание и образование трансформирует культуры, составляющие многокультурность. В результате возникает некая «транскультурная идентичность» как основа общенациональной культуры.

Поликультурность как детерминант воспитания и образования приобретает новые качества вследствие нарастания взаимопроникновения культур через различные каналы коммуникации, в условиях,

когда поликультурная идентичность приобретает все более дифференцированный характер в этническом, религиозном, светском и иных культурных планах. Видоизменяются направления воспитания и образования. Приоритетом становится воспитание уважения к любым «образам мира», когда педагогическим принципом является формула: «Культура моего народа не лучше и не хуже культуры любого другого народа, в ней может быть то, чего нет в других культурах, но может присутствовать многое, что присуще другим культурам; следовательно, мое духовное обогащение зависит от моего умения вступать в диалог с иными культурами».

Чем глубже вызванные культурным многообразием общественные изменения, тем сложнее задачи воспитания. По мере усложнения многокультурности и многоэтничности возникают новые конфликты между субкультурами, решать которые следует, в частности, с помощью поликультурного воспитания.

Каковы социальные и педагогические перспективы решения проблем, порожденных этнокультурным многообразием? Возможные конфликты нельзя разрешить, если субъекты этнокультурного многообразия будут существовать изолированно друг от друга. Для смягчения противоречий необходима адаптация и конвергенция в пределах культурного многообразия. Каждый групповой и индивидуальный субъект такого разнообразия должен признать, что является одним из многих, и не претендовать на монополию, идти на определенный компромисс во имя гражданского мира, сохранения общенациональной идентичности и культурно-образовательного пространства. Такой компромисс призвано осуществить поликультурное воспитание.

И. В. Дубровина¹

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ШКОЛЫ

Школа — один из важнейших социальных институтов. Влияние школы распространяется на все другие социальные институты и на общество в целом. Все они, так или иначе, входят в образовательное пространство школы. Кроме того, школьные годы являются сенситивным периодом для приобщения человека к культуре. Взаимодействуя, культура и образование не только определяют сущность и общий уровень развития общества, но и оказывают глубокое влияние на каждого человека, на перспективы его личностного и социального развития.

Любая образовательная программа в школе включает много учебных предметов, каждый из которых позволяет соприкоснуться с наукой как с частью культуры. Любой предмет вводит ребенка в пространство своих культурных значений, расширяя тем самым мировоззренческий горизонт, создавая условия для его развития.

Однако психология в этом образовательном пространстве сегодня не представлена. Между тем

матры отечественной философии, психологии, педагогики, культурологии не только придают первостепенное значение культуре как условию развития человека, но подчеркивают психологический контекст постижения культуры. Психология вносит в общую культуру понимание уникальности, сложности и ценности человека и его жизни. Одна из специфических особенностей психологической культуры состоит в том, что индивидуально неповторимое в человеке она принимает как данность. Очевидно, что без исходного представления о неповторимости, масштабности и ранимости внутреннего мира человека нельзя полноценно объяснить никакое психическое проявление и поведение людей.

Ученые выделяют такое присущее человеку психологическое свойство, как интеллигентность. Свойство интеллигентности, по словам Ю. М. Лотмана, является определенным культурным достижением человечества, принадлежит человечеству в целом. Можно предположить, что интеллигентность — это высшая форма проявления сущности психологической культуры человека. Основу психологической культуры личности составляют психологические знания, оплодотворенные

¹ Заведующая кафедрой Московского городского психолого-педагогического института, заместитель председателя бюро Отделения психологии и возрастной физиологии РАО, доктор психологических наук, профессор.

гуманистическими ценностями. Такие знания реализуются в обществе с позиций уважения, любви, совести, ответственности, бережного отношения к человеческому достоинству. Нравственные принципы, благородство чувств, которые выражаются в способности человека к тонким переживаниям, глубокому сопереживанию, в способности поступать великодушно, являются сутью психологической культуры личности.

Воспитание психологической культуры невозможно без определенного уровня психологической грамотности, важным содержательным аспектом которой, по справедливому замечанию Е. А. Климова, является собственно научная — пусть элементарная, но истинная — осведомленность о фактах и закономерностях, характеризующих субъективный мир человека.

Проблема преподавания психологии в школе не нова. П. П. Блонский, К. Н. Корнилов, А. П. Нечаев, Б. М. Теплов, Г. А. Фортунатов, Г. И. Челпанов и другие рассматривали преподавание психологии в школе как важное направление деятельности психологов в системе общего образования. Они утверждали, что психология необходима как предмет общего образования, так как она формирует целостное мировоззрение ребенка: учит его взаимодействию не только с окружающей действительностью, но и с людьми и с самим собой.

С учетом изложенных проблем в Психологическом институте РАО разработан курс психологии для средней общеобразовательной школы. Учебная программа школьного курса уже более 11 лет проходит успешную апробацию в школах Москвы, Омска и др. Целью психологического образования в школе можно считать овладение школьниками основами психологической культуры. Эта цель предполагает развитие психологической готовности молодого человека к полноценному и позитивному взаимодействию с миром природы, миром людей, миром культуры, с собственным внутренним миром. Специальной задачи профессиональной ориентации в области психологии не ставится. Знание психологии нужно каждому молодому человеку, какому бы профессией он ни выбрал.

Представляется, что учебный предмет «психология» может пониматься как «зона ближайшего развития» личности школьника — постепенное введение ребенка в мир ответственных и все более усложняющихся отношений, в мир чувств и переживаний, в мир знаний и культуры. Психологическое образование в школе можно рассматривать в контексте профилактики асоциального поведения школьников, негативных моментов в их отношении к людям разных национальностей, разного социального статуса, к дружбе, любви, к созданию в будущем своей семьи, к рождению и воспитанию детей и пр.

Э. В. Екеева¹

ТРАДИЦИОННАЯ ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК ОСНОВА ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ

Известно, что качество любой образовательной системы определяется не столько типом учебного заведения, сколько уровнем организации занятий учащихся и профессиональными качествами педагогов. Поэтому мы считаем, что, в какой бы школе ни работал педагог, ему необходимо знать о достоинствах и недостатках современных школ, организовывать свою учебную и воспитательную деятельность на основе ценностей своего народа. В связи с этим надо отметить, что условия для всестороннего и гармонического развития ребенка с учетом особенностей национальной культуры пока не созданы.

Среди совокупности культурно-исторических предпосылок и условий становления и развития образовательной системы особое место принадлежит этнопсихологическим качествам, особенностям бытия и профессиональной деятельности народа, которые формировались веками в соответствии с природными условиями, под влиянием окружающей среды. Важным фактом является признание функции традиционной педагогической культуры как основы просвещения многих народов. Например, народы от поколения к поколению формировали этнические стереотипы поведения, личностные качества. К сожалению, сегодня у педагогической науки нет ясного представления о соотношении

традиционных и национально-региональных форм наследования духовной культуры. Эта проблема обсуждается общественными науками, где нередко допускается противопоставление традиционной и национальной культур. Традиция рассматривается как феномен, характерный для всей общественно-исторической практики, способ передачи опыта поколений. Сутью этого способа, свойственного исключительно человеческому обществу, является то, что здесь реализуется преемственность культуры через буквальное подражание прошлому, стихийное переосмысление унаследованных образцов. В традиции не только осуществляется воспроизведение заданных опытом схем деятельности, но и происходит их отбор, ретроспективно оценивающий этот опыт. Исходя из этого, ясно, что повышение качества образовательной системы — это прежде всего активизация передачи опыта поколений и развитие у сегодняшней молодежи навыков по передаче унаследованного от предков опыта будущим поколениям.

К сожалению, изучение проблем осознания себя, своего места в цепи поколений, переживания себя как связующего звена между прошлым и будущим не ставится и сегодня. Педагогике и психологии необходимо научно осмыслить природу связи между поколениями с точки зрения деятельностного подхода, генезиса развития личности. Основываясь на этом положении, мы считаем, что в образовательную

¹ Доцент кафедры экономической и социальной географии Горно-Алтайского государственного университета, кандидат педагогических наук.

систему необходимо вводить определенные ситуации, связанные с формирующим влиянием национальной культуры, когда возникает возможность передавать культуру следующим поколениям. Тогда молодые люди осознают свою роль в сохранении и развитии самобытности, психологического, этнического своеобразия своего народа. Все это требует нового подхода к построению образовательной системы, где содержание и структура учебно-воспитательной работы оптимально содействуют осознанию и адекватному восприятию традиций и духовной культуры этноса как части своей жизнедеятельности. В первую очередь для этого нужна подготовка педагогов с новым мышлением, способных решать сложнейшие социально-педагогические, национально-региональные задачи исторического значения.

Обучение следует организовать на основе содержания и форм, извлеченных из жизненного контекста так, чтобы не прервалась связь учебно-

го материала с реальной действительностью, связь поколений. Основой такого обучения может послужить народная педагогика — «школа без обучения», где личность развивается в естественных или природосообразных условиях. Например, ребенок в семье в нормальных условиях к 10–12 годам полностью усваивает комплекс навыков и знаний по ведению домашнего хозяйства в месте своего проживания. Эти умения и знания осваиваются без специального обучения в процессе повседневной жизнедеятельности ребенка, в совместной деятельности со взрослыми. Такая совместная деятельность детей и взрослых обеспечивает преемственность поколений.

Таким образом, необходимо развитие нового мышления в профессиональном самосознании педагогов. Традиционная педагогическая культура должна рассматриваться как основа реформирования современной образовательной системы.

В. И. Ерошин¹

УПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЕМ ПОЛИКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Под *поликультурным образованием* мы понимаем образовательную систему в культурно разнородном социуме, обеспечивающую гармонию в реализации гуманистической основы и этнокультурной направленности учебно-воспитательного процесса на базе мировой культуры с целью прогрессивного развития личности, социума и человечества в целом.

Многонациональность остается важнейшей особенностью нашей страны. Однако теперь, при смене социально-экономических ориентиров, вопросы межнациональных отношений, обеспечения поликультурности в полиэтнической среде должны решаться по-новому. К сожалению, четких ориентиров для того, чтобы эти вопросы решались эффективно, до самого последнего времени не было выработано.

Какими ресурсами мы обладаем для того, чтобы средствами образования успешно решать задачи обеспечения устойчивости, стабильности и консолидации общества в условиях роста его социального, этнического, религиозного, культурного разнообразия? Исключительная роль здесь принадлежит научным исследованиям, посвященным поиску путей гуманитаризации и гуманизации образования, определению важнейших характеристик нового социально-культурного типа личности, которая должна формироваться в образовательном процессе при сочетании общекультурного развития и всемерного сохранения национальных и региональных культурных традиций.

За последние годы произошло определенное накопление инновационных практик, позволяющих в той или иной мере решать проблемы образования на принципах поликультурности. Наибольшую активность проявляют образовательные учреждения, которые отрабатывают как отдельные элементы образовательного процесса в виде новых образова-

тельных программ, инновационных технологий, так и целостные модели педагогических систем, построенных на принципах поликультурности.

В то же время именно разрозненность инновационного опыта, его фрагментарность, ограниченность и недостаточная в целом эффективность свидетельствуют о существенных недостатках в управлении этим процессом. Мы можем уверенно говорить о том, что поликультурное образование еще не стало самостоятельным объектом управления, в отношении которого осуществляется полный комплекс управленческих действий, когда собирается и анализируется необходимая информация, выявляются проблемы, ставятся обоснованные цели, разрабатываются и реализуются необходимые целенаправленные решения.

Нами разработаны основные подходы к анализу проблем поликультурного образования в регионе. В качестве общей теоретической основы выбраны схема и процедуры проблемно-ориентированного анализа, который предусматривает три этапа: анализ *целей и результатов* поликультурного образования; анализ *процесса* поликультурного образования; анализ *условий его реализации*. Основным инструментом системно-целевого управления выступают *целевые программы*, обеспечивающие направленность и интеграцию действий и ресурсов для достижения определенной цели. Ключевым понятием для любой целевой программы является понятие цели, в данном случае цели поликультурного образования.

Если поликультурное образование воспринимать как образование нового типа, как инструмент создания благоприятного демократического и гуманистического социального климата, как средство гармонизации отношений представителей различных культур, то, на наш взгляд, цели поликультурного образования в современной России должны

¹ Директор Института управления образованием РАО (Москва), член-корреспондент РАО, доктор педагогических наук.

строиться вокруг следующих основных ориентиров:

- этнокультурной и социокультурной идентификации личности;
- освоения системы понятий и представлений о разнообразии культур в мире, стране, на территории проживания;
- воспитания установок толерантного сознания;
- развития умений и навыков конструктивного взаимодействия с представителями иных культур.

В теории управления выработаны подходы, позволяющие формировать оптимальную структуру региональных программ развития поликультурного образования. Прежде всего речь идет о функциональной направленности подпрограмм. Как правило, часть подпрограмм должна реализовывать *целевую функцию*, то есть отражать стратегические целевые приоритеты и вносить непосредственный вклад в достижение новых результатов поликультурного образования, а другая часть — выполнять *обеспечивающую функцию*, направленную на создание условий для достижения этих новых целей, аккумуляцию необходимых ресурсов. Так, например, это могут быть подпрограммы:

- развитие дошкольного образования на принципах поликультурности;
- духовно-нравственное воспитание в школе;
- дополнительное образование как пространство диалога культур;
- профессиональное педагогическое образование на принципах поликультурности;
- формирование поликультурной среды и др.

Состав *обеспечивающих подпрограмм* определяется видами основных ресурсов, которые необходимы для развития поликультурного образования, — кадровых, научно-методических, информационных, нормативно-правовых.

В рамках предложенного подхода немалую сложность представляет создание *организационной структуры управления* разработкой и реализацией программы развития поликультурного образования в регионе. Ее основные идеи могут быть эффективно реализованы только в случае создания организационных механизмов, предполагающих максимальное привлечение к разработке и реализации программ педагогических работников и управленцев всех уровней, представителей общественности, органов самоуправления образовательных учреждений, то есть всех, кого затронут предполагаемые изменения. Исключительную роль в данном случае приобретают все формы государственно-общественного управления, согласующиеся с региональными и этническими нормами и традициями.

Разработка и реализация региональных целевых программ развития поликультурного образования может стать эффективным инструментом, обеспечивающим формирование у детей установок толерантного сознания — реальное изменение ценностных установок, определяющих отношение к другой культуре, к ее носителям, более положительное восприятие ими культурных различий на уровне непосредственного социального взаимодействия, более негативное отношение к проявлениям экстремизма и насилия и т. д. Кроме того, благодаря реализации специальных подпрограмм может быть обеспечено повышение профессиональной компетентности педагогов в области поликультурного образования. Немаловажно, на наш взгляд, и то, что подобные программы и проекты будут способствовать формированию и закреплению образцов управленческой культуры и управленческих технологий, позволяющих успешно решать задачи развития российского образования на принципах поликультурности.

С. В. Левковец

ОБРАЗ ШКОЛЫ. ПРЕОДОЛЕНИЕ СТЕРЕОТИПОВ (По материалам биографии Д. С. Лихачева)

Д. С. Лихачев очень не любил стереотипы и безликие «ускучняющие теории», а лучшим средством борьбы с ними было его умение создавать на основе фактического материала прекрасные живые образы. Образ полнее раскрывается как оппозиция стереотипу. Эти два понятия имеют схожие характеристики: обобщенность, сочетание субъективности и объективности. Различие между ними состоит в том, что, создавая образ, ученый руководствуется собственным чувством или научной интуицией, позволяющими ему увидеть за деталями целое, а стереотип является обобщением субъективных суждений множества людей. Хотя стереотип часто противоречит фактам, он претендует на объективность и действительно становится фактом нашей жизни, с которым приходится считаться.

Одним из штампов, который следовало бы изъять из обращения, является деление школ на плохие и хорошие.

По оценке Дмитрия Сергеевича, все школы, в которых он учился, были хорошими. Но учеником

первой своей школы — гимназии Человеколюбивого общества — Митя Лихачев был совсем недолго и каждый вечер молился о том, чтобы заболеть и не посещать уроки. И действительно заболел. В результате оставшаяся часть года его учила польская девочка, нанятая родителями. В школу, но уже в другую, он вернулся лишь в 9 лет. Почему же так неудачно сложилась учеба будущего академика в гимназии? Неужели в детстве он был плохим учеником?

В связи с биографией Дмитрия Сергеевича необходимо отметить, что его родители имели счастливую возможность просто продолжить обучение ребенка на дому и тем самым решить возникшую в школе проблему. Сегодня, чтобы учить ребенка до 9 лет дома, им пришлось бы потратить гораздо больше усилий для оформления семейного или домашнего обучения. Немногие родители на это решаются, предпочитая переводить не совсем готового к учебе ребенка из одной школы в другую, только усугубляя этим его положение. И в этом тоже сказывается стремление действовать по шаблону, чтобы

ребенок был «как все», и не искать нестандартного решения. Ведь общество полагает, что если ребенок отличается от других и не может посещать школу, то он непременно ущербный, а это совсем не так. И биография Д. С. Лихачева — тому подтверждение.

Еще один стереотип, существующий давно в нашем обществе, в том числе и в отношении образования, можно сформулировать так: «во всем виноваты немцы» (или американцы). Вместо этого предлагается, вдохновляясь идеями Д. С. Лихачева, создавать свои, русские школы. Но парадокс заключается в том, что будущий выдающийся ученый учился в петербургской гимназии К. Мая, которая была создана немцами и для немцев. Вся атмосфера школы вполне отвечала духу немецкой гимназии. В ней царили порядок, внутренняя дисциплина и практичность, что вовсе не отменяло хорошего отношения к детям. Школа давала прекрасные знания, из нее шла прямая дорога в Университет.

Уже в начале XX в. в России наметились новые тенденции в области образования. Достаточно вспомнить творческую атмосферу Петербурга того времени, новые философские идеи, бурное развитие науки в Университете, превратившемся в это время в европейский научный центр и давшим нам ученых с мировым именем. Эта атмосфера существовала после революции совсем недолго, но она успела охватить и школы. Здесь организовывались литературно-философские кружки, проводились диспуты, открыто обсуждались мировоззренческие вопросы. Одной из таких школ была Советская трудовая школа имени Л. Д. Лентовской, в которой Дмитрий Сергеевич продолжил свое обучение в старших классах и которую окончил в 1923 г. В отличие от гимназии К. Мая, здесь не придерживались старых традиций, а с надеждой смотрели в будущее и видели в своих учениках поколение строителей нового общества.

Отношения между преподавателями и старшеклассниками в школе Лентовской, в отличие от гимназии К. Мая, были не семейные, а скорее дружеские. Учителя и ученики совместно посещали философский кружок, обменивались литературой,

спорили, вместе искали истину. Именно в школе начинало складываться собственное мировоззрение учеников. Как утверждал Д. С. Лихачев, взгляды невозможно сформировать, но можно создать условия, при которых формирование собственного мировоззрения станет для ученика необходимым.

Пример школы Лентовской показывает, что российская школа начала XX в. была способна предложить нечто новое в области образования. Она отходила как от знаниевой парадигмы, так и от выполнения прямого социального заказа, особенно интересовалась личностью старшеклассника, создавала благоприятную среду для его нравственного развития. Именно это, а не формирование какого-то определенного взгляда на жизнь, необходимого всему обществу или отдельной социальной группе, было смыслом работы учителей. Личные результаты ученика были в центре их интересов.

Как показывают ученические годы Д. С. Лихачева, результаты обучения, которые мы часто рассматриваем как школьные, в большой степени являются итогом общего развития ребенка. В нем участвует все его социальное окружение, лишь частью которого являются педагоги. И здесь мы сталкиваемся с еще одним, самым устойчивым стереотипом, бытующим в нашем обществе. Мы полагаем, что в нашей стране только государство отвечает за образование, и все его плюсы и минусы связаны с плюсами и минусами государственной школы.

Но в действительности ответственность за ребенка почти целиком лежит на семье. Раньше семейные традиции во многом определяли судьбу ребенка, в том числе и выбор профессии. Если до конца XIX в. это было оправдано, то сегодня мы не можем и не должны определять будущее ребенка. Оно слишком непредсказуемо. Мы должны позаботиться, прежде всего, о его здоровье, об условиях, в которых он развивается, и о самостоятельности его мышления. Только так ребенок сможет быть адекватен современному миру. А для этого родитель тоже должен научиться формировать собственное суждение, по возможности избавляясь от стереотипов, навязываемых ему обществом.

Л. И. Лубышева¹

СПОРТИЗАЦИЯ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ШКОЛ РОССИИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ СПОРТИВНОГО СТИЛЯ ЖИЗНИ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ

Проблема формирования спортивного стиля жизни школьников является одной из наиболее острых и требует принятия действенных мер.

Наиболее эффективным путем спортивной социализации и формирования здоровья детей является коренное улучшение физкультурно-спортивной работы в образовательных учреждениях. В структуре школьного учебного плана единственным «практическим» предметом, непосредственно направленным на здоровье и организацию физи-

ческой активности учащихся, является предмет «физическая культура». На учебных занятиях, если они методически правильно организованы, возможно путем использования систематических физических нагрузок повышать уровень физической подготовленности, улучшать физические данные школьников, формировать спортивный стиль жизни.

Сегодня специалисты активно обсуждают вопросы организации физкультурно-спортивной работы среди детей, подростков и молодежи. Существует множество разных подходов к решению проблемы вовлечения детей в сферу активного досуга. В одних проектах акцент делается на

¹ Профессор кафедры философии, социологии и теории олимпийского воспитания Российского государственного университета физической культуры (Москва), доктор педагогических наук.

расширении секционной работы в школе, в других — на развитии физической культуры по месту жительства, создании спортивных клубов, центров и расширении системы соревнований.

Как показывают результаты наших исследований, можно существенно улучшить положение дел в общеобразовательных учреждениях, активно внедряя процесс спортизации. Под спортизацией мы понимаем *активное использование спортивной деятельности, спортивных технологий, соревнований и элементов спорта в образовательном процессе с целью формирования спортивной культуры учащихся.*

К наиболее оригинальным инновациям, способным существенно улучшить систему спортивного воспитания, относятся следующие:

- спортивно ориентированное физическое воспитание;
- спортивная культура как учебный предмет в общеобразовательной школе;
- школьный спортивный клуб;
- школьная спортивная команда.

Предложенные нами проекты спортизации общеобразовательных школ нуждаются в разработке механизмов внедрения в массовую физкультурно-спортивную практику. Опыт организаций спортивно ориентированного физического воспитания выявил наиболее значимые направления, обуславливающие успешное внедрение проектов: информационно-образовательное, технологическое и правовое.

Технологический механизм внедрения спортизации требует последовательной цепочки следующих действий:

- проведения предпроектного исследования;
- разработки среднесрочной программы преобразований по внедрению инновационной технологии;
- подготовки пакета регламентирующих документов;

- организации процесса повышения квалификации учителей и тренеров, привлеченных к внедрению проектов;

- организации постоянно действующего медицинского контроля с целью проведения мониторинга физического состояния учащихся;

- разработки организационно-методического сопровождения инновационной деятельности;

- осуществления контроля и комплексного анализа результатов внедрения.

Правовой механизм внедренческой деятельности является наименее разработанным звеном, поскольку в каждом случае он требует адаптации к специфическим условиям школы. Механизм правового обеспечения в первую очередь требует отработки взаимодействия заинтересованных управленческих структур: общеобразовательной школы как главного звена во внедрении новшеств, органов управления образованием и физической культурой на уровне субъекта федерации.

Информационно-образовательный механизм внедрения может успешно обеспечить кампания по развертыванию инновационной деятельности, организуемая специализированными СМИ. Важным источником информации могут стать интернет-сайты, специализированные научные порталы, такие как, например, www.teoriya.ru. Основная идея информационно-образовательной кампании по развертыванию процессов спортизации общеобразовательных школ состоит в том, чтобы довести до сведения специалистов в сфере физической культуры и образования возможности модернизации системы физического воспитания путем использования спортивных технологий.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть, что успешное внедрение инновационных процессов в физическом воспитании возможно при условии запуска всех механизмов, обеспечивающих модернизацию физического воспитания на основе использования спортивных технологий.

Т. А. Скопицкая

НА ПУТИ К УСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ ЧЕРЕЗ ШКОЛЬНУЮ СИСТЕМУ ОБРАЗОВАНИЯ

Определяя понятие «образование для устойчивого развития», Европейская экономическая комиссия ООН в области образования подчеркивает, что образование в интересах устойчивого развития отражает смысл исходного понятия «устойчивое развитие», которое определяется как развитие, «удовлетворяющее потребности настоящего времени, не ставя под угрозу возможности будущих поколений удовлетворять их собственные потребности».

Устойчивое развитие представляет собой комплексную проблему, охватывающую экономические, экологические и социальные аспекты. Иными словами, развитие необходимо для удовлетворения потребностей людей и улучшения качества их жизни. Устойчивое развитие сосредоточено на решении сегодняшних проблем с учетом завтрашних потребностей.

Вторая составляющая понятия образования для устойчивого развития — собственно образование, рассматриваемое как обучение и воспитание. Образование — инструмент позитивных изменений в отношении людей к окружающей среде, в их сознании и поведении, а также в обществе в целом.

Каждая школа может построить свою жизнь, основываясь на принципах устойчивого развития. Уроки сотрудничества, самоуправление, демократия, взаимоуважение, связь с местным сообществом и участие в международных проектах — доступные составляющие «устойчивого» уклада жизни школы. К сожалению, в проектах экологического и гражданского образования для устойчивого развития общества принимает участие не очень большое число школ и учителей. Это объясняется тем, что целостная концепция образования для устойчивого развития пока

еще не создана на уровне методического обеспечения и не закреплена в нормативных документах.

Какой должна быть система образования с точки зрения концепции устойчивого развития? Отвечая на этот вопрос, мы придерживаемся положения новосибирского ученого А. Черепанова: «демократическое общество может чувствовать себя безопасным и развиваться устойчиво, если система образования соответствует, по крайней мере, двум требованиям:

— образовательное пространство должно быть таким, чтобы даже самый слабый ученик был обучен и воспитан настолько, чтобы его действия (и в молодости, и во взрослой жизни) не представляли угрозы ни для общества, ни для него самого;

— качество подготовки лучших учеников должно быть таким, чтобы они смогли стать первоклассными профессионалами, способными справляться с самыми сложными проблемами и задачами современной жизни.

Если школа не обеспечивает выполнения этих положений, то говорить об устойчивом развитии общества не придется.

За основу можно взять список компетенций, составленный Европейским комитетом по вопросам образования, и Декларацию прав культуры Д. С. Лихачева. Опыт образовательных учреждений показывает, что ориентация на список обозначенных компетенций — это ответы на вопросы: «что?», «как?», «зачем?» А Декларация прав культуры Д. С. Лихачева указывает, что «сотворенная человеком материальная и духовная среда обитания, а также процессы создания, сохранения, распространения и воспроизводства норм и ценностей, способствующих возвышению человека и гуманизации общества — есть обязательная часть организации жизнедеятельности школы как образовательного пространства для подростков и юношества».

При этом в рамках любого учебного предмета и в организации воспитательной работы есть воз-

можность опереться на основные содержательные линии образования для устойчивого развития:

— взаимосвязи — в обществе, экономике, природе;

— гражданственность, права и ответственность человека;

— потребности и права будущих поколений;

— культурное, социальное и биологическое разнообразие;

— качество жизни, равноправие и социальная справедливость;

— будущее — прогнозируемое и непредсказуемое.

Эти положения не изменяют содержания современного образования, а наполняют его новыми характеристиками и приоритетами.

Образование для устойчивого развития должно восприниматься нами как процесс личностного и социального развития, который фокусируется на эстетических, моральных и духовных потребностях учащихся в такой же степени, как и на познавательных потребностях. Помимо содержания (чему учить?), для образования в интересах устойчивого развития важен и сам процесс обучения (как учить?), точнее, процесс учения, где для ученика существует возможность:

— ориентироваться в мире информации, критически ее осмысливать;

— выражать и отстаивать свою точку зрения, слушать и слышать других;

— делать обоснованный выбор между альтернативами, анализировать и признавать реальные потребности и возможности людей;

— работать в сотрудничестве, учиться взаимодействовать и договариваться, общаться и уважать принятые решения;

— прогнозировать последствия своих действий, активно и ответственно участвовать в жизни школы и общества.

Секция 11

ИДЕИ ДМИТРИЯ ЛИХАЧЕВА И СОВРЕМЕННОСТЬ

(Лихачевский форум старшеклассников России)

23 мая 2008 г. Театрально-концертный зал им. А. П. Петрова СПбГУП

Руководитель секции

ЛИХАНОВ Альберт Анатольевич

академик РАО, Почетный доктор СПбГУП, председатель правления Российского детского фонда, писатель

А. А. Лиханов

ВВЕРХ ПО ЛЕСТНИЦЕ, ВЕДУЩЕЙ К СОВЕРШЕНСТВУ

Дорогие юные друзья! Прежде всего хочу поздравить вас с победой. Ведь все вы, 700 участников финала Лихачевских сочинений, приехав в Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов, — одержали победу. Победу в первую очередь над собой, над рутинной школьной повседневности, над обычностью текущей жизни, потому что вы прикоснулись к творчеству Дмитрия Сергеевича Лихачева, отыскали в нем нечто, задевшее вас, и изложили свою позицию, опять же приподнявшись над обыденностью.

Вообще творчество Лихачева — материал, не очень подходящий для школьного прочтения, ведь этот замечательный ученый слыл специалистом по древнерусской литературе. Однако, как всякий крупный исследователь и вообще выдающаяся личность, он добился важных достижений в иных областях знаний, владел культурой в самом широком понимании этого слова, был носителем нравственности, самодостаточным философом. Честь и хвала вам за то, что вы продемонстрировали высокую зрелость, поняв и приняв личность Лихачева в его удивительном многообразии, и откликнулись на его заветы творчески — вашими сочинениями.

Наша жизнь, дорогие друзья, подобна лестнице. Она начинается на земле, во прахе, а завершается в небесах. Каждому из вас предстоит совершить нелегкий подъем, требующий знаний, упорства, верности в служении и силы.

Полагаю, что своим сочинением на Лихачевскую тему вы делаете первый шаг в вашем предстоящем подъеме. Этот труд, может быть, впервые потребовал от вас усилий, выходящих за пределы школьного бытия, а это значит, что вы, если хотите, досрочно преодолели то, что задано учителями, и решили задачу, поставленную вами самими перед собой. Это, дорогие друзья, и есть творчество. Только почувствовав его вкус — вкус творчества, можно стать создателем, творцом, делателем.

Глядя на вас, без конца думая о детях времени настоящего, я, скажу вам честно, сочувствую вам и жалею вас. Сам я из племени детей войны. Надо ли говорить, какие испытания выпали нашему поколению: и голод, и похоронки на убитых отцов, и всеобщая бедность, и сама смерть. Но мы жили единой жаждой победы — порывом страны и народа и были детьми своей страны. Тогда не было телевизора и прочих развлечений, трофейный фильм шел по 2–3 месяца кряду, но были библиотеки и были

книги, и они стали нашей духовной лестницей, по которой взбирались вверх все — без исключения, без социальных, национальных и иных различий.

На вас, сегодняшних, наваливается тяжелое бремя искушения. Телевизор, подавляя насильем, внушает, что деньги важнее всего. Многие из вас сломаются, не выдержат развращающего давления. Но вы изо всех сил противьтесь насилию, тянитесь к светлему! Ваши сочинения — это первый шагок наверх, к истинному совершенству.

Есть такой термин — душестроительство. Тем, что вы сделали еще на школьной скамье, вы заложили первый кирпич в строительство своей души, в собственные устои, представления о важных человеческих достоинствах; проявили интерес к делу, самостоятельность выбора, наконец, собственное, не со стороны принятое, мнение о предмете, попытку осмыслить жизнь, раскинувшуюся перед вами.

Все это дорогого стоит.

И коли уж вы стоите на первых ступеньках нашего восхождения ввысь, хочу вам показать три книги, изданные Детским фондом и названные одинаково — «Заветное».

Прежде всего это книга Д. С. Лихачева, вобравшая в себя краткие тезисы, отдельные мысли, короткие эссе, которые приближают его к вам. Еще одна книга «Заветное» — великого русского писателя Виктора Петровича Астафьева. Третье «Заветное» принадлежит перу гениального композитора современности — Георгия Васильевича Свиридова.

Эта трилогия представляет собой как бы единый звук, одно слово, один посыл. Классики духа передают вам свои главные представления о духовности, о нравственности, поэтому эти три книги, как вместе взятые, как и каждая в отдельности, становятся *учебниками нравственности*.

И тут я хочу подчеркнуть следующее.

Передача последующим поколениям своих духовных воззрений — великое, обогащающее начало. Грош цена людям, которые полагают, что до них ничего не было. Честь и хвала тем, кто, здраво перенеяв опыт и поиск предшественников, развивает их знания и нравственные установления и двигает вперед, хоть на чуточку, человеческий прогресс.

Желаю вам праведных трудов, творческих мук, бесконечности поисков, тягостных страданий во имя истины, но и радости душевной, и отыскания чести, и преодоления, и, наконец, побед во имя все тех же целей тоже желаю искренне, с душевной любовью!

А. Д. Григорьева¹

САМАЯ БОЛЬШАЯ ЦЕННОСТЬ В МИРЕ — ЖИЗНЬ...

Участие в конкурсе «Идеи Д. С. Лихачева и современность» стало для меня настоящим праздником, увлекательным и полезным. В моей жизни имя Дмитрия Сергеевича занимает особое место. Учителя в школе часто говорят, что ответы на все жизненные вопросы можно найти в литературных произведениях. Лично я нужные мне ответы нахожу в потрясающей, маленькой по объему, но невероятно емкой по содержанию книге «Письма о добром».

2006 г. в нашей стране был объявлен Годом Дмитрия Сергеевича Лихачева. В школе на многих уроках звучало его имя, а на занятиях по литературе мы обсуждали цитаты из его книг, писем и интервью. Стены нашей школы были украшены портретами академика Лихачева. Ученики не могли не заинтересоваться его личностью. И я не стала здесь исключением.

Методический центр Центрального района Санкт-Петербурга провел конкурс, посвященный Дмитрию Сергеевичу Лихачеву, в котором я участвовала и заняла 1 место. В процессе подготовки к конкурсу я, конечно, читала книги Дмитрия Сергеевича, искала информацию о нем, в обилии присутствующую в Интернете. Тогда я и узнала о сайте «Площадь Лихачева» Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов и о конкурсе «Идеи Д. С. Лихачева и современность».

После районного конкурса было еще несколько различных мероприятий, посвященных Дмитрию Сергеевичу, и я очень старалась не пропустить ни

одного из них — не только чтобы проявить себя, но и для того, чтобы узнать что-то новое об этом удивительном человеке. Внимательно слушала работы других ребят, в которых они говорили об академике, о его заслугах, о его замечательном характере...

По совету моей любимой школьной учительницы Ирины Александровны Никифоровой я решила принять участие в конкурсе «Идеи Д. С. Лихачева и современность», проводимом Санкт-Петербургским Гуманитарным университетом профсоюзов. В процессе подготовки к конкурсу мне стало понятно, что участие в нем будет итогом двух лет моей жизни, а творческая работа на тему «Самая большая ценность в мире — жизнь...» объединит все мои мысли, эмоции, знания, связанные с именем академика и неповторимого человека — Дмитрия Сергеевича Лихачева.

Написать больше, чем уже написано, наверное, невозможно. Лихачеву посвящали журналы и книги, научные работы, биографические статьи... Но ведь даже из всех этих источников не узнать всего. А хочется понять каждую его мысль, услышать мнение о каждом явлении, действии, слове, просто задать вопрос, посоветоваться с ним. Так родилась форма итоговой работы — эссе. Я как будто задала Дмитрию Сергеевичу все самые главные интересовавшие меня вопросы, сама рассуждала над каждым из них, пробовала даже спорить — то ли сама с собой, то ли с воображаемым собеседником.

М. В. Русинова¹

РАЗМЫШЛЕНИЯ О СУЩНОСТИ КУЛЬТУРЫ

Свое выступление я хочу начать со слов Дмитрия Сергеевича Лихачева: «Чем больше культура вбирает в себя, тем больше она отдает». Культура стала для Дмитрия Сергеевича не только объектом исследования, но и делом всей его жизни. Как истинный петербуржец, академик Лихачев трудился над историей культуры родного города, над популяризацией в мире его нынешнего облика. Он добивался возвращения несправедливо забытых или замалчиваемых имен.

Так что же означает культура для нас? Какова ее роль в нашей жизни? Ответы на эти и многие другие вопросы я попыталась найти в работах Д. С. Лихачева.

В повседневной жизни о культуре часто говорят тогда, когда имеют в виду обычную воспитанность, бытовую этику. При таком обыденном понимании разговор о культуре ограничивается рамками культуры поведения. Узость подобного подхода очевидна, и значит, житейского понимания культуры для

выявления ее сущности недостаточно. Нужен подход серьезный, философский.

Еще в 1964 г. американские исследователи А. Кребер и К. Клакхон собрали 257 определений культуры; известно еще более 100 попыток определить это понятие описательно. С тех пор эти цифры только росли. Недостатка в определениях нет и в отечественной философии культуры. Уже это ярко свидетельствует о том, сколь сложен данный феномен.

Общество и культура — два неразделимых понятия. «Общество не выносит культурного вакуума. <...> Культура естественна для человека: в ней потребность», — говорил Дмитрий Сергеевич. Именно поэтому я могу с уверенностью сказать, что культура — это человеческое в людях, это степень, мера формирования, развития и реализации социальных (сущностных) сил человека в его многообразной общественной деятельности. Именно культура отличает человека от всех остальных живых существ. Культура — это совокупность всего того, что делает человека человеком.

Культура, по моему мнению, является одной из основных характеристик общества. Ведь, если мы хотим получить представление о каком-либо городе, мы знакомимся, прежде всего, с его лучшими зданиями, площадями, памятниками, улицами,

¹ Учащаяся 11-го класса школы № 550 Санкт-Петербурга, победитель II Всероссийского конкурса творческих работ старшеклассников «Идеи Д. С. Лихачева и современность».

² Учащаяся 10-го класса Политехнической гимназии (Нижний Тагил), занявшая 2-е место на II Всероссийском конкурсе творческих работ старшеклассников «Идеи Д. С. Лихачева и современность».

лучшими видами, городскими ландшафтами, то есть с его культурой. В основном, я думаю, мир культуры решает две противоположные задачи: поддержание статичности общества благодаря сохранению и воспроизведению традиции и обеспечение его динамики благодаря творческим инновациям. Для этого культура создает в себе сложные многоуровневые системы, позволяющие снимать противоречия индивидуума и общества, старого и нового, своего и чужого, нормативного и ситуативного. В этом отношении культуру можно определить как информационную сверхсистему, которая обеспечивает обратную связь со средой.

Проанализировав мнения многих людей по поводу того, что же есть в нашей жизни культура,

я сформулировала для себя наиболее общее определение культуры. Для меня культура — это сложное и многоплановое явление, которое отнюдь не сводится только к этике, искусству или гуманитарным знаниям. Созданная человеком и потому неприродная, она включает и отношение человека к природе (культура экологическая), и его отношение к себе самому как к природному телу (культура физическая) и отношение к себе же, но как к явлению социальному (культура экономическая и политическая). Хочу закончить свое выступление словами Д. С. Лихачева: «Культура — это огромное целостное явление, которое делает людей, населяющих определенное пространство, из просто населения — народом, нацией».

А. А. Ильина¹

ИНДООЕРОПЕЙСКОЕ НАСЛЕДИЕ И ВЛИЯНИЕ ИРАНОЯЗЫЧНОГО ОКРУЖЕНИЯ НА ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

Среди существующих в настоящее время концепций и подходов к истории, пожалуй, самым «невостребованным», на мой взгляд, остается культурологический. В связи с этим особенный интерес представляет авторская концепция истории академика Дмитрия Сергеевича Лихачева. Историзм Лихачева не только многопланов. С одной стороны, можно говорить о нем на уровне осмысления ученым различных явлений жизни. С другой — его работы содержат достаточно материала для понимания общих закономерностей исторических процессов. Рассматривая Россию в мощном потоке мирового процесса развития цивилизаций, Дмитрий Сергеевич неизменно отрицает любую попытку говорить о русско-славянской исключительности. Государство Русь и его окружение с самого начала были многонациональными. Отсюда характерная черта русской культуры, проходящая от ее истоков через всю тысячелетнюю историю, — вселенскость, универсализм. Академик Лихачев говорил: «Сила России всегда была в том, что она всегда гордилась своей многонародностью». В основе работы — опора на взгляды Д. С. Лихачева на развитие русской культуры.

Избранная мной тема работы привлекательна, прежде всего, тем, что предоставилась возможность на междисциплинарном уровне (история плюс филология) попытаться рассмотреть один из аспектов ранней истории жизни наших предков — славян и даже праславян. Этим аспектом является формирование языковой среды восточнославянской этнической общности.

Актуальность проблематики связана с тем, что социокультурная толерантность сегодня важна для нашего общества как никогда. А путь к ней — в осознании многообразия этнических компонентов славянства и составляющих русской культуросферы.

Целью своей творческой работы я определила исследование иранского влияния на культуру восточных славян.

Задачи работы: рассмотреть некоторые индоевропейские корни славянской языковой знаково-символической системы; выделить аспекты влияния на культуру восточных славян их ираноязычного окружения.

Методом работы стал сравнительный анализ доступного материала.

Рассмотрев доступные источники и литературу, можно прийти к некоторым выводам относительно раннего периода культуры восточных славян:

— культура восточных славян стала результатом синтеза культур различных этнических элементов, встречавшихся на Восточно-Европейской равнине;

— влияние иранского элемента усилило индоевропейское наследие праславян;

— с VI по IX в. славянская культура пережила несколько этапов развития;

— находясь на окраине европейской цивилизации (лимитрофное положение), разные части восточнославянской общности испытывали неодинаковое воздействие со стороны соседей;

— южная окраина восточнославянского мира представляла собой сплав иранского и славянского этносов, а также сплав их культур, что отразилось в погребальных обрядах, материальной культуре (артефактах);

— переселенческие потоки славян из междуречья Одера и Вислы на Русскую равнину шли по разным направлениям;

— в антропологическом и культурном планах северный поток переселенцев испытал значительное воздействие финно-угорского и балтского элементов;

— наличие признаков синтеза культур свидетельствует о преимущественно мирной ассимиляции автохтонного населения пришлыми славянами.

Прошлое не уходит бесследно, не «заменяется» настоящим, а продолжается в нем, лишь трансформируясь, обновляясь, принимая другие облики. Так и индоевропейское наследие, и иранское влияние продолжали и продолжают жить в фольклоре,

¹ Учащаяся 10-го класса лицея (Вольск), занявшая 2-е место на II Всероссийском конкурсе творческих работ старшеклассников «Идеи Д. С. Лихачева и современность».

элементах изобразительного искусства, в знаково-ассоциативных единицах русского языка.

Россия была, есть и будет местом встречи восточной и западной цивилизаций, восточной и западной

культур, местом, где эти цивилизации дополняют и обогащают друг друга. Россия — пример тысячелетнего добрососедского сосуществования этносов и народов.

А. Э. Яковлев¹

ТО, БЕЗ ЧЕГО НЕВОЗМОЖНА ДОСТОЙНАЯ БУДУЩНОСТЬ (О сложном положении русских, русской культуры и русского языка в Прибалтике в начале XXI в.)

Положение русской культуры нельзя отделять от проблем русскоязычного населения, проживающего в Прибалтике, или, точнее, людей, относящих себя к русской культуре. Теоретически «русофобии» в Прибалтике нет.

В статье Дмитрия Кондрашова «Индекс практической русофобии»² достаточно подробно написано о том, как теоретически «там очень любят “иностранцев”, особенно русских», «как хорошо живется русскоязычным национальным меньшинствам под сенью прибалтийских демократий» и как государство защищает их права согласно установленным в Евросоюзе стандартам. Автор пишет: «Вам отрапортуют, какие огромные средства ежегодно осваиваются различными фондами и “некоммерческими” организациями с целью просветления русских до цивилизованного состояния, в котором они неизменно станут патриотами прибалтийских государств. Если вы чиновник из Евросоюза, то вам дополнительно расскажут об усилиях, направленных на то, чтобы “освободить наших русских” от когтей российской пропаганды». Естественно, в такой ситуации говорить о наличии какой-либо русофобии в Эстонии, равно как в Латвии и Литве, просто неприлично. К тому же и отчетность, предоставляемая в надзорные органы Евросоюза, в порядке.

Между тем отчеты и заверения о благом сосуществовании разных языковых общин в прибалтийских странах не совсем соответствуют действительности. О том, что теория расходится с практикой, свидетельствуют факты, которые иногда освещаются в печати.

Самый, пожалуй, громкий и вопиющий за последнее время — это перенос Бронзового солдата в Эстонии. Но здесь нельзя не вспомнить спокойный, негромкий снос памятника генералу Ивану Даниловичу Черняховскому, погибшему за три месяца до Победы. Памятник по просьбе правительства Литвы был установлен в центре столицы в память о молодом генерале, под командованием которого был освобожден Вильнюс, отдавшем свою жизнь за освобождение от коричневой чумы не только Литвы. Памятник готовились распилить и переплавить... К счастью, получилось по-другому. Скульптуру упаковали в ящик и под видом вывозимого вооружения доставили в Воронеж, где он обрел вто-

рое рождение — спасение. На пустом перекопанном месте построили огромный подземный гараж.

Нельзя не вспомнить и перенос памятника А. С. Пушкину. Всемирно известный, великий поэт, по мнению властей, для Литвы «ничего не сделал».

Издавательски выглядит площадь им. академика А. Д. Сахарова, появившаяся в эпоху демократии и свободы и превращенная в стоянку для автомобилей.

Это ли не пренебрежение к собственной истории, прошлой и настоящей? Может быть, это и есть показатель цивилизованного общества, к которому себя относят представители коренной национальности. И именно к такому «цивилизованному» состоянию хотят привести всех остальных. Но кто с этим согласится?

Дискриминация в Эстонии, Латвии и Литве есть. Демократия подразумевает равенство прав и возможностей, важным аспектом реализации которых является не только их декларирование, но и возможность отдельного индивида воспользоваться ими. Геноцид, основанный на этническом принципе, называют этноцидом. А какая жизнь без родного языка? Молчаливое существование.

Различные исследования свидетельствуют о том, что с 1990 г. нетерпимость к национальным меньшинствам в странах Прибалтики постоянно растет. И самая главная причина кроется в том, что в этих государствах пытаются целиком и полностью ассимилировать, а не интегрировать национальные меньшинства, таким образом уничтожив или сведя на нет их родной русский язык и культуру.

Языковые требования — вот главное оружие ассимиляции. В прошлом месяце в Сейм Литвы передан проект дополнений к Закону об образовании. В нем предлагается оставить преподавание в национальных школах лишь 30 % предметов на родном языке. А это значит, что в русских школах, помимо того, что в искаженном виде преподается общая для наших народов история, практически изживается русский язык, ущемляются права русскоязычного населения, нарушается Конституция. А ведь равные права — не это ли показатель демократичности общества? Разве неизвестно, что невозможно развивать свою культуру за счет уничтожения другой? Об этом, наверное, просто забыли? Мы видим полнейшее освобождение не только от своей истории, рядом живущих соседей, общечеловеческих ценностей, нравственности, но и от собственной памяти. Что же тогда останется людям?

В Литве быстрыми темпами сокращается и количество школ с русским языком обучения. Если в 1996 г.

¹ Учащийся 10-го класса средней общеобразовательной школы (Вильнюс, Литовская Республика), занявший 3-е место на II Всероссийском конкурсе творческих работ старшеклассников «Идеи Д. С. Лихачева и современность».

² Росбалт, 23.04.2008 // <http://www.rosbalt.ru/2008/04/23/477202.html>.

насчитывалось 85 русских школ, то в 2006-м — всего 44. Закрытие школ продолжается. Еще более быстрыми темпами уменьшается количество учеников. Если в 1996 г. их было 52 тыс., то в 2006-м — немногим более 20 тыс. В Кедайняе, Паневежисе русских школ вообще больше нет. Как национальности не бывает без языка, так и не может быть сохранен язык без национальной школы. А программа интеграции предусматривает уже до 2015 г. сведение всего русского образования до уровня субботних и воскресных школ.

А ведь русский язык имеет величайшую ценность — это еще и язык межнационального общения всех народов, населявших Россию во все времена. Русская культура — носитель духовности, проводник высокой культуры. Д. С. Лихачев в своих работах писал о том, что «национальная замкнутость неизбежно ведет к обеднению, вырождению культуры, к гибели ее индивидуальности». Литва готовится к проведению в 2009 г. объявленного мероприятия «Вильнюс — культурная столица Ев-

ропы». Но помнят ли организаторы о том, что «для осуществления и развития настоящей культуры в обществе должна наличествовать высокая культурная осведомленность, более того — культурная среда, среда, владеющая не только национальными культурными ценностями, но и ценностями, принадлежащими всему человечеству»? Д. С. Лихачев неоднократно напоминал о том, что «культура не имеет границ и обогащается от общения с другими культурами».

Многие «злопыхатели» — сегодняшние правители на территории и бывших советских республик, и ряда других стран так и не могут разгадать загадки России: «Как под одной крышей мирно живут представители различных культур и этносов, не только не испытывая вражды, но и органично переплетая и дополняя друг друга, развивая свои культуры». И пока они вместе и дружны — они сильны и неуязвимы. Надо только помнить, что мы — одно человечество, каждый со своим национальным лицом. Жизнь и история у нас одна на всех — *общая*.

Н. М. Ломаченкова¹

ЯЗЫК — ОДНО ИЗ ГЛАВНЫХ ПРОЯВЛЕНИЙ КУЛЬТУРЫ (Русский язык и русская культура в Литовской Республике)

В нашей повседневной жизни язык — всего лишь средство достижения какой-либо цели, привычная система речевых навыков. Поэтому обычно мы его «не замечаем». Однако трудно даже представить, что стало бы, если язык по каким-то причинам вдруг перестал существовать? Общение между людьми, выражение мыслей и чувств, наконец, существование культуры, да и самого общества едва ли было бы возможным.

У Д. С. Лихачева, который известен во всем мире как выдающийся ученый в области литературоведения, истории русской и мировой культуры, есть статьи «Русская культура» и «Культура как целостная среда», и мне хочется поделиться своими мыслями о них. Эти работы написаны простым, доступным языком, для людей всех поколений и профессий, мудрым человеком с огромным жизненным опытом, пережившим несколько эпох, настоящим патриотом. Я думаю, неслучайно 2006-й был объявлен Годом Д. С. Лихачева. Вспоминая на уроках русского языка его «письма о добром», мы, школьники, начинающие свой жизненный путь, делали выводы из его мыслей о том, как нам жить и что делать в непростых ситуациях. Приводили примеры из нашей жизни и проводили параллели с рекомендациями Д. С. Лихачева. Все единодушно согласились, что необходимо следовать им, если мы хотим учиться и работать в культурном, цивилизованном обществе, развиваться дальше.

С раннего детства до глубокой старости вся жизнь человека неразрывно связана с языком. Современный человек многое узнает из книг и летописей, дошедших от предков, которые жили задолго

до его рождения. В свою очередь, сам он имеет возможность поделиться опытом с потомками, которые будут жить много лет спустя после его кончины. И все это благодаря языку. Все, что люди совершают человеческого, совершается при помощи языка. Без него ни один из нас не способен трудиться совместно с другими, не может ни на шаг двинуть вперед науку, технику, искусство, жизнь.

Из всех орудий труда язык — самое удивительное и сложное. Каждое орудие приносит наивысшую пользу в руках того, кто его как можно лучше изучил, кто им владеет как мастер. Язык — одно из самых великих творений человечества. Это важнейшее средство общения, тонкий и гибкий инструмент, с помощью которого формируется и выражается человеческая мысль.

Исчезновение культуры, языка и нравственности ведет к унижению и уничтожению человеческого достоинства. Вот и вынуждены люди искать на Земле место, где к ним будут относиться с уважением. Недаром 500 тыс. жителей Литвы при первой возможности выехали за рубеж в поисках лучшей жизни. В книге современного российского писателя Анатолия Гладилина «Жулики, добро пожаловать в Париж!» есть пророческое предупреждение: «Людей, по вине которых Европа наводнена эмигрантами, когда-нибудь будут судить так же, как судили фашистов на Нюрнбергском процессе».

Следует помнить: без достоинства нации нет и государства. Поэтому надо как можно быстрее прислушаться к призывам умных, болеющих за судьбы народов, великих людей, таких как академики Д. С. Лихачев, А. Д. Сахаров, А. И. Солженицын, обратиться к вопросам сохранения культуры, языка, нравственности. Без них наше достойное будущее невозможно. Нам просто необходимо помнить о том,

¹ Учащаяся 11-го класса гимназии «Ювентос» (Вильнюс, Литовская Республика), призер I республиканского конкурса творческих работ старшеклассников Литвы «Идеи Д. С. Лихачева: мои корни».

кем мы являемся, и не сворачивать с того пути, на который мы встали при рождении. Мы одна раса — человеческая.

Сегодня время мое и моих сверстников. Время, когда в жизни происходят самые важные события и встречи, определяющие жизненный путь и закладывающие в душу и сердце правильные установки. В этом году в русских школах Литвы мы впервые провели мероприятия, посвященные памяти Дмитрия Сергеевича Лихачева. Это было знакомство с трудами академика, оставленными им в наследство

всем живущим. Думаю, что его мысли, обращенные к читателям, будут способны вернуть нас к истокам нашей национальной истории и культуры. Если мы будем помнить, что история человечества — это прежде всего история культуры народов, то никто и никогда не сможет лишить нас своей русской культуры и языка, в том числе здесь, за рубежом. Культура и язык — условие продолжения осмысленной жизни, человеческой истории, дальнейшего развития человечества. И есть силы надеяться и верить, что обозримое будущее — в наших руках.

Т. С. Вологина¹

ЖИВИ НЕ НАПОКАЗ

2006-й был объявлен Годом Дмитрия Сергеевича Лихачева, великого гуманиста, пропагандиста культурных ценностей, ученого...

Понимая, что самому Дмитрию Сергеевичу, в силу его скромности и интеллигентности, могло бы не понравиться пафосное обращение к его имени, я хочу произносить его по-своему.

Для меня Дмитрий Сергеевич Лихачев, прежде всего, добрейшей души Человек, умный Собеседник, Друг и Наставник. Мне посчастливилось ощутить свою причастность к «новому» знакомству с человеком высокой культуры, человеком непростого XX в.

О Лихачеве заговорили! И это тоже показатель. Человечество начинает просыпаться после длительной «спячки»: «...телевидение пропагандирует не культуру, а антикультуру. Но оно в состоянии возбудить интерес к книгам и подлинному искусству... Нужно только уметь организовать программы... И люди начнут читать классику и слушать настоящую музыку».

Приведенная мною цитата — из интервью, данного Дмитрием Сергеевичем в его рабочем кабинете в Пушкинском Доме в 1998 г. Хочется воскликнуть: «Как злободневно! Как медленно мы раскачиваемся, будто и не предупреждены, будто это напутствие и не нам!»

На уроках литературы, внеклассных мероприятиях, посвященных творчеству Д. С. Лихачева, я узнала много интересного об этом Человеке. И уже не могла не перечитать его «Раздумья», «Слово о полку Игореве» (серия «Литературные памятники» с переводом Д. С. Лихачева), «Земля родная», его очерки и статьи, интервью и снова книги: «Письма о добром и прекрасном» (именно они стали для меня «сборником мудрости», именно они учат меня тому, что «жизнь не должна рассыпаться на мелочи», «в жизни ценнее всего доброта, умная, целенаправленная»). В этом учебном году в нашей школьной библиотеке появился изумительный сборник «Заветное». Он представляет собой собрание коротких эссе, философских стихотворений в прозе, размышлений и отдельных записей академика Д. С. Лихачева. В предисловии Даниила Гранина, писателя, Героя Социалистического Труда, сборник «Заветное» назван «пособием для души».

Я снова и снова задаю себе вопросы: «Почему я выбираю книги Лихачева? Чем они меня привлекают?»

Прочитав вступительную статью Д. Гранина «Заветное для ума и сердца», я нашла ответ: «...читать его книги — наслаждение: так ярко, просто, увлекательно они написаны».

Когда же мне в руки попал посвященный 100-летию Д. С. Лихачева сборник «Д. С. Лихачев — университетские встречи. 16 текстов», изданный под редакцией А. С. Запесоцкого, ректора СПбГУП, я буквально растворилась в нем. Напутствие, сказанное негромким голосом (а я именно так представляю себе Дмитрия Сергеевича): «...спешите учиться, спешите получить образование... в молодости не только иностранные языки легче учатся, чем в старости или даже в среднем возрасте, но и всякую науку можно в молодости легче одолеть и усвоить...», не услышать невозможно, потому что оно обозначает цели человеческой жизни вообще. Мы включаем канал «Культура» — и вдруг замолкаем. Интеллигентнейший человек «смотрит» на нас, «разговаривает» с нами, настойчиво призывает, воспитывает своей речью, своим неповторимым тембром голоса, поворотом головы, взглядом, манерой держаться...

Дмитрий Сергеевич постоянно заставляет открывать мир заново и испытывать невероятную радость от прикосновения к его «заветным» словам; заставляет задумываться.

«Самая большая ценность в мире — жизнь...» Я неслучайно взяла именно эту тему. Меня волнуют вопросы: в чем смысл жизни, к чему стремиться, для чего я живу? Вечные вопросы. Наверное, нет такого человека, который бы никогда не спрашивал себя, зачем он живет. Это один из самых глубоких вопросов, призывающих размышлять о главном в жизни. У Лихачева все понятно: «Жизнь — это прежде всего дыхание. “Душа”, “дух”! А умер — прежде всего — перестал дышать. Так думали стари. “Дух вон!” — это значит “умер”». А чтобы не было «душно» в нравственной жизни, это опять же зависит от человека: умеет ли он избавляться от суеты, от всего того, что «давит душу».

Я же уверена в том, что жизнь человеку дается как великий дар, но при этом ему не открывается таинственная причина его существования, не объясняется, почему и для чего он живет.

¹ Учащаяся 11-го класса школы № 1 (пос. Маслянино, Новосибирская обл.), занявшая 3-е место на II Всероссийском конкурсе творческих работ старшеклассников «Идеи Д. С. Лихачева и современность».

С. Куншина¹**ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ СПАССКОГО СОБОРА ГОРОДА КИРОВА**

Дмитрий Сергеевич Лихачев писал, что «...человеческие ценности, заключенные в культуре, должны быть как можно более многообразными и охватывать собой самый широкий круг достижений человечества. Чем больше культура вбирает в себя, тем больше она отдает». До революции на территории нашего города находилось около 60 различных культовых построек — выдающихся, праздничных (неслучайно старые часовенки и церкви до сих пор «величают» украшениями). Осталось 20 так называемых домовых храмов, церквей, то есть обычных зданий с алтарными пристроями; сохранились те, которые можно было демонтировать без лишних затрат, приспособить под гражданские цели. С этой точки зрения типична судьба Спасского собора.

Почти 400 лет назад на месте нынешнего Спасского собора стояла деревянная церковь. Она находилась на окраине Хлынова, и ее приход состоял из посадских людей. На паперти над входом висела икона Спаса Нерукотворного. Благодаря этой чудесной иконе наш храм «породнился» с главной башней Московского Кремля.

В московском храме икона находилась 300 лет, не раз помогая приходящим к ней с молитвой. Она пережила вместе со столицей наполеоновское нашествие и другие беды, но после событий 1917 г. бесследно исчезла драгоценная святыня земли русской.

Во время красного террора были практически разрушены основы, на которых держалось общество. Одной из жертв стала религия. Попытались задушить веру наших дедов и прадедов, заменив ее красными флагами и уголками, алкоголем и веселыми песнями, не забывая при этом снести колокольню или низвергнуть крест. В чем причина всеобщего одичания и разрухи?

Сегодня, когда общество переживает духовно-нравственный кризис, необходимо обратиться к истокам духовной культуры, поэтому для исследовательской работы я выбрала тему «История и современность Спасского собора». Ознакомившись с материалами на данную тему, я поставила перед собой задачу: отразить события истории России на примере православного храма. Цель моей работы — по возможности исследовать духовную жизнь наших предков, каким гонениям они подвергались, как храм влиял на жизнь общества и каждого человека.

Церковь — это часть культуры русского народа. Испокоин веков русские люди строили свою жизнь по христианским заповедям. Вера поддерживала в человеке все хорошее, светлое. Церковь прививала ему нравственные начала. После революции пришла новая власть, и вера в Бога была надломлена. Но оторвать веру от людей невозможно, народ возвращается к религии. Люди тянутся к высокому, светлому и чистому, а именно таким является Божий храм.

Храмы строились приходами, общинами, на мирские копейки. Способны ли мы, сегодняшние, собраться и в добром согласии на свои кровные воссоздать падающие, разрушенные храмы? Возродить — и содержать их, что многократно сложнее и дороже. Но главное даже не в восстановлении в прежнем виде материального, видимого благолепия храма, главное — в собрании нового прихода и клира, в непрерывности литургической жизни, в возрождении храмовых традиций, таких как почитание образа Спасителя и крестных ходов. На это должны быть направлены основные усилия прихожан. Верится, что в возобновлении церквей и служб начнет восстанавливаться наша духовность. Ведь без прошлого нет будущего.

А. А. Тарабанова²**«УМОМ РОССИЮ НЕ ПОНЯТЬ...»****(Отражение «странностей» русской души в некоторых лексических единицах русского языка)**

Работы Дмитрия Сергеевича Лихачева имеют непреходящее значение для возрождения самосознания русского народа: это та точка опоры, которую так безуспешно пытаются отыскать современные политические лидеры: «Россия — великая страна. Великая не своими территориями, не военной славой... а прежде всего своей тысячелетней культурой...»

Именно благодаря твердой убежденности в исключительности русского народа, пронизывающей

строки работ ученого, я попыталась осознать особенности русского менталитета, «загадки» русской души. И именно язык, как носитель особенностей национального мироощущения, является зеркалом, в котором отражены слабости и достоинства народа.

Цель работы — по возможности подвести реальную языковую почву под рассуждения Дмитрия Сергеевича Лихачева о необычности русской ментальности, высказанные им в книге «Заметки о русском».

Лексика народа, отличающегося противоречивым мировосприятием, будет во многом отражать именно эту двойственность. Разумеется, не все лексические единицы в полном объеме несут информацию об особенностях русского видения мира. В многообразной и многоплановой лексике русского

¹ Учащаяся 10-го класса школы № 51 (Киров, Кировская обл.), занявшая 3-е место на II Всероссийском конкурсе творческих работ старшеклассников «Идеи Д. С. Лихачева и современность».

² Учащаяся 10-го класса гимназии № 1 (Мончегорск, Мурманская обл.), занявшая 3-е место на II Всероссийском конкурсе творческих работ старшеклассников «Идеи Д. С. Лихачева и современность».

народа существует специфическая группа единиц, отражающая особенности представления русских об окружающем мире. Частичный семантический анализ позволил нам выделить четыре сферы таких слов.

Первая группа — слова, соответствующие определенным аспектам универсальных философских понятий. В русском языке это такие лексические пары, как: *правда-истина, долг-обязанность, свобода-воля, добро-благо*.

В работе проведен сопоставительный анализ русских лексем с западноевропейскими, доказывающий уникальность русских понятий, которые отражают противоречивость национального менталитета.

Вторая группа, играющая существенную роль в русской языковой картине мира, включает слова, соответствующие понятиям, известным и в других культурах, но особо значимым именно для русской

культуры и русского сознания: «судьба», «душа», «жалость» и др.

Третий важный класс слов, отражающий особенности русской ментальности, — слова, соответствующие уникальным русским понятиям: «тоска», «удаль» и др.

Четвертый пласт русской лексики, который, на наш взгляд, характеризует особенности русской ментальности, — это слова, названные А. В. Щербой «мелкими словами», то есть модальные слова, междометия и частицы.

Закончить свою работу мне хотелось бы мыслью Дмитрия Сергеевича Лихачева, высказанной им в работе «Избранные труды по русской и мировой культуре»: «Выявление национальных особенностей характера, знание их, размышления над историческими обстоятельствами, способствовавшими их созданию, помогают нам понять другие народы».

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аврутин Ю. Е. 256
Агошков А. В. 181
Адишев В. И. 344
Акаев А. А. 41, 183
Александрова В. Г. 454
Алексиевич С. А. 202
Алиева Б. Ш. 149
Альтаф В. 114
Амплеева Е. Е. 257
Андреева Г. М. 119
Апивян Т. А. 349
Артаковский С. Н. 468
Артеменко О. И. 459
Асян А. А. 366, 370, 380, 387
Астахов Е. М. 240, 242, 245, 247, 248, 250, 255
Афанасев В. В. 446
Афоничкина Н. В. 258
Балашова Ю. Б. 323, 329, 334
Бальсевич В. К. 469
Барышников М. Н. 351
Бачинин В. А. 260
Беловинский Л. В. 217
Бехруз Х. 244, 245
Бирженюк Г. М. 180
Богачев В. Ф. 304
Богомоллов О. Т. 44, 281, 289, 292, 297, 300, 303
Богустов А. А. 261
Болотина Е. В. 263
Большаков А. С. 305
Большаков В. Н. 131
Большаков В. П. 352
Бондаревская Е. В. 405, 470
Борзова Е. П. 325
Борисенков В. П. 115, 130
Буровский А. М. 353
Бусыгин А. Е. 37
Бюль-Бюль оглы П. 49
Бычков И. Г. 312
Вайль П. Л. 327, 328
Валлерстайн И. 32, 113
Вахрушев В. С. 219
Верховцева А. В. 465
Викторенкова С. В. 445
Волков Г. Н. 418
Вологина Т. С. 486
Воробьев В. К. 306
Вульфсон Б. Л. 425
Галицких Е. О. 426
Гат А. 90
Гендин Г. М. 428
Герра Р. 41, 95
Глаголев В. С. 250, 251, 252, 254
Голод С. И. 132
Гомбоева Л. В. 471
Горбунова Т. В. 355
Горшкова В. В. 134
Гранин Д. 57
Григорьева Л. Д. 56, 482
Гукаленко О. В. 422
Гульцев А. В. 319, 325
Гуркин А. Б. 356
Гусаков М. А. 307
Гусейнов А. А. 33, 62, 157, 161, 162, 180
Давидюк Е. П. 311
Давидюк С. Ф. 311
Давыдов А. Ю. 429
Давыдов М. А. 197
Давыдов Ю. С. 395
Данилова Ю. А. 472
Дарибазарон Э. Ч. 471
Дерлугьян Г. 93, 110
Джуринский А. Н. 411, 473
Дианова В. М. 176, 177, 178
Динес В. А. 431
Дмитриенко В. А. 136
Долганова О. В. 467
Доровских Е. М. 243, 254, 255
Драч О. А. 200
Дубровина И. В. 474
Дудко И. Г. 250, 255, 256
Дунаев В. Ю. 432
Дуткевич П. 77, 104
Екеева Э. В. 475
Еремеев Б. А. 433
Ермак Н. А. 456
Ермолин Е. А. 171
Ерошин В. И. 476
Ерыкалова И. Е. 388
Есипов В. В. 368, 370
Ефимов М. В. 332, 333
Ефимова Т. В. 358
Желтов В. Г. 333
Запесоцкий А. С. 24, 26, 30, 31, 32, 33, 35, 37, 38, 39, 41, 44, 46, 48, 49, 51, 52, 54, 55, 56, 57, 99, 325
Зборовский Г. Е. 399
Зимняя И. А. 398
Зинченко Ю. П. 435
Зобнин Ю. В. 374, 380, 394
Золин П. М. 136
Золотухин В. А. 136
Зябкин А. И. 265
Иванова С. Ю. 125, 126
Ивашинцов Д. А. 137
Измайлов А. Ф. 204
Иконникова С. Н. 185
Илизаров Б. С. 221
Ильина А. А. 483
Ильичев А. В. 371
Инюшкин Н. М. 205, 206
Исупов К. Г. 339, 341
Казакова Е. И. 457
Казакова Н. Н. 138
Казаренкова Т. Б. 438
Кайсаров Е. А. 336, 346
Калужская М. В. 464
Капур Д. Ч. 52, 109
Капустина М. А. 266
Карпова Н. К. 439
Кефели И. Ф. 186
Кирабаев Н. С. 440
Климова С. М. 375, 377, 394
Ковалев С. Н. 223
Козлов В. П. 51, 194, 209, 210
Кокорев Е. М. 141
Колесников В. А. 461
Колышницына Н. В. 210
Кондратьева Н. Б. 161
Конев В. А. 116
Кошкарян В. 377, 380
Краевский В. В. 400
Круглова Л. К. 359
Крусс В. И. 244, 248, 250, 254
Кряжимский Ф. В. 131
Кувалдин В. Б. 160, 161
Кузин О. С. 319, 322, 325, 328, 331, 333, 334
Кузьмин М. Н. 459, 466
Куликов Л. В. 143
Куншина С. 487
Купцов В. И. 442
Курганская В. Д. 267
Кутырев В. А. 408
Лапаева В. В. 242, 243, 244, 245
Лашманова Н. В. 312
Лебедев О. Е. 449, 450, 452, 456, 458, 461, 462, 463, 464, 466, 467
Лебедева Л. Ф. 288, 289
Лебединский И. Л. 291
Лебина Н. Б. 226
Левковец С. В. 465, 466, 477
Лепский Ю. М. 202, 209
Лиманская Л. Ю. 381
Лиханов А. А. 48, 481
Лишаев С. А. 335, 336, 337
Ломаченкова Н. М. 485
Лубышева Л. И. 478
Лукин В. Н. 144
Лукьянов В. Г. 326
Майор Ф. 59
Мамонтов В. К. 157, 178, 179, 180
Мануилский М. А. 160
Маркарян Р. В. 103
Марков А. П. 159, 160
Маркова-Мурашова С. А. 268
Мартинович Г. А. 382, 385, 387
Мартынов В. Ф. 270
Межуев В. М. 158, 160, 170, 171, 176, 177
Мелик-Гайказян И. В. 319
Мельникова А. А. 187
Метлюк В. В. 314
Мироненко И. А. 145
Митрофанов К. Г. 467
Михайлов А. А. 202, 227
Михайлов В. И. 315
Морозова Е. Я. 316
Мотышина М. С. 294
Муджани А. 113
Муртазаева Г. Н. 248, 271
Мусакозди К. 80, 102, 112
Мусиенко Т. В. 146
Мустафаев Ш. 112
Мутья Н. Н. 361
Мухаметзянова Г. В. 412
Мухина В. С. 121, 123, 129
Назаретян А. П. 147
Наумкин В. В. 78, 104, 106, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 114
Нефедов С. А. 199
Никандров Н. Д. 31, 395, 398, 408, 425
Никитина И. П. 189
Никифорова И. А. 56
Новиков А. М. 402
Норкин Г. А. 303

- Нудненко Л. А. 242, 252, 254
Омаров О. А. 417
Орлицкий Ю. Б. 380, 385, 386, 387
Орлов А. А. 419
Ошхунов М. М. 243
Пакканен А. 129
Палагута И. В. 212
Панарин И. Н. 163, 179
Парыгин Б. Д. 122, 125, 128, 129, 148
Петито Ф. 74, 108
Петренко В. Ф. 168, 179
Петрова Е. А. 272
Пигров К. С. 335, 336, 337, 338, 340, 344, 346, 347
Пиотровский М. Б. 25
Погостинская Н. Н. 296
Полтерович В. М. 283, 289, 292, 294, 297, 300, 304
Померанцев В. М. 415
Пономарева З. Н. 370
Попов В. В. 69, 108
Портнов В. В. 127, 129
Пружинин Б. И. 158, 162, 171
Рабданов М. Х. 149
Рабинович В. Л. 55, 167, 176
Рар А. 207
Расторгуев В. Н. 154
Регуш Л. А. 150
Резник Ю. М. 124, 126
Резниченко Г. И. 273
Романова К. С. 152
Ромашов Р. А. 242, 243, 244, 246, 247, 248, 252, 255, 256
Русакова О. Ф. 323, 328
Русановский В. А. 431
Русинова М. В. 482
Рушанин В. Я. 443
Рыбкина М. В. 275
Рыжов Ю. А. 171
Рябых Г. 54, 88, 111
Рязанов Э. А. 31
Сампайю Ж. 27, 114
Сабов А. Д. 230
Савельева О. О. 324, 325, 333
Санкин Л. А. 39, 445
Саутов И. П. 337, 338
Селиванов В. В. 363
Сенько Ю. В. 451, 452, 454, 468
Сергеев М. И. 428
Сериков В. В. 415
Серкова В. А. 364
Сиднева Т. Б. 214
Силантьева М. В. 125
Силласте Г. Г. 301, 303, 304
Синдаловский Н. А. 336, 341, 344
Скатов Н. Н. 60
Скопицкая Т. А. 454, 465, 479
Смирнов А. В. 66, 129, 153
Смирнов Е. И. 446
Смирнов Н. Г. 131
Сукарнопутри М. 79
Сунягин Г. Ф. 336, 338, 340, 344
Такижбаева Н. З. 178
Тарабанова А. А. 487
Томчин Г. А. 276
Тонконогая Е. П. 468
Тугутов А. И. 235
Тунтеев Н. С. 236
Турысбек Р. С. 380
Уайт С. 72, 106
Угрюмов В. Б. 322, 323, 328
Урицкая Р. Л. 215
Успенская А. В. 392, 394
Усьевлева Т. 458
Фатиев Н. И. 377, 387, 392
Федотова О. А. 321, 322
Фейгин Г. Ф. 297
Филатова А. И. 370, 391, 392
Фоняков И. О. 331
Фроловская М. Н. 462, 463
Хаиров Р. И. 92, 111
Харченкова Л. И. 190
Хотимская М. В. 463, 464
Хуторской А. В. 450, 452, 454, 463
Цирульников А. М. 455, 466
Черешнев В. А. 154
Черных В. А. 155
Чернявская Ю. В. 173
Честнов И. Л. 278
Чуров В. Е. 38, 197, 205, 206, 209, 210, 216
Шамсутдин Д. 109
Швиммер В. 39, 107
Шевченко О. Т. 251, 252
Шемшученко Ю. С. 48, 239, 248, 254, 255
Шнайдер Э. 75, 101
Шор Ю. М. 192
Шулепова Э. А. 237
Якобсон Л. И. 447
Яковенко А. В. 35, 99, 101, 102, 103, 104, 105, 107, 111, 114
Яковлев А. Э. 484
Якутин Ю. В. 293
Ярошецкий С. С. 320
Ясин Е. Г. 46

Оргкомитет Международных Лихачевских научных чтений
выражает благодарность Европейской Медиа группе в Санкт-Петербурге
за информационную поддержку Чтений.

Научное издание

ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ПАРТНЕРСТВО ЦИВИЛИЗАЦИЙ
VIII МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЛИХАЧЕВСКИЕ НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ
22–23 мая 2008 года

Выпускающий редактор *И. В. Петрова*
Редакторы: *В. Г. Даниленко, А. А. Санникова*
Дизайнер *В. Б. Клоков*
Технические редакторы: *Е. Ю. Николаева, И. В. Третьякова*
Корректоры: *Т. А. Кошелева, Т. В. Никифорова,*
О. В. Афанасьева, И. Н. Чугунова

Подписано в печать с оригинал-макета 00.09.08. Формат 60×90/8
Гарнитура SchoolBookC. Усл. печ. л. 66. Тираж 1000 экз. Заказ № 00

Издательство Санкт-Петербургского Гуманитарного
университета профсоюзов
192238, Санкт-Петербург, ул. Фучика, 15

Отпечатано в ГУП «Типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, В. О., 9-я линия, 12

ISBN 978-5-7621-0464-7

9 785762 104647